

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Том I

Материалы Всероссийского археологического съезда
(23–28 октября 2006 г., Новосибирск)

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*
академик *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2006

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Организация Всероссийского археологического съезда и издание материалов осуществлены при финансовой поддержке Президиума СО РАН, проектов РГНФ № 06-01-14044 и РФФИ № 06-06-85006.

Исследования выполнены в рамках программ Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосферы» и проекта Рособразования – РНП 2.2.1.1.2183.

С568 **Современные** проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. I. – 492 с.

ISBN 5-7803-0149-2

Материалы Всероссийского археологического съезда отражают широкий спектр исследований по актуальным проблемам современной археологии. Тематика докладов охватывает вопросы развития культурных традиций от палеолита до средневековья, взаимоотношений древних культур и природной среды, этногенеза народов Евразии, изучения первобытного искусства, теории, методики, историографии археологии, сохранения археологического наследия России.

Для археологов и специалистов смежных научных дисциплин.

ISBN 5-7803-0149-2

ББК Т 4(2)

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

АРХЕОЛОГИЯ МОСКВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Задача данной статьи – попытаться определить место, которое должна занять в ближайшем будущем археология Московского периода (то есть XV–XVII, расширительно – XIII–XVII в-в.) в истории культуры России. Эту эпоху долго считали финальной, завершающей и традиционно воспринимали как маргинальную область в той гигантской толще времени, которую изучает археология (отчасти потому, что негласная шкала ценностей отдает пальму первенства наиболее древним периодам)¹. Академическая археология занимает, в сущности, двойственную позицию в отношении этого периода. Его огромный в количественном отношении и поистине вездесущий (во всяком случае, для XVII в.) материал неизбежно попадает в поле зрения любого, кто ведет натурные исследования в России, и поток публикаций по «поздней» отрасли истории все нарастает. Авторитет этой области (которую можно, в европейских терминах, определить как позднюю историческую на стыке с индустриальной) придает и то, что она исправно снабжает свежей информацией (особенно сырым материалом, взятым в археологическом контексте) большой круг дисциплин, которые в остальном существуют самостоятельно, вне пространства археологии, – как вспомогательных исторических (нумизматика, сфрагистика, эпиграфика и др.), так и естественно-научных (историческая антропология, историческая экология и пр.).

Существенную роль в возрастании значения археологии московского периода играет такое внешнее, на первый взгляд, по отношению к науке обстоятельство, как политические изменения последних десятилетий XX в. Они заставили современную Россию обратить гораздо более пристальное внимание на собственные внутренние, структурные элементы, сформированные ходом исторического развития. Правда, историки русского общества обычно не заходят в поисках корней современной России глубже периода Империи, то есть XVIII–XIX в-в., но хорошо заметно общее возрастание интереса и к эпохе Московского царства, и более раннему, удельному периоду.

В археологии этот важный процесс пока мало осознан. Значение для нее московского периода, ее область интересов в нем, ее самостоятельные научные задачи, ее культурный (и, не в последнюю очередь, идеологический) ресурс до сих пор никем не сформулированы. Можно сказать, что эта сфера остается во многом недооцененной, особенно выходы из нее в области национальной культуры, русского искусства и истории. Легко заметить, что восприятие и степень оформленности археологии Московской Руси как самостоятельной отрасли науки до сих пор существенно отстают не только от средневековой археологии Западной Европы, где многочисленны специальные журналы и организации, исследующие исключительно это время (такие, как Лондонское Общество средневековой археологии, имеющее свой журнал «Medieval Archeology»), но и от археологии более позднего периода, также уже выработавшей свою систему научного представительства².

Более того. Как ни парадоксально, можно наблюдать случаи «вытеснения» археологии Московского государства за пределы области археологии как науки, в том числе – ее исчезновение из учебников для высшей школы (она отсутствует, например, в готовом к изданию курсе археологии для соответствующей кафедры исторического факультета МГУ; не нашлось ей места и в программе многоотомника «Археология СССР»). В то же время следует напомнить, что в работах русской археологической школы XIX–начала XX в-в. археология Московской Руси занимала одно из ведущих мест, которое сохранялось за ней до выхода в свет курса А.В. Арциховского, так же, как в научно-представительских изданиях 1950-х гг. (например: [По следам..., 1953, и др.]). Отчасти, впрочем, возникший было в 1950–1960-х гг. интерес связывался с празднованием 850-летия столицы государства и вскоре постепенно угас, не найдя продолжения. (Краткий обзор истории археологических исследований и публикаций по московской археологии см.: [Беляев, 1999].)

1

2 а

2 б

Рис. 1. Примеры раскритий архитектурных сооружений XVI–XVII в-в. при охранных работах в Москве за последнюю четверть века:

- 1 – Зачатьевский монастырь (Москва). Собор XVI–XIX вв. с пристройками. Раскопки 2004 года. Вид сверху с юго-востока;
 2 – Красная площадь (Москва). Остатки здания «раската» (торгово-репрезентативный комплекс XVII в.). Раскопки 1989 года. Вид с юга (а) и с севера (б). 3 – Коломенское (Москва). Нижняя часть южной стены Государева Двора XVII в. Раскопки 2005 года.

В последующие пол-века общую картину археологии Москвы тоже набрасывали *ad hoc*, в связи с изданием обзоров истории города (например, разделы по археологии для: [История Москвы..., 1997], написанные мною совместно с Н.А. Кренке и С.З. Черновым). Попыток осмыслить период формирования Московского государства как единый и археологически прослеживаемый процесс не предпринималось. Работа непосред-

3

ственно с материалом шла на эмпирическом уровне, а фундаментальные исследования ограничивались решением отдельных, пусть и крупных, проблем, таких, как археология монастырей [Беляев, 1994]; торговля [Колызин, 2001]; погребальный обряд (опубликованная кандидатская диссертация Т.Д. Пановой), и анализом основных видов артефактов (многочисленные работы по керамике московского периода Р.Л. Розенфельдта, С.З. Чернова, В.Ю. Коваля и др.; П.Г. Гайдукова, В.В. Зайцева и др. по средневековой монетной чеканке; мои работы по истории русского надгробия (задачей статьи не является историографическое обозрение работ по археологии Москвы, тем более, что за последние пол-века они очень многочисленны; назову лишь некоторые монографии и сборники по упомянутым темам: [Панова, 2004; Розенфельдт, 1968; Московская керамика..., 1991; Гайдуков, 1993; Гайдуков, 2006; Беляев, 1996]).

Накоплен также огромный материал по русской археологии послемонгольского периода по всей восточной части Евразии (в том числе на очень дальней периферии ее освоения, от Амура до Шпицбергена – см. ниже). Найти форму для его синтеза – насущнейшая задача. Конечно, невозможно поставить знак равенства между археологией послемонгольского периода восточной Евразии и археологией Московской Руси. Но следует признать, что первое органично входит в зону интересов второго, поскольку на протяжении очень незначительного (по меркам археологии – почти невидимого) временного промежутка этим двум понятиям суждено будет слиться. Процесс этого слияния, его пути и формы, а также результаты и усвоенные русской культурой особые ритмы, отраженные в материале археологии, и могут стать основой для структурирования даже столь обширного по объему и разнородного резервуара фактов, каким является область археологии России московского периода.

Расскажем подробнее о причинах, которые заставляют обратиться к осмыслению археологического материала по московскому периоду. Археологию Московской Руси можно считать областью «национальной археологии» России, ее, так сказать, *main stream*’ом просто в силу историко-географической последовательности: сегодняшняя территория России в общих чертах равна тому географическому пространству, которое занимали владения московских царей к концу XVII в.³, а существующее на этом пространстве государственное образование со всеми относящимися к нему структурными составляющими является прямым наследником Московского княжества. Это не всегда до конца осознается, поскольку «старомосковский» элемент в государственной идее, в национальном менталитете, традиционном бытовом укладе, жизнеустройении не столь очевиден и заслонен внешне эффектными трансформациями Нового и Новейшего времени. Потребность выяснить долю наследия, и особенно методов его участия в сложении современной России, – вторая важная причина внимания к археологии московского периода.

Третий аргумент в пользу особого значения его для российской археологии может прозвучать парадоксом: он состоит в сравнительной молодости русских как этноса и России как государства – с точки зрения науки о древностях, конечно⁴. Подавляющее большинство наших городов молоды и небогаты археологичес-

кими следами своей собственно, особо актуальной для современников, истории. Основная масса русских поселений Южной России, Среднего и Нижнего Поволжья, Сибири и Дальнего Востока основана не ранее конца XVII–XVIII вв. и в археологическом отношении больше напоминает поселения Нового Света и Австралии, чем древние города Средиземноморья или Китая. Даже города нашего исторического центра обладают прошлым только в пределах нашей же национальной истории; у них, как правило нет более древних предшественников. Как поселения городского типа, они обычно «однослойны», и в археологическом отношении их нельзя сопоставлять (как иногда делают) с центрами культурно и религиозно родственного нам Восточного Средиземноморья: современные улицы не перекрывают у нас древних руин. Материалы поздней истории зачастую являются здесь единственными и составляют самую крупную (в физическом измерении) часть археологического наследия России, представляя несомненную ценность⁵.

Активизация работы с ними дает хороший, осмысленный материал для местных музеев; для книг и журналов, развивающих национальную и локальную проблематику; для работы по воспитанию жителей в духе внимания к истории страны. Опыт показывает, что даже существование вблизи (или внутри) поздних городов памятников древнейшего времени как правило не вызывает столь живого интереса, как общение с материалом, оставленным недавним, но «национальным», «своим», отчасти знакомым прошлым, частое и тесное общение с которым служит установлению прочной связи народа со своими историческими корнями. В этом отношении современная «краеведческая» археология Нового света может послужить хорошей моделью⁶.

В заголовке этой статьи речь идет как будто не о всем Московском государстве, а только о его столице, но противоречие это кажущееся. Одно невозможно без другого, ведь Москва – известный эпоним России как государства. Ее значение в истории и культуре гораздо шире, чем черта *romaeium*'а (даже сегодняшнего). Подходя здесь к археологии одного города (топографической точки), следует постоянно иметь в виду более широкий горизонт – историю той «Москвы», которая долго оставалась в Европе и во многих странах Азии наименованием восточной части русского народа, (отчасти так и сейчас). Поэтому собственно – Москва служит нам здесь только отправной точкой: каждая из проблем ее археологии входит в гораздо более широкий контекст.

Впрочем, и в археологии Москвы в узком смысле слова (к ней с трудом применим термин «городская», поскольку город здесь изучается в совокупности с его сельской округой) за последнюю четверть XX в. произошли сдвиги, которые невозможно не заметить. Новым является буквально все начиная с формирования особых структур для охраны и изучения культурного слоя, а также размаха и степени организованности производства работ: достаточно сказать, что в городском правительстве возникла должность главного археолога (сегодня это А.Г. Векслер), отвечающая рангу заместителя министра. В десятках точек центра города вскрываются многие тысячи квадратных метров культурного слоя. Кадры, демонстрирующие эти раскопки, и такие названия проектов, как «Казанский собор», «Манеж-I» и «Манеж-II», «улица Ильинка» и «церковь У Старых Поль», исключительный по научным результатам «Романов двор», и древнейшие монастыри (Данилов, Высокопетровский, Богоявленский, в последние три года Зачатьевский) – стали, собственно, уже историей (см. о более ранних среди этих проектов: [Беляев, Векслер, 1996; Beliaev, Krenke, Veksler, 2003]). Дело, конечно, не в масштабах вскрытий (они часто скорее помеха, чем подспорье в научной работе). Но невозможно отрицать новые черты в методиках (хотя и здесь не все перемены к лучшему) и в подходах к интерпретации; в расширении сферы интересов археолога и в традиционной области, и в междисциплинарном сотрудничестве. Даже такие технические нововведения в методику, как использование металлодетекторов в сочетании с тотальным просеиванием или промыванием слоя, дали, в отношении культурного слоя Москвы, принципиально важные и неожиданные результаты – в частности, совершенно изменились наши представления о насыщенности слоя XV–XVII вв. мелкой монетой и, соответственно, представления о степени развитости денежного обращения в этот период, особенно его мелких номиналов, мало представленных вкладах.

Отметим, что в последнее время делаются серьезные попытки обобщить собираемый материал, осмыслить его своеобразие, но они пока лежат в плоскости реконструкции историко-культурного ландшафта, истории развития поселений и землевладения, при параллельном изучении ментальной фиксации исторического ландшафта в памяти и в восприятии ныне живущих в нем людей [Культура..., 2005]. В целом исследование исторического ландшафта, сравнительно новое и требующее участия многих исторических и естественнонаучных дисциплин, близко по вектору поставленных задач культурной антропологии и порождает подчас новые, синтетические, направления. Так, осознание роли, которую играет память об усопших в формировании картины мира, привело к необходимости изучать кладбища Нового времени, восходящие к московскому периоду истории, и к созданию нового направления – некрополистики⁷.

Задачи археологии Москвы, и в более широком смысле – Московской Руси, видятся в нескольких направлениях.

Первое – отслеживание и демонстрация своеобразия мира материальной культуры, и прежде всего тех причин, которые порождали ее особенности, тех путей, на которых они возникали. Метод для выявления этих

цивилизационных (вряд ли здесь стоит бояться этого громкого слова) особенностей традиционный – это археолого-источниковедческий и, вслед за ним, сравнительный анализ, сопровождаемый введением в поле археологии изобразительной и архитектурной иконографии, истории строительного производства, истории некоторых технологий и других историко-культурных дисциплин⁸. Источниковедческий аспект применяется не только для решения традиционных вопросов, например, при датировке памятников или оценке степени достоверности информации (хотя, конечно, предварительное уточнение датировок и типологические проработки с целью установления направления контактов, а также общий стилиевой анализ в широком историческом контексте необходимы⁹). Но вещеведение московской культуры позволяет рассмотреть весь предметный мир как сферу, в которой шла постоянная (хотя, конечно, и мало осознанная) работа по самовыражению целого народа, не менее важная для него, чем самовыражение в области церковного искусства или светского придворного быта.

Решение источниковедческо-аналитических задач позволяет выйти на уровень более сложных вопросов, таких, как выявление и описание характерных особенностей в механизме культурного развития Московского государства XV–XVII в-в., отраженных как в произведениях придворного, церковного, вообще городского ремесла и искусства центра страны, так и, прежде всего, в массовой продукции, способной обрисовать жизнь села и провинциального города. Существенным моментом в синтезировании выводов является подход к отбору привлекаемых источников, среди которых значительную часть составляет массовый археологический материал, включая керамику и весь круг составляющих кирпично-каменного строительства, большая часть которых обычно не рассматривается как необходимые или потенциально значимые для постановки культурно-исторических проблем.

Источниковедческое изучение целых областей артефактов (таких, как надгробные памятники); отдельных типов керамики (например, особых видов московской посуды: погребальных поливных елейниц, лощеных водолеев, расписных кумганов); деталей производства (например, в строительстве: развитие маркировки кирпича в XII–XVII вв.; археологически фиксируемые особенности разбивки плана здания); иконографических композиций в архитектуре (русско-итальянские центрические храмы первой половины XVI в.; планировка монастырей) и изобразительном искусстве (композиции, позволяющие судить о степени включенности древнерусской иконографии в восточно-христианскую и западно-христианскую системы традиций, например традицию паломничества) уже дает для этого значительные результаты. Изучение «художественного быта», введенное в рамки археологии, позволяет существенно откорректировать представления о развитии русского искусства XIII–XVII вв., существующие в области традиционного искусствознания. Первые результаты в этом направлении уже получены и опубликованы [Beliaev, 1998; Беляев, 2000; Беляев, 2005], и здесь мы о них только упомянем.

Рефлексия художественных процессов на основе типологического (а не стилиевого) анализа позволяет приходить к новым с точки зрения истории культуры выводам – например, таким, как строгая доказанность присутствия романских элементов в надгробных сооружениях (XIII–XV вв.) и каменных саркофагах (XV–XVI вв.) и классических ренессансных прототипов у представлявшихся до сих пор исключительно локальными орнаментов XVI–XVII вв.; как отражение в развитии производства керамики смены вкусов населения Москвы с «восточных» на «европейские» в конце XV в.; как черты европейской креативности в проекте собора Покрова на Рву и вероятный общий «ренессансный ориентализм» его решения; как особое развитие сакральной топографии Москвы.

Фактически, на материале Московской Руси уже предложена новая версия археолого-источниковедческого подхода к исследованию восприятия древнерусской средой инокультурных импульсов, уточняются формы и пути их проникновения, выделяются особенности механизма усвоения и трансформации (первичной и длительной), а также дальнейшей судьбы в рамках местного культурного развития. Появляется возможность решить старую проблему соотносимости векторов культурного развития Московской Руси (в их материальном и визуальном воплощении) с важнейшими этапами в культуре позднесредневековой Европы, позднейшего периода истории Византии и стран исламского Востока эпохи их расцвета. Именно в рамках археологии ставятся сейчас такие вопросы, как проблема прямого соучастия Руси в создании «больших стилей» («стиль 1200 года»; ориентализм в рамках кватроченто; придворно-государственная культура зрелого ренессанса и раннего барокко) и, в то же время, судить о степени изоляции Москвы от общего культурного развития в Европе, ставя тем самым вопрос о процессах конвергенции в древнерусской, позднесредневековой европейской и поздневизантийской культурах (или, наоборот, отказываясь от его постановки).

Вторая крупная область проблем археологии московского периода сродни тем задачам, которые ставила перед собой западная процессуальная археология. Это изучение формы развития московской культуры в хронологическом, географическом, политическом, социальном планах. В состав решения такой задачи входят, например, исследования воздействия на местные культуры включения их территорий в состав Московской Руси

или в зону ее культурного воздействия; отслеживание обмена не только товарами и дарами, но и населением. В последнее время начата работа по установлению соотносимости культуры московского периода с иными цивилизациями эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. Разрабатываются, например, темы, отражающие «овеществление» контактов Московского государства и его самодовлеющей православной культуры с миром Ислама в XIII–XVII в. [Беляев, Чернецов, 1999; Beliaev, Chernetsov, 1999].

Особую задачу представляет изучение методов и форм освоения русским населением природного пространства – то есть процессов продвижения и расселения, особенностей контактов с местными культурами. Путь ее решения давно сложился в самостоятельное направление, особенно развитое в Сибири, где целенаправленно исследуют памятники освоения края, городища (Ачинское, Надымское) и крепости городов (Томский и Новокузнецкий кремли), в Якутии [Алексеев, 1996] и на Дальнем Востоке (Албазинский острог и другие работы Амурской археологической экспедиции: [Артемьев, 2005]). Это касается и архипелага Шпицберген, где изучено более 50 становищ русских первопроходцев XVI–XVIII вв. и собрано более 15 тыс. артефактов этого времени (но, как справедливо замечено В.Ф. Старковым, на материке от Кольского полуострова до Урала до сих пор не раскопано ни одного памятника культуры поморов XVI и XVII вв.)¹⁰. Нельзя не согласиться, что именно археологическое исследование дало самую объективную, полную и яркую картину русского освоения огромной территории от Урала до Тихого океана, которую нельзя было создать на основе иных источников.

Вообще направлений процессуальной археологии, которые остро необходимо развивать применительно к московскому периоду, гораздо больше, чем обычно думают. Еще одно из них – «археология кризисов», связанных с внешними и внутренними политическими изменениями на Руси, с реформами, с экономическими и, наконец, природными катастрофами. До сих пор делались попытки (хотя и с переменным успехом) уловить археологическое отражение лишь некоторых из них – например, кризис монгольского завоевания в XIII в.¹¹, или такие локальные кризисы, как уничтожение Москвы регулярными пожарами. Изучение системного «медленного» упадка и, в более общем виде, реакции культуры на кризис начинает постепенно интересовать археологов. В последние десятилетия были, наконец, отмечены элементы деградации в быту древнерусских центров, входивших в состав Московского княжества в конце XV–XVI в. (изменение диеты в сторону уменьшения употребления мяса; смена кожаной обуви на лыковую, и др.), и напротив, собраны указания на перевод в Москву жителей подвластных городов (надгробия с упоминанием слова «веденец» в сочетании с указаниями на Смоленск, Ярославль и другие города; выделение в Москве зон распространения особых форм керамики и металлических изделий, свойственных скорее Северу Руси (Новгород, Тверь). Удастся фиксировать продвижение на вновь присоединяемые территории и типично московских видов артефактов, которые подавляют и замещают собой местную традицию (показательнейший пример – «движение» надгробной белокаменной плиты московского типа на запад, север и восток от центра, включающее процесс вытеснения тверского надгробия).

Прекрасные результаты археологического изучения событий, связанных с политико-экономическими кризисами, показали работы Н.А. Кренке на Романовом дворе (открытие придворного монетного двора, созданного специально для чеканки медной монеты при неудачной реформе денежного обращения XVII века) и в Коломенском (изменения в организации производства и быта крестьян подмосковного села в эпоху коллективизации)¹². Однако такие системные кризисы, как эпоха позднего правления Ивана IV Грозного, гражданская война и интервенция Смутного времени начала XVII в. и многие другие, все еще ждут внимания археологов и привлекают сравнительно мало внимания в нашей науке¹³.

Существеннейшую роль призвана сыграть археология и при исследованиях динамики культурной трансформации в России конца XVII – первой трети XVIII вв. Пресловутый «верхний рубеж» 1700 года, поставленный более 100 лет назад на I Археологическом Съезде (1869 г.), отделил допетровскую (= Московскую) Русь, изучаемую методами археологии, от послепетровской России, в области истории которой археология до недавнего времени почти не применялась¹⁴. В результате, можно говорить о крайне малой изученности соотношения старого и нового в реальной жизни, скорости и глубине распространения инноваций по огромной территории и в социально, этнически и конфессионально сложной среде. Здесь работы – просто непочатый край¹⁵.

Третья сфера, в которой следует ожидать серьезных сдвигов (общая со всей археологией), – это давно уже ставшие традиционными «новые методы». Антропология костных останков человека, изучение химизма городских почв, палеоботаника во всех ее проявлениях, изучение средневековой диеты по остеологическим материалам – вот далеко не полный перечень дисциплин, постепенно открывающих нам совершенно иного «москвиты».

Однако после сделанного обзора, у читателя может возникнуть вопрос: ну и зачем все это сказано? Для чего все-таки так уж остро нужна археология Московского периода русской истории? Возможен краткий ответ, синтезирующий все сказанное (как и оставшееся за пределами выступления): для решения проблемы

культурно-исторической «цивилизационной» идентификации¹⁶. Как известно, существует несколько моделей такой самоидентификации. Жителям Западной Европы очевидным представляется (по крайней мере, так было до второй половины XX века) восхождение их культуры к двум источникам: античной цивилизации Средиземноморья и христианской религии. Хорошо известны случаи внесения в эту схему важных изменений, связанных с периодами усиления национальных тенденций, когда общая модель корректируется введением поправки на роль, так сказать, варварского фактора (галльского – для Франции, германского – для нацистской Германии и т.п.). В области археологии такие поправки означали усиление внимания к средневековому (обычно раннему, но не обязательно) периоду – иными словами, над общей антично-христианской моделью в Европе XVIII–XX вв. возводились «варварско-языческие» надстройки, на основе которых и формировалась зачастую национальная археология¹⁷.

В России мы сталкиваемся с несколькими вариантами построения культурно-исторической идентификационной модели: начиная с Петра I и до второй половины XVIII в. можно наблюдать попытку усвоить традиционную западно-европейскую, антично-христианскую. Соединение с ней осуществляли разными путями: от наивно-средневекового, напоминающего еще приемы «Сказания о князьях Владимирских», до научно-исследовательского – в духе европейского Просвещения, предусматривавшего усиленное изучение скифских и греческих памятников Причерноморья. Соответствующие поправки к общей схеме диктовались сохранением в культуре России существенной доли восточно-христианского наследия средневизантийского периода, к которому, как к геополитически выгодному варианту «национального Средневековья», активно апеллировали в XIX в. Его трансформацией, в сущности, стала версия идентификации через восхождение к Древней Руси как к колыбели русской культуры¹⁸.

Все эти версии стремились обосновать археологически, благодаря чему активизировались и обретали актуальность соответствующие направления исследований (подчас можно говорить о моде на направление) – классическая археология, исследования древностей кочевых культур раннего железного века (скифов, сарматов), византийская и русско-византийская археология, наконец, древнерусская археология, получившая невиданное развитие в СССР.

Московская Русь до сих пор мало осознана как поле для работы по самоидентификации, как «собственная античность» – скорее, она служила начиная с петровской эпохи своего рода «идентификационной антитезой»; в ней видели как бы цезуру, лежащую между эпохой древнерусского расцвета и крутым имперским подъемом XVIII–XIX в., отчасти продолженным в XX в. Соответственно, в археологии ей уделялось сравнительно мало внимания (древности домонгольской Руси все еще разработаны лучше, чем раннемосковские, хотя ситуация сейчас постепенно меняется).

Сегодня все меньше остается сомнений в том, что именно Московская Русь – та среда, в которой сформировалась современная Россия. Можно наблюдать, как во многих сферах исторической науки появляются работы, направленные на системное выявление черт своеобразия этого периода и на демонстрацию его определяющей связи с последующим развитием русской культуры¹⁹. Думаю, настало время для такой системной работы и в археологии. Она позволит не только уточнить хронологию и стилевую аффилиацию артефактов, предметов искусства и архитектурных объектов, выявить черты «московскости» в национальной культуре, но и существенно скорректирует современный взгляд на культурные процессы в Московской Руси (отчасти – в Древней Руси в широком смысле слова), облегчит исследовательскую работу в области истории культуры, поможет историкам, культурологам, искусствоведам вернее и ярче рисовать картину жизни как Московской Руси, так и всей России.

Примечания

¹ Проблемы археологии Московской Руси, безусловно, имеют прямую связь с проблемами поздней археологии. Однако они недавно обсуждены в журнале «Российская археология», и здесь имеет смысл напомнить только основные факты. Прежде всего, фундаментальные исследования памятников гораздо более поздних, чем даже XVII в., законодательно обоснованы (Закон РФ 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» признает подлежащими охране объекты старше 40 лет, включая памятники археологии (ст. 18, п. 6). Хорошо известны примеры системной охраны исторической архитектурной среды: центр современного Новосибирска (комплекс эпохи конструктивизма) и индустриальные объекты Москвы (Электростанция московского трамвая у «Дома Правительства», вокзальные здания Московской окружной железной дороги, Шуховская башня, шлюзы канала Москва-Волга). Кроме того, проблема системного изучения наследия поднималась неоднократно уже с 1930-х гг.: В.В. Данилевским на первом

заседании особой Комиссии ГАИМК, затем С.П. Толстовым и Б.А. Латыниным. см. об этом в выступлении А.С. Смирнова: [Археология позднего периода..., 2005].)

² Так, существуют особые журналы по археологии Нового и Новейшего времени, индустриальной археологии («Post Medieval Archeology»), по археологии больших средневековых городов («London Archaeologist», с 1980-х гг.). Активно работает с позднесредневековой и пост-средневековой тематикой один из ведущих журналов по теории археологии «World Archaeology». Области исторической и индустриальной археологии на Западе располагают уже особыми учебниками и всевозможными пособиями по категориям поздних вещей и памятников.

³ Разница возникает в основном за счет южных территорий (Северного Кавказа, Приазовья и Восточного Причерноморья), а также благодаря существенно большей внутренней освоенности территории.

⁴ Даже если вести отсчет от проникновения славян в зону будущей «русской Месопотамии», Волго-Окское междуречье, то и тогда его общий возраст окажется близким одному тысячелетию, из которого значительная часть приходится на пост-археологический, по современным меркам, период.

⁵ Можно пойти дальше и сказать, что для России важно и выигрышно представлять себя не как древнюю цивилизацию, уходящую корнями в Православный Восток, в Византию (это верно, но лишь отчасти), сколько как одно из молодых государств, взявших на себя задачу агрикультурного и сырьевого освоения ранее мало заселенных территорий, и реализовавшее эту задачу в XVI–XVIII вв. То есть как цивилизацию, структурно близкую цивилизации Нового света.

⁶ В США активно ведут исследования памятников национальной археологии XVII–XIX вв.: афро-американских поселков и кладбищ черных рабов, испано-американских католических миссий, полей сражений Войны за независимость и американо-мексиканской за Техас (1836 г.), «веселых кварталов» Нью-Йорка и Клондайка, даже ядерного полигона в Лос-Аламосе (Невада). Свалки отходов современных городов становятся полигоном для гарбологов (от англ. a garbage – мусор). [Public Benefits..., 2002; Thomas, 2002; Rathje, 2002, p. 85-100]. Объекты XVIII–XIX вв. изучают также в Тихоокеанском регионе (Австралия, Япония и др. страны). Ими занимаются и в Европе – например, в Германии и Англии. Городские музеи столиц и приморских центров, контактировавших в эпоху в XVII–XX вв. (Токио, Эдо, Нагасаки, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк), в 1996 г. организовали огромную международную выставку «Откопанные города», каталог которой представил культурное единство мира эпохи «второй глобализации» в зеркале урбанистической археологии [Unearthed Cities, 1996]. На этой выставке очень органично смотрелись бы и материалы таких «евразийских» торговых городов, как Санкт-Петербург, Москва, Великий Устюг, Кяхта, Владивосток.

⁷ Междисциплинарное направление, сочетающее приемы исторической и этнической археологии, палеоантропологии, критики письменных источников (особенно генеалогия и просопография), эпиграфики, истории искусства и архитектуры, культурологии и др.

⁸ Метод культурологического, в сущности, исследования, опирающийся на анализ типологии артефактов, архитектурную археологию и археологическую иконографию был разработан и широко применялся в работах Н.П. Кондакова, его учеников и соперников (Д.В. Айналова, Я.И. Смирнова и др.) при изучении древнерусской и византийской культур.

⁹ Известный пример изменения датировки здания, повлиявший на общую переоценку стилевой ситуации в московской архитектуре – храм Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре, родовом монастыре семьи Нарышкиных. История архитектуры относил этот оригинальный храм с восьмилепестковым планом и граненым завершением к 1680–м гг., пока анализ источников, и прежде всего самого храма, не установил с непреложностью, что здание почти на два столетия старше, и посреди монастыря в центре Москвы стоит на редкость хорошо сохранившийся памятник эпохи подъема послемонгольской Руси, построенный в конце 1510-х годов (освящен в 1519 г.). Подробнее: [Беляев, 1994, с. 152–176, 157–159]; там же библиография по проблеме датировки; обзор документов по строительству 1680-1690-х гг. (см.: [Дедушенко, 1964, с. 253–272]).

¹⁰ Наблюдение принадлежит В.Ф. Старкову: [Археология позднего периода..., 2005, с. 93–94].

¹¹ Последний пример коллективного мозгового штурма – сборник под редакцией Н.А. Макарова и В.А. Чернецова: [Русь в XIII веке..., 2003].

¹² Сходную картину деградации, архаизации одних сторон массовой материальной культуры при стремительной модернизации других в тот же период экономического упадка дают, согласно сведениям Ю.М. Лесмана, материалы Верхневолжской и Северо-Западной этнологических экспедиций 1920-х – начала 1930-х гг. [Археология позднего периода..., 2005, с. 87].

¹³ Причины, думается, не только в том, что идея современной истории состоит как раз в преодолении кризисов, в безусловном признании прогресса человеческой культуры. Археология нуждается в постоянном притоке ярких находок, которые пост-кризисные эпохи дают сравнительно меньше.

¹⁴ Этот рубеж определили два фактора: временной интервал, близкий двум столетиям и предполагающий существенный разрыв в сохранении культурной традиции; революционный, фактически, перелом в облике русской культуры на рубеже XVII–XVIII в.

¹⁵ Например, уже ведущиеся исследования памятников XVIII–XIX вв. в Санкт-Петербурге показали неразрывную связь материальной культуры его раннего этапа с традицией московского периода: здесь использовали не только новые строительные материалы, но и печные «муравленные» изразцы (рельефные с зеленой поливой).

¹⁶ В своей первой версии данная работа даже носила название «Путь к себе: материальная культура Московской Руси по данным археологии». Оно точнее отражало идею статьи, но показалось излишне претенциозным – пришлось заменить его более скромным.

¹⁷ Автор отдает себе отчет в опасности такой терминологии. Конечно, не бывает национальной физики и химии – эти науки по самой сути своей интернациональны (хотя школы той или иной страны существуют и у них). Но общественные науки, напротив, не могут быть иными, чем «локальными». Археология, история, этнография, филология, на самом деле, до сих пор бывали только русскими, немецкими, испанскими и т.д. (не знаю, как будет в будущем, при полной глобализации). Поэтому мы вправе ставить вопрос именно таким образом: что же такое русская (российская) археология?

Конечно, не в плане метода – эта область национальных границ не имеет, – но в плоскости особых зон интересов, в накопленном информационном наследии (а оно везде национально) и также в плане научной традиции, научной школы, привычной техники, привычных областей для работы за пределами своей страны (особый тип: вмешательство в национальную жизнь – недаром археология так близка к МИДУ в XVIII–XIX вв.). Более того, археология национальная, археология поздняя – составляют в Европе и США особый и крайне важный пласт (см. выше, прим. 6). С ней нет проблем у наций с непрерывно развивающейся древней культурной традицией (Китай, Япония, Индия), но у Греции, Турции, отчасти, Италии и многих других проблема культурно-хронологического разрыва и выделения «национальной» части наследия существует.

¹⁸ Другие версии культурно-исторической самоидентификации предлагали, например, носители евразийской идеи, которая, по сути, предполагала разрыв с традицией антично-христианской, европейской идентификации.

¹⁹ В качестве первых ласточек такого подхода можно назвать (не претендуя этим на историографическую оценку) книги М.Б. Плюхановой [1995] и А.Л. Юрганова [1998]. Важно, что и в США, и Европе отмечены аналогичные тенденции к глубокому пересмотру, на разнообразном культурно-историческом материале, междисциплинарного взаимодействия в эпоху перехода от Средневековья к раннему этапу Нового времени (L. Jardine, J. Brotton и др.). Следует указать, однако, на почти полное отсутствие в этих трудах археологического материала, без которого невозможно понять характер и структуру изменений во всех слоях общества, и строгого типологически – стилистового анализа.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 152 с.
- Артемьев А.Р.** Археологические исследования русских памятников Нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 155–166.
- Археология** позднего периода истории. Материалы круглого стола // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 81–99.
- Беляев Л.А.** Общеевропейские элементы в древнерусском искусстве. X–XIII вв. // Из истории русской культуры. Том. I (Древняя Русь). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 732–755.
- Беляев Л.А.** Археология столицы России в ее прошлом и настоящем // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. – М.: Ин-т археологии РАН, 1999. – С. 89–98.
- Беляев Л.А.** Древние монастыри Москвы по данным археологии. – М.: Институт археологии РАН, 1994. – 572 с.
- Беляев Л.А.** Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. – М.: Модус-Граффити, 1996. – 574 с.
- Беляев Л.А.** От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вестник истории, литературы, искусства. – Т. 1. – М., 2005. – С. 185–197.
- Беляев Л.А.** Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – С. 40–47.
- Беляев Л.А., Векслер А.Г.** Археология средневековой Москвы (Итоги исследований 1980–1990 гг.) // Российская археология. – 1996. – № 3. – С. 106–133.

Беляев Л.А., Чернецов А.В. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – С. 205–226.

Дедушенко Б.П. К истории ансамбля Высоко-Петровского монастыря // Древнерусское искусство. XVII век. – М.: Наука, 1964. – С. 253–272.

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV – XVI веков. – М.: Наука, 1993. – 302 с.

Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки. – М.: Наука, 2006. – 408 с.

История Москвы с древнейших времен до наших дней. – М.: Мосгорархив, 1997. – Т. 1. – 424 с.

Кользин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). – М.: Информполиграф, 2001. – 280 с.

Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. – М.: Наука, 2005. Т. 1–3.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. – М.: Институт археологии АН СССР, 1991. – 200 с.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М.: Радунца, 2004. – 184 с.

Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.

По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Государственное издательство научно-просветительской литературы, 1953. – 360 с.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII – XVIII вв.–М.: Наука, 1968. – 124 с.

Русь в XIII веке. Древности темного времени. / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 2003. – 408 с.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: «Институт Открытое общество», 1998. – 448 с.

Beliaev L.A. Russian pilgrims art from the 12th to the 15th century – archaeological elements and problems of Romanesque influence // Journal of the British Archaeological Association. – 1998. – Vol. 151. – P. 203–219, pls. XXIV–XXVII.

Beliaev L.A., Chernetsov V.A. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture // Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World.–Leiden: Brill, 1999. – Vol. 16. – P. 97–124.

Beliaev L.A., Krenke N.A., Veksler A.G. Moscow: Archaeology and Architectural Investigations During the Past Ten Years // Athena Review – 2003. – Vol. 3, n. 4. – P. 64–78.

Public Benefits of Archaeology. – Gainesville, Fl: University Press of Florida, 2002. – 158 p.

Rathje W.L. Garbology: The Archaeology of Fresh Garbage // Public Benefits of Archaeology. – Gainesville, Fl: University Press of Florida, 2002. – P. 85–100.

Thomas D.H. Roadside Ruins: Does America Still Need Archaeology Museums? // Public Benefits of Archaeology. – Gainesville, Fl: University Press of Florida, 2002. – P.130–145.

Unearthed Cities. – Tokyo: Tokyo Metropolitan Edo–Tokyo Museum, 1996. – 256 p.

С.А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ О ПАЛЕОЛИТЕ*

Возобновляя традицию проведения археологических съездов, стоит вновь обратиться к истории отечественной науки, проследить особенности формирования и первоначального развития археологии древнекаменного века в нашей стране (основные обобщающие работы см.: [Илларионов, 1947; Ларичев, 1969; Формозов, 1983; Лебедев, 1992; Васильев, 2001/2002; Тихонов, 2003]).

За почти полуторавековой путь развития наука о древнейшем человеке в нашей стране прошла ряд этапов, характеризующихся радикальной сменой исследовательских установок и приоритетных направлений. Особенностью палеолитоведения в России было формирование отрасли вне официальной археологии, а порой и в духе острой полемики с господствующим «историческим» направлением. Начиная с 70–80-х гг. XIX в., в области теоретического осмысления целей и задач доисторической археологии, ее места в системе наук проявились две противоположные тенденции.

Первая, сугубо гуманитарная, связанная с традицией изучения «национальных древностей» Скандинавии и Германии, ориентировалась на рассмотрение палеолита как древнейшей составляющей истории (А.С. Уваров, В.А. Городцов, А.А. Спицын). Вторая, естественно-научная концепция, была представлена палеоэтнологическим направлением, у истоков которого стоял Д.Н. Анучин. Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию, лингвистику и этнографию. При этом для Д.Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека. Эту точку зрения (заметим, полностью соответствующую утвердившемуся со времен Ф. Боаса пониманию общей антропологии в американской системе деления наук) разделяли как основные исследователи палеолита 80-х гг. XIX в. (И.С. Поляков, К.С. Мережковский), так и позднее Ф. К. Волков, который резко выступил против «археологов», стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания. Так что нынешняя экологизация археологии и тенденция к рассмотрению первобытной археологии в качестве части антропологии, а не истории, по сути является не следствием американского влияния, а скорее возвратом к насильственно прерванным традициям отечественной науки.

Именно противостоянием двух концепций первобытной археологии можно объяснить тот факт, что среди докладов, представленных на археологических съездах, палеолитическая тематика занимала более чем скромное место. В основном она сводилась к информации об обнаружении памятников. Можно назвать выступления, посвященные открытию Гонцов (Ф.И. Каминский, К.М. Феофилактов, III АС, 1874 г.), Карачаровской стоянке (А.С. Уваров, IV АС, 1877 г.), Костенкам (А.И. Кельсиев, V АС, 1881 г.), палеолиту Польши (Я. Завиша, V АС, 1881 г.; Г.О. Оссовский, VI АС, 1884 г.), находкам древнекаменного века на Днестре (В.Б. Антонович, VI АС, 1884 г.), Томской стоянке (Н.Ф. Кашенко, X АС, 1896 г.), Киево-Кирилловской стоянке (В.Б. Антонович, X АС, 1896 г.; В.В. Хвойко, П.Я. Армашевский, XI АС, 1899 г.), Мезину (Ф.К. Волков, XIV АС, 1908 г.). Даже если добавить к этому списку несколько докладов иностранных участников съездов и обобщающие выступления, затрагивавшие в той или иной мере проблематику древнекаменного века, все равно для почти полувековой истории археологических съездов доля палеолита окажется незначительной.

---

* Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Зародившееся в 70-е гг. XIX в. с открытиями в Сибири, на Украине и в Польше изучение палеолита в России шло крайне неравномерно. Первый пик активности падает на 70–80-е гг. XIX в. и связан с именами А.С. Уварова, И.С. Полякова, К.С. Мережковского и др. Работы этих исследователей еще во многом носят отпечаток традиционного жанра «ученых путешествий». Второй, относящийся к началу XX в. (Ф.К. Волков и его ученики – П.П. Ефименко, Л.Е. Чикаленко, С.И. Руденко), характеризуется выходом на сцену первой генерации профессиональных специалистов по древнекаменному веку.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, российская сформировалась под непосредственным влиянием французской палеоэтнологии. Ведущую роль в установлении тесных контактов русской и зарубежной науки сыграл Д.Н. Анучин, а позднее Ф.К. Волков. Участие зарубежных исследователей в изучении отечественных древностей не сводилось к ознакомительным поездкам и конференциям; иностранные археологи вели самостоятельные полевые работы на Кавказе (Ж. Де Морган, Ж. Де Бай, Л. Козловский, Р. Шмидт, С.И. Круковский) и в Костенках (С.И. Круковский).

Рассмотрим теперь основные аспекты палеолитоведения в трудах отечественных дореволюционных археологов. В области методики полевого исследования доминировала стратиграфическая ориентация, связанная с тем, что полевая археология палеолита формировалась на базе изучения пещерных комплексов. На этом фоне нельзя не отметить уникальный опыт Н.Ф. Кашенко, который еще в 1896 г. на Томской стоянке применил планиграфическую фиксацию остатков с помощью квадратной сетки и на такой основе предложил реконструкцию эпизода жизни доисторического человека (отметим, что его отчет является первой монографической публикацией палеолитического памятника на русском языке). Что касается реконструкции облика палеолитических стоянок, то скопления костей и расщепленного камня неизменно трактовались как места свалки мусора; из структур обитания обычно опознавались только очаги. Пожалуй, лишь В.В. Хвойко интерпретировал концентрации культурных остатков в верхних слоях Кирилловской стоянки как остатки жилищ. Интересно отметить, что ведущаяся и поныне дискуссия о соотношении активной охоты и сбора костей мамонта восходит к 80-м гг. XIX в.

В области изучения каменной индустрии дореволюционный период отмечен формированием основ русской терминологии и номенклатуры изделий из камня (ведущую роль здесь сыграли Ф.К. Волков и П.П. Ефименко), выработкой правил ориентации и зарисовки орудий. Уже в 1880 г. К.С. Мережковский обращает внимание на важность разработки типологии каменных орудий. В начале XX в. проявляется стремление к выделению специфических для Восточной Европы типов изделий. П.П. Ефименко закладывает основы проблематики восточного граветта. Ему же принадлежат первый опыт четкого логически связанного описания кремневой индустрии и постановка вопроса о зависимости облика инвентаря от планиграфии памятника.

Что касается периодизации отечественного палеолита, то, наряду с прямым соотношением немногочисленных известных памятников со ступенями французской шкалы (В.А. Городцов, Ф.К. Волков), в начале XX в. в России проявляется общая для палеолитоведения той поры тенденция к выделению ареалов древних культур. Под влиянием работ Г. Обермайера и А. Брейля П.П. Ефименко в 1915 г. говорит о возможности выделения особой, восточно-европейской, фации верхнего палеолита. Отдельной темой стала оценка культурного своеобразия сибирского палеолита (И.Т. Савенков). Русские исследователи рано проявили интерес к изучению древностей зарубежных территорий, в первую очередь Ближнего Востока в связи с открытиями в Крыму и на Кавказе.

Подводя итоги, можно отметить, что, несмотря на ограниченность информационной базы и в целом недостаточное внимание к палеолиту в общей структуре археологии, русская дореволюционная наука заложила основы ряда направлений научного поиска в области периодизации и культурного расчленения древнего каменного века Восточной Европы и Сибири. Начав свое формирование в 80-е гг. XIX в. в рамках эволюционной парадигмы, наша археология уже в начале XX в. вышла на уровень мировой науки, создав собственную терминологию для описания индустрий и заложив основы ряда направлений научного поиска в области периодизации и культурного расчленения древнего каменного века Восточной Европы и Сибири. Формируется своеобразная палеоэтнологическая школа (Д.Н. Анучин, Ф.К. Волков), близкая по духу американской общей антропологии, в рамках которой совершился переход от однолинейных моделей развития древнейшей культуры к изучению многообразия вариантов палеолита, опознанию особенностей российских материалов (П.П. Ефименко). Таким образом, была создана основа для характерного для 20-х гг. расцвета палеоэтнологических школ (Б.Э. Петри, Г.А. Бонч-Осмоловский, М.Я. Рудинский и др.).

Налаживая в наши дни организационную структуру археологии уже в новых исторических условиях, хотелось бы видеть в повестке археологических съездов должное внимание к тематике древнекаменного века, учитывающее все многообразие тем и направлений современного палеолитоведения.

Список литературы

- Васильев С.А.** Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // *Stratum Plus*. – 2001/2002. – № 1. – С. 21–170.
- Илларионов В.Т.** Опыт историографии палеолита СССР. – Горький: Горьковское обл. Изд-во, 1947. – 207 с.
- Ларичев В.Е.** Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Т. 1. – Новосибирск: Наука, 1969. – 390 с.
- Лебедев Г.С.** История отечественной археологии. 1700–1917. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 1992. – 464 с.
- Тихонов И.Л.** Археология в Санкт–Петербургском университете. Историографические очерки. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 332 с.
- Формозов А.А.** Начало изучения каменного века в России. – М.: Наука, 1983. – 127 с.

В.И. Гуляев*Институт археологии РАН, Москва*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ (V–IV ВВ. ДО Н.Э.)

Этнокультурная принадлежность населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. – наиболее сложная и спорная из всех проблем донской археологии раннежелезного века, что объясняется вполне объективными причинами и, прежде всего, общим состоянием имеющихся на настоящий момент источников. Письменные свидетельства (древнегреческие и римские авторы и главный из них – Геродот) очень отрывочны и противоречивы, а археологические материалы, хотя они и довольно многочисленны (история их изучения насчитывает уже более 100 лет), часто используются не корректно и субъективно – лишь как дополнение или иллюстрация к высказываниям античных мудрецов и, естественно, в соответствии со взглядами того или иного исследователя. Впрочем, подобная картина характерна не только для Среднего Дона, но и для всей скифской проблематики в целом. Многие археологи отмечают, что в настоящее время в скифологии сложилась довольно парадоксальная ситуация. Несмотря на более чем двухвековые раскопки скифских курганов и поселений, несмотря на большие достижения по изучению скифов историками, лингвистами и представителями других наук (антропологии и т.д. и т.п.), основные проблемы скифологии остаются либо не решенными, либо остро дискуссионными. Это касается происхождения скифов и их культуры, этнокультурной принадлежности населения восточно-европейской Степи и Лесостепи в VII–III вв. до н.э., размещения скифских и нескифских племен на современной географической карте, характера скифского общества и общего уровня его развития, истоков и семантики искусства звериного стиля, причин гибели Скифии и др.

Тем не менее основным поставщиком новой и принципиально важной информации по скифской проблематике всегда были, есть и будут раскопки скифских могильников и поселений. И хотя после 1991 г. большая часть памятников «европейских» скифов осталась в пределах суверенной Украины, есть они и на территории Российской Федерации: древности архаического периода (VII–VI вв. до н.э.) – в Краснодарском и Ставропольском краях, а древности V–IV вв. до н.э. – в Среднем и Нижнем Подонье. Дон (античный Танаис) служил восточной границей Скифии, отделяя ее от владений савроматов, меотов и финно-угорских племен на севере. Это пограничное расположение Подонья на стыке с инокультурными группами, богатство его всевозможными природными ресурсами и локализация его на перекрестке важнейших торговых путей (с запада на восток и с севера на юг) делало данный регион весьма ценной и стратегически значимой восточной областью Европейской Скифии.

Археологические исследования в лесостепном Подонье велись за последние десятилетия довольно интенсивно и, что особенно важно, в ряде случаев, – комплексно (с привлечением представителей естественных наук), что и позволяет привлекать донской археологический материал для решения крупных вопросов общескифского значения. Это, прежде всего, вопрос об этнокультурной принадлежности памятников Среднего и Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. и вытекающая из него более широкая проблема – входила ли Лесостепь Северного Причерноморья в состав скифского государства или военно-политического объединения, жили ли там ираноязычные скифы (речь не идет об их точной численности, а только о присутствии в качестве господствующего элемента) или же лесостепные территории принадлежали «нескифским» племенам, упомянутым Геродотом.

В настоящее время на Среднем Дону раскопано до 180 курганов скифского времени и в разной степени изучено до полутора десятков городищ. Собраны (особенно в рамках Донской археологической экспедиции ИА РАН) достаточно представительные материалы по антропологии, палеоботанике, палеозоологии и др. Если учесть, что большинство этих исследований проводилось в основном в течение нескольких последних десятилетий, с соблюдением всех требований научной полевой методики раскопок и поэтому хорошо доку-

ментированы (а во многом уже и изданы), то мы имеем хорошую материальную основу для решения многих спорных вопросов скифской археологии, в том числе и вопросов этнокультурной интерпретации. Для этого безусловно необходим комплексный подход к местному археологическому материалу с широким использованием возможностей естественных наук – антропологии, палеоботаники, палеозоологии, палеогеографии и др.

Но, с другой стороны, очевидно и то, что «наибольшие сложности возникают на пути определения этнической принадлежности тех археологических культур и памятников, которые расположены в зонах активного взаимодействия различных этнокультурных массивов, поскольку могут оставаться неизвестными как реальные формы таких взаимодействий, так и тем более характер их отражения в конкретных археологических материалах» [Брашинский, Марченко, 1992, с. 24]. Например, на Нижнем Дону, в его дельте известное Елизаветовское городище и принадлежащий ему огромный курганный могильник в V–IV вв. до н.э. находились в контактной зоне трех крупных культурно-исторических общностей – скифской, савроматской и меотской; к тому же надо учесть и сильное воздействие эллинской цивилизации. На Среднем Дону местное население в скифскую эпоху находилось в тесной связи со своими ближайшими соседями – угро-финскими племенами (на севере), савроматами (на востоке), носителями культуры лесостепного Днепровского Левобережья (на западе) и скифами (на юге).

Не удивительно, что и по поводу этнокультурной ситуации в лесостепном Подонье в V–IV вв. до н.э. наблюдается поразительный разбой мнений.

В дореволюционный (до 1917 г.) период (А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцев) и в первые четыре десятилетия советской эпохи (В.А. Городцов, С.Н. Замятин, «ранний» – до 1952 г. – Б.Н. Граков) территория Среднего Дона с ее богатейшими курганными некрополями типа «Частых Курганов» под Воронежем безоговорочно включалась всеми исследователями в состав Европейской Скифии. Вот что писал по этому поводу выдающийся российский ученый академик М.И. Ростовцев: «Как далеко заходила власть скифов на север и на восток выяснить затруднительно. Несомненно, что течение Днепра и его притоков, вплоть до Киевщины и Полтавщины, находилось под их властью. Погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент, определенно говорят об этом. По Дону мы находим такие же погребения, как только что упомянутые киевские и полтавские, вплоть до Воронежа» [1918, с. 35]. Таким образом, по М.И. Ростовцеву, как в Приднепровской лесостепи, так и на Среднем Дону в I тыс. до н.э. обосновались ираноязычные скифы. Правда, все свои выводы ученый сделал лишь на основе курганных материалов (поселения скифского времени тогда еще не изучались). И все же до 50-х г. XX в. никаких сомнений в том, что по всему Подонью в VI–III вв. до н.э. жили и выступали в качестве господствующей силы именно скифы, у большинства исследователей не возникало.

Ситуация резко изменилась после Первой всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (Москва, 1952 г.), когда после выступления с центральным докладом Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, степные и лесостепные области Северного Причерноморья были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной»: скифскими были объявлены только древности степной полосы, а вся Лесостепь отошла к «нескифским» племенам, упомянутым Геродотом [1954]. Так, Воронежская группа курганов (тогда были известны лишь «Частые» и Мاستюгинские курганы) V–IV вв. до н.э. была приписана «скифоидным» по культуре, но не скифским по этносу и языку племенам Лесостепи. Оставалось лишь подобрать для среднедонского населения соответствующий «нескифский» этноним из длинного Геродотова списка, и вскоре это и произошло.

В 1954 г. на Среднем Дону начала свои работы по изучению памятников раннежелезного века крупная археологическая экспедиция Института археологии АН СССР (до 1956 г. – ИИМК АН СССР), возглавляемая П.Д. Либеровым. После 15 лет интенсивных исследований в Воронежской и Белгородской областях этот ученый, основываясь на новых, значительных по объему материалах, полученных в результате раскопок около десятка городищ и до сотни курганов, отождествил местное население скифской эпохи с будинами и гелонами Геродота и приписал последних к финно-угорскому этносу [1969, с. 5–26; 1975, с. 109–115].

Идея П.Д. Либерова о будинской принадлежности среднедонской культуры VII–III вв. до н.э., правда, без точной этнической и языковой идентификации будинов, была поддержана Б.Н. Граковым [1971, с. 151–164] и Б.А. Шрамко [1975, с. 119–128].

Однако, вопреки узколокальному подходу П.Д. Либерова, который ограничивал территорию будинов только пределами Среднего Дона, Б.Н. Граков, хорошо зная о большой близости среднедонских памятников скифского времени с лесостепными приднепровскими на западе, расселил будинов и гелонов более широко, отдав им всю левобережную степь – от Днепра до Дона включительно.

Эта точка зрения продолжает существовать и в наши дни. Среди наиболее активных ее сторонников следует упомянуть воронежского археолога А.П. Медведева и его монографию «Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история)» (Москва, 1999 г.). Ссылаясь на соответствующие работы

Б.Н. Гракова и П.Д. Либерова, он также помещает на Среднем Дону в скифское время будинов и гелонов. Но, в отличие от либеровской концепции, ограничивавшей будино–гелонские земли только пределами современных Воронежской и Белгородской областей, А.П. Медведев предпочел граковскую версию: то есть, что будины и гелоны жили в лесостепной зоне от левого берега Днепра до среднего течения Дона. Согласно его мнению, в V–IV вв. до н.э. на рассматриваемой территории обитали две разные этнокультурные группы. Одна – пришельцы и завоеватели, «скифоидные» гелоны (кочевники-скотоводы, иранцы по языку и духовному багажу). Их культура представлена только военно-элитарными погребениями в местных курганах. Другая – автохтонное население, собственно будины: сугубо оседлые обитатели поселений и городищ. Их погребальные комплексы пока неизвестны. Неизвестны также их этнос и язык [1999, с. 146].

Здесь уместно сделать два замечания. Во-первых, ни Б.Н. Граков, ни П.Д. Либеров никогда подобных взглядов не высказывали и всегда считали культуру курганов и городищ скифского периода в лесостепном Подонье единой. Во-вторых, один из главных специалистов по изучению среднедонских поселений V–III вв. до н.э. А.И. Пузикова, после сравнительного анализа материалов из погребальных и городищенских комплексов, определенно высказалась за то, что они принадлежали одной этнокультурной группе [2000, с. 258–267]. К тому же, А.П. Медведев продемонстрировал слишком вольное обращение с письменными источниками: по свидетельству Геродота (а это и есть наш единственный источник по будинам и гелонам), будины – это кочевое варварское племя, часто питающееся сосновыми шишками, а гелоны – «выходцы из припортовых эллинских городов» – знали земледелие и садоводство и были, несомненно, оседлой группой.

В конце 70-х г. прошлого века известный сарматолог К.Ф. Смирнов в достаточно осторожной форме высказал предположение о том, что ближайшие соседи будинов – савроматы – оказали на них очень значительное культурное воздействие, а отдельные савроматские группы с Нижнего Дона проникли далеко на север и даже оставили на среднедонских землях свои курганные могильники. К числу таковых он отнес, в частности, некрополи у с. Мастюгино и Дуровка [1983, с. 26–27]. Приписал он савроматам-сирматам и памятники в междуречье Нижнего Дона и Северского Донца (такие, как курганы у х. Карнауховский, х. Ясырев, пос. Шолоховский, ст. Сладковская, с. Кашеевка и др.) [1983, с. 124–156].

Идеи этого известного ученого развил впоследствии ростовский археолог (и ученик К.Ф. Смирнова) В.Е. Максименко, высказавший мнение о полном единстве культуры населения Среднего и Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. и отождествивший эту культуру только с савроматским этносом [1998, с. 60–62].

Особую точку зрения на этническую принадлежность носителей среднедонской культуры скифской эпохи высказала историк И.В. Куikliна. Она связывает их с «черноризцами»-меланхленами [1985].

Наконец, в последнее время ряд московских археологов вновь вернулся к традиционной концепции М.И. Ростовцева о том, что скифы присутствовали на Среднем Дону в качестве господствующего элемента: работы А.И. Пузиковой [2001], В.И. Гуляева [2000, 2001, 2004], Е.И. Савченко [2001, 2004]. Близкое по смыслу мнение высказал и археолог А.Ю. Алексеев из Санкт-Петербурга, приписавший воронежскую группу курганов V–IV вв. до н.э. «отделившимся скифам», о которых упоминает Геродот [Алексеев 1987, с. 46–49].

Итак, присутствие скифов на Среднем Дону приходится отстаивать в острой полемике с оппонентами. Например, по мнению воронежских археологов А.П. Медведева и В.Д. Березуцкого, скифы не могли обитать в этом лесостепном регионе по целому ряду весомых причин: ярко выраженная локальная специфика местной культуры (наличие зооморфных металлических крючков и поясных застёжек, преобладание в колчаных наборах железных наконечников стрел над бронзовыми, «рюмкообразные» втоки копий и дротиков и др.); невозможность использования «престижных» вещей из элитных курганов степи и лесостепи в качестве доказательства существования единой Скифии; глубокое различие в погребальном обряде (ямы с деревом – в Лесостепи, включая Средний Дон, и катакомбы – у степных скифов); отсутствие «этнокультурного лица» у знаменитой скифской «триады» (предметы вооружения, конской сбруи и звериного стиля), ее синкретический, наднациональный и надкультурный характер. И самый главный аргумент – различие, и притом принципиальное, в погребальном обряде, важнейшем показателе этнокультурной идентичности: в Лесостепи – подкурганные ямы с деревом, а в Степи – катакомбы.

Начнем с последнего. Как отмечает А.И. Тереножкин, древесно-земляные столбовые гробницы в прямоугольных ямах или на подкурганной поверхности, иногда с дромосами, в ряде случаев частично поджигаемые или сжигаемые, характерны для захоронений в Лесостепи в V–IV вв. до н.э. Но, ведь, «все архаические погребения Скифии были именно такими», – пишет он далее [1973, с. 18]. Действительно, на протяжении всего раннего периода истории скифов (VII – начало V вв. до н.э.) единственным типом погребальных сооружений от Кавказа до Дуная были подкурганные захоронения в простых ямах с деревянными конструкциями (либо деревянные сооружения на горизонте под курганной насыпью).

Первые первичные (не впускные) катакомбы в скифских степных курганах появляются в V в. до н.э., а широкое распространение получили в IV в. до н.э., как в элитных, так и в рядовых захоронениях [Мурзин 1982, с. 51]. Чем же объяснить в таком случае столь резкую перемену в погребальном обряде населения степной части Северного Причерноморья в конце V–IV вв. до н.э.? Ведь хорошо известно, что серьезные трансформации в типах погребальных сооружений и в ритуале связаны либо с коренными изменениями в идеологии, либо с приходом новых групп мигрантов. Однозначного ответа пока нет. Но хотелось бы напомнить, что если мы примем тезис о том, будто «истинными» скифами могут считаться лишь те, кто погребен в катакомбах, то мы лишаем скифской принадлежности все памятники эпохи архаики (VII–VI вв. до н.э.) в причерноморских степях и на Северном Кавказе. Напомню, что о пребывании здесь скифов недвусмысленно сообщают античные авторы, и особенно Геродот.

Здесь уместно напомнить, что, став в IV в. до н.э. господствующей формой погребальных сооружений в степной Скифии, катакомбы отнюдь не вытеснили целиком более древний скифский обряд захоронения в ямах с деревянными конструкциями. Он продолжал существовать и в степи. Сошлось на Талаевский курган в степном Крыму (входивший в территорию, принадлежавшую «скифам царским»). Высота его – 3,2 м. Погребение было совершено в грунтовой яме, облицованной по стенам и перекрытой деревом (размеры гробницы: 3,9 × 1,8 × 2,1 м). Внутри находился скелет мужчины, явно принадлежавшего к скифской знати. Инвентарь состоял из массивной золотой гривны с головками львов на концах, золотого перстня, серебряного кольца, набора вооружения, включающего бронзовый панцирь и боевой пояс с бронзовыми пластинами, бронзовый греческий шлем, секиру с рукоятью, обвитой золотой лентой, колчан со стрелами, точильный брусок в золотой оправе, два железных наконечника копий, железный нож. Три греческих амфоры, чернолаковый греческий сосуд, ритон из рога оленя, оправленный в серебро, дополняли вещевой набор в могиле аристократа. Весь комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э. [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 158]. На берегу Днепра, в степи, у с. Большая Знаменка, Д.Я. Самоквасов в скифском кургане конца V в. до н.э. обнаружил погребение в грунтовой яме, «по углам которого зафиксированы ямки от столбов, а вдоль стен выявлены канавки, в которых, вероятно, первоначально были вертикально поставлены доски, облицовывавшие стенки могилы. И в данном случае мы имеем дело со столбовой гробницей, конструкция которой имеет широкие аналогии в курганах Лесостепи.

Еще одна столбовая подкурганная гробница зафиксирована в степной зоне у г. Орджоникидзе, в Первой Завадской Могиле. Она находилась в обширной яме размерами 5 × 5 × 4,2 м. Сохранились остатки деревянного перекрытия, угловых столбов и облицовки стен досками. Дата – IV в. до н.э. [Мозолевский, Михальская, Рябова, 1974, с. 311–315].

Итак, чем же объясняется господство катакомб в причерноморской степи у скифов в IV в. до н.э.? По мнению В.Ю. Мурзина, катакомбы – это местное изобретение, появившееся еще в доскифский период, существовавшее в зародыше в VI в. до н.э. и получившее широкое распространение только в IV в. до н.э. На мой взгляд, без дополнительной аргументации это предположение выглядит не совсем убедительным. Существует также гипотеза, согласно которой в конце VI – начале V вв. до н.э. в степи Северного Причерноморья пришла новая (родственная скифам) волна кочевников-иранцев, которые сумели захватить контроль над Скифией и навязать местному населению свои идеологические установки и, в том числе, новый погребальный ритуал [Алексеев, 2003, с. 172–184]. Однако в Лесостепи (включая Средний Дон) и на Нижнем Дону сохранилась старая традиция – хоронить умерших в подкурганных ямах с деревянными конструкциями. Объяснить сколько-нибудь столь резкую смену формы погребений в степи Северного Причерноморья и продолжение прежних традиций в Лесостепи пока не удалось никому.

Весьма показателен в этом плане и феномен Бориспольских курганов в районе Киева. А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская в начале 1960–х г. раскопали ок. 30 курганов IV в. до н.э. в 55 км к востоку от столицы Украины. В этих местах отмечены большие курганные поля скифской эпохи, где в раннее время преобладали захоронения в ямах с деревянными конструкциями и с культом огня в погребальном ритуале, а с IV в. до н.э. в пределах единых курганных групп сосуществуют захоронения в ямах «с деревом» и в катакомбах степного типа с абсолютно одинаковым инвентарем и без какого-либо территориального размежевания. Набор вещей во всех этих могилах чисто скифский: предметы вооружения, конский убор и украшения. «Произведенные раскопки, – отмечает В.А. Ильинская, – интересны во многих отношениях. Выясняется, что скифские курганы IV в. до н.э. здесь (т.е. в лесостепи – В.Г.) довольно обычны и концентрация их не меньше, чем в степи. Курганы эти отличаются от памятников VI–V вв. до н.э., известных на упомянутой территории и находят ближайшее соответствие в курганах степной кочевой Скифии. Возникает вопрос, не являются ли погребения в ямах могилами какой-то иной группы населения, связанного с земледельческими племенами Лесостепи? Нам представляется, что это не так. Погребения в ямах и катакомбах одновременны. И там, и здесь встречаются одинаковая античная керамика и одинаковые золотые украшения. Территориально они не разграниче-

ны. И там, и здесь преобладает одна (широтная – В.Г.) ориентировка... Кроме того, как известно, в степной Скифии имеется (даже в IV в. до н.э. – В.Г.) немало погребений в ямах, в том числе в ямах с деревянными склепами... Не приходится говорить, что обнаружение скифских степных некрополей на широте Киева у границ Полесья – явление новое и неожиданное... Теперь мы можем сказать, что в IV в. до н.э. скифские кочевые племена, продвигаясь вдоль левого берега Днепра, доходили до границ Полесья и не только доходили, но и освоили эти места в качестве постоянных кочевий, о чем свидетельствует количество скифских курганов... В данном случае граница проникновения скифов на север полностью совпадает с пределами северного ареала Скифии, подтверждая, что военное и политическое господство кочевых скифов распространялось на область лесостепной полосы...» [Ильинская, 1966, с. 165–166].

Известный петербургский археолог А.Ю. Алексеев в своей фундаментальной монографии «Хронология Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э.», вышедшей в 2003 г., также признает факт «скифизации» Приднепровской Лесостепи начиная со второй половины VII в. до н.э., когда в указанном регионе «фиксируется проникновение кочевого (и, как считают некоторые исследователи, иранского) этнического компонента» [Алексеев, 2003, с. 117].

Следует отметить и весьма интересную, новаторскую по духу монографию украинского исследователя С.А. Скорого, который уже давно и плодотворно работает над вопросами этнокультурной истории лесостепного региона Приднепровского Правобережья, развивая положения, высказанные еще в начале XX в. М.И. Ростовцевым. Являясь сторонником идеи прихода в Лесостепь уже в раннескифское время скифов-иранцев, свидетельством чего является распространение в указанном лесостепном регионе всаднической культуры, он уделяет особое внимание выделению из общей массы погребальных памятников скифской эпохи в данном регионе собственно скифских захоронений [Скорый, 2003, с. 6]. «Изучение скифского погребального ритуала степной части Северного Причерноморья, – отмечает С.А. Скорый, – свидетельствует, что значительная (если не большая) часть составляющих его элементов присуща в целом похоронному ритуалу кочевников евразийской Степи VII–III вв. до н.э. и является общеиранским достоянием. Последнее объясняется близостью идеологических представлений ираноязычных номадов и сходными формами их материального выражения...».

Эти общеиранские кочевнические элементы погребального обряда таковы: подкурганый обряд погребения, захоронения в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций обширных размеров, поджигание деревянных сооружений, культовый ровик, вал, кромлех в основании кургана, использование в насыпи дерновых плиток или вальков, покрытие кольцевого вала вокруг могилы деревом, камышом и травой..., помещение в могилу мясной напутственной пищи, конская упряжь, бронзовые котлы, каменные блюда и плитки, деревянные настилы, ложа, колоды, гробовища, подушки из травы, меловая подсыпка... [Там же, с. 46].

На основе материалов степной Скифии (преимущественно поздних – конца V–IV вв. до н.э.) С.А. Скорый выделяет и чисто скифские признаки обряда: обычай втыкать в дно и стены могилы различные предметы вооружения, установка на курганах каменных антропоморфных изваяний, помещение в могилу металлических шумящих наверху и деревянных чаш с обивками из золота или серебра, конские захоронения в отдельных могилах, погребальные дорожки, выложенные травой, и др. [Там же, с. 49].

Явно как степного, иранского (и скифского) происхождения считает украинский исследователь и группу курганов с надмогильными шатровыми перекрытиями из дерева [Там же, с. 52]. По его мнению, внезапное появление в Приднепровской Лесостепи всего этого общеиранского (в том числе и скифского) комплекса черт погребального обряда, не имеющего здесь местных корней, и говорит как раз о проникновении в лесостепную зону несколькими разновременными волнами ираноязычных кочевых групп, скорее всего – тех же самых скифов [Там же, с. 52].

Большинство черт общеиранского кочевнического погребального обряда, упомянутых выше, хорошо представлено и в курганных комплексах Среднего Дона V–IV вв. до н.э. Все материалы по погребальному обряду местного населения в скифскую эпоху были обобщены и проанализированы Е.И. Савченко [2001, с. 53–143], убедительно доказавшего общескифский (и общеиранский) характер этого обряда.

Таким образом, важнейшая этнокультурная черта любого древнего народа – погребальный обряд – для среднедонских курганов совпадает с курганными комплексами степной и лесостепной Скифии.

Теперь вернемся к вопросу об элитарной культуре верхов Скифии и о том, можно ли использовать так называемые «престижные» предметы для решения некоторых общих проблем скифологии. Еще в начале XX в. М.И. Ростовцев высказал мнение, что в конце V–IV вв. до н.э. на всей территории Скифии, от Дуная до Дона, как в Степи, так и в Лесостепи существовала единая элитарная культура военно-аристократических кругов. Но ведь именно эти военно-аристократические круги и определяли истинное лицо Скифии в этот период. Именно они управляли страной и получали в свое распоряжение основные материальные ресурсы. И если удастся доказать единство «культуры верхов» у скифов от Дуная до Дона, то это и есть главный аргумент в пользу наличия

у скифов и подвластных им племен единого военно–политического объединения – государства, где все знатные лица, занимавшие те или иные должности, для успешного выполнения своих функций получали «сверху» (от центральной власти) или приобретали сами определенный набор «престижных» предметов (ритуального, социально-политического и военного назначения), практически одинаковый на всей огромной территории Скифии. В число этих вещей входили золотые и серебряные пластины – обкладки горитов с изображениями определенной тематической направленности, парадные мечи «чертомлыцкого» типа, шаровидные кубки и ритоны из драгоценных металлов, деревянные чаши с золотыми обкладками, золотые гривны, золотые оплетки нагаек и др.

Продолжая тему «престижных» вещей, необходимо сказать несколько слов еще об одном интересном феномене в скифской культуре второй половины IV в. до н.э. – так называемой «фракийской моде» в украшениях конской узды высшей знати Скифии. В 2000 г. при раскопках у с. Колбино (Репьевский р-н, Воронежская обл.) наша экспедиция обнаружила в кургане № 2 две серебряные литые фигурные бляхи с петлей на обороте – нащечники конской узды. На одной из блях изображена голова стилизованного животного в профиль с широко раскрытой пастью, заполненной завитками или волютами. Заднюю (затылочную) сторону и верх головы обрамляет изящная фигура гиппокампа. На другой бляхе можно различить, хотя и в сильно стилизованном варианте, еще один типичный для скифского искусства V–IV вв. до н.э. мотив – бедро и пару ног животного [Гуляев, 2001, с. 45–46]. Что касается первого нащечника, то его общий стиль оформления и отдельные характерные детали явно указывают на принадлежность данного изделия к предметам так называемого «скифо-фракийского круга». Ближайшей аналогией этой бляхе следует считать серебряные нащечники с гиппокампами от уздечного набора № 1 конской могилы № 1 в кургане Хомина Могила (курган № 13) близ г. Орджоникидзе в степном Приднепровье [Мозолевский, 1972, с. 216–218, рис. 27]. Эти детали конского убора Б.Н. Мозолевский считает фракийскими по происхождению и датирует концом IV – началом III вв. до н.э.

Колбинская находка заставила меня более внимательно отнестись к вопросу о возможном фракийском влиянии на среднедонскую культуру скифского периода. И вскоре удалось найти еще один, весьма показательный пример такого влияния. Речь идет о наборе серебряных украшений конской узды из кургана № 11 группы «Частые Курганы» под г. Воронежем (раскопки ВУАК): налобник в виде скульптурной головы барана (или «барано-грифона») на плоском серебряном щитке и два нащечника со сложной резной композицией, напоминающей в целом стилизованную медвежью лапу.

Узор нащечников по стилю очень похож на аналогичные предметы конского убора из Краснокутского кургана [Замятнин, 1946, с. 42]. Налобник же с протомой барана имеет многочисленные аналогии в конских захоронениях курганов высшей знати в степной Скифии, таких, как Огуз, Чертомлык, Чмырева Могила, Толстая Могила, Козёл, Александрополь. Такие же серебряные налобники известны в наиболее богатых погребениях фракийской аристократии в Подунавье – Аджигиоль и Крайова [Мелюкова, 1976, рис. 4–5, 7].

До сих пор ведется спор по поводу того, кто изготовлял эти серебряные наборы конской узды – фракийские ли мастера по своему разумению или сами скифы в подражание полюбившимся фракийским образцам. Но очевидно одно: в IV в. до н.э. (а речь идет об очень коротком отрезке времени – второй половине, точнее последней трети, данного века) по всей Скифии, от Дуная до Среднего Дона, в высших кругах скифской знати неожиданно возникла и мгновенно распространилась по этой огромной территории «фракийская мода» на украшения для парадных конских уборов.

Следует остановиться и на особой роли деревянных сосудов (преимущественно чаш) с золотыми обкладками у скифов. Из письменных источников (главным образом, из трудов Геродота) и из некоторых мотивов изобразительного искусства (антропоморфные каменные стелы) хорошо известно, что разного рода кубки, чаши и ритоны играли важную роль в ритуалах и общественной жизни скифского населения Северного Причерноморья. По свидетельству Геродота [Геродот, IV, 66], правители округов Скифии – «номархи» – ежегодно устраивали большие пиры, на которых чествовали и поили вином доблестных воинов: скиф, убивший на поле боя врага получал в награду чашу с вином, а тот, кто уничтожил нескольких неприятельских воинов, наделялся сразу двумя чашами с этим напитком.

Чаша выступает в скифской мифологии в качестве одного из атрибутов верховной (царской) власти («золотая чаша, упавшая с небес»). Как символ определенного социального (и, видимо, воинского) ранга чаша изображалась на антропоморфных каменных изваяниях. Чаши часто находят в наиболее богатых и социально значимых курганных погребениях в степных и лесостепных областях Скифии. Речь при этом идет не столько о серебряных и золотых сосудах, сколько о деревянных чашах с золотыми обкладками. Об особо бережном к ним отношении и почитании говорит и то, что во многих случаях старые и треснувшие деревянные сосуды чинили, скрепляя золотой, серебряной или бронзовой проволокой. Словом, все имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что деревянные чаши с золотыми обкладками были «престижными» предметами, указывавшими на высокий социальный ранг их владельца [Бессонова, 1991, с. 87–88]. «По-видимому, – отмечает Е.Ф. Король-

кова, – можно с уверенностью говорить об отношении специфической группы сосудов (деревянных сосудов с золотыми обкладками – В.Г.) к ритуальной сфере, связанной с системой обрядов, представлений и верований ранних номадов... Весьма интересно, что индоиранская ритуальная практика характеризуется особым отношением именно к деревянной посуде» [Королькова, 2003, с. 28–29].

Правда, считать такие сосуды только специфической чертой скифской культуры (как полагают некоторые исследователи) не совсем верно: ведь деревянные чаши с золотыми обкладками встречаются в V–IV вв. до н.э. от Алтая (Туэкта) и Южного Урала (Первый Филипповский курган) до Дуная. Немало таких находок сделано и в курганах скифской эпохи на Среднем Дону. Но то, что эта особенно почитаемая посуда появилась и существовала исключительно в среде родственных племен ираноязычных кочевников, – непреложный факт.

В последние годы в споры археологов по нерешенным скифским проблемам все активнее вмешиваются представители естественных наук. И это вмешательство (как показывает пример нашей Донской экспедиции) часто бывает весьма полезным.

Данные антропологии

На основе анализа костных остатков 75 индивидов разного пола и возраста из курганного могильника скифского времени у сел Терновое и Колбино на Воронежщине антрополог М.В. Добровольская пришла к следующим выводам: «Палеодемографические характеристики указывают на ярко выраженный кочевой образ жизни населения (курсив мой – В.Г.), на специфическую социальную роль женщины, в известном смысле приближенную к мужской (одинаковое питание мальчиков и девочек, мужчин и женщин; «амазонки» – В.Г.). Единичные краниологические данные указывают на более вероятное сближение описываемой среднедонской группы со степными вариантами, нежели с лесостепными. Крупные размеры длинных костей посткраниального скелета характерны для населения евразийских степей раннего железного века... Проведенные работы с материалами памятников Колбино и Терновое позволяют характеризовать «курганное» население как степное (курсив мой – В.Г.)..., с демографическими особенностями, типичными для кочевого населения, достаточно высокими показателями качества жизни, структурой питания кочевого скотоводческого общества» [2004, с. 81–89].

Данные палеозоологии

Палеозоолог Е.Е. Антипина изучила весь доступный по Среднему Дону остеологический материал скифской эпохи, в том числе костей животных из шурфов городищ Мостище I и Архангельское, из раскопов городища Россошки I и находки из курганов могильника у сёл Терновое и Колбино. Она пересмотрела также по новой методике старые коллекции со среднедонских городищ из раскопок П.Д. Либерова (1950-е–1960-е г.). Ею было установлено, что во многих городищенских комплексах на первом месте среди костей животных оказалась лошадь (т.е. мясо лошади широко употреблялось местным населением в пищу): Кировское городище – 46,5% всех костей, Волошинское – 52,5% и Русская Тростянка – 57,5% [Антипина, 2001, с. 171–172].

Не менее интересные выводы получены и по курганному могильнику. «Археозоологическое исследование остеологических материалов из могильника Терновое Колбино, проведенное путем подробного изучения и анализа всей биологической и части археологической информации, выявило неодинаковое значение разных видов животных и особенности их использования в погребальном обряде. Прежде всего на основе доминирования остатков лошади в погребальных комплексах была показана ее огромная роль как ритуального животного. По этой характеристике материалы изучаемого могильника действительно оказываются похожими на погребальные памятники степных регионов» [Там же, с. 185]. И далее следует общее заключение: «Скотоводство было вполне эффективной и масштабной отраслью хозяйства скифского населения на территории Среднего Дона... Результаты исследования химического состава костной ткани скелетов, погребенных в могильнике Колбино I, не противоречат молочному и маломясному типу питания местного населения... Аналогичные особенности диеты обычно характеризуют подвижное скотоводческое население во всем мире, что, в свою очередь, указывает на вероятность существования подобной экономики, в частности скотоводческой деятельности у скифского населения Среднего Дона» [Антипина, 2004, с. 117–118].

Данные палеоботаники

Палеоботаник Е.Ю. Лебедева основывает свои выводы на изучении отпечатков зерен на лепной керамике (как с городищ, так и из курганов) и на той органике (в том числе и карбонизированных зернах), которая была получена при промывке культурного слоя (метод флотации) некоторых поселений скифской эпохи с территории лесостепного Подонья. «На основании анализа отпечатков, – пишет она, – можно составить представление о так называемом общескифском палеоботаническом комплексе. Доминирующим в нем является просо (*Panicum miliaceum*) – 84%. Доля ячменя – второго по значимости растения – составляет 9,6%, а совокупная доля пшеницы – всего 5,2%. Сравнение отпечатков на керамике степных и лесостепных скифских памятников обнаруживает принципиально сходные палеоботанические комплексы, различающиеся лишь удельным весом отдельных посевных культур» [2000, с. 91–97]. Лепная керамика из курганных насыпей и могил у сел Терновое и Колбино также несет на себе многочисленные отпечатки культурных злаков. «Причем в некоторых случаях создается впечатление, что они оставлены намеренно. Прежде всего здесь следует отметить курильницу из погребения № 1 кургана № 36 (у с. Колбино – **В.Г.**) ... Отпечатки проса (не менее 10 экземпляров зерновок без пленок) зафиксированы только на поверхности этого сосуда... Очень много образцов зерновок найдено и на лепном кувшине из погребения № 1 кургана № 40, Колбино. Подавляющее их большинство принадлежит просу» [Лебедева, 2004, с. 121–122]. Для сравнения можно указать, что набор зерновых растений из промывки культурного слоя на степном Каменском скифском городище V–IV вв. до н.э. состоял из проса (51%), ячменя и полбы (пшеницы-двuzернянки). На среднедонском городище Мостище I флотация слоя выявила долю проса среди прочих злаковых в 57%. На керамике из степной Скифии отпечатки зерен проса составляют свыше 80% всех злаковых [Там же, с. 125].

Та же самая картина наблюдается и на поселениях скифского времени в Украинской Приднепровской Лесостепи. На Мотронинском городище из 419 изученных отпечатков зерновых на керамике 392 (или более 93%) принадлежали просу, а остальные – многорядному пленчатому ячменю и пшенице-полбе [Бессонова, Скорый, 2001, с. 116].

Любое кочевое (а тем более – полукочевое) общество обойтись совсем без продуктов земледелия не могло. Поэтому у всех племен, ведущих такой образ жизни, помимо скотоводства всегда практиковалось и примитивное земледелие. Причем комплекс растений просо–ячмень–полба был наиболее типичен для скифской эпохи и в степной и в лесостепной зонах, поскольку не требовал много влаги и был неприхотлив в отношении методов культивации. Полученное зерно шло в пищу местного населения и на подкормку скоту в тяжелый зимний период.

Таким образом, в настоящее время у нас имеется достаточно аргументов в пользу того, что в среднедонских курганах V–IV вв. до н.э. были похоронены люди, родственные степным ираноязычным кочевникам – скифам. А это вновь заставляет вспомнить о старой концепции М.И. Ростовцева – о единой Скифии (как о военно-политическом объединении), включающей в свои границы как степную, так и лесостепную зоны Северного Причерноморья, от Дуная до Дона, и где скифы-кочевники были господствующим элементом.

Список литературы

- Алексеев А.Ю.** Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. – 1987. – Вып.28.
- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – 2003.
- Антипина Е.Е.** Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. 1993–2000. – М., 2001.
- Антипина Е.Е.** Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. 2001–2003 гг. – М., 2004.
- Бессонова С.С.** Мужское и женское в сакральной сфере у скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев, 1991.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К.** К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Историческая география Дона и Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1992.
- Геродот.** История в девяти книгах. / Пер. Г.А. Стратановского, – Л., 1972.
- Граков Б.Н.** Скифы. – М., 1971.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И.** Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА. – 1954.
- Гуляев В.И.** Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. – М., 2000.
- Гуляев В.И.** Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху – 2001.

- Гуляев В.И.** Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху ...2004.
- Добровольская М.В.** К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху ...2004.
- Замятнин С.Н.** Скифский могильник “Частые Курганы” под Воронежем (раскопки ВУАК, 1910–1915) // СА. – 1946.– №8.
- Ильинская В.А.** Скифские курганы около г. Борисполя // СА. – 1966.– №3.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Скифия в VII–IV вв. до н.э. – Киев.– 1983.
- Королькова Е.Ф.** Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. – 2003. – Вып. 36.
- Куклина И.В.** Этногеография Скифии (по античным источникам). – Л., 1985.
- Лебедева Е.Ю.** Палеоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. – М., 2000.
- Лебедева Е.Ю.** Итоги археологических исследований на Среднем Дону в 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху – 2004.
- Либеров П.Д.** Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. – М., 1969.
- Либеров П.Д.** Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. – 1975. – № 177.
- Максименко В.Е.** Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. – Азов.– 1998. – Вып. 6.
- Медведев А.П.** Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история). – М., 1999.
- Мелюкова А.И.** К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо–сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.
- Мозолевский Б.Н.** Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. – Киев.– 1972.
- Мозолевский Б.Н., Михальская Т.С., Рябова В.А.** Раскопки на Днепропетровщине // АО за 1973 г. – М., 1974.
- Мурзин В.Ю.** Погребальный обряд степных скифов в VII–IV вв. до н.э. // Древности степной Скифии. – Киев.– 1982.
- Пузикова А.И.** Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. – М., 2000.
- Пузикова А.И.** Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). – М., 2001.
- Ростовцев М.И.** Эллинизм и иранство на юге России. – Петроград.– 1918.
- Савченко Е.И.** Могильник скифского времени «Терновое I–Колбино I» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху – 2001.
- Савченко Е.И.** Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху – 2004.
- Скорый С.А.** Скифы в днепровской правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). – Киев.– 2003.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1983.
- Тереножкин А.И.** Скифская культура // МИА.– 1973.– № 177.
- Шрамко Б.А.** Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно–будинская проблема // СА.– 1975. – № 1.

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ ЧЕЛОВЕКА ЕВРАЗИИ

Происхождение человека и заселение им Земного шара является одной из фундаментальных проблем научного знания. В конце XIX начале XX в. в науке дискутировалась проблема антропогенеза двух центров – Юго-Восточной, Восточной Азии и Африки.

В последней четверти прошлого века археологами, антропологами, палеогенетиками и другими специалистами было доказано, что прародиной человека является Африка. Около 6,5–7,5 млн л.н. на этой территории произошло разделение эволюционной ветви гоминоидов на гоминид и шимпанзе. К семейству гоминид относятся австралопитековые, которые являются прямыми предками человека. Пока убедительных свидетельств о расселении австралопитековых за пределами Африки не известно. В Африке прослеживается не только большое видовое разнообразие австралопитековых, но и открыты древнейшие на земле стоянки человека с каменными орудиями: чопперами, чоппингами, сфероидами, полиэдрами, грубо ретушированными отщепами, которые дислоцируются в основном в Восточной Африке, в районе Восточно-Африканского рифта.

Наиболее древние каменные орудия обнаружены в бассейне р. Када Гона. В этом районе открыто 16 местонахождений, где на поверхности и в слое *in situ* обнаружено более 3 тыс. артефактов. Очень важно, что артефакты найдены в одном слое с древними гоминидами [Semaw et al., 1997; Semaw, 2000]. Культуросодержащий горизонт залегал ниже уровня туфа, датированного на основании радиоизотопного метода ($^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$) и магнитостратиграфии временем 2,5–2,6.

Первичное расщепление осуществлялось в основном унифасиальным и бифасильным методами. Среди нуклеусов можно выделить хорошо оформленные дисковидные ядрища. Мастера знали о кристаллической структуре камня и, уже имея хороший опыт расщепления, использовали раковистые особенности исходного сырья. Некоторые из бифасиальных нуклеусов были сделаны из удлиненных галек и могут называться прото-бифасами [Semaw, 2000, p. 1205]. Отдельные нуклеусы были в значительной степени истощены предыдущими неоднократными снятиями. Помимо нуклеусов найдены боковые и концевые чопперы, которые также могли использоваться в качестве нуклеусов.

Размеры отщепов варьируют в диапазоне 10–130 мм. С. Семав типологию и технологию расщепления камня рассматривает в рамках олдувайской индустриальной традиции.

В Восточной Африке, в бассейне р. Омо и в Западной Туркане, открыты местонахождения древностью 2,4–2,3 млн лет с индустрией отличной от олдувайской.

Тщательное исследование коллекций из местонахождений в бассейне р. Омо позволило Игнесио де ла Торре [Togge, 2000] сделать ряд важных наблюдений о ранней индустрии гоминид. Он пришел к выводу, что для этой индустрии типичны отщепы и угловатые фрагменты, в основном, от 10 до 30 мм. Индустрия бассейна р. Омо демонстрирует ярко выраженный микролитический характер: с нуклеусов снимались отщепы и угловатые фрагменты, ударная площадка которых не фасетирована (90,9 %). Отщепы и угловатые фрагменты небольших размеров – от 10 до 30 мм.

М. Лики [1971] сделала детальное описание индустрии из слоев I и II Олдувая, что позволило ей создать развернутую типологическую классификацию всех категорий каменного инвентаря, которая является до настоящего времени общепризнанной. Олдувайская индустрия, предшествовавшая ашельской, считалась единственной, характерной для самого раннего этапа орудийной деятельности человека. Изучение индустрии местонахождений в бассейне р. Омо показало доминирование очень мелких фрагментов и типов каменных орудий, не имеющих аналогий в Олдувае, что позволило выделить тунгусскую фацию [Chavaillon, 1970].

Важнейшей задачей является решение вопроса о том, кто был создателем древнейшей индустрии.

Около 2,5 млн лет в Восточной Африке, в Омо и Западной Туркане, известен массивный *Australopithecus* [Howell et al., 1987], а в бассейне Среднего Аваша, в формации Боури, выделен грациальный *Australopithecus garhi* [Asfaw et al., 2002]. По мнению многих антропологов, их общим предком был *Australopithecus afarensis*. В Хадаре была найдена верхняя челюсть человека, долгое время известная под шифром AL 666-1, по всеобщему признанию принадлежащая древнему человеку. Дата этой находки 2,33 млн лет. В Омо в разделе G были найдены остатки *Australopithecus boisei* и *Homo sp.* Видовая принадлежность находки AL 666-1 долгое время не была определена, и он обозначался в литературе как *Homo sp.*, т.е. человек неизвестного вида [Зубов, 2004]. В настоящее время эти находки включены в вид *Homo habilis* [Kimbel et al., 1997]. Очень вероятно, что производителем каменных орудий в Омо, Хадаре и Локалалее был *Homo habilis*. С. Семав [Semaw, 2000] не исключает, что каменные орудия в Када Гоне могли принадлежать *Australopithecus garhi*; Б. Вуд [Wood, 1994] полагает, что в районе Афара каменные орудия мог изготавливать и использовать *Australopithecus boisei*.

Существование микроиндустрии в Восточной Африке дает возможность связывать первых выходцев из Африки, *Homo ergaster*–*Homo erectus*, не только с олдувайской индустрией, как нам представлялось [Деревянко, 2001, 2003, 2004, 2005], но и с микроиндустрией.

Проблеме первоначального заселения Евразии архантропами из Африки посвящено большое количество работ. Одной из наиболее информативных является статья Г. Бозински [Bosinski, 1992]. Когда и почему начался процесс выхода архантропов из Африки? Этот вопрос далек от окончательного решения.

С нашей точки зрения, первыми выходцами из Африки были *Homo ergaster*–*Homo erectus*-2 и процесс первой глобальной миграции начался ок. 2 млн л.н. Основанием для такого вывода являются бесспорные находки в Дманиси архантропов и каменных орудий древностью 1,8–1,6 млн лет. После уточнения времени существования *Homo erectus* на Яве проблема раннего заселения Евразии архантропами получает новое подтверждение. Исследованиями литологического горизонта, где был обнаружен в 1936 г. юношеский череп, относимый к *Pithecanthropus modjokertensis*, определены даты: $1,81 \pm 0,07$; $1,79 \pm 0,07$; $1,80 \pm 0,07$ и $1,82 \pm 0,09$ млн л.н. Средний возраст составил $1,81 \pm 0,04$ млн л.н. Для двух других палеоантропологических находок, сделанных в 1974 г. в центральной части Сангиранского плато и состоявших из относительного целого, но, к сожалению, расколотого лицевого отдела, фрагментов шеи (S 27) и части черепа (S 31), были получены два регулярных спектра древностью $1,66 \pm 0,04$ млн л.н. [Swisher et al., 1994]. Если столь ранние даты обитания *Homo erectus* в Азии корректны, то заселение Юго-Восточной Азии произошло не позднее 1,6–1,8 млн л.н. [Kennedy, 2000]. Это ставит перед учеными разных специальностей целый ряд новых важных вопросов: кто были первые выходцы из Африки? какими были ранние формы *Homo erectus*, которые пока еще не открыты в Африке, – *Homo ergaster* или другой вид или подвид *Homo (habilis?)*, от которого уже в Евразии произошел *Homo erectus*?

Несмотря на то, что остается много не решенных вопросов, очень вероятно, что процесс великого переселения начался ок. 2 млн лет, когда архантропы вышли за пределы Африки и стали заселять Евразию. Причем вначале заселялась Азия, а потом уже Европа.

Одним из главных побудительных мотивов переселения сторонники «экологической гипотезы» [Anton, et al., 2000] считают наступление в конце плиоцена саванн и резкое увеличение числа копытных, ставших для архантропов источником необходимой белковой пищи. В связи с возникновением охоты на животных в 8–10 раз увеличился объем освоенной территории (по сравнению с *Homo habilis*), возросла подвижность групп охотников, которые мигрировали за стадами копытных [Зубов, 2004].

Продвижение архантропов (*Homo ergaster*–*Homo erectus*) могло проходить двумя путями: северный (на Ближний Восток) и южный (в Южную Аравию). В результате регрессии Красного моря на 150 м часть Баб-эль-Мандебского пролива, ширина которого 28 км, стала сушей, а Красное море – озером и юг Аравии был соединен с Восточной Африкой перешейком, по которому могли мигрировать животные и человек. Переселение архантропов в Евразию произошло в результате расширения охотничьей территории: они как бы продолжали находиться в своей экологической нише, и в этом процессе не следует искать определенной закономерности.

На самых ранних палеолитических местонахождениях Евразии прослеживаются разные индустрии: олдувайская и микролитическая.

Северная волна первого миграционного потока из Африки прошла через Ближний Восток. Пока на Ближнем Востоке не найдено стоянок с олдувайской индустрией. У наиболее ранней из всех известных стоянок – Убейдия – нижние культуросодержащие горизонты датированы 1,4 млн л.н. [Tchernov, 1988, 1992]. Н. Горен-Инбар [Goren-Inbar, 1988] убедительно доказала, что во всех нижних горизонтах стоянки Убейдия присутствуют чоперы и бифасы.

Микролитическая индустрия в Израиле открыта на стоянке Бизат Рухама, расположенной на восточной окраине южной прибрежной равнины близ Иудейских гор. Ориентировочный возраст культуросодер-

жащих горизонтов Бизат Рухамы около 1 млн лет [Ronen et al., 1998; Burdukiewicz, Ronen, 2000; Zaidner et al., 2003].

Для первичного раскалывания в Бизат Рухаме специально отбирались небольшие гальки с мелкозернистой структурой, несмотря на то, что в этом районе они не часто встречаются [Zaidner et al., 2003]. Галька предварительно раскалывалась на две или более частей, которые использовались как ядрища. Нуклеусы из Бизат Рухамы очень маленькие – их средняя длина ок. 23 мм. Средняя длина отщепов ок. 20 мм, ширина 18 мм, толщина 9 мм. В большинстве случаев расщепление производилось до полного истощения нуклеуса. Отщепы, в свою очередь, часто становились нуклеусами и расщеплялись на мелкие фрагменты. В Бизат Рухаме угловатые фрагменты достигают 20 % от общего количества находок, что, по-видимому, свидетельствует о специальном их производстве.

Среди инвентаря в Бизат Рухаме выделены три основные типологические категории изделий [Ibid]. К первой относятся орудия заостренных форм (40 %); они делятся на различные группы по специфике вторичной обработки. Вторую типологическую категорию составляют скребла и ретушированные изделия. Крутой или полукрутой ретушью обрабатывались массивные, насколько это возможно при микролитическом характере индустрии, отщепы. Третью категорию изделий составляют выемчатые и зубчатые орудия. Они также изготавливались на толстых отщепах. Примерно половина выемчатых изделий относится к клетонскому типу [Ibid. p. 217]. Бизат Рухама – классическое палеолитическое местонахождение с микролитической индустрией: средняя длина артефактов составляет ок. 25 мм.

На Ближнем Востоке пока не найдено палеолитических местонахождений древнее 1,4 млн лет. Они обязательно будут найдены в будущем, потому что именно с Ближнего Востока должно было происходить первоначальное заселение человеком Кавказа, Ирана, Центральной Азии.

Северная миграционная волна древних популяций человека через Ближний Восток проникла на территорию Ирана, далее на Кавказ и, возможно, в Малую Азию. Убедительным свидетельством этого расселения является местонахождение Дманиси (Восточная Грузия) – одно из выдающихся в Евразии [Dzaparidze et al., 1991; Vosinski, 1992; Габуния и др., 2001]. Это местонахождение уникально тем, что в нем в четких стратиграфических условиях в сопровождении фауны вместе с остатками гоминид в литологическом горизонте, залегающем на базальтовой лаве, отнесенной к эпизоду Олдувай (1,87 – до 1,67 млн лет), зафиксированы древнейшие галечные орудия. Первичное расщепление в Дманиси характеризуется невыразительными формами. Очень трудно разграничить одно-и двусторонние галечные орудия и нуклеусы. Среди находок наибольшую долю составляют отщепы; некоторые со следами грубой ретуши. Орудийный набор крайне беден. Индустрия в Дманиси относится к олдувайскому типу.

Весьма вероятно, что в Дманиси архантропы проникли из Северного Ирана вдоль южной части Прикаспийской низменности западного побережья Каспия. В доашельское время первой на Кавказ пришла миграционная волна древних популяций человека с олдувайской индустрией. Позднее в район Прикаспийской низменности проникли архантропы с микролитической индустрией.

С 2003 г. Институт археологии и этнографии СО РАН совместно с Институтом археологии РАН ведет полевые работы на территории Дагестана. Во время разведочных работ в бассейне рек Дарвагчай и Рубас было открыто девять местонахождений раннего палеолита [Деревянко, Амирханов, Зенин и др., 2004; Амирханов, Деревянко, 2005]. В 2005 г. на местонахождении, расположенном на северном склоне Геджухского водохранилища, на левом берегу р. Дарвагчай, был заложен раскоп, где в отложениях Бакинской террасы (высота 110 м над уровнем моря, или 137 м над уровнем Каспия) было выявлено два культуросодержащих горизонта. Нижний горизонт зафиксирован в слое дитритусового известняка с включением небольшого количества гравийного материала. Во время формирования этого слоя терраса представляла собой пляж прибрежного участка лагуны, которая подпирала р. Дарвагчай. В слое в большом количестве сохранилась не только морская фауна: в конгломератах найдены кость крупного млекопитающего и зуб небольшого плотоядного животного (?). Размеры почти всех находок (основное сырье – кремль) не превышают 5 см. Орудия представлены остроконечниками, остриями, скребками, орудиями с выемкой, нуклеусами торцового типа, орудиями с шипом-носиком и др.

Второй культуросодержащий горизонт представлял собой валунно-галечно-гравийный конгломерат, перекрытый мощной пачкой субазральных осадков (до 3 м) и современного почвенно-дернового слоя (24 см), сформировавшихся после Бакинской регрессии. Во втором культуросодержащем горизонте каменная индустрия сохраняет микроиндустриальный облик, но в слое найдено небольших размеров проторубило, оформленное на гальке.

По предварительным оценкам возраст слоев с находками определен рамками раннего этапа неоплейстоцена (800–600 тыс. л.н.). Дарвагчай 1, несомненно, является поселенческим комплексом и важным доказательством гипотезы о возможности миграции архантропов с микроиндустрией из Африки в Евразию.

В Центральной Азии и на юге Сибири также открыты местонахождения раннего палеолита, где представлены олдувайская или микролитическая индустрии.

В Центральной Азии наиболее ранняя индустрия выявлена в Таджикистане [Ранов, 1988, 1992, 2000; Ранов, Амосова, 1990, 1994; Ранов и др., 1987; Ранов, 1995; Ранов, Dodonov, 2003]. Одним из самых ранних в Таджикистане является местонахождение Кульдара, находящееся в нижней части ущелья Кульдара, в долине р. Оби-Мазар. Нижний культуросодержащий слой перекрыт 120-метровой толщей лесса, в которой выделено 28 палеопочв. Находки обнаружены в 11 и 12 палеопочвах, разделенных бурым тяжелым суглинком с сильно развитым иллювиальным карбонатным горизонтом толщиной ок. 22 см. Древность палеопочв с находками составляет ок. 900 тыс. лет. Всего было найдено 96 образцов. В.А. Ранов [Ranov, Dodonov, 2003], обобщая характеристику каменного инвентаря Кульдара, подчеркивает малые размеры образцов: длина четверти артефактов менее 20 мм, половины – до 40 мм. Основным методом расщепления камня является галечный, характеризующийся преобладанием кортикальных отщепов. В то же время, несмотря на некоторый «архаизм» первичной обработки, оформление орудий часто высококачественное.

С нашей точки зрения, именно на основе микроиндустрии Кульдара формируется индустрия раннего и среднего палеолита Таджикистана. Хотя на более поздних этапах на палеолитических местонахождениях микроорудия практически исчезают, но галечная основа первичного расщепления и вторичной обработки каменных орудий сохраняется в Таджикистане длительное время.

В других районах Центральной Азии наряду с микроиндустрией многие местонахождения раннего палеолита характеризуются олдувайской индустрией. Ко времени 800–600 тыс. лет относятся древние галечные комплексы, зафиксированные в Казахстане на п-ове Мангышлак и в Каратау [Алпысбаев, 1979]. За последние годы в Южном Казахстане на северо-восточном склоне хребта Каратау, получившем название Кызыл-Тау, открыты десятки местонахождений с поверхностным залеганием артефактов в виде сплошного покрова на очень древних поверхностях и на больших площадях [Деревянко, Таймагамбетов, Бексеитов и др., 1996; Каменный век Казахстана..., 2003]. На некоторых стоянках на площади в несколько квадратных километров обнаружены десятки тысяч галечных орудий. Для всех раннепалеолитических местонахождений этого типа характерны крупные размеры чопперы, чоппинги, скребла различной модификации, орудия с носиком-шипом, зубчато-выемчатые изделия. Для первичного расщепления характерны ядрища ортогональных форм, галечные, одно- и двухплощадочные монофронтальные нуклеусы. У большинства нуклеусов ударная площадка не фасетированная. Все изделия, относящиеся к раннему палеолиту, имеют сильно дефлированную поверхность.

В Казахстане прослежена микроиндустрия на раннепалеолитических местонахождениях Кошкурган-1 и 2 и Шоктас-1, 2, 3 [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 2000].

На местонахождениях Кошкурган и Шоктас прослежена одна и та же индустрия, и нет никаких сомнений в том, что они составляют единую культуру. Первичное расщепление в нижнем культуросодержащем горизонте на этих местонахождениях было представлено леваллуазскими, ортогональными, одноплощадочными монофронтальными, дисковидными, чоппинговидными нуклеусами. Максимальные размеры нуклеусов 7 см, минимальные – 2 см. Все орудия имеют преимущественно небольшие размеры: 2–4 см. Наиболее ранние культуросодержащие горизонты с микроиндустрией имеют даты: 501 ± 23 ; 487 ± 20 ; 470 ± 35 ; 427 ± 48 тыс. л.н.

В Монгольском и Гобийском Алтае зафиксировано более 30 раннепалеолитических местонахождений открытого типа, которые по геоморфологической ситуации, технико-типологическим показателям, коррелированности галечных орудий можно отнести к древнейшим. Для наиболее ранних из них (Нарийн-гол-17 и др.) характерны сильно коррелированные галечные орудия типа чопперов и чоппингов, орудия с носиком, галечные нуклеусы, массивные скребла, залегающие на поверхности позднеплиоценовых террас [Каменный век Монголии..., 1990, 2000; Derev'anko, 1990; Derevianko, Deviatkin et al., 1991].

На территории Монголии исследовалось небольшое число хорошо стратифицированных местонахождений, которые позволяют проследить эволюцию индустрий раннего, среднего палеолита и перехода к верхнему. В пещере Цаган-Агуй в нижних горизонтах 13–10 фиксируется ортогональный и радиальный принципы первичного расщепления [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 2000]. Слой 12 датирован 520 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ–805), слой 11 – 450 ± 117 тыс. л.н. (РТЛ–806). В 9-м слое появляются леваллуазские нуклеусы. В нижних горизонтах представлена индустрия первой волны архантропов с олдувайской индустрией. Пока на территории Монголии не найдены местонахождения с микроиндустрией.

В 2001 г. в 14 км от Денисовой пещеры, вниз по течению р. Ануй, открыто раннепалеолитическое местонахождение Карамы, несколько пунктов которого дислоцировались на разных высотах. В 2001–2005 гг. на них проводились стационарные исследования; в результате выявлены культуросодержащие горизонты, артефакты из которых более раннего возраста, чем находки из всех известных местонахождений в Северной Азии [Деревянко, Шуньков, 2003; Деревянко, Шуньков, Зыкин и др., 2002]. В раскопе 2 на Караме, расположенном на

высоте 51 м над современным уровнем р. Ануй, вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 8 м. Артефакты зафиксированы в четырех культуросодержащих горизонтах. Два горизонта залегают в средней и нижней частях мощной пачки красноцветных отложений, еще два – в пойменной фации аллювия древнего водотока. Процесс первичного расщепления представлен галечными ядрищами, ударная площадка которых сохраняет галечную корку. Продукты снятия представлены укороченными нефасетированными сколами различных размеров. В орудийном наборе преобладают поперечные и продольные скребла, орудия с носиком, чопперы, чоппинги, зубчатые и выемчатые орудия.

Красноцветные осадки, в которых залегают артефакты на Караме, аналогичны красноцветам разреза Черный Ануй, расположенного в 20 км от стоянки выше по течению реки. Возраст этих отложений, определенный на основании РТЛ-дат и палеонтологических характеристик – 542 тыс. лет и соответствует верхнему рубежу нижнего неоплейстоцена [Деревянко, Попова, Малаева и др., 1992; Деревянко, Лаухин, Малаева и др., 1992]. Пойменные отложения древнего водотока, в которых также зафиксированы культуросодержащие горизонты, принадлежат более раннему периоду – среднему этапу нижнего неоплейстоцена; древность их 800–600 тыс. лет [Деревянко, Шуньков, Болиховская и др., 2005]. Стоянка Караме является древнейшей в Северной Азии с олдувайской индустрией.

Южная волна архантропов из Африки в Евразию распространялась через Южную Аравию по сухопутному мосту, существовавшему во время регрессии Красного моря.

Важные открытия сделаны Х. Амирхановым [1991] в Южной Аравии. В пещере Аль-Гуза в нижнем культуросодержащем горизонте Н были обнаружены двусторонние чопперы с прямым широким лезвием, односторонние чопперы с широким дугообразным лезвием отщепы. На основании геоморфологических, стратиграфических палеомагнитных данных Х. Амирханов приходит к выводу, что заселение Южной Аравии человеком произошло около 1,65–1,35 млн лет [Там же].

Движение архантропов южной миграционной волны на восток нашло отражение в древнейших местонахождениях на территории Индостана. В Пакистане, в долине р. Соан, в местности Риват, в горизонте конгломератов обнаружено три артефакта [Dennel et al., 1988]. По результатам палеомагнитного датирования, для артефактов был установлен возраст 1,9 млн лет.

В Китае выявлены сотни палеолитических местонахождений; их материалы тщательно изучаются, однако многие фундаментальные проблемы истории заселения данной территории продолжают оставаться дискуссионными. Среди исследователей есть сторонники гипотезы о более полуторамиллионной древности китайского палеолита, однако опубликованные материалы стоянок Лунгупо в Нихэваньской котловине, Сихоуду, Юаньмоу не убеждают многих специалистов в том, что находки из этих памятников – результат деятельности человека, в равной мере, как и их древность – более 1,5 млн лет [Ранов, 1999; Keates, 1994; Вэй Ци, 1989; Вэй Ци и др., 1983; Ю Юйчжу, 1989]. С моей точки зрения, к совершенно бесспорным в Китае следует отнести местонахождения Дунгупо и Сяочанлян, результатам исследования которых посвящено много работ [Вэй Ци, 1989; Вэй Ци и др., 1983; Ранов, 1999; Вэйвэнь Х., 1987; Ю Юйчжу, 1989; Ю Юйчжу и др., 1980; Keates, 1994, 2003; Pope, Keates, 1994; Wei Qi, 1999].

Большинство исследователей считают, что Сяочанлян имеет усредненную датировку в пределах 1,36 млн лет (Zhu et al., 2001; Wu, 2004). Стоянка Дунгупо, судя по геологической и геоморфологической ситуации, хронологически относится к эпизоду Хамарильо и ориентировочно датируется 1,01 млн лет. Для этих стоянок характерно ярко выраженная микролитическая индустрия. Орудийный набор на обеих стоянках по типам и процентному соотношению близок и не имеет принципиальных отличий. Техника первичного расщепления и форма нуклеусов также одинакова. Орудия изготавливались на небольших отщепках или специальных заготовках и по размерам не превышали 30 мм. В связи с этим логично предположить, что эти стоянки оставлены архантропами, использовавшими микролитическую технику.

Это не исключает возможности того, что в Китае ранее 1 млн лет назад могла прийти и вторая миграционная волна архантропов с олдувайской индустрией. Дальнейшее изучение уже известных местонахождений Лунгупо, Сихоуду и др., а также возможность открытия новых позволит более определенно ответить на этот вопрос. Это очень вероятно, потому что в Китае уже в раннем палеолите наблюдается развитие индустрии в двух направлениях: индустрия с большим процентом артефактов малых размеров к северу от хребта Цзиньлин и со значительным количеством артефактов крупных размеров (макроорудий) – к югу [Palaeoanthropology..., 1985]. Эта традиция сохраняется в Китае вплоть до верхнего палеолита.

В Европе в хронологическом диапазоне 1 млн – 600 тыс. лет датируются местонахождения Монте Пожолла, Ле Валлоне, Солейяк, Фуэнте Нуэва 3, Орсе. Индустрия этих местонахождений характеризуется первичной и вторичной обработкой в олдувайской традиции, хотя в Орсе орудия оформлялись, в основном, на небольших отщепках.

Наиболее ярко микроиндустрия в Европе прослеживается на местонахождении Изерния ля Пинета [Izernia la Pineta, 1983; Cesnola, 1996]. Общая площадь, где зафиксированы археологические находки, состав-

ляет ок. 20 тыс. кв. м. Люди в течение продолжительного времени неоднократно приходили на эти места; в результате на большой площади обнаруживаются кости и фрагменты костей диких животных и каменные орудия. При раскопках зафиксирована специально обустроенная костями крупных животных и крупными блоками травертинов жилища площадка.

В процессе раскопок обнаружено несколько тысяч артефактов. Нуклеусы на стоянке Изерния ля Пинета нескольких типов: монофронтальные, с параллельным фронтом снятия, ортогональные. Размеры их в длину не превышают 25–35 мм. Для стоянки по образцу санидина по K/Ar получена дата: $0,736 \pm 0,04$ млн лет [Delitala et al., 1983].

В Европе микроиндустрия известна и на местонахождениях в хронологическом диапазоне 600–300 тыс. лет. Индустрию буда (Вертешселеш в Венгрии) и микроиндустрию зубчатого облика (Бильцингслебен в Германии) можно рассматривать как продолжение традиции раннего пласта микроиндустрии, связанного с элементами аккумуляции в результате других миграционных потоков древних популяций человека в Европу. Микроиндустрия была характерна и для других стоянок: Шонинген-12 и Шонинген-13, относящихся к раннему палеолиту [Thieme, 2003]; Трзбника-2, Руско-33 и-42 [Burdukiewicz, 2003].

Выводы

Раннепалеолитическая микроиндустрия – особое явление в историко–культурном становлении человечества, и ее следует рассматривать как одну из главных основ орудийной деятельности архантропов. Распространение микроиндустрии в Евразии связано с одной из двух доашельских миграций человека из Африки в хронологическом диапазоне 2–1,5 млн л.н. Что мы вкладываем в понятие «раннепалеолитическая индустрия»? Маленькие и большие по размерам орудия труда – абстрактные определения. Для микроиндустрии характерно:

1) преобладание орудий (90% и более) размерами не более 50 мм. В отдельных местонахождениях может быть небольшое количество орудий нескольких больших размеров, но это – отбойники и рубящие изделия типа чопперов и чоппингов;

2) все основные типы каменных орудий изготовлены на отщепках. В наиболее ранних местонахождениях Евразии (1,3–0,7 млн лет) более 50% каменных орудий имеют размеры 15–30 мм.

3) среди орудий наиболее типичными являются скребла, скребки, зубчатые и выемчатые инструменты, проколки, острия, орудия с шипом. Для оформления орудий наиболее часто применялись зубчатая и чешуйчатая ретушь. Очень часто в качестве сырья использовались кремнистые породы камня.

Наличие на ряде раннепалеолитических местонахождений только орудий маленьких размеров предопределяло и адаптационные стратегии. Во-первых, преобладание орудий небольшого размера подразумевало использование деревянных основ для изготовления сложных составных изделий. Поэтому для обеспечения долговечности и эффективности вкладышевых изделий в качестве сырья выбирались твердые и наиболее прочные породы камня. Дерево, как и камень, использовали, видимо, на самой заре человеческой истории. Обнаруженные в Шёнингене и Бильцингслебене деревянные рукоятки для составных орудий подтверждают такое предположение. Наличие в Бизат Рузуме, Дарвагчае и др. раннепалеолитических местонахождениях скребел, зубчато-выемчатых инструментов свидетельствует об использовании их для обработки дерева и кости. Это подтверждается и трасологическими исследованиями [Steguweit, 2001]. Во-вторых, основным источником питания, видимо, были морские или речные ресурсы и продукты собирательства. Наличие на ряде местонахождений (Изерния ля Пинета, Бильцингслебен и др.) остатков крупной териофауны свидетельствует скорее всего о трупоедании, что не исключило охоту на мелких животных.

Появление и распространение раннепалеолитической микроиндустрии в Евразии – сложнейший феномен, который требует специального изучения. Важнейшее значение для решения этой проблемы будут иметь обнаружение новых и дальнейшее изучение уже известных местонахождений с микроиндустрией. Открытие и изучение в 2004–2005 гг. стоянки Дарвагчай на западном побережье Каспия вселяет уверенность в возможность выявления местонахождений с микроиндустрией в Евразии, которые дадут исчерпывающие ответы на некоторые проблемы, поставленные в этой статье.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.
Амирханов Х.А. Палеолит юга Аравии. – М.: Наука, 1991. – 342 с.

- Амирханов Х.А., Деревянко А.П.** Разведки памятников каменного века в Дагестане в 2003 г. // Древности Кавказа и Ближнего Востока. – Махачкала: Эпоха, 2005. – С. 33–40.
- Археологические** исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 гг. / А.П. Деревянко, Д. Олсен, В.Т. Петрин и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.
- Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д.** Новые находки костных останков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 128–139.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.
- Деревянко А.П.** Две основные миграционные волны древних популяций человека в Азию // Труды Отделения историко-филологических наук. – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2003. – С. 11–24.
- Деревянко А.П.** Проблемы антропогенеза и заселения человеком восточной части Евразии // Современные проблемы науки. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 52–71.
- Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 22–36.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. и др.** Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 65–69.
- Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М. и др.** Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. РАН. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509–513.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д. и др.** Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1(1). – С. 23–36.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. и др.** Ранне-палеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 298 с.
- Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М. и др.** Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. РАН. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842–846.
- Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексентов Г.И. и др.** Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 80–86.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Поиски раннего палеолита в Горном Алтае // Археологические открытия 2002 г. – М.: Наука, 2003. – С. 356–357.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С. и др.** Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 86 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М.** Новый ранне-палеолитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 84–89.
- Зубов А.А.** Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – 551 с.
- Каменный век Казахстана:** Исследования Российской-Казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001 гг.) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.
- Каменный век Монголии:** Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский и др. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Каменный век Монголии:** Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.
- Ранов В.А.** Каменный век Таджикистана и Памира: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.
- Ранов В.А.** Генезис и периодизация памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. – Душанбе, – [Хисор, 1992]. – С. 28–48.
- Ранов В.А.** Ранний палеолит Китая: (Изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.
- Ранов В.А.** Лессово-почвенная формация в Южном Таджикистане и лессовый палеолит // Археологические работы в Таджикистане в 2000 г. – Душанбе, 2000. – Вып. 27. – С. 21–49.
- Ранов В.А., Амосова А.Г.** О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана // Полевая археология древнекаменного века. – М.: Наука, 1990. – С. 53–61. – (КСИА; Вып. 202).
- Ранов В.А., Амосова А.Г.** Раскопки палеолитической стоянки Кара-тау-1 в 1985 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1994. – Вып. 25. – С. 132–145.
- Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П. и др.** Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1987. – № 56. – С. 65–74.
- Anton S., Aziz G., Zaim Y.** Plio-Pleistocene Homo: Patterns and determinants of dispersal // Humanity from African naissance to coming millennia. – Witwaters-rand; Firenze, 2000. – P. 91–103.
- Asfaw B., Giebert W., Beyene Y., Hart W., Reinne P., Wolde G., Vrba E., White T.** Remains of Homo erectus from from Bouri, Middle Awash, Ethiopia // Nature. – 2002. – Vol. 416. – P. 317–320.
- Bosinski G.** Die ersten Menschen in Eurasien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz (Sonderdruck). – 1992. – N 39. – 181 S.

- Burdukiewicz J.M.** Lower Palaeolithic sites with small artefacts in Poland // Lower Palaeolithic small tools in Europe and the Levant / Ed. by J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 65–92. – (BAR Intern. Ser.; 1115).
- Burdukiewicz J.M., Ronen A.** Ruhama in the Northern Negev Desert: A new microlithic site of Lower Palaeolithic in Israel // *Præhist. Thuringica*. – 2000. – N 5. – P. 3–5.
- Cesnola di Arturo Palma.** Le Paleolithique inferieur et moyen et Italie // *Préhistoire d'Europe*. – Jérôme Millon. – 1996. – N 1. – P. 1–384.
- Chavaillon J.** Découverte d'un niveau oldowayan dans la passe vallée de l'Omo (Ethiopia) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. – 1970. – N 67 (1). – P. 7–11.
- Denell R.W., Rendell H.M., Hailwood E.** Early tool-making in Asia: Two million year old artefacts in Pakistan // *Antiquity*. – 1988. – Vol. 62, N 234. – P. 98–106.
- Derev'anko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the problem of ancient migrations (inform-operative material) / *Acad. of Sci. of the USSR. Sib. Div. Inst. of History, Philology and Philosophy*. – Novosibirsk, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T.** New discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its geological=geomorphological position // *The INQUA Intern. symp. on stratigraphy and correlation of Quaternary deposits in the Asian and Pacific Region*. Bangkok: CCOP Techn. Secretariat, 1991. – P. 119–132.
- Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianshvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Maisuradze N., Pavlenishvili E., Schmincke H., Sologashvili D., Tvalcrelidze M., Vekua A.** Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. – Mainz. – 1991. – Bd. 36. – S. 67–116.
- Howell F.C., Haesaerts P., De Heinzelin J.** Depositional environments, archaeological occurrences, and hominids from Members E and F of Shungura Formation (Omo Basin, Ethiopia) // *J. Human Evolution*. – 1987. – Vol. 16. – P. 665–700.
- Goren-Inbar N.** The Lower Palaeolithic of Israel // *The archaeology of society in the Holy Land*. – L.: Leicester Univ. Press, 1988. – P. 93–113.
- Isernia la Pineta.** – Bologna; Roma; Milano. – 1983. – 113 p.
- Keates S.G.** Archaeological evidence of hominid behaviour in Pleistocene China and Southeast Asia // *Courier Forsch. Inst. Senckenberg*. – 1994. – Bd. 171. – S. 141–150.
- Keates S.G.** The role of raw material in explaining tool assemblage variability in Palaeolithic China // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Ed. by J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 149–168. – (BAR International Series 1115).
- Kennedy K.** Middle and Pleistocene Hominids of South Asia // *Humanity from African naissance to coming millennia*. Witwatersrand. – Firenze. – 2000. – P. 167–175.
- Kimbel W.H., Johanson D.C., Rak H.** Systematic assessment of a maxilla of Homo from Hadar Ethiopia // *American J. Physical Anthropol.* – 1997. – Vol. 103. – P. 235–262.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. – Vol. 3. – 306 p.
- Palaeoanthropology and Palaeolithic archaeology in the People's Republic of China** / Eds R.K. Wu and J.W. Olsen. – L.: Acad. Press, 1985. – 265 p.
- Pope G.G., Keates S.G.** The evolution of Human cognition and cultural capacity: A view from the Far East // *Intergartive Paths to the Past. Paleanthropological advances to the Past*. – New Jersey, 1994. – P. 531 – 567.
- Ranov V.A.** The Paleolithic of the Middle Pleistocene in Central Asia // *Evolución humana en Europa y los yacimientos de la Sierra de Atapuerca*. – Junta de Castilla y León: Valladolid, 1995. – Vol. 2. – P. 367–386.
- Ranov V.A., Dodonov A.** Small instruments of the Lower Palaeolithic site Kuldara and their geoarchaeological meaning // *Lower Palaeolithic small tools in Europe and the Levant*. – Oxford, 2003. – P. 133–147. – (BAR Intern. Ser.; 1115).
- Ronen A., Burdukiewicz J.-M., Laukhin S. et al.** The Lower Palaeolithic site Bizat Ruhama in the Northern Negev, Israel // *Archaeol. Korrespondenzblatt*. – 1998. – Bd. 28, H. 2. – S. 163–173.
- Semaw S.** The world's oldest stone artefacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2,6–1,5 million years ago // *Ibid.* – 2000. – N 27. – P. 1197–1214.
- Semaw S., Renne P., Harris I.W.K. et al.** 2,5 million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia // *Nature*. – 1997. – Vol. 385. – P. 333–336.
- Swisher C.C III, Curtis G.H., Jacob T. et al.** Age of the earliest known hominids in Java, Indonesia // *Science*. – 1994. – Vol. 263. – P. 1118–1121.
- Tchernov E.** The biogeographical history of the southern Levant // *The zoogeography of Israel*. – Dordrecht: Junk, 1988. – P. 159–50.
- Tchernov E.** Eurasian-African biotic exchanges through the Levantine corridor during the Neogene and Quaternary: Mammalian migration and dispersal events in the European Quaternary // *Courier Forsch. Inst. Senckenberg*. – 1992. – Bd. 153. – S. 103–123.
- Thieme H.** The Lower Palaeolithic sites at Schoningen, Lower Saxony, Germany // *Lower Palaeolithic small tools in Europe and the Levant*. – Oxford, 2003. – P. 9–28. – (BAR Intern. Ser.; 1115).
- Torre I.** Omo revisited: Evaluating the technological skills of Pliocene hominids // *Curr. Anthropol.* – 2004. – Vol. 45, N 4. – P. 439–465.
- Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J.M.** The Lower Paleolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // *Lower Palaeolithic small tools in Europe and the Levant*. – Oxford, 2003. – P. 133–147. – (BAR Intern. Ser.; 1115).

Wei Qi. Paleolithic archaeological sites from the Lower Pleistocene in China // From Sozudai to Kamitakamori: World views on the Early and Middle Palaeolithic in Japan: A symposium to commemorate the 80th birthday celebrations of professor Chosuke Serizawa. – Sendai: Tohoku Fukushi Univ., 1999. – P. 123–124.

Wood B.A. Taxonomy and evolutionary relationships of *Homo erectus* // Courier Forsch. Inst. Senckenberg. – 1994. – Vol. 171. – P. 159–165.

Wu Xian. On the origin of modern humans in China // Quaternary Intern. – 2004. – Vol. 117. – P. 131–140.

Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J.M. The Lower Paleolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // Lower Palaeolithic small tools in Europe and the Levant. – Oxford, 2003. – P. 133–147. – (BAR Intern. Ser.; 1115).

Zhu R.X., Hoffman K.A., Potts R. et al. Earliest presence of humans in Northeast Asia // Nature. – 2001. – Vol. 413. – P. 413–427.

Вэйвэнь Х. Китайские рубила // Жэньлэйсюэ сюэбао (Доклады по антропологии). – 1987. – № 6. – С. 61–68 (на кит. яз.).

Вэй Ци. Первоначальные исследования палеолита в Дунгуту // Нихэ-вань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 115–128 (на кит. яз.).

Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцюань. Новые раскопки палеолитических местонахождений в многослойном комплексе Нихэвань // Жэньлэй сюэбао. – 1983. – Вып. 4, № 3. – С. 105–114 (на кит. яз.).

Ю Юйчжу. Новые материалы палеолитического памятника Сяочанлян в провинции Хэбэй и проблемы его датировки // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 92–98 (на кит. яз.).

Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И. Палеолитические открытия в комплексе Нихэвань (Нихэвань-цзю цзюшици дэ фасянь) // Чжунго дисыцзи яньцзюй. – 1980. – Т. 5, № 1. – С. 78–91 (на кит. яз.).

А.Н. Кирпичников

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В истории народов Европы и Азии Великий волжский путь в эпоху средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение. Использование этого пути повлияло на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовало созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Великий Волжский путь (далее ВВП) сыграл особую роль в развитии славянских, финно-

угорских, тюркских и скандинавских народов Европы в отношении организации городов, транспорта, ремесла, путей сообщения, международных рынков, а в конечном итоге, становления государств, властных институтов, производственных отношений.

В последней четверти I тыс. н.э. значение Волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины. В результате арабской экспансии доступ европейцев в Средиземное море в течение VII-VIII вв. и их связи с Византией и Передним Востоком фактически нарушились и торговля была вынуждена искать другие пути [Вайбуль, 1997]. И такой путь через Восточную Европу в страны Азии, впрочем издревле известный, был использован во все возрастающей мере. Перенаселение Скандинавии и связанный с этим растущий недостаток земельных угодий выталкивали избыточное население в поисках пригодных для колонизации земель за пределами родины. Одновременно общий подъем экономики, развитие торговли и судоходства стремительно увеличили потребность в денежных средствах. Переселенцы, изгнанники, искатели приключений, обуреваемые жадной обогачения и захвата добычи норманны ринулись на континентальную Европу [Гуревич, 1966]. Бурный период создания государств, воинственных дружин, флота, властных институтов сопровождался стремлением правящих верхов и общественных групп к переделу мира, походам, дальней торговле. Накоплению богатств и обмену ценностями способствовали сложившееся мировое естественно-географическое разделение труда, неравномерное распределение сырьевых ресурсов стран Запада и Востока, и различие стоимости изделий удаленных регионов. Для ведения караванной торговли возникли сообщества купцов. Основными явились водные дороги. Использовались не только морские, но и речные корабли (шириной примерно до 2 м и длиной не менее 8 м). Организация региональных и трансконтинентальных связей потребовала устройства береговых поселений, корабельных станций, постоянных или сезонных торжищ.

ВВП, каким он функционировал в последней четверти I тыс. н.э., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга. Протяженность Волги, самой большой реки Восточной Европы и одной из величайших в мире, – 3 531 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности минуя зоны леса, лесостепи, степи (ныне еще полупустыни и пустыни). Территория водосборного бассейна – 1 358 кв. км, что составляет 13 % территории Европы. К Волге тяготели реки, а также водные и сухопутные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы, с учетом ее прямого и косвенного функционирования, от Британии и Голландии до Ирана и Ирака. Ниже отметим и ответвления этой системы.

Северная часть ВВП частью располагалась за его пределами. Это – Северное и Балтийское моря, Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «Селигерский путь» по рекам Поле, Явони до озера Селигер и по реке Селижаровке с выходом на Волгу. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (например, до области Джурджан). Далее шла сухопутная дорога до города Рея или дальше до Багдада. Наибольшая часть водного пути приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на реках Неве и Волхове – пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (например, от Бирки) до района Каспия (допустим, до Дербента) с учетом, что расстояние составляло ок. 5 500 км, могло занять 2 месяца и несколько месяцев – на обратный путь. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществить полную поездку, в лучшем случае, раз в год. Среди водных дорог Русской равнины Волжский путь с его системными ответвлениями относится к наиболее разветвленному и значительному, а его стержневое направление по отношению Запад-Восток – магистральным.

Исторически Волга не только не разъединяла народы, а наоборот, притягивала к своим берегам новых поселенцев. Она как бы являлась центром, вокруг которого в разные времена группировались аланы, хазары, мадьяры, печенеги, гузы, половцы, буртасы, болгары, мордва, мурома, мешера, весь, чудь, марийцы, вятичи-удмурты, славяне (включая северян, радимичей, вятичей, словен новгородских), югра, позднее – татары. Хорошо был знаком ВВП арабам, персам, азербайджанцам, армянам, евреям, балтам, скандинавам, фризам, саксам, западным славянам. Эти народы исповедывали разную веру: языческую, христианскую, иудейскую, мусульманскую, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных торговой необходимостью.

В системе Волжского пути возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты не обязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сырьевой округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многофункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, сосредоточием ремесленников и международной торговли.

Среди городских образований в системе ВВП выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Что касается восточно-европейских населенных пунктов (в большинстве IX–X вв.), относящихся к системе ВВП, то следует назвать Ладогу в нижнем течении р. Волхов, предшественника Новгорода – Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги археологические комплексы Тимерево, Петровское и Михайловское, давшие начало Ярославлю. С Волгой в определенной мере связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище – предшественник Ростова; Суздаль, Клещин – предшественники Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На средней Волге находились поселение, предшествующее Казани, Булгар, также Биляр, Сувар, Ощель. В дельте Волги размещалась столица Хазарии Итиль; назовем также построенный между 834 и 837 гг. Саркел-Белую Вежу. В зоне Прикаспия располагались Семендер, Беланджер, Дербент, Баку. На юго-востоке Каспийского моря находилась область Джурджан с портом Абескун, как отмечал современник, «самым известным портом на Хазарском море». Из Абескуна сухопутные караванные дороги вели в Рей – «торговый центр мира» и далее в Багдад. Другим направлением из этого места двигались через Балх и Магереннахр в Центральную Азию и Китай [Заходер, 1962].

Население торговых городов включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих «гостей», состав которых мог меняться в связи с сезонностью торговли. В пору расцвета волжской торговли в ней, по словам восточных авторов, принимали непосредственное участие русы, болгары, буртасы, хазары, арабы, евреи и через перекупщиков северные вису и югра. Данный перечень не полон, но при этом уверенно выделяются главные деловые партнеры; русы, болгары и хазары. Эти люди образовывали свои клановые купеческие сообщества. Отличительной чертой таких коллективов была национальная пестрота, этническая уживаемость, соседство разноплеменных, даже экзотических по происхождению, по-видимому, равноправных общин, необычайная религиозная и расовая терпимость.

Различие национальных, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам околобалтийской и Восточной Европы интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной, судоходной торговли. Все это происходило нередко без вмешательства государств и их институтов на основе частного предпринимательства. Развитие торговых центров строилось по принципу «сообщающихся сосудов». Уровень, достигнутый в одном месте, распространялся и на соседние, а порой и далеко друг от друга отстоящие места. В подобных центрах на достигнутом технически передовом уровне развивалось производство популярных изделий, которые пользовались мировым спросом, таких, как украшения, предметы туалета, оружие.

Поездки торговцев сочетались с посредничеством. Известно, что болгарские купцы продавали арабам меха, вымененные у северных народов. Мусульманские писатели сообщали, что арабские купцы дальше Булгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным, транзитным рынком.

Товарно-денежные отношения в зоне речных путей и приближенных к ним поселений Европейского континента приобрели в период раннего средневековья небывалый размах в результате экспортно-импортных операций. Баснословную прибыль, достигавшую иногда 1 000 %, приносила разница в стоимости, исчисляемой в серебре, пушнине у северных народов и на восточных рынках [Славяне и скандинавы..., 1986]. Скапливался, накопленный таким образом, крупный торговый капитал. Дорожные издержки и пошлины, а также опасности пути не останавливали торговцев. Путешествия этих людей проходили по населенным, а больше безлюдным местам. На волоках, ночевках, да и в движении по воде их подстерегали нападения пиратов и разбойников. Понятно, что в одиночку такая поездка была обречена на неуспех. Флотилию каравана должны были охранять воины, бывшие одновременно гребцами. Фигура смелого, предприимчивого, странствующего купца приобрела своего рода героический ореол. В одном восточном источнике писалось: «кто по алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь и тело, и имущество, не страшится разбойников и бродяг и пожирающих людей хищников и небезопасных путей, людям Запада доставляет блага Востока, а людям Востока доставляет блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это не кто иной, как купец» [Заходер, 1962].

«Товарная интеграция» Евразии, сблизившая естественно-географические районы разделения труда, в последней четверти I тыс. н.э. проявилась на стандартизации производства определенных популярных изделий в странах и регионах не только близких, но и достаточно далеко отстоящих друг от друга. В обиход вошли однотипные стеклянные, сердоликовые, хрустальные бусы, привески и бусы из янтаря, костяные гребни, некоторые украшения из бронзы, гири и весы для взвешивания монет, международные по форме мечи, боевые топоры-чеканы, отчасти наконечники копий и стрел, также кольчуги, сходные по форме щиты и булавы, «восточные» наборные воинские пояса. Распространились высокие шапки, подбитые мехом одежды, возможно, использовались одинаковые по устройству корабли. Наряду с этнически нейтрально украшенными вещами, употреблялись украшения, оружие и бытовые изделия, имевшие местные черты.

Подробный перечень товаров волжской торговли в пору ее наивысшего подъема в середине X в. приводится в труде ал-Мукаддаси «Наилучшее разделение для познания климатов», написанном ок. 985 г. Здесь перечисляются, в частности, товары, привезенные из Булгара в Хорезм: меха соболей, белок, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев, коз; воск, стрелы, береста, высокие шапки, рыбий клей, рыбы зубы (моржовые клыки), бобровая струя, янтарь, выделанные кожи (юфть), мед, лесные орехи, соколы, мечи, панцири (точнее кольчуги), березовая древесина, славянские рабы, мелкий скот, крупный рогатый скот [Бартольд, 1963; Гаркави, 1870; Славяне и скандинавы..., 1986; Рыбаков, 1948; Халидов, 2000]. Все эти товары высоко ценились (например, раб стоил от 70 до 300 дирхемов) и в Среднюю Азию из других мест, кроме как Поволжья, не поступали. Среди обозначенного ассортимента обнаруживаются товары, скорее всего, преимущественно происходящие из Руси: меха соболей, белок, горностаев, куниц, лисиц, зайцев, также мед, воск, кора и древесина березы, янтарь, высокие шапки, мечи, кольчуги, славянские невольники. В этом перечне были не только изделия русов (здесь, уверенно, русских), но и приобретенные ими у соседних народов, например меха соболей, белок, куниц. Русы – одни из самых преуспевающих «меховщиков» своего времени, – действительно, самый дорогой груз получали из доступных им северных регионов. Кроме мехов, на восточных рынках ценились высокие, отороченные мехом шапки (они станут своего рода национальным убором русских князей домонгольской Руси), кольчуги и мечи, как привозные франкские, так и местные древнерусские, называвшиеся слиманскими или сулейманскими, по имени библейского царя Сулеймана – Соломона [Кирпичников, 1998].

Список ал-Мукаддаси свидетельствует о том, каким мощным торговым транзитным центром был Булгар; показания этого же списка приложимы и к Итилю, и городам Руси.

Государства, возникшие в зоне ВВП, способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего речь идет о Хазарии (650–965 гг.), занимавшей нижнее течение Волги, предгорья Кавказа, Кубань, среднее течение Дона, бассейн Северного Донца, северное Приазовье, часть Крыма. Столица хазар, Итиль, являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы разных стран, включая и славян.

Мощное развитие начиная с конца IX в. получила Волжская Булгария, образовавшаяся в среднем Поволжье. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутую собственную торговую миссию.

Основополагающее влияние в отношении использования ВВП, особенно в его прибалтийской части, оказала Северная Русь со столицей в Ладоге, а затем Холмгороде-Предновгороде, сформировавшаяся, скорее всего, до середины IX в.. Правители новообразованной державы существенным образом расширили балто-европейские связи. Ладога и другие северные русские города выдвинулись тогда в качестве центров, активизировавших экономические и транспортные контакты Запада и Востока.

Судя по «Сказанию о призвании варягов», Ладога до вокняжения там в 862 г. Рюрика являлась главным центром межплеменной конфедерации северных славянских и финских племен [Там же, 1988]. Эта конфедерация была способна на объединенные действия и может быть сопоставлена с каганатом русов, заявившим о себе в первой половине IX в. и, по всей видимости, независимым от Хазарской державы. Дополнить наши представления об этом раннегосударственном образовании могут, во многом еще загадочные, поддающиеся постепенной расшифровке сведения Иокимовской летописи о доваряжской династии на севере Руси с вероятной резиденцией в Ладоге [Там же, 1997]. В Ладоге обнаружены отчетливые признаки ее существования начиная с первой половины VII в. В древнейших слоях этого города найдены наиболее ранние среди городов Руси норманские (и другие) древности, а также дирхемы. Все имеющиеся данные делают Ладогу наиболее вероятным претендентом на роль центра каганата русов еще до появления там варяжского правителя Рюрика.

В источниках вместе со славянами обычно упоминаются русы. Их уверенное соотнесение со скандинавами безоговорочно принять нельзя. Не входя в подробности этого сложного и дискуссионного вопроса, отметим, что русами, как справедливо считал М.И. Артамонов, «могли называться норманно-славянские военные и купеческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него» [1962]. В составе русов можно представить лиц разного происхождения: скандинавского, славянского, вполне возможно, финского. В целом, термин русы имеет не этнический, а, если так можно выразиться, геосоциальный смысл. Восточные авторы пишут о русах как об отважных воинственных людях, плававших по Волге (и другим рекам) и спускавшихся по этой реке на кораблях откуда-то с ее верховьев. Они определяются профессионально как особая группа торговцев, а их поведение, как с похвалой сообщают современники, соответствовало характерным правилам интернационального купеческого гостеприимства.

Замечания о русах у восточных авторов раскрывают предметы их торговли. Ибн Русте в своей «Книге драгоценных ожерелий» (писал в 903-913 гг. по данным, восходящим к IX в.) отмечал, что «единственный промысел (русов) – торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые они продают желающим; плату

же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в свои пояса» [Заходер, 1967]. Другой автор Ибн Хаукаль, относительно мехов, которые привозились к хазарам, писал, что «лучшие из них добываются в стране русов, а некоторые дорогие меха (названы вывозившиеся из области русов Арсы меха черных соболей и бурых лисиц) привозятся из страны народов Гог и Магог (обозначение легендарных северных народов), (эти меха) доходят до русов вследствие их соседства с народами Гог и Магог и торговли с ними, и они продавали их (меха) в Булгаре. Часть этих товаров доходила до Хорезма» [Пашуто, 1968; Калинина, 1976; Новосельцев, 1990].

Переходим здесь к ценному по своей информативности, хотя и не простому по текстологии, сообщению Ибн Хордадбега, содержащемуся в его «Книге путей и стран», написанной в 846/47 г. и дополненной в 885/86 гг. [Велиханова, 1979; Новосельцев, 1982]. Обсуждаемый ниже отрывок имеется в первоначальной авторской редакции, а описанные в нем события, как полагают, восходят к началу IX в. Этот отрывок гласит: «Купцы-русы, а они вид (джинс-каста) славян, вывозят меха бобров (в переводах вместо слова бобр указывают и слово заяц) и черно-бурых лисиц и мечи из отдаленных частей страны славян к Румскому морю и берет с них десятину властитель ар-Рума (Византии) Если они хотят, то отправляются по (?) реке (в этом месте рукописи не совсем ясное слово, которое востоковеды читают по-разному – и как Танаис, и как Итиль) славян, входят в Хамилидж, город хазар. Их (хазар) властитель также взимает с них десятину. Затем они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому) морю и высаживаются на каком-либо берегу, куда они стремились. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана (область на юго-востоке Каспия) на верблюдах в Багдад и переводят им славянские евнухи, они русы заявляют себя христианами» [Новосельцев, 1965; Заходер, 1967; Ибн Хордадбех, 1986; Калинина, 1986].

Как бы не трактовались дорожные сообщения Ибн Хордадбега, они свидетельствуют о дальней торговле русов мехами и оружием по разным водным путям, ориентированным на Византию и Халифат. Известия арабского чиновника важны еще и потому, что достоверно датируют функционирование торговли русов не позже первой трети IX в. [Калинина, 1986].

Рост судоходной и иной торговли начиная с VIII в. сопровождался установлением единой денежно-весовой единицы – исламского дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Количество находок дирхемов в Восточной и Северной Европе в кладах и отдельно составляет более 160 000 единиц [Славяне и скандинавы..., 1986; Лебедев, 1985]. Эти находки указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разъезды сборщиков дани.

Начало дирхемной торговли относят к 70–80-м гг. VIII в. Ныне накапливается все больше данных отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50–60-м гг. VIII в. (если не раньше). В тот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преобладающе мирный период [Артамонов, 1962]. Военное противостояние уменьшилось благодаря тому, что в упомянутом году часть хазар приняла ислам. Уже в 730 г. купцы из Хазарии и Дербента стали расширять торговые контакты. Появилась необходимость в поисках мехов и других ценностей двигаться на север. В зоне ВВП возникла новая урбанистическая ситуация. На северном и южном полюсах системы ВВП появились после 723 г. Итиль, не позже 753 г. – Ладога (в Подонье в 830 г. Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти в 749 г. Аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад (официально названный «Городом благоденствия» [Бартольд, 1966]), в котором на новозаведенном монетном дворе во всевозрастающей мере была развернута чеканка полноценной серебряной монеты. В пределах первой половины VIII в. ряд новых городов отстраивается в регионе Балтийского моря (Рибе, Бирка, Ральсвик, Рёрик, Павикен и др.). Почти одновременное создание череды городов на торговых маршрутах не случайно, и знаменует разворот устойчивых «всесветных» купеческих операций.

Особое значение для выяснения времени начального проникновения дирхема по ВВП приобретают находки Старой Ладоги. К числу древнейших русских кладов отнесен обнаруженный в этом поселении клад куфических монет, чеканенных в 749–786 гг. В разные годы на территории «Земляного городища», каменной крепости, посада и в курганах обнаружены 11 монет VIII в. с датами, насколько удалось установить, суммарно 738–739–788 гг. [Кирпичников, 1988]. Во время раскопок в 1950 г. «Земляного городища» из пласта, датированного 750–760 гг., извлечен умайядский дирхем, чеканенный в Дамаске в 699–700 гг. Среди найденных в поселенческих слоях древнерусских городов данная монета по дате является старейшей.

Именно через Ладогу проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировались в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. куфических монет. С учетом всей массы импортированного в страны Балтийской Европы монетного серебра объем ладожско-балтийской торговли, по исчислениям Т. Нунена, в начале X в., по сравнению с концом IX в., вырос в 3 раза, а в 940 гг. – не менее чем в 10 раз [Noonan, 2000].

С провозглашением в 882 г. Киева новой столицей важнейшей магистралью страны становится Балто-Днепровский путь. Отныне торговые потоки и связи Руси направляются не только в города Передней и Сред-

ней Азии, но и в Византию. При этом ВВП, который в течение VIII и большей части IX в. был практически главной дорогой Руси, и в период X столетия не утратил торгово-транспортного значения [Янин, 1956; Noonan, 2000]. Около 900 г. происходит географическая переориентация исламской торговли в Восточной Европе. На смену прежним лидерам, Ираку и Ирану, выдвигается государство Саманидов в Средней Азии. Соответственно усиливается приток на территорию Европейской России саманидских дирхемов. Главнейшим транзитным центром исламской торговли с Европейским миром становится Булгар и города Булгарского царства.

Начиная со второй четверти XI в. в связи с истощением восточных серебряных рудников и, как следствие, уменьшением чеканки монет, разгромом князем Святославом в 965 г. Хазарии, растущим внедрением в экономику европейских стран германского денария, снижением самостоятельной военной и торговой активности скандинавских викингов, усилением с начала X в. государственного значения для Киевской Руси Балто-Днепровского пути международная транспортная миссия ВВП снижается и приобретает все более региональное значение.

Расцвет Волжского пути в период раннего средневековья обозначил собой целую историческую эпоху, которая оставила великое наследие. Этот путь явился воплощением многовековой живительной связи человека и природы. Он принадлежит к явлениям земной цивилизации, которые по своему неохватному значению, хотя и меняются во времени, но в конечном итоге, принадлежат вечности.

Список литературы

- Артамонов М.И.** История хазар. – М., 1962.
- Бартольд В.В.** Сочинения. – М., 1963. – Т. 1.
- Бартольд В.В.** Сочинения. – М., 1966. – Т. 6.
- Вайбуль И.** Краткая история Швеции. – Стокгольм, 1997.
- Велиханова Н.М.** О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев Ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбеа «Книга путей и владений» // Товарно-денежные отношения на ближнем и среднем Востоке в эпоху средневековья. – М., 1979.
- Гаркави А.Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.
- Гуревич А.Я.** Походы викингов. М., – 1966.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. – М., 1962. – Т. 1.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. – М., 1967. – Т. 2.
- Заходер Б.Н.** Из истории волжско-каспийских связей древней Руси // Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1967. – Т. 2.
- Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран. – Баку, 1986.
- Калинина Т.М.** Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР, – М., 1976.
- Калинина Т.М.** Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбеа и Ибн ал-Факиха) // История СССР. – М., 1986. – Вып. 4.
- Кирпичников А.Н.** Ладога и Ладужская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. – Л., 1988. – Вып. 1.
- Кирпичников А.Н.** Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволжья. – СПб., 1997.
- Кирпичников А.Н.** О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. – М., 1998. – Т. 4.
- Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985.
- Новосельцев А.П.** Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
- Новосельцев А.П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
- Новосельцев А.П.** Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. – М., 1982.
- Носов Е.Н.** Речная сеть Восточной Европы в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М., 1999. **Славяне** и скандинавы. – М., 1986.
- Пашуто В.Т.** Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968.
- Рыбаков Б.А.** Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси. – М.; Л., 1948. – Т. 1.
- Халидов А.** Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX – начала XIII вв. // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара, 28-29 августа 2000 г. – Казань, 2001 г.
- Янин В.Л.** Денежно-весовые системы домонгольской Руси, – М., 1956.
- Noonan T.S.** The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus' lands: the Tenth and early Eleventh Centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. – Paris, 2000.

В.Д. Кузнецов
ИА РАН, Москва

ИССЛЕДОВАНИЯ В ФАНАГОРИИ

Фанагория, самый большой в России древнегреческий город, была основана в 540-е гг. до н.э. переселенцами из ионийского города Теоса. Гибель города приходится примерно на начало X в. н.э. За почти 16-вековую историю Фанагории отложился мощный культурный слой толщиной до 7 м.

Таманская экспедиция Института археологии РАН исследует памятник одновременно по трем направлениям: раскопки на городище, некрополе и в акватории затопленной части Фанагории.

Городище. Оно располагается на двух плато: верхнем и нижнем. В 1995 г. здесь был заложен большой раскоп общей площадью 900 кв.м (раскоп «Верхний город»). Его целью было изучение всей свиты культурных напластований в этой, совершенно не исследованной части городища. В течение 11 полевых сезонов (1995–2005 гг.) на раскопе «Верхний город» были изучены слои от классического времени до хазарского периода в истории города. В данном месте городища на всем протяжении этого времени располагались жилые кварталы Фанагории. Дома в Фанагории в греческий и римский периоды ее истории строились из камня и сырцовых кирпичей. Причем наиболее распространенной техникой в классическую и эллинистическую эпохи было строительство стен из сырцовых кирпичей, положенных на каменный фундамент.

В процессе раскопок на городище было обнаружено значительное количество разнообразных археологических материалов. Они свидетельствуют о различных сторонах жизни города, показывая, что в античный период своей истории Фанагория была типичным греческим городом. Это специально подчеркивается мною потому, что в литературе широко распространено мнение о Боспорском царстве как о греко-варварском государстве. Вот что, например, писал В.Ф. Гайдукевич в своей фундаментальной работе «Боспорское царство»: Боспорское царство «очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского государства. в котором с особенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов как в социально-экономической, так и в культурной жизни» [1949, с. 4]. Однако до сего времени не было предпринято попытки систематического обоснования упомянутой точки зрения. В то же время исследование слоев классического и эллинистического времени в Фанагории дает основание уверенно говорить о материальной культуре города как о чисто эллинской.

Курган. В сезоне 2003 г. на южном некрополе Фанагории был исследован курган, внутри которого были обнаружены две параллельные друг другу каменные стены (восточная и западная), перекрытые толстыми бревнами, которые полностью истлели. После вскрытия бревен обнаружилось необычное сооружение в виде каменного склепа с уступчатым перекрытием. Многолепестковая розетка представляла собой внешнюю сторону купола. Погребальная камера склепа имеет диаметр 2,5 м. Ее высота – 1,45 м. На стенах камеры покоится конический уступчато-кольцевой купол, состоящий из 6 постепенно уменьшающихся в диаметре концентрических колец, перекрытых сверху двумя блоками, имеющих изнутри камеры вид круга. Эти кольца образованы при помощи напуска камней одного ряда на камни предыдущего.

Склеп при вскрытии оказался пустым, поскольку был ограблен. Пантикапейская монета, найденная на полу, датирует его IV в. до н.э. Склепы с уступчатыми перекрытиями являются феноменом, характерным для боспорской погребальной архитектуры. К настоящему моменту известно 18 склепов с уступчатыми перекрытиями. Фанагорийский склеп открывает собой новый тип боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями, поскольку он представляет собой круглую камеру, с лежащим на ее стенах круглым же куполом. Можно полагать, что в нем был похоронен представитель (или представительница) одной из богатых семей Фанагории.

Подводные исследования. Фанагория представляет собой благодатный объект для проведения подводных археологических исследований. Подводные исследования здесь впервые были начаты в 1958 г. В 1999 г. в рамках Таманской экспедиции Института археологии РАН был создан отряд для осуществления подводных исследований в акватории затопленной части городища.

Ежегодное обследование дна в акватории затопленной части городища в 2004 г. привело к важным результатам. Неподалеку от западной границы памятника на расстоянии около 160 м от берега была обнаружена конструкция из деревянных бревен, в которую были вложены строительные блоки, архитектурные детали, обломки мраморных статуй, надписи.

Среди найденных документов наибольший интерес представляют четыре надписи: о восстановлении портика, посвящение царя Аспурга, постамент под статую царя Савромата II и надгробие жены Митридата VI Евпатора.

Надпись о восстановлении портика 220 г. н.э.

«В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына великого царя Савромата, друга цезаря и римлян, благочестивого, Бейбий, сын Ахемена, внук Бейбия, лохаг, разрушенную во время войны стою отстроил от основания, восстановив на собственные средства для отечества при нессархе Публии, сыне Антимаха, внуке Деметрия, попечением Гелия, сына Мена, в 517 году в месяце Лое первого числа». В этой строительной надписи обращает на себя внимание упоминание неизвестной до сих пор войны, которая произошла ок. до 220 г. н.э.

Надпись Аспурга.

«Царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (посвятил статую) Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, в качестве благодарственного дара». Эта надпись имеет большое значение для уточнения династической истории Боспора. В одной из боспорских надписей говорится, что Аспург «происходит от Асандроха». Эта фраза породила целую дискуссию в научной литературе о происхождении Аспурга. Во-первых, некоторые исследователи идентифицируют Асандроха с боспорским царем Асандром, другие же видят в нем варвара сарматского происхождения [Сапрыкин, 2002, с. 131–134]. В зависимости от этого в Аспурге видели приемного сына Асандра, мужа, сына и даже внука Динамии [Ростовцев, 1916, с. 17; Виноградов, 1994, с. 151–157]. Надпись из Фанагории ставит точку в этих дискуссиях. В ней прямо говорится, что Аспург был сыном Асандроха. Соответственно, Аспург, будучи через свою мать Динамию потомком Митридата Евпатора, имел все права на боспорский престол.

Интерес вызывает восьмая строка надписи, в которой мы встречаем термин ΕΠΙ ΝΗΣΣΑΡΧΗΝ. Его можно перевести как «при начальнике острова». Известно, что на Боспоре была должность, которая называлась *ó ἐπί τῆς νῆσου* (КБН 40, 697, 982, 1000). Предполагается, что слово «остров» обозначало азиатскую часть Боспорского государства (Таманский полуостров), которой руководил специальный наместник царя [Гайдукевич, 1949, с. 343]. Его резиденция, по всей видимости, находилась в столице азиатской половины царства, в Фанагории. Новый термин встречается впервые не только в боспорских надписях, но и вообще в греческой эпиграфике.

Надпись на постаменте под статую боспорского царя Савромата II.

«В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя Тиб(ерия) Юлия Савромата (*его статую*), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, любящего свое отечество, пожизненного первосвященника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, архигойтонит, своего бога и владыку почета ради (*поставил*)». В данной надписи использована самая полная титулатура, известная для боспорских царей. Прежде всего, подчеркивается его прямая связь с царственными предками. В соответствии с принятой во времена Митридата VI Евпатора традицией царь называется великим. Затем используется типичная для Боспора титулатура, показывающая лояльность царя по отношению к Риму — «друг цезаря и друг римского народа». Английский исследователь Ф. Миллар отмечает, что в этом отношении боспорские правители были уникальны среди зависимых царей, из поколения в поколение демонстрируя свою преданность императорам [Millar, 1996, p. 170-171].

Весьма интересной является надпись, вырезанная на мраморном постаменте под статую. Постамент состоял из двух частей, из которых найдена только верхняя. По всей видимости, постамент был высоким, о чем говорят большие размеры букв (3,5–4 см), сделанные для того, чтобы они могли читаться с довольно большого расстояния.

«Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай». Из текста следует, что постамент со статуей был надгробием жены понтийского царя Митридата VI Евпатора. Однако совершенно неожиданным является то, что женой царя назван мужчина по имени Гипсикрат! Разгадку этого необычного факта мы находим у Плутарха, в биографии Помпея (Plut. Pomp. 32). Рассказывая о последней битве Митридата с римлянами, биограф пишет: «Сам Митридат в начале сражения вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь

ряды римлян, однако этот отряд быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем...».

Отсюда становится ясным, что надгробие принадлежало жене царя Гипсикратии, которая по версии Плутарха была наложницей Митридата VI Евпатора. Таким образом, надпись подтверждает свидетельство Плутарха о том, что Митридат называл свою жену, или наложницу, мужским именем. Этот факт был известен тем, кто установил надгробие в Фанагории.

Список литературы

- Гайдукевич В.Ф.** Боспорское царство. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 622 с.
Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 151–170.
Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. – 1916. – Т. 25. – С. 1–32.
Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. – М.: Наука, 2002. – 270 с.
Millar F. Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty // Scripta Classica Israelica. – 1996. – № 15. P. 159–173.

Н.А. Макаров*Институт археологии РАН, Москва*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Осмысление положения археологии в нашей стране должно начинаться с признания противоречивости отношений, связывающих современное общество и древности. Современный человек, с одной стороны, испытывает все более сильный внутренний интерес к прошлому, свидетельством которого является не только рост числа научных археологических учреждений, но и новая волна частного коллекционирования древних вещей, создание исторических клубов, занимающихся реконструкциями средневекового костюма и оружия. С другой стороны, в стремлении обеспечить свой комфорт и создать удобные условия для хозяйствования, наша цивилизация постоянно стремится освободиться от обременительных остатков прошлого, расчистить вокруг себя пространство, в котором современная жизнь не обременена обязательствами сохранять древние памятники. В России эти противоречия, общие для современного мира, проявляются с особой остротой. Исследовательские проекты, выполняемые ведущими археологическими учреждениями России, внесли огромный вклад в развитие мировой археологии, создав основу для нового видения многих явлений древней и средневековой истории. В то же время мы являемся очевидцами нарастающего разрушения археологических памятников в нашей стране, происходящего в разных формах, при отсутствии сколько-нибудь эффективной системы защиты древностей.

Масштабы археологической деятельности

Оценка современного состояния археологической деятельности и инфраструктуры археологии в России предполагает знакомство с некоторыми количественными данными, характеризующими работу археологов. В последние годы в России ежегодно выдается более 1 200 открытых листов на право производства полевых работ. В 2004 г. их было выдано 1 209, в 2005 г. – 1 235. Ежегодно открытые листы запрашиваются по заявкам 240–250 учреждений и организаций. В российские научные фонды в последние годы поступает по 330–360 заявок на гранты по специальности «археология», включая заявки на исследовательские работы, экспедиции, проведение конференций и издание книг; поддерживается 100–120 проектов. Три ведущих академических института – Московский, Санкт-Петербургский и Новосибирский – ежегодно издают более 100 книг по археологии. Оценить общий объем публикаций по археологии затруднительно, поскольку издания финансируются из разных источников и издаются разными ведомствами. Разумеется, эти цифры не дают представления о всех направлениях работы археологов – в моем распоряжении нет данных о количестве археологических экспозиций, о количестве выпускников, защищающих дипломы по археологической тематике, о многих важных аспектах работы археологов.

Данные о ведомственной принадлежности организаций, запрашивающих для своих сотрудников открытые листы, существенны для понимания особого места археологии как области взаимодействия и сотрудничества разных ведомств и организаций разного типа. Примерно четверть заявок на открытые листы поступает в последние годы из академических институтов, учреждений РАН. Около 20 % заявок запрашивают музеи и столько же – вузы. Чуть более 16 % заявок запрашивают органы охраны памятников и работающие при них производственные центры. Это соотношение в последние годы достаточно стабильно. Участие специализированных институтов, вузов, музеев и органов охраны памятников в археологической деятельности характерно для большинства европейских стран, так что с точки зрения мировой практики это нормальная система.

Она должна оцениваться не как показатель ведомственной разобщенности, а как свидетельство гибкости и многообразия форм организации археологии в нашей стране.

Объем полевых археологических исследований в России в последние годы увеличивается. За 10 лет с 1994 г. количество выданных открытых листов увеличилось почти в два раза; в последние годы прирост составляет 10–15 %. Рост обусловлен сочетанием ряда факторов: это и общее улучшение экономического положения в России, и увеличение, хотя и небольшое, финансирования науки. В значительной степени этот рост связан с развитием охранной археологии. По оценкам сотрудников ОПИ, примерно 65 % полевых работ по открытым листам так или иначе связаны с обеспечением сохранности разрушаемых памятников. 35 % открытых листов, выданных в 2004 г., – это листы на производство аварийно-спасательных работ, но в действительности доля охранных раскопок в общем объеме полевых работ значительно выше, так как охранные раскопки не всегда проводятся по листу формы 4.

Долгое время основной объем археологических исследований в России выполнялся сравнительно небольшим кругом специализированных научных и музейных учреждений, сосредоточенных в нескольких крупнейших городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Последняя четверть XX в. стала временем значительной децентрализации археологической деятельности, возникновения в регионах новых археологических учреждений или археологических ячеек, находящихся в составе вузов, музеев, органов охраны памятников. Характерной чертой последнего десятилетия стало формирование значительного количества специализированных производственных центров, занятых организацией охранных раскопок, в том числе негосударственных организаций.

Разрыв между накоплением новых полевых материалов и их научным освоением, подготовкой крупных синтетических исследований нового поколения, уже давно существующий в археологии, в последние годы увеличился. Материалы многих охранных проектов, представляющих серьезный научный интерес, остаются неопубликованными. Приток новых источников, связанный с расширением охранных раскопок, пока не вызвал заметного увеличения «интеллектуального продукта», вырабатываемого нашей наукой, – если измерять количество этого продукта в научных публикациях. Количество издательских заявок по археологии, подаваемых в РГНФ, в последнее пятилетие не только не увеличилось, но даже несколько снизилось: с 40–52 в 1996–2000 гг., до 29–38 в 2001–2005 гг. Понятно, что многое сегодня издается и без грантов РГНФ, и у нас нет полных данных о всех археологических изданиях, выходящих в России. Тем не менее очевидно, что археология сегодня не успевает проанализировать и осмыслить многое из того, что удалось зафиксировать благодаря напряженной работе на новостройках.

Одним из слабых звеньев археологической инфраструктуры в нашей стране является организация учета археологических памятников. По данным отдела археологических сводов и карт Института археологии в настоящее время на учет в России находится около 49 тысяч недвижимых объектов археологического наследия. Очевидно, эти данные неполны, так как значительная часть археологических памятников, открытых в 1990 гг., была поставлена на учет в регионах как вновь выявленные, без составления полного комплекта учетной документации. Основной фонд учетной документации на памятники археологии был создан в 1970–80-е гг., в 1990 работа по археологическому обследованию России была прекращена. Создание эффективной системы охраны археологических памятников в России невозможно без современных археологических карт, без нового цикла систематического обследования территорий. Институт археологии РАН обратился в Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ с предложением о возобновлении этой работы.

Современное строительство и охранные раскопки

Потери археологического наследия при строительстве – обычная плата за современное развитие и экономический рост, как обычна и практика спасательных раскопок как способа разрешения конфликта древности и современности. Становление охранной археологии в Советском Союзе происходило по мере осознания ценности древних памятников и аккумулированной в них исторической информации по инициативе ведущих ученых, ясно представлявших себе последствия нарастающей хозяйственной и строительной активности эпохи индустриализации для сохранности археологического наследия. Оглядываясь в прошлое, мы видим, что действия археологов, называемые на бюрократическом языке «мероприятиями по обеспечению сохранности археологических памятников», редко были адекватны реальным масштабам разрушений: во многих случаях археологи имели возможность исследовать лишь малую часть объектов, оставшихся в ложах водохранилищ или на стройплощадках, а сжатые сроки работ не всегда давали возможность зафиксировать исследуемые древности с необходимой точностью и полнотой. Тем не менее сложившаяся в 1970–1980 гг. система охранных

раскопок, предваряющих строительство, способствовала значительному притоку новых археологических материалов и сохранению достаточно объемной информации об археологических объектах на новостройках.

Современный строительный бум, последовавший после периода относительно низкой строительной активности в начале 1990 г., значительно усилил процессы преобразования городских и сельских ландшафтов, сохранивших археологические древности, и придал разрушениям новый характер. Изменение масштабов вторжения современной цивилизации в историческую среду еще не вполне осознано археологами. Эти изменения определяются двумя обстоятельствами: во-первых, изменением географии строительства, во-вторых, внедрением новых стандартов освоения территорий и строительных технологий. В России широко развернулась реконструкция исторических городов, сопровождающаяся земляными работами, уничтожающими культурный слой на огромных площадях. Центральные районы городов, где, как правило, сосредоточены наиболее древние напластования, особенно привлекательны для инвесторов. Другой зоной «повышенного интереса» являются насыщенные древними и средневековыми памятниками участки сельских территорий по берегам рек и озер, часто на краях коренных террас, удобные для индивидуального строительства. При строительстве нормой стала закладка глубоких котлованов, устройство подземных гаражей и хозяйственных помещений, не оставляющая никакой надежды на сохранение отдельных участков культурного слоя. Развитие российских городов долгое время происходило таким образом, что каждое новое столетие перекрывало первоначальные горизонты исторической жизни новыми напластованиями, обеспечивая их сохранность. Сегодня, проводя раскопки в исторических городах, археологи исследуют средневековые постройки и культурные напластования, уцелевшие в зонах жилой застройки XIX – первой половины XX вв.: во дворах, между ленточными фундаментами и ниже линии их заложений. Строительные технологии, взятые на вооружение в настоящее время, полностью очищают города, а частично и сельские поселения, от древних культурных отложений, лишая будущие поколения исследователей перспективы их изучения.

Являются ли в этой ситуации охранные раскопки достаточным ответом на преобразование городской среды, позволяющим восполнить утрату археологических объектов? Современные научные представления истории и культуре многих древнейших русских городов основываются на материалах спасательных раскопок, проведенных в 1960–1990 гг. Наиболее яркими примерами в этом ряду являются Псков и Владимир, становление которых как городских центров было раскрыто в основном по результатам исследований, проводившихся на участках строительства. Стоит напомнить, что работы на знаменитом Троицком раскопе в Новгороде были начаты в связи с планируемым строительством. Целый ряд археологических открытий последних лет сделан в раскопах на местах строительных котлованов: достаточно вспомнить женское захоронение X в. в погребальной камере, сопровождавшееся скандинавскими украшениями, открытое в 2003 г. в Пскове, или берестяные грамоты и печати из Никитинского раскопа в Новгороде. Однако по мере расширения строительства и реконструкции исторических городов в этой сфере остро обозначился ряд проблем, которые ставят под вопрос качество исследований. Одна из них – проблема квалифицированных кадров, способных руководить исследованиями на сложных объектах. Спрос на производство охранных раскопок в средневековых городах в последние годы превысил количество молодых специалистов, располагающих необходимым опытом и квалификацией, а пополнение их отряда потребует определенного времени. Другая проблема – неприемлемые сроки работ, которые навязывают археологам строители, инвесторы и городская администрация. Зачастую эти сроки лишают археологов реальной возможности вести раскопки на приемлемом методическом уровне, превращают их в пустую формальность. Мы должны честно признать, что при нарастающих темпах реконструкции исторических городов мы не в состоянии организовать качественные раскопки на всех участках и тем более – обеспечить научный анализ археологических материалов, без которого раскопки теряют смысл.

Охранная археология в России давно стала частью современной рыночной экономики. В этом качестве она, с одной стороны, получила возможности для оперативной организации крупных полевых проектов и привлечения значительных средств для археологической деятельности, с другой – стала заложницей собственных финансовых интересов, иногда идущих вразрез с задачами сохранения археологического наследия. Как исполнители охранных раскопок археологические учреждения заинтересованы скорее в расширении строительства и реконструкции, чем в сдерживании этих процессов. В этих условиях естественная для ученого озабоченность утратой археологических объектов в зонах строительства, стремление минимизировать разрушение культурного слоя, уступает место необоснованному оптимизму и завышенным оценкам результатов охранных проектов. Чрезмерная коммерциализация археологии, превращение ее в сферу экономической конкуренции, определение исполнителя работ путем тендера не способствуют решению тех задач, на которые изначально направлены охранные раскопки.

Таким образом, охранные раскопки не могут быть универсальным методом сохранения древностей в зонах строительства и реконструкции. Они рассматриваются действующим законодательством как «исключе-

чительная» мера сохранения объекта археологического наследия, осуществляемая в тех случаях, когда физическое сохранение памятника не может быть обеспечено. Сложившаяся в последнее время тенденция рассматривать охранные раскопки как оптимальный способ обращения с археологическим памятником, при наличии у заказчика строительства необходимых средств, не соответствует задачам сохранения наследия. Многие строительные проекты могли бы быть скорректированы таким образом, чтобы древние сооружения или участки культурного слоя в зоне строительства были сохранены. Думаю, что проекты реконструкции важнейших исторических городов должны разрабатываться с участием археологов таким образом, чтобы обеспечить сохранение на их территории резервных участков культурного слоя, предназначенных для следующих поколений исследователей, и предоставить достаточно продолжительное время для раскопок на тех участках, где они необходимы и неизбежны.

Будут ли остановлены грабительские раскопки?

Нелегальные раскопки, принесшие колоссальные потери археологическому наследию нашей страны в последнее десятилетие, остаются острой проблемой. Волна грабежей на археологических памятниках не остановлена, и мы постоянно сталкиваемся с новыми многочисленными фактами варварских разрушений. Проведенный весной 2006 г. мониторинг средневековых селищ на территории Ивановской и Владимирской областей показал, что примерно половина из них имеет свежие разрытия, оставшиеся после сбора металлических вещей с использованием металлодетектора. Расширяется сеть торговых точек (в частности, на ярмарке «Вернисаж» в Измайлове) и Интернет-сайтов, предлагающих покупателям археологические древности, добытые незаконным путем.

Тема нелегальных раскопок и противодействия им стала обсуждаться в археологических изданиях с начала 2000 гг. и особенно широко – после проведения в марте 2002 г. круглого стола «Незаконные раскопки» в редакции журнала «Российская археология» и публикации его материалов. В июле 2003 г. вопрос о расхищении археологического наследия России был поставлен директором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским на заседании Государственного Совета РФ в Санкт-Петербурге. По итогам этого заседания Президент РФ дал поручение подготовить поправки к действующему законодательству, предусматривающие усиление ответственности за разрушение археологических объектов, более эффективное пресечение правонарушений в этой области. В марте 2004 г. в Совете Федерации РФ состоялся круглый стол «Сохранение археологического наследия России», главной темой которого стали несанкционированные раскопки и возможные пути их пресечения.

С 2003 г. Институт археологии РАН совместно с Министерством культуры и массовых коммуникаций вел работу над проектом федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих усиление ответственности за расхищение археологических ценностей». В настоящее время проект закона прошел первое чтение. Хотя этот документ нацелен на пресечение правонарушений в одной конкретной сфере и имеет небольшой объем, подготовка его потребовала согласований с целым рядом министерств и заняла два с половиной года. К сожалению, в процессе согласований были отвергнуты некоторые предложенные Институтом археологии формулировки, принятие которых могло бы существенно облегчить преследование нелегальных раскопщиков, в том числе предложение об ответственности за несанкционированное извлечение движимых объектов археологического наследия из культурного слоя. Тем не менее проект закона значительно расширяет возможности противодействия расхищению археологического наследия. Он предусматривает значительные штрафы за несанкционированные раскопки, конфискацию предметов, добытых в результате нелегальных раскопок, конфискацию используемого поискового оборудования, и что особенно важно, ответственность за торговлю предметами археологического наследия. Если законопроект будет принят в настоящем виде, процветающая сегодня торговля археологическим антиквариатом окажется вне правового поля.

Обсуждая проблему нелегальных раскопок сегодня необходимо оценить соотношение сил археологического сообщества и грабительской корпорации и задуматься над тем, почему наши усилия остановить волну грабежей пока не дали существенных результатов. Мы должны признать, что реакция археологов на грабительский вызов в России опоздала на несколько лет; опасность была по-настоящему осознана лишь в конце 1990 гг. – спустя 5–7 лет после того, как сформировались кладоискательские клубы, сложилась сеть торговцев археологическими древностями, а несанкционированные раскопки с использованием поисковой техники были поставлены на широкую ногу. В 1990 гг. самодельная археология позиционировала себя в обществе как вполне уважаемое занятие, приобщающее к истории многочисленных любителей древности, не разрушающее наследие,

а, напротив, возвращающее его потомкам. Выступив с призывами пресечь грабительские раскопки, археологи первоначально слабо представляли конкретные механизмы противодействия расхищению древностей в правовом государстве с рыночной экономикой в условиях, когда земельные участки с памятниками археологии могут находиться в частной собственности, а торговля антиквариатом не лицензирована. Исключительную инертность продемонстрировали правоохранительные органы – в стране, где насчитываются сотни археологических объектов со следами свежих грабительских разрытий, а на Интернет-сайтах помещаются подробные отчеты о набегах на археологические памятники и каталоги трофеев с прайс-листами, не доведено до конца ни одно судебное дело по факту нелегальных раскопок. Тем не менее, нельзя согласиться с теми, кто считает, что наши усилия приостановить развитие грабительства не дали никаких результатов. Кажется, нам удалось выйти из того позорного состояния конца 1990 г., когда деятельность нелегалов рекламировалась государственными телеканалами. Благодаря общим усилиям археологов в России не произошло перехода несанкционированной добычи древних вещей и торговли древностями под патронаж государственных структур, характерный для некоторых стран Восточной Европы и СНГ.

Опасность нелегальных раскопок заключается не только в физическом разрушении памятников и уничтожении информации о прошлом, но и в размывании этических и профессиональных норм, сложившихся в археологии. Становление нелегальных раскопок, торговли археологическими древностями и частного коллекционирования археологических предметов в России как особой сферы деятельности с собственной инфраструктурой сопровождается формированием собственной идеологии, главный постулат которой – право всех членов общества на неограниченный доступ к археологическим древностям. Необходимость ревизии общепринятых норм и принципов сохранения археологического наследия, отказа от регламентации раскопок, обосновывается отсутствием у государства реального интереса к охране археологических памятников, бесхозностью объектов археологического наследия, недостатком у государственных археологических учреждений средств для ведения раскопок и хранения археологических коллекций, избыточностью накопленных к настоящему времени археологических фондов и архивной документации о раскопках. Часто повторяется тезис о том, что профессиональные археологи не имеют право монополизировать контакты с прошлым, лишая любителей истории возможности собственных исследований общего исторического наследия. Коллекционеры и торговцы древностями пытаются доказать, что, помимо научных раскопок, возможна альтернативная любительская археология, ветвь краеведения, проводящая раскопки на небольшой глубине и готовая частично делиться своей добычей с профессионалами.

В этой ситуации археологам необходимо найти новые аргументы, убеждающие общество в том, что сложившиеся принципы сохранения археологического наследия и регламентации раскопок, очевидные для профессионалов, действительно разумны и универсальны и, в конечном счете, обеспечивают общий доступ к археологическому знанию. Борьба с грабительством невозможно не разъясняя, что мы теряем в результате нарушения археологических комплексов и депаспортизации древних вещей. Очевидно, противодействие расхищению археологического наследия предполагает не только преследование нелегальных раскопщиков и торговцев древностями, но и обращение к владельцам археологических коллекций, добытых нелегальным путем, с предложением о безвозмездной добровольной передаче их в государственные музеи.

Нормативное регулирование охраны и исследования археологических памятников

Значительная часть проблем в сфере сохранения археологического наследия и обеспечения профессиональной деятельности археологов связана с недостаточной четкостью правовых норм, регулирующих отношения в этой области, отсутствием необходимых нормативных документов – от федеральных законов до утвержденных границ археологических памятников. В 1990 г. археологи связывали большие надежды с разработкой «Закона об археологии», позднее – с «Законом об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», принятым в 2003 г., и разработкой подзаконных актов к этому закону, включающих «Положение о федеральном реестре объектов культурного наследия», «Положение о государственной историко-культурной экспертизе» и «Положение о порядке выдачи открытых листов на работы на объектах археологического наследия». Подготовка подзаконных актов, начатая сразу же после принятия «Закона об объектах культурного наследия народов РФ», до сих пор не завершена. Единственным документом, представленным Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ в правительство в настоящее время, является «Положение о порядке выдачи открытых листов», работа над которым велась РАН и Минкультуры РФ. Несмотря на неоднократные обращения РАН, до сих пор не представлена на ратификацию в Законодательное собрание «Европейская конвенция об охране археологического наследия» – важнейший международный документ, закрепляющий ми-

ровые стандарты сохранения и исследования археологического наследия, в том числе производство полевых археологических работ на научной основе.

Очередным шагом в совершенствовании нормативной базы охраны культурного наследия должно стать принятие поправок к «Закону об объектах культурного наследия народов РФ», предусмотренное планом подготовки законопроектов на 2006 г. В рамках принятия этих поправок археологические учреждения РАН выступят с предложением собрать все нормы, касающиеся сохранения и использования археологического наследия, находящиеся в разных статьях действующего закона, в одном разделе.

Бытует мнение, что задержки с подготовкой нормативных документов, необходимых для обеспечения охраны археологических памятников, объясняются инертностью археологов, их нежеланием всерьез заниматься правовыми аспектами защиты археологического наследия. Это мнение ошибочно. Становится все более очевидным, что сохранение и использование культурного наследия, в том числе и археологического, оказалось в России чрезвычайно конфликтной зоной, ареной столкновения различных экономических и ведомственных интересов. Региональная бюрократия, строительные корпорации, крупные инвестиционные компании не заинтересованы в жестких режимах охраны объектов археологического наследия, в предоставлении ученым права голоса при обсуждении вопросов использования территорий, насыщенных памятниками древности, и возможности вести длительные научные исследования на этих территориях. Опыт участия Института археологии РАН в подготовке поправок к Кодексу об административных правонарушениях РФ, предусматривающих усиление ответственности за расхищение археологического наследия, «Положения о порядке выдачи открытых листов» и других документов показывает, что многие решения и формулировки, оптимальные для археологического сообщества, не принимаются министерствами и ведомствами, согласующими эти документы.

Так, чрезвычайно сложной оказалась подготовка «Положения о порядке выдачи открытых листов» – одного из основных документов, регламентирующих профессиональную деятельность археологов. Перспективы развития археологии как науки и пути организации археологической деятельности в России во многом зависят от того, в какой редакции будет принято «Положение». Работа над «Положением» потребовала согласования значительно различающихся взглядов на этот документ Минкультуры, Росохранкультуры, РАН и субъектов федерации РФ. Эта сложность во многом обусловлена самой спецификой археологических полевых работ и особым положением объектов археологического наследия, в равной мере принадлежащих науке и культуре. Археологические полевые работы – это, прежде всего, научное исследование, требующее экспертной оценки профессионалов, способных судить о его методическом уровне, научных результатах и самой целесообразности раскопок. Между тем, археологические памятники – часть культурного наследия, сохранение которого находится в ведении государственных органов охраны объектов культурного наследия. По мнению Института археологии, «Положение» должно, с одной стороны, предусматривать сохранение единой централизованной системы выдачи открытых листов, исторически сложившейся в России, и комплектование единого архива отчетной документации о раскопках, открытого для всех археологов, с другой – обеспечить быстрое оперативное получение открытого листа для соискателя. Открытые листы должны выдаваться на основании положительного заключения РАН, после предварительной экспертизы заявки соискателя в РАН, при условии обязательного утверждения научных отчетов о ранее проведенных соискателем археологических полевых работах. Росохранкультура и Министерство культуры и массовых коммуникаций проявили понимание того, что мы должны в максимальной степени сохранить сложившиеся структуры, опираясь на тот опыт регламентации полевых исследований, который уже накоплен в нашей стране. Однако на всех этапах подготовки проекта «Положения» предпринимались попытки отредактировать документ таким образом, чтобы выключить ученых из процесса принятия решения о целесообразности проведения археологических исследований, целиком передать эти функции бюрократии. Окончательный итог дискуссий станет ясен после принятия «Положения» Правительством РФ.

Из сказанного следует, что разрабатывая новые нормативные акты, необходимые для обеспечения археологической деятельности, не стоит питать иллюзий, что мы сможем легко разрешить все конфликты в пользу археологии и создать идеальную систему правовой защиты древних памятников. Совершенствование законодательства, связанного с охраной наследия в России, всегда было ответом на рост общественного интереса к древностям, осознанием важности их для современной культурной идентичности. В конечном итоге общество готово жертвовать своими текущими экономическими интересами ради сохранения памятников прошлого лишь в том случае, если профессионалы сумеют его убедить, что эти памятники действительно представляют ценность, а исследование обеспечивает реальное приращение знаний о прошлом.

В.И. Молодин, Г. Парцингер

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Германский археологический институт, Берлин*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ЧИЧА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ)

Грандиозный поселенческо-погребальный комплекс Чича расположен в Барабинской лесостепи, между Омском и Новосибирском, на берегу одноименного озера, в Здвинском районе Новосибирской области. Памятник открыт В.А. Захом. Первые исследования были проведены в 1979 г. одним из авторов. С 1999 по 2003 гг. изучался совместной Международной российско-германской экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института под руководством авторов. Благодаря масштабным, в основе мультидисциплинарным исследованиям получена уникальная научная информация, вносящая неоценимый вклад в понимание историко-культурных и этнических процессов, протекавших в переходную историческую эпоху от бронзового к железному веку. Данный исторический период ознаменован в Евразии переходом к так называемому скифскому времени, сопровождаемому революционными по своей сути социально-экономическими изменениями, в основе которых было освоение человеком железа.

Археологическим исследованиям памятника предшествовал широкомасштабный геофизический мониторинг, который проводился германскими и российскими специалистами и подробно о котором будет доложено в специальном докладе. Результатом этих работ оказалась совершенно новая информация о памятнике, его планиграфии, масштабах, расположении некрополя. Данная информация позволила четко построить стратегию полевых исследований. С учетом грандиозного характера памятника изначально было очевидно, что за время реализации совместного проекта возможно раскопать лишь незначительную его часть. Поэтому целесообразно было проведение широкомасштабных раскопок в разных его местах с целью определения вероятных изменений различных аспектов культуры обитателей городища во времени. Следует подчеркнуть, что, благодаря геофизическому мониторингу, строить стратегию научного поиска было изначально возможно. С учетом же ежегодных геофизических исследований наши планы могли подвергаться (и подвергались) ежегодной коррекции [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001 б; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004; Molodin, Parzinger, Schneeweiß und and., 2002].

Уже изучение самого геофизического плана показывает, что перед нами крупное поселение, занимающее площадь свыше 6 гектаров, имеющее строгую планиграфию, где прослеживается система улиц и переулков, типовая конструкция жилищных и хозяйственных построек, а также мощная сеть оборонительных сооружений. Кроме того, был обнаружен обширный некрополь, имеющий непосредственное отношение к городищу.

Было принято решение о проведении раскопок в самых разных частях памятника, ориентированных на изучение разного типа построек, участков оборонительных сооружений и погребальных комплексов. За все годы раскопок на памятнике было вскрыто около 4 тысяч кв. м площади. Исследовано более десятка построек, произведено изучение на восьми участках оборонительных сооружений. Кроме того, раскопано более десятка захоронений на некрополе. В результате раскопок получен огромный корпус разнообразных предметов, взяты образцы для проведения всевозможных анализов.

Наш доклад призван познакомить присутствующих с некоторыми основными аналитическими результатами, полученными при анализе добытых источников (рисунок).

Прежде всего, удалось реконструировать динамику заселения и строительства городища. Возникновение памятника связано с небольшим участком, расположенным на краю искусственно подработанного склона озерной террасы, о контуренного дугообразным рвом. Небольшая площадь участка, отсутствие жилых сооружений при наличии цепочки небольших округлых в плане ямок, фиксируемых вдоль рва, широкий (свыше 6 м) и глу-

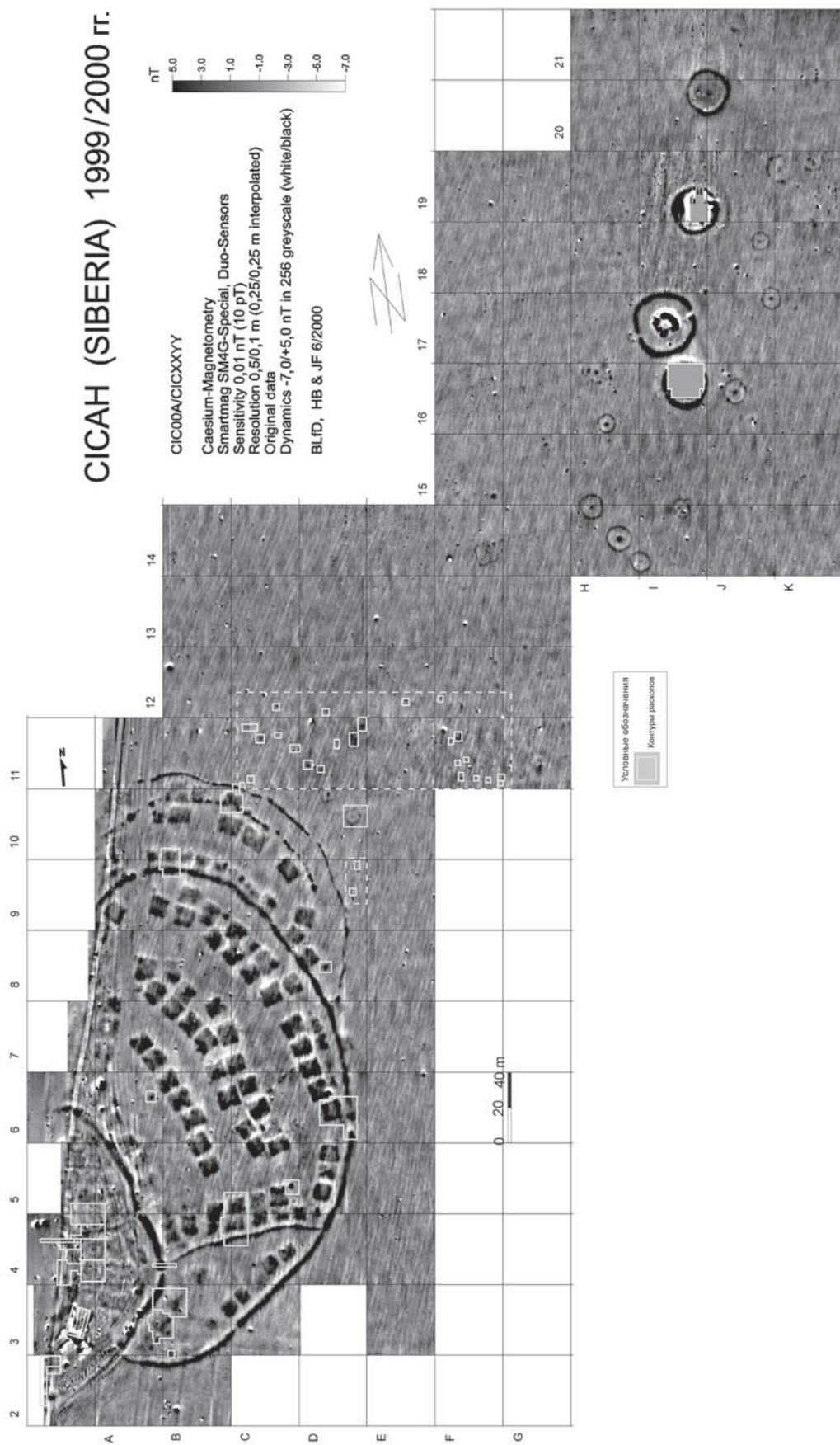

Рисунок. Магнитограмма городища Чича

бокий (до 1,3 м) ров, оконтуривающий эту, явно не жилую площадку, позволяет предположить, что на первом, самом раннем этапе существования памятника, здесь какое-то незначительное время существовал сакральный центр, на котором могли осуществляться жертвоприношения, размещаться культовая деревянная скульптура и т.д. Еще более смелым предположением может быть гипотеза о том, что само начало строительства столь грандиозного комплекса получило своего рода «освещение» на этом, специально сооруженном, ритуальном центре.

Первым жилым участком на памятнике, несомненно, была так называемая «цитадель», оборонительная система которой (ров шириной свыше 6 м и глубиной до 2 м) и земляной вал визуально прослеживаются и в настоящее время. Этот участок был чрезвычайно плотно застроен жилищными сооружениями, при этом первый ров, огораживающий сакральный участок, был постепенно засыпан всевозможным мусором, а затем и застроен жилыми постройками. Интересно, что ров, окружающий «цитадель», был на всем протяжении труднопреодолим, однако именно к нему пристраивались остальные участки памятника, которые дополнялись еще не менее трех раз. При этом наиболее обширной по площади была первая, восточная пристройка, разделенная внутри мелким рвом, явно не носившим оборонительных функций. Зато внешний дугообразный ров достигал в ширину 6 м, а в глубину 2,5 м и был явно оборонительным. Ему сопутствовала глинобитная стенка или вал, которые практически полностью были сnivelированы распашкой. Систему обороны мог завершать бревенчатый частокол. На этом участке памятника строго соблюдалась планировка домостроительства с рядами улиц и переулков.

Последующий, заключительный этап функционирования памятника связан с небольшой по площади, также дугообразной пристройкой в северной части комплекса. Показательно, что исследованное нами жилище захватывало часть засыпанного оборонительного рва. Судя по материалу, в принципе идентичному основной площади памятника, соорудить эту пристройку заставил переизбыток населения на уже обитаемом участке.

Анализ планировки памятника показал, что она не вполне типична для городищ этого времени Западносибирской лесостепи, демонстрирующих более простую застройку и оборонительную систему; с другой стороны, дугообразная система обороны характерна для многих объектов этого времени. Наличие же глинобитного вала явно демонстрирует южный вектор архитектурных решений.

Более двадцати полностью и частично исследованных конструкций демонстрируют устойчивую архитектуру в домостроительстве как жилых, так и хозяйственных сооружений. Это были надежные, слегка углубленные в землю постройки подпрямоугольной в плане формы. Основа конструкции и крыша состояли из бревен. Судя по тому, что ямы вдоль стен были вырыты вертикально, можно предположить, что стены сооружений были поставлены также вертикально и возводились, возможно, в виде плетня. Крыша, вероятно, была камышовой. Жилища отапливались при помощи 1–2 очагов, расположенных в центре жилой камеры. Очаги поставлены ямами, круглыми и удлиненно овальными в плане. Очевидно, что они служили не только для обогрева и приготовления пищи. Судя по находкам в сооружениях обломков глиняных литейных форм, здесь же производилось и литье бронзовых предметов. Еще одной конструктивной особенностью домостроительства являлись коридорообразные входы-тамбуры. Главная их функция связана с сохранением тепла в зимнее время, однако аналогичными входами были оборудованы и хозяйственные, явно не предназначенные для жилья помещения. Жилые дома были однокамерными и двухкамерными. Проведенный анализ почвы в сооружении на предмет фосфатного анализа показал его практическое отсутствие, что свидетельствует о том, что животных не содержали в домах, что было зафиксировано в жилищах ирменской культуры Приобья. В таком случае, наличие больших по площади двухкамерных жилищ может свидетельствовать о существовании крупной патриархальной семьи. Наличие пристройки к одной из камер жилища городища, используемой под туалет, говорит, вероятно, о зарождающихся традициях принципиально нового отношения в обществе к вопросам гигиены и санитарии. На памятнике имеют место хозяйственные постройки, возводимые по принципам жилых, однако значительно меньшие по площади. Очаги в них также отсутствуют. В жилых домах протекала интенсивная бытовая деятельность, о которой свидетельствует как обилие хозяйственных ям, предметов бронзолитейного производства, остатков косторезного промысла, так и присутствие хозяйственных комплексов, состоящих из скопления костей животных (иногда целых туш) в сочетании с глиняной посудой. Здесь же происходили и определенные действия, связанные с духовной сферой человека. Это подтверждает присутствие как специальных ямок с предметами антропоморфной и символической мелкой пластики, так и сама мелкая пластика. Данные проявления обрядовой практики наглядно тяготеют к «цитадели». Известные параллели позволяют обозначить данную традицию как автохтонную, корнями уходящую в ирменскую эпоху. Вторая яркая ритуальная черта связана с захоронениями грудных детей в специальных могилах у стен жилищ, отмеченных практически во всех жилых постройках на всей площади памятника, как в цитадели, так и за ее пределами. Особое положение погребенных, присутствие охры, наконец мужской пол детей, несомненно, свидетельствуют об устойчивой

традиции, вектор параллелей которой уводит нас в Среднюю Азию да и вообще к культурам передовых для своего времени цивилизованных центров Евразии.

Раскопки памятника дали богатейший инвентарь, состоящий из многочисленных предметов из кости и рога. К их числу относятся орудия труда – кочедыки, мотыжки, молот, ложила, серповидные изделия, скребки по коже, крючки, проколки, шилья, пряслица и т.д. Довольно представительны предметы вооружения – прежде всего наконечники стрел, обломок панцирной пластины. К атрибутам конской упряжи относятся трехдырчатые псалии и заготовки для них; к бытовым предметам – фрагменты ложек, гребни и т.д. Имеется значительное количество астрагалов со следами шлифовки и сверления, используемых в игровой и, возможно, ритуальной практике. К украшениям относятся диски с отверстиями, подвески из зубов животных и т.д.; замечательна роговая пряжка, орнаментированная ритмичными нарезками, возможно, связанная с календарной практикой. Обилие изделий, наличие устойчивых серий, а также несомненное мастерство исполнения свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве косторезов и, как следствие, о зачатках ремесленной специализации.

При раскопках памятника обнаружен достаточно представительный каменный инвентарь, включающий свыше трехсот экземпляров, в том числе и предметов орудийного набора. Особое место среди этого массива занимают брусковидные оселки подпрямоугольной формы со сквозными отверстиями, являющиеся типичными предметами для эпохи в целом. Камень использовался для изготовления отбойников и абразивов, а также скребков и оселков. Более половины коллекции составляют осадочные и метаморфизованные осадочные породы (песчаники, алевролиты-песчаники, алевролиты, гравелиты и кварциты, сланцы и гнейсы). Еще треть комплекса составляют магматические породы (грантоиды, вулканические и дайковые породы, диабазы, фиорты и др.). Около четырех процентов приходится на яшмоиды. Самыми распространенными породами для Чичи были песчаники. Отсутствие в Барабе собственных источников каменного сырья определило необходимость выявления его искомого залегания. По данным специалистов, в геологическом строении восточного склона Казахского Прииртышья нашли место все породы, выявленные на памятнике. Очевидно, что камень интересовал обитателей городища прежде всего как поделочный материал. Таким образом, каменный инвентарь также демонстрирует западный, юго-западный векторы связей обитателей городища.

На исследованном памятнике обнаружено значительное количество предметов из глины. Это глиняные грузила трех типов, шары, используемые в качестве сетевых грузил или грузил для перевесов. Особый интерес представляет глиняная мелкая пластика, состоящая из антропоморфной и зооморфной скульптуры, часто с подчеркнутыми признаками пола, как мужского, так и женского, а также символические предметы. Данные изделия представляют особую тему для исследования. Сейчас можно лишь констатировать, что они, скорее всего, связаны с отправлением каких-то культов, вероятно, плодородия. Их максимальная концентрация в жилищах цитадели, несомненно, свидетельствует об автохтонности данного явления, а также о вероятной локализации центра отправления ритуалов.

Достаточно представительна на памятнике серия бронзовых предметов. Особо важно, что датирующие предметы, характерные для того времени, – а это ок. 20 ножей с аркой на кронштейне, 5 наконечников стрел, а также обойма распределителя для перекрестия ремней конской упряжи – надежно датируют памятник в пределах VIII–VII вв. до н.э. Следует иметь в виду, что отдельные бронзовые предметы могут бытовать и в VI в., а бронзовые наконечники со скрытой втулкой и очень узкими перьями датируются в комплексах Казахстана и Средней Азии IX–VIII вв. Важно подчеркнуть распространение датирующих предметов по всей площади памятника, что говорит о его синхронном существовании на всех участках, по крайней мере, в масштабах столетия. Особое значение имеют также находки обломков литейных форм для предметов, типичных для той эпохи, найденных здесь же на городище.

Кроме датирующих бронзовых предметов, представленных, как мы видели, достаточно объемным комплексом, на памятнике имеют место бронзовые шилья, украшения, а также обломки иных предметов (всего более 70). Найдены шлаки, обломки литейных форм и тиглей, а также всплесков бронзы свидетельствуют о том, что литье металла производилось здесь же, на городище. Концентрация этих предметов (включая шлаки) как будто тяготеет к южной части памятника. Нельзя исключать наличие здесь специализированного центра по производству бронзовых предметов, хотя явных следов такого центра пока не обнаружено.

Кроме бронзовых, на городище обнаружен один железный предмет (шило), имеющий непосредственное отношение к памятнику. Изделие наглядно демонстрирует, что население городища было уже знакомо с изготовлением железных предметов, хотя последние еще не вытеснили бронзовые и, вероятно, очень ценились.

Наиболее массовой находкой на памятнике является глиняная посуда. Это целые и археологически целые сосуды, а также их многочисленные фрагменты (ок. 40 тыс.). Число сосудов исчисляется порядком 125 единиц. Изучение их формы, орнамента, технологии изготовления, состава формовочной массы позволяет сделать ряд

принципиально важных выводов, связанных как с культурной принадлежностью памятника, так и с эпохальной привязкой комплекса.

Доминирующими на городище являются два основных керамических блока, весьма своеобразных по форме, орнаментации и технологии.

Первый комплекс принадлежит классическому варианту позднеирменской посуды. Как уже было установлено, в его состав входят три основных типа посуды и все они присутствуют в комплексе памятника. На цитадели позднеирменская посуда количественно превалирует.

Второй доминирующий комплекс представлен новой для Барабы посудой. Это, как правило, крупные, профилированные сосуды с одутловатым туловом и слабо выраженной шейкой, бедно орнаментированные в верхней части рядами ямок, жемчужин, цепочек гребенчатого штампа. Для них типична нарочитая ошершавленность поверхности. Этот керамический комплекс доминирует на всей прилегающей к цитадели площади памятника. Вместе с тем, среди доминантного комплекса, как на цитадели, так и на периферийной части памятника, присутствует керамика и с соседней части городища: на периферии – позднеирменская, на цитадели – вновь выделенная для Барабы. Таким образом, обе керамические традиции существуют как бы параллельно на памятнике, взаимно дополняя друг друга. Кроме того, на памятнике, в различных его частях отмечены комплексы барабинского варианта сузгунской культуры, завьяловской культуры, красноозерской культуры и даже, вероятно, гамаюнской культуры. Эти комплексы незначительны по величине, тем не менее, их присутствие несомненно. Данные керамические группы отличаются по своим морфологическим и технологическим признакам, равно как и по составу формовочной массы от двух доминирующих. Их стратиграфическая позиция не позволяет сомневаться в одновременном присутствии этого материала на памятнике. Анализ керамического комплекса, проведенный как традиционным для археологии, так и широким спектром химико-физических методов, позволил сделать ряд принципиально важных выводов.

Прежде всего, очевидно, что на первом этапе существования на памятнике (цитадель) обитало автохтонное позднеирменское население, активно контактирующее с соседним населением лесостепного Прииртышья (красноозерская культура), северной части Барабы (барабинский вариант сузунской культуры) и лесостепным Приобьем (завьяловская культура). Исторически в это же время с западной территории в Барабу приходит мощная волна мигрантов с территории современного Северного Казахстана, принесшая в Западную Сибирь новую керамическую традицию. Мигранты как бы подселяются к аборигенам и фактически, с одной стороны, живут на территории одного поселка, с другой – обособленно. Вместе с тем, между аборигенами и мигрантами устанавливаются кровно-родственные отношения, о чем свидетельствует смешение керамических традиций, связанных, по-видимому, с установлением брачных связей с соседями. При этом по-прежнему присутствуют традиционные контакты с западными, северными и восточными соседями. Более того, эти контакты даже усиливаются, достигая Зауралья, о чем свидетельствуют гамаюнские черты в местной посуде. Таким образом, налицо не только сосуществование двух этнокультурно различных популяций на одном памятнике с сохранением известной самостоятельности, но и присутствие иных этнокультурных компонентов, позволяющих видеть в памятнике некий тип городища-фактории. Наряду с этим, следует отметить, что одной из двух главных составляющих населения памятника является пришлое население, попавшее сюда с территории Северного и, возможно, Центрального Казахстана. Налицо длительное совместное проживание двух не только разнокультурных, но и разноэтнических популяций. Крайне любопытно, что анализ общей историко-культурной ситуации в Западно-сибирской лесостепи в означенное время демонстрирует неоднократное проявление сходной ситуации совместного сосуществования на одном памятнике, но обособленно – двух различных этнокультурных популяций [Зах, Зимица, 2005].

Следует подчеркнуть, что исследование открытого рядом с городищем некрополя подтвердило данное существование и на уровне погребальных комплексов. Так, автохтонное население устраивало к северу от памятника некрополь, в котором совершались захоронения, выполненные во многом по канонам автохтонного (в основе ирменского) погребального обряда, а рядом по соседству с этим некрополем, к северо-западу от него, расположен курганный могильник, оставленный пришлым с территории Казахстана населением.

Серьезной проблемой является вопрос, связанный с хронологией памятника. Динамика его застройки уже охарактеризована нами выше. Анализ датирующих металлических предметов свидетельствует о том, что период бытования городища укладывается в максимальные пределы – IX–VI вв. до н.э. При раскопках комплекса нами получено свыше 40 радиоуглеродных дат, образцы для получения которых взяты из самых разных участков памятника. Даты получены в двух высокорейтинговых лабораториях г. Берлина и Киля.

В качестве образцов использованы древесный уголь, кости животных и рыб, нагар на сосудах и кости человека. Полученные даты как бы распадаются на три группы. К первой из них относится небольшая серия, относящаяся к рубежу эр. Данные образцы были взяты из сооружений саргатской культуры, построенных при-

мерно через полтысячелетия на месте изучаемого нами городища. Вторая группа дат укладывается в пределах IX (может быть, X) – VII (может быть, VI) вв. до н.э. Эта серия составляет примерно половину из полученных датировок. Они вполне созвучны с теми датами, которые дают нам так называемые датирующие предметы из бронзы, о которых уже шла речь в самом начале доклада.

Проблемной является последняя серия дат, укладываемая в пределы XII (возможно, XIV) – XI (возможно, X) вв. до н.э. Конечно, может оказаться, что часть этих дат принадлежала переотложенным материалам ранее существовавшего на месте городища комплекса ирменской культуры, которую, по аналогии с карасукской культурой, можно теоретически удревить до XIV в. до н.э. Однако, думается, что правильнее будет с каждой датой разобраться особо, что и будет предпринято в специальном исследовании. В настоящее же время датировка основного комплекса городища IX–VII вв. до н.э. представляется нам наиболее приемлемой.

Достаточно представительный комплекс костей животных, обнаруженных на памятнике и определенных российскими и германскими палеозоологами, позволил сделать некоторые выводы относительно хозяйственной деятельности обитателей Чичи. Главный вывод, который получили палеозоологи, оказался вполне созвучным с теми данными, которые мы получили на основании анализа ряда черт культуры, отмеченных выше. Речь идет о том, что на территории памятника существовали две доминирующие группы комплексов, принадлежащих к разным культурно-хозяйственным укладам. К первой группе относится все та же «цитадель», где резко преобладают охотничье-промысловые звери, и прежде всего лось. Домашние животные представлены здесь преимущественно костями лошади, реже коровы. Более существенную роль для обитателей «цитадели» оказывала рыбная ловля и охота на водоплавающую птицу. Что же касается обитателей периферийной части памятника, то основой их хозяйственной деятельности было разведение крупного рогатого скота и лошади, тогда как охота (в отличие от «цитадели») имела явно вспомогательное значение. Кроме того, на «цитадели» преобладают кости свиньи (в том числе домашней), собаки и мелкого рогатого скота.

Таким образом, выявленные модели хозяйственной направленности вполне коррелируют с двумя отмеченными выше этнокультурными типами, отмеченными на памятнике, функционирующими одновременно. Любопытно, что даже породы лошади, представленные в этих двух различных зонах памятника, – различны.

Анализ палеоклиматической ситуации, в которой существовал памятник, свидетельствует в пользу большей остепенности этой зоны Барабы, чем она имеет место в настоящее время.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже первые аналитические исследования памятника Чича-1 дали интереснейшие научные результаты, позволившие сделать серьезные выводы касательно реконструкции хозяйственной, духовной, этнокультурной жизни обитателей южной Барабы в переходное от эпохи бронзы к железу время, а также наметить пути всевозможных реконструкций природоклиматической ситуации в голоцене.

Очевидно, что для поддержания эффективной жизнедеятельности столь крупного и этнически неоднородного поселка требовалась особая социальная надстройка, способная обеспечить гармоничное взаимодействие экономических и социальных структур сообщества. Достаточно сказать, что только поддержание сложной оборонительной системы требовало существенных регулярных затрат; осуществить подобные работы можно было при социальной организации такого уровня, который уже не характерен для первобытного общества. Кроме того, развитая оборонительная система и присутствие подобных конструкций на памятниках данного хронологического круга в Западно-сибирских степях и лесостепях свидетельствует о присутствии в регионе военной напряженности. Данное обстоятельство предопределяло наличие в сообществе специальных воинских формирований и достаточно сложной военной организации.

Таким образом, полученные уже сегодня результаты позволяют охарактеризовать процессы, происходившие в лесостепной Барабе в первой трети I тыс. до н.э., как протоцивилизационные.

Список литературы

Зах В.А., Зимина О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Том 1. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. С. 112–119.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Василев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: (Первые результаты исследования) – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001б. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 1).

Молодин В.И., Парцинген г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова В.П., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: ИЭЖТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 4).

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е., Васильев С.К., Чемякина М.А., Василевский А.Н., Воевода М.И., Губина М.А., Дамба Л.Д., Дробушак В.А., Дробушак Т.Н., Зубава А.В., Казанский А.Ю., Кобзев В.Ф., Кривоногов С.К., Куликов И.В., Нефедова М.В., Овчаренко А.П., Поздняков Д.В., Пронин А.О., Ромащенко А.Г., Чикишева Т.А., Шульгина Е.О. Этнокультурные процессы в переходное от бронзы к железу время в лесостепной зоне Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 132–145.

Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuša J.N., Grišin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Marčenko Ž.V., Čemajakina M.A., Mylnikova L.N., Becker H., Fassbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Früheisenzeit in der Barbarinsker Waldsteppe: Vorbericht der Kampagnen 1999–2002 // Eurasia Antiqua. – 2002. – Bd. 8. – S. 185–236.

А.Д. Прякин*Воронежский государственный университет, Воронеж*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (РУССКОЙ, СОВЕТСКОЙ, РОССИЙСКОЙ). ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ В СТРАНЕ

Отечественная археология (русская, советская, российская) прошла трехсотлетний путь становления и развития. Формирование ее основ берет свое начало с петровского времени. Вырастая как явление в своей основе российское, она формировалась в системе складывавшегося в стране отношения к древностям Отечества. Первые попытки дать оценку прошлого научного знания о древностях отмечаются в конце третьей четверти XIX столетия. Сюжеты по истории развития археологии в стране можно найти в отдельных читавшихся тогда в университетах страны лекционных курсах по отечественной истории, другим дисциплинам исторического, и не только исторического цикла.

Историографический аспект просматривается в опубликованных в конце 80–90-х гг. XIX в. работах юбилейного характера: В.Н. Юргевич «Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского Общества истории и древностей» (Одесса, 1889), Д.Н. Анучина «Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет его существования» (М., 1890) и Н.В. Веселовского «История Императорского Русского археологического общества за первые пятьдесят лет его существования» (СПб., 1900). Уже в первые десятилетия XX столетия встречаются и собственно историографического характера экскурсии в прошлое как русской, так и европейской археологии в целом (Д.Н. Анучин, Д.Е. Данилевич, С.А. Жебелев, др.).

Соориентированностью на сохранение преемственности в развитии археологии в стране отличаются историографические экскурсии в прошлое развитие археологии в стране, публиковавшиеся в 20-е гг. XX в. История развития археологии находится в центре исследовательских интересов С.А. Жебелева [1923]. К оценке дореволюционного времени в развитии археологии неоднократно возвращается Б.В. Фармаковский. Историографический характер носит опубликованная во второй половине 20-х гг. статья А.В. Шмидта [1928].

Тональность в отношении к русской археологии дореволюционного времени меняется в конце 20-х – начале 30-х гг. В.И. Равдоникас подвергает резкой критике как русскую дореволюционную археологию (взгляды А.С. Уварова, Н.И. Веселовского, А.А. Бобринского), так и ее развитие уже в построениях В.А. Городцова. По представлению В.И. Равдоникаса, в русской археологии вообще нет ни одного имени, которое можно было бы поставить в один ряд с Эвансом, Монтелиусом, Мортилье, многими другими западно-европейскими учеными, с чем конечно же согласиться нельзя. [1930, с.34–35]. Критическая направленность оценок, стремление к противопоставлению дореволюционной и советской археологии свойственна для ряда работ, увидевших свет в первое послевоенное десятилетие [Илларионов, 1947; др. раб.].

Иной, более взвешенный тон повествования в публиковавшихся с середины 50-х гг. томах «Очерков по истории исторической науки в СССР» статья А.В. Арциховского [1960; 1963].

Внимание к изучению истории развития археологии в стране заметно возрастает с конца 60-х XX в. Историографическая проблематика занимает все более значительное место в исследовательских интересах А.А. Формозова. Выходят его книги по истории русской археологии дореволюционного времени [1986; др. раб.], как впрочем и целая серия статей, посвященных разным аспектам развития археологии как в дореволюционное, так и в последующее время. Следует отметить и опубликованные во второй половине 70-х – начале 80-х гг. книги Б.В. Лунина, где содержится оценка вклада Н.И. Веселовского и В.В. Бартольда в изучение древностей среднеазиатского региона. Уделяется особое внимание оценке развития археологии в стране в первые два послевоенных десятилетия (В.Ф. Генинг, В.М. Массон, А.Д. Прякин). В центре исследовательских интересов оказывается история археологического изучения отдельных крупных культурно-исторических регионов страны.

Исследователи все чаще обращаются к разработке периодизации развития археологии в стране (В.Ф. Генинг, Л.С. Клейн., Г.С. Лебедев, А.И. Мартынов, А.Д. Пряхин, А.А. Формозов и др.). Предлагаемые периодизации не просто разные, но подчас и вообще трудно сопоставляемые.

Вехой в изучении истории отечественной археологии явилась книга Г.С. Лебедева «История отечественной археологии. 1700–1917» [1992], где изложение ведется в увязке с развитием исторической науки в стране, на фоне развития европейской археологии в целом.

Годом позже на зарождавшейся волне новых оценок советского времени публикуется книга Л.С. Клейна «Феномен советской археологии». Ее автором предлагается по своей сути личностная оценка процессов, происходивших в нашей археологии в послереволюционное время [1993]. Категоричностью и субъективностью оценок отличается вышедшая два года спустя книга А.А. Формозова «Русские археологи до и после революции». Приведем несколько содержащихся в этой книге оценок деятельности ведущих археологов страны. Чего стоит выражение: «В деятельности Городцова и Спицына ошутима доморощенная закваска...» [1995, с. 26] или, скажем, мысль о том, что А.П. Окладников готов «писать и говорить что угодно и о чем угодно» [Там же, с. 78]. Такого рода тональность, к сожалению, сохраняется в опубликованной А.А. Формозовым в 2004 г. книге «Русские археологи в период тоталитаризма».

Характерно появление монографий и учебных пособий по истории развития археологии применительно к крупным регионам Российской Федерации и ближнего зарубежья [Алексеев, 1996; Бродянский, 2000; Матющенко, 2001, т.1–2; др.].

Одной из отличительных черт работ по истории археологии становится широкое использование при их написании архивных материалов. Показательна опубликованная в 2000 г. монография И.В. Тункиной «Российская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.)». Это одно из значимых не только в масштабах отечественной науки исследование по истории античной археологии в целом.

Явно возрос интерес к истории развития археологии применительно к университетам страны. Назову книгу И.Л. Тихонова по истории археологии в Санкт-Петербургском университете [2003]. Книгу по существу не с чем сравнивать, поскольку других подобного рода монографий по развитию археологии в отдельных университетах России, тем более написанных на основе анализа значительного числа архивных данных, просто нет.

В фокусе исследовательских интересов оказывается наследие отдельных ученых. Примечательна подготовка и публикация под редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина опубликованного в 1997 и 2003 гг. двухтомника по научному наследию М.И. Ростовцева («Скифский роман», «Парфянский выстрел»). Показателен и пример монографического исследования «Н.К. Рерих – археолог», авторами которого наряду с академиком В.И. Молодиным являются О.В. Лазаревич и П.П. Лабетский. [Лазаревич, Молодин, Лабетский, 2002]. Назову и недавно опубликованную книгу М.А. Дзвлет, где из тьмы забвения воссоздается имя ведущего исследователя наскального искусства Верхнего и Среднего Енисея А.В. Андрианова [2004]. Эти книги объединяет не только профессионализм оценок и уважение к сделанному предшественниками, но и желание донести до сегодняшнего поколения сам дух времени, когда жил и творил тот или иной исследователь, личностные качества каждого из них.

Набирает силу процесс формирования исследовательских структур и своего рода неформальных исследовательских сообществ, занимающихся историей развития археологии. Приведу пример функционирования с начала 90-х гг. при кафедре археологии и Музее истории Санкт-Петербургского университета научного семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Семинар стал той ячейкой, где формировались многие новые подходы в оценке истории отечественной археологии. Можно сослаться и на наличие в структуре Воронежского госуниверситета возникшей в конце 90-х гг. XX в. совместной исследовательской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН и Воронежского госуниверситета по историографии археологии Евразии.

Налицо возрастание внимания к написанию докторских и кандидатских диссертаций, в основе которых разработка проблематики, связанной с историей отечественной археологии (докторские диссертации О.М. Мельниковой, Г.Т. Обыденновой, И.В. Тункиной, значительное число кандидатских диссертаций).

Сказанное позволяет констатировать, что к настоящему времени сложилось научное направление по изучению истории археологии в стране, для которого характерно признание значимости изучения дореволюционного времени в развитии отечественной археологии. Последнее подчас сочетается с подходом, когда подчеркивается негативность процессов, происходивших в археологии в советское время. В этих условиях крайне важно обеспечить выход на целостное восприятие археологии в стране, что предполагает целесообразность возвращения к последовательной оценке всех основных периодов ее развития. Общие соображения на этот счет нами уже излагались ранее [Пряхин, 2005, с.12–18; др. раб.].

В развитии отечественной археологии в дореволюционное и советское время выделяются шесть периодов.

Три периода относятся к дореволюционному времени. Первый из них – наиболее продолжительный (XVIII – начало XIX в.). Это период зарождения науки о древностях. Его открывает реформаторская деятель-

ность Петра I, предопределившая возникновение новых тенденций в развитии знания, включая формирование научного подхода к древностям вообще и отечественным древностям в частности. Научный подход в их оценке вырабатывается в системе энциклопедизма научного знания, в ходе проведения академических научных путешествий в Сибирь, а с конца XVIII в. и в Северное Причерноморье.

Среди исследователей этого времени выделяются имена В.Н. Татищева, стоявшего у истоков формирования научного отношения к отечественным древностям, и Г.Ф. Миллера, проводившего исследования на территории Сибири и оказавшего серьезное влияние на зарождение евразийского подхода в оценке отечественных древностей.

К концу периода, а именно с начала XIX столетия, получает распространение и сам термин «археология».

Второй период охватывает в основном время с 20-х гг. до второй половины 80-х гг. XIX в. Это период функционирования археологии как науки о древностях. Проявляет себя бытописательный подход (А.Н. Оленин, А.С. Уваров и др.). По представлению А.С. Уварова под археологией следует понимать «науку, изучающую древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа» [1978, с. 21]. На осмысление сущности того, что следует понимать под археологией, оказали влияние взгляды Д.Я. Самоквасова и В.Б. Антоновича, считавших, что археологические свидетельства – это такие же источники исторической науки как и летописи.

Важнейшее значение имело возникновение центральных учреждений в области археологии: Императорской археологической комиссии – первого государственного учреждения в области археологии (1859 г.) и Московского археологического общества (1864 г.), выступившего инициатором проведения археологических съездов. Складываются Санкт-Петербургский (Археологическая комиссия, Эрмитаж, Русское археологическое общество, Санкт-Петербургский университет) и Московский (Московское археологическое общество, Московский университет, а вскоре и Российский исторический музей) научные центры археологической направленности.

Период характеризуется возрастанием роли полевых исследований, в том числе и раскопок, становлением основ методики исследовательского поиска. С середины XIX в. работы преимущественно ведутся на территории восточно-европейской части территории России: раскопки под рук. А.С. Уварова и П.С. Савельева могильников древнерусского времени на территории Владимирской губернии (первая половина 50-х гг.); раскопки под рук. И.Е. Забелина Чертомлыкского (1862–1863 гг.), других курганов скифского времени; под руководством Д.Я. Самоквасова кургана «Черная могила» древнерусского времени (1872–1873 гг.), многие другие работы.

Последний третий период дореволюционного времени развития археологии в стране охватывает время второй половины 80-х гг. XIX в. – двух первых десятилетий XX столетия. В начале периода еще проявляет себя уваровский подход в понимании археологии, фиксировавшийся в деятельности Московского археологического общества. Но все более определяющей является тенденция развития частных, опирающихся на изучение связанных с жизнью и деятельностью человека ископаемых свидетельств, археологий: первобытной, классической, скифо-сарматской, славяно-русской, финно-угорской, восточной, сибирской. В первые десятилетия XX в. начинает проявляться тенденция, в основе которой целостное восприятие археологии как науки об ископаемых древностях (В.А. Городцов, А.А. Спицын).

Возрастает роль Археологической комиссии. Шагом, направленным на регламентацию проводимых полевых работ, явился указ 1889 года, согласно которому Комиссия наделялась исключительным правом производства и разрешения раскопок на государственных и крестьянских землях. За ней закреплялось право выдачи открытых листов на производство раскопок, с обязательным последующим предоставлением в нее научного отчета о проведенных работах. Но в полной мере сформировавшимся головным научным центром в области археологии в стране Археологическая комиссия так и не стала. Значимые позиции продолжает сохранять и Московское археологическое общество. Археологическая комиссия и Московское археологическое общество предпринимают все более целенаправленные усилия ориентированные на охрану памятников археологии, разработку закона об охране памятников старины.

Подготовка специалистов, владеющих основами исследовательского поиска в археологии в это время ведется на разных факультетах университетов в рамках разных областей научного знания. В.А. Городцовым уже в первые годы работы в Московском археологическом институте (конец первого десятилетия XX в.) издаются лекционные курсы по первобытной и бытовой археологии, ведутся практические занятия и проводятся археологические «практикумы».

Завершая оценку русской дореволюционной археологии, следует констатировать очевидность достигнутого ею в это время. Но, с другой стороны, нельзя и идеализировать ее состояние в тот период. Разобщенность по отдельным археологиям, отягощенность еще бытовавшим представлением об археологии как науке о древностях, имевшие сложности с подготовкой кадров свидетельствуют о наличии проблемных ситуаций и проявлений кризисности. Положение дел в археологии усугубилось полномасштабным вступлением России в первую мировую войну.

Следующие три периода приходятся уже на советское время. Четвертый период (первый – советского времени) охватывает два послереволюционных десятилетия (конец второго десятилетия – середина 30-х гг. XX в.). В основе его целостное восприятие археологии через призму изучения ископаемых свидетельств и включение ее в историческую науку. Это время серьезных преобразований, испытания на прочность прежних достижений и движения в новое, время потрясений и смены вектора реализации археологией ее социальных функций.

Поначалу развитие археологии идет в русле наметившегося раньше движения от отдельных археологий к единой базирующейся на изучении ископаемых свидетельств, которая интерпретировалась как отдельная, но находящаяся в тесной взаимосвязи с исторической наукой. Образованная в 1919 г. как археологическая Академия именуется Российской академией истории материальной культуры, объединила не только археологов, но и ученых, представляющих разные науки и научные дисциплины (помимо археологов, это этнографы, собственно историки, антропологи, лингвисты, специалисты по искусствоведению, истории архитектуры и т.д.). Ведущие позиции в РАИМКе (ГАИМКе), да и в археологии страны в целом, какое-то время сохраняли ученые старшего поколения (В.А. Городцов, А.А. Спицын, А.А. Миллер, Б.В. Фармаковский и др.).

Большое значение имела подготовка кадров археологов в рамках вначале факультетов общественных наук Московского (затем это факультет этнологический, историко-этнологический) и Петроградского (затем это факультет языковедения и материальной культуры) университетов, выпускники которых продолжили образование в аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Это были владеющие основами марксистской концепции развития исторического процесса кадры (В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский и др.), стремившиеся развивать полученные знания в непосредственном исследовательском поиске.

Такого рода подход проявил себя в деятельности секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, в недрах которой формировались убеждения, изложенные в конце 20-х гг. учениками В.А. Городцова в «методе восхождения» (А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев, А.П. Смирнов и др.).

Затем следуют острые дискуссии первой половины 30-х гг., которые открывает написанная по заданию методического бюро ГАИМКа книга В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры». В это время в центре критики оказываются устои прежней археологии, взгляды не только ученых старшего поколения, но и представителей «метода восхождения». Разворачивается имевшая негативную окраску борьба со старой так называемой вещеведческой археологией, с применявшимися до тех пор в археологии методами исследования, включая формально-типологический. Как своего рода альтернатива выдвигается комплексный метод анализа, которому придается универсальный характер. Предлагалось даже отбросить уже имевшийся в археологии понятийный аппарат, включая такое базовое понятие, как «археологическая культура», саму археологическую периодизацию и т.д. Тогда проявилось и стремление чуть ли не убрать из употребления термин «археология», заменив его термином «история материальной культуры». Провозглашение тезиса историзма археологии, к сожалению, подчас понимается не только как включение ее в историческую науку, но, в какой-то степени, и как поглощение ее этой наукой. Но такой подход широкой поддержки не получил. К середине 30-х гг. он начинает преодолевать.

Менялась направленность и тематика исследовательского поиска. Перед археологией ставилась задача продемонстрировать свои возможности в изучении докапиталистических общественно-экономических формаций, в выявлении закономерностей развития исторического процесса (социологический подход). Получают распространение стадийные построения. На первый план выходит изучение истории хозяйства и общественных отношений, что находит свое выражение и в возрастании внимания к изучению поселений.

Полевые исследования охватывают все большие территории. Накапливается опыт организации и проведения исследований на новостройках. Уделяется внимание совершенствованию методики раскопочных работ, особенно методики изучения бытовых памятников. В 20-е г. получает развитие археологическое краеведение, которому затем наносится серьезный урон. На положение дел в археологии отрицательно повлияли гонения 30-х гг.

Следующий пятый период развития археологии в стране (второй – советского времени) охватывает предвоенные годы – начало второй половины 60-х гг. Это время функционирования археологии как неотъемлемого звена исторической науки без концентрирования внимания на теоретическом осмыслении ее статуса в этой науке, но с безусловным признанием ее специфики. Археология функционирует как «отдел» исторической науки, ориентированный на реализацию конкретных исследовательских задач в изучении исторического прошлого. Занятие теоретическими проблемами археологии подчиняется целям и задачам исследовательского поиска.

Археология освобождается от сдерживающих ее развитие проявлений социологического схематизма. Постепенно изживается гипертрофированно трактуемый автохтонистский подход в изучении исторического прошлого. Обращается внимание на роль миграций и перемещений массивов населения в древности. Растет интерес к разработке этногенетической проблематики. Состоявшаяся в начале 50-х гг. дискуссия по вопросам языкознания способствовала изживанию стадиальных построений в археологии.

С самого начала периода первостепенное внимание уделяется не только проведению полевых исследований, но и непосредственному анализу полученных свидетельств, в том числе и массового материала. Важнейшее значение придается «публикации» имеющихся свидетельств.

Археология занимает подобающее место в базовой подготовке историков на возрожденных в стенах университетов исторических факультетах. Для подготовки археологов важное значение имело открытие кафедр археологии на исторических факультетах университетов: Московского, Ленинградского, Ташкентского, Киевского [Янин, 1984, с.274–284; Носов, Тихонов, 2004; др. раб.].

Важнейшее значение имело образование в 1937 г. в структуре АН СССР имевшего археологический профиль Института истории материальной культуры, что открывало новые возможности развития археологии в системе фундаментального знания в целом [Гуляев, 2000; Мерперт, 1999, с. 23–30]. До войны начинают работы Хорезмийская (С.П. Толстов), Кармир-Блурская (Б.Б. Пиотровской), другие экспедиции. Продолжают полевые исследования Новгородская (рук. А.В. Арциховский, а ныне – В.Л. Янин), Трипольская (Т.С. Пассек), Северо-Кавказская (М.И. Артамонов, Е.И. Крупнов), Боспорская (В.Ф. Гайдукевич), Саяно-Алтайская (С.В. Киселев), другие экспедиции. Уже в предвоенные годы Институтом начинается издание серии «Материалы и исследования по археологии СССР», готовятся коллективные работы «История СССР» (два тома), «Всемирная история» (первый том), «История культуры Древней Руси».

На время войны сворачиваются полевые исследования; многие ученые уходят на фронт. Археология несет серьезные потери. В 1943 г. дирекция Института истории материальной культуры Академии наук страны переводится из Ленинграда в Москву. В преддверии победы над фашизмом в Москве проводится Всесоюзное совещание по итогам и перспективам развития археологии в стране. На совещании обсуждались и вопросы, связанные с разработкой законодательной базы в области охраны и изучения памятников. Тогда же получила поддержку и идея проведения в будущем институтами археологии и этнографии АН СССР ежегодных всесоюзных научных форумов, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований, сыгравших затем значительную роль в развитии археологии в стране.

Постепенно термин «археология» вытесняет термин «история материальной культуры». С 1938 г. Институт истории материальной культуры АН УССР называется Институтом археологии. А с 1959 г. и Институт истории материальной культуры АН СССР, который в 1956 г. возглавил Б.А. Рыбаков, также именуется Институтом археологии. Да и начавший издаваться с 1957 г. институтом журнал носит название «Советская археология». С начала 60-х гг. начинает публиковаться уникальная по задумке, но оказавшаяся трудновыполнимой на уровне реализации серия «Археология СССР. Свод археологических источников». Причину отказа от употребления термина «история материальной культуры» Б.А. Рыбаков объяснял тем, что этот термин, с одной стороны, сужал возможности археологии, «... не позволяя заниматься ни историей социального развития, ни искусством или религией», а с другой стороны, не ограничивал ее хронологически, поскольку «эта дисциплина непосредственно перерастала в этнографию и историю техники XVI–XIX вв.» [1978, с. 5]. Правда позже название «Институт истории материальной культуры» закрепилось за академическим институтом археологического профиля в Санкт-Петербурге.

На протяжении периода возрастает объем полевых исследований. Проведение полевых работ все более подчиняется задачам изучения конкретных исследовательских тем исторической науки. После войны набирают темпы масштабы работ в зоне новостроек: экспедиции Волго-Донская, Куйбышевская, Нижневолжская, целый ряд экспедиций на территории Сибири и Дальнего Востока (М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, К.Ф. Смирнов, А.П. Окладников и др.), на других территориях. Проводятся и археологические исследования за рубежом: Монголия (рук. С.В. Киселев, затем – А.П. Окладников), Болгария (рук. Н.Я. Мерперт), Египет (рук. Б.Б. Пиотровский) и др.

Именно к этому периоду относятся выдающиеся достижения в исследовании проблематики Древней Руси (Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский), других средневековых государственных образований. Археологи включаются в изучение этногенеза народов СССР, в том числе и в разработку проблемы происхождения и ранней истории славян (П.Н. Третьяков, И.И. Ляпушкин и др.). Значительные результаты достигаются в выявлении и осмыслении древних цивилизаций юга страны (Б.Б. Пиотровский, С.П. Толстов и др.), древних и средневековых скотоводческих обществ евразийской степи (С.В. Киселев, М.П. Грязнов, К.Ф. Смирнов и др.), в комплексном изучении лесной и таежной зон Евразии (А.П. Окладников, А.Я. Брюсов и др.). Проявляется интерес

к использованию в археологии методов естественных и технических наук. В 1963 г. принимается специальное постановление Президиума АН СССР «О внедрении в археологию методов естественных и технических наук». Разворачивают свою деятельность соответствующие исследовательские группы и лаборатории (пример разработки С.А. Семеновым трассологического метода изучения каменных орудий труда).

Отмечается выход советской археологии на широкую международную арену, включая ее влияние на развитие археологии в тогдашних социалистических странах.

К концу периода начинает ощущаться проблемность складывающейся в археологии ситуации: накопление полученных в процессе раскопок свидетельств не во всех случаях обеспечивало выход на новый уровень их осмысления. Постепенно рассеивались иллюзии, согласно которым уже сам факт включения археологии в историческую науку обеспечивает безграничность ее возможностей для изучения исторического прошлого.

На сегодняшний день наименее осмысленным остается третий период советского времени (шестой по общей периодизации), хронологические рамки которого определяются концом 60-х – концом 80-х – самым началом 90-х гг. XX в. Период характеризуется возрастанием внимания к разработке теоретических проблем археологии, формированием представления об археологии как одной из исторических наук, становлением научно-исторического направления мировой археологии.

Проявляет себя стремление осмыслить понятие «историзм археологии». Теоретические проблемы археологии, рассматриваемые в русле марксистских концепций гуманитарного знания, оказываются в центре внимания ряда научных конференций, совещаний, семинаров. Показательно появление серии монографических работ, посвященных теоретическим проблемам археологии В.Ф. Генинга и Л.С. Клейна.

Завершалось формирование на теоретическом уровне статуса археологии как отдельной исторической науки, что предопределяло международный престиж советской археологии, обеспечило превращение научно-исторического направления в одно из важных направлений мировой археологии.

Конкретизация статуса археологии в качестве одной из исторических наук сопровождалась дебатированием вопроса о ее предмете и объекте, о соотношении понятий «факт» в исторической науке и археологии. Проявляется стремление реализовать достигнутый уровень осмысления теоретических проблем археологии как на уровне совершенствования методики полевой археологии и источниковедческого анализа (пример внедрения формализовано-статистических методов в практику исследовательского поиска), так и на уровне разработки проблемы реконструкций в археологии.

В сравнении с предшествующим временем более эффективно используются методы естественных наук. Растет число археологов, не только владеющих такого рода методами, но и фактически выходящих на основе их использования на качественно новый уровень осмысления исследуемых проблем (Г.Ф. Коробкова, Е.Н. Черных, Н.В. Рындина, и др.).

Период характеризовался крупными достижениями в полевом исследовании памятников всех эпох (палеолита, мезолита, неолита, энеолита-бронзы, раннего железного века, раннего средневековья), находящихся на пространствах буквально всех сколько-нибудь крупных культурно-исторических регионов страны. В это время наряду с продолжением изучения конкретных тем отмечается выход исследовательской мысли на уровень широких обобщений. Итогом сделанного явилась подготовка и издание Институтом археологии АН СССР двадцатитомной «Археологии СССР», один из томов которой написан одним автором – В.В. Седовым.

Уровень развития археологии в это время, как впрочем и на протяжении послевоенных десятилетий в целом, олицетворяют имена таких выдающихся исследователей, как директор Института археологии АН СССР, академик Б.А. Рыбаков (археология и история славянского мира и Древней Руси); директор Эрмитажа, академик Б.Б. Пиотровский (археология и история Древнего Востока), директор Института истории, филологии и философии СО Академии наук страны, академик А.П. Окладников (археология и ранняя история Северной Азии); заведующие кафедрами археологии Московского и Ленинградского университетов профессора А.В. Арциховский и М.И. Артамонов, ряд других исследователей.

В конце 80-х гг. директором Института археологии Академии наук страны становится В.П. Алексеев. Он предложил рассчитанную на перспективу программу деятельности как самого института, так по сути дела и археологии страны в целом [1991]. Программа, как об этом позже напишет Х.А. Амирханов, «была составлена со свойственным для Валерия Павловича размахом и масштабной перспективой. Подход В.П. Алексеева к плану работы института был пронизан глубоким пониманием особенностей современных задач археологии. Он нацеливал на модернизацию исследований, выход за пределы традиционной проблематики, комплексный характер изысканий и экологизацию археологического знания» [1992, с. 69]. Кстати сказать в этой программе и в других своих работах В.П. Алексеев ведет речь об «археологическом знании». Подчеркивая историзм археологии, историческую направленность археологического знания, он одновременно пишет и о запасе естественно-научных данных в исследуемых археологами памятниках.

В рассматриваемое время одной из ведущих исследовательских структур в области археологии становится Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, преобразованный в 1990 г. по инициативе академика А.П. Деревянко в одноименный объединенный институт, включающий в себя четыре института гуманитарного профиля, в том числе и Институт археологии и этнографии.

Продолжается развитие археологии в тогдашних союзных республиках. Наиболее показателен пример Украины, где, наряду с академическим Институтом археологии, масштабные полевые исследования ведет ряд университетов. Следует выделить и пример Узбекистана; в 1970 г. здесь создается результативно работающий Институт археологии Академии наук Узбекистана.

Проявили себя и издержки, обусловленные отмечавшимся ростом археологии вширь. Но не они определяли общее состояние в археологии страны.

Распад СССР и образование ряда независимых государств внесли свои коррективы в развитие археологии, предопределили вхождение ее в новый период становления. Разумеется, рано давать общую оценку нового этапа в формировании отечественной археологии (для нас уже российской археологии). Но некоторые суждения не только возможны, но и необходимы. Последнее тем более подчеркивается, поскольку это одна из задач данного археологического съезда.

Одно из соображений касается не только российской, но и других археологий в рамках возникших на пространствах бывшего СССР государств. Сложившееся ранее единое научное пространство демонстрирует свою востребованность и в настоящее время, что диктует необходимость его сохранения на будущее. Осознание сказанного находит свое выражение в проведении совместных полевых исследований, организации и проведении совместных научных конференций, совещаний, семинаров, стремлении сохранить единое информационное пространство.

Происходит укрепление позиций археологии в структуре Академии наук страны (директор Р.М. Мунчаев, затем – Н.А. Макаров). Непростыми оказались 90-е г. для Института археологии РАН. Сохранив основные позиции, институт ныне выходит на новые рубежи, обеспечивающие выполнение тех задач, которые стоят перед российской археологией на современном этапе. Важным шагом стало повышение ранга бывшего Ленинградского отделения этого института. Сейчас это – Институт истории материальной культуры РАН (директор В.М. Массон, затем Е.Н. Носов).

Получил развитие возглавляемый А.П. Деревянко с 2000 г., ставший полностью самостоятельным Институт археологии и этнографии СО РАН. Институт имеет уникальную структуру [Деревянко, Молодин, Гумев, 1997]. Он успешно реализовал имеющие международную направленность исследовательские программы «Первоначальное заселение человеком Северной Азии и проблемы палеоэкологии» (рук. А.П. Деревянко) и «Пазырык» (рук. В.И. Молодин). В.И. Молодин и Н.В. Полосьмак за исследование уникальных памятников пазырыкской культуры [Молодин, Полосьмак, Чикишева и др., 2000; Молодин, 2000; 2001, с. 84–97] в 2005 году удостоены Государственной премии Российской Федерации.

Сейчас уже нет необходимости убеждать кого-то, что за последнее время сложился новый Новосибирский исследовательский центр в области археологии, который вместе с традиционными московским и петербургским центрами ныне составляет основу российской археологии. Само проведение данного Всероссийского археологического съезда в Новосибирске лишней раз подтверждает сказанное.

Важно подчеркнуть возрастание роли университетов в развитии археологии в стране. И вновь следует сослаться на опыт сибирских и дальневосточных вузов, где в ряде университетов функционируют совместные с Институтом археологии и этнографии СО РАН археологические и археолого-этнографические лаборатории (Алтайский, Благовещенский, Иркутский, Кемеровский и др.). Другой подобной, динамично развивающейся научной, одновременно и научно-образовательной системы найти трудно. Это пример реализации на практике идеи интеграции академической и университетской науки, чему в нашей стране ныне уделяется столь большое внимание.

Следует подчеркнуть и важность предпринимаемых усилий, направленных на сохранение археологического наследия (В.В. Седов и др.). Пока же необходимо признать, что чуть ли не основной угрозой для памятников археологии ныне стали получившие размах грабительские «раскопки» с целью добывания древностей для продажи [Макаров, 2004, с. 13–24].

Конечно же, необходимость реагирования на происходящие в стране перемены как бы отодвинула на второй план разработку теории археологии. Но это не совсем так. Признание статуса археологии как отдельной исторической науки сопровождается изживанием проявлений упрощенности в трактовке ее историзма. Приведу пример становления палеолитоведения как специфической области исследований в археологии, находящейся на стыке историко-гуманитарного и естественно-научного знания, предусматривающего наличие комплексного палеоэкологического анализа археологических объектов [Деревянко, Маркин, Васильев 1994, с. 3–4]. Специ-

фической областью исследований в археологии, все более опирающейся на возможности естественно-научных методов, становится изучение эпохи меди-бронзы. Последнее тем более важно если иметь в виду изучение производственной деятельности и последствий этой деятельности [Черных, 2005]. Не будет преувеличением сказать, что перед нами примеры того, как археология раздвигает горизонты исследовательского поиска.

В целом же, российская археология в ее сегодняшнем состоянии вносит заметный вклад в познание исторического прошлого, в исследование и осмысление историко-культурного и конкретно археологического наследия России, в изучение ранних периодов отечественной истории, как впрочем и всемирной истории. Получившее же за последнее время развитие историографическое направление призвано внести свой вклад в оценку имеющегося состояния археологии с позиций поступательного становления научного знания, прогнозируемости хотя бы отдельных тенденций в его формировании.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история // СА. – 1991. – № 1. – С. 5–12.
- Алексеев Л.В.** Археология и краеведение Беларуси XVI – 30-е г. XX в. – Минск, 1996. – 208 с.
- Амирханов Х.А.** Памяти В.П. Алексеева // РА. – 1992. – № 3. – С. 67–84
- Арциховский А.В.** Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – М.: Наука, 1960. – С. 625–632; Т. 3. – М.: Наука, 1963. – С. 586–596.
- Бродянский Д.Л.** Очерки истории дальневосточной археологии. – Владивосток, 2000.
- Гуляев В.И.** Введение // Институт археологии: история и современность. Сб. науч. биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 3–20.
- Дэвлет М.А.** Александр Васильевич Андрианов (к 150-летию со дня рождения). – Кемерово: ИА РАН, 2004. – 64 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение. Введение и основы. – Новосибирск: ВО Наука, 1994. – 286 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Гумеев И.Н.** Институт археологии и этнографии СО РАН. Некоторые итоги деятельности за последнее пятилетие // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 4–12.
- Жебелев С.А.** Введение в археологию. Часть I. История археологического знания. – Пг.: «Наука и школа», 1923. – 199 с.
- Илларионов В.Т.** Опыт историографии палеолита СССР. – Горький: ГГУ, 1947. – 207 с.
- Клейн Л.С.** Феномен советской археологии. – СПб.: ФАРН, 1993. – 145 с.
- Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.** Н.К.Рерих – археолог. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 116 с.
- Лебедев Г.С.** История отечественной археологии. 1700–1917 гг. – СПб.: Из-во С-Петербур. гос. ун-та, 1992. – 464 с.
- Макаров Н.А.** Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России. – М.: Изд-во Совета Федерации, 2004. – С. 13–24.
- Матющенко В.И.** 300 лет сибирской археологии. Т. 1. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2001. – 179 с.; Т. 2. Омск: Ом. гос. ун-т, 2001. – 172 с.
- Мерперт Н.Я.** Из истории Института археологии (к 80-летию учреждения) // РА. – 1999. – № 2. – С. 16–31
- Молодин В.И.** Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Научно-популярные очерки. – Новосибирск: «Инфолио-пресс», 2000. – 192 с.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др.** Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Носов Е.Н., Тихонов И.Л.** Кафедра археологии // Ист. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 1934–2004. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – С. 278–316.
- Пряхин А.Д.** История отечественной археологии. Часть I. Русская дореволюционная археология. Учебное пособие. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 186 с.
- Равдоникас В.И.** За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. – 1930. – Т. 7. – Вып. 3, 4. – 94 с.
- Рыбаков Б.А.** Историзм археологии // КСИА. – 1978. – № 152. – С. 5–7.
- Тихонов И.Л.** Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 332 с.
- Уваров А.С.** Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена программа? // Труды III АС. Т. 1. Киев, 1878. – С. 19–38.
- Формозов А.А.** Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 340 с.
- Формозов А.А.** Русские археологи до и после революции. – М.: ИА РАН, 1995. – 113 с.
- Черных Е.Н.** Пути и модели развития археометаллургии (старый и новый свет) // РА. – 2005. – № 4. – С. 49–60.
- Шмидт А.В.** Археологическое изучение древностей Севера СССР // Финно-угорский сборник. – Л, 1928. – С. 135–243.
- Янин В.Л.** Кафедра археологии // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1984. – С. 270–285.

Д.Г. Савинов*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

ДИНАМИКА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Древнетюркский культурный комплекс – это широкое культурно-историческое понятие, определяющее круг явлений, существовавших в Центральной Азии и Южной Сибири, а также на прилегающих и более отдаленных территориях в период господства тюркоязычных правящих династий: от середины V в. (время появления тюрков Ашина в горах Монгольского Алтая) до начала XI в. (распадение последнего государства, созданного тюркоязычными кочевниками – кимако-кыпчакской конфедерации). За эти 500 с лишним лет сложнейшей этнополитической истории Первого и Второго тюркского и Уйгурского каганатов, этнополитических объединений кыргызов на Енисее и кимако-кыпчаков на Иртыше сложился уникальный симбиоз материальной, духовной и социальной культуры, лежащий в основе всех последующих процессов тюркского культурогенеза.

Основным источником изучения древнетюркского культурного комплекса являются многочисленные археологические материалы, полученные в результате многолетних исследований по всей горно-степной полосе восточных районов Евразии – в Монголии и на Алтае, в Туве и в Минусинской котловине, в горных долинах Тянь-Шаня и в казахстанских степях. Они составляют вещественный фонд культуры, включающий предметы вооружения и снаряжения верхового коня, детали поясных наборов, различного рода украшения, предметы бытового назначения, изделия торевтики и др. В состав древнетюркского культурного комплекса входят и ритуальные памятники – каменные изваяния с оградками и рядами камней – балбалов, а также произведения изобразительного искусства – наскальные изображения и тончайшие гравировки по кости. Вместе они образуют своеобразную «тюркскую триаду» (наподобие «скифской триады») – вещественные материалы, ритуальные комплексы, произведения изобразительного искусства, – наличие которой в тот или иной период определяет границы древнетюркского культурного пространства.

Понятие «культурное пространство» вообще включает в себя всевозможные проявления того или иного сложившегося культурного комплекса в его территориальном и хронологическом измерениях [Савинов, 2003]. С этой точки зрения культурное пространство трехмерно в том смысле, что составляющие его компоненты существуют не только в «горизонтальном», т.е. собственно пространственном, но и «вертикальном», т.е. во временном измерении, образуя культурный пласт со «скользящей» хронологией составляющих его элементов. Порядок распространения и взаимодействия этих элементов отражает динамику культурного пространства; в данном случае – древнетюркского времени (или эпохи).

Вещественные материалы древнетюркского культурного комплекса главным образом рассматривались с точки зрения типологического анализа ведущих категорий предметов сопроводительного инвентаря, что является основой археологической периодизации [Гаврилова, 1965; Вайнштейн, 1966; Кызласов, 1969; Савинов, 1984; Овчинникова, 1990]. В исследованиях, направленных на изучение этнокультурогенеза современных тюркоязычных этнических общностей, древнетюркское время (эпоха, комплекс) часто рассматривается как нечто целое, *a priori* представляющее одинаковую древность всех составляющих компонентов. Между тем образуемое ими культурное пространство обладает отчетливо выраженной динамикой внутреннего развития, которая может быть рассмотрена в соответствии с археологической периодизацией и периодами существования древнетюркских государственных объединений.

Первоначально очерчиваемое культурное пространство тюрков Ашина, судя по сведениям письменных источников, охватывало территорию Монгольского Алтая – алтайский период истории племени турк [Кляшторный, 1965]. С археологической точки зрения ясно, что многие элементы древнетюркского культурного комплекса уходят в «скифскую» древность (деревянные блюда – столики, приборы для добывания огня,

седла с низкими округлыми луками, эсовидная форма псалий, поясные накладки с прорезью в нижней части, некоторые мотивы звериного стиля и т.д.). Появление других связано с периодом хуннских завоеваний [Савинов, 1998]. Это, главным образом, предметы вооружения (лук с роговыми накладками, железные трехпалые наконечники стрел, панцирные пластины, различного рода пряжки и пр.), а также развитая традиция гравировки по кости и принцип оформления ритуальных сооружений – оградок с рядами камней – балбалов, хотя иконография древнетюркских каменных изваяний каким-то пока непонятным образом связана с иконографией изваяний скифского времени. К этому же периоду истории древних тюрков относится заимствование из восточных районов Азии (Китай, Япония, Корея) седла с жесткой основой и высокими арочными луками, и металлических стремян с отверстием на пластине, т.е. иной, более совершенной системы снаряжения верхового коня, увеличившей мобильность населения и в значительной степени обеспечившей успех будущих тюркских завоеваний.

Период Первого тюркского каганата – это образование огромной кочевой империи, простиравшейся от верховьев Хуанхэ до Волги. Покорение киданей на востоке и кыргызов на севере, победоносные походы на запад, войны с аварами и эфталитами, участие в военных действиях крупнейших государств того времени – Византии и Сасанидского Ирана – прославили силу тюркского оружия далеко за пределами первоначального обитания этноса. Все эти события в истории Первого тюркского каганата (от времени его создания в 551 г.) занимают всего 10–15 лет. Вряд ли можно предполагать «заполнение» единого культурного пространства за столь краткий исторический период.

Действительно, отдельные погребения раннетюркского времени (кудыргинский этап, по периодизации А.А. Гавриловой), не образующие крупных могильников, распространены дисперсно на очень широкой территории, но из-за простоты погребального обряда и сопроводительного инвентаря трудно поддаются хронологическому определению. Самым известным из них остается могильник Кудыргэ на Горном Алтае, датировка которого в связи с проблемой хронологии изделий «геральдического стиля» остается дискуссионной. Окончательное решение этого вопроса будет зависеть от того, где находился центр сложения «геральдического стиля» – на западе или на востоке. Скорее всего, середина VII в., т.е. конец Первого тюркского каганата, – наиболее вероятный «срез» для этого уникального памятника. Вполне возможна синхронизация могильника Кудыргэ с пребыванием на Алтае последнего удельного князя Первого тюркского каганата – Чеби хана, погибшего в Семиречье в 650 г. К этому же времени относится могильник Кара-Куджур на Тянь-Шане, в котором найдены изделия «геральдического стиля», наиболее близкие кудыргинским, что может быть сопоставлено со сведениями письменных источников об «одиссее» Чеби хана. Но это все на уровне гипотез.

В это же время первые группы тюркского населения, судя по находкам деталей поясных наборов, появляются на территории Северного Алтая [Савинов, 2000, рис. 2] и юга Западной Сибири [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26, № 36, 37], но ни о каких процессах тюркизации населения верхнеобской культуры пока не может быть и речи. Пожалуй, наиболее ярко раннетюркский культурный комплекс представлен в западных районах экспансии тюрков Первого каганата. Так, из кургана 1 Шиловского могильника в Ульяновской области, датированного по монетам времени правления Ираклия (610–641 гг.), происходят костяные пластины с замечательными гравированными композициями, среди персонажей которых улавливаются «таштыкские мотивы» [Савинов, 2002]. Но проследить движение носителей этой традиции пока не представляется возможным. Необходимо также учесть, что до сих пор, по сути дела, не выявлены каменные изваяния, относящиеся к периоду Первого тюркского каганата; остаются «под вопросом» ранние тюркские сожжения, о которых сообщают письменные источники; в основном к периоду Второго тюркского каганата относится сложение древнетюркской рунической письменности [Кляшторный, 1973, с. 261]. Все это вместе взятое свидетельствует о том, что в период Первого тюркского каганата единое культурное пространство, которое могло быть основой будущего тюркского культурогенеза, еще не сложилось или представлено отдельными очагами (Алтая, Тянь-Шань).

Окончательная контаминация всех элементов древнетюркского культурного комплекса относится к периоду Второго тюркского каганата, когда они оказываются наиболее насыщенными и унифицированными. По существующей археологической периодизации – это катандинский этап развития древнетюркской культуры (VII–VIII вв.). Политические границы Второго тюркского каганата значительно уступали Первому, а основные военные действия были направлены против местных племен Монголии и Южной Сибири – уйгуров, карлуков, басмалов, кыргызов и др., – что должно было препятствовать развитию центробежных тенденций, как это имело место в период господства Первого тюркского каганата. Принципиально важно, что смена политической гегемонии после гибели Второго каганата (745 г.) не явилась переломной в культурогенезе, так как этнический состав населения, по сути дела, оставался прежним [Грач, 1966]. А это уже около 200 лет развития одной и той же устойчивой традиции!

Катандинский этап представлен многочисленными погребениями на Горном Алтае и в Туве; к нему относится большинство памятников древнетюркского времени в Монголии и на Тянь-Шане; он же лежит в основе сложения культуры енисейских кыргызов и племен кимако-кыпчакского объединения (сросткинская культура). К эпохе Второго тюркского каганата относится значительная часть каменных изваяний с изображениями предметов катандинского типа (поясных наборов, сосудов-кувшинчиков и серег). Такие же вещи в согдийском исполнении представлены на пенджикентских росписях, найдены в датированных слоях Пенджикента, павшего в результате арабского завоевания в 720 г. [Распопова, 1980, рис. 63, 64] и при раскопках семиреченских городищ. В это же время происходит окончательное сложение древнетюркской рунической письменности и широко распространяются тамгообразные рисунки горных козлов, аналогичные изображениям на стелах тюркских каганов и других памятниках периода Второго тюркского каганата. Формы вещей катандинского типа широко распространяются по всей лесостепной полосе Западной Сибири, что дает основание говорить о начале процессов тюркизации северной периферии тюркского «мира» (скорее всего, после падения Второго каганата, т.е. в середине VIII в.). Все это вместе взятое свидетельствует о сложении единого культурного пространства, разделяющегося на ряд культурных «диалектов», для которых тюркская (катандинская) традиция становится общим, в широком значении этого слова, этническим стереотипом [Кляшторный, Савинов, 1993].

Материалы богатых погребений в период господства Уйгурского каганата (745–840 гг.), продолжающие прежнюю традицию (тузктинский этап) и известные на территории Горного Алтая (Курай, Туэкта, Балык Соок, Узунтал), Тувы (т.н. «погребение с зеркалом Цинь Вана») и Монголии (Джаргаланты – 2 и Увгунт) показывают, что подобного рода изделия (богато декорированные поясные наборы, зеркала, серебряные сосуды) приобретают статус ранжированной, т.е. социально обусловленной культуры, и в этом качестве приобретают значение государственных ценностей. Замечательным подтверждением этому служат находки серии золотых и серебряных сосудов в комплексе Бильгэ-кагана, типологически представляющие те же формы предметов катандинского типа [Баяр, 2004, рис. 10–13]. Именно в таком сочетании этнического и социального происходит наиболее полное «заполнение» древнетюркского культурного пространства (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Обращает на себя внимание, что на этом же хронологическом срезе многие элементы древнетюркского культурного комплекса проникают далеко на запад (салтово – маяцкая культура). Но этот вопрос требует специального исследования.

После гибели Уйгурского каганата (840 г.) наступает период образования новых этнополитических объединений, возникших на периферии центрально-азиатских каганатов. На первое место теперь и вплоть до начала XI в. выступают «отраженные» от древнетюркских памятники культуры енисейских кыргызов, главным образом изученные в Туве [Грач, Савинов, Длужневская, 1998] и кимако – кыпчков в южных районах Западной Сибири, предгорьях Алтая и на Иртыше [Савинов, 1976; Могильников, 2002]. Все они так или иначе имеют общетюркскую (условно – катандинскую) основу, в значительной степени усложненную различными приемами декоративного оформления украшений, предметов снаряжения воина и верхового коня. Происходит ареальное «распыление» наиболее устойчивых элементов древнетюркской культуры в рамках вновь созданных этнополитических объединений, а также в результате активных процессов тюркизации в среде окраинных обществ – реципиентов, в первую очередь, населения западно-сибирских археологических культур. Наблюдается и прямой отток населения в северные лесостепные районы, главным образом, в пределы кимако-кыпчакского объединения.

На рубеже I и II тысячелетий начинается широкое расселение тюркоязычных племен (Огузов, карлуков, кыпчаков и др), вызванное «цепной» миграцией племен в 30-х гг. XI в., начало которой было положено образованием в 916 г. новой кочевой династии Восточное ляо (монголоязычных киданей), достаточно быстро захвативших прежние подвластные земли Тюркских каганатов. В результате этих процессов, пока еще малоизученных, границы тюркского культурного пространства сдвигаются в районы Приуралья, Центрального Казахстана и восточно-европейских степей. Наиболее выразительно такую динамику демонстрирует распространение каменных изваяний с изображением сосуда в двух руках: изваяния уйгурской группы в Туве [Кызласов, 1969, рис. 26, 27], некоторые каменные изваяния Семиречья и казахстанских степей [Шер, 1966, табл. XXIV, XXV; Ермоленко, 2004, рис. 35, 36; и др.], знаменитые кыпчакские (половецкие) каменные изваяния [Плетнева, 1974].

Многие из высказанных положений могут стать объектом самостоятельного исследования. Однако и теперь совершенно очевидно, что формирование и развитие древнетюркского культурного пространства – это длительный и весьма сложный цивилизационный процесс, прошедший несколько этапов: от сложения нуклеарного ядра древнетюркской культуры в горах Монгольского Алтая во второй половине V – начале VI вв. до широкого расселения групп – носителей сложившегося стереотипа древнетюркской культурной традиции в начале II тыс. При этом общая тенденция «скользящей» хронологии всех элементов древнетюркского культурного комплекса – движение с востока на запад; и очень редко – наоборот.

В одной из своих работ академик В.В. Бартольд писал, что, «историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков (называемых в Европе команам, а у русских – половцами), которые первоначально были лишь одним из племен кимаков» [1968, с. 549]. Это хорошая мифологема того, что представляет собой содержание исторического процесса на завершающем этапе древнетюркского культурогенеза.

Список литературы

- Бартольд В.В.** Кимаки (Статьи из «Энциклопедии ислама») // Сочинения. Т. V – М.: Наука. Гл. ред. Восточн. литер., 1968 – с. 549.
- Баяр Д.** Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 73–84.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966. – №3 – С. 75–80.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Грач А.Д.** Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононова. – М.: Наука. Гл. ред. Восточн. литер., 1966. – С. 188–193.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.** Енисейские кыргызы в центре Тувы. – М.: Фундаментал-Пресс, 1998 – 83 с.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 128 с.
- Кляшторный С.Г.** Проблемы ранней истории племен турк (Ашина) // Новое в советской археологии – М.: Наука, 1965. – С. 278–281. – МИА; № 130.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований 1968–1969 гг.) // ТС 1972 года. – М.: Наука. Гл. ред. Вост. литер., 1973. – С. 254–264.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Тюркоязычные народы, историческое пространство и этногенез // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации (ТЛ докл. конф..) – СПб., 1993 – С. 42–44.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1969. – 210 с.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М.: Наука, 2002. – 360 с.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X века – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – 222 с.
- Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния // САИ. – Вып. Е 4-2. – М.: Наука, 1974. – 199 с.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 136 с.
- Савинов Д.Г.** Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Изд-во Наука Казахск. ССР, 1976. – С. 94–104.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1984. – 174 с.
- Савинов Д.Г.** О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы – Москва: Гылым, 1998. – Вып. 2 – с. 130–141.
- Савинов Д.Г.** Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – С. 170–177.
- Савинов Д.Г.** Восточные мотивы в изображениях Шилевских пластин (к истории формирования древнетюркской изобразительной традиции) // Первобытная археология. Человек и искусство (к 70-летию Я.А. Шера). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 182–187.
- Савинов Д.Г.** Динамика культурного пространства (по археологическим материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Теория и методология археологии (Материалы теоретического семинара). – Вып. 3 – Стратиграфия культуры. Что такое археология? – СПб.: МАЭ РАН, 2003. – С. 52–60
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 148 с.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966 – 137 с.

Я.А. Шер*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Введение

Изучение памятников первобытного искусства, в которых отражена духовная культура древнего человека, занимает все более заметное место в работе археологов, этнологов, историков первобытного общества, искусствоведов, музейных работников и других представителей гуманитарного знания. Яркий феномен палеолитического искусства привлекает и долго будет привлекать всеобщее внимание своей неожиданной стилистической целостностью и загадочностью. Сейчас, когда изображения эпохи верхнего палеолита обнаружены почти на всех континентах и с каждым годом их количество прибавляется, интерес к этому феномену возрастает и у представителей естественных наук: психологов, психиатров, нейрофизиологов и др.

Наряду с живописью и пластикой каменного века, не меньшее значение имеют изобразительные памятники более поздних периодов. Они демонстрируют определенную динамику изменчивости во времени и пространстве, хотя и не всегда понятную, но стимулирующую размышления о причинах и механизме этой изменчивости, о ее связи с другими культурно-историческими процессами или, наоборот, об относительной самостоятельности. Исследование памятников первобытного и древнего искусства, и особенно, наскальных изображений, превращается в самостоятельное направление археологии. Здесь есть свои плюсы и минусы, о которых речь пойдет ниже. Тем важнее представляется задача изучения и обобщения накопленного в этой области научного и методического опыта.

При изучении первобытного искусства перед исследователем, наряду с традиционными археологическими задачами (описание, датировка, интерпретация и т.д.), возникают специфические проблемы, присущие именно данному виду археологических памятников. Одной из них является проблема более четкого определения какое искусство следует считать первобытным. Необходимо также понять, в чем состоит отличие первобытного искусства от более позднего и современного. При полевых исследованиях возникает отличная от общепалеолитических задача достоверного копирования и описания изображений. В последнее время особую остроту приобрела проблема сохранения и музеефикации памятников первобытного искусства под открытым небом. Существует еще ряд проблем: анализ стилей, датировка и синхронизация, семантическая дешифровка и, наконец, самая сложная – проблема происхождения искусства.

Разумеется, в данном докладе невозможно сразу охватить все перечисленные задачи. Да в этом и нет необходимости, потому что автору уже приходилось излагать свои соображения по большинству из затронутых вопросов [Шер, 2000; 2004; и др., более ранние публикации] с надеждой на дискуссию. К сожалению, полноценной дискуссии пока не получилось.

Между тем уже после того, как были сданы в печать упомянутые выше статьи, произошли новые открытия, увидели свет новые публикации, стали более заметными смещения некоторых приоритетов. В частности, все большую актуальность приобретают задачи сохранения и музеефикации изобразительных памятников, находящихся на открытом воздухе (наскальные рисунки, стелы, изваяния). Они особенно актуальны для нашей страны, поэтому представлены в данном докладе на первом месте. Вторая тема, избранная для данного выступления – происхождение искусства. Мне представляется, что за последние годы все больше подтверждается гипотеза естественно-исторического генезиса изобразительной деятельности.

Сохранение и музеефикация

Пещеры с изображениями, петроглифы, каменные сооружения, изваяния, оленные камни больше других подвержены разрушению, поскольку они не погребены в культурных слоях, а расположены на открытых и вполне доступных местах. Положение под открытым небом влечет за собой, с одной стороны, постоянное разрушительное воздействие атмосферных явлений, а с другой – доступность для нежелательных посещений.

Все разрушения памятников древнего искусства делятся на два вида: природные и антропогенные, которые особенно усилились в последнее время. Если в течение предшествующих тысячелетий природные факторы действовали очень медленно, то за последние 50–60 лет произошло катастрофическое ускорение действия первых за счет вторых. Печальный пример ущерба от неконтролируемого потока посетителей представляет собой пещера Ляско (Франция), на опыте «лечения» которой (1963–1981) были выработаны правила организации осмотра подобных памятников туристами во всей Западной Европе. Весьма прискорбно, что самые серьезные потери древнего историко-художественного наследия произошли в России, и особенно, в Сибири. При проектировании Красноярской ГЭС предусматривались средства только на раскопки курганов и поселений в пределах проектного контура водохранилища. О попадающих под затопление многочисленных петроглифах, расположенных на береговых скалах, вообще забыли, и средств на них отпущено не было. Правда, частично их удалось исследовать по личной инициативе сотрудников, наряду с раскопочными работами. Параллельно с обязательными раскопками курганов и поселений с 1963 по 1970 гг. нам удалось составить научную документацию для более чем 3 000 изображений. Конечно, уровень фототехники 60-х гг. в России был далек от современного, но, тем не менее, наша документация оказалась вполне соответствующего уровня и теперь ее большая часть опубликована.

В результате заполнения подобных водохранилищ в 60–70-е гг. ушли под воду тысячи шедевров древнего искусства на Верхнем и Среднем Енисее, Ангаре и на других реках. Огромные водохранилища изменили местный микроклимат, что ускорило процессы природного выветривания скальных обнажений с петроглифами. Рисунки на береговых скалах этих местонахождений разрушаются буквально на глазах. Но самым прискорбным на Енисее было то, что, когда водохранилище было полностью заполнено, выявились грубые ошибки в его проектировании. Оказалось, что волны постоянно разрушают рыхлую скальную породу. Там, где берег сложен лессовыми почвами, он обваливается в воду вертикальными пластами, обнажая и разрушая курганы и поселения, которые оставались за проектной границей затопления. В итоге за 35 лет береговая линия отодвинулась от проектной на 150–200 м [Формирование берегов..., 1974]. Количество разрушенных памятников, по проекту находившихся вне зоны затопления, не поддается учету. На мониторинг состояния береговой линии и разрушающихся памятников средств и сейчас не отпускается.

Там, где не сооружались водохранилища, действуют другие вредные факторы. Крупнотоннажные грузовики, проезжающие по дорогам недалеко от некоторых памятников (Шишкино, Сулек и др.), передают скальным массивам вибрацию, пагубно воздействуя на их устойчивость, провоцируя процессы их деструкции. Кроме этого, они загрязняют воздух выхлопными газами. Этот вид разрушений растет по мере промышленного освоения территории, увеличения карьеров по добыче различных видов горных пород.

Такие последствия индустриального развития, как кислотные дожди, ухудшают биохимическое состояние скальных поверхностей. Даже простое посещение памятника с благими намерениями может вызвать нежелательные последствия для его сохранности. Посетители вытаптывают траву на естественных площадках для осмотра, а отсюда – оседание пыли на плоскостях с рисунками и их загрязнение. Например, на некоторых петроглифических комплексах Австралии в разгар туристского сезона на смотровые площадки укладывают резиновые коврики, предотвращающие вытаптывание травы.

Единственным способом сохранения для науки информации о разрушающихся памятниках является их тщательное документирование на современном уровне и введение этой документации в административный, научный и историко-культурный оборот. Параллельно, там, где это еще возможно, необходимы действия по их охране, консервации и реставрации.

Не только в СССР и в России, но и в ряде других стран работы по консервации и реставрации памятников наскального искусства ведутся разрозненно, без единой стратегической программы. Энтузиазм малоквалифицированных ревнителей приводит к обратным результатам, иногда с катастрофическими последствиями. На Енисее под горой Оглахты с благородной целью спасти от затопления наскальные рисунки сотрудником Абаканского музея был взорван большой скальный блок с ценнейшими петроглифами. Расчет на то, что он отвалится целиком, был изначально абсолютно безнадежным в силу характера породы (слоистый девонский песчаник). Блок рассыпался на мелкие кусочки. К счастью сохранилось фото 1963 г., сделанное во время разведки на всякий случай, поскольку работы по его полномасштабному копированию планировались на следующий год.

Наиболее квалифицированно реставрационные работы по петроглифам ведутся у нас сотрудниками отдела реставрации камня Государственного Научно-исследовательского института реставрации (Москва). За последние годы проведены реставрационные работы на местонахождениях Шишкино, Тальма, Воробьево; начаты реставрационные работы на Томской писанице и на Сулеке.

Мировой опыт показывает, что ведущая роль в законодательном регулировании и организации деятельности по охране и использованию археологических памятников принадлежит государству. В большинстве стран существуют специальные государственные органы, ведающие национальным историческим и культурным наследием, облеченные широкими правами и обеспеченные финансами. Эти органы координируют деятельность различных ведомств по изучению и пропаганде исторического наследия в сфере образования и туризма, по их охране, музеефикации и т.п. Во многих странах археологические памятники находятся в частной собственности, и объявление их национальным достоянием не обязательно связано с их национализацией, но обязательно требует учета и контроля за сохранностью и определяется нормами законодательства, соблюдение которых обязательно для частного владельца.

Роль государства состоит не только в законодательном оформлении деятельности по сохранению и использованию памятников древней культуры. Государство должно также обеспечить организационную и финансовую поддержку этой деятельности и не только через специально уполномоченные государственные органы охраны памятников, но и поддержкой местных научных учреждений и общественных объединений, способных на постоянной основе осуществлять мероприятия по исследованию, сохранению и использованию археологических памятников. Это может быть музей-заповедник, ландшафтный парк, исследовательский центр при высшем учебном заведении, неправительственная организация, например, Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ).

В большинстве стран памятники древней культуры, независимо от формы собственности, являются национальным достоянием и находятся под защитой государства. С 1979 г. в мире формируется «Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО», в который входит целый ряд памятников первобытного искусства (на сегодняшний день – 23). Помимо памятников таких развитых стран, как Австралия, Франция, Швеция, Италия и др., в этом списке можно видеть Зимбабве, Ливию, Гватемалу, Ботсвану. В 2004 г. при поддержке САИПИ в этот список был включен комплекс Тамгалы (Казахстан). К сожалению, пока в этом списке нет ни одного памятника первобытного искусства, расположенного на территории России. Включению в список ЮНЕСКО предшествует довольно сложная процедура. Успех прохождения этой процедуры во многом зависит от отношения органов власти и местного сообщества, от признания ими общекультурной ценности памятника и понимания ответственности за его сохранение для нынешних и будущих поколений. При этом также важны финансовые возможности территории, способность организовать управление памятником, и, наконец, воля конкретных личностей, которые берут на себя труд провести процедуру включения памятника в этот список. Как правило, включение в список ЮНЕСКО происходит при поддержке национальных правительств, имеющих большую заинтересованность в этом. Присвоение статуса всемирного наследия дает реальный шанс для включения объекта наследия в социально-экономическую жизнь и превращения его в своеобразный культурный «бренд» территории. Кроме того, этот статус повышает возможности привлечения дополнительных средств для сохранения памятника.

В нашей стране в советское время за редким исключением сохранение археологических памятников, а значит и памятников первобытного искусства, сводилось в лучшем случае к постановке на учет в органах по охране памятников. Но это было и до сих пор остается чисто формальной процедурой, никого ни к чему не обязывающей. Широкое использование памятников в туристских и образовательных целях, и тем более, их включение в процессы социально-экономического развития территорий, стало осознаваться только в последнее время, но пока без реальных результатов.

В соответствии с Федеральным законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (25.06.2002 № 73-ФЗ) под государственной охраной объектов культурного наследия понимается «система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер», которые должны осуществлять органы исполнительной власти и специально уполномоченные государственные органы охраны памятников. Закон предусматривает также ответственность собственника, на землях которого находится памятник истории и культуры, за его сохранность и регулирует создание охранных и заповедных зон. В целом – хороший закон. В нем предусмотрено почти все, за исключением одной «мелочи»: для его реализации нужны средства, а поскольку на культуру у нашего государства средств никогда нет, то закон не работает, и это, несмотря на гарантии сохранности «объектов культурного наследия народов РФ в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации», не мешает мафиозным структурам грабить археологические памятники.

Памятники первобытного искусства на открытом воздухе – самая незащищенная часть нашего культурного наследия, которое накапливалось тысячи лет, а исчезает за десятилетия. Невозможно обеспечить их охрану без воспитания уважительного отношения к ним. Практика показывает, что запретительные меры, как правило, не дают нужного эффекта. Выше уже шла речь о том, что древние памятники гибнут и от деятельности самого государства: строительство дорог, гидроэлектростанций и других сооружений. Тысячи петроглифов были затоплены в результате строительства сибирских ГЭС, десятки каменных изваяний Алтая, Хакасии, Тувы повреждены гусеницами тракторов. Это свидетельствует о том, что общество в целом относится равнодушно к невосполнимым ценностям истории и культуры. Для преодоления этой бездуховности необходимо целенаправленно вести пропаганду сохранения памятников древней культуры.

Все же за последние годы, в связи с ростом благосостояния и развитием местного туризма, внимание населения к этим памятникам растет с каждым годом. Этот общий интерес людей к своей истории необходимо поддерживать, удовлетворять и направлять. Такую работу можно осуществить только совместными усилиями научных и учебных учреждений, общественных организаций, органов охраны памятников и средств массовой информации.

Задача охраны и музеефикации изобразительных памятников, находящихся на открытом воздухе: петроглифов и каменных изваяний, – относительно новая, особенно в условиях нашей страны, когда далеко не все слои населения прониклись сознанием того, что памятники древнего изобразительного искусства представляют собой общественное достояние, часть духовного богатства и историко-культурного наследия всего человечества, имеющего огромную ценность, не измеряемую никакими деньгами. Сведения о памятниках первобытного искусства и их значении должны быть включены в школьные курсы по истории и краеведению. Таким образом, с раннего возраста у человека должно складываться уважительное и бережное отношение к памятникам истории и культуры.

Формирование необходимого общественного мнения – дело медленное и нелегкое. В этой связи на первый план выступают задачи просветительные, и прежде всего среди детей, школьников и студентов. Велико-возрастный турист, выбивший зубилом по древним рисункам надпись «здесь был Вася», в значительной мере потерян для такого воспитания. Если с детства он не был воспитан в духе бережного отношения к древнему художественному наследию, то по мере его взросления восполнить эти пробелы будет все труднее. И совершенно другое дело – дети. Достаточно присмотреться к их одухотворенным лицам на выставке древних петроглифов, чтобы понять, что осмысление, и понимание необходимости бережного отношения к древнему искусству войдет в их сознание на всю жизнь и не в результате назидательных сентенций, а через собственный внутренний духовный мир.

Упомянутое выше отпочкование самостоятельного направления, которое уже получило название «петроглифоведение», наряду с достоинствами, имеет определенные недостатки, которые при своевременном распознавании можно устранить. Специализирующиеся на изучении изобразительных памятников студенты и аспиранты все больше отдаляются от раскопной археологии, что неизбежно сужает их исследовательский кругозор. Защита диссертаций по первобытным и древним изобразительным памятникам происходит по специальности «археология». Однако уже случалось так, что степень кандидата наук по археологии получает соискатель, не только самостоятельно не раскопавший в своей жизни ни одного памятника, но иногда даже вообще не участвовавший в раскопках.

Происхождение искусства

Вопрос о происхождении искусства (точнее, изобразительной деятельности) в последние годы привлекает внимание все большего количества исследователей и получил значительно более широкое отражение в литературе, чем раньше. Напомню, что давно существующие гипотезы (трудовая, магическая, религиозная, эстетическая, игровая, натурального макета и др.) в лучшем случае пытались ответить на вопрос «что предшествовало искусству», но не – «как оно возникло».

В последние годы сформировалась новая гипотеза, которая сначала получила название «гипотеза информационного взрыва», но ей намного больше соответствует название «естественно-историческая», поскольку имеются в виду природные, нейрофизиологические факторы, влияющие на психологию *Homo sapiens sapiens* (далее для краткости – сапиенс) как объекта и субъекта истории.

В основе этой гипотезы лежит допущение о том, что 40 000 л. н. сапиенс обладал таким же нейрофизиологическим «устройством», как и современный человек. Если это допущение верно, а сомневаться в этом пока нет оснований, то все виды символических действий, присущие кроманьонцу, складывались на основе тех же функций системы высшей нервной деятельности, которые действуют и сейчас. Это позволяет, разумеется

некоторыми поправками на время, переносить наблюдения над современными психофизиологическими «механизмами» символических действий на аналогичные действия в поведении древнего человека. Конечно, за 40 тысячелетий не могло не накопиться различий, но они не затрагивают главных нейрофизиологических функций. Прежде всего, различия должны были проявляться в степени осознанности тех или иных действий при создании изображений. Однако известно, что и сейчас современный художник не может четко и последовательно объяснить, как у него происходит процесс творчества. Феномен творческого вдохновения во многом остается загадкой и для искусствоведов, и для психологов.

Для того, чтобы у сапиенса появилась способность к созданию изображений (равно как и способность к другим формам знакового поведения, например к членораздельной речи, музыке и т.п.), необходима весьма высокая степень психологической «готовности» к такому поведению. Одним из важнейших показателей такой готовности является определенный уровень функциональных асимметрий: моторной, сенсорной и психической, особенно последней, которая напрямую зависит от глубины разделения функций между полушариями головного мозга.

Напрашивается аналогия с изменениями энтропии любой термодинамической или информационной системы. Если по мере упорядочения и усложнения системы ее асимметрия растет, то соответственно энтропия той же системы должна уменьшаться. Возможно, асимметрия выполняет некую, не вполне еще изученную антиэнтропийную функцию не только в природе, но и в культуре.

Фундаментальный характер явления асимметрии для всего мира природы и общества позволяет думать, что межполушарная функциональная асимметрия головного мозга человека является одновременно и частью общей тенденции к усложнению асимметрии в живой природе и, по-видимому, самым сложным и высокоорганизованным «механизмом» высшей нервной деятельности. Унаследовав церебральную асимметрию от животного мира, эволюция человека развила и качественно преобразовала способность левого полушария к абстрактно-понятийному отражению. Это преобразование осуществлялось и развивалось под влиянием разных факторов, в том числе, членораздельной речи, частичной взаимозаменяемости функций логического и образного мышления, а также при обратной связи с точными действиями рук – главных органов труда. Нужно отметить, что «под влиянием» не следует понимать как «по причине». Латеральная специализация полушарий возникла в эволюции не в связи с появлением речи и праворукости, и не обусловлена трудовой деятельностью. Ведь действительно, речь, как и праворукость и все другие проявления чисто человеческой деятельности, были не причиной асимметрии мозга, а, наоборот, – ее порождением. И труд не создает асимметрию, а способствует ее развитию.

Центр речи и дискретного логического анализа восприятия внешнего мира в норме (т.е. у правшей) находится в левом полушарии. Активизация функций левого полушария привела к более дифференцированным и точным действиям правой руки. В то же время целый ряд этих манипуляций невозможен без параллельного взаимодействия с правым полушарием [Иванов, 1978, с. 23–25].

Все без исключения исследователи так называемых примитивных народов единогласно подчеркивали выдающиеся свойства их памяти, и особенно – памяти пространственной. Л.С. Выготский и А.Р. Лурия показали, что по мере вхождения примитивного человека в культуру наблюдается спад этой памяти, уменьшение ее, подобно тому, как такое уменьшение происходит по мере культурного развития ребенка [1993, с. 85–87].

Функции образного мышления, интуиции и восприятия пространственных соотношений сосредоточены в правом полушарии. «Правополушарное мышление» четко отражено в тех особенностях языков аборигенов Австралии, Африки, Северной и Южной Америки, которые были описаны еще путешественниками XVIII–XIX вв. [Леви-Брюль, 1994, с. 114–143]. Иными словами, правое полушарие тоже «говорит», но другим языком – не словесным, а образным.

Свойства «правополушарного мышления» важны для понимания особенностей поведения первобытного человека и могут объяснить многие магические и ритуальные действия (см., напр.: [Уолш, 1996]). Употребление некоторых слов, например заклинаний, вызывает у испытуемого так называемые «безотчетные» эмоции, создающие психологический дискомфорт и даже стресс. В норме правое полушарие обрабатывает информацию быстрее, чем левое. Но если на человека воздействовать, например, алкоголем или дурманящими веществами (ср. действия шамана), наблюдается безусловное торможение реакций и усиливаются отрицательные последствия «безотчетных» эмоций. Эти данные позволяют более конкретно подойти к рассмотрению многих явлений в первобытной культуре, которые объединяются в расплывчатом понятии «психология бессознательного» (см., напр.: [Леви-Стросс, 1983; 1994]).

Итак, функциональная асимметрия мозга – явление, свойственное всей живой природе, – у человека достигло очень высокого уровня и стало одним «из условий нормального развития высших психических функций, например, способности к чтению и членораздельной речи» [Ожигова, 1989, с. 205] (см. также: [Спрингер,

Дейч, 1983; Geschwind, 1970; et al]). Усиление межполушарной асимметрии головного мозга положило начало формированию двух типов нервной системы, названных И.П. Павловым «художественным» и «мыслительным».

Любой акт создания того или иного изображения на плоскости или в объеме можно представить в виде процесса, состоящего, по крайней мере, из трех взаимосвязанных звеньев: 1) визуальное образное восприятие, т.е. сложный механизм переработки информации сознанием, при котором проецируемое на сетчатку двумерное отражение видимой части объекта транслируется в соответствующие центры мозга; 2) формирование трехмерного образа объекта в сознании по его двумерному отражению на сетчатке, т.е. «додумывание» невидимой части объекта («мы видим не глазами, а мозгом»); 3) возвращение к двумерному пространству при рисовании на плоскости или к трехмерному – при создании объемного изображения (статуэтки), но в любом случае измененному по масштабу, цвету, стилистике и т. п.

Если в двух первых звеньях главным «действующим лицом» является мозг со своими функциями, то в третьем звене решающую роль приобретает рука, управляемая импульсами, идущими от мозга*. В большинстве публикаций, по разным проблемам антропогенеза, особенно в русскоязычных, рука рассматривается почти исключительно в контексте формулы «человека создал труд», хотя на самом деле к этой формуле следует добавить речь и искусство.

В формировании психофизиологических предпосылок искусства сама рука и ее «конструкция» занимают, по-видимому, не первое место. Известно, что рука *Homo erectus* анатомически мало отличалась от руки *Homo sapiens sapiens* [Delprat, 1993, с. 9]. Рука неандертальца отличается от руки кроманьонца, в основном, в пястных костях, не давая полной свободы большому пальцу, а также в форме фаланг, которые у неандертальца сильнее выгнуты, чем у человека [Oberlin, Sakka, 1993, с. 18–31]. Усложнение и совершенствование ручных манипуляций, свойственные современному человеку, продолжались не столько в силу изменений морфологии руки, сколько за счет изменений в голове. Рука и кора головного мозга постоянно взаимодействуют и стимулируют друг друга подобно действию генератора с обратной связью.

Если главную роль в совершенствовании точных действий играет не рука, а сознание, то мог ли рисовать неандерталец? Физически и морфологически его рука уже была способна к достаточно точным действиям. Однако на протяжении последних 60 тыс. лет своего существования он не смог подняться в самой повседневной и массовой трудовой деятельности выше леваллуазской техники (подробнее о технике леваллуа и запутанности всей проблемы см.: Деревянко и др., 1994, с. 102–104). Исключением является шательперрон, который, по-видимому, был результатом длительного сосуществования европейского неандертальца с кроманьонцем и заимствованием первым у второго некоторых технологий обработки камня. Возможно, какие-то отдельные, редкие индивиды, по принципу «забегания вперед» и могли подняться выше «среднего» уровня сознания неандертальца и создавать вещи, подобные находкам на стоянках Берехат-Рам и Тан-Тан. В любом случае дело все же не в руке, а в уровне сознания. А что значит «уровень сознания» с точки зрения функциональной межполушарной асимметрии? Это значит – появление способности к членораздельной речи и к изобразительной деятельности. Переход от мустье к верхнему палеолиту проявился не только в резком изменении технологии обработки камня, но и в многочисленных плоских и объемных изображениях, появившихся как бы «из ничего».

Клинический материал по изобразительной деятельности шизофреников иногда создает предпосылки для гипотезы о том, что верхнепалеолитические художники были людьми с психическими патологиями. Большое количество рисунков душевнобольных людей и связь их творчества с характером симптомов дает много пищи для размышлений об этой гипотезе. Но пока еще эта гипотеза не подтверждена и не опровергнута. Из недавних работ на эту тему отметим книги [Николаенко, 2001; Хайкин, 1992; Wiart, 1967], в которых вопрос о творчестве душевнобольных рассмотрен профессионалами на большом клиническом материале.

Многочисленные наблюдения над художниками с патологиями в правом или левом полушарии дают весьма пеструю картину. У немецкого художника Л. Коринта после повреждения правого полушария радикально изменился стиль, но уровень его мастерства остался таким же высоким, как и до болезни. Цельность изображений не пострадала. А. Редершейдт после правостороннего инсульта продолжал писать картины с присущим ему блеском. Поначалу он игнорировал левую половину холста, однако со временем такая асимметрия исчезла. Один из французских художников с патологией левого полушария и афазией продолжал писать в том же стиле и с таким же мастерством, что и раньше. Болгарский живописец, который был вынужден держать кисть в левой руке после паралича, вызванного левосторонним инсультом, овладел высокой техникой, но у него выработался совсем иной стиль. Д. Леви считает, что при патологиях правого полушария рисунки утрачивают целостность

* Исключительные случаи, когда люди, лишенные рук, рисуют инструментом, зажатым зубами или пальцами ног, ничего не меняют, а наоборот, подчеркивают приоритетную роль сознания, которое может направить импульсы, управляющие рукой, в другой орган – «заместитель».

общей конфигурации. Главные особенности изображаемого объекта отсутствуют или искажены почти до неузнаваемости. При поражении левого полушария основная конфигурация объекта обычно воспроизводится, но рисунок обеднен деталями. Возможно, что процессы, играющие важную роль в художественном творчестве, представлены у художников более «двусторонне», так что взаимодействие полушарий у них осуществляется на более широкой основе [1995, с. 234–237].

Из допущения о единой психофизиологической основе искусства следует еще одно допущение, связанное с биогенетическим законом (онтогенез в ускоренном темпе повторяет филогенез): в качестве модели зарождения изобразительной деятельности можно использовать творчество современных детей. Первые предположения о сходстве детских рисунков с первобытным искусством относятся к началу XX в. [Бехтерев, 1991, с. 388].

Несмотря на достаточно большой опыт изучения детского рисунка за последние почти сто лет, остается неясным один из главных вопросов: как ребенок начинает рисовать? Особенно в той ситуации, когда его никто не учит или ему некому подражать. Для нашей темы это особенно важно. В современных экспериментах практически невозможно установить, начинается ли детское рисование действительно спонтанно, как это считают многие специалисты, или все же должен быть некий первичный стимул? Наблюдения А.Р. Лурия говорят скорее о том, что без соответствующей среды навыки рисования не формируются, а Н.Н. Николаенко считает, «что рисование генетически заложено в жизнь и деятельность ребенка, является частью его эмоционального, духовного, интеллектуального развития» [2001, с. 47]. В этом можно увидеть сходство между поведением детей и детенышей высших обезьян.

Работы Д. Морриса показывают, что до определенного момента и дети, и шимпанзе проходят в рисовании одинаковые стадии [Moggis, 1962]. Первые в мире наблюдения и научные эксперименты по изучению способностей человекообразных обезьян к рисованию были начаты Н.Н. Ладыгиной-Котс (1923 г.) в рамках ее общих исследований умственных способностей шимпанзе, чья «живопись» создает впечатление, что все, упоминавшиеся выше три звена, из которых складывается изобразительная деятельность, можно наблюдать в «творчестве» обезьян [Lenain, 1995].

Когда шимпанзе дают в руки пишущий инструмент и лист бумаги, подопытное животное может нанести на бумагу какие-то линии, веерообразные фигуры и т.п. – все, что при желании можно назвать зачатками изобразительной деятельности. Есть некоторое сходство с первыми попытками рисования у ребенка: спонтанность, отсутствие какой-либо явной мотивации. Попавший в руки пишущий инструмент простым перебором испытывается на разные свойства (прежде всего, пробуется на вкус) и обнаруживается, что при «черкании» он оставляет линейные следы.

Хорошо известны давние наблюдения и эксперименты В. Келера [Выготский, Лурия, 1993, с. 58], которые многократно повторялись другими исследователями в разных лабораториях и не только с высшими обезьянами [Фридман, 1972, с. 101; Кэрригер, 1969, с. 187–190; и др.]. «Картины» шимпанзе распродавались за большие деньги наряду с произведениями художников-абстракционистов (например, Институт искусств в Детройте, 1958 г.). Подобный же успех имели «картины» других шимпанзе, выставленные в музее среди живописи современных художников без объявления их авторства [Линден, 1981, с. 92, 118]. В настоящее время в Санкт-Петербургском зоопарке живет самка орангутана Моника. Наблюдения над ней проводит группа сотрудников под руководством Л.А. Фирсова. Моника «рисует» красками и делает это охотно и без всякого побуждения почти каждый день. В ее рисунках, представляющих сочетание ярких пятен и линий, не всегда случайных, чувствуется стремление организовать цветовые пятна и линии и выделить центр.

Отметим, что «успехи» в рисовании у некоторых шимпанзе были связаны с обучением языку (амсленгу и языку жетонов). С одной стороны, здесь можно усмотреть сходство с процессом детского рисования и дополнительное подтверждение гипотезы о том, что язык и рисование относятся к единому информационному полю культуры. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что все эти эксперименты проводились с обезьянами, живущими в неволе, под наблюдением людей. Не засвидетельствовано ни одного случая подобного «художественного» поведения обезьян на свободе. Еще Ладыгина-Котс отмечала, что рисунки обезьян постепенно улучшались, но очевидно, что уровень развития трех-четырехлетнего ребенка обезьяна перешагнуть не может [1958]. По другим наблюдениям этот уровень кажется сильно завышенным. К. Бюлер предложил называть «шимпанзеподобным» возраст ребенка между 10 и 12 месяцами [Выготский, 1983, с. 317–318].

Действительно есть большое неврологическое и поведенческое сходство между обезьяной и человеком в младенческом и в раннем детском возрасте, что не вызывает особых вопросов, поскольку все детеныши млекопитающих обладают некоторыми общими не только неврологическими и поведенческими, но и даже морфологическими чертами [Дольник, 1994, с. 61]. Однако и поведение взрослой обезьяны больше похоже на поведение ребенка, чем взрослого человека.

Если вернуться к рисованию, то многочисленные экспериментальные исследования изобразительного «творчества» обезьян показывают, что сходство с поведением ребенка наблюдается только в первые годы его жизни и заканчивается после того, как ребенок начинает рисовать пусть неуклюжие, но вполне осмысленные объекты. Этого уровня, как отмечалось выше, не достигает ни одна обезьяна [Кэрригер 1969, с. 183]. Около 5 лет происходит скачок от неполноценных слов к правильному языку, и в этот же период дети начинают рисовать пространство, осознавать связь верха и низа, а начав пользоваться словами для выражения своих мыслей, оказываются способными изображать сцены [Хайкин, 1992, с. 60] (см. также: [Мухина, 1981]). Таким образом, в «рисовании» высших обезьян можно видеть лишь нейрофизиологические предпосылки к изобразительной деятельности людей, некоторые зачатки предметно-орудийной деятельности и эстетических предпочтений, вызванных склонностью к стройной композиции.

До сих пор исследователи палеолитического искусства не обращали внимания на некоторые графические изображения, очень похожие на детские рисунки (см., напр.: [Абрамова, 2005, с. 119, 194, 265; и др.]). В целом ряде пещер с живописью сохранились следы детских ног. Думается, что если к современным исследованиям первобытного искусства добавить дальнейшее целенаправленное изучение детского творчества, мы существенно приблизимся к пониманию того, как, как будто «из ничего», возникла человеческая осознанная изобразительная деятельность.

Список литературы

- Абрамова З. А.** Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. – СПб.: Европейский Дом, 2005. – 352 с.
- Бехтерев В. М.** Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с.
- Выготский Л. С.** История развития высших психических функций // Собрание сочинений в 6 томах, т. 3. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.** Этюды по истории поведения. – М.: Педагогика Пресс, 1993. – 224 с.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.** Палеолитоведение. Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Дольник В. Р.** Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 208 с.
- Кэрригер С.** Дикое наследие природы. – М.: Мир, 1969. – 214 с.
- Ладыгина-Котс Н. Н.** Развитие психики в процессе эволюции организмов. – М.: Советская наука, 1958. – 311 с.
- Леви Д.** Церебральная асимметрия и эстетическое переживание // Красота и мозг. – М.: Мир, 1995. – с. 227–250.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 608 с.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 536 с.
- Леви-Стросс К.** Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 383 с.
- Линден Ю.** Обезьяны, человек и язык. – М.: Мир, 1981. – 272 с.
- Мухина В. С.** Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. – М.: Педагогика Пресс, 1981. – 239 с.
- Николаенко Н. Н.** Творчество и мозг. – СПб.: Ин-т спец. педагог. и психол. – 2001. – 344 с.
- Ожигова А. П.** К проблеме эволюции высших корковых центров мозга человека // Биологическая эволюция и человек. – М.: Наука, 1989. – С. 200–219
- Спрингер С., Дейч Ч.** Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983. – 257 с.
- Уолш Р.** Дух шаманизма. – М.: Изд-во Трансперсональный ин-т. – 1996. – 288 с.
- Формирование берегов Красноярского водохранилища / В. С. Кусковский, Ю. И. Подлипский, В. М. Савкин, В. М. Широков.** – Новосибирск: Наука, 1974. – 234 с.
- Фридман Э. П.** Лабораторный двойник человека. – М.: Наука, 1972. – 183 с.
- Хайкин Р. Б.** Художественное творчество глазами врача. – СПб.: Наука, 1992. – 232 с.
- Шер Я. А.** Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // АЭАЕ. – № 2. – 2000. – С. 77–87.
- Шер Я. А.** Спорные вопросы изучения первобытного искусства // АЭАЕ. – № 2. – 2004. – С. 36–52.
- Delprat J.** Phylogenese de la main de l'homme // Les Dossiers d'Archéologie. – 1993. – № 178. – P. 4–11
- Geschwind N.** The organization of language and the brain // Science. – 1970. – Vol. 179. – P. 13–17
- Morris D.** The Biology of Art. A Study of the Picture-making Behaviour of the Great Apes and its Relationship to Human Art. – London: Methuen. – 1962. – 312 p.
- Oberlin C., Sakka M.** Les mains de La Ferrasi // Les Dossiers d'Archéologie. – 1993. – № 178. P. 18–23; 18–31
- Wuart C.** Expression pictural et psychopathologie. – Paris: Doin. – 1967. – 144 p.

М.И. Эпов, В.И. Молодин, М.А. Чемякина

*Институт нефтегазовой геофизики СО РАН,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Вот уже более полувека геофизические методы исследования применяются для решения различных археологических задач. В последние годы благодаря фундаментальным и методическим разработкам в геофизике (в области измерения электромагнитных полей и их численного моделирования) появилась возможность активного развития междисциплинарных подходов, направленных на создание нового направления исследований в области археологии. Объектом изучения является подповерхностная часть техногенно и антропогенно измененного подземного пространства, содержащая материальные следы деятельности древнего населения. Разработка и применение инструментальных средств и методологических подходов малоуглубинной геофизики позволяют дистанционно получать важную информацию о структуре археологического объекта без механического вскрытия культурных отложений и применения тяжелого физического труда. Становится решаемым комплекс задач, связанный с поиском, предварительной диагностикой и разведкой структур, а также с оценкой особенностей древних памятников различного типа до проведения на них археологических работ.

Совместное сотрудничество археологов и геофизиков СО РАН насчитывает уже шесть лет. За эти годы коллектив, участвуя в совместных проектах, направленных на создание комплексной геофизической методики изучения археологических памятников, достиг значительных результатов. Археолого-геофизическому исследованию подверглись десятки уникальных объектов от эпохи палеолита до этнографической современности (поселения, городища, курганные и грунтовые могильники, пещерные комплексы и открытые стоянки). В арсенал применяемых геофизических методов вошли: электрометрия, магнитометрия, электромагнитное сканирование, георадиолокация, капаметрия. На сегодняшний день накоплен ценный опыт модификации и адаптации традиционных геофизических методик применительно к разнообразным археологическим задачам. В настоящем докладе мы познакомим аудиторию с основными результатами наших исследований, полученных за этот, в общем-то, небольшой период.

Широкомасштабные геофизические исследования в Западной Сибири начались с городища Чича-1 (VIII–VII вв. до н. э.) в 1999 г. В работах приняли участие геофизики из Департамента археологической разведки и аэроархеологии Мюнхена. Городище полукруглой формы с рельефно выраженной оборонительной системой площадью около 5 600 кв. м вплотную примыкало к краю озерной террасы. На пашне удалось определить ареал распространения подъемного материала. Предполагалось при помощи геофизических методов идентифицировать археологические объекты, определить на распаханной части территорию распространения памятника и его планиграфию.

Микромагнитная съемка при помощи цезиевого магнитометра SMARTMAG SM4G-S была выполнена на территории в 58 800 кв. м (5,88 га). В результате биологических процессов на месте древних жилищных построек, ремесленных площадок, продуктовых хранилищ, захоронений и т.п. скопились следы так называемых «магнитных» бактерий, способные – накапливать магнетит и создавать микромагнитные аномалии. Магнитные биоагрегаты в виде скоплений останков бактерий успешно обнаруживаются микромагнитной съемкой [Becker, 1995, 1997]. Результаты исследований превзошли все ожидания: магнитограммой под слоем пашни выявлены

*Исследования поддержаны грантами РФФИ № 06–06–80295, 06–06–88035 «Интеграция» СО РАН №109, НШ–6568.2006.6.

системы укреплений, жилых и производственных площадок, несомненно, составляющие единый комплекс с рельефно-видимым городищем и превосходящие его по площади в 5 раз [Молодин, Парцингер, Бекер и др., 1999, с. 454–461; Becker, Fassbinder, 1999, p.168–172]. Полученные результаты позволили на принципиально новой основе строить стратегию изучения памятника, что в конечном итоге привело к блестящим результатам [Molodin, Parzinger H et al., 2002, p. 183–234].

Для специалистов ИГФ СО РАН городище Чича-1 стало своеобразным испытательным полигоном по отработке методик и получению принципиально новой информации об археологических объектах. Здесь впервые была доказана реальная эффективность комплексного подхода и применения различных геофизических методов. Участки будущих раскопов, намеченные с учетом геомагнитной съемки 1999 г., были исследованы в 2000–2003 гг. комплексом методов магнитометрии, индукционного электромагнитного частотного зондирования и георадиолокации [Молодин, Парцингер и др., 2001, с. 7–19, Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 8–13]. Исследования производились на различных участках территории городища Чича-1 (рельефно выраженном городище и распаханной части). Большой объем археологических раскопов, производимых вслед за геофизической разведкой, позволил не только быстро проверить полученные данные, но и способствовал мобильному сопоставлению и корректировке геофизических методик. Полученный в Чиче-1 экспериментальный опыт оперативно применялся на других, качественно отличных археологических памятниках. Прежде всего, это касалось поиска, идентификации и выявления структуры археологических объектов, в том числе не имеющих рельефных признаков. Эта проблема на сегодняшний день остро стоит в отечественной археологии. В условиях, когда границы поселенческих комплексов можно установить лишь весьма условно по шлейфу подъемного материала из разрушенного слоя, а распаханые курганы и грунтовые могильники практически недоступны для визуальной фиксации, значение геофизических исследований для изучения археологических памятников вообще трудно переоценить.

Высокоточная магнитометрия в исследовании археологических памятников

Высокая чувствительность и точность современной магнитометрической аппаратуры (протонные и квантовые магнитометры) позволяют регистрировать весьма малые пространственные изменения магнитного поля, обусловленные достаточно слабыми вариациями магнитных свойств грунтов и погребенных объектов. На отдельных этапах исследования использовались три различных прибора.

Магнитометр-градиентометр МГ-60, работающий на основе эффекта свободной ядерной прецессии. Младшая единица отсчета – 0,01 нТл. Магнитометр может работать как в ручном, так и в автоматическом режимах с накоплением данных (3 000 измерений) в буфере и возможностью последующего вывода информации в компьютер. Минимальный интервал времени между замерами – 3 секунды. Конструкция позволяет проводить наблюдения как методом горизонтального, так и вертикального градиентов. При измерении вертикального градиента база между датчиками составляла 1 м.

Магнитометр-градиентометр ММПГ-1 (Санкт-Петербург) используется с 2004 г. Его технические характеристики почти не отличаются от МГ-60. Основные преимущества связаны с тем, что этот прибор создан на новой элементной базе и имеет надежный интерфейс для передачи данных в компьютер. По сравнению с МГ-60 база увеличилась на 1,85 м, что позволяет повысить контрастность выделения подповерхностных аномальных объектов. При экспериментальных исследованиях и выполнении картирования главным достоинством прибора оказались высокая надежность его работы, портативность и малый вес, удобство при использовании аппаратуры одним оператором.

Квантовый магнитометр-градиентометр G-858 («Geometrics», США) используется с 2005 г. Прибор основан на выделении частоты резонансного поглощения электромагнитной энергии при переходе атомов рабочего вещества (паров щелочного металла) между двумя дискретными энергетическими подуровнями, расстояние между которыми и частота перехода зависят от величины внешнего магнитного поля. Высокая частота (10 Гц) позволяет выполнять съемку в движении без остановки и фиксации датчика над каждым пунктом измерений (как это делалось с протонным магнитометром). Второе положительное качество – значительно более высокая чувствительность и разрешающая способность, которая достигает 0,005 нТл. При проведении магнитных съемок на ровных участках пашни или полянах можно рассчитывать на повышение точности съемки, а значит, и ее информативности при поиске погребенных археологических объектов. При наличии неровностей поверхности более высокую чувствительность нового прибора не удастся реализовать, поскольку аномалии от этих неровностей рельефа могут достигать 0,5-1 нТл. Опыт специально выполненных методических наблюдений показал, что ввиду высокой частоты измерений вдоль профиля, расстояние между профилями может составлять до 1 м без потери качества съемки.

Результаты наблюдений показали, что более информативными и простыми для интерпретации являются данные измерений вертикального градиента [Эпов, Чемякина, Манштейн и др., 2000, с. 453–455; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с.11]. Они отражают изменения в магнитных свойствах среды непосредственно под точкой измерения. Как горизонтальный градиент дает разностную информацию от двух точек, позволяющую видеть границы объектов.

Разработка новых методов магнитного картирования. Методика совместных измерений градиента и аномального магнитного поля.

Методика проведения одновременных измерений градиента и аномальной части магнитного поля заключается в следующем. Оба метода измерений хорошо известны, но применяются, как правило, независимо друг от друга. При этом используются разные приборы: для первого из них – градиентометры, а для прецизионных измерений аномального поля – обычные магнитометры с синхронными наблюдениями во всех пунктах (это необходимо для регистрации и последующего исключения внешних вариаций).

В районе работ устанавливается базовая станция, которая, регистрируя вариации магнитного поля, позволяет их исключать из абсолютных значений поля, измеренных градиентометром. В результате, например для вертикального градиента, можно получить значения аномального магнитного поля на двух уровнях. Такая дополнительная информация позволяет существенно повысить достоверность результатов интерпретации.

Тем не менее при всей производительности и результативности магнитометрия не дает информации о распределении по глубине объектов с различной магнитной проницаемостью. Археологи получают планиграфические очертания исследуемого объекта при отсутствии информации о глубинах слоев и их качественной дифференциации по разрезу. Ограничением в применении микромагнитной съемки являются большие градиенты аномалий магнитного поля в породах кристаллического фундамента, обусловленные приповерхностным залеганием (до 10 м) предметов из черного металла. Применение магнитной разведки в городах, вблизи железных дорог и линий электропередач также сильно затруднено.

Каппаметрия. Для более обоснованной интерпретации зафиксированных магнитных аномалий, с целью выяснения природы повышенного магнетизма в процессе раскопок были проведены выборочные определения магнитной восприимчивости образцов с помощью портативного полевого каппаметра МП-01. Так на рельефно выраженной «цитадели» городища Чича-1 (глубина 0,15 – 0,2 м) магнитная восприимчивость грунтов менялась в пределах (0,4-0,9) 10–3 ед. СИ, а на распаханной периферии глубина (0,4-0,6 м) (0,65-1,53) 10–3 ед. СИ. При этом повышенные значения магнитной восприимчивости наблюдались, как правило, в пределах заполнения жилищ, а наименьшие – на уровне материкового суглинка.

В процессе совместных археолого-геофизических работ широко использовались универсальные металлоискатели УМИ и Крот-2, позволяющие распознавать и дифференцировать цветные и черные металлы, залегающие в грунте на глубине до 0,2 м.

Для умеренно засоренных современным черным металлом зон археологических памятников эффективным является поиск и удаление таких предметов из грунта до начала магнитной съемки.

Малоглубинное индукционное частотное зондирование. Выполнялось аппаратурно-программным комплексом ЭМС, запатентованным как разработка Института геофизики СО РАН [Эпов, Чемякина, Манштейн и др., 2000, с. 449–453; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 15–19]. Этот комплекс применяется в археологии в полном объеме (построение карт распределения сопротивления, разрезов по различному числу частот с учетом рельефа). Современный уровень развития геофизики позволяет изучать пространственное строение грунта, получать данные о его составе и распознавать неоднородности на глубине до первых десяти метров. Ограничения для его применения связаны с исследованиями в сухих грунтах с высокими значениями удельного электрического сопротивления.

В ЭМС частотное зондирование реализовано следующим образом – на нескольких частотах последовательно генерируется управляемое по фазе переменное магнитное поле. На каждой частоте измеряются синфазные и противофазные составляющие ЭДС, наведенной в приемных катушках. Диапазон частот зондирования – 2,5 – 285,7 кГц; их число – 14, глубинность до – до 6 м. Обработка информации выполняется в процессе работ, что позволяет оперативно представить результаты в виде разноглубинных срезов и вертикальных разрезов.

Совершенствование аппаратуры ЭМС связано с оценкой результатов решения археологических задач. Построение геоэлектрических карт и разрезов выполняется с программным комплексом ISystem v2.0., созданным в ИГФ СО РАН. Он представляет собой оконное приложение диалоговой структуры и сочетает в себе средства считывания данных с прибора, их просмотр, редактирование и печать, нормировку, трансформацию

и визуализацию. Визуализация данных в виде карт и разрезов производится в одном из распространенных графических редакторов. Комплекс использует программную технологию ActiveX и редактор как сервер, автоматизируя его работу. В программный комплекс включены возможности автоматического построения разрезов с учетом рельефа дневной поверхности и возможность квазитрехмерной визуализации материала. С момента начала считывания данных с аппаратуры до получения карт распределения кажущихся удельных характеристик или геоэлектрических разрезов по любому профилю системы наблюдения проходят считанные минуты.

Георадиолокация. Современные радарные комплексы позволяют получать предварительную графическую информацию непосредственно на исследуемом участке в виде радарограмм, представляющих собой вертикальные разрезы по заданным направлениям. Георадиолокацию внедрили сотрудники ИГДС СО РАН с использованием аппаратно-программного комплекса ОКО-М1 (АБ-400), который позволяет изучать строение археологических объектов с пространственным разрешением до 0,1 м. Это достигается излучением в исследуемую среду сверхкоротких высокоамплитудных импульсов и регистрацией отраженных волн. При этом глубина исследования даже для сравнительно проводящих разрезов (50 Ом·м) достигает 2–5 м. Шаг измерений составляет 0,1 м в непрерывном режиме по параллельным профилям со смещением 0,3 м.

Для сопоставления эффективности ЭМС и георадара ОКО-М1 (400 МГц) в Чиче-1 были проведены методические работы на профиле длиной 200 м, который по магнитометрии 1999 г. пересекал 6 котлованов жилищ и 3 линии укреплений. Оба метода зафиксировали на геофизических разрезах несогласие в залегании слоев в археологических объектах, но при определении реальных глубин возникли трудности. Для более точного прогноза по глубине желательна привязка на уже существующем контрольном разрезе или использование металлического маркера, помещенного на заданной глубине.

Электропрофилирование. Метод электротометрии традиционно применяется в археологическом поиске. Этот метод имеет меньше ограничений. Тем не менее, если контраст по удельному сопротивлению между археологическим объектом и вмещающим его грунтом невелик (это зависит от строения грунтов и степени их увлажненности), обнаружить погребенные структуры на картах распределения сопротивлений возможно не всегда. Серьезные проблемы возникают и с определением реальных глубин. Измерения проводились симметричной четырехэлектродной установкой АМNB с расстояниями между электродами 1 м. Для увеличения производительности аппаратура М-416 была модернизирована. Для ускорения работ использовались электроды на гибком изоляторе для одновременного переноса всей установки $AM=MN=NB=1$ м. По итогам измерений получены карты распределения удельного сопротивления грунта.

Разработка специальной аппаратуры для исследования курганов с мерзлотой

В 2003 г. в Институте геофизики СО РАН начались работы по изучению возможностей обнаружения замерзших археологических объектов. Значительные усилия были направлены на поиск оптимальной системы возбуждения-измерения в методе сопротивлений, которая позволила бы выделить интересующий объект. Были проанализированы результаты трехмерного математического моделирования различных установок, гальванических в том числе и с сильно заглубленными электродами. В результате выбран набор оптимальных длин питающей линии и минимизировано число расстановок приемной линии. В 2004 г. для определения скоплений льда в археологических памятниках Институт геофизики приобрел аппаратный комплекс «Цикл-ВПС». Аппаратура предназначена для формирования питающей (линии) импульсов тока заданной амплитуды и длительности, измерения сигналов переходных процессов (метод ВП) и разности потенциалов на приемной линии (методах сопротивлений). Аппаратура позволяет автоматизировать процесс работы, сбора и хранения информации. Имеется возможность выполнять предварительную обработку полученных данных в реальном масштабе времени, что значительно увеличивает производительность работ.

Практические результаты доказывают возможность применения аппаратуры «Цикл-ВПС» для зондирования замерзших грунтов, характеризующихся высокими сопротивлениями заземления.

48-электродный коммутатор. Выполнение экспериментальных работ по выявлению замерзших погребальных камер в курганах пазырыкского типа связано с большим числом коммутаций. Необходимо выборочно подключать один из 24 электродов к двум контактам для образования множества питающих линий. Кроме этого, необходимо коммутировать 24 электрода к приемным контактам, чтобы образовать необходимое множество измерительных линий. В 2004 г. была обоснована необходимость разработки и изготовления соответствующего устройства для произвольной коммутации указанных электродов. Изучение практики геофизических работ показало достаточность использования коммутаторов 24 на 4. В 2005 г. была изготовлена двух-коммутационная система с 48 электродами. Разработанный прибор служит для автоматизации переключения электродов либо

под управлением ПК, либо от пульта на самом коммутаторе. Он представляет собой автономный переносной прибор со встроенным аккумулятором.

Итоги геофизического исследования различных типов археологических памятников

Поселенческие комплексы исследованы на примере городища Чича-1. Контуры котлованов жилищ и фортификационных рвов выявляются магнитометрически под пашенным слоем. В зоне рельефно выраженной «цитадели» наилучшее качество магнитограмм отмечается при съемке методом вертикального градиента. Использование аппаратуры электромагнитного зондирования позволило получить детальные геоэлектрические карты и разрезы подповерхностного размещения археологических объектов. В отличие от данных магнитной съемки такой метод дал дополнительную информацию о глубинах залегания и структуре слоев. При исследовании жилищ оказалось возможным выделить области очагов, грунт которых обладает пониженным электрическим сопротивлением и участки с повышенным сопротивлением внутри котлованов жилищ, связанные, с наиболее утоптаным плотным полом. Такие данные, дополненные результатами раскопок, позволяют точнее выделить в жилищах наиболее обитаемые зоны и места отдыха. Комплексные данные магнитометрии и электромагнитного сканирования на задернованных участках памятника позволили надежно идентифицировать археологические объекты и скорректировать границы раскопов [Эпов, Чемякина, Манштейн и др., 2000, с. 447–456; Молодин, Чемякина, 2002, с. 176–179]. Данные георадиолокационных построений также подтверждают данные малоглубинного индукционного частотного зондирования. С их помощью удалось с точностью до 10 см проследить рельеф котлована жилища. Следует особо отметить, что данные получены независимо, в разное время и обрабатывались без взаимной привязки.

Была поставлена задача идентифицировать малые магнитные аномалии, расположенные на территории городища. По конфигурации магнитных аномалий оказалось невозможно судить о характере археологического объекта и глубине его залегания. Для изучения раскопами 15 и 16 были выбраны две аномалии, исключаящие влияние металла.

На территории раскопа 14 данные магнитометрии (вертикальный градиент) позволили выявить контуры магнитной аномалии почти четырехугольной формы, имеющей выступ с северо-восточной стороны. Результаты георадиолокационной съемки позволили определить относительную глубину объекта. До начала раскопок можно было предположить, что мы имеем дело с плоскодонным котлованом, незначительно углубленным в материковый суглинок. Границы раскопа были скорректированы с учетом комплексных данных магнитометрии и георадиолокации. Раскопом вскрыто сооружение № 13, совпадающее по контурам с магнитной аномалией [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 235–239].

На участке раскопа 15 по итогам индукционного частотного зондирования аномалию можно было охарактеризовать как сооружение, примыкающее к углу жилища. Раскопом, скорректированным с учетом данных геофизического картирования, была вскрыта отдельная камера № 15А, соединенная узким коридором с угловой частью сооружения № 15 [Там же, с. 188–195].

В качестве примера приведем результаты исследований на раскопе 2 (рис. 1), расположенном на нераспаханной части городища, площадью 168 м². Картирование горизонтального и вертикального составляющих градиентов было выполнено прибором МГ-60 по сетке 0,5×0,5 м. По данным вертикального градиента наиболее четко проявились контуры аномалии, близкой к прямоугольной форме, что указывало на наличие котлована древнего жилища (рис. 1А). Электромагнитное сканирование производилось на шести частотах с шагом 1 м. Получено 14 геоэлектрических разрезов, которые регистрируют распределение удельного сопротивления в грунте; на них четко читается граница заполнения котлована жилища и материкового суглинка, а также выделяются неровности пола жилища. После привязки по глубине и ввода томографических данных, впервые были построены разрезы с учетом рельефа дневной поверхности. Получены геоэлектрические разрезы, выполненные на местах предполагаемых контрольных бровок раскопа 2 (рис. 1Б). Метод позволяет получить трехмерное представление о структуре погребенного археологического объекта (рис. 1В).

Грунтовые могильники. Геофизические исследования по поиску не выраженных рельефно-грунтовых захоронений проводились на территории, примыкающей к городищу Чича-1 и грунтовых могильниках Сопка-2, Гришкина Заимка, Тартас-1 и Преображенка-6 (Новосибирская область).

Кроме участков планируемых раскопов на территории городища Чича-1 электромагнитное сканирование было выполнено на участке пашни площадью 800 м² в 75 м к востоку от его северо-восточной границы. Эта зона привлекла внимание концентрацией мелких точечных аномалий на итоговой магнитограмме, полученной немецкими геофизиками в 2000 г. [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 14]. Для проверки участка на наличие древних захоронений, было проведено сканирование аппаратурой ЭМС-2 по заданным

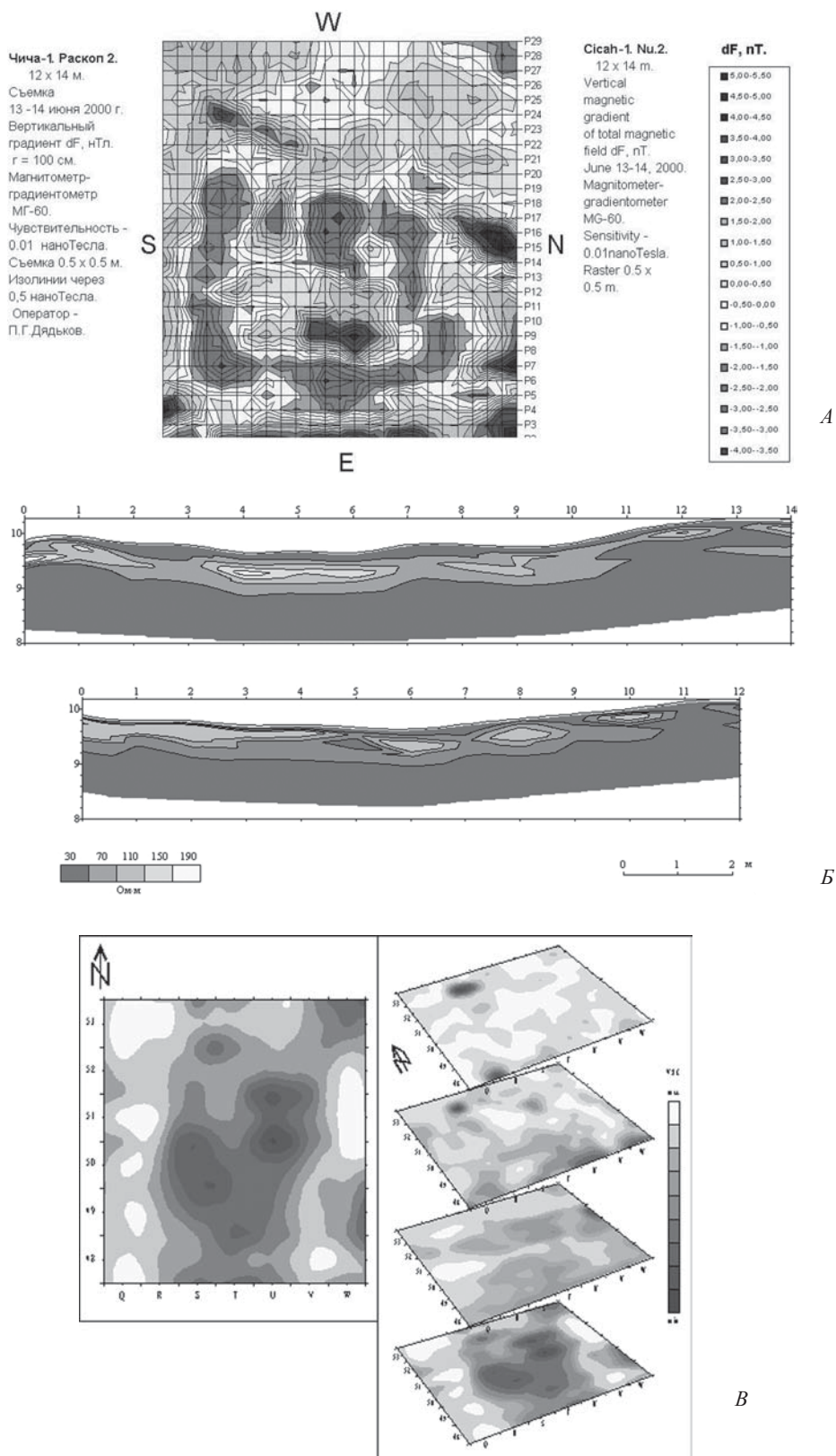

Рис. 1. Чича-1. Раскоп 2. Результаты геофизических исследований.

А – магнитограмма (вертикальный градиент), Б – индукционное частотное зондирование. Геоэлектрические разрезы по линиям предполагаемых бровок, В – индукционное частотное зондирование. Монтаж карт подповерхностного размещения котлована жилища.

параллельным профилям с интервалом в 1 м и расстоянием между точками в 0,5 м, с получением 21 разреза. На всех разрезах по кажущемуся сопротивлению разделяются пашенный и материковый слои. На отдельных разрезах обнаружались замкнутые структуры внутри материкового слоя. Для дальнейшей идентификации объектов, вызывающих аномалии, было решено провести контрольные раскопки участков с учетом комплексных данных магнитометрии и геоэлектрических разрезов. Для исключения влияния современных предметов из черных металлов в слое пашни применялся универсальный металлоискатель УМИ.

В 2001–2003 гг. с учетом комплексных данных магнитометрии и геоэлектрических разрезов было вскрыто 26 небольших раскопов площадью от 9 до 40 м². В двенадцати из них под слоем пашни выявлены древние погребения. Был обнаружен грунтовый могильник, по времени соотносимый с исследуемым городищем [Молодин, Парцингер, Чемякина и др., 2003 г., с. 436–440; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 240–261].

Геофизические исследования грунтового могильника Сопка-2 были предприняты с целью определения границ ранее раскопанного памятника и оценки перспектив дальнейших археологических работ. В 2000 г. исследования проводились методом электропрофилирования аппаратурой М-416. На участке площадью 1 560 м² были определены значения удельных электрических сопротивлений (УЭС) грунта по сетке с шагом 1 м. На полученной карте выявлены зоны повышенного сопротивления, предположительно связанные с нарушением материкового слоя. Но произведенные раскопки не подтвердили этих предположений. При вскрытии культурного слоя было измерено УЭС грунта на разной глубине. Слой почвы мощностью от 0,25 до 0,4 м и характеризуется значением УЭС более 100 Ом·м. В местах с наибольшей толщиной почвы УЭС достигало значений 390 Ом·м. При этом кажущееся УЭС, связанное с материковым слоем, было (в среднем равно 50 Ом·м). Стало ясно, что аномалии отражают неоднородности верхнего почвенного слоя. Верхняя, плохо проводящая часть грунта сыграла роль экрана-изолятора, создающего препятствие для распространения электрического тока. Это также связано с подстилающим почвенный слой плотным проводящим суглинком. Полученные данные позволяют сделать вывод о неблагоприятных условиях для выполнения разведки методом сопротивлений на подобных грунтах.

Геофизические исследования могильника Сопка-2 были продолжены в 2001 г. на площади 2 220 м². Магнитометрия проводилась прибором МГ-60 по сетке 0,5×0,5 м с измерением вертикальной составляющей градиента, а частотное зондирование – ЭМС. До начала раскопок были построены карты подповерхностного размещения археологического памятника. Наиболее информативным и приемлемым для археологической интерпретации оказалось магнитное картирование. Полученные магнитограммы были взяты за основу для дальнейших археологических раскопок. Все магнитные аномалии, не связанные с присутствием в грунте черного металла, оказались обусловленными археологическими объектами. Удалось обнаружить два грунтовых погребения (эпохи раннего железа и тюркского времени) и другие археологические объекты (ямы, скопления жженных кальцинированных костей). Таким образом, проведенные геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 позволили определить наиболее информативные геофизические методы для изучения археологических объектов с отсутствием рельефных признаков [Молодин, Чемякина и др., 2001, с. 399–407].

Магниторазведка проводилась на территории могильника Гришкина Заимка для обнаружения грунтовых захоронений, не имеющих рельефных признаков. Территория могильника прослеживается на дневной поверхности по рельефно представленным курганным насыпям. В XIX – начале XX в. на ней располагалась русская заимка. При раскопках 2001 г. были обнаружены не связанные с курганами грунтовые захоронения, локализованные у края террасы. Магнитная съемка была выполнена на трех участках вдоль края террасы общей площадью 1 386 м². Несмотря на сильную засоренность грунта железными предметами, связанными со слоем от русской заимки, удалось выявить перспективные участки для поиска грунтовых захоронений.

Южная часть участка 1 подверглась раскопкам в 2002 г. При помощи металлоискателя УМИ детально фиксировались железные предметы в дерне и слое русской заимки. Практически все археологические объекты, диаметром, превышающим 90 см, впущенные в материковый грунт не менее чем на 20 см, отражаются на магнитограммах. Не выявлено картированием погребение № 28, лишь немного перерезающее материковый слой. Одна из хозяйственных ям, относящаяся к русской заимке, также не видна на магнитограмме, поскольку выше расположен железный предмет.

Грунтовый могильник Тартас-1 был открыт в 2003 г. Он не выражен в рельефе и обнаружен по подъему материала и проведению шурфовки. Геофизическая разведка производилась после охранных раскопок зоны памятника. Ее цель заключалась в идентификации погребенных объектов и определении границы памятника.

Условия проведения электромагнитной разведки были осложнены множеством неоднородностей техногенного характера: дорога, засыпанная щебнем, на которой практически полностью отсутствует почвенный слой; карьер с отвалами гумусного слоя; пашня. Известные погребения, необходимые для геофизической привязки, находились в наиболее разрушенной части памятника. В этих сложных условиях для выяснения контрастности грунтов, кроме метода индукционного электромагнитного зондирования, применялся метод со-

противлений на постоянном токе. Электрическое профилирование производилось симметричной установкой АВМН (разносы 0,5 и 1,0 м). Эти данные использовались в качестве опорных при построении карт распределения электропроводности. Много частотные зондирования были выполнены на площади в 1 560 м². (шаг сетки 0.5 м). По результатам сканирования построены карты распределения кажущегося электрического сопротивления для каждой частоты. Наиболее благоприятные для интерпретации данные (частот 40 кГц) позволили реконструировать подповерхностное размещение археологических структур. Для выделения аномалий применялся дифференциально-частотный метод. Эта площадь была частично вскрыта раскопом 2004 г. Кольцевая структура на карте разности кажущихся сопротивлений на двух частотах проявилась в раскопе как круговая система аномалий. Вскрытые малые археологические объекты (погребения и ямы) не были выделены электроразведкой из-за сильных техногенных изменений верхней части разреза (дорога, колеи, насыпи).

Для определения контура грунтового могильника и детальной диагностики малых археологических объектов была использована высокоточная магнитометрия. Общая площадь магнитной съемки составила 11 050 м². Для съемки в 2004 г. использовался магнитометр-градиентометр ММПГ-1. В 2005 г. картирование проводилось с использованием нового прибора – квантового градиентометра G-858. Были построены магнитограммы, по которым выявлено две зоны памятника [Дядьков, Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 304–312].

Первая из них приурочена к пашне и характеризуется слабым изменением фоновых значений. Аномалии магнитного поля, по размерам и конфигурации относимые с древними погребениями, имеют значения (2,5 – 8) нТл. В восточной части участка 2 зафиксированы две крупные положительные аномалии (площадь 12 и 25 м²) со значениями 5 нТл, которые можно диагностировать как поселенческие объекты. Именно в этой зоне условия наиболее благоприятны для выделения аномалий, предположительно связанных с археологическими объектами. Вторая зона расположена вдоль края террасы и карьера. Она сильно засорена современными железными предметами. Здесь также есть отдельные положительные аномалии, похожие по очертаниям на древние захоронения или ямы. Данные ЭМС и магнитометрии на участке 5 показали в целом сходную ситуацию: по повышенным сопротивлениям и пониженным магнитным значениям выявлена дорога. Результаты указывают на несомненные преимущества магнитометрии в детальности аномалий, связанных с археологическими объектами и техногенными нарушениями.

Для проверки магнитных аномалий на пашне были разбиты три раскопа. Результаты подтвердили предположение о прямой связи магнитных аномалий с древними захоронениями. Вскрытые на этих участках погребения отнесены к переходной кротовско-андроновской (федоровской) группе. Выявлены взаимосвязи между интенсивностью магнитных параметров, глубинами и характером заполнения могильных ям. Благодаря выполненным работам, удалось наметить перспективы дальнейшего изучения памятника в северном направлении и скорректировать направления археологических исследований в различных его зонах.

Границы распаханного памятника Преображенка-6 (рис. 2) были определены по распространению подъемного материала: собрана керамика и каменные изделия эпохи неолита – ранней бронзы, каменный жезл в виде изображения рыбы или змеи, два бронзовых кельта и фрагмент оконечности бронзового браслета. Большая часть собранных костей принадлежала человеку. Характер сборов указывал на наличие не только стоянки, но и древнего некрополя [Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004, с. 378–383]. Первые магнитные исследования (2004 г.) на памятнике Преображенка-6 проводились на небольшой площади, примыкающей к краю террасы. Общая площадь магнитной съемки составила 12 800 м² [Дядьков, Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 304–312].

На магнитограммах выявлены аномалии, которые хорошо соотносятся с археологическими объектами (рис. 2а). Последние предположительно проявились положительными аномалиями (до 8 нТл). Основное количество аномалий сконцентрировано в центральной и северной части. Они представлены как отдельно расположенными объектами, так и скоплениями. Еще до начала раскопок ряды овальных аномалий в центральной и северной частях памятника были диагностированы как цепочки древних захоронений. Хорошо выделяются в северной части магнитограммы остатки распаханного кургана с ровиком и погребением в центре. Интерес представляют также и объекты, читающиеся как скопление различных по величине аномалий, в центральной и северо-восточной частях исследуемой территории (рис. 2А).

Благодаря геофизическому мониторингу удалось рационально спланировать археологическое изучение выявленных объектов, а также достоверно определить границы их распространения, не наблюдаемые на дневной поверхности. С целью проверки магнитных аномалий и их дальнейшей идентификации были археологически исследованы 6 участков в различных частях памятника (рис. 2). Необходимо отметить, что на всех раскопах расположение пятен зачищенных под слоем пашни и вскрытых на их месте объектов совпадает с данными магнитограммы. Археологическая проверка магнитного картирования памятника Преображенка-6 позволила выявить разновременные грунтовые погребальные комплексы (доандроновская бронза и тюркское время) и остатки древней стоянки на краю террасы [Молодин, Чемякина, Позднякова и др., 2005, с. 418–423].

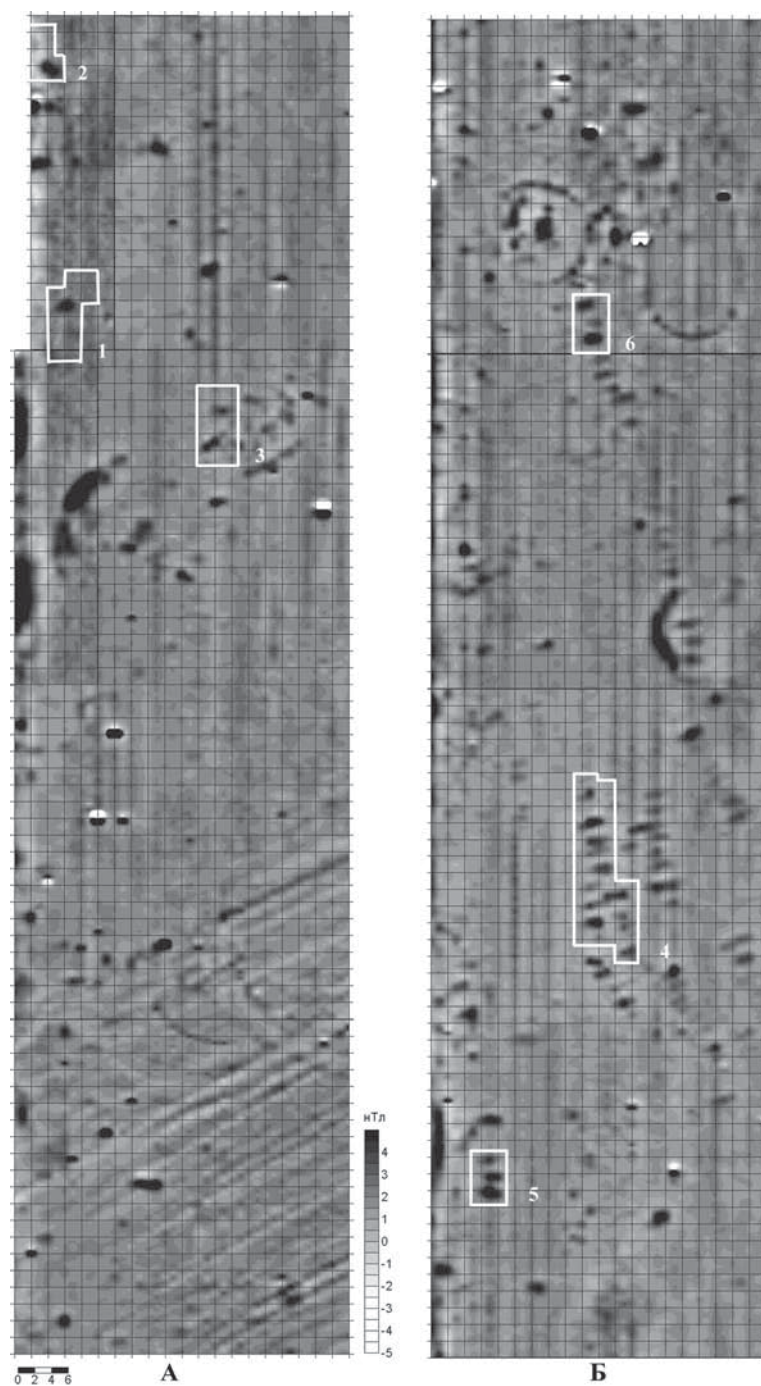

Рис. 2. Преображенка-6.
А – магнитограмма.

Курганные могильники. На курганном могильнике Здвинск-4 картирование горизонтального градиента проводилось в СВ части уникального объекта из трех курганов на земляной платформе, наименее поросшей лесом. Участок 10×12 м² включает небольшой северный курган и часть прилегающей земляной платформы. Выявлены расположенные симметрично две отрицательные аномалии в центре кургана и примерно такие же по площади – положительные. Большая положительная аномалия подковообразной формы окаймляет этот участок с севера. До раскопок нельзя было однозначно утверждать связаны ли обнаруженные аномалии со структурой насыпи либо с наличием объектов под ней. На геоэлектрических разрезах, полученных по линии СЮ – 38 м, и ЗВ – 36 м, были выявлены контрастные по удельному электрическому сопротивлению структуры.

Рис. 2. Преображенка-6.
Б – фото раскопа 4.

На разрезе СЮ в районе центрального кургана отчетливо читаются следы ямы. Дальнейшие археологические исследования могильника будут производиться с учетом данных геофизического мониторинга.

Барсучий лог. Цель работ заключалась в изучении внутреннего строения уникального кургана эпохи раннего железного века (Хакассия) и корректировке плана будущих раскопок. Диаметр этого сооружения составляет 70 м, а высота достигает 10 м. Для картирования и получения разрезов использован аппаратурно-программный комплекс (ЭМС). Распределение удельного электрического сопротивления по периметру кургана было реконструировано по данным нескольких вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ). Для реконструкции структуры окружающего курган полупространства и калибровки частотных зондирований было выполнено четыре ВЭЗ в направлениях сторон света. Среда по данным трех зондирований (север, юг, запад) представлена тремя слоями: верхний (УЭС ок. 40 Ом·м), средний (12 – 30 Ом·м) и подстилающий (более 1 000 Ом·м). Интерпретация данных восточного ВЭЗ указывает на сокращение числа слоев до двух с немного отличающиеся значения сопротивлений.

На кургане были выполнены частотные зондирования (примерно 2 000 точек на площади около 4 000 м²). Сетка измерений выбиралась так, чтобы ось прибора была горизонтальна и проходила по касательной к изолинии рельефа. Таким образом, съемка велась по почти круговым профилям (концентрическим окружностям), на каждом из которых прибор находился примерно на одной и той же высоте над основанием кургана. Это помогло корректно учесть рельеф, улучшить качество построений и упростить обработку.

Построено 14 карт распределения монохроматических сигналов, которые пропорциональны кажущейся проводимости среды. Наиболее информативна карта, построенная по данным на частоте 110 кГц, где выделяется группа из трех аномальных структур и четырех сходных между собой аномалий. Самая интенсивная аномалия повышенной проводимости расположена в центрально-западной части кургана. Она соответствует выраженной в рельефе грабительской яме; максимальная глубина ок. 2 м.

Можно выделить большую аномалию размерами 5×5 м² на южном склоне кургана. Этот склон характеризуется наиболее пологим уклоном и самым сухим грунтом с относительно меньшей проводимостью. Однако аномалия соответствует области с повышенной проводимостью.

Хорошо видны четыре протяженных аномалии с небольшой проводимостью, крестообразно исходящих примерно из центра кургана в направлениях СЗ, ЮВ, СВ и ЮЗ. Совместное изучение рельефа кургана и этих аномалий позволяет характеризовать последние как ребра четырехгранной пирамиды, в форме которой некогда был сооружен изучаемый курган. Еще до раскопок можно было предположить, что курган имеет четырехугольное основание. Еще одна крупная аномалия выделяется на северо-восточном ребре пирамиды. Она соответствует пониженной проводимости, и источником ее может быть либо разуплотнение, либо изолирующий материал. Возможно множество барсучьих и лисьих нор в этом месте, а следовательно, более рыхлый грунт привели к понижению сигнала.

Кроме описанных крупных аномалий, выделяются более мелкие, которые по характеру близки к аномалиям, возникающим над неглубоко залегающими металлическими объектами. Остальные аномалии имеют хаотическое расположение и небольшую площадь, поэтому сложно выделить какие-то из них отдельно или объединить в структуры. Раскопки кургана показали, что часть мелких аномалий совпадает с упавшими задернованными каменными плитами. Выявленные же крупные аномалии связаны с особенностями физических свойств насыпи и ее нарушений.

Курганные могильники с мерзлотой. Многолетние исследования курганных могильников пазырыкской культуры на плато Укок в Горном Алтае позволили выявить уникальные комплексы с прекрасно сохранившимися изделиями из тканей, дерева, кожи. В двух случаях до нас дошли мумии людей. Такая удивительная естественная консервация органических материалов оказалась возможной в силу природных условий, когда под каменной кладкой кургана в срубе погребальной камеры образуется лед, который впоследствии не оттаивает. Значение выявления мерзлоты внутри древних курганов Алтая до начала раскопок при помощи геофизических методов трудно переоценить. До сих пор не было выработано методики, диагностирующей малые объемы мерзлого грунта или льда под каменными курганными насыпями. «Замерзшие» курганы, где в силу природных процессов сохраняются органические материалы, представляются исключительным по значимости источником сведений об историко-культурных процессах в эпоху раннего железного века.

Перспективы дальнейшего развития геофизических методов применительно к проблемам поиска археологических объектов в замерзшем состоянии связаны с разработкой новых технологий геоэлектрики, ориентированных на изучение физических свойств, присущих мерзлым породам. В начальный период исследований была изучена возможность обнаружения таких объектов на основе различия диэлектрических свойств воды в жидком и твердом состояниях по частотному диапазону дисперсии и поглощению электромагнитного поля. Известны способы и методы исследования льда и замерзших горных пород. Знакомство с работами лаборатории геофизики криогенеза Читинского института природных ресурсов СО РАН показало специфику работ по изучению свойств льда в полевых условиях. Основной их особенностью является применение электромагнитных полей высокочастотного диапазона (сотни МГц – единицы ГГц). Очевидно, что фундаментальные физические явления, которые можно было применить в данных задачах, являлись бы индикаторами наличия чистого льда в осадочной толще. Но высокая стоимость оборудования и значительное время освоения методики не позволили нам выбрать это направление. Поэтому основные усилия были направлены на поиск оптимальной разновидности метода сопротивлений для получения аномального сигнала, обусловленного изолирующим шестигранным объектом на глубине ок. 2 м под дневной поверхностью. Исследования и анализ велись на основе результатов трехмерного математического моделирования сигналов различных установок электрического профилирования. Был найден оптимальный размер разносов питающей линии, и минимизировано число установок приемной линии. На тех же объектах были выполнены частотные электромагнитные зондирования аппаратным комплексом ЭМС при горизонтальной и вертикальной ориентациях рабочих рамок. Положительные результаты экспериментальных работ подтвердили правильность выбранных методов исследований.

Цель геофизических исследований на плато Укок в 2003 г. состояла в создании практической методики по выделению «замерзших» погребений и перспективных с этой точки зрения комплексов для последующих мультидисциплинарных исследований.

Объекты исследования и принципы их отбора. Для геофизической разведки были специально выбраны курганы пазырыкской культуры на тех могильниках, где уже производились археологические исследования.

Курганный могильник Верх-Кальджин II находится в северной части плоскогорья Укок, состоит из пяти курганов, протянувшихся цепочкой с севера на юг. Насыпи курганов сложены рваными сланцами и крупными валунниками, полы сильно задернованы. Курганы № 1, 2 и 3 раскопаны. Захоронения всех трех курганов сохранились в погребальных склепах линзы льда. Геофизическому исследованию подверглись оставшиеся нераскопанными два кургана № 4 и № 5. Курганный могильник Бертек-1 расположен в Бертекской долине на левом берегу р. Ак-Алаха и состоит из пяти курганных насыпей, вытянутых цепочкой с северо-востока на юго-запад, сложенных из окатанных валунов. Курган № 1 исследовался ранее мерзлоты в погребальной камере не обна-

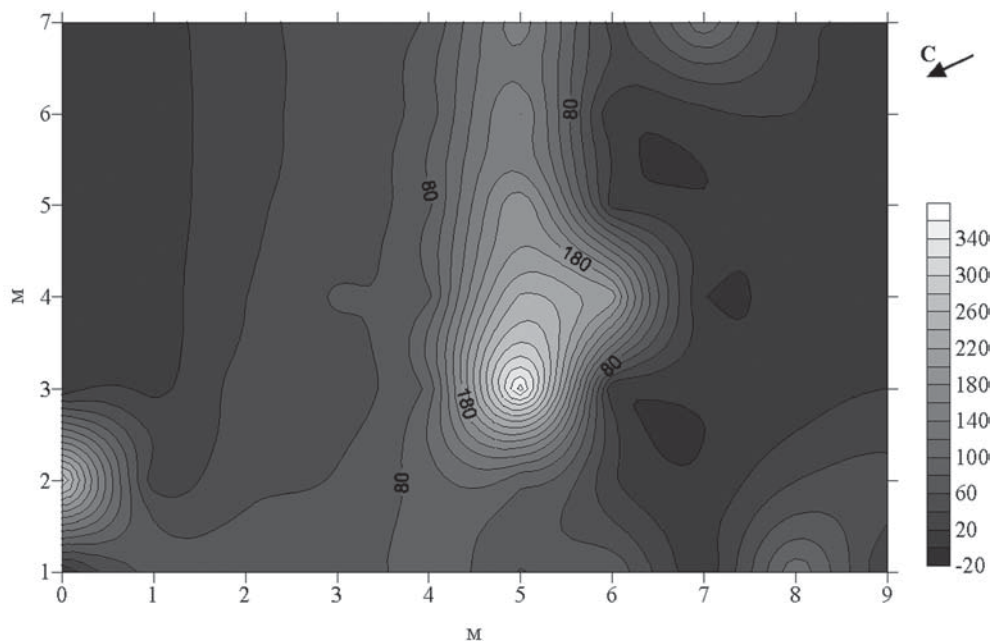

Рис. 3. Верх-Кальджин II, курган № 4. Геоэлектрическая карта.

ружено. Археологическое изучение разновременных курганных могильников микрорайона Бертекской долины ни в одном из случаев не выявило наличие мерзлоты в могилах. Для геофизических изысканий мы остановили свой выбор на кургане № 4.

Таким образом, геофизические исследования, направленные на отработку методики по поиску мерзлоты, планировалось проводить на принципиально различных памятниках. В первом случае наличие мерзлоты в захоронениях предполагалось с достаточно большой долей вероятности, во втором – отсутствие льда и мерзлого грунта было практически очевидным. В то же время курган накрыт скоплением валунов, близких по УЭС к замерзшим грунтам. Такие неоднородные по структуре и физическим показателям объекты были выбраны для корректного сопоставления геофизических построений.

Применение новой модификации метода сопротивлений и сравнение полученных данных с результатами математического моделирования позволило диагностировать наличие во вмещающем грунте объекта с высоким УЭС, предположительно связываемого с наличием льда в захоронении. Анализ показывал, что из трех исследованных объектов только курган № 4 могильника Верх-Кальджин II содержит непроводящий объект значительных размеров, приуроченный к средней части кургана (рис. 3). Размеры этой аномалии близки к ожидаемому размеру замерзшей погребальной камеры. Для подтверждения полученных результатов и корректировки геофизических методик необходимо проведение археологических работ на этих объектах.

Геофизические исследования пазырыкских курганов с мерзлотой (Северо-Западная Монголия). В 2005 г. были проведены геофизические исследования курганов пазырыкской культуры, открытых экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством В.И. Молодина в 2004 г. [Молодин, Цэвээндорж, 2004, с. 365–371]. Работы по диагностике объектов мерзлого грунта или льда под каменными курганными насыпями проводились с учетом опыта, приобретенного в 2003 г. на плато Укок (Республика Алтай). Выбор объектов для геофизических исследований происходил на высотах 2 550–2 650 м над уровнем моря. Целью работ являлось определение наличия льда в погребальных камерах. Были изучены шесть памятников в долинах рек Улан-Даба, Олон-Курин-Гол и Цаган-Салаа: Улан-Даба-1, Олон-Курин-Гол-1, Олон-Курин-Гол-6, Олон-Курин-Гол-7, Цаган-Салаа-1 и Цаган-Салаа-2 [Эпов, Молодин и др., 2005, с. 503–506].

В ходе исследований применялись методы сопротивлений и частотных зондирований. Для работ методом сопротивлений использовался комплекс, состоящий из аппаратуры «ЦИКЛ-ВПС» и двух электрических 24-х канальных коммутаторов. Последние разработаны в Институте геофизики СО РАН и позволяют в автоматическом режиме выполнять электрические зондирования или профилирования на произвольных запрограммированных выборках из 48 электродов.

Для электромагнитных частотных зондирований применялся комплекс ЭМС. Результаты, позволяющие предположить наличие изолирующих ледовых линз, были получены при исследовании объектов Улан-Даба-1, Олон-Курин-Гол-1 и Олон-Курин-Гол-6. Наиболее достоверной с модельной точки зрения является абсолютная

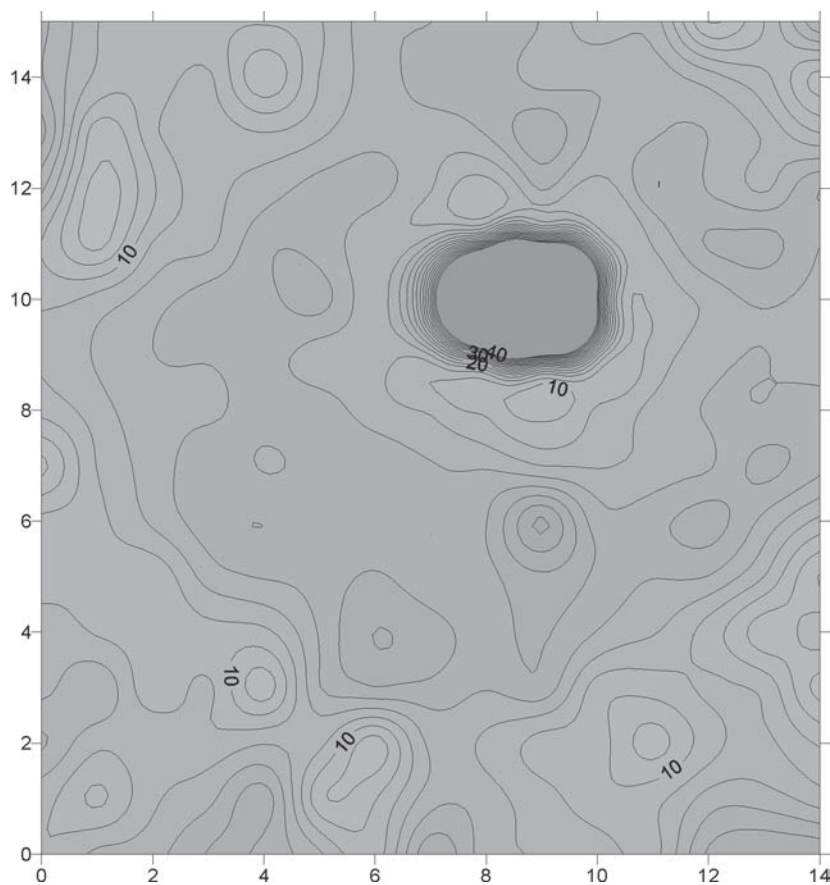

Рис. 4. Улан-Даба-1. Карта индукционного частотного зондирования.

аномалия под курганом Улан-Даба-1 (рис. 4). Судя по ее площадному распределению, центр изолирующего объекта, соответствующего линзе мерзлоты, находится в точке с координатами (6, 5).

На площадках курганов Улан-Даба 1, Олон-Курин-Гол 6, Олон-Курин-Гол 7 и Олон-Курин-Гол 10 были выполнены геофизические исследования методом электромагнитного индукционного частотного зондирования. Работы проводились по методике, опробованной двумя годами ранее на пазырыкских курганах российской части плато Укок.

Таким образом, данные геофизических исследований древних курганов позволяют прогнозировать наличие льда под каменными курганными насыпями в погребальных камерах. Для археологических исследований удалось наметить наиболее перспективные в плане вероятности «замерзших» могил объекты. Необходимо также отметить, что подобные геофизические исследования на Укоке и в Монголии проводились впервые в мировой практике и впервые будут проверены раскопками в 2006 г. Последующие археологические изыскания помогут определить правильность выбранной методики и внести необходимые корректировки.

Исследование пещер и горных склонов. С помощью частотного зондирования и георадиолокации получены структурные разрезы по заданным профилям на Денисовой, Усть-Канской и Каминной пещерах Горного Алтая, что позволило выявить структуру залегания слоев и скального дна. Эта новая информация чрезвычайно важна для стратегии дальнейшего изучения данных уникальных археологических объектов.

В окрестностях пункта Карамы, на склоне, летом 2002 г. выполнены электромагнитные зондирования аппаратурой ЭМС и георадаром. На склоне долины р. Ануй в районе археологических памятников Ануй-1,-4 были выполнены три профиля частотных электромагнитных индукционных зондирований.

Комплексные данные электромагнитных и георадиолокационных методов позволили на отдельных участках выявить структуру залегания древних террас долины р. Ануй, сневилированных склоновыми процессами. Этот факт чрезвычайно важен для прогнозирования оптимальных участков для будущих шурфов и раскопов. Полученная информация также найдет применение в оценке геоморфологической и палеоклиматической ситуации региона.

Выводы. Геофизические исследования археологических памятников с комплексным применением магнитометрии, малоглубинного индукционного частотного зондирования, электропрофилеирования и георадиолокации позволили: – получить до начала раскопок новую детальную информацию в виде карт и разрезов о расположении и структуре археологических объектов и вмещающего грунта;

- на основе детальных геофизических карт и разрезов существенно изменить стратегию исследования археологических памятников и осуществлять вскрытие с учетом знания контуров и структуры объектов, их точной привязки в пределах площади раскопа;

- успешно провести поиск жилых и хозяйственных археологических объектов, а также древних погребений под слоем пашни;

- сделать важные методические наблюдения на базе тестовых испытаний различных аппаратурно-программных комплексов;

- определить систематические погрешности в интерпретации данных малоглубинной аппаратуры индукционного частотного зондирования;

- впервые провести сравнение производительности и результативности, примененных на археологических объектах различных геофизических методов, реально оценив потенциал их комплексного применения.

Полученные геофизические результаты, проверенные археологическими раскопками, позволяют сделать вывод о целесообразности проведения комплексных геофизических исследований археологических объектов. Применение новых методов и существующих опытных геофизических аппаратурных комплексов в археологии открывает новые перспективы в исследовании археологических памятников.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Т. 11 – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Ч. 1. – С. 304–312.

Молодин В.И., Парцингер Г., Бекер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Наглер А., Нииф Р., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Ефремова Н.С. Археолого-геофизические исследования российско-германской экспедиции в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 454–461.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Г., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты российско-германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001, № 3. – С. 104–127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Омеляненко А.В., Балков Е.В., Абель Д. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2001 г. // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 7. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 391–398.

Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Дядьков П.Г. Археолого-геофизические исследования некрополя городища Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2003 г. – Т. 9. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 436–440.

Молодин В.И., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Байарайхан М., Овчаренко А.П. В поисках пазырыкских комплексов на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г., – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 365–371.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Некоторые итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников переходного от бронзы к железу времени в Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2002. – С. 176 – 179.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гаркуша Ю.Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Балков Е.В. Геофизические и археологические исследования могильника-Сопка-2 в 2000 -2001 гг. // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 7. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 399–407.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. 10, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 372–377.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. 10, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 378–383.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Гаркуша Ю.Н. Результаты археологических исследований памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Т. 11, Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 418–423.

Эпов М.И., Манштейн А.К., Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Балков Е.В. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Т. 9. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 528–534.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В. Геофизические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Т. 11., Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 503–506.

Эпов М.И., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Парцингер Г., Молодин В.И., Балков Е.В. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2000 году // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 6. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, – 2000. – С. 447–456.

Becker H. From nanotesla to picotesla – a new window for magnetic prospecting in archeology // *Archeological Prospection*. 1995.– Vol. 2 – P. 217–228.

Becker H. Magnetische Prospektion archaologischer Statten am Beispiel Troia (Turken), Piramesse (Agypten) und Ostia Antica (Italien) // *Archaologie, sonderdruck. Heft 13, jahrgang 1996/97. – Nurnberger blatter zur, 1997. – P. 85–106.*

Becker H., Fassbinder J.W.F. Magnetometry of a Scythian Settlement in Siberia near Cichah in the Baraba Steppe 1999 // *Archaaeological Prospection. – Munchen, 1999. – P. 168–172.*

Molodin V. I., Parzinger H., Schneeweiss J., Garkuša Ju. N., Grišin A. E., Novikova O. I., Efremova N. S., Marčenko Ž. V., Čemjakina M. A., Myl'nikova L. N., Becker H., Fassbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Sp.bronze – zur Fr.eisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999–2001 // *Eurasia Antiqua* 8. – 2002. – S. 183–234.

В.Л. Янин¹, Е.Н. Носов²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

В 2002 г. исполнилось семьдесят лет со дня начала систематических раскопок в Новгороде, а в 2005 г. – тридцать лет со дня планомерных работ на Рюриковом городище близ города – известной по летописям резиденции новгородских князей и давнего претендента на роль древнейшего городского центра. Срок вполне достаточный, чтобы подвести некоторые итоги и оценить перспективы работ не только в центре Приильменя, но и шире на всей территории Северной Руси. Далее в достаточно сжатой и тезисной форме будут представлены некоторые итоги наших размышлений, не всегда полностью совпадающие в конкретных деталях, но общие в основном контексте исследований.

Появление древнейших городских поселений обычно рассматривается под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси и, в тоже время, гораздо меньше внимания уделяется выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Вместе с тем, сложение государственной территории на юге и на севере Руси, а также становление городов, как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Возникновению первых городов в Среднем Поднепровье – центре Южной Руси, – предшествовал определенный период стабильности в развитии славянского общества, последовавший за переселением славянских племен из более западных и юго-западных районов Европы. Этот период начался, по крайней мере, в середине I тыс. н. э., а по мнению ряда исследователей, и гораздо ранее. В славянском обществе шел интенсивный процесс социальной дифференциации, кристаллизации новых общественных связей и структур, развивалось ремесло и торговля. Уже для VI–VII вв. можно говорить о появлении славянских «градов» как прежде всего административно-политических центров племен. Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города. Однако широкий процесс образования городов как нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался позже – в VIII–X вв. Города вырастали в плотно освоенных земледельческим населением районах, в местах концентрации сельских поселений как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение.

На севере Руси наблюдается иная картина, чем на юге. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв при густой залесенности и широкой заболоченности местности определило характер сельского расселения и особенности формирования городов. Время становления последних оказывается здесь чрезвычайно близким началу самого славянского расселения, и даже порой города основывались непосредственно в процессе освоения новых территорий. Тем самым они рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а вместе с ними, формируя прилегающие к ним округа.

Сами суровые природно-климатические условия лесной зоны вполне позволяли заниматься сельским хозяйством, сочетая его с занятиями различными промыслами, но никакой базы для интенсивного экономического роста, в отличие от южных районов, естественно не создавали и создать не могли. Тем не менее никто

не ставит под сомнение, что Приильменье стало вторым, после Среднего Поднепровья, важнейшим очагом формирования русской государственности, что городские центры как скрепляющие административно-экономические узлы здесь появились. Чем же был обусловлен этот рост, безусловно, опиравшийся на социальную стратификацию общества и его экономические успехи?

Одним из важнейших факторов, повлиявших на характер размещения населения в Приильменье и на сопредельных территориях, на социально-экономическое развитие отдельных районов, формирование раннегородских центров и установление границ, тяготевших к Новгороду земель, являлось прохождение крупных торговых и военных путей средневековья – балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки». Первый из них сыграл особо значимую роль.

Балтийско-волжский путь оказал огромное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие примыкавших к нему районов Восточной Европы. У наиболее сложных участков водных путей – у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава – создавались укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность. В ключевых местах возникали торгово-ремесленные поселки, некоторые из которых перерастали в города. Водные пути с «узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождающихся городов составили каркас Новгородской земли X в. Это были те кровеносные сосуды, которые поддерживали ритм жизни Приильменья, стягивали в единое целое обширные лесные территории. Маршруты торговых путей четко высвечивают отдельные клады и их скопления. Как только поток серебряной монеты хлынул в Восточную Европу, скандинавы, стремясь овладеть им, стали проникать вглубь территории по основным водным магистралям. Эта активность на торговых путях, желание поставить их и связанные с ними рынки сбыта серебра и пушнины под свой контроль явились основным побудительным мотивом скандинавской деятельности на Востоке на начальной стадии их появления здесь. Не скандинавы стояли у истоков восточной торговли, импульс которой был дан экономическими потребностями населения Восточной Европы и мусульманского мира на закате VIII в., но они активно подключились к ней. По рекам Волго-Окского междуречья восточное серебро попадало на Верхнюю Волгу. Исследователи единодушны в том, что территория складывающейся Новгородской земли в силу своего выгодного географического положения – в районе, где сходились обширные водные системы озер Ильменя и Ладоги – оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления.

На территории Северной Руси целый ряд торгово-ремесленных, городских поселений, благосостояние которых во многом зависело от внешней торговли, изначально росли в ключевых местах основных путей международной торговли как центры такой торговли и ремесла, а также как административные и военные пункты.

Древнейшим городом Северной Руси является Ладога, основанная в середине VIII в. Для нее с момента возникновения была характерна ориентация на внешние связи, развитая ремесленная деятельность, отсутствие значимой сельской округи, полиэтничный состав населения. Ладога являлась «мостом» между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы. Она олицетворяет один из путей формирования древнерусского города и сопоставима с аналогичными ранними торгово-ремесленными поселениями Балтики, такими, как Хедебю, Рибе, Бирка и др.

По своему географическому положению исток Волхова также играл ключевую роль на водных путях лесной зоны Восточной Европы. Уже в середине IX в. тут существовало, возможно, возникшее несколько ранее, торгово-ремесленное и военно-административное поселение на Рюриковом Городище. По своей сути оно первоначально повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладоги, но в отличие от нее, оно находилось в густонаселенной славянской округе Ильменского Поозерья и в верховье Волхова с известным здесь по летописям языческим капищем в урочище Перынь.

У наиболее сложных участков водных путей, в первую очередь связанных с восточной торговлей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава возникали укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность. В ключевых местах путей росли города. Так начиналась история Ладоги, Новгорода, Нового Торга, Волока Ламского, Городка на Ловати (Великих Лук). К рубежу X–XI вв. в истоке Волхова вблизи древнего городка на Городище сформировался новый центр, где располагались христианский комплекс (владычный двор, общегородской храм), торг, княжий двор и где вскоре были возведены мощные укрепления.

Если подвести короткий итог, – современная археология не подтверждает тезиса об обязательном возникновении ранних городов как центров сельских округ, на базе интенсивного роста сельскохозяйственного производства. Она предполагает, что многие ранние торгово-ремесленные и военно-административные центры возникали в результате активного влияния внешней торговли на местное общество, которая стимулировала его интенсивное социальное расслоение и возникновение государственности.

Этапы возникновения селитьбы на месте будущего Новгорода и преобразования догородской структуры в городскую находят соответствие в решающих исторических событиях рубежа IX/X и середины X вв. В 947 г. походами княгини Ольги на Лугу и Мсту были ликвидированы конкурентные приильменскому самостоятельные центры наиболее значительной концентрации населения. Их присоединением податная территория значительно увеличилась, что и составило основу преобразования, дав средства для новой планировки и благоустройства. Что касается рубежа IX/X вв., то возникновение первоначальной селитьбы на месте будущего Новгорода синхронно привело к запустению многих городищ в ближних и дальних его окрестностях. Это дает основание утверждать, что с уходом на юг Олега и Игоря в нарушение договора с Рюриком, когда на месте князя оказалась его безымянная дружина и возник некий политический вакуум, сюда, к перекрестку важнейших торговых путей на Северо-Западе, началось сселение родоплеменной верхушки словен, кривичей и чуды, предыдущее поколение которой было инициатором приглашения чужеземного князя.

Об особенностях вечевого строя до раскопок в Новгороде приходилось судить по сравнительно поздним материалам не ранее 60-х гг. XIII в., когда в самых ранних из дошедших до нас докончаний Новгорода с князьями, помимо принципа «вольности в князьях», фиксированы три наиболее существенных ограничения власти приглашаемого в Новгород князя: он, равно как его семья и княжеские бояре, не имеет права владеть землями на территории Новгородского государства, собирать государственные доходы (это право принадлежит самим новгородцам); князь так же, будучи первым лицом в местном суде с посадником, не имеет права «кончать суд без посадника», который, таким образом, обладает правом окончательной санкции судебного решения. Что касается вотчинного права, то сама частная собственность на землю на русском севере возникает лишь на рубеже XI/XII вв., а создание местного суда, судя по материалам сфрагистики, относится к периоду княжения Всеволода Мстиславича, т.е. не ранее 1117 г. когда же возникает исключительное право самих новгородцев собирать государственные доходы, т.е. формировать и контролировать бюджет, выплачивая князю лишь так называемый «дар»?

Ответ на этот вопрос содержится в комплексе берестяных грамот XI–XII вв. и в обширной коллекции так называемых «цилиндров» мечников, собранных на боярских усадьбах. Общее число таких цилиндров, являющихся деревянными бирками-замками для гарантированного запирания мешков с собранными мечниками (они же «емцы») ценностями, всего к настоящему времени 51. На них обозначена сумма ценностей, их назначение и, во многих случаях, место сбора этих государственных доходов. В надписях цилиндров фигурируют имена новгородских бояр-мечников, которым, согласно «Русской правде», назначался определенный процент с собранных ими сумм податей, «вир и продаж». Древнейшие из этих находок относятся к рубежу X/XI вв. А находки подобных предметов того же времени в Польше и Ирландии позволяют предполагать, что подобный способ сохранения ценностей в целом связан с циркумбалтийской скандинавской сферой и, следовательно, само ограничение приглашенного князя в сборе государственных доходов восходит к прецедентному договору с Рюриком.

Берестяные грамоты многократно подтверждают широкую степень участия новгородского протобоярства, а затем боярства в сборе этих доходов и в использовании самой ситуации сбора ценностей для обогащения путем разного рода ростовщических операций. По существу именно эта деятельность заложила основу экономического могущества новгородских бояр, которые на определенной стадии своего материального укрепления добились новых ограничений княжеской власти в момент становления вотчинной системы на рубеже XI/XII вв. и в первой трети XII в.

Изложенные наблюдения дают основу для понимания принципиальной разницы между вечевым строем северо-западных территорий Руси и княжеским строем центральной и южной Руси. Если в Новгороде политический строй был основан на договоре, то на юге князь пользовался неограниченной властью завоевателя. Не в этом ли состоит одна из существенных причин ухода Олега и Игоря из своей городищенской резиденции на юг?

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

Е.В. Акимова
ИАЭТ СО РАН, Красноярск

«СРЕДНЯЯ СТАДИЯ» ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

К средней стадии позднего палеолита Енисея традиционно относят местонахождения с характерным мелким пластинчатым инвентарем, датированные в пределах гыданской стадии сартанского времени [Лисицын, 2000]. Работы последних лет показали отсутствие прямой зависимости между этими признаками.

1. История изучения. Определенные черты сходства между прибайкальским палеолитом, Ачинской стоянкой, Тарачихой и Афанасьевой горой, отмеченные З.А. Абрамовой, позволили ей обосновать выделение ангаро-чулымской культурной области, включающей Мальту-Буреть и «локальные варианты мальтино-буретской культуры» на Енисее и Чулыме [Абрамова, 1979, 1983]. Попыток выделения новой археологической культуры на самом Енисее тогда не предпринималось: не было должного массива археологического материала, обособленного во времени и пространстве, мешало осознание межрегионального «единства», требующего иного, более широкого термина, не скованного территориальными границами и позволяющего на время абстрагироваться от жестких хронологических рамок.

В 80–90-е гг. были открыты Новоселово XIII, Шленка, 19 к.с. Лиственки, Приморск, стоянки Ижуйского залива, Волчиха. Идея культурно-стадиального членения позднего палеолита Енисея, оформленная в трудах петербургских археологов [Лисицын, 1996, 1997, 2000; Васильев, 1996], стимулировала интерес к изучению памятников средней стадии как возможному промежуточному этапу между индустриями типа Сабанихи и Кокорево I. Термин «мелкие пластинчатые индустрии» возник в качестве противопоставления «крупным пластинчатым индустриям» конца каргинского и второй половины сартанского периодов. На первый план выходит идея автохтонного, стадиального развития с внутренним многообразием форм. Возможность выделения самостоятельной археологической культуры уже не рассматривалась, но и о локальных вариантах мальтино-буретской культуры речь не шла. В то же время, возвращение отечественной археологии к термину «восточный граветт», выделение признаков для граветтоидных индустрий Восточной Европы, позволили поставить вопрос о распространении его и на сибирские материалы [Лисицын, Лисицын С., 1996, Лисицын, 2000]. В результате, среднеенисейские памятники раннесартанского времени не получили собственного имени и рассматривались исключительно как часть какой-то большой размытой, порой весьма условной, общности.

Сегодня на Среднем Енисее известно 13 местонаждений «мелкопластинчатых индустрий» [Лисицын, 1996, 1997, 2000; Акимова, Дроздов и др., 1996; Акимова, Горельченкова и др., 2002; Акимова и др., 2005; Акимова, Стасюк и др., 2005 и др.] и единственное на Верхнем Енисее-Голубая I [Астахов, 1986; Васильев, 1988]. Серия памятников со сходными признаками известна в Западной Сибири [Зенин, 2002; Деревянко, Молодин и др., 2003].

2. Хронология. По Н.Ф. Лисицыну, памятники среднего этапа замкнуты в диапазоне от 22 до 16 тыс. лет назад, в пределах гыданской стадии. Наиболее ранний возраст 22–20 т.л.н. предполагается для Афанасьевой горы на основании ее стратиграфического положения. Радиоуглеродные даты по кости получены для Шленки (20100±100; 19700±200, 18600±200, 17660±700), н.к.с. Тарачихи (18930±320, 19850±180) и по древесному углю для 3 к.с. Новоселово XIII (22000±700) [Лисицын, 1996, 2000]. При этом надо учитывать, что 3 к.с. Новоселово XIII не имеет явных признаков мелкопластинчатых традиций и отнесение его к данной группе (к наиболее ранним ее проявлениям) сделано автором, вероятно, на интуитивном уровне. В то же время каменный инвентарь Афанасьевой горы очень близок Лиственке, датированной по углю и кости соответственно 16640±350, 17200±230. Нет дат для Усть-Ижуля II и Малого Ижуля III, где археологический материал получен на поверхности размы-

ваемого каргинского педоседимента. Таким образом, дата 22 т.л.н. пока не опровергнута, но и не подтверждена. Более обоснованным представляется проведение нижней границы в пределах 20–19 т. л.н.

Верхняя граница, по мнению Н.Ф. Лисицына, должна проходить по рубежу гыданской стадии и интерстадиала. Реперными памятниками являются в.к.с. Тарачихи, 2 к.с. Новоселово XIII с датами в пределах 16–15,5 т. л.н. В изученной части Красноярского водохранилища пока не найдено местонахождений, которые вынуждали бы пересмотреть данную позицию, хотя не ясны возраст Приморской стоянки, Трифоновки, Волчихи. Иная ситуация в Дербинском заливе [Акимова, Стасюк и др., 2005]. Нижний к.с. Конжула по кости датирован 11980±155, 12160±175 л.н. Эту дату подтверждает анализ микротериофауны. Верхний к.с. Конжула и Ближний Лог должны иметь более поздний возраст. Для Малтата предполагается дата не древнее 15–14 т. л.н.

Таким образом, местонахождения, расположенные непосредственно вдоль русла Енисея, на высоких его террасах, существуют в сравнительно узком хронологическом диапазоне от 20 (22?) до 16,5 т.л.н., укладываясь в первую половину сартанского времени. Ко второй половине сартана относятся дербинские памятники, удаленные от магистральной артерии Енисея, существующие на своей сырьевой базе. Близкая ситуация прослеживается и на стоянке Голубая I, обладающей признаками каменной индустрии среднего этапа, но датированной 13–13,6 т. л.н. [Астахов, 1986; Васильев, 1988].

3. Общими признаками для всех среднеенисейских местонахождений «средней стадии» являются:

1) пластины длиной 2–5 см с чешуйчатой ретушью по обоим краям и фасадам в различных комбинациях, в том числе, образующей выемки; 2) скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепках, округлые на отщепках; 3) плоскостные и торцовые нуклеусы небольших размеров – в пределах 3–8 см; 4) коррекция угла расщепления путем подтески проксимального сегмента фронта нуклеуса.

В то же время, внутри всего массива местонахождений явно выделяется группа, которую можно назвать «афанасьевской». В ее состав входят Афанасьева гора, 19 к.с. Лиственки, Волчиха, Малтат, н.к.с. Конжула, вероятно, Тарачиха, Трифоновка и 2 к.с. Новоселово XIII. Характерными признаками для этих памятников являются: 1) преобладание одноплощадочных монофронтальных нуклеусов на небольших целых или расколотых гальках с плоским или близким к концентрическому фронтом; 2) широкое распространение пластин с ретушью по проксимальному концу, по концу и одному краю, по обоим концам и одному краю («афанасьевский» тип); 3) присутствие в орудийном наборе резцов.

Внутри этой группы можно предварительно выделить два этапа: **ранний** (Афанасьева гора, Тарачиха, 19 к.с. Лиственки-гыданская стадия) и **поздний** (Малтат, н.к.с. Конжула и, возможно, Волчиха-вторая половина сартанского времени). Здесь картина более сложная, какая-то общая динамика почти не прослеживается. Пока некоторым реперным признаком может считаться наличие в орудийном комплексе ранних памятников острий и проколов, поздних памятников-долотовидных орудий.

Вторая группа («шленкинская») представлена пока только Шленкой, Приморской стоянкой, в.к.с. Конжула и, возможно, Малым Ижулем III. Общими характерными признаками для этой группы являются: 1) сочетание одноплощадочных монофронтальных и двухплощадочных бифронтальных (кубовидных) нуклеусов со встречным или перекрестным расположением фронтов, 2) почти полное отсутствие резцов, острий и долотовидных орудий при абсолютном преобладании скребков; 3) минимальное количество пластинок с ретушью по одному концу, преобладание пластинок с ретушью по одному краю и сильно скошенному (100–110°) усеченному концу («приморский тип») [Акимова, Аннинский, 2005]. К раннему этапу относится Шленка и, возможно, Малый Ижуль III, к позднему – в.к.с. Конжула. Место Приморской стоянки еще не определено. Сама специфика этих памятников и разобщенность коллекций не позволяют пока увидеть динамику изменений в характере каменного инвентаря.

Обособленное положение пока занимают Ближний Лог с нестандартными ретушированными микропластинками длиной около 1 см и двулезвийными скребками, Усть-Ижуль II с обилием острий и проколов, торцовым расщеплением и почти полным отсутствием «классических» форм пластин с ретушью.

6. Заключение. На сегодняшний день представление о среднем этапе позднего палеолита Енисея должно быть скорректировано. Возможно, на рубеже 16–15 т.л.н. происходит «расщепление» раннесартанской культуры мелких пластин в двух направлениях: становление кокоревской культуры (если прав Н.Ф. Лисицын) и дальнейшее развитие мелких форм до конца сартанского времени. Сама археологическая культура (предпочтительное название для нее – тарачихская-по праву приоритета) представляет собой, видимо, переплетение двух линий: «афанасьевской» и «шленкинской», эволюционирующих на всем протяжении сартанского времени.

Ситуация столь долгого существования индустрии мелких пластин выглядит вполне естественной на фоне культур «восточного» граветта и эпиграветта [Аникович, 1998; Васильев, 2002]. Сибирские «мелкие пластинчатые индустрии», включая Мальту-Буреть, стоянки Енисея и Западно-Сибирской равнины, вероятно, представляют собой отдаленную сибирскую ветвь граветтоидных индустрий Евразии.

Список литературы

1. **Абрамова З.А.** Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.
2. **Абрамова З.А.** Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее // КСИА, 1983, Вып. 173. – С. 43–50.
3. **Акимова Е.В.** Обработка бивня на многослойной палеолитической стоянке Лиственка // Археология, этнография и антропология Евразии – 2002. – №3. – С. 2–11.
4. **Акимова Е.В., Аннинский Е.С.** Новые данные по археологии позднепалеолитической стоянки Приморской (Красноярской водохранилище) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Минусинск, 2005. – С. 18–21.
5. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н.** К проблеме изучения “мелкопластинчатых индустрий” в палеолите Средней Сибири // Социогенез в Северной Азии – Иркутск, Иркутский МИОН – Часть 1. – 2005. – С. 15–20.
6. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Санько А.Ф., Кравченко Е.Н.** Финальнопалеолитические местонахождения залива Малтат (Дербинский археологический район) // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4 – Красноярск, 2005. – С. 3–22.
7. **Аникович М.В.** Днепр–Донская историко–культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. – М., Научный мир, 1998. – С. 35–66.
8. **Астахов С.Н.** Палеолит Тувы. – Новосибирск: Наука, 1986. – 174 с.
9. **Васильев С.А.** Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири – Новосибирск, 1988. – С.64–82.
10. **Васильев С.А.** Верхний палеолит Южной Сибири и Европы: сравнительная характеристика развития каменных индустрий // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур – С–Пб., 2002. – С.45–49.
11. **Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково – Новосибирск, 2003 – 167 с.
12. **Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западно–Сибирской равнины позднепалеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии – 2002. – №4 – С. 22–44.
13. **Лисицын Н.Ф.** Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. – СПб., 1997. – 120 с.
14. **Лисицын Н.Ф.** Поздний палеолит Чулымо–Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН. – Том II – СПб., 2000. – 230 с.
15. **Лисицын Н.Ф.** Средний этап позднего палеолита Сибири // РА, №4. 1996. – С. 5–17.
16. **Лисицын Н.Ф., Лисицын С.Н.** Ориньяк и микрограветт в палеолите Южной Сибири // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока – Часть 1 – Иркутск, Изд-во ИГУ, 1996. – С.42–44.
17. **Палеолит Енисея.** Лиственка / Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. – Красноярск–Новосибирск, «Универс» – «Наука», 2005. – 180 с.

М.В. Аникович

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТАНОВЛЕНИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Общая ситуация ранней поры верхнего палеолита (РВП) в Европе, включая ее восточную часть, определяется сосуществованием трех компонентов: а) собственно верхнепалеолитических индустрий; б) пережиточного мустье; в) индустрий, сочетающих хорошо выраженные верхне- и среднепалеолитические элементы. Эти последние часто именуется «переходными», но, в реальности, они уже давно «перешли» к верхнепалеолитической стадии развития, лишь сохранив при этом комплекс признаков, унаследованных от предшествующей эпохи. Поэтому корректнее, на мой взгляд, определять их как «симбиотические» или «архаичные».

Хронологические границы РВП могут «растягиваться» от 50–45000 до 22–20000 л.н. Однако если рассматривать процесс становления ВП по конкретным регионам, то картина окажется несравненно разнообразнее. Приведем ее краткую характеристику для ряда районов Восточной Европы.

На Юго-Западе Русской равнины (Днестровско-Прутское междуречье) имеется значительное количество среднепалеолитических памятников и, казалось бы, можно ожидать эволюции среднего палеолита в верхний. Однако здесь нет ни одной верхнепалеолитической стоянки, достоверно датирующейся временем ранее 32–30000 л.н. Это относится и к таким важнейшим памятникам, как Молодова 5 и Кормань 4. Возраст памятников молодовской культуры, по последним данным, определяется в пределах 30–28000 л.н. [Haesaerts, Borziak, Chirica et al., 2003]. При этом не прослеживается никакого «перехода» симбиотических индустрий в «развитые». Как выяснилось сравнительно недавно, даже такие архаичные по своему облику индустрии, как Брынзены I/III, имеют сравнительно молодой возраст. Даже если признать даты порядка 16–14000 л.н. явно омоложенными, основная серия их дает разброс от 19 до 26000 л.н., причем большинство дат явно тяготеет к верхней границе. Показательно, что для однокультурного Брынзенам I грота Чунту получены три даты в диапазоне от 18510±200 (ОxA–4125) до 22100±220 (ОxA–4774) [Синицын, Праслов (ред.), 1997, с. 59–60].

Памятников эпохи среднего палеолита на данной территории очень много, но нигде, включая многослойные стоянки, не зафиксирована эволюция среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические. Единственное исключение, возможно, представляет собой многослойная стоянка Стинка 1. Ее первооткрыватель и исследователь Н.К. Анисюткин в настоящее время относит нижний (среднепалеолитический) слой стоянки к «преселету», а вышележащий слой – к селетоидному технокомплексу (ТК). При этом отмечается присутствие ряда ориньякоидных элементов, включая пластинки «дюфур» [Анисюткин 2005]. Культуры РВП данного региона, включая молодовскую, обнаруживают несомненные культурно-генетические связи с РВП Центральной Европы – в различных вариациях селетоидного и ориньякоидного ТК.

На Волыно-Подоллии начало РВП, возможно, фиксируется более ранними индустриями (Куличивка, слой III). Однако это лишь предположение, пока не проверенное и не подтвержденное аналитикой. На сегодняшний день можно утверждать лишь одно: куличивские индустрии генетически, скорее всего, связаны с «богунисьеном» Центральной Европы. Что же касается более восточных ориньякоидных индустрий (Жорнов I/верхний слой, Радомысль), то и стратиграфически, и по ¹⁴C датам они имеют сравнительно молодой возраст. Соответствующий слой Жорнова I, вероятно, датируется финалом средневалдайского мегаинтерстадиала, а Радомысль относится уже к позднему валдаю.

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ: 04–06–80037 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

В бассейне Десны, где имеется серия среднепалеолитических памятников, самый ранний ВП (Хотылево 2) заметно оторван от них во времени и имеет возраст ~24000 л.н. В технико-типологическом отношении он не имеет с местным мустье ничего общего.

Крым является, пожалуй, наиболее специфическим районом становления ВП в Восточной Европе – «неандертальским рефугиумом». По последним данным, среднепалеолитические индустрии просуществовали здесь до 20–18000 л.н. [Степанчук и др., 2004: 41–44]. Время от времени, примерно, с 32–30000 л.н., на этой территории появлялись носители разнообразных верхнепалеолитических культурных традиций – с тем, чтобы исчезнуть, не оказав заметного влияния на местное население. Только в позднеледниковье местные среднепалеолитические традиции бесследно исчезают, уступая место высокоразвитым верхнепалеолитическим культурам. Какой-либо преемственности между теми и другими не прослеживается. В связи с этим можно упомянуть, что на противоположном конце Европы, на Иберийском полуострове, сложилась очень сходная ситуация. Новые веяния в области обработки камня и кости не проникали туда еще долгое время после того, как в соседней Франко-Кантабрии и к востоку от нее произошла смена среднего палеолита верхним.

В бассейне Причерноморья-Приазовья, а также в нижнем течении Днепра, Дона и Днестра, верхнепалеолитические памятники древнее 22000 л.н. единичны. В культурном отношении они связаны с соседними регионами: «стрелецкие» слои комплекса стоянок Бирючьей Балки – со Средним Доном, Зеленый Хутор 1, 2 – с Днестровско-Прутским междуречьем. К сожалению, пока нет данных о продолжительности существования в этом регионе среднепалеолитических индустрий.

На Среднем Дону (Костенковско-Боршевский район) ситуация принципиально иная. Там достоверно зафиксированы верхнепалеолитические индустрии, как «развитого», так и симбиотического типа (возраст порядка 45–40000 л.н.), но до сих пор не обнаружено следов среднепалеолитических индустрий. У культур «архаичного» облика отмечаются типологические связи с некоторыми разновидностями среднего палеолита южных регионов – у стрелецкой культуры – с «крымским микоком», у городцовой – с Ильской стоянкой [Аникович, 2003]. Парадоксально, что в данном регионе развитые верхнепалеолитические индустрии (Костенки 12/IV; 14/IVб, 17/II), по меньшей мере, не моложе (а иногда и достоверно древнее) таких глубоко «архаичных» памятников, как Костенки 12/III. Происхождение столь раннего высокоразвитого палеолита на Среднем Дону на сегодняшний день является загадкой.

Разнокультурные индустрии Северо-Востока Европы относятся только к селетоидному ТК. Серийные датировки, полученные П.Ю. Павловым для исследуемых здесь памятников, позволяют с уверенностью определять их хронологию. Древнейшая стоянка Мамонтова Курья имеет возраст порядка 38–34000 л.н. Заозерье в целом датируется в пределах 33–30000 л.н., но если ориентироваться в первую очередь на конвенциональные даты, то возраст стоянки твердо определяется 31000 л.н. Бызовая стоянка имеет радиоуглеродный возраст порядка 28000 л.н., Гарчи 1 (верхний слой) – порядка 29000 л.н. По технико-типологическим характеристикам Гарчи 1 бесспорно относится ко II этапу развития костенковско-стрелецкой АК. Заозерье и Бызовую автор раскопок справедливо определяет, как относящиеся к особой культурной традиции, отличной от стрелецкой – иными словами, к иной АК. Материалы Мамонтовой Курьи слишком незначительны для культурного определения, однако показательны наличие там фрагмента бифаса и бивня со следами обработки [Павлов, 2004].

Приведенные данные складываются в весьма сложную и далеко не полную картину. На сегодняшний день ситуация выглядит так, будто на территории Восточной Европы непосредственный переход от среднего к верхнему палеолиту ранее всего совершался не на южных территориях, изобилующих среднепалеолитическими памятниками, а в более северных регионах. При этом, как отмечалось, связи древнейших верхнепалеолитических культур архаичного типа прослежены именно со среднепалеолитическими индустриями южных регионов. Хорошо выраженные комплексы памятников начальной поры верхнего палеолита Восточной Европы не обнаруживают связей со средним палеолитом ближайших территорий. И, напротив, там, где прослежен ярко выраженный комплекс поздних среднепалеолитических индустрий, нет убедительных оснований говорить об их связях с местным верхним палеолитом в его наиболее ранних проявлениях. Наблюдается не плавное перерастание среднепалеолитических индустрий в «архаичные» и затем в развитые верхнепалеолитические, а их длительное сосуществование.

Таким образом, налицо весьма мозаичная картина, в которой имело место и вытеснение населения (причем далеко не всегда «отсталого» «прогрессивным»), и обживание опустевших территорий. Но все же наиболее заметную роль играли аккультурационные процессы, в ходе которых часть мустьецев вошла в контакт с носителями «развитых» верхнепалеолитических индустрий и, в конечном счете, создала свою оригинальную традицию – симбиотические культуры РВП. Взаимодействие такого рода происходило отнюдь не в местах долговременного, компактного проживания мустьецкого населения, активно отторгавшего пришельцев (Крым), а там, где мустьецы (вернее, их часть), по ряду причин, сами превращались в мигрантов.

На сегодняшний день есть археологические основания предполагать миграцию части среднепалеолитического населения Крыма-Северного Кавказа в более северный регион (Средний Дон, Северо-Восток Европы и др.). В этом же регионе в период ~45–40000 л.н. появились другие переселенцы, принесшие с собой вполне сложившиеся верхнепалеолитические традиции. По-видимому, начало процессу культурной адаптации было положено на Среднем Дону, где зафиксированы наиболее ранние памятники верхнего палеолита Восточной Европы. Высокоразвитые индустрии хронологически предшествуют здесь «архаичным», что особенно наглядно выявилось на Костенках 12, где развитый ВП (слой IV) подстилает собой древнейший памятник симбиотической стрелецкой культуры (слой III) [Аникович, Хоффекер, Попов и др., 2005]. Все это свидетельствует о том, что в Костенковско-Борщевском районе имело место культурное взаимодействие разных групп пришельцев, в равной степени не имевших местных корней и равно нуждавшихся в поддержке и мирных отношениях с соседями.

Список литературы

- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 15–29.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В.В., Дудин А.Е., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Кузьмина И.Е., Платонова Н.И., Форман С., Холлидэй В.Т., Картер Б.** Хроностратиграфия многослойной стоянки Костенки 12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий.– Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН, вып. 3. – С. – Пб.: ООО “Копи-Р”, 2005. – С. 66–86.
- Анисюткин Н.К.** Палеолитическая стоянка Стинка I и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. – Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН, вып. 2. – С. – Пб.: ООО “Копи-Р”, 2005. – 186 с.
- Павлов П.Ю.** Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Доклад на заседании Президиума Коми научного центра УрО Российской Академии наук // Научные доклады. – Коми научный центр УрО РАН. – Вып. 467. – Сыктывкар, 2004. – 36 с.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д.,** (ред.) Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. – СПб.: АкадемПринт, 1997. – 141 с.
- Степанчук В.М., Ковалюх М.М., ван дер Плихт Й.** Радіовуглецевий вік пізньоплейстоценових палеолітичних стоянок Криму // Кам’яна доба України. – 2004. – Вып. 5. – Київ: Шлях. – С. 34–61.
- Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L., van der Plicht J.** The East Carpatian Loess Record: a Reference for the Middle and Late Pleniglacial Stratigraphy in Central Europe // Quaternaire. – 2003. – Vol. 14, n.3. – Paris. – P. 163–188.

А.А. Анойкин, В.Н. Зенин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КОМПЛЕКС ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ РУБАС (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН)

Прибрежная зона Дагестана представляет собой узкую (шириной до 30 км) полосу третичных и раннечетвертичных прибрежно-морских отложений, протянувшуюся с юго-востока на север-запад и осложненную комплексом пересекающих ее речных террас. Разрезающие Прикаспийскую равнину реки (Улучай, Дарвагчай, Рубас, Самур и др.) имеют глубоко врезаемые русла и более высокий правобережный уступ, что связано с тектоническими подвижками на данной территории. В орографическом отношении Приморский Дагестан подразделяется на две достаточно обособленные части – прибрежную равнину и область предгорий. Естественная граница между ними проходит по третьей древнекаспийской террасе. История изучения палеолита этого района начинается с 1939 г., когда М.З. Паничкина при проведении разведочных работ обнаружила в районе совхоза Геджух несколько каменных отщепов и пластин, облик которых позволил отнести их к палеолитическому, возможно мустьерскому, времени. Однако, до войны все исследования прикаспийской зоны Кавказа носили скорее случайный, одноментный характер. Планомерное исследование начинается с 1953 г., когда в зоне Каспийского побережья начинают работать сразу два отряда занимающиеся изучением каменного века – С.Н. Замятина в Азербайджане и В.Г. Котовича в Дагестане, где исследуются два местонахождения с поверхностным залеганием артефактов в долине р. Дарвагчай (Чумус-Иниц и Геджух), а в горной части – многослойная стоянка Чох [Замятин, 1958; Котович, 1964]. Данные находки впервые позволили зафиксировать на территории Дагестана индустрии верхнего и среднего палеолита, а также предположить наличие более древних комплексов.

Первые палеолитические материалы в долине р. Рубас были обнаружены отрядом Х.А. Амирханова в 2003 году на правом берегу реки на окраине села Сыртыч. В небольшой коллекции (около 30 экз.) каменных изделий, собранных на осыпях и в гравийно-галечном карьере, присутствовали выразительные леваллуазские нуклеусы и отщепы, скребла, мустьерский остроконечник, выемчатые и шиповидные орудия. Исследования следующих лет позволили обнаружить в среднем течении р. Рубас комплекс из 5 местонахождений каменных артефактов эпохи палеолита [Деревянко и др., 2004; Деревянко и др., 2005].

Правый берег р. Рубас в этой районе представляет собой поднятую долину со слабо холмистым рельефом с сильно сглаженными вершинами при абсолютных отметках 230–280 м и превышением над урезом воды 20–30 м. Вершина и склоны холмов укрыты сплошным чехлом супесчано-гравийных отложений, прерываемых выходящими на поверхность отдельными блоками слабо сцементированных конгломератов. Конгломераты сложены слабо и средне окатанным грубообломочным материалом-кварцита, кремнь, известняк, песчаник. На отдельных участках отмечено присутствие в них раковин моллюсков.

Все местонахождения связаны с небольшими придорожными карьерами и естественными обнажениями, вскрывающими мощную галечно-конгломератную толщу, перекрытую покровными лессовидными суглинками и современной почвой. Археологический материал включен в галечники и конгломераты и обнаружен как непосредственно в них, так и в поверхностном залегании на осыпях.

Найденные на поверхности артефакты характеризуются разной степенью дефляции поверхности, в основном средней, реже слабой и сильной. Материалы извлеченные непосредственно из конгломератов не несут следов изменения состояния поверхности. Все обнаруженные на комплексе местонахождений Рубас предметы выполнены из кремня светло-серого, желтого и красно-коричневого и черного цвета. Интересно, что у некоторых артефактов прослеживается вторичное изменение цвета, когда под воздей-

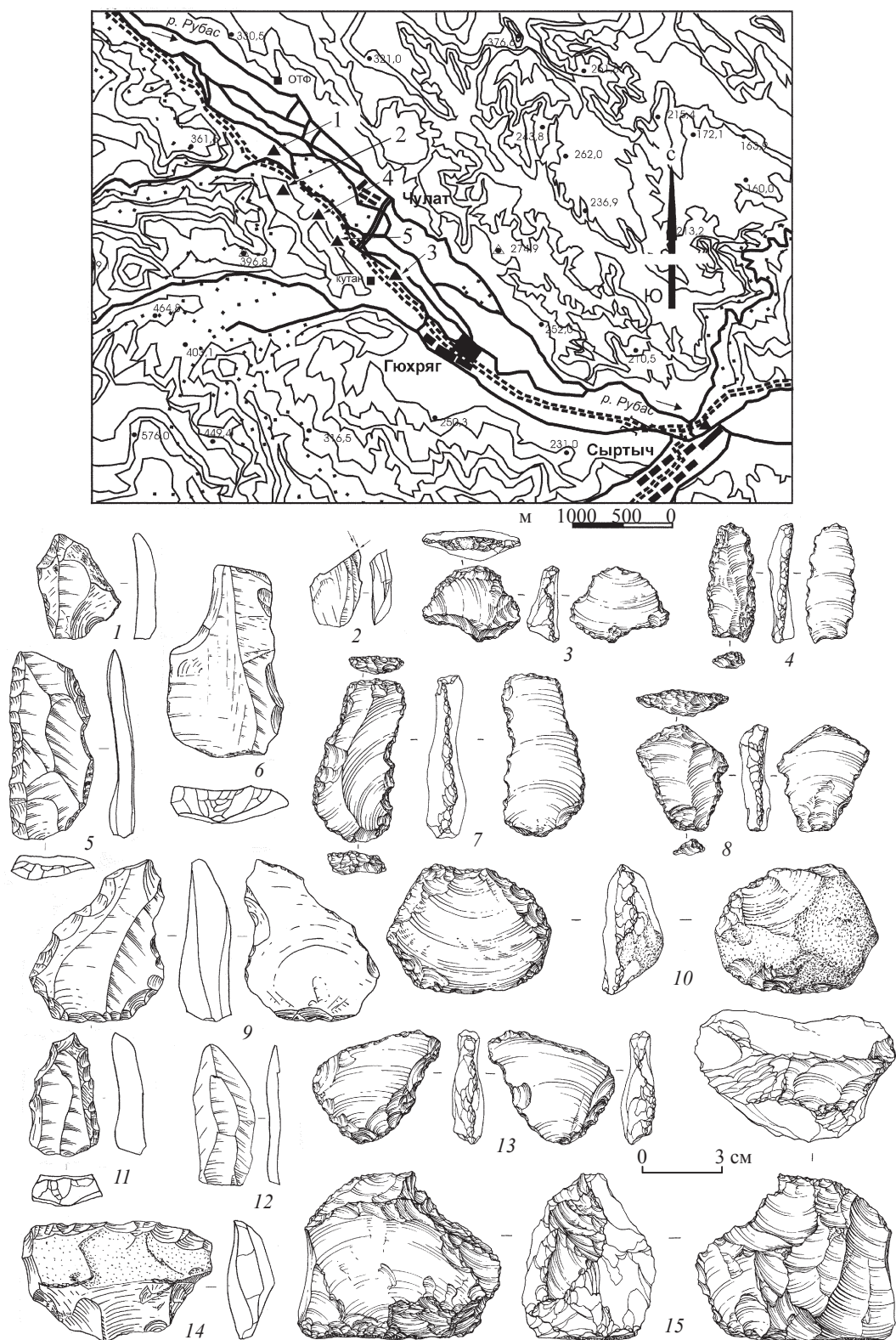

Рис. 1. Комплекс местонахождений Рубас. Карта-схема расположения пунктов и каменные артефакты.
 (Рубас-1 – 2, 3, 5, 10, 14; Рубас-2 – 6, 8, 11, 13; Рубас-3 – 1, 9, 12; Рубас-5 – 4, 7, 15.)
 1 – шиповидное орудие; 2 – резец; 3 – скребок; 4 – зубчатое орудие; 5, 13, 14 – скребла; 6 – 8 – комбинированные орудия;
 9, 11 – мустьерские остроконечники; 10, 15 – нуклеусы; 12 – остроконечная пластина.

ствием внешних факторов светло-серый кремнь приобретает широкую гамму красно-желтых цветов, причем в ряде случаев окраска изменяется не только на внешней поверхности, но и глубоко внутри артефакта.

Местонахождение Рубас-1. Обнаружено 43 артефакта, которые делятся на две группы – склоновую «подъемку» и комплекс залегающий в кровле мощной (до 3 м) галечной толщи. На поверхности найден 31 экз., из них: нуклеусы – 4, пластины – 10, тех. скол, отщепы – 14, обломки – 2. Огранка дорсала у сколов преимущественно гладкая, ортогональная и параллельная. Ударные площадки – гладкие, точечные и двухгранные. Нуклеусы – одноплощадочные монофронтальные параллельного принципа скалывания (рис. 1, 10). Орудия – 8 экз.: скребла (поперечное (Рис. 1, 14) и два двойных продольных (Рис. 14, 5)), концевой скребок, угловой резец (Рис. 1, 2), 4 шиповидных, выемчатое, 2 пластины с ретушированными выемками, транкированная пластина и 3 отщепы с ретушью.

На участке галечника вскрытого зачисткой обнаружено 12 артефактов, все без следов дефляционного изменения поверхности. Это пластина, краевой тех. скол, 6 отщепов, 3 обломка и плитка. Среди сколов преобладают естественные и с параллельной огранкой дорсала. Ударные площадки – гладкие, фасетированные, двухгранные и естественные. Орудия – 4 экз.: концевой скребок (рис. 1, 3), выемчатое, комбинированное (скребло+выемчатое) и рубящее орудие с бифасиальной обработкой.

Местонахождение Рубас-2. Обнаружено 33 артефакта, которые делятся на две группы – склоновую «подъемку» и комплекс, залегающий в галечнике (видимая мощность до 4 м). На поверхности найдено 29 экз., из них: гальки со сколами – 2, нуклеусы – 2, нуклевидный обломок, остроконечник, пластины – 7, отщепы – 15, обломок. Огранка дорсала у сколов преимущественно ортогональная и параллельная. Ударные площадки – гладкие, точечные и двухгранные. Нуклеусы параллельного принципа скалывания – ортогональный двухплощадочный монофронтальный и одноплощадочный монофронтальный. Орудия – 9 экз.: продольное и поперечное скребла, плоский резец, комбинированное орудие на леваллуазском сколе (скребло + выемчатое + резец) (Рис. 1, 6), мустьерский остроконечник (Рис. 1, 11), 3 зубчато-выемчатых и отщеп с ретушью.

Находки в галечной толще (4 экз.) залежали на трех уровнях. В прикровельной части зафиксировано два отщепа. В 2 м ниже обнаружено комбинированное орудие (скребло + выемчатое) (Рис. 1, 8). Третий уровень залегания находок представлен обушковым диагональным скреблом, на удлиненном сколе с точеной ударной площадкой (Рис. 1, 13).

Местонахождение Рубас 3. Обнаружено 10 артефактов, в том числе нуклевидный обломок, остроконечная пластина (Рис. 1, 12), отщепы – 7, обломок. Орудия – 4 экз.: мустьерский остроконечник (Рис. 1, 9), зубчато-выемчатое, нож и шиповидное (Рис. 1, 1).

Местонахождение Рубас-4. Обнаружено 8 артефактов, из них пластины – 3, отщепы – 3, обломки – 2. Сколы в основном имеют ортогональную и параллельную огранку дорсала. Ударные площадки – гладкие и точечные. Орудий – 5 экз.: простое продольное скребло, 2 выемчатых, комбинированное (скребок + долотовидное) и обломок с ретушью.

Местонахождение Рубас-5. Обнаружено 34 артефакта, которые делятся на две группы – склоновую «подъемку» и комплекс, извлеченный из конгломератов. На поверхности найдено 28 экз., из них: нуклеусы – 2, пластины – 2, отщепы – 22, обломки – 2. Огранка дорсала у сколов преимущественно параллельная, гладкая и ортогональная. Ударные площадки в основном гладкие, но есть естественные и двухгранные. Нуклеусы – одноплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания и бессистемный кубовидный. Орудия – 13 экз.: долотовидное, шиповидные – 3, выемчатые – 3, зубчатое (Рис. 1, 4), комбинированные – 3 (скребок + выемчатое – 2; скребло + скребок) (Рис. 1, 7), отщепы с ретушью – 2.

Из конгломератов извлечено 5 артефактов. Это нуклеус, три отщепа, и осколок. Огранка дорсала у сколов гладкая и ортогональная. Ударная площадка – гладкая. Нуклеус – одноплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания (Рис. 1, 15).

Общий облик обнаруженных артефактов, характер залегания находок и степень сохранности поверхности, а также интенсивный характер изменения цвета каменного сырья под воздействием внешних факторов, позволяет предварительно отнести их к довольно обширному временному интервалу в рамках верхнего-среднего палеолита. Тот факт, что часть артефактов были извлечена непосредственно из ракушечно-галечного конгломерата, позволяет произвести их более точное датирование, увязав с плейстоценовыми колебаниями уровня Каспийского моря.

Список литературы

1. **Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П.** Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 65–69.
2. **Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Кулик Н.А.** Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 59–62.
3. **Замятнин С.Н.** Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953г. // Тр. Ин-та истории АН Аз.ССР – Баку, 1958. – Т. XIII. – С 5–17
4. **Котович В.Г.** Каменный век Дагестана. Махачкала: Из-во Дагестанского филиала АН СССР, 1964. – С. 36–162.

С.Н. Астахов

*Институт Истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург***ПАЛЕОЛИТ ТУВЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Первые позднепалеолитические стоянки в Туве (ныне Республика Тыва) были открыты С.А. Теплоуховым более восьмидесяти лет назад, и, по его мнению, найденные в Туве материалы тождественны аналогичным находкам из Монголии. С. И. Вайнштейн в 1955 г. открыл стоянку Ийме, которую он сблизил с поздним палеолитом среднего Енисея. С 1957 г. в Туве работала археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР. А.Д. Грач собрал на поверхности склонов и террас реки Саглы коллекцию каменных изделий леваллуа-мустьерского облика. Однако это были единичные открытия. Систематическое изучение палеолита Тувы началось с 1965 года отрядом по изучению палеолита под руководством автора. Работы Саяно-Тувинской археологической экспедиции продолжались до 1995 г., затем была короткая разведка совместно с А.П. Деревянко и его сотрудниками, а также тувинским геологом и энтузиастом-археологом В.И. Кудрявцевым [Деревянко и др., 1999].

Работами палеолитического отряда в 1968–69 годах были обнаружены и изучены десятки мустьерских стоянок с поверхностным залеганием культурного слоя в долине р. Саглы (южная Тува), а затем в 1987 г. наконец была найдена стоянка Торгалык А с ашельскими бифасами. Всего за период 1965–1995 палеолитическим отрядом под руководством автора было открыто и изучено около сотни палеолитических памятников. В результате впервые для территории Тувы стали известны все три подразделения палеолита, хотя работы были ограничены территориями, либо попадающими под водохранилище Саяно-Шушенской ГЭС, либо под строительство дорожных и иных объектов. Ниже краткое описание трех подразделений палеолита Тувы.

Древний палеолит. Известен один обширный памятник и несколько проблематичных пунктов с единичными находками. По степени дефляции поверхности изделий (сырье на 93 %, состоит из песчаника ороговитованного) и геоморфологическим соображениям археологический комплекс можно датировать ранними стадиями Самаровского оледенения (R1). Изделия залегали на поверхности, много предметов очень сильно дефлированы и следы обработки почти не различимы. Среди лучше сохранившихся найденных предметов имеется 159 нуклеидных и преформ, 38 нуклеусов, 55 отщепов и 3 пластины. Орудий 55 экземпляров: 13 бифасов, 15 скребел, 2 крупных скребка на отщепах, 15 зубчато-выемчатых, 2 клювовидных, 2 массивных трехгранных острия, пикообразное, 2 ножа с ретушированным обушком, 3 отщепа с ретушью. Обобщенно комплекс характеризуется так: техника первичного расщепления достаточно развитая, преобладает скальвание с уплощенных нуклеусов, близких к леваллуазским, но есть и примитивное бессистемное расщепление. Вторичная обработка представлена оббивкой и крупной лицевой ретушью, в основном крутой и средней. Встречается подтепка, односторонняя и чаще двусторонняя. У части бифасов такая обработка производилась с площадок, созданных крутой противоположающей ретушью краев.

Поскольку было невозможно собрать все предметы, представленный список отражает своего рода выборку. Тем не менее доля орудий велика – около 18%. Типологически памятник можно отнести к стоянке-мастерской, или к серии стоянок (разновременных?), расположенных на одном участке площадью более 4 000 кв. м. Особо отметим, что в комплексе есть ручные рубила (бифасы). Они разных вариантов: подтреугольный на массивном отщепе, лиманды, есть несколько овальных бифасов, один представлен особой формой с S-образным профилем (twisted) итд. Общее почти у всех бифасов то, что они выглядят как бы незаконченными, индекс, характеризующий степень отделки, только у нескольких более 2,35. И все же они отличаются от ручных рубил, найденных на территории Китая, Кореи и Восточной Монголии (гобийских). Определяющее направление связей указывает, судя по имеющимся данным, на Западную Монголию и Алтай, вероятно не без влияния Ближнего Востока

[Астахов, 2000]. Можно предположить, что регион Тувы-крайняя точка распространения западных культур. Два мира Мовиуса, выделенные им по принципу рубило/чоппер, могут различаться по другим основаниям.

Средний палеолит Тувы-найден и изучено несколько десятков памятников мустьерского облика. Всего найдено 7 местонахождений в центральной Туве, 38 – в долине Саглы и 11 между оз. Убса-Нур и хр. Танну-Ола. Площадь распространения изделий на изученных стоянках составляет в среднем для саглынокой группы до 2 000 кв.м, для торгалыкской до 5 000 кв.м, для центральной группы до 7 000 кв.м, но почти половина стоянок занимают сравнительно небольшие участки. Коллекции невелики: до 35 экземпляров 62%, более 100 предметов лишь 7,2 %. По степени дефляции поверхности орудий коллекции, кроме единичных случаев, однородны. Все памятники можно разделить на две неравные по количеству группы. Преобладающая характеризуется леваллуазской техникой расщепления. К ней относятся саглыньские и бо́льшая часть торгалыкских местонахождений. В саглыньских коллекциях среди нуклеусов, которые составляют 4,4 % от общего количества артефактов, больше всего уплощенных одноплощадочных односторонних – 30 %, чаще для леваллуазоких пластин. Такие нуклеусы с выпуклой рабочей стороной примыкают к подпризматическим. Многогранники и дисковидные формы единичны. Почти половина ударных площадок пластин и отщепов гладкие, фасетированных только 9,5 %, то есть индустрия не фасетированная, не леваллуазская, но в составе леваллуазских сколов преобладают пластины. Инструментарий памятников не слишком разнообразен, хотя орудия составляют 27 % от всех находок, что характерно для стоянок. Орудия саглыньской группы включают: скребла 24,3%, скребки 7,7 %, резцы атипичные 1,3 %, выемчатые и зубчатые орудия 23,6 %, с выделенным ретушью режущим элементом на углу 5,8 %, пластины с ретушью 7,3 %, отщепы с ретушью 22,4 %, сколы с подтеской 5,4 %, чопперы 0,3%, бифасы 0,6 %. Торгалыкская группа стоянок демонстрирует тот же тип индустрии. От леваллуа-мустьерских комплексов резко отличаются памятники, характеризующиеся применением галек как для нуклеусов (преобладает клетонская техника расщепления), так и изготовления орудий, которые представлены чопперами, чоппингами, скреблами-чопперами, скреблами, грубыми скребками, отщепами с ретушью. Эта группа относится к галечной традиции, связанной с древнейшими культурами Азии. Определить временные границы среднепалеолитических памятников Тувы можно по аналогии с соседними алтайскими, монгольскими и среднеенисейскими материалами. Памятники Тувы принадлежат к обширному пласту индустрий, хронологические рамки которых достаточно широки, а именно от конца Казанцевского межледниковья (R/W), и до Каргинского (W2). Можно предполагать для среднего палеолита Тувы, учитывая эпизодические находки бифасов развитого облика, связь с древним палеолитом ашельской разновидности.

Поздний палеолит Тувы. Преемственности между средним и поздним палеолитом Тувы проследить не удалось, возможно из-за неполноты данных. Все стоянки этого времени в Туве подразделяются на территориальные группы: улуг-хемская (центрально – тувинская), хемчикская (северо-западная) и южная. Памятники Улуг-хемской группы расположены по обоим бортам долины Енисея, или Улуг-Хема. В комплексах улуг-хемской группы преобладают нуклеусы для отщепов, среди них есть уплощенные односторонние, обычные небольшие подпризматические нуклеусы для пластинок. Имеются микронуклеусы разных вариантов, вплоть до типичных клиновидных. Вторичная обработка представлена ретушью однорядной полукрутой и крутой, и подтеской. Орудийный набор: скребки, скребла разных вариантов, проколки на отщепах, выемчатые и зубчатые. Хемчикская группа: кроме десятка местонахождений с небольшими по количеству сборами имеется две представительные стоянки. Первая – Ийме, в ее коллекции обращает на себя внимание наличие остроконечников и овального бифаса. В коллекции стоянки Порог 1 в наборе орудий неожиданно много долотовидных, есть скребла на отщепах, резцы, скребки. Широко применялась подтеска, резцовый скол, но отсутствует микротехника. Стоянка Улуг-Бюк 2 также не имеет в инвентаре мелких микропластинок, хотя техника торцового снятия там представлена. Южная группа известна прежде всего по материалам стоянок долины р. Саглы и новых памятников у самого выхода реки Торгалык из хр. Танну-Ола (Шалаш 1-4, первое было найдено геологом А.В. Поповым). Есть очень крупные коллекции – Саглы 14 и 15, коллекции остальных близки по технике расщепления и набору орудий, но не столь велики по количеству. В этих и других комплексах имеются серии выемчатых орудий нескольких типов, в том числе с выделенным «носиком», мало скребел и хорошо выражена пластинчатая часть инвентаря, при наличии, но не избытии микропластинок. Этим они напоминают хемчикскую группу. Что касается возможности хронологического расчленения внутри групп, то типологически более древними выглядят Порог 1, Ийме и Саглы, но и они вряд ли опускаются ниже конца Гыданской стадии Саргана (22–16 т. л.). В более раннее время горы и котловины Тувы вероятно не были пригодны для обитания, исключая южные предгорья Танну-Ола. Поздний палеолит Тувы, входящий в круг культур того облика, который традиционно называют сибирским палеолитом, неоднороден. Некоторые аналогии в технике расщепления и орудиях с енисейскими стоянками позволяют относить поздний палеолит Тувы к периоду 16–10 тысяч лет назад. В определенной степени такое предположение подкрепляется корреляцией с соседними датированными

стоянками, прежде всего Нижним Иджиром 1 на р. Ус – по углю очага из жилища получена дата 17200 ± 70 л.н. (JE-1984). Особняком представлен почти неизученный тип памятников – мастерские по добыванию сырья на жильных выходах.

Несмотря на то, что в результате исследований палеолитического отряда СТЭ обнаружены десятки памятников разных эпох, разработана общая хронология, направление связей и т.д., палеолит Тувы изучен недостаточно, что прежде всего зависит от неравномерной изученности территории. Краткая разведка археологов Новосибирска во главе с А.П. Деревянко (с участием автора) подтвердила, что юг Тувы весьма перспективен для поиска как древнейших памятников, так и более поздних. Когда то автор пытался разведать регион Моренских пещер (юго-восток Тувы), но не имел успеха. Между тем породы горных хребтов тех мест весьма перспективны для поиска навесов и пещер. Недавно в Центральной Туве Вл. А. Семенов открыл пещеру с позднепалеолитическим верхним слоем (исследования еще не окончены), а породы там значительно хуже с точки зрения образования убежищ. Поэтому есть возможность создать хронологию, опирающуюся на современную аналитику, а не только на типологический метод и аналогии. С другой стороны, Тува граничит с Монголией, палеолит которой хорошо изучен, что поможет в дальнейших разработках каменного века Тувы.

Список литературы

Астахов С.Н. Палеолит Тувы.– Новосибирск: Наука, 1986.– 173 с.

Астахов С.Н. Открытие древнего палеолита в Туве // “Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и восточной Азии и Америки”, докл. Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО АН СССР, 1990, С.40–43.

Деревянко А.П., Астахов С.Н., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Катцуя О., Кудрявцев В.И. Исследования палеолитических памятников в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, т. V, Материалы VII годовой сессии ИАЭ СОРАН: Изд. ИАЭ СО РАН. – Новосибирск, 1999, С. 89–93,

Астахов С.Н. Первоначальные этапы заселения Тувы // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Материалы международной конференции, КГПУ, ИАЭ СО РАН, ИНКВА. – Красноярск, 2000, С. 20–21.

В.И. Беляева*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург***В.Г. Моисеев***Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, (Кунсткамера), Санкт-Петербург*

НАКОНЕЧНИКИ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА. ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Наконечник с выемкой костенковского типа с момента своего появления на археологической сцене и до настоящего времени является формой, которая определяется широким диапазоном характеристик, отражающих археологическую эпоху в ее конкретном культурном преломлении. Законченность формы наконечника, ее яркие особенности и повторяемость при отсутствии очевидной стандартизации заставляют исследователей обращаться к разным сторонам ее морфологии в зависимости от той научной концепции, которую они разделяют.

Наряду с классическими образцами, кремневые коллекции восточно граветтийских стоянок включали большое число форм, имеющих лишь отдельные черты типичного костенковского наконечника, который оказывался одним из вариантов его формы. Он работал только во внешнем пространстве анализа, отделяя с уверенностью памятники костенковской культуры, но даже в пределах костенковско-виллендорфского единства возникали сложности. Следовало разобраться в особенностях формирования орудия внутри одной культуры или даже одной стоянки. Возникло представление о нескольких уровнях типологической устойчивости, причем некоторым эти уровни казались более четкими, другим-вариативными, зависящими от ряда факторов. Эти представления дали толчок к описанию категории по разным типологическим уровням. Наиболее четко это направление выражено М.Д Гвоздовер при описании двух участков Авдеевской стоянки [Гвоздовер, 1998].

Обязательные признаки позволили автору включить все наконечники в единый массив и отказаться от понятия заведомо «атипичного наконечника». Признаки вторичной обработки определялись М.Д. Гвоздовер как факультативные или случайные. Описывая каждую группу наконечников, она высказывала глубокие и, вероятно, верные предположения о причинах проявления тех или иных факультативных, в большинстве своем качественных, признаков. Основным результатом многолетнего изучения наконечников восточно-граветтийских стоянок стало определение узкой специфической группы, которая получила название типа. Имело ли место разнообразие типов или же изменялся один и тот же тип орудия? В последнем случае классификационная единица включает широкое морфологическое пространство. В связи с этим представляется важным оценить степень изменчивости формы как на уровне одного памятника, так и в группе близких индустрий.

Можно выделить несколько факторов возникновения изменчивости любого типа изделий. Она может являться следствием, как случайных факторов, так и целенаправленных действий в процессе изготовления изделий, а также и результатом последующих доработок (подправок) в процессе их использования. При этом на практике наиболее вероятен комплексный характер наблюдаемой изменчивости, когда все три фактора оказывали влияние на формирование финальной морфологии изделия. Выявление конкретной роли каждого из вышеперечисленных факторов является почти неразрешимой задачей при использовании только традиционных описательных методов типологического анализа, в силу отсутствия в ее арсенале критериев для оценки границ случайного и закономерного. Предлагаемый нами подход основывается на статистическом анализе нескольких измерительных параметров, характеризующих основные морфологические особенности костенковских наконечников, а также на особенностях их вторичной обработки. Анализ измерительных и качественных характеристик с использованием одномерной и многомерной статистики позволит дать оценку наблюдаемой морфологии наконечника не только в плане статики его окончательной формы, но и в плане динамики процесса, который мог привести к этой форме.

Целью настоящей работы явилась оценка изменчивости костенковских наконечников и реконструкция возможных причин этой изменчивости. Выборка состоит из 138 целых наконечников с выемкой из двух комплексов Костенок 1 (верхний слой). Старый комплекс представлен коллекцией П.П. Ефименко (70 экз.), новый коллекцией из раскопок 1970–1980 гг. (68 экз.) нового комплекса.

Программа описания костенковских наконечников была в окончательном виде разработана В.И. Беляевой [Беляева, 1979; Рогачев и др., 1984] Программа включает следующие признаки: 1) длина наконечника (длина), 2) ширина наконечника (ширина), 3) длина пера (длина пера), 4) величина дугообразности края, противолежащего выемке; вычисляется как отношение высоты наконечника к длине между двумя крайними точками пера и основания наконечника (дуга), 5) величина угла пера (угол), 6) величина дугообразной изогнутости пера на стороне, противолежащей выемке (овал); измеряется отношением длины пера, контур которого отклоняется более чем на 10° , относительно касательной к длине всего пера.

В качестве признаков вторичной обработки было выбрано два варианта ретуши. 1. Ретушь типа «А» включает краевую дорсальную подработку пера, не заходящую на поверхность и меняющую только контур края. В том случае, когда краевая ретушь была неотчетливой (состояла из немногих плохо организованных фасеток), она определялась как «Х». 2. Плоская ретушь типа «Б» наносилась как на вентральную часть пера и черешка. Нами анализировался только характер обработки пера наконечника. Плоские овальные фасетки покрывают поверхность пера у острия и спускаются ниже по его краям. Такая ретушь особенно показательна для редуцированных наконечников с укороченным пером. В тех случаях, когда на вентральной части пера нанесены одна-две небольшие фасетки, обработка оценивалась как «Х». Если ретушь в том или другом случае отсутствовала, она определялась как «0». Вторичные признаки в виде резцовых сколов и брюшкового усечения при анализе нами не учитывались. Частота надежно определимых вариантов обработки двух сторон острия наконечника (варианты А0, 00 и АВ) достаточно велика – 102 экземпляра, или 74 % всей выборки.

Мы разделили нашу выборку на четыре фракции на основании обработки пера, при этом в качестве ведущего показателя рассматривали ретушь Б, т.к. она обычно рассматривается в качестве формообразующего признака. Варианты 0Б и АБ мы объединяем и рассматриваем их как единую фракцию наконечников типа Б. В нее же мы включаем и вариант ХБ, как сложно определимый вариант 0Б или АБ. Во фракцию наконечников А включается только вариант А0, так как АХ может быть скрытым вариантом АБ. Еще одну группу составляют изделия без обработки пера.

Попытаемся выяснить достаточные статистические основания и особенности формообразования, связанные той или иной формой ретуши.

В начале выясним, существенность различия между наконечниками фракций А и Б по их метрическим показателям. Согласно t-критерию фракции достоверно отличаются по четырем признакам из шести. По двум показателям, а именно по длине наконечника и длине пера, различия не достигают уровня достоверности. В целом наконечники фракции Б крупнее, и это имеет большое значение для решения вопроса о соотношении этих фракций.

Корреляционным методом определена достоверная связь шести исходных измерительных признаков в обеих группах. Сильные связи отражают особенности технологии изготовления заготовок. Основные размеры наконечника, несмотря на вероятное изменение формы, определялись размерами исходной заготовки, длина и ширина которой являются технологически взаимосвязанными показателями ($A - r=0.84$, $B - r=0.81$). Положительный знак r т.е. свидетельствует о большой роли параметров пластинчатости заготовки в определении конечной формы. Отрицательный коэффициент между длиной пера и его внутренним углом технологически значим, поскольку служит указанием на подработку наконечника в процессе его использования. Самое большое различие коэффициентов корреляций между углом пера и дугой. Если во фракции А такая связь отсутствует, то во фракции Б отмечается умеренная по величине положительная связь этих показателей. Увеличение выпуклости края наконечника связано с уменьшением его длины при стабильной высоте дуги. При близких первоначальных параметрах увеличение угла пера должно было уменьшить его длину и длину наконечника, не изменяя высоты дуги края и увеличивая ее относительное значение. Отсутствие корреляции между длиной наконечника и углом его пера предполагает первоначально разную длину наконечников, у которых впоследствии изменится угол. Вероятно отсутствие жесткого стандарта в исходной величине наконечника и заготовки. Для наконечников с ретушью А такой закономерности нет, то есть изменение угла пера не влияло на изменение длины орудия. Можно сказать, что хотя две рассматриваемые группы наконечников имеют достоверные различия по большинству метрических показателей, их внутригрупповые связи сходны, а, следовательно, технология их производства и дальнейшего использования была также сходна. Ведущую роль в формообразовании имели параметры исходной заготовки.

Метрические данные исследовались и методами многомерной статистики. Так как число значимых компонент меньше числа исходных признаков то, можно ограничиться анализом малого количества главных ком-

понент, оценив, однако, большую часть общей изменчивости. Исходное многомерное пространство, имеющее шесть измерений, сводится к пространству меньшей размерности. Существенно, что главные компоненты не скоррелированы, т.е. независимы друг от друга. Их независимость отражает не только статистические, но и какие-то иные важные для исследователя закономерности. Первая ГК описывает более 44 % общей изменчивости. Наибольшая нагрузка в ней падает на признаки, описывающие основные размеры наконечника, а именно его длину и ширину, а также на дугу. Несколько меньшая, приходится на длину пера. Все признаки связаны положительной связью. Можно с уверенностью предположить, что первые два признака определяются в основном исходными параметрами заготовки. С ними тесно связана и степень выпуклости края (дуга). Такая связь не случайна и имеет значение для понимания процесса формирования изделия. Вторая ГК уступает первой по величине изменчивости. Здесь она составляет 27 % общей дисперсии. Наибольшую значимость имеют два признака, связанные с морфологией пера, а именно, длина пера и его угол, связанные отрицательной связью. Оба эти показателя наиболее чувствительны к процессу подработки орудия. Можно сказать, что, согласно общим технологическим представлениям, две первых ГК отражают различные этапы «жизни» наконечников. Первая ГК отражает процесс изготовления наконечника, вторая – процесс его использования. Напомним, что все ГК являются статистически независимыми направлениями изменчивости. Эта техническая особенность метода в данном случае полностью соответствует сущностной стороне вышеуказанных процессов а именно, дуга наконечника формировалась уже в процессе его изготовления и являлась эталонным изначальным признаком. Дальнейшие изменения формы орудия не приводили к статистически значимым изменениям значений признака. Вероятно, эта величина (дуга) была константной для данной формы, к ней стремились и ее постоянно поддерживали в процессе использования наконечника.

Список литературы

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт – М.: Научный мир, 1998 – С.234–277.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННИХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ*

В последние годы на Алтае исследованы многослойные комплексы, которые представляют наиболее подробную и содержательную картину начала верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии. Благодаря широкому временному охвату и большому объему фактического материала культурно-хронологическая последовательность алтайского палеолита может рассматриваться в качестве базовой модели перехода к верхнему палеолиту в восточных районах первобытной ойкумены. Наиболее наглядно этот процесс отражают материалы многослойных комплексов Денисовой пещеры, стоянок Усть-Каракол и Ануй-3, расположенных на северо-западе территории, в долине р. Ануй [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003], а также стоянки Кара-Бом в центральной части Алтая [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000].

В археологической колонке Денисовой пещеры начало верхнего палеолита фиксируют материалы из пяти литологических горизонтов слоя 11. Для этих отложений получено три радиоуглеродных даты: 48 650 +2 380/–1 840 л.н. (K1A 25285 SP 553/D19) и >37 235 л.н. (СОАН–2504) для средней части слоя и 29 200 ± 360 л.н. (AA–35321) для его кровли. В индустрии из этого слоя первичная обработка камня велась с использованием преимущественно параллельной техники, реже – радиального и леваллуазского расщепления. Технические индексы определяют индустрию как нефасетированную и непластинчатую, вместе с тем здесь отмечена небольшая серия микропластин. Характерной чертой индустрии является пропорциональное участие в составе орудий средне- и верхнепалеолитических форм. В среднепалеолитической группе преобладают скребла, в основном продольные однолезвийные. Эту группу дополняет небольшая серия леваллуазских остроконечников. Заметную долю составляют зубчатые, выемчатые и клювовидные изделия. Однако наиболее крупной является группа верхнепалеолитических орудий. Скребки, резцы, проколки, ретушированные пластины и микропластины с притупленным краем составляют самый выразительный компонент индустрии. Среди инвентаря присутствуют, также, листовидные бифасы.

Важную часть коллекции из этого слоя составляют орудия из кости и украшения – костяные иглы с ушком, подвески из зубов животных, пронизки с симметричными рядами глубоких широких нарезок, раковины моллюсков с искусственным отверстием, а также подвески из мягкого поделочного камня.

В стратиграфическом разрезе предвходовой площадки Денисовой пещеры характер индустриального развития на ранней стадии верхнего палеолита отражают материалы литологического слоя 7. Все нуклеусы из этого слоя выполнены в технике параллельного расщепления. В составе инвентаря наиболее показательна группа верхнепалеолитических орудий, в которой преобладают скребки, резцы и ретушированные пластины. Эти орудия хорошо согласуются с развитой техникой пластинчатого скола, включающей элементы микропластинчатого расщепления. Среднепалеолитический компонент представлен разнообразным набором скребел, а леваллуазская группа – небольшой серией остроконечников и пластин. Заметное место среди орудий занимают зубчато-выемчатые изделия. Дополняют коллекцию раннего верхнепалеолитического инвентаря фрагмент костяной иглы с ушком, подвески из зубов животных, бусины-колечки из бивня мамонта, скорлупы яиц страуса и трубчатой кости.

На стоянке Усть-Каракол индустрии ранней поры верхнего палеолита зафиксированы в литологических слоях 11–8, возраст которых определен в диапазоне 50–29 тыс. лет. Обработка камня в этих индустриях велась в основном в системе параллельного расщепления. Среди нуклеусов есть призматические формы со следа-

* Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 04–01–00537 и РНП № 2.2.1.1.2183.

ми циркумфронтального скалывания. Особую группу составляют конусовидные и клиновидные нуклеусы для снятия микропластин. В составе инвентаря преобладают верхнепалеолитические формы – различные типы скребков, резцов, проколов, ретушированные пластины и тронкированные сколы. К самым выразительным изделиям относятся концевые скребки на пластинах и скребки высокой формы типа карене, угловые и срединные резцы, призматические пластины с регулярной ретушью и микропластины с притупленным краем. Типологически значимым компонентом являются зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия. Среди других категорий инвентаря серийно представлены продольные скребла, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, проколки и шиповидные изделия. Необходимо отметить листовидные бифасы и фрагмент серпентина с просверленным отверстием.

В строении археологического разреза многослойной стоянки Ануй-3 формирование культурных горизонтов ранней поры верхнего палеолита (слои 12 и 11) началось 54 тыс. л.н. Состав артефактов из толщи этих слоев свидетельствует о высоком развитии техники параллельного расщепления с использованием нуклеусов призматической формы. В коллекции сколов заметная доля принадлежит удлиненным заготовкам, в т.ч. микропластинам. Типологический облик этих индустрий определяют верхнепалеолитические формы, при этом среднепалеолитическая и зубчато-выемчатая группы представлены единичными орудиями. Среди инвентаря наиболее выразительны концевые скребки, скребки высокой формы типа карене, асимметричные острия на ретушированных пластинах и микропластины с притупленным краем.

На стоянке Кара-Бом к ранней поре верхнего палеолита относится толщина из шести уровней обитания, возраст которых составляет 43–30 тыс. лет. Технические особенности индустрий из этой толщи носят пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельное ограничение и предназначена для получения удлиненных сколов. Отмечены технические приемы, направленные на скалывание микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В составе инвентаря заметное место занимают зубчато-выемчатые формы. Среди орудий преобладают изделия верхнепалеолитической группы – концевые и боковые скребки, срединные и угловые резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники, в т.ч. с вентрально утонченным основанием, пластины со следами регулярной ретуши. С отложениями самых ранних верхнепалеолитических уровней стоянки связаны подвески из лучевой кости, зубов животных и плоской удлиненной гальки со следами охры [Деревянко, Рыбин, 2003].

Среди других многослойных комплексов Алтая начальная пора верхнего палеолита представлена в материалах пещеры Страшная и стоянки Ушлеп-6.

В пещере Страшная артефакты ранней стадии верхнего палеолита связаны с отложениями слоя 4 и двух нижних культурных горизонтов слоя 3 с открытой радиоуглеродной датой $>27\ 360 \pm 430$ л.н. [Derevianko, Zenin, 1997]. В составе инвентаря из этих горизонтов по сравнению с индустриями из нижележащих среднепалеолитических слоев заметно увеличивается доля пластин, уменьшается количество леваллуазских изделий, появляются продукты микропластинчатого скалывания и образцы обработанной кости – игла с ушком, подвеска из зуба марала и фрагменты костей с просверленным отверстием.

На стоянке Ушлеп-6 вскрыто восемь культурно-стратиграфических подразделений, которые, как считают исследователи памятника [Кунгуров, Маркин, Семибратов, 2003], охватывают заключительный период среднего и все основные этапы верхнего палеолита. В рамках начальной поры верхнего палеолита они рассматривают коллекцию из культурного слоя 5 [Кунгуров, 1998]. С нашей точки зрения, этому времени, скорее всего, соответствуют материалы слоя 8, датированные по кости >42 тыс. л.н. (СО РАН–5045). Среди находок из этого слоя выделяются острия из бивня мамонта и трубчатых костей млекопитающих, скребла высокой формы, скребки типа карене, концевые скребки на пластинах и бифасиальное изделие овальных очертаний.

Помимо материалов многослойных комплексов к ранней поре верхнего палеолита относятся индустрии еще нескольких алтайских стоянок, функционально принадлежащих к типу временных охотничьих лагерей. Первую позицию среди них занимают материалы из слоя 3 стоянки Кара-Тенеш, возраст которого от $42\ 165 \pm 4\ 170$ лет (СОАН–2485) до $26\ 875 \pm 625$ лет (СОАН–2134) [Деревянко, Петрин, Николаев и др., 1998]. Характерной особенностью этой индустрии является широкое использование для изготовления орудий крупных пластин. В типологическом списке инвентаря преобладают ретушированные пластины и разнообразные скребки, немалую долю составляют скребла и бифасы. Особый колорит индустрии придает выразительная серия удлиненных остроконечников с утонченным основанием.

Аналогичные острия обнаружены также в отложениях Малояломанской пещеры ниже стратиграфического уровня с датой $33\ 350 \pm 1\ 145$ л.н. (СОАН–2500) [Археология..., 1998]. Коллекция артефактов из нижней части пещерных отложений помимо остроконечников с подтесанным основанием включает зубчато-выемча-

тые орудия, единичные скребла и леваллуазские острия, окрашенную охрой расколотую гальку и подвеску из клыка марала с насечками.

Своеобразна индустрия стоянки Тюмечин-4 [Шуныков, Николаев, Кривошапкин и др., 1998]. В стратиграфической колонке этого памятника артефакты зафиксированы в позднекаргинских суглинках под криогенными структурами сартанского времени. В каменной индустрии преобладала техника параллельного расщепления. В составе инвентаря среди единичных остроконечников леваллуа, скребел, шиповидных и выемчатых изделий выделяются серии концевых скребков, скребков высокой формы, листовидных бифасов, а также многофасеточные резцы.

Кроме того, по оценкам некоторых специалистов, к начальной поре верхнего палеолита, возможно, относятся изделия из слоев 6 и 7 стоянки Ануй-1 [Деревянко, Зенин, 1990], материалы из слоев 4 и 5 нового разреза в Усть-Канской пещере [Деревянко, Агаджанян, Кулик и др., 2001] и часть хронологически разнородной коллекции из пещер бийкинской группы [Нохрина и др., 2000]. Однако геохронологическая позиция вскрытых на этих памятниках плейстоценовых отложений определена пока не достаточно отчетливо, а культурно-хронологическая интерпретация палеолитических артефактов опирается главным образом на их морфологические признаки.

Таким образом, начало верхнепалеолитической эпохи на Алтае представлено материалами разнотипных и неравнозначных по объему информации стоянок, среди которых выделяются археологические колонки многослойных комплексов. Материалы этих комплексов свидетельствуют о том, что в период от 50 до 40 тыс. л.н. на Алтае в ходе последовательной трансформации среднепалеолитических культурных традиций формировались индустрии ранней поры верхнего палеолита [Деревянко, Шуныков, 2004]. Для индустриальных комплексов этой эпохи, несмотря на ряд общих технологических признаков, характерны индивидуальные черты, которые позволяют выделить две самостоятельные линии развития – усть-каракольскую и кара-бомовскую.

Усть-каракольский вариант объединяет индустрии Усть-Каракола, Денисовой пещеры, Ануя-3, Тюмечина-4 и, видимо, Ушлапа-6 и пещеры Страшная. В этих индустриях для получения заготовок использовались нуклеусы призматических, конусовидных и торцовых форм, в т.ч. предназначенные для снятия микропластин. В составе каменного инвентаря самые яркие группы образуют т.н. ориньякские формы (концевые скребки на пластинах, скребки высокой формы, крупные пластины с ретушированными краями, микропластины с притупленным краем) и листовидные бифасы. Другой важной особенностью этих индустрий является представительный набор костяных орудий и украшений из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня.

Кара-бомовский вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриями Кара-Бомы, Кара-Тенеша и, возможно, Малояломанской пещеры. Эти индустрии имеют хорошо выраженный пластинчатый облик. Технологический процесс был направлен на серийное получение крупных удлиненных сколов. Вместе с тем в этих индустриях отмечены признаки микропластинчатого расщепления. В составе орудий наиболее показательны изделия на пластинах – концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком и остроконечники с уплощенным основанием.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Кулик Н.А., Мартынович Н.Д., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк Н. В., Чевалков Л.М. Основные результаты изучения многослойного памятника Усть-Канская пещера в 1998 – 2001 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 109–114.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С. В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Кривошапкин А.И., Чевалков Л.М. Стоянка Кара-Тенеш – памятник начальной поры позднего палеолита // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 205–238.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–52.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуныков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Кунгуров А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 119–124.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – Ч. 1. – С. 159–162.

Нохрина Т.И., Дергачева М.И., Петрин В.Т., Николаев С.В. Бийкинский пещерный комплекс на средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 77–79.

Шуньков М.В., Николаев С.В., Кривошапкин А.И., Феденева И.Н., Петрин В.Т., Дергачева М.И. Геология, палеогеография и археология палеолитического местонахождения Тюмечин-4 // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 259–282.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic transition through the example of the Altai cave and open air site // *Suyanggae and Her Neighbours*. – Chungju, 1997. – P. 241–254.

А.П. Деревянко, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, Т.И. Нохрина

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск*

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА И ПАЛЕОПЕДОГЕНЕЗ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГОБИЙСКОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЛОЖЕНИЙ ПАМЯТНИКА ЧИХЭН)*

Континентальные районы Центральной Азии, несмотря на суровые природно-климатические условия как в прошлом, так и в настоящем, активно посещались и заселялись древним человеком. Однако изучение большинства археологических памятников на этих территориях не позволяет делать выводы о динамическом взаимодействии древнего человека и природной среды, о влиянии изменения ландшафтно-климатической обстановки на процессы развития человеческих сообществ, поскольку артефакты в них залегают непосредственно на поверхности. С этой точки зрения изучение немногочисленных стратифицированных археологических объектов приобретает особую важность. Одним из них является многослойная пещерная стоянка Чихэн, в отложениях которой фиксируются культурные остатки, относящиеся к началу верхнего палеолита-концу мезолита [Археологические..., 1998; 2000; Деревянко и др., 2001].

Изучаемая территория приурочена к южной части Монголии и располагается на южном склоне Гобийского Алтая. Для современного климата региона характерна резкая континентальность, относительно низкая теплообеспеченность (среднегодовая температура воздуха +3...+4 °С, сумма биологически активных температур 2600–2800 °С, средняя температура воздуха в январе -16...-20 °С, в июле +21...+23 °С, почва промерзает на глубину 1,8 м и более), незначительная увлажненность (среднегодовое количество осадков около 100 мм, причем дожди как правило имеют ливневый характер, выпадая в летний период один раз в 4–6 лет; среднемесячный коэффициент увлажнения не превышает 0,2–0,3) [Гаврилова, 1974; Почвенный покров..., 1984; Гарьдхуу, 1992]. Современные ландшафты представлены сухими и опустыненными степями и пустынями с мелким, разреженным, травостоем [Юннатов, 1974]. Основным фоном современного почвенного покрова исследуемой территории являются типичные для сухих степей и пустынь Центральной Азии бурые пустынно-степные почвы резко континентальной фации, для которых характерно невысокое содержание гумусовых веществ и фульватный состав гумуса [Глазовская, 1983; Почвенный покров..., 1978; 1984; Глазовская, Геннадиев, 1995]. Фоновые почвы района расположения исследуемого разреза-темно-каштановые и каштановые почвы.

В настоящей работе представлены результаты изучения педогенных признаков отложений памятника Чихэн, полученные для ряда зачисток разных лет, а также для шурфа, расположенного вне пещеры и скоррелированного по комплексу параметров с разрезами внутри пещеры. Часть материалов была опубликована [Дергачева, Феденева, 1998, 2000]. Получение дополнительных данных, в том числе по составу и свойствам гуминовых кислот, выделенных из осадков, позволило дополнить массив фактических данных, а также уточнить проведенную ранее диагностику типа древнего почвообразования и реконструкцию биоклиматических условий времени формирования отложений.

В изученных отложениях морфологически выделено три стратиграфических слоя-1, 2 (2а), 3-серой (темно-серой-для слоя 1) окраски с каштановым (коричневым) оттенком, усиливающимся сверху вниз. Заметны карбонатные включения (белые пятна и псевдомицелий), количество которых максимально в подошве слоя 3. Мелкозем характеризуется супесчаным гранулометрическим составом, среди его фракций преобладает мелкий песок, доля которого в некоторых образцах достигает 66% от суммы всех частиц. Содержание илистой фракции постепенно увеличивается от слоя 1 к верхней части слоя 3, изменяясь от 4 до 12%, достигает в средней части слоя 3 относительного максимума (13–14%), а в подошве слоя 3 происходит резкое уменьшение количества илстых частиц (до 2%). Карбонаты кальция распределены в толще неравномерно-в верхней и нижней

* Работа выполнялась при финансовой поддержке РФФИ (проекты 04-06- 80439 и 04-04-49852).

частях изученных осадков (слой 1, верхняя часть слоя 2а и подошва слоя 3) фиксируется существенное их накопления. Реакция среды слабощелочная, величина рН колеблется в интервале 7,5–7,8. Сумма поглощенных катионов уменьшается с глубиной, в почвенно-поглощающем комплексе преобладает ион кальция, количество иона магния меньше в 5–10 раз [Дергачева, Феденева, 1998, 2000].

Изучение содержания и состава гумуса отложений памятника позволяет определить направленность почвообразовательного процесса, который находит отражение в протекании органо-минеральных взаимодействий и формировании системы гумусовых веществ. Общее содержание гумусовых веществ максимально в слое 1, в нижележащих слоях наблюдается сначала постепенное уменьшение их количества в пределах слоя 2а и затем постепенное относительное увеличение в слое 3. Гуминовые кислоты (ГК) составляют существенную часть гумусовых веществ отложений, в подошве толщи даже преобладая над фульвокислотами (ФК)-отношение углерода ГК к углероду ФК здесь достигает 1,3–1,4. В составе ГК выделены как гуматы кальция, так и формы, связанные с глинистыми минералами [Дергачева, Феденева, 1998, 2000].

Большая часть изученной толщи-верхняя часть слоя 3, слой 2 (и 2а) – была педогенно преобразована под влиянием тех же природных условий и при участии тех же почвообразовательных процессов, что и современные каштановые почвы региона. Гумусовые вещества, выделенные из осадков этих слоев, относятся к гумано-фульватному типу и характеризуются относительно высокой долей гуминовых кислот в их составе, достигающей в некоторых случаях 24–27% от Сорг. В составе этого компонента гумуса не менее 30% приходится на гуминовые кислоты, связанные с глинистыми минералами. Величина отношения углерода ГК к углероду ФК изменяется в интервале от 0,5 до 0,9. Суммарное содержание фульвокислот 24–41%, а количество их подвижных форм (фракции 1а) 8–12% от Сорг. Доля негидролизующих форм гумуса колеблется в широких пределах от 35 до 58% органического углерода. Соотношение основных элементов в составе гуминовых кислот свидетельствует об относительно высокой их обуглероженности: величина Н:С не превышает 0,7. Коэффициенты оптической плотности растворов ГК (Е) соответствуют таковым современных почв сухих степей.

Отложения нижней части слоя 3 характеризуются наиболее гуматным для изученного памятника типом гумуса, сопоставимого по комплексу показателей с современными черноземами южными. В этой части толщи гуминовые кислоты, в составе которых присутствуют как гуматы кальция, так и формы, связанные с глинистыми минералами, преобладают над фульвокислотами, а величина отношения углерода ГК к углероду ФК больше 1,0 (1,04–1,40). Сумма первых колеблется от 29 до 36%, вторых – от 24 до 30% от Сорг. Количество подвижных фульвокислот, как и доля негидролизующих форм гумуса меньше, чем в вышележащих слоях (соответственно, около 9% и 36–44% от Сорг). Гуминовые кислоты характеризуются большей обуглероженностью (Н:С – 0,73–0,75) и более высокой насыщенностью гуминовых кислот азотом, а также повышенными по сравнению с предыдущими величинами коэффициентов оптической плотности.

Таким образом, формирование изученных отложений пещеры Чихэн происходило в условиях, отличавшихся от современных несколько большей атмосферной увлажненностью и большей теплообеспеченностью, в ландшафтах сухих степей. При этом условия были неоднозначны, происходило постепенное иссушение климата и уменьшение температурных показателей. Так, нижняя часть слоя 3 сформировалась при относительно более влажном и теплом климате, когда почвообразование шло по черноземному пути, формировались черноземы южные резко континентальной фации. Далее увлажнение территории незначительно уменьшилось, теплообеспеченность снизилась, и преобладающими почвами стали каштановые (темно-каштановые и каштановые). В целом биоклиматическая обстановка времени формирования осадков памятника Чихэн была более благоприятна по сравнению с суровыми современными условиями, что, возможно, объясняет активный интерес древнего человека к территории расположения пещеры.

Список литературы

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. / Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мельников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я.– Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.– 344 с.

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Мельников В.П., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я.– Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000.– 384 с.

Гаврилова М.К. Климатические факторы формирования и развития многолетнемерзлых горных пород // Геокриологические условия Монгольской Народной Республики.– М.: Наука, 1974.– С. 12–30.

Гарьдхуу Ж. Почвенные ресурсы Монгольской Народной Республики: Дисс. ... д-ра биол. наук.– Улан-Батор, 1992.– 286 с.

Глазовская М.А. Почвы зарубежных стран. – М.: Высшая школа, 1983. – 312 с.

Глазовская М.А., Геннадиев А.Н. География почв с основами почвоведения. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 400 с.

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Вещественный состав отложений пещер // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 году / Дервянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Приложение 3. – С. 316–325.

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Верхнечетвертичные отложения памятника Чихэн и условия их формирования. // Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997 и 1998 годах / Дервянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Мыльников В.П., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Приложение 2. – С. 371–378.

Дервянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.

Почвенный покров основных природных зон Монголии. – М.: Наука, 1978. – 276 с.

Почвенный покров и почвы Монголии. – М.: Наука, 1984. – 191 с.

Юнатов А.А. Пустынные степи северной Гоби в Монгольской Народной Республике. – Л.: Наука, 1974. – 130 с.

С.Н. Иващенко, И.В. Толпеко

Омский государственный университет, Омск

ПЕРЕХОД ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ: ПЛАСТИНЧАТАЯ МИКРОИНДУСТРИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Один из актуальных аспектов проблемы микропластинчатой индустрии связан с ее распространением по территории Северной Азии. Продвижение микропластинчатых технологий на равнины Западной Сибири прослеживается слабо, однако материалы отдельных памятников свидетельствуют, что она была вовлечена в этот процесс. По нашему мнению, принципиально важно, что для ряда регионов Западной Сибири распространение микропластинчатых технологий было тесно связано с их первоначальным освоением. Особый интерес вызывают хронологические рамки, отправные пункты, направления движения и эволюция этой технологии. Не менее важен вопрос о переходе на этой территории от позднего плейстоцена к раннему голоцену, в решении которого микропластинчатая индустрия также занимает ключевую позицию.

На равнинных участках Западной Сибири в последние десятилетия открыты десятки памятников позднего плейстоцена-раннего голоцена, однако регион остается одним из наиболее слабо изученных в плане разработки поставленных вопросов. Стоянки позднего палеолита единичны и расположены на значительном расстоянии друг от друга. Раннеголоценовых памятников известно больше, однако в основном они находятся в таежной зоне, тундре, лесотундре и сосредоточены в пределах отдельных зон (Среднее Зауралье, бассейн р. Конды). В лесостепи обнаружено только около десятка стоянок и местонахождений. По мнению В.В. Боброва такая локализация в какой-то степени отвечает степени изученности исторических периодов в ареалах ландшафтов, но, если учитывать уровень развития производительных сил в то время, выявленное соотношение может быть и не случайным [Бобров, 2003].

Пути миграции населения в глубинные районы Западной Сибири для исследователей достаточно очевидны и обусловлены, в первую очередь, естественно-географическими факторами [Бобров, 2003]. Одним из таких путей принято считать движения из районов лесостепи (степи) вдоль р. Иртыш – по территории Среднего Прииртышья. Результат его функционирования очевиден – заселение таежных, лесотундровых и тундровых территорий. Трудность представляет установление отправных точек движения и крайне незначительное количество памятников, которые должны обозначать ход этого глобального процесса в южной тайге, лесостепи и степи. Сегодня на территории Среднего Прииртышья известна только одна стоянка финала позднего палеолита – Черноозерье II. Раннеголоценовые памятники были представлены Черноозерьем VIa и несколькими стоянками в южных районах Омской области, открытыми А.И. Петровым и изученными только разведками. Такая источниковая база не может служить основой для обоснованных построений и решения поставленных вопросов. Необходим целенаправленный поиск и изучение памятников эпохи камня в этих природных зонах.

В 2003 г. одним из авторов (С.Н. Иващенко) в южных районах Омской области были начаты работы с целью мониторинга уже известных и поиска новых памятников позднего плейстоцена-раннего голоцена. Значимым результатом работы стали раскопки стоянки Гвоздевка I, индустрия которой имеет ярко выраженный микролитовидный облик.

Памятник Гвоздевка I расположен в 5,8 км к юго-западу от с. Гвоздевка Москаленского района Омской области, на восточном берегу балки Амре (южный берег оз. Эбейты) (рис. 1А). В физико-географическом отношении местность представляет собой степь с произрастающими по краям балок березовыми рощицами.

Стоянка была открыта в 1976 г. А.И. Петровым. В 1994 г. по программе паспортизации ее повторно обследовал А.И. Погодин. В 2003 г. в ходе разведки памятник был осмотрен С.Н. Иващенко. Исследователями собрана коллекция каменных артефактов (199 экз.), среди которых значительной долей представлена микропластинчатая индустрия. Особняком стоит крупное изделие палеолитического облика. Анализ коллекции

Рис. 1. Памятник Гвоздевка-1:

А – расположение, В – каменный инвентарь.

1 – скол с нуклеуса, 2 – обломок наконечника стрелы, 3-8 – скребки, 9-15 – пластины с резовым сколом.

позволил авторам усомниться в датировке памятника Гвоздевка-1 эпохой раннего неолита, предложенной А.И. Петровым. В 2004 г. С.Н. Иващенко были осуществлены раскопки стоянки с целью уточнения ее культурно-хронологической принадлежности. Площадь раскопа составила 24 кв. м.

Стратиграфия памятника проста. Под дерном шел слой гумуса мощностью около 0,2 м, который переходил в слабо мешаную землю мощностью до 0,2 м. Эти слои подстилал очень плотный суглинок с включениями известняковых образований. В целом мощность выбранных до суглинка слоев составила около 0,5 м. Культурный слой не прослеживался. Еще до начала работ было выяснено, что в районе балки в ходе поднятия целинных земель проводилась сплошная запашка. Граница пашни пролегла по краю балки. Глубина запашки для поднятия целины рекомендовалась в пределах 40–45 см (информатор – Козлов Н.Г., зам. председателя Москаленского райисполкома в 1958–1976 гг.).

Выборка грунта производилась горизонтами по 0,1 м. Находки были обнаружены во всех слоях. Изделия из камня в коллекции составили 2718 экземпляров. У поверхности и перед суглинком (1-й и 5-й горизонты) они были единичны – 26 экз. (1% от всей коллекции камня). Достаточно насыщенным оказался 2-й горизонт – 463 экз. (17%). Большая часть изделий из камня обнаружена на уровне 3-го и 4-го горизонтов – 2229 экз. (82%).

Рис. 2. Каменный инвентарь с памятника Гвоздевка-I.
 А, В, С, D – пластины с ретушью, E – пластины без ретуши.

Самую значительную группу в каменной индустрии стоянки Гвоздевка I составили отщепы – 2357 экз. (86,7%). В подавляющем большинстве это мелкие отщепы и чешуйки, среди которых почти нет ретушированных.

Практически весь орудийный набор памятника представлен выразительным комплексом пластин – 348 экз. (96,4% от типологически выраженных изделий и 12,8% от коллекции артефактов из камня). Пластинчатый

комплекс памятника базируется на приемах микропластинчатого расщепления. Пластины шириной более 1 см единичны. Серия микропластин значительна и разнообразна. Целых экземпляров практически нет, преобладают медиальные части размером менее 2 см. Доминируют призматические пластинки без ретуши (рис. 2 Е). Пластинки, получавшие вторичную обработку, оформлялись с помощью краевого ретуширования. Преобладает дорсальное или вентральное ретуширование по одному продольному краю (рис. 2 А, 2 В), реже встречаются другие варианты нанесения ретуши (рис. 2 С, 2 D). Присутствует такой прием оформления, как резцовый скол (рис. 1 В-9–15).

Другие типологически выраженные изделия были представлены всего 13 экз., что составило 0,5% от общего числа артефактов из камня и 3,6% от морфологически определимых (рис. 1 В-1–8).

Таким образом, общий облик каменной индустрии стоянки Гвоздевка I определяют в первую очередь многочисленные микропластины, мелкие отщепы и чешуйки. В целом, он может быть охарактеризован как микропластинчатый и отнесен к периоду раннего голоцена. Оригинальными чертами каменной индустрии памятника являются высокий уровень микролитизации и значительная утилизационная направленность на стадии первичного расщепления.

Список литературы

Бобров В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 11–17.

К.А. Колобова*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИЕМОВ РЕТУШИРОВАНИЯ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

На протяжении палеолита ретушь выступала в качестве наиболее распространенного способа преобразования каменной заготовки в орудие. Ее признаки, наряду с характеристиками сколов являются основными критериями для типологической идентификации предмета. Однако часто, приемы вторичной обработки обходятся вниманием при общем аналитическом исследовании комплексов каменного века.

Ретуширование было наиболее доступным инструментом при обслуживании насущных хозяйственных нужд древнего человека. На изготовление орудия не тратилось много времени, с другой стороны, если заготовка удовлетворяла всем требованиям для совершения необходимой операции, данный прием мог не употребляться. В этой связи анализ признаков ретуши на каменном орудии может стать наиболее чутким индикатором способов адаптации древнего человека к условиям окружающей среды. И, вполне вероятно характеристики приемов вторичной обработки также могут нести культурную нагрузку.

Для хронологической привязки каменного ансамбля, помимо естественнонаучных методов, обычно используются данные, полученные при анализе техник первичного расщепления и типологии орудийного набора. Несомненно, эти инструменты работают и уже не единожды доказали свою полезность. С другой стороны, необходимо задаться вопросом – могут ли техники вторичного расщепления выступать в качестве самостоятельного источника информации для определения места комплекса, как в общей хронологической шкале, так и относительно других каменных индустрий.

Для анализа были привлечены орудийные коллекции палеолитических местонахождений Центральной Азии: Денисова пещера (центральный зал и предвходовая площадка), Усть-Каракол-1, Ануй-2, Кара-Бом, Кара-Тенеш (Горный Алтай); Подзвонкая (Забайкалье); пещеры Чихэн (Монголия); Оби-Рахмат (Узбекистан). Исследовались основные характеристики ретуши на каменных орудиях. Основной фокус исследования сводился к изучению общи тех тенденций изменения техник ретуширования как внутри комплексов, имеющих стратиграфическую колонку с включенными в нее индустриями среднего и верхнего палеолита. Данные по остальным коллекциям призваны дополнить и уточнить основные факты. Подробное описание проводившегося анализа приведено в недавно вышедшей монографии [Колобова, 2006].

Исследование показало, что приемы ретуширования могут отражать как культурную, так и хронологическую специфику памятников.

В среднепалеолитических индустриях Горного Алтая приемы вторичной обработки показали наибольшую степень идентичности. Рассматривались комплексы слоев 22 – 12 центрального зала Денисовой пещеры, слоев 10 – 9 предвходовой площадки Денисовой пещеры, слоев 18 – 13 Усть-Каракола-1, среднепалеолитических горизонтов 2 и 1 Кара-Бом. Развитие приемов обработки орудий шло в едином русле. Различия детерминированы в основном функциональным типом стоянок [Рыбин, Колобова, 2004]. Фактор доступности каменного сырья можно исключить в данный период, поскольку все индустрии основаны на местном материале [Анойкин, 2000]. Конечно, характеристики не остаются постоянными, они изменяются, однако незначительно.

Так, во всех коллекциях ретушь в большинстве своем наносилась на продольные края и дистальные зоны заготовок, часто в сочетании. Во всех индустриях на фоне доминирования дорсальной ретуши, высокая роль вентральной и чередующейся. Если рассматривать показатель формы фасеток, то отмечается домини-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 04–01–00537, 05–01–01356, 06–01–00527а), РФФИ (04–06–80439а), INTAS YSF 04–83–2680 и Лаврентьевского конкурса молодежных проектов (№. 146)

Признаки	Расположение ретуши на заготовке	Расположение ретуши на плоскостях изделия	Наклон ретуши	Форма фасеток ретуши	Характер выноса ретуши	Степень модификации ретушью поверхности орудия	Протяженность ретуши на заготовке
Карабумовский вариант (Кара-Бом, Кара-Тенеш, Бийка-2, Малояломанская пещера)	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ продольные и дистальные края</p> <p>▶ плоскости обломов</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ продольные и дистальные края</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ дорсальное</p> <p>▶ вентральное</p> <p>▶ чередующееся</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ дорсальное</p> <p>▶ вентральное</p> <p>▶ чередующееся</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ полукруглой</p> <p>▶ круглой</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ полукруглой</p> <p>▶ круглой</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ чешуйчатая</p> <p>▶ ступенчатая</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ чешуйчатая</p> <p>▶ субпараллельная</p> <p>▶ параллельная</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ постоянный</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ постоянный</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ средняя</p> <p>▶ сильная</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ сильная</p> <p>▶ средняя</p> </div> </div>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>▶ 1/4 часть периметра</p> <p>▶ 1/2 часть периметра</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>▶ 1/4 часть периметра</p> <p>▶ 1/2 часть периметра</p> </div> </div>
		Устькаракольский вариант (Денисова пещера, Усть-Каракол-1, Ануя-2)					

▶ - доминантное значение признака

↔ - количественное возрастание значения признака

↔ - количественное уменьшение значения признака

Рис. 1. Сопоставление значений основных характеристик ретуши на каменных орудиях из комплексов устькаракольского и карабумовского вариантов.

рование чешуйчатой отделки. При этом, в незначительном количестве присутствуют орудия с субпараллельной, параллельной и ступенчатой формой фасеток. В собраниях верхних среднепалеолитических слоев доля таких орудий несколько возрастает. Во всех рассмотренных ансамблях возрастает количество орудий, ретушь на которых распространяется на 1/4 часть периметра. Однако в ануйских коллекциях данный процесс происходил за счет сокращения доли ретуши, покрывающей менее 1/4 части изделия, а в индустрии Кара-Бом-за счет уменьшения количества орудий ретушированных на 1/2 часть периметра скола.

То есть на данном уровне исследования достаточно сложно выделить какие-то культурные или технологические варианты индустрий. В то же время выделяется много индивидуальных черт или особенностей в способах оформления изделий.

Все проанализированные верхнепалеолитические индустрии Горного Алтая автохтонного происхождения. Об этом свидетельствуют как основные технико-типологические параметры [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, 2001; Шуньков, 2001; и др.], так и результаты анализа приемов ретуширования орудий. Данные по вторичной обработке свидетельствуют о постепенной непрерывной трансформации приемов ретуширования, подтески и выемчатого скола, не только в переходный период. Изменения в применении ретушных отделок начинаются в среднепалеолитическое время и продолжаются до заключительных этапов верхнего палеолита. Однако в период перехода от среднего к верхнему палеолиту они наиболее заметны. Тенденции, берущие начало в среднепалеолитическое время усугубляются, что делает возможным выделение двух вариантов комплексов

Первый вариант. К данному типу относятся верхнепалеолитические индустрии памятников Денисовой пещеры (индустрии центрального зала и предвходовой площадки), Усть-Каракол-1, Ануя-2. Характерно преобладание дорсальной ретуши, при значительном присутствии вентральной и чередующейся отделок (около 30 – 40%). Вентральная ретушь, по своим характеристикам мало отличающаяся от дорсальной, обычно преобладает над чередующейся. Возрастает значение сильно модифицирующей ретуши на фоне снижения количества орудий со

среднемодифицирующей отделкой. Возрастает роль крутой ретуши и снижается-полукрутой. Расширяется ассортимент ретушной отделки и сокращается количество орудий с чешуйчатой ретушью. При этом доли субпараллельной, параллельной ретуши или примерно одинаковы, или субпараллельная и параллельная отделки преобладают над ступенчатой. Увеличивается доля орудий, ретушь которых распространяется на 1/2 часть периметра. Доминирует же отделка, покрывающая 1/4 часть периметра заготовки. Возрастает количество меньших по длине ретушированных анкошей.

Второй вариант. Относятся верхнепалеолитические материалы Кара-Бомы и Кара-Тенеша. Господствует дорсальная ретушь (около 80%), при незначительном наличии вентральной и чередующихся отделок. Вентральная ретушь слабомодифицирующая. Преобладает средне- и сильно модифицирующая ретушь; полукрутая и крутая. Увеличивается ассортимент ретушной отделки, при этом фасетки со ступенчатой формой фасеток преобладают над остальными. Увеличивается доля орудий, ретушированных на 1/4 часть периметра, за счет сокращения количества орудий, ретушь которых распространяется на 1/2 часть.

Среди общих черт данных технологических вариантов следует указать увеличение доли постоянной ретуши что, скорее всего, связано с особенностями обработки орудий верхнепалеолитических типов.

По данным технико-типологического анализа, на ранней стадии верхнего палеолита, на территории Горного Алтая начинают проследиваться две линии развития – карабумовская и устькаракольская [Деревянко, 2001; Деревянко, Природная среда и человек..., 2003]. Информация по вторичной обработке в целом подтверждает правомочность подобного деления. Приемы оформления каменных орудий в индустриях обоих вариантов имеют как множество общих черт, так и различий. Данное явление закономерно в силу общего генетического начала. Индустрии первого варианта совпадают с устькаракольской линией развития, а второго – с карабумовской (Рис.1).

На территории Горного Алтая развитие приемов вторичной обработки шло постепенно, без каких-либо кардинальных изменений в любом из комплексов. Исключение составляет комплекс пещеры Окладникова, выглядящий экзотично для данного региона по всем параметрам [Деревянко, Маркин, 1992; Колобова, 2006].

Изменение приемов шло достаточно медленными темпами. И общие тенденции изменений, в конце концов позволившие выделить два варианта берут начало в среднепалеолитический период и продолжают в верхнепалеолитическое время. В переходный период эти изменения становятся лишь несколько более заметными. Если в технике первичного расщепления и в типологическом наборе орудий мы можем выделить маркирующие элементы, отмечающие переходные индустрии, то в техниках вторичного расщепления заметить это представляется проблематичным. С большой долей уверенности мы можем определять верхнепалеолитическую вторичную обработку, но никак не вторичную обработку переходных комплексов, имеющую слишком много общих черт со среднепалеолитической.

На настоящий момент мы обладаем определенным набором признаков верхнепалеолитической вторичной обработки, по крайней мере, для исследующихся территорий. Но они не могут выступать в качестве базового хронологически обусловленного элемента. То есть сама по себе вторичная обработка не может использоваться как датирующий элемент. Как впрочем, и любой другой отдельный источник информации по палеолитическим комплексам. Только в совокупности с естественнонаучными данными, данными по первичному расщеплению и типологии орудийного набора и сколов примы вторичной обработки станут показательным элементом для определения культурной и хронологической специфики палеолитической индустрии.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–104.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–41.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических комплексах Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 134 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ЗАПИСЬ СИНОДИЧЕСКОГО ОБОРОТА ЛУНЫ НА КОСТЯНОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ ШТЕЙНРИНА (ЗНАКИ В КУЛЬТУРЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ИХ СЕМАНТИКА)

Вводные замечания. Конец XX-го и начало XXI-го вв. ознаменовались проведением дискуссий, посвященных зарождению и началу становления «изобразительного искусства» в сообществах архаических гоми-нид типа *Homo erectus* (или *heidelbergensis*?) и *Homo neanderthalensis* (см. инициативные статьи Р. Беднарика и комментарии к ним в «Current Anthropology», 1995, vol. 36, № 4 и «Rock Art Research», 2003, vol. 20, № 3; там же списки литературы вопроса). Кто и как бы не оценивал высказанные по ходу споров мнения, но самоотверженные усилия Р. Беднарика по привлечению внимания к решению проблемы происхождения искусства с использованием материалов культур ашеля и мустье лишили налета чудовищной одиозности даже самую мысль о том, а не то что целенаправленные изыскания. Появление знаков в нижнем палеолите и продолжение традиции использования их в палеолите среднем – факт, который впредь не может оспариваться.

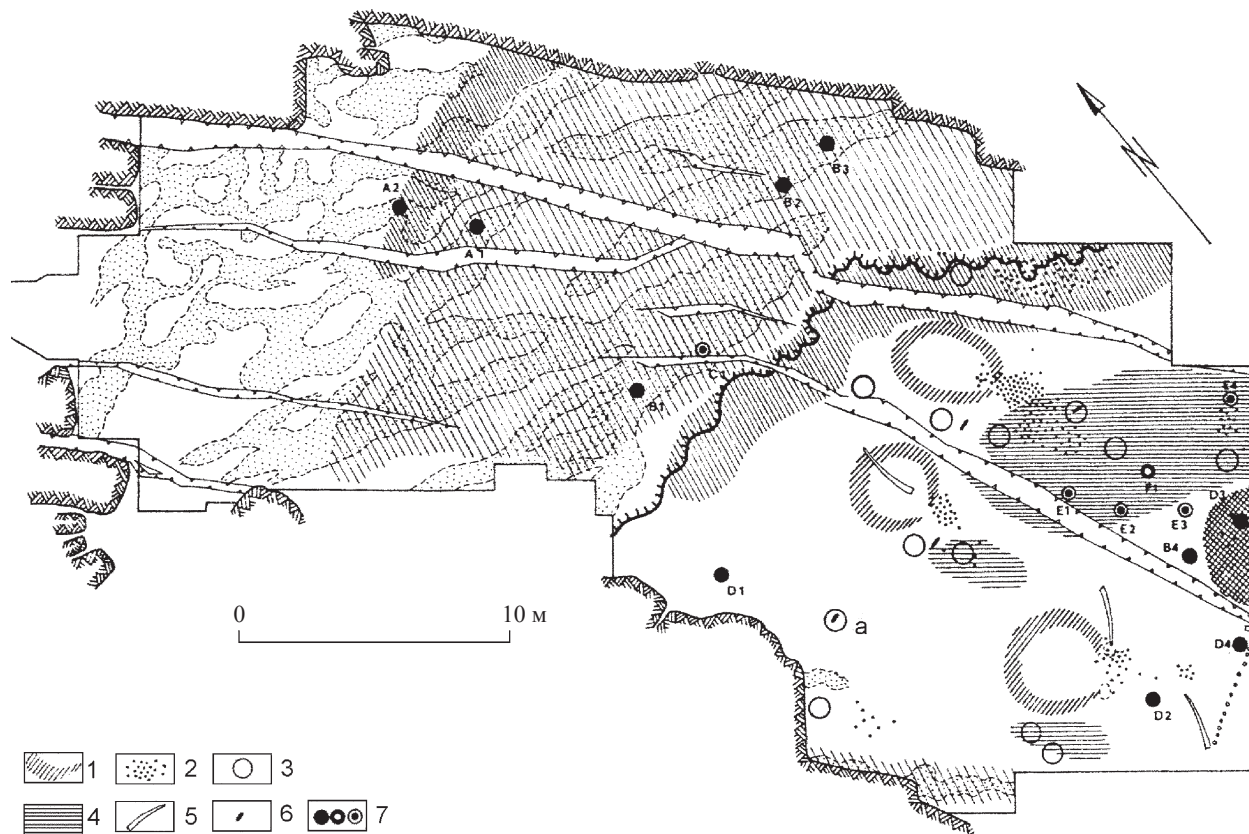

Рис. 1. План стоябища Штейнрин и наиболее важные находки. Условные обозначения:

1 – жилища; 2 – очаги; 3 – рабочие площадки; 4 – зоны производственной деятельности; 5 – крупные бивни; 6 – объекты со знаковыми записями; 7 – костные останки *Homo erectus* (обломки черепов, зубы, молочные коренные зубы). По Д. Маня.

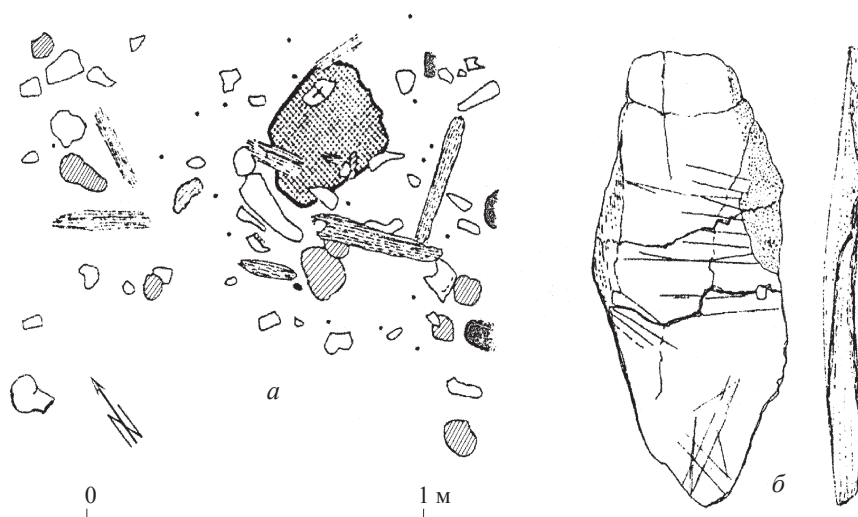

Рис. 2. Штейнрин. Рабочая площадка (а), в пределах которой найдена пластина (б) с резными линиями по краям и на приостренном конце (по Д. Маню)

Постановка проблемы. Подходящих для изучения, точно датированных и стратиграфически безупречно позиционированных предметов со знаками столь ранних этапов древнекаменного века немного. Но их достаточно, чтобы приступить к решению фундаментальной задачи любого искусствоведческого, нацеленного на интерпретации и семантические реконструкции поиска – какая информация запечатлена в упорядоченно рассредоточенных на поверхностях кости, рога или камня резных линиях, насечках и фигурных символах?

Цена доказательного (т.е. на уровне требований не гуманитарных, а естественных наук) ответа на такой вопрос высока, ибо от него зависит мотивированное раскрытие побудительных мотивов зарождения того, что искусствоведы палеолита нарекли «первобытным художественным творчеством», прародителя того, что они же именуют «искусством». Исключительная ценность самых ранних образцов его заключается в том, что в них сокрыто изначальное, самое глубинное смысловое зерно первого в интеллектуальной истории человечества знаково-образного «письма». Это из него выросло затем многоветвистое «Древо познаний» *Homo sapiens* – «искусство» верхнего палеолита, доказательно разобраться в информативной составляющей образов и символов которого не удастся. В значительной мере не удастся потому, что до недавнего времени оставались неизвестными «корни» его – «искусство» ашеля и мустье.

Между тем, в тех «корнях» как раз и следует отыскивать ключ к разгадке причин, которые обусловили появление искусства в примитивной (по материальным признакам) культуре и определили стержневой духовно-интеллектуальный контекст его. Обратимся по сему случаю к одному из уникальных предметов со знаками, обнаруженному *in situ* при раскопках ашельского стойбища.

Объект изучения. Место открытия, датировка памятника и культурная принадлежность его; комплекс, в пределах которого обнаружен предмет с резными линиями и фигурными знаками. Изделие это, которое можно идентифицировать как своеобразный, из категории «орнаментальных» образец искусства малых форм, найдено в ходе беспрецедентно масштабных раскопок среднеашельского стойбища Штейнрин (Германия, Тюрингия; бассейн р. Эльбы; горный массив Бильцингслебен; подробности см. Mania, 1990; Mania, Dietzel, 1980; см. рис. 1). Геолого-стратиграфические и флоро-фаунистические данные позволили соотнести памятник с миндель-рисским межледниковьем (гольштейнский интерстадиал; в абсолютных датах – 450–340 000 лет назад). Среднеашельский возраст подтверждает также технокомплекс, сходный в общих чертах (отсутствие рубил, «микролитический» характер части инвентаря, галечный инструментарий и т.п.; см. Svoboda, Ložek, Veček, 1996) с культурой, представленный в Центральной Европе (Венгрия) стоянкой Вертешселлеш (≈450-300 000 лет назад; см. Kretzoi, Vértés, 1965). На том и другом памятнике обнаружены фрагменты черепов *Homo erectus*.

К череде выдающихся результатов раскопок Д. Маня в Штейнрине относится открытие жилищ и связанных с ними так называемых рабочих площадок (см. рис. 1). В пределах их и были обнаружены предметы с резными линиями (Behm-Blancke, 1983). Предлагаемый вниманию слушателей объект найден в ходе расчистки

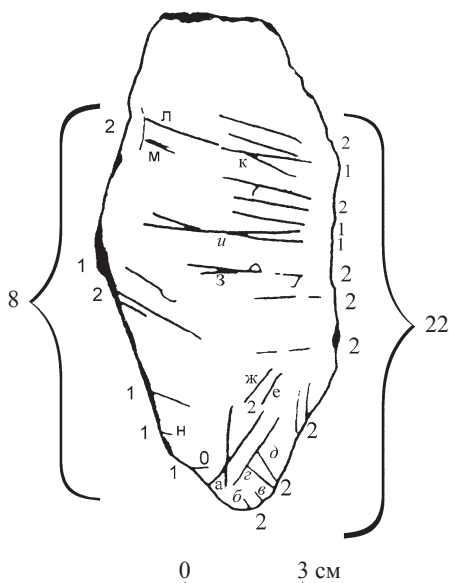

Рис. 3. Пластина
и связанный с ней знаковый текст
(по Р. Беднарику).

Числовая структура записей
(единицы и двойцы; два числовых блока – 22
(правый край) и 8 (левый край)).

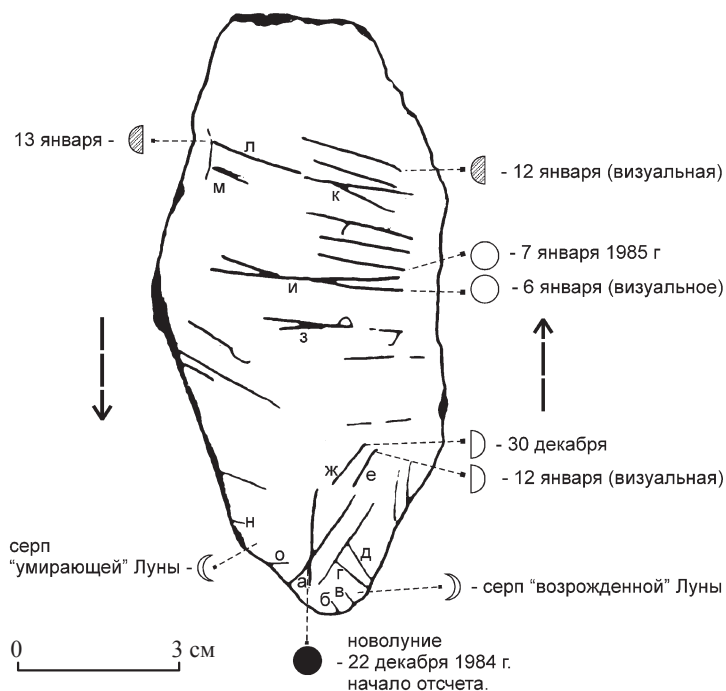

Рис. 4. Совмещение двух месяцев современного лунного календаря
(22 декабря 1984 г. – 19 февраля 1985 гг.)
со знаковым текстом пластины.

рабочей площадки, расположенной в нескольких метрах от круглого жилища (рис. 2; см. на рис. 1 литеру а). Этот культурный комплекс примечателен плотной концентрацией в пределах его обломков дерева, нескольких крупных и множества мелких костей. Около крупного блока камня (возможно, наковальня) располагались пластинчатые отщепы и галечные орудия. Вытянуто-овальный фрагмент массивной кости с резными линиями по краям лежал на поверхности наковальни (см. на рис. 2, а объект со знаком креста; рис. 2, б – фрагмент кости с резными линиями; по Д. Маня).

Презентация пластины и ее знаковых записей. Количество резных линий и фигурных символов. Особенности группировки их. Пластина чуть выпуклая с одной стороны, вытянуто-овальная по очертаниям (рис. 3; по Р. Беднарику, который изучал детали объекта под бинокляром; см. Bednarik, 1995, fig. 1,d). Один конец ее подтреугольный, а другой – прямо срезанный, трапецевидный. Знаки размещаются в зоне приостренного конца, а также вдоль правого и левого краев. Зона верхнего конца лишена их. Среди знаков преобладают разной длины прямые резные, типа насечек линии или штрихи, ориентированные прямо или под углом относительно краев пластины. Всего таких, простейшего вида знаков 26. Большая часть их размещается парами, представляя двойцы (таковых-11, что отражает число 22; см. на рис. 3 числа 2). Одиночных знаков-9, из которых 4 не простые, а фигурные, типа «рогулек» (см. на рис. 3, литеры з, к). Одна из них двуконечная (см. литеру и). Уникален на пластине крестовидный знак с разновеликими вверх и вниз линиями (см. литеру а). Две двойцы примечательны наличием дополнительных линий (см. литеры г, д и л, м).

Если при отсчете знаков за первый принять крест, а далее просчитывать их сначала по правому краю, а затем по левому, то на правом окажется 22, а на левом 8 знаков (см. на рис. 3 соответствующие числа). Общее количество знаков-30 и они подразделяются на два обособленных числовых ряда (две записи):

- 1(а)-2-2-2-2-2-2-2-1(и)-1-2-1(к)-2;
- 2(л, м)-1-2-1-1-1.

Приступим теперь к интерпретационному разделу исследования-определим характер выявленных чисел и проверим результат объективным методом, исключая сомнения.

Тестирование количества знаков в каждом из числовых рядов и общего числа их. Ряды резных линий, насечек и фигурных символов пластины близки по виду календарно-астрономическим записям верхнепалеолитических культур Евразии (Marshack, 1991; Ларичев, 1993). Проверим это впечатление, для чего приняв за условие, что каждый знак пластины символизирует 1 сутки, установим: кратны ли выявленные числа 22, 8

и 30 самому короткому из календарных периодов-синодическому (смещение относительно Солнца) обороту Луны. Нижеследующие соотношения подтверждают предположение:

$$22 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,7449 \approx \frac{3}{4} \text{ син. мес.};$$

$$8 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2709 \approx \frac{1}{4} \text{ син. мес.};$$

$$30 \text{ сут.} \approx 29,5306 \text{ сут.}$$

Чтобы окончательно убедиться в точности вывода, совместим два лунных месяца современного календаря (22 декабря 1984 г. – 19 февраля 1985 г.; см. *Астрономический календарь*. – М., 1984 и *Астрономический календарь*. – М., 1985) со знаковыми записями пластины и посмотрим – определяют ли фазы ночного светила примечательные знаки. Результат представлен на рис. 4: как можно убедиться воочию, фазы действительно совпали с характерными, оригинально позиционированными знаками – если новолуние определял крест, то первая четверть пришлась на одну из косо ориентированных линий двойцы е, ж, удаленной от края пластины; полнолуние – на двуконечную «рогульку» и соседнюю с ней линию; последняя четверть – на первые (самые верхние) знаки л, м левого края пластины. В особенности впечатляет попадание полнолуния на фигурный знак двуконечная «рогулька».

Краткие итоги. Изложенное – всего лишь начало исследования. Но этого достаточно, чтобы утверждать следующее – Homo erectus отслеживал фазы Луны, знал продолжительность месячного оборота ее, а отсчет суток вел, используя однирично-двоичную систему счисления. Иначе говоря, гоминид эпохи среднего ашеля положил начало становлению астрономии и календаристики, а познанное в том и другом счел достойным фиксации на пластине. Это означает, что он приступил к разработке того, что именуется ныне «искусством» и «художественным творчеством».

Список литературы

- Ларичев В.Е.** Лунные и солнечные календари древнекаменного века // *Календарь в культуре народов мира*. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
- Bednarik, R.G.** Concept-mediated Marking in the Lower Palaeolithic // *Current Anthropology*, 1995, № 4.
- Behm-Blancke, G.** Altpaläolithische Gravuren von Bilzingsleben // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1983, t. 24.
- Kretzoi, M., L. Vértés.** Upper Biharian (Intermindel) pebble-industry occupation site in Western Hungary // *Current Anthropology*, 1965, № 6.
- Mania, D.** Auf den Spuren des Urmenschen. Die Funde aus der Steinrinne von Bilzingsleben. Berlin, 1990.
- Mania, D., A. Dietzel.** Begegnung mit der Urmenschen. Die Funde von Bilzingsleben. Leipzig, Jena, Berlin, 1980.
- Marshack, A.** The Roots of Civilization. – Mount Kisco. New York, 1991.
- Svoboda, J., Ložek V., Vlček E.** Hunter between East and West. Palaeolithic of Moravia. New York, London, 1996.

Л.В. Лбова*Новосибирский государственный университет*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ЧЕЛОВЕКА В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

Особую остроту проблематика адаптационных стратегий древнего человека приобретает в связи с разработкой ряда исследовательских проектов, касающихся характеристик ранних стадий антропо- и социогенеза, трансформации несапиентных и сапиентных форм, перехода от среднего к верхнему палеолиту, варибельности адаптационных стратегий. Вопросы, связанные с определением, изучением и интерпретацией систем поведенческих моделей человека являются на сегодняшний момент актуальными и часто дискутируемыми в культурной антропологии, палеоэкологии человека, археологии и этнологии. Представляется возможным рассмотреть поведенческую эволюцию различных групп человеческих популяций в изменяющихся природно-климатических условиях на протяжении начала верхнего палеолита на материалах ряда геоархеологических объектов Забайкалья. Стратиграфически памятники приурочены к отложениям второй половины каргинского межледниковья, в хронологическом отношении занимают позицию в пределах от 26 до 40 тыс. лет назад [Лбова, 2002; Орлова, Кузьмин, Лбова, 2005]. В перспективе нами предполагается провести сравнительный анализ поведенческих моделей в зависимости от зональности (среднегорье – с высотами 700–900 м, высокогорье – 1500–2000 м).

Согласно современным разработкам в области методологии и теории систем поведения и адаптации гоминоид моделирование поведенческих стратегий древнего человека предполагает проведение комплексных исследований. Методы и подходы предусматривают проведение интегрированных полевых и лабораторных изысканий с участием ученых различных научных дисциплин в рамках поставленных задач. Исследования проводятся как на хорошо изученных (Хотык, Каменка, Варварина Гора, Мухор-Тала), так и новых (Елань, Базино и др.) объектах южной и западной зоны Западного Забайкалья, содержащие культурные горизонты финала среднего – начала верхнего палеолита. В 2005 г. эти методы стали применяться и для высокогорных районов Восточных Саян (с высотой памятников от 1500 до 2000 м над уровнем моря). Предлагаемые методы и подходы в области реконструкции и построения моделей адаптационных стратегий древнего человека предполагают получение данных с различными параметрами: климатические флуктуации, изменения природной среды, динамика освоения ресурсных условий окружающего ландшафта, культура человека. Имеющиеся материалы позволяют выявить различные целеориентированные системы освоения ландшафтных ресурсов, территорий, различные формы организации пространства (стоянки, поселения, мастерские, места сакрального назначения). Поиск качественных литоресурсов, очевидно, являлся основным фактором стратегии поведения палеолитического человека. На сегодняшний момент нами апробируется схема выделения моделей поведения с позиций целеориентированного подхода к природным ресурсам, в связи с чем, предлагается диагностика известных местонахождений и месторождений каменного сырья; формирование среды обитания человека с доминированием целей добычи каменного сырья и особенностей биоресурсов [Лбова, 2001, 2005; Лбова, Резанов, Коломиец и др., 2003; Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005; Кузнецова, Марнуев, 2005].

Кроме того, для ряда объектов западного Забайкалья были уже предприняты исследования в области зооархеологии, позволившие сделать ряд заключений относительно сезонности и охотничьих стратегий древнего населения. Основными объектами охоты определены дзюрен, лошадь, носорог (до 46% фаунистических остатков отельного вида). Меньшую долю занимали кулан, благородный олень, бизон и баран (не более 3%).

* Исследования проводятся при поддержке программы РАН 21.1 (проект 1.5), Рособразования РНП 2.2.1.1.2183, СО РАН №73, грантов РГНФ №06-01-00527а, РФФИ №04-06-80355а

Из хищных млекопитающих отмечен волк, обыкновенная лисица, лисица-корсак, барсук, медведь и гиена. Виды, связанные с лесными местообитаниями (благородный олень, барсук и медведь) в коллекциях местонахождений редки [Germonpre, Lbova, 1996; Клементьев, 2001; Лбова, Базаров, Клементьев, Савинова, 2003].

Специальный анализ [Рыбин, Колобова, 2004] каменного инвентаря изучаемых комплексов показал, что структура индустрии и характер ее вторичной обработки является не только продуктом «культурной» специфики ассамбляжа, а может быть результатом сочетания ряда условий, одним из важных компонентов которых является характер мобильности человека и его деятельности на стоянке. Анализ материалов близких в культурно-техническом отношении комплексов (например, Хотык-3 и Каменка) свидетельствует об определенной близости структуры индустрии и характера деятельности по обработке орудий в анализируемых ансамблях. При этом, нами выделены две различные поведенческие модели и сделан вывод о том, что формирование облика индустрии в значительной степени объясняется не только культурным своеобразием памятников, но и сочетанием разнонаправленных векторов условий жизни древнего населения (качество, доступность каменного сырья и расстояние до его источников, продолжительность заселения стоянки, специфика жизнеобеспечивающей деятельности и объектов охоты) [Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005].

Планиграфия демонстрирует структурное различие между культурными горизонтами среднего и начала верхнего палеолита. Если для среднепалеолитических горизонтов и мастерских характерна некоторая бессистемность и отсутствие явных структур (Хотык, уровни 4-6; Елань 5, 6, Мухор-Тала-4), то уже горизонты ранней поры верхнего палеолита отличаются наличием планиграфических структур, которые ясно выражены и определяются функционально (площадки разделки туш, расщепления камня, обработки кости и т.п.) в контексте поселенческих типов (Толбага, Варварина Гора, Каменка, Подзвонкая, Хотык (2, 3)).

Выделены признаки для мастерских, стоянок-мастерских, долговременных сезонных поселений и кратковременных стоянок-базовых охотничьих лагерей. В структуре культуровмещающих горизонтов выделяются хозяйственно-бытовые комплексы, рабочие площадки и специальные места сакральных действий [Лбова, 2000; Lbova, 1999].

Уже сегодня можно утверждать наличие нескольких видов поведенческих стратегий древнего человека по параметрам: выбор места пребывания человека и формы организации обитаемого пространства (поселения, стоянки, мастерские). Частично изучена проблема выбора мест обитания в зависимости от выходов литоресурсов. Территория исследований в целом отличается своеобразным геологическим строением, где участвуют вулканогенные, вулканогенно-осадочные и интрузивные породы различного состава и возраста и выбор источников сырья и места поселения демонстрирует мозаичность ситуации.

В целом можно отметить следующие характерные черты поведенческих стратегий древнего населения Юго-Западного Забайкалья во время ранней поры верхнего палеолита:

1. Хозяйственная деятельность человека была основана на интенсивной охотничьей деятельности, ориентированной на два основных вида стадных травоядных млекопитающих – обитателей открытых пространств (дзерен, лошадь, носорог).

2. Технокомплексы, привлеченные для анализа, продемонстрировали особенности первичного расщепления, вторичной обработки орудий и структуры индустриального набора, характерные для а) кратковременных охотничьих стоянок (Каменка, Хотык-3); б) сезонных охотничьих поселений (Хотык-2, Варварина Гора); в) стоянок-мастерских (Елань, Мухор-Тала). Такие определения функционального типа памятников находят свое подтверждение как в планиграфических характеристиках объектов, так и в данных палеозоологических и трасологических исследований [Лбова, 2000; Лбова, Резанов и др., 2003; Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005].

3. По сравнению с известными алтайскими и среднеазиатскими комплексами, в забайкальском палеолите отмечается большая степень ориентации человека на использование каменного сырья, полученного с удаленных местонахождений (до 60 км). Этот факт нашел отражение в характерном истощении ядрищ, высокой интенсивности обработки и утилизации орудий, что может свидетельствовать о регулярных передвижениях человеческих коллективов, довольно большом размере освоенной территории и, в целом, высокой мобильности.

На основании полученных данных можно предположить, что основные сдвиги, произошедшие в конце среднего-начале верхнего палеолита проявились в следующих аспектах человеческого поведения: использование удаленного сырья, использование экзотического сырья, специализированная охота, планируемость и сезонность в использовании ресурсов, использование одного и того же места для стоянки, интенсификация использования ресурсов, система обмена на дальних расстояниях, групповая и индивидуальная самоидентификация на основе технологического облика артефактов, структурированное (функциональное) использование пространства стоянок [McBrearty, Brooks, 2000].

Список литературы

- Клементьев А.М.** О возможном промысловом значении дзерена в палеолите Западного Забайкалья. // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 171–176
- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В.** К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 – С. 59–75
- Лбова Л.В., Базаров Б.А., Клементьев А.М., Савинова В.В.** Природные ресурсы и поведенческие модели человека начальной стадии верхнего палеолита (Западное Забайкалье, Удинский бассейн) // Экология древних и современных обществ. Вып.2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С. 61–65
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В.** Природная среда и человек в неоплейстоцене (западное Забайкалье и юго-восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Лбова Л.В.** Радиоуглеродные даты памятников палеолита и мезолита Забайкалья и Монголии. // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, изд. ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 88–92
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2004. – № 4 (20). – С. 20–34
- Рыбин Е.П., Лбова Л.В., Клементьев А.М.** Орудийный набор и поселенческая специфика комплексов ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья. // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, изд. ИАЭТ СО РАН. 2005. – С.69–80
- Germonpre M., Lbova L.** Mammalian Remains from the Upper Paleolithic Site of Kamenka, Buryatia (Siberia) // Journal of Archaeological Science, 1996. N.23. – P. 35–57
- Lbova L.V.** The palaeoecological model of the Upper Palaeolithic site Kamenka (Buryatia-Siberia) // Sbor. Geol. Ved, Antropozoikum, 23, Praha, 1999. – P. 181–191
- Marean C. W., Kim S.Y.** Mousterian faunal remains from Kobeh Cave (Zagros Mountains, Iran): Behavioral implications for Neandertals and early modern humans // Current Anthropology. – Vol.39, 1998. – P. 79–114
- McBrearty S., Brooks A.** The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // Journal of Human Evolution. – Vol. 39, 2000. – P. 453–563

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА*

Финальную стадию верхнего палеолита региона представляют сартанские стоянки, организованные в условиях пещер (слои 9 в центральном зале и 6, 5 на предвходовой площадке Денисовой; 14 б, 14 а, 13, 12, 11 г, 11 б, 11 в, 11а Каминной; 5б и, возможно, 4в Искры) и открытых пространств (слои 4 – 2 Усть-Каракола I, горизонты 1 – 5 Ануя 2), районированные в долине р. Ануя и Каракол. Хронология объектов основана на датах абсолютного возраста и относительном залегании литологических тел в толщах разрезов, в которых установлена последовательность ландшафтно климатических изменений неоплейстоцена [Археология, геология..., 1998; Деревянко, Шуньков, Анойкин, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998; Природная среда и человек..., 2003].

С гыданской стадией (≈ 22000 – 16000 л.н.) сартанского времени по ^{14}C датам соотносятся материалы из горизонтов 5, 4, 3 Ануя 2, где представлены образцы ножей на пластинах, анкошей, атипичных острий, продольных и поперечных чопперов.

В пределы раннего (≈ 16000 – 15000 л.н.) интерстадиала следует поместить индустрии из верхней колонки отложений Денисовой и одного из слоев Каминной пещеры. Для времени накопления слоя 9 Денисовой по органическим остаткам реконструированы холодные и сухие условия. Индустрию слоя демонстрируют параллельные, радиальные и призматические ядрища. Среди орудий, образованных на пластинах и отщепях, представлены скребки (концевые, боковые, высокой формы, с обработкой по периметру), резцы (угловые, поперечные), проколки, скребла (одинарные и двойные продольные, конвергентные, угловатые), реже остроконечники, ножи, клювовидные орудия, листовидные бифасы, орудия с черенком. Микроинвентарь, включает пластинки с притупленным краем и образец асимметричного сегмента. В состав костяных изделий входят иглы и острия, подвеска из зуба оленя и трубчатые кости с отверстием.

В период образования слоя 6 на предвходовой площадке Денисовой доминировали степные и нивальные биоценозы в условиях холодного и сухого климата. Инвентарный комплекс содержит образцы торцовых и клиновидных ядрищ. Орудия, менее 30% которых выполнено на пластинах, включают скребки (концевые, боковые, стрельчатые, высокой формы), скребла (продольные, диагональные, конвергентные), проколки, зубчато-выемчатые, клювовидные орудия, редкие поперечные резцы, остроконечники, ножи, овальные бифасы. Микроинвентарь образуют пластинки с притупленным краем. Костяной инвентарь демонстрируют иглы с ушком, цилиндрические пронизки из трубчатых костей птиц, кольца из скорлупы страуса. В наборе орудий слоя 5 предвходовой площадки объекта представлены скребки (концевые, боковые), анкоши, зубчатые изделия, реже проколки, поперечные резцы, клювовидные артефакты, поперечные скребла, ножи, галечные изделия. Показательны пластинки с притупленным дугообразным краем. В состав костяных артефактов входят иглы и острия-проколки, фрагмент двояковыпуклого пазового изделия, крупное прямоостное орудие с заостренным концом и утолщенным основанием, выполненное из трубчатой кости.

Формирование слоя 14 б в пещере Каминная происходило в условиях холодного и сухого климата. В составе инвентаря слоя представлен образец параллельного ядрища, крупные пластины и микропластинки. Набор орудий образован пластинами с ретушной обработкой краев или концов, пластинками с притупленным краем, концевыми скребками, угловым резцом и долотовидным орудием.

К ньяпанской стадии (≈ 15000 – 13000 л.н.) сартанского времени относятся материалы из ряда из слоев Каминной. В период образования слоя 14 а, по сравнению с предыдущим временем, на которое приходится

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 04–01–00528а).

накопление пород слоя 14 б, происходит смягчение климатических условий. В коллекции артефактов преобладают образцы параллельного расщепления пород. Подобная технология подчеркивается характером технических сколов оживления рабочих плоскостей ядрищ, включая клиновидные формы и огранкой заготовок. Группа орудий включает пластины с ретушью, скребки, обломки скребел, зубчатое орудие, фрагмент ножа с обушком. Индустрия слоя 13, несмотря на свою малочисленность, демонстрирует яркие образцы ядрищ и орудий. Среди первых представлены одноплощадочные торцовые формы нуклеусов. В группу орудий зачислены скребки (боковые и концевые), резцы, зубчато-выемчатые орудия, ножи, овальный бифас, поперечное скребло, проколка. Условия образования слоя 12 приходится на развитие ландшафтов межстадиальных степей. В индустрии осадка преобладают параллельные и микропластинчатые технологии, а среди сколов – отщепы. В перечне орудий особенно показательны скребла (поперечное, продольное, диагональное, с ретушью с брюшка) на массивных заготовках. Представлены также сколы с ретушью, пластинка с утончением нижней поверхности, скребки (концевые на пластинах и коротких отщепах), резцы, долотовидное орудие, проколки и зубчато – выемчатые изделия. В технокомплексе слоя 11 г присутствуют признаки параллельных, микропризматических и, возможно, радиальных технологий. Орудийный набор представлен ретушированными пластинами, концевыми скребками, анкошами, сколами с брюшковой и бифасиальной ретушью, ножами, единичными проколками, резцами, долотовидными орудиями, остроконечниками. Яркими образцами выглядят галечное изделие и плосковыпуклый бифас.

Предварительно к ньяпанской стадии (≈ 15000 – 13000 л.н.) сарганского времени, возможно, отнести материалы слоев 4 и 3 стоянки Усть-Каракол 1, сформированных в холодных условия. Среди орудий наиболее яркими выглядят пластины с ретушью, двухгранный резец, продольное скребло, концевой скребок на сколе с ретушированными краями.

С кокоревским интерстадиалом (13000–12000 л.н.) условно возможно соотнести индустрию из слоя 2 Усть-Каракола 1, отражающего условия увлажнения после похолодания, зафиксированного в ниже лежащих осадках. Артефакты объекта включают одно- и двухсторонние нуклеусы, скребок на отщепе, шиповидное орудие. Более определенно к интерстадиалу относятся материалы из слоя 11 в Каминной. Период образования осадка соответствует развитию перегляциальных лесостепей. Среди ядрищ выделяются одноплощадочные образцы, предназначенные для скалывания крупных пластин. Помимо них, в коллекции имеются призматические и торцовые ядрища. Среди сколов представлены редкие пластины и пластинки и выразительная серия микропластинок. Коллекция орудий включает многофасеточные и угловые резцы, скребки концевые и с ретушью по части периметра заготовки, пластины с отделкой краев, долотовидные орудия, скребла (продольные, диагональные, с бифасиальной ретушью и ретушью с брюшка), мелкие «скреблышки», анкоши, зубчатые орудия, острия, проколки. Костяные изделия представлены обломками игл.

К норильской (≈ 11500 – 10500 л.н.) стадии сарганского времени относятся материалы слоев 11 б, 11 а пещеры Каминная, сформированные в условиях перегляциальных и межстадиальных степей, лесостепей и горно-лесных ландшафтов и, возможно, нижней части разреза пещеры Искра.

Техника расщепления в индустрии слоя 11 б из Каминной иллюстрируется клиновидными и плоскими ядрищами. Среди сколов большинство принадлежит отщепах, в два раза меньше микропластинок. Набор орудий образуют долотовидные изделия, скребки (боковые, концевые на пластинах и отщепах), проколки, продольные и поперечные скребла, ножи, зубчатые и выемчатые орудия, пластины и сколы с утончением нижней поверхности, острия, бифас. В состав микроинвентаря входят микрорезцы, пластинки с притупленным краем и противоположащими ретушированными лезвиями. Из костяных изделий представлен резец сурка с параллельными нарезками. В индустрии слоя 11 а имеются клиновидные и призматические нуклеусы. Набор орудий документируется скреблами, леваллуазским остроконечником, долотовидными орудиями, концевыми скребками, проколкой, выемчатыми и зубчатыми изделиями, клювовидным орудием, галечным орудием. Встречены комбинированные артефакты, сочетающие элементы проколки и анкоша, проколки и скребка, долотовидного орудия и ретушированного отщепа. К категории микроинвентаря отнесены пластинки и микропластинки с лицевой и брюшковой обработкой краев, с притупленным краем и микрорезец. Из костяных изделий определен фрагмент острой части иглы.

Технокомплексы из пещеры Искра (слои 5 б, 4 в) представлены одноплощадочными плоскими и слабо-выпуклыми ядрищами, мелкими нуклеусами для отделения микропластинок. Среди орудий – пластинки с притупленным краем и концом, концевые скребки, сколы с ретушью, анкоши, резцы, скребла, орудия с подтеской, крупный метательный листовидный наконечник. Яркими образцами обработанной кости выглядят подвески с отверстием, выполненные на клыке и предкоренном зубе лисицы, одна из которых с орнаментом в виде параллельных нарезок.

На объектах сарганского времени региона практически отсутствуют искусственные структуры. Исключение составляет стоянка Ануй 2, в горизонтах 4 и 3 которой открыты простые очаги в виде кострищ.

Объектами охотничьей деятельности первобытного человека преимущественно служили животные открытого лесостепного и степного ландшафтов. На сартанских стоянках встречены остатки лошади (представлены две ее формы – крупная массивная с кабаллоидными признаками и мелкая стройная с архаичными признаками в строении зубов и метаподий), бизона, горного козла, барана-архара, благородного оленя, шерстистого носорога, косули и других видов животных. На некоторых памятниках представлены фрагменты трубчатых костей, на которых отмечены следы тонких порезов каменным орудием. Вместе с тем, в пещерных объектах существуют большие сложности в интерпретации археозоологического материала, часть которого является результатом пищевой активности пещерной гиены, кости которой широко представлены на карстовых стоянках палеолита Северо-западного Алтая и других хищников.

Палеолитические технокомплексы северо-западного Алтая, распределенные по разным стадиям сартанской эпохи, при всей вариабельности инвентаря обладают рядом общих особенностей. Сырьем для производства индустрий служил местный материал из русловых галечников р. Ануй и его притоков. Это алевролиты и песчаники, яшмоиды, эффузивы, в единичных случаях – жильный кварц. Техника раскалывания на всех стоянках основана преимущественно на параллельном и призматическом расщеплении пород, включая микропластинчатые технологии. В качестве заготовок для большинства орудий стоянок низкогорной части региона (Денисова, Искра, Усть-Каракол I) использовались пластины и пластинки неправильных очертаний, среднегорной (Каминная) – сколы укороченных пропорций. Подобную вариабельность следует отнести за счет качества используемого сырья. В орудийных наборах документируется смешение мустьерских и верхнепалеолитических категорий инвентаря. Для многих индустрий характерен микроинвентарь, прежде всего, в виде пластинок с притупленным краем, реже притупленным концом. На ряде памятников обнаружены изделия из кости.

В целом, материалы заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии предшествующих технокомплексов, существовавших в регионе в интервале 28–23 тыс. л.н.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998 – 176 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А. А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – Т 1. – С. 153–161.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – Том 1. – С. 174–184.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая // А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 448 с.

В.В. Питулько*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЯНСКАЯ СТОЯНКА

Группа памятников, известных как Янская стоянка, находится на левом берегу р. Яна приблизительно в 100 км по прямой от ее устья и в 30 км выше села Казачьево. Географические координаты местонахождения 70° 43' с.ш. и 135° 25' в.д. История ее открытия восходит к любительским сборам начала 90-х годов (находки М. Дашцэрэна), когда вместе с останками плейстоценовой фауны был найден стержень из обработанного рога шерстистого носорога.

Поиски археологических памятников в нижнем течении р. Яны ранее не производились. Ближайший из памятников, открытых в 70–80 гг XX в в среднем течении (неолитических и более поздних), находится примерно в 500 км к югу от Янской стоянки (Щербакова, 1980; Михалев, Елисеев 1992).

В 2001 г. экспедицией «Высокоширотная Арктика: Природа и Человек» (ИИМК РАН и РГМАА) в местности Сопливая Гора открыт первый археологический материал (Pitulko et al. 2004). Начиная с 2002 г., комплекс Янских стоянок изучается систематически. Стоянка активно разрушается процессами термоэрозии и термоденудации, и в ближайшие 10 лет может быть полностью утрачена. Инструментальная оценка скорости отступления бровок в районе Янской стоянки составляет 6 м в год на участках с восточной и юго-восточной экспозицией. На участках катастрофических обрушений, вызванных паводками, темп отступления может быть существенно большим.

В 2001–2004 гг. выявлено 6 участков культурного слоя различной степени сохранности, приуроченных ко второй террасе левого берега р. Яны, и соответствующих им шлейфов подъемного материала. Участки, очевидно, представляют собой отдельные стоянки, близкие по времени. Сохранность их неравноценна. Культурный слой памятника оказался наиболее доступен для изучения на участке Северный. В результате работ 2003–2005 гг. изучено более 100 кв.м непо потревоженного культурного слоя.

Все террасовые уровни выражены на этом отрезке долины фрагментарно. Выделяются следующие высотные уровни: III н/п терраса – 40–30 м, II н/п терраса – 18–15 м, I н/п терраса – 7–9 м. Разрезы всех террасовых уровней, изученных в районе Янской стоянки, представлены многолетнемерзлыми породами с высокой льдистостью и содержат повторножильные льды. Это определяет особенности строения самих разрезов, условия нахождения артефактов Янской стоянки, а также стратегию и тактику работ на ней.

В разрезе II н/п террасы (15–18 м) присутствуют повторно-жильные льды (ПЖЛ) двух генераций. Ледяные жилы основной генерации пробивают всю толщу отложений террасы и уходят ниже уровня реки. В нижней части их ширина составляет 1.5 м, увеличиваясь вверх до 3–5 м. Сверху прослеживаются ледяные жилы второй генерации, идущие до 6 м над урезом реки (ширина 0.3–0.4 м). Отложения, слагающие II н/п террасу имеют преимущественно аллювиальный генезис и сингенетическое промерзание.

Аллювиальные отложения II н/п террасы, в которых на уровне 7.5 м от уреза залегает культурный слой памятника, начали накапливаться после 40000 л.н. В настоящее время данный уровень перекрыт 8–11 м мерзлых осадков. Возраст культурного слоя определяется в интервале 27–28,000 л.н. серийными ¹⁴C датами (по фаунистическим остаткам, прямое датирование артефактов) и дополнительно контролируется датами подстилающих и перекрывающих отложений (Pitulko et al. 2004). Время пребывания человека характеризуется развитием разнотравно-полюнно-злаковых открытых растительных сообществ и хвощово-осоково-пушицевых сообществ пойменных участков реки с редкими зарослями ивы и карликовой березки, типичных для конца каргинского времени на широких территориях севера Восточной Сибири.

Вследствие роста ПЖЛ некогда единые жильные площадки оказываются разорваны и разнесены друг от друга на 3–5 м в полностью инситном состоянии, за исключением вертикального перемещения материала (всегда

положительного знака) в краевых зонах грунтовых столбов. Таким образом, лишь участки слоя, приуроченные к центральной области грунтового столба, полностью инситу и сохраняют изначальное положение, материал и планиграфию. Как представляется, данное наблюдение важно для понимания материалов не только Янской стоянки, но и других объектов, находящихся (или находившихся ранее) в криолитозоне.

Коллекции материала Янской стоянки не содержат противоречий. В материале отсутствуют предметы, которые могли бы характеризовать более поздние контексты. Справедливо заключить, что он происходит из близких по времени возникновения пятен культурного слоя. Коллекции как подъемного материала, так и происходящие из слоя, весьма многочисленны и повторяют друг друга. Индустрия Янской стоянки была ориентирована на производство орудий из галек и отщепов. Морфологически выраженных пластин нет, как и прочих следов пластинчатого расщепления.

Типологически определены скребла различных видов (в том числе многочисленны и характерны обушковые, многолезвийные и остроконечные формы), скребки, комбинированные, выемчатые, долотовидные и рубящие орудия, грубые двусторонние формы различной степени завершенности, чоперы и чоппинги. Скребла являются резко преобладающей количественно категорией. Широко практиковалась как одно-, так и двусторонняя обработка, в особенности для создания и/или подправки лезвий.

В коллекции представлены также костяные артефакты. Помимо стержней из рога шерстистого носорога и бивня мамонта, напоминающих своей формой посредники метательных наконечников (Питулько, Отчет 2003 г), известных в стоянках Кловис на Североамериканском континенте, при раскопках на участке Северный найдены многочисленные костяные орудия. Это, прежде всего, орудия типа шильев или проколок, и иглы. Среди находок имеются долотовидные инструменты, изготовленные из кости крупного млекопитающего, орудия из отщепов бивня мамонта. При разборке фаунистической коллекции выявлено значительное количество фрагментов костей с нарезками, залощенностью, и иными признаками работы. Встречены комочки красной краски, подвески из зубов различных животных и около 100 бусин. В комплексе фауны представлены мамонт, шерстистый носорог, плейстоценовый бизон, северный олень, овцебык, лошадь, песец, волк, россомаха, заяц (определение П.А. Никольского, ГИН РАН)

Полученный материал характеризует Янскую индустрию как несомненно верхнепалеолитическую с заметным числом среднепалеолитических элементов, что не является неожиданным для сибирских памятников. В то же время, в настоящий момент невозможно однозначно указать культуру или культуры, сопоставимые с этим материалом. Вполне очевидно, что он никоим образом не может рассматриваться в контексте дюктайских древностей, поскольку принципы расщепления в последних связаны с индустрией клиновидного нуклеуса. Таким образом, это либо два параллельно существующих феномена (если принять древние датировки дюктайских памятников, предложенные Ю.А. Мочановым, 1977), либо хронология дюктайской культуры требует уточнения, на что уже обращалось внимание другими исследователями Абрамова 1979, Кашин 2003). Ее появление справедливо связывается с распространением в различных направлениях селемджинской культуры, либо влияния последней (Деревянко и др. 1998). Скорее всего, ее распространение можно связывать с продвижением на Север первой мощной миграционной волны монголоидного населения, соответствующей по времени началу развития условий сартанского криохрона.

Памятники культуры, которая справедливо должна быть названа янской, предшествуют на Северо-Востоке Азии (СВА) дюктайским древностям. Появление янской культуры на СВА является скорее следствием проникновения на эти территории населения из районов, лежащих к югу и юго-западу-Забайкалья и Юга Сибири, чем результатом местного развития. Эти памятники, документирующие, как и Янская стоянка, переход от среднего палеолита к верхнему, немногочисленны и весьма разнообразны, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру. Они связаны, очевидно, с расселением единой волны европеоидного населения, продвигавшейся в широтном направлении 40–50,000 л.н., а затем и в меридиональном, в соответствии с особенностями орогидрографии региона. Определенное сходство в весьма консервативной категории инвентаря (украшениях), указывает на возможное родство ряда памятников от Яны до Верхнего Енисея, при этом эти памятники заметно различаются по технико-типологическим показателям.

Благодаря открытию Янской стоянки летопись событий, связанных с проникновением человека на арктические территории Восточной Сибири, удлинилась более чем вдвое. Ранее древнейшим памятником на Севере СВА считалась стоянка Берелех (Верещагин, Мочанов 1972) с возрастом 11–12,000 л.н. Фактически, это был древнейший археологический объект в высоких широтах, многократно упомянутый в спекуляциях на тему о расселении человека в Арктике, заселении Нового Света и т.д., но единственный в своем роде. Все попытки найти подобные ему на Севере СВА успеха не принесли, хотя при различных обстоятельствах и были открыты пункты с подъемным материалом предположительно финально-плейстоценового возраста (Диков, 1994; Кирьяк, 1989 и др.). Малочисленность отражает не степень присутствия материалов, а степень изученности, ко-

торая была и остается слабой. Кроме того, на значительной части СВА отсутствуют отложения, которые могли бы вмещать культурные остатки каргинского и сартанского времени – на обширных территориях они протаяли и размыты. Фактически, лишь Янская стоянка и Берелех характеризуют интервал в 20,000 лет, всю доголоценовую историю пребывания человека на арктических территориях СВА. Значительный разрыв между ними оставляет, в частности, открытым вопрос о том, были ли обитаемы эти территории в сартанском криохроне, как отразились эти события на пространственном распределении населения и его культуре.

Если Берелех представляет заключительный этап палеолита СВА, то Янская стоянка характеризует его древнейший отрезок. Вне зависимости от того, имеются ли на севере СВА более древние, ныне неизвестные объекты, открытие Янской стоянки позволяет не только понять облик культуры человека, осваивавшего Арктику 30,000 л.н., оценить степень его адаптации к условиям обитания и сами эти условия в их главных элементах, но и обратиться к обсуждению тем, для которых перечисленные характеристики существенны. Так, открытие Янской стоянки позволяет вернуться к обсуждению проблемы «длинной» хронологии колонизации Нового Света. Если рассматривать Янскую стоянку в широком контексте палеолитических памятников СВА, известных по работам Ю.А. Мочанова (1977) в Южной и Центральной Якутии, то становится очевидным, что последовательность культурного развития, предложенная упомянутым исследователем, далеко не так прямолинейна, как представлялось, и нуждается в ревизии, поскольку индустрия Янской стоянки абсолютно чужеродна на фоне дюктайских, базирующихся на технологии клиновидного нуклеуса.

Список литературы

- Абрамова З. А.** К вопросу о возрасте алданского палеолита // Советская археология. – 1979. – № 4. – С. 5–14.
- Верещагин Н.К., Ю. А. Мочанов.** Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Советская археология. – 1972. – № 3. – С. 332–336.
- Деревянко А. П., П. В. Волков, Ли Хонджон.** Селемджинская археологическая культура. – Новосибирск. Наука, 1998. – 335 с.
- Диков Н. Н.** Азия на стыке с Америкой в древности. – С.–Петербург. Наука. 1993. – 304 с.
- Кашин В. А.** Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований 1940–1980 гг. – Новосибирск, Наука, 2003. – 224 с.
- Кирьяк М. А.** Археология Западной Чукотки. – М., Наука. 1993. – 221 с.
- Михалев В. М., Е. И. Елисеев.** Археологические исследования в бассейне Верхней Яны // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск. Наука. 1992. – С. 47–63.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск. Наука. 1977. – 263 с.
- Щербакова Н. М.** Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. – Якутск. ЯФ СОАН СССР. 1980. – С. 62–65.
- Oppenheimer S.** Out of Eden. The peopling of the World. – London. Robinson. 2004. – 440 p.
- Pitulko V.V., P.A. Nikolsky, E.Y. Girya, A.E. Basilyan, V.E. Tumskoy, S.A. Kulakov, S.N.Astakhov, E.Y. Pavlova, and M.A. Anisimov.** Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303. – No. 5654. – P. 52–56.

А.В. Постнов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ «ОДНОРОДНОСТИ» РАЗНОВОЗРОСТНЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ УСТЬ-КАНСКОЙ ПЕЩЕРЫ*

Раскопки Усть-Канской пещеры продолжают уже много лет. Это памятник уже достаточно известен [Деревянко, Агаджанян, Вергунов и др., 2002; Агаджанян, Сердюк, Постнов, 2002; Деревянко, Постнов, Чевалков и др., 2001]. Предварительная хронологическая интерпретация разреза Усть-Канской пещеры следующая: Отложения эпохи голоцена представлены слоями 0, 1а – 6 (см. рисунок). Толща неоплейстоценовых отложений сверху вниз включает слой 2 – легкую палевую супесь, слой 3 – глыбовый горизонт с супесчаным заполнителем палевых тонов, слой 4А – черную супесь с включением угля. Этот слой, благодаря выдержанной мощности и интенсивной окраске, является хорошим маркером для всего разреза. Ниже него залегает пачка слоев темно-коричневых суглинков (слои 5 – 6) с включением глыб в основании. Их подстилают слои 7 и 8 – суглинки красноватых оттенков с обильными глыбами и щебнем. От красноцветных суглинков слоя 10 их отделяет еще один маркирующий горизонт разреза – слой 9. Это слой щебня и дресвы из кальцитов с обломками сталактитов. Заполнитель-суглинок ярко-оранжевый с редким щебнем известняка. Присутствие такого количества сталактитов в слое кальцитов указывает на определенный режим температуры и влажности, который существовал в пещере в течение длительного времени и больше не повторялся. Из образца слоя 10 определено 8 скелетных остатков *Lagurus lagurus-transiens*. Время обитания этого зверя – вторая половина среднего неоплейстоцена. В слоях 11 и 12 археологические материалы не обнаружены. Раскоп был законсервирован для дальнейших исследований. Соотношение морфологических типов зубов пеструшки из Усть-Канской пещеры указывает на позднеплейстоценовый возраст отложений. Сравнение с зубами этого же вида с других стоянок позволяет датировать 8 слой началом позднего неоплейстоцена.

Каменную индустрию Усть-Канской пещеры составляют три компонента, соответствующие крупным подразделениям палеолита. Слои со 2 по 4, включают достаточно выразительные изделия позднепалеолитических форм: долотовидные, резцы, ретушированные пластины, скребки. Однако отсутствие микронуклеусов, наличие выразительных продуктов леваллуазской техники делают позднепалеолитический комплекс Усть-Канской пещеры достаточно своеобразным. Слои 5 а-д, судя по орудийному набору, несут признаки переходного периода от мустьерских традиций к позднепалеолитическим, но при подавляющем леваллуазском компоненте. Выразительный и достаточно однородный мустьерский орудийный комплекс наблюдается в нижележащих слоях. Здесь преобладают леваллуазские изделия, скребла, ретушированные отщепы, встречаются зубчато-выемчатые формы. В целом, каменная индустрия памятника отражает доминирование леваллуазской техники расщепления, в сочетании с высокой долей фасетированности сколов.

Оценивая индустрию пещеры в целом, нельзя не отметить того обстоятельства, что по технологии изготовления она кажется нам однородной. Налицо существование долговременной традиции всего комплекса изготовления орудий от выбора гальки до реализации заготовок. Это обстоятельство может быть связано со специфичностью сырья, поскольку петрографическая характеристика каменной индустрии Усть-Канской пещеры показывает, что материал по своим петрофизическим и потребительским качествам весьма однообразен. Это однообразие связано с нивелирующим влиянием главных геологических факторов района. К ним относятся метаморфизм фации зеленых сланцев в осадочных породах и зеленокаменное изменение средних вулканических пород в единой тектонической структуре – долгоживущем глубинном Чарышско-Теректинском разломе, определившем многократное дробление всех пород и их последующее однотипное изменение.

* Работа поддержана РФФИ, проект № 05–06–80305–а.

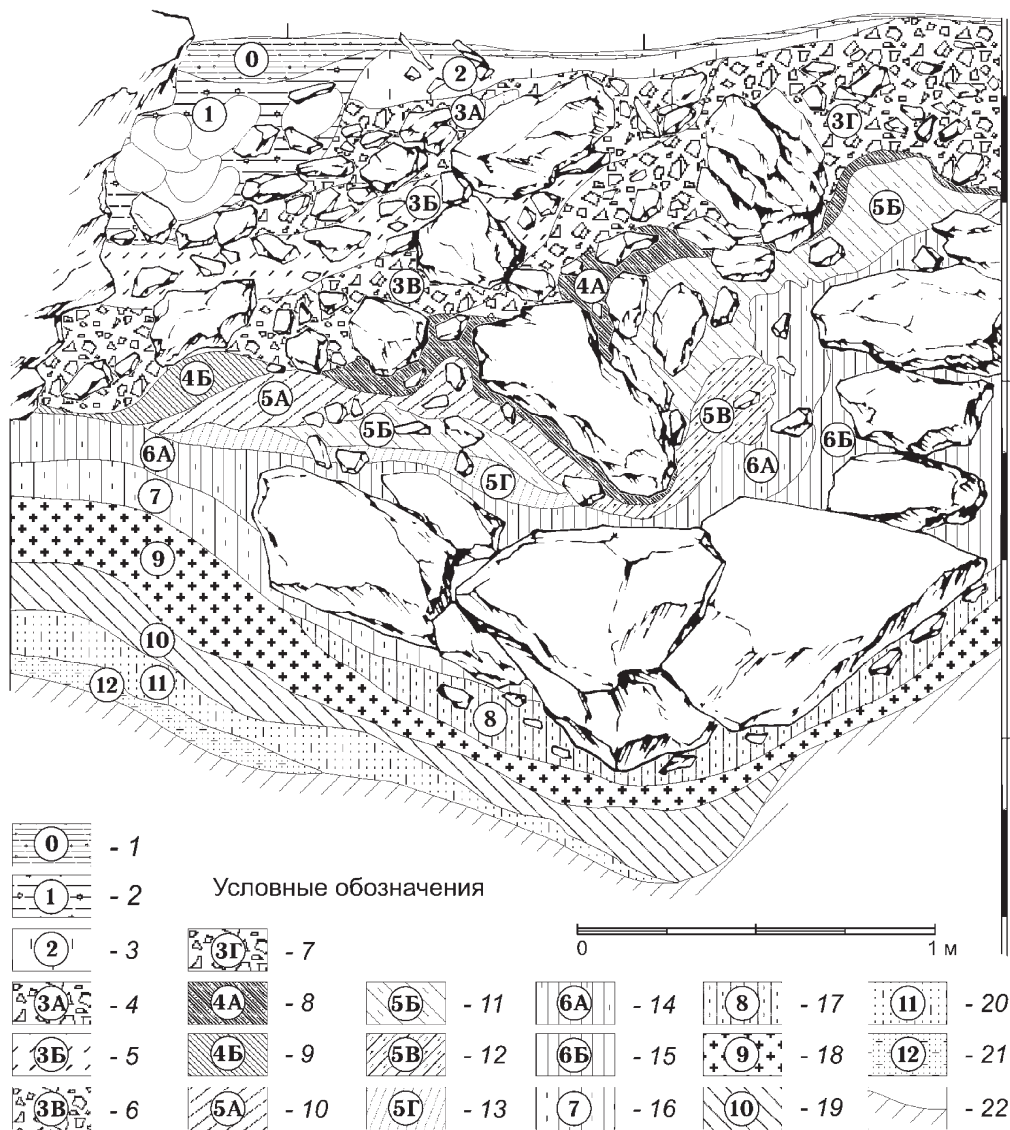

Рисунок. Стратиграфический разрез Усть-Канской пещеры (северная стенка).

1 – Слой 0. Органогенные отложения; 2 – Слой 1. Супесь серая, гумусированная; 3 – Слой 2. Супесь палевая, светлая, лессовидная с редким щебнем известняка; 4 – Слой 3А. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным лессовидным заполнителем порового типа светлых охристо-палевых оттенков; 5 – Слой 3Б. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным лессовидным заполнителем коричневато-желтых оттенков; 6 – Слой 3В. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным заполнителем переслаивания линз супеси темно-коричневой, желтовато-палевой и серо-коричневой; 7 – Слой 3Г. Глыбово-щебнистый горизонт с заполнителем из серой легкой супеси; 8 – Слой 4А. Супесь легкая, интенсивно окрашена в черный цвет. Включает угли, обожженные кости и камни известняка; 9 – Слой 4Б. Супесь коричневато-серая, флюидальной текстуры. Заполнитель – плохо сортированная дресва; 10 – Слой 5А. Суглинки светло-коричневые, охристые с каштановым оттенком, легкие. Текстура слоистая. Заполнитель – острогранные обломки известняка фракции мелких глыб и щебня; 11 – Слой 5Б. Суглинки буровато-коричневые, более темные и плотные, чем вышележащий осадок; 12 – Слой 5В. Суглинки легкие, красно-коричневые, до черных, мелкокомковатой структуры и неяснослоистой текстуры. Заполнитель – щебень известняка. Обломки оглажены и сильно выветрелы, фиксируются полностью разложившиеся отдельные; 13 – Слой 5Г. Суглинки коричневато-палевые, легкие. Заполнитель – обломки известняка, от средних глыб до дресвы; 14 – Слой 6А. Суглинки темно-коричневые, с охристым оттенком, средние, текстура не выражена. Структура мелкокомковатая. Заполнитель – изометричные, уплощенные глыбы и щебень известняка, залегающие согласно падению слоя; 15 – Слой 6Б. Суглинки, аналогичные слою 6А, от вышележащего осадка отличается сильно выветрелым щебнем в заполнителе; 16 – Слой 7. Суглинки средние, красно-коричневые, ореховатой структуры, флюидальной текстуры. Заполнитель – щебень и глыбы известняка. Глыбы крупные, выступают из слоя в вышележащие отложения. Погруженные в слой части глыб и щебень имеют сильно выветрелую поверхность; 17 – Слой 8. Суглинки серо-коричневые, пористые, неясной текстуры. Заполнитель – щебень известняка, от крупного до мелкого, редкие мелкие глыбы; 18 – Слой 9. Слой щебня и дресвы из кальцитов с обломками сталактитов. Заполнитель – суглинок оранжевый с редким щебнем известняка; 19 – Слой 10. Суглинки красновато-сургучные, средние, плотные, текстура флюидальная. Во включениях отдельные угли, пятна омарганцевания; 20 – Слой 11. Слой гальки и гравия сланцев Материала сильно выветрелый. Заполнитель – суглинок охристо-табачного оттенка с зеленоватым тоном; 21 – Слой 12. Слой суглинка сургучного с линзовидными включениями кальцитов и щебня известняка в подошве слоя. Щебень сильно выветрелый, разрезается ножом. Прокопан на глубину до 15 см; 22 – непотревоженные раскопом отложения.

Такая длительная проработка привела к тому, что различные по генезису, но сходные по общему химизму осадочные, вулканогенно-осадочные и вулканические породы приобрели близкий минеральный состав и мелкозернистое строение, стали настолько похожи друг на друга, что воспринимаются как однотипные. (Кулик, Постнов, 2001). В работах по изучению особенностей сырья на расщепления камня на палеолитических комплексах долины р. Ануй был сделан вывод о том, что подобные породы гораздо чаще расщеплялись с помощью леваллуазской технологии.

Возможно, причиной однородности комплекса в целом является абсолютное преобладание численности остатков в средней части стратиграфических подразделений – слоях 4, 5. По насыщенности находками артефактов из камня и качеством расщепления костных остатков можно утверждать, что пещера посещалась людьми с различной интенсивностью. Во время формирования слоев 10, 9 и 1 очень редко; во время формирования слоев 8, 7, 6, 3, 2 – со средней интенсивностью; и во время формирования слоев 5 и 4 – с очень высокой. Интенсивность посещения древними людьми во время формирования слоев 4 и 5 настолько высокая, что не имеет аналогов в других пока известных палеолитических пещерных памятниках Алтая. Можно утверждать, что практически все костные остатки крупных млекопитающих, найденные в слоях 4 и 5 сформированы под воздействием человека. Этот вывод сделан не только на основе количественного распределения остатков костей и каменных артефактов, но и с учетом археозоологического изучения коллекции [Деревянко и др., 2004].

Возможно, так же, что технологическая однородность каменной индустрии Усть-канской связана с тем, что в пещере жили этнически другие люди. Однако это предположение маловероятно, поскольку в окружении пещеры есть несколько позднепалеолитических объектов с ярко выраженной индустрией верхнего палеолита. Из них наиболее изученным является памятник Чарышский навес, в 6 км от Усть-Канской, где в индустрии полностью отсутствует леваллуазское расщепление [Деревянко и др., 2003]. По нашим представлениям обособленная этническая группа не может существовать столь долгий срок в близком соседстве с другими группами.

Необходимо отметить, что вариант перемешивания слоев исключен. Разрез достаточно детально изучен биостратиграфическими методами, и анализ морфологии мелких позвоночных показывает направленные изменения морфологии животных от нижних слоев к верхним. Трудно предположить, что перемещение артефактов внутри толщи происходило без участия остатков микротерриофауны.

Наиболее вероятным является предположение, что технологические принципы получения определенных форм орудий на Усть-Канской пещере сохранялись, из-за определенной функциональной нагрузки места. Необходимо отметить, что памятник очень высоко расположен над водой, имеет широчайший обзор на долины трех рек, которые соединяют свои воды около объекта, надежно защищен от ветра и является «теплым» гротом, экспонированным на юг. Анализ индустрий других объектов Алтая с подобным расположением позволит пролить свет на технологические особенности позднепалеолитического комплекса артефактов Усть-Канской.

Список литературы

Кулик Н.А., Постнов А.В. Петрография индустрии Усть-Канской пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 146–151.

Деревянко А.П., Постнов А.В., Горбунова Т.А., Оводов Н.Д., Орлова Л.А., Кулик Н.А., Сердюк Н.В., Чевалков Л.М. Археологические исследования Усть-Канской пещеры и стоянки Чарышский навес в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, часть I. – С. 90–95. (0.341675 п.л.)

Агаджания А.К., Сердюк Н.В., Постнов А.В. Предварительная хронологическая интерпретация отложений Усть-Канской пещеры (Горный Алтай) и палеогеографическая реконструкция условий их формирования (по данным изучения микротерриофауны) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 11–22.

Деревянко А.П., Агаджания А.К., Вергунов Е.Г., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк Н.В., Чевалков Л.М. Результаты комплексных исследований Усть-Канской пещеры в полевом сезоне 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 52–56.

Деревянко А.П., Постнов А.В., Горбунова Т.А., Кулик Н.А., Чевга О.Н. Результаты комплексных исследований Усть-Канского отряда в полевом сезоне 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I. – С. 96–100.

Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М., Оводов Н.Д., Кулик Н.А. Проблемы интерпретации геоархеологических материалов раскопок Усть-Канской пещеры в Горном Алтае // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 130–133.

Е.П. Рыбин*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.*

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИНДУСТРИЙ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ*

После открытия на территории Алтая, Забайкалья и Монголии в 50–70-х годах серии памятников, по своим технико-типологическим особенностям заметно отличающихся от известных ранее культур поздней поры верхнего палеолита, были предприняты первые попытки осмысления ситуации, выразившиеся в известной концепции «леваллуазского этапа» А.П. Окладникова. Изучение проблематики РВП в сибирском масштабе ныне требует конкретного определения особенностей культуры ранней поры верхнего палеолита. Целью статьи является определение подходов к сопоставлению проявлений вариабельности и возможности культурной корреляции двух основных регионов распространения сибирских памятников ранней поры верхнего палеолита, расположенных на крайней западной (Горный Алтай) и крайней восточной (Забайкалье) границах распространения этого технокомплекса.

Данные о характере развития технологии и орудийного набора на территории Горного Алтая очевидно свидетельствуют о формировании верхнепалеолитической традиции на основе эволюционно «продвинутого» местного варианта среднего палеолита. Начало этого процесса связано с хронологическим промежутком от 50 до 40 тыс. лет назад. В РВП Алтая выделяется два технологических варианта – карабомовский и усть-каракольский [Деревянко, 2001]. Первый из этих вариантов имеет достаточно локальную географическую привязку (бассейн среднего течения Катуня), второй, Денисовский имеет значительно более широкое географическое распространение, к нему относятся памятники как бассейна Ануя, так и комплексы Западного и Северного Алтая (пещера Страшная и Ушлеп-6). Объединяет памятники алтайского РВП несомненная направленность на пластинчатую технологию, существовавшую как в форме производства крупных массивных пластин, так и элементов микропластинчатого расщепления. В основу технологии РВП легли «прогрессивные» элементы раскалывания, уже имевшие место в среднепалеолитических технокомплексах. Более архаичными (более «леваллуоидными») являются индустрии Карабомовского варианта РВП, у которого прослеживаются явные параллели с индустриями начальной поры верхнего палеолита Центральной Европы и Ближнего Востока и у которого, в отличие от усть-каракольского варианта не отмечается генетические связи с последующими верхнепалеолитическими индустриями. Индустрии усть-каракольского варианта РВП сменяют связанные с ним верхнепалеолитические комплексы 9 слоя Денисовой пещеры и Ануя 2.

Наиболее удаленным на восток районом распространения пластинчатых индустрий РВП является Забайкалье. В схеме технологической вариабельности РВП Забайкалья прослеживается две традиции, и в этом заключается принципиальное отличие от алтайской ситуации. Первая – выделяемая в индустриях памятников Каменка А(С), Подзвонкая, Хотык (горизонты 1-3), Варварина Гора (горизонт 2), Толбага – ведущей является техника параллельного расщепления (подпризматические ядрища, плоскостные нуклеусы с переходом на дополнительный фронт на торце, крупные удлиненные пластины, как основной продукт раскалывания). Второй технико-типологической традицией определяется индустрия комплексов Хотыка (4), Каменка (Б), Куналея. Для нее характерны нуклеусы радиального и ортогонального принципов скалывания, преобладание отщепов среди отходов раскалывания, небольшой процент изделий на пластинах, наличие продуктов микрорасщепления

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 06-01-00527а, РФФИ № 04-06-80017 и 04-06-80018, гранта интеграционных проект СО РАН по проекту № 1.6 ПСО № 21.1 «Эволюция поведенческих и адаптационных систем древнего человека во время перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Центральной Азии»; гранта интеграционных проект СО РАН фундаментальных исследований по гуманитарным наукам №73; а также НШ-7646.2006.6

Таблица.

	Алтай	Забайкалье
Хронология	47,000 – 29,000 л.н.	41,000 – 25,000 л.н.
Группировка индустрий	Пластинчатые индустрии	Пластинчатые и отщеповые индустрии
Вариабельность пластинчатых индустрий	Усть-Каракольская линия развития Кара-Бомовская линия развития	Основной пластинчатый вариант РВП Начальный период РВП (Каменка)
Первичное расщепление	Объемное подпризматическое однонаправленное Микропластинчатое Бипродольное острийно-пластинчатое	Объемное подпризматическое однонаправленное Бипродольное острийно-пластинчатое
Орудийный набор Сходства: Объясняемые стадийным развитием Специфические типы орудий	<ul style="list-style-type: none"> - пластина, как ведущая заготовка - острия на пластинах, в том числе «леваллуоидные» - обушковые ножи - тронкирование - концевые скребки на массивных пластинах, и скребки, ретушированные на 3/4 периметра <ul style="list-style-type: none"> - важная роль зубчато-выемчатого компонента - срединные резцы на краевых сколах или истощенных нуклеусах - скошенные ("тронкированные") острия симметричные острия, обработанные зубчатой ретушью - орудия с вентральной подтеской поперечного края («протокостенковские ножи») - проколки, образованные выемкой у дистального окончания - скребла-ножи пластины с притупленным краем пластины с "черешком" выделенным крутой ретушью - орудия Шанфрейн (?) (с поперечной фаской дистального окончания) 	
Различия: Долотовидные орудия	Мало	Много, один из ведущих типов
Скребла	Мало, или атипичные	Много, скребла на преднамеренно фрагментированных массивных пластинах
Острия с вентральной подтеской ударного бугорка	Распространены	Нет Редко (Толбага, Варварина Гора)
Бифасы	Присутствуют в большинстве индустрий	Нет
Кареноидные скребки	Индустрии Усть-Каракольской линии	
Украшения	Орнаментированные пронизки Подвески из камня Бусы из скорлупы страуса	

[Лбова, 2000]. Хронология забайкальских объектов свидетельствует о большей древности пластинчатых индустрий, представляется возможным предположить либо непродолжительный период сосуществования, либо прямую смену пластинчатых индустрий отщеповыми.

Имеющиеся данные позволяют выделить одну основную группировку индустрий пластинчатого варианта РВП Забайкалья. К нему относятся индустрии стоянок Толбага (4 сл.), Хотыка (3-1, возможно 4\1), Варвариной

Горы (уровень 2), Подзвонкой. Эти индустрии характеризуются следующими основными особенностями: 1. в технологии расщепления отсутствует системное и систематическое леваллуазское расщепление и подлинные его продукты. Раскалывание основывается на подбьемных нелеваллуазских методах с преимущественно однонаправленным расщеплением. Так называемые плоскостные нуклеусы, встречающиеся в индустриях, вероятно, являются результатом истощения подпризматических нуклеусов. Особенностью палеолита Забайкалья является отсутствие явно выраженной тенденции к микрорасщеплению; 2. орудийный набор характеризуется явным доминированием верхнепалеолитических типов орудий, хотя среднепалеолитические типы представлены несколько больше, чем в индустриях Горного Алтая. Среднепалеолитические орудия в основном представлены скреблами на массивных тронкированных пластинах, которые составляют одну из ярких и своеобразных особенностей палеолита Забайкалья. Верхнепалеолитический компонент технокомплексов представлен концевыми и угловыми скребками, скребками с рыльцем, скребками высокой формы, долотовидными орудиями, остриями на пластинах, сколами с поперечной вентральной подтеской (напоминающих «протокостенковские» ножи, и находящие прямые аналогии в некоторых алтайских комплексах), а также многочисленных и разнообразных проколов и шиповидных орудий.

Особняком стоит комплекс стоянки Каменка А(С). Разброс дат для отложений, содержащих комплекс А(С) стоянки Каменка довольно широк, данные группируются в пределах 30 – 31 тыс. л.н. и 35 – 41 тыс. л.н., более ранние датировки подтверждены новой серией дат и кажутся предпочтительнее. В целом, технология расщепления комплекса Каменки несколько отличается от основного варианта утилизации камня, который выделяется в РВП Забайкалья. Ведущим методом расщепления было бипродольное нелеваллуазское подпризматическое раскалывание, нацеленное на производство удлиненных подтреугольных пластин, напоминающее в определенных аспектах вариант технологии, зафиксированные в некоторых ближневосточных (эмирьен) и центральноевропейских (богунисьен) индустриях начального этапа верхнего палеолита. Отличает комплекс Каменки А(С) и самый высокий в Забайкалье показатель фасетированности ударных площадок. Орудийный набор памятника характеризуется практически полным отсутствием среднепалеолитических типов орудий. В нем преобладают острия на пластинах, зубчато-выемчатые орудия, скребки, пластины с ретушью, комбинированные орудия (представляющие различные сочетания преимущественно верхнепалеолитических морфологических элементов), долотовидные орудия, резцы. Сравнивая индустрию Каменки А(С) с алтайскими материалами может быть выявлены заметные аналогии с памятниками карабумовского круга, также, как и Каменка, имеющими на региональном фоне наиболее архаичный характер. В таблице показаны основные технико-типологические черты сходства и различия, которые могут быть прослежены при сопоставлении ранневерхнепалеолитических комплексов Горного Алтая и Забайкалья.

При интерпретации сходств и различий между пластинчатыми индустриями РВП двух регионов Южной Сибири невозможно обойтись без определения генетической основы для формирования ранних памятников верхнего палеолита Забайкалья. Имеющиеся данные пока не позволяют сделать достаточно уверенных выводов, однако могут быть предложены несколько возможных вариантов происходивших процессов. Предположение о генезисе РВП Забайкалья на основе местного мустье пока наиболее плохо обеспечено фактами. Среднепалеолитические комплексы территории представлены либо подъемными коллекциями, либо происходят из переотложенных условий, либо слишком сильно отличаются от вышележащих верхнепалеолитических индустрий (слои 4/2-6 Хотыка). Ранний верхний палеолит Монголии (по крайней мере, те комплексы, которые обеспечены датировками, среди которых нет слоев древнее 30-35 тыс. лет назад) заметно моложе РВП Забайкалья, и если можно говорить о взаимных влияниях, то предпочтительнее может выглядеть предположение об участии забайкальских культур в формировании верхнего палеолита более южных территорий, а не наоборот. Вероятно, наиболее обоснованным предположением может быть признание генетических связей между РВП Горного Алтая и Забайкалья. Хотя к проявлениям сходства в облике орудийного набора и первичного расщепления, которые могут быть объяснены конвергентным развитием и «стадиальным» сходством следует относиться с определенной осторожностью, заметные параллели в составе «редких» типов орудий и персональных украшений позволяют предложить возможность либо прямого переноса верхнепалеолитических технологий в уже сложившемся виде с запада на восток, либо формирование верхнего палеолита Южной Сибири на основе алтайского («южносибирского») среднего палеолита.

Список литературы

- Дервянко А. П., 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае. Археология, этнография и антропология Евразии, 2001. №3 (7), с. 70–103.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Ю.Б. Сериков

*Нижегородская государственная социально-педагогическая академия
Нижегородский Тагил*

ГАРИНСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА СОСЬВЕ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ) – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гаринская стоянка является самым северным палеолитическим памятником на восточном склоне Урала – 59° с. ш. / 62° в. д. Открыта она в 1973 г., когда автору среди разбросанных на берегу костей мамонта удалось найти первые каменные изделия эпохи палеолита [Сериков, Арефьев, 1974]. Исследования 1974 г., проведенные совместно с О.Н. Бадером, показали, что культурный слой памятника полностью смыт [Бадер, Сериков, 1975]. Впоследствии почти ежегодно стоянка с целью сбора подъемного материала посещалась автором.

Памятник находится в черте старинного русского села Гари (1620 г.) (Гаринский р-н Свердловской обл.). Местонахождение костей и кремня вытянуто узкой полосой под обрывом 7–8-метровой поймы на правом берегу Сосьвы. Кости и кремьне вне размыва встречаются только в мерзлотных клиньях на глубине 5–5,5 м от кромки обрыва [Бадер, Сериков, 1981]. В шести клиньях вместе с костями найдено 9 каменных изделий. В подъемном материале кремьне встречается на протяжении 200 м, кости – около 230 м. Следует подчеркнуть, что кости и кремьне на местонахождении залегают двумя скоплениями. Диаметр северного скопления около 15 м, южного – около 20 м. Расстояние между скоплениями – около 150 м. С севера и юга местонахождение ограничено двумя глубокими логами, которые защищают стоянку с напольной стороны. В 300 м к северу от местонахождения находится так называемый Белый Яр – куполообразное вздутие берега высотой до 30 м, сложенное из туфовидных белых известняков.

В 2004 г. удалось уточнить стратиграфию памятника и найти остатки костеносного слоя. Под гумусированным слоем толщиной 20–40 см идет светло-коричневый суглинок мощностью 2–2,1 м, который содержит ржавые, иногда красные пятна и прожилки, а также белые известковые включения. Подстилается он толщей плотного, сырого и вязкого серо-голубоватого глинистого алевролита мощностью более 3 м. Нижняя часть суглинка на контакте с алевролитом толщиной около 20 см затронута солифлюкцией. Именно в этом слое и обнаружены отдельные кости мамонта.

Памятник интенсивно размывается весенними разливами Сосьвы. За время наблюдений за ним (с 1973 г.) смыто не менее 30 м берега с рядом домов и дорогой вдоль них.

Всего в Гарях найдено не менее 6 тыс. костей мамонта, 577 каменных изделий и несколько десятков изделий из бивня и кости. Особо следует подчеркнуть находки произведений искусства-зооморфную личину из межпозвоночного диска мамонта и орнаментированное ребро.

Комплекс каменных изделий с Гаринской стоянки неоднократно публиковался в центральной [Бадер, Сериков, 1981; Сериков, 1997] и местной печати [Сериков, 1999; 2000; 2004]. В коллекции представлены все основные типы изделий: нуклеусы – 20, расколотые нуклеусы – 8, нуклевидные куски – 2, поперечные сколы с нуклеусов – 42, ребристые сколы с нуклеусов – 11, ребристые пластинки – 11, резцы – 12, острия – 10, скребки – 7, скобели – 3, стамески – 7, тесло – 1, отбойники – 3, пластины с ретушью утилизации – 29, пластины без ретуши – 231, пластины с ретушью – 52, отщепы с ретушью – 12, отщепы и чешуйки – 106. Кроме этого в коллекции присутствуют резцовая отщепка, абразив, галечное изделие и 7 колотых галек.

Детальное изучение всей коллекции позволило выявить важную деталь в технике расщепления. Изучение ударных площадок нуклеусов показало, что 18 из 20 нуклеусов имеют абразивную подработку ребра между ударной площадкой и плоскостью скалывания. Исследование ударных площадок пластин также привело к интересным результатам. В коллекции выявлены пластины с гладкими ударными площадками (24,6 %), с фасетированными (37,1 %), с пришлифованными (27,4 %) и с фасетированными и пришлифованными

(10,9 %). Абразивная подготовка ударных площадок нуклеусов для палеолита Урала нехарактерна и выявлена пока только на одном памятнике – в пещере Кульюрт-Тамак на Южном Урале [Нехорошев, Гирия, 2004].

Пластинчатый комплекс стоянки содержит 68 целых пластин, 57 сечений, 33 пластины с отсеченной дистальной частью, 23 – с отсеченной проксимальной частью, 65 отсеченных дистальных частей пластин и 75 отсеченных проксимальных. Ширина пластин укладывается в размеры от 0,5 до 3 см. Преобладают пластины шириной 0,9-1,7 см-248 экз. (72,9 %). Пластин шириной до 2 см в коллекции 325 экз. (95,6 %). Орудия (104 экз.) изготовлены на пластинах шириной от 0,6 до 2,9 см. Преобладают орудия на пластинах от 0,9 до 1,9 см – 90 экз. (86,5 %). Среди них наблюдается заметный разброс по ширине: 1 см – 10 экз., 1,2 см – 11 экз., 1,5 см – 12 экз., 1,9 см – 11 экз. Процент пластинчатости комплекса составляет 72,41 %.

Новые неопубликованные находки меняют только количественную характеристику памятника. Исключением является галечное изделие из кварцита, которых ранее на стоянке не находили. Оно изготовлено из половины расколотой вдоль гальки. Длина гальки 11 см, ширина 5,3 см. Боковое ребро гальки по всей длине обработано заломившимися сколами. Изделие могло быть галечным нуклеусом или скреблом.

56,5 % всех каменных изделий сохранили на себе галечную корку. Этот факт неопровержимо свидетельствует о местном происхождении сырья. И действительно, галечные выходы обнаружены в 7 км ниже Гарей в д. Рычкова. Около 54% всех изделий изготовлено из разных видов яшмы (зеленой, темно-серой, сургучной, красно-зеленой, светло-серой). Из разнообразных кремнистых сланцев изготовлено 24,8 % изделий, из кремня – 15,4 %. Кроме этого в коллекции присутствуют отдельные изделия из молочного кварца, халцедона, роговика и кварцита.

Фаунистический комплекс Гарей содержит 98,5 % костей мамонта. При этом преобладают крупные нерасколотые кости молодых и полувзрослых мамонтов. Кроме костей мамонта на стоянке встречены единичные кости шерстистого носорога, медведя (череп), северного оленя (обломки рогов), сайги (зубы), дикой лошади и пещерного льва (хвостовой позвонок). Общее количество костей перечисленных животных – около 70.

На памятнике выявлено несколько десятков костяных изделий. Среди них нужно отметить по две берцовые кости мамонта и шерстистого носорога с глухими отверстиями на дистальном конце. Интересны две лучевые кости мамонта, имеющих овальные вмятины от сильных ударов. Судя по всему, они служили ударными инструментами. Некоторые кости использовались в качестве абразивов для обработки костяных изделий. В коллекции присутствует серия отщепов, сколотых с бивней молодых мамонтов. Большой интерес представляет сильно сработанный струг для обработки шкур, выполненный из ребра мамонта. Значительную группу находок составляют кости мамонта (прежде всего, ребра) со следами использования. Дополняют коллекцию костяных изделий упомянутые выше произведения искусства-орнаментированное ребро и зооморфная личина.

Есть косвенные свидетельства, позволяющие предполагать существование на памятнике жилых сооружений из костей мамонта. Это, прежде всего, тот факт, что кости и каменные изделия залегают двумя скоплениями. В районе южного скопления были вымыты 2 целых черепа мамонтов, молодого и взрослого. Раскопки мерзлотного клина в этом скоплении выявили стоящие рядом (впритык друг к другу) на ребре три левых лопатки и таза мамонта, а также двух бивней, нижней челюсти, крестца, нескольких длинных костей и позвонков мамонта и множества ребер. Можно допустить, что в морозобойную трещину сползла часть обкладки цоколя жилища. В этом же клине найдена фаланга носорога с глухим отверстием, зооморфная личина и три яшмовых изделия.

В пользу существования на стоянке жилищ из костей мамонта могут свидетельствовать и описанные выше кости с глухими отверстиями. На Урале подобные изделия не известны, но они представлены на палеолитическом поселении Межиричи на Украине, где входили в состав конструкций жилищ из костей мамонта. По реконструкции И.Г. Пидопличко, эти кости служили для придавливания шкур, покрывающих жилище, к его обкладке при помощи согнутой пружинистой палки [Пидопличко, 1976]. Что касается кости мамонта с канальным отверстием, то, скорее всего, эта кость, как и в Межиричах, являлась частью вертельной перекладки.

Памятник имеет уже 4 радиоуглеродные даты. Три по кости мамонта – 15150±280 лет (СОАН-4462), 16320±250 лет (СОАН-4461) и 16700±240 лет (СОАН-4843) и одну по кости носорога – 20480±410 лет (СОАН-5594).

Преобладание яшмы (54,07 %) в комплексе Гарей фиксирует традицию использования гаринским населением именно этого вида сырья. Такая ярко выраженная избирательность сырья может свидетельствовать о пришлом характере гаринского населения, а также о возможном его продвижении с Южного Урала [Сериков, 1998]. Еще одним аргументом в пользу этого предположения может являться и абразивная обработка ударных площадок нуклеусов, выявленная только в Гарях и на Южном Урале.

Таким образом, в настоящее время Гаринскую стоянку можно рассматривать как палеолитическое поселение. По количеству и качеству находок ему нет равных на территории Среднего Зауралья. А фаунистический

комплекс является крупнейшим на Урале. Значимость комплекса Гарей усиливается присутствием в нем редчайших для Урала находок – произведений первобытного искусства. Некоторые материалы позволяют предполагать и наличие на нем жилищ из костей мамонта. Материалы Гаринской стоянки широко используются в уральском палеолитоведении [Павлов, 1996; Петрин, 1986].

Список литературы

- Бадер О.Н., Сериков Ю.Б.** Самая северная палеолитическая стоянка Зауралья // АО 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 138.
- Бадер О.Н., Сериков Ю.Б.** Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве // СА. – 1981. – № 3. – С. 242–248.
- Нехорошев П.Е., Гирия Е.Ю.** Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 12–35.
- Павлов П.Ю.** Палеолитические памятники северо-восточной части России. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. – 193 с.
- Петрин В.Т.** Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 142.
- Пидопличко И.Г.** Межиричские жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1976. – 239 с.
- Сериков Ю.Б.** Новые данные по палеолиту Среднего Урала // РА. – 1997. – № 3. – С. 120–125.
- Сериков Ю.Б.** К вопросу о путях и времени первоначального заселения Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. – Часть I. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998. – С. 196–199.
- Сериков Ю.Б.** Палеолит Среднего Зауралья: Учебное пособие для студентов исторического факультета. – Нижний Тагил: Полиграфист, 1999. – 152 с.
- Сериков Ю.Б.** Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Полиграфист, 2000. – 431 с.
- Сериков Ю.Б.** К вопросу о характере и культурной принадлежности Гаринской стоянки // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 5–11.
- Сериков Ю.Б., Арефьев В.А.** Работы на территории лесного Зауралья // АО 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 174.

В.С. Славинский, А.А. Цыбанков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ОРХОН 7 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 1)*

Неоценимое значение для понимания проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту для территории Центральной Азии имеют стратифицированные комплексы Южного Хангая (Монголия). В начале 60-х гг. прошлого столетия, в течение нескольких сезонов (1961–1964 гг.) проводились раскопки уникального памятника открытого типа Мойылтын ам. В результате данных работ была получена большая коллекция каменных артефактов относящихся к разному времени эпохи палеолита [Окладников, 1981]. С 1985 г. по 1989 г. были продолжены стационарные исследования и дальнейший поиск стратифицированных комплексов данного района. Была уточнена последовательность рыхлых отложений, вмещающих археологические находки памятника Мойылтын ам, и проведена детальная разведка в долине реки Орхон. В результате этих работ были обнаружены несколько палеолитических комплексов, наиболее перспективные объекты Орхон 1 и 7, исследовались раскопками [Деревянко, Дорж, Васильевский и др., 1986, С. 2–5, 1987, С. 2–5].

Памятники Орхон 1 и 7, вскрытые в течение этих лет раскопками общей площадью более 300 кв.м. имеют колонку рыхлых отложений единого генезиса и представляют собой стратиграфическую последовательность пород тела II надпойменной террасы левого берега р. Орхон. Все разрезы скоррелированы между собой в результате комплексного исследования. Проведена полная литологическая и геохимическая характеристика отложений; отобраны и определены фаунистические остатки млекопитающих; проведен палинологический анализ; и, наконец, получена внушительная серия абсолютных дат [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992].

Суммируя все археологические горизонты обитания обнаруженные в толще рыхлых отложений Орхона 1 и 7 можно выделить, по меньшей мере, четыре крупных, разделенных «стерильными прослойками», культурных подразделений. На основе морфологических и технико-типологических данных первое и второе подразделения относятся к мезолитическим – финально верхнепалеолитическим индустриям; и второе, соответственно, предположительно к индустриям средней стадии верхнего палеолита. Третье, наиболее массово представленное археологическими материалами культурное подразделение относится к индустриям начальной поры верхнего палеолита; четвертое, к финалу среднего палеолита (не исключено, что в данном подразделении имеется часть материалов относящихся к средней стадии среднего палеолита). Остановимся подробнее на третьем культурном подразделении.

Покровные делювиально-пролювиальные отложения, вмещающие горизонты обитания соответствующие третьему культурному подразделению имеют серию дат в интервале от 31 тыс. л.н. до 38 тыс. л.н. [Деревянко, Петрин, 1990, С. 163; Деревянко, Николаев, Петрин, 1992, С. 43; Асташкин, Деревянко, Милов и др., 1993, С. 11].

Археологические материалы Орхона 1 и 7, относящиеся к ранней стадии верхнего палеолита имеют схожие морфологические и технико-типологические особенности. Коллекция каменной индустрии насчитывает более 10 тысяч артефактов и в основном представлена отходами расщепления, процесс которого происходил на месте стоянки/стоянок. Немногочисленный орудийный набор представлен серией скребел, скребков, ретушированных пластин, единично представлены тщательно оформленные долотовидные изделия [Деревянко, Петрин, 1990, С. 169; Деревянко, Николаев, Петрин, 1994, С. 71]. Характеристики объекта, явно свидетельствующие о функциональном использовании стоянки в качестве мастерской, позволили в рамках раскопа 1 Орхона

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 04–06–80439; Фонда Президента РФ, грант НШ – 7646.2006.6, МК – 7568.2006.6; молодежного проекта Президиума СО РАН, грант № 146.

7 реконструировать технологию первичного расщепления камня.

К настоящему времени восстановлена большая серия нуклеусов в различной степени отражающих процесс расщепления, от одного этапа подготовки/подправки или этапа реализации целевых заготовок, до полностью восстановленной системы утилизации нуклеуса (статья с подробным описанием и иллюстрацией продуктов ремонта готовится к печати). Судя по полученным данным основным вариантом расщепления камня, была своеобразная техника получения пластинчатых заготовок, особенности которой предлагается в рамках работы подкреплять характеристикой двух наиболее ярких примеров (Рис. 1, 2). Наблюдается два способа расщепления различных морфологически, как правило, зависящих от изначальной формы и размеров гальки, но во многом схожих технологически. В первом случае (Рис. 1) для получения пластинчатых, часто конвергентных заготовок использовалась удлиненная объемная прямоугольной в плане формы галька с сильно окатанными ребрами, с наличием широкого торцевого с ровной поверхностью конца, используемого в последствии в качестве ударной площадки. На первой стадии расщепления, отщепами склотыми, видимо, с продольного ребра гальки, минимальному оформлению подверглась будущая рабочая поверхность нуклеуса. Далее, для придания фронтальной в поперечном сечении выпуклости, происходило скалывание краевых продольных технических обушковых снятий

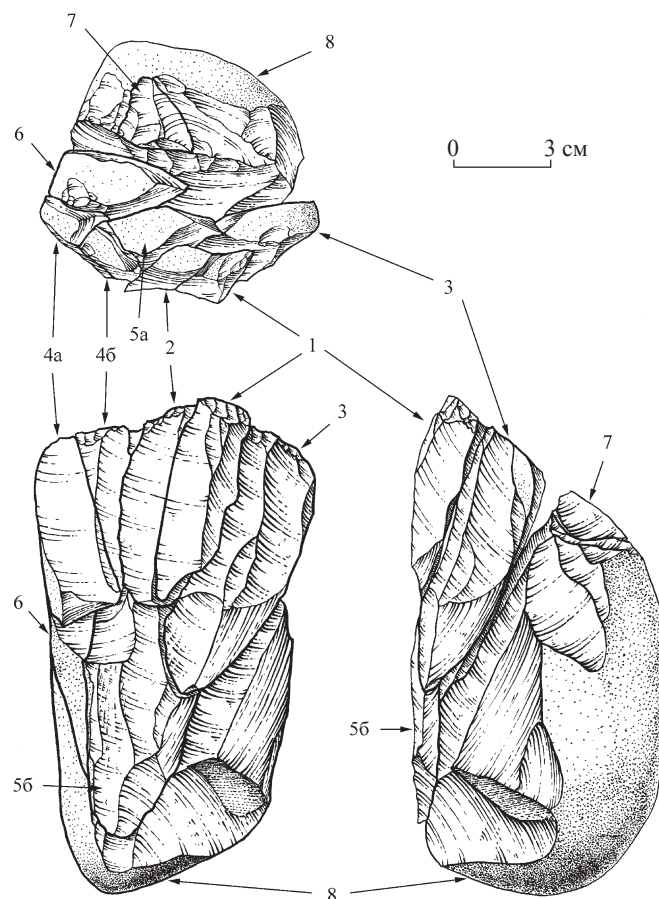

Рис. 1. Орхон 7 раскоп 1. Сборка 1.

(данные сколы также отсутствуют, но читаются по негативам на последующих снятиях сборки), направленных вдоль длинной оси гальки. Непосредственная реализация, как правило, конвергентных пластинчатых заготовок производилась без каких либо значительных предварительных подправок с естественной (корочной) поверхности ударной площадки (элементы сборки 1, 2). Далее, процесс повторялся в рамках простой, изначально определенной цепочки операций: краевые обушковые снятия (элементы 3, 4, 6) – серия целевых заготовок (элемент 5); до той стадии истощения нуклеуса, когда реализация данной «программы действий» становилась невозможной. В рамках предлагаемого в работе складня наблюдаются неоднократные попытки продолжения расщепления в изначально определенной технике, однако, «поперечная» внутренняя структура гальки не позволила подготовить нормальную плоскость ударной площадки. Один из серии прерванных заломом и сильно отраженных сколов переподготовки площадки представлен в сборке (элемент 7). После этого, нуклеус мог переоформляться в любой «тип», но чаще дальнейшее расщепление происходило в зависимости от рельефа поверхности остаточного ядрища.

Второй способ расщепления камня наблюдается на гальках имеющих «кубовидные», угловатые (с гранями образующими острый угол) объемные формы. На примере этого варианта расщепления наблюдаются следы более интенсивной предварительной подготовки нуклеуса и более тщательной подправки боковых сторон ядрища перед каждой серией реализации целевых сколов. Неоднократно прослеживается система бинаправленного встречного расщепления нуклеуса. Данные дополнительные операции были вызваны, видимо, в силу изначальной формы сырья. В отличие от первого нуклеуса в рамках данной сборки (Рис. 2) наблюдается изначальная и последующая тщательная подправка ударной площадки/площадок и боковых граней нуклеуса серией сколов направленных с фронтальной поверхности на латераль (создающих прямой угол между фронтом и плоскостью латерали). В более устойчивый тип определяют краевые технические сколы (элементы 1–7), полностью повторяя, при склейке друг к другу, способ оформления, морфологию и часто размеры. После ска-

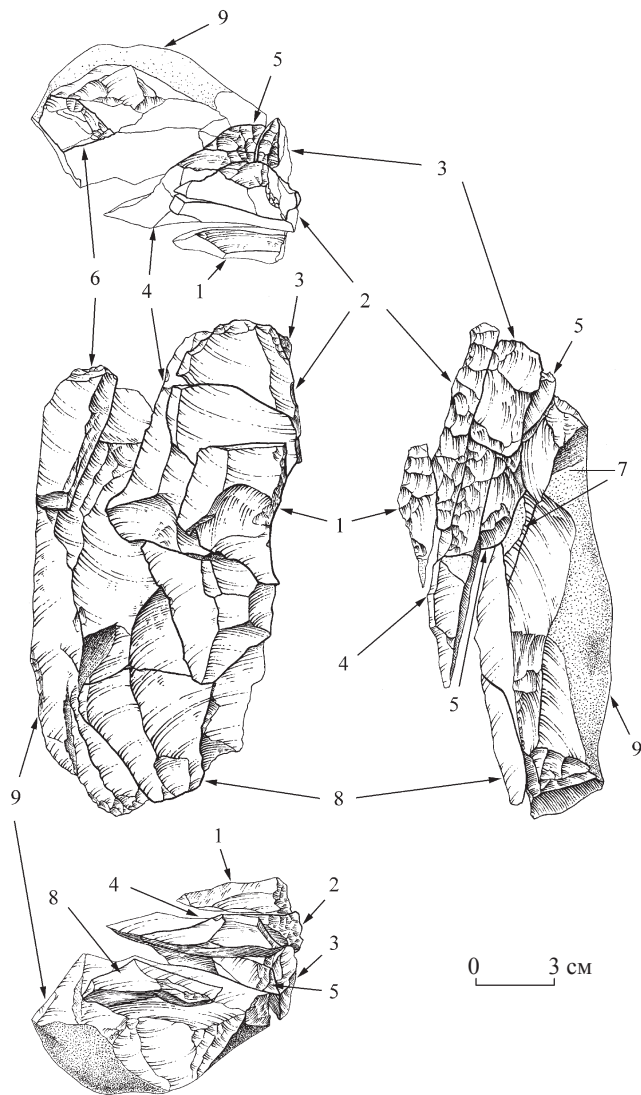

Рис. 2. Орхон 7 раскоп 1. Сборка 2.

Дервянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Археологические исследования в Монголии в 1986 году: общ. сведения. – Новосибирск, 1987. – 14 с. – (Препринт).

Дервянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск, 1992. – 60 с. – (Препринт).

Дервянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Стратиграфия и палеогеография палеолитических памятников Хангая // *Altaica*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1994. – № 4. – С. 69–71.

Дервянко А.П., Петрин В.Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз.* – Новосибирск, 1990. – С. 161–173.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 462 с.

львания единственной в рамках сборки целевой заготовки (элемент 8), прерванной заломом, процесс расщепления нуклеуса был завершен.

Первый и второй способ расщепления направлены на серийное получение пластинчатых заготовок с почти идентичной последовательностью подготовительных к реализации серии целевых заготовок операций, однако второй вариант менее зависим от первоначальной формы гальки и легко изменчив к непредвиденным дефектам сырья и производственному браку. Вследствие тщательной обработки направленной на получение желаемой формы нуклеуса (максимально независимой от заданных параметров и особенностей рельефа поверхности гальки), стал возможен более жесткий контроль над процессом расщепления.

Остальные варианты расщепления имеют подчиненное положение и представлены единичными фактами использования упрощенной радиальной техники, вынужденной ортогональной (неудовлетворительное качество и форма сырья; скалывание заготовок с истощенных нуклеусов другой техникой и т.п.) и простой параллельной, направленной на получение крупных массивных укороченных, нередко кортикальных отщепов.

Список литературы

Асташкин А.В., Дервянко А.П., Милов А.Д., Николаев С.В., Петрин В.Т., Цветков Ю.Д. ЭПР-датирование: сравнение данных по датированию костных остатков на археологическом памятнике Орхон-7 (Монголия) методом ЭПР и C14 // *Altaica*. – Новосибирск, 1993. – № 3. – С. 9–15.

Дервянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Археологические исследования в Монголии в 1985 году: общ. сведения. – Новосибирск, 1986. – 14 с. – (Препринт).

С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Магадан

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ, ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПАЛЕОЛИТЕ

Исследования последних лет на Севере Дальнего Востока (далее – СДВ) существенно расширили наши знания о палеолите этого региона. Исходя из характера камнеобрабатывающей индустрии, здесь выделяется несколько технологических традиций: галечная, безмикропластинчатая и микропластинчатая, которые, вероятно, связаны с различными миграционными волнами древнего населения, участвовавшего в заселении Северо-Востока Азии и Америки.

Наиболее древней является галечная традиция, продолжающая, вероятно, линию развития ранних галечных индустрий Северной Азии [Деревянко и др., 1994; Мочанов, 1992]. К ней отнесены материалы стоянок Орловка II на Западной Чукотке, Лопатка IV на Камчатке, находки с Восточной Чукотки и с р. Омолон [Воробей, 1999; Диков, 1993; Дикова, 1983; Кирьяк, 2005].

Материалы этих стоянок представлены находками с поверхности и из неглубоких раскопов. Орудийные комплексы включают изделия на гальках; чопперы; чоппинги; галечные нуклеусы радиального и параллельного расщепления для получения отщепов; пластинчатых сколов и пластин; массивные унифасиальные скребла; скребки и ножи на первичных и вторичных отщепах; скребки на пластинах; резцы. Возраст комплексов не подкреплён С-14 датами или стратиграфией стоянок; он основывается на технико-типологических сопоставлениях с галечными палеолитическими комплексами Северо-Востока Азии и определяется в рамках 20–40 тыс. лет и древнее. Галечный компонент на СДВ характерен и для стоянок значительно более позднего времени.

Безмикропластинчатая традиция представлена Ранней ушковской культурой, Уптарским комплексом и материалами стоянки Яна. Материалы Ранней ушковской культуры из VII слоя Ушковских стоянок на Камчатке [Диков, 1979] и стоянки Б. Эльгахчан [Кирьяк, 1993] на р. Омолон содержат бифасиальные черешковые наконечники, листовидные бифасы, овальные и концевые скребки на отщепах, резцы, подвески. С-14 датировки VII слоя Ушков – 14,3 и 13,6 тыс. л.н. Недавно полученные новые датировки этого слоя в пределах 11–11,3 тыс. л. [Goebel et al., 2003] фиксируют, вероятно, верхнюю границу существования этой культуры.

В качестве безмикропластинчатого рассматривается нами комплекс стоянки Уптар. Полученная из перекрывающего артефакты слоя С-14 дата 8260 л.н. фиксирует минимальную датировку Уптарского комплекса. Патина на поверхности орудий позволяют предположить, что находки значительное время пролежали непогрешенными на поверхности террасы. Они представлены бифасами овальной формы, узкими листовидными наконечниками стрел, наконечниками копий с зауженным насадом, скребками и галечными орудиями. Один наконечник стрелы имеет характерный для палеоиндейских наконечников Северной Америки желобок вдоль корпуса от основания до острия. Четких аналогий с другими культурами СДВ Уптарский комплекс не имеет.

Перспективы изучения безмикропластинчатой традиции СДВ расширились с открытием стоянки Яна в низовьях реки Яна [Pitulko et al., 2004]. Комплекс изделий представлен нуклеусами для получения отщепов, боковыми скреблами с бифасиально обработанным рабочим лезвием, концевыми и угловыми скребкам, двусторонне обработанным остроконечником, чопперами, чоппингами, орудиями из костей плейстоценовых животных – посредниками и шилом. В слое стоянки найдено большое количество костей позднплейстоценовых животных. С-14 датировки культурного слоя и костяных орудий стоянки ≈ 27–28 тыс. л. Исследователи отмечают сходство палеоиндейских костяных орудий с изделиями с Яны, при общей бифасиальной технике обработке каменных орудий и в отсутствии микропластинчатой индустрии.

В конце плейстоцена на СДВ распространяется **микропластинчатая** (далее – МП) традиция. Ее возникновение в Сибири относится к рубежу каргинской и сартанской эпох [Деревянко и др., 1998].

Об эволюции в технологии обработке камня, определившей переход от скалывания пластин с широких поверхностей уплощенных нуклеусов к торцевому расщеплению, а затем к получению микропластинок с торцевых ядрищ, свидетельствуют материалы недавно открытой стоянки Б. Хая IV. Находки на стоянке залежали несколькими горизонтами до гл. 25–30 см в рыхлых отложениях со следами криогенных нарушений и перемещений. Среди находок – нуклеусы, пластины, резцы, бифасы, скребки, остря, чоппинг, технические сколы, подвески. Нуклеусы – плоские с широким фасом для получения пластинчатых отщепов и узкой, круто скошенной к контрфасу отжимной площадкой; торцевые на плитках; уплощенный подпризматический; уплощенные двуплощадочные с ретушированными скошенными отжимными площадками. Некоторые из пластин соответствуют параметрам микропластинок. Бифасы – ассиметрично-овальной, полулунной и ассиметрично-треугольной формы. Наконечники-бифасы листовидной (с округлым и заостренным основаниями) и подтреугольной формы. Скребки боковые на отщепах и концевые (в том числе двойные) на пластинчатых сколах. Резцы срединного, углового и трансверсального типов. Культурная принадлежность и возраст этих материалов пока точно не определены, но общая характеристика орудийного комплекса стоянки Б. Хая IV характерна для верхнепалеолитических комплексов Северной Азии. Об этом свидетельствуют изделия, отражающие переход от подпризматической техники получения пластинчатых заготовок с широких поверхностей нуклеусов к торцевой. Такой переход фиксируется на ранних этапах позднего палеолита Алтая на стоянке Кара-Бом [Деревянко и др., 2002] и в средний период позднего палеолита (25–18 тыс. л.н.) в Забайкалье [Константинов, 1994]. В технике первичного расщепления на стоянке Б. Хая IV прослеживаются параллели с материалами 4-го культурного комплекса стоянки Абакан возрастом 21–25 тыс. л.н. [Деревянко и др., 1998] и с находками из нижнего слоя стоянки Устиновка I в Приморье возрастом 22 – 14 тыс. л.н. [Васильевский и др., 1989]. Если подтвердится не только технологическая, но и абсолютная древность материалов комплекса Б. Хая IV, то на Севере Дальнего Востока будет региональное свидетельство формирования МП технологии на основе ранней пластинчатой индустрии.

Древнейшие обсуждаемые свидетельства распространения на СДВ культур с МП индустрией, происходят со стоянки Берелех (р. Индигирка) и относятся по С-14 ко времени $\approx$ 13–14 тыс. л. н. [Мочанов, 1977]. В Приохотье и на Колыме комплексы этой традиции со стоянок Дручак-Ветренный [Vorobei, 2003] и Хета [Слободин, 1999] датируются, на основании технико-типологических сравнений с материалами Якутии, Приамурья, Приморья и Прибайкалья, временем $\approx$ 11–14 тыс. л. На Камчатке (Ушки) появление СП индустрии по данным С-14 датирования относится ко времени $\approx$ 11 тыс. л. [Диков, 1979], на Чукотке (Тытыльваам IV) – около 10 тыс. л. [Кирьяк (Дикова), 2005]. Ориентируясь на МП комплексы Аляски датируемые до 11,6 тыс. лет, можно утверждать, что на Чукотке они появились на 500–1000 лет раньше. Стоянки этой традиции представлены кратковременными охотничьими лагерями. Исключение составляет поселение Ушки, где сохранились долговременные жилища, погребальный комплекс, свидетельства духовной жизни палеолитических обитателей СДВ.

Орудийный набор этих культур достаточно унифицирован и включает клиновидные микронуклеусы, микропластинки, овальные бифасы, концевые скребки на пластинах, резцы, листовидные наконечники. Несмотря на общую, в целом, технологическую линию, орудийные наборы разных комплексов различны. Для стоянок Дюктайской культуры Якутии можно отметить, например, единичность листовидных наконечников стрел и трансверсальных резцов. На Камчатке (стоянка Ушки) многочисленны листовидные наконечники, но слабо представлены трансверсальные резцы. На стоянке Тытыльваам IV последние отсутствуют. На стоянках Хета и Дручак-Ветренный трансверсальные резцы использовались достаточно широко. Помимо этого, стоянка Дручак-Ветренный выделяется своеобразными концевыми макро-скребками на пластинах. Различаются комплексы и техникой подготовки отжимной площадки нуклеусов-юбецоидной или короткими фронтальными снятиями. Все это, вероятно, указывает на то, что в Берингии в конце плейстоцена в рамках большой и единой, в своей основе, традиции существовали локальные варианты.

Показательно, с этих позиций, и распространение на СДВ бифронтальных клиновидных нуклеусов. Их картирование позволяет провести определенное районирование всей зоны распространения клиновидных нуклеусов на Севере Дальнего Востока. Из района Амура бифронтальные клиновидные нуклеусы распространялись, очевидно, через Континентальное Приохотье на Верхнюю Колыму (стоянка Омчик II) и Камчатку (серия таких нуклеусов на стоянке Ушки I). В Якутии на стоянках Дюктайской культуры они не известны [Мочанов, 1977]. Это свидетельствует о более существенном влиянии на Верхнюю Колыму и Камчатку традиций Дальневосточного и Приамурского палеолита. С Верхней Колымы, Камчатки технологические традиции бифронтальных клиновидных нуклеусов, распространились дальше, вплоть до Аляски, где они широко представлены.

Новые данные по палеолиту СДВ позволяют наметить перспективные направления в исследованиях палеолитических памятников данного района.

Список литературы

- Васильевский Р.С., Гладышев С.А.** Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 184 с.
- Воробей И.Е.** О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 4–15.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В.** Палеолитоведение. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Наука, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т.** Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. – Новосибирск, 2002. – 170 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н.Н.** Азия на стыке с Америкой в древности. – С. Пб: Наука, 1993. – 304 с.
- Дикова Т.М.** Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М. Наука. 1983. – 232 с.
- Кирьяк М.А.** Каменный век Чукотки. – Магадан: Кордис, 2005. – 254 с.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ-Чита, 1994. – 180 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука. 1977. – 264 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. – Новосибирск, Наука, 1992. – 254 с.
- Слободин С.Б.** Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M.** The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene peopling of the Americas // Science. – 2003. – Vol. 301, – P. 501–505.
- Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Yu., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N.** The Yana RHS site: humans in the Arctic before the last glacial maximum // Science. – 2004. – Vol. 303. – P. 52–56.
- Vorobei I.** Druchak microblade industry of Northeast Asia // Current Research in the Pleistocene. – 2003. – Vol. 11. – Pp. 81–83.

В.И. Ташак*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

В верхнем палеолите Забайкалья, начиная с ранних его этапов, отчетливо проявляется тенденция развития каменных индустрий, ориентированных на производство пластинчатых сколов. Верхнепалеолитические индустрии Забайкалья, направленные на производство орудий на отщепках, представлены, пока, на единичных местонахождениях и изучены в значительно меньшей степени относительно пластинчатых индустрий. Основу производства пластинчатых сколов в верхнем палеолите Забайкалья составляют призматический и торцовый принципы расщепления каменного сырья. Торцовое расщепление, особенно во второй половине верхнего палеолита, ориентируется на производство пластинок и микропластинок. Крупные пластины и пластинчатые отщепы продолжают получать с призматических или подпризматических нуклеусов. Детальное изучение морфологии призматических нуклеусов для пластин, показало, что кроме общности, основанной на принципе расщепления, в них отмечаются специфические элементы, характерные для одних местонахождений и отсутствующие в других. Наличие специфики может говорить о локальной или хронологической вариабельности в развитии культур верхнего палеолита.

В данной работе приводится сравнительный анализ первичного расщепления представленного на местонахождениях юга Западного Забайкалья: Сухая Падь с одной стороны и комплекс местонахождений Усть-Кяхта с другой.

Сухая Падь расположена на крайнем востоке Кяхтинского административного района Республики Бурятия, в полутора километрах на С-С-3 от села Уладый, по правому борту долины р. Кудары. Памятник связан с мысовидным бортом распадка (пади) с пологим дном, называемым Сухая Падь.

В индустрии Сухой Пади выделяется три типа нуклеусов: двухплощадочные, одноплощадочные (пирамидально-клиновидные по форме) и торцовые. Все три типа по характеру расщепления относятся к призматическим с параллельной и субпараллельной системой снятия заготовок. Все нуклеусы демонстрируют поиск в технологии призматического расщепления и поэтому могут быть определены как подпризматические. Они предназначались для получения пластинчатых заготовок и конкретно пластин с ровными параллельными краями, длиной от 4 до 10 см. Преобладающая длина сколов от 4 до 7 см при ширине до 1,5 см. Из 19-ти целых и фрагментированных нуклеусов, обнаруженных на памятнике, нет ни одного основанного на плоскостном принципе расщепления. В одном случае фиксируется ударная площадка, подготовленная для плоскостного скалывания, но она носила вспомогательный характер и являлась своеобразным оформлением дистальной части подпризматического нуклеуса. Исходной формой сырья для подпризматических ядрищ служила речная галька угловатой и продолговатой формы. Торцовые нуклеусы оформлялись на боковых краях сломанных подпризматических ядрищ или на утолщенных краях массивных отщепов.

Цикл расщепления одноплощадочных нуклеусов можно реконструировать следующим образом: первое (в цикле) снятие – это снятие углового выступа, в результате получалась пластина с асимметричными гранями, т.е. обушковая пластина, где в роли обушка предстает почти перпендикулярная к вентральной поверхности грань. Далее процесс расщепления смещался к одной из латералей. Следующий цикл начинался снова со снятия углового выступа, но расщепление велось в сторону другой латерали.

Цикличность расщепления двухплощадочных нуклеусов осуществлялась попеременным скалыванием со стороны противоположащих ударных площадок, при этом с каждой площадки велось расщепление только одной

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при поддержке РГНФ грант № 06–01–00527а

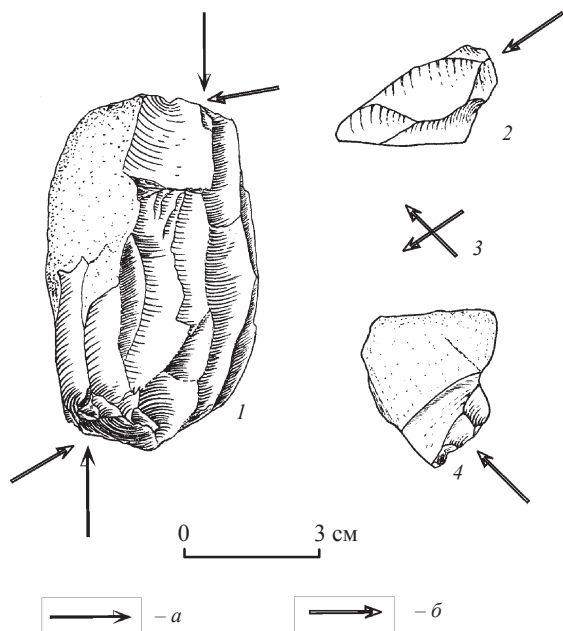

Рис. 1. Сухая Падь.

Расщепление двухплощадочного нуклеуса.

1 – нуклеус; 2, 4 – ударные площадки;

3 – пересечение линий оформления ударных площадок в проекции; а – направление основного скальвания;

б – направление сколов, оформляющих ударные площадки.

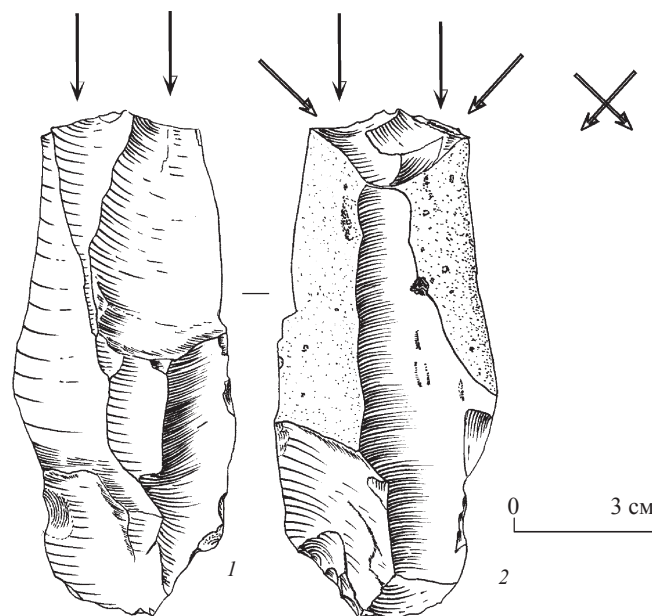

Рис. 2. Усть-Кяхта 16.

Расщепление одноплощадочного нуклеуса.

1 – фронт скальвания; 2 – контрфронт и ударная площадка;

3 – пересечение направлений оформления ударной площадки.

части фронта скальвания. Схема расщепления двухплощадочных нуклеусов Сухой Пади выглядит следующим образом, каждая из ударных площадок оформлялась продольными сколами на противоположных концах удлиненной гальки угловатой формы. При этом направления сколов, оформляющих площадки были направлены перпендикулярно друг другу: если две направляющие сколов спроецировать на одну плоскость, то они пересекутся под прямым или близким к таковому углом (рис. 1). Такое расположение ударных площадок, позволяло вести расщепление на разных, но соприкасающихся плоскостях нуклеусов. Постоянно поддерживаемый и периодически снимаемый угол между этими плоскостями обеспечивал объемность нуклеуса с одной стороны и необходимые параметры будущего скола с другой стороны.

Таким образом, анализ первичного расщепления, представленного в Сухой Пади, убедительно показывает, что местная технология производства каменных орудий была ориентирована на получение пластин и основывалось это производство на призматическом расщеплении двух- и одноплощадочных нуклеусов.

В 130 км западнее, на берегах Селенги в разные годы обнаружена группа палеолитических памятников. Анализ характера подготовки нуклеусов и их расщепления представляет интерес в плане сопоставления с Сухой Падию. В частности, наиболее близкие как по морфологии, так и по характеру расщепления нуклеусы представлены на местонахождении Усть-Кяхта 16 [Ташак, 2005]. Особый интерес вызывает образование угла между расщепляемыми плоскостями. В материалах Усть-Кяхты 16 отмечены одноплощадочные и двухплощадочные ядрища, предназначенные для получения пластин и пластинчатых отщепов при большем, чем в Сухой Пади, разнообразии форм и подходов в их оформлении и утилизации. Для Усть-Кяхты 16 характерно применение приемов оформления плоскостных нуклеусов при подготовке подпризматических и наличие собственно плоскостных нуклеусов, что не отмечено в Сухой Пади. Вместе с тем, в нуклеусах Усть-Кяхты 16 широко представлен такой элемент как угловатость или продольный угол на поверхности расщепления. Усть-кяхтинские нуклеусы призматического принципа расщепления также как и в Сухой Пади подготавливались на продолговатых угловатых гальках. Специально оформлялись, ударные площадки (обязательно) и дистальная часть нуклеуса (часто, но не обязательно), в Сухой Пади это единичный случай. Остальная поверхность, преимущественно, сохраняла галечную поверхность. Продольный угол характерен для одноплощадочных нуклеусов. Ориентировка на две поверхности расщепления задавалась при оформлении ударной площадки-она подготавливалась перпендикулярными сколами, направленными от двух продольных граней (рис. 2). Другими словами, направления сколов, оформляющих одну ударную площадку, пересекались как спроецированные на одну поверхность сколы, оформляющие две ударные площадки двухплощадочных нук-

леусов Сухой Пади. Если продольный угол становился сильно выступающим, его снимали, такие факты отмечены.

Двухплощадочные нуклеусы Усть-Кяхты 16 сочетают в себе элементы призматического и плоскостного расщепления (оформление латеральных ребер, широкие сколы, получаемые при расщеплении, захватывают значительную часть фронта скалывания). Обе площадки на таких нуклеусах ориентировались на одну поверхность расщепления. Призматические двухплощадочные нуклеусы также отмечены на Усть-Кяхте 13 и 15. В обоих случаях скалывание ориентированно на последовательное расщепление значительной части периметра нуклеуса. Ударные площадки одного из пренуклеусов Усть-Кяхты 15 оформлены по типу двухплощадочных нуклеусов Сухой Пади.

Таким образом, двухплощадочные нуклеусы с одним фронтом скалывания, разделенным на две части угловым выступом, ведущая форма в Сухой Пади, явление немногочисленное для усть-кяхтинских местонахождений. Но принцип расщепления с поддержанием продольного угла здесь осуществлен на одноплощадочных нуклеусах, которые единичны в Сухой Пади. При этом оформление ударных площадок и в Сухой Пади, и в Усть-Кяхте 16 с самого начала процесса утилизации нуклеуса предусматривало ориентацию расщепления на две соприкасающиеся плоскости (грани).

Это явление отсутствует в более поздних материалах Усть-Кяхты 17, где доминируют одноплощадочные нуклеусы с плавными очертаниями фронта скалывания, так как здесь призматическое расщепление уже установилось. Угловатые экземпляры Усть-Кяхты 17 относятся к преформам или нуклеусам оставленным в самом начале утилизации [Ташак, 1993, 2005].

Поскольку возраст слоя шурфа № 4 Усть-Кяхты-16, содержащего костные остатки животных, но лежащего выше слоя с артефактами, определен на основе радиоуглеродного анализа в 27380 ± 850 л.н. (СО АН-4121) можно предполагать, что возраст материалов Усть-Кяхты-16 около 30000 л.н. Близки этой цифре и данные по датированию Сухой Пади методом РТЛ: слой 3, верхняя часть- 33000 ± 15000 л.н. (ГИ СО РАН-282); слой 3, нижняя часть- 39000 ± 13000 л.н. (ГИ СО РАН-307).

Оба памятника и технология расщепления, применяемая на них, относятся к окончанию ранней стадии верхнего палеолита. Следовательно, поддержание продольного угла на нуклеусах призматического принципа расщепления, явление хронологическое, исчезающее по мере совершенствования методов расщепления. Сами же методы и специфика в рамках кардинального направления могут говорить о локальных особенностях индустрии.

Список литературы

Ташак В.И. Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на р. Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 47–64.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2005. – 130 с.

А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО МИКРОРЕГИОНА БЫКИ: СРАВНЕНИЕ КОНТЕКСТА НАХОДОК

Стоянки микрорегиона Быки в Посеймье дали несколько уникальных произведений палеолитического искусства. В монографии автора, ставившей основной целью оперативное введение информации о новом микрорегионе в научный оборот [Чубур 2001], недостаточно внимания уделено описанию контекста этих находок. Данная публикация ставит целью заполнить пробел, а поскольку в 2004 г. в Быках выявлен новый артефакт [Ахметгалеева 2006], то и сравнить контекст находок на соседних однокультурных поселениях.

Артефакт из Быков 1 – это плоская фигурка 10,8×3×1 см из бивня мамонта, изображающая в горизонтальном положении бегущего зверя, а в вертикальном – стилизованную человеческую фигуру с головой носорога. В районе носа бегущего зверя (низ в момент находки) имелось ушко для подвешивания, поврежденное при впуске в грунт древним обитателем стоянки. По оси изделия от ушка прорезан паз, разделяющий стилизованные ноги «оборота» [Чубур 2004, 2005]. Фигура была вонзена в дно и придонный слой заполнения полуземлянки вертикально в кв. Б-17 (рис.1-А). Изделие было впущено на 4 см в материк. Следов ям в толще культурного слоя и в материке на месте находки не прослежено, но, учитывая равномерную сохранность изделия, можно утверждать, что остальная часть сразу оказалась внутри культурного слоя (то есть была впущена не непосредственно в дно, а в накопившуюся часть толщи культурных остатков). Сверху фигурка перекрыта прослойкой пластичной бурой глины, возможно образовавшейся в результате частичного обрушения кровли. Над ней – вновь культурный слой, аналогичный подстилающему – серо-желтая супесь (Рис.1-А2). Есть основания предположить, что фигурка была установлена перед тем, как обитатели временно покинули жилище. Преднамеренность акта не вызывает сомнений.

Зооморфная поделка из слоя 1 Быков 7 – кольцо из бивня, увенчанное близкой по стилю к артефакту Быков 1 головой лошади(?) – происходит также из остатков жилища – округлой площадки с ямами по периметру и следами наземного очага. Поделка фрагментирована при использовании: обломок найден в 3 м к северо-востоку от основной находки, обломана морда. Два основных фрагмента лежали в пределах чашевидной ямы 22а на южном краю жилища. Прилегающий участок и часть заполнения, включая артефакт, перекрывала подсыпка мелкозернистого песка до 10 см мощностью. В нем нет элементарного заполнителя – он принесен извне и насыпан преднамеренно. Основная часть изделия стояла вертикально у стенки, вонзенная «головой» в принесенный песок и касаясь заполняющего дно ямы культурного слоя [Ахметгалеева 2006]. Фрагмент, отслоившийся по конусу роста бивня, лежал у противоположной его негативу стороны поделки горизонтально на уровне центра кольца, отмечая горизонт, с которого она была впущена, а затем окончательно засыпана (Рис1-Б). Содержимое основного заполнения ямы и поделка не связаны. Она была вставлена в новую ямку, впущенную в заполнение ямы 22а. Последовавшее за захоронением почвообразование вызвало пигментацию солями марганца и деформацию поверхностей.

Стала ли поломка причиной закапывания? Возможно, или одной из причин. Равносильно ли закапывание выбрасыванию и «нет оснований утверждать, что зооморфная поделка была оставлена людьми в специально подготовленном... месте»? [Ахметгалеева 2006] Согласиться с этим невозможно, ибо налицо сложная многоэтапная процедура «погребения».

Итак, оба артефакта – из Быков 1 и 7 не выброшены, а преднамеренно помещены в место последующей находки, оба – в вертикальном положении. Сходно планиграфическое положение фигурок – у края жилища, примерно в 120 градусах (1/3 окружности жилища) против часовой стрелки относительно входа. Несколько слов в этой связи необходимо сказать о семантике изделия из Быков 7. Круг может быть не только соляным

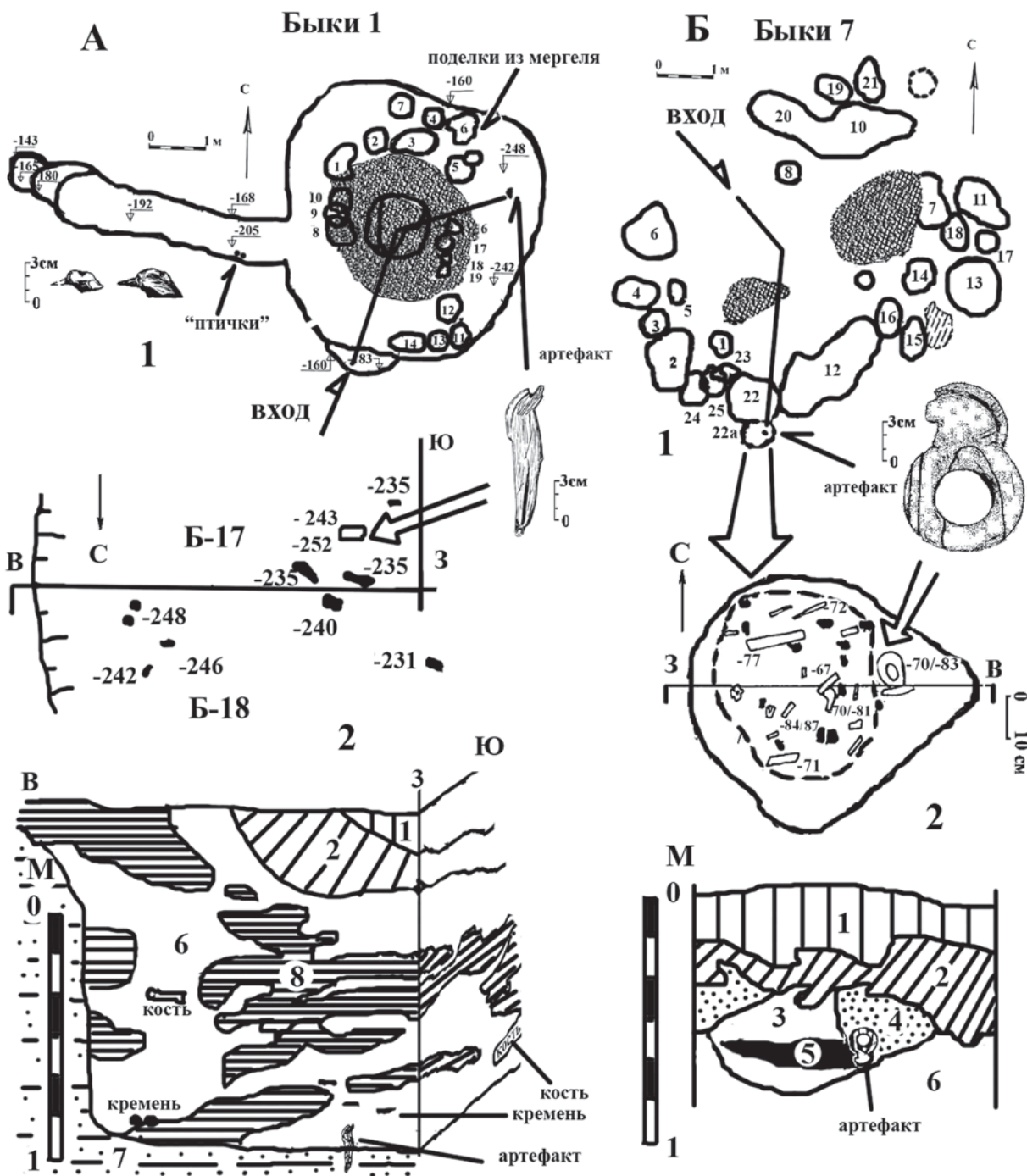

Рис. 1. А – Быки 1.

1 – План расположения находок в полужемлянке. 2 – План места находки антропоморфной фигурки и разрез в районе находки по северной и западной стенкам кв.Б-17.

Б – Быки 7.

1 – План расположения поделки в остатках жилища (по Н.Б.Ахметгалеевой с нашими дополнениями).

2 – план и разрез ямы 22а и впущенной в ее заполнение ямы с поделкой. На разрезах цифрами обозначены:

- 1 – лёссовидная бурая тяжёлая супесь; 2 – коричнево-бурая супесь с культурными остатками, в землянке Быков 1 с оглееностью;
- 3 – розово-серый песок с вкраплениями минеральной краски и костного угля, содержит кремь и кости; 4 – мелкозернистый розовато-жёлтый песок без элементарного заполнителя; 5 – углистая масса; 6 – серо-жёлтая супесь, в Быках 1 насыщена культурными остатками, в Быках 7 - с линзочками белого и бурого песка, подстилает 1 культурный слой; 7 – желтые и бурые слоистые супеси и пески;
- 8 – коричнево-бурая пластичная глина без элементарного заполнителя.

знаком и отражением представлений о годовом цикле, но и обозначать собственно жилище. «Пространственную организацию общественной жизни можно выразить геометрически: в основном она была кольцеобразной (искусственное жилище, часто округлое в плане, и территория, осваиваемая людьми, вокруг него)» [Kabo 2002]. Не венчал ли череп лошади некогда и само жилище в Быках 7, по аналогии с черепами на крыше полуземлянки Быков 1? Связь рассмотренных находок с жилищами бесспорна, а значит, такое толкование весьма вероятно. При этом оба артефакта длительное время до захоронения использовались в каких-то целях, вероятно – культовых.

Еще два произведения мелкой костяной пластики из Быков 1 – изображения воронов [Чубур 2001, С.85–86]. Они найдены на дне заполнения у южной стенки зимнего входа (лаза) в жилище (кв.Ж-16). К сожалению, перекрывающие отложения в месте находки сильно нарушил современный перекоп, и судить о преднамеренности укладки сложно.

Наконец, фигурки из мергеля из Быков 1. «Подвеска-калачик» и «сурок» найдены в совершенно ином контексте, чем изделия из кости – в затеке культурного слоя извне в верхней части заполнения котлована полуземлянки (кв.В-19), образовавшемся после разрушения жилища. В тех же условиях на В-18 встречены еще два фрагмента мергеля размером до 3 см – видимо неиспользованные заготовки. Все они явно были брошены за пределами жилища. Вспомним, что на периферии костяных комплексов встречаются фрагментированные статуэтки из мергеля, а в ямах-хранилищах осевой части – целые статуэтки из бивня [Grigoriev 1995]. Возможно, это сходство не случайно, но искать ему объяснение пока представляется преждевременным.

Список литературы

Ахметгалеева Н.Б. Украшения и новые произведения искусства первобытного человека со стоянки Быки 7 // Деснинские древности, вып.4., Брянск, 2006.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: «Брянск-Сегодня», 2001. – 132 с.

Чубур А.А. Отражение первобытной мифологии в искусстве и архитектуре поселения Быки 1 // Изобразительные памятники. Стил, эпоха, композиция. Материалы тематич. науч. конф. СПб – СПбГУ, 2004. – С. 61–64.

Чубур А.А. Первобытное искусство стоянки Быки 1 и духовный мир палеолита // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск – «Вега», 2005. – С. 100–108.

Grigoriev G.P. Ivory working in Avdeevo // Le travail et l'usage de l'ivoire au paleolithique superieur, Roma. 1995.

Kabo V.R. The Circle and the Cross. Canberra, 2002.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

М.В. Аникович¹, Н.К. Анисюткин¹, Г.М. Левковская¹, В.В. Попов²

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

² *Государственный археологический музей-заповедник “Костёнки”, Воронеж*

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ, ПРИРОДНАЯ СРЕДА И КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНОК В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ*

Работы последних лет на многослойных стоянках Костенковско-Борщевского района, как то: Костенки 1, 11, 12 (Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция, нач. д.и.н. М.В. Аникович), Костенки 14, 16 (Костенковская палеолитическая экспедиция, нач. к.и.н. А.А. Сеницын), Борщево 5 (Борщевский отряд, нач. к.и.н. С.Н. Лисицын), в целом, показали правильность общего направления исследования хроностратиграфии и культурогенеза Костенковско-Борщевского района, избранного А.Н. Рогачевым. С другой стороны, они во многом изменили представления, сложившиеся в 1970–80-х гг. В ряде случаев эти изменения носят принципиальный характер. На них мы и остановимся в первую очередь.

В Костенковско-Борщевском районе памятники, относимые к ранней поре верхнего палеолита (РВП), залегают в двух т.н. гумусированных толщах, разделенных горизонтом, включающим линзы вулканического пепла. Уже в 1980-х гг. хронологические границы памятников, залегающих в верхней гумусированной толще (ВГТ), устанавливались с достаточной уверенностью в пределах 32–25000 л.н. Вопрос о возрасте нижней гумусированной толщи (НГТ) оставался открытым. При этом до самых последних лет обе эти пачки отложений воспринимались многими учеными как результат многократного переотложения какой-то одной погребенной почвы (микулинской? брянской?), не сохранившейся на склонах.

Важнейшим результатом наших работ, отраженным в докладах и резолюции конференции, посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках (2004 г.), стал отказ от этой концепции. Сейчас можно считать установленным фактом, что и ВГТ, и НГТ образованы целой серией палеопочв различной сохранности, в разной мере смещенных по склонам логов. Работы на Костенках 12 и 14 показали и то, что НГТ имеет весьма сложное строение. На Костенках 12 в ней представлены остатки, как минимум, четырех палеопочв. Ныне термины ВГТ и НГТ имеют условное значение. Мы пользуемся ими, скорее, в силу давней традиции. На деле, и относительно, и «абсолютная» хронология соответствующих многослойных памятников значительно сложнее и уже сейчас может быть подразделена на ряд этапов, отсутствующих в классической схеме Рогачева-Лазукова [Аникович, 2005].

Радиоуглеродная хронология ВГТ принципиальных изменений не претерпела – по крайней мере, если опираться на конвенциональные даты. К ее нижним границам (~32000 л.н.) близки и датировки недавно открытых памятников, или напрямую связанных с линзами вулканического пепла (Костенки 1/IV; Костенки 14/ГВП; Борщево 5/III), или залегающих в непосредственной стратиграфической близости от него (Костенки 14/IVa). Памятники, залегающие в более ранних почвах (Костенки 1/V (западная часть стоянки); Костенки 12/III, IV, V; Костенки 14/ГП, IVб), заметно древнее. Конвенциональные и AMS-даты показывают, что даже наиболее молодые из них относятся по ¹⁴C к периоду не позднее 37–35000 л.н.

Культурные отложения в нижней части НГТ, недавно открытые на Костенках 12, датируются по IRSL/OSL в пределах 50–43000 л.н. При увязке этих данных с уже имеющимися ¹⁴C-датами необходимо учитывать, что хронологические шкалы, построенные методом IRSL/OSL, как правило, отличаются от радиоуглеродных в сторону удревнения. Та же тенденция наблюдалась при построении шкалы датировок вулканических пеплов в Костенках, которые надежно сопоставлены с пеплами Y5 Флегрейских полей и в настоящее время датируются

* Работа выполнена при поддержке РФФИ: 04–06–80037а; 05–06–80329а; 05–06–80493а

специалистами в пределах 41–38000 л.н. [Pyle et al., 2005]. Тем не менее, последние, пока еще не опубликованные материалы, дают для V слоя Костенок 12 AMS-даты, сопоставимые с датами по IRSL/OSL.

Бесспорно, усложнение хроностратиграфии древнейших памятников Костенковско-Борщевского района во многом затрудняет их синхронизацию. Противоречия тут неизбежны, поэтому необходимо использовать все материалы, способные прояснить проблему – в первую очередь, результаты палеомагнитного анализа и палинологии. По самым предварительным данным, следы экскурса Лашамп-Каргополово (возраст 45–39000 л.н.) зафиксированы в литологических горизонтах, вмещающих культурные слои: Костенки 12/III, 14/ГП, 17/II. Однако во всех трех случаях эти данные не могут считаться на сегодняшний день вполне достоверными и требуют перепроверки.

Важным критерием корреляции памятников, залегающих под пеплом, служат палинологические данные. Однако тут нельзя обойти стороной важное противоречие. В разное время для этих отложений было опубликовано два типа спорово-пыльцевых диаграмм. В диаграммах первого типа среди древесных на всех уровнях доминирует пыльца хвойных пород – ели и сосны. Характерна слабая выраженность максимумов пыльцы широколиственных пород, отсутствие находок экзота – пыльцы граба. К этому типу относится серия диаграмм, опубликованных Е.А. Спиридоновой для разрезов стоянок Костенки 1, 14, 17, а также для разреза (без вулканического пепла), вскрытого стратиграфическим шурфом. Вторую серию составляют спорово-пыльцевые диаграммы, опубликованные М.П. Гричук, В.П. Гричуком, Р.В. Федоровой и Г.М. Левковской для ряда разрезов стоянки Костенки 1, разреза на Костенках 17, а также для разрезов 1975 и 2001–2004 гг. Костенок 12. В этом типе диаграмм в отложениях ниже пеплов фиксируется (на разных уровнях) доминирование пыльцы различных древесных пород – не только хвойных, но и лиственных (ольхи, березы древовидной, вяза, орешника или микротермов-ольховника, карликовой и кустарниковой берез), а также присутствие экзотов: пыльцы граба [Левковская и др., 2005: 94].

Материалы древнейшего горизонта обитания на Костенках 12 (лит. горизонт 18, культурный слой V), дают картину теплого периода, выделяемого как по палинологическим данным (доминирование вяза, присутствие граба), так и по фаунистическим (преобладание благородного оленя). Следы подобного периода совершенно отсутствуют в диаграммах Костенок 14. Возможно, из этого следует, что древнейшие в Костенках 12 палеопочвы С и D просто не представлены в разрезе Костенок 14. Корреляция этих двух важнейших многослойных памятников осложнена отсутствием стабильной палинологической характеристики культурного слоя Костенки 14/IVб. На разных страницах одной публикации [Спиридонова, 2002] для этого слоя указывается господство пыльцы: то сосны (с. 238), то ели (рис. 2, с. 244), то березы (с. 239), причем в пробах без стратиграфической последовательности. Возможно, такая изменчивость вызвана нарушением природных палинологических комплексов в результате древнего собирательства или перемешивания грунтов палеолитическим человеком. Однако для построения климатостратиграфии подобные материалы непригодны в принципе. Отбор образцов для климатостратиграфических заключений должен осуществляться либо из геологических разрезов, либо с участков раскопа без культурных слоев. Для реконструкции природной среды времени формирования культурных отложений важно отбирать на стоянках пробы с мест без явных следов воздействия древнего человека.

На стоянке Костенки 12 эти методические требования были учтены, в результате чего получилась достаточно исчерпывающая картина, демонстрирующая сложный процесс изменений природной среды в РВП. В ходе обработки материалов использовался как традиционный палинологический метод, так и новый палинотератный, дающий возможность выявлять региональные геоботанические кризисы прошлого и настоящего [Левковская и др., 2005: 93–97]. С его помощью можно реконструировать климатические осцилляции продолжительностью около 1000 лет. Параллельное изучение скалярных магнитных характеристик пород разреза Костенки 12 показало, что магнитный метод также может быть использован для оценки палеоклиматической обстановки и, в целом, подтвердило выводы, сделанные на палинологических материалах [Поспелова и др., 2005].

Сочетание палинологических и палинотератных данных позволило выявить для района стоянки Костенки 12 18 фитофаз, соответствующих 18 палинозомам. Реконструировано шесть термомеров с господством нормально развитых палиноморф, разделенных криомерами, во время которых растения продуцировали преимущественно тератоморфные пыльцевые зерна и споры карликового размера и с признаками недоразвития скульптуры. Культурные слои распределяются следующим образом.

Палеопочва D, вмещающая *культурный слой V*, формировалась в оптимуме термомера IIa: теплая лесостепь с неморальными лесами; палеопочва B (*культурный слой IV*)-во время криогигротической стадии термомера IIb: фитофаза луговых степей с неморальными долинными лесами. Палеопочва A, вмещающая *культурный слой III*, дает более сложную картину. Материалы из ее основания свидетельствуют о холодном и очень сухом экстремуме, вызвавшем стрессовое состояние генеративной сферы большинства растений (палеоботаническая

катастрофа). Материалы из средней части дают картину оптимума влажного и умеренно-теплого межстадиала III: лесостепь с бореальными еловыми среднетаежными лесами. Верхняя часть палеопочвы формировалась в термоигротическую стадию термомера III или уже в начале криоигротической стадии похолодания: фитофаза господства осоково-зеленоморфных формаций и слабой облесенности территории (ель, сосна, береза).

Формирование *культурного слоя Ia*, залегающего в основании ВГТ, происходило в криомере или начале влажного термомера IV: фитофаза мезофильных разнотравных лугов и слабой облесенности территории (ель, сосна). Наконец, *культурный слой I*, приуроченный к средней и верхней частям ВГТ, сформировался в оптимуме влажного и прохладного межстадиала (термомер IV): фитофаза господства низинных осоковых болот и лиственнично-еловых лесов с единичными неморальными элементами.

Таким образом, новые данные показывают, что древнейший верхний палеолит Восточной Европы наиболее полно выражен именно на Среднем Дону, причем возраст наиболее ранних стоянок этого региона сопоставим с возрастом древнейших памятников РВП Горного Алтая. Природные условия, в которых протекал здесь процесс развития РВП, были нестабильными. Показательно, что начало указанного процесса (Костенки 12/V) связано с весьма теплыми климатическими условиями, обусловившими преобладание широколиственных пород деревьев.

Наиболее «архаичные» верхнепалеолитические индустрии типа Костенок 12/III отнюдь не являются древнейшими для Костенковско-Борщевского района. С ними сосуществовали и более того – им предшествовали вполне развитые индустрии типа Костенки 12/IV, 14/IVб, 17/II. По мнению М.В. Аникевича, все эти последние можно относить к ориньякоидному технокомплексу. Но бесспорно и то, что наиболее «ориньякские» индустрии типа Костенки 1/III, 14/ГВП значительно моложе их. Происхождение начального верхнего палеолита на Среднем Дону пока остается загадкой. Дать ей более-менее удовлетворительное объяснение можно лишь допустив: а) миграции в этот регион носителей различных культурных традиций; б) их последующее длительное сосуществование и взаимовлияние.

Список литературы

Аникевич М.В. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3 (23). – С. 70–86.

Левковская Г.М., Хоффекер Дж.Ф., Аникевич М.В., Форман С.Л., Холлидэй В.Т., Попов В.В., Карцева Л.А., Стеганцева В.Я., Санько А.Ф. Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костёнки 12 (первые обобщения палинологических, палинотератных, палеозоологических, палеопедологических, палеомагнитных и СЭМ-палеоботанических исследований) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – С. – Пб.: ООО «Копи-Р». – 2005. – С. 93–130.

Поспелова Г.А., Аникевич М.В., Хоффекер Дж. Ф. Реконструкция палеоклимата времени формирования пород разреза многослойной стоянки Костенки 12 (Волковская) по их скалярным магнитным характеристикам // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – С.–Пб.: ООО «Копи-Р». – 2005. – С. 131–160.

Спиридонова Е.А. Палинологическое обследование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костенки 14 (Маркина гора) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – С.–Пб.: АкадемПринт. – 2002. – С. 237–246.

Pyle D.M., Ricketts G.D., Margari V., van Andel T.H., Sinitsyn A.A., Praslov N.D., Lisitsyn S.N. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene Campanian Ignimbrite / Y5 eruption, Italy // Quaternary Science Reviews. – 2005. – P. 1–43.

С.В. Баштанник

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

РАСТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СИБИРИ

В статье предпринимается попытка обобщить информацию об археоботанических находках на памятниках Сибири и наметить подходы к решению вопроса об использовании растений в бытовой, производственной и сакральной сферах культуры древнего и средневекового населения. Основными источниками информации явились опубликованные материалы, неопубликованные коллекции растительных остатков и материалы полевых работ автора. Учтены только те находки растений, которые имеют надежные родо-видовые определения.

Ирменская культура. На поселении Милованово-3 (лесостепное Приобье) Е.А. Сидоровым были обнаружены фрагменты керамики, имеющие отпечатки растений. По определениям Р.А. Удачина и Ю.Е. Филипповой некоторые из них принадлежат голозерной гексаплоидной пшенице *Triticum antiquorum*. Гексаплоидным набором хромосом AABBDD характеризуются современные мягкие пшеницы. В диком виде в природе они не существовали и являются результатом спонтанной гибридизации тетраплоидной пшеницы *Tr. turgidum*, от которой унаследовали геном AABB, и дикого злака эгилопс, давшего геном DD. Этот процесс проходил на Ближнем Востоке и Закавказье в V тыс. до н.э. [Zohary, Hopf, 1994, p. 47–54]. Разнообразие мягких пшениц очень велико. Большинство из них (за исключением спелты *Tr. spelta*) являются голозерными. Находки *Tr. antiquorum* в материалах ирменской культуры интересны тем, что она является предшественницей *Tr. comrastrum*-карликовой пшеницы, которая формируется в зоне древнеземледельческих цивилизаций Средней Азии в эпоху бронзы, и современной мягкой пшенице. Долгое сохранение этого сорта в Южной Сибири связано с его неприхотливостью и, возможно, довольно поздним проникновением земледелия в регион. Не исключено, что ирменцы знали и более совершенные виды пшеницы, а *Tr. antiquorum* присутствовала в посевах как сорная примесь [Сидоров, 1986, с. 55–56].

Новые данные об ирменском земледелии дали работы на поселении Исток (Промышленовский р-н Кемеровской обл.). Материал получен флотацией заполнения ям и развалов керамики. Археоботаническая коллекция составила 8 видов растений:

1. Марь белая *Chenopodium album*. Ее присутствие указывает на антропогенное воздействие на естественные ландшафты. Это типичный засоритель злаковых полей. Так же она произрастает на границах дорог, у построек, на мусорных кучах и заброшенных местах. Одно растение может произвести более 900 000 семян, и их потенциальный запас в старопашотных почвах и нарушенных местообитаниях очень высок. Это сорное растение является космополитом, т.е. распространено во всех природно-географических зонах. В разных пробах всего обнаружено 138 семян

2. Яснотка *Lamium*, семейство Губоцветные *Lamiaceae*. Засоряет пропашные, зерновые культуры, сады, огороды, пастбища. Предпочитает плодородные, хорошо увлажненные почвы. Может развиваться по типу ярого растения. При пониженных температурах хорошо растет и развивается. Всего обнаружено 5 семян.

3. Горец вьюнковый *Polygonum convulvum*. Обнаружено 1 семя.

4. Горец птичий *Polygonum aviculare*. Горцы – это рудеральные растения нарушенных местообитаний, пастбищ и сенокосных угодий. Предпочитают умеренно кислые почвы, богатые питательными веществами, от легких до среднетяжелых, включая торфянисто-болотные. Обнаружено 9 семян.

5. Лебеда *Atriplex* – рудеральное растение нарушенных местообитаний, пониженных и переувлажненных мест, сорняк пропашных культур. Обнаружено 3 шт.

6. Бурчаниковые *Boagineseae*. Семейство представлено двумя орешками серого цвета и грушевидной формы, что характерно для воробейника *Lithospermum*.

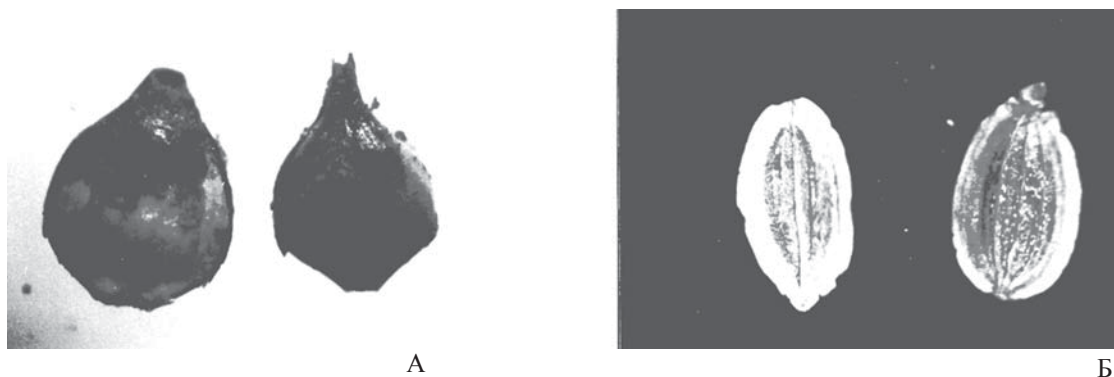

Рис. 1. Растительные остатки из Саянского острога.

А – горец почечуйный (почечуйная трава) *Polygonum persicaria*, Б – укроп *Anethum graveolens*.

7. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*. Обнаружено 2 зерновки.

8. Донник лекарственный *Melilotus officinalis*, семейство Бобовые *Fabaceae*. Обнаружено 78 семян этого растения. Во всех случаях зародыш утерян вследствие воздействия огня или высокой температуры и обугливания семени. Семена донника и зерновки ячменя происходят из одной пробы, отобранной в заполнении мусорной ямы. Большое количество его семян может указывать на целенаправленное собирательство этого растения. Семена могли использоваться в пищу (в виде каши, например). Съедобны в жареном и вареном виде и молодые утолщенные корни. Так как донник является лекарственным растением, то могли использоваться и другие его части. Плоды созревают в июле-октябре. Встречается как сорняк на сухих пустырях, склонах оврагов, по окраинам полей и около дорог, на пастбищах, в разреженных светлых лесах. Хорошо растет на почвах, богатых известью.

Такой состав растительности указывает на антропогенное влияние на естественные ландшафты и земледелие, в условиях которых развивалась сорная и рудеральная растительность.

Саргатская культура. Подчешашские курганы. В 70–90-е гг. XIX в. А.И. Дмитриев-Мамонов раскопал 15 курганов, расположенных рядом с Подчешашским городищем. Эти работы плохо документированы, а древности поступили в Томский университет и были опубликованы в каталоге В.М. Флоринского. Подчешашские памятники разновременны, и материалы из курганов принадлежат саргатской культуре (V в. до н.э. – III/IV в.в. н.э.) [Финно-угры..., с. 183]. Растительные остатки представляют собой черную легкую массу с преобладанием древесного угля, крупной соломы с примесью крупных и мелких карбонизированных зерен злаков. Садовником Томского университета П.Н. Крыловым в кон. XIX в. были сделаны следующие определения: ячмень *Hordeum* в преобладающем количестве; овес *Avena sativa* – довольно много; конопля *Cannabis sativa* – довольно много; рыжик *Camelina sativa* – в очень малом количестве. Это растение является засорителем ячменных посевов и его наличие указывает на возделывание ячменя на месте; горец вьюнковый – *Polygonum convulvus* – также сорное растение; неопределимые семена; солома ячменя [Флоринский, 1888, с. 83].

Саянский острог датируется 1718 г. – кон. XVIII в. Острог расположен на берегу р. Енисей у выхода его из Саянского каньона. Раскопки проводились С.Г. Скобелевым. Археоботанические определения сделаны автором. Проба отобрана в секторе 84 общего раскопа на дне продовольственного погреба. Условия залегания – галечный материковый грунт. Растительные остатки залежали компактно в виде рыхлой легкой массы светло-коричневого цвета. Часть материала слезалась комками. Объем проанализированного образца – 2 куб. дм.

1. Основная масса растительных остатков представлена светлоресничными орешками с бородавчатой поверхностью и крючковидными прицепками, обратногрушевидной формы, длиной 2,5 мм и шириной у основания 1,8 мм. Содержит одно семя обратногрушевидной формы черного цвета с гладкой матовой поверхностью. На приостренном основании – бороздка. Семя имеет размеры 1,8 мм в длину и 0,9 – 1 мм в диаметре, облечено в гладкую коричневую пленку. Орешки и семена определены как плоды растения липучка оттопыренная *Lappula squarrosa*, семейство Бурачниковые *Boraginaceae*.

2. Семянки треугольной формы, черного или темно-коричневого цвета со следами коричневых пленок у основания. Размеры 2,5×2 мм, 1,8×1,5 мм. Определены как плоды растения горец почечуйный (почечуйная трава) *Polygonum persicaria*, семейство Гречишные *Polygonaceae* (рис. 1А). В образце обнаружено 40 шт.

3. Плоды (семянки) укропа *Anethum graveolens* размером 3,7×1,8 – 2 мм. Овального очертания, плоские, спинная сторона выгнута (рис. 1Б). В образце обнаружено 10 шт.

4. Темно-коричневые и черные шарики с растрескавшейся и сморщенной поверхностью. Диаметр 1,5–1,8 мм. Часто трещины глубокие. Морфологические особенности трудно различимы. Часто под остатками темно-коричневой пленки просматривается черное семя. Некоторые имеют овальную или бобовидную форму. Вероятно, семена дикого растения их семейства Бобовых Fabaceae.

5. Донник лекарственный *Melilotus officinalis*, семейство Бобовые Fabaceae.

Алексеевское-18. Позднесредневековое поселение в Омской обл. Полевые работы М.А. Корусенко и В.В. Михалева, определения автора.

Изученные растительные остатки представлены обугленными (карбонизированными) зерновками двурядного пленчатого ячменя *Hordeum vulgare distichum* (рис. 2). Они обнаружены компактной массой в деревянном сосуде, объем – ок. 300 куб. см. Зерновки симметричные, сохранившими цветковые чешуи, и расширяющимися к вершине неглубокими бороздками, на основании чего и была установлена принадлежность зерна к указанному виду. Средний размер зерновок (длина x ширина x толщина) – 6,5×3×2,5 мм. С учетом уменьшения зерновок при обугливания примерно на 20–25% и внесении соответствующих поправок, найденные зерновки имеют размеры, сопоставимые с современным ячменем.

Ячмень требует влаги несколько больше, чем просо, но меньше пшеницы. Вследствие раннего посева (поскольку не требователен к теплу) и скороспелости (80–100 дней) использует весенние запасы влаги и уходит от летней засухи и суховеев, что определяет его более высокую по сравнению с пшеницей урожайность в южных районах. Его удобно выращивать на неорошаемых землях.

Рис. 2. Двурядный пленчатый ячмень *Hordeum vulgare distichum*. Алексеевское – 18.

Список литературы

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск. 1986. – 134 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.1987. – 512 с.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. – Томск.1888.– 178 с.

Zohary D., Hopf M. Domestication of plants in the Old World.– Oxford,1994.– 280 p.

Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева
Иркутский государственный университет

РОЛЬ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ (НА ПРИМЕРЕ ДОЛИНЫ Р. БЕЛОЙ, ПРИБАЙКАЛЬЕ)

Одной из наиболее сложных проблем в археологии является полнота и достаточность моделирования (реконструкции) стратегий освоения пространства древним человеком. Такие конструкты, с одной стороны, направлены на выявление закономерностей культурной пространственной адаптации древнего человека, с другой стороны, обеспечивают направленную организацию поиска археологических объектов того или иного возраста. В долине Белой известно около 100 археологических объектов широко хронологического диапазона. Археологические объекты ранних отделов палеолита пока немногочисленны. Наиболее представительны и более полно изучены комплексы сартанского времени и голоцена [Бердникова и др., 1991; Медведев и др., 2001]. Распределяются археологические объекты по долине Белой неравномерно. Такая картина определяется не только степенью археологической изученности, но и особенностями участков.

Пространство осваивается человеком через территориальность, которую следует понимать как «присвоение» отдельных территорий под определенную социокультурную деятельность [Плюснин, 1990]. Выбор того или иного участка для реализации социокультурных действий определяется полифакторными процессами и явлениями. Среди них можно выделить группы: 1) природные (ландшафтно-орографические, климатические, ресурсные); 2) социокультурные. Рассмотрение второй группы не входит в задачи данной работы. Мы рассмотрим некоторые природные процессы, которые могли определять характер освоения территорий древним человеком на примере долины Белой. Ранее мы обсудили роль природных обстановок в освоении древним человеком приустьевого участка долины Белой [Бердникова, Воробьева, 2005].

Река Белая является левым притоком Ангары. Она формируется после слияния Большой и Малой Белой, истоки которых находятся в гольцах Восточного Саяна. После слияния Белая выходит из пределов предгорного понижения и прорезает более поднятую часть Иркутско-Черемховской равнины. Устье Белой располагается на расстоянии 106 км на северо-запад от Иркутска.

В геологическом строении территории принимают участие нижнекембрийские известняки, доломиты и юрские песчаники, конгломераты и алевролиты. Эти породы обеспечивали достаточный объем сырьевых ресурсов: кварциты юрских конгломератов и нижнекембрийский кремний. Последний являлся основным подделочным камнем в археологических комплексах Белой.

Долина Белой имеет субширотное направление. Такая ориентация долины и карстующиеся породы в ее обрамлении благоприятствуют пониженной влажности грунтов, что является важным фактором при расселении.

Борта долины обрамляют плоские приподнятые междуречья. Глубина вреза составляет около 100 м. Наблюдается тектонически обусловленная асимметрия поперечного профиля долины: высокий левый борт (до 100 м) и более низкий и пологий правый (до 50 м). В плане долина Белой имеет четковидный рисунок, выделяются Бельское, Мишелевское, Тайгурское, Мальтинское расширения. Высокий левый борт долины прикрывает пойму и низкие террасовые уровни от господствующих холодных и сильных ветров северно-западного направления. Эти ветры и в современности формируют ураганы со скоростью 35–40 м/сек (например, ураган в июле 2004 г.). Ветроудранные склоны и вершины водоразделов на правобережье маркируются обширными полями бугристых песков и дюн. На участках, расположенных в ветровой тени, преобладают лессовидные отложения.

Одним из важных факторов, определяющих природные обстановки рассматриваемой территории, является тектоника. Долина Белой расположена в зоне Ангарского разлома, активность которого подтверждается

как современными землетрясениями, так и следами палеосейсмодислокаций. В результате геоархеологических исследований зафиксированы и другие следы тектонической активности на данной территории: локальных селевых потоков, существования и спуска озер, подтопления и размыва отдельных участков долины, оползней. Судя по следам этих событий, запечатанных в рыхлых отложениях, активизация тектонических процессов отмечается 20–19 т.л.н., 14,5–14 т.л.н., 11,8–11,5 т.л.н. [Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998; Воробьева, Медведев, 1998; Бердникова, Воробьева, Леви и др., 2000; Чипизубов и др., 2001; Аржанников и др., 2004; Аржанникова и др., 2005; Бердникова, Воробьева, 2005]. Эти катастрофические события внесли существенные коррективы для сохранности культуровмещающих отложений. Многочисленные тектонические трещины благоприятствовали появлению родников и выходов на поверхность глубинных минеральных вод и даже рассолов (хлорид натрия).

Особенности пространственного освоения долины Белой более детально изучены для культур заключительной фазы позднего палеолита и голоцена. Основное количество позднепалеолитических объектов расположено в нижнем течении Белой; кроме того, объекты этого возраста известны в Бельском, Мишелевском, Тайтурском расширениях. Основные объекты голоценового возраста располагаются в Мишелевском расширении, в западной части Тайтурского расширения и в приустьевом участке долины Белой.

Между комплексами классической фазы позднего палеолита (Мальта) и позднеледниковыми культурами прослеживается культурно-хронологическая лагуна (20–18 т.л.н.). Выделяются еще две лагуны: для интервалов 14,5–12,5 (12,8) тыс.л.н. и 11,5–10,3 тыс.л.н. [Бердникова и др., 2005].

Нам представляется, что так называемые лагуны в развитии позднеледниковых культур обусловлены стратегиями освоения пространства, связанных, прежде всего, с природными катастрофами (активизация тектонических процессов 20–19 т.л.н., 14,5–14 т.л.н., 11,8–11,5 т.л.н. – сели, спуски озер, подтопление и размыв, оползни) и изменениями ландшафтно-климатических обстановок (активизация солифлюкционных процессов 24–21 т.л.н., эоловых процессов 16–14 т.л.н., глубокое похолодание 11–10,3 т.л.н.).

Наиболее репрезентативно представлены геоархеологические объекты возрастом 15,5–14,5 т.л.н. Такие объекты, расположенные в отложениях 12–22-метровых террасовидных поверхностей, фиксируются на удалении от современных бровок уступов на расстоянии 100–200 м (Мальта-Мост I, Алаевка, Бадай V). На 9–11-метровых поверхностях археологические комплексы этого возраста располагаются также в удалении от бровки ближе к тыловому шву террасы (Усть-Белая). Древние стоянки, остатки которых фиксируются на выположенных площадках 20–22-метровых террас, располагались в зоне ветровой тени (Мальтинка, Мальта-Мост I, Щербень, Алаевка). В зонах ветрового коридора стоянки находились на бортах падей или под склоном (Бадай V; Буреть III, IV; Черемушник I, II; Кулаково).

В освоении пространства позднеледниковых культур возрастом 12,5–11,5 т.л.н. можно выделить такие характерные черты, как расположение комплексов в прибровочной части террасовых поверхностей; вытянутость вдоль реки; ярко выраженная мультислойчатость комплексов (Усть-Белая, Сосновый Бор, Галашиха). Такое положение объектов на местности не всегда в полной мере обеспечивало сохранность культуровмещающих отложений, так как последние часто уничтожались в результате катастрофических природных процессов. Вместе с тем все еще сохраняется топографическое положение поселений в глубине террас и по бортам логов, характерное для комплексов 15,5–14,5 т.л.н. (Красная-I, Грязная-I).

Голоценовые комплексы пространственно более приближены к водотоку или водоему. В мультислойчатой вариации они фиксируются в отложениях пойм (Горелый Лес-I, Усть-Хайта-I, Холмушино-I, Глубокий Лог, Усть-Белая). Особо следует отметить освоение пространства в это время вдоль бровок на 12–22-метровых поверхностях (Шамотный Завод, Приводная-III). Иногда такие комплексы занимают довольно большие площади. Хорошая сохранность голоценовых комплексов обусловлена более стабильными тектоническими и природно-климатическими обстановками долины Белой.

Анализ топографического размещения археологических объектов долины Белой позволяет для разных хроноинтервалов развития древних культур наметить определенные закономерности в системах расселения древнего человека. Полученные данные, дополненные социокультурным анализом территориальности, дают возможность более аргументировано рассматривать поселенческие стратегии древнего человека.

Список литературы

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. К вопросу об активности Ангарского разлома (на базе комплексного изучения разрезов рыхлых отложений) // Тр. III интеграционной междисциплинарной конференции молодых ученых СО РАН и высшей школы (Иркутск, 17-21 окт. 2005 г.). – Т.1. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2005. – С. 16–19

Аржанников С.Г., Гладков А.С., Аржанникова А.В., Лунина О.В., Чипизубов А.В. Следы импульсных тектонических движений на юге Иркутского амфитеатра // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. – Иркутск: ИЗК СО РАН–ИрГТУ, 2004. – С. 153–162.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Природные процессы и динамика освоения пространства древним человеком (на примере приустьевых участков р.Белой) // Социогенез в Северной Азии. –Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 24–35.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Аржанникова А.В., Савельев Н.А. Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно–культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. – С. 15–25.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Горюнова О.И., Аржанникова А.В., Кулагина Н.В. и др. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту ФЦП «Интеграция» К 0364 «Культурные и природные феномены в конце плейстоцена – начале голоцена в Прибайкалье» в 2000 году. – Иркутск, 2000. – 782с. – № гос.регистрации 01980010083.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Ощепкова Е.Б. Геоморфология и стратиграфия геoarхеологического объекта Усть-Белая (основная площадь изучения) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века в Северной Азии и сопредельных территориях (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 26–36.

Бердникова Н.Е., Леженко И.Л., Савельев Н.А., Медведев Г.И., Георгиевская Г.М. Археологические памятники Усольского района. – Иркутск, 1991. – 110 с.

Воробьева Г.А., Медведев Г.И. Низкие террасы долин рек Байкало-Енисейской Сибири и оз. Байкал // Генезис рельефа. – Новосибирск: Наука, 1998.– С. 144–153.

Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ощепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 2: Бельский геoarхеологический район. – 242 с.,

Плюснин Ю.М. Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований). – Препринт. – Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1990. – 45с.

Чипизубов А.В., Аржанникова А.В., Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Погребенные палеосейсмодислокации на юге Сибирской платформы // Доклады РАН. – 2001. – Т. 379, №1. – С. 101–103.

Е.М. Беспрозванный*ООО НАЦ АВКОМ-Наследие, Екатеринбург***А.А. Погодин***Уральский государственный университет, Екатеринбург*

МЕЗОЛИТ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Север Западной Сибири (*СЗС*) – область между Уралом и Енисеем севернее 59–60° с. ш., представляющая озерно-аллювиальную равнину, с возвышенностями и увалами в мезорельефе, расчлененную бассейнами рек Карского моря – Обь, Надым, Пур и Таз.

В раннем голоцене на *СЗС* формируются современные природно-ландшафтные зоны, рельеф и границы суши – близки современным. Территория становится пригодной для постоянного проживания уже с предбorealного времени (10000–9000 л. н.).

Впервые мезолит на *СЗС* выявлен в 1977 г. [Хлобыстин 1987]. К настоящему времени известно более 40 стоянок и поселений, из них 11 исследовались раскопками [Беспрозванный 1997; Сериков 1998; Кокшаров, Погодин 2000].

Большинство мезолитических объектов сосредоточено на юго-западе *СЗС* в бассейне рек Конды и Северной Сосьвы. За пределами данного ареала выявлены единичные кратковременные стоянки – Пямали-яха в Надым-Пуровском междуречье [Погодин 1998], Корчаги I-Б под Салехардом [Хлобыстин 1987], Юрибей 1 [Погодин 2000] и Нулмаяха [Ткачев, Багашов 2002] на Южном Ямале.

В бассейне Конды выделены три локальных района [Беспрозванный 1997]. Большинство памятников размещаются на сходных в топографическом отношении участках, занимая площадки мысов террас, высотой от 1,5 до 3 м, в устье малых рек или ручьев, при их впадении в крупные реки или озера. Некоторые озерные стоянки (Сатыга XVIв, XXIII и др.) занимают участки поймы, подтопляемые в половодье, или невысокие дюны в устье малых рек.

На долговременных поселениях (Геологическое III, 16, Леуши III, IX, Окуневый мыс 1, Енья 1, Сатыга XV) выявлено от 3 до 5 жилищ-полуземлянок: одно- или двухкамерные постройки, соединенные переходом. Постройки располагались компактно (Леуши III, IX) или от 20 до 60 м друг от друга (Геологическое III). Глубина котлованов от 0,3 до 0,75 м. Конструкция перекрытия, скорее всего, каркасно-столбовая; опорные столбы отмечены по углам, вдоль стенок, в центре котлованов. Очаги – ямы или канавы, углублены в материк по центру сооружений.

Для сезонных стоянок характерны постройки со слабоуглубленным, до 0,3 м, котлованом (Леуши XIV) или наземные сооружения с легкой столбовой конструкцией (Сатыга XVIа, Большая Учинья XXIII, Кондинское III). Наземные жилища также фиксируются по локализации и скоплению находок, изменению плотности и цветности слоя. Очаги на таких памятниках располагаются на удалении до 2,5 м от границ сооружения.

Обработка камня основывалась на местных сырьевых ресурсах – галечниках и обломочном материале моренного происхождения, представленном кремнистыми породами, яшмой, халцедоном, кварцем, кварцитом, туфами и т.д. Техника обработки камня разнообразна: расщепление, сверление, пикетаж и абразивная отделка. Расщепление исходного сырья осуществлялось в ударной, контрударной и отжимной технике скола. Две первые чаще всего применялись на стадии подготовки или же окончательной утилизации ядрища, а также в технологии производства удлиненных сколов с монофронтальных нуклеусов параллельного принципа расщепления. Отжимная техника скола использовалась в производстве пластин-заготовок с призматических, конических и торцевых нуклеусов. Пластины и их сечения служили вкладышами составных орудий. В их оформлении использовался прием усечения ретушью одного торца или края, противоположащего лезвию. Абсолютное большинство пластин-вкладышей имеют ширину 0,5–0,6 см. Из пластин также изготавливались острия, резцы, резчики, концевые скребки.

Из отщепов, целых и расколотых галек изготовлены скребки различных типов и долотовидные орудия, имеющие желобчатое лезвие. Оригинальны рубящие инструменты-тесла с выступами, выделанные в технике пикетажа с последующей абразивной отделкой.

Изделия из кости фрагментарны, 13 предметов, в их числе гарпун, оправы для вкладышей, проколка.

Остеология представлена северным оленем, лосем, бобром, зайцем, куньими, волком или собакой, птицами, ихтиология – костями и чешуей рыб.

Объекты культового характера – два захоронения по способу кремации (Сатыга XVIa), и яма с черепом мужчины (Леуши IX), выявленная в слое заполнения котлована жилища и перекрытая выкидом из соседнего мезолитического сооружения [Беспрозванный, Погодин 1998].

Хроно-стратиграфическая шкала мезолита *СЗС* не разработана. Пока не выделены элементы материальной культуры, определяющие хронологическую позицию отдельных комплексов. Ранний мезолит предположительно выделен на основе стратиграфии стоянки Сатыга XVIIa [Погодин, Беспрозванный 1999]. Ранний культурный слой памятника, перекрытый позднемезолитическими отложениями, пробит мерзлотными клиньями, расчленялся прослойками ортзанда с впекшимися в них каменными изделиями. Его ранний возраст подтверждается датами – 9520 ± 60 и 9330 ± 110 л.н. (ЛЕ-5692, 6581). Со второй половины бореального периода, возможно, существовало поселение Геологическое III – 8380 ± 710 л.н. (ЛЕ-4220). Позднемезолитическим поселением, периода раннего атлантика, на основании серии дат – 7240 ± 80 , 7380 ± 80 , 7420 ± 80 , 7560 ± 80 , 7590 ± 80 , 7430 ± 80 , 7510 ± 80 л.н. (соответственно с ЛЕ-2244 по ЛЕ-2250) являются Леуши IX.

Своеобразие мезолита *СЗС* от культур соседних территорий – Среднего Зауралья [Сериков 2000] и Прикамья [Старков 1989], Европейского Северо-Востока [Верещагина 1990], Нижнего Притоболья [Шаманаев 2003] проявляется в частности, в широком распространении жилищ-полуземлянок (18 сооружений на 7 поселениях) с каркасно-столбовой конструкцией перекрытия. Ближайший ареал сосредоточения построек с углубленным котлованом – Камско-Вятское междуречье [Гусенцова 1993]. В горно-лесном Зауралье [Сериков 2000] и Европейском Северо-Востоке [Волокитин, Косинская 1999] они единичны.

Особенность индустрии мезолита *СЗС* отчасти предопределена качеством сырья; технокомплекс сочетает микропластинчатую технологию на основе призматического расщепления и отщеповую технологию на базе контрударного расщепления. Сопряженную группу орудийного набора составляют микропластинки вкладышей, резчики, скребки и долотовидные инструменты. Специфическая черта – отсутствие каменных наконечников стрел и геометрических микролитов, наличие серий орудий на расщепленных гальках, рубящих инструментов с «цапфами».

Предположительно заселение современной таежной зоны *СЗС* началось в позднем палеолите – раннем мезолите с территории современной лесостепной зоны, вдоль р. Иртыш [Беспрозванный 1997]. С другой стороны, в технокомплекс мезолита юго-запада *СЗС* имеет аналогии в палеоиндустрии ряда памятников среднеуральской верхнепалеолитической культуры [Павлов 1996] – стоянки им. Талицкого, Горная Талица, Медвежья пещера и Игнatieвская пещера.

Таким образом, Север Западной Сибири – *особый ареал развития культурной общности эпохи мезолита*. Ее формирование началось уже в предбореальное время. К началу атлантика, на территории бассейна реки Конды, существовало постоянное население, осуществлявшее продвижение далее на север и, возможно, на прилегающие территории южно-таежной зоны Западной Сибири. Сложившие к концу мезолита традиции – выбор мест поселений, домостроительство, обработка камня, явились основой для формирования раннеолитических культур (сумпаньинская) и культурных типов (амнинский, еттовский) [Косинская 2004]. Тем не менее, уже в раннем неолите проявляются некоторые локальные территориальные особенности, выраженные, прежде всего, в специфике камнеобработки. В бассейне среднего течения реки Конды, в индустрии сумпаньинской культуры, сохраняется пластинчатая техника при увеличении пропорций заготовки (Леуши VII), севернее и северо-восточнее развивается индустрия, основанная на широком использовании в качестве сырья кварца, кварцитов и сланцев, обработанных исключительно в ударной и контрударной технике, без сохранения традиций призматического расщепления (Геологическое III, VII, XVI).

Список литературы

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 26–38.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // Вопросы археологии Урала – Екатеринбург, 1998. – С. 48–62.

Верещагина И.В. Мезолит на крайнем Европейском Северо-Востоке // КСИА. – 1990. – № 200. – С. 48–52.

- Волокитин А.В., Косинская Л.Л.** Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1999. – 36с.
- Гусенцова Т.М.** Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1993. – 240с.
- Кокшаров С.Ф., Погодин А.А.** Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. – 2000. – № 4.
- Косинская Л.Л.** Проблемы хронологии западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и средней Европе)– СПб: ИИМК РАН, 2004. – С. 301–307.
- Павлов П.Ю.** Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России – Сыктывкар, 1996. – 212с.
- Погодин А.А.** О времени заселения человеком северо-востока Западной Сибири // Урал в прошлом и настоящем – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. – Часть I. – С. 99–103.
- Погодин А.А.** К проблеме первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала – Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 68–78.
- Погодин А.А., Беспрозванный Е.М.** Новые исследования каменного века таежной зоны Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург, 1999. – С. 8–12.
- Сериков Ю.Б.** Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири – Нижневартовск: Нижневарт. пед. Ин-та, 1998. – С. 3–23.
- Сериков Ю.Б.** Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил, 2000. – 430с.
- Старков В.Ф.** Мезолит Среднего Приуралья // Археология СССР. Мезолит СССР – М.: Наука, 1989. – С. 125–129.
- Ткачев А.А., Багашев А.Н.** Новые материалы в археологической карте полуострова Ямал // Вестник археологии, антропологии и этнографии – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 218–221.
- Хлобыстин Л.П.** Находки близ г. Салехарда // КСИА. – 1987. – № 189. – С. 108–111.
- Шаманаев А.В.** Каменные индустрии мезолита – раннего бронзового века Нижнего Приоболья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2002. – 23с.

С.К. Васильев*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ТЕРИОФАУНА И ПРИРОДНАЯ СРЕДА В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Наряду с другими методами, реконструкция палеосреды достаточно успешно может осуществляться на основе изучения фауны крупных млекопитающих. Предлагаемая статья основана на результатах исследования трёх крупных местонахождений позднеплейстоценовой фауны Верхнего Приобья. В Красном Яру (р. Обь, в 17 км ниже Новосибирска), вскрываются два костеносных горизонта-финала казанцевского и конца каргинского времени [Васильев, 2005]. Возраст костеносного слоя Тарадановского местонахождения (р. Обь, 150 км к ю-ю-з от Новосибирска), оценивается второй половиной ермаковского – первой половиной каргинского времени [Васильев, Орлова, 2005]. Местонахождение на р. Орда, (100 км к ю-ю-з от Новосибирска), датируется финалом сартанского времени [Васильев, Николаев, Петрин, 1995]. Перечисленные местонахождения, таким образом, хронологически взаимодополняют друг друга, охватывая (хотя и отрывочно), все основные этапы позднего плейстоцена (табл. 1), что позволяет проследить основные тенденции в развитии териофауны и природной среды этого времени на юго-востоке Западной Сибири.

На всех трёх местонахождениях отмечены следы присутствия палеолитического человека. В Красном Яру (рисс-вюрмский слой) – это обработанный рог марала [Бородовский, Васильев, 2005], плечевая и локтевая кости бизона со следами порезов. В Тараданово – 1-я фаланга зоргелии (?) с характерными штрихами от порезов каменным орудием. На р. Орда было найдено несколько каменных артефактов [Васильев, Николаев, Петрин, 1995].

Русловые пески и галечники 6 слоя Красного Яра вскрываются речной эрозией на-под урезом воды. В конце казанцевского межледниковья (около 90–100 тыс. л. н.) широкие речные долины здесь покрывали еловые леса с примесью лиственницы, кедра и высокоствольной берёзы. Климат существенно не отличался от современного, и был лишь несколько более сухим и прохладным [Волков, Архипов, 1978]. На водоразделах получили развитие лесостепные ландшафты, о чём свидетельствует общий облик фаунистического комплекса, где по количеству костных остатков группировка видов степных и лесостепных пространств (сайгак, шерстистый носорог, лошадь, бизон, гигантский олень, малый пещерный медведь) приблизительно относится к группе лесных форм (или условно лесных – бобр, лось, бурый медведь, благородный олень) как 8 к 1. Доминируют остатки бизона (48,1%), находившего, очевидно, наиболее оптимальные условия для своего существования именно в лесостепной зоне, лошади (19,7%) и шерстистого носорога (7,3%). К пойменным стациям был приурочен гигантский олень (6,9%). Лось и марал, судя по морфофункциональным особенностям в строении нижней челюсти, также были связаны с лесостепными ландшафтами. Весьма характерно обилие остатков оленей (17% в сумме). Заметное укорочение, по сравнению с современными, метаподий волка и лося, наряду с преобладанием в 6 слое костей бизона и лошади, свидетельствует об относительной малоснежности зим рисс-вюрмской эпохи, когда средняя глубина снежного покрова, скорее всего, не превышала 30 см.

Последующее за казанцевским межледниковьем время освещают материалы Тарадановского местонахождения. Продуктивный костеносный горизонт погружён здесь на несколько метров ниже уреза воды. Ежегодно, в осеннюю межень в нижней по течению части яра обнажается обширная костеносная отмель, усеянная сотнями и тысячами переотложенных костных остатков, вынесенных из-под яра во время весенне-летнего паводка. Из нижней части разреза были получены споро-пыльцевые спектры, свидетельствующие о существовании лесостепных ландшафтов с участием сосново-берёзовых и еловых лесов [Панычев, 1979]. Состав фауны: преобладание остатков лошади (39,3%), бизона (39%), шерстистого носорога (7,5%), наряду с присутствием плейстоценового осла, сайгака, архара, неизвестного представителя сем. Bovidae, сходного с зоргелией (?), малого пещерного медведя и второстепенным участием оленей (9,6% в сумме) позволяет реконструировать для этого времени ландшафты мезофитных степей или разреженной лесостепи.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих по материалам позднеплейстоценовых местонахождений Верхнего Приобья.

Таксоны	Красный Яр, слой 6 (R–W)		Тараданово (W–1–2)		Красный Яр, слой 4 (W–2)		р. Орда (W–3)	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %	кости	в %
<i>Lepus</i> sp.	2	0,07			1	0,14		
<i>Marmota</i> sp.	1	0,04						
<i>Castor fiber</i> L.	12	0,44	3	0,10			1	0,49
<i>Canis lupus</i> L.	9	0,33	4	0,13	1	0,14	1	0,49
<i>Canis</i> sp.	5	0,19						
<i>Ursus arctos</i> L.	10	0,37	6	0,20	2	0,28	1	0,49
<i>U. (Spelaearctos) rossicus</i> Borissiak.	7	0,26	12	0,39				
<i>Gulo gulo</i> L.	1	0,04						
<i>Meles meles</i> L.	1	0,04						
<i>Crocota spelaea</i> Goldfuss.	1	0,04	2	0,06				
<i>Panthera spelaea</i> Goldfuss.	11	0,41	23	0,75	6	0,83		
<i>Mammuthus primigenius</i> Blum.	131	4,85	22	0,71	9	1,25	26	12,7
<i>Equus ex. gr. gallicus</i> Prat.	531	19,7	1210	39,3	446	62,0	83	40,5
<i>Equus (Equus)</i> sp.			1	0,03	1	0,14		
<i>Equus ex. gr. hydruntinus</i> Regalia.	12	0,44	46	1,49				
<i>Equus cf. hemionus</i> Pallas.					1	0,14		
<i>Coelodonta antiquitatis</i> Blum.	197	7,29	231	7,50	77	10,7	28	13,7
<i>Megaloceros giganteus</i> Blum.	187	6,92	92	2,29				
<i>Cervus elaphus</i> L.	128	4,74	138	4,48	24	3,34	2	0,98
<i>Alces cf. alces</i> L.	144	5,33	57	1,85	21	2,92	1	0,49
<i>Rangifer tarandus</i> L.			8	0,26	12	1,67		
<i>Bison priscus</i> Bojanus.	1300	48,1	1201	39,0	115	16,0	62	30,2
<i>Saiga borealis</i> Tscherskii.	3	0,11	11	0,36	3	0,42		
<i>Ovis ammon</i> L.			2	0,06				
Bovini gen. indet. (крупная форма)	1	0,04	1	0,03				
Bovini gen. indet. (<i>Soergelia</i> sp.?)			13	0,42				
Всего костных остатков	2703	100	3083	100	719	100	205	100

Из 18 радиоуглеродных датировок по костям с Тарадановского пляжа [Васильев, Орлова, 2005] 13 оказались $\geq 40\ 000$ лет, а оставшиеся 5 дат укладываются в интервал от 26 до 35 тыс. лет. Для биостратиграфического анализа использовались прежде всего метаподии лошадей. Графические построения по средним пропорциям пястных и плюсневых костей показали полное тождество лошади из Тараданово и *Equus ex. gr. gallicus* из 4-го, каргинского (около 30 тыс. л. н.) слоя Красного Яра; *E. ex. gr. gallicus* из 6 слоя (финал R-W) этого местонахождения оказалась существенно крупнее. Можно констатировать, что верхняя возрастная граница костеносного горизонта Тарадановского Яра превышает 40–45 тыс. лет, а нижняя не опускается глубже 90–100 тысяч лет. Таким образом, костеносный слой, лежащий ниже уреза воды, может быть датирован как второй половиной ермаковского, так и первой половиной каргинского времени (последнее представляется наиболее вероятным).

Материалы из пойменных суглинков 4 слоя Красного Яра свидетельствуют, что в конце каргинского времени соотношение бизон – лошадь изменяется на обратное: 62 % остатков здесь принадлежит лошади, а бизон отодвигается на второй план (16 %). Подобное соотношение, по-видимому, отвечает остепнённым ландшафтам, получившим распространение в это время. Количество оленей сокращается – до 9,6%, при этом полностью исчезает гигантский олень, а вместо него появляется незначительное число остатков *Rangifer tarandus*. Единичность костей сайгака и кулана, при абсолютном преобладании сравнительно широкопалой *E. ex. gr. gallicus* позволяет говорить, вероятно, о сравнительно мягких, увлажнённых грунтах мезофитной степи. Климат этого времени при-

ближался к современному [Волков, Архипов, 1978]. Судя по тому, что почти 2/3 всех костных остатков принадлежало лошади, глубина снежного покрова могла быть ещё меньше, чем в казанцевское межледниковье.

В местонахождении на р. Орда, относящегося к финалу сартанского времени, остатки лошади (40,4%) также доминируют над костями бизона (28,3%); возрастает количество остатков шерстистого носорога (13,9%) и мамонта (12%). К оленям – благородному и лося в сумме относится лишь 1,5% костных остатков. Необычайная укороченность и массивность метаподий бизона и лошади свидетельствует о существенном уменьшении глубины снежного покрова в это время, когда на юге Западной Сибири получили развитие ландшафты холодных и малоснежных перегляциальных степей.

Для большинства представителей крупной териофауны в позднем плейстоцене отмечено заметное измельчание, особенно сильно сказавшееся к концу каргинского времени. Так, если принять средние значения промеров сопоставимых элементов посткраниального скелета рисс-вюрмского бизона за 100%, то аналогичные размеры костей бизона из Тараданово (W – 1-2) сократились на 0,8%, а у бизона конца каргинского времени Красного Яра – на 5,7%. Те же показатели для лошади соответственно составили: 4,6 и 3,3%, шерстистого носорога – 0,6 и 2,8%, лося – 4,8 и 5,4%. Гигантский олень из Тараданово по сравнению с *Megaloceros giganteus* Красного Яра (R-W) оказался меньше на 4,4%. Благородный олень из Тараданово по размерам костей посткраниального скелета вполне сопоставим (меньше на 0,1%) с казанцевским *Cervus elaphus* из 6 слоя Красного Яра, в то время как марал из 4, каргинского слоя этого местонахождения, напротив, был крупнее своего рисс-вюрмского предшественника на 4,5%. Сартанское похолодание, как показали материалы с р. Орда, по-видимому, вновь дало некоторый толчок к увеличению размеров тела, по крайней мере, для бизона.

В течение позднего плейстоцена на территории Верхнего Приобья, как и по всей Северной Евразии, происходило постепенное обеднение видового разнообразия фауны крупных млекопитающих, что наряду с уменьшением размеров тела большинства из видов, указывает на прогрессирующие неблагоприятные изменения природной среды. Если в отложениях Тарадановского Яра (W – 1-2) ещё почти в полном объёме сохраняется набор видов, характерных для казанцевского времени (6 слой Красного Яра), то к концу каргинского времени (4 слой Красного Яра) на этой территории исчезает уже целый ряд представителей мамонтового фаунистического комплекса: *Ursus rossicus*, *Crocota spelaea*, *Equus ex. gr. hydruntinus*, *Megaloceros giganteus*. В сартанское время процесс обеднения мегафауны, очевидно, продолжился, но количество материалов из местонахождений этого времени пока ещё не достаточно для окончательных выводов.

Изучение териофауны показало, что лесостепные ландшафты, характерные для Верхнего Приобья в казанцевское межледниковье, в период последующего за ним похолодания климата сменяются на преимущественно степные, что прослеживается вплоть до конца каргинского времени; сартанское время отмечено развитием ландшафтов холодных перегляциальных степей. Общей чертой, объединяющей все этапы позднего плейстоцена, была существенно меньшая, чем в голоцене, глубина снежного покрова (особенно во время сартанского оледенения), что благоприятствовало существованию массовых видов крупных травоядных млекопитающих. Исследование позднеплейстоценовой териофауны на юге Западной Сибири всё более убеждает, что одной из основных причин, приведшей к вымиранию большинства видов мамонтовой фауны, явилось глубокоснежье, установившееся здесь с началом современного межледниковья.

Список литературы

Бородовский А.П., Васильев С.К. Следы разделки рогового сырья с местонахождений палеофауны Верхнеобского бассейна. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед ун-та, Т. 1, 2005. – С. 94–100.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья (по материалам местонахождения Красный Яр). Автореф. дис. канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Васильев С.К., Николаев С.В., Петрин В.Т. К проблеме тафономии палеонтологических остатков и артефактов в «займищах» юга Западной Сибири. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. – С. 40–42.

Васильев С.К., Орлова Л.А. Новые данные о Тарадановском местонахождении фауны крупных млекопитающих. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. т. XI, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 22–26.

Волков И.А., Архипов С.А. Четвертичные отложения района Новосибирска. – Новосибирск: Изд. ИГиГ СО АН СССР, 1978. – 90 с.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 132 с.

В.М. Ветров

Иркутский государственный педагогический университет, Иркутск

ПРОБЛЕМЫ СХОДСТВА В ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОРНАМЕНТАЦИИ СОСУДОВ РАННИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ*

Означенная в названии тема стала актуальной для автора в связи с результатами исследований на Верхнем Витиме, где в настоящее время наиболее изученными в пределах каменного века являются керамические комплексы, хронологическая и типологическая характеристика которых позволяет выделить две группы памятников, соотносимых с двумя археологическими культурами. Ранняя из них, усть-каренгская (13–4,5 т. л.н.), получила название по ряду стратотипичных местонахождений в устье р.Каренга, правого притока Витима, где из десяти стратиграфически разделенных горизонтов сводного разреза к ней отнесены восемь нижних (рис. 1). В двух наиболее ранних (8 и 8а), при незначительной вскрытой площади найден только каменный инвентарь. Поэтому, на данном этапе исследований о них пока можно говорить как о представляющих докерамический этап культуры. Средний абсолютный показатель по углю горизонта 8 (исключая дату 16430±240 л.н.) близок 13 тыс. лет.

Горизонт 7а малоинформативен в связи с обнаружением в нем лишь нескольких отщепов.

Наиболее результативным на сегодня является горизонт 7, в пределах которого наряду с аналогичным каменным инвентарем из горизонтов 8 и 8а (морфология изделий, техника их изготовления, петрография) фиксировались обломки керамических сосудов хорошего обжига, устоявшейся формы и, за редким исключением, с богато украшенной поверхностью. Сосуды имеют закрытую параболическую форму, и судя по ряду фрагментов, приоткрытое дно. Стенки с обеих сторон покрыты желобками (более рельефными на внутренней поверхности и вытянутыми по горизонтали, с внешней – по вертикали), полученными при затирании пучком травы, щепой или путем протаскивания зубчатой гребенки, которой наносился художественный орнамент. Последний выполнен зубчатым штампом. Основными мотивами являются горизонтальные ряды отрисков прямой или дугообразной мелкозубчатой «шагающей» гребенки (рис. 2). В композиционные построения входят так же отдельные или парные отпечатки гребенчатого штампа, иногда образующие вертикальную елочку или зигзаг. В одном случае под срезом отмечены отриски зубчатого колесика, прокатанного по наклонной линии, в другом – использование зубчатого барабана для получения волнообразных полос на тулове сосуда [Vetrov, 1995]. В ряде случаев отмечаются отдельные отриски гребенчатого штампа на внутренней стороне под срезом венчика, а так же следы прокатки барабана с внутренней стороны тулова. Особняком стоит сосуд, имеющий только технический декор. Абсолютные даты по углю из рассматриваемого горизонта 11240±80 л.н. (ГИН-8066), 10750±60 л.н. (ГИН-8067), 12180±60 л.н. (АА-60210), 12170±70 л.н. (АА-60202); по органическому отщипу в самой керамике – 10600±110 л.н. (АА-21378), 11065±70 л.н. (АА-38101) и 10870±70 л.н. (АА-60667). Результаты абсолютного датирования подтверждаются данными стратиграфии и палинологии, указывающими на позднплейстоценовый возраст отложений. Исходя из вышеизложенного, возраст горизонта 7 определяется пределами 11–12 тыс. л.н. [Ветров, Кузьмин, 2005], что хорошо согласуется с абсолютными и относительными датировками ниже и выше расположенных отложений. Это обстоятельство ставит ранние усть-каренгские памятники, содержащие керамическую посуду, в один ряд с наиболее древними керамическими комплексами, прежде всего, Восточной Азии.

Вопрос о корнях керамического производства и специфике орнаментации усть-каренгских сосудов остается открытым. При современном уровне археологической изученности регионов и сегодняшних знаниях об их древней материальной культуре появление керамических сосудов в таежной зоне, на Витимском плос-

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проект №05–06–97208 и РГНФ, проект №06–01–00466А.

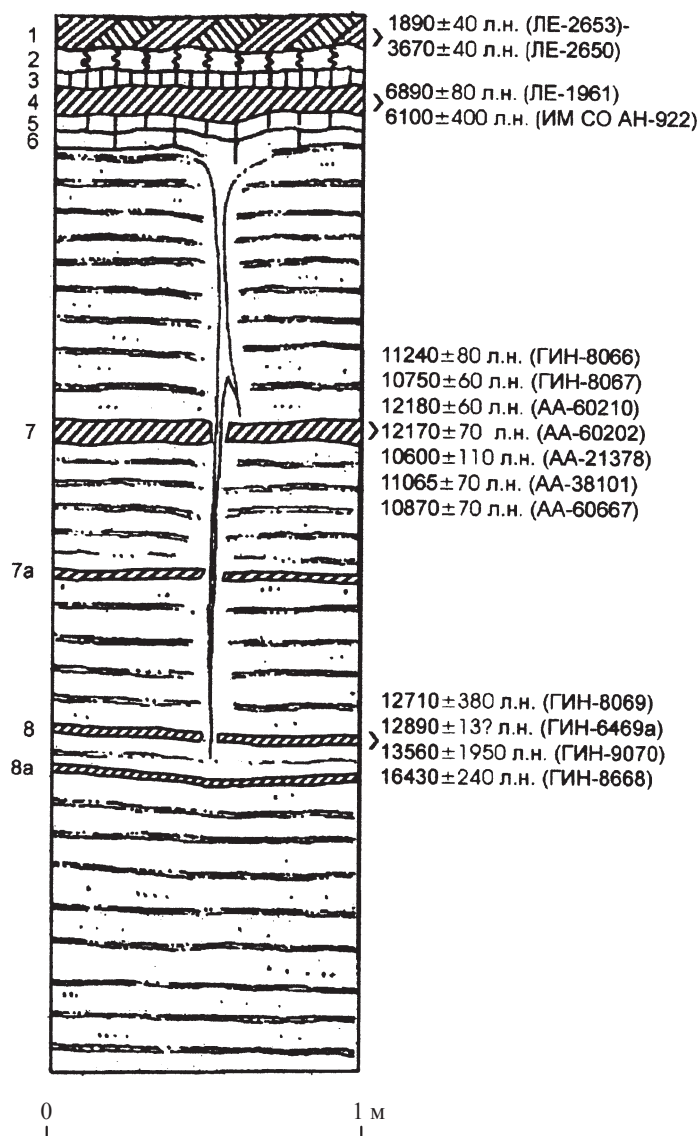

Рис.1. Усть-Каренга. Стратиграфический разрез.

когорье, может свидетельствовать, с одной стороны, об их автохтонном изобретении, с другой, о привнесении идеи их изготовления из иных мест, возможно, со стороны юго-востока, в частности из Приамурья или Приморья. Но памятники усть-каренгской культуры отстоят от синхронных и более древних керамических центров на тысячи километров и «мостиков» между ними пока явно недостаточно для однозначного решения. В этой связи, все-таки, следует отметить, что идея нанесения орнамента прямой или дуговидной «шагающей» гребенкой (реже гладкой качалкой) запечатлена на сосудах ряда древних (но, преимущественно, более поздних, чем каренгские) поселений Нижнего Амура, Северо-Восточного Китая, Корейского полуострова, острова Хонсю. Пока остаются загадкой аналогии, известные на Енисее и к западу от него, особенно, в прилегающих с востока и запада к Уралу районах, где гребенчатая орнаментация, включающая оттиски «шагающей» гребенки, получила самое широкое распространение. Особое внимание привлекает керамика «сумпаньинского облика» в бассейне р.Конда (приток Иртыша), которая в ряде случаев сопоставима с усть-каренгской не только по орнаменту, но и, возможно, по возрасту. Даты 6850±60 л.н. (ЛЕ-1440), 6250±70 л.н. (ЛЕ-1813), 6590±70 л.н. (ЛЕ-1814) позволили, в свое время, отнести стоянку Сумпанья IV к самой древней для зауральско-западносибирского неолита [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984]. Глубокая ее древность подтверждается дополнительной серией дат по Сумпаньи II и ТУ: ЛЕ-10100±100 л.н., ЛЕ-1817 10910±100 л.н., ЛЕ-1812 11970±120 л.н. [Крижевская, Гаджиева, 1991]. Возраст от V до IX тыс. до н.э. определен и для других раннеолитических

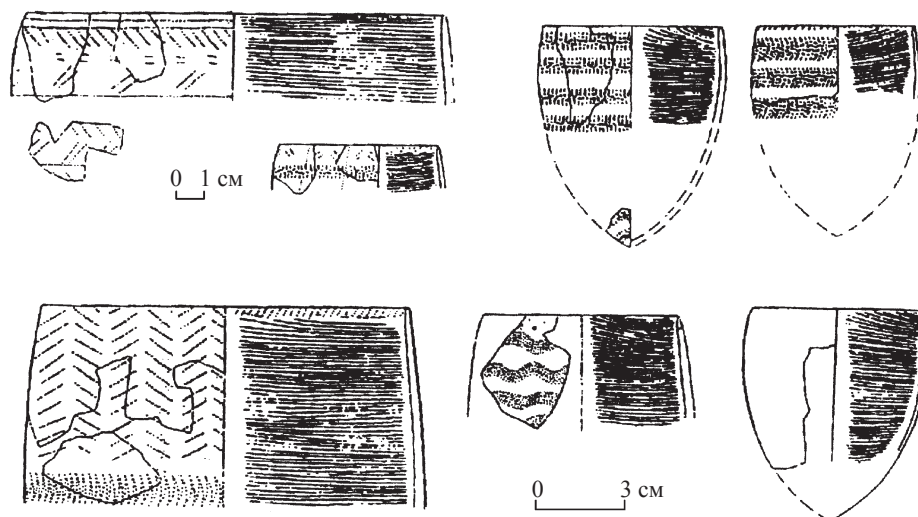

Рис.2. Усть-Каренга. Горизонт 7. Фрагменты керамических сосудов.

местонахождений Зауралья. Одно из жилищ с керамикой сумпаньинского облика поселения «VIII пункт» на Андреевском озере имеет радиоуглеродную дату, соответствующую концу VIII тыс. до н.э. – 9140 ± 60 л.н. (ЛЕ-2296) [Усачева, 2001]. Таким образом, с поступлением новых данных региональная западносибирская хронологическая шкала неолита-бронзы имеет тенденцию к удревнению [Косинская, 2001].

В числе признаков, заслуживающих внимания и приемлемых для сравнения, следует отметить следы, оставленные на внутренних и внешних поверхностях сосудов при их изготовлении. Практически на всех памятниках Восточной Азии, содержащих раннюю керамику, обнаружены фрагменты сосудов с борозчато-желобчатыми отпечатками. Это явление отмечено в Приамурье (Громатуха, Гася, Хумми, Госян, Гончарка), Приморье (Черниговка, Устиновка-3, Чертовы ворота), Забайкалье (Усть-Кяхта, Усть-Каренга), на ряде местонахождений Японии, Китая, Кореи. Подобные следы характерны и для сосудов 8–5 тысячелетней давности Прибайкалья [Ветров, 2003; Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005]. Ярко они проявляются на керамике прилегающих к Уралу территориях, где И.В. Калининой и Е.А. Устиновой [1988] на основе эксперимента интерпретируются как следы заглаживания зубчатым орудием (Полуденка-1, Зауралье) или щепкой с поперечным сечением древесины (стоянка Хуторская, Прикамье).

Таким образом, в ранней керамике огромной территории Северной Евразии от Урала до Японских островов прослеживается ряд сходных черт, возникших конвергентно или же имеющих общие корни. Поиск последних уже находит конкретное выражение в специальной литературе пока в гипотетическом продвижении идеи керамического производства по линии Восточная Сибирь (Дальний Восток) – Урал – Европа [Berg, Sauwe, 1988]. Аналогии и даже коммуникации отдаленных друг от друга регионов прослеживаются не только по керамике, но и по морфологии и технике исполнения каменных и костяных изделий, как и по экзотическим видам сырья, представляющим локальные месторождения.

Список литературы

Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене// Социогенез Северной Евразии: прошлое, настоящее, будущее.– Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2003.– С. 49–53.

Ветров В.М., Кузьмин Я.В. К истории изучения древней керамики на Верхнем Витиме// Социогенез в северной Азии.– Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2005.– С. 59–63.

Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Спиридонова Ю.В. Керамика «хайтинского типа» Мишелевского геoarхеологического комплекса// Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005.– С. 25–26.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полуденка-I и Хуторская стоянка// Археологический сборник.– Л.: ИскусствоД988.– С. 5–17.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды// Древние поселения Урала и Западной Сибири.– Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1984.– С. 32–44.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона)// Проблемы изучения неолита Западной Сибири – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001.– С. 61–71.

Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья// Неолитические памятники Урала.– Свердловск: УрО АН СССР, 1991.– С. 80–99.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья// Проблемы изучения неолита Западной Сибири.–Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001.– С. 116–133.

Berg P.-L. van., Cauwe N. The Early Pottery In Northern Asia: Relation With The European Peninsula// Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Т. 2.– Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.– С. 464–475.

Vetrov V.M. The Ancient Cultures of the Upper Vitim: Early Pottery // The Origin of Ceramics in the East Asia and the Far East: Abstracts of International Symposium, Sendai: Tonoku Fukushi University Press, 1995.– P. 31–46.

Е.А. Виноградова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

МИКРОСТРАТИГРАФИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II*

Максимально подробные наблюдения над локальной микростратиграфией позволяют выявить внутреннее строение объектов культурных отложений, установить разновременность или одновременность существования структурных элементов поселения, заключенных в одной и той же линзе культурного слоя. Микростратиграфический метод в сочетании с планиграфическим анализом в ряде случаев позволяет выявить тонкие детали характера и продолжительности функционирования тех или иных объектов [Леонова, Виноградова, 2004; Леонова, Несмеянов, Виноградова, 2006].

Интересными объектами для исследований подобного рода являются участки культурного слоя со значительным количеством материала или скоплениями, хорошо выраженными в плане. Также следует обратить внимание на возможности подробного микростратиграфического исследования отдельных объектов культурного слоя – мощных компактных скоплений находок, «точков» и очагов.

Исследования микростратиграфии культурного слоя Каменной Балки II показали, что линза основного культурного слоя памятника в местах скоплений находок имеет значительную толщину (до 25 см). Наибольшая толщина линзы культурного слоя чаще всего прослеживаются в местах мощных скоплений находок рядом с очагами или другими хозяйственно-бытовыми структурами. Можно предполагать, что такие участки существовали продолжительное время и здесь отражены следы трудовых операций, происходивших в разные периоды. В некоторых случаях можно проследить деление слоя на микрогоризонты, существование которых, возможно, атрибутируются как эпизоды заселения.

В качестве примера последовательно применяемой методики исследования можно представить работу с материалами очагов и причажных скоплений Каменной Балки II. Основная цель работы – не реконструкция производственно-бытовой специфики объектов, а представление методики их исследования с использованием возможностей программы Surfer.

В докладе рассматриваются материалы двух объектов северо-западного участка стоянки – очагов на кв. Ж-3 – 9^а, 10^а (раскопки 1990–1991 гг.) и на кв. ш,ч – 10 11 (раскопки 2000 г.).

Очаг на кв. Ж-3 – 9^а, 10^а (рис. 1).

Этот участок представляет собой одно из характерных скоплений – скопление около очага (причажье). Очаг на кв. 3-10^а использовался в течение двух периодов. Он имел глубину 15–20 см, хорошо выраженные бортики и обильное зольное заполнение. Скопление, располагающееся на зольной поверхности вокруг очага, отмечено высоким процентным содержанием орудий (до 19%). Здесь встречено большое количество обломков орудий, обилие осколков и чешуек, много крупных костей (особенно на кв. Ж – 9^а, 10^а). Все это отражает разнообразие деятельности, имевшей место на этом участке – от первичного расщепления до изготовления орудий и использования их для работы с костью.

Микропрофили данного участка показывают наличие двух микрогоризонтов находок (рис. 1 А). Планы находок микрогоризонтов демонстрируют различия в пространственном распределении материала с основными категориями находок (рис. 1 Б). В каждом из микрогоризонтов можно выделить скопления, имеющие разную производственную направленность. Производственный комплекс верхнего микрогоризонта можно было считать участком, где производилось первичное расщепление (высокое процентное содержание желваков, нуклеусов, сколов оживления и первичных сколов). В производственный комплекс нижнего микрогоризонта

* Работа выполнена частично при поддержке гранта РФФИ №06–800–16

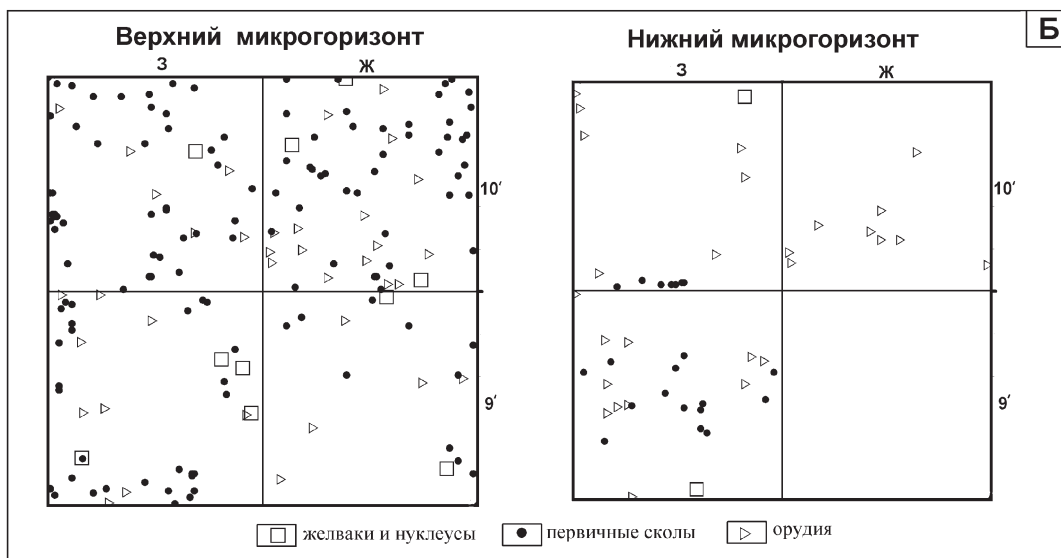
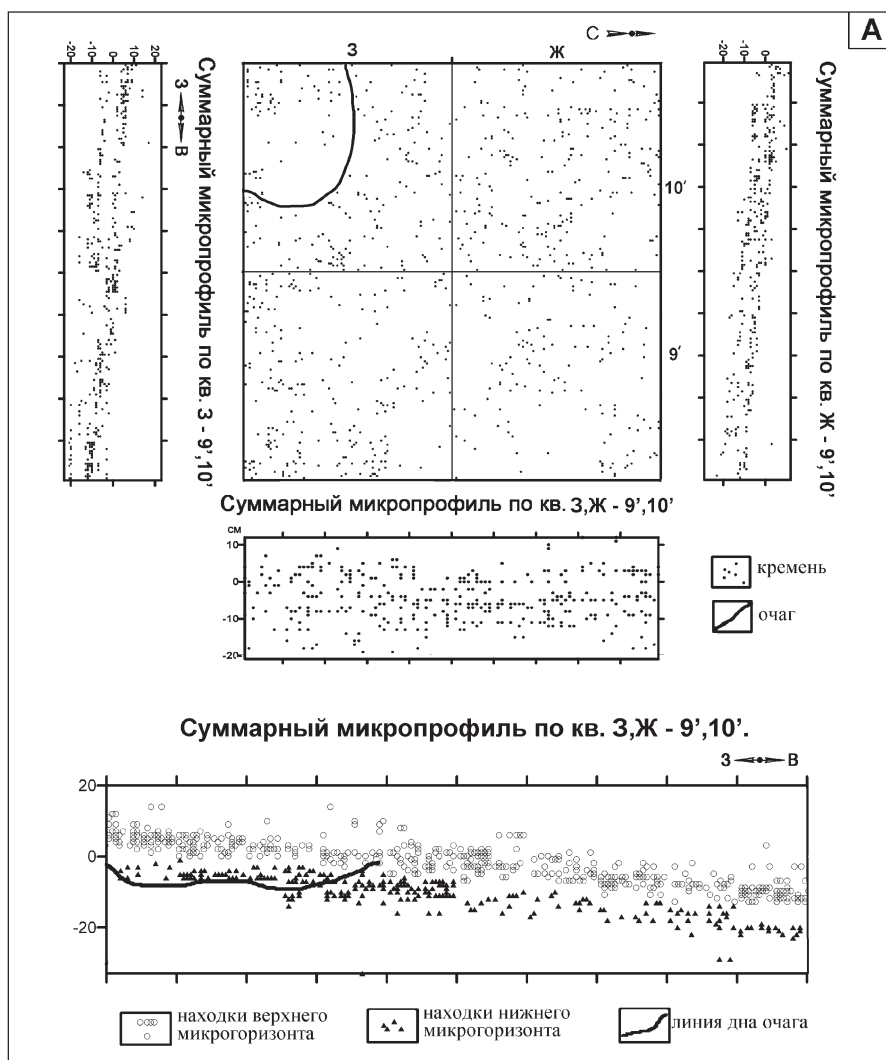

Рис. 1. Каменная Балка II. Планы и микропрофили скоплений у очага на кв. 3, Ж – 9', 10.

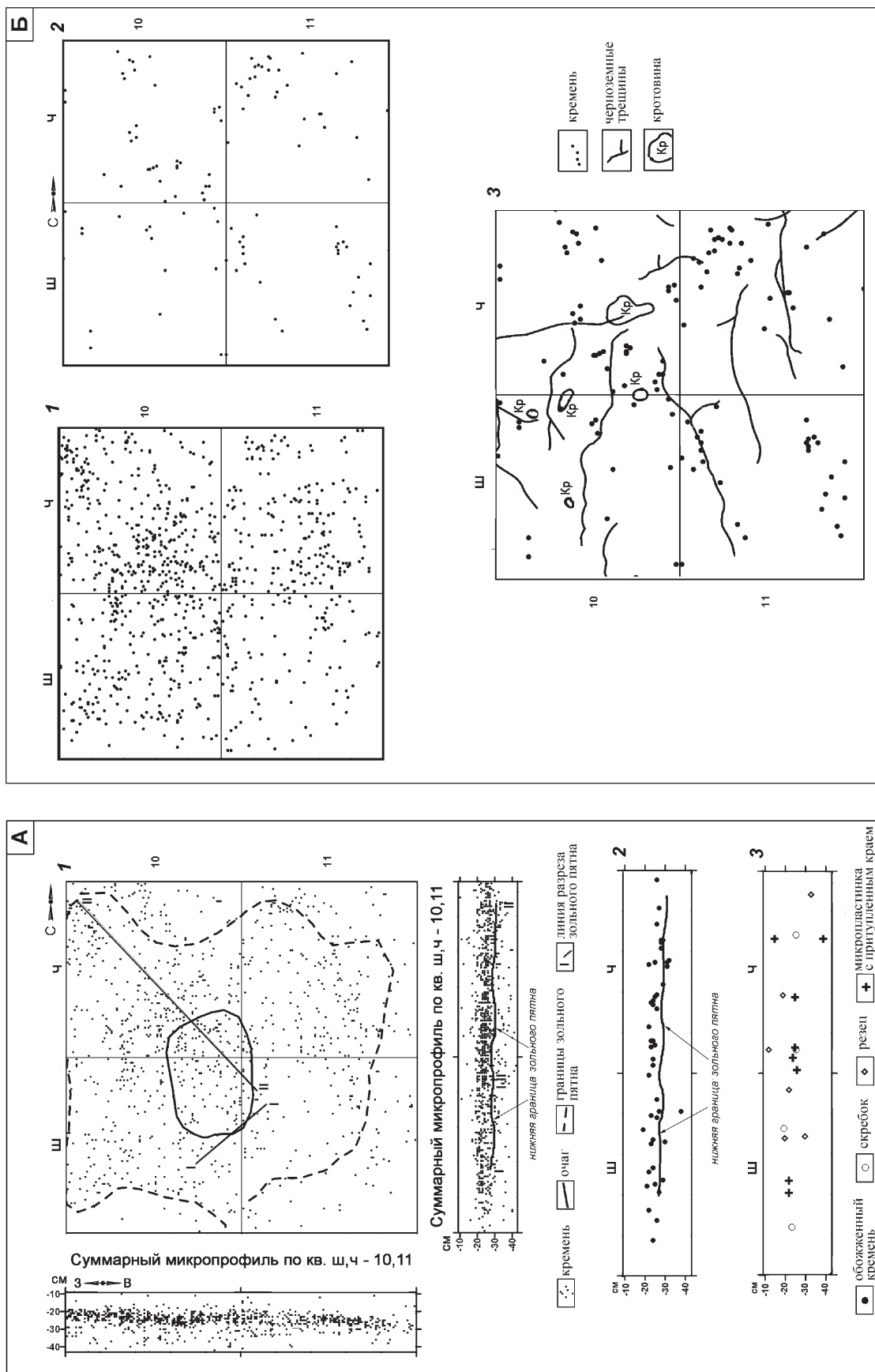

Рис. 2. Каменная Балка II. Планы и микропрофили скопленных у очага на кв. Ш, Ч - 10, 11.

продукты первичного расщепления не имеют весомой доли среди находок. Основной состав орудий: резцы, скребки и микропластинки с притупленным краем.

На микропрофиле отмечена линия днища и бортов очага (рис. 1А). Интересно, что, если дно очага находится на уровне нижнего микрогоризонта, то его стенки поднимаются до уровня верхнего микрогоризонта. Зольная поверхность, прослеженная в нижнем горизонте, соединяет этот очаг с другим очагом, расположенным в 3-х метрах от него. На планах нижнего горизонта видно, что находки располагаются полукругом у очага (в очажном заполнении находок было немного, рис. 1Б). Верхняя же зольная поверхность распространяется далеко за пределы скопления и прослеживается на площади более 10 м². Обожженных находок мало.

Можно предположить, что очаг функционировал во время формирования каждого из микрогоризонтов, и только на последнем временном этапе существования верхнего микрогоризонта перестал использоваться как очаг. Причина формирования тонкой стерильной прослойки между микрогоризонтами не вполне ясна. В данном случае мы не можем говорить о значительном временном перерыве между формированием микрогоризонтов, так как в верхнем микрогоризонте использовался очаг, появившийся в нижнем. Скорее всего, формирование прослойки произошло вследствие намыва грунта во время осадков и других природных явлений в период обитания. Этот участок слоя расположен на склоне, ограниченном с одной стороны небольшой погребенной ложбиной, которая во время обильных осадков могла быть водотоком. Таким образом, стерильная прослойка, фиксируя разрыв в накоплении материала, не является основанием для вывода о длительном временном перерыве в обитании на этом участке слоя.

Очаг на кв. ш,ч – 10-11 (рис. 2)

Скопление представляет собой насыщенную брекчию, состоящую из большого числа находок, среди которых преобладает расщепленный кремнь небольших размеров. Кремнь лежит в сером, интенсивно окрашенном суглинке. На микропрофиле видно, что линза скопления (ее ядро) имеет толщину 10–15 см (рис. 2 А-1). Кроме того, значительное количество находок хотя и не соприкасается с основной линзой скопления, но находится в непосредственной близости от нее. Таким образом, интервал, в котором предположительно находятся находки основного слоя этого скопления, составляет 25–30 см.

На микропрофили, представленные на рис. 2А перенесены с полевых чертежей линия нижнего уровня зольности и линза очага. На микропрофилях хорошо видно, что эта линия как бы подстигает основную массу находок.

При такой толщине линзы находок логично предположить, что этот участок стоянки активно использовался ее обитателями для изготовления кремневых изделий в течение длительного времени. Однако нижние находки скопления располагаются ниже донной части очага и нижнего уровня зольности (см. рис. 2 Б-2). Могут ли они быть находками нижнего микрогоризонта скопления, если такой существовал? Обожженные кремни и основные категории орудий находятся выше нижнего уровня зольности (рис. 2 А-2, 3). В скоплении много орудий, хотя их доля в общем объеме кремня незначительна. Среди орудий встречаются резцы, скребки, микропластинки с притупленным краем, стамески, зубчато-выемчатые орудия, пластины и отщепы с ретушью. Находки ниже этого уровня в основном представлены мелкими отщепами, фрагментами микропластинок и осколками. Промывка грунта дала очень много микродебитажа, позволяющего предполагать наличие работ по изготовлению (ретушированию) орудий из кремня. Всего при промывке скопления получено около 6 000 мельчайших осколков и чешуек.

На рис. 2 Б представлены планы находок основной линзы скопления и нижних находок. Находки из нижней части скопления не образуют характерных для обычного распространения находок структур округлых очертаний. Напротив, они располагаются как бы по изогнутым линиям.

При исследовании стоянок каменнобалковской культуры обязательной процедурой является тщательная зачистка поверхности раскопа после снятия последних находок основного слоя и фиксация всех кротовин и трещин усыхания, которые хорошо видны в рыжевато-сером суглинке. На рис. 2 Б-3 представлен план кротовин и «черноземных» трещин раскопа 2000 года, где они были прослежены в большом количестве. Изогнутые линии распространения нижних находок скопления по очертаниям полностью совпадают с черноземными трещинами на участке исследуемого скопления, что позволяет считать нижние находки относящимися к скоплению и учитывать их при анализе материала.

В случае с первым рассмотренным скоплением мы можно уверенно предположить, что оно сформировалось в два этапа, перерыв в обитании зафиксирован благодаря имевшим место природным явлениям, обусловленным микрорельефом стоянки. Состав находок микрогоризонтов с большей долей вероятности отражает хозяйственную специфику объектов, находящихся на этом участке слоя, что делает реконструкцию хозяйственно-бытовой деятельности более достоверной.

Второе скопление формировалось в течение длительного и непрерывного промежутка времени. Выявить какие-либо этапы формирования этого скопления пока не представляется возможным. Эта ситуация хорошо иллюстрирует известное явление утраты информативности культурным слоем по мере его обживаемости – увеличения населения стоянки или срока проживания этого населения.

Попытка проследить в рамках предложенной методики отражение в культурном слое соотношения длительности и непрерывности обитания еще раз свидетельствует о том, что это – одна из наиболее сложных проблем, так как текстурные проявления перечисленных факторов трудноразличимы.

Список литературы

Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Микростратиграфия культурного слоя. Возможности интерпретации //Проблемы каменного века Русской равнины. – М. Научный мир.2004. – С. 157–174.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир. 2006. – 420 с.

Ю.Е. Вострецов*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРЬЕ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

Введение. Рассматривая культурную адаптацию населения на территории Приморья в течение среднего и начале позднего голоцена, мы можем выделить четыре крупных временных интервала, когда происходили события связанные с изменением культурных традиций и адаптаций. Первый интервал приходится на период 5400–5200 лет назад. Второй интервал датируется 4700–4300 лет назад. Третий интервал – 3600–3300 лет назад. Четвертый интервал – 2500–2200 лет назад. Все эти интервалы связаны с похолоданиями климата и падениями уровня моря. Причем второй и четвертый интервалы были наиболее катастрофичны для древнего населения во многих районах мира [Вострецов, 2005].

Экологические изменения в прибрежной и континентальной зонах.

Согласно палеогеографическим реконструкциям А.М. Короткого [Короткий, 1994; Короткий и др., 1998] мы можем отметить следующие экологические изменения, происходившие в указанных интервалах. В прибрежной зоне происходили похолодания и падения уровня моря. Регрессии служили причиной сильных ландшафтных изменений в прибрежной зоне. Исчезали многочисленные лагуны, небольшие заливы, иссушались болота, образовывались аллювиальные равнины в долинах рек и береговая линия постепенно выравнивалась.

В континентальной зоне в течение рассматриваемых временных интервалов происходило усиление континентальных климатических черт: зимы становились более холодными, лето – более сухим и холодным. Количество осадков уменьшалось, засухи в первую половину лета становились сильнее. Происходило заболачивание речных долин. В эти периоды происходил спад агроклиматических ресурсов в континентальной зоне.

В течение обоих интервалов ландшафтные изменения разрушали привычную ресурсную базу морских охотников и рыбаков. В подобной ситуации прибрежная зона становилась более привлекательной для земледельцев, поскольку повышенная влажность на побережье сглаживала негативное влияние засух на культивацию растений. При этом негативные для человека природные изменения в береговой зоне происходили раньше и были ощутимее, чем в континентальной.

Таким образом, во всех случаях происходило формирование условий, которые способствовали вытеснению избыточной части земледельцев из континентальной зоны в прибрежную. Отличия событий всех интервалов заключались в различии исходных ситуаций и интенсивности изменений.

Изменения культурных традиций и систем жизнеобеспечения населения Приморья. Примерно 6000–5000 лет назад, в период пика атлантической трансгрессии, предшествовавшего первому интервалу, на морском побережье от зал. Ольги на востоке Приморья до севера Корейского п-ова появляются памятники бойсманской культурной традиции, как локально-хронологический вариант традиции гребенчатой керамики [Вострецов и др., 1998]. На третьем этапе, приходимся на максимум благоприятных условий потепления и предшествующем похолоданию первого интервала, происходила интенсификация культурных контактов бойсманцев достигающих Среднего и Нижнего Амура [Морева, 2005]. На этом же этапе они оставили в б. Бойсмана (Бойсмана-1) наиболее ранний из известных примеров морской адаптации [Вострецов, 1998]. Примерно в это же самое время, в континентальных районах восточной Маньчжурии существовали раннеземледельческие культуры, близкие к зайсановской культурной традиции [Вострецов и др., 2003].

Событие первое. В конце атлантического периода в голоцене в интервале 5400–5200 лет назад происходило небольшое похолодание климата и падение уровня моря. Эти события совпадают с концом третьего этапа эволюции бойсманской гончарной традиции, минимизации культурного распространения бойсманцев [Морева, 2005]. Эти же природные события, вероятно, инициировали продвижение ранних земледельцев в западные

континентальные районы Приморья из Маньчжурии. В Приморье наблюдается конечный этап этого процесса: появление и распространение групп населения с новой культурной традицией, которую мы назвали *традицией веревочной орнаментации керамики*, в рамках зайсановской культурной традиции [Вострецов, 2005]. Новое население принесло с собой новую технологию обработки камня, использует иные источники камня, новую керамическую традицию, новую систему расселения, сформировало также новую систему жизнеобеспечения, в которую вошло земледелие, т.е. новую адаптацию [Вострецов, 2005].

Событие 2. После 5000 лет назад, на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена, началось значительное похолодание климата, мы наблюдаем затухание бойсманской культурной традиции.

С похолоданием климата в начале переходного периода от атлантика к суббореалу голоцена из континентальных районов Приморья включая долину р. Кроуновки (Кроуновка-1) ранние земледельцы с традицией веревочной орнаментации керамики начинают расселяться в разные районы Приморья, формируя различные адаптации.

Пример такой адаптации ранних земледельцев на морском побережье демонстрирует поселение Зайсановка 7 существовавшее на песчаной косе, отделявшей палеолагуны в устье р. Гладкой от бухты Экспедиции в интервале 4700–4500 лет назад. Обитатели поселения сформировали новую систему жизнеобеспечения основанную на эксплуатации морских ресурсов. Они вылавливали в течение всего года 26 видов рыб, собирали моллюсков, охотились на наземных и морских млекопитающих, а также перелетных птиц. Углеводная компонента диеты обеспечивалась собирательством желудей, маньчжурских орехов и лещины, которые запасались до следующего урожая. Кроме того, жители поселка собирали виноград, черемуху, бархат. Обитатели поселка оставили многочисленные косвенные свидетельства земледелия – ручные плуги (карэ), мотыги, жатвенные ножи, терочки, аналогичные известным на поселениях земледельцев того времени в Маньчжурии и Корее [Choe, 1990; Вострецов и др, 2002].

В последствии земледельцы, представленные различными вариантами зайсановской культурной традиции расселились по территории всего Приморья [Вострецов, 2005].

Событие 3. В суббореальном периоде, начало которого характеризуется потеплением климата, в континентальных районах Приморья земледельческая адаптация продолжает существовать у более позднего зайсановского населения, которое оставило нам *приханкайскую группу памятников* (поселения Новоселище-4 – нижний слой, Кроуновка-1 – раскопки А.П. Окладникова, Реттиховка-геологическая, Мустанг 1, Боголюбовка 1, Анучино 14). Ухудшение агроклиматических условий в результате похолодания климата в интервале 3.600-3.300 лет назад выдавило часть населения на побережье южного и юго-восточного Приморья, где они образовали *восточную группу приханкайских памятников*, таких как Евстафий 4, Сопка Большая [Яншина, 2003]. Кроме того, с событиями этого интервала совпадает появление маргаритовской археологической культуры на побережье Восточного Приморья.

Событие 4. Четвертый интервал – 2500–2200 лет назад, совпадает с распространением земледельцев населения кроуновской культуры в Приморье из континентальных районов в прибрежные. В конце 4 – начале 3 веков до н. э. резкое похолодание климата и падение моря подорвало морскую экономику янковского населения. С этого времени наблюдается постепенное расселение избыточной части земледельцев-кроуновцев в прибрежные районы Южного и Юго-Восточного Приморья.

Миграция кроуновцев связана с ассимиляцией остатков населения янковской культуры, изменением у кроуновцев системы жизнеобеспечения и системы расселения, спадом в материальной культуре и уменьшением плотности населения на освоенных землях. Это была цена, которую заплатили кроуновцы за адаптацию к новым условиям в процессе миграции [Vostretsov, 1999].

Выводы. Таким образом, рассмотрев четыре временных интервала, видим определенное сходство в экологических ситуациях, связанных с похолоданием климата и падением уровня моря с одной стороны, и социокультурными событиями ими вызванными, с другой. Наиболее явно эти последствия наблюдаются для второго и четвертого временных интервалов, что обусловлено более значительными экологическими изменениями планетарного характера и прослеживаются во многих регионах мира [Вострецов, 2005]. Обращает на себя внимание, что первый, второй и четвертый поворотные моменты совпадают с экспансией земледельцев. И все – совпадают с появлением новых культурных традиций и адаптаций в Приморье и других районах бассейна Японского моря.

Список литературы

Вострецов Ю.Е., Загорюлько А.В. Место бойсманской культуры в контексте развития неолита в северо-западной части бассейна Японского моря // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – Гл. 8. – С. 354–370.

Вострецов Ю.Е. Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения в б. Бойсмана в неолите // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – Гл. 9. – С. 371–389.

Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Епифанова А.В. Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посъета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН. – 2002. – С. 3–41.

Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка 1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 86–93.

Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 159–186.

Короткий А.М. Колебания уровня моря и ландшафты прибрежной зоны Японского моря (этапы развития и тенденции) // Вестник ДВО РАН. – 1994. – № 3. – С. 107 – 123.

Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы залива Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – Гл. 1. – С. 9–29.

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана–2): Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005, – 26 с.

Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 109–121.

Choe Chong Pil. Origins of Agriculture in Korea // Korea Journal, 1990. – Vol. 30. – # 11. – P. 4–14.

Vostretsov, Y.E. Interaction of Maritime and Agricultural adaptation in the Japan sea Basin // The Prehistory of Food, Appetites for Change. Ed., J. Hather and C. Gosden, London: Routledge, One World Arhaecology. – Vol. 32. – 1999.– p.322–332.

А.В. Волокитин¹, Н.Е. Зарецкая²

¹*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар*

²*Геологический институт РАН, Москва*

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА

Археологические памятники эпохи мезолита на Европейском Северо-Востоке (ЕСВ) исследуются с конца 1950-х гг. Закономерным итогом этих изысканий стало выделение в конце 190-х гг. двух традиций: приуральской и западной [Волокитин 1997; Volokitin 1999]. Из этого следует, что памятники эпохи мезолита ЕСВ не могли входить в состав тех или иных культурных общностей. Нельзя говорить также, о мезолите региона, в частности, и о мезолите севера Русской равнины, в целом, в географическом смысле, выделяя провинции, общности и единства. Население, продвигавшееся на данную территорию небольшими группами, или не имело связи с родственными коллективами, или же не существовало здесь достаточно долго для установления таких связей. В мезолитоведении Русской равнины оставленные такими группами археологические памятники на определенных территориях вводятся в научный оборот как исследовательские единицы-культуры под различными наименованиями. Наглядным примером вышесказанного является парчевская мезолитическая культура, относимая к западной традиции мезолита ЕСВ.

Парчевские материалы обладают высокой степенью сходства с материалами памятников бутовской культуры и памятниками бассейна р. Шексна [Косорукова 2000], датированными Преборалом. Именно в это время, в интервале 9500–9300 лет назад, в Волго-Окском междуречье сложились наиболее оптимальные условия. Важным событием этого этапа стало понижение уровня озерных водоемов и освоение вследствие этого человеком междуречных пространств [Алешинская 2001, Спиридонова и др. 2003. С. 505]. Если это так, то вполне вероятно, что Галичская возвышенность и Северные увалы, к которым она подходит, в свою очередь смыкающиеся с южной оконечностью Тиманского кряжа – это путь, по которому передвигались древние коллективы. Возможно эти передвижения были сезонными и, как полагают некоторые исследователи [Сорокин 1990, С.170–171; Gordon 2003], были связаны с сезонными миграциями стад северного оленя. Высокая мобильность населения и передвижение его внутри больших территорий наиболее хорошо иллюстрируется материалами парчевской культуры (западная традиция мезолита ЕСВ), но очевидно относиться и приуральской традиции, связанной с мезолитом Камы.

Вместе с тем хронология мезолита ЕСВ до настоящего времени была разработана чрезвычайно слабо. Долгое время единственными ориентирами были даты (8 300–7 000 лет назад), полученные по деревянным изделиям Висского 1 торфяника [Буров и др. 1972]. Позднее была получена дата стоянки Лек-Леса 1 на р. Ижда [Волокитин 2005], относящейся к приуральской традиции – 9010±70 (ЛЕ- 3607).

Новейшие работы по датированию памятников были начаты в 2002 году. Собрано весьма небольшое количество образцов, по которым в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (индекс ГИН-) получены даты [Волокитин и др., 2006; Зарецкая и др., 2005]. И это несмотря на то, что производился целенаправленный активный поиск образцов на датирование при участии самого аналитика. Объясняется это высокой кислотностью отложений региона, что не способствует сохранению органики.

В процессе работ удалось отобрать образцы на датирование со стоянок группы Парч (Парч 2) и Чердыб (Чердыб 1 и Чердыб 2), расположенных на расстоянии 15 км друг от друга в верховьях р. Вычегды. Со стоянки Парч 2 были представлены рассеянные угли из очагов и с околоочажных пространств жилищ 3, 5 и 6. Образцы очень маленькие, что явилось причиной возникновения в дальнейшем большого доверительного интервала. Со стоянок Чердыб поступили угли хорошей сохранности.

Культурные остатки стоянки Парч 2 залегают на глубине 1–1,5 м в нижней части пойменного аллювия, в переходной к русловой его части 5-метровой поймы р.Вычегды. Культуровмещающие отложения представлены

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005);
 cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

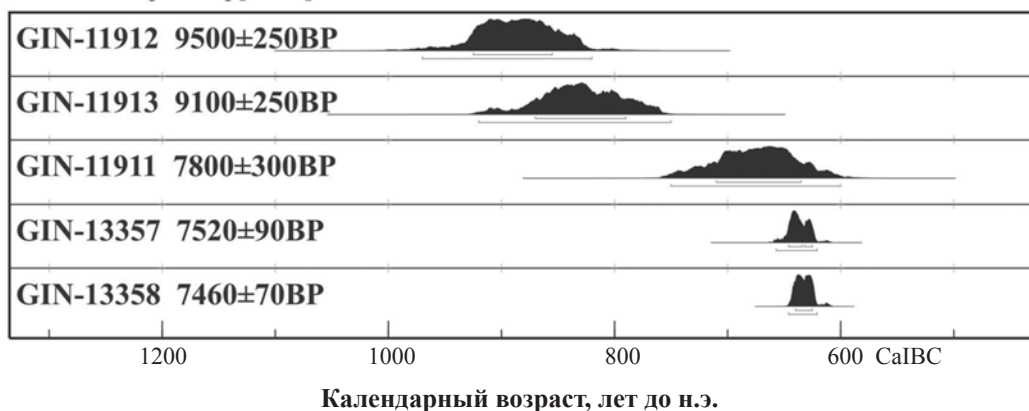

Рис. 1. Калибровка радиоуглеродных дат мезолита ЕСВ.

супесью, а в случае с жилищем 5 – суглинком. Остатки жилищ представляют собой округлые «пятна» находок диаметром – 4-5 м. Количество находок возрастает к центру, где фиксируются остатки кострищ в виде углистого деформированного пятна диаметром до 2,5 м [Волокитин, 2002]. Отдельные угольки, собирались на достаточно широкой площади (табл. 1).

Стоянки Чердыб 1 и 2, расположены на краю зандрового останца, возвышающегося над поймой. Культурные остатки на памятниках данного типа залегают в слое белесого подзола и в верхах иллювиального горизонта на глубине 0,05–0,5 м. На стоянке Чердыб 1 выявлено пятно прокала с углистыми линзами (кострище -?) и примыкающие к нему скопления углей. На стоянке Чердыб 2 выявлено скопление углей, приуроченное к пятну находок. В обоих случаях глубина распространения находок и углей была увеличена в 1;5 раза. Инвентарь стоянок практически идентичен. В то же время по технике расщепления он близок индустриям приуральской традиции, а по орудийному набору некоторое сходство, при отсутствии наконечников стрел, наблюдается с индустриями парчевского типа.

Из таблицы видно (даты 1 и 2), что ранние мезолитические памятники относятся к началу голоцена и синхронны потеплению пребореального периода [Алешинская, 2001]. К сожалению, малое количество дат не позволяет говорить об этом подробнее. Дату жилища 3 стоянки Парч 2 – 7800±300 (ГИН-11911) можно отнести к позднему (финальному?) мезолиту и концу Бореала, но, возможно, имеет место омоложение из-за попадания более молодого, не имеющего отношения к культурным остаткам угля, откладывавшегося вне очага. Тем не менее, даты стоянок Чердыб 1 и 2: 7520±90 (ГИН-13357) и 7460±70 (ГИН-13358) именно финальномезолитические, что позволяет относиться к дате №3 таблицы с большим доверием*. Обращает на себя внимание тот факт, что очаги стоянки Парч 2 имеют разный возраст. Это может говорить о неоднократности заселения данного места. Даты же с двух стоянок Чердыб 1 и 2-практически одинаковы, что говорит о синхронности заселения этих двух памятников.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты раннего голоцена

№ п/п	№ ГИН	Стоянка	Объект датирования	Материал для датирования	¹⁴ возраст
1	ГИН-11912	Парч 2	Жилище 5, очаг	Мелкий уголь	9500±250
2	ГИН-11913	Парч 2	Жилище 6, очаг	Мелкий уголь	9100±250
3	ГИН-11911	Парч 2	Жилище 3, очаг	Мелкий уголь	7800±300
4	ГИН-13357	Чердыб 1	Уч. 1, кв. 5г+5в	Уголь	7520±90
5	ГИН-13358	Чердыб 2	Уч. 2, кв. 2а-б	Уголь	7460±70

По данным радиоуглеродного датирования мезолитических объектов видно, что имеется довольно большой разрыв (более 1000 лет) во времени.

* Это предположение высказано Н.Е. Зарецкой, одним из авторов данной работы.

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005);
 cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

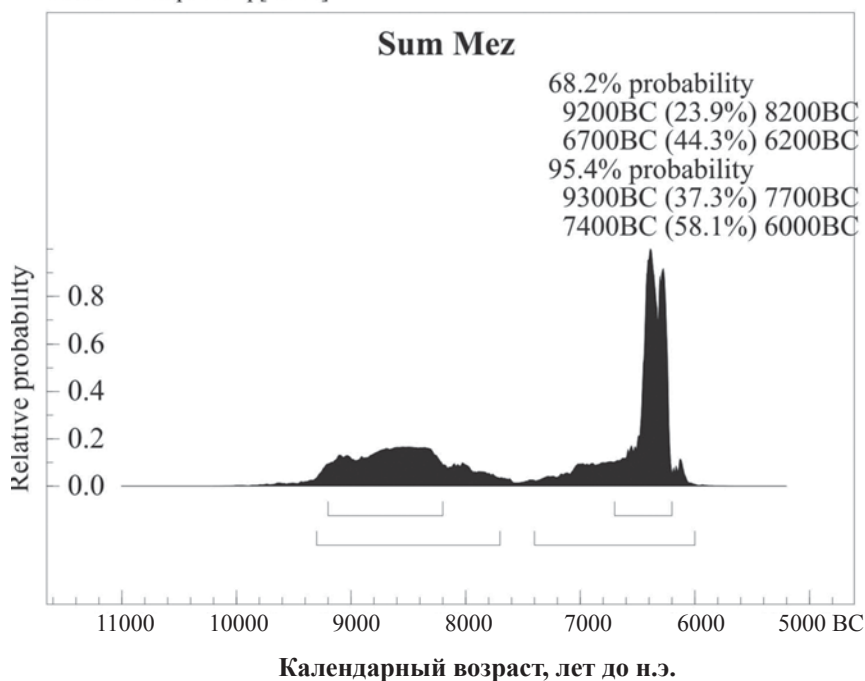

Рис. 2. Сумма распределения дат с 68,2 и 95,4 %-ной вероятностью (хронологическое распределение дат) для мезолита ЕСВ.

Ниже приводятся результаты калибровки радиоуглеродных дат (приведения к календарному возрасту), полученных для мезолита ЕСВ (рис. 1 и 2). Калибровка проводилась в программе OxCal v.3.10 [Bronk Ramsey 1995; 2000; 2005].

Как видно из рисунков, выделяются два этапа заселения региона в мезолите: 9–8 тыс. лет до н.э., и 6,5–6,2 тыс. лет до н.э. График вероятностного распределения дат также показывает прерывистость заселения ЕСВ в начале голоцена, и в корне отличается от подобного графика, построенного для мезолита Волго-Окского междуречья [Зарецкая, 2005], демонстрирующего непрерывное заселение территории и плавные переходы от одного этапа развития бутовской культуры к другому.

Конечно, полученные радиоуглеродные даты отражают не только время и характер заселения территории, но также и степень сохранности образцов, и просто их наличие на памятниках. Тем не менее, по нашим представлениям, такое распределение дат подтверждает прерывистость заселения региона в мезолите, то есть, подтверждаются сформулированные в начале работы тезисы о том, что здесь не существовало постоянного населения, а географические границы территориально-культурных объединений мезолита не могут быть распространяемы на ЕСВ.

Список литературы

- Алешинская А.С.** Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным) // Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Москва, 2001. – 24 с.
- Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенов А.Д.** Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 76–79
- Волокитин А.В.** Мезолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. – Гл. 2. – С.91–145.
- Волокитин А.В.** Исследование мезолитических жилищ стоянки Парч 2 на Вычегде // Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2002. – Вып. 5. – С. 184–185.
- Волокитин А.В.** Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья – М.: ACADEMIA, 2005. – С. 198–205.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // Российская археология. – 2006. – № 1. – С. 137–142.

Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья – М.: ACADEMIA, 2005. – С. 113–129.

Зарецкая Н.Е., Волокитин А.В., Карманов В.Н. 2005. Геоархеологические исследования в бассейне Средней Вычегды // «Квартер-2005». Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Институт геологии Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Геопринт, 2005, С. 134–136.

Косорукова Н.В. 2000. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. – Вып. 4. – С. 91–98.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). – М.: Институт археологии АН СССР, 1990.

Спиридонова Е.А., Энгватова А.В., Алешинская А.С. Окружающая среда и древний человек в мезолите-бронзе Волго-Окского междуречья // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2003. – С. 504–509.

Bronk Ramsey C. 1995 Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program. Radiocarbon 37(2) – P. 425–430

Bronk Ramsey C. 2000, Comment on ‘The Use of Bayesian Statistics for 14C dates of chronologically ordered samples: a critical analysis’. Radiocarbon, 42 (2) 199–202

Bronk Ramsey C., 2005. OxCal v. 3.10.

Gordon Bryan. 2003. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-Sedentary Hunters? In: Lars Larsson, Hans Kindgren, Kjell Knutsson, David Leffler and Agneta Akerlund (eds). Mesolithic on the Move. Oxbow books. Oxford. 115–118.

Volokitin A.V. 1999. The Mesolithic Age in the Territory of the Komi Republic. Prehistoire Europeenne 13. 205–249.

Г.А. Воробьева¹, О.И. Горюнова², А.Г. Новиков¹

¹*Иркутский государственный университет,*

²*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск*

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ПРИОЛЬХОНЬЯ

На территории Байкальской Сибири геoarхеологические комплексы раннего голоцена относятся к среднему мезолиту. В Приольхонье (западное побережье оз. Байкал), благодаря комплексным, междисциплинарным исследованиям многослойных геoarхеологических объектов (ГАО) Берлога, Итырхей, Саган-Нугэ и Кулара III и новым ГАО: Хужир-Нугэ XV, Сарма I и Гуроо-Ушоон I стало возможным стратиграфически расчленить культурные комплексы раннего голоцена, дать предварительную их характеристику и предложить схему периодизации.

Ранний голоцен (10,3–8 тыс. л.н., пребореал-бореал) – время, в течение которого Прибайкалье избавлялось от больших запасов холода в виде реликтовой многолетней мерзлоты, унаследованной от позднего плейстоцена. На этом общем фоне Приольхонье отличалось своеобразием, обусловленным особенностями циркуляции атмосферы и состава грунтов. Приольхонье, расположенное в орографической тени Приморского и Байкальского хребтов от основных влагонесущих ветров северо-западного направления, является самой аридной частью Прибайкалья (годовое количество осадков 200–300 мм).

Основные черты рельефа Приольхонья – сочетание хорошо сохранившихся дорифтовых (неогеновых) и молодых рифтовых (четвертичных) форм рельефа. Пролив Ольхонские ворота, Куркутский, Мухорский и другие заливы Малого моря, в прибрежной части которых расположено большинство ГАО Приольхонья – это затопленные низовья реки Сармы, ее притоков и падей, некогда открывавшихся в долину реки, т.е. исходно субаэральный рельеф, обновленный эрозией.

Расчлененность рельефа стимулирует развитие склоновых процессов. Благодаря грубообломочному составу продуктов перетолжения плейстоценовой коры выветривания, здесь была распространена преимущественно сухая многолетняя мерзлота. В процессе ее деградации в раннем голоцене грунты не получили значительного увлажнения.

Позднесарганские и раннеголоценовые отложения на ГАО Берлога, Итырхей, Саган-Нугэ, Кулара III представлены песчано-дресвянистыми образованиями, сформированными за счет десерпции (сползания слабо увлажненных грунтов, вызванного изменением объема и силой тяжести), при участии делювиальных, эоловых процессов и почвообразования. Суммарная мощность раннеголоценовых образований – 0,3–0,7 м.

Раннеголоценовое почвообразование началось на песчано-дресвянистых сарганских отложениях, поверхность которых разбита морозобойными трещинами позднедриасового возраста (11–10,3 тыс. л.н.) и нередко покрыта дресвянистым дефляционным панцирем. Морозобойные грунтовые жилы в разрезах ГАО Берлога, Итырхей, Кулара III маркируются карбонатами, подтягивавшимися к зонам иссушения. Следовательно, голоцену предшествовала резко выраженная криоаридная климатическая фаза.

Обычно переход морозобойных клиньев из сезонномерзлого в многолетнемерзлый слой наблюдается в песках при среднегодовой температуре $-4^{\circ}\pm-6^{\circ}\text{C}$, в грубозернистых отложениях при $-6^{\circ}\pm-8^{\circ}\text{C}$. Криогенные структуры позднедриасового возраста на ГАО Приольхонья представлены густой сетью мелких (0,2–0,4 м) грунтовых жил в сезонно-мерзлом слое, редко грунтовыми жилами глубиной до 1,5 м (Кулара III – грубообломочные отложения, Саган-Нугэ, шурф 7 – слоистые пески), уходящими в многолетнемерзлый слой. Учитывая грансостав отложений, можно полагать, что в позднем дриасе среднегодовая температура составляла около -6°C , тогда как современная температура здесь всего $-0,6^{\circ}\pm-1,4^{\circ}\text{C}$.

Раннеголоценовые почвы, в сравнении с доголоценовыми, характеризуются значительно более темной окраской и лучшей гумусированностью. В составе раннеголоценовой толщи выделяются обычно 3–5 темноок-

рашенных почвенных горизонтов, разделенных более светлыми прослойками склоновых отложений. Согласно педолитологическим реконструкциям, подтвержденным составом гумуса раннеголоценовых почв, Приольхонье уже в начале голоцена характеризовалось значительной остепенностью, чем существенно отличалось (и сегодня отличается) от остальной территории Прибайкалья.

Ранний пребореал (РВ-1 – 10,3–10,0 тыс.л.н.). В основании пачки иногда обнаруживаются следы оторфованных горизонтов (Саган-Нугэ, Берлога). Условия для развития мохового покрова существовали под редколесьем и на открытых участках вогнутых частей склонов, где скорость движения талой влаги существенно замедлялась, влажность грунтов возрастала, что и приводило к повышенному увлажнению и оторфованию. Хорошо выраженные фрагменты торфянистого горизонта датированы по разрезу Мыс Зелененький (северо-восточное побережье о. Ольхон) – 10325±85 л.н. (СОАН-1433).

Оторфованные, гумусированные и делювиальные негумусированные прослойки раннепребореального возраста нередко образуют текстуры облекания криогенных позднедриасовых трещин (Саган-Нугэ, Берлога, Кулара III, Улан-Хада – береговая траншея). Текстуры облекания указывают на пластичное состояние раннепребореальных отложений, их увлажнение за счет внутригрунтового стока влаги при таянии многолетней мерзлоты.

В более поздних отложениях текстуры облекания отсутствуют, что свидетельствует о быстром сбросе избытка талой влаги. Аридность климата и низкая влажность грунтов благоприятствовали быстрому и широкому распространению в Приольхонье лугово-степной растительности со второй половины раннего пребореала. Активное гумусообразование характерно уже для VIII слоя Берлоги.

Археологические комплексы возраста раннего пребореала – VIII слой Берлоги (10145±290 л.н., СОАН-3060), III слой Хужир-Нугэ XV, IV слой Сармы I. Первичное расщепление характеризуется нуклеусами и сколами различной морфологии. Среди последних преобладают отщепы. Все нуклеусы призматического принципа скалывания; представлены микроформами. Преобладают клиновидные нуклеусы; встречаются призматические и конические. Основной процент орудий изготовлен на пластинчатых сколах. Характерны поперечные резцы с ретушью по краям изделий (верхоленского типа); встречаются угловые на пластинчатых сколах. Скребки, в основном, концевые; в их числе скошенные и с «ушками». В составе орудий: рубящие из галек, тесла с перехватами, гальки-отбойники, ножи-острия, односторонний гарпун с косым обратным шипом для крепления линия и цельнорезные крючки из кости. По технико-типологическим характеристикам индустрия аналогична II слою Верхоленской Горы 1, возраст которого 11–10 тыс. л.н.

Поздний пребореал (РВ-2 – 10,0–9,3 тыс. л.н.). Отложения отличаются слабым развитием почвообразования и представлены светлыми низкогумусными песками, супесями и дресвяниками. Их формирование, вероятно, происходило в условиях похолодания климата, сопоставляемого с питско-игаркинским. Волна похолодания в позднем пребореале привела к изреживанию растительности, активизации склоновых и эоловых процессов, деградации молодых слабоустойчивых почв раннего пребореала.

Культурные комплексы возраста позднего пребореала–XI слой Саган-Нугэ (9815±80 л.н., СОАН-3058 и 9360±95 л.н., СОАН-3337), VI слой Кулары III (9795±40 л.н., СОАН-4008). Количество отщепов пропорционально призматическим пластинам (1:1). Нуклеусы: клиновидные, призматические одноплощадочные и конические. Большой процент орудий изготовлен на призматических пластинах: вкладыши с краевой ретушью, угловые резцы, резчик, резчик-резец, проколка. Среди скребков преобладают концевые. Найден пластинчатый скол с двукраевой крутой ретушью. Орудия из кости: обоймы составных орудий, игла, долотовидное изделие.

Ранний – средний бореал (ВО-1-2 – 9,3–8,3 тыс.л.н.). Отложения отличаются повышенной гумусированностью, что явилось следствием улучшения климатической обстановки. Растительность (луговые степи) покрыла оголенные участки склонов, затормозила десерпцию и делювиальный смыв, активизировала почвообразование.

Культурные комплексы раннего бореала (ВО-1 – 9,3–8,9 тыс.л.н.)–VII нижний слой Берлоги (9105±70 л.н., СОАН-3059), X слой Саган-Нугэ, нижний слой Гуроо-Ушоон I. Количество призматических пластин пропорционально отщепам (1:1), либо несколько превышает их. Нуклеусы: клиновидные, призматические одно- и двуплощадочные монофронты, конические; отмечены псевдоклиновидные и призматические с конвергентными латералиями. Преобладают концевые скребки (в их числе – скошенные и с «ушками») и орудия на призматических пластинах: вкладыши с краевой ретушью, орудия с выемками, угловые резцы. Появляются срединные (часто с ретушью по краям) и срединные многофасеточные резцы. Много комбинированных орудий: резчик-резец, резец-скребок. Встречаются скребловидные орудия из кварцита. Изделия из кости представлены обоймами составных орудий.

Культурные комплексы среднего бореала (ВО-2 – 8,9-8,3 тыс.л.н.) – IX слой Итырхей (8720±210 л.н., СОАН-3171), IX слой Саган-Нугэ (8620±65 л.н., СОАН-4011), V слой Кулары III. В комплексах количество

призматических пластин и отщепов примерно равно. Нуклеусы: псевдоклиновидные, конические, призматические одно- и двуплощадочные монофронты и призматический с конвергентными латералиями. Все резцы угловые на призматических пластинах (встречаются – с ретушью по краям). Продолжают бытовать вкладыши на призматических пластинах с краевой ретушью и концевые скребки (в том числе – скошенные). Среди орудий отмечен скобель-скребок. Найден односторонний гарпун с косою зарубкой для крепления линия.

Поздний бореал (ВО-3 – 8,3–8,0 тыс.л.н.). В верхней части раннеголоценовой пачки отложений отмечаются узкие криогенные грунтовые жилы, вертикальные размеры которых 0,3–1,0 м. Трещины заложены в разрезе Итырхей под VIII слоем (8010±100 л.н., ГИН-4882), Кулара III – под V слоем (IV слой – 7835±55 л.н., СОАН-4009; VI слой – 9795±40 л.н., СОАН-4008), Берлога – между VIIс. (8270±150 л.н., СОАН-3340) и VIIв. (6525±100 л.н., СОАН-3169) культурными слоями. Исходя из этих датировок, время похолодания можно отнести к позднему бореалу.

Культурные комплексы позднего бореала – VII средний слой Берлоги (8270±150 л.н., СОАН-3340). Для характеристики этого периода археологического материала недостаточно. Комплекс представлен: отщепами, сколами и призматическими пластинами (в равных пропорциях). Из орудий найдены вкладыши с краевой ретушью на призматических пластинах.

Полученные данные свидетельствуют о кардинальной смене природной обстановки и условий обитания человека в течение раннего голоцена (редколесья и кустарники с моховым покровом – в первую половину РВ-1, луговые степи – во второй половине РВ-1, луговые и настоящие степи – в РВ-2 и ВО). В развитии археологических комплексов раннего голоцена Приольхонья четко выделяется 3 культурно-хронологических периода: ранне-, позднепребореальный и бореальный. Комплекс раннего пребореала по технико-типологическим характеристикам близок материалам финального плейстоцена. В индустрии позднего пребореала меняется соотношение между отщепами и призматическими пластинами, большой процент составляют орудия, изготовленные на призматических пластинах (вкладыши, угловые резцы и др.). В комплексах бореального возраста преобладают призматические пластины, из которых изготовлено большинство орудий (вкладыши, резцы, резчики); новациями являются срединные и срединные многофасеточные резцы. Предложенная периодизация раннеголоценовых культурных комплексов Приольхонья позволяет подойти к вопросам синхронизации раннеголоценовых комплексов Байкальской Сибири.

М.И. Дергачева, И.Н. Феденева

*Институт почвоведения и агрохимии СО РАН
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ПЕДОГЕНЕЗ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ НА ТЕРРИТОРИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ*

Решение проблемы взаимодействия человека и природы на территории континентальной Евразии в позднем плейстоцене предусматривает необходимость проведения диагностики палеоэкологической обстановки для различных по географическому расположению территорий не только в конкретное время обитания на ней древнего человека, но и выявления изменений природной среды в пространстве и во времени. Именно такой подход позволит более полно охарактеризовать особенности миграционных процессов в прошлом.

Обобщенные в настоящей работе данные получены при изучении признаков педогенеза в отложениях широкого круга археологических (как правило, многослойных) памятников открытого и пещерного типа, расположенных на территории континентальной Евразии (Западной и Восточной Сибири, Горном Алтае, Забайкалье, Монголии, Казахстане).

На предыдущих этапах исследований изучались признаки педогенеза отдельных памятников и проводились реконструкции конкретных мест обитания в конкретное время. Фактологический анализ этих материалов

Таблица 1. Временная динамика природно-климатических условий обитания человека в отдельных регионах Евразии на протяжении позднего плейстоцена

Культурный горизонт, уровень обитания	Возраст	Ландшафт	Почва (аналог современной)	Среднегодовые показатели	
				t воздуха, °C	осадки, мм
Горный Алтай, археологический памятник Кара-Бом					
M1	W ₁	Лесостепь	Горно-лесная черноземовидная	-2...+1	350-500
M2		Хвойный лес	Бурая горно-лесная	-3...-2	500-800
6	W ₂	Лесостепь	Чернозем	-2...+1	350-500
5					
4					
3		Хвойные-смешанные леса	Бурая горно-лесная	-2...0	500-800
2		Степь-лесостепь	Чернозем	0...+2	350-500
1	Лесостепь-степь	Чернозем	-1...+1	400-550	
Западное Забайкалье, археологический памятник Хотык					
6	W ₁	Криоаридная степь-полупустыня	Степная криоаридная	-5...-6	150-200
5		Криоаридная степь-полупустыня	Степная криоаридная	-5...-6	150-200
4	W ₂	Сухая степь	Каштановая	-2...-3	200-300
3		Криоаридная степь-полупустыня	Степная криоаридная	-3...-5	150-250
2	W ₃	Степь-лесостепь	Чернозем	-1,5...-4	250-400
1	W ₃ ?	Криоаридная степь	Темно-каштановая	-2...-3	200-300

* Работа выполнялась при финансовой поддержке РФФИ: проект 04-04-49852

Таблица 2. Разнообразие природно-климатических условий обитания человека в разных регионах территории Евразии на протяжении среднего вюрма (W_2)

Культурный горизонт, уровень обитания	Слой	Ландшафт	Почва (аналог современной)	Среднегодовые показатели	
				t воздуха, °C	осадки, мм
Западный Тянь-Шань, археологический памятник Оби-Рахмат					
I	14	Предгорные опустыненные степи	Серозем	+8...+13	300–600
	13	Крупнотравные полусаванны	Коричневая	+7...+9	450–600
	12	Хвойные леса	Бурая горно-лесная	+5...+8	800–1100
	11				
	10				
II	9	Орехово-плодовые леса	Горная черно-коричневая	+7...+9	600–900
	8	Предгорные опустыненные степи	Серозем	+8...+10	400–600
	6	Орехово-плодовые леса	Горная черно-коричневая	+7...+9	600–900
III	5	Предгорные опустыненные степи	Серозем	+8...+13	300–600
	4				
Горный Алтай, археологический памятник Кара-Бом					
6	6	Лесостепь	Чернозем	–2...+1	350–500
5					
4					
3	5б	Хвойные-смешанные леса	Бурая горно-лесная	–2...0	500–800
2	5а	Степь-лесостепь	Чернозем	0...+2	350–500
1	4–3	Лесостепь-степь	Чернозем	–1...+1	400–550
Предбайкалье, археологический памятник Игетей					
5	kr ¹	Криоаридная степь-полупустыня	Степная криоаридная	–4...–1,5	150–250
4	kr ² os ¹	Лесостепь	Чернозем	–5...–4	350–450
Западное Забайкалье, археологический памятник Хотык					
4	7	Сухая степь	Каштановая	–2...–3	200–300
3	6	Криоаридная степь-полупустыня	Степная криоаридная	–3...–5	150–250

представлен в обширных публикациях, среди которых – ряд обобщающих работ (Дергачева и др., 1994, 2000, 2005; Дергачева, 1997, 1998; Археология..., 1998; Проблемы..., 1998; Природная среда..., 2003; Феденева, 2004).

В настоящей работе представлены результаты реконструкции по признакам педогенеза в отложениях количественных характеристик климата в периоды обитания человека в разные отрезки позднего плейстоцена для ряда ключевых территорий континентальной Евразии и анализ изменений ландшафтной обстановки в целом, а также почв и климата в пространстве (на территории континентальной Евразии) и во времени (на протяжении позднего плейстоцена). В качестве примера приводятся те объекты, которые охватывают весь или почти весь поздний плейстоцен и где имеющиеся датировки культурных слоев позволяют достаточно точно его выделить и расчленить по временным интервалам.

Исследования основаны на использовании почвенных компонентов – гумусовых веществ, сохраняющихся в диагенезе и отражающих информацию о природной среде своего формирования (Дергачева, 1997). Установленные количественные связи состава и свойств гумуса и гуминовых кислот современных почв с температурными и влажностными характеристиками климата и их специфичность (Дергачева и др., 2002, Дергачева, Рябова, 2005) явились рецентной основой для таких реконструкций.

Ландшафтно-климатическая обстановка как на равнинных, так и горных территориях в периоды обитания на них человека в абсолютном большинстве случаев была благоприятной для его существования, причем она подчинялась тем же географическим (широтным и вертикальным) закономерностям, что и в настоящее время. То есть, в горных условиях изменение структуры вертикальной поясности не выходило за пределы, характерные для ландшафтов горных стран той географической зоны, где расположена подошва горной системы, в равнинных условиях

она изменялась, как правило, в пределах зон и подзон соответствующей почвенно-климатической провинции. Исключение составляют ландшафты казанцевского времени, когда потепление было столь существенным, что изменения могли выходить за рамки провинциальных особенностей отдельных зон и подзон.

Условия теплообеспеченности отличались существенно и изменялись в согласии с глобальными изменениями климата, а каждый из периодов обитания человека на одной и той же территории в течение позднего плейстоцена по влагообеспеченности зависел также и от региональных условий. Частота и амплитуда колебаний влагообеспеченности, как и теплообеспеченности от одного культурного слоя к другому, т.е. на протяжении позднего плейстоцена были существенными, хотя все они отвечают в целом благоприятным для обитания человека условиям. Наглядно это представлено в табл. 1, данные которой показывают различие природных условий, соответствующих времени существования разных культурных слоев. При этом в Горном Алтае колебания температур были меньше, чем в Западном Забайкалье, а количество осадков во все периоды обитания на данных территориях человека было существенно выше.

Среднегодовые температуры и осадки в период позднего плейстоцена имели разные пределы колебаний в разных регионах (табл. 2). Так, в Западном Тянь-Шане они не выходили за пределы +5...+13° С и 300 до 1100 мм в год соответственно, тогда как в Горном Алтае температуры изменялись в небольшом интервале: от –2° С до +2° С, а осадки колебались в пределах 350–800 мм в год. В Предбайкалье и Забайкалье в период обитания человека ландшафтные особенности укладывались в рамки лесостепь-криоаридная степь (и/или полупустыня), среднегодовые температуры, как и среднегодовое количество осадков, были самыми низкими из рассматриваемых регионов.

Таким образом, природная среда существования культурных горизонтов, то есть времени обитания человека, существенно отличались как на разных территориях, так и в разные периоды позднего плейстоцена, что не могло не повлиять на адаптационные механизмы человека и миграционные процессы в сообществах.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / Дервянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.Н., Форонова И.В., Шуныхов М.В. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – 176 с.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 231 с.

Дергачева М.И. Педогумусовый метод реконструкции палеоклиматов // Проблемы реконструкции климата и природной среды в голоцене и плейстоцене Сибири. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 132–142

Дергачева М.И., Рябова Н.Н. Коррелятивные связи состава гумуса и климатических показателей в условиях горных территорий юга Сибири. // Вестник Томского государственного университета, 2005. – №15. – С. 68–71.

Дергачева М.И., Турзина Т.В., Феденева И.Н., Ануфриева Р. Г. Предварительные итоги изучения органического вещества голоценовой пачки отложений Денисовой пещеры // Дервянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Изд.ИАЭТ, 1994. – Ч.1. – Приложение 4. – С. 181–201

Дергачева М.И., Вашукевич Н.В., Гранина Н.И. Гумус и голоцен-плиоценовое почвообразование в Предбайкалье. – Новосибирск: СО РАН, 2000 – 204 с.

Дергачева М.И., Гончарова Н.В., Феденева И.Н. Гумус современных почв Горного Алтая как основа диагностики природной среды и климатов прошлого // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2002. – С. 122–133

Дергачева М.И., Дервянко А.П., Феденева И.Н. Эволюция природной среды в позднем плейстоцене-голоцене в Горном Алтае (реконструкция по педогенным признакам). Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2005 – 143 с.

Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / Дервянко А.П., Глинский С.В., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Ефремов С.А., Зенин А.Н., Кривошапкин А.Н., Куликов О.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Николаев С.В., Нохрина Т.И., Петрин В.Т., Поздняков А.А., Попова С.М., Рыбин Е.П., Симонов Ю.Г., Феденева И.Н., Чевалков Л.М., Шуныхов М.В. Новосибирск: Изд-во ИАиЭТ СО РАН, –1998. – 312 с.

Феденева И.Н. Гумус и позднплейстоценовое почвообразование в континентальных районах Евразии / Автореф. дисс... д-ра биол. наук. – Томск: ТГУ, 2004. – 35 с.

В.А. Дергачев*Физико-технический институт им.А.Ф.Иоффе РАН, Санкт-Петербург***Г.И. Зайцева***Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В ГОЛОЦЕНЕ И АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУР*

Благодаря палеоклиматическим данным имеются существенные перспективы понять изменчивость климатической системы в прошлом и ее воздействие на человечество. Набор инструментальных и исторических данных о климате очень ограничен по времени, и поэтому необходимо использовать естественные архивы, содержащие палеоклиматическую информацию. Для того, чтобы проследить историю климата в голоцене, выявить причины изменения климата и воздействие климата на человеческое общество на масштабах времени от десятилетий и выше, необходимо иметь климатические данные высокого разрешения и наиболее точный хронологический контроль. В настоящее время уверенное доказательство долговременных изменений климата удастся осуществлять по природным архивам, имеющим слоистую структуру: кольца деревьев, слои льда, ленточные глины и др. Используя данные из этих архивов, проводится реконструкция температуры и осадков для отдельных регионов земного шара. Палестемпературная реконструкция показывает, что резкие кратковременные колебания температуры оказывались на больших пространственных масштабах. Отступления и наступления горных ледников в течение голоцена указывают на циклические колебания климата с тысячелетними периодами.

В настоящей работе главное внимание уделяется климатической изменчивости, полученной из гидрологических данных и данных изменений атмосферной циркуляции высокого разрешения и уверенного хронологического контроля, что позволило оценить устойчивую климатическую изменчивость на различных масштабах, и проследить, влияние осцилляций климата на изменения в человеческой популяции.

Радионуклиды радиоуглерод и бериллий-10 образуются в результате ядерных реакций между космическими лучами (протонами и нейтронами) и основными компонентами земной атмосферы: азотом и кислородом. Скорость образования этих нуклидов зависит от потока космических лучей в атмосфере, который меняется во времени из-за модулирующего воздействия солнечного ветра и магнитного поля Земли. После образования радионуклиды участвуют в процессах циркуляции в атмосфере, сопровождающейся аккумуляцией нуклидов в упомянутых выше природных архивах (кольцах деревьев, донных осадках, ледниках). Одним из испытанных в настоящее время методов уточнения и определения хронологии древних культур является основанный на космогенном изотопе ^{14}C радиоуглеродный метод датировки [например, Алексеев и др., 2005]. Наиболее точным календарным калибровочным инструментом для радиоуглеродной временной шкалы является дендрохронология. В концентрации ^{14}C , извлеченной из колец деревьев, удается выделить циклы в ~ 200 и ~ 2000 лет [Дергачев, 1996].

Продолжительные изменения климата в прошлом тысячелетии

Изменения климата в голоцене могли влиять на человеческую популяцию подобно недавним событиям, имевшим место в так называемые «малый ледниковый период (1300–1850 гг.)», когда уменьшились объемы культивации почв и пастбищ и увеличилось число голодных лет [Lamb, 1995] или в «средневековый теплый период (600–1300 гг.)», когда в результате продолжительных и жесточайших засух произошел коллапс классической цивилизации майя [Hodell et al., 2005]. Сравнение 8 хорошо датированных косвенных данных высокого разрешения, отражающих изменения атмосферной циркуляции и гидрологии, полученных на широтах, про-

* Работа проводится при поддержке РФФИ, грант 03–04–48769 и 06–04–48792; ИНТАС, проект 03–51–4445.

стирающихся от Арктики до Антарктиды [Maash et al., 2005], позволяет сделать вывод, что резкие колебания климата, подобные малому ледниковому периоду и средневековому теплему периоду, имеют глобальный характер.

Заметное похолодание климата между 2800-2500 лет назад

Стратиграфические, палеоботанические и археологические данные указывают на то, что изменение от сухого и теплого климата к более влажному и холодному климату имело место на границе от суббореального к атлантическому периодам, между 2800–2500 лет назад. Это заметное климатическое событие подробно рассмотрено в работе [Dergachev et al., 2004]. Van Geel et al. [1998] указал, что климатическое изменение в этот период повлияло на поселения в Европе и использование пахотных земель.

Сухой период около 4200 лет назад

Древнюю историю Египта можно разделить на несколько важных периодов, одним из которых было старое царство (Old Kingdom). Египтологи предполагают, что это царство закончилось коллапсом экономической, политической и культурной жизни страны. Как предположил Hassan [2002], воздействие аридного климата в окрестности 4200-х годов тому назад привело к уменьшению выпадения осадков в экваториальной Африке и последующему падению стока воды в долину Нила, что и привело, в конечном счете, к коллапсу старого царства.

Согласно Ristvet [2003], резкая засушливость в окрестности 4200-х годов тому назад прослеживается в 41 палеоклиматических данных из старого света, из Килиманджаро, Танзании до Индии, восточной Азии и Тихого океана. Это засушливое событие особенно хорошо определено в западной Азии и связано с оставлением поселений, прилегающих к восточной части Средиземного моря и в сухих сельскохозяйственных равнинах северной Месопотамии, включая империю в Вавилонии. Рассмотрение отдельных данных предполагает, что изменение климата для каждой цивилизации или общества может играть исключительно важную роль. Имеются доказательства, что большое число цивилизаций мира: Вавилонская империя в Месопотамии, старое царство в Египте, харапская культура, представляющая городскую цивилизацию долины Инда, а также цивилизации начала бронзового века в Израиле, Анатолии и Греции, цивилизация в долине Хильманд в Афганистане, Хоншаньская культура в Китае коллапсировали в более или менее одно и то же время.

Сырой климат 5600–5300 лет тому назад

Имеются доказательства для глобального климатического изменения вблизи этого интервала времени. Wendland and Bryson [1974] на основе обширных анализов данных пришли к выводу, что около 3000 лет до н.э. имел место внезапный климатический сдвиг, совпадающий с основанием династии Египта. До того времени Египет подвергался много более влажным условиям, чем в последующие годы. Авторы указывают на то, что уровень озера Чад в пустыне Сахаре за тысячелетия до 3000 лет до н.э. был на 30–40 м выше, чем в настоящее время, что было связано с более высоким годовым выпадением осадков на всей территории в течение того времени. Климатическое изменение около 3000 лет до н.э. было отмечено в Альпах наступлением ледников [Lamb, 1995]. Недавно Magny et al. [2006] реконструировали изменения уровня воды в озере Constance вблизи археологической стоянки Arbon-Bleiche 3 в Швейцарии по донным озерным отложениям и установили ряд резких возрастных изменений уровня озера и первое оказалось в окрестности 5600–5500 лет назад.

Регулярность резких крупномасштабных изменений климата в голоцене

Как очень холодные, так и очень жаркие изменения климата оказывают существенное воздействие на популяцию человека. Бассейны озер, вдоль которых расселялся древний человек, являются сильно чувствительными архивами к выпадению осадков и испарению и могут документировать прошлые изменения водного бюджета при климатических изменениях. Magny [2004], чтобы реконструировать голоценовый уровень озер в средней Европе, использовал последовательности отложений 26 озер и установил, что высокий уровень озер совпадает с холодным климатом. Примечательно, что крупномасштабные изменения климата и высокие уров-

ни озер следуют примерно 2000-летнему циклу. Эта закономерность совпадает с данными индекса полярной циркуляции по гляциохимическим данным из кернов ледников в Гренландии [Mayewski et al., 2004] и с изменением концентрации ^{14}C в дендрохронологически датированных образцах [Vasiliev and Dergachev, 2004]. Корреляция исторических данных по солнечной активности и изменению климата, а также космогенных изотопов, являющихся косвенными данными для солнечной активности, и климатической изменчивостью тысячелетнего масштаба, демонстрируют связь между солнечной изменчивостью и изменением климата на большой шкале времени.

Список литературы

- Дергачев В.А.** Крупномасштабные циклические колебания концентрации космогенного радиоуглерода и солнечная активность в течение последних тысячелетий // Изв. АН СССР. Сер. физ. – 1996. – Т. 36(2). – С. 49–60.
- Евразия** в Скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. – Санкт–Петербург : ТЕЗА, 2005. – 290 с.
- Dergachev V.A., Raspopov O.M., van Geel B., Zaitseva G.I.** The ‘Sterno–Etrussia’ geomagnetic excursion around 2700 BP and changes of solar activity, cosmic ray intensity, and climate // Radiocarbon. – 2004. – V. 46(2). – P. 661–681.
- Hassan F. A.** Palaeoclimate, food and culture change in Africa: An overview. // Droughts, Food and Culture – New York: Kluwer/Plenum. – 2002. – P. 11–26.
- Hodell D.A., Brenner M., Curtis J.H.** Terminal Classic drought in the northern Maya lowlands inferred from multiple sediment cores in Lake Chichancanab (Mexico) // Quaternary Science Reviews. – 2005. V. 24. – P. 1413–1427.
- Lamb H.H.** Climate, History and the Modern World. – London: Routledge, 1995. – 433 p.
- Maash K.A., Mayewski P.A., Rohling E.J., Stager J.C., Karlen W., Meeker L.D., Meyerson E.A.** 2000–year context for modern climate change // Geografiska Annaler. – 2005. – V.87A. – P. 7–15.
- Magny M., Leuzinger U., Bortenschlager S., Haas J.N.** Tripartite climate reversal in Central Europe 5600–5300 years ago at Arbon-Bleiche, Switzerland. // Quaternary Research. – 2006. V. 65(1). P. 3 doi:10.1016/j.yqres.2005.06.009.
- Magny M.** 2004. Holocene climate variability as reflected by mid–European lake-level fluctuations and its probable impact on prehistoric human settlements // Quaternary International. – 2004. – V. 113. – P. 65–79.
- Mayewski P.A., Rohling E., Stager C., Karlén W., Maasch K., Meeker L.D., Meyerson E., Gasse F., van Kreveland S., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R.R., Steig E.** Holocene climate variability // Quaternary Research. – 2004. – V. 62. – P. 243–255.
- Ristvet L.** Agriculture, Settlement, and Abrupt Climate Change: The 4.2ka BP event in Northern Mesopotamia // Eos Trans. AGU. – 2003. – V. 84(46), Fall Meet. Suppl. – P. F 885.
- van Geel B., van der Plicht J., Kilian M.R., Klaver E.R., Kouwenberg H.M., Renssen H., Reynaud-Farrera I., Waterbolk H.T.** The sharp rise of $\Delta^{14}\text{C}$ ca. 800 cal BC: possible causes, related climatic teleconnections and the impact on human environments // Radiocarbon. – 1998. – V. 40(1). – P. 535–550.
- Vasiliev S.S., Dergachev V.A.** The ~2400–year cycle in atmospheric radiocarbon concentration: Bispectrum of ^{14}C data over the last 8000 years // Annales Geophysicae. – 2002. V. 20. – P. 115–120.
- Wendland W.M., Bryson R.A.** Dating climatic episodes of the Holocene // Quaternary Research. – 1974. – V. 4(1). – P. 9–24.

**В.Г. Дирксен¹, М.А. Кулькова², В. van Geel³, Н.А. Боковенко²,
К.В. Чугунов⁴, А.А. Семенцов², Г.И. Зайцева², G. Cook⁵,
J. van der Plicht⁶, M. Scott⁷, Л.М. Лебедева², Н.Д. Бурова²**

¹Институт Вулканологии и Сейсмологии ДВО РАН, Петропавловск-Камчатский,

²Институт Истории Материальной Культуры РАН, Санкт-Петербург

³Universiteit van Amsterdam

⁴Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

⁵Scottish Research Institute, Reactor Center

⁶Rijksuniversiteit Groningen

⁷Glasgow University

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ГОЛОЦЕНЕ И ДИНАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР*

Археологические исследования в Южной Сибири (южная часть Красноярского края, Республики Хакасия и Тыва) продолжаются более двух столетий. К настоящему времени накоплен значительный объем археологических материалов [Вадецкая, 1986] и создана обширная база радиоуглеродных данных [Zaitseva, van Geel, 2004], что позволяет установить динамику археологических культур региона на надежной хронологической основе. Тем не менее, некоторые культурные феномены Южной Сибири до сих пор не находят своего объяснения. Так, датированные памятники мезолита и неолита, распространенные на большей части территории Евразии, по-видимому, почти полностью отсутствуют в межгорных котловинах юга Сибири [Zaitseva, van Geel, 2004]. С начала эпохи бронзы территория обширной Минусинской котловины, расположенной в Хакасии и на юге Красноярского края, начинает активно заселяться, в то время как межгорные впадины более южной Тывы остаются практически необитаемы. Мы полагаем, что характер изменений природной среды выступал одним из факторов, определявших динамику заселения Южной Сибири в голоцене.

Серию межгорных котловин, расположенных в пределах Алтае – Саянской горной области, на стыке таежных лесов Сибири и пустынно-степных бессточных впадин Монголии, можно рассматривать как остаток единой степной зоны в центре Азиатского материка. Сложный рельеф, континентальные условия и недостаток увлажнения определяют своеобразие экосистем региона и их повышенную чувствительность к климатическим изменениям. Однако ограниченное распространение и замедленное накопление органогенных отложений, характерное для аридной зоны, затрудняет получение корректной информации о природных изменениях в прошлом и их достоверной хронологии.

Чтобы выявить возможную связь между климатическими колебаниями и развитием археологических культур региона, мы проводим комплексное изучение разрезов, преимущественно, озерных отложений как наиболее перспективных источников информации. Представляемые данные получены по разрезу озерно-торфяных отложений вблизи с. Шушенское (SHU, 53° 19' с.ш., 92° 03' в.д.) и колонке отложений озера Большой Кызыккуль (BKZ, 53° 36' с.ш., 91° 56' в.д.). Оба объекта расположены в пределах лесостепи, в менее аридной юго-восточной части Минусинской котловины.

Хронология отложений разреза SHU была установлена на основе 19 датировок, полученных традиционным радиоуглеродным методом в лаборатории ИИМК РАН, и 6 радиоуглеродных AMS датировок, выполненных в лабораториях Гронингена и Глазго. Детальное датирование и высокое временное разрешение отложений разреза позволяют рассматривать его в качестве эталонного для периода позднего голоцена. Возраст отложений озерной колонки BKZ удалось определить с помощью 11 радиоуглеродных AMS датировок, полученных в Гронингене и Глазго. Основание колонки датируется 10120±50 л.н. (BP), (GgA-27896) и, таким образом, впервые для данного региона удалось получить хронологически обоснованную палеоклиматическую летопись за

* Работа поддержана грантами ИНТАС, № 03–51–4445, РФФИ, №№ 05–05–64517–а, 05–05–66942ЯФ_а

весь голоцен. Для корреляции археологических и палеоклиматических данных в календарном летоисчислении все датировки были переведены в калиброванные, однако в тексте приводится радиоуглеродный возраст событий л.н. (BP).

Палеоклиматические и палеоэкологические данные были получены с использованием спорово-пыльцевого и микрофосильного анализов. Определялись пыльца и споры растений, остатки растительного и животного происхождения, споры грибов и водоросли. Были рассчитаны абсолютная концентрация таксонов и содержание микрочастиц углей в 1 см³ отложений.

Использование метода геохимической индикации позволило получить дополнительные данные. Было определено содержание органического материала в осадках. С помощью рентгеноспектрального флуоресцентного анализа и ИКС метода были установлены минеральный и химический составы отложений. Применение корреляционного и факторного анализов выявило индикаторные соотношения химических элементов, позволяющие охарактеризовать относительные температурные и влажностные изменения в прошлом [Джеральд, 1984].

Суммируя весь комплекс полученных данных, удалось установить основные этапы эволюции природной среды Минусинской котловины в голоцене. Раннеголоценовый период (10–9 тыс. л.н.) характеризовался аридным, холодным и сухим климатом. В котловине преобладали каменистые степи и полупустыни, обрамляющие горные хребты были практически безлесны. В озере накапливались терригенные осадки с низким содержанием органического материала.

Период среднего голоцена (около 8–4.5 тыс. л.н.) был очень теплым. В горах начали формироваться пояса субальпийских кустарников и тайги с преобладанием пихты. Однако в котловине и по ее окраинам по-прежнему доминировали степи: здесь, за счет интенсивного испарения, превышающего количество осадков, сохранялись аридные условия. Заметное повышение уровня влажности отмечается после 6.5 тыс. л.н.: в горах расширялся пояс темнохвойной тайги, по окраинам котловины степи замещались лесостепью. В озере накапливались органогенные сапропели и ракушечники.

Наиболее важные природные изменения произошли в начале позднего голоцена. Выделяются два максимума влажности около 4.5–3.5 и 2.8–2.4 тыс. л.н., разделенные аридным интервалом. Первая фаза увлажнения была холодной, она проявилась наиболее четко в обоих разрезах: в озере SHU началось накопление органогенных сапропелей; в озере BKZ отлагаются осадки с наибольшим содержанием органического вещества. Климат был влажнее современного, что обусловило максимальное распространение лесов в горном обрамлении и по периферии котловины. Аридный интервал фиксируется появлением карбонатов в озерных осадках и новым усилением позиций степей. Вторая фаза увлажнения проявилась на фоне потепления: в горах восстанавливается пояс темнохвойной тайги с участием пихты.

Около 2 тыс. л.н. отмечается уменьшение уровня влажности в относительно теплых условиях; окончательно формируется лесостепной пояс и постепенно деградирует темнохвойная горная тайга. Озера зарастают и мелеют, около 1.6 тыс. л.н. озеро SHU усыхает и превращается в торфяник.

Сопоставление полученных данных с имеющимися археологическими материалами позволяет говорить о тесной связи между изменениями природной среды Минусинской котловины в голоцене и динамикой археологических культур. Периоды интенсивного освоения котловины человеком хорошо коррелируют с фазами гумидного климата. Так, ограниченность памятников мезолита и неолита можно объяснить низкой биопродуктивностью экосистем в аридных условиях начала и середины голоцена. Появление и развитие Афанасьевской культуры (4–3-е тыс. до н.э.) происходит в период повышения уровня влажности в финале термического максимума голоцена. Окуневская культура, появившаяся в конце 3-го тыс. до н.э., осваивает котловину в период холодного и наиболее влажного климата. В течение аридного интервала позднего голоцена территория впадины остается малообитаемой, и только на севере ее, в наименее суровых континентальных условиях развивается Андроновская культура (18–14 вв. до н.э.). С началом периода влажного и относительно теплого климата появились Карасукская, и за ней Тагарская культуры. Благодаря оптимальным термовлажностным соотношениям, биопродуктивность степных и лесостепных геокомплексов котловины в это время была, по-видимому, очень высокой, что способствовало расцвету кочевых культур.

Климатические колебания голоцена по-разному проявились в конкретных природных обстановках межгорных впадин Южной Сибири [Dirksen, van Geel, 2004]. Принимая это во внимание, можно попытаться объяснить различия культурной динамики в пределах региона. Резкое похолодание в начале позднего голоцена в более аридной и высокогорной Тыве могло выразиться, прежде всего, в усилении сезонной контрастности и континентальности, и, возможно, поэтому котловины Республики оставались практически необитаемы. В Минусинской котловине, напротив, в холодную и влажную фазу происходило интенсивное накопление органического вещества, свидетельствуя о повышении продуктивности биоценозов, что могло, в свою очередь, обеспе-

чить привлекательность территории для поселения человека. Вторая фаза увлажнения в условиях потепления проявилась во всем регионе как период климатического оптимума, соответствующего времени появления и развития скифских культур.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Джеральд А. Дж. Почвы и формы рельефа. – Л.: Наука, 1984. – 208 с.

Dirksen V. G., van Geel B. Mid to Late Holocene climate change and its influence on cultural development in South Central Siberia // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 2004. – P. 291–307.

Zaitseva G. I., van Geel B. The occupation history of the Southern Eurasia steppe during the Holocene: chronology, calibration curve and methodological problems of the Scythian chronology // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 2004. □P. 63–82.

В.С. Житенёв

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ЧЕРЕП ПЕЩЕРНОГО МЕДВЕДЯ (*URSUS SPELAEUS*) С НАРЕЗКАМИ И СЛЕДАМИ ОХРЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ СИКИЯЗ-ТАМАК I (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова с 1999 г. под руководством автора проводится изучение ряда пещерных верхнепалеолитических стоянок на реках Ай и Юрюзань, расположенных на границе Челябинской области и Республики Башкортостан.

Пещера Сикияз-Тамак I относится к пещерному комплексу Сикияз-Тамак, расположенному в Саткинском районе Челябинской области, в 25 км к СЗ от г. Сатка, на южных отрогах хребта Туйтубе. Пещера лабиринтного типа расположена у подножия скалы правого борта крутого сухого лога, на высоте 50 м от р. Ай, на удалении 30 м (северный ход) и 57 м (южный вход) от береговой линии.

В 1996 г. группа спелеологов экспедиции Челябинского областного краеведческого музея под рук. В.И. Юрина вскрыла новый зал (№ 8), из которого были предприняты безрезультатные попытки пробиться дальше по погребенным ходам. Во время разбора одного из проходов были найдены кости и череп пещерного медведя без нижней челюсти, а также остатки других млекопитающих. Современный вход в зал, представляющий собой узкий (0,40-0,50 м) и длинный (2,5 м) лаз около 0,30 м высотой, находится на расстоянии 8 м от южного входа. Сам зал № 8 представляет собой полость грушевидной формы общей площадью около 55 м². Вся площадь зала заполнена рыхлыми отложениями. Высота свода от верха рыхлых отложений около 1 м.

На месте обнаружения фаунистических остатков был заложен шурф (2 м²). Расчистка проводилась деревянными инструментами (во избежание повреждения костей) и при электрическом освещении, вмещающая порода промывалась на ситах. В результате работы был обнаружен второй череп пещерного медведя без нижней челюсти, который располагался на расстоянии около 0,3–0,4 м от места находки первого и один кремневый отщеп. При расчистке черепа и в промывке грунта из соответствующих участков была обнаружена рыба чешуя, древесные угли и кальцинированные кости.

С целью выяснения характера культурного слоя в СЗ части зала № 8 был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 7 м², примыкавший к шурфу. Поверхностью современного пола зала является светло-коричневый суглинок, мощностью до 0,07 м. Он перекрывает слой опесчаненного легкого суглинка темно-серого цвета, мощностью до 0,15 м, со значительной примесью мелкого древесного угля (*Pinus sylvestris*, *Larix sibirica* (?), *Juniperus communis*, *Betula* sp., по определению В.Р. Филина, МГУ). В этом слое находилось множество фрагментов костей крупных животных (*Cervidae*, *Saiga tatarica*, *Ursus spelaeus*, *Canis lupus*, *Vulpes vulpes*, *Alopex lagopus*, *Martes* или *Mustela*, *Mustela eversmanni*, *Meles* sp., *Castor fiber*, *Lepus* sp., по определению Э. А. Вангенгейм и М.В. Сотниковой, ГИН РАН), кости птиц, яичная скорлупа, кости и чешуя рыб, многочисленные остатки микрофауны, кости летучих мышей. Вместе с ними были обнаружены: отщеп светло-серого кремня; кремневая пластинка с ретушью по обоим краям, представляющая собой (по определению В.Е. Щелинского, А.К. Филиппова, Г.Ф. Коробковой) «стреляный» наконечник; а также фрагмент костяного наконечника. Для культурных отложений по древесному углю получена дата – 11690 ± 70 л.н. (GrA-18661), однако не исключена возможность некоторого омоложения возраста из-за загрязненности образца.

Значительная рыхлость грунта, вертикальное положение наиболее крупных фрагментов яичной скорлупы, расположение большей части крупных или тяжелых фрагментов костей в подошве этого литологического горизонта или на поверхности подстилающего свидетельствует о частичной переотложенности культурного слоя. О небольшой степени нарушенности свидетельствует и близкое к анатомическому (хотя и растянутое) расположение костей конечности единственной особи сайги.

На черепе медведя, обнаруженном в 1996 г., и некоторых костях из культурного слоя были зафиксированы следы погрызов, оставленные мелкими млекопитающими, и нарезки, оставленные каменными орудиями.

Для идентификации нарезок были применены следующие критерии: V-образный профиль поперечного сечения; цвет, аналогичный цвету кости; анатомически обоснованное (относительно основных принципов разделки) расположение и т.д. [напр., Binford 1981].

Основная масса нарезок на черепе (и коротких, и длинных) расположена на лобной и теменной костях. Вероятно, часть из них связана с процессом свежевания. Нарезки и их расположение аналогичны зафиксированным на медвежьих костях из пещеры Холе Фельз [Münzel, Conard 2004]. Отверстие на правой стороне лобной кости (изучено с помощью бинокулярного микроскопа Н.Н. Скакун, ИИМК РАН) было сделано намеренно. Возможно, проявлением осознанной человеческой деятельности является заполировка прилегающих к небной части краев альвеол и всей небной части. Это особенно хорошо заметно в сравнении с базальной частью черепа, где заполировка отсутствует.

Окраска черепа неравномерная: есть зоны естественного светло-желтого цвета, но на некоторых участках проявляется красноватый цвет, который лучше всего виден на левой стороне лобной кости.

Участок поверхности, на котором, предположительно, сохранились остатки красного пигмента в необходимом для изучения количестве, был исследован методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии (XRF) с помощью портативного рентген-флуоресцентного спектрометра ArtTAX® для элементного микроанализа поверхности (что позволяет идентифицировать элементный состав краски) с возможностью сканирования поверхности объекта. Данный метод анализа используется для определения концентрации элементов от Na (11) до U (92) в диапазоне от 0,01% до 100% в веществах различного происхождения. Встроенная CCD камера позволяет выводить изображение исследуемого участка. Для сравнения полученных результатов был проанализирован и участок поверхности черепа, визуалью не имевший следов красного пигмента. Изучение проведено на кафедре археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Ениосовой.

В результате исследования удалось установить яркое различие двух выбранных участков по составу химических микроэлементов. В неокрашенном участке лобной кости черепа наибольшее значение имел только Ca, остальные микроэлементы представлены фоново. В то время как на окрашенном участке лобной кости высокое значение присутствия, кроме Ca, показали следующие элементы: K, V, Cr, Mn, Fe, Zn. Похожие составы красящего пигмента были обнаружены при исследованиях красящих пигментов на различных образцах первобытного искусства [Baffier et al., 1999; Garate et al., 2004; Zoppi et al., 2002].

Основным аргументом в пользу намеренной окраски черепа является полное отсутствие в культурном слое следов красного пигмента – следовательно, цвет слоя не мог стать причиной окрашивания черепа.

Причины появления в культурном слое черепов, обнаруженных на стоянке Сикияз-Тамак I (зал № 8), не могут быть на сегодняшний день однозначно определены. С одной стороны, есть вероятность того, что черепа были подобраны человеком и, возможно, использованы в не ясных для нас целях. С другой стороны, наличие нарезок на черепе и костях может свидетельствовать о разделке туши медведя.

Одной из возможностей решения этого вопроса может служить определение возраста и сезона гибели по зубам животных. Этот метод основан на наличии годовых слоев в зубах (в дентине и/или цементе) большинства млекопитающих. Формирование этих слоев отражает чередование периодов роста организма: активный рост (весна-лето) и остановка или замедление роста (поздняя осень-зима) [Клевезаль, 1988].

У каждого черепа было извлечено по зубу M², и исследованы ростовые слои цемента на продольных срезах середины боковых стенок корней. В результате анализа были получены следующие данные: череп (№ 1) – шестилетнее (возможно, старше) животное погибло в конце лета – в начале осени; череп (№ 2) – восьмилетнее животное также погибло в конце лета – в начале осени.

Конечно, следует учитывать возможность того, что эти медведи погибли в силу естественных причин. Однако вероятность этого не слишком велика. Известно, что смертность пещерных медведей, относящихся к взрослой возрастной категории, была незначительной [Kurten, 1976].

В результате изучения остеологического материала из уральских пещер было установлено, что «смертность взрослых особей от 4 до 30–40 лет ... составляла доли процента от размера популяции»; хотя, иногда фиксируется увеличение доли группы «взрослые», что, возможно, связано «с разным уровнем кормовой базы медведей в разные периоды позднего плейстоцена» [Косинцев, Воробьев, 2001: 270, 272]. Более того, естественная гибель взрослого животного уже во второй половине наживочного периода (конец лета – начало осени) представляется маловероятной. Тогда как с хозяйственно-бытовой точки зрения для охоты это время представляется вполне приемлемым. Мясо современных бурых медведей, добытых во второй половине наживочного периода, бывает уже достаточно упитанным и высоко ценится. А вот шкуры, добытые в это время года, хотя и относятся к категории пушных, но уступают качеству зимних и позднеосенних.

Таким образом, принимая во внимание наличие следов антропогенного воздействия на медвежьих костях и результаты анализа индивидуальных данных (возраст и сезон гибели), можно сделать достаточно аргументированное предположение о возможности охоты на пещерного медведя позднепалеолитическими охотниками Южного Урала.

Обнаруженные черепа медведей располагались на хорошо видимом дальнем топографическом рубеже пещеры. Дать полноценное объяснение фактам, связанным с находкой зафиксированной специальными методами красной охры на черепе, до завершения определенного этапа полевых работ и ряда лабораторных анализов не представляется возможным. На сегодняшний день можно лишь констатировать, что для Южного Урала как отдельного очага палеолитического искусства выявлена новая, до сих пор неизвестная в регионе практика использования красного пигмента для окрашивания черепа животного.

Автор приносит огромную благодарность всем, кто принял участие в полевом и лабораторном изучении материалов.

Список литературы

- Клевезаль Г.А.** Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М: Наука, 1988.
- Косинцев П.А., Воробьев А.А.** Биология большого пещерного медведя (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein.) на Урале // Ма-монт и его окружение: 200 лет изучения. М: ГЕОС, 2001. С. 266–278.
- Baffier, D., Girard, M., Menu, M., Vignaud, C.** La couleur a la grande grotte d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // L'Anthropologie 103, 1999. P. 1–21
- Binford L.R.** Bones: Ancien Men and Modern Myths. New York: Academic Press. 1981
- Garate D., Laval E., Menu M.** The pictorial materials of the Arenaza cave (Galdames, Basque Country, Spain) // L'Anthropologie 108, 2004. P. 251–289
- Kurten, B.** The cave bear story. New York: Columbia University Press. 1976
- Münzel, S. C. & N. J. Conard** 2004 Cave Bear Hunting in the Hohle Fels, a Cave Site in the Ach Valley, Swabian Jura // Revue de Paleobiologie 23(2), 2004. P. 877–885
- Zoppi A., Signorini G.F., Lucarelli F., Bachechi L.** Characterisation of painting materials from Eritrea rock art sites with non-destructive spectroscopic techniques // Journal of Cultural Heritage 3, 2002. P. 299–308

Я.В. Кузьмин*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток*

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Для реконструкции процесса взаимодействия природной среды и древнего человека необходимо знание двух основных его составляющих: 1) палеогеографических условий и ландшафтной структуры территории, занятой в прошлом хозяйственным коллективом или их совокупностью; 2) основных отраслей хозяйства. Природные условия существования древнего человека на Дальнем Востоке России в эпоху камня (палеолит – неолит) и палеометалла реконструированы на основе комплекса методов изучения палеосреды [Кузьмин, 2005]. Информация о хозяйстве древнего человека получена из двух основных источников: 1) данных по археологии древних поселений и культур (косвенные свидетельства); 2) информации по зооархеологии и археоботанике (прямые данные). При определении хронологических границ этапов взаимодействия природы и древнего человека необходимо учитывать в первую очередь появление и развитие отраслей производящего хозяйства – земледелия и скотоводства.

В палеолите на всей территории Дальнего Востока России существовал хозяйственно-культурный тип (ХКТ) охотников, рыболовов и собирателей лесной зоны (рис. 1). В неолите существовал ряд ХКТ присваивающего типа (рис. 1): 1) охотники, рыболовы и собиратели таежных районов; 2) рыболовы и охотники долин крупных рек; 3) собиратели, рыболовы и охотники на морского зверя морских побережий. ХКТ мотыжных земледельцев на основе проса, возникнув в Северо-Восточном Китае около 6400 радиоуглеродных лет назад (л.н.), распространился на лесостепную часть юга Дальнего Востока России около 4500–4200 л.н. (рис. 1).

Опираясь на реконструкцию региональных ХКТ, можно выделить главные *этапы взаимодействия природной среды и древнего человека*.

Первый этап (соответствующий ХКТ с преобладанием присваивающего хозяйства) начался еще до возникновения позднего палеолита и продолжался длительное время, вплоть до 4500 л.н.; в нем можно выделить два подэтапа: 1а) с преобладанием охоты на плейстоценовую мегафауну, 40000–12000 л.н.; и 1б) с доминированием охоты на млекопитающих средних размеров (олень, кабан и т.п.), после 12000 л.н. На этом этапе древние люди лишь потребляли ресурсы природной среды, не оказывая на нее сколько-нибудь существенного воздействия. **Второй этап** (связанный с ХКТ, в которых важную роль играет мотыжное земледелие на основе проса) начинается около 4500 л.н. и заканчивается в целом около 3000 л.н. В это время происходит принципиальное изменение во взаимодействии природы и человека – люди не только используют ресурсы природной среды, но и начинают создавать собственные, искусственные ресурсы. Как результат этого изменения, начинается активное воздействие человека на природу. **Третий этап** (для которого характерны ХКТ с преобладанием земледелия на основе риса и скотоводства с преобладанием свиньи и собаки) связан с культурами палеометалла, 3000–2000 л.н., и отвечает усилению роли производящей экономики.

Наиболее динамичными в плане взаимодействия природной среды и древнего человека являются те регионы, для которых была характерна высокая степень разнообразия географической среды – в первую очередь лесостепи и морские побережья. Контактные регионы были в большей степени подвержены изменениям природной среды в ходе климатических колебаний. Наличие мозаичной структуры ландшафтов приводило к тому, что реакция первобытных обществ на изменения природной среды была более быстрой, чем в регионах со слабым разнообразием географической среды (тайга, широколиственные леса). В результате контактные

* Исследования, положенные в основу настоящего сообщения, поддержаны РФФИ (гранты №№ 06-06-80258, 02-06-80282, 99-06-80348, 96-06-80688).

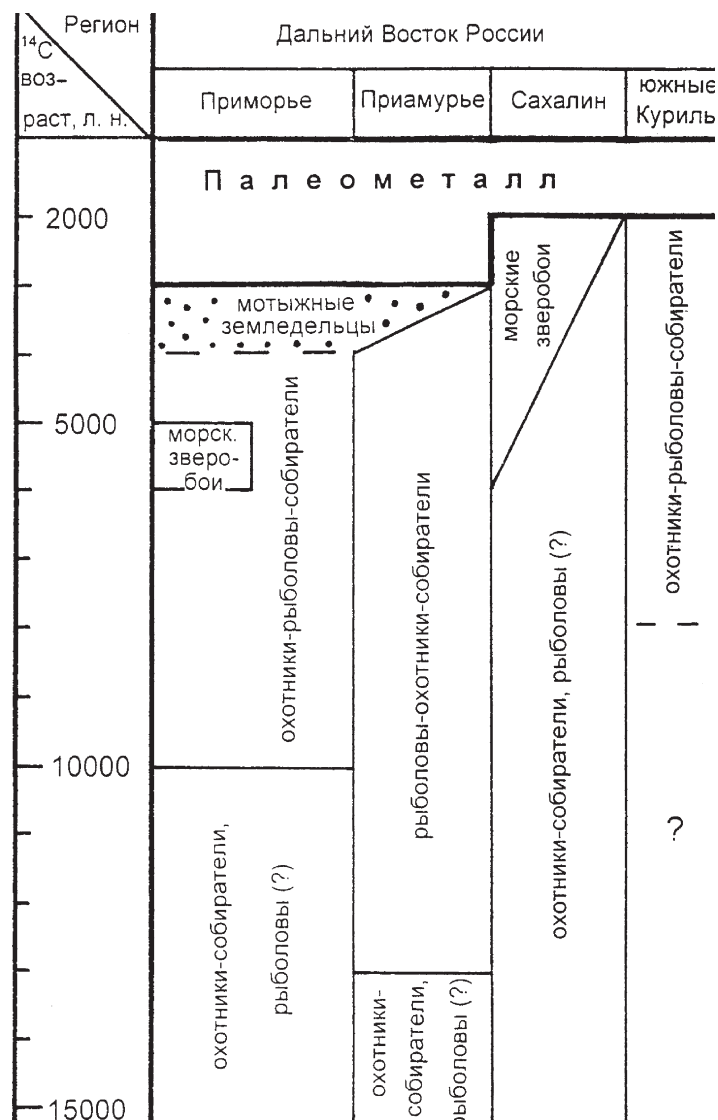

Рис. 1. Основные ХКТ Дальнего Востока России в эпоху камня, 15000–3000 л.н. (Кузьмин, 2005).

регионы со значительным разнообразием природных условий, такие, как южная часть Северо-Восточного Китая, Зейско-Буреинская и Ханкайская равнины, были первыми, в которых произошел переход к производящей экономике, а следовательно, переход ко второму этапу взаимодействия природной среды и древнего человека. В зоне контакта суши и моря – на побережьях Японского и, вероятно, Охотского морей – около 7000–6000 л.н. начинается эксплуатация морских пищевых ресурсов (рыба, ластроногие).

В изучении взаимодействия природы и человека в древности на Дальнем Востоке России существует ряд нерешенных вопросов, в частности, о существовании и роли некоторых отраслей экономики в общей стратегии жизнеобеспечения. Наиболее сложным является вопрос о возникновении приморской адаптации. За последние годы изучение этой проблемы получило существенный импульс, что отразилось в ряде публикаций, где приводятся новые данные о появлении приморского рыболовства (в частности, лососевых пород рыб), собирательства морских моллюсков и охоты на ластроногих в каменном веке. Наиболее полной является концептуальная работа А.В. Табарева [2004].

Рассмотрение фактологической основы для выделения тех или иных разновидностей приморской адаптации [Кузьмин, 2005, с. 148-190] дает возможность установить, что в Восточной Азии она возникает на рубеже плейстоцена и голоцена, около 13000–9000 л.н., на о. Хонсю (Япония). На материковом тихоокеанском побережье (юг Дальнего Востока России, Корейский полуостров, Маньчжурия) наиболее ранние памятники с

прямыми свидетельствами приморской адаптации (кости рыб и млекопитающих; раковины моллюсков; изотопный состав углерода и азота в коллагене костей береговых популяций человека с характерным «морским» сигналом) известны начиная с 7000–6000 л.н. (рис. 1).

А.В. Табарев полагает, что приморская адаптация имела место у обитателей юга Дальнего Востока России и Японии уже в верхнем палеолите: «Несмотря на то, что наиболее ранняя дата, полученная по раковинным кучам на стоянке Нацushima, не древнее 9500 л.н., морской промысел, собирательство моллюсков и добыча нерестовой рыбы существовали уже в верхнем палеолите 15000-13000 л.н.» [Табарев, 2004, с. 12]; «Несмотря на хронологический разрыв между палеолитом и ранним неолитом [на Корейском полуострове – К.Я.], можно с уверенностью утверждать, что систематическое использование ресурсов моря (в первую очередь моллюсков) практиковалось уже около 10000-8000 л.н.» [Табарев, 2004, с. 13]. Окончательным итогом является вывод о том, что «... археологические материалы тихоокеанского бассейна позволяют зафиксировать наиболее *ранние этапы приморской адаптации в дальневосточной зоне (в первую очередь, на Российском Дальнем Востоке и Японском архипелаге) уже в финальном плейстоцене около 15-14000 л.н.*» [Табарев, 2004, с. 31].

Основанием для этих выводов послужили исключительно косвенные данные. Прямых свидетельств, подтверждающих правоту этих предположений, не существует. Хорошо известно, что на верхнепалеолитических памятниках Японии нет следов использования в пищу морских ресурсов, равно как не имеется достоверных данных о наличии собирательства морских моллюсков на Корейском полуострове ранее 6300 л.н., а также рыболовства лососевых в Приморье ранее 7000 л.н. Находки фигурок рыб на стоянках Устиновка 1, Устиновка 3, Суворово 4, Суворово 6 в Приморье (см., например, [Раков, Бродянский, 2004, с. 6]) не могут служить основанием для утверждения о промысле лосося их обитателями.

Это же можно отнести к памятнику Огоньки 5 на юге Сахалина, который рассматривается как изменивший представление о «... культуре финальнопалеолитической эпохи и времени формирования экономики, ориентированной на сезонные морские ресурсы (в том числе и на добычу лосося)» [Табарев, 2004, с. 12]. Основанием для этого утверждения является находка резца в форме рыбки в культурном слое, датированном по аналогиям около 13000–8000 л.н. [Василевский, 2003, с. 57–58]. Предполагать на основании единственного косвенного и не датированного свидетельства о начале формирования приморской экономики на Сахалине в финале плейстоцена по меньшей мере преждевременно.

Вышеизложенное означает, что сделанные А.В. Табаревым [2004] выводы могут рассматриваться лишь в ранге гипотез. По моему мнению, только прямые, непосредственные свидетельства эксплуатации ресурсов моря могут рассматриваться в качестве серьезных аргументов для решения проблемы появления приморской адаптации на Дальнем Востоке России.

В ближайшем будущем необходимо продолжить поиск прямых свидетельств эксплуатации человеком ресурсов проходных рыб и морских млекопитающих, в частности, с помощью исследования состава липидов (жироподобных веществ, входящих в состав живых организмов) в древнейшей керамике, где они хорошо сохраняются и могут быть идентифицированы (см., напр.: [Evershed et al., 1999]).

Список литературы

- Василевский А. А.** Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 51–69.
- Кузьмин Я. В.** Геохронология и палеосреда палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. – 282 с.
- Раков В. А., Бродянский Д. Л.** Каталог фауны из археологических памятников Приморья. – Владивосток: Б. и., 2004. – 59 с.
- Табарев А. В.** Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена. Дисс. ... докт. ист. наук в виде науч. доклада. 07.00.06 – археология. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 66 с.
- Evershed R. P., Dudd S. N., Charters S., Mottram H., Stott A. W., Raven A., Van Bergen P. F., Bland H. A.** Lipids as carriers of anthropogenic signals from prehistory // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. – 1999. – Vol. 354. – P. 19–31.

А.М. Клементьев

Иркутский государственный технический университет, Иркутск

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО ФАУНЕ ГОЛОЦЕНА НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ*

Данное сообщение касается вопроса о составе субфоссильной фауны из могильников доисторического периода оз. Байкал. Для изучения этой проблемы были привлечены сведения, полученные при изучении сопроводительных материалов погребальных комплексов могильника Шаманка II. Этот памятник находится на крайней юго-западной оконечности озера Байкал. Археологический материал данного памятника представлен в работе Г.В. Туркина и А.В. Харинского [2004]. Изученный материал по ископаемым костям млекопитающих происходит из смешанного слоя (раскопы 1 и 2) и погребений №№ 2–6, 9 (неолит-бронза). Абсолютные датировки по 2, 3, 5, 9 погребениям укладываются в интервал 3520–3900 л.н. (некалиброванные даты); по 4 и 6 погребениям получены даты 6600±180 (ГИН–10209) и 6090±130 (ГИН–10208) соответственно. При анализе материала использованы не только фрагменты костей животных, но и костяной инвентарь погребальных комплексов. Далее приводится описание материала. В работе использована методика промеров фон де Дриш [von den Driesch, 1976], предложенная для морфометрического изучения костей из археологических памятников. Другие промеры оговорены отдельно в тексте.

Раскоп 1. Определимые субфоссильные остатки принадлежали двум видам. Также встречены неопределимые фрагменты и фрагменты орудий: фрагмент вкладышевого орудия (№ 12) из трубчатой кости крупного копытного и фрагмент орудия (№ 163) из рога оленя (*Cervidae gen.indet.*). **Благородный олень** (*Cervus elaphus*). Нижний эпифиз левой лучевой кости (№ 164) – Bd 62,2; Dd 41,7 мм. Правая таранная кость (№ 87) имеет следующие размеры: GLl 68,0; GLm 64,2; Bd 42,8; Dl 37,0 мм. Определены фрагменты двух правых берцовых костей (№ 97 и б/№): Bd 59,5; 62,7; Dd 45,7 мм; фрагмент локтевой кости (№ 6), малеоллярная кость (№ 60), запястные кости (№№ 38, 60), фрагменты нижнего блока метаподий (№ 42, № 164 – 3 экз.). **Бурый медведь** (*Ursus arctos*). Медведю принадлежали фрагмент нижней челюсти (№ 90), фрагмент резца (№ 128), фрагмент клыка (№ 109), изолированные коренные зубы (№№ 21 и 131). Размеры P4/ L 19,0; B 14, 0 мм; M2/ L 36,7; B 18,9 мм.

Раскоп 2. Среди костного материала встречены фрагменты костей и зуб человека и фрагменты костей животных разных размеров. Ниже дается видовая принадлежность и характеристика определенных костей млекопитающих. **Собака** (*Canis familiaris*). Атлант (№ 44) имеет следующие размеры: BFcr 38,7; BFcd 31,4; H 23,4; LAd 12,5 мм. Среди зубов определены клыки (2 шт.) и резцы (4 шт.) (общий № 367), клык (№ 42), верхние левые второй (№ 6) и четвертый (б/№) премоляры. Размеры зубов – P2/: L 8,9 мм; B 4,2 мм; P4/: L 15,5 мм; B 6,4 мм; GB 8,8 мм. Кроме этих остатков определен также изолированный резец *Canis* sp., по размерам превышающий имеющиеся собачьи резцы. **Бурый медведь** (*Ursus arctos*). Данный вид представлен зубами (№№ 54, 133, 284) и их фрагментами (№ 312, б/№), половой косточкой (№ 58). Удалось промерить M/1: L 27,0; B 13,5 мм. **Нерпа** (*Phoca sibirica*). Данному виду принадлежит изолированный клык (№ 142), фрагмент клыка с пришлифовкой (№ 347) и фрагмент восходящей ветви нижней челюсти (№ 362). **Благородный олень** (*Cervus elaphus*). Фрагмент правой лопатки (№ 250), размеры его следующие LG 45,5; SLC 38,4; GLP 59,7 мм. Фрагмент верхнего эпифиза пястной кости (№ 231) – Dr 30,3 мм. Определены также фрагмент кости запястья (б/№) и фрагмент эпистрофея (№ 144). Возможно также принадлежность благородному оленю фрагмента первой фаланги (№ 168) и фрагмента зуба (№ 240). **Сибирская косуля** (*Capreolus pygargus*). Опреде-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06–01–00466а

Таблица 1. Размеры нижних челюстей субфоссильных соболей из погребений неолита и бронзового века

№ промера по [von den Driesch, 1976] для Canis	Название промера	Забайкалье		Прибайкалье	
		В. Мангиртуй неолит, ad.	Фофаново неолит, ad. n=2	Шаманка I неолит, ad.	Шаманка II бронза, juv.
1	Общая длина		49,8	51,9	54,3
2	Длина от углового отростка до переднего края альвеолы первого резца		47,5	48,6	49,9
4	Длина от суставного отростка до заднего края альвеолы клыка		44,3	45,2	48,0
5	Длина от выемки между суставным и угловым отростками до заднего края альвеолы клыка		42,0	42,0	43,4
17	Толщина тела нижней челюсти под M/1	4,0	3,9; 3,5	3,9	4,2
18	Высота рамы	23,4	20,5	~23,7	
19	Высота тела нижней челюсти под M/1	8,7	8,0; 8,1	8,7	8,5
20	Высота тела нижней челюсти под P/2		8,4; 8,0	9,1	8,2
	Длина C-M/2 по коронкам		31,5	33,8*	35,0*
	Длина P/1-4 по коронкам		15,8; 15,7	16,0*	16,0*
L	Длина M/1	9,3	8,7; 8,7	9,5	
B	Ширина M/1	3,5	4,4; 3,1	3,9	
L	Длина P/4	6,0		6,0	
B	Ширина P/4	3,0		2,9	

* длина по альвеоле, зубы не сохранились

лены кость запястья (№ 251) и фрагменты двух левых лучевых костей (№№ 249, 296). Размеры их: Bd 28,0; 31,0; Dd 23,9 мм. Из остатков крупных грызунов определены резцы (№ 53 и б/№) **сурка** (*Marmota sp.*), фрагмент нижней челюсти (№ 48) и фрагмент эмали резца (№ 57) **бобра** (*Castor fiber*). **Птица** (*Aves*). Определена голень (№ 242) довольно крупного вида. Встречаются и фрагменты костей птиц, использованные для изготовления изделий (№ 303).

Погребение № 4 (неолит). **Бурый медведь** (*Ursus arctos*). Определена когтевая фаланга крупной взрослой особи. **Соболь** (*Martes zibellina*). Имеется нижняя челюсть с зубами (№ 1–2) взрослой особи. Промеры приведены в таблице 1.

Погребение № 6 (неолит). Подвески из кости (2 экз.) и материала, напоминающего бивень (1 шт.).

Погребение № 2 (бронза). Гарпун из рога оленя (*Cervidae gen.indet.*)

Погребение № 3 (бронза). **Благородный олень** (*Cervus elaphus*). Фрагмент первой фаланги (№ 4): Bd 20,5; Dd 15,7 мм. Подвески из резцов (№ 3–7 и б/№) – 6 экз. **Соболь** (*Martes zibellina*). Правая ветвь нижней челюсти (№ 19) молодой особи. Промеры приведены в таблице 1. Фрагмент трубчатой кости (№ 32) птицы (*Aves*).

Погребение № 5 (бронза). **Бобр** (*Castor fiber*) – левая ветвь нижней челюсти (№ 15). **Птицы** (*Aves*) – трубчатые кости (№ 6) (4 экз.). Гарпуны и наконечник (№ 128) из рога оленей (*Cervidae gen.indet.*). Фрагмент лопатки **лося** (*Alces alces*) с пробитым отверстием в верхнезадней части кости. Длина отверстия 15,3 мм, ширина 10,2 мм.

Погребение № 9 (бронза). **Кабан** (*Sus scropha ferus*) представлен фрагментом клыка (№ 7). **Кабарга** (*Moschus moschiferus*). Имеется один клык (№ 5). **Благородный олень** (*Cervus elaphus*). Подвески из резцов (№ 9,21,23–25,42,60) – 7 экз. Встречены фрагменты зубов хищных млекопитающих №№ 2, 3, 22. Изделия представлены «ложкой» (№ 36), гарпунами (№ 4 и 6), острием (№ 40) из рогов оленей (*Cervidae gen.indet.*) и острием (№ 35), изготовленным из малой берцовой кости **медведя** (*Ursus arctos*).

Судя по наличию остатков человека только во втором (гипсометрическим нижнем) раскопе можно предположить, что остатки из смешанного слоя этого раскопа представляют собой переотложенный материал из разрушенных погребений, располагающихся изначально выше по склону. Вероятность этого повышается и в связи с тем, что более поздние могилы бронзового века располагаются на месте древних неолитических могил – при разрушении

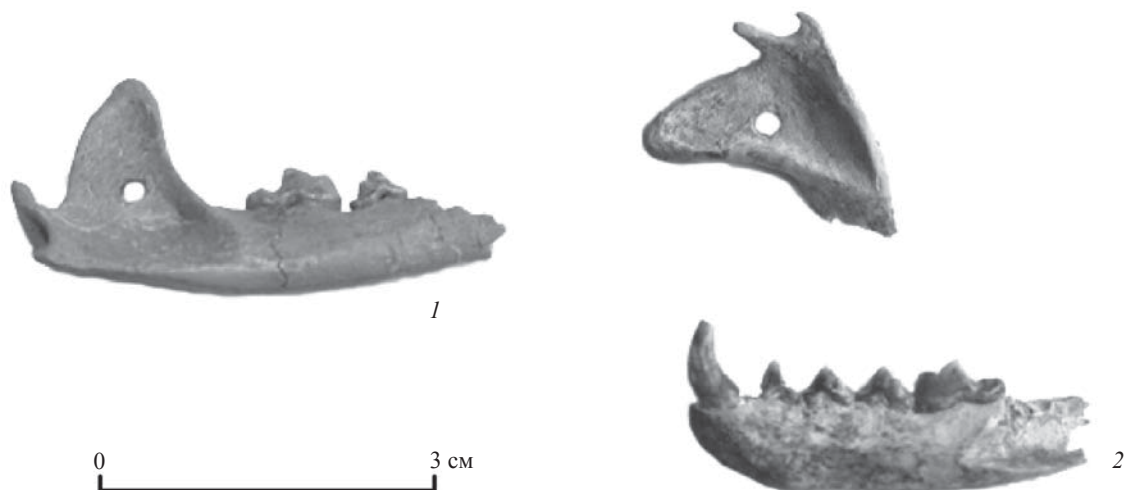

Рис. 1. 1 – фрагмент нижней челюсти соболя из погребения В. Мангиртуй;
2 – фрагменты нижней челюсти соболя из погребения № 15 Фофаново

последних культурные и антропологические остатки выбрасывались на поверхность. В этом раскопе представлено и наибольшее количество видов животных: собака, бурый медведь (взрослая и молодая особи), нерпа, благородный олень, сибирская косуля (2 особи), сурок, бобр и крупная птица, что свидетельствует о длительной седиментации на этом участке. В первом (верхнем) раскопе также имеются определяемые кости, но только двух видов: благородного оленя и медведя. Кости оленя принадлежали двум взрослым особям. Возможна также принадлежность этому виду и неопределимых фрагментов диафизов трубчатых костей. Медведь из верхнего раскопа не идентичен особям из нижнего; стертость зубов этого медведя очень сильная, что говорит о старом возрасте зверя.

Фауна из могил неолитического и бронзового периодов рассматривалась отдельно. Неолитические могилы (4 и 6) представлены неравнозначно. В четвертом погребении найдены коготь медведя и нижняя челюсть соболя. В могиле № 6 найдены лишь подвески, сырьем для них послужили кости и, возможно, бивень мамонта. Могилы эпохи бронзы содержали также разное количество фаунистического материала. Самое бедное в отношении фауны захоронение – второе. Здесь нет определяемых костей, есть лишь орудие на роге оленя. Фауна других более представительна. Медведь представлен лишь в орудийном материале. Более мелкие хищники представлены изолированными зубами, имеется челюсть соболя (мог. № 3). Наиболее многочисленны остатки копытных: кабан, кабарга, благородный олень и лось. Кабан и кабарга представлены клыками. Имеется лишь одна кость скелета «марала-изюбря». Фрагмент лопатки лося является важным доказательством активной охоты; на нем есть отверстие, полученное еще до захоронения этого остатка. Есть также кости бобра и мелкой птицы.

Находки нижних челюстей соболей часто встречаются в могилах эпохи неолита и бронзы. В восточной части Байкала эта традиция отмечена на Фофаново (погр. 11 и 15, собств. определения) и в захоронении у с. Верхний Мангиртуй [Конев, 1996, Жамбалтарова, Лбова, 2003]. Частной особенностью двух челюстей является искусственное отверстие на восходящей ветви челюсти (рис. 1–1,2). К западу от Байкала полные скелеты соболей встречены в погр. 10 могильника Братский Камень [Окладников, 1976], в 1 и 2 погр. у д. Бумажкина [Окладников, 1975], в погр. 1, 4–6 Усть-Илгинского могильника [Николаев, Уваров, 1992], мандибулы соболей встречены в погр. 12 Серовского могильника [Окладников, 1976]. Искусственные отверстия на челюстях не отмечены.

Список литературы

- Жамбалтарова Е.Д., Лбова Л.В.** Предварительные данные о погребении на р. Хилок у с. Верхний Мангиртуй на юге Забайкалья // Социогенез северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 66–70.
- Конев В.П.** Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов XXXVI РАСС. – Иркутск, 1996. – Ч. 1. – С. 114–116.

Николаев В.С., Уваров А.И. Погребальный обряд Усть-Илгинского могильника на верхней Лене // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – С. 100–104.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары. – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита–бронзового века на южном Байкале // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 124–158.

von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull., 1976. – # 1. – 136 pp

С.В. Лещинский*Томский государственный университет, Томск*

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИИ МЕГАФАУНЫ И ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В КОНЦЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА*

Экология изучает отношения между организмами и средой их обитания, биотической и абиотической. Традиционно биотическому аспекту уделяется значительно больше внимания как при исследовании современных, так и древних сообществ растений и животных. Абиотические связи до сих пор изучаются поверхностно и глубокому анализу не подвергаются. Между тем, именно они лежали в основе зависимости крупных млекопитающих плейстоцена от различных классов геохимических ландшафтов, что во многом связано с периодическим минеральным голоданием [Leshchinskiy, 2001].

Приблизительно с рубежа 25 (30) тыс. л. н. на территории Северной Азии прогрессивно развиваются кислые и кислые глеевые геохимические ландшафты, характеризующиеся острой нехваткой щелочноземельных и щелочных элементов (в основном, Ca, Mg и Na). По мнению автора, это может быть связано с последним этапом активного тектогенеза, наиболее молодое максимальное проявление которого выражается комплексом надпойменных террас позднего неоплейстоцена. Так, резкое увеличение скорости неотектонических поднятий Западно-Сибирской плиты фиксируется ~ с 50 тыс. л. н. и продолжается в настоящее время, при нескольких максимумах в сарганском криохроне и голоцене [Лещинский и др., 2006 и др.].

Структурно-геоморфологические исследования показывают, что в новейший тектонический этап Обь-Енисейское междуречье испытало блоковые поднятия от 50 до 200 м [Лукина, 1997 и др.]. По другим данным амплитуды положительных смещений выше и, например, для Томь-Кольванской возвышенной равнины только в тобольское время оцениваются до 100 м. Анализ абсолютных отметок отложений нижнего неоплейстоцена позволил выделить ряд районов со следующими средними показателями движений (в среднем – позднем неоплейстоцене): юг приледниковой зоны + 50 м; восток Барабинской равнины + 60 м; Томь-Кольванская возвышенная равнина + 200 м; крайний юг Чулымо-Енисейской равнины и Приенисейский район + 250 м. Высокая неотектоническая активность с близкими параметрами поднятий также выявлена на северо-востоке Азии [Уфимцев, 1984].

Активная тектоника Северной Азии, вероятно, обусловлена общим воздыманием горных областей в центре континента, особенно, Тибета и Гималаев (3–4 км за четвертичный период) [Никонов, 1997]. Важно то, что неотектоническая активность, как весьма интенсивная, оценивается не только в Азии, но и в Европе [Трифонов, 1999]. Например, Польские Карпаты в квартере поднялись ~ на 170 м, а Татры – на 200 м, причем за последние 200 тыс. лет – не менее чем на 40 м [Вас-Moszaszwili, 1995; Zuchiewicz, 1995].

Подъем исследуемых территорий активизировал процессы расселения в большей части регионов. Фактором, усилившим этот процесс, вероятно, послужило значительное падение уровня Мирового океана. В итоге ландшафты Н-класса (кислые), достигнув к началу голоцена максимума своего распространения в плейстоцене, сегодня остаются определяющими на большей части Северной Евразии. Только в таежно-лесной зоне Западно-Сибирской равнины зафиксировано 73 % случаев недостатка Ca, Mg, Na и Co, 70 – Cu, 80 – I, 55 – Mo, 50 – B, 49 – Zn. В тундровых, лесотундровых и заболоченных ландшафтах континента дефицит жизненно необходимых элементов еще более значителен, что приводит к периодическому минеральному голоданию современных травоядных млекопитающих [Ковальский, 1974; Перельман, 1975 и др.].

Комплексные исследования местонахождений – зверовых солонцов сарганского криохрона (Волчья грива, Шестаково, Кочегур, Луговское) показали, что крупные травоядные испытывали сильный экологический стресс. Его проявления зафиксированы массовыми деструктивными изменениями костей и зубов, несомненная

* Исследования выполнены на средства грантов Президента РФ (№ МК-3291.2004.5) и РФФИ (№ 03-05-65252).

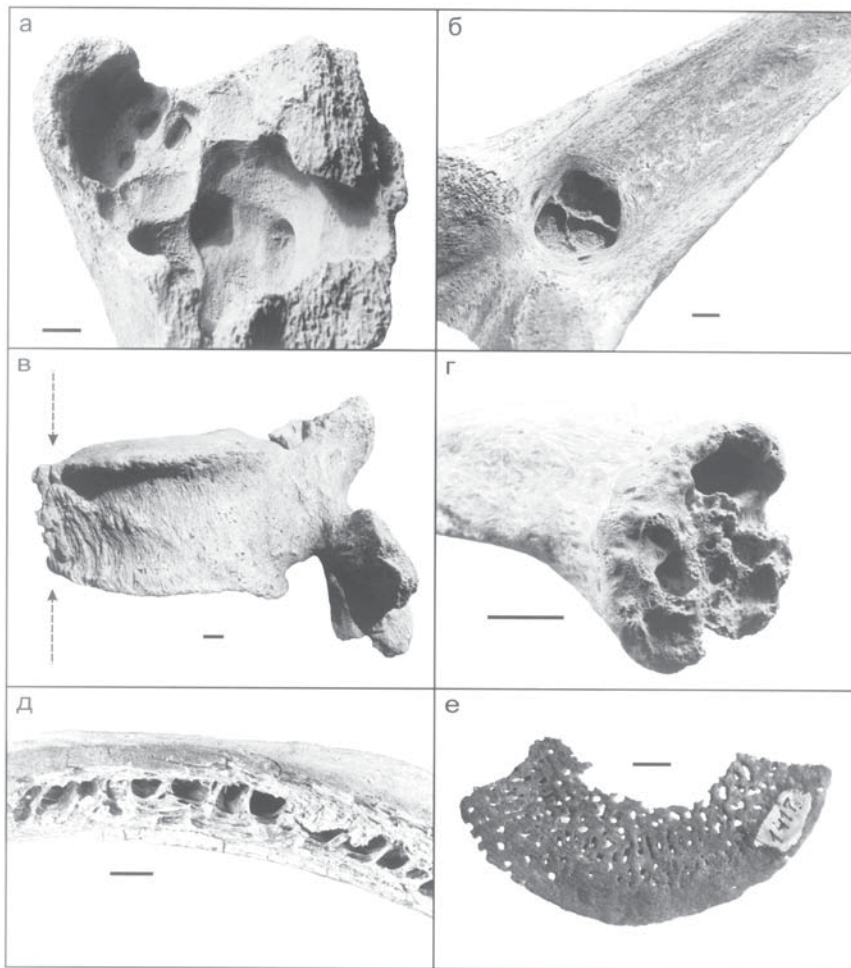

Рисунок (все кости *Mammuthus primigenius* Blum., масштабные отрезки по 1 см).

- а) Проксимальный конец большеберцовой кости (ЗИН РАН, Берелех, 1971 г.). Фиброзная остеодистрофия – образование остеобластомы / остеонид-остеома «сотового» типа.
- б) Остистый отросток (ИАиЭт СО РАН, Шестаково, 1976 г.).
Фиброзная остеодистрофия (?) – формирование «дырки» – на фоне остеопороза костной ткани.
- в) Поясничный позвонок (Геологический музей им. В.И. Вернадского, Мезин, 1909 г., № ГТМ-401-49/ПВ-00853).
Окостенение продольной связки на вентральной поверхности позвонка (указано стрелками) в виде фестончатого гребня, осложненного экзостозами, при сопутствующем остеопорозе.
- г) Проксимальный конец ребра (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Гари, 2004 г.).
Остеолиз головки ребра при фиброзной остеодистрофии (?).
- д) Продольное сечение ребра (ТГУ, Красноярская курья, 2005 г.). Выраженный остеопороз – rareфикация кости (расширение пор, сокращение и утолщение костных балок).
- е) Фрагмент эпифиза тела позвонка (Музей «Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск, Луговское, полевой № 1417).
Выраженный остеопороз – rareфикация кости с образованием сквозных пор и остеонекрозом центральной зоны эпифиза.

причина которых – энзоотические заболевания, вызванные минеральным голоданием [Лещинский и др., 2003; Лещинский, 2006 и др.].

С целью выявления следов подобных заболеваний на остатках мамонтов и других представителей мегафауны из других районов Азии и Европы, в 2005 г. автором проведен палеоэкологический анализ (более 10 тыс. образцов) местонахождений Красноярская курья, Гари, Мезин, Краков Спаджиста Стрит, Берелех и других. Результаты превзошли ожидания – во всех коллекциях остатки с деструктивными изменениями представляют рядовое явление. Причем, массовые изменения зафиксированы на костях и зубах мамонтов (предварительно от 30 до 60 % и более). Это, а также возраст данных объектов (~ 25–10 тыс. л.н.) указывает на прямую аналогию

со зверовыми палеосолонцами Западной Сибири. Во всех случаях наиболее типичными признаками остеодистрофии являются остеопороз, остеолиз, остеофиброз, остеомалация, атрофия хряща, окостенение связок, экзостозы, переломы с образованием ложных суставов, язвы и бороздки трения на суставных поверхностях (рисунок). Анализ публикаций по «мамонтовым кладбищам» Европы также указывает на большое количество остатков, принадлежащих большим животным [Кузьмина, Праслов, 1992; Машенко, 1992 и др.] или на связь местонахождений с благоприятными геохимическими ландшафтами [Верещагин, Кузьмина, 1977; Kogin, 2005 и др.], являющимися своеобразными «минеральными оазисами».

Изложенные факты не оставляют сомнений в том, что в конце плейстоцена на севере Евразии были широко развиты ландшафты, в которых крупные животные испытывали хронический минеральный голод, приводящий к мощному геохимическому стрессу. Вероятно, одним из его отражений стало адаптивное уменьшение размеров мамонтов (почти в 2 раза) Западной Сибири уже в первую половину сартанского криохрона [Лещинский, Бурканова, 2005].

Резкий разрыв абиотических связей, вызванный кардинальным преобразованием геохимических ландшафтов, по-видимому, стал главной причиной вымирания мегафауны Северной Евразии. Результаты исследований позволяют предположить, что оно носило «лавиный» и одновременно мозаичный характер. Выявленный очень высокий процент энзоотических заболеваний крупных ископаемых млекопитающих (в первую очередь мамонтов) позволяет с уверенностью говорить о большом падеже животных в конце плейстоцена.

На всех указанных объектах обнаружены культурные остатки позднего палеолита. Многие археологи считают это выражением активной истребительной охоты человека на мамонтов [Аникович, Анисюткин, 2001 и др.]. Однако, пока имеются единичные доказательства этому – застрявшие в кости наконечники, обнаруженные в Костенках I и Луговском. По-видимому, абсолютное большинство «мамонтовых кладбищ», пространственно связанных с древними стоянками, являются естественными местонахождениями. Палеоэкологические исследования однозначно указывают, что в самом конце плейстоцена мегафауна испытывала сильнейший геохимический стресс. Поэтому, возможная охота скорее имела характер пассивного преследования и была направлена на ослабленных болезнями (особенно, опорно-двигательного аппарата), травмированных, старых или попавших в природные ловушки мало подвижных животных, а также детенышей [Зенин и др., 2006]. Таким образом, антропогенный пресс в отношении мамонтов не являлся определяющим фактором среды и не мог привести к их уничтожению. В данной ситуации более вероятны конкурентные отношения с активными трупоедами (волком, гиеной, песцом и др.) при обнаружении падали. Человек был свидетелем и соучастником заключительной фазы естественного события – вымирания мегафауны плейстоцена.

Изменение экологической ситуации, фиксируемое в конце плейстоцена и отраженное в массовой смертности крупных представителей мамонтовой фауны, вероятно, стало причиной появления новых типов артефактов (разнообразные орудия на пластинах и пластинках, сложные вкладышевые орудия, изделия из кости и украшения), особенно характерных для средней и поздней поры позднего палеолита. При качественном изменении биогеоценоза, неотъемлемой частью которого являлся человек, экологические связи последнего также изменялись и неизбежно возникали новые культурные традиции. По-видимому, это объясняет культурный всплеск ~27–18 тыс. л.н. в Европе (Краков Спанджиста Стрит, Дольни Вестоницы, Мезин, Межеричи, Костенки, Сунгирь, Зарайская и др.) и Азии (Мальта, Шестаково, Гари и др.). Как ни удивительно, именно вымирание мегафауны, вероятно, послужило толчком к активному освоению человеком «непривлекательных» северных территорий.

Автор благодарит А.П. Деревянко, В.Н. Зенина, Ю.Б. Серикова, П.А. Косинцева, О.П. Бачура, Т.В. Кузнецову, А.Н. Тихонову, Г.Ф. Барышникову, А. Надаховского и П. Войтала за возможность изучения коллекций ископаемых млекопитающих и помощь в работе.

Список литературы

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К.** Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения – М.: ГЕОС, 2001. – С. 315–327.
- Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е.** Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири / Труды ЗИН АН СССР. – 1977. – Т. 72. – С. 77–110.
- Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 41–53.
- Ковальский В.В.** Геохимическая экология. – М.: Наука, 1974. – 299 с.
- Кузьмина И.Е., Праслов Н.Д.** Аномалии в строении зубов и костей конечностей мамонтов из позднпалеолитической стоянки Костенки-1 // Труды ЗИН РАН. – 1992. – Т. 246. – С. 68–71.

Лещинский С.В. Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 33–40.

Лещинский С.В., Бурканова Е.М. Динамика размера мамонтов в сартанское время на юге Западно-Сибирской равнины и ее палеоэкологическое обоснование // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы Междунар. конф. – Ростов-на-Дону: ООО “ЦВВР”, 2005. – С. 54–56.

Лещинский С.В., Бурканова Е.М., Орлова Л.А. Кочегур – новое мамонтовое местонахождение – зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестн. Том. гос. ун-та – 2003. – Прил. № 3 (II), апрель – С. 126–128.

Лещинский С.В., Машенко Е.Н., Пономарева Е.А., Орлова Л.А., Бурканова Е.М., Коновалова В.А., Тетерина И.И., Гевля К.М. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002-2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 54–69.

Лукина Н.В. Четвертичные движения юго-восточной части Западно-Сибирской плиты // Четвертичная геология и палеогеография России – М.: ГЕОС, 1997. – С. 110–115.

Машенко Е.Н. Структура стада мамонтов из Севского позднплейстоценового местонахождения (Брянская область) // Труды ЗИН РАН. – 1992. – Т. 246. – С. 41–59.

Перельман А.И. Геохимия ландшафта. – М.: Высш. шк., 1975. – 342 с.

Трифонов В.Г. Неотектоника Евразии // Труды ГИН РАН. – Вып. 514. – М.: Научный мир, 1999. – 252 с.

Уфимцев Г.Ф. Тектонический анализ рельефа (на примере Востока СССР). – Новосибирск: Наука, 1984. – 183 с.

Вас-Moszaszwili M. Diversity of Neogene and Quaternary tectonic movements in the Tatra Mountains // Folia Quaternaria. – 1995. – № 66. – P. 131–144.

Korin S.S. Miocene salt-bearing Vorotyshcha Beds in the Starunia area, fore-Carpathian region, Ukraine // Polish and Ukrainian geological studies (2004-2005) at Starunia – the area of discoveries of woolly rhinoceroses. – Warszawa-Krakow, 2005. – P. 79–86.

Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: “mineral oases” in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man’s activity // The World of Elephants: Proceeding of the 1st Intern. Congr., Rome, October 16-20, 2001. – Rome, 2001. – P. 293–298.

Zuchiewicz W. Selected aspects of neotectonics of the Polish Carpathians // Folia Quaternaria. – 1995. – № 66. – P. 145–204.

Wojtal P. The woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) remains from the Upper Palaeolithic site Krakow Spadzista Street (B) // The World of Elephants: Proceeding of the 1st Intern. Congr., Rome, October 16-20, 2001. – Rome, 2001. – P. 367–372.

Н.В. Мартынович*Красноярский Краеведческий музей, Красноярск***Н.Д. Оводов***Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири, Красноярск*

ПОЗДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ПТИЦЫ ИЗ ПЕЩЕРНЫХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ. ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Исследование ископаемых птиц четвертичного периода относится к разряду традиционных классических работ. Их роль очень существенна для исследования эволюционного процесса, изучения формирования ареалов современных видов птиц и познания истории авифаун. Материалы по четвертичным птицам могут представить существенные данные для понимания палеоландшафтов, палеоклимата и палеоэкологической обстановки в целом. Без данных по палеоавифаунам четвертичные комплексы выглядят заметно обедненными и односторонними.

Изучение ископаемых птиц в пещерах Сибири имеет давнюю историю – со времен знаменитых академических экспедиций 1733-1743 годов с участием ученых-энциклопедистов такого масштаба, как П.С. Паллас, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, и начинается она на берегах Енисея сборами фоссильных остатков птиц, которые провел член экспедиции Мессершмидта Ф.И. Страленберг.

В ходе многолетних полевых сборов и продолжительного камерального изучения нами получены представительные палеонтологические материалы (более 88 тыс. костных остатков) по 199 видам птиц плейстоценового и голоценового возраста Южной Сибири [Мартынович, 2004]. Данное исследование – пример первого многолетнего изучения позднечетвертичной авифауны большого региона России, в котором ведутся многолетние работы по культурам древнего человека и фаунам четвертичных млекопитающих.

Значительная часть субфоссильной и фоссильной коллекции пополнялась в ходе комплексных работ по изучению археологических стоянок Алтая и Приенисейской Сибири. Таким образом, в раздел «палеоэкология человека и палеоландшафты Южной Сибири» была добавлена давно ожидаемая орнитологическая составляющая.

Материалы проистекают главным образом из пещерных местонахождений Северо-Западного Алтая, Центрального Алтая, Кузнецкого Алатау, долины Енисея под Красноярском и бассейна среднего течения Ангары.

Для Северо-Западного Алтая это следующие пещерные памятники: Страшная, Логово Гиены, Трех филинят, Малютка, Окладникова, Денисова, Разбойничья, Каминная – 8 местонахождений с суммарной коллекцией в 14073 костных фрагмента, из которых 6851 (почти 49%) – плейстоценового возраста.

Для Центрального Алтая – пещера Усть-Канская, Бийка, Малояломанская и филиновы ниши у Малояломанской пещеры (всего 671 фрагмент, соответственно 72 % – плейстоценовые материалы).

Для отрогов Кузнецкого Алатау (Горная Шория) голоценовые материалы из пещер Кашкадак, Усть-Кашкадак и филиновых ниш у станции Балыксу – 497 фрагмент.

Для восточных отрогов Кузнецкого Алатау – гроты Тохзасский, Проскуракова, филиновы ниши по правому берегу р. Белый Июс и т.д. – всего 2390 костей из 10 местонахождений (572 – 24% – из плейстоценовых горизонтов); хребет Арга (голоценовые материалы из Айдашинской пещеры) – 354 фрагмента.

Для Енисейской Сибири (предгорья Восточного Саяна) собраны и определены: на правом берегу Енисея – материалы из палеолитических стоянок Лиственка, Большая Слизнева, голоценовых пещерных местонахождений (район известного заповедника Столбы) – 9 местонахождений с коллекцией в 349 фрагментов, на левом берегу – материалы из палеолитической стоянки Каштанка, карстовых местонахождений – пещеры Тугаринова, Еленева, Совиный навес, Караулинские пещеры и т.д. – всего из 15 местонахождений с суммарной коллекцией в 70250 фрагментов. Плейстоценовые кости птиц составили 39307 единиц (почти 56%).

Для бассейна Ангары определены материалы из открытого местонахождения Каменка, грота Подкидыш и пещеры Графской, а также Нижнереченского костяного клада. Определена суммарная коллекция в 123 фрагмента.

Карстовые полости, несомненно, более сложны в тафономическом отношении, чем местонахождения открытого типа, поскольку накопление костного материала происходит здесь различными путями. Наиболее вероятные – естественная гибель троглофилов и петрофильных видов, занос пернатыми и четвероногими хищниками, и, наконец, охотничья активность человека. Эта картина осложняется еще и собственными седиментационными процессами в пещере. Впервые для местонахождений Алтая (грот Трех Филинят), среднего Енисея (пещера Тоннельная, пещера Еленева), Восточной Сибири (стоянка Большой Якорь) проанализирована орнитологическая составляющая разных по генезису тафоценозов (материалы из «филиновых ниш», гротов, стоянок открытого типа) с применением современных методик количественного анализа (работы Морер-Шавире, Эриксона, Бохеньского).

Нами показано, что для коллекций из «филиновых ниш» характерен большой спектр видов при специализации в добывании животных среднего размера и доминировании млекопитающих. Изученные материалы позволяют сделать заключение об особенностях формирования карстовых тафоценозов. В пещерных местонахождениях простого строения типа гротов, ниш, галерей видовое разнообразие ископаемых птиц, как правило, выше, что обусловлено главным образом пищевой активностью дневных хищников и сов. Сибирскими материалами подкрепляется целесообразность изучения костного содержимого «филиновых ниш» для изучения особенностей региональной палеоэкологии и палеофаунистики. Этому способствует сравнительная легкость обнаружения ниш, концентрация и сохранность костного материала, его обилие для достоверности статистических расчетов, видовое разнообразие тафоценозов.

В ископаемом состоянии обнаружены 199 видов 34 семейств птиц Южной Сибири. Для плейстоцена Алтая обнаружены такие характерные виды, как горный гусь, алтайский улар, кеклик, мохноногий курганник, саджа, домовый сыч, удод, не найденные среди материалов из памятников долины Енисея. С другой стороны, в енисейских местонахождениях выявлено относительно больше таежных видов (представителей семейств тетеревиных, дятловых, вьюрковых). Влияние крупной реки определило здесь накопление большого количества косточек представителей гагар, поганковых и, в особенности, утиных. Кречет, степная пустельга, алтайский улар, белая и тундрная куропатки, домовый сыч, белая сова, камышница, саджа найдены в ископаемом состоянии вне современных ареалов.

Основу пещерных тафономических комплексов составили несколько видов птиц. На Алтае это пустельга, тетерев, коростель, сизый голубь, галка. На Енисее, в предгорьях Восточного Саяна, – пустельга, тетерев, белополярный стриж, ласточки, галка. В позднплейстоценовых и раннеголоценовых отложениях закономерно присутствие белых куропаток (*Lagopus* sp.), которые доминировали в сартанских отложениях, как на Алтае, так и в долине Енисея.

На представительной коллекции (почти 90 костных фрагментов) из плейстоценовых отложений пещеры Еленева выявлен новый подвид обыкновенной сороки (*Pica pica* sbsp. nov.), отличающийся от известных форм главным образом более крупными размерами.

Наиболее древние палеонтологические материалы происходят из Алтайских пещер. Самые ранние из них – это птицы из нижних горизонтов отложений пещер Усть-Канской, Денисовой и Окладникова. Возраст их, определенный разными методами, оценивается как среднеплейстоценовый. Для отложений пещер Денисовой и Окладникова это подтверждается радиометрическим датированием; для Усть-Канской – по типологии палеолитических орудий, а также зубного аппарата микротин.

Практически все обнаруженные нами в ископаемом состоянии в Южной Сибири виды птиц обитают или встречаются здесь и в настоящее время. Отмечено существование в прошлом некоторых видов птиц за границами ныне существующих ареалов (кречет, степная пустельга, белые куропатки, алтайский улар, камышница, саджа, белая сова, домовый сыч). Для белых куропаток, улара и саджи это, несомненно, связано с существованием в позднем плейстоцене обширных аридных степных или тундро-степных пространств, занятых позднее лесами.

Облик авикомплексов среднего и позднего голоцена Южной Сибири – лесостепной, с включением интразональных представителей водоплавающих и околоводных птиц, и элементов темнохвойной тайги. Позднплейстоценовые горизонты имеют «тундровый» облик за счет присутствия белых куропаток. Однако картина эта за счет эффекта гор, «ландшафтной мозаичности» никогда не бывает «чистой». Характерно включение таежных форм (глухаря, сов, дятлов) в авифауну юга Средней Сибири, а горно-степных элементов (сибирский горный вьюрок, клушица) – в авифауну Алтая. Схожая палеоландшафтная картина реконструируется по результатам микротериологического изучения, основанного на материалах опорных местонахождений Алтая и Приенисейской Сибири (работы Н.Г. Ивлевой, А.К. Агаджаняна, Т.А. Дупал, А.А. Позднякова, Н.Г. Сердюк, О.В. Андренко).

Плейстоценовые уровни пещерных памятников Южной Сибири по составу авифауны выглядят уравновешенными и не демонстрируют изменения экологических характеристик от слоя к слою. Отмечена индивидуальность местонахождений. Например, облик плейстоценовой авифауны в Разбойничьей пещере определяет сибирский горный вьюрок; в Усть-Канской – разнообразие куликов и водоплавающих; в Тоннельной – многочисленные белые куропатки; и т.д. Очевидно, определяющее влияние на формирование видового состава оказывают локальные условия формирования пещерных тафоценозов. Таким образом, изучение последующего памятника не является повторением пройденного, а создает более полную картину исторической динамики региональных авифаун.

Достаточно наглядная картина смены облика ископаемой авифауны получена для позднеплейстоцен-голоценовых слоев пещеры Еленева на Енисее под Красноярском. Выявлен позднеплейстоцен-раннеголоценовый комплекс птиц с доминированием тундрной и белой куропаток и полновесным включением таежных элементов (рябчика, глухаря, мохноногого сыча, ястребиной совы, чижа, щура, клеста, кукши). В среднеголоценовых слоях отмечено появление птиц открытых, остепненных пространств и многочисленные водоплавающие (вместе с обильной ихтиофауной), привнесенные человеком неолита. Авифауна позднеголоценовых отложений характеризуются современным лесостепным обликом.

В целом по данной тематике опубликовано более 30 печатных работ, защищена диссертационная работа и подготовлена монография.

Перспективы дальнейшего изучения палеоавифауны Южной Сибири связываются с глубоким морфологическим и морфометрическим изучением уже имеющейся палеонтологической коллекции, уточнением и дополнением выявленного видового списка, прежде всего – мелких воробьиных птиц (что напрямую связано с пополнением сравнительной остеологической коллекции по этой сложной для диагноза группе), анализом тафономических особенностей каждого местонахождения.

Список литературы

Мартьянович Н.В. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений (Алтае–Саянская горная страна): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Москва, 2004. – 24 с.

Н.Д. Оводов*Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири, Красноярск***Н.В. Мартынович***Красноярский Краеведческий музей, Красноярск*

ПЕЩЕРЫ, ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЕ

Возникшая в конце 1950-х годов очередная волна интереса к изучению карстовых полостей Сибири захватила в первую очередь спортивную молодежь разных городов из числа студентов и рабочих. По их следам вскоре направили свои усилия геологи-карстоведы, которых в первую очередь интересовали вопросы формирования крупных полостей и в минимальной степени содержимое грунтов в гротах и входных частях горизонтальных пещер. Лишь через два десятилетия «пещерным вирусом» начали «заражаться» представители гуманитарной науки, чему ярким примером стали некоторые сотрудники Института Археологии и Этнографии СО РАН. Началось детальное стационарное изучение приметной Денисовой пещеры, расположенной в долине реки Ануй. В целом за сравнительно короткий срок на Алтае с разной степенью полноты были исследованы наиболее научно-значимые пещеры, такие как Страшная, Логово Гиены, и позже Каминная, Разбойничья, Денисова, Малояломанская, имени Окладникова, Искринская, Усть-Канская. В перспективе, на суммарной площади карстопоявления Алтайской спелеологической области, составившей примерно 9,2 тыс. кв. км, вырисовывалась картина долговременной палеоэкологической работы на древних памятниках одного из интереснейших участков Северной Азии.

В западных отрогах Кузнецкого Алатау на площади 11,2 тыс. кв. км растворимых пород среди обследованных пещерных объектов два десятка содержали в основном палеофаунистический материал и, в меньшей степени, археологические находки. Наиболее интересными оказались гроты Двуглазка и Проскуракова. В долине Белого Июса есть особо перспективный с археолого-палеоэкологической позиции Тохзасский грот.

Восточно-Саянская карстово-спелеологическая область, обладающая площадью известняков около 14 тыс. кв. км, существенно беднее Алтайской (на уровне современных исследований) пещерными убежищами, пригодными для обитания древнего человека; либо удобных, но лишенных рыхлых консервирующих осадков. Среди обилия костеносных полостей выделяется с археолого-антропологической и палеофаунистической позиций пещера Еленева, расположенная на берегу Енисея в 20 км от Красноярска. В 7,5 – метровой толще рыхлых стратифицированных отложений этого памятника (низы разреза археологически немые) запечатлена последовательность голоценовых палеофаунистических и культурных слоев в пределах от 13600 до 1050 лет (49 радиоуглеродных дат, выполненных Л.А. Орловой в геохронологической лаборатории Института Геологии (Новосибирск)).

В Южном Приморье с позиции обитаемости человеком приметны две полости: 1) в долине р. Сучан довольно комфортная для времени позднего палеолита пещера имени Географического общества (А.П. Окладников и Н.К. Верещагин) с отмеченным в ней кратковременным пребыванием человека и 2) пещера Чёртовы Ворота в долине р. Кривой с остатками сгоревшего неолитического жилища, внутри которого наряду с большим количеством археологических предметов найдены скелетные остатки пяти людей (В.А. Татарников).

Справедливо мнение, что для комплексного изучения пещер необходимейшим является анализ палеофаунистических материалов. Для полной достоверности определений костных остатков млекопитающих и птиц нами была собрана единственная пока в Сибири сравнительная остеологическая коллекция, охватывающая 54 вида млекопитающих и 150 видов птиц.

Изучение пещерных тафоценозов естественно предполагает учёт особенностей поведения млекопитающих не только крупного и среднего размера, но и таких троглофилов, как летучие мыши. Одному из авторов с 1960 года довелось в пещерах Алтая, Красноярского региона, Иркутской области и Хакасии окольцевать 3,5 тысячи зверьков. Работа эта (в общей сложности 147 выходов), проводимая по большей части в зимнее вре-

мя, способствовала актуалистическому пониманию отношения древнего человека к пещерам, как убежищам [Оводов, 1976].

Отсутствие, или малое количество костей летучих мышей в культурном слое пещеры может свидетельствовать о «возросшем факторе беспокойства со стороны человека» (А.К. Агаджанян, В.В. Росина). Есть наблюдения, расширяющие эти представления. На примере часто посещаемых в течение трех десятилетий некоторых сибирских пещер (Археологическая, Казыреевская 2 и другие), отмечаются ежегодно довольно многочисленные колонии летучих мышей.

Чего достиг по современным представлениям сибирский палеолитический человек на этапе 20–30 тысяч лет назад от нашего времени? Как особая часть биоты он прекрасно знал повадки животных, от которых в первую очередь зависело качество его выживания; умел изготавливать орудия для охоты и разделки добычи. Владел огнём. Освоил выделку шкур и пошив одежды, обуви, кожаных сумок. Мог с ритуальными целями посещать погруженные в полный мрак участки пещер. И, наконец, при необходимости строил искусственные жилища с очагами.

Пещера имени Окладникова, как наиболее полно изученный археологический памятник [Деревянко, Маркин, 1992], заслуживает особого внимания в плане обитаемости её человеком. Это скальное подземелье, расположено в борту р. Сибирячихи, притока Ануя. Общая протяженность кольцевой структуры полости около 45 м. Наиболее комфортна для обитания человека открытая к югу входная часть – достаточно высокий навес, площадью 25 кв. м. Этот самый информативный в плейстоценовом отношении участок пещеры, был, к сожалению, раскопан «на выхлоп», в промыв через 5-миллиметровое сито. Продолжение пещеры идеально, скорее, для обитания гиен, но не группы людей. Изначально выстроенная неверная позиция, что найденные плейстоценовые остатки травоядных млекопитающих – суть следствие охотничьей деятельности человека, позже принесла неудовлетворительный результат [Цинерт, 2000]. С помощью планиграфического анализа автор попыталась обнаружить в пещерном узком пространстве места разделки и хранения мяса. Обработка шкур проходила, по мнению автора, там же, где и разделявали мясо. Не ясно, зачем в летнее время мездрить и пикелевать шкуры надо было под сводом тесного и тёмного помещения, а не на берегу реки. Спали обитатели пещеры по предположению автора под навесом, в месте «полностью лишенном находок» (20 человек на 25 кв. м!). Кроме мяса пищей людям служили рыба и желуди дуба (странный вывод, поскольку пыльцы *Quercus* sp. в палиноспектрах не обнаружено, – Е.В. Жадина, В.С. Волкова). В круг планиграфического анализа И.И. Цинерт не вошло обсуждение причины появления в культурных слоях пещеры человеческих остатков (4 зуба под навесом и 1 в первой галерее, – по Е.Г. Шпаковой; на самом деле человеческих зубов и частей посткраниума в пещере было значительно больше). По содержанию и направленности статьи И.И. Цинерт их правильно было бы охарактеризовать как результат каннибализма.

По части антропологических остатков, и о наличии большого количества орудий труда («более 30%» от общего числа находок) в пещере Окладникова правильной предположить, что гиены умерщвляли и затаскивали под своды одиночных людей, в том числе переносивших в сумках скребла и другие каменные орудиями (не в руках же их носили).

Проблемы генезиса тафоценозов пещер и, в частности, имени Окладникова с позиции палеофаунистики, рассмотрены нами ранее [Оводов, 1987; Оводов, Мартынович, 2005б].

Немаловажный вопрос о сезонности заселения пещер обычно в публикациях оговаривается вскользь. Мнение ряда специалистов по древней истории человека звучит порой однозначно: человек заселял пещеры, спасаясь от холода, то есть в зимнее время. Такое представление высказывали В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский, П.И. Борисковский, О.Н. Бадер, И.Г. Шовкопляс, А.Н. Рогачёв, С.А. Семёнов, Д.Г. Кларк, В.И. Громов, Г.Ф. Осборн, М.М. Герасимов, М.Ф. Нестурх. В своё время А.А. Величко и М.Д. Гвоздовер (1969) объяснили, что отсутствие пещер в центральной части Русской равнины побудило палеолитические племена к строительству долговременных жилищ.

Если подходить к вопросу реально, картина вырисовывается более сложной и противоположной иной. В зоне умеренного климата трудно себе представить постоянный зимний бивуак во входной части пещеры, где практически невозможно пламенем костра согреть при температуре минус 35–40 градусов стены и свод. Не исключено строительство во входном просторном гроте жилища типа чадыра, или чума, как было в пещере Чёртовы Ворота на Дальнем Востоке. Однако можно представить, что за 5–10 лет обитатели такого убежища сумеют утилизировать в окрестностях пещеры весь доступный древесный сухостой. Для небольшой группы людей разумнее было (что вполне соотносится с интеллектом позднелитического человека) подыскать по осени на северном облесенном склоне подходящее для жилища место и соорудить его, заготовив впрок сухостой на дрова и шкуры зверей на покрытие остова. С приходом весны такая группа могла переселяться в пещеру, или под открытое небо на берегу водоема.

Несмотря на то, что мы имеем факты (настенные росписи, ритуальные захоронения краниальных частей животных) проникновения древнего человека в дальние, тёмные отделы пещер, остаётся пока не доказанным длительное использование их в качестве удобного зимнего убежища с постоянной положительной температурой. Наиболее яркие примеры: Малояломанская пещера на Алтае, Тохзасский грот в Хакасии.

Сложная жизнь палеолитического населения зависела не только от удачно выбранного зимовья, но и от умения противоборствовать конкурентам – крупным хищникам, в первую очередь пещерным гиенам и, в меньшей степени, львам и медведям. По всей вероятности группа вооруженных копьями людей могла успешно противостоять гиенам. Более того, похоже, что эти самоутвердившиеся от природы мясоеды сосуществовали на паритетных началах [Оводов, 1997]. Такое было вполне возможно при высокой численности копытных, отмеченной по костным остаткам не только на палеолитических стоянках, но и на пляжах искусственных водохранилищ и на бечевниках в некоторых участках проточных водоемов [Оводов, Мартынович, 2000, 2005а].

Список литературы

Величко А.А., Гвоздовер М.Д. Роль природной среды в развитии первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. Наука. 1969. С. 227–237.

Дервянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. Новосибирск. Наука. 1992. 223 с.

Оводов Н.Д. Тафономия пещер Сибири и Дальнего Востока по остаткам млекопитающих и проблема заселения пещер палеолитическим человеком // Proceedings of the 6-th International Congress of Speleology. Praha. Academia-Praha. 1976. Vol. VI. p. 47–51.

Оводов Н.Д. Ошибочная тенденция в оценке остеологического материала из палеолитических пещер // Проблемы изучения, экологии и охраны пещер. Киев. 1987. С. 144–145.

Оводов Н.Д. Пещерная гиена и палеолитический человек // Эволюция жизни на Земле. Материалы 1-го Международного симпозиума 24–28 ноября 1997 года. Томск. 1997. С. 125–126.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Каннибализм сибирских популяций пещерной гиены // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Материалы международной конференции. Красноярск. 2000. С. 102–104.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. «Странности» в поведении пещерных гиен (*Crocota spelaea* Goldf.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Часть I. 2005а. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН. С. 181–183.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Пещера Окладникова на Алтае. Предварительная тафономическая оценка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Часть I. 2005б. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН. С. 175–184.

Цинерт И.И. Возможности культурно-хозяйственной реконструкции жизнедеятельности древнего населения пещеры им. Окладникова по данным планиграфического анализа // Наследие древних и современных культур Северной и Центральной Азии. Том I. Новосибирск. Изд. Новосибирского университета. 2000. С. 107–108.

Л.А. Орлова, В.Н. Дементьев

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Я.В. Кузьмин

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток

МЕГАФАУНА И ЧЕЛОВЕК В ПАЛЕОЛИТЕ СИБИРИ*

В течение последних 10 лет авторы изучали взаимосвязь палеолитического человека с представителями вымершей плейстоценовой мегафауны Сибири (мамонт, шерстистый носорог, бизон, овцебык, лошадь). В качестве одного из основных методов исследования применялось серийное радиоуглеродное (^{14}C) датирование палеолитических памятников (рис. 1) и остатков мегафауны (из древних поселений и естественных местонахождений; основное внимание уделялось датированию мамонта; рис. 2). Технологии географических информационных систем (ГИС) использовались для моделирования взаимоотношений человека и мегафауны. Всего в нашем распоряжении по состоянию на начало 2006 г. находилось около 870 ^{14}C дат по остаткам мегафауны и около 440 ^{14}C дат по палеолитическим стоянкам Сибири и Дальнего Востока России [Orlova et al., 2004a; Vasil'ev et al., 2002; Kuzmin, Keates, 2005].

Моделирование ареалов популяций мамонта и других представителей плейстоценовой фауны на основе ГИС позволило сделать вывод о том, что вымирание мегафауны в конце плейстоцена – начале голоцена имело сложный характер; налицо известная «мозаичность» ареалов ряда видов, когда отдельные изолированные популяции продолжали существовать вне основного, сильно уменьшившегося к этому времени ареала (мамонт, гигантский олень) [Орлова и др., 2003; Orlova et al., 2004a; Stuart et al., 2004; Kuzmin, Orlova, 2004]. Так, некоторые популяции мамонта сохранялись во внеарктических регионах Сибири после 12000 л.н. [Орлова и др., 2003]; окончательное вымирание мамонта в пределах материковой Евразии произошло около 9700 л.н. на Таймыре (см. [Kuzmin, Orlova, 2004]). Обзор ^{14}C дат мегафауны Сибири дан в работе [Orlova et al., 2004a]. Наиболее поздние ^{14}C даты для шерстистого носорога известны в центре Западной Сибири (Луговское, 10700 л.н.). Бизон вымер на большей части Сибири около 14800–11600 л.н., и только в Арктике дожил до голоцена (около 8900 л.н. в бассейне р. Попига́й). Наиболее поздние ^{14}C даты для лошади в Сибири – около 14600–9000 л.н.; небольшие популяции появились вновь в Арктике около 4200–2200 л.н. Окончательное вымирание гигантского оленя в Евразии произошло около 7600–7000 л.н. на Урале и юге Западной Сибири [Stuart et al., 2004].

В ряде регионов Сибири, как, например, верхнее течение р. Енисей, в течение длительного времени (не менее 12000 лет) отмечается сосуществование первобытного человека и мамонта, т.е. находки костей мамонта известны в культурных слоях стоянок на протяжении значительного отрезка времени. Вероятно, мамонт не был вытеснен древним человеком из долины р. Енисей, а продолжал существовать там и после его прихода. Рассмотрение 27 позднепалеолитических стоянок в бассейне Верхнего Енисея [Kuzmin, Orlova, 2004, pp. 155–160; Orlova et al., 2004b] показало, что кости мамонта известны только на 11 стоянках, датированных 24900–12900 л.н.; на 16 памятниках с ^{14}C датами 25400–12200 л.н. остатков мамонта не обнаружено. Для всех памятников характерны находки костей северного оленя, бизона, лошади, дикой овцы, а также хищных видов млекопитающих (см. [Vasil'ev, 2003]). По-видимому, мамонт не был объектом интенсивной охоты, и люди добывали прежде всего более мелких животных.

Сопряженный анализ пространственно-временного взаимоотношения ойкумены (обитаемого пространства) палеолитического человека и ареалов мегафауны (в первую очередь, мамонта) в Сибири (рис. 1–2) показал, что приход человека на новые территории не вызывал исчезновения мамонта. Широкое расселение древнего человека в Сибири, начавшееся около 24000 л.н. по направлениям на север (Якутия, Северо-Восток

* Исследования поддержаны РФФИ (гранты №№ 06-06-80108, 03-06-80289).

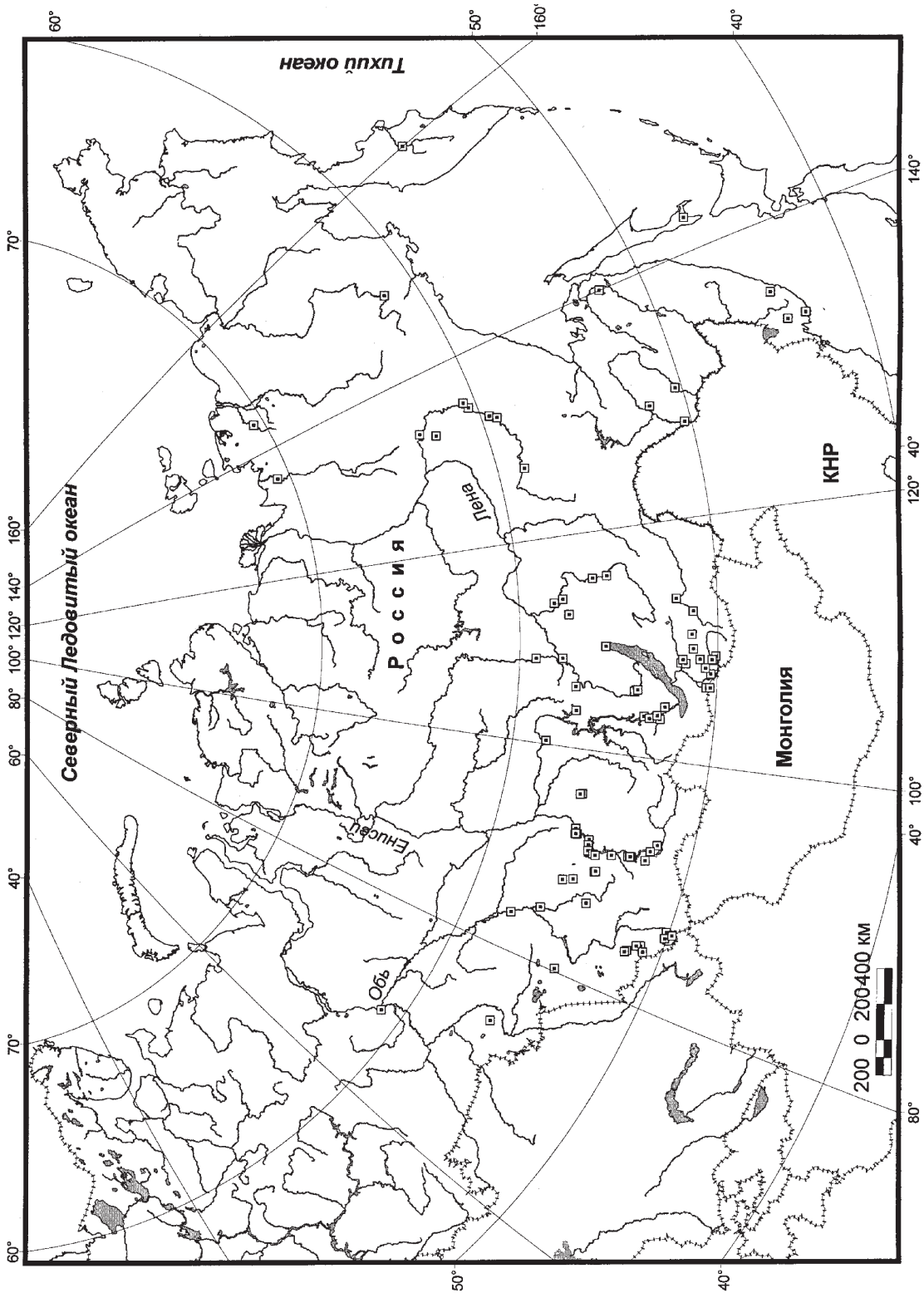

Рис. 1. Палеолитические памятники Сибири и Дальнего Востока России, имеющие ^{14}C даты (Vasil'ev et al., 2002, с дополнениями)

Сибири) и восток (Сахалин, Камчатка), не привело к сокращению популяций мамонта и другой мегафауны. Например, около 15000–13000 л.н., когда древний человек освоил практически всю территорию Евразии, на Северо-Востоке Сибири не отмечается исчезновение либо значительное сокращение популяции мамонта. Начало резкого сокращения ареала мамонта около 12000 л.н. установлено не только в пределах перво-бытной ойкумены, но и вне ее. Таким образом, охотничья деятельность в палеолите Сибири не может

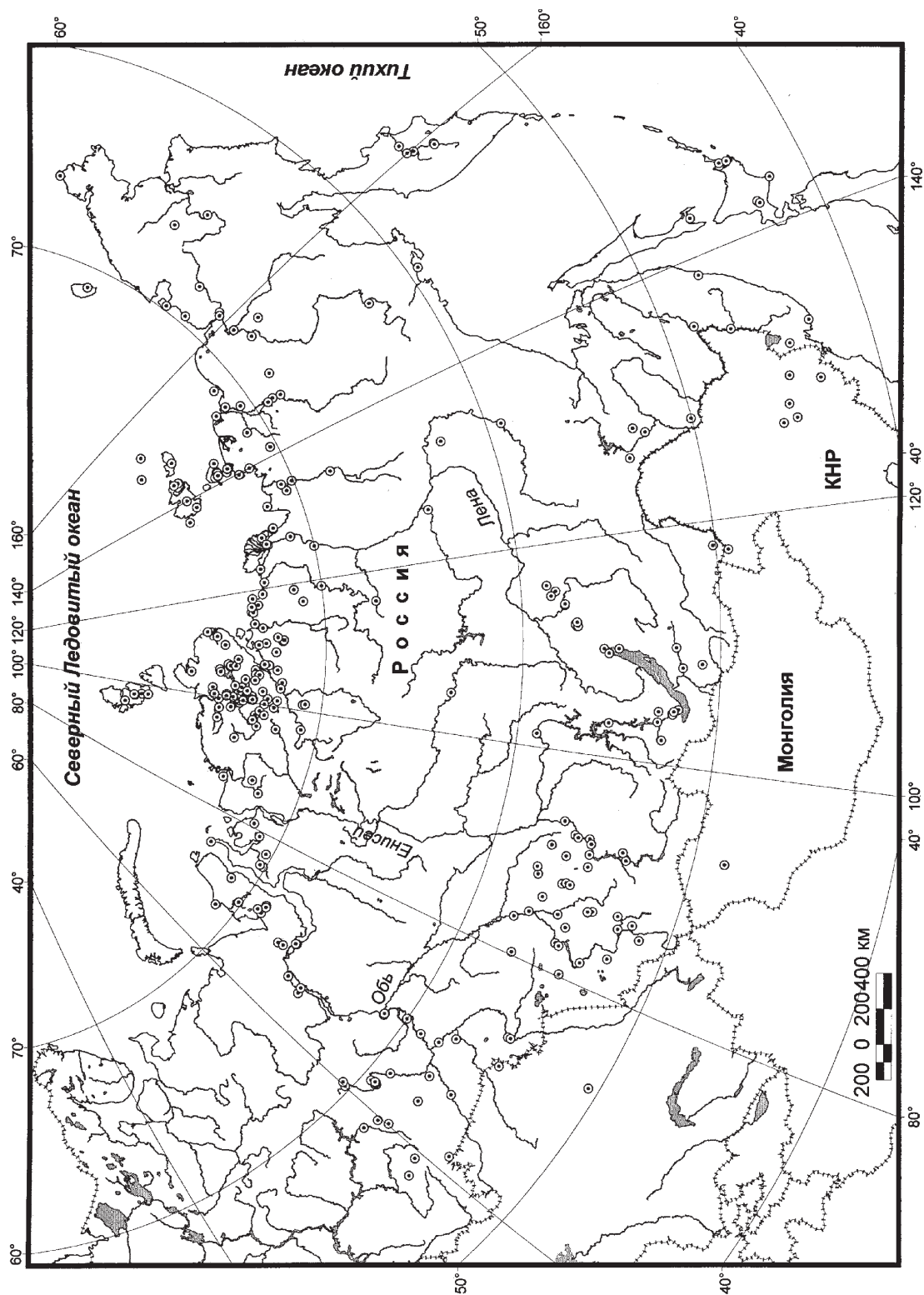

Рис. 2. Датированные по ^{14}C местонахождения мамонтов Сибири и Дальнего Востока России (Кузмин, Орлова, 2004, с дополнениями)

быть признана первостепенным фактором процесса исчезновения мамонта в позднеледниковье и раннем голоцене.

Предварительные результаты анализа серий ^{14}C дат в интервале 46000–12000 л.н., отобранных из базы данных по хронологии палеолита Сибири с целью реконструкции в первом приближении количества памятников и размера популяций человека (см. [Kuzmin, Keates, 2005]), показали, что вплоть до 36000 л.н. плотность населения в южных

регионах Сибири оставалась весьма низкой. Заметный рост населения происходил на протяжении 36000–16000 л.н. Около 16000–12000 л.н. количество людей увеличивается на порядок быстрее, чем когда-либо ранее.

Таким образом, можно предположить, что антропогенный пресс на мегафауну возрастал по мере заселения человеком Сибири, и был наибольшим после 16000 л.н. Интересно отметить, что именно к этому времени относится единственное прямое свидетельство охоты человека на мамонта в палеолите Сибири на стоянке Луговское – позвонок со следами поражения копьем, датированный около 13500 л.н. [Orlova et al., 2004c].

Список литературы

Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Зенин В. Н., Дементьев В. Н. Динамика популяций и условия существования мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) в позднеледниковье в Северной Азии, 15000–9700 радиоуглеродных лет назад // Геология и геофизика. –2003. –Т. 44. –№ 8. – С. 809–818.

Kuzmin Y. V., Keates S. G. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // *American Antiquity*. –2005. –V. 70. –№ 4. – P. 773–789.

Kuzmin Y. V., Orlova L. A. Radiocarbon chronology and environment of woolly mammoth (*Mammuthus primigenius* Blum.) in Northern Asia: results and perspectives // *Earth-Science Reviews*. –2004. –V. 68. –№ 1-2. –P. 133–169.

Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Dementiev V. N. A review of the evidence for extinction chronologies for five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia // *Radiocarbon*. –2004a. –V. 46. – № 1. –P. 301–314.

Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Dementiev V. N. Human-mammoth interaction during the Upper Palaeolithic in the Yenisei River basin (Siberia) // *Radiocarbon and Archaeology*. –Oxford: Oxford University School of Archaeology (Monographs 62), 2004b. – P. 63–71.

Orlova L. A., Zenin V. N., Stuart A. J., Higham T. F. G., Grootes P. M., Leshcinsky S. V., Kuzmin Y. V., Pavlov A. F., Maschenko E. N. Lugovskoe, Western Siberia: a possible extra-Arctic mammoth refugium at the end of the Late Glacial // *Radiocarbon*. –2004c. – V. 46. – № 2. – P. 363–368.

Stuart A. J., Kosintsev P. A., Higham T. F. G., Lister A. M. Pleistocene to Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth // *Nature*. – 2004. – V. 431. –№ 7009. – P. 684–689.

Vasil'ev S. A. Faunal exploitation, subsistence practices and Pleistocene extinctions in Palaeolithic Siberia // *Advances in mammoth research*. –Rotterdam: Museum of Natural History, 2003. – P. 513–556.

Vasil'ev S. A., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Dementiev V. N. Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*. –2002. –V. 44. – № 2. –P. 503–530.

В.В. Попов*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ НА СТРУКТУРУ ЖИЛИЩ В СРЕДНЕЙ ПОРЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА*

Жилища для человека являются «второй природой» – искусственно созданной средой обитания; формой адаптации к определенным условиям внешней среды. Вместе с тем жилые сооружения в качестве результата деятельности людей представляют собой один из первостепенных элементов материальной культуры. Одновременно они являются свидетельством социального взаимодействия людей. Важнейший компонент материальной культуры – изготовление орудий труда, их формы, номенклатура и т.д.; в археологии палеолита это основной, а зачастую единственный источник. Однако в каменных индустриях господствует ориентация на повторение некогда заданных (традиционных) форм и технологий, а также относительно медленные темпы их развития. Все это создает специфический облик каменного инвентаря и служит одним из оснований для выделения локальной археологической культуры. В отличие от орудий, жилые конструкции выражают процесс и механизм приспособления человека к данному биогеоценозу и к цикличности природных процессов, но не всегда являются культурно-определяющим признаком.

В качестве аналогии, для суждений о верхнепалеолитических жилищах, существовавших в перигляциальной зоне, следует использовать этнографические материалы о жилых постройках жителей степей умеренного пояса, лесотундры и тундры. Среда обитания оказывала влияние и на конструкцию (устройство и взаимное расположение строительных элементов) и форму. Очевидно, что при недостатке дерева формируются каркасно-столбовые устройства жилищ. По мнению А.А. Попова конструкции жилых сооружений народов Сибири обусловлены климатическими условиями и окружающей средой, снабжающей стройматериалами. При этом именно среда обитания, в условиях примитивной техники, оказывала наибольшее влияние на конструкции и формы жилищ. В большинстве случаев у населения было два жилища (и соответственно поселения): летнее и зимнее, которые значительно различались между собой по конструкции [1961]. Таким образом, исходя из этнографических материалов, можно заключить следующее. Среда обитания определяла форму, конструкцию и строительный материал жилищ. Конструкция жилища зависела и от образа жизни: более капитальные сооружения при оседлом, полuosедлом образе; разборные, переносные при кочевом. К этому, наверное, следует добавить еще одну дефиницию – для какого времени строилось жилье – «сезонность».

Экстраполируя этнографическую информацию о жилищах на исследованные остатки жилых верхнепалеолитических сооружений, можно констатировать следующее. Жилища являются источником информации для реконструкции адаптации и взаимодействия человека с природной средой; социальной организации; образе жизни (степень оседлости), а также природно-климатической обстановке, существовавшей в период сооружения жилища и возможного сопоставления с региональными хроностратиграфическими схемами.

Наиболее аргументированную классификацию остатков жилищ, исследованных в Восточной Европе, предложили А.Н. Рогачев и М.В. Аникович: анововско-мезинский; костенковско-авдеевский; александровско-пушкаревский; александровско-тельманский; анововско-гмелинский [1984, с. 189]. В отличие от других, трансцендентальных по сути, классификаций, А.Н. Рогачев основывался на конкретных археологических материалах, в том числе и жилищах исследованных им в Костенках. Все памятники, на которых исследованы, перечисленные типы жилищ в Костенках, относятся к III хронологической группе. Они залегают в отложениях покровных суглинков делювиального шлейфа I и II надпойменных террас Дона и балок (над гумусированными толщами). Хронологические границы этих памятников 27–25 – 20–19 т.л.н. (начало позднего валдая – до его

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 05–06–80493

максимума). В данной толще суглинка, на ряде стоянок (Костенки 1, 8, 11, 12, 14, 17, Борщево 5) фиксируются горизонты погребенных почв – гмелинская. На стоянке эпониме Костенки 21 (Гмелинская) в ней залегал третий культурный слой. Образование почвы произошло в фазе короткого потепления периода прогрессирующего максимального похолодания. От него в культурном слое остались следы в виде эпигенетических мозолистых трещин. Возраст почвы 21 – 22 т.л. По данным последних, наиболее полных, палинологических исследований по разрезу Костенок 14 период формирования верхней гумусированной толщи происходило похолодание и увеличение влажности климата. В средней части слоев суглинков делювиальных, залегающих над гумусом, находилась гмелинская почва, в которой залегали культурные остатки I культурного слоя костенковско-авдеевской археологической культуры. В спорово-пыльцевом комплексе для этих слоев фиксируется дальнейшее увеличение влажности, что привело к увеличению делювиального процесса. Период формирования гмелинской почвы соответствует оптимуму межстадиала. В вышележащих слоях разреза (от гмелинской почвы до основания современного чернозема), климат был наиболее холодный и влажный, соответствующей максимальной фазе поздневалдайского оледенения. Именно тогда четко проявилась вечная мерзлота [Спирidonова, 2002]. Таким образом, время существования памятников III хронологической группы относится к периоду прогрессирующего похолодания и увеличения влажности, с фазой короткого потепления (гмелинская почва), до максимума гляциала, с вечной мерзлотой.

Согласно хроностратиграфической схеме Ф. Джинджана, разработанной по материалам Западной Европы, природные изменения в период 45 – 11 т.л.н. разделены на 6 периодов [2002]. В данном случае для нас представляет интерес «древний верхний пленигляциал» (28,0 – 22,0 т.л.н.) и максимум гляциала (22,0 – 16,5 т.л.н.). В этих периодах выделены фазы потеплений «тюрасак» (25,0 – 24,0 т.л.н.), «ложери» (20,0 – 19,0 т.л.н.), «ляско» (18,0 – 17,0 т.л.н.). В данной схеме принимается во внимание большое количество дат памятников Европы. Костенковские радиоуглеродные даты, за исключением заведомо омоложенных или удревненных, находятся в диапазоне от 19 до 24 тыс. лет.

Возникает вопрос, во время какого периода или фазы существовали памятники III хронологической группы и были построены жилища. Только остатки гмелинских жилищ имеют четкую стратиграфическую позицию. Однако «гмелинская фаза» моложе фазы «тюрасак» и древнее «ложери». Очевидно, данную хронологическую проблему следует решать археологическими методами [Аникович, 1993].

На стоянке Костенки 11 непосредственно под вторым слоем, на 40–60 см глубже, т.е. под гмелинской почвой, залегает третий культурный слой, одно культурный с Костенками 8/I – аносовско-тельманская культура. Вероятно, она генетически связана со стрелецкой культурой. Предполагая, что интервал между временем существования стоянок одной культуры должен быть минимальным, следует считать жилище-полуземлянку Костенок 8 самым ранним, построенным еще до фазы гмелинского потепления. Во время этой фазы, практически синхронными, могут быть поселения гмелинско-аносовской АК. Хронологический промежуток, между верхним и нижним культурными слоями Костенок 4, относительно небольшой. Каменная индустрия нижнего слоя считается граветоидной. Индустрия верхнего слоя ориньякоидная, но в нем есть мергелевые фигурки мамонтов, аналогичные найденным на Костенках 1/I и 11/II. По мнению М.В. Аниковича, именно они являются тонким индикатором, определяющим синхронность с этими памятниками [1994]. Остатки костно-земляного жилища Костенок 11, залегающие на 40 см выше остатков жилища аносовско-гмелинского типа, являются самыми молодыми. Соответственно время существования поселений замятнинской культуры приходится уже на время похолодания, следующего за фазой потепления. Данные памятники, вместе с рядом других, являются самыми молодыми в Костенках, существовавшими в начальный период валдайского гляциала. Вероятно, после Костенки уже не заселялись. Логичным может быть предположение, что гмелинская почва образовалась в фазе «ложери». Однако следует учитывать омоложение радиоуглеродных дат, т.е. реальный возраст вышеназванных памятников может быть более древним. Данное предположение автоматически увеличивает возраст памятников III хронологической группы. Возможно также, что выделенные на разных памятниках горизонты почвообразований являются разновременными.

Итак, хронологическая последовательность памятников с остатками жилищ представляется следующей.

1. Костенки 8. Большая полуземлянка, окруженная земляным валом, полуподземным входом и мощным очагом в центре. Основой конструкции является углубленность в землю, что позволяло в максимальной степени оградить обитателей от холода и сохранить тепло внутри. Жилище построено еще до фазы потепления, но тогда еще не было вечной мерзлоты.
2. Костенки 4/II и 11/II. Наземные жилища каркасно-столбовой конструкции, в которой, при всех различии оснований, крыши являлись и стенами. Вероятно, остов покрывался шкурами, но возможно, какими-либо растительными материалами. Жилые конструкции Костенок 21/III были еще более легковесными сооружениями. Костенки 4/I. Округлой формы сооружения, с углубленным полом. Подобные конструкции, также каркасные, характерны для регионов с постоянными ветрами. Костенки 1/I. Жилые ком-

плексы сложной конструкции. Возможно, существовали также в теплой фазе. Характерным отличием от всех вышеперечисленных является использование, в качестве строительного материала, костей мамонта. Можно предположить, что в это время уже образовались «мамонтовые кладбища» и человек использовал возможность получения «дармового материала». 3. Костенки 2 и 11/а. Жилища с капитальным основанием, сооруженным из земли большого количества костей мамонта. Сооружено в период похолодания.

Список литературы

Аникович М.В. О значении Костенковско–Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник – СПб.: «Фарн», 1993. – С. 3–19.

Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 131–223.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271.

Спиридонова Е.А. Палинологическое обследование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костенки 14 (Маркина гора) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. – Вып. 1: Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы – СПб.: Академ-Принт, 2002. – С. 237–246.

Djindjian F. Peuplements & adaptations au paleolithique superieur en Europe Occidentale // Верхний палеолит – верхний плестцен: динамика природных событий и периодизация археологических. – СПб.: Академ-Принт, 2002. – С. 20–26.

И.И. Разгильдеева, С.А. Решетова

*Забайкальский государственный педагогический университет
Институт природных ресурсов экологии и криологии СО РАН, Чита*

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И АДАПТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЁНОГО-2*

Многолетние исследования береговых памятников Западного Забайкалья неоплейстоцен-голоценового возраста показали устойчивость на протяжении тысячелетий традиций организации древних поселений, что в определенной степени, предполагает с одной стороны консервативный, а с другой – практически обоснованный характер социо-культурной адаптации.

Направления культурно – хозяйственной деятельности, предполагающие существование в позднем палеолите кратковременных охотничьих лагерей для небольших подвижных групп, обитающих в легких жилищах типа чума, определяются рядом признаков. Ведущую роль в выборе определенной модели жизнеобеспечения и поселенческой стратегии играла окружающая среда. При этом локальная палеоэкология определяла специфику места поселения и прилегающих, часто посещаемых территорий. Привлекательность последних оценивалась богатством ресурсов, объемом охотничьих угодий и удобством организации жилого пространства, доступностью, качеством и количеством био- и сырьевой базы.

В настоящее время в археологии особое внимание уделяется проблемам реконструкции палеоклиматов, определяющих адаптивные стратегии древнего человека. Уникальную возможность детального сравнительного анализа в данной области представляют многослойные поселения Западного Забайкалья.

В рамках решения проблемы анализа изменения природных обстановок и палеоклиматов в позднем неоплейстоцене-голоцене Забайкалья в 2004–2005 гг. проводились комплексные исследования геоархеологического объекта Студёное-2 (Читинская обл., Красночикойский район, 50°03'31" с.ш., 108°15'16" в.д.). Целью работ было изучение палеоландшафтных характеристик, их влияние на специфику структурной и планиграфической организации жилищных комплексов.

Урочище Студёное можно с определенной долей уверенности относить к территории стабильного и/или частого посещения. Человек селился здесь многократно, что подтверждается многослойностью памятников (Студёное-1 – 38 к/г, Студёное-2 – 15 к/г) включающих представительную серию жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК). Поселение Студёное-2 связано с отложениями II правобережной надпойменной террасы р. Чикой, в устье руч. Студёного. Высота террасы 9 м. В настоящее время поселение изучено на площади 817 кв.м. [Константинов и др., 2003].

В палеолитических горизонтах Студёного-2 представлены простые (одноочажные жилища в к/г 3, 8; хозяйственные площадки в к/г 4/1, 4/2 и 4/3) и разнообразные по структуре сложносоставные комплексы (к/г 4/4, 4/5, 5, 6).

Каменный и костяной инвентарь включает характерный для охотничьих стоянок набор орудий: скребки, скребла, проколки, резцы, долотовидные орудия, фрагменты костяных игл и шил, отбойники и ретушеры. Функциональную специализацию каменного инвентаря подтверждает и трасологический анализ (Е.Ю. Гирия, П.В. Волков), который позволил выделить орудия со следами работы по рогу-кости (резцы и резчики), скобления и резания шкур (скребки, скобель), ножи по мясу-мокрой шкуре, ножи по дереву. Большинство орудий крепилось в рукоятках (роговой или деревянной с вероятной прокладкой в креплении мягкого материала), орудия долго находились в работе и неоднократно переоформлялись.

О развитой технике обработки камня свидетельствуют клиновидные микронуклеусы и многочисленные продукты дебитажа, чаще – результат переоформления и утилизации изделий. Первичное расщепление носило

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 05-06-97200 и Единого заказа-наряда МО № 01.0002,00.

второстепенный характер и выполнялось, видимо, в случае крайней необходимости. Весь основной орудийный набор изготовлен из приносного яшмоидного сырья, исключение составляют скребла и чопперы, которые изготавливались из местных материалов.

Удобство места идентично оценивалось людьми через большой промежуток времени. Ландшафтные характеристики (определяющие розу ветров, перепады суточных температур, степень освещенности) и богатство природно-сырьевой базы в значительной степени предопределяли варианты моделей природопользования, их хозяйственно-экономическую ориентацию. Характер жизнедеятельности реконструируется по эко- и артефактам, тяготеющим к участкам хозяйственной и жилой направленности. Среди структурных элементов поселений выделяются жилища, углисто-золистые пятна, кострища, очаги с каменными обкладками, группы камней, отдельные валуны и скальные обломки, формирующие внешние и внутренние обкладки.

ЖХК представляют собой локализованные в слое линзы культурных остатков, имеющие четкие границы. Чаще всего внешние обкладки из камней формируют округлые контуры оснований. Со стороны входов линии каменных обкладок образуют характерный разрыв и изгиб по направлению внутрь, в ряде случаев, придавая спиралевидную форму проекции основания. По сторонам от области входа камни обкладок уложены более плотно. Рассматривая конкретный вариант поселенческой адаптивной стратегии, была отмечена организация входов студёновских жилищ с восточной и юго-восточной стороны. Во внутреннем пространстве очаги также смещены в восточные сектора. Специфика организации пространства кратковременных лагерей находит отражение и в планиграфии культурного слоя. Территория «внешнего круга» характеризуется рассеянными единичными артефактами, чаще отходами дебитаж и мелкими осколками костей. Локализованные скопления инвентаря приурочены к внутренней площади ЖХК. Здесь зоны внутренней активности тяготеют непосредственно к очагам (нулевым периметрам) и первым – вторым периметрам южного и восточного секторов, что обусловлено расположением входов и смещением очагов в прилегающий сектор [Разгильдеева, 2003].

Другим моментом, отражающим характер использования биологических ресурсов, является специфическое распространение остеологических остатков и состав фауны. В целом, костный материал слабо представлен на кратковременных стоянках Западного Забайкалья. Его наиболее распространенной категорией являются фрагменты челюстей, мелкие осколки разбитых костей. Хорошо сохранившиеся фрагменты длинных трубчатых костей, ребра и позвонки встречаются значительно реже. Как уже отмечалось исследователями, такой набор остеологических материалов определяется не плохой сохранностью костных остатков, а особенностями культурных традиций, связанных со снабжением и обработкой ресурсов добычи [Разгильдеева, 2001; Кузнецов, 2003].

Видовой состав фауны включает благородного и северного оленя (*Cervis elaphus sp.*), лошадь (*Equus caballus*), быка или бизона (*Bos, Bison*), носорога (*Coelodonta sp.*), мелких парнокопытных – козуля, изюбрь, сайга (*Ovis, Pracapra*), архара (*Ovis ammon*), а также крупного *Bovidae*, вероятно, винторогою антилопу (определение Н.Д. Оводова).

Реконструкции аспектов жизнедеятельности древних коллективов на основе археологических материалов потребовали детализации ландшафтно-климатических данных. При изучении геоархеологического объекта Студёное-2 проводился отбор проб на палинологический анализ. Помимо вертикального отбора по стратиграфическому разрезу памятника, изучались субрецентные (поверхностные) спорово-пыльцевые спектры с территории всего полигона. В результате установлено, что современная растительность характеризуется не только близлежащими к памятнику фитоценозами. Она находит своё отражение в субрецентных спектрах на зональном уровне с доминированием лесных сообществ, учитывая и вертикальную поясность. В спектрах присутствует пыльца пихты и кедра, занимающих более высокие экспозиции. В работе приводятся данные анализа по нижней пачке отложений (инт. 4–5,7 м) II надпойменной террасы р. Чикой (16 проб), с которой связаны к/г 5-8 поселения Студёное-2. Возраст горизонтов датируется от 17 до 20,6 тыс.л.н. [Константинов и др., 2003]. В результате изучения спектров проб в непрерывном вертикальном разрезе установлено господство пыльцы травянистых растений (80- 96 %). В группе трав преобладают злаковые (*Poaceae*), осоковые (*Cyperaceae*), лютиковые (*Ranunculaceae*) при ведущей роли пыльцы сложноцветных (*Asteraceae*). Пыльца древесных и кустарниковых растений в сумме не превышает 12 %, а представителей споровых растений варьирует от 1 до 31 %. Среди древесных растений – единичные находки пыльцы берёзы (*Betula sect. Albae*), сосны обыкновенной (*Pinus silvestris L.*), лиственницы (*Larix sp.*). Кустарниковая растительность представлена ивой (*Salix sp.*), берёзой (*Betula sect. Nanae*). Среди споровых растений постоянно присутствуют споры мезозиевых мхов (*Meesia sp.*), единичные споры печёночников (*Riccia sp.*), плауновых (*Lycopodium sp.*), сфагновых (*Sphagnum sp.*), многоножковых (*Polypodiaceae*), уховниковых (*Botrychium sp.*).

В процессе изучения хозяйственных комплексов из 6-го культуросодержащего слоя дополнительно отбирались пробы на палинологию в пределах раскопа, с дублированием на разных участках ЖХК [Разгильдеева,

Решетова, Попов, 2005]. В раскопе отобраны 4 пробы, 3 из которых позволили произвести репрезентативный подсчёт спор и пыльцы. Палинологические спектры данных проб по составу близки между собой и аналогичны по таксономическому составу выше описанным спектрам из разреза. В них доминирует пыльца травянистой растительности (80–90 %) с преобладанием пыльцы семейства сложноцветных. В спектрах проб взятых внутри раскопа при изучении ЖХК присутствует пыльца сложноцветных типа *Artemisia* (полынь) уплощенного минерализованного облика. Пыльца древесно-кустарниковой группы составляет 6–12 %. Постоянно отмечаемые единичные экземпляры пыльцы сосны, берёзы, лиственницы в спектрах указывают на их участие в древнем растительном покрове территории. Сходные палинологические спектры, с доминированием из пыльцы осоковых, злаковых и сложноцветных, с единичными находками пыльцы древесных и мезозоевых мхов, были получены при картировании верхнеплейстоценовых отложений II-ой надпойменной террасы р. Чикой в 1973 г., характеризующие холодные и влажные климатические условия. (Еникеев Ф.И., Стальков В.А.). Таким образом, на основании изучения палинологических спектров нижней пачки отложений II надпойменной террасы р. Чикой (20 проб), в период с 17 до 20 тыс. л.н. реконструируются тундровые ландшафты с участками лесотундр. В тундрах – разреженная мохово-лишайниковая растительность с широким распространением многолетних холодостойких трав, таких как осока, пушица (*Cyperaceae*), лютики (*Ranunculaceae*), одуванчики (*Asteraceae*).

Изучение нами доминирующей роли древесных пород в современных ландшафтах, адекватно отражённые в субфоссильных спектрах позволяют предполагать, что доминанты группы травянистых растений и, малочисленное присутствие пыльцы древесных растений в палеоспектрах указывают на истинную структуру древних растительных сообществ.

Список литературы

1. **Еникеев Ф.И., Стальков В.В.** Гидрологические условия площади листа М-49 –XIV (окончательный отчёт о гидрологической съёмке М-ба – 1: 200000, проведённого Асаканской партией в 1970–1973 г.). – Фонды Чита геология. – Отчет № 13498.
2. **Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И.** Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. – Чита: Изд-во «Экспресс типография», 2003. – 52 с.
3. **Кузнецов О.В.** Охотники и собиратели позднего палеолита Забайкалья: этноархеологический подход. //Забайкалье в геополитике России /Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». 26 августа-1 сентября 2003 г. г. Чита. – Удан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 101–102.
4. **Разгильдеева И.И.** Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье). / Автореф. дисер...канд. истор. наук – Владивосток, 2003. – 26 с.
5. **Разгильдеева И.И.** Реконструкция традиций освоения охотничьих ресурсов древних поселений. // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: Материалы научной конференции. – Чита: Изд-во ЧИПР СО РАН, 2001. – С. 392–395.
6. **Разгильдеева И.И., Решетова С.А., Попов В.Б.** Применение палинологического и археологического анализов в исследовании древних поселений // Материалы научной конференции посвященной 110-летию открытия Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова – 9–10 октября 2005 г. в г.Чите – Чита: Изд-во ЗАБГПУ, 2005.

В.А. Раков, С.В. Горбунов

*Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН
пос. Тымовское, Сахалинская область, Тымовский краеведческий музей, Владивосток*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ САХАЛИНА В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ АЙНСКОЙ И НИВХСКОЙ КУЛЬТУР XIII-XIX ВВ.

Поселения айнов на юге Сахалина существовали, главным образом, в XIII–XIX вв. Ранее айны населяли практически все Японские острова, но в течение столетий вынуждены были отходить на север под натиском японцев, появившихся на юге архипелага в I–III тыс. до н.э. Начиная с XI в. часть айнов переселились с о. Хонсю на Хоккайдо, Сахалин, Курильские о-ва, а позднее на юг Камчатки и в низовья Амура. В Приамурье и на севере Сахалина айны встретили сопротивление со стороны нивхов (гиляков), и со временем отчасти ассимилировались с ними. В центральной части и на юге острова они сохраняли самобытную культуру вплоть до прихода русских в XVIII – начале XIX вв. В конце XIX в. айны селились на западном побережье острова к югу до мыса Марии, а на охотоморском берегу к северу от широты Александровска, а южнее находились селения айнов.

В ходе поиска и обследования археологических памятников Сахалина экспедициями, организованными Тымовским краеведческим музеем в 1998–2005 гг. обнаружены и изучены стоянки айнской культуры нейдзи XIII–XIX вв. Они расположены в Александровском (Широкая Падь), Смирныховском (Первая Речка, Богатая-1, Пильво-1,3), Углегорском (Орлово-2), Томаринском (Пензенское-1, Старомаячное-1), Долинском (Пасечная-1,3, Кирпичная-3, Бахура-1, Мануэ-2) и Невельском (Ясноморск-1,3, Невельск-2), Поронайском (Промысловое-8, Устье, Таран) районах Сахалина. Стоянки Ясноморск-3, Невельск-2 и Орлово-2 являются многослойными, в которых айнский слой находится сверху культурных отложений.

Во всех стоянках, наряду с предметами материальной культуры, часто встречались кости животных и раковины моллюсков, которые иногда формировали относительно мощный слой, характеризующийся как раковинная куча. Многочисленные сборы раковин моллюсков позволили впервые идентифицировать их до видов и подвидов, провести биогеографический анализ состава малакофауны, получить данные о размерном и возрастном составе моллюсков, что важно для реконструкций палеоэкологических условий, существовавших в XIII–XIX вв. в прибрежных районах Сахалина.

На 20 стоянках айнской культуры нейдзи собрано более 50 видов моллюсков, в том числе идентифицированы 1 панцирный, 29 двустворчатых и 20 брюхоногих. Двустворчатые моллюски более разнообразными, и на отдельных стоянках (Пасечная-3, Пильво-3) их до 12–13 видов. Такое же количество брюхоногих моллюсков отмечено только на многослойной стоянке Невельск-2. На остальных их не более 6 видов.

Из двустворчатых моллюсков часто встречались *Swiftopecten swifti*, *Spisula sachalinensis*, *Mizuhopecten yessoensis*. Из них спизула сахалинская *S.sachalinensis* найдена на стоянках побережья Японского и Охотского морей. Повсеместно собраны раковины приморского гребешка *M.yessoensis*, а гребешка Свифта *S.swifti* нет только в Невельском районе. Еще три промысловых вида (*Callista brevisiphonata*, *Megangulus zyonoensis*, *Keenocardium californiense*) встречались относительно часто. Из них каллиста *C.brevisiphonata* распространена повсеместно, мегангулюс *M.zyonoensis* не найден только на стоянках Невельского района, а сердцевидка *K.californiense* отсутствовала на северных стоянках.

Ряд двустворчатых моллюсков (*Dahurinaya laevis*, *Mya priapus*, *Mercenaria stimpsoni*, *Callithaca adamsi*, *Siliqua alta*, *Corbicula japonica*) найдены на каждой 3–4 стоянке, главным образом, на центральном и южном япономорском побережье. Из них мия *M.priapus*, силиква *S.alta* и корбикула *C.japonica* обнаружены еще на стоянках Долинского района. Остальные двустворчатые моллюски представлены на 1–2 стоянках в каком-либо одном районе. Среди них выделяется группа видов (*Panomya ampla*, *Panomya arctica*, *Protothaca euglypta*, *Pododesmus macrochisma*, *Peronidia lutea*, *Macoma orbiculata*) встреченных только в Смирныховском районе

охотоморского побережья Сахалина. Другая группа моллюсков (*Crenomytilus grayanus*, *Ruditapes philippinarum*, *Crassostrea gigas*, *Anadara broughtoni*, *Macoma middendorffi*) найдена только на стоянках Невельского района.

Среди двустворчатых моллюсков из стоянки Ясноморск-3 есть один вид никогда не встречавшийся у берегов Сахалина. Это анадара Броутона *Anadara broughtonii*, обитающая южнее – у берегов о. Хонсю. Среди брюхоногих моллюсков на стоянке Невельск-2 найдено морское ушко *Haliotis discus*, встречающееся у берегов о. Монерон и южнее. Наличие этих субтропических моллюсков в стоянках свидетельствует или о более теплых условиях в прибрежной зоне, или о связях айнов с южными районами.

Анализ распространения брюхоногих моллюсков показал сходную картину. Массовой была нуцелла *Nucella freycineti*, встреченная на каждой второй стоянке. Вдоль япономорского побережья широко распространена нептуinea *Neptunea arthritica*. За исключением самых северных районов относительно часто встречались акмея бледная *Acmaea pallida* и литорина *Littorina squalida*. Только на стоянках Долинского района найдены раковины нептуinei *Neptunea solute* и фузитритона *Fusitriton oregonense*. Ряд видов (*Plicifusus plicatus*, *Mitrella burchardi*, *Collisella radiata*, *Collisella cassis*, *H. discus*) собраны в многослойных стоянках Невельского района.

Единственный вид панцирного моллюска – хитон Стеллера *Cryptochiton stelleri* встречался в каждой второй стоянке практически во всех районах.

В биогеографическом составе двустворчатых моллюсков доминируют бореальные (32%) и низкобореальные (44%) виды. Среди брюхоногих моллюсков больше (55%) бореальных видов, чем низкобореальных (39%). Субтропические, субтропическо-низкобореальные, бореальные и бореально-арктические двустворчатые моллюски представлены двумя видами для каждой группы. Все субтропические (*A. broughtonii*) и субтропическо-низкобореальные (*C. gigas*, *R. philippinarum*), то есть теплолюбивые виды, найдены только на стоянках Невельского района или на самом юге япономорского побережья Сахалина. Здесь же обнаружен единственный субтропический вид брюхоногих моллюсков – морское ушко *H. discus*. По составу малакофауны стоянки Невельского района можно выделить в отдельную группу. Другую группу стоянок, имеющих специфическую малакофауну, представленную бореальными, низкобореальными и даже бореально-арктическими видами, можно выделить в Долинском районе.

Сахалинским нивхам были известны десятки видов морских растений и беспозвоночных животных. Многие из них найдены в археологических памятниках, поселениях и стойбищах нивхской культуры XIX – первой половины XX вв., а названия сохранились в нивхском языке. Находки раковинных куч свидетельствуют о большом значении для нивхов речного и морского промысла моллюсков, мясо которых использовалось для питания, а раковины – в лечебных целях, для украшений и амулетов.

На стойбищах, поселениях и стоянках нивхской культуры XIX – первой половины XX вв. собрано не менее 6 видов брюхоногих моллюсков. Так, на стойбище Даги (Ногликский район, о. Гетабу) найдено 5 видов. Самыми многочисленными были нептуinea *Neptunea beringiana* и, вероятно, *Neptunea insularis*. Нептуinea Беринга была представлена крупными особями. Вместе с нептуеями нивхи стойбища Даги добывали трубача Миддендорффа *Vuccinum middendorffi*, а на песчаных мелководьях – хищных брюхоногих моллюсков криптонатику *Cryptonatica janthostoma* и лунацию *Lunatia pallida*.

Несколько мелких брюхоногих моллюсков собрано на нивхском поселении Ванкрво (о. Гетабу), датированном XIX – первой половиной XX вв. На поселении Ыгво в Ногликском районе найдена литорина *Littorina squalida*, нептуinea *Neptunea sp.*, а также оперкулюм (роговая крышечка).

Морской брюхоногий моллюск, имеющий форму колпачка или шлема, у нивхов называется «томхайхатх». Это – акмея бледная *Acmaea pallida*. Раковины акмеи обнаружены далеко от морского побережья (Тымовский район) в культовом памятнике Пузи 1 (Адо-Тымово 3), относящемся к нивхской культуре V – начала XX вв. По сообщениям нивхов этот моллюск использовался в нивхской народной медицине.

Жемчужницы широко использовались с глубокой древности в долинах рек Тымь, Набиль, Найба, Агнево и других. Раковинная куча располагалась в устье р. Кюви – правого притока р. Тымь, где раньше было нивхское стойбище, в настоящее время уничтожена в результате речной абразии. Раковины жемчужниц найдены в культовых памятниках нивхской культуры, существовавших многие столетия – Пузи 1 (Адо-Тымово 3) и Адо-Тымово 6. Раковинная куча из сахалинской жемчужницы обнаружена в обитаемом и поныне стойбище нивхского рода Койвонгун – Набиль 1 в Ногликском районе. В поселении Набиль 2, датированном XIX – первой половиной XX вв., найдены целые раковины жемчужницы. В поселении Чайво 1 (Мыс Нгаян) собраны периостракумы (наружный роговой слой) жемчужницы. В поселении Тыгмыч, расположенном на о. Гафовица в Ныйском заливе, вместе с морскими моллюсками найдены створки крупных жемчужниц.

Всего в памятниках нивхской культуры собрано 20 видов морских двустворчатых моллюсков. Раковины устрицы *C. gigas* и приморского гребешка *M. yessoensis* встречены только в поселении Большой Мачи в Алек-

сандровск-Сахалинском районе. Это относительно теплолюбивые виды, обитающие у побережья Татарского пролива и в настоящее время. Остальные виды бореального и арктическо-бореального происхождения характерны для прибрежных вод Охотского моря у северо-восточного побережья Сахалина.

Самыми многочисленным видом является спизула Войи *Spisula voyi* в стойбищах Даги и Тыгмыч на берегу Ныйского залива. Раковины спизулы сахалинской *S.sachalinensis* встречены только на стоянке Ванкрво на о. Гетабу в зал. Чайво. Из этого же семейства (*Macridae*) нивхам известна и мактра китайская (*Mactra chinensis*), чаще встречающаяся на юге острова. Ее называют «моғми», собирают в штормовых выбросах и едят в сыром виде.

Для памятников на берегу Ныйского залива (Даги и Тыгмыч) характерно присутствие многочисленных перонидий *Peronidia lutea*. Близкий вид перонидия жилковатая (*Peronidia venulosa*) собрана на стоянке Агиво на о. Сонига в зал. Чайво. Перонидий нивхи называют «кехатх», что переводится как «чайкина ракушка», или которой питаются чайки. С птицами связано название солена или черенка Крузенштерна (*Solen krusenshterni*). Нивхи называют его «весвунк’», что означает «воронья ракушка».

Для нивхских поселений северо-восточного побережья Сахалина характерны находки тихоокеанской мидии *Mytilus trossulus*, которых нет в памятниках айнской, охотской и других культур. В поселениях Тыгмыч и Ыгво они имели очень крупные размеры. Находки мидии в памятниках нивхской культуры, возможно, связаны с их относительно недавним появлением у берегов Сахалина – в XVIII-XIX вв. В стойбище Даги собран еще один вид из этого семейства (*Mytilidae*) – мускулюс *Musculus niger*. Относительно часто в нивхских поселениях встречается песчаная ракушка *Mya arenaria*. На поселении Тыгмыч и в стойбище Чайво эти моллюски имели длину от 40 до 85 мм, а в стоянке Ванкрво достигали 120 мм.

Высокобореальный двустворчатых моллюск тридонта Роланда *Tridonta rollandi* и бореальный вид макама Миддендорффа (*Macoma middendorffi*) найден в поселениях Ыгво и Тыгмыч. Этот вид макамы найден в культуре уйльта (ороков) конца XIX – первой половины XX вв. в поселении Сонига 3 на о. Сонига в зал. Чайво.

Собранные материалы о видовом составе моллюсков, распространении и использовании их сахалинскими айнами и нивхами на протяжении многих веков, свидетельствуют о большом значении прибрежного морского и речного промысла и собирательства в хозяйстве, материальной и духовной культуре. Очевидна также необходимость более широких исследований морских животных, добывавшихся в рассматриваемый период времени, с целью палеоэкологических и палеогеографических реконструкций изменений условий среды в прибрежной зоне Сахалина.

Н.М. Чаиркина*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург*

ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАУРАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современный уровень археологических исследований требует комплексного подхода в изучении материальной культуры, системы жизнедеятельности и духовной культуры древнего населения. Попытки проведения таких исследований – не редкость, однако, они осложнены фрагментарностью той источниковой базы, которой оперирует исследователь. В последние годы в Зауралье выявлено и частично исследовано более четырех десятков местонахождений, сезонных специализированных стоянок, культовых комплексов, культурные слои которых залегают либо перекрыты торфяно-сапропелевыми отложениями. Такие археологические памятники – особый тип источников, своеобразие которых состоит в способности торфа и сапропеля консервировать органические остатки, не сохраняющиеся в минеральных почвах. Не все археологические эпохи представлены в торфяно-сапропелевых отложениях Зауралья. Этот факт, вероятно, можно объяснить природно-климатической спецификой разных периодов голоцена, когда складывались более (эпоха энеолита, середина III тыс. до н.э.) и менее (эпоха неолита, бронзового и железного века) благоприятные условия для консервации культурных слоев памятников и изделий из органики.

Культурные слои эпохи мезолита зафиксированы на нескольких памятниках – Кокшаровско-Запроточной, Кокшаровско-Юрьинской, Кокшаровско-Юрьинской II и III стоянках. Они отложились в бореальный период в VIII – VI тыс. до н.э., располагались в песке или иловатом слое, перекрывались минеральным грунтом и торфом. В них обнаружены изделия из кости и камня, кости животных [Сериков, 1992]. Однако, судя по большому количеству артефактов этой эпохи, обнаруженных случайно на зауральских торфяниках, в том числе костяные и некоторые деревянные изделия Шигирской коллекции, можно предположить наличие большого количества археологических памятников этой эпохи. Возможно, они располагаются на большой глубине, в подстилающем сапропель минеральном грунте, исследования которого пока технически сложны.

Культурные слои эпохи неолита сформировались, вероятно, в атлантический период, в VI – IV тыс. до н.э., зафиксированы на стоянках Шувакиш VIII-г, Вашты VI-а, Кокшарово I, Шигирский Исток I и II, поселении Шигирское А, располагаются в нижней части сапропеля или в минеральном грунте, перекрытом торфяно-сапропелевыми отложениями. Отмечается скудный ассортимент изделий из органики – отходы деревообработки, обломки трудноопределимых изделий из дерева, поплавки из коры, несколько костяных орудий.

Материалы эпохи энеолита, залегающие обычно на контакте торфа и сапропеля, обнаружены практически на всех торфяниковых памятниках – поселении Половинное I, Молтаево И, Шувакиш I, стоянке Разбойничий Остров, Шестом «разрезе» Горбуновского торфяника. По данным палинологического и радиоуглеродного анализа эти слои сформировались в III – начале II тыс. до н.э., в эпоху позднего атлантика – раннего суббореала [Панова, 1997; Чаиркина, 2005]. В них обнаружены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства, детали жилых, культовых и промысловых построек, выполненные из органических материалов (рис. 1).

Культурные слои эпохи бронзы, обнаруженные на поселении Вашты VI-а, стоянке Разбойничий Остров, Шестом и Восьмом «разрезах» Горбуновского торфяника, Кокшаровско-Юрьинской стоянке, Кокшаровско-Запроточной VI стоянке, расположены в торфе, отложились во II тыс. до н.э. Изделия из органики плохой сохранности представлены стволами деревьев, отходами деревообработки.

Культурные слои эпохи раннего железного века, обнаруженные в торфяных отложениях верхнего горизонта Шестого «разреза» Горбуновского торфяника, на Шигирском городище, отложились в I тыс. до н.э., сохранили обломки керамики, отходы деревообработки.

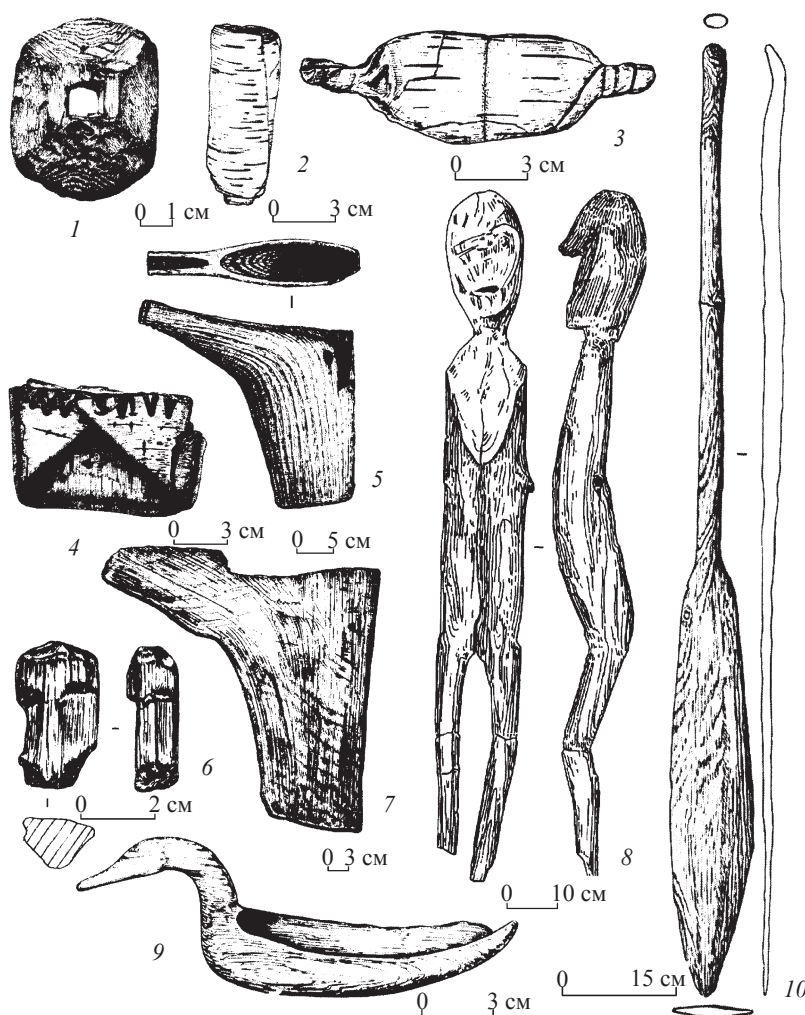

Рис. 1. Изделия из дерева (1, 5–10), бересты (2, 4), бересты и камня (3).
1–4, 6, 7, 10 — стоянка Разбойничий Остров; 5 — Шигирский торфяник; 8, 9 — Шестой «разрез» Горбуновского торфяника.

Большая часть так называемых торфяниковых памятников Зауралья являются шлейфами культурного слоя береговых или островных стоянок, перекрытых или располагающихся в торфяно-сапропелевых отложениях. Прибрежные заболоченные участки, примыкающие к береговому памятнику, являлись его естественным продолжением. Здесь могли располагаться сооружения, настилы, ведущие к открытой воде и настилам, проложенным на заболоченных участках палеозер. Ритуальные предметы, обнаруженные здесь, являлись, возможно, атрибутами всего поселенческого комплекса или подчеркивали особый семантический смысл прибрежного, ныне заторфованного участка.

Часть находок могла попасть в болото и торфяники (или водную гладь) случайно, быть потерянной, или помещенной преднамеренно. Такие места являлись, вероятно, сакрально значимыми для древнего населения Зауралья. Предметы, помещенные в болото, торфяники и водную гладь преднамеренно имели особый семантический статус. Вероятно, не все ритуальные действия, совершаемые здесь, носили систематический характер. Оставление и погружение некоторых предметов было вызвано необычайными явлениями или событиями (Большой Шигирский «идол»).

В эпоху энеолита на территории Зауралья проходили процессы интенсивного заболачивания водоемов. Процесс осмысления нового качества озер был динамичным и сложным. Появляются вероятно новые элементы ритуальной обрядности, культовые места, расположенные в труднодоступных частях заболоченных озер (Шестой «разрез» Горбуновского торфяника), связанные, возможно, с поклонением болоту как природному феномену, с промысловыми культурами.

Активное хозяйственное освоение территорий, происходящее в последние годы, мелиорация, промышленные сбросы часто приводят к полному уничтожению культурных слоев торфяниковых памятников или к их катастрофическим изменениям: размыву, нарушению естественного баланса, как итог – гибели уникальных артефактов. Практическая работа по поиску новых памятников на уральских торфяниках осуществляется с помощью почвенно-стратиграфического зондажа, шурфовки, с использованием карт торфяно-сапропелевых отложений, возможно, перспективно применение радаров и аэрофотоснимков. Она всегда осложнена сильной обводненностью массивов, большой (2–5 м) глубиной залежи. Стационарные раскопки должны быть оснащены водооткачивающей техникой, транспортерами, специальными устройствами для укрепления стенок раскопа, мини лабораторией по консервации изделий из органики. Даже этот, не полный перечень оборудования, дает представление об объемах необходимых финансовых затрат. Поэтому раскопки торфяниковых памятников Зауралья пока проводятся небольшими площадями.

Между тем, перспективы их комплексного исследования и последующей интерпретации полученных материалов, очевидны. На торфяниковых стоянках Зауралья обнаружены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства, детали жилых, культовых и промысловых построек, выполненные из органических материалов. Они созвучны бытовым и культовым предметам, которые используются в материальной и духовной практике коренного населения Северной Евразии. Эти обстоятельства ставят торфяниковые памятники в разряд уникальных исторических источников, неопределимых для реконструкции быта, мировосприятия древнего населения.

Среднее Зауралье – горная страна, своеобразие почвообразовательных процессов которой, привело к преобладанию смешанных памятников с нестратифицированным культурным слоем. В отличие от них торфяно-болотные массивы содержат достаточно полные и мощные разрезы осадконакопления эпохи голоцена, позволяют с большей степенью надежности использовать радиоуглеродный, палинологический и иные методы в палеогеографических реконструкциях. Не менее важно обращение к торфяниковым памятникам для решения локальных археологических проблем: расчленение культурных остатков различных эпох, определение микро стратиграфии отдельных периодов.

На наш взгляд, перспективно создание комплексных, мультидисциплинарных научно-исследовательских проектов по исследованию болотных систем и археологических памятников, расположенных в них.

Список литературы

Панова Н.К. Палинологическое исследование Карасьезерского торфяника на Среднем Урале // Исследование лесов Урала. Материалы научных чтений, посвященных памяти В.П. Колесникова. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1997. – С. 28–31.

Сериков Ю.Б. Кокшаровско–Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 131–147.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2005.–410 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

И.В. Асеев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В БУХТЕ ЭЛЬГЕН НА БАЙКАЛЕ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ*

Культовые объекты Прибайкалья в виде могильников или других мест поклонения редко коррелируются с материалами поселений в виду отсутствия в вещественном комплексе последних набора характерных изделий, выделенных при изучении погребений. Но среди них есть исключения. В этом плане особый интерес представляют жертвенник и святилище на неолитической стоянке Эльген, сооруженные в виде погребений. Жертвенник на поверхности обозначен каменной кольцевой кладкой между гнейсо-гранитной глыбой и выходами скального останца и напоминает надмогильные сооружения серовской культуры, относимые исследователями ко времени 4,5–5,5 тыс. лет. [Окладников, 1950, 191–354; Горюнова, 1997, С. 99]. При зачистке кладки в дерновом и поддерновом слоях общей мощностью до 25 см, ниже которых начинался материковый слой, найдена серия разнообразных орудий из кремня и кварцита: треугольный в плане с вогнутой базой наконечник стрелы, проколка, серия ножевидных пластин, торцовый и клиновидный нуклеусы, режущие инструменты на крупных сколах, скребки с овальным и вогнутым лезвием, роговой отжимник, тесла из расщепленных галек с шлифованными овальными лезвиями, фрагменты керамики с различным орнаментом и без него. Могильного пятна или каких-либо других искусственных включений в материк на глубину до 70 см не прослежено [Асеев. 2003, с. 30–36, рис. 1–3]. Орудийный комплекс этого памятника типологически сопоставим с артефактами из неолитической стоянки, на которой он находился [Асеев, 2002. С. 26–31]. Датирующими здесь можно считать наконечник стрелы с вогнутой базой и симметричными жальцами (Асеев. 2003, рис. 2–1), идентичный наконечникам из серовских погребений [Окладников. 1950, с. 229]; роговой отжимник (Асеев. 2003, рис. 2–16), подобный отжимнику из слоя III стоянки Саган-Заба на Байкале, который датирован по С14 (СОАН-1572) – 6000 ± 40 [Конопацкий. 1982, с. 71].

Близкий по устройству и специфике к выше рассмотренному памятник был открыт при продолжении раскопок в 2004 г. этой же стоянки. В процессе раскопок на глубине 30–40 см от дневной поверхности в слое

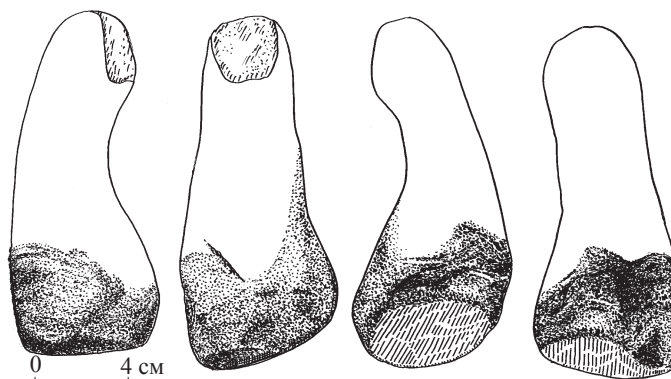

Рис. 1. Прорисовка пикетажа на песче-терочнике из святилища на неолитической стоянке в бухте Эльген.

* Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

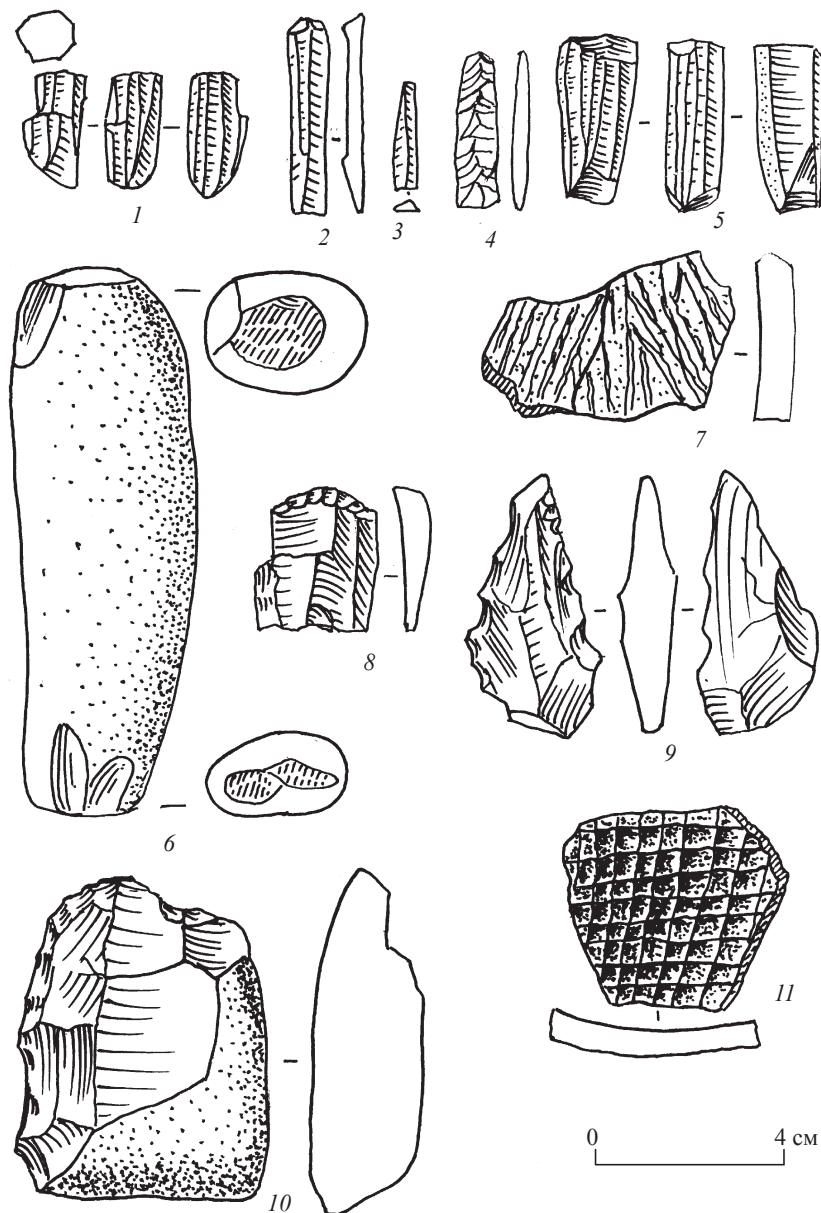

Рис. 2. Артефакты из святилища на неолитической стоянке в бухте Эльген:

1, 5 – торцовые нуклеусы; 2, 3 – ножевидные пластины; 4 – концевой вкладыш; 6 – пест-отбойник; 7 – фрагмент керамики с шнуровым орнаментом; 8 – скребок; 9 – остроконечник; 10 – чопперовидное орудие; 11 – фрагмент керамики с оттисками сетки-плетенки.

светло-охристой супеси выявлена кладка из горизонтально уложенных плит скальной породы. В плане кладка вытянуто-овальных очертаний длиной около 2 м и шириной посередине 70 см. Под ней на глубине 20–25 см шла вторая кладка – внутримогильное перекрытие – занимающая западную половину и часть у северного торца могильного котлована. В центральной части на этой глубине кладка отсутствовала. Но здесь выявлена композиция из артефактов, в которую входят: две шаровидные гальки и галька удлиненных форм, а также пестерочник из серой кремневой породы с искусственной подработкой пикетажем и сколом, напоминающий своей формой полусогнутую в поклоне фигуру человека, сидящего на подогнутых ногах (рис. 1). В предварительном сообщении дано обоснование, что эта композиция несет смысловую нагрузку чадородия или парности (мужского и женского начал) и являлась святилищем [Асеев. 2004, с. 25–32]. Очевидно, представленную в могильной яме композицию из артефактов с наличием в ней примитивной скульптуры можно рассматривать по обычаям шаманистов, как вместилище духов предков, изображения которых периодически угощали и окуривали дымом. Это находит прямое подтверждение в парных или сдвоенных антропоморфных изображении-

ях, найденных при раскопках погребений эпохи энеолита [Окладников. 1955, с. 305]. Парный характер этих фигур напоминает изображения духов шаманов в виде человеческих фигур у народов Сибири, и в частности, на шаманских плащах у якутов и эвенков Алексеев Н.А. [1984, с. 143–144]. Такие изображения известны по этнографической литературе как специальные духи-покровители семьи или рода у сибирских народов. К ним обращались за помощью, когда начинались болезни или имели место неудачи на охоте. А.П. Окладников, с отсылкой на А.Ф. Анисимова, писал, что семейные покровители или охранители почитались в тесной связи с воззрениями о покойниках. Очевидно, этим объясняются причины устройства святилища в могильной яме на неолитической стоянке в бухте Эльген. Во время обряда «кормления» покойников, изображения охранителей мазали кровью жертвенного животного, «угощали» жиром, а также костным мозгом. В каждое новолуние их, как духов-предков семьи, окуривали дымом горящего на углях или на раскаленном камне жертвенного жира. Такому же окуриванию эти изображения подвергали в тех случаях, когда добывали лося или дикого оленя, испрашивая у них при этом удачу на промысел и семейное благополучие [Окладников. 1955, с. 304]. Видимо, подобные религиозные отправления существовали у населения Прибайкалья в эпоху камня, если учесть наличие слоев термически обработанной гальки и темного от вкраплений угольков заполнения между плитами перекрытия в погребальном котловане на неолитической стоянке Эльген. В то же время орудийный комплекс, найденный в котловане святилища, воздействию огня не подвергался. Артефакты, очевидно, подносились как жертвенные (рис. 2–1-11). Идентичный вещественный материал найден в культурном слое стоянки, перекрывающем верхнюю кладку святилища [Асеев. 2002, рис. 1, 2].

Таким образом, как жертвенник, так и святилище органически связаны с неолитической стоянкой, возраст которой по слою, перекрывающему святилище, равен (СОАН-5122) – 6790 + 85 лет.

Список литературы

- Алексеев Н.А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири // Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.
- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. Изд-во Наука: Новосибирск, 1982. – 176 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 411 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 347 с.
- Асеев И.В.** Орудийный комплекс стоянки эпохи камня в бухте Эльген (Прибайкалье) – раскопки 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 26–31.
- Асеев И.В.** Артефакты из разведочного раскопа в бухте Эльген (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 30–36.
- Асеев И.В.** Новое в неолите Прибайкалья – предварительное сообщение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 25–32.

Д.Л. Бродянский*Дальневосточный государственный университет, Владивосток***ДВЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В НЕОЛИТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Дальневосточный неолит изучен неравномерно. В Приморье открыто более двухсот памятников, 4 неолитических культуры: руднинская, бойсманская, зайсановская и год назад выделенная веткинская. В разной степени изучены 70-80 памятников: поселения, два могильника, несколько гротов, три раковинных кучи. Кислые почвы не сохраняют фауну, памятники с фауной редки. На Среднем и Нижнем Амуре богатейшие материалы поселений также бедны находками экофактов, нет могильников. В Корее порядка 500 памятников, картина примерно такая же: изученные неолитические раковинные кучи единичны, в основном – материалы поселений. Открыты 15 пунктов с петроглифами, но их неолитический возраст в большинстве случаев не доказан. Быстро растет объем информации по Маньчжурии, но и здесь данные по экономике неолита прирастают медленно. Радикально отличаются данные по Японии: 10000 дзёмонских памятников, в т.ч. 3000 раковинных куч, 500 млн. находок [Kobayashi; 2004], но палеоэкономическая информация по производящей экономике в дзёмоне противоречива и недостаточна.

В анализе экономики неолита на Дальнем Востоке автор опирается в основном на материалы приморских памятников, памятники соседних регионов использованы выборочно. С конца 50-х годов А.П. Окладников публикует работы о неолитическом земледелии на Дальнем Востоке [Окладников, Ким Ен Нам, 1958]. Сообщается о зернотерках, мотыгах жатвенных ножах в зайсановских памятниках Приморья, о зернах двух видов проса из северокорейского Дитапли. А.П. Деревянко сообщает о производящей экономике в осиноозерской культуре Среднего Приамурья [Деревянко, 1970]. А.П. Окладников и автор публикуют работу о дальневосточном очаге древнего земледелия [Окладников, Бродянский, 1969]. В разные годы сообщения о неолитическом земледелии подвергали критике Г.И. Андреев, В.И. Дьяков, в 90-е годы просто разностной критике идею о земледелии подверг Н.А. Ключев [Бродянский, 1995]. По иронии судьбы Н.А. Ключев в 1991г. при раскопках финальнозайсановского жилища в поселении Новоселище-4 нашел зерна проса метельчатого, проводившая их исследование Е.А. Сергушева обнаружила 482 зерновки *Panicum miliaceum* [Ключев, Сергушева, Верховская, 2002]. Датировка жилища 3840, 3755 л. н., калиброванные даты от 2492 до 2042 гг до н.э. [Там же]. В еще более раннем зайсановском слое в Кроуновке-1 (4640 л.н.) найдены зерна метельчатого проса и чумизы [Вострецов, Сергушева и др., 2003].

Другая производящая отрасль неолитической экономики – выращивание устриц, аквакультура, открыта при исследовании Бойсмана II В.А. Раковым и автором [Brodianski, Rakov, 1989]. Сначала это открытие было сделано при изучении раковинных куч янковской культуры палеометалла, а затем – и в Бойсмана II. За 20 лет исследования этой темы доказано, что основная масса (99%) раковин – створки *Crassostrea gigas* – устрицы тихоокеанской. Среди створок в Бойсмана II нет молодежи до года – в живом устричнике молодежи – 60% и добыть сросшиеся устрицы без молодежи невозможно. Следовательно, производилась сортировка, в кипятке, чтобы вскрыть створки, молодежь не попадала. И ее не выбрасывали, а возвращали в воду, где маленькие устрицы снова прикреплялись к любому твердому предмету и продолжали расти. В нижнем слое раковин много крупных – 20–30см, в средних слоях устанавливается стандарт 5–12 см, в верхнем слое – 4–6 см. Продуктивность устричника возрастает с 2–5 кг с квадратного метра до 20–30 кг. Меняется в процессе эксплуатации морфология створок. Возле двух янковских раковинных куч (Наездник, Миносок) В.А. Раков обнаружил искусственно созданные устричные рифы. Древние создали донную технологию выращивания устриц, сохранявшуюся до середины XX века. На север Сахалина, в залив Терпения и в заливы Де-Кастри и Совгавань в древности устрицы той из четырех рас, что обитает на Хоккайдо, были интродуцированы людьми, естественным путем личинки из-за холодных течений попасть на север не могли. В.А. Раков показал, что интродукция и акклиматизация тихоокеанских устриц в неолите Дальнего Востока – не гипотеза, а всесторонне аргументированное открытие. Тем

более удивительно, что при отсутствии обоснованной критики здесь, в Новосибирске, нашелся анонимный критик, потребовавший от авторов убрать из присланной статьи тему аквакультуры.

Своеобразно дальневосточное животноводство: два главных мясных животных – свинья и собака, крупный рогатый скот в основном использовался как тягло и транспортные животные. В зайсановском слое Синего Гая А Э.В. Алексеева обнаружила преобладание костей молодых свиной – по ее мнению одомашненных. Н.М. Ермолова из присланных ей Н.Д. Оводовым свиных челюстей из того же памятника определила одну как челюсть домашней свиньи. Собак бойсманцы приносили в жертву при погребении умерших. У древних соседей приморцев, в Корее и Маньчжурии свинья издревле – культовое животное.

Древнейшие свидетельства земледелия в пределах приамурско-маньчжурской археологической провинции найдены в Синьлэ у г. Шэньяна-зерна метельчатого проса [Цюй Жуйци, Жун Чанци, 1978]. Несомненно земледельческая культура синлунва – группа поселений в долинах рек Далинхэ и Шарамурэна, на юго-западе Ляонина, радиоуглеродные даты 6250–5650 л. до н.э. Здесь в 1983–1993 гг. раскопаны 300 жилищ, 400 хозяйственных ям, более 30 погребений, в т.ч. погребения под полом жилищ с положенной в могилу свиной. Цилиндрические и в виде усеченного конуса высокие сосуды украшены гребенчатым орнаментом. [Xinglongwa, 1999]. Гребенчатая керамика культур синлунва – синьлэ – древнейшая в ряду культур гребенчатой керамики, заполняющих всю Маньчжурию, Корею, Приморье и Нижний Амур. В Приморье второй этап зайсановской культуры датируется старше 5300 л. н. и имеет те же признаки присутствия земледелия – зернотерки, мотыги, на которые обратил внимание еще А.П. Окладников. В Корее по мнению Чхве Джонхилья примерно в это же время 5500 л.н. начинается возделывание проса, а 4000 л.н. – риса. Более чем в 15 стоянках среднего писальмуни (3500–2000 л. до н.э.) найдены обугленные зерна и земледельческие орудия, включая тяжелые заступы, с которыми управлялись 2-3 человека. При этом отмечается ведущая роль развитого собирательства (желуди, орехи, травы) и вспомогательная роль земледелия [Чхве Джонхилья 2001]. примерно так же относится к роли земледелия в дземоне Т. Кобаяси [Kobayashi, 2004]. С этим трудно согласиться. Самое примитивное земледелие индейцев в бассейне р. Амазонки (без оседлых поселений и развитого комплекса земледельческих орудий) повышало производительность труда в 1200 раз.

В Приморье зайсановская культура повсеместно вытесняет своих предшественниц, возникают поселения типа Синий Гай А – до 700 жителей. Такая же картина в Корее – слой с гребенчатой керамикой на восточном побережье перекрывает слои с керамикой, родственной бойсманской в Приморье и на Севере Кореи. Конечно, мощным подспорьем собирательству является рыболовство. На Нижнем Амуре рыболовы-ихтиофаги вознесенской культуры оставили огромные поселения. Думаю, что роль земледелия упомянутыми авторами принижается. Рост производства продовольствия обусловил многочисленность населения культур гребенчатой керамики и успех их продвижения с юга Маньчжурии к побережью Японского моря.

Другая экономическая стратегия в дальневосточном неолите – эксплуатация гидробионтов, добыча рыбы, морских животных. Бойсманская культура – типичный пример морской ориентации экономики. Морская охота на ластоногих: ларгу, сивучей, котиков, охота на серых китов, лов 18 видов рыбы, особенно в больших количествах пиленгаса, все это дополняется возделыванием ближайшего устричника, собиранием еще 12 видов съедобных моллюсков, охотой на оленей, косуль, кабанов, птиц. Бойсманцы – арктические монголоиды [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997], предки чукчей, коряков, эскимосов. В культуре полный набор протоберингийских черт: морская охота, деформация черепов, лабретки, изображения Ворона и персонажей вороньего цикла мифов. Очевидно, что бойсманцев на южном побережье Приморья вытеснили зайсановцы, О.Л. Морева отметила в поздней бойсманской керамике некоторые зайсановские черты. Процесс был длительным, раннезайсановские памятники редки. На Нижнем Амуре бойсманцы вероятно контактировали с малышевцами. В этом регионе сложился рыболовный тип экономики, но с элементами морской охоты: В.Е. Медведев опубликовал целую серию нижеамурских изображений тюленей [Медведев, 2000, 2005].

Дальнейшее продвижение на север привело к освоению морскими охотниками берегов северной части тихоокеанских побережий, Аляски, Чукотки.

Вклад земледельцев в историю зарождения и развития цивилизаций общепризнан. Но и люди моря внесли свой немалый вклад в историю мировой культуры: кораблестроение, освоение суровых северных территорий, замечательное искусство.

Обе экономические стратегии ярко представлены в неолите Дальнего Востока.

Список литературы

Бродянский Д.Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия: проблема спустя четверть века // Вестник ДВО РАН. – 1995. – №5. – С. 105–116.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото Масаяки, Миямото Казуо, Обата Хироки. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка – 1// Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. м-лы междунар. конф. «Из века в век» – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 373–378.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970.–240с.

Клюев Н.А., Сергушева Е.А., Верховская Н.Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище–4)// Традиционная культура востока Азии. Вып.4. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 102–126.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних// Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000 – №3. – С. 56–69.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура//Археология, этнография и антропология Евразии.–2005.–№ 4.–С. 40–69.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия// Сов. этнография. – 1969.–№1.–С. 3–14.

Окладников А.П., Ким Ен Нам. Новые работы по каменному веку Кореи// Сов. археология. – 1958. №4. – С. 232–236.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 96 с.

Цой Жуйци, Жун Чанци. Предварительный отчет о раскопках Синьлэ у г. Шэньяна// Каогу сюэбао. – 1978. – № 4. С. 449–466. Кит. яз.

Чхве Джонпхиль. Новый взгляд на неолит Кореи// Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №3. – С. 39–50.

Brodianski D.L., Rakov V.A. Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific// Circum – Pacific Prehistory Conf. – Seattle, 1989. – 16 p.

Kobayashi Tatsuo. Yomon Reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. – Rome: Oxbow Books, 2004.–240p.

Xinglongwa Site// Sannai-Maruyama Yomon Era File.–1999.–№4

И.Н. Васильева*Институт истории и археологии Поволжья, Самара***О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОНЧАРСТВА***

Происхождение гончарства относится к фундаментальным проблемам древней истории человечества. Гончарство является самым древним производством, в рамках которого человек впервые стал преобразовывать природный материал, в результате целенаправленных действий и операций придавая ему несвойственные от природы качества и свойства и тем самым – создавая первый искусственный материал. Появление керамики считается одним из основных признаков «неолитической революции». Роль керамики как источника в археологических и исторических реконструкциях древнего прошлого трудно переоценить. Тем не менее, до последнего времени данная проблема в российской археологической науке практически не разрабатывалась. Предметом аргументированного обсуждения она стала благодаря исследованиям А.А. Бобринского. На основе микроскопического изучения неолитической керамики Ирака (V–VI тыс. до н.э.), проведения ряда экспериментов и многочисленных этнографических данных, А.А. Бобринский выдвинул гипотезу о возникновении гончарства на базе опыта лепки сосудов из органических материалов животного происхождения (навоза животных и помета птиц). Он выяснил, что глина не всегда была сырьем для изготовления посуды: перед появлением гончарства существовал длительный догончарный период, когда для изготовления емкостей использовались органические природные пластические материалы. Изделия из этих материалов не подвергались обжигу, а только высушивались и применялись для хранения и переноски продуктов [Бобринский, 1997]. Работы А.А. Бобринского показали несомненную перспективность информации о гончарной технологии, которая ранее не привлекала к себе внимание исследователей, в решении проблемы происхождения гончарства на базе массового археологического материала – раннеолитической керамики, добытой археологическими раскопками. Им же намечен путь к решению проблемы – создание научной базы по ранней истории гончарной технологии на основе изучения технологии изготовления неолитической керамики как можно большего числа регионов нашей страны.

В начале 90-х годов XX в. автором статьи было начато исследование гончарной технологии неолитического населения Северного Прикаспия, которое привело к открытию нового вида сырья для неолитической керамики, а именно илов [Васильева, 1994]. А.А. Бобринский, развивая свою теорию о происхождении гончарства, ввел в состав древнейших видов пластического сырья наряду с органическими материалами (навозом животных и пометом птиц) – глиноподобные илистые отложения и выделил в процессе естественной последовательности освоения того или иного вида пластического сырья две линии развития представлений о сырье: восходящую и нисходящую, а также ввел понятия о догончарных, протогончарных, археогончарных и неогончарных производствах посуды [Бобринский, 1997; Бобринский, Васильева, 1998]. Окончательно оформленная гипотеза А.А. Бобринского представлена в работе «Гончарная технология как объект историко-культурного изучения» [Бобринский, 1999].

В течение нескольких лет нами проводится изучение гончарства населения Поволжья и сопредельных территорий в эпоху неолита. Объектом исследования является гончарная технология. В качестве источника выступает керамика неолитических культур: нижневолжской, средневолжской, орловской, буго-днепровской, днепро-донецкой, елшанской и некоторых других. Исследование проводится в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978; Он же, 1999]. Методика основана на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования. Технично-технологический анализ керамики осуществляется путем микроскопического изучения следов работы в изломах и на поверх-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05–01–26106а/В

ностях сосудов, связанных с определенными приемами изготовления посуды гончарами. По результатам исследования технологии керамики в настоящее время можно предполагать два круга неолитических культур, выделяемых на территории Поволжья и сопредельных регионов, гончарство которых характеризуется определенным своеобразием.

К первому кругу относятся культуры с накольчато-прочерченной керамикой, которые были распространены в южных, степной и лесостепной, зонах европейской части России и Украины. Традиционно эти культуры датируются VI–V тыс. до н.э. Нами были исследованы материалы нижеволжской, орловской (слой 3 Варфоломеевской стоянки), средневолжской, нескольких памятников буго-днестровской и днепро-донецкой культур. Микроскопическое изучение керамики данного круга позволило определить состав ее сырья: 1) глинистая фракция; 2) песок; в украинской неолитической керамике часто встречается естественная примесь обломков минералов; 3) плотные не растворившиеся в воде комочки глины; 4) соединения железа в виде оолитового бурого железняка и аморфных охристых включений; 5) очень большое количество растительных отпечатков и углефицированных остатков, наземного, водного и подводного характера (часть из них была идентифицирована ботаниками как нитчатые водоросли); 6) обломки раковин пресноводных моллюсков разной величины и конфигурации; 7) часть сосудов содержала целые мелкие раковины улиток размером 2–7 мм «затворка рыба»; 8) отпечатки чешуи рыб; 9) позвонки и ребра рыб, а также их обломки. На основе многолетних полевых и лабораторных работ была доказана идентичность этого сырья и современных илов [Бобринский, Васильева, 1998]. Спецификой илистого сырья керамики с накольчато-прочерченным орнаментом является очень большое содержание в нем органики растительного и животного характера: костей и чешуи рыб, отпечатков червячков, слизняков и личинок. Такая насыщенность растительной и животной органикой характерна для пелогеновых поверхностных слоев ила, который накапливается в закрытых водоемах и проточных водоемах с несильным течением. В гончарстве неолитических племен изучаемого региона илы выполняли функцию моносырья, т.е. искусственные добавки не использовались. Микроскопическое исследование керамики выявило в ней также присутствие органических растворов в виде аморфных пустот, поверхность которых покрыта маслянистым черным, блестящим и бело-молочным налетом. Иногда в пустотах содержатся остатки черного стекловидного хрупкого вещества. Имеются случаи, когда такой налет лежал плотным слоем на спаях между строительными элементами, что может быть объяснено только специальным смазыванием поверхности лоскутов. По-видимому, органические растворы представляли собой жидкие клеящие вещества животного или растительного происхождения.

Второй круг неолитических культур Поволжья представлен пока одной елшанской культурой. Елшанский культурный тип раннеолитических памятников был выделен И.Б. Васильевым и Г.Г. Пениным в 70-е годы XX в. [Васильев, Пенин, 1977]. К настоящему времени стало очевидно, что елшанская культура является наиболее древней керамической культурой в Поволжье, а возможно и в Восточной Европе. Серия радиоуглеродных определений дает даты елшанских памятников в рамках 7–6 тыс. до н.э. Эта датировка подтверждается результатами палинологического анализа, согласно которому время существования культуры соответствует бореальному периоду. Ареал распространения елшанской культуры: Волго-Уралье, а также правобережье Волги в пределах Ульяновской области и Примокшанье. Сырье керамики елшанской культуры состоит из глинистого вещества и естественных примесей минерального и органического происхождения: песка в большом количестве; бурого железняка; глинистых комочков округлой формы; очень редко – обломков речных раковин; а также незначительного количества органических остатков растительного и животного характера. Основные различия данного сырья от сырья керамики с накольчато-прочерченным орнаментом состоят в следующем: 1) все сосуды данного типа изготовлены из запесоченного пластичного сырья, в то время как в керамике первого круга культур отмечена тенденция уменьшения доли запесоченного илистого сырья: (раннеолитический) Кугат 4 – 100 %; Каир-Шак 3 – 41%; Тентекор 1 – 4% [Васильева, 1999. С.94]; 2) в елшанской керамике естественная примесь раковины является довольно редким явлением. Ее содержит менее 25% исследованных сосудов. В данной керамике отсутствует естественная примесь целых мелких раковин брюхоногих моллюсков; 3) самым существенным отличием сырья елшанской керамики является незначительное присутствие в нем растительной и животной органики и измельченность этих остатков. Растительные остатки представлены детритом – измельченными и полусгнившими обрывками растительных тканей неопределенного вида в основном меньше 1 мм, а также отдельными нитевидными отпечатками водных или околоводных растений (водорослей или лишайника); 6) органика животного происхождения встречается в черепке изучаемой керамики еще реже, чем растительная. Она представлена мелкими (менее 1–2 мм) фрагментами костей и чешуи рыб. Анализ качественного состава пластического сырья елшанской керамики и проведенные экспериментальные работы позволили отнести его к глиноподобному илистому сырью, отличному от пелогеновых илов, характерных для гончарства культур с накольчато-прочерченной керамикой. Такой состав присущ

донным отложениям илов (сапропелям?) и прибрежным слоям т.н. «илистых глин». Искусственный компонент, применявшийся при подготовке формовочных масс елшанской керамики, также был связан с органическими растворами. Суммируя всю полученную к настоящему времени информацию о неолитическом гончарстве Поволжья и южных сопредельных районов, можно считать установленным факт зарождения гончарства в данном регионе на базе опыта использования илов. Несомненно, что ареал распространения гончарства, зародившегося на основе илистого сырья, был значительно шире. Дальнейшие исследования гончарной технологии керамики неолитических культур и расширение географических рамок привлеченных материалов будут способствовать разработке проблемы происхождения и развития древнего гончарства.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. – СПб-Псков: ИИМК, 1997. – С. 90–96
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия – Самара: СамГПУ, 1998. – С. 193–214.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 5–109.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г.** Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья – Куйбышев: КГПИ, 1977. – С. 3–22.
- Васильева И.Н.** Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тезисы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии – С. – Пб: Изд-во ИИМК, 1994. – С. 101.
- Васильева И.Н.** Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: СамГПУ, 1999. – С. 72–96.

А.А. Василевский

*Сахалинская лаборатория археологии и этнографии ИАЭТ СОРАН
и Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск*

К ПОНЯТИЮ «ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Образ охотской культуры (ОК), зародился в японской археологии 1930-х гг., как общее понятие для обозначения северных древностей, отличных от Дзёмона Японии. Впервые термин ОК опубликован автором понятия – Коно Хиромити в 1933-1935 гг. Кодама Сакудзаэмон в 1948 г. аргументировал идею северо-тихоокеанского источника ОК, отметив антропологические особенности людей из раковинной кучи Моёро: лицо, череп и челюсти развиты, выделяется приостренное темя. По костяным изделиям, он сделал вывод о генеалогической близости населения ОК алеутам [Танейти Юкио, 1979]. Диссонансом звучали идеи свободной от тихоокеанских стереотипов Р.В. Козыревой [1955, 1967], они содержали иные модели – понятие ОК применялось только для Хоккайдо, прошлое Сахалина связывалось с континентом. В ее диссертации [Чубарова, 1955] содержались ссылки на средневековые китайские летописи об островах Дальнего Востока. Однако, после раскопок Сусуйской стоянки и поселения Озерск-1 и Кузнецово-1 в сахалинской археологии идеи Р.В.Козыревой подверглись критике. В СССР идея панохотской культуры получает развитие в связи с публикациями Ч.С.Чарда, Харуми Бёфу [Chard, 1960; Befu, Chard, 1964; Бёфу, Чард, Китагамаэ, 1971], Ма-саказу Ёсизаки [1963], Ойи Харуо и др. [Танейти Юкио, 1979]. В 1973 г понятие ОК было применено для обозначений прибрежных культур Сахалина, Хоккайдо и Курил в монографии Р.С. Васильевского «Древние культуры Тихоокеанского Севера». Вторая книга, в которой модель применили к Сахалину, опубликована в 1976 г [Васильевский, Голубев, 1976], то есть, через год после Тихоокеанского конгресса в Хабаровске, на котором произошли встречи сибиряков и дальневосточников с ведущими археологами стран АТР. Идеи адаптации, зверобойных культур, общностей и широких обобщений сушили быстрый выход островной археологии на международный уровень. Они инициировали большой скачок 70-х годов, в том числе и в сахалинской и курильской археологии.

Во второй половине XX века в США, СССР и Японии формируется стереотипно – эволюционный подход к вопросам приморской адаптации. Стереотипным мы называем его потому, что адаптационные модели, описанные американскими исследователями для арктических культур группируются в соответствии с характерными признаками в несколько универсальных типов, которые по умолчанию экстраполируются на культуры Охотоморья. Стереотипы привели к излишней формализации данных, которая, как мы полагаем, должна была помочь определить степень общности прибрежных культур. Эволюционным мы считаем этот подход потому, что он не учитывал дискретности исторического процесса, упор ставился на эволюцию приспособления. ОК называлась культурой морских зверобоев, приспособление было длительным этапным процессом, и было совсем не ясно, когда же оно начиналось – в раннем неолите, как об этом стали говорить в 1980-е или в раннем железе? В результате сформировалась эволюционная модель адаптированной к островным побережьям дальневосточных морей панохотской культуры. По основным параметрам она была сопоставима с классическими зверобойными культурами Арктики и входила в общую цепь в рамках вариантов одной модели [Васильевский, 1973]. ОК понималась как культура, прошедшая цепь последовательных этапов [Васильевский, Голубев, 1976]. Идеи ОК были использованы в эволюционистской, по сути, модели «пережиточного неолита», по которой Северо-Восток после эпохи неолита на две тысячи лет погрузился в глубокий сон, вплоть до прихода русских землепроходцев [История Дальнего Востока СССР, 1989. – Т. 1].

Есть веская причина, по которой моделирование аборигенных культур, никак не связанных с восточно-азиатскими центрами средневековой цивилизации в 1970-х гг было востребовано и в СССР, и Японии. Это непримиримое идеологическое противостояние СССР и КНР, и обострение японо-китайских и советско-

японских отношений. Китайская «экспансия на картах» заставляла ученых искренне сомневаться в подлинности исторических документов, мир-системные модели в этой части света не были популярны.

Базовая концепция археологии XX века, это большие культуры, занимающие большие территории и длящиеся тысячи лет. Такова концепция и Дземона и ОК. Две с половиной тысячи лет и территория от Нижнего Амура до Хоккайдо, Сахалина, Курил и Камчатки. Подражание Америке сыграло злую шутку не только с русскими, но и с японцами. Поиск нового путем калькирования иностранного опыта вел в тупик. Формирование широкого, в известном смысле, собирательного образа ОК объективно обеспечивался и небольшим объемом, и во многом полулюбительским характером исследований в островной части Дальнего Востока СССР. Археологи Сахалина не изучали ни крепостные сооружения, ни средневековые могильники. Круг источников ограничивался стоянками и поселениями, раскопанными на небольших площадях. Создавалось впечатление о довольно ущербных обществах «пережиточного камня», живших на периферии большого мира и имевших с ним спорадические контакты. Танейти Юкио [1979, С. 3–49] справедливо писал, что в период с 1958 по 1967 гг. ОК оторвали от исторического процесса северо-восточной части азиатского региона. Она была отнесена к миру зверобойных культур Арктики.

Долгое время советские историки предпочитали не говорить о средневековье применительно к Сахалину – советско-китайский конфликт 1960–1970-х гг. и территориальные притязания КНР к СССР в тот период сделали эту тему запретной. Очень удачно применил исторический подход к охотской культуре Като Симпэй [1975], в результате в японской археологии возникло существующее до сих пор течение – оценивать охотскую культуру, как мохэскую. Он увидел близость керамики Найфельд и Эноура, показал значение свиноводства в ОК и поставил вопрос о мохэской колонизации Хоккайдо. Однако акценты Като Симпэя на исторических аспектах охотской проблемы вскоре затерялись в потоке археологической информации. Очень неожиданно прозвучала независимая оценка О.В. Дьяковой [1984] сахалинской керамики как мохэской.

Обобщающие статьи, написанные на идейной основе достижений того этапа [Василевский 1994, 1999; Дегрюин, 2002; Василевский, Дедахин, 2004], по сути, завершают этап исследования ОК в СССР – России в конце XX века. Объединяющая их идеология относится к прошлому, а не к грядущему веку. Это финал, развязка, а не расцвет – каждый археолог, изучающий ОК остается на своём, единых мнений выработать не удастся. Дальнейшее изучение ОК в рамках существующих моделей бесперспективно, прежнее применение понятия ОК лишено смысла. Обобщенные модели суперкультуры не объясняют и не дают понимания исторических процессов, имевших место в регионе в раннее средневековье. Они уведут исследователей от логики исторических процессов.

Как бы ни были хороши идеи об адаптации и единой культуре морских зверобоев, они, остаются в историографии XX века. Новые подходы, которые сегодня кажутся перспективными, предполагают синхронизацию историко-культурных событий и рубежей эпохи средневековья Восточной и Северо-Восточной Азии. Приветствую и применяю методологию мир – системного анализа [Василевский, 1994; Hudson, 2004], однако и она не совершенна, опуская детали событий.

Понятие «охотские культуры», будучи историческим, может применяться к созвездию локальных культур Сахалина, Хоккайдо и Курил, в том числе, к культурам Товада, Эноура, Минами Кайзука, Халицкемон, Сомэмон и Тобинитаи. Понятие «охотские культуры» как совокупность родственных культур имеет корни в отечественной археологии и остается как привычный для археологов инструмент. Но оно не может использоваться при разборе исторических событий. Ошибка заключалась в том, что в границах археологических построений равноуровневые понятия археологии и истории выхолащивали друг друга. Задача заключается в перекрестной проверке сообщений средневековых хроник данными археологии. На стыке информационной археологии и исторической науки должны возникать неувязки. Их анализ будет давать новое знание, в результате которого изменяется как сам подход к истории края, так и наши знания о ней.

Список литературы

1. **Бефу Харуми, Чард Ч. С., Китагамаэ Ясуо.** Охоцукукай но сидзэн кайё бунка (Доисторическая морская культура Охотского моря) // Хоккайдо кокогаку – №6. – 1971. – С. 47–65.
3. **Василевский А.А.** Формирование охотской культуры на Сахалине. (1 тыс. до н.э.) дис. на соискание уч. ст. к.и.н. – на правах рукописи. – УДК 930.26 (63.4). – Кемерово: КемГУ, каф. арх. – 1990. – 18 с.
4. **Василевский А.А.** Размышления о городищах империи Цзинь, древних народах и эпохе средневековья на Сахалине // Краеведческий бюллетень. – 1994. – №2. – С. 74–79.
6. **Василевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск, 1973. – 267 с.
7. **Василевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.

8. **Дерюгин В.А.** Охотоморская культурная общность? (Эпизод первый) // Записки гродековского музея.–вып.3:Археология и этнография.–Хабаровск: ХКМ, 2002. – С. 53–67.
9. **Дьякова О.В.** Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв.– М.,1984.
10. **История Дальнего Востока СССР** с древнейших времен до XVII века.– Отв.ред. А.И. Крушанов –Москва: Наука, 1989. – Т. 1.
11. **Като Симпэй.** Маmia кайкё о коэтэ кита адзиа то нихон рэтто но корю (Связи Японии с северной Азией через пролив Маmia) // Этоносу – №2.–1975.– С. 40–52.
12. **Козырева Р.В.** Древний Сахалин.– Л., 1967.–186 с.
13. **Танэити Юкио.** Окоцуку Бунка Дзидай (Период Охотской культуры) // Хоккайдо си кэнкю.– №18.– Июнь, 1979.– С. 3–49. (на яп.яз.)
14. **Чубарова Р.В.** Древняя история Сахалина (по археологическим данным): Автореф. дис. ... к.и.н.– Л., 1955.– 18 с.
15. **Шубин В.О.** Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине: Автореф. дисс.... канд. ист. наук– Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1977.– 21 с.
16. **Befu. H., Chard Ch. S.** A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea. – American Antiquity, v.30.–1964.– N 1, .P. 1–18.
17. **Chard, Ch. S.** Maritime Culture in the North Pacific: Age and Origin, Akten. D.34 // International Americanisten congress.– Vienta, 1960. – P. 279–283.
18. **Hudson Mark J.** The perverse realities of change: world system incorporation and the Okhotsk culture of Hokkaido// Journal of Anthropological Archaeology. – Volume 23, 2004, Issue 3.– P. 253–356.

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЛАНИГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ «ОТ ПЕЧКИ» ОСИНООЗЕРСКОГО ЖИЛИЩА*

При полевых исследованиях 2004 года на неолитическом поселении Громатуха [Окладников, Деревянка 1977], в слое, относящемся ко времени существования осиноозерской позднеолитической культуры, [Окладников 1963; Окладников и др. 1971] были выявлены следы наземной конструкции и очага [Деревянка, Канг Чан Хва, и др., 2004].

На плане очага было отмечены участки почвы, имеющие различную цветовую окраску (рис. 2:1). Зольное заполнение красноватого цвета имело подовальную в плане форму. В северной части очага отмечено вытянутое по линии юго-восток – северо-запад темное пятно прокопчения. Светло-желтый песок окаймлял место горения и, как это было подтверждено при профильном сечении очажного пятна, представлял собой заполнение углубленного ложа (рис. 2:3).

Экспериментальные исследования открытых очагов различных типов позволили, в свое время [Волков 1994; Volkov 1995], дифференцировать их на ряд типов (рис. 2:5-10).

Огонь «экранный» очага разводится на почве, у подножья толстого, 30–50 см и более, лежащего на земле бревна (рис. 2:4,9). Дрова в таком очаге используются такие же, как и для питания круглого очага, хотя несколько более соразмерные по величине друг к другу. Пламя в этом костре, обычно, не столь интенсивно, как в «круглом» (рис. 2:8). Бревно служит экраном-отражателем дыма и основных тепловых потоков, как и у «юрлыка» (рис. 2:10). Цветовое пятно, оставляемое на почве костром этого типа имеет очень характерные признаки (рис. 2:6). Легко заметить «котлообразный» общий силуэт, контрастную и четко очерченную границу сегментовидного пятна прокопчения интенсивно черного цвета, образующегося в месте примыкания зоны горения к бревну-отражателю. Линза особенно интенсивного прокала почвы по дислокации тяготеет к месту бревна. Фрагменты «красной зоны» достаточно развиты по всей площади цветового пятна.

В ходе полевых исследований осиноозерского жилища было сделано несколько вертикальных разрезов очажного заполнения (рис. 2:3, 4). Отчетливо прослеживается заполненное песком ложе очага. В правой части разреза хорошо видны следы глубоко проникающего темного прокопчения, след местоположения массивного бревна-экрана. Характерно и направленное распространение тепловых потоков очага относительно общей конструкции изучаемого жилища (рис. 2:2). Судя по совокупности признаков, исследуемый очаг можно отнести к *простейшим* экраным конструкциям. Тепловые и дымовые потоки от горящего очага экранного типа распространялись, как мы видим, в юго-юго-восточном направлении, т.е. во вне конструкции жилища (рис. 1:6; 2:9, 11, 12). Вероятно, обитатели не нуждались в обогреве помещения. Но дымовой поток, направленный через вход жилища, мог успешно служить завесой, защищающей внутренне пространство от москитов, что является косвенным свидетельством обитания людей на изучаемой территории в относительно теплое время года.

Согласно планиграфической реконструкции, внешний контур жилища имел неправильную овально-округлую форму. Вход располагался с южной стороны. Наиболее комфортным местом для расположения людей являлась дальняя от входа часть жилища (см. рис. 1:6).

Во внутреннем пространстве жилища найдено 437 артефактов. Из них определено как орудия 24 артефакта, или 5,6% от общего числа находок, что характерно для жилищ, в отличие от рабочих площадок или производственных комплексов [Волков 1991; Volkov 1994].

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 06–01–00436а, 04–01–00048а и по программе Президиума РАН.

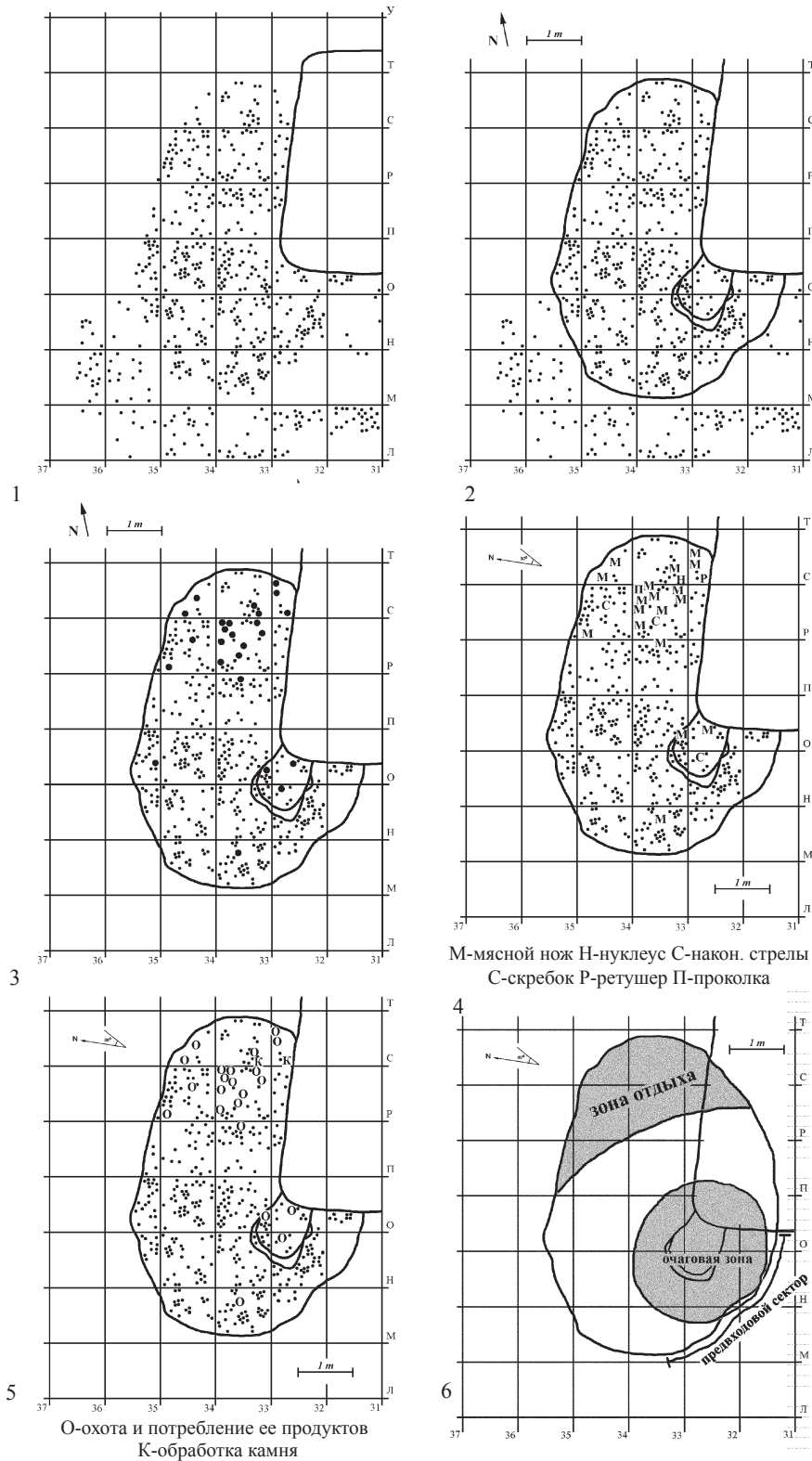

Рис. 1. 1. Распространение находок каменных артефактов на площади раскопа.
 2. Определение контура жилища. 3. Местонахождения орудий использовавшихся людьми.
 4. Результаты определения функций инструментов. 5. Разделение орудий по типу обрабатываемого ими материала.
 6. Функциональное разделение пространства жилища.

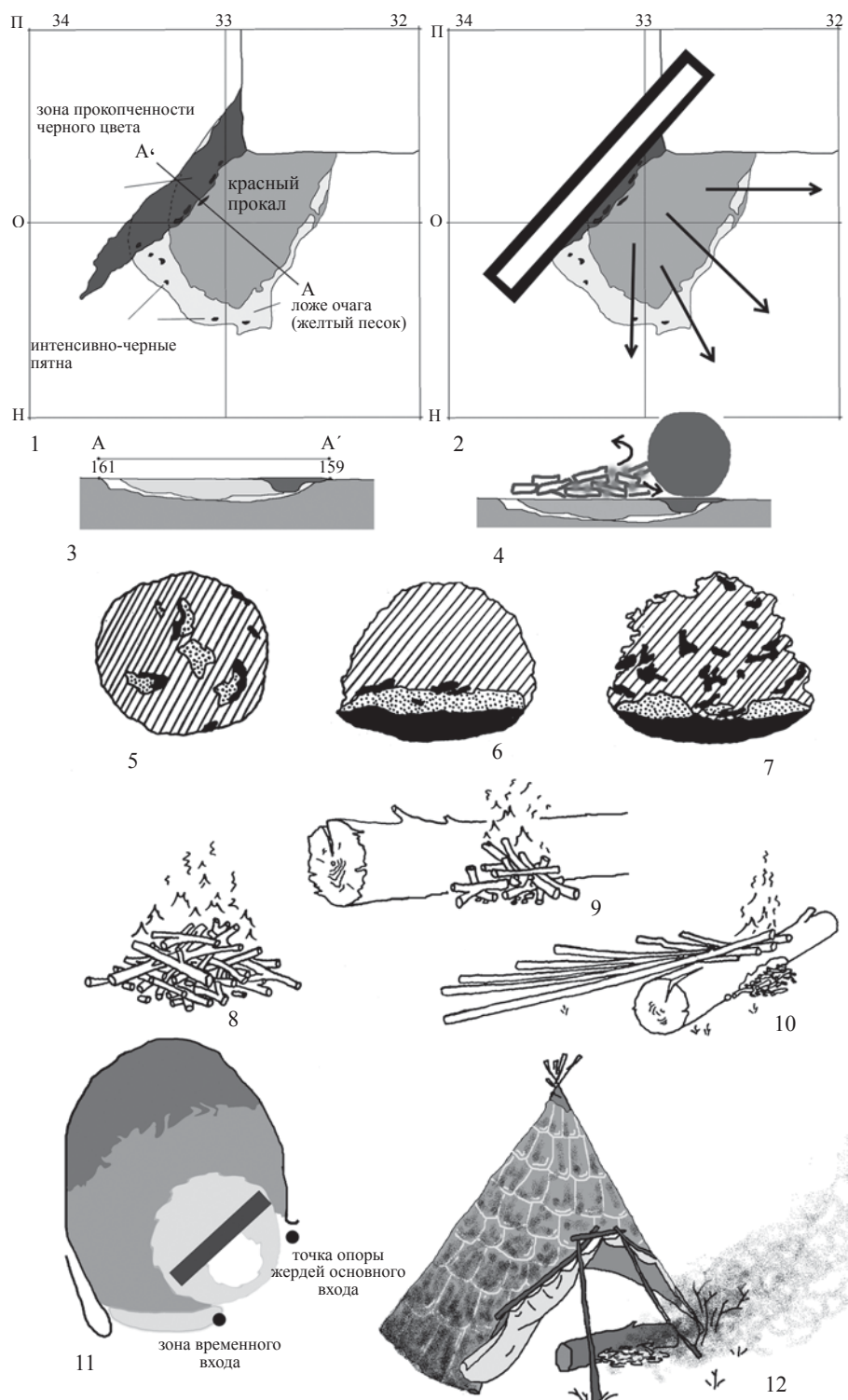

Рис. 2. 1. Схема кострища у входа в жилище. 2. Распространение теплового потока в исследуемом очаге. 3. Схема осиноозерского очага в разрезе. 4. Профильная схема-реконструкция осиноозерского очага. 5. Характерные следы прокала экспериментального «круглого очага». 6. Характерные следы прокала экспериментального «экранного очага». 7. Характерные следы прокала экспериментального «юрлыка». 8. Схема «круглого очага». 9. Схема «экранного очага». 10. Схема очага типа «юрлык». 11. Планиграфическая реконструкция осиноозерского жилища. 12. Эскизная реконструкция осиноозерского жилища.

Все инструменты данного сектора раскопа, как показал планиграфический анализ, «оказались» внутри жилого пространства выделяемого сооружения. Вне жилища утилизированных орудий не обнаружено. Детальная функциональная дифференциация инструментария показала еще одну закономерность: большинство изделий, выявленных на территории жилища, являются мясными ножами, использовавшимися при непосредственном употреблении мяса во время еды. Если систематизировать находки жилища по категориям трудовой деятельности в целом, то жизнедеятельность его обитателей можно охарактеризовать как домашне-бытовую. Подавляющее большинство инструментария отнесено к орудиям переработки продуктов охоты. Заготовок орудий или снятий пригодных для дальнейшей переработки в инструменты среди артефактов южной части раскопа вообще, и на площади жилища в частности, не отмечается.

На основе функциональной дифференциации артефактов и определения дислокации инструментария на плане жилища можно выделить и основные зоны активности обитателей: «приючаговую» и «зону отдыха» (рис. 1:6).

Схематическая реконструкция осиноозёрского жилища представляется в легкого конического сооружения (рис. 2:12), общей площадью около 18–19 кв. м. Комфортная зона – около 6 кв. м, приючаговая – 4–5 кв. м. Пространство жилища не было заглублено в почву. Некоторое понижение пола к центру и к выходу мало заметно и может быть объяснено периодическим выметанием бытового мусора, перемещавшего и часть грунта. Каркасные опоры, вероятно, опирались на дневную поверхность (следов характерных ям или канавок при раскопках не обнаружено). Перекрытие конструкции представляло собой тонкий берестяной кожух. Судя по размерам площади жилища, в дневное время в нём могли свободно разместиться 5–6 человек.

В целом изучаемую конструкцию, учитывая ее древность, можно интерпретировать как архетип сезонного жилища небольшой группы охотников.

Список литературы

- Волков П. В.** 1991. Опыт реконструкции мастерских по расщеплению камня // Материальные культуры и проблемы археологических реконструкций. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. С. 69–88.
- Волков П. В.** 1994. Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск. С. 104–112.
- Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Дже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сёк, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Джи Хён.** Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Том X., часть I. – С. 82–86.
- Окладников А. П.** 1963. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амура в 1962 году. Новосибирск. Архив ИА РАН. № Р — 1, 2439.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С., Деревянко А. П.** 1971. Археологические исследования на Осинном озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск. Вып. II. С. 323–392.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** 1977. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука. 288 с.
- Volkov Pavel.** 1994. The Distribution the Artifacts of the Experimental Work–Shop // Archaeology of Russia. Current Status of Archaeological Research for Future Investigation of Siberia and Far East Area. Seoul. P. 677–694.
- Volkov P.** 1995. The Ancient Hearths: An Experimental Investigation // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, N 11. P. 173–191.

П.В. Волков¹, Ю.Ф. Кирюшин², К.Ю. Кирюшин¹, В.П. Семибратов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

²*Алтайский Государственный Университет, Барнаул*

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЛАМУТРОВЫХ «БУСИН» ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТАВДИНСКОГО ГРОТА*

До 2002 г. территория левобережья р. Катунь от озера Ая до Большой Тавдинской пещеры в археологическом отношении являлась практически неизученной. В 2002–2005 г. на этой территории выявлено восемь объектов археологического наследия. В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ заключён договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. В рамках этого договора сотрудниками АлтГУ летом 2005 г. начаты работы по изучению Тавдинского грота.

Тавдинский грот находится в Тавдинском карстовом массиве в 7 км выше по течению от с. Манжерок, у подножия Большой Тавдинской пещеры, располагается на высоте 18–20 м., что соответствует высоте второй надпойменной террасе Катунь. Площадь грота не велика, около 30 кв.м., высота от 3.50 до 2 метров. Вход обращен на Ю-В. Раскоп шириной 1 м и длиной 8 м был заложен вдоль продольной оси грота с выходом на предходовую площадку. Вскрытая мощность рыхлых отложений составила 2,65 м. В результате исследований зафиксировано три литологических горизонта.

К слою три приурочены материалы относящиеся к эпохе финального неолита – раннего энеолита. Находка фрагментов тонкостенных сосудов орнаментированных гребенчатым штампом и толстостенной неорнаментированной керамики позволяет отнести этот комплекс к позднему этапу среднекатунской поздне-неолитической культуры [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005]. Два предмета, изготовленные из отрошков рога косули из этого слоя подвергались трасологическому анализу [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 219].

Предметом данной работы являются 29 перламутровых «бусин» найденные в третьем горизонте.

При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе, дополнительно, использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся, специально адаптированный для микро-трассологии, микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат.

Трасологическое исследование артефактов способствовало выделению на их поверхности серий характерных следов: шлифовки, полировки, сверления и др. На основе совокупного анализа изделий были установлены основные технологические этапы их производства (рис. 1).

В качестве сырья для выделки артефактов использовались фрагменты перламутровых раковин.

Первым этапом работы с материалом был процесс обработки периметра изделия. Способ, с помощью которого заготовкам «вчерне» придавалась задуманная форма, доподлинно не установлен. Однако можно предположить, что уплощенные фрагменты раковин подвергались краевому формообразующему выкрашиванию. Это самый простой, из возможных, способ формообразования заготовки. Изделию придавались округлые в плане очертания путем грубого удаления «лишних», выступающих наружных краев. В пользу такого предположения могут свидетельствовать сохранившиеся «вогнутые» участки окружности на нескольких образцах (см. рис. 1–3 с). Уверенно следует отвергнуть предположение об использовании циркульного резца или резчи-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты №№ 05–01–01390а, 04–01–00048а

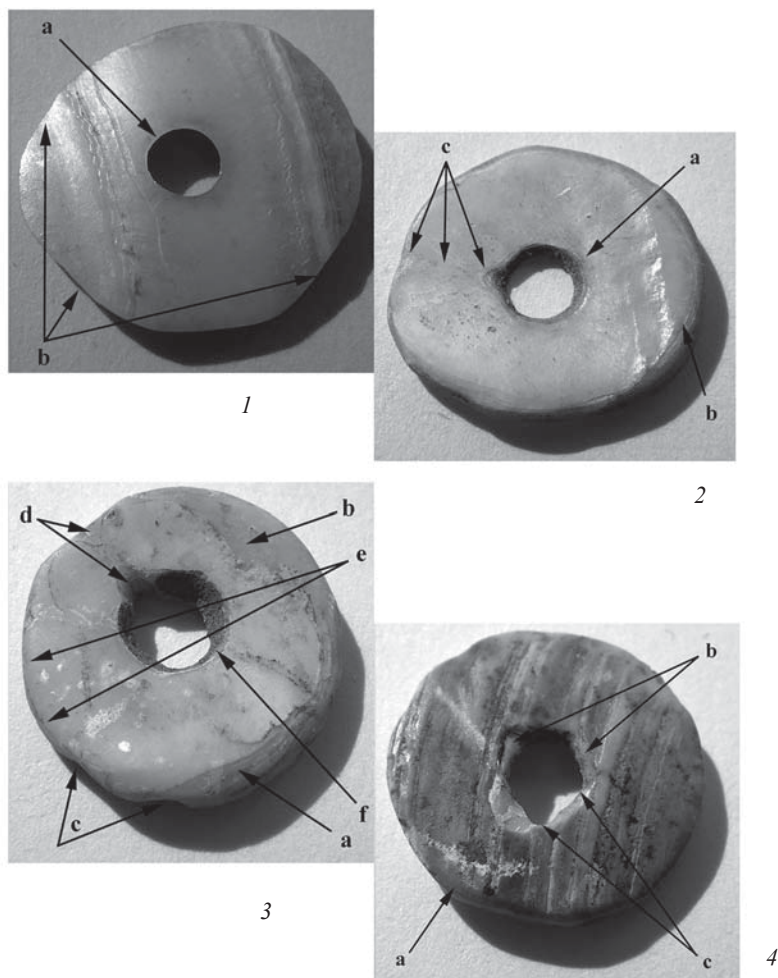

Рис. 1. Перламутровые «бусинки». Грот Тавдинский. Третий горизонт.

ков. «Неправильность» очертаний готового изделия и полное отсутствие следов работы резчика на участках, где следы его воздействия, хотя бы фрагментарно, но неизбежно должны были бы сохраниться, дает основания предположить самый примитивный, упомянутый выше, вариант формообразования заготовок.

На втором этапе работы изделие обтачивалось на широком, мелкозернистом абразиве с эластичной основой. Вероятнее всего заготовка шлифовалась о мягкую поверхность покрытую пересушенной кожей. Кинематика движений заготовки относительно обрабатывающей поверхности была самой разнообразной, но преимущественным направлением движение являлось перемещение по касательной по отношению к периметру изделия. Следы такого рода обработки сохранились практически на всех рассматриваемых артефактах (см., например, рис. 1–2 б).

Вероятно, третьим технологическим этапом было образование отверстия в центральной части изделия. В большинстве случаев использовалось станковое сверло с минимальными прецессионными колебаниями в процессе работы и оборотом сверла много больше 180 градусов [Волков, 1999, с.23.]. Результаты воздействия такого инструмента на обрабатываемый материал хорошо видны при небольшом увеличении (см. рис. 1–2 а, 1 а).

В некоторых случаях, образующееся в результате сверления, углубление на поверхности изделия не становилось сквозным (см. рис 3 f). Приостановка сверления до момента образования сквозного отверстия, вероятно, было обусловлено риском разрушения перламутровой пластинки, т.е. в тех случаях, когда заготовка была относительно тонкой.

Несквозное сверление предполагало вторую стадию прободения изделия. Данная работа совершалась «вручную», т.е. без использования станка или лучкового сверла. Вторичное сверление производилось со стороны противоположной той, где на первой стадии было сформировано только углубление. Для выполнения завер-

шающей работы по образованию отверстия использовалась «провертка» [Там же.], возвратно-поступательное вращение которой в процессе работы описывало дугу менее 180 градусов. Следы такой работы характеризуются образованием выкрошенности (рис. 1–4 б) и характерной «угловатости» формы отверстия (см. рис. 1–4 с).

Четвертый, завершающий этап работы с изделием — его полировка. Окончательная отделка артефакта производилась с помощью мягкой кожи или ткани, следы воздействия которой особенно хорошо прослеживаются на торцах изделия (см., например, рис. 1–3 е, 4 а).

Плоскости изделий не имеют следов специальной шлифовки или полировки. Отмечены только отдельные участки, где полировка перекрывает, т.е. как бы «маскирует» следы непреднамеренных разрушений (выкалывания) слоя перламутра образовавшиеся в ходе предшествующих этапов процесса производства (рис. 1–3 а, 3 б).

Маловероятно, что, рассматриваемые изделия представляют собой «бусины». В собранном виде они смогли бы составить только очень короткое ожерелье. Более того, если бы изделия прослужили в качестве бусин даже относительно очень короткий период времени, на их поверхности, неизбежно и почти мгновенно образовались бы весьма характерные следы их «контактов» друг от друга. Потёртости такого рода на плоскостях изучаемых изделий не обнаружены.

Более того, наибольшее достоинство изделий (блеск и красота перламутровых плоскостей) абсолютно не заметны при использовании их в составе ожерелья – к наблюдателю в этом случае будет обращена только узкая и довольно тусклая торцевая часть «бусин».

Более вероятно, что изучаемые изделия из перламутра нашивались на одежду и именно в таком качестве наиболее выгодно демонстрировали красоту перламутра. В пользу этого предположения могут служить и следы на внешней плоскости некоторых изделий (см., например, рис. 1–2 с, 3 d). Желобчатые структуры с мягкими сглаженными краями и наиболее углубленные у торцов изделия – характерный след вязки.

Производство рассматриваемых изделий представляется технологически сравнительно развитым. Тем не менее, следует отметить некоторую общую неаккуратность произведенной работы. Отмечено множество признаков явно небрежной выполнения технологических операций. Так например, при шлифовке торца изделия, где качественное исполнение работы не требовало особых «трудовых затрат», тщательной «доводки» изделия до вполне возможного совершенства не наблюдается. Можно предположить некоторую поспешность в исполнении украшения. Однако общий эффект производимый одеждой, украшенных блеском перламутровых «нашивок», несомненно, производил на современников весьма благоприятное впечатление.

Список литературы

- 1 **Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул., Изд-во ООО «Азбука», 2006. С. 216–222.
- 2 **Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XI. Часть I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 333–339.
- 3 **Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

С.А. Ефремов*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

МЕСТНЫЕ И ПРИВНЕСЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РАННЕМ НЕОЛИТЕ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ)*

Впервые, говоря о сложности неолитической эпохи на Алтае, связи со Средней Азией, отмечал еще С.В. Киселев (1951). В 80-е годы о местных и привнесенных компонентах в неолите Алтая заговорили археологи Алтайского государственного университета. Так, Н.Ю. Кунгурова связывала пришлые черты в мезолите – раннем неолите Алтая в лесостепной юго-западной части Алтайского края с влиянием с юго-запада (Казахстан) и относила к ним «геометрические микролиты, пластины со скошенным концом, некоторые острия, вариации вкладышей с притупленной спинкой» (Кунгурова, 1987, С.). Также отмечается, что в этот период появляются боковые скребки на пластинах. Однако, по мысли исследователя, в сложении «микролитической вкладышевой индустрии» приняли участие и местные архаичные элементы к которым относятся «скребла, рубящие орудия, долота, резцы и скребки» (Там же). При этом отмечается, что глубоких изменений в хозяйстве не происходит, оно остается присваивающим, охотничье-рыболовческим» (Там же).

Позднее, Н.Ю.Кунгурова пересмотрела свои взгляды. В частности, на основании типологического и функционального анализа материалов поселений Усть – Сема (верхний слой), Элекмонар и Тыткескень-2, был сделан вывод о единокультурности данных памятников и выделена еландинская культура эпохи мезолита-неолита (Кирюшин К.Ю., 2004, С. 9). Было также отмечено, что материалы мезолита и неолита «не принадлежат к одной культуре, но имеют общие технологические корни», а собственно «неолитическая традиция Катуня сложилась на основе местного мезолита(Усть-Сема) и в течение периодов неолита значительных изменений не претерпела» (Там же).

В свою очередь, взяв во внимание анализ керамической посуды, а точнее изменения в орнаментации оной, К.Ю. Кирюшин все же говорит о проникновении в Горный Алтай «племен из Восточного Казахстана или Средней Азии», которое случилось несколько позднее, в эпоху развитого неолита (Кирюшин К.Ю., 2004, С. 17). Если подходить более конкретно, то, отнеся, материалы культурных горизонтов 4 А и 4 поселения Тыткескень-2 и неолитический комплекс поселения Куям к «своеобразной среднекатунской культуре» (начало-вторая треть IV тыс. до н. э.), К.Ю. Кирюшин находит в ее каменном инвентаре черты сходства с материалами усть-нарымской культуры Восточного Казахстана. К признакам данной культуры отнесены типы нуклеусов, орудия на тонких сланцевых плитках, геометрические микролиты в форме прямоугольников, наконечники стрел кельтиминарского типа, размеры пластин (Кирюшин К.Ю., 2004, С. 18–19). То есть, тезис о влиянии восточноказахстанского компонента на Алтай, является основательно аргументированным.

Тем не менее, набор основных категорий инвентаря сформировался по-видимому еще в финальном палеолите, он характерен для территории бассейна реки Ануй и существовал на протяжении неолита, встречаясь в том или ином процентном соотношении с некоторыми привнесенными инновациями. В настоящее время, можно с уверенностью говорить, что и для среднекатунских материалов и для материалов бассейна реки Ануй в целом, характерно наличие инвентаря, сочетающего пластинчатую технику с орудиями архаичных грубых форм. Так, находка микролитической трапеции в слое 9 Денисовой пещеры, больше говорит о ее случайности, т.к. единична, в то же время весь остальной материал, полученный в слое твердо датируется верхним палеолитом. В то же время предметы более грубых форм (отбойник в слое 9 Каминной пещеры) также подчеркивают более тесную связь с верхним палеолитом.

Техника изготовления каменных изделий на памятнике Ануй-3 отличается от таковой на Каминной. Прежде всего речь идет о микропластинчатых технологиях. По мнению С.В. Маркина для верхнепалеолитических

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04–01 – 00528а).

материалов Каминной, удлиненные заготовки менее характерны. На что в свою очередь повлияло качество сырья, которое в среднегорье было хуже (Маркин, 2005, С. 166). Хотя в материалах послепалеолитического времени на Каминной встречено уже достаточное количество мелких удлиненных основ, что возможно, как раз и может на наш взгляд говорить о каком-то привнесенном компоненте в местной каменной индустрии.

Целью данной работы является выделение из общей группы основных категорий каменного инвентаря местных и привнесенных компонентов. К примеру, несколько ранее нами была высказана мысль о распространении на территорию Горного Алтая влияния из Монголии в раннем неолите (Ефремов, 2004, С. 299). Тогда был проведен сравнительный анализ между каменной индустрией пещеры Каминной и практически одновременных ей материалов каменной индустрии пещеры Чихэн. Далее выстраивалась цепочка памятников расположенных в Монголии от пещеры Чихэн до пещеры Каминной и предполагалась связь между ними. На наш взгляд, данная точка зрения, также имеет право на существование. Однако, как следует из текста работы прямых аналогий неолитическим материалам пещеры Каминной в каменной индустрии пещеры Чихэн встречено не было.

Опираясь, на комплексные исследования коллег, следует подчеркнуть, что на наш взгляд, территория Алтая, являвшегося контактной зоной миграций с сопредельных территорий фактически на протяжении всего исторического пути, представляет здесь в эпоху неолита многообразие различных культурных связей. Это, как уже отмечалось Монголия, Казахстан или Средняя Азия, а возможно, что и территория Зауралья. Данное утверждение иллюстрируют следующие свойственные перечисленным территориям признаки каменной индустрии: появление орудий на сланцевых плитках с режущей функцией, увеличение количества пластинок и микропластинок со вторичной обработкой, более разнообразные приемы вторичной обработки, появление изделий с подшлифовкой. Все перечисленные признаки плюс низкие трапеции и прямоугольники в наборах каменной индустрии Катуня отмечены в работе К.Ю. Кирюшина (2004, С. 16). В свое время на развитие урало-сибирского этно – культурного ареала в Зауралье, его параллели с Алтаем, Енисеем и Ангарой в бескерамических памятниках с макролитическим инвентарем, указывал еще В.Н. Чернецов (Чернецов, 1973, С. 13). Данная точка зрения в последние годы уже не отражалась.

К местным, традиционным компонентам в пещере Каминной мы относим следующие материалы на отщепках: скребла и скребки различной модификации, долотовидные орудия, единичные резцы, отбойник крупных размеров, бифас. Привнесенными компонентами, на наш взгляд, прежде всего являются наконечники стрел, которым несколько ранее была посвящена специальная работа (Ефремов, 2005). Отметим, что по принципу изготовления, по своей определенной утонченности они на порядок отличаются от наконечников дротиков и других бифасиальных форм, полученных из памятников верхнего палеолита Алтая, распространяясь на рубеже эпох практически повсеместно. К этой группе предметов относятся также пластинки и микропластинки с различными видами ретуши. Данная категория предметов получила широчайшее распространение в памятниках Северной Азии на рубеже плейстоцен – ранний голоцен. Причем, на Каминной мы наблюдаем этот процесс еще во время верхнего палеолита. Здесь, на одном из участков пещеры, встречена небольшая концентрация пластинок и микропластинок с ретушью и без оной. Однако, стоит заметить, что подобное скопление известных предметов в сравнении с другими раскопочными участками пещеры для верхнего палеолита выглядит значительным. По – видимому, уже тогда юго-западное влияние стало распространяться на Алтай. Судя по всему, в смешении местных и привнесенных компонентов, нашла свое отражение и этнокультурная ситуация, сложившаяся на данной территории в эпоху неолита.

Список литературы

Ефремов С.А. Сравнительная характеристика микропластинчатых комплексов Алтая и Монголии // Археология и палеоэкология Евразии – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – С. 294–299.

Ефремов С.А. Каменные наконечники стрел из раннеголоценовых слоев пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой Сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 106–112.

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тьткескен-2: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 23 с.

Кунгурова Н.Ю. Развитие каменной индустрии в неолите юго-западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1987. – С. 55–66.

Маркин С.В. Хронология стоянок заключительной стадии верхнего палеолита северо-западного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой Сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 163–167.

Чернецов В.Н. Этно – культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИИ в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири – Москва «Наука», 1973. – С. 10–17.

Е.Д. Жамбалтарова

Музей Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ

КОСМОЛОГИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА (ДУБЛИРОВАНИЕ ЦЕНТРА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА – РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА)*

В предлагаемой работе на основании анализа материалов 182 погребений неолита – раннего бронзового века Забайкалья и Монголии, исследуемых с позиций структурно-семиотического подхода, сделана попытка выявить маркеры центра, исходя из определения, что «Центр мира – не столько топографическая точка, сколько семантическая позиция. Ситуативно центром может быть и гора, и дерево, и коновязь – словом, все то, что соединяет миры. Центр – это то место, где осуществляется соединение пространства и времени, где происходит рождение» [Львова и др., 1988].

Возможно, само **погребение** является маркером центра. Во-первых, в ориентировке погребений, их топографии и в предметах votivного инвентаря закодирована информация о пространстве, реальном и мифологическом. Само по себе наличие исследуемых погребений свидетельствует о существовании у носителей археологических культур представлений, связанных с осмыслением участи людей после смерти (о посмертном пути, о жизни в «ином» мире и т.д.).

Погребение, как искусственно созданный объект, находится на границе трех естественных (реальных) и в то же время мифологических сфер: Средней (дневная поверхность, мир живых), Нижней (мир мертвых, «подземелье»), и Верхней (небесно-воздушная среда, мир высших божеств). Могила, рассматриваемая как точка соприкосновения между миром живых и миром мертвых, может также быть центром [Элиаде, 1999].

Во-вторых, в погребение заключена информация *о времени*. В погребальном обряде проявилась попытка человека осознать себя внутри временной бесконечности и тем самым как бы обессмертить себя [Ершова, 1996].

И, наконец, основная идея погребального обряда, идея жизненного круговорота [Косарев, 2003], направлена на *возрождение* умерших.

И.Л. Кызласов находит мировоззренческую первооснову всех разновидностей погребальных обрядов в воззрениях о смерти-перерождении. Он отмечает, что согласно древним представлениям, восстанавливаемым по фольклорным и этнографическим данным, это перерождение осуществляется внутри священного производящего центра первобытной общины. В нем пребывала, из него выходила и в него возвращалась вся жизненная сила коллектива, величина которой, по-видимому, считалась заданной, или, по крайней мере, конечной [Кызласов, 1993]. Например, у якутов считалось, что «все мертвые снова рождаются» [Окладников, 1950].

Возможно, одним из маркеров Центра в исследуемых погребальных обрядах, является **гора**. Отдельные горы или возвышенности являются наиболее типичным местом для выбора территорий крупных могильников (Фофановский могильник, могильник Бухусан). Отмечена приуроченность и одиночных погребений к горам или возвышенностям (Старый Заган, Никольский, Верхний Мангиртуй и др.).

Известно, что идея горы как иерофании (воплощения священного) явление довольно позднее в мифологическом сознании народов Сибири. Но возможно, что уже в эпоху неолита гора как сакральное место в погребальном обряде в качестве связующего звена между миром живых и миром мертвых, воспринималась как начало пути в потусторонний мир [Элиаде, 1987].

Согласно архаическим представлениям бурят, «центром Земли и всей Вселенной является огромная гора, вокруг которой вращаются солнце, луна, планеты и звезды. Эта мировая гора соединяет Землю и Небо, достигая небесных сфер, в которых проживают божества-небожители (тэнгри, заяны и хаты), а в ее нижней части

* Работы выполняются при поддержке грантов РГНФ № 04–01–00048а, РГНФ № 06–01–00466а

находится подземный мир» [Абаева, 1992]. По представлениям алтайцев вершина горы соотносилась с верхним миром, подножие – со средним миром, ущелье и пещера с нижним миром [Шодоев, 2002]. По материалам хакасского фольклора гора выступает как плодоносящая утроба с детородным органом – пещерой [Кызласов, 1982]. Эти примеры можно умножить за счет подобных представлений народов Африки, Америки, Азии, Европы, где гора выступает полисемантическим знаком в ритуально-мифологическом сознании в ряду «смерть – возрождение».

Для сооружения надмогильных и внутримогильных конструкций носителями исследуемых археологических культур использовались камни. Каменные кладки зафиксированы в 22 % погребений Фофановского могильника, в 85,8 % погребений могильника Бухусан и в 15 % одиночных погребений.

Камень является горой в миниатюре, а если он еще и внушительных размеров, выразительной формы, то вполне может выполнять те же магические функции, что и горные вершины. В равнинных, пустынных местностях, гора заменялась нередко грудой собранных камней [Морозов, 2001].

«Камень служил защитой от животных и грабителей и, прежде всего, от смерти, ибо как не портится камень, так душа погребенного человека должна продолжать собственное существование (фаллический символизм, который позже приобрели древние погребальные камни, еще более уяснил этот смысл, ибо фаллос символизировал существование, силу, продолжение)» [Элиаде, 1999].

Наконечники стрел, зафиксированные в 15 % одиночных погребений (Нижняя Джиллинда, Кокуй, Аргада, Жемчуг и др.), в 22 % погребений Фофановского могильника, в 39,6 % погребений могильника Бухусан, возможно, также определяли Центр в исследуемом погребальном обряде.

Сакральное значение стрел (копий, дротиков) полисемантически [Худяков, 1998]. Стрела является символом мужского начала (т.е. символом оплодотворения) [Королев, 2003]. В.А. Семенов предполагает, что, возможно, стрелы в погребениях выступали медиаторами между миром людей и миром предков, или выступали средством, предназначенным воспрепятствовать возвращению души умершего в мир живых [Семенов, 1993]. По данным Л.П. Потапова, у древних алтайцев основным орудием шаманской деятельности сначала был лук со стрелами, и лишь в относительно позднее время они уступили первенство бубну [Потапов, 1934]. Подвески-стрелы в костюме шамана были, по свидетельству В.П. Дьяконовой, мощным орудием шамана, ими он мог стрелять очень далеко и поражать цель, которая находится даже за перевалами [Дьяконова, 1981]. В ряде осетинских, грузинских и абхазских сказок, стрела, выпущенная героем, «ведет» его в иной мир, являясь проводником (герой идет по борозде, оставленной стрелой) и, в то же время, стрела выполняет функцию моста между мирами [Скаков, 1998].

По мнению Т.Д. Скрынниковой, у монголов стрела маркировала центр, поскольку служила вместилищем харизмы [Скрынникова, 1997].

Топоры и тесла из нефрита встречаются в 8% погребений Фофановского могильника, отдельных погребениях Старого Витима, в 7,5% одиночных погребений Забайкалья (Улан-Одон, Новая Шишковка, Кибалино и др.). Возможно, они также являются маркерами центра.

Дж. Марингер считает, что топор был символом Неба, или более точно, перунов, бросаемых на землю небесным Богом. Перун, молния соединяла небо и землю. Если огни жертвенных костров поднимались с земли к небу, то жертва небесная в пламени и раскатах грома устремлялась к земле [Зубов, 1997]. Как мы видим, в данном случае топор выступает связующим элементом между небом и землей. Абхазский герой сказки переходит через море в тот мир по топорщику, брошенному в воду. Здесь топор выступает в роли медиатора между мирами. Топор также выступает элементом мужской символики, символом оплодотворения [Скаков, 1998].

Таким образом, через символику погребального обряда отражаются представления древних, связанные с осмыслением самого феномена смерти.

Как известно смерть, также как и рождение, и свадьба, ощущалась как момент вторжения мифического начала в обыденный микрокосм, и на некоторое время утверждался хаос (или усиливалась угроза хаоса) [Львова, Октябрьская и др., 1988]. Любое нарушение (или угроза нарушения) порядка требовало вмешательства человека для его восстановления.

По мнению В.Н. Топорова, смерть является праздником жизненного цикла наряду с рождением, инициацией и браком, требующим точного воспроизведения того, что имело место «вначале», «в первый раз». Для этого необходимы соответствующие условия: определенный пространственный центр и точка во времени, тот перерыв в профанной длительности, когда времени нет [Топоров, 1994]. Через обрядовые действия происходит творение нового мира, нового времени, нового человеческого коллектива, причащающегося к наиболее сакральным ценностям [там же].

Бинарные оппозиции, выявленные в исследуемых погребальных обрядах, связанные с пространством (пространство живых/пространство мертвых, верх/низ, ЮВ/СЗ, правое/левое и т.д.) и временем (смерть/рож-

дение), подтверждают предположение о том, что само погребение выступает маркером центра. Он дублируется и в элементах обряда (погребение, гора, камень), и в предметах votивного инвентаря (наконечники стрелы, топоры, тесла) для максимальной эффективности погребального обряда, направленного на космологизацию пространства, на возрождение умерших. Следует отметить, что специфика археологических источников предполагает несколько вариантов интерпретации и прочтения элементов погребального обряда.

Список литературы

- Абаева Л.Л.** Культ гор и буддизм в Бурятии: (Эволюция верований и культов селенгинских бурят). – М.: Наука, 1991. – 142 с.
- Дьяконова В.П.** Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 138–152.
- Ершова Г.Г.** Восприятие пространства и времени // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Духовная культура. – СПб., 1996. – Вып. 3. – С. 45–69.
- Зубов А.Б.** История религий. Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 306 с.
- Королев К.** Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Эксмо, 2003. – 528 с.
- Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.
- Кызласов И.Л.** Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 83–92.
- Кызласов И.Л.** Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология. – 1993. – №1. – С. 98–112.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
- Морозов И.** Основы культурологии. Архетипы культуры. – Минск: Тетрасистемс, 2001. – С. 608.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. – №18. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с.
- Потапов Л.П.** Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 64–76.
- Семенов В.А.** Кремневые наконечники стрел из полярных святынь Урала: семиотический аспект // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб., 1993. – Ч. II. – С. 65–67.
- Скаков А.Ю.** Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб, 1998. – С. 44–47.
- Скрынникова Т.Д.** Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – М. Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1997. – 216 с.
- Топоров В.Н.** Праздник // Мифы народов мира. – М.: Сов. Энциклопедия, 1994. – Т.2. – С. 329–331.
- Худяков Ю.С.** «Стрелы любви» или «стрелы с грозами» // Международная конференция по первобытному искусству. Тезисы докладов. – Кемерово, 1998. – С. 52–54.
- Шодоев М.В.** Представления о душе у алтайцев // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 553–557.
- Элиаде М.** Космос и история – М.: Прогресс, 1987. – 359 с.
- Элиаде М.** Очерки сравнительного религиоведения. – М.: научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 488 с.

В.А. Зах*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень*

КОМПЛЕКСЫ С ОТСТУПАЮЩЕ-ПРОЧЕРЧЕННОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ ПОСУДЫ В НЕОЛИТЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Правомерность выделения в Западной Сибири нескольких культурных областей или общностей на основе керамических орнаментальных традиций [Косарев, 1974] подтверждается материалами более поздних исследований.

Основные общности, сформировавшиеся в неолите: отступающе-прочерченная, гребенчатая и гребенчато-ямочная, в соответствии с законами развития систем (см., например: [Коновалов, 2003]), проходят стадии зарождения (формирования первоначального ареала), подъема в развитии (наибольший ареал) и спада (раздробление ареала) и доживают вплоть до средневековья. Кроме того, обнаруживается, видимо, неслучайное соответствие их динамики циклическим изменениям палеоклимата (с аридизацией соотносятся подвижки населения на север, с гумидизацией – напротив, на юг).

Отступающе-прочерченную (ОП) традицию орнаментации посуды большинство исследователей считают наиболее древней и автохтонной в Западной Сибири [Косарев, 1991; Молодин, 1985; Старков, 1980]. Некоторые ученые связывают появление керамики с заимствованием [Бадер, 1970, с. 159], прямой инфильтрацией или диффузией [Ковалева, 1989; Косинская, 2002]. На наш взгляд, гончарство было освоено аборигенами в процессе взаимодействия с группами носителей ОП орнаментальной традиции – мигрантами, возможно, из районов Приаралья и Прикаспия.

Распространение посуды происходило с юга на север и с запада на восток. В этом процессе можно выделить два этапа. На первом керамические комплексы, содержащие наряду с ОП орнаментами от 2 до 22 % иных узоров, в частности гребенчатых, локализуются в основном в Тоболо-Ишимье (рис., А). На втором этапе керамика с ОП орнаментацией достигает низовий Оби, Присалаирья и Хакассии, в северо-западной части ареала количество гребенчатых орнаментов значительно возрастает, на юго-востоке ОП орнаменты сочетаются главным образом с неглубокими круглыми и овальными вдавлениями (рис., Б) [Зах, 2003].

Самые ранние комплексы с ОП орнаментацией выявлены в основном в Тоболо-Ишимье и относятся к боборы-кинской культуре. Боборыкинская посуда плоскодонная и круглодонная, горшковидной, слабопрофилированной и баночной форм, у днщ плоскодонных сосудов довольно часто отмечается украшенный насечками выступ. Орнаментирована преимущественно 1/3 поверхности, прочерченными линиями, одинарной и раздвоенной отступающей палочкой, круглыми неглубокими ямками, на некоторых экземплярах под краем венчика нанесены глубокие круглые ямки (более характерны для комплексов Приишимья). В некоторых случаях отмечаются вертикально расположенные элементы – так называемые древовидные фигуры. Есть сосуды с выступами – «ушками» по краю венчика. Количество сосудов, орнаментированных гребенчатыми оттисками, незначительно.

По сравнению с предыдущим, мезолитическим периодом получают распространение углубленные в землю жилища, каменные наконечники стрел и геометрические микролиты.

Наиболее широкое распространение комплексы с ОП орнаментацией – кошкинские, козловские, полуденковские, кокуйские – получают в конце VI – начале V тыс. до н.э., в климатический оптимум атлантического периода голоцена. Они занимают территорию от Казахского мелкосопочника до низовий Оби и от Урала до междуречья Иртыша и Оби. В отличие от боборыкинских, в которых кроме ОП орнаментов встречается 2–5%

* Работа выполнена при поддержке РАН, СО РАН программа «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

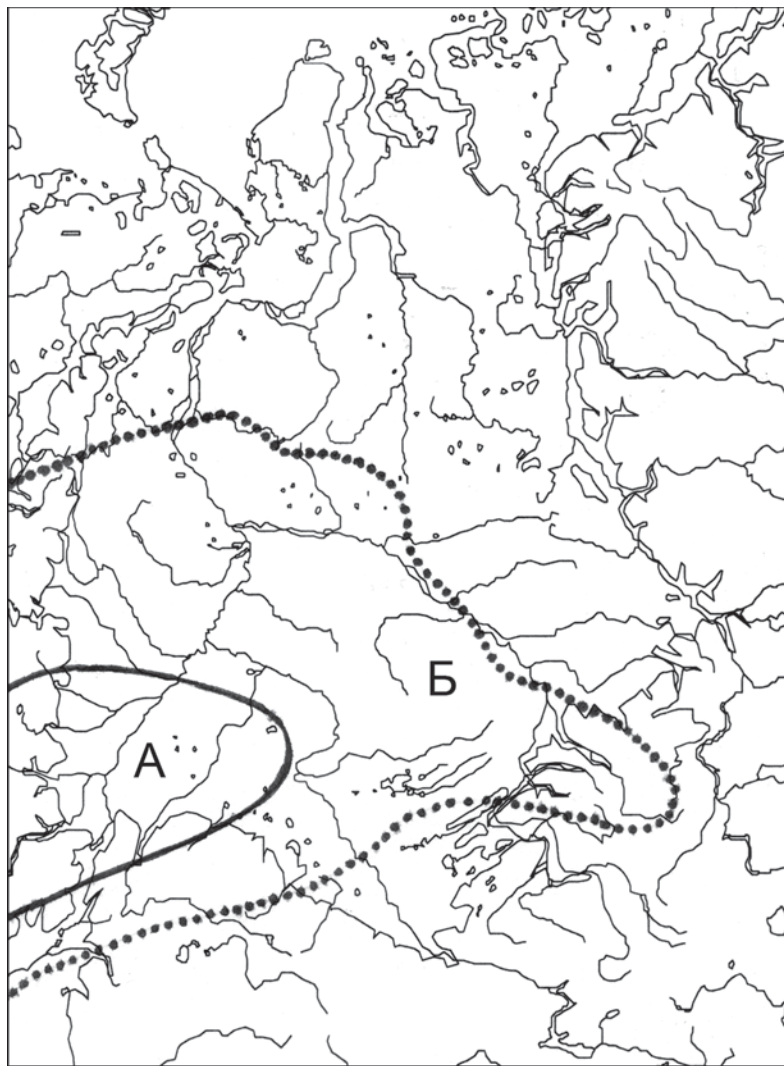

Рис. Границы распространения комплексов с ОП орнаментацией посуды на раннем (А) и позднем (Б) этапах

гребенчатых узоров, в кошкинских комплексах последних уже 8–22%, а в козловских, полуденковских и кокуйских они присутствуют на 40–50% посуды.

Кошкинская посуда плоскодонная и круглодонная, горшковидной, слабопрофилированной и баночной форм. Сосуды разных размеров, высотой до 25 см, с диаметром устья до 30 см и диаметром плоских днищ в пределах 10–15 см. Выступ у днищ менее выражен по сравнению с боборькинской керамикой. Часто поверхность круглодонных сосудов орнаментирована полностью, хотя узор достаточно разрежен. Часть круглодонных и в основном плоскодонные сосуды покрыты орнаментом на 1/3. Украшены главным образом верхняя, придонная части и дно сосуда. Иногда по краю венчика отмечаются рельефные зооморфные налепы.

Керамический комплекс козловского этапа полуденковской культуры представлен сосудами слегка закрытой формы с округлым или приостренным дном. Верхний край венчика, как правило, уплощен, с внутренней стороны отмечается массивный наплыв – подтреугольной формы либо плавно опускающийся по стенке. Нередко на венчике присутствуют защипы – «ушки», иногда с объемными налепами в виде головок животных, а возможно, и человека.

Сосуды полуденковского этапа полуденковской культуры полуяйцевидной формы, со слегка наклоненными внутрь стенками и круглым дном. Край венчика плоский, иногда волнистый, с внутренней стороны имеется наплыв подтреугольной формы с заглаженным ребром. Орнаментацию полуденковской керамики В.Ф. Старков назвал «волнисто-гребенчатой», так как в ней сочетаются отступающе-прочерченные волнистые узоры с гре-

бенчатыми вдавлениями [1973; 1980]. При доминировании отступающе-прочерченных узоров, доля орнаментов, выполненных гребенчатыми вдавлениями, варьирует в пределах от 25 до 50 % [Асташкин, 1993]. Основные элементы декора практически идентичны отмеченным на козловской керамике, это горизонтальные и наклонные линии, волна, ленты взаимопроникающих треугольников, ряды «шагающей» гребенки, вертикальные ряды круглых и каплевидных ямок. Достаточно часто поверх оттисков «шагающей» гребенки отступающей палочкой нанесены прямые линии или волна.

Посуда кокуйской культуры представлена в основном открытыми или слегка закрытыми сосудами полуяйце-видной формы с округлым или приостренным дном. Венчики овальные, приостренные или уплощенные. Край сосудов в большинстве случаев ровный, изредка волнистый, достаточно часто орнаментирован. У некоторых сосудов по верхнему краю венчика имеются пальцевые защипы. Внутри венчика фиксируется каналчик, образовавшийся в результате выгорания нити или сухожилия, которым обвязывался верхний край сырого сосуда. Поверхность кокуйских сосудов полностью орнаментирована, включая дно. Основные приемы нанесения узора – отступление, накол и гребенчатые вдавления. У большинства сосудов на тулово нанесены ряды ямок различной формы и в различных комбинациях. В их расположении усматриваются антропоморфные и зооморфные изображения [Панфилов, 1993, с. 9]. Основными элементами узора являются горизонтальная прямая или волнистая, наклонная и вертикальная линии.

Керамика с ОП орнаментацией присутствует на памятниках таежных районов Прииртышья, Приобья и севернее бассейна р. Оби – комплексы сумпаньинского, каюковского, амнинского, быстринского и кокшаровско-юринского типов [Косинская, 1999; 2001; Чемякин, 1994; Ивасько, 2002].

Вероятно, одновременно с козловскими в Притоболье и кокуйскими в Приишимье, Прииртышье и Барабе, а возможно, и несколько ранее комплексы с ОП орнаментами появляются в Присалаирье (изылинские) и на Енисее (унюкские) [Зах, 2003; Зяблин, 1973].

Посуда изылинского этапа верхнеобской культуры преимущественно круглодонной, закрытой полуяйце-видной формы. Под краем венчика с внутренней стороны присутствует наплыв, иногда своеобразный «карнизик». У небольшой части сосудов под краем венчика отмечаются ямки небольшого диаметра, часто сквозные или с негативами-жемчужинами.

В дальнейшем происходит постепенное сокращение доли ОП узоров. В Притоболье развиваются гребенчатые и ямочно-гребенчатые комплексы (шапульская и андеевская культуры), а на территории от Приишимья до Барабы – гребенчато-ямочные (екатерининская культура, на александровском этапе которой сохраняется орнамент, выполненный отступающей палочкой, например на посуде поселения Венгерovo 3 [Молодин, 1977]). Восточнее, в районах Томского и Верхнего Приобья, Присалаирья, ОП орнаментальная традиция доживает практически в чистом виде до раннего металла (ирбинские комплексы) [Зах, 2003].

Таким образом, по имеющимся материалам можно предполагать появление керамического производства в Западной Сибири на юго-западных территориях и постепенное распространение его в северном и восточном направлениях. Наиболее ранние керамические комплексы обнаружены в Тоболо-Ишимье (Юртобор 3, Ташково 1, Мергень 3). Позднее носители посуды с ОП и гребенчатой орнаментацией расселяются в таежной зоне, а на востоке доходят до междуречья Оби и Енисея.

Список литературы

- Асташкин В.И.** Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. 2. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб, 1993. – С. 54–59.
- Бадер О.Н.** Уральский неолит // МИА. – М.: Наука, 1970. – № 166. – С. 157–171.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Зяблин Л.П.** Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 65–73.
- Ивасько Л.В.** Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 7–25.
- Ковалева В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 80 с.
- Коновалов А.А.** Физический смысл и типология устойчивости экогеосистем // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 153–157.
- Косарев М.Ф.** К проблеме западно-сибирской культурной общности // СА. – М.: Наука, 1974. – № 3. – С. 3–13.
- Косарев М.Ф.** Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991.

Косинская Л.Л. О схемах развития северного неолита //Обские угры. Материалы II Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 1999. – С. 38–41.

Косинская Л.Л. Памятники быстринского культурного типа в Сургутском Приобье // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут, 2001. – С. 12–17.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. – Вып. 5. – С. 215–223.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. – С. 3–17.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье (Итоги полевых исследований). Препринт. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.

Старков В.Ф. О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья // ИИС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Вып. 7. – С. 12–19.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Челякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1994. – 21 с.

В.С. Зубков

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

О ДОКЕРАМИЧЕСКОМ И КЕРАМИЧЕСКОМ НЕОЛИТЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ

Начиная с 80-х гг. XX в. в изучении неолита Хакасско-Минусинского края наметился новый этап. Он характеризуется стремлением исследователей выйти за рамки сугубо описательных задач в отношении археологических источников, на уровень их культурно-хронологической интерпретации. Одним из способов достижения подобной цели стали попытки выделения неолитических археологических культур. В случае успеха, подобная группировка археологических источников позволяла решить не только классификационные задачи, но и давала возможность выявить основные культурно-технологические традиции в изготовлении изделий из камня, кости и керамики, определить их хронологические и территориальные границы. Путем сравнения выделенных на территории Хакасско-Минусинского края неолитических культур с синхронными культурами на сопредельных территориях появлялась возможность определить характер и направление взаимодействия между ними.

Первыми работу в этом направлении предприняли А.В. Виноградов и Л.Р. Кызласов [Виноградов, 1982; Кызласов, 1986]. Трудность выполнения поставленной задачи состояла в том, что подавляющая часть известных к тому времени местонахождений (Карасево, Вьюжное 1, Оглахты II, III, Малый Кызыкуль и др.), содержащих находки неолитического облика, имели разрушенный, чаще всего смешанный культурный слой с поверхностным условием залегания археологического материала. На таких памятниках надежно выделить типологически неолитический комплекс находок было сложно. Стратифицированный неолитический комплекс был представлен только поселением Унюк [Зяблин, Виноградов, 1991].

А.В. Виноградов, на материалах поселения Унюк и дюнных стоянок -Карасево, Вьюжное 1, Малый Кызыкуль, содержащих смешанные керамические материалы выделил в неолите Хакасско-Минусинской котловины две керамические традиции:

– керамика унюкского типа – сосуды простой овалоидной формы, круглодонные, реже с уплощенным дном. Орнаментированы сосуды по всей поверхности горизонтальными или вертикально-зизаговыми рядами оттосков отступающей лопатки или гребенчатого штампа. Дополнительно по венчику наносился поясок круглых ямок и различного вида наклонные насечки по внутреннему и внешнему краю венчика. Аналогии этой керамики А.В. Виноградов обнаруживает в VI и VII слоях поселения Казачка на р. Кан, в слое 2-А поселения Усть-Белая на Ангаре и в слое III стоянки Няша под г. Красноярском;

– керамика карасевского типа (ранняя группа) – сосуды простой слабо профилированной формы, с широким устьем, с округлым или приостренным, реже уплощенным или плоским дном. Орнамент на сосудах горизонтально-линейный, выполненный отступающей косо поставленной гребенкой, наколами приостренной палочки или мелко-зубчатым штампом; дополнительный орнамент в виде одного или нескольких рядов фигурных ямок поверх основного орнамента. Близкие аналогии эта керамика находит в керамике кипринского этапа неолита Обь-Иртышья и в керамике ранней бронзы Барабинской лесостепи. На севере от Минусинской котловины подобная керамика встречена на стоянке Няша. [Виноградов, 1982, с. 9-11]

Унюкская керамика датировалась второй половиной IV тыс до н.э., а карасевская – первой третью III тыс. до н.э. В.А. Виноградов подчеркнул, что за выделенными керамическими комплексами можно рассмотреть контуры археологических культур, но по существу выделить археологические культуры не удалось, ввиду явной узости источниковой базы.

Л.Р. Кызласовым на основе анализа коллекций каменного инвентаря и керамики было выделено 3 археологических культуры времени позднего неолита [Кызласов, 1986, с. 25, 65–69]: оглахтинская культура (стоянки

Оглахты II, III, погребение у с. Батени – конец IV – середина III тыс. до н.э. Распространена на левобережье Енисея; среднеенисейская культура (поселения Кызыкуль, Бузунова, Потрошилова и др.) – конец IV – середина III тыс до н. э. Распространена на правобережье Енисея; унюкская культура (поселение Унюк) – конец IV – начало III тыс до н. э. Правый берег Енисея.

Наиболее обоснованым, хотя и не бесспорным, представляется выделение унюкской культуры, так как она обеспечена выразительным керамическим комплексом и достаточно разнообразной коллекцией каменного инвентаря. Выделение оглахтинской и среднеенисейской культур было сделано без должных на то оснований, поскольку археологический материал малочислен и типологически невыразителен [Зубков, 2003, с. 29–30]

Но важный итог, проделанной А.В. Виноградовым и Л.Р. Кызласовым работы, заключался в том, что выяснилось – керамический неолит на территории Хакасско-Минусинского края охватывает относительно короткий промежуток времени – IV – начало III тыс. до н.э.. Нижняя граница существования здесь керамического неолита еще окончательно не определена, а верхняя граница определяется временем прихода носителей афанасьевской энеолитической культуры. Выделенные типы керамики – унюкский и карасевский, обнаруживают, первый сходство с керамикой позднего неолита в Красноярской и Канской лесостепи, второй с поздним неолитом – энеолитом Обь-Иртышья. При этом совершенно нельзя исключать возможность сосуществования во времени поздненеолитических местных керамических традиций и традиций, принесенных в Минусинскую котловину до афанасьевским и афанасьевским населением. Именно в конце неолита и в энеолитическое время на территории Хакасско-Минусинского края выявляется значительное разнообразие типов керамики, которые сходны с екатерининской и смирновской керамикой Западной Сибири [Леонтьев, 2003].

Отсутствие раннеэнеолитической керамики и открытие бескерамических стратифицированных археологических комплексов с немногочисленным каменным инвентарем неолитического облика (неолитический слой Майнинской стоянки, I слой стоянки Уй II и др.) привело С.А. Васильева к мысли о существовании в Хакасско-Минусинской котловине этапа докерамического неолита, который должен заполнить пробел между единым блоком культур финального плейстоцена – раннего голоцена и собственно неолитом с керамикой. Общими чертами для каменной индустрии докерамического неолита, является господство пластинчатой техники, наконечники стрел с вогнутым основанием, иногда удлиненные, наконечники с боковой выемкой, ряд форм скребков. Датировка этих комплексов – V тыс. до н.э. [Васильев, 1995, с. 15; Васильев, 2000, с. 72–73].

Существование на территории Хакасско-Минусинской котловины этапа докерамического неолита не исключается, так как появление глиняной посуды и связанных с ее производством технологии не вытекает из внутренней логики развития каменной индустрии неолита и возникает в древнем обществе независимо от него. Очевидно, что для его надежного обоснования требуется более обширная источниковедческая база.

В 2001–2005 гг. в подтаежной зоне Хакасии отрядами Археологической лаборатории НИЧ ХГУ им. Н.Ф.Катанова и Хакасской археологической экспедиции в долинах рек Большой Арбат, Таштып, Большая Есь и Бюрь найдено несколько археологических местонахождений, на которых выявлены стратифицированные культурные слои с каменной индустрией неолитического облика, но без керамики. К числу подобных местонахождений относятся стоянки: 1) Туманный III (2-й слой), на левом берегу р.Бюрь в 0,8 км к ЮВ от железнодорожного полустанка Туманный; 2) три стоянки на левом берегу р.Большая Есь – Читыгол I (2-й слой, Читыгол II, III (3-й слой), расположенных в 3 км выше улуса Тюрт-Тас; 3) две стоянки в долине р. Большой Арбат на ее правом берегу – Большой Арбат I (2-й слой) и Матрос I (2-й слой), стоянки неолита располагаются на первой надпойменной 5–7 метровой речной террасе (Туманный III, Читыгол III, Матрос I) или на 2-й надпойменной 8–12 метровой террасе террасе Большой Арбат I), либо на древних конусах в устье широкого лога, выходящих к реке и имеющих южную экспозицию (Читыгол I, II). Находки приурочены к покровным делювиальным отложениям раннего и среднего голоцена.

Наибольший объем полевых исследований к настоящему времени выполнен на стоянке Читыгол III. Площадь раскопа 225 кв. м. Находки 3-го культурного слоя залегают на глубине 0,45–0,58 м от современной поверхности в подошве легко оглиненной, гумусированной супеси темно-серого цвета и в кровле подстилающей ее супеси бурого цвета.

Общее количество находок 1 409 предметов, из которых : 969 отщепы, 56 отщепы с ретушью утилизации по одному краю, пластинчатые сколы 36 экз., призматических микропластинок 245 экз. Раскопанный участок памятника свидетельствует о том, что здесь происходил процесс первичного расщепления камня: нуклеусы (большинство) сработаны до предела, найдено большое количество отщепов и микропластинок.

Нуклеусы (41 экз.) – преобладают одноплощадочные, монофронтальные. Фронт снятия чаще всего располагался с торца (на узкой стороне) нуклеуса. По своим размерам их можно отнести к микронуклеусам. Высота нуклеусов от 3,6 до 1,8 см. Нуклеусы служили для получения призматических микропластинок, длинна

которых не превышала 4,5–5,0 см, при максимальной ширине 0,7–0,9 см, 19 микропластинок имеют ретушь по краю, чаще всего с дорсальной стороны.

Набор каменных включает 54 предмета (3,4% от общего числа находок).

Ножи (20 экз.). Преобладают однолезвийные ножи из крупных галечных сколов овальной или полукруглой формы (13 экз.). Рабочий край овально-выпуклый и оформлялся на продольной стороне заготовки. В качестве ножей использовались крупные пластинчатые сколы, которые имеют ретушь утилизации по одному или двум продольным краям

Скребки (24 экз.) однолезвийные, из отщепов или пластинчатых сколов. Лезвия овально-выпуклые и оформлены крутой дорсальной ретушью. Резцы – один угловой и два срединных, изготовлены из пластинчатых сколов. Острия-проколки (5 экз.) из пластинчатых сколов. В коллекции имеется 1 наконечник стрелы треугольной формы с угловато-асимметричной выемкой в основании и фрагмент топора, обработанный двусторонней ударной ретушью

Материалы 3-го культурного слоя стоянки Чытыгол III по своей типологии и геолого-стратиграфической позиции вполне соотносятся с неолитическим слоем Майнинской стоянки и 1 слоем стоянки Уй II. В вышележащем 2-м культурном слое стоянки Чытыгол III встречена, вместе с каменной индустрией, афанасьевская и окуневская керамика.

В связи с обсуждением концепции «докерамического неолита» особое значение приобретает решение двух взаимосвязанных задач:

- 1) выявление на материалах стратифицированных памятников тех технико-типологических характеристик, которые позволят достаточно надежно определить облик каменной индустрии и ее эволюцию на этапе керамического неолита;
- 2) сопоставление докерамического неолита с предшествующей ей эпохой мезолита.

Список литературы

- Васильев С.А.** К вопросу о бескерамическом неолите Сибири. // Южная Сибирь в древности. – СПб, 1995. – С. 10–16
- Васильев С.А.** Поздние комплексы стоянок майнинской группы и проблемы развития древних культур в голоцене на Верхнем Енисее. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – С. 72–74
- Виноградов А.В.** Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982. – 18 с.
- Зубков В.С.** Неолит Хакасско-Минусинской котловины: источниковая база и интерпретация археологических материалов. // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научно-практической конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского ун-та, 2005, С. 25–31.
- Зяблин Л.П. Виноградов А.В.** Неолитическое поселение Унюк на Енисее. // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – С. 109–121
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 295 с.
- Леонтьев С.Н.** Керамика эпохи неолита и энеолита минусинской степи в собрании Мартыановского музея. // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. – Новосибирск, 2003. – С. 42–48.

С.Ю. Зырянова*Уральский государственный университет, Екатеринбург***НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: БОБОРЫКИНСКАЯ КУЛЬТУРА**

Боборькинская культура, выделенная К.В. Сальниковым в начале 60-х гг. XX в., до сих пор остается предметом острых дискуссий. Оспариваются не только вопросы ее генезиса, датировки, но и атрибуции.

Основной ареал боборькинской культуры – Нижнее Притоболье и горно-лесное Зауралье. Известно более 50 памятников боборькинской культуры, большинство из которых исследовано раскопами. Поселения состоят из нескольких жилищ-полуземлянок (от 2 и более); частично исследовано поселение с уличной планировкой, включающее 22 жилища, часть из которых соединена переходами. Глубина котлованов жилищ от 0,4 до 1,5 м, площадь – от 25 до 130 м². К сожалению, полностью не раскопано ни одного поселения.

Культура была выделена по своеобразной керамике, аналоги которой отсутствовали не только в Зауралье, но и ближайшем окружении [Сальников 1961; Он же 1962]. Посуда боборькинского типа, в основном, плоскодонная, сложнопрофилированная. У некоторых сосудов днища с массивными напльвами. Орнамент наносился инструментом типа палочки с округлым или заостренным концом различными способами: прочерчиванием, нарезкой, ямочными наколами. В редких случаях – по методу отступающей палочки. Сосуды без орнамента или с одним пояском из глубоких ямочных вдавлений по шейке присутствуют во всех в комплексах, а в отдельных из них составляют до 1/3 комплекса. Орнамент покрывает только треть сосуда, редко опускаясь до дна. Наряду с простыми мотивами из прямых линий и зигзагов встречаются треугольники, заполненные штриховкой или ямками, ромбы и ромбическая сетка, мотивы в виде горизонтальной и вертикальной «елочки», треугольники и прямоугольники с «бахромой», овалы и полуовалы зигзаги с отростками и т.д.. Для орнаментации керамики боборькинского типа характерен развитый геометризм, сложившийся, как предполагают исследователи, в среде раннеземледельческих культур [Голан 1993]. Особенно интересны древовидные и змеевидные символы, реалистичные изображения змей, в том числе – на внутренней стороне сосуда. Уникальным является антропоморф в круге на внешней стороне днища сосуда, вероятно, с оленьими рогами вместо головы, широко расставленными ногами, в левой руке – змея, в правой – плеть или дубина. Можно предположить, что на дне сосуда изображено божество – змеборец. Подобные изображения, как и изображения змеи, могли появиться в среде земледельческих культур, но не у охотников и рыболовов Зауралья. Этой точки зрения придерживается и В.Д. Викторова, исследовавшая поселения боборькинского типа в Притоболье и горно-лесном Зауралье [Викторова 2002].

Орнаментация на керамике – мотивы и композиции, в целом – знаковая система – являются важнейшим аргументом, свидетельствующим не только о миграции, но и указывают регион, откуда вышли мигранты. Можно предположить, что генезис боборькинской культуры связан с миграцией населения из районов Ближнего Востока и Кавказского Причерноморья (поселения Нижне-Шиловское, Одиши, Кистрик и др.). Сопоставление проводится по комплексу признаков (морфологические характеристики керамики, техника орнаментации, знаковая система, «утюжки», диски). Керамика этих поселений различной формы, плоскодонная с напльвами по краю дна, с резным и прочерченным орнаментом или неорнаментированная, с налепными валиками и сложными геометрическими композициями [Кушнарева 1993]. Ямочная и отступающе-накольчатая орнаментация также распространена в комплексах Ближнего Востока. «Утюжки» как глиняные, так и каменные также присутствуют на боборькиских поселениях, в том числе в культовых комплексах и жилищах (Шайдурихинское V, Палатки I, ЮАО-V). Наиболее ранние «утюжки» известны в Передней Азии, джейтунской, днепро-донецкой культурах. Существуют точки зрения о функциональном и неутилитарном назначении этих предметов. Последняя из них аргументируется наличием сложной знаковой системы и материалом, из которого изготовлены

«утюжки» – глина, мягкие породы камня. Возможно, эти изделия, являлись символами земли и использовались в культовой практике. «Утюжок», найденный в Центральном Казахстане на р. Мониты, по форме и орнаментации аналогичен изделию из боборыкинского жилища поселения ЮАО-V, и может маркировать одно из направлений миграции населения с территории Ближнего Востока.

Продолжает оставаться дискуссионной проблема хронологии культуры. Существует несколько точек зрения. Одни исследователи предполагают для нее раннеолитический возраст – VI тыс. до н.э. [Зах 2006], другие – относят ее к концу V – IV тыс. до н.э. [Ковалева, Зырянова 1998; Ковалева 1999; Зырянова 2003], третьи – считают ее раннеэнеолитической и датируют I половиной IV тыс до н.э. [Логвин 1991] или серединой V – серединой IV тыс. до н.э. [Логвин 2003].

При определении возраста древностей боборыкинского типа мы опирались, прежде всего, на стратиграфическую ситуацию региона. На ряде многослойных памятников комплексы боборыкинского типа залегают выше сосновоостровских (ЮАО-XVIII («8 пункт», Ташково I). На поселении ЮАО-XVIII («8 пункт») яма с керамикой боборыкинского типа прорезает дно сосновоостровского жилища [Зах, Матвеева 1997]. На поселении Ташково I яма с древностями сосновоостровского типа находилась ниже дна боборыкинского жилища. На стоянке Карьер II слой с древностями боборыкинского типа перекрывал жилище с керамикой и каменным инвентарем полуденского культуры [Варанкин 1982]. Зафиксировано также залегание на поселении Ук-VI в одних стратиграфических условиях (в одном жилище) сосновоостровских и боборыкинских сосудов. Сосновоостровские комплексы на основании типологии, стратиграфии, данных радиоуглеродного анализа большинство исследователей датируют поздним неолитом-началом энеолита. Для жилища сосновоостровского типа поселения Дуванское V получена дата – $5\,295 \pm 60$ (JE-1 367), подтверждающая позднеэнеолитический возраст комплекса [Стефанов 1991].

С данными относительной хронологии согласуются даты, полученные для боборыкинского слоя с поселений – Ташково I – 5490 ± 60 л.н. (JE-1535), Геологическое XVI – 5440 ± 60 л.н. (JE-6995) (раскопки С.Ф. Кокшарова), то есть середина IV тыс. до н.э.

В последнее время нами исследован боборыкинский комплекс с поселения Шайдуринское V, залегающий в слое, перекрывающем жилище с раннеэнеолитической керамикой (типа Евстюниха I), для которого получена дата – 6050 ± 100 от н.д. (JE-7 089), рубеж V–IV тыс. до н.э. Следовательно, боборыкинские древности должны датироваться более поздним временем.

Тюменские археологи принимают для боборыкинского комплекса поселения Юртобор 3 очень ранние даты: для сооружения № 1 – 7700 ± 120 л.н., а для жилища № 2 – СОАН 5311: 9025 ± 70 л.н. [Пошехонова 2004]. Эти даты несопоставимы с приведенными выше и являются более ранними по отношению к неолитическим памятникам как Нижнего Поволжья, так Кавказского Причерноморья. Кроме того, с одного и того же поселения, которое авторы раскопок считают чистым боборыкинским комплексом, получены даты с разницей в 1300 лет.

Осмысление боборыкинской культуры только начинается. Исследование новых памятников вносит коррективы и уточнения в сложившиеся представления.

Список литературы

1. **Варанкин Н.В.** Стоянка Карьер II // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1982. – Вып. 16. – С. 13–17.
2. **Викторова В.Д.** Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург. Ханты-Мансийск: «Академкнига», 2002. – С. 80–94.
3. **Голан А.** Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.
4. **Зах В.А., Матвеева Н.П.** Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. 1997.- Вып. 1. – С. 3–7.
5. **Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 54 с.
6. **Зырянова С.Ю.** Боборыкинская культура: происхождение и хронология // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конференции. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2003. – С. 47–48.
7. **Ковалева В.Т.** Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 23. – С. 162–183.
8. **Кушнарёва К.Х.** Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. (Этапы культурного и социально-экономического развития). – Санкт-Петербург, 1993. – 312 с.
9. **Логвин В.Н.** Каменный век Казахского Притоболья (мезолит – энеолит). Учебное пособие по спецкурсу. – Алма-Ата: Казахский гос. пед. университет, 1991. – 63 с.

10. **Логвин В.Н.** Ранний неолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2003. – № 1. – С. 98–105.
11. **Пошехонова О.Е.** Особенности керамического производства у населения Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2004. – Вып. 5.- С. 20–26.
12. **Сальников К.В.** Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // Краткие сообщения института археологии. – М., 1961. – Вып. 85. – С. 3–12.
13. **Сальников К.В.** Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С.16–56.
14. **Стефанов В.И.** Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. – Свердловск, 1991. – С. 144–160.

С.А. Комиссаров

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ТИБЕТА (эпохи камня – палеометалла)*

Археологическое изучение Тибета на протяжении первой половины XX в. ограничивалось спорадическими обследованиями, которые проводились западными (в том числе и российскими) учеными. Стационарные раскопки практически не велись, поэтому сведений о доисторическом периоде было собрано немного. Начавшиеся в 1950-е гг. работы китайских археологов были прерваны из-за внутривосточных проблем. Полномасштабный археологический поиск на территории Тибетского автономного района (ТАР) и примыкающих к нему округов (образующих так называемый Большой Тибет) начался лишь с середины 1970-х гг., а в последние десятилетия, в связи с реализацией программы ускоренного развития западных регионов КНР, объем работ значительно увеличился. Материалы опубликованы в научной периодике и в ряде монографических изданий. Однако среди отечественных (а отчасти и западных) исследователей преобладает определенная историографическая инерция, ограничивающая использование новейших археологических данных. В обобщающих российских трудах по истории Тибета, вышедших в свет в последние годы, археологии посвящено лишь несколько страниц [Цендина, 2002, с. 47–50; Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 12–14]. Справедливости ради следует отметить, что многие китайские специалисты также мало восприимчивы к достижениям археологической мысли на Западе. Так, известный тибетолог Ван Яо для обоснования палеолитического возраста некоторых находок опирается на центральноазиатскую теорию происхождения человека [Ван Яо, 2004, с. 42], которая, по авторитетному свидетельству В.Е. Ларичева, уже давно себя исчерпала, в виду того, что «основывалась на чисто гипотетических, односторонне ориентированных теоретических выкладках самого общего порядка и не получила широкого признания, поскольку не подкреплялась фактами палеоантропологии и археологии...» [Ларичев, 1972, с. 37]. Не подтверждается она и теми данными, на которые ссылается Ван Яо.

В качестве наиболее раннего памятника на территории ТАР он называет стоянку Сужэ (Sure) в Южном Тибете, где собрана небольшая коллекция из 15 орудий (скребки, остроконечники) и 25 отщепов и сколов. По мнению китайских археологов, особенности технологии обработки позволяют отнести каменные изделия к позднему этапу среднего палеолита, что очень приблизительно соответствует возрасту 50 тысяч лет назад [Сицзан каогу, 1991, с. 14–16]. Эта дата, выдвинутая в порядке гипотезы, тем не менее, вошла (уже без всяких оговорок) в обобщающие работы и стала восприниматься как верхняя граница заселения Тибетского нагорья (см., напр.: [Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 13]). Нам такой вывод представляется преждевременным, поскольку он не опирается ни на геоморфологические данные, ни на типологические соответствия, а каменные орудия архаического облика используются населением Тибетского плато на протяжении многих тысячелетий, вплоть до эпохи палеометалла.

Более перспективным является изучение стоянки Чжулолэ (Druluole; на севере ТАР), где были найдены орудия, типологически и технологически сходные с инвентарем позднеплейстоценовой стоянки Шуйдунгоу (Нинся-Хуэйский автономный район). Можно констатировать, что освоение человеком высокогорных областей (свыше 4500 м над уровнем моря) началось в эпоху верхнего палеолита, однако более точная датировка возможна лишь на основе привлечения новых материалов.

Последующий период развития представлен сравнительно многочисленными памятниками с «микролитическим» инвентарем. На стоянках Догэцзэ (Dogetse) и Чжабу (Zabu) в районе Нагчу на севере ТАР обнаружены торцовые и конические нуклеусы [Сицзан каогу, 1991, с. 18–19]. Тенденция к уменьшению размеров

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05–01–01190а.

пластин и всего орудийного набора прослеживается и на других стоянках, – например, Цзяжитан, которую относят к эпохе неолита [Цин-Цзан телу, 2005, с. 66–79]. По своим характеристикам эта традиция сопоставима с «микролитическими» культурами Северного Китая (типа Шиюй), распространенными на обширной территории от Маньчжурии до Синьцзяна и, вероятно, связана с ними генетически [Gelek, 2003]. В этом отношении тибетские материалы представляют собой наиболее далекий (в территориальном и хронологическом плане) вариант традиции «негеометрических микролитов», выделяемой китайскими археологами (ср.: [Ларичев, 1981, с. 37–38; 1990].

Среди неолитических памятников Тибета наиболее изучена культура кажо (каго, каро или каруй), названная так по большому поселению в округе г. Чамдо. Там раскопано 27 жилищ различной конструкции и некоторые другие строительные остатки. Основой хозяйства населения было земледелие (прососеяние) и разведение свиней при значительной роли охоты. Культура развивалась на протяжении около тысячи лет, примерно с 5300 по 4300 г. до н.д.; в ее развитии выделяют три периода, в рамках которых заметно менялась экономическая и хозяйственная обстановка (Ши Инпин, 1994). Китайские специалисты отмечают сходство в форме и росписи керамики культур кажо и мацзяю [Ван Яо, 2004, с. 45]. Отметим также элементы сходства между керамикой культуры цизя и сосудом из могилы с каменными плитами в Сяоэньда (вблизи Чамдо), которая нарушила культурный слой кажо. Аналогии в обряде (каменная кладка, скорченный костяк) и в инвентаре (сосуды с «седловидным» горлом) выявлены между захоронениями типа сяньпи, отнесенные к раннему этапу культуры туфаней (конец I тыс. до н. э.), и целым блоком ганьсу-цинхайских культур эпохи ранней и развитой бронзы (мачан, каяо, сыва) [Сицзан каогу, 1991, с. 43, 107].

Указанные связи имеют чрезвычайно важное значение для реконструкции процесса этногенеза тибетцев, поскольку все перечисленные выше культуры относятся к древним цянам, описанным в китайских летописях [Гай Шаньлинь, 1996, с. 57; Се Дуаньцзюй, 2002, с. 227–237]. Традиционно считалось, что именно миграция цянов на юг сыграла важную, если не решающую роль в формировании тибетского этноса [Крюков, 1972]. Однако в последние годы эта концепция подвергается атакам со стороны западных ученых (думается, не без политической подоплеки). Так, американский ученый Х.И. Бэквит отстаивает полностью автохтонное происхождение тибетцев на основе местных археологических культур (правда, не указывает, каких именно) (см. [Цендина, 2002, с. 48–49]), а тибетский ученый Даньчжу Аньбэнь (живущий на Тайване) даже утверждает, что «не тибетцы произошли от цянов, а цяны произошли от тибетцев» (цит. по: [Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 21]).

Приведенные выше данные показывают, что археологические материалы, скорее, подтверждают «цянскую гипотезу», которая отнюдь не исключает заметную роль местных факторов. В качестве одной из таких составляющих следует считать культуру цюйгун (чойгун) эпохи позднего неолита – раннего металла, выявленную в районе Лхасы и датированную периодом 3750–3500 лет до н.д. [Ван Жэньсян, 1994, с. 66]. (Попутно отметим, что в одной из первых публикаций по данной тематике на русском языке, в целом дающей вполне адекватное представление о памятнике и культуре, по совершенно необъяснимой причине вместо дат по цюйгун приведены даты по кажо [Мартынов, 2005, с. 195]). По многим элементам хозяйственной и культурной жизни (выращивание в качестве основной продовольственной культуры голозерного ячменя, разведение яков, почитание обезьяны и грифа) эта культура может быть с полным основанием названа прототибетской. Ее происхождение пока недостаточно ясно. Определенные связи в керамическом материале прослеживаются с более ранней культурой кажо; в то же время, находки каменных заступов «с плечиками» обращают наше внимание к «прото-Юго-Восточной Азии» – основному региону распространения плечиковых орудий [Деопик, 1986, с. 205–209]. Возможные связи между древними тибетскими и австронезийскими племенами, которые были также намечены по данным сравнительной мифологии [Комиссаров, Азаренко, 2005], заслуживают дальнейшего изучения, что позволит существенно уточнить ход этнической истории в огромном регионе Большого Тибета.

Список литературы

- Деопик Д. В. Юго-Восточная Азия // Археология зарубежной Азии. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 191–232.
- Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. Древние связи между Тибетом и Тайванем // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005. – С. 119–120.
- Крюков М. В. Из ранней истории цянских племен // Центральная Азия и Тибет: Мат-лы к конф. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1972. – С. 55.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М.: Вост. лит., 2005. – 351 с.
- Ларичев В. Е. Тибет и проблема родины человека: Открытие палеолита на Тибет-Цинхайском плато и в соседних с ним районах Восточной Азии // Центральная Азия и Тибет: Мат-лы к конф. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1972. – С. 35–42.

- Ларичев В. Е.** Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М.: Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1981. – С. 4–46.
- Ларичев В. Е.** Микролитическая культура в Китае: проблемы ее истоков, особенностей и направлений миграций // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1990. – С. 9–17.
- Мартынов П. В.** Позднеолитическая культура цюйгун в Центральном Тибете // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящен. 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 194–197.
- Цендина А. Д.** ...и страна зовется Тибетом. – М.: Вост. лит., 2002. – 304 с.
- Gelek. A** brief description of the historical relations between ancient Tibetan culture and the Chinese culture // China Tibetology. – [2003]. – No. 2 // <http://www.tibetinform.com.cn/english/zt/TibetologyMagazine/200312004421152145.htm>
- Ван Жэньсян.** О некоторых проблемах культуры цюйгун // Сицзан каогу [Археология Тибета]. – Чэнду: Сычуань дасюэ чубаньшэ, 1994. – Вып. 1. – С. 63–75.
- Ван Яо.** Цзансюэ гайлунь [Очерк тибетологии]. – Тайюань: Шаньси цзяюй чубаньшэ, 2004. – 22, 3, 334 с.
- Гай Шаньлинь.** Сычоу чжи лу цаюань миньцзу вэньхуа [Культура степных народов на Шелковом пути]. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. – 5, 8, 6, 527 с.
- Се Дуаньцзюй.** Гань-Цин дицзюй шицзянь каогу [Доисторическая археология района Ганьсу – Цинхай]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2002. – 258 с.
- Сицзан каогу даган** [Основное содержание археологии Тибета] / Под ред. Хоу Шичжу. – [Лхаса]: Сицзан жэньминь чубаньшэ, 1991. – 11, 244 с. + ил. [80 с.].
- Цин-Цзан телу** Сицзан дуань тянье каогу баогао [Отчет о полевых археологических исследованиях на тибетском отрезке Цинхай-Тибетской железной дороги] / Под ред. Ли Юнсяня, Чжан Цзяньлиня, Чжан Бо и др. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005.
- Ши Инпин.** Изучение некоторых проблем поселения Кажо // Сицзан каогу [Археология Тибета]. – Чэнду: Сычуань дасюэ чубаньшэ, 1994. – Вып. 1. – С. 77–90.

В.Е. Ларичев, С.А. Ефремов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

СИСТЕМЫ СЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРЕ НЕОЛИТА АЛТАЯ (по материалам пещеры Каминная)*

Вводные замечания. Овладение приемами отслеживания времени по Луне и Солнцу относится к разряду фундаментальных достижений древних культур Евразии и чрезвычайно важному признаку их, начиная с эпохи палеолита. Объяснение тому простое – рационально упорядоченное, гармонизированное с ритмами сезонных перемен в природной среде функционирование производственной, культово-обрядовой и религиозной сфер деятельности в архаических сообществах трудно помыслить вне рамок бесконечных круговоротов потока времени. Представить такое невозможно априори, что, однако, не освобождает от предъявления неоспоримых (что значит – естественно-научного порядка), доказательств оправданности высказанной идеи. Они тем более необходимы, поскольку идея эта включает в себя, помимо прочего, и особой значимости мировоззренческий контекст, заслуживающий детального анализа в рамках основополагающей темы выявления основ натурфилософии творцов ранних культур Сибири.

Постановка проблемы. Должной весомости доказательства представлены по части культур древнекаменного века, эпох ранней и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья, по существу, всех регионов Северной Азии, что позволило утвердиться в правильности теории неизменного, на протяжении веков и тысячелетий внимания обитателей этого региона к разработке и усовершенствованию систем отсчета времени [см., для примера, Ларичев, 1993; 2004]. Для полной завершенности программы «предъявления доказательств» осталось теперь включить в нее соответствующие сведения по неолиту и, тем самым, ликвидировать «недостающее звено», которое позволит совместить в единую цепь культуры каменного века, палеометалла и раннего (до прихода русских) средневековья, примечательных сохранением одних и тех же информационных традиций, связанных со становлением протонаучных знаний. Исполнение этой части программы началось два года назад с изучения источников по неолиту Забайкалья (китайская культура) и Прибайкалья [см. Ларичев, 2005; несколько статей сданы в печать]. Доклад подготовлен в русле продолжения ее выполнения по материалам Западной Сибири.

Источники. Культурная атрибуция и датировка памятника. Подходящие для разработки темы материалы по неолиту юга Западной Сибири были получены в ходе многолетних раскопок пещеры Каминная

Рис. 1. Сланцевая пластина со знаковой записью (лицевая поверхность).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00528а).

(Усть-Канский район, бассейн р. Ануй, республика Алтай). К ним относится уникальная, покрытая с обеих сторон резными линиями сланцевая пластина (рис. 1) и погребение, примечательное поразительным обилием декорирующих одежду бус и подвесок [рис. 2; подробности см. Маркин, 2000]. Технокомплекс Каминной, представляющий большемысскую культуру, близок по особенностям инвентаря культуре, представленной памятниками равнинной зоны Алтая (Павловка 1, Гульбище, Алексеевка 1) и бассейна р. Катунь, горной его части (Тыткескен 2, культурные горизонты 4 А и 4). Эти местонахождения датируются второй третью IV тыс. до н.э. Женское, на предродовых сносках погребение в пещере Каминная датируется по радиоуглероду $5\ 320 \pm 90$ л.н. (СОАН-3401); $5\ 300 \pm 150$ л.н. (АЕСV-2040С).

Методические установки исследования и программные цели его. В избранных для изучения объектах пещеры Каминной следует вычленить числовые аспекты, ибо методику предстоящего изыскания определяет пифагорейский постулат о великой интерпретационно – семантической значимости чисел. Для этого необходимо:

- установить количество резных линий на сланцевой пластине и специфические особенности подразделения их на четко обособленные группы; провести тестирование чисел для выявления содержательной сути того, что обычно воспринимается узором или орнаментальной композицией;
- определить количество разного вида объектов искусства, декорирующих одежду погребенной, а затем тестировать полученные числа для выяснения характерных особенностей их; раскрыть значимость ориентации тела погребенной на горизонт в контексте смысловых оценок чисел, зафиксированных резными линиями пластины и элементами декора одежды умершей;
- свести воедино информацию, извлеченную из объекта искусства малых форм со знаковым текстом и предметов искусства погребального комплекса, а затем обосновать отражение ими естественно – научных знаний о Мире человека эпохи неолита юга западно-сибирского региона.

Изложим в предельно кратком варианте решение поставленных задач.

Источник № 1. Резные линии сланцевой пластины – числовой знаковый текст календарно-астрономического содержания (благодарим С.В. Маркина за разрешение провести изучение и опубликовать эту бесценную находку). Обе поверхности пластины покрыты резными, большей частью косо ориентированными линиями, которые образуют 5 четко выделенных блоков (см. на рис. 3 римские числа I–V). На одной стороне их два (I и V), на другой – три (II–IV). Большинство линий соединены в пары (двоицы), а часть из них – одиночны и, следовательно, представляют число 1 (см. на рис. числа 2 и 1). В двух блоках линии отражают число 8 (I и III), а в трех – число 7 (II, IV, V). Всего знаков на пластине 37.

Выявленные числа хорошо известны в древней календаристике. Все они примечательны кратностью их синодическому обороту Луны, если принять каждую единицу за символ 1 суток:

7 сут. : $29,5306$ сут. = $0,2370 \approx \frac{1}{4}$ син. мес. (как свидетельствует опыт расшифровки такого рода записей, календаристы каменного века Евразии отслеживали эволюции фаз Луны с точностью $0,02$ сут.); 8 сут. : $29,5306$ сут. = $0,2709 \approx \frac{1}{4}$ син. мес.; 37 сут. : $29,5306$ сут. = $1,2529 \approx 1 \frac{1}{4}$ син. мес.

Если так, то решим очередные задачи – установив алгоритм (порядок) считывания числовых блоков, реконструируем систему счисления времени в течение лунного и солнечного годов. Проигрыш возможных вариантов позволил выявить оптимальный – блоки считывались в порядке предложенной нумерации их от I до V-го, следуя последовательному (гармоничному) чередованию чисел 8 и 7, нарушенному лишь в конце счисления (по причине объяснимой – стремления уклониться от числа, некратного синодическому обороту ночного светила – 38):

Рис. 2. Погребение женщины.
Распределение украшений,
декорирующих одежду (первый горизонт).
По С.В. Маркину.

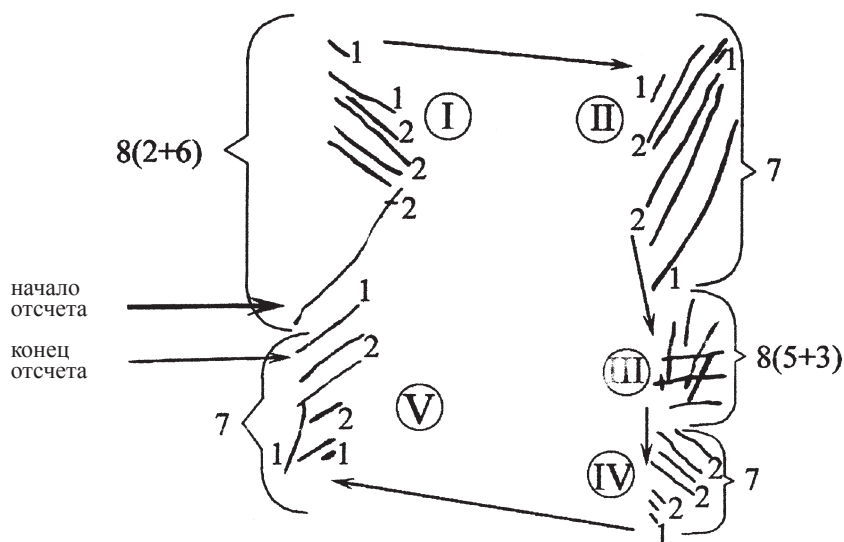

Рис. 3. Схема знакового текста пластины с перечнем числовых блоков, указателями структур их, а также порядка счисления линии.
(Рисунок художника Ирины Михайленко.)

8 (подразделяется на 2 и 6) → 7 → 8 (подразделяется на 5 и 3) → 7 → 7 сут. = 37 сут.

После девятикратного прохода по всем знакам в установленном порядке (37 сут. × 9 = 333 сут.) для выхода на рубеж окончания лунного года алгоритм счисления менялся, вследствие необходимости ввода в счетную систему интеркалярия (дополнения; обычный прием календаристов при счислении времени по Луне, когда возникает задача выхода на особо значимый рубеж отсчета времени): в I блоке 8 вне учета оставались два его начальных, выделенных особо знака а и б, а отсчет времени завершался после прохода по линиям 7 и 8 блоков II и III:

$$339 + 6 \text{ (знаки I-го блока 8 без а и б)} + 7 + 8 \text{ сут.} = 354 \text{ сут.}$$

Выравнивание с временем солнечным производилось после счисления в том же порядке второго лунного года. В конце двухлетия в счетную систему вводился интеркалярный – на сей раз все знаки первых трех блоков счетной системы – 8 → 7 → 8 сут. = 23 сут., что и выводило на рубеж окончания солнечного двухлетия:

$$(354 + 354 \text{ сут.}) + 23 \text{ сут.} = 731 \text{ сут.};$$

$$731 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 2,0014 \approx 2 \text{ солн. года.}$$

Но счетная система пластины позволяла считывать солнечный год напрямую, минуя отсчитывание лунного двухлетия. Для этого после девятикратного прохода по всем блокам заведенным порядком, при очередном десятом проходе вне учета оставались 5 особо выделенных линий III блока (они перечеркивают три горизонтальные линии). В результате получим:

$$(37 \text{ сут.} \times 9) + 8 + 7 + 3 \text{ (вне учета 5)} + 7 + 7 \text{ сут.} = 365 \text{ сут.}$$

В заключение расшифровок определимся с датой новогодия календарной системы. Для этого проведем счисление знаков заведенным порядком до момента, когда рубеж первого же сезона определяют особо примечательные знаки. Если к таковым отнести 5 вертикально ориентированных линий III-го блока 8 (по виду они уникальные в счетной системе), то в таком случае новогодие тех, кто заселял пещеру Каминную в неолите, определяло весеннее равноденствие:

$$(37 \text{ сут.} \times 2) + 8 \text{ (блок I)} + 7 \text{ (блок II)} + 5 \text{ (часть блока III)} \text{ сут.} = 94 \text{ сут.}$$

Именно такое количество суток определяет длительность самого продолжительного в году сезона – весеннего (период от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния).

Судя по своеобразному виду 5 резных линий III блока 8, сутки приближения ко дню летнего солнцестояния отслеживались с особым вниманием. Само летнее солнцестояние приходилось на 3 перечеркнутые горизонтальные линии того же III-го блока 8.

Источник № 2. Бусы и подвески одежды погребенной – числовой знаковый текст календарно-астрономического содержания. Сезонный подтекст ориентации тела умершей. Образцовой тщательности раскопки С.В. Маркиным захоронения женщины и скрупулезная статистическая обработка бус, нашивок и

подвесок, украшавших одежду умершей, позволили поставить вопрос об отражении элементами декора примечательных временных циклов:

- связанные с одеждой кольца перламутровые (686 экз.) и костяные (о календарно-астрономической значимости объектов искусства в палеолитическом погребении см. Ларичев, 2005 в), обособленные и в низках (соответственно, – 76 и 646 экз.), вместе с восьмеркообразными нашивками (13 экз.) составляют число, соответствующее продолжительности 4-х лунных лет [см., Маркин, 2000, табл. I] –

$$686 + 76 + 646 + 13 \text{ экз.} = 1421 \text{ экз.}$$

$$1421 \text{ сут.} : 354,367 \text{ сут.} = 4,0099 \approx 4 \text{ лун. года.}$$

Счисление времени по 4-х и 8-летиям – устойчивая календарная традиция в древних культурах Среднего и Ближнего Востока, а также Средиземноморья. Восьмилетний цикл привлекал астрономов первых цивилизаций возможностью свести воедино циклы оборотов трех величайших светил – Луны, Солнца и Венеры (близкое количество суток содержат 8 солнечных лет, 99 синодических месяцев и 5 синодических оборотов Венеры ≈ 2922 сут. [см. Ларичев, 2005б]);

- осведомленность тех, кто совершал захоронение в пещере Каминная, в продолжительности оборота ярчайшей из планет – Венеры, астрального символа Матери-прародительницы, подтверждает количество костяных рыбок (528 экз.) и резцов сурка (54 экз.), которые размещались в районе груди и были нашиты, по-видимому, на передник (см. ту же таблицу в статье С.В. Маркина) –

$$528 + 54 \text{ экз.} = 582 \text{ экз.};$$

$$\text{усредненный синодич. об. Венеры} = 583,9 \text{ сут.}$$

Несоответствие ничтожно, (возможно, случайная потеря 1–2 экз.), чтобы сомневаться в справедливости изложенного.

Ориентация тела захороненной головой на северо-восток, а ногами на юго-запад астрономично и календарно информативна. В тех частях горизонта наблюдаются, соответственно, восход Солнца в дни начала астрономического лета (летнее солнцестояние) и заход Солнца в дни начала астрономической зимы (зимнее солнцестояние). С точки зрения идей, связанных с жизнью, смертью и возрождением, такая ориентация весьма примечательна, ибо после летнего солнцестояния начинается смещение Солнца в Южную сферу Мироздания (Нижний мир, обитель мертвых), а после зимнего солнцестояния начинается смещение дневного светила в Северную сферу его (Верхний мир, обитель живых и возрожденных к новой жизни).

Подведем итоги. Судя по материалам пещеры Каминная обитатели Алтая эпохи неолита обладали обширными познаниями в области астрономии и календаристики. Эти знания определяли, надо полагать, ритмы их экономической, культово-обрядовой и религиозной деятельности.

Неолитические астральные традиции отчетливо просматриваются в календаристике и мировоззренческих установках творцов культур палеометалла Средней и юга западной Сибири.

Список литературы

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов мира. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля (к методике раскрытия семантики сцен борьбы и терзания) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3(3). – С. 70–74.

Ларичев В.Е. Стела Аскиза: Астральные боги и Время (семантика фантастического облика богов, анималистических фигур и личин окуневской эпохи) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Издательство Алтайского университета. – 2000. – С. 379–389.

Ларичев В.Е. Устремленная в Небо (страны света, светила и Время в мировоззрении жречества китойской культуры Забайкалья) // Сибирь на перекрестье мировых религий. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ. – 2005а. – С. 114–119.

Ларичев В.Е. Календарно-астрономическая таблица из Чичи (реконструкция систем счисления времени эпохи бронзы Западной Сибири) // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Издательство Алтайского университета. – 2005б. – С. 89–93.

Ларичев В.Е. Сунгирь – святилище раннего этапа верхнего палеолита в европейской части России // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005в. – № 3 – С. 3–8.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо – Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 53–64.

Е.Л. Лычагина*Пермский педагогический университет, Пермь*

НЕОЛИТ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Археологические исследования памятников каменного века на территории Пермского края, ведутся со второй половины XIX века. На сегодняшний день в Пермском Предуралье известно 60 археологических памятников, относящихся к неолитическому времени. В их открытии и исследовании можно отметить несколько основных этапов.

Первый этап конец XIX – начало XX вв. На этом этапе, силами местных краеведов были открыты первые памятники эпохи неолита. К ним относятся стоянки Лёвшинская и Шляпино. Материалы этих исследований были обработаны и опубликованы Ф.А. Теплоуховым [Теплоухов, 1892].

Второй этап – 1920–30-ые гг., связан с именами таких археологов, как А.В. Шмидт и Н.А. Прокошев, и деятельностью Камской археологической экспедиции ГАИМК. На этом этапе были проведены крупные раскопки на стоянке Лёвшино [Прокошев, 1940], открыты и исследованы памятники в окрестностях г. Перми – стоянка Северная на озере Грязном, стоянка Верхние Гари (позднее Бор I) [Прокошев, 1936].

Третий этап (1947–1960 гг.) связан с деятельностью О.Н. Бадера и организованной им Камской Археологической Экспедицией (КАЭ). КАЭ были проведены широкомасштабные раскопки в зонах строительства Камской и Воткинской ГЭС. В результате этих работ были обнаружены и исследованы такие неолитические стоянки, как: Хуторская [Денисов, 1960], Боровое Озеро I [Бадер, 1951], Кряжская [Денисов, 1961], Чернашка и др.

Следующий этап (1962–1975 гг.) связан с появлением проекта строительства Верхнекамской ГЭС и работами КАЭ на севере края (в основном в Чердынском районе). На этом этапе, В.П. Денисовым и В.А. Обориным, были исследованы такие памятники, как: Васюково II, Чирва II, Ларёвка, Лисья Курья и др.

На основе имевшегося, на этот момент, эмпирического материала, О.Н. Бадер выделил «камскую неолитическую культуру» и создал её периодизацию [Бадер, 1970, 1978].

Пятый этап (1975–2000 гг.) связан с широкими исследованиями в окрестностях Чашкинского озера В.П. Денисова и А.Ф. Мельничука. В это время началось изучение таких памятников, как Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро V, Чашкинское Озеро VI [Мельничук, Пономарева, 1984], Чашкинское Озеро VIII, Усть-Залазнушка II и др. Была поднята проблема соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой [Денисов, Мельничук, 1986].

На современном этапе продолжают исследования археологических памятников на восточном берегу Чашкинского озера, активно внедряются новые методы анализа вещественных остатков, уточняются хронология и периодизация неолита края [Лычагина, 2006].

При взгляде на археологическую карту Пермского края видно, что памятники эпохи неолита расположены на ней крайне неравномерно. Можно выделить 4 крупных группы (с севера на юг): Чердынская, Усольско-Березниковская, Пермская, Осинская. В этих группах находится 48 из 60 известных неолитических памятников. Все группы расположены вдоль течения р. Камы. Такое расположение памятников эпохи неолита не случайно. Оно связано с активным освоением и заселением Камы и ее притоков в эпоху неолита с одной стороны, и хорошей изученностью данных районов с другой. В тоже время, во многих частях Пермского края памятники эпохи неолита вообще неизвестны. Поэтому перед археологами стоит задача изучения этих территорий.

Так как большинство известных неолитических поселений расположено в зонах водохранилищ, то возникает еще одна проблема. На сегодняшний день, 11 памятников полностью разрушены водами водохранилищ, остальные находятся в аварийном состоянии и нуждаются в продолжении исследований.

Из 60 известных памятников с неолитическим комплексом, археологические раскопки проводились на 34 поселениях. На остальных памятниках либо был собран подъемный материал, либо была проведена шурфовка, общей площадью не более 16 кв.м. Однако, необходимо отметить, что многие поселения являются многослойными и неолитический комплекс далеко не всегда является ведущим. Наиболее часто неолитические комплексы соседствуют с материалами эпохи энеолита – 28 памятников. Это создает дополнительные трудности при характеристике каменного инвентаря. Очень часто, разделить кремневые комплексы неолитического и энеолитического времени не представляется возможным. Поэтому характеристика тех или иных культурно-хронологических групп проводится, в основном, по керамике.

Памятников с однородным неолитическим комплексом всего 20. Из них раскопанных – 8. Наиболее крупные раскопки были проведены на таких «чистых» неолитических памятниках, как: Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро VIII, Усть-Залазнушка I, Боровое Озеро I, Хуторская, Кряжская.

Остатки жилищ эпохи неолита изучены на 6 памятниках (Усть-Букорок, Хуторская, Чернушка, Чернашка, Лёвшино, Усть-Залазнушка I). Как правило, это были подчетырёхугольные полуземлянки, для сооружения которых использовались естественные ложбинки, площадью 60–120 кв. м. с 1–3 очагами (в некоторых поздне-неолитических сооружениях очаги четко не фиксируются) [Лычагина, 2001].

В культурном плане неолит Пермского края неоднороден. Выделяется, по крайней мере, 2 культурные традиции. Первая связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. Подобная керамика встречена на 52 неолитических поселениях. Именно с её характеристикой связано выделение О.Н. Бадером «камской неолитической культуры» [Бадер, 1970]. Вторая традиция связана с посудой, орнаментированной с помощью наколов. Подобная керамика встречена на 11 памятниках. Дискуссия по проблеме соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой на территории Пермского Предуралья, привела нас к выводу, что памятники с гребенчатой керамикой связаны с автохтонным населением, а появление памятников с накольчатой керамикой связано с проникновением населения с более южных территорий Средней Волги и Нижней Камы [Лычагина, 2004].

Различия в каменном инвентаре между этими группами не столь заметны, однако тоже имеют место. Так для «камской неолитической культуры» характерно широкое использование для изготовления орудий плитчатого кремня, различных галек и отщепов. В обработке часто использовалась бифасиальная ретушь и техника шлифования. Для памятников с накольчатой керамикой характерно широкое использование мелового и галечникового кремня, изготовление орудий на пластинах с использованием односторонней краевой ретуши [Лычагина, 2002].

Основной проблемой периодизации «камской неолитической культуры», является отсутствие четко выраженной группы ранне-неолитических памятников [Лычагина, 2006]. В остальном же она соответствует схеме, предложенной О.Н. Бадером [Бадер, 1978]. Среди памятников с накольчатой керамикой также намечилось выделение 2 хронологических групп [Лычагина, 2006]. Однако, незначительность выборки и отсутствие достаточного количества абсолютных дат, не позволяют нам говорить об этом с уверенностью.

Хронология неолита Пермского края нуждается в уточнении и удревнении. На сегодняшний день имеются только 2 радиоуглеродные даты для комплексов с накольчатой керамикой поселения Чашкинское Озеро VI:

- образец I – 6030±140 л.н. (ГИН – 13275);
- образец II – 6230±160 л.н. (ГИН – 13276).

После калибровки, время существования поселения было отнесено к концу VI – первой половине V тыс. до н.э. [Лычагина, Зарецкая, 2005]. Еще несколько образцов с других памятников сейчас находятся в работе.

Для создания более полной и объективной картины жизни населения края в эпоху неолита, необходимо использование новых методов исследования. В частности, проведение технологического и трасологического анализа каменной индустрии, технико-технологического анализа керамики. Первые шаги в этих направлениях уже сделаны.

Таким образом, перед исследователями неолита Пермского края стоят следующие задачи:

- выявление новых неолитических памятников в слабо исследованных районах региона;
- проведение аварийных спасательных работ на разрушающихся неолитических поселениях;
- поиск и исследование ранне-неолитических памятников;
- проведение абсолютного датирования опорных памятников и создание современной периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья;
- широкое внедрение новых (современных) методов анализа каменного инвентаря и керамики.

В ходе решения поставленных задач, возможно, произойдет пересмотр устоявшихся теорий и представлений о неолите лесной полосы и его взаимодействии с лесостепью.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I // Материалы и исследования по археологии (МИА). -1951. – №22. – С. 14–32.
- Бадер О.Н.** Уральский неолит // Каменный век на территории СССР – М., 1970. – С. 157–171.
- Бадер О.Н.** Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // Краткие Сообщения Института Археологии (КСИА). – 1978. – Вып.153. – С. 72–74.
- Денисов В.П.** Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки Пермского университета. – 1960. – Т. XII. Вып. I. Труды Камской Археологической Экспедиции. Вып. III. – С. 34–72.
- Денисов В.П.** Кряжская неолитическая стоянка // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. М., – 1961. – Вып. 2. – С. 6–22.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.** Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 1986. – С. 52–53.
- Лычагина Е.Л.** Поздненеолитические жилища на территории Пермского Предуралья // Труды Камской Археолого-Этнографической Экспедиции. – Пермь, 2001. – Вып. I-II. – С. 5–10.
- Лычагина Е.Л.** Пермское Предуралье в эпоху камня // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002. – С. 21–76.
- Лычагина Е.Л.** Поздний неолит Пермского Предуралья (к вопросу о соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – 24 с.
- Лычагина Е.Л.** Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2006. – С. 11–24.
- Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е.** Новые данные по хронологии памятников с накольчатой керамикой на территории Пермского Предуралья // Современный музей как важный ресурс развития города и региона. – Казань, 2005. – С. 184–186.
- Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В.** Неолитическая стоянка Чашкинское Озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск, 1984. – С. 44–57.
- Прокошев Н.А.** Камская экспедиция в 1935 году // Советская археология. – 1936. – №1. – С. 255–268.
- Прокошев Н.А.** К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья // Материалы и исследования по археологии (МИА). – 1940. – №1. – С. 3–43.
- Теплоухов Ф.А.** Вещественные памятники каменного и бронзового периода в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1892. – Вып.1. – С. 1–37.

Н.П. Макаров

Краевой краеведческий музей, Красноярск

НЕОЛИТ ЕНИСЕЯ

Не смотря на то, что первые неолитические изделия на Енисее были обнаружены еще в XVIII в. в ходе академических экспедиций Д.Г. Мессершмидта, П.С. Палласа, Г.Ф. Миллера и других исследователей неолит данного региона до настоящего времени остается еще слабоизученным. Новые источники по неолитической эпохе зачастую появлялись случайно, в результате разрушения археологических памятников различного рода земляными работами. Раскопки же неолитических могильников и стоянок И.Т. Савенковым, С.А. Теплоуховым, В.Г. Карцовым и другими археологами, как правило, были эпизодическими, прерываясь по разным причинам на долгие годы даже после их успешного начала. Итогом первого этапа изучения неолитических источников стали публикации А.П. Окладникова обобщившим накопленные материалы [Окладников, 1957].

В последующее время наиболее плодотворными в изучении неолита Енисея оказались семидесятые-восьмидесятые годы двадцатого столетия, когда исследованиями экспедиций научных центров Красноярска, Иркутска, Ленинграда были раскопаны десятки памятников. Особенно результативными стали исследования стоянок Казачка [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984], Няша [Погудин, Дроздов, 1989], Пещера Еленева [Макаров, Мартынович, Оводов, Орлова, 1995] и других опорных многослойных памятников. В результате этих работ стало возможным создание региональных периодизаций для Красноярско-Канской лесостепи, Среднего и Верхнего Енисея. Но вскоре этот успешный период сменился полосой застоя связанного с разрушительными последствиями для отечественной науки постперестроечного времени. Многие материалы, включая комплексы опорных памятников, даже полтора – два десятилетия спустя так и остаются лишь в виде предварительных публикаций.

Все это заставляет еще раз вернуться к характеристике неолита Енисея и подвести черту под накоплением источников к началу XXI века.

По современным данным хронологический рубеж между мезолитом и неолитом Енисея определяется по опорным разрезам многослойных памятников пещеры Еленева и Казачка временем около 7 тыс. лет назад. Так серия из 16 радиоуглеродных дат, выполненных в лаборатории ИГиГ СО РАН указывает на хронологические рамки 10 мезолитических горизонтов пещеры Еленева в пределах 10,5–7,3 тыс. л.н. [Макаров, Орлова, 1992]. Датировка раннеолитического горизонта 11Г пещеры Еленева, где впервые встречена керамика, имеет даты по 14С – 6530±60 л.н. (СО АН 2907) и 6900±115 л.н. (СО АН 3998). Финальномезолитический горизонт 8 Казачки имеет дату 6850±200 л.н., а неолитический горизонт 6 – 6650±200 л.н. [Воробьева, Савельев, 1984]. Близкий возраст имеет дата переходного от мезолита к неолиту культурного слоя 4 стоянки Шалунин Бык под Красноярском – 7130±280 л.н. (СО АН – 3471).

Культурные слои раннего неолита Енисея достоверно фиксируются лишь на стоянках Казачка, Пещера Еленева и Шалунин Бык. При этом их радиоуглеродные датировки определяют этап раннего неолита V тыс. до н. э. На это же время указывает и датировка еще одного раннеолитического культурного горизонта 11 В пещеры Еленева – 6475±190 л.н. (СО АН -2906).

Основные типы орудий, впоследствии характерные для неолита Енисея, имеют свои прототипы в комплексах местного мезолита. Так на этапе позднего и финального мезолита в пещере Еленева появляются подшлифованные тесла, бифасиально обработанные ножи, ретушированные микропластинки, а также двусторонне обработанные каменные наконечники стрел. Широко распространяются в этот период костяные пазовые наконечники. Последние, в раннеолитическом культурном слое IV стоянки Шалунин Бык, составляют 20 % всех орудий. Сохранившиеся в пазах призматические микропластинки

во всех случаях не имеют следов ретуши. Распространяются в раннем неолите и костяные ножи с пазами для вкладышей.

При этом, судя по материалам пещеры Еленева, вкладышевая техника продолжает бытовать и на последующих этапах неолита Енисея. На всем протяжении неолита распространяются и универсальные костяные изделия: изогнутые острия для рыбной ловли, иглы, проколки, игольники, подвески и украшения.

Изделия из камня в период раннего неолита представлены теслами, скребками, нуклеусами, наконечниками стрел. Тесла, прямоугольные в плане, со следами подшлифовки лезвия. Орудия имеют плоское брюшко и односторонне выпуклую спинку, часто покрытую галечной коркой.

Нуклеусы двух типов: клиновидные и призматические.

Наконечники стрел представлены большей частью в обломках.

В раннем неолите Енисея появляется сетчатая, гусенично-гребенчатая и шнуровая керамика. К последней относится так называемая керамика посольского типа. Её венчик украшен треугольным в сечении налепным валиком с зубчатыми отрисками по верхнему кососрезанному краю и поясом мелких сквозных отверстий.

Следует отметить, что находки посольской керамики в неолите Енисея в столь ранних горизонтах являются уже не исключением, а закономерностью.

Общая стратиграфия опорных памятников и даты по С14 определяют развитой неолит Енисея IV тыс. до н.э. Для него выделяется Казачинский керамический пласт датированный 6000 – 5200 л.н. Сосуды характеризуются простой формой с ямочно-гребенчатой орнаментацией и отрисками отступающей лопаточки [Савельев, 1989]. Наряду с восточными параллелями, значительная часть керамики находит свои аналогии в западносибирских комплексах. Прежде всего, это керамика с волнисто-струйчатой орнаментацией со стоянки Красноярская и других памятников Енисея [Мандрыка, Гридина, 1989; Макаров, 2005].

В каменном инвентаре преобладают наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой. Грубообработанные тесла и топоры с ушками выполнены на речных гальках. Среди нуклеусов преобладают призматические и клиновидные формы. Встречены отдельные экземпляры нуклеусов-дрелей с резцовыми гранями. Скребки – концевые, выполненные, большей частью, на пластинчатых отщепках.

В серии костяных изделий представлены обломки пазовых наконечников, шилья, иглы, проколки, гарпун, подвески из клыков животных, оригинальные миниатюрные пуговицы с отверстиями, изогнутые острия, а также обломок крючка для рыбной ловли.

Для позднего неолита Енисея выделяется пунктирно-гребенчатый керамический пласт датированный древнее 4500 л.н. [Савельев, 1989]. Эти выводы подкрепляются и материалами культового позднеолитического культурного слоя 10 пещеры Еленева с датировками 4655±30 л.н. (СОАН-2905) и 4930±55 л.н. (СОАН-3295). Вместе с расколотыми костями четырех человек в слое 10 зафиксировано более чем 300 выразительных изделий. Среди них преобладают наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой, нефритовые и кремневые тесла, шлифованные ножи с вогнутым односторонне скошенным лезвием, ретушированные вкладыши, костяные орудия и украшения.

В целом, этап позднего неолита датируется рубежом IV–III – первой половиной III тыс. до н.э.

В заключении следует отметить, что из более чем двух десятков раскопанных неолитических памятников на Енисее, наиболее информативные керамические материалы имеют аналогии между собой лишь в отдельных случаях. Все это свидетельствует о значительных лакунах в имеющихся источниках и говорит об острой необходимости дальнейшего накопления археологических материалов для уточнения имеющихся культурно-хронологических схем.

Список литературы

Воробьева Г.А., Савельев Н.А. Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного местонахождения Казачка 1 // Проблемы исследования каменного века Евразии. Тезисы докладов Краевой конференции. – Красноярск: 1984. – С. 150–153.

Макаров Н.П., Орлова Л.А. Мезолит пещеры Еленева // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Тезисы докладов международного симпозиума. Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 171–175.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Орлова Л.А. Комплексные исследования пещеры Еленева // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Издательство Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 143–145.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. – С. 149–171.

Мандрыка П.В., Гридина И.Н. Новые материалы финального неолита Красноярской лесостепи (к вопросу о миграционной волне) // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 26.

Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА, 1957. – N 1. – С. 31–36.

Погудин В.А., Дроздов Н.И. Археологические местонахождения Красноярского археологического района // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. -Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. – С. 247–250.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии. Тезисы докладов Краевой конференции. Красноярск: 1984. – С. 139–141.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- Новосибирск, 1989. – 23 с.

Ж.В. Марченко

*Институт археологии этнографии СО РАН, Новосибирск***ДРЕВНЕЙШАЯ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНАЯ КЕРАМИКА БАРАБЫ***

Гребенчато-ямочная керамика в Западной Сибири была выделена В.Н. Чернецовым на материалах памятника Екатерининской стоянки. Она характеризовала древнейшие керамические комплексы Среднего Прииртышья, которые по аналогии с материалами стоянки Полуденка были датированы серединой-второй пол. III тыс. до н.э. и отнесены к концу эпохи неолита [Чернецов, 1953, с. 31–36]. Исследователь характеризовал керамику Екатерининской стоянки следующим образом – сосуды яйцевидной или параболоидной формы с округлым или приостренным дном; сплошная орнаментация сосуда; «преобладающий орнамент гребенчатый с зональным расположением полос, состоящих из елочки и вертикально или косо поставленной гребенки, иногда в сочетании с рядами различной формы ямок, служащими для разбивки орнаментального поля на зоны» [Чернецов, 1953, с. 31]. Кроме того, В.Н. Чернецов отмечал в качестве сопутствующей посуды черепки, украшенные в технике отступающей лопатки, прочерчивания, гладкой или гребенчатой качалки [Там же]. Таким образом, понятие «екатерининский тип керамики» является синкретичным и включает в себя не только гребенчато-ямочную керамику. Подобная нерасчлененность характерна и для современного уровня исследований**.

Увеличение в 50-70-х гг. XX в. источниковой базы позволило М.Ф. Косареву выделить в районе Приишимья-Прииртышья *гребенчато-ямочную культурную общность*. Постулировалось, что она возникает на исходе неолитической фазы, когда единая западносибирская неолитическая общность распадается на несколько культурных областей. Время сложения новых культурных образований относилось к рубежу III–II тыс. до н.э. [Косарев, 1981, с. 43].

Существенный вклад в разработку гребенчато-ямочной проблематики внесли работы А.И. Петрова. Исследователем на базе среднеиртышских памятников, были собраны материалы, близкие комплексу Екатерининской стоянки, на основе которых была всесторонне охарактеризована екатерининская культура. Основу екатерининского керамического комплекса составляла гребенчато-ямочная керамика. По мнению А.И. Петрова, в переходную к металлу эпоху генезис екатерининской (гребенчато-ямочной) керамики происходил по пути геометризации орнамента, т.е. наблюдался отход от монотонных горизонтальных рядов наклонного штампа и горизонтальных рядов ямок. Кроме того, по-прежнему в состав екатерининской керамики входила посуда, декорированная в технике шагания, прочерчивания, отступания. Сравнительный анализ среднеиртышских материалов с пришимским комплексом Кокуй-1 позволил А.И. Петрову удревнить положение екатерининской керамики до первой половины-середины III тыс. до н.э. [Петров, 1986, с. 14–15].

На наш взгляд, гребенчато-ямочная керамика – это посуда, основными характеристиками которой является своеобразная орнаментальная схема и техника декорирования. Основные принципы орнаментальной схемы – сплошное заполнение орнаментального поля, горизонтальность расположения орнамента. Основные элементы – наклонные оттиски гребенчатого (или гладкого штампа), круглые (или овальные) ямки. Как правило, ямочными наколами покрывалась внешняя сторона сосуда, иногда они наносились и с внутренней стороны, образуя «жемчужины». Основные мотивы орнамента – односторонне наклонные

* Работа выполнена при поддержке программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-6568.2006.6

** Так, авторы монографии «Нижнетарский археологический микрорайон» в состав керамики екатерининского типа включают наряду с гребенчато-ямочной керамикой, керамику, украшенную в отступающе-накольчатой технике, технике шагания (гребенчатого или гладкого орнаментира). [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, рис. 36–38].

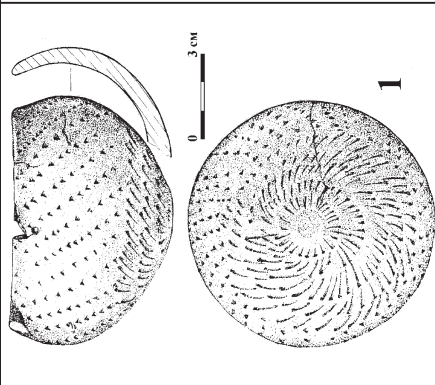
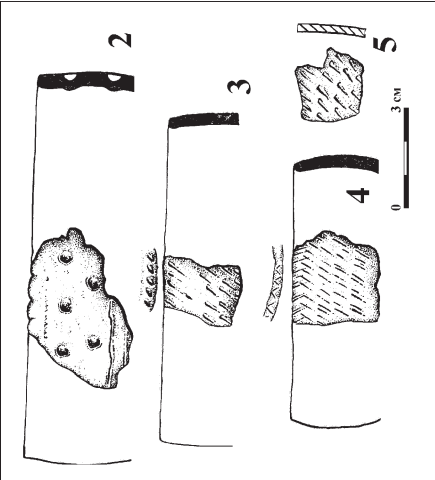
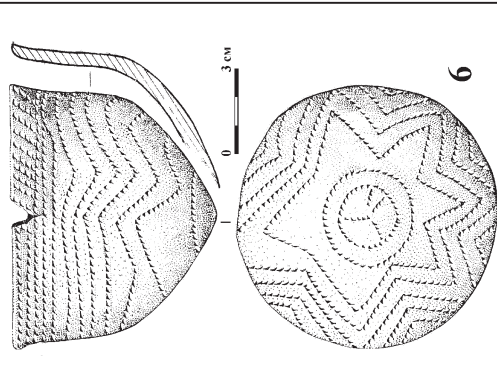
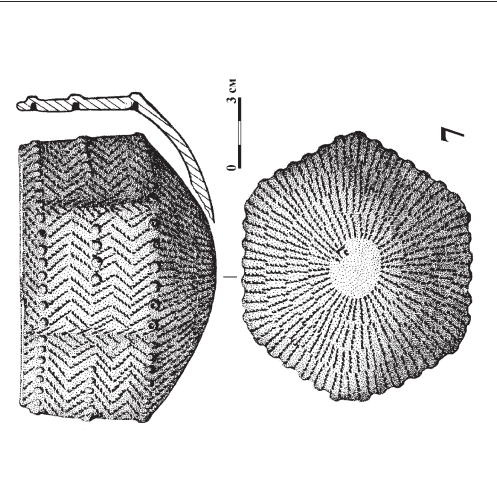
абсолют. даты	относит. даты	керамическая традиция	гребенчато-ямочная традиция
5640-3800 до н.э.	сер. VI-н. IV тыс. до н.э.		
7185-6640 до н.э.	к. VIII-п.п. VII тыс. до н.э.		

Рис. 1. Керамика из погребальных комплексов Барабы. /-5 – Протока [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1987], 6-7 – Сопка-2 [Молодин, 2001].

оттиски гребенчатого (или гладкого) штампа, разносторонне наклонные оттиски гребенчатого (или гладкого) штампа, образующие «елочку». Трудно сказать, насколько тесно были сопряжены между собой ямки и оттиски штампа в рамках отдельного орнаментального мотива. В большинстве случаев ямки находятся между оттисками штампа, но иногда они нанесены и поверх него. Скорее всего, ямки имели большее значение в обще композиционном плане, чем как взаимосвязанные со штампом элементы. Форма сосудов эволюционировала, по всей вероятности, от баночных с округлым дном – к слабо профилированным с плоским дном (в эпоху бронзы).

Весьма часто в комплексах вместе с собственно гребенчато-ямочной посудой встречается «похожая» керамика (вместо косо поставленного штампа – шагание гребенчатого или гладкого орнамента). Однако, ее, по нашему мнению, нельзя напрямую отождествлять с собственно гребенчато-ямочной («классический

вариант») керамикой. Возможно, что это – адаптированный, переработанный вариант. Или же наоборот – эта керамика отражает иную орнаментальную традицию, не связанную с гребенчато-ямочной.

Гребенчато-ямочная керамика в западносибирских комплексах происходит, главным образом, из материалов поселений. Практически всегда эти комплексы нестратифицированы и часто перемешаны. Поэтому большую значимость имеют находки гребенчато-ямочной посуды в закрытых комплексах. Гребенчато-ямочная посуда встречена в захоронениях неолитической группы Сопки-2, выделенной В.И. Молодиным. Сосуд из погребения № 61 баночного типа, круглодонный (рис. 1, 7). Орнаментальная схема выполнена в «классической» гребенчато-ямочной манере – горизонтальные косо поставленные оттиски гребенчатого штампа, образующие елочку и три ряда жемчужных наколов в верхней, средней и нижней части сосуда. Орнаментальная схема представляется уже сложившейся. Другая керамика неолитического комплекса Сопки-2 – баночного типа остродонная. Орнамент выполнен в технике отступающей палочки (рис. 1, 6), гладкой «качалки» в комплексе с ямочными наколами [Там же, рис. 10, 11], или вообще отсутствует [Там же, рис. 10, 8]. Дата погребений неолитической группы Сопки-2 устанавливается по костным остаткам погребения № 68 – 8005±100 л.н. [Молодин, 2001, с. 27]. После калибровки временной диапазон составляет 7185 – 6640 до н.э.*

Кроме того, на наш взгляд, гребенчато-ямочная посуда встречается также среди керамических материалов могильника Протока, отнесенной группой авторов к неолитическому пласту. Основной массив керамики представлен посудой с отступающе-накольчатой орнаментацией [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1987, с. 17]. Гребенчато-ямочные ассоциации вызывает, прежде всего, керамика, орнамент на венчиках и тулове которой выполнен в виде горизонтальных рядов гладкого косо поставленного штампа (рис. 1, 3–5)**. Кроме того, нижняя часть миниатюрного сосуда из погребения 5 орнаментирована по той же схеме (рис. 1, 1). Радиоуглеродные даты могильника – 6200±80 л.н. (СОАН-2699), 6355±200 л.н. (СОАН-2700) [Орлова, 1995, с. 241]; калиброванные даты – 5325-4940 до н.э. и 5645-4835 до н.э. – соответственно.

На наш взгляд, в материалах обоих памятников мы имеем дело, как минимум с двумя орнаментальными керамическими традициями. Одна из которых – гребенчато-ямочная. При этом в каждом случае эта традиция проявляется уже как сложившаяся.

Таким образом, материалы погребений памятников Сопка-2 и Протока позволяют говорить: во-первых, о более раннем времени появления керамики вообще в Западной Сибири; во-вторых, о синхронном существовании как минимум двух орнаментальных керамических традиций – гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой (+прочерченной) в к. VI – н. V тыс. до н.э. (а если учитывать дату могильника Сопка-2, то время их сосуществования относится к к. VIII – пер. пол. VII тыс. до н.э.); а в-третьих, о большей древности гребенчато-ямочной традиции, чем это представлялось ранее. В-четвертых, гребенчато-ямочная орнаментальная традиция не является следствием развития зауральского прочерченного или отступающе-накольчатого орнамента. Это самостоятельная традиция. На данный момент неолитические комплексы могильников Протока и Сопка-2 – наиболее древние памятники Обь-Иртышского региона с керамической посудой. В какой-то степени радиоуглеродные даты могильника Протока согласуются с датами сумпаньинской группы поселений, отнесенных по данным радиоуглеродного датирования к раннему неолиту (6850±60 л.н.) [Крижевская, 1995, с. 8]. Калиброванная дата – 5840–5635 до н.э. Керамический комплекс сумпаньинской группы поселений примечателен еще и тем, что наряду с накольчатой керамикой залегает посуда с «довольно сложным гребенчатым орнаментом» [Там же]. Похожая ситуация с совместным залеганием керамики с разной техникой орнаментации отмечена в материалах раннего неолита Приуралья [Там же, с. 6]. При этом, если накольчатая традиция по обе стороны от Урала на основании каменной индустрии связывается с местным мезолитом, то оснований для сопоставления комплексов с гребенчатой керамикой с другими памятниками этих территорий пока нет [Там же, с. 8].

Список литературы

Косарев М.Ф. *Бронзовый век Западной Сибири.* – М.: Наука, 1981. – 277 с.

Косарев М.Ф. *Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии.* – М.: Наука, 1996. – 379 с.

* здесь и ниже даты калиброваны автором в программе Calib-4

** кроме того, на наш взгляд, к числу гребенчато-ямочных мотивов можно также отнести двойной ряд ямок под венчиком, расположенный в шахматном порядке (рис. 1, 2). Такой мотив не в качестве основного, но сопутствующего встречается в гребенчато-ямочных комплексах позднего неолита Средней Тары (памятники Нижняя Тунуска-1, 2, 3 (неопубликованные материалы И.Г. Глушкова))

- Крижевская Л.Я.** Некоторые новые данные о хронологии неолита Уральского региона и методах ее установления // Российская археология. – 1995. – №2. – С. 5–10.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 176 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Нижнетарский** археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.
- Орлова Л.А.** Радиоуглеродное датирование памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 207–232.
- Петров А.И.** Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986. – 18 с.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.Н.** Неолитические могильники Северной Барабы. – Наука. Сиб. отд-ие, 1989. – 104 с.
- Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. – Москва: Наука, 1980. – 221 с.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – М.; Л., 1953. – Вып. 35. – С. 7–71.

В.Е. Медведев*Институт археологии этнографии СО РАН, Новосибирск*

О КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИАМУРЬЕ

Проблема культурогенеза всегда занимала одно из важнейших мест в изучении неолита юга Дальнего Востока России (Приамурье и Приморье). История возникновения и развития культур и первых ростков этнических групп в среде неолитических обитателей обширного ареала, от Корейского п-ва на юге до районов Приохотья на севере, насчитывает многие десятки лет.

В докладе с учетом полученных в последнее время новых материалов освещаются некоторые вопросы культурогенеза Нижнего Приамурья. С этим регионом принято связывать территорию долины Амура с впадающими в него притоками на пространстве от низовьев р. Усури до его устья.

Вплоть до 1980-х гг. в неолите рассматриваемого региона считалось обоснованным существование трех неолитических культур среднего голоцена (IV – середина II тыс. до н.э.): малышевской, кондонской и вознесенской. В соответствии с данными стратиграфии и радиоуглеродными датировками малышевская культура была отнесена к раннему неолиту, кондонская – среднему, а вознесенская – позднему. Предшествующий этим культурам этап каменного века, связанный с финалом плейстоцена – началом голоцена – осиповская культура, считавшаяся тогда бескерамической, определялась как мезолитическая (возрастом XII – VIII тыс. л.н.).

Позже по результатам раскопок в 1975–1990 гг. многослойного поселения Гася и др. памятников у с. Сакачи-Алян было установлено, что среди материалов осиповской культуры имеется керамическая посуда, а также единичные шлифованные каменные изделия (Окладников, Медведев, 1983; Деревянко, Медведев 1992; 1993). Эти открытия, а также выявление в осиповской культуре таких черт, как оседлый образ жизни, повсеместное рыболовство привели к отказу от термина «мезолитическая» применительно к осиповской культуре. Было предложено отнести ее к начальному этапу неолита Нижнего Приамурья [Derevianko, Medvedev, 1995; Медведев, 1993, 1995]. Затем была найдена керамика в Среднем Приамурье в верхних слоях стоянок на р. Селемдже. Стоянки относятся к селемджинской позднепалеолитической культуре, с которой, как выясняется, имеет генетическую связь осиповская культура [Derevianko, Medvedev, 1995; Деревянко, Медведев, 1995; Деревянко, Волков, Ли, 1998: 62, 77]. В нескольких памятниках осиповской культуры в Нижнем Приамурье (Хумми, Гончарка-1) также были обнаружены фрагменты керамики. В коллекции находок из эпонимного поселения Осиповка (раскопки 1960 г.) автором была отмечена керамика осиповской культуры, аналогичная той, что выявлена в поселении Гася. К этому перечню принципиально новых неолитических материалов полученных на Дальнем Востоке, необходимо добавить информацию о выделенных в нижеамурском регионе в самом конце 1990-х гг. еще одной сравнительно ранней культуры. При раскопках на о. Сучу на площади более 500 м² найдены многочисленные комплексы каменных изделий и керамики, возраст которых несколько моложе материалов осиповской культуры, но заметно старше трех других неолитических культур данного ареала. Новая культура, названная маринской, наделена своеобразными чертами и способна занять соответствующее место в изучении процесса культурогенеза амурского неолита [Медведев, 2001; Деревянко и др., 2003, т. I].

Таким образом, в настоящее время в археологии Нижнего Приамурья определены пять неолитических культур: осиповская, маринская, малышевская, кондонская и вознесенская.

Осиповская культура представлена сейчас десятками памятников, расположенными преимущественно в долинах рек Амура, Усури и некоторых их притоков. Происхождение осиповской культуры, как уже отмечено выше, связано с селемджинской культурой, в которую также уходят корни еще одной культуры начального неолита – громатухинской, существовавшей в Среднем Приамурье.

Наиболее изученный памятник осиповской культуры – поселение Гася, где характерным признаком является связь ее нижнего культурного слоя с плотными плейстоценовыми глинами, перекрытыми пластами суглинков и супесей, толщина которых достигает 2,5–3,0 м. При раскопках поселения впервые на Дальнем Востоке в «мезолитическом» слое была найдена керамика, представленная раздавленным сосудом и разрозненными черепками. Сформованная на шаблоне керамика имеет много общих черт: плоскодонная и весьма слабого обжига. В глинистом веществе почти одинаковый состав наполнителя: песок, обломки мелкозернистой горной породы, много примесей органики, остатки растительных волокон и шамот. Наиболее древняя осиповская керамика темного или черного цвета, очень рыхлая, стенки толстые. Она почти вся с обеих сторон с узкими желобками, оттиснутыми, скорее всего, шнуром. На отдельных черепках отмечены слабые отпечатки плетеного изделия. Керамика, найденная на поселениях Госян, Хумми и некоторых других памятниках, во многом близка гасинской керамике.

Полученные по углю радиоуглеродные даты дают представление об абсолютном возрасте осиповской культуры. Наиболее ранняя дата поселения Гася составляет $12\,960 \pm 120$ л.н. (JE – 1 781) (калиброванная – 16 110 – 14 480 л.н.), поздняя – $10\,875 \pm 90$ л.н. (AA 13 393) (калиброванная – 13 140 – 12 640 л.н.). Ранняя дата поселения Хумми – 13 260 л.н. (AA – 13 392) (калиброванная – 16 450 – 14 900 л.н.), поздняя – $10\,345 \pm 110$ л.н. (AA – 13 391) (калиброванная – 12 830 – 11 690 л.н.). Правда, по углю из этого поселения получена дата, равная $7\,760 \pm 120$ л.н. (ГИН – 6 945). Однако вряд ли стоит рассматривать ее серьезно, поскольку она заметно омоложена и не может соответствовать большой серии довольно плотных по возрасту осиповских датировок. Так, большинство дат поселения Гончарка – 1 укладывается в рамки датировок Гаси и Хумми. Ранняя дата памятника Гончарка – 1 равна $12\,500 \pm 60$ л.н. (LLNL – 102 169) (калиброванная – 15 550 – 14 160 л.н.), поздняя – $9\,890 \pm 230$ (Gak – 18 981) (калиброванная – 12 330 – 10 600 л.н.). Таким образом, на сегодня осиповскую культуру можно датировать в диапазоне 9 890 – 13 260 л.н. (калиброванная дата около 12 330 – 16 450 л.н.).

Мариинская культура с полным правом занимает место в раннем ряду амурского неолита. Стратиграфически ее материальные остатки на о. Сучу отмечены под погребенной почвой за пределами раскопанных жилищ вознесенновской культуры. Стационарные жилища полуземляночного типа в ней пока не обнаружены, хотя зафиксированы обширные рабочие площадки с обилием каменных и керамических артефактов. Не исключено, что оставшиеся после мариинцев жилищные котлованы были вторично использованы в позднем неолите, их углубили и расширили, поэтому они не сохранились. Каменная индустрия мариинской культуры широко представлена пластинчатой техникой. Пластины снимались со специально подготовленных одноплощадочных, преимущественно подпризматических, нуклеусов. Большая часть нуклеусов – из алевролитов весьма высокого качества. Практически все мелкие изделия (наконечники стрел, скребки, проколки, резцы и др.) изготовлены из правильных ножевидных пластин. Керамика мариинской культуры архаичного облика, черепок рыхловатый с примесью шамота и органики (?). Сосуды отличаются однообразием простых форм и орнамента. Они декорированы в виде бордюра гребенчатым штампом только в приустьевой части и по верхней плоскости чуть отогнутого наружу венчика.

Об ареале культуры сейчас можно говорить лишь предположительно. Помимо северо-восточной части Нижнего Приамурья, где расположен о. Сучу, культура могла охватывать районы выше по Амуру, возможно, вплоть до Усури. В данном случае большой интерес представляет разнокультурное и разновременное поселение Кондон-Почта. Основная часть раскопанных на памятнике жилищ относится к кондонской культуре, несколько жилищ – к вознесенновской. В переотложенных слоях есть материалы осиповской и малышевской культур, а также эпохи металлов. Сейчас можно говорить, что до носителей кондонской культуры на поселении, несколько позже осиповцев, обитали создатели мариинской культуры. Об этом свидетельствует довольно многочисленная архаичная керамика, аналогичная мариинской с о. Сучу, зафиксированная, как правило, в переотложенных слоях кондонского памятника, включая первый сверху [см., например, Окладников, 1984, табл. X, 1 – 15, 17 – 18; XVIII, 6, 9, 12; XXVIII, 1, 3, 5, 6, 8 – 10; L, 7, 11; LIII, 5, 10; LIX, 6, 9; LXV, 1]. Одним из подтверждений многократной перекопанности и перемешанности культурных слоев поселения Кондон-Почта служат материалы жилища 13, относящегося к вознесенновской культуре, в верхних слоях которого обнаружено много керамики, главным образом кондонской культуры, но почти отсутствует вознесенновская [там же, табл. LXI; LXII]. Кстати, наличие в разных пластах Кондонского поселения большого количества пластин и изделий из них подтверждает предположение о существовании на нем в раннем неолите мариинского культурного слоя, и возможно, жилищ, разрушенных позже аналогичными постройками.

Недавно в литературе выделены ранний и поздний комплексы кондонской культуры, о которой сказано ниже. К раннему причислена керамика мариинской культуры указанного поселения [Шевкомуд, 2004, табл. 98, 1]. К числу ранних на памятнике почему-то отнесено жилище 10, при этом найденная на его полу типичная только

для позднего этапа кондонской культуры керамика с каннелюрным и чешуйчатым орнаментами во внимание не принята [там же, с. 130; табл. 100, 4; см. также Окладников, 1984, табл. LX, 1, 2, 4]. В данном случае приведен один из примеров сложности выделения жилищ раннего комплекса названной культуры.

Радиоуглеродный анализ угля из мариинского слоя на о. Сучу определил следующие даты: $8\ 585\pm 65$ л.н. (СО АН – 4869); $7\ 400\pm 140$ л.н. (SNU 02); $7\ 180\pm 120$ л.н. (SNU 02); $6\ 180\pm 70$ л.н. (СО АН – 4109). Следовательно, возраст мариинской культуры, ставшей в регионе, прежде всего в северо-восточных и центральных его районах, восприимчивой осиповской культуры, определяется в рамках VIII – VII – VI тыс. л. до н.э.

Мальшевскую культуру довольно длительное время включали, как уже сказано выше, в ранний неолит. Её принято считать местной, нижеамурской. По хронотерриториальным признакам её памятники подразделены на две группы – раннюю и позднюю. К ранней относятся поселения в юго-западных районах Нижнего Приамурья (Гася, Гоян, Малышево, Сакачи-Алян (нижний пункт), Казакевичево, Шереметьево и др.). К поздней – в северо-восточных районах ареала (Сучу, Калиновка и др.). Начало генезиса ранних комплексов мальшевской культуры связано с позднеосиповской культурной традицией. Это установлено на поселении Гася, на котором участки хорошо сохранившего слоя мальшевской культуры располагались непосредственно над осиповским слоем, литологически в весьма близкой ситуации. Примечательно, что на полу жилищ – полуземлянок, вырытых в осиповском слое, найдены каменные изделия не только мальшевской, но и осиповской культур [Дервянко, Медведев, 1993, рис. 44 – 46]. Наиболее ранняя радиоуглеродная дата в юго-западной группе памятников мальшевской культуры получена на поселении Сакачи-Алян (нижний пункт) – $6\ 900\pm 260$ л.н. (МГУ – 345). С учетом стратиграфических условий артефактов на поселении Гася есть основание считать, что VI – V тыс. до н.э. не самый ранний возраст культуры.

Памятники северо-восточной группы рассматриваемой культуры датируются в пределах $6\ 070\pm 90$ л.н. (СО АН – 4343) – $4\ 470\pm 100$ л.н. (ГИН – 8292). Этот возраст – V – середина III тыс. до н.э. – соответствует среднему неолиту региона. Что же касается отдельных памятников ранней группы мальшевской культуры, то они хронологически близки к поздней фазе мариинской культуры, с которой она какое-то время могла сосуществовать в северо-восточной части Нижнего Приамурья. В целом мальшевскую культуру в настоящее время следует трактовать как раннюю среднюю неолитическую.

На некоторых памятниках мальшевской культуры встречена инокультурная керамика, в т.ч. несколько сосудов с круглым заостренным снизу дном. Стенки сосудов и нередко их венчики украшены оттисками шнура. Подобный керамический материал стратиграфически надежно зафиксирован в жилищах 1 и 3 на о. Сучу, но не на их полу, а выше уровня заполнения жилищных котлованов, рядом с ними, и особенно под дерном. Анализ угля с пола жилища 3 указал дату $4\ 470\pm 100$ л.н. – ГИН 8292. Это значит, что возраст шнуровой керамики моложе жилища, существовавшего в середине III тыс. до н.э. Можно предположить, что представители пришлой культуры бродячих таежных охотников временно использовали мальшевские жилищные западины для своих наземных обиталищ. Носители культуры шнуровой керамики, возможно, сосуществовали с мальшевцами их заключительного этапа. Помимо о. Сучу, указанная керамика найдена в перемешанных слоях неолита на поселении Малая Гавань, у с. Казакевичево и ряде др. памятников.

Кондонскую культуру традиционно определяют средним неолитом. Основная часть раскопанных на поселении Кондон-Почта жилищ принадлежит этой культуре (вторая половина IV – середина III тыс. до н.э.). Ее возраст в определенной степени подтверждает самая ранняя радиоуглеродная дата поселения Кондон-Почта ($4\ 520\pm 25$ л.н. – ГИН – 170). Однако с открытием мариинской культуры и выявлением ее следов на поселении Кондон-Почта встает проблема вполне возможной связи между мариинской и кондонской культурами. Раскопки жилищ кондонской культуры проводились пока на одном памятнике (Кондон-Почта). До появления дополнительных надежно стратифицированных материалов по этой синкретической культуре (на ее формирование оказали влияние культуры мариинская, руднинская и мальшевская, с последней она, скорее всего, на своем раннем этапе сосуществовала) ее следует относить к среднему неолиту, хотя первые фазы ее развития могут уходить в ранний неолит.

Вознесеновская культура завершает поздний этап неолитического развития племен рассматриваемого региона. Памятники этой культуры известны почти на всей территории Нижнего Приамурья. Относительно ее происхождения существует несколько точек зрения. В последнее десятилетие появились исследования с подробным анализом нескольких групп вознесеновских памятников, локализованных на СВ Нижнего Приамурья [Шевкомуд, 2004].

Время существования вознесеновской культуры определяется в основном серединой III – последней четвертью II тыс. до н.э. Возраст святилища (жилище 48) на о. Сучу равен по $C14\ 4\ 200\pm 80$ л.н. (ГИН – 8291), а дата жилища 14 поселения Кондон-Почта – $3\ 260\pm 75$ л.н. (СО АН – 1661). Большое количество радиоуглеродных дат получено по другим жилищам Сучу, а также поселений Кольчём-2, 3, Малышево-2, Максим Горький

и др. памятников. Большинство из них укладываются в указанный абсолютный хронологический диапазон. Имеется дата $4\ 406 \pm 22$ (NUTA 2 – 7571) жилища поселения Старая Какорма [Шевкомуд, 2004, с. 153], а также датировка, полученная по углю с пола жилища 2 на о. Сучу ($5\ 455 \pm 155$ л.н. – СО АН – 1658). Вопрос с нижней датой вознесеновской культуры остается пока открытым. Не исключено, что наиболее ранние вознесеновские памятники относятся к самому началу III тыс. до н.э. Если это так, то есть основания считать, что вознесеновская культура на своей ранней стадии в некоторых районах региона развивалась синхронно не только с кондонской культурой, но и с малышевской, в которую уходят вознесеновские корни.

Отраженные в докладе некоторые результаты исследований культурогенеза в неолите Нижнего Приамурья, позволяют говорить преимущественно о местных истоках ряда весьма ранних культур, наделенных изначально оригинальными, порой локально неповторимыми чертами [подробнее см.: Медведев, 2005].

Список литературы

- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 29 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася.- Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.
- Derevianko A.P. and Medvedev V.E.** Amur Basin as one of the Earliest Centers of Ceramics in the Far East //International Symposium, “Origin of in East Asia and Far East”. Sendai, 1995. – P. 13–25.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филагова И.В.** Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на о-ве Сучу в 1999 и 2002 гг). – Сеул: Гос. исслед. ин-т культурн. наследия Рес-ки Корея, 2003. – В 3 т.: т. I – 443 с.; т. II – 463 с.; т. III – 208 с. (на рус. и кор. яз.).
- Медведев В.Е.** К вопросу об открытии керамики в восточных районах азиатской части России и на поселении Гася //Открытие керамики в прибрежных районах Японского моря. (Материалы конф. по японск. археологии. – Ниигата, 1993. – С. 1–11 (на яп. яз).
- Медведев В.Е.** К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре //Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995. – С. 228–237.
- Медведев В.Е.** Раскопки на Амуре //АО 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 270–271.
- Медведев В.Е.** Неолитические культуры Нижнего Приамурья //Российский Дальний Восток в древности и средневековье. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – Гл. III. – С. 234–267.
- Окладников А.П.** Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). – Новосибирск: Наука, 1984. – 124 с.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.** Исследование многослойного поселения Гася на нижнем Амуре //Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1983. – Вып. 1. – С. 93–97.
- Шевкомуд И.Я.** Поздний неолит нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

И.В. Мельников*Государственный музей-заповедник «Кижский», Петрозаводск*

**О НОВОЙ ГРУППИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
В ЮЖНОМ ЗАОНЕЖЬЕ (КАРЕЛИЯ)
(К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ - НЕОЛИТЕ БАССЕЙНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА)**

В 1995 году на территории южного Заонежья (Медвежьегорский р-н Республики Карелия) был открыт новый комплекс археологических памятников. Он находится к северу от современной береговой линии залива Вожмариха Онежского озера и занимает участок древнего берега на протяжении около 2 км. В результате разведочного обследования территории было установлено, что комплекс включает 27 древних поселений непосредственно в районе залива и 7 поселений на удалении около 2–3 км к юго-западу от него на берегу небольшого внутреннего озера Копанец (рис. 1). Проведенные исследования показали, что открытые поселения относятся к археологическим эпохам мезолита, неолита и энеолита [Мельников, 2001, 2002]. К настоящему времени раскопами исследовано 14 поселений. Общая вскрытая площадь составляет около 1500 квадратных метров. Вожмарихинский комплекс древних поселений также представляет интерес в связи с его нахождением вблизи (около 7 км) от Южного Оленьего острова Онежского озера, где в 1936–1938 гг. был исследован мезолитический могильник, ныне широко известный благодаря фундаментальной публикации Н.Н. Гуриной [1956].

Все исследованные стоянки залегают на древних аккумулятивных песчаных береговых террасах Онежского озера. Данный участок залива, в период бытования поселений, глубоко вдавался в береговую линию и соединялся с озером узким закрытым от ветра островами проливом. Сейчас этот участок залива представляет собой болото. В результате проведения геолого-геоморфологических и палинологических исследований на территории вожмарихинского комплекса были получены данные о динамике палеоэкологической обстановки во время существования древних поселений [Демидов и др., 2001]. Было установлено, что в разные периоды существования стоянок (периоды ВО, АТ, SB голоцена), уровень водоема неоднократно менялся и абсолютные отметки береговой линии составляли от 32 до 50 м. Полученные материалы свидетельствуют, что заселение района Вожмариха началось, вероятно, в бореальном периоде, к которому могут относиться древнейшие бескерамические поселения. Оптимальные климатические и палеогеографические условия существовали со второй половины бореала (~ 8600 л.н) до второй половины суббореального периода (2900 л.н.). Наиболее поздний пласт археологических древностей в районе залива Вожмариха связан с энеолитической культурой асбестовой керамики, которая прекращает изготавливаться в Обонежье в пределах второй половины II тыс. до н.э. В ходе второй суббореальной регрессии, около 2 800 лет назад, залив Вожмариха осушился и люди покинули его берега [Демидов и др., 2001. С. 240].

16 поселений вожмарихинского археологического комплекса относятся к эпохе мезолита. Они имеют площадь около 1000–4000 кв. м и залегают на высоте около 8–12 м над современным уровнем воды в Онежском озере. На 7 памятниках были проведены раскопки (вскрытая площадь составила от 44 до 148 кв. м). Результаты исследований частично опубликованы [Герман, Мельников, 2003]. Полученные материалы свидетельствуют о принадлежности данных памятников к развитому и позднему этапам Онежской археологической культуры эпохи мезолита, исследованной в работах ряда авторов и выделенной в последнее время В.Ф. Филатовой [2004].

Наиболее интересные материалы были получены при изучении поселений Вожмариха 3, 5, 11 [Герман, Мельников, 2003].

На поселении Вожмариха 3 (раскоп 96 кв.м) был выявлен один из хозяйственно-бытовых центров поселения. Он включал остатки постройки, основание которой было введено в неглубокий (0,3–0,4 м) котлован размером 7 × 4 м. В северной части помещения располагался очаг. Среди находок, в основном, представлены сланцевые рубящие орудия и их заготовки, шлифовальные плиты, абразивы, кремневые пластины и скребки,

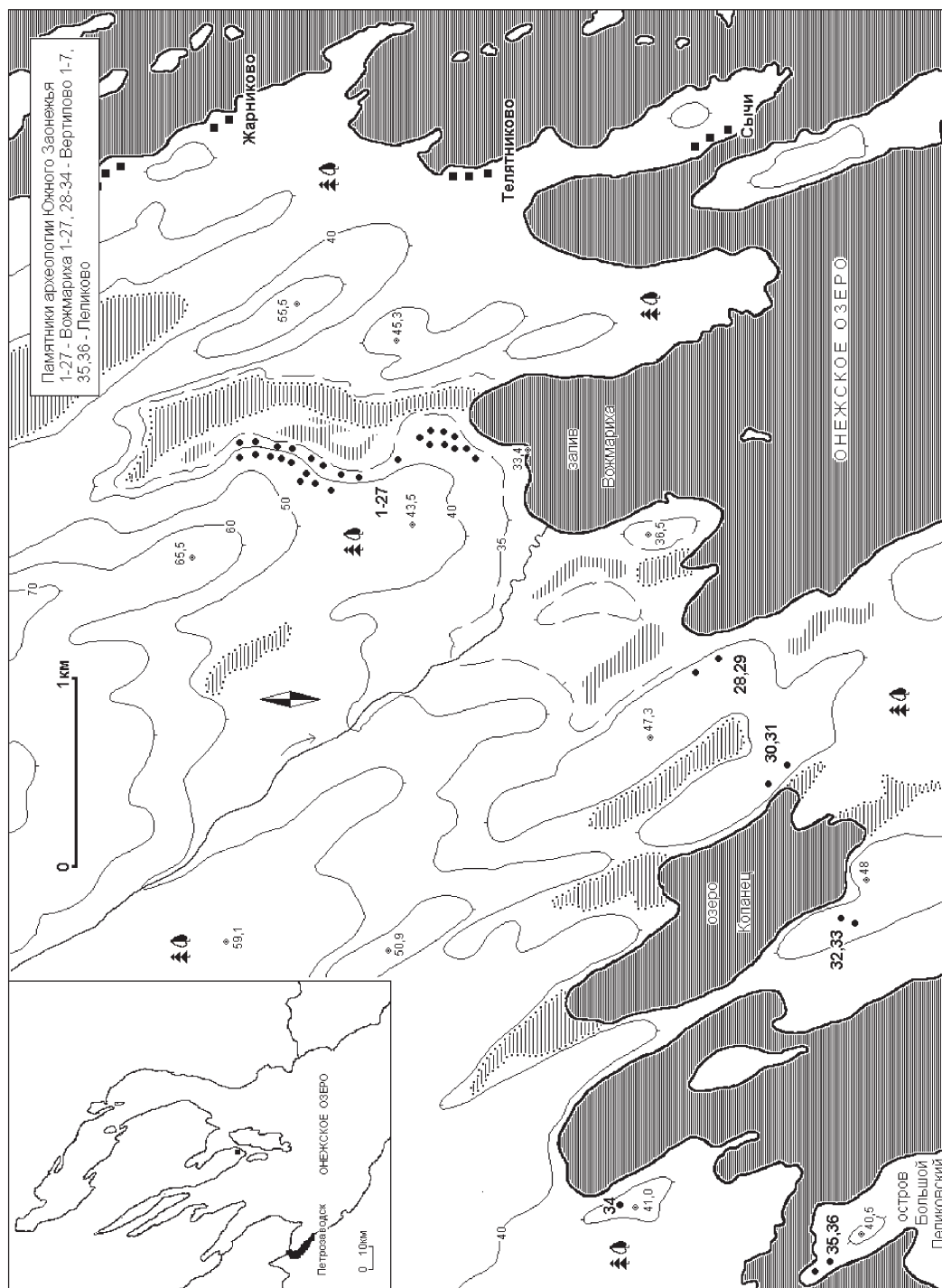

Рис. 1.

а также многочисленные отходы каменной (в основном сланцевой) индустрии. Находки свидетельствуют о принадлежности поселения к развитой стадии мезолита Обонежья (VI тыс. до н.э.).

В раскопе (96 кв.м) на поселение Вожмариха 5 был получен микролитический комплекс, включавший кремневые ножевидные пластинки, сланцевые долото и стамеску и редкую находку – миниатюрную сланцевую подвеску. По облику инвентаря поселение можно отнести к началу VI тыс. до н.э.

Еще один раскоп (44 кв. м) на поселении Вожмариха 11 содержал комплекс кварцевых орудий, среди представлены 18 скребков, 3 долотовидных орудия, резец, проколка и др. Среди немногочисленных сланцевых изделий следует отметить крупное шлифованное по лезвийной части тесло. Поселение датируется серединой – второй половиной VI тыс. до н.э.

11 поселений вожмарихинского комплекса относятся к неолитическому времени. Они связаны с тремя выделенными в Обонежье культурными группировками: раннеолитической культурой сперрингс, культурой раннего и развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и позднеолитической культурой с гребенчато-ямочной керамикой.

С культурой сперрингс связаны четыре поселения, на трех из которых (Вожмариха 26, Вертилово 3,7) были проведены раскопки (до 88 кв.м). Площадь памятников составляет около 1000–1500 кв.м, высота над современным уровнем воды – 3,5–7 м. Полученные комплексы включают серии из 20–30 сосудов, а также каменный инвентарь, в котором представлены характерные для этой культуры типы сланцевых, кремневых и кварцевых орудий. По мнению К.Э. Германа [2005] памятники отражают три последовательные стадии развития культуры сперрингс в районе южного Заонежья.

К культуре с ямочно-гребенчатой керамикой относятся два поселения – Вожмариха 4 (раскоп 1) и Вожмариха 15. Площадь памятников около 2000 кв.м, современная высота над уровнем озера – соответственно 8,5 и 6,3 м, площадь заложенных раскопов – 108 и 84 кв. м.

На поселении Вожмариха 4 был получен комплекс из 11 сосудов, большинство из которых относятся к ранней стадии бытования ямочно-гребенчатой керамики в Обонежье. Каменный материал включает в основном предметы из сланца, в меньшей степени – из кварца и кремня. Преобладают сланцевые заготовки орудий, сланцевый деревообрабатывающий инструментарий, а также кварцевые и кремневые скребки. Из культурного слоя происходит радиоуглеродное определение 5560 ± 45 (JE-6604) [Мельников, 2005].

Пять поселений Вожмарихинского комплекса связаны с позднеолитической культурой гребенчато-ямочной керамики. На двух из них были проведены раскопки: Вожмариха 1 и 4 (раскоп 2). Их площадь составляет около 2000 кв. м, современная высота над уровнем водоема соответственно 10,6 и 8,5 м, площадь раскопов 256 и 136 кв. м.

На поселении Вожмариха 1 были исследованы остатки выгнутого вдоль древнего берега немного углубленного в землю жилища. Его размер около 20×4 м, глубина от древней поверхности – около 15 см. Полученный инвентарный комплекс, в основном, составляют 15 сосудов относящихся к типичной гребенчато-ямочной керамике, относящейся к поздней стадии неолита Карелии. Среди каменного инвентаря преобладают сланцевые орудия обработки дерева, кварцевые скребки, интересны две крупные сланцевые шлифованные подвески. Из культурного слоя поселения имеется радиоуглеродная дата – 4900 ± 130 (JE-6798) [Мельников, 2006].

Таким образом, в результате исследований поселений Вожмарихинского археологического комплекса, получены материалы, которые существенно дополняют источниковую базу по изучению культурных процессов в позднем мезолите – неолите бассейна Онежского озера. Южное Заонежье предстает как район проживания древнего населения на протяжении VI – II тыс. до н.э. Здесь представлены памятники всех известных в Обонежье археологических культур мезо-неолитического времени. В настоящее время ведется работа по подготовке обобщающей публикации, в которой будут представлены как новые полученные материалы, так и их анализ с точки зрения течения культурных процессов в этом районе в указанный период времени.

Список литературы

Демидов И.Н., Лаврова Н.Б., Колканен А.М., Мельников И.В., Герман К.Э. Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник Кижский вестник. – Петрозаводск, 2001. – Вып.6. – С. 221–240.

Герман К.Э., Мельников И.В. Исследование мезолитических поселений в южном Заонежье // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2003. – Вып. 8. – С. 223–242.

Герман К.Э. Поселения с керамикой сперрингс южного Заонежья // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 10. – С. 249–259.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. Вып 47.

Мельников И.В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2001. – Вып. 6. – С. 197–220.

Мельников И.В. Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2002. – Вып.7. – С. 212–219.

Мельников И.В. Неолитическое поселение Вожмариха 4 в южном Заонежье // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2005. – Вып.10. – С. 216–248.

Мельников И.В. Исследование позднеолитического поселения Вожмариха 1 в южном Заонежье // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2006. – Вып.11. – (в печати).

Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. – Петрозаводск: Кар.НЦ РАН. – 275 с.

С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Введение

В 2003–2004 гг. около с. Новопетровка и в устье р. Громатуха были проведены раскопки памятников Новопетровка-III и Громатуха, а также разведочные работы в пункте Новопетровка – IV [Деревянко и др., 2003, с. 91–95; Деревянко и др., 2004, с. 82–86; Деревянко и др., 2004а]. В результате исследований 434 кв. м на памятнике Новопетровка-III и 80 кв.м на стоянке Громатуха получены представительные серии артефактов из камня и керамики, а также 38 образцов угля (16 и 22 соответственно). Один образец угля взят в шурфе из столбовой ямки, предположительно, жилища в пункте Новопетровка-IV. Из 39 образцов 16 проб угля были подвергнуты радиоуглеродному датированию: 11 – с Громатухи, 4 – с памятника Новопетровка-III и 1 – из шурфа местонахождения Новопетровка-IV (см. табл.).

Стратиграфия памятника Новопетровка-III и -IV представлена следующими слоями.

Слой 1 – дерн мощностью от 10 до 20–28 см. За счет цвета хорошо отделяется от нижележащего слоя 2. Однако граница между ними неровная из-за затеков слоя 1 в слой 2.

Слой 2 – легкий коричневатый суглинок. Залегает относительно горизонтально по всей раскопанной части террасы. Мощность слоя в среднем составляет 30–40 см. Артефакты принадлежат новопетровской культуре: отдельные находки встречены по всей толще, основная же их масса приурочена к его нижней части и границе со слоем 3. Календарная дата 8610–9350 л.н., по нашему мнению, надежно датирует раннеолитический компонент этого памятника. К ней близка дата из слоя 2 соседнего памятника Новопетровка-IV – 8560–8980 л.н.

Слой 3 представляет собой темную мешаную супесь и является древней погребенной почвой мощностью от 12 до 40 см (средняя 20 см). Нижняя граница слоя неровная. Это связано с многочисленными прогибами в нижележащий слой 4 аллювиального песка. В данных понижениях цвет слоя становится черным и более однородным. В древности здесь были ямы и промывы. В отдельных случаях они достигали больших размеров (раскоп 1, яма 1) и глубины до 1,8 м (раскоп 2, яма III). Насыщенность заполнений этих ям артефактами новопетровской культуры (сломаные каменные орудия на пластинах, нуклеусы, отходы каменного производства, разбитая керамическая посуда, термически расколотые гальки, мелкие кальцинированные косточки, угольки и др.), свидетельствует о том, что во время существования неолитического поселения все ямы были открыты и использовались для свалки бытовых и производственных отходов. Не исключено, что население новопетровской культуры начало осваивать данный участок террасы с верхнего уровня слоя 3, представлявшего собой довольно неровную поверхность. Кроме заполнений ям, слой 3 находок не содержит.

Слой 4 – светлый аллювиальный песок. Верхняя часть слоя 4 была сильно разрушена (водой, ветром, криогенными процессами).

На отдельных участках под слоем 3 залегали линзы глины (серые, коричневые). Под ними лежит аллювиальный песок. Ни в слое 4, ни в глине археологические находки не обнаружены.

Другую картину дают **стратиграфические разрезы стоянки Громатуха**. В результате раскопок были получены шесть разрезов, позволивших реконструировать стратиграфическую ситуацию на площадке до заселения ее русскими, зафиксировать те нарушения слоев, которые произошли в результате ее интенсивного освоения в XX в., а также изучить залегание трех культурных слоев, относящихся к эпохе неолита. Дерновый

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06 – 01 – 00436а.

Таблица. Радиоуглеродные даты памятников Громатуха и Новопетровка – III, – IV¹⁻³

Памятник, слой, раскоп, квадрат	Индекс	¹⁴ C дата, л.н.	Календарная дата, калиброванная л.н. ($\pm 2 \text{ sigma}$) ⁵	Календарная дата, гг. до н.э. ($\pm 2 \text{ sigma}$) ⁵
Громатуха, слой 3, кв. М – 37, глубина -180 см ⁴	МТС – 05936	12340 ± 70	14100 – 15430	13480 – 12150 до н.э.
Громатуха, слой 3, кв. М – 39, глубина -169 см ⁴	МТС – 05937	12380 ± 70	14120 – 15400	13450 – 12170 до н.э.
Громатуха, слой 3, глубина -180 см ⁴	МТС – 05938	12300 ± 70	13860 – 15420	13470 – 11910 до н.э.
Громатуха, слой 3, кв. Н – 37, глубина -110 – 115 см ⁴	СОАН - 5762	11580 ± 190	13030 - 15040	13090 - 11080 до н.э.
Громатуха, слой 2, кв. П - 40, глубина -140 см ⁴	Beta - 205394	10660 ± 40	12370 - 12940	11000 - 10420 до н.э.
Громатуха, слой 2, прослой 2.2, кв. Н – 37, глубина -165 см ⁴	СОАН - 5761	6175 ± 125	6750 - 7410	5460 – 4800 до н.э.
Громатуха, слой 1, кв. П – 34, глубина -144 см ⁴	СОАН - 5759	3600 ± 45	3730 - 4080	2130 – 1780 до н.э.
Громатуха, кв.С - 35, пол у края жилища, глубина -127 см ⁴	МТС - 05939	3340 ± 40	3470 - 3680	1740 - 1520 до н.э.
Громатуха, пол жилища	МТС - 05940	3290 ± 40	3410 - 3630	1680 - 1460 до н.э.
Громатуха, очаг в жилище	МТС - 05941	3350 ± 40	3470 – 3690	1740 - 1520 до н.э.
Громатуха, кв. Т – 34/35, жилище, глубина -127 см ⁴	СОАН - 5760	2600 ± 95	2360 - 2870	920 – 410 до н.э.
Новопетровка-III, раскоп. 2, кв. Л - 6, слой 2, глубина -118 м ⁴	МТС -05943	8040 ± 90	8610 - 9350	7300 - 6660 до н.э.
Новопетровка-IV, шурф, яма 3, глубина 135 см	IAAA - 32079	7890 ± 50	8560 - 8980	7030 - 6610 до н.э.

Примечания:

- 1) Датированный материал – древесный уголь; очистка угля, синтез CO₂ и графитизация проведены М. Сакамото (Национальный музей истории Японии, г. Сакура, преф. Чуба, Япония), кроме образцов с индексом СОАН.
- 2) Индексы лабораторий: МТС – Malt, Университет Токио (University of Tokyo) (г. Токио, Япония; измерения проведены Х. Малузаки); Beta – Beta Аналитикс, Инк. (Beta Analytics, Inc.) (г. Майами, США); IAAA – Институт ускорительного анализа, Инк. (Institute of Accelerator Analysis, Inc.), г. Сиракава, Япония.
- 3) Образцы отобраны С.П. Нестеровым при раскопках 2003 г. (Новопетровка-III, –IV) и 2004 г. (Громатуха); представлены Я.В. Кузьминым для анализа М. Имамура (Национальный музей истории Японии), кроме образцов с индексом СОАН.
- 4) Глубины указаны от условного нуля.
- 5) Калибровка проведена с помощью компьютерной программы CALIB rev. 4.4.2. Полученные цифры округлены до десятых долей.

слой, который перекрыл верхний археологический слой, наиболее полно сохранился в северо-западной части раскопа, где он представляет современную дневную поверхность. На остальной части данный слой был перекрыт или уничтожен современным русским поселением. Русский слой также частично разрушил верхнюю часть археологического слоя 1, а при строительстве конструкций в котлованах и слое 2–3, вплоть до глинисто-дресвянистого слоя 4. Ненарушенные участки представлены следующими археологическими слоями.

Слой 1 – буро-желтый легкий суглинок мощностью от 10 до 40 см. Верхняя и нижняя границы слоя волнистые. В слое 1 обнаружено значительное количество каменных артефактов и фрагментов керамики, характерной для осиноозерской позднеолитической культуры. В восточной части вскрытой раскопом площади зафиксированы следы наземного жилища осиноозерской культуры овальной формы (4,2×5,7 м), с очагом подчетыреугольной формы со скругленными углами (размеры 110×70 – 90 см, глубина 10–15 см). По углю из слоя 1 получена одна дата, календарное значение которой соответствует 3730–4080 л.н. Она хорошо согласуется с тремя определениями непосредственно из жилища, которое могло существовать в промежутке от 3410 до 3690 л.н., или, исходя из синхронизации дат, 3470–3630 л.н. (см. табл.). Близкий возраст имеют другие памятники осиноозёрской культуры позднего неолита Западного Приамурья (Осиновое Озеро, Михайловка-Ключ) – около 3700–4300 л.н. (Джалл и др., 2001; Kuzmin, 2001).

Слой 2 супеси делится на два горизонта: прослой 2.1 представляет собой верхнюю часть слоя 2 и имеет темный цвет, цвет прослоя 2.2 черный. Граница между прослоями относительно ровная, в отличие от волнистой верхней и нижней кромок слоя 2 в целом. На отдельных разрезах между прослоями отчетливо читается тонкая (5–7 мм) песчаная прослойка. Мощность слоя 2 составляет от 20 до 70 см, в среднем 40–50 см. Слой содержит артефакты громатухинской культуры. Калиброванные даты двух образцов угля указывают на период от 6750 до 12940 л.н. Нижняя граница практически смыкается с датами по слою 3 (см. ниже). Верхняя – указывает на более поздний период раннего неолита.

Слой 3 серой супеси на всех разрезах зафиксирован линзовидно большей или меньшей линейной протяженности. В тех случаях, когда данный слой отсутствует, слой 2 лежит непосредственно на материковом глинисто-дресвянистом *слое 4*, не содержащим археологических артефактов.

Для слоя 3 получены 4 новые радиоуглеродные даты, которые показывают, что он имеет позднеледниковый возраст (календарная калиброванная дата около 13030–153430 л.н., см. табл.), что подтверждает полученные ранее результаты датирования угля из основания культурного слоя (из зольника) (14100–15430 л.н.) и органического отощителя в керамике (около 10400–13300 л.н.) (Derevianko et al., 2004; Кузьмин, 2004).

В слоях 2 и 3 обнаружено значительное количество каменных артефактов эпохи раннего неолита и громатухинская керамика. Сырьем для каменных изделий громатухинской культуры служили мелкозернистые, плотные кремневые песчаники. Следы расщепления халцедонов крайне редки. Наиболее типичными находками каменных изделий громатухинских слоев являются тесловидно-скребловидные орудия, концевые скребки, проколки, сверла, листовидные ножи-бифасы.

Заключение

Таким образом, памятники у с. Новопетровка по сути являются однослойными и однокультурными, в отличие от многослойной стоянки Громатуха, где встречены артефакты нескольких этапов громатухинской раннеолитической и осиноозёрской позднеолитической культур. Сравнение дат двух эпонимных памятников подтверждает высказанное ранее положение о том, что обе культуры существовали одновременно, но на разных территориях и в различных природно-ландшафтных зонах Западного Приамурья [Деревянко, 1970, с. 191; Окладников, Деревянко, 1977, с. 161]. Новые радиоуглеродные даты по образцам угля из раскопок 2003–2004 гг. свидетельствуют о синхронности отложений нижней части слоя 2 стоянки Громатуха и слоя 2 памятника Новопетровка-III. В тоже время по отощителю в керамике из жилища 8 Новопетровки-II получена календарная калиброванная дата 14310–15770 л.н. [Джалл и др., 2001], сопоставимая с датами слоя 3 памятника Громатуха.

Список литературы

- Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.
 Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Нестеров С.П., Ли Хон Чжон, Алкин С.В., О Ён Сук, Ким Кэн Чжу, Чжон Кван Чжун, Петров В.Г., Ли Вон Чжун, Ли Хё Ён, Ян На Ре, Кудрич О.С., Комарова Н.А. Стратиграфия и планиграфия неолитического поселения Новопетровка – III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных террито-

рий / Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 91–95.

Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сёк, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, П.В. Волков, Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 82–86.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., П.В. Волков, О.С. Кудрич, Канг Чан Хва, Ли Хон Чжон, Ким Кэн Чжу, О Ён Сук, Ли Вон Чжун, Ян На Ре, Ли Хе Ён. Материалы археологического изучения памятников Ново-петровка-III в 2003 году. – Новосибирск, Чечжу, 2004. – 116 с.

Джалл Э.Дж.Т., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Табаров А.В., Зайцев Н.Н. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Приамурья // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып. 12. С. 47–48.

Кузьмин Я.В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) // Российская археология. – 2004. – № 2. – С. 79–86.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.

Derevianko A.P., Kuzmin Y.V., Burr G.S., Jull A.J.T., Kim J.C. AMS 14C age of the earliest pottery from the Russian Far East: 1996-2002 results // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Section B., 2004. – P. 735–739.

Kuzmin Y.V. Radiocarbon chronology of Paleolithic and Neolithic cultural complexes from the Russian Far East // Journal of East Asian Archaeology. – 2001. – Vol. 3. – № 3 – 4. – P. 227–254.

О.В. Рыжкова*Ниженетагильская государственная социально-педагогическая академия
Нижний Тагил*

ГОРБУНОВСКИЙ ТОРФЯНИК: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационные возможности археологических памятников не равнозначны, так как они являются результатом воздействия многочисленных природных и антропогенных факторов. Особый интерес у археологов вызывают памятники, культурные слои которых приурочены к озерно-болотным отложениям, в информационном отношении они являются наиболее полноценным видом археологических источников. Четкая стратиграфия напластований и хорошая сохранность органических материалов, как правило, присущая памятникам такого рода, выгодно отличает их от дюнных поселений, где стратиграфия либо полностью нарушена, либо присутствует на ограниченных участках, а находки бывают представлены лишь «нетленными остатками» – каменными изделиями и керамикой. Напротив, в условиях торфяников часто сохраняются кость и костяные орудия, дерево и сооружения из него, а также многие другие предметы и артефакты из органических материалов. Благодаря стерильным прослойкам, культурные слои на них бывают отделены друг от друга и являются, по сути, чистыми закрытыми комплексами. Такие памятники содержат объективную культурно-временную шкалу древностей, незаменимы для выяснения взаимодействия человека и природной среды, дают первоклассные музейные коллекции [Сидоров, Сорокин, 1997].

Прекрасные результаты в последние годы получены при комплексном исследовании Заболотского торфяника [Сидоров, 2001].

Наиболее изученным в археологическом отношении среди многочисленных торфяников Среднего Зауралья является Горбуновский. Он находится в 6 км к югу от Нижнего Тагила, расположен в сточной впадине на водоразделе р. Тагил и его левого притока Чащи́хи. Географические координаты торфяника: 59° 58' восточной долготы и 57° 50' северной широты. Площадь торфомассива в границах промышленной залежи составляет 461,8 га. Торфяник имеет вытянутую форму с юго-востока на северо-запад, его длина – более 3 км, ширина – до 1,5 км. Рельеф ровный и спокойный. Торфяник озерного происхождения, о чем свидетельствует присутствие под торфом сапропеля. Мощность сапропеля в центральной части достигает 1,5 м. Дно минеральное – суглинки и в незначительном количестве супеси. Источником водного питания являются воды поверхностного стока. Водоприемник торфяника – р. Чащи́ха, протекающая в его северной части. Подстилающий грунт реки каменистый.

Древесная растительность на торфянике представлена молодым березняком, сосной, ивой и ольхой. С трех сторон он окружен невысокими горами, с четвертой – северной – местность понижается к р. Чащи́ха. Склоны гор пологие, покрытые лесом. Местами видны обнажения коренных пород – известняков.

Торфомассив эксплуатируется с 1906 г. резным способом, и вся его центральная часть уже выработана. Торфяник осушен посредством двух магистральных каналов. Главный канал пересекает торфяник с юго-востока на северо-запад и впадает в р. Чащи́ху. Второй канал берет начало из карьеров восточной части торфяника и впадает в магистральный канал. Через каждые 500 м перпендикулярно к магистральному каналу нарезаются воловые канавы, а через каждые 40 м перпендикулярно к валовым – картовые канавы.

По ботаническому составу залежи торфяник разделен на четыре участка. Тип залежи переходный и низинный, в ней присутствуют сфагновые, сфагново-переходные, осоково-лесные, лесные и осоковые торфа [Сериков, 1990].

Время первого появления человека в окрестностях Горбуновского палеозера пока не ясно. Начиная с эпохи мезолита и до раннего железного века здесь прослеживается последовательность культур, традиционная для горно-лесного Зауралья (Свердловско-Тагильский регион).

Значительное число разновременных уникальных памятников, открытых здесь, хорошая стратиграфия отложений, прекрасная сохранность органических остатков делают Горбуновское палеозеро добротным источником для реконструкции палеосреды, ландшафта, различных сфер жизнедеятельности древнего человека.

Историю изучения Горбуновского торфяника можно разделить на 5 этапов:

1) Начало XX в.: обнаружение первых находок в торфе в процессе торфоразработок (1908 г.), обследование места находок краеведами – любителями из Уральского общества любителей естествознания, первая публикация результатов исследования (С.Н. Топорков, М.О. Клер), проявление интереса к Горбуновскому торфянику московских археологов, проведение разведочных работ на нем по поручению Московского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (А.И. Колмогоров, 1990).

2) 20–60-е гг.: планомерные полевые работы на торфянике экспедиции Государственного исторического музея под руководством Д.Н. Эдинга (1926–1940 гг.), А.Я. Брясова (1948–1949 гг.), В.М. Раушенбах (1956, 1963 гг.), в результате которых были исследованы 2 стоянки в торфе (VI разряд, Стрелка) и 3 береговые (I, II Береговая, Чашиха I) / Следует отметить, что работы на торфянике были начаты благодаря инициативе директора Нижнетагильского краеведческого музея А.Н. Слоцова, сумевшего по достоинству оценить значимость памятников Горбуновского торфяника для реконструкции жизнедеятельности древнего населения Урала и привлечь к его исследованию столичных специалистов.

3) Конец 70-х – начало 80-х гг.: проведение комплексной экспедиции московских институтов археологии и географии АН СССР с привлечением специалистов из ряда других научных учреждений (1978–1980 гг. В.Ф. Старков, Н.А. Хотинский), в результате которой было продолжено исследование VI разреза, начаты раскопки на новом торфяниковом памятнике – Дальнем разрезе. Изучение 10 пунктов торфяно-сапропелевых отложений, пыльцевых диаграмм и 25 радиоуглеродных датировок позволило составить стратиграфический профиль, пересекающий все болото. На основе этих данных, а также учета мощности и темпов накопления торфа и сапропеля, выявлены контуры Горбуновского палеозера 10000, 8000, 6000, 4000, 3500 и 3000 лет назад, прослежена однонаправленная тенденция к сокращению площади озера от 400 га (10000 лет назад) до 25 га (3500 лет назад), выявлено 6 фаз усыхания озера и торфяника. Определение размеров и конфигурации Горбуновского палеозера в различные этапы голоцена позволило уточнить расположение древних стоянок, обосновать их стратиграфическое и планиграфическое положение. В эти же годы активизируется исследовательская деятельность на торфянике тагильских археологов в связи с заключением хоздоговора с торфопредприятием (Ю.Б. Сериков, П.К. Халяев, В.А. Арефьев). Археологическую карту торфяника дополнили 7 береговых, 3 торфяниковых стоянки и несколько местонахождений на торфе. Раскопки проведены на одном из древнейших памятников, мезолитическом поселении серый Камень (1979–1980, Сериков).

4) Конец 80-х – начало 90-х гг.: дополнительное обследование разведками северо-восточной части торфяника, раскопки памятников, попавших в зону строительства автотрассы Серов-Свердловск, экспедициями Нижнетагильского пединститута, Нижнетагильского краеведческого музея, Института истории и археологии УрО РАН (Ю.Б. Сериков, В.А. Арефьев, О.В. Рыжкова, П.К. Халяев, П.Ф. Шорин, П.М. Чаиркина). Продолжены раскопки на 3 береговых памятниках (I, II, Береговые, Чашиха I), вновь исследованы VI Береговая, Чашиха II, III, VIII разрез. На карту торфяника нанесены 6 новых памятников и несколько местонахождений.

5) Начало 2000-х гг.: продолжение обследования разведками северо-восточной части торфяника, раскопки береговых памятников экспедициями Нижнетагильской социально-педагогической академии, Нижнетагильского краеведческого музея (О.В. Рыжкова, А.А. Герасименко). Проведены раскопки двух береговых памятников (Береговые VIII, IX), открыт еще один памятник (Береговая XI).

Таким образом, за многолетнюю историю исследования на Горбуновском торфянике выявлено 29 памятников (18 береговых и 9 – в торфе) различных эпох, от мезолита до раннего железного века включительно (рис. 1). Почти для всех из них исследованы базовые долговременные и сезонные поселения, а также кратковременные стоянки.

Однако, к настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, археологически Горбуновский торфяник является наиболее изученным среди торфяников Среднего Зауралья (раскопки проведены на памятниках, вскрытая площадь составляет более 2000 м², коллекция находок насчитывает десятки тысяч единиц хранения). С другой стороны, фундаментального обобщения полученных материалов до сих пор не проводилось.

В научной литературе материалы торфяника представлены достаточно фрагментарно. Описание вещей, полученных в течение 1 и 2 периодов исследования, давно стали библиографической редкостью. Материалы исследований 3 и 4 периодов содержатся в основном в научных отчетах, не всегда доступных широкой аудитории. Несмотря на наличие достаточно внушительного списка научных статей и монографий по Горбуновскому

торфянику ни один из его раскопанных памятников полностью не опубликован. Большинство работ написано в соответствии с научными интересами конкретных исследователей.

Полученные при раскопках коллекции находок, даже с одного памятника, но исследованного разными авторами в разные годы рассредоточены в разных фондохранилищах: ГИМе, ИА РАН, ИиА УрО РАН, Нижнетагильском музее. Отдельные вещи иногда извлекаются для экспонирования на тематических выставках («Из истории исследования Горбуновского торфяника», 1989, Н. Тагил, музей-заповедник; «Человек и зверь», 2002, СПб, ГЭ; «Загадки тысячелетий. Миф и ритуал в III–II тыс. до н.э., 2003, Н. Тагил, краеведческий музей).

Таким образом, для многих специалистов Горбуновский торфяник по-прежнему остается загадкой, своеобразной terra incognita.

Поскольку проводимые на Горбуновском торфянике изыскания имеют не узколокальное значение, они должны быть продолжены. Основные направления работ должны включать:

1) составление археологической карты Горбуновского торфяника, в связи с этим дополнительное обследование южного и западного берегов торфяника; обращение особого внимания на прибрежные участки, представляющие в археологическом плане исключительную ценность, по мнению ряда исследователей [Сидоров, 2001];

2) целенаправленный поиск могильника, вероятнее всего неолитического времени. Наличие погребений на других озерах (Аятское, Шайтанское) и торфяниках Среднего Зауралья (Кокшаровский, Шигирский) делают данное предположение вполне реальным. Наиболее перспективными в этом плане являются раскопки на о. Филин и Куполе;

3) уточнение культурно-хронологической атрибуции имеющихся материалов (прежде всего керамических комплексов) с учетом современной типологии; проведение трасологического анализа каменного инвентаря;

4) скорейшую публикацию всех накопленных материалов (прежде всего из раскопок Д.Н. Эдинга и А.Я. Брюсова);

5) проведение остеологических определений обнаруженных в процессе раскопок материалов;

6) охранные исследования разрушаемых участков памятников;

7) проведение радиоуглеродного, палинологического, почвенного, фосфатного и др. анализов;

8) объединение усилий для археологов, так и представителей естественнонаучных специальностей для комплексного исследования Горбуновского торфяника;

9) на основании обобщения всех доступных источников осуществление комплексной реконструкции процесса освоения и жизнедеятельности древнего населения на Горбуновском палеозере;

10) проведение сравнительного анализа материалов памятников Горбуновского торфяника с археологическими комплексами в других частях Среднего Зауралья и за его пределами.

В условиях современной России данные задачи можно решить, лишь объединив финансовые и кадровые ресурсы, как в центре, так и на местах.

Список литературы

Сериков Ю.Б. Методика поиска и исследования торфяниковых стоянок 9 по материалам торфяников Среднего Зауралья // Полевая археология мезолита-неолита. Л., 1990. С. 23–24.

Сидоров В.В., Соркин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейской равнины. Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» 1-5 июля 1997, Сергиев-Посад. – Сергиев Посад, 1997. С. 144.

Сидоров В.В. Прибрежные участки неолитических поселений // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин. Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» 1-5 июля 1997, Сергиев-Посад. – Сергиев Посад, 2001. С. 225.

А.Н. Попов*Дальневосточный государственный университет, Владивосток***СРЕДНИЙ НЕЛИТ В ПРИМОРЬЕ**

В настоящее время, в связи с радикальным увеличением источниковой базы, накоплением новейших материалов по отдельным периодам и этапам неолитической эпохи, возникает потребность в разработке и введении в научный оборот гораздо более подробных и конкретных концепций и схем периодизации неолита в целом; определение локальных и хронологических параметров отдельных периодов; выделение особенностей генезиса и эволюции отдельных культур – как известных ранее, так и вновь выявленных.

До сих пор в дальневосточном неолитоведении практически используется двухчленная периодизация данной эпохи – ранний и поздний, берущая свое начало еще с исследований А.П.Окладникова в 50 – 60-е годы прошлого века [Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973]. Нижняя хронологическая граница новокаменного века, как правило, определялась возрастом не более 7,5 тыс. лет назад, ранний неолит датировался возрастом 7,5 тыс. лет назад – 5 тыс. лет назад, его поздняя фаза – 5–3,5 тыс. лет назад.

С открытием на Амуре и в Приморье древнейшей керамики с датами 12–8,5 тыс. лет назад исследователи подошли к решению вопроса появления керамики в регионе, некоторые ученые вполне аргументировано заговорили о начальном неолите на юге Дальнего Востока [Деревянко А.П. и др., 2003; Кононенко Н.А., 2005; Медведев В.Е., 2005]. Данные комплексы характеризуются сочетанием неустойчивости и фрагментарности керамического производства с мезолитическим по облику литокомплексом.

Поздние неолитические фазы связаны с вознесенской (Нижний Амур) и зайсановской культурами (Приморья). Появление их на Дальнем Востоке датируется, в основном рубежом около 5 тыс. лет назад. Все они обладают рядом стадияльных признаков в каменном и керамическом инвентаре, что позволяет их относить к конечной стадии каменного века дальневосточного региона.

В рамках между 7,5 тыс. и 5 тыс. лет назад известен ряд культур, которые принято называть раннеолитическими – мариинская, малышевская, кондонская (Нижний Амур), руднинская, бойсманская, веткинская (Приморье). Именно эти культуры обладают полным набором неолитических признаков, а облик их материальной культуры предстает вполне сформировавшимся.

Но являются ли они действительно раннеолитическими? Исходя из анализа радиоуглеродных данных получается, что между датировками так называемого «раннего» неолита и самыми поздними датами верхнего палеолита – «мезолита» имеется значительный разрыв в 1,5 тыс. лет – примерно от 9 до 7,5 тыс. лет назад. Для Нижнего Амура в этот промежуток частично попадают осиповские комплексы с керамикой и, с большой натяжкой, мариинские материалы (при наличии единственной даты 8585 л.н. и еще трех от 7400 до 6180 л.н.). Для Приморья известно несколько весьма дискуссионных местонахождений, на которых устиновский каменный инвентарь встречен с отдельными фрагментами керамики (Устиновка-3, Черниговка-1, Илистая-1). Таким образом, стоит констатировать, что хорошо выраженные и стратифицированные комплексы периода начального неолита в Приморье на сегодняшний день не известны, а так называемые «раннеолитические» культуры региона следует относить **к среднему неолиту**.

В Приморье к культурам среднего неолита можно причислить руднинскую, бойсманскую и веткинскую культуры.

Руднинская культура. В большинстве своем памятники представлены поселениями. Жилища типа полуземлянок имеют подпрямоугольные, близкие к квадрату, очертания. Их площадь, как правило, не более 30–35 кв.м.

Наиболее характерной в комплексе артефактов является керамическая посуда. Она выполнена вручную способом кольцевого налепа. Стенки сосудов тщательно выровнены и замыты. Все емкости плоскодонные,

стенки плавно расширяются от узкого дна к широкому устью, горловина сосудов не выделена, венчик прямой с плоским или округлым обрезом. Орнамент расположен узким бордюром в верхней части сосудов. Он представляет собой расставленные в шахматном порядке оттиски, которые образуют на поверхности сетчатый узор, получивший название «амурская плетенка». [Окладников, 1959; Неолит Дальнего Востока, 1991, Дьяков, 1994].

Каменная индустрия основана на широком использовании пластинчатых отщепов и отщепов, которые снимались с одно- и двусторонних нуклеусов с параллельными и поперечно-продольными снятиями. В целом комплекс характеризуется сочетанием архаичных позднепалеолитических признаков местного, устиновского, происхождения (единичные нуклеусы с торцовым снятием микропластин, небольшой процент изделий на пластинах и самих пластин) и бифасиальных и шлифованных инструментов. При этом, подавляющее большинство каменных орудий изготавливались способом двустороннего ретуширования при преобладании отжимной техники. Большая часть шлифованных орудий – крупные рубящие орудия, ассиметричные в сечении. Нередки каменные украшения в виде цилиндрических бусин.

Выделено два этапа культуры – собственно руднинский (ранний) и, более поздний, сергеевский (шекляевская культура – по Ключеву Н.А.).

Радиоуглеродные даты 7690 ± 80 – 5545 ± 110 (всего 13 дат).

Бойсманская культура. Большая часть известных памятников бойсманской культуры расположена вблизи морского побережья. География памятников (морское побережье) и специфические климатические особенности голоценового оптимума определили такую яркую специфику культуры, как наличие раковинных куч [Попов А.Н. и др., 1997].

Каменная индустрия бойсманской культуры базируется на технике получения пластинчатых отщепов и отщепов с аморфных ядрищ с бессистемным, иногда радиальным снятием отщепов, с последующей обработкой двусторонней бифасиальной, реже краевой, ретушью. Орудия представлены различными категориями: метательные – ретушированные и шлифованные наконечники стрел, наконечники дротиков, наконечники копий; комплект каменных орудий для обработки различных материалов – ножи-бифасы, скребки, скобели, сверла, пилки, комбинированные орудия; рубящие орудия – шлифованные тесла, топоры и долота; землекопные инструменты на естественных удлиненных гальках с плоским сечением; грузила на небольших плоских галечках, украшения – подвески, бусины.

Босманский комплекс артефактов выделяется среди других комплексов неолитических культур обилием изделий и их фрагментов из кости, рога, клыка, раковин.

Для изготовления посуды использовались местные глины с добавлением речного песка. В редких случаях песок заменялся дробленой раковинной, сосуды, изготовленные по такой рецептуре, были легкими, тонкостенными и при этом обладали значительной прочностью. Посуда лепилась из глиняных жгутовых колец, которые последовательно примазывались друг к другу. Стенки готовой емкости выравнивались и затирались.

Начало традиции связано с остродонными сосудами. Керамика непосредственно бойсманской культуры плоскодонная, простых форм. Декор – поясковый орнамент или сплошное поле горизонтальных прямых, волнистых и дугообразных линий, выполнялся различными техническими средствами и приемами. Основным инструментом для нанесения орнамента служит гребенчатый штамп, реже использовались гладкие штампы овальной ромбической формы или лопаточка.

Радиоуглеродные даты 6825 ± 45 – 4470 ± 100 (всего более 40 дат).

Веткинская культура. Буквально в прошлом году автор приступил к изучению новой археологической культуры, получившей название веткинской по топонимному памятнику (Ветка-2) в Восточном Приморье.

Единственное изученное на сегодняшний день жилище имеет округлые очертания. Столбовые ямы располагаются внутри котлована по окружности вдоль стенок, имеются хозяйственные ямы. Выраженной очажной ямы не выявлено.

Сырьем для каменной индустрии служили в основном туфы различной степени окременелости белого или светло-серого цвета (устиновские), а так же яшмы различных расцветок, реже халцедоны и обсидиан, метаморфизованные зеленоватые сланцы. Большая часть найденных нуклеусов (всего около 30 экземпляров) относятся к подпризматическим. Нуклеусы однофронтальные, реже двуфронтальные, но фронты скалывания располагаются на сопряженных гранях. Основание части нуклеусов приострено, у других – уплощенное. Кроме нуклеусов с негативами пластинчатых снятий на памятнике есть и нуклеусы для снятия отщепов. Большая часть этих отщеповых нуклеусов – это реутилизированные подпризматические нуклеусы или крупные сколы подправки. Имеются конические и клиновидные микронуклеусы.

Подавляющее большинство орудий изготовлено на пластинах. Это наконечники стрел, дротиков, скребки, скобели, проколки, сверла, ножи, вкладыши и другие орудия. Большинство наконечников стрел и дротиков вы-

полнены подработкой краевой одно- или двусторонней ретушью острия и краев пластинок, некоторые – обработаны бифасиальной ретушью. Значительная часть наконечников – черешковые (что необычно для среднего неолита Приморья). Замечателен комплекс режущих инструментов. Самый крупный нож на пластине имеет длину около 13 см, лезвия этого ножа оформлены отжимной краевой дорсальной ретушью, которая занимает около половины длины пластины, рукоять не ретуширована. В коллекции представлены как однолезвийные, так и двулезвийные ножи на пластинах. Рубящие орудия представлены единственным экземпляром группной заготовки «горбатого» тесла.

Подавляющее количество сосудов изготовлено из глин с песчаной примесью, реже в качестве отощителя использована дробленая раковина. Посуда формовалась по донной программе из жгутов или лент, крепящихся встык.

Реконструкция форм сосудов указывает на наличие двух близких типов емкостей: закрытые сосуды с округлым туловом без горловины и открытые сосуды со слабой профилировкой тулова, также без горловины. Вся посуда орнаментирована. Основным приемом нанесения орнамента является штампование, сопровождающееся зачастую техникой налепа. Тиснение проводилось штампами с треугольным, ромбическим, овальным, прямоугольным, зубчатым рабочим краем. Основные мотивы: прямолинейные горизонтальные линии, волна, сетка треугольник. Орнамент располагался сплошным полем, состоящим из концентрических поясков, которые наносились разными инструментами.

Радиоуглеродные даты 6010 ± 90 – 5830 ± 95 (всего 3 даты).

Таким образом, не смотря на межкультурные различия, данные археологические комплексы обладают рядом стадиальных черт. К таковым в керамическом производстве следует отнести плоскодонность сосудов, морфологическую простоту при преобладании среднеразмерной посуды универсального назначения, использование штампованного декора в поясковом мотиве или сплошном поле горизонтальных прямых, волнистых и дугообразных линий; зональность распространения которых преимущественно в верхней половине сосудов.

В каменном инвентаре – преобладание ретушированных изделий, использование шлифовки для изготовления ограниченного числа орудий, отсутствие шлифованных микролитов и др.

Стратиграфически материалы среднего неолита Приморья связаны с коричневыми суглинками, накопление которых относится к атлантической фазе голоцена. Практически все радиоуглеродные даты указанных культур связывают их периодом голоценового оптимума, характеризующимся более высоким уровнем моря, более высоким температурным режимом, повышенной влажностью в сравнении с настоящим временем.

Список литературы

1. **Неолитические поселения в Низовьях Амура** (отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.)// Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Хон Хен-У, Медведева О.С., Филатова И.В.. – Сеул, 2003. – Т.1. – 443 с.
2. **Дьяков В.И.** Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 140 с.
3. **Неолит Дальнего Востока.** Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. Москва: Издательство «Наука», 1991. – 224 стр.
4. **Медведев В.Е.** Неолитические культуры Нижнего Приамурья// Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–268.
5. **Кононенко Н.А.** Динамика освоения юга Дальнего Востока России в конце плейстоцена// Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 59–86.
6. **Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. книж. Изд-во, 1973. – 440 с.
7. **Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 96 с.

В.А. Раков, Д.Л. Бродянский

*Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева
ДВО РАН, Дальневосточный государственный университет, Владивосток*

РАКОВИННЫЕ КУЧИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ОСТАТКИ ДРЕВНЕЙШИХ УСТРИЧНЫХ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ

Для субтропической и бореальной зон восточного побережья Евразии характерны раковинные кучи, распространенные от Вьетнама до Сахалина и Камчатки. Они появились в раннем неолите и прослеживаются в течение тысячелетий до наших дней. Их мощность достигает нескольких метров, а площадь – десятков тысяч квадратных метров. Например, на юге Приморья раковинная куча раннеолитического поселения Бойсмана-2 имеет мощность до 1–1,2 м, а поселения раннего железного века Зайсановка-2 – до 3 м. Их площадь в устье р. Гладкой около 6 га, а на мысе Шелеха (зал. Посыета) достигает 2,45 га с численностью устриц более 50 млн. штук.

Недавно дальневосточными учеными и специалистами России, Японии, Кореи и Китая начаты детальные исследования раковинных куч, включающие изучение видового, размерного и возрастного состава моллюсков, их возраста, сезона вылова, стратиграфии слоев, особенностей их формирования.

В раковинных кучах раннеолитической бойсманской культуры Приморья идентифицировано не менее 74 видов животных, из которых наиболее представительными являются моллюски (21 вид брюхоногих и 27 – двустворчатых), млекопитающие рыбы, другие группы животных.

Несмотря на богатый видовой состав добывавшихся животных в неолите, основную массу остатков (не менее 95–99%) составлял только устрица *Crassostrea gigas*. Такая избирательность в выборе пищевого ресурса при доступности в бухте Бойсмана других морских животных не была случайной.

Например, вблизи поселений бойсманской культуры на глубине от 1 до 2-3 м, с биомассой до 15–20 кг на одном квадратном метре дна имеются промысловые скопления крупной (до 20 см) мидии Грея (*Streblomytilus grayanus*), корбикулы (*Corbicula japonica*). В настоящее время в бухте Бойсмана имеется самое большое в Приморье скопление спизулы (*Spisula sachalinensis*). Однако ни один из названных и доступных видов не формирует раковинные кучи, и их масса достигает 1,5–2% от общей.

Интересными оказались результаты изучения размерно-возрастного состава моллюсков из неолитических раковинных куч, полученные при подсчетах и промерах целых раковин или створок. Так, если в природных популяциях встречаются устрицы длиной до 30–35 см и реже крупнее, то в раковинных кучах большинство моллюсков имели длину только от 5 до 10 см. Возраст устриц такого размера был от 2 до 3 лет, тогда как в природных популяциях устрицы имеют возраст до 25–30 лет. Когда в начале XX в. существовал промысел устриц, то местное население добывало моллюсков с размерами 27–31 см и более [Разин, 1928].

Раковины других моллюсков из раковинных куч имели более широкие пределы размеров, как правило, соответствующие размерам животных из природных популяций. Так, длина мидии Грея была в пределах от 4 до 15–16 см, спизулы сахалинской – от 5 до 10 см, корбикулы – от 1,5 до 4,5 см. Возраст их достигал 45, 18 и 7 лет, соответственно.

Незначительное количество молодых или мелких особей разных видов моллюсков в раковинных кучах можно объяснить только сортировкой улова или во время промысла или сразу после его извлечения из воды. Так, при добыче закапывающейся в песок спизулы обычно выбирали крупных особей, которых с поверхности воды можно легко отличить по размерам их сифонов. При их ловле не использовали драги, а выкапывали ногами или с помощью щупа или трезубца, следы которого можно видеть на поверхности раковин.

Корбикул, закапывающихся в песчаный грунт, добывали сачками, сетной мешок которых пропускал молодь с размерами менее 1,5 см. Мидию Грея добывали вручную или с помощью изогнутых зубчатых крючьев на длинном шесте. Поэтому в уловах мидии, ее молодь встречается чаще.

В отличие от других промысловых моллюсков, устрицы прикрепляются друг к другу, и при добыче крупных всегда извлекаются из воды и мелкие, молодые моллюски, а также пустые створки животных. В раковинных кучах бойсманской культуры годовики и сеголетки устриц, также как и пустые раковины мертвых моллюсков, встречаются редко. Это может свидетельствовать о том, что устриц тщательно сортировали на месте и, по-видимому, молодь вместе с пустыми створками выбрасывали в море.

В более поздней зайсановской неолитической культуре, в некоторых изученных раковинных кучах, такая сортировка устриц не всегда выполнялась. Например, в раковинной куче позднеолитического поселения Зайсановка-7 молодых раковин или устричного спата, довольно много. Устрицы крупнее 10–12 см встречаются редко.

Эти факты подтверждаются исследованиями морфологии раковин, составом эпифауны и инфавны устричных створок из раковинных куч. Крупные устрицы из природных популяций имеют на поверхности многочисленные колонии губок, мшанок, многощетинковых червей, усоногих раков, а внутри раковины сильно поражены перфораторами (сверлящие губки и полихеты). Створки устриц из раковинных куч практически чистые, без следов этих животных, что характерно для культивируемых моллюсков. Молодые раковины устриц из природных популяций толстые и прочные, имеют волнистые или фестончатые края, а на поверхности – шипы и выросты. Этот же вид моллюсков из раковинных куч – без выростов и с ровной поверхностью створок. Таким образом, устрицы из раковинных куч имеют существенные отличия от устриц из природных популяций.

Особый интерес представляют устричники, существовавшие одновременно с неолитическими поселениями с раковинными кучами. Несколько таких устричников, погребенных под поздними наносами песка и ила, были обнаружены в русле р. Рязановки, протекающей в 50–70 м от поселения Бойсмана-2. Радиоуглеродная дата (6100 ± 55 л.н.), полученная по раковине устрицы, отобранной с этих устричных рифов, совпала с возрастом раковин, взятых из раковинной кучи. Так, в ее нижней части устрицы имели возраст 6500 ± 740 (ДВГУ-145), а в верхней части – 4815 ± 140 (СОАН-4131) л.н.

В районе этих устричных рифов было пробурено 6 скважин, которые показали, что их раковины встречаются на глубине от 135 до 340 см ниже современной поверхности [Микишин и др., 2002]. Эти исследования показали, что здесь существовала морская лагуна, которая исчезла после понижения уровня моря. По существующей классификации обнаруженные устричники представляют собой устричные рифы. Это сильно вытянутые биогенные образования, шириной от 1,5 до 3–5 м, возвышающиеся над современным ложем реки на 0,5–1 м, и уходящие в песчано-илистые наносы на глубину до 1,5–2 м. В р. Рязановке они прослежены на протяжении до 10–15 м. Их длина может быть значительно больше, так как в бухтах зал. Петра Великого устричные рифы вытянуты на десятки, а иногда и сотни метров.

Другой устричный риф обнаружен в русле р. Гладкой, находящийся примерно в 1,5 км от позднеолитического поселения Зайсановка-7. Риф проходит поперек реки и устья протоки на протяжении около 80 м, имеет ширину 6–8 м, и возвышается на 0,4–0,8 м, мощностью до 2 м. Взятые здесь раковины имели возраст 4480 ± 90 (СОАН-4174) л.н. Такие же устричные рифы обнаружены в русле р. Цукановки, впадающей в б. Экспедиции (зал. Посьета). Бурениями скважин установлено, что они имеют мощность до 0,5–0,8 м. Радиоуглеродная дата отобранных устриц – 4100 ± 65 (СОАН-3762) л.н.

Для поселения Зайсановка-7 получена близкая радиоуглеродная дата – 4750 л.н. Раковинная куча этого памятника сформирована на небольшом песчаном островке или косе, отделяющей ранее существовавшую морскую лагуну от бухты Экспедиции, в центральной части которой до настоящего времени сохранились устричные рифы. В 1980-х годах в северо-восточном углу бухты и на побережье вблизи поселения Зайсановка-7 обнаружены устричные рифы, погребенные под морскими отложениями, представляющие основу месторождения ракуши, запасы которой оценены геологами в 25 млн. тонн. Бурениями более 300 скважин установлено, что основания рифов уходят на глубину до 12 м. Радиоуглеродное датирование устриц из верхних частей этих рифов, показало на гибель их 4–5 тыс. л.н., что совпадает со временем существования позднеолитических поселений Зайсановка-7 и Посьет-1.

Эолокационная съемка устричных рифов показала, что они располагаются двумя большими группами у северного берега бухты. В каждой группе имеется несколько рифов, вытянутых правильными, параллельными рядами в 20–50 м друг от друга, что дает основание предполагать их искусственное происхождение. По-сути, это погребенные под лагунно-морскими отложениями остатки устричных плантаций позднего неолита.

Проблема происхождения и развития аквакультуры в неолите и раннем железном веке на российском Дальнем Востоке рассматривалась нами давно и с каждым годом подкреплялась новыми фактами [Бродянский, Раков, 1986, 1996; Brodiansky, Rakov, 1992; Раков, 2003 и др.]. Существование древней аквакультуры находит свое подтверждение и на соседних территориях.

Устрицеводство на востоке Евразии возникло в незапамятные времена. Китайцем Фан Ли в 599 г. до н.э. упоминается о выращивании устриц за 500–600 лет до него, то есть о существовании устрицеводства на рубеже

2 и 1 тыс. до н.э. [Раков, 2003]. За тысячелетия биотехника культивирования устриц не изменилась, и претерпела изменения в XVI в., когда в Японии начали выращивать устриц в толще воды. Однако до начала XX в. традиционно существовали и примитивные способы.

Эта биотехника заключалась в создании устричных плантаций на глубине до 1,5 м. Основанием таких плантаций служили природные субстраты в виде камней, раковин или воткнутых в дно палок из веток деревьев. В середине лета на них оседали личинки устриц, которые несколько дней развивались в планктоне и вынуждены осесть на дно.

Дальнейшая эксплуатация устричных плантаций заключается в периодическом пополнении их новым субстратом, которым служили пустые раковины, остающиеся во время сбора урожая после его сортировки. Возможно, с этой же целью применяли ранее существовавший способ «боронования» раковин деревянными граблями. Кроме того, с плантаций убирали хищников (рапан) и разбрасывали молодь устриц, отобранную во время сортировки урожая. Такие устричные плантации эксплуатировались в течение столетий, и только резкие изменения условий природной среды (понижение уровня моря, деградация морских лагун) могли заставить людей перенести устричные плантации на новое место.

Список литературы

- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Памятники первобытной аквакультуры // *Природа*. – 1986. – № 5 (849). – С. 43–45.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Предварительные итоги изучения малакофауны нижнего слоя Бойсмана-II (к проблеме аквакультуры) // *Археология Северной Пацифики*. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 271–279.
- Микишин Ю.А., Попов А.Н., Петренко Т.И., Раков В.А., Царько Е.И.** Биостратиграфия голоценовых отложений района памятника Бойсмана-2 // *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 41–56.
- Разин А.И.** Материалы о некоторых промысловых моллюсках залива Петра Великого // *Записки Гос. географического общества*. – Владивосток, 1928. – С. 49–70.
- Раков В.А.** Аквакультура Восточной Азии в древние времена (проблемы происхождения и развития) // *Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии*. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – С. 56–98.
- Brodiansky D.L., Rakov V.A.** Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific // *Pacific Northeast Asia in Prehistory. Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers, and Sociopolitical Elites*. – Washington: Washington State University Press, Pulman, 1992. – P. 27–31.

Т.Н. Собољникова
СурГПУ, Сургут

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Памятники с гребенчато-ямочной орнаментацией известны на широкой территории Западной Сибири и существовали достаточно продолжительный период времени, начиная с эпохи позднего неолита и вплоть до средневековья. На современном этапе, одними из наиболее дискуссионных вопросов в западносибирской археологии представляются вопросы, связанные с ранними этапами существования гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в Западной Сибири. В рамках настоящей работы попытаемся в общих чертах представить состояние данной проблематики в современной историографии.

Ранний этап существования гребенчато-ямочной традиции долгое время исследователи видели в керамике, так называемого кокуйского типа (пос. Кокуй I, нижнее жилище), характерной особенностью которой является сочетание накольчато-ямочной и гребенчато-ямочной техники орнаментации. В связи с этим в историографии довольно прочно утвердилось мнение, о том, что подобная керамика характеризует начальный этап развития «екатерининской культуры». А.И. Петров, наиболее активно и плодотворно исследовавший екатерининскую культуру, время ее становления отнес к 1-й пол – середине III тыс. до н.э. [Петров, 1987]. Им было выявлено значительное сходство (в технологии, форме сосудов, схеме орнамента и др.) между кокуйским и екатерининскими типами, на основе чего он объединил их в одну культуру [Петров, 1987].

Позднее культурная и хронологическая принадлежность керамики с отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией (кокуйского типа) была пересмотрена в связи появлением новых материалов в Нижнем Приишимье (пос. Боровлянка 2, Серебрянка 1 и др.). На основе анализа технологических и декоративно-морфологических стандартов были сделаны выводы том, что кокуйский тип керамики не является родственным собственно екатерининскому типу [Панфилов, Зах, Зах, 1991; Панфилов, 1993]. При этом, корни керамики кокуйского типа связываются многими исследователями (А.Н. Панфилов, В.А. Зах, В.Ф. Старков) с местным мезолитом [Панфилов, 1993].

Своего рода промежуточный вариант был предложен В.А. Хвостовым, который считает, что екатерининская керамика складывается на основе местной (представленной керамикой кокуйского типа) и пришлой (гребенчато-ямочной) культур [Хвостов, 1997]. Проникновение инородной культуры, по его мнению, вполне могло быть поэтапным, что на археологических материалах выражается в постепенном увеличении доли гребенчато-ямочного орнамента. В связи с этим, екатерининская культура изначально представляется двухкомпонентной или «гибридной» по своему происхождению, а соотношение гребенчато-ямочной и отступающе-накольчато-прочерченной техник является критерием для определения относительной хронологии памятника.

Свою версию становления гребенчато-ямочной традиции в Западной Сибири изложил в работах последних лет тюменский археолог В.А. Зах [Зах, 2001, 2003, 2004]. По его мнению «ГЯ традиция автохтонна и проявляется с развитием у аборигенов керамического производства, воспринятого у мигрантов – носителей отступающе-прочерченной орнаментальной традиции» [Зах, 2004]. По материалам памятников Нижнего Приишмья В.А. Зах выделяет 3 хронологических пласта в неолите лесосеппной зоны Западной Сибири: 1) керамика с отступающе-прочерченной орнаментацией (аналогичная зауральской – боборыкинской и кошкинской); 2) отступающе-гребенчато-ямочная керамика (кокуйский тип); 3) гребенчато-ямочная керамика (екатерининская) [Зах, 2001]. В своей работе, В.А. Зах, основываясь на полученных для некоторых памятников радиоуглеродных датировках, значительно удревяняет дату формирования гребенчато-ямочной традиции: 2-я пол. V – середине IV тыс. до н.э. для «смешанной» керамики (кокуйский тип) и 2-я пол IV- начало III тыс. до н.э. для «чистой» гребенчато-ямочной (собственно екатерининская) керамики [Зах, 2003].

Реконструкция, предложенная В.А. Захом, носит достаточно глобальный характер. Она объединяет целый ряд ключевых вопросов западносибирской археологии: от появления керамического производства в Западной Сибири до влияния гребенчато-ямочного компонента на развитие самых разных культур региона [Зах, 2004]. Многие заключения носят достаточно схематичный (обобщенный) характер и нуждаются в дополнениях, уточнениях.

Так, например, по мнению В.А. Заха, отступающе-накольчатая-прочерченная орнаментальная традиция (которую он соотносит с боборыкинской культурой) играла роль некоего изначального субстрата для гребенчато-ямочной (и не только) орнаментальной традиции, сформировавшейся в Ишимо-Иртышье. Но, между тем, в поздненеолитических керамических комплексах Среднего Прииртышья часто, наряду с екатерининской керамикой фиксируется, так называемая, волнисто-прочерченная керамика (Крапивка I, Нижняя Тунуска I, II и др.), а не только керамика боборыкинского облика (Нижняя Тунуска III) [Собольникова, 1996, 2003]. Эта керамика (волнисто-прочерченная) находит широкий круг аналогий в неолите Зауралья, Нижнего и Сургутского Приобья и др. (Чэс-Тый-яг, Сумпанья IV, козловский тип, быстринский и т.д.), и по своим технологическим стандартам она гораздо ближе к екатерининской, нежели боборыкинская [Собольникова, 2003]. В любом случае, на данном этапе культурную общность данной волнисто-гребенчатой керамики и боборыкинской представить сложно.

Что касается логики развития екатерининской керамики, то большинство исследователей (в том числе и В.А. Зах) видит ее в постепенном увеличении гребенчато-ямочного компонента. В тоже время, в литературе подчеркивается, что полного вытеснения архаичных техник орнаментации не происходит [Петров, 1987]. В эпоху энеолита развитие отступающе-накольчатого приема орнаментации демонстрирует артынский тип керамики (поселения Артын, Ир I, X, могильники Хутор-Бор I, IV). По мнению И.Г. Глушкова, А.И. Петрова, артынская керамика является результатом генетической трансформации екатерининской [Глушков, Петров, 1984]. Иную позицию занял М.Ф. Косарев, который считает, что логическая направленность развития ранней орнаментации шла от отступающе-накольчатой, а не наоборот [Косарев, 1993]. Импульсом для возникновения керамики артынского типа, по его мнению, вполне могли стать как западные соседи (Тюменское Притоболье), так и восточные соседи (Верхнее Приобье), являвшиеся носителями отступающе-накольчато-прочерченной традиции [Косарев, 1993].

В целом, проблемы связанные с ранними этапами существования гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в западносибирском регионе сохраняют на сегодняшний день свой дискуссионный характер. Многие «устоявшиеся» положения подверглись в последние годы пересмотру. Так, например, значительно удревнены датировки кокуйской и екатерининской керамики- 2-я пол. V – начало IV тыс. до н.э. и конец IV–III тыс до н.э. – соответственно [Матющенко, 1999]. Спорными, также, остаются некоторые вопросы соотношения и культурной интерпретации различных типов ранней гребенчато-ямочной керамики.

Кроме того, значительно за последнее время расширен ареал памятников с ранней (екатерининской) гребенчато-ямочной керамикой. На данный момент он распространяется далеко за территорию Среднего Прииртышья и Приишимья: от Тюменского Притоболья (байрыкский тип) на западе до Енисея (карасевский тип) и Нижнего Приангарья на востоке [Петров, 1987, Бобров, 1993]. Байрыкский этап, аналогичный екатерининскому Среднего Прииртышья, был выделен В.И. Молодиным в Барабинской лесостепи [Молодин, 1985]. В северных районах екатерининская керамика в небольшом количестве была выделена в Васюганье [Петров, 1987].

Для всех районов распространения керамики екатерининского облика исследователи отмечают наличие в ней как местных (неолитических – отступающе-накольчато-прочерченных), так и инородных (гребенчато-ямочных черт). Изучение и сопоставление материалов различных регионов позволило исследователям несколько иначе взглянуть на саму проблему формирования гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Данный процесс на современном этапе уже не рассматривается как простая эволюция – постепенный переход от «смешанных» форм к «чистой» – гребенчато-ямочной традиции. Он представляется более сложным и вариативным.

В рамках ближайших перспективных направлений в развитии данной проблематики можно выделить, во-первых, разработку единой терминологии. Данная необходимость давно осознается исследователями, поскольку многие понятия «устарели» или имеют уже несколько иной смысл, чем в них изначально вкладывался и т.п. Во-вторых, это изучение технологических аспектов керамического производства, которое будет особенно актуально в рамках данной проблематики (в силу монотонности и однообразия гребенчато-ямочной традиции) и позволит проводить более обоснованные типологические и культурно-хронологические определения.

Список литературы

1. **Бобров В.В.** Культурногенетические процессы в эпоху бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области (в аспекте формирования археологических культур) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – С. 6–8.
2. **Глушков И.Г., Петров А.И.** Памятники самусьско-сейминской эпохи в лесном Прииртышье // Проблемы этнической истории тюркских народов и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1984. – С. 21–23.
3. **Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003 – 165 с.
4. **Зах В.А.** Отступающе-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 37–46.
5. **Зах В.А.** Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. № 5. – С. 4–13.
6. **Косарев М.Ф.** Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Российский Этнограф. – М., 1993. – № 4.
7. **Матющенко В.И.** Древняя история Сибири. – Учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. – 231 с.
8. **Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
9. **Панфилов А.Н.** Многослойное поселение Серебрянка I в Нижнем Приишимье (итоги полевых исследований). – Препринт. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 78 с.
10. **Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А.** Боровлянка 2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: ТГУ, 1991. – С. 25–50.
11. **Петров А.И.** Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири. – Омск: ОГУ 1987. – С. 4–20.
12. **Собольникова Т.Н.** Керамика неолитического облика в комплексах эпохи раннего металла Среднего Прииртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX, Ч. I. – Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 467–471.
13. **Собольникова Т.Н.** Технологический анализ керамики позднего неолитического поселения Нижняя Тунуска II в Среднем Прииртышье // Керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1996. – С. 29–34.
14. **Хвостов В.А.** Этнокультурные контакты населения Среднего Прииртышья в эпоху неолита-ранней бронзы (по материалам керамики) // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – С. 173–174.

Е.А. Соловьева*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОГУ**

Назначение небольших глиняных скульптурок догу, распространенных на территории Японских островов на протяжении нескольких тысяч лет эпохи Дзёмон, до сих пор остается для специалистов проблемой. В ряде археологических культур Евразии, относящихся к эпохе неолита и бронзы, имеется антропоморфная пластика. Глиняные статуэтки встречены на огромной территории от Дальневосточного Приморья и Приамурья до Средней Азии и Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы. Как видно, этот феномен, несомненно, является транскультурным, наиболее ранние проявления которого мы находим ещё в палеолитических культурах Евразии, в виде так называемых «Венер», а новый всплеск ярко демонстрируют материалы неолита и бронзы теперь уже не только Евразии, но и Америки.

Традиционно глиняные статуэтки догу в японской историографии связываются с культом женского божества, плодородия, им приписывают так же и роль игрушки, или амулета [Ёнэда, 1983]. Интерпретация данных изделий достаточно разнопланова и включает, по сути, основные направления научного поиска, как в сфере духовной, так и сугубо утилитарной.

Прежде всего, обратим внимание на саму эпоху появления и распространения догу, которая характеризуется как неолитическая с комплексным присваивающим, и охотничье-рыболовецким хозяйством сезонного подвижного населения. Это дает нам основание искать параллели данному феномену, обратившись к этнографическим материалам населения со сходной системой ведения хозяйства. И хотя по логике вещей, учитывая археологические свидетельства, такие параллели следует искать, прежде всего, у географически близких народов Приморья, представляется целесообразным обратиться и на территориально отдаленный регион Западной Сибири. Хотя материалом для изготовления здесь по большей части служила древесина, тем не менее, керамические антропоморфные разной степени стилизации изображения уже в эпоху бронзы здесь не редкость [Молодин, Парцингер, Гаркуша, 2001], а декорированные плотными отпечатками гребенчатого штампа глиняные фигурки людей становятся характерным элементом таежного искусства [Мошинская, 1959; Чернецов, 1957; Терехова, Широков, 1986; Зыков, Кокошаров, Терехова, Федорова, 1994]. Что касается японских островов, то феномен появления здесь самых ранних в Северной и Юго-Восточной Азии навыков термической обработки глины, несомненно, лежал в основе широкого распространения именно здесь керамических фигурок столь великого разнообразия форм и размеров. Можно предполагать, что такая варибельность поделок, помимо хронологических и территориальных причин, кроется еще и в различном смысловом их назначении. Прежде всего, обращает внимание на себя массовость изделий, которая предполагает достаточную частоту и «обыденность» случаев, требовавших изготовления догу. Как показывают этнографические материалы одним из популярных скульптурных фетишей у аборигенного населения Сибири в целом и Приобья, в частности, были небольшие фигурки домашних духов-покровителей, которые помещались тут же в дальнем углу жилища [Гемев, 1990]. Подобные «фамильные» изображения нередко делались вновь, когда этому появлялись соответствующие побудительные мотивы. Это могли быть обстоятельства связанные с созданием новой семьи, знаки свыше и т.д. Отметим, что согласно свидетельствам И. Лепехина, Н.Л. Гондатти и И.Г. Остроумова, К.Д. Носилова и др. подобные изображения духов-покровителей если они плохо «работали» на нужды владельца выкидывались и заменялись новыми [Лепехин, 1771; Гондатти, 1888; Носилов, 1904; Остроумов, 1904]. По данным Ф. Беляевского во время этого акта мести они разрубались на мелкие кусочки, которые раздавались по рукам старейшин [Беляевский, 1833]. Как не вспомнить здесь намеренно разбитые («наказанные?») глиняные фигурки культуры Дзёмон.

Находки догу в погребальных комплексах могут свидетельствовать и о связи статуэток с представлениями о смерти. В сибирской этнографии хорошо известна широко распространенная категорией изображений – иттерма – фигурки умерших, которые кормили и держали дома в течение года, а затем уносили и предавали земле, либо помещали в специальном сооружении [Молодин, 1990]. Таким образом, и в этом случае мы можем констатировать совпадение обрядовых элементов с известными захоронениями догу. Разумеется, только этими примерами не исчерпывается даже приблизительный круг возможных аналогов. Подчеркнув еще раз, что в данном случае речь идет о сходстве явлений на уровне архетипа, отметим необходимость привлечения самого широкого круга этнографических и фольклорных источников и последующей их классификации по принципам объяснения смысла того или иного археологического феномена (в данном случае догу) с целью выявления альтернатив его интерпретации.

Погребальный обряд является важным источником информации, как об образе жизни, так и о представлениях людей различных обществ и эпох. Не является исключением и период неолита в Японии, где элементы погребального обряда позволяют интерпретировать и некоторые аспекты, связанные с глиняной пластикой – догу. В целом можно отметить, что погребальный обряд претерпел некоторые изменения на протяжении эпохи Дзёмон. В раннем и начальном периоде погребения располагались в жилищах или в непосредственной близости от них, в среднем – для захоронений выделяется особая территория, обычно за пределами поселения, и появляются обособленные погребения. В позднем и заключительном – встречаются специальные погребальные сооружения, представленные каменными кладками, оградами и земляными насыпями. Обнаружены захоронения в керамических сосудах. На ранних этапах наблюдается применение в погребальном обряде охры и киновари, на поздних – могильники и захоронения соседствуют со следами костров. Многие из вышеперечисленных аспектов, по-видимому, достаточно тесно связаны с догу и их применением, о чём подробнее будет сказано ниже.

Обратимся к наиболее ярким вариантам нахождения глиняных статуэток. На стоянке Тохэйсондокэн, префектура Нагано, среднего периода, найденная догу с руками, расставленными в стороны, располагалась в каменной ограде. Ограда представляла собой круг, выложенный из мелких камней. На стоянке Тогарииси, префектура Нагано, относящейся к среднему периоду, догу без ног была в каменной ограде в форме круга. Догу из Маруяма-2, префектура Аомори, лежала на боку в вытянутой каменной ограде. На стоянке Накая, префектура Яманаси, статуэтка находилась в углублении, обложенном некрупными камнями. Догу лежала на боку, голова обращена на юг, фигурка окрашена киноварью. Это догу-сова, относящаяся к заключительному периоду. Статуэтка из Магонай, префектура Аомори, датированная средним периодом, была найдена в ограде в форме круга из треугольных камней небольшого размера. В комплексе Татэиси, префектура Иватэ, найдено двести восемнадцать фрагментов догу, часть из которых встречалась в культурных слоях памятника вперемежку с украшениями и глиняными фигурками животных. Другие были найдены в каменных оградах овальной формы, ориентированных с севера на юг. В некоторых случаях ниже уровня камней обнаружен прокол, причем на камнях следов воздействия огня не найдено. Здесь же одна из статуэток находилась в кругу, выложенном фрагментами керамики. В Готэньяма, Хоккайдо, относящейся к позднему Дзёмону, найдено несколько каменных насыпей и одна земляная, из которой были извлечены каменный топор, два керамических сосуда и две догу со следами красно-коричневой краски.

На стоянке Хинокибара, префектура Фукусима, заключительного периода целая статуэтка в «снежных очках» располагалась на каменном фундаменте из нескольких небольших камней. Интересный случай представляет находка на стоянке Тёхонайно, Хоккайдо. Догу обнаружена в земляной насыпи вместе с костями человеческого скелета. Это полая статуэтка с коленями, соединенными трубкой. Догу в «снежных очках» в каменной ограде и под каменной крышкой найдена на стоянке заключительного периода Сугисава, префектура Ямагата. Ограда состояла из трех камешков, расположенных по трем сторонам квадрата. На стоянке Окамати, префектура Аомори, догу находилась в каменной ограде круглой формы под каменной крышкой в сопровождении фрагмента цилиндрической керамики. В раковинной куче Сатохама, префектура Мияги, относящейся к заключительному периоду, была обнаружена статуэтка в каменной ограде вытянутой формы под каменной крышкой. В качестве крышки использована плоская речная галька. На стоянке Аматаки, префектура Иватэ, относящейся к заключительному Дзёмону, догу в «снежных очках» была расположена в полукруге из камней величиной до 5 см с крышкой, составленной из двух фрагментов керамики, которые лежали внешней стороной вниз. Нижняя часть тела отсутствует, голова направлена на север, фигурка лежит на спине. В раковинной куче Касори, префектура Чиба, догу позднего периода найдена в овальном сооружении из фрагментов керамики, внешней стороной обращенных к статуэтке. Догу располагалась в углублении в центре, вертикально, лицо обращено на юг. На стоянке Гоохара, префектура Гумма, сердцевидная догу лежала на спине головой на север в прямоугольной ограде из камней около полутора метров в длину. На статуэтке видны следы киновари, в области поясицы три разлома.

Таким образом, можно отметить определённое сходство между элементами погребального обряда и вариантами нахождения статуэток. Одновременно с появлением погребальных сооружений возникает и практика захоронения догу в каменных конструкциях, в сооружениях из керамических фрагментов, встречаются прокалы и следы красного пигмента. Все эти обстоятельства подтверждают связь статуэток с погребальным обрядом. Кроме того, символическая трактовка догу также демонстрирует эти взаимосвязи /6.

Ёсида Ацухико, обращая особое внимание на факт разлома большинства статуэток, пытается восстановить обрядовую практику и целый комплекс представлений [Ёнэда, 1983]. Он приводит также мифологические подтверждения связи догу с культом плодородия. В мифологическом своде «Кодзики» есть сюжет о женском божестве Охогэцу-химэ, которое было разрушено на части, а из этих частей затем появились съедобные растения [Кодзики, 1997]. Подобные сюжеты обычно соотносятся с «мифологемой Гайнувеле», встречающейся в новогвинейской мифологии и связанной с убийством некоего человеческого существа, разделением его тела на части, из которых затем появляются съедобные растения [Элиаде, 1995]. На основе этого мифа мог существовать обряд, символизирующий творение съедобных растений, главная роль в котором принадлежала женским статуэткам. Кроме того, говоря об обрядовой практике, Ёсида предполагает возможность существования обряда, включающего несколько смыслов. В определённое время древнейшие жители Японии собирались на специальной «площади» на территории поселения и, разламывая статуэтки, буквально «сеяли» догу, которые воплощали соединение рождающей и отнимающей жизнь силы. Одновременно обеспечивалось как возрождение растений, природы, так и человеческого сообщества. В этом смысле всё живое можно с полным основанием называть «детьми догу» [Ёнэда, 1983].

Список литературы

- Белявский Ф.** Поездка к ледовитому морю. – Москва: Типография Лазаревых, 1833. – 259 с.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.И., Чан Су Бу.** Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Воробьёв М.В.** Древняя Япония. М., Наука, 1958. – 246 с.
- Гемув И.Н.** Мировоззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск, Наука, 1990, – 231 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – Москва: Типография Е.Г. Потапова, 1888.- 91 с.
- Ёнэда К.** Догу. Токио, 1983. – 110 с.
- Зыков А.П., Кокошаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 158 с.
- Кодзики.** Записи о деяниях древности. – Санкт-Петербург: Шар, 1994. – 256 с.
- Лепехин И.** Дневные записки путешествия доктора и Академии наук, адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году – Спб.: Императорская Академия наук, 1780. – 376 с.
- Молодин В.И.** Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 128–140
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н. и др.** Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). Т.1. – Материалы по археологии Сибири. – Вып. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с.
- Мошинская В.И.** Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. // КСИИМК 75 – М., 1959. – Рис. 64.
- Носилов К.Д.** У вогулов. – СПб, 1904.- С.115
- Остроумов И.Г.** Вогулы-Манси: Историко-этнографический очерк // Материалы по изучению Пермского края. – Пермь, 1904.- Вып.1. – С. 174.
- Соловьева Е.А.** Мифологическое сознание как тип интерпретации действительности. // “Новые” и “вечные” проблемы философии. Сборник научных трудов первой конференции аспирантов и соискателей СО РАН. Новосибирск, Изд-во ИФиП СО РАН, 1998. – С. 41–50.
- Терехова Л.М., Широков В.Н.** Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы Урало-Сибирской археологии. – Свердловск УРГУ, 1986. – С. 133–138.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА №56. – Москва, 1957. – С. 136–245.
- Элиаде М.** Аспекты мифа. Москва: «Инвест – ППП», СТ «ППП», 1996. – 240 с.
- Эсака Тэруя, Оно Миёко.** Догу-но тисики. (Знание о догу). – Токио, 1983. – 144 с.
- Nagamine M.** Clay Figurines and Jomon Society // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – 358 p.

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ТРАДИЦИИ В НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ

В 1964 г. А.П. Окладников опубликовал статью об археологических находках на месте древнего поселения в бухте Пхусун (Приморье), среди которых особо выделил комплекс изделий на пластинах. Сложная стратиграфическая ситуация, частичная переотложенность комплекса и отсутствие радиоуглеродных дат поставили перед исследователем ряд проблем:

«...первая такая проблема – это вопрос о времени и этапах заселения площадки на скалистом выступе над бухтой Пхусун, вторая, связанная с первой, – о происхождении всего комплекса изделий, связанных

с отжимной техникой расщепления кремня, основанной на использовании призматического нуклеуса и снятых с него ножевидных пластин. Комплекс этот обнаруживается здесь для Приморья впервые с такой яркой и вместе с тем в такой своеобразной форме, что требует специального и глубокого исследования...» [Окладников, 1964, С.81].

Тем самым было положено начало одной из наиболее интересных дискуссий приморской археологии – дискуссии о времени и месте пластинчатой традиции в неолите региона. В разное время и в разных исследовательских форматах (тезисы докладов на конференциях, статьи, монографии) в ней приняли участие как отечественные, так и зарубежные специалисты (из Японии, Кореи, США, Канады). Отметим две ее особенности. Во-первых, практически до настоящего времени все археологи ссылались на вышеупомянутую статью А.П. Окладникова и материалы лишь одного памятника – Пхусун (ныне Моряк-Рыболов), а также привлекали аналогии из сопредельных регионов – Якутии, Приамурья, Японии, Кореи, Китая и др. Сам же памятник Моряк-Рыболов долгое время оставался уникальным. Исключение составляет информация В.И. Дьякова о полностью разрушенной стоянке и выделенной на основании ее материалов т.н. «николаевской культуре пластин» [Дьяков, 2000, 2002]

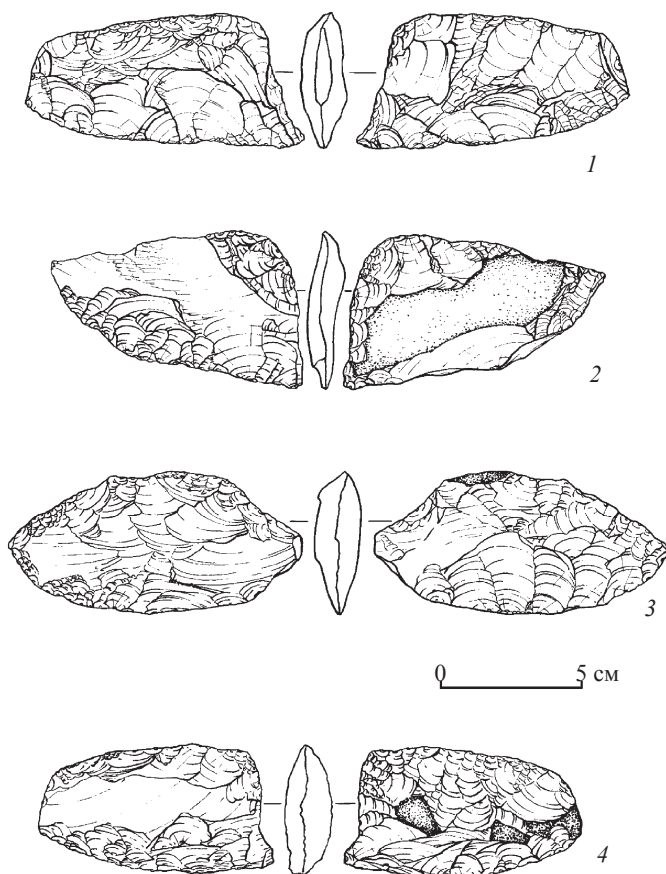

Рис. 1. Памятник Пхусун (Моряк-Рыболов). Изделия (ножи-?) с бифасиальной обработкой.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 06–01–00522а.

и отдельные находки подъемного характера. Памятник же в бухте Пхусун неоднократно посещался специалистами, но никакой принципиальной ясности в дискуссию о возрасте комплекса с пластинами эти визиты не внесли [Дьяков, 1995]. Во-вторых, коллекция каменного инвентаря памятника Пхусун, хранящаяся в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), до недавнего времени не изучалась детально, в литературе многократно тиражировались лишь иллюстрации и описания из статьи А.П. Окладникова. В то же время, состав коллекции весьма сложен, содержит свидетельства реализации нескольких разновременных технических векторов (Рис.1–2). Это касается и пластинчатого компонента, который, по нашим наблюдениям, неоднороден и может быть связан как с техникой отжима, так и с ударной техникой при участии посредника. Следует также отметить, что последовательность археологических культур в восточной (прибрежной) части Приморья содержит досадный пробел, приходящийся на раннеголоценовое время (10–8 тыс. л.н.) и разделяющий памятники устиновской индустрии и руднинскую неолитическую культуру. Первая характеризует финальный палеолит региона и отличается техникой получения удлиненных пластинчатых заготовок. Вторая долгое время фигурировала в литературе в качестве «ранне-неолитической», но свидетельств пластинчатой техники практически не обнаруживает. Ряд сценариев трансформации технологии обработки камня на рубеже плейстоцена-голоцена и связи устиновской и руднинской традиций, предложенных исследователями является исключительно гипотетическим [Дьяков, 2000; Кононенко и др., 2003, Крупянко, Табарев, 2001]. Пластинчатая техника памятника Пхусун в них до последнего времени не вписывалась.

В последние годы ситуация стала принципиально меняться. Это проявляется и в изменении взглядов на периодизацию неолита в регионе [Батаршев, 2005; Табарев, 2002, 2004], и в долгожданном появлении в прибрежной зоне новых комплексов с четко выделяющимся пластинчатым компонентом. В первую очередь, речь идет о памятнике Устиновка-8 (долина р. Зеркальной), где пластины и орудия на пластинах были стратиграфически зафиксированы ниже материалов руднинской культуры [Кузнецов и др., 2005], и о памятнике Ветка (долина р. Аввакумовки) [Попов и др., 2005], на котором документально просматривается вся технологическая цепочка – нуклеусы со следами снятия пластин, пластины, орудия на пластинах.

Новые находки, однако, делают интригу еще более интересной – судя по всему, пластинчатая техника в прибрежной зоне не является локальным «раннеголоценовым» явлением, а сохраняет свое значение на протяжении достаточно длительного периода в рамках неолитической эпохи. Возможная разгадка потребует исследовательских усилий в двух направлениях – в *технологическом* (анализ техники расщепления, необходимая сырьевая база, инструментарий, сохранение непростых технических навыков) и в *палеоэкономическом* (при-

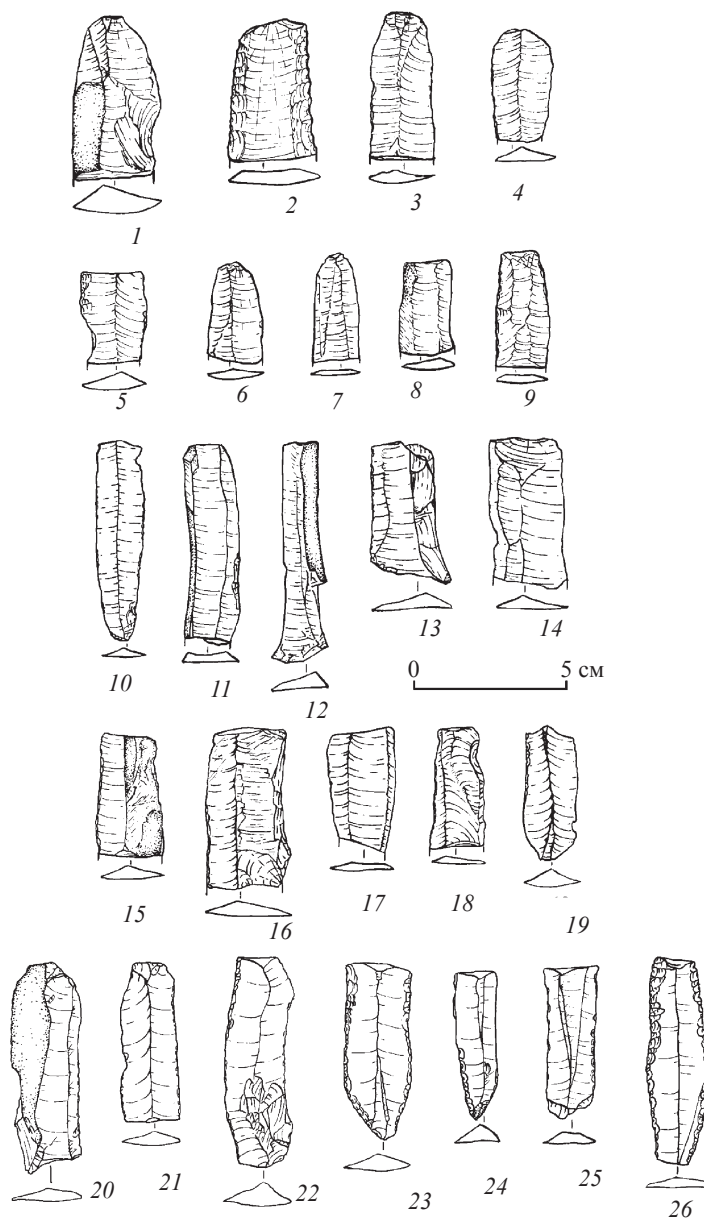

Рис. 2. Памятник Пхусун (Моряк-Рыболов).
Пластины и их фрагменты.

влекательность и востребованность пластинчатых орудий в рамках хозяйства, ориентированного на сезонную эксплуатацию ресурсов прибрежной зоны).

Список литературы

- Батаршев С.В.** Руднинская археологическая культура в Приморье: хронологические варианты и межкультурные связи. – Автореф. канд. дисс. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. – 24 с.
- Дьяков В.И.** Полевые исследования в области периодизации древних культур Приморья в 1993 г. // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1995. – С. 238–239.
- Дьяков В.И.** Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-4. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 228 с.
- Дьяков В.И.** Динамика археологических культур каменного века Приморья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Вып.3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 30–37.
- Кононенко Н. А. и др.** Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена и голоцена. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. – 176 с.
- Крупянка А.А., Табарев А.В.** Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск, 2001. – 104 с.
- Кузнецов А.М., Крупянка А.А., Табарев А.В.** Новые материалы по археологическому изучению долины реки Зеркальной (Приморье) // Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan 1. – 21 COE Program Archaeology Series. – 2005. – Vol.4. – P. 143–150.
- Окладников А.П.** Древнее поселение в бухту Пхусун // Археология и этнография Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1964. – С. 73–83.
- Попов А.Н., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А.** Новые материалы по неолиту Восточного Приморья (результаты исследований 2005 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.ХI. – Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. – С. 184–189.
- Табарев А.В.** О правомерности применения термина «пластинчатые» к индустриям устиновского времени в Приморье // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке. Материалы междунар. конф. – Владивосток, 2002. – С. 90–94.
- Табарев А.В.** Технологические характеристики финальноплейстоценовых – раннеголоценовых индустрий юга Дальнего Востока России (Приморье) // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. ТДК. – М.: Изд-во Российского гуманитарного университета, 2004. – С. 53–55.

И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

«УТЮЖКИ» КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ В VII-II ТЫС. ДО Н.Э.*

А.П. Окладников еще в 1966 г. обратил внимание на «утюжки» и высказал мысль, что они являются индикатором взаимодействия степных и лесостепных культур периода неолита – бронзы (III–II тыс. до н. э.) [Окладников, 1966]. За прошедшие 40 лет источниковый фонд «утюжков» значительно увеличился, и, что особенно важно, по ряду материалов были получены радиоуглеродные даты. В свете новых данных гипотеза А.П. Окладникова не только получила подтверждение, но и возможности для ее дальнейшего развития и конкретизации. На данный момент «утюжки», которых известно уже более 400 экз., прослежены в материалах свыше 50 культур и культурных типов. Их распределение отчетливо демонстрирует зависимость данного артефакта от условий степной и лесостепной зон [Усачева, 2005].

Территория их распространения оказалась значительно шире, чем предполагалось. Она включает Ближний Восток, Южную Европу, северо-восточное и южное побережье Африки, степную, лесостепную и полупустынную зоны Евразии от Молдавии до Монголии. Расширился хронологический диапазон: от протонеолита (мезолита) до эпохи бронзы (X–IX – первая половина II тыс. до н. э.). Статистические подсчеты показали, что количественный и территориальный максимумы находок приходятся на VI–III тыс. до н. э. Больше всего камней с желобком отмечено на Ближнем Востоке, Украине, Урале и в Казахстане.

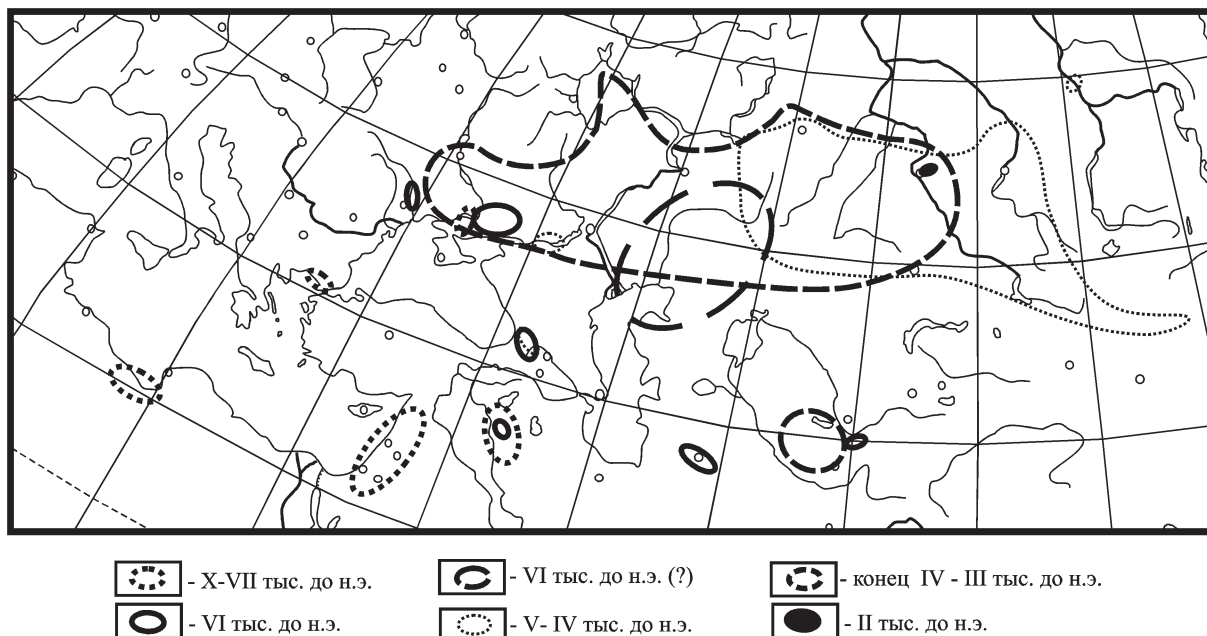

Рис. 1 Карта-схема распространения «утюжков» в Евразии.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Дифференциация «утюжков» по 5 хронологическим срезам позволила установить, что ареал их распространения не был стабильным и неоднократно менялся во времени (Рис. 1). При этом речь идет не о конвергентном их появлении на тех или иных территориях, а о постепенном, хотя и неравномерном распространении традиции изготовления из одного центра. Этот центр отчетливо локализуется на Ближнем Востоке (Северный Ирак, западные области Ирана, Юго-Восточная Турция, Палестина, Иордания). Именно здесь, в мезолитических (протонеолитических) комплексах Загроса и натуфийской культуры (X–IX тыс. до н. э.), а также в генетически родственном натуфу докерамическом неолите Иерихона А (вторая половина IX- первая половина VIII тыс. до н. э.), поперечно-желобчатые изделия зафиксированы в наиболее раннем культурном контексте [Мелларт, 1982; Solecki, Solecki, 1970]. Помимо дат в пользу первичности ближневосточного очага, свидетельствует тот факт, что при общей многочисленности экземпляров (свыше 60), здесь еще не сформировался стандарт в отношении к «утюжку» [Усачева, 2005].

На Ближнем Востоке камни с желобком прослеживаются до VI тыс. до н. э. Еще в докерамический период начинается их распространение за границы первичного ареала. Имеются сообщения о находках желобчатых камней в ранних культурах Северной и Северо-Восточной Африки, где они как будто появляются одновременно с капсийскими типами, и совершенно достоверно представлены в неолитической капсийской традиции [Solecki, Solecki, 1970]. Предположительно в мезолите желобчатые камни проникают на территорию Балканского полуострова, где доживают до неолита [Georgiev и др., 1986]. В VII тыс. до н. э. «утюжки» начинают фиксироваться на северном побережье Черного моря (кукрекская культура, приазовская и днепровская группы) [Телегин, 1989].

В VI тыс. до н. э. активизируется продвижение «утюжков» на север. Они появляются в Закавказье, Средней Азии (юг Туркмении, Центральная Фергана), Молдавии (Среднее течение Днестра). Сохраняется и увеличивается ареал их распространения на Украине (Среднее Поднепровье, Северский Донец, Приазовье). Культуры-носители: кукрекская, буго-днепровская, донецкая, западно-кавказская, центральнозакавказская, джейтунская и центральноферганская. Многие из культур несут в себе отчетливо читаемый ближневосточный след. Возможно, к VI тыс. до н.э. следует относить появление «утюжков» в районах Северного Прикаспия, Южного Урала и Северного Казахстана.

Локализация отдельных пунктов местонахождений желобчатых камней вдоль горных рубежей демонстрирует отсутствие единого миграционного пути через Иранское Нагорье и Закавказье. Наряду с наличием нескольких синхронных и асинхронных коридоров через горы нельзя исключать вероятности существования транзитных путей вдоль западного и восточного побережий Черного моря.

В V–IV тыс. до н. э. «утюжки» повсеместно достигают границ степной зоны и их территория начинает стремительно увеличиваться в размерах. В этот период культурами-носителями освоены бассейны нижних и средних течений Южного Буга, Днепра, Северского Донца, Дона, Волги, Камы, бассейн верхнего и среднего течения Урала, Белой, бассейны Тобола, Ишима, Среднего Иртыша, Среднерусская возвышенность, Южный и Средний Урал, Внутренние Кызылкумы (междуречье Аму – Дарьи и Сыр – Дарьи и р. Зеравшан), Северный Казахстан. Количество культур и культурных типов, в материалах которых зафиксированы «утюжки», приближается к двадцати.

В конце IV–III тыс. до н. э., когда возможности меридионального (северного) направления оказались полностью исчерпаны (достигли границ лесной зоны), изменение ареала происходит только за счет широтных подвижек. Особенностью этого периода является активизация восточных связей, тогда как на западе начинается суживание ареала. Поперечно-желобчатые изделия перестают фиксироваться во всех юго-западных и западных культурах до районов Приуралья и Поволжья включительно и начинают интенсивно смещаться к востоку. Исключение составляют «утюжки» Прикубанья (майкопская культура) и Нижнего Дона (Константиновка), удаленные на значительное расстояние от основного массива [Кияшко, 1994; Мунчаев, 1994]. Феномен существования этой группы, предположительно связанный с искусственной реанимацией древней месопотамской традиции под воздействием очередного миграционного потока с Ближнего Востока, свидетельствует о сложности и неоднозначности процессов взаимодействия. индикаторами которых являются поперечно-желобчатые изделия. «Утюжки» этого времени отмечены в Среднем Прикамье (низовья р. Белой), на Южном и Среднем Урале, в Центральном и Северном Казахстане, Западной Сибири (в верхнем и среднем течении рек Тобол, Ишим, Иртыш, Обь), на северных (Катунь), южных и юго-восточных склонах Алтая (Монголия), в Прикубанье и на Нижнем Дону.

Во II тыс. до н. э. завершается длительная история «утюжков». Достоверно к этому периоду можно отнести только два памятника: могильники – Ростовку (Среднее Прииртышье) и Сопку 2, кротовский комплекс (Обь-Иртышское междуречье) [Матющенко, Сеницина, 1988; Молодин, 1985].

Поступательный характер распространения «утюжков» в Северной Евразии, прослеженный по хронологическим срезам, это единый непрерывный процесс, который не мог осуществляться вне рамок прямых

или косвенных контактов и взаимодействий между культурами-носителями. В основе взаимодействия культур-носителей «утюжков» удастся проследить ряд причин [Усачева, 2006]. Во-первых, значимый для жизнеобеспечения и адаптации коллективов с доминантой присваивающих форм хозяйства новационный характер технологии, инструментом которой выступают «утюжки». Во-вторых, стимулирующие катаклизмы экологии. Наличие жесткой зависимости от условий, оптимумом которых являлись степные и лесостепные ландшафты, неизбежно требовало в случае деградации последних в силу изменения природно-климатических факторов, стремиться к поиску новых мест, соответствующих системе жизнеобеспечения и адаптации коллективов-носителей «утюжков». В-третьих, трансформация экономика – переход от присваивающих форм хозяйствования к производящим. Эта причина оказывает серьезное влияние на смену ареала распространения «утюжков» в последний период их существования и является главной для их исчезновения.

Таким образом, отражая многообразие направлений взаимодействия в Северной Евразии у коллективов с доминантой присваивающего хозяйства, «утюжки» отчетливо демонстрируют значение веера южных влияний в VII–III тыс. до н. э. В V–IV тыс. до н. э. в степной и лесостепной зонах активизируются широтные связи, среди которых в конце IV- первой половине II тыс. до н. э. возобладал восточный вектор. Оценить в полной мере степень влияния маркированных «утюжками» взаимодействий на процессы культурогенеза пока трудно, но игнорировать их нельзя.

Список литературы

- Княшко В.Я.** Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. – Азов: тоо «Азовский полиграфист», 1994. Вып. 4. – 136 с.
- Матюшенко В.И., Сеницына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томского университета, 1968. – 142 с.
- Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Мунчаев Р.М.** Ранняя и средняя бронза Кавказа. Майкопская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1994. – С. 158–225.
- Окладников А.П.** К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III-II тыс. до н.э. (Утюжки и «човниги» – атлатль?) // Советская этнография. – 1966. – № I. – С. 119–126.
- Телегин Д.Я.** Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Археология СССР. Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – Гл. 11. – С. 106–124.
- Усачева И.В.** «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – Вып. 6. – С. 12–23.
- Усачева И.В.** Эти загадочные «утюжки» // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: ИИА УРО РАН, 2006. – в печати.
- Georgiev G.I., Nicolov V., Nikolova V., Šokadžiev.** Die Neolithische Siedlung Kremenik bei Sapareva Banja, Bezirk Kjustendil // Studia Praehistorica. – София, 1986. – № 8. – С. 110–120.
- Solecki R.L., Solecki R.S.** Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // American Anthropologist. – Menasha, 1970. – № 4 (Vol.72). – P. 831–841.

Н.В. Цыденова
ИМБУТ СО РАН, Улан-Удэ

КРАСНАЯ ГОРКА: ПАМЯТНИК РАННЕГО НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА (СЕВЕРО-ВОСТОК БУРЯТИИ)*

Первые археологические работы в районе Еравнинских озер проводились в 20-х гг. Г.Ф. Дебецем. Им был собран подъемный материал на восточном берегу оз. Сосновое и на оз. Малая Еравна. Позднее, А.П. Окладниковым в 1948–49 гг. выявлено местонахождение Далын на перешейке между озерами Большая и Малая Еравны [Лбова, Хамзина, 1999]. Первые же систематические исследования в этом районе проводились в 1970–1973, 1978–79 гг. экспедицией Л. Г. Ивашиной, когда были зафиксированы и изучались 15 местонахождений стояночного типа и могильники Бухусан, Алтан, Харга [Ивашина, 1979]. Обследование района озер Еравны было продолжено нами летом 2000 года. В результате было обнаружено несколько новых местонахождений [Цыденова, 2001]. Из них наиболее перспективной для более детального изучения оказалась стоянка Красная Горка. Геоморфологически стоянка привязана к одному из протяженных вдоль всего берега присклоновых шлейфов, обрывающихся террасовидными уступами к воде. Высота их варьирует в пределах 6–7 м над уровнем воды в озере.

Произведенные на памятнике раскопочные работы выявили три горизонта залегания археологического материала и следующую стратиграфическую ситуацию:

- Дерн, мощностью до 5 см.

- Слой 1 – супесь темнокаштанового цвета. Слой состоит из двух подслоев.

- В верхней части (1 а) слой плотный, слежавшийся, несколько пылеватый. От нижележащего отличается большим содержанием мелкой дресвы, а также отделен от него прослойкой дресвы. Цвет имеет почти черный, т.е. более темный, чем нижний подслей. Мощность 15–25 см.

- Супесь каштанового цвета (1 б), с меньшим включением дресвы. Мощность 15–25 см.

- Супесь светло-бурого цвета, пылеватая. Имеет более рыхлую структуру, чем вышележащий слой 1. Заполнен более крупными дресвочками. Мощность слоя от 15 до 40 см.

- Гравийный слой желтого цвета, у северной и южной стенок переходит в скальное основание.

Культурный горизонт 1/1:

Археологический материал культурного горизонта 1/1 залегает сразу под дерном, в верхней части темнокаштановой (почти черной) супеси – литологическом подслое 1 а. Встречаются обломки костей лошади, овцы. А также: капельки застывшего сплава (бронзы); фрагмент бронзового изделия (пластина); каменные предметы – скребки, сколы и отщепы из халцедона и кремнистых пород; фрагменты керамики толщиной от 0,4 до 1,0 см, с отпечатками шнура или гладкие. Встречено костяное изделие (обломок).

Культурный горизонт 1/2:

Ниже, в литологическом подслое 1 б фиксируется археологический материал, соотносимый с начальным этапом палеометалла (культурный горизонт 1/2): фрагменты керамических сосудов – с оттисками шнура, с валиком, расщепленным гребенчатым штампом (Рис. 1–1, 2, 3), от гладкостенных сосудов и т.д.; концевые скребки с округлой формы рабочим краем (Рис. 1–4); пластинки; округлой формы ножи на сланцевых плитках; сколы и отщепы (в большинстве халцедоновые, реже из кремнистых пород); битые кости.

Культурный горизонт 2:

Ближе к подошве следующего слоя светло-бурой супеси располагаются находки, типологически определяемые, как раннеолитические (культурный горизонт 2): скребки на отщепках средних размеров (Рис. 1–5, 6, 17);

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-00-466а; программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

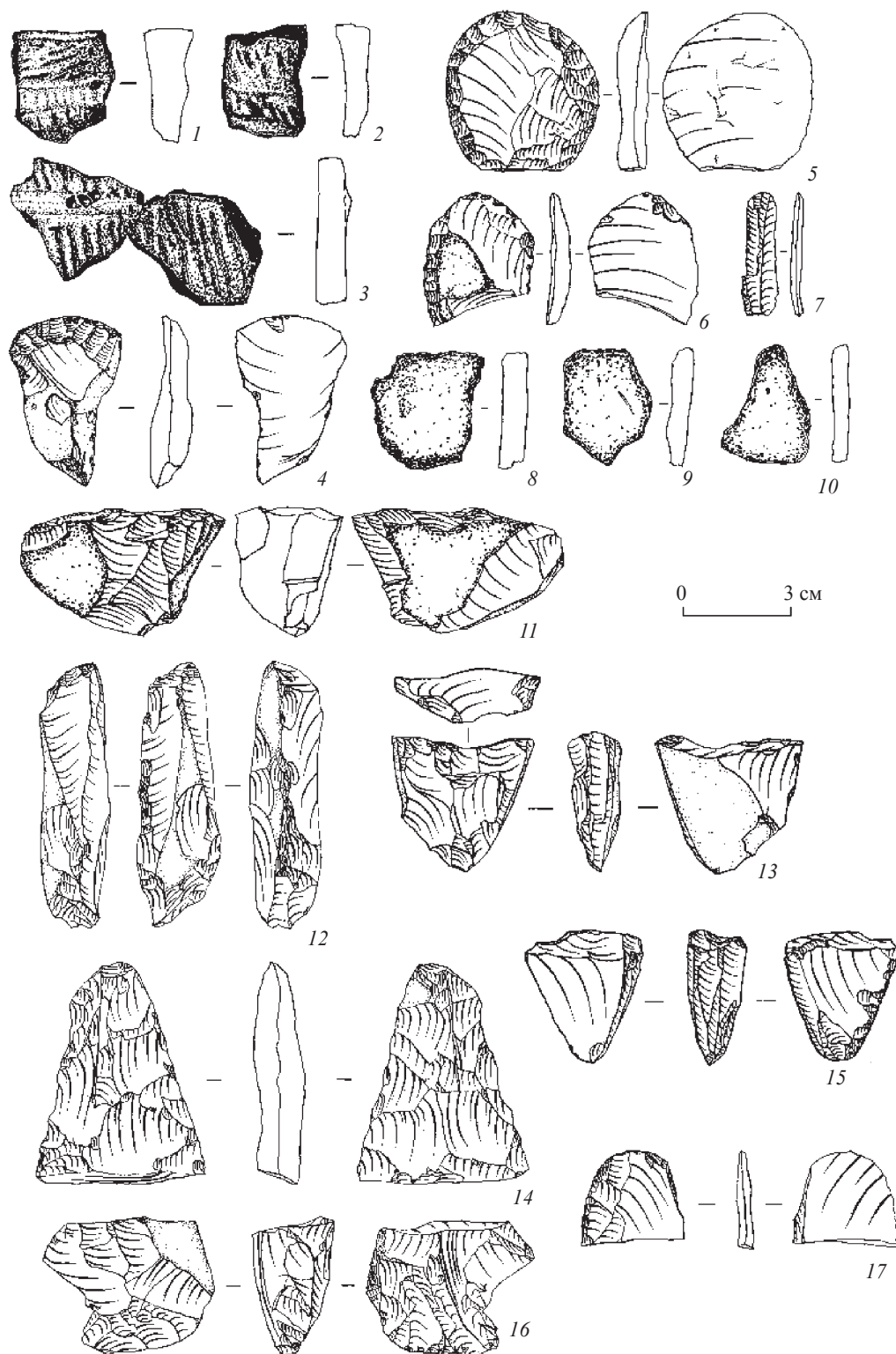

Рис. 1. Красная Горка.

1-4 – горизонт 1/2 (1, 2, 3 – керамика; 4 – скребок).

5-17 – горизонт 2 (5, 6, 17 – скребки; 7 – пластинка; 8, 9, 10 – керамика; 11, 16 – заготовки нуклеусов; 12 – призматический нуклеус; 13, 15 – торцовые клиновидные нуклеусы; 14 – бифас).

пластинки (Рис. 1–7); торцовые клиновидные нуклеусы (Рис. 1–13, 15) и их заготовки (Рис. 1–11, 16); призматический нуклеус (Рис. 1–12); дистальные фрагменты наконечников копий (?) – бифасы (Рис. 1–14); отщепы и сколы. Сырьевой базой практически всех каменных артефактов является кремнистый материал серого цвета, в отличие от находок предыдущего культурного горизонта (1/2), где основным сырьем служил халцедон. Внешне каменные предметы выглядят достаточно архаично, имеют практически мезолитический облик. Однако, ко времени неолита относится этот горизонт наличие керамики (Рис. 1–8, 9, 10), которая также внешне архаична. Найдена она во фрагментированном виде. Имеющиеся экземпляры не имеют орнамента и, скорее всего, принадлежат круглодонным сосудам. Цвет коричневый, в тесте есть примесь среднезернистого песка с включением более крупных фракций. Иногда в качестве отщипителя, вероятно, использовались растительные волокна. О способе формовки, у которой вероятно была «лоскутная» основа, свидетельствует двухслойность некоторых фрагментов. Об использовании для варки пищи свидетельствуют остатки нагара на внутренней стороне фрагментов.

Закключение: На основе морфо-типологического и стратиграфического анализов материалов стоянки проведена их предварительная датировка. Материалы слоя 1 – отнесены к эпохе бронзы: уровень 1/1 – к периоду развитой бронзы, а уровень 1/2 – к раннему этапу бронзового века.

Особый интерес представляют материалы горизонта 2, датируемого неолитом, причем, ранним его этапом по аналогии со стоянками усть-каренгского пласта на р. Витим, где раннеолитические горизонты имеют датировки, полученные радиоуглеродным методом, в пределах 11–12 тыс. л.н. [Аксенов, Ветров и др., 2000]. Однако, по сравнению, с материалами Верхнего Витима – одного из очагов возникновения гончарства в Азии, коллекция стоянки Красная Горка выглядит несколько иначе. В артефактном наборе также имеются торцовые клиновидные нуклеусы, бифасы. Сходство наблюдается и в технологии первичного расщепления, которая представляла собой такой же цикл, как и в усть-каренгской культуре [Ветров, 1995]. В коллекции имеются лыжевидные сколы и заготовки для нуклеусов с бифасиальной подработкой. Резцов, широкий набор которых представлен на усть-каренгских памятниках, здесь не найдено. Керамика отличается от усть-каренгских сосудов отсутствием орнаментации. Сходен каменный инвентарь стоянки с материалами таких местонахождений на Нижнем Витиме, как Инвалидное III, Коврижка I и II, Брызгунья I датированных радиоуглеродным методом от 6095±135 до 11190±390 л.н., и где керамики не зафиксировано. В первую очередь, это – торцовые клиновидные нуклеусы и бифасы [Тетенькин, Инешин, 2005, С. 96–104].

Несколько географически более отдаленные, чем витимские, аналогии для части каменного инвентаря прослеживаются в горизонтах раннего неолита Усть-Мензы – 1 (7, 8) и Студеного – 1 (8, 9) [Константинов, 1994, Рис. 52–53, Рис. 69–70]. Керамика же имеет отличия. Автор раскопок М.В. Константинов признает нижнюю границу неолита для Забайкалья в пределах 6,5 тыс. л.н. При этом, имеется серия радиоуглеродных дат для Студеного: 10450±300 для горизонта 7б; 17700±400 для раннеолитического 9 горизонта, однако автор указывает, что наиболее достоверными являются даты 12140±150 и 12130±150 для 17 горизонта [Константинов, 1994].

Следовательно, горизонт 2 Красной Горки можно датировать, по крайней мере, не моложе 8 тыс. л.н., хотя вполне возможно допустить и его большую древность.

Эти материалы представляют несомненный интерес как в свете данных последних лет по раннеолитическим местонахождениям с датировками древнее 10 тыс. л.н. в Азии в целом, так и стоянок территориально близких [Аксенов, Ветров и др., 2000; Лапшина, 2000; Джал и др., 2001; Кузьмин, 2002]. Также они имеют значение для сравнения и, возможно, пересмотра хронологических позиций материалов ряда других стоянок, расположенных на Еравнинских озерах – стоянок Сосновая, Тулдун 1–3 и др.

Таким образом, продолжение исследований археологических объектов данного района актуально и имеет перспективу.

Список литературы

1. **Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000, Вып. 2, Ч. 1, С. 4–35.
2. **Ветров В.М.** Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры (опыт типологии) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995, С. 30–44.
3. **Джал Э. Дж. Т., Бурр Дж. С., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я.** Радиоуглеродная хронология перехода от палеолита к неолиту в Приамурье (Дальний Восток России) // Материалы междунаrod. симпозиума «Современные проблемы Евразийского палеолитоведения». – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001, С. 140–142.

4. **Ивашина Л.Г.** Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск, 1979, 155 с.
5. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1.- Иркутск: 2005, С. 96–104.
6. **Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита: 1994, 180 с.
7. **Кузьмин Я.В.** Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии – 2002. – № 4. С. 154–157.
8. **Лапшина З.С.** Древности финала плейстоцена – начала голоцена на Амуре // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000, Вып. 2, Ч. 1, С. 189–202.
9. **Лбова Л. В., Хамзина Е.А.** Древности Бурятии. Карта археологических памятников.- Улан-Удэ, 1999.
10. **Цыденова Н.В.** Полевой отчет, 2004 (Общий фонд ИМБиТ СО РАН).

И.Я. Шевкомуд

Хабаровский научный центр ДВО РАН

ДРЕВНЕЙШИЙ НЕОЛИТ ХОККАЙДО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТАЙСО-3)

Введение. Памятники финального плейстоцена с древнейшей керамикой ныне выявлены в Японии в довольно значительном количестве. Однако на о. Хоккайдо ранее не были известны стоянки древнее 10 тыс. лет назад (далее – л.н.). Поэтому информация о новом геоархеологическом объекте – Тайсо-3 – представляется важной и актуальной, т.к. датировки раннего комплекса памятника отражают его хронологическое соответствие комплексам с древнейшей керамикой, известным на других островах Японии, а также в Приамурье, Приморье и др.

Общие данные. Поселение Тайсо-3 находится у южной окраины г. Обихиро (юго-восточные внутренние районы о. Хоккайдо). В 2005 г. Археологическим центром г. Обихиро были проведены полные раскопки на площади 3625 кв.м. Автором коллекция Тайсо-3 и отчёт о раскопках изучены в мае 2006 г. [Обихиро – Тайсо... 2006].

Памятник включает материалы не менее 8 одновременных типов культуры дзёмон, но в основном с т. наз. «горизонтально-стратиграфическим» взаиморасположением. Древнейший комплекс занимает северную часть вскрытой площади, где материалы других типов не представлены. Выделяется 6 пятен (концентраций) находок древнейшего комплекса (каменного инвентаря и керамики), рассеянных на площади 105×27 м.

Датировка комплекса древнейшего дзёмона обоснована также данными радиоуглеродной хронологии. По нагару с нескольких керамических сосудов получено 6 AMS-дат: 12380±40 лет назад (далее – л. н.) (Beta-194626), 12200±40 л. н. (Beta-194627), 12330±40 л. н. (Beta-194628), 12420±40 л. н. (Beta-194629), 12180±40 л. н. (Beta-194630), 12100±40 л. н. (Beta-194631). Как видно, приведённые даты находятся в примерном диапазоне 12000-12500 радиоуглеродных л. н. После калибровки радиоуглеродная хронология комплекса выглядит следующим образом: от 14 080 до 14 410 л. н. Несмотря на прослеженное удревнение радиоуглеродных дат, полученных по нагару [Fischer, Hainemeier 2003], комплекс выглядит не моложе 10000 л. н.

Приведённые даты хорошо согласуются с результатами датирования вышележащих комплексов Тайсо-3 раннего и начального дзёмона, находящихся в диапазоне 7500–9500 радиоуглеродных л. н.

Каменный инвентарь. В пределах 6 пятен-концентраций обнаружено 8664 каменных артефакта (почти вся коллекция), которые исследователями памятника связаны с древнейшим комплексом. Из них 8263 представляют дебитаж в виде отщепов, сколов, т. наз. «чипсов», не имеющих вторичной обработки. Основным сырьём служил обсидиан чёрного цвета (99,4 %). Остальные артефакты представляют в основном андезит серого цвета.

Ярко представлена т. наз. техника отщепов. Нуклеусов найдено только 2. Пластин и микропластин в данном комплексе не обнаружено.

Наконечники стрел (15 экз.) – листовидной, иволистной, ромбовидной форм, часто с зауженным, приострѐнным черешком, имеется черешковый наконечник дротика (Табл. 1: 1–5). Бифасы (46 экз.) преимущественно асимметрично-листовидные, широкие, длиной от 4–5 до 10–12 см и более (Табл. 1: 8, 13). Резцы (46 экз.) – угловые, трансверсальные, на отщепках, сколах, бифасиальных заготовках (Табл. 1: 6–7). Многочисленны резцовые сколы. Широко представлены отщепы с выемчатыми рабочими краями (63 экз.) – по 2–3 и более выемок (Табл. 1: 11–12). Отщепов с ретушью и со следами использования соответственно 36 и 174 экз.

В небольших количествах представлены скребки, свѐрла. Скребки -асимметрично-миндалевидные и округлые с хорошо обработанным округлым рабочим краем и экономной подработкой насада (Табл. 1: 9–10). Представляют интерес 2 изделия, сходные с тесловидно-скребловидными орудиями: из серого андезита,

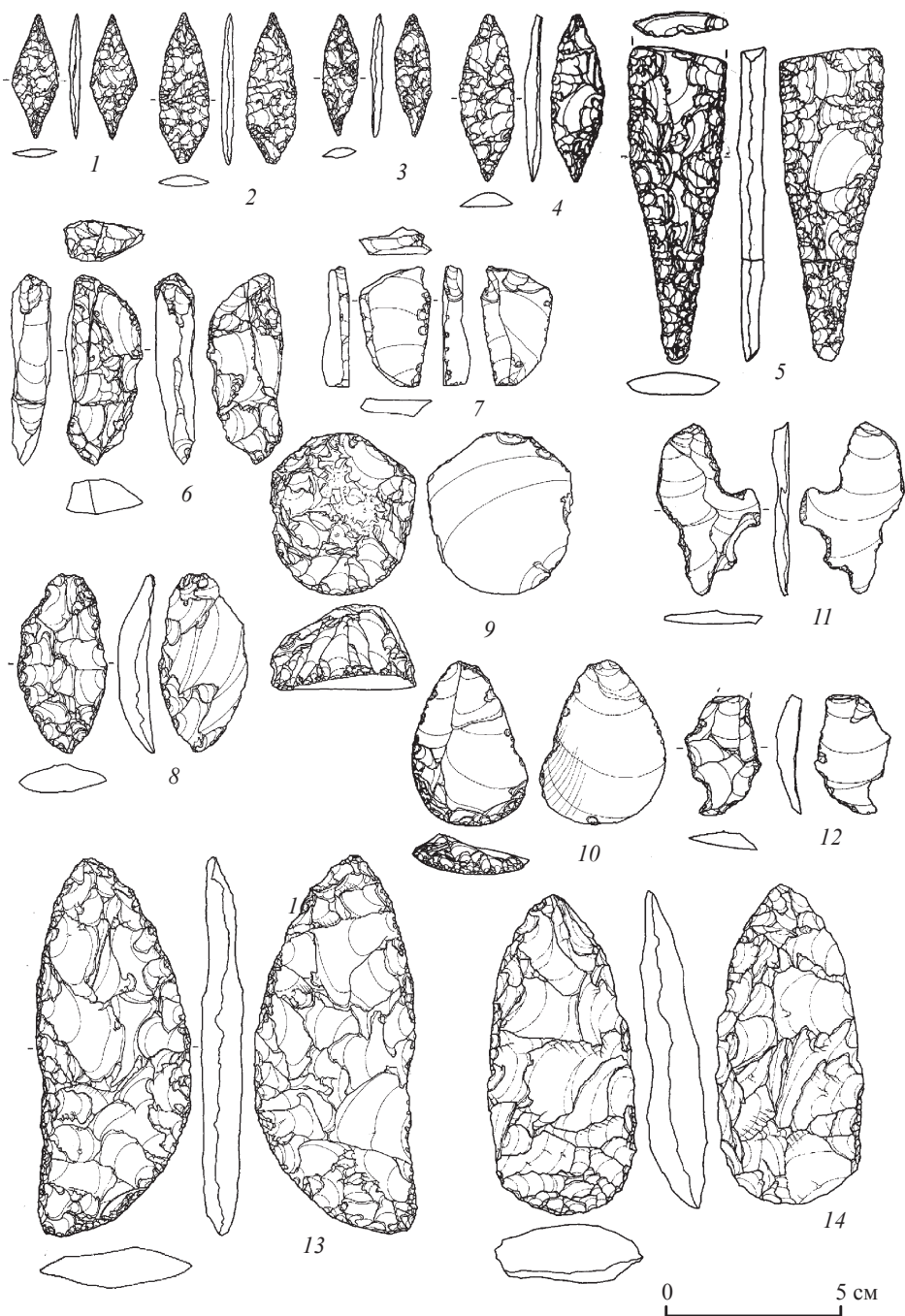

Таблица 1. Каменный инвентарь памятника Тайсо-3 (древнейший комплекс):
 1-4 – наконечники стрел, 5 – наконечник дротика в обломке, 6-7 – резцы, 8, 13 – бифасы; 9-10 – скребки;
 11-12 – отщепы с выемчатыми рабочими краями; 14 – тесловидно-скребловидное изделие.

удлинённо-миндалевидные в плане, линзовидные в сечении, с приострѣнным обушком и округлым, изогнутым в профиле лезвием, со сплошной бифасиальной обработкой (Табл. 1: 14).

Керамика. Всего в пределах пятен обнаружено 444 ф-та керамики. Из них 394 экз. приурочены к 16 скоплениям ф-тов, в значительной части каждое из которых представляет отдельный сосуд (Табл. 2).

Сосуды изготовлены из глины с минеральными примесями естественного происхождения. Органических добавок в формовочной массе не выявлено. Сосуды изготовлены кольцевым ленточным налепом, что прослежено по снякам лент. Стенки сосудов неровные (особенно – с внутренней поверхности), заметны перепады толщины в местах спая лент.

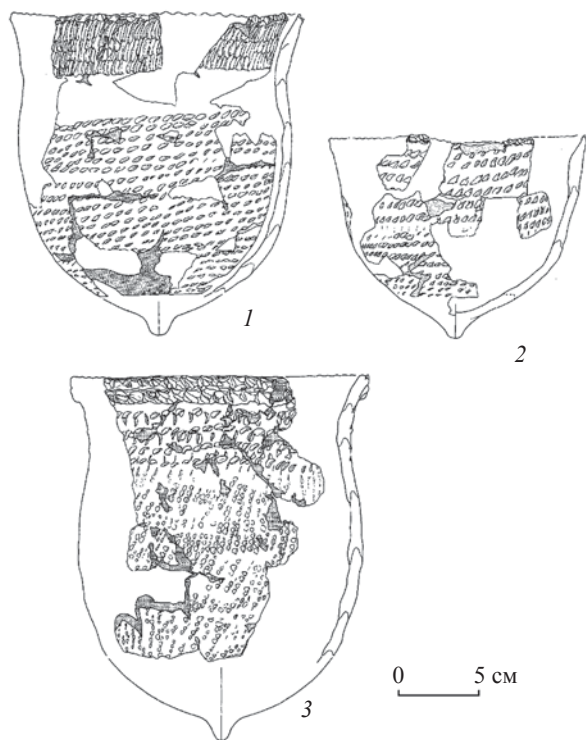

Таблица 2. Керамика памятника Тайсо-3 (древнейший комплекс):

1 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 2; 3 – сосуд № 3.

Для зоны тулова – ряды ногтевых отпечатков, оттисков гребенчатых или гладких штампов. Гребёнка встречена с 2–3 широкими (до 0,5 см) зубцами на серии сосудов (Табл. 2: 3).

О функции керамики можно судить по слою нагара на внутренней стороне части сосудов – они использовались для приготовления пищи.

В целом, керамический комплекс выглядит единым и выдержанным. Он отличается от более поздней керамики Тайсо-3, как и от керамики начального дзёмона Хоккайдо, для которой характерен «верёвочный» орнамент [Васильевский и др. 1982].

Некоторые выводы. Комплекс Тайсо-3 выглядит наиболее древним среди других памятников с керамикой на о.Хоккайдо и соответствует периоду Insipient Jomon. Он имеет аналогии в основном в памятниках древнейшего дзёмона Японских островов. В них распространена керамика с наклепными валиками, округлым дном. Имеются и примеры сосцевидного дна. Данные аналогии можно оценить как общие, характерные для древнейшей керамики Японии [Дзёмон-джидай соусоки... 1996].

В каменной индустрии также наблюдается сходство по типам, распространённым широко (бифасы, накопники стрел, скребки, резцы, тесловидно-скребловидные орудия). Но для о.Хоккайдо данный комплекс выглядит необычно на фоне пластинчатых и микропластинчатых индустрий финального палеолита острова, а также и известных прежде комплексов ранних периодов дзёмона. Тем не менее, комплекс Тайсо-3 несомненно является «японским» явлением и своим происхождением может быть связан с территорией о. Хонсю.

Однако некоторые стадийные признаки Тайсо-3 весьма интересны на фоне известных сведений о памятниках аналогичного возраста на Дальнем Востоке России, в частности, осиповской культуры Приамурья.

В частности, гребенчатая орнаментация появляется в памятниках Приамурья в период 12000–13000 л. н. [Шевкомуд 2002], а также в Восточной Сибири [Vetrov 1995]. Таким образом, гребенчатый штамп относится к древнейшим видам керамических орнаментов в Северной Азии.

Автор благодарит профессоров Токийского университета Сато Хироюки и Онуки Сидзуо, исследователей из лаборатории Токоро Фукуду Масахироси и Кумаки Тосиаки, а также Ямахару Тосиаки и других сотрудников Археологического центра г. Обихиро за предоставленную возможность посетить о. Хоккайдо и ознакомиться с новейшими археологическими коллекциями.

На внутренней стороне части сосудов автором прослежены субпараллельные трассы, которые могли остаться от заглаживания травой, а также оттиски, близкие отпечаткам травы, вероятно, семейства осоковых.

Основа сосудов подготавливалась в виде чашечки с круглым дном, к которой крепились ленты тулова. На дне сосуда крепился специальный налп, придававший донной части приостранный (сосцевидный) профиль.

Цвет стенок сосудов обычно светло-коричневый, желтоватый, что свидетельствует об окислительном режиме обжига. По-большой части керамика обожжена хорошо, но имеются и экземпляры плохо обожжённые.

Форма сосудов – с параболоидным туловом, округлым сосцевидным дном, слаборасширенным устьем. Между туловом и устьем имеется плавное незначительное сужение (Табл. 2: 1, 3), которое не характерно для небольших сосудов (Табл. 2: 2).

Использовались ногтевой, налепной, штамповый (в т.ч., что очень важно – гребенчато-штамповый) способы орнаментации (Табл. 2). Орнамент бордюрный, концентрической структуры, обычно занимает 3 зоны: 1) кромку венчика, 2) полосу от края устья до максимального сужения тулова, 3) зону тулова. Для первых двух зон характерны ряды ногтевых зацепов и/или отступающего гладкого штампа, а также налепные валики с ногтевыми зацепами.

Список литературы

1. **Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу** Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние. 1982. 208 с.
2. **Дзёмон**-джидай соусоки: шируо-шу (Древнейший Дзёмон). Иокогама-ши рекиши хакубутсукан (Иокогама: Исторический музей Йокогама, Япония). 1996. 192 с.
3. **Обихиро** – Тайсо исэкигун 2. Обихиро-ши маидзо бункадзай часа хококу даи -27-сацу (Памятники Обихиро – Тайсо, ч.2. Отчёт об исследованиях археологического наследия в г. Обихиро, т. 27). Хоккайдо Обихиро-ши кёйку инкай (Отдел образования г. Обихиро, Хоккайдо), 2006. 466 с.
4. **Шевкомуд И.Я.** Памятники Хехцирского геoarхеологического района и проблемы переходного периода от палеолита к неолиту в Приамурье // История и культура Востока Азии / Отв. ред С.В. Алкин. Т.II. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 178–182
5. **Fischer A., Hainemeier J.** Freshwater reservoir effect in 14C dates of food residue on pottery // Radiocarbon, 2003. V. 45. № 3. P. 449–456
6. **Vetrov V.M.** Stone age cultures of Upper Vitim. Early ceramics // The Origin of Ceramics in the East Asia and the Far East. Abstracts of International Symposium, Sendai, September 29 – October 5, 1995. Sendai: Tokhoku Fukushi University, 1995. P. 31–35

А.В. Шмидт*Алтайский государственный университет, Барнаул*

НЕОЛИТ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

Приобское плато – это лесостепная зона, расположенная между р. Обь и Кулундинской равниной. Данная территория является ключевой для обширного региона. Она находится на стыке нескольких географических зон: Западной Сибири, Саяно-Алтая, аридной зоны Евразии. В настоящий момент здесь известно свыше 160 памятников, с которых происходят неолитические материалы. Это крупные поселения, кратковременные стоянки и одиночные могилы. Общий облик находок заметно отличается от аналогичных комплексов Южной Сибири, Зауралья и остальной территории Верхнего Приобья. Несмотря на огромное количество накопленного материала, неолитическая эпоха остается слабоизученной. Актуальность темы обусловлена целым комплексом нерешенных вопросов. Не определены верхняя и нижняя хронологические границы эпохи, идут дискуссии о критериях переходного этапа от неолита к бронзовому веку. Кроме этого возникла необходимость в обобщении и осмыслении накопленного материала, а также введение в научный оборот новых и малоизвестных данных.

История изучения неолитических памятников Приобского плато, насчитывает порядка 80 лет. Однако длительное время обследования региона носили эпизодический характер. В 1920-е гг. здесь работал М.П. Грязнова в рамках экспедиции, организованной Этнографическим отделом Государственного Русского музея. Несколько поселений открыто в 1952–1954 гг. в ходе охранных мероприятий в зоне затопления Обского водохранилища. В начале 1970-х гг. изучение археологического наследия Приобского плато было вызвано запланированным строительством Алейской оросительной системы и Гилёвского водохранилища (экспедиция Института археологии АН СССР во главе с В.А. Могильниковым). С созданием в 1978 г. в Алтайском государственном университете лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая обследования территории Приобского плато стали носить регулярный характер. Определенный вклад в изучение эпохи внесли работники учебных заведений и музеев, а также местные краеведы. Благодаря их усилиям были открыты десятки новых памятников неолитического времени. Однако длительное время полученные материалы оставались недоступными широкому кругу исследователей. Все исследователи в свои периодизационные схемы неолита Верхнего Приобья включали только те памятники, которые расположены в северной части Приобского плато (Киприно, Чудацкая Гора и некоторые другие). Комплексы, находящиеся в центральных и южных областях региона, археологи длительное время не использовали в своих хронологических построениях. Следует отметить, что в монографию В.И. Матющенко «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть I: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура)» (1973) вошли материалы только с одного памятника, расположенного в южной части Приобского плато – поселение Первомайское (оно же Сибирь-3). По сути дела, это был единственный неолитический памятник данной территории, известный широкому кругу исследователей к началу 1970-х гг. Только в середине 1980-х начинается процесс обобщения и осмысления накопленных данных [Кирюшин, Клюкин, 1985; Кирюшин, Кунгурова, 1984]. В 1987 г. Н.Ю. Кунгурова по ряду признаков отметила близость некоторых объектов южной части Приобского плато с неолитическими комплексами Северного Казахстана. В последующие годы эта идея нашла продолжение в работах А.Л. Кунгурова и А.А. Тишкина, предложивших выделить для этой территории самостоятельную археологическую культуру, получившей название «рубцовская» [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999]. Уже в 2000-е гг. автор данной работы свел воедино все известные к настоящему времени материалы и предложил первую периодизационную схему неолита Приобского плато [Шмидт, 2005]. Согласно этим построениям эпоху данного региона следует разделить на

два этапа. Это находит подтверждение в общих законах развития камнеобработки, которые характерны для большей части Северной Евразии.

Ранний этап развития неолитической эпохи характеризует рубцовская культура. Ее формирование происходит в VI тыс. до н.э., под влиянием среднеазиатских традиций. Развитие культуры протекало в юго-западной части Приобского плато, что составляет примерно треть от общей площади региона. Это лесостепная зона с многочисленными озерами руслового происхождения, которая находится в непосредственной близости от горных районов. В качестве сырья древнее население использовало в основном высококачественный камень: яшмоиды, кремь, КСП, халцедон и т.п. Его основным источником являлся Рудный Алтай и, вероятно, Восточно-Казахстанский мелкосопочник. В целом индустрия раннего этапа ориентирована на получение ровной двух-трехгранной пластины, основная масса которых шла на изготовление вкладышевых орудий, прежде всего мясных ножей и колюще-метательного оружия. Всего призматическую технику расщепления отражает 36–60 % всей каменной индустрии. Отщепы и изделия из них (в основном это скребки, скобели и резцы) в материалах рубцовской культуры составляли 40–59,2 %. Общий облик индустрии дополняют малочисленные макроформы. Бифасиальная техника в материалах раннего этапа не получила широкого использования. В основном она применялись при оформлении определенных категорий изделий – долот, рубящих орудий, наконечников, некоторых видов острий. Число бифасов не превышает 2 % от общего состава каменной индустрии. Еще меньшее распространение получили орудия с подшлифовкой (менее 1,5 %). Керамика характеризуется неорнаментированными кругло- и остродонными сосудами закрытого типа. Видимо, только на завершающей стадии раннего этапа появляется посуда украшенная гребенкой и наколами гладкого орнамента. Общий облик керамики и каменной индустрии рубцовской культуры находит близость с ранне-среднеолитическими комплексами Средней Азии, южной зоны европейской части России и Урала и некоторых других территорий. По мнению специалистов, на общий облик материальной культуры этих регионов оказали влияние кельтеминарские традиции, распространившиеся в результате аридизации климата и изменения демографической обстановки. На основании сравнительного анализа, комплексы раннего этапа следует датировать VI–V тыс. до н.э.

На позднем этапе древние коллективы начинают осваивать новые территории. За счет этого неолитические традиции получили распространение по всему Приобскому плато, а человеку стали доступны новые источники каменного сырья. На основании петрографического анализа камня, используемого в неолите, выделено четыре «сырьевых зон», где преобладали те или иные породы, обладавшие разными петрофизическими свойствами. Это нашло отражение в общем облике каменной индустрии, которая стала представлять непохожие или малопохожие между собой комплексы. В целом же, на позднем этапе существенно сократилась роль призматической техники расщепления (1,1–23,2%), исчезают среднеазиатские черты. В это время происходит значительное увеличение количества отщепов и изделий на них (73,2–91,8%). Прежде всего, это обусловлено сокращением производства вкладышевых орудий. Как следствие, возросло число бифасиальных изделий (3,3–17,6 %). В целом техника шлифовки остается на том же низком уровне, но в рамках отдельных памятников она могла достигать 5–6 %. Костяных орудий на позднем этапе немного. В основном они происходят из погребальных комплексов. В орнаментации керамики преобладают три традиции – отступающая палочка, гребенка, наколы гладкого орнамента. Неорнаментированная посуда почти полностью прекратила свое существование. Форма сосудов остается прежней. Плоскодонная керамика, по предварительным данным, появляется только в эпоху ранней бронзы. Хозяйство на всем протяжении неолита базировалось на охоте и рыболовстве. Отсутствие долговременных жилищ говорит о ведении древним человеком кочевого или полукочевого образа жизни.

Формирование памятников позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато происходит в конце V – начале IV тыс. до н.э. Намного сложнее с верхней датой этапа и эпохи в целом. Это обусловлено тем, что на территории региона не возникло собственной металлургии и зачаточных форм производящей экономики. В связи с чем, многие неолитические черты доживают вплоть до формирования елуинской культуры (рубеж III – II тыс. до н.э.). В данном случае проблема верхней границы неолитической эпохи зависит от критериев разграничения неолита и энеолита. В целом они сформулированы во многих работах и получили широкое признание. Однако когда речь заходит об эпохальной принадлежности отдельно взятых памятниках внутри западносибирского региона, то зачатую разгораются жаркие споры. В связи с чем, вопрос о верхней границе неолита Приобского плато пока остается открытым.

Список литературы

1. **Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А.** Памятники неолита и бронзы юго–западного Алтая. // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 73–117.

2. **Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю.** О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. – С. 25–40.
3. **Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А.** Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 58–63.
4. **Кунгурова Н.Ю.** Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1987. – С. 55–66.
5. **Шмидт А.В.** Неолит Приобского Плато. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 24 с.

А.Ф. Шорин

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «ЖЕРТВЕННЫХ ХОЛМОВ» СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА)

На территории таежной зоны Среднего Зауралья и Западной Сибири фиксируются необычные по внешнему виду археологические памятники, получившие название «жертвенные холмы», «богатые бугры», «чудские бугры». Среди них наиболее известны Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский холмы, Чертова Гора, где проводились рекогносцировочные или стационарные раскопки. Последними наиболее полно изучен Кокшаровский холм. Это искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м, высотой более 3,5 м. Из высказанных точек зрения на природу образования столь значительных по трудозатратам насыпных объектов (погребальный курган, неоднократное сооружение на одном и том же месте больших жилищ с мощной земляной обваловкой, культовое место) [Старков, 1969] археологическими материалами в большей степени подтверждается последняя.

Какие же аргументы могут свидетельствовать об использовании Кокшаровского холма в качестве культового комплекса.

Во-первых, тот значительный объем трудозатрат, который затрачен неолитическим населением на возведение этого комплекса, несмотря даже на то, что фиксируются не менее трех этапов его подсыпки. Такие трудозатраты в какой-то степени могут быть сравнимы теми усилиями, что понадобились на возведение таких известных культовых комплексов Старого Света, как знаменитые «хенджы» Британских островов, «рондель» Центральной Европы и т.д., хотя архитектура и семантическое значение холмов иные.

Во-вторых, этими подсыпками на равнинном пространстве зоны Зауральского пенепплена для отправления обрядовых действий искусственно была создана возвышенная площадка, своеобразная гора. Традиция использования возвышенных мест в качестве культовых площадок хорошо известна как по археологическим, так и этнографическим материалам.

В-третьих, пространство холма «отчленено» рвом от территории Юрьинского поселения, жителями которого холм и возведен. Подобная организация сакрального и жилого пространства на территории поселенческих комплексов по археологическим и этнографическим наблюдениям встречается довольно часто.

В-четвертых, фиксация в слоях холма остатков деревянных прямоугольных объектов размером 2×2 м, иногда и более – около 5×5 м, высотой не менее 40 см. Иногда рядом или внутри них отмечены конструкции меньших размеров: 55×30, 80×55 см. Эти объекты в ряде случаев перекрыты чередующимися прослойками светлого материкового песка и углистых прослоек либо сооружены на подсыпках из таких прослоек. Внутри или рядом с некоторыми из таких построек (их исследовано свыше 10) найдены перевернутые вверх дном сосуды. Не исключено, что конструкции затем преднамеренно сжигались, свидетельством чему является наличие мощных кострищ и прокаленных прослоек в культурных слоях холма. Эти факты позволяют предполагать культовый характер таких сооружений, а также фиксировать большую роль огненных ритуалов в отпращивании обрядовых действий.

В-пятых, на холме встречены специфические артефакты: глиняные «утюжки», часто сломанные еще в древности; сверленная орнаментированная каменная булава в виде стилизованной головы животного (медведя или бобра); обломки трех глиняных предметов сферической формы, два из которых орнаментированы, причем орнамент на одном из них полностью воспроизводит декоративно-морфологические особенности кокшаровско-юрьинской орнаментальной схемы; глиняная головка уточки; обломок обушковой части сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, оформленный в виде головки птицы; обломки изделий из талька и глины с орнаментом; свыше 50 сосудов (один целый, остальные в обломках) с зооморфными налестками.

В-шестых, некоторые специфические особенности каменного и кремневого инвентаря. В частности, большой удельный вес в нем обломков шлифованных орудий и абразивных плит при немногочисленности целых экземпляров, находки небрежно обработанных орудий, в том числе наконечников стрел, изготовленных из некачественного сырья (фактически, вотивных «имитаций» орудий), и т.д. [Алексашенко, 2004].

В-седьмых, расположение святилища посредине Юрьинского поселения, жителями которого оно и было возведено, т.к. в культурных слоях обоих памятников присутствуют одни и те же типы неолитической посуды: кошкинский, кокшаровско-юрьинский (козловский), басьяновский (боборыкинский), полуденский. То есть, здесь отмечены комплексы находок, связанные со всеми известными как в Среднем, так и Южном Зауралье археологическими культурами эпохи неолита.

В-восьмых. Через несколько тысячелетий, около середины I тыс. н.э., на вершине этой рукотворной «горы» вновь отложился комплекс находок, представленный сосудами батырского культурного типа, железными кинжалами и ножами, бронебойным наконечником стрелы, бронзовыми ножнами и навершием кинжала, который также есть основания интерпретировать как культовый, причем воинской направленности.

Приведенные аргументы дают основания для реконструкции некоторых культовых действий создателей Кокшаровского холма.

Во-первых, статус этого культового комплекса в среде групп неолитического населения, отправлявших здесь свои ритуалы, мог быть очень высоким. Минимальный его уровень – это святилище общины, жившей по соседству со святилищем на территории Юрьинского поселения. Но эта община имела уже достаточно сложную социальную структуру. И не только потому, что она являлась многогородовой (гетерогенной), но объединяла в себе группы населения (субкланы, линиджи), истоки генезиса которых связаны с различными регионами Зауралья: кошкинские и боборыкинские – с Южным, лесостепным и степным, кокшаровско-юрьинские и полуденские – со Средним, лесным. Причем интеграция этих разных по генетическим истокам групп населения в единый социальный организм зашла настолько далеко, что потребовала создания единого культового комплекса. Но святилище могло выполнять функции культового места более широкого статуса, чем святилище одной общины или групп общин, проживавших на побережье Юрьинского озера. Его «монументальность» и единичность для широкой округи не исключает возможности использования этого комплекса в качестве межродового или межплеменного святилища. Во всяком случае, в период совершения обрядовых действий, связанных с наиболее важными жизненными вехами этих коллективов. В этнографии уральских народов (ханты, манси, удмурты), да и народов других регионов мира известны межгрупповые святилища, собиравшие в важнейшие праздники календарного цикла население со значительной округи, расположенной в нескольких днях пути от общего культового центра. При малой плотности населения в таежной зоне Евразии эти расстояния до общего культового центра могли быть значительными.

Во-вторых, возведение на равнинном ландшафте искусственной горы позволяет предполагать существование особого культа этого элемента рельефа у древних уральцев. По данным археологии и этнографии культ горы хорошо известен у древних и традиционных обществ Урала и других народов мира. Обычно гора выступает связующей осью горизонтально-вертикальной мифологической картины мира. Истоки подобных воззрений уходят, видимо, в глубокую древность.

В-третьих, наличие в культурном слое памятника уже упомянутых прямоугольных деревянных конструкций. Вероятность их интерпретации как культовых сооружений (домиков, амбарчиков) достаточно высока. Различный размер построек дает основание предполагать, что они принадлежали разным по значению сегментарным структурам общества (семье?, линиджу?, клану?, общине? и т.д.). Выявление на святилищах культовых объектов, в том числе домиков-амбарчиков для хранения семейных ритуальных приношений и общественных домов для хранения приношений более широкого структурного сегмента первобытного общества, также типичный признак культовых комплексов многих древних и традиционных обществ, в том числе уральских. В частности, такие сооружения, в том числе и на возвышенных местах, известны на святилищах манси («сумьяхи»), ханты («жертвенные амбарчики» или «жилища для духов»), удмуртов («куала» малая и большая). В них отмечены и сундучки для жертвоприношений, которые, видимо, фиксируются по наличию малых по размерам объектов на Кокшаровском холме. Видимо, ритуал сооружения на культовых местах особых храмилиц для жертвоприношений восходит к глубокой древности. Характерным элементом является и обычай преднамеренного сжигания культовых построек и, если смотреть шире, использование в культовых действиях огненных ритуалов.

В-четвертых, наличие сосудов, прежде всего кокшаровско-юрьинского типа, в единичных случаях кошкинского (не менее двух), с зооморфными налепами. В стилистической передаче этих налепов есть вариации, следовательно, может быть различна и их смысловая нагрузка. Перспективен их анализ с позиции реконструкции, например, тотемистических и (или) иных воззрений и культов (промысловых и т.д.) их создателей, а также

специфики и социальной (иерархической?) структуры этого неолитического сообщества, т.к. подобные сосуды отсутствуют в басьяновских и полуденских комплексах.

В-пятых, фиксация с рядом жертвенных сооружений перевернутых вверх дном сосудов. Этот элемент ритуальных действий также распространен в культовых памятниках древности на широкой территории Евразии, что позволяет констатировать его универсальность, предполагать истоки его зарождения в глубокой древности и существования на протяжении тысячелетий вплоть до этнографической современности. В связи с этим замечу, что те же манси иногда оставляли рядом с сумьяхом перевернутое вверх дном железное ведро [Гемуев, Сагалаев, 1986, рис. 85].

В-шестых, присутствие в комплексе поделок из глины (головка уточки) и камня (головка птицы, булава в форме головы бобра или медведя), глиняных предметов сферической формы, тех же сосудов с налепами, изображения на которых могут быть не только зооморфными, но и орнитоморфными, дает основания в очень осторожной форме сопоставить общеизвестные факты, что водоплавающая птица является одним из основных персонажей в мифах народов уральской языковой семьи о творении окружающего мира или, по крайней мере, его земной тверди. Не чужд этот образ и мифологии индоевропейских народов, в частности, мифемы о творении мира из яйца птицы. Факт же присутствия «утюжков», причем преднамеренно сломанных (только один целый), именно в комплексе неолитического святилища усиливает аргументацию тех исследователей, кто предполагает не только утилитарное, но и культовое назначение этих необычных предметов.

В-седьмых, специфика этого культового центра определяется и тем обстоятельством, что здесь в единый культово-мифологический комплекс объединены воззрения, видимо, различных по культурогенетическим, а может быть и этногенетическим, истокам групп зауральского населения.

Список литературы

- Алексащенко Н.А.** Камень со святилища // Культовые памятники горно–лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – С. 94–108.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народов манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Старков В.Ф.** О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. – 1969. – № 5. – С. 65–70.

А.И. Юдин*Научно-производственный центр по историко-культурному наследию области, Саратов*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НА РУБЕЖЕ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА

Систематизация неолитических и энеолитических материалов Нижнего Поволжья по единому стандарту с использованием данных естественно-научных определений показала нелинейность развития культурных процессов в позднем каменном веке, на рубеже неолита и энеолита. От простой схемы последовательной смены культур исследователи отказались уже давно в пользу синхронности этапов разных культур в рамках энеолита, а также хронологического сосуществования позднего неолита и раннего энеолита. Если неолитический период предстает перед нами как поступательное развитие нижневолжской культурной общности, имеющей четкую локализацию как во времени, так и в пространстве, то в энеолитическое время картина культурной эволюции вырисовывается более сложная и пока еще далекая от своего завершения. На территории Нижнего Поволжья имел место не только нео-энеолитический период, когда сосуществовали неолитические орловские и энеолитические прикаспийские племена, но также происходило параллельное развитие других энеолитических культур и культурных типов памятников (культурных линий развития), послуживших субстратом при формировании ямной культуры.

К середине VI тыс. до н.э., на среднем этапе неолита на единой генетической основе складывается нижневолжская культурная общность (НВКО) в составе сероглазовской, джангарской и орловской культур, для которых отмечается накольчато-прочерченная плоскодонная керамика и пластинчатый орудийный комплекс с геометрическими микролитами [Юдин, 2006]. Максимального подъема в своем развитии НВКО достигает к концу неолитической эпохи, во второй половине V тыс. до н.э., что проявляется в увеличении количества памятников, расширении площади стоянок и мощности культурных напластований, развитии керамического комплекса, зарождении производящего хозяйства.

Все культуры НВКО эволюционировали в одном направлении, но уровень развития северных (орловских) племен региона оказался несколько выше – здесь сложилось комплексное присваивающее хозяйство, на основе которого зародилось производящее хозяйство – скотоводство; здесь произошло первое знакомство неолитического нижневолжского населения с металлом; на этапе позднего неолита можно говорить о сложении очага искусства, в первую очередь декоративно-прикладного, с ярко выраженным самобытным стилем.

Позднеэнеолитическое население НВКО явилось основным субстратом при сложении прикаспийской энеолитической культуры мариупольской культурной области. Наследие культур нижневолжской общности проявляется в формах, составе теста, способах орнаментации раннеэнеолитической керамики, а также в технико-типологических характеристиках каменных орудий и в сохранении традиций художественной обработки кости.

Установлен факт длительного параллельного развития нескольких культур в позднем неолите – энеолите, что еще в недавнем прошлом допускалось только для экологически более емкой лесостепной зоны. В V тыс. до н.э. на территории Нижнего Поволжья синхронно развивались культуры НВКО, прикаспийская и хвалынская культуры, памятники алгатинского типа.

В этом плане интересно отметить различную трактовку памятников мариупольской культурно-исторической области. Украинскими исследователями они включаются в неолитическое время, а российскими – в энеолитическое. Выделение значительного по продолжительности нео-энеолитического периода [Телегин и др., 2001] весьма своевременно и необходимо, так как убирает искусственную границу между неолитическими и энеолитическими памятниками не только в случае простого хронологического сосуществования, но и в случае эволюционного перехода от неолита к энеолиту. Длительность этого периода будет различаться в зависимости от природно-географического региона и скорости культурного развития.

Культурогенез прикаспийской культуры происходил на местной позднеолитической (орловской и сероглазовской) основе при активном участии лесостепного населения Среднего Поволжья. Наличие на окраине степной зоны и севернее населения с глубокими культурными традициями гребенчатой орнаментации керамики, несомненно, отразилось на культурном генезисе раннего энеолита степи, что нашло отражение в появлении гребенки (в том числе и шагающей) на керамике прикаспийской культуры. По стратиграфическим наблюдениям раннеэнеолитическая прикаспийская культура начинает складываться на этапе существования слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и сосуществует с финальным этапом орловской культуры. Это отражено в верхнем (1) слое Варфоломеевской стоянки и в нижней части энеолитического слоя поселения Кумыска [Юдин, 2004]. В обоих случаях прикаспийская керамика залегала совместно с неолитической. По радиоуглеродным датам в это время в Нижнем Поволжье уже существовала хвалынская культура, но следов контактов с прикаспийским и орловским населением не обнаружено. Правда в слое 2 А Варфоломеевки встречено медное изделие, происхождение которого можно логически связать только с хвалынским населением, но хвалынской керамики или близкой ей нет.

Неолитическая нижеволжская керамика есть в алтатинских комплексах. Там же встречена хвалынская керамика. В среднем слое Кумыски совместно залегают часть прикаспийской и хвалынская керамика. На основании стратиграфических наблюдений можно с большой долей вероятности предполагать одновременное существование на каком-то отрезке V тыс. до н.э. позднейшего неолитического, прикаспийского, хвалынского и алтатинского населения. При использовании серии калиброванных дат Хвалынского могильника, Варфоломеевки и одной даты алтатинской стоянки Ветёлки это время определяется последней четвертью V тыс. до н.э. Естественно, что на шкале культурогенеза эти культуры занимают различное место. Для нижеволжского неолита это была финальная стадия, а для алтатинской линии – начальная. Прикаспийское население продолжило свое дальнейшее развитие в памятниках типа Кумыски – эволюцию прикаспийской культурной линии можно увидеть в керамическом комплексе второй группы керамики Кумыски. На Кумыске хорошо представлен комплекс каменной индустрии, который по своим основным характеристикам обнаруживает максимальное совпадение именно с прикаспийским, значительно отличающимся от алтатинского и хвалынского.

Калиброванные радиоуглеродные определения (перв. пол. V тыс. до н.э.) показывают хронологический приоритет хвалынской культуры относительно прикаспийской, хотя это противоречит немногочисленным данным стратиграфии. Обычно длительное сосуществование различных культурных линий развития находит какое-то отражение в материальных комплексах. Но в данном случае синхронность хвалыньских комплексов со слоем 2 Б Варфоломеевки (датируемого этим же временем) материалами пока не подтверждается. Нет такого подтверждения и в Среднем Поволжье для поздних неолитических и ранних самарских комплексов с одной стороны, и хвалыньских с другой. Отсутствуют достоверные данные и о синхронности хвалыньских и неолитических сероглазовских комплексов в Северном Прикаспии.

Если согласиться с мнением о неместном происхождении хвалыньского населения, которое принесло с собой навыки производящего хозяйства, то вполне допустимо предположить отсутствие тесных культурных контактов с автохтонным поздним неолитическим и ранним прикаспийским населением, которое переживало в V тыс. период стабильного развития. Хвалыньское население, занимаясь скотоводством и находясь на более высоком уровне развития (производящее хозяйство, металл), объективно могло не нуждаться в контактах с местными племенами, так как занимало другую экономическую нишу.

Об этом, возможно, говорит и расположение хвалыньских поселений только в южной лесостепи Среднего Поволжья и песках Северного Прикаспия. При изучении карты расположения хвалыньских памятников Нижнего Поволжья обнаруживается интересная закономерность. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи, и возможно, в песках Прикаспия. Все немногочисленные подкурганые захоронения расположены на левом берегу (за исключением одного пункта) вдоль Волги, в степной зоне. Поселений с выраженным хвалыньским слоем, как это наблюдается в лесостепи Среднего Поволжья, в степи нет. Есть только отдельные находки и небольшие серии хвалыньской керамики на стоянках других культур. Создается впечатление, что долгое время население хвалыньской культуры локализовалось в основном в лесостепи и близких к ней по природно-климатическим условиям участках Волжской поймы и, занимаясь отгонным скотоводством, частично перемещалось в зимние месяцы в пески Северного Прикаспия. Неолитическое население при этом могло параллельно развиваться в глубинных районах степи, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Только при такой модели хозяйственного сосуществования можно объяснить полное отсутствие следов хвалыньского культурного воздействия в вещевых комплексах НВКО. Хвалыньские могильники функционировали в первой половине V тыс. до н.э., а первые инновации в комплексе слоя 2 А Варфоломеевской стоянки (медное изделие и кости овцы) приходится по калиброванным определениям на вторую половину – последнюю четверть V тыс. до н.э., что согласуется с высказанным предположением.

С появлением энеолитического населения заканчивается эволюционный период развития. Сложение прикаспийской культуры сочетало в себе два процесса, когда, с одной стороны, наблюдается сохранение эволюционного процесса и происходит наследование ряда неолитических культурных признаков, а с другой стороны, отмечены процессы культурной трансформации под воздействием позднеэнеолитического лесостепного и хвалынского населения. Аналогичная модель развития присуща алтатинским памятникам, но там к процессам культурной трансформации добавляется миграция населения. Для энеолитического времени отмечено параллельное существование нескольких культурных линий (культур), развитие которых пришлось на поздний неолит и всю эпоху энеолита. На всем протяжении нео-энеолитического и энеолитического периодов характерна полилинейность культурно-исторических процессов, когда на одной и той же территории чересполосно существовало разнокультурное население. В свете синхронного существования культур неолита и энеолита собственно энеолитический период может быть представлен в виде двух этапов – раннего, синхронного с поздним неолитом (V тыс. до н.э.) и позднего, смыкающегося с ранней бронзой (IV тыс. до н.э.). Причем сами энеолитические культуры не сменяют последовательно друг друга, как это представлялось ранее, а развиваются параллельно, на протяжении обоих этапов.

Список литературы

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднеэнеолитическая и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. – Луганск: Шлях, 2001. – 152 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: СГУ, 2004. – 200 с.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 46 с.

О.В. Яншина*Музей антропологии и этнографии им. П. Великого, Санкт-Петербург***КЕРАМИКА СО СТОЯНКИ ЯНКИТО-1
(О. ИТУРУП)***

В 1980 – начале 1990 гг. на территории Курильских островов проводились археологические и этнографические исследования экспедицией Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН, возглавлял которые выдающийся отечественный исследователь Ю.В. Кнорозов. Одним из успехов этой экспедиции по праву следует считать открытие на Курильских островах археологических памятников эпохи раннего дземона. Речь идет о стоянке Янкито-1, расположенной на о-ве Итуруп вблизи пос. Китовый (Зайцев и др., 1989; Кнорозов, 1990; Прокофьев, 2003).

Первоначально внимание исследователей привлекли радиоуглеродные датировки, полученные с этого памятника. В черновиках экспедиционного отчета за 1990 г. (отдел археологии МАЭ РАН, коллекция № 7253) Ю.В. Кнорозов писал: «Дата из Янкито-1 (7030±130 или 5080 г. до н.э. – *О.Я.*) почти на 3000 лет древнее даты из бухты Касатки (2270 г. до н.э.), бывшей самой ранней». Специалистам фактически впервые представилась реальная возможность поднять вопрос о раннем неолите Курильских островов. Однако, как справедливо замечали исследователи, памятник Янкито-1 на острове Итуруп может быть отнесен к раннему неолиту лишь с известной долей условности в силу его слабой археологической изученности (Кузьмин и др., 1998, Кузьмин, 2005: 109).

На памятнике действительно проводились только разведочные работы, собирался подъемный материал, проводились зачистки обнажений культурного слоя. Но самое главное, что материалы этого памятника, как и подробности его обнаружения, до сих пор остаются не известными. В единственной публикации, специально посвященной ст. Янкито-1, приводится описание одного фрагмента венчика керамического сосуда и сообщается, что кроме него на этом памятнике «никаких других артефактов не найдено» (Прокофьев, 2003: 93). Между тем, согласно нашим данным, на ст. Янкито-1 в разные годы была собрана довольно представительная серия каменных артефактов и керамики. Эти предметы вместе с другими археологическими находками Курильской экспедиции Ю.В. Кнорозова и некоторыми архивными материалами ученого были переданы на хранение в отдел археологии МАЭ РАН (Колл. № 7253).

Следует также отметить, что интерес к ст. Янкито-1 продиктован не только ее ранними радиоуглеродными датировками. Единственный фрагмент керамики, ставший достоянием широкой научной общественности, позволил исследователям сделать вывод о его принадлежности к культуре раннего дземона (керамика типа Урахаро), что существенно меняло представления исследователей о «путях миграции древнего неолитического населения в японо-курильском островном мире» (Прокофьев, 2003: 93)

Учитывая столь большое научное значение ст. Янкито-1 и интерес к ней со стороны отечественных и зарубежных специалистов, в настоящей публикации будет предложено описание керамической посуды этого памятника. Согласно полевым шифрам фрагменты керамики были найдены в «северной ложбинке на глубине 50 см» и «на грани обрыва, около камней с надписями». Всего керамическая коллекция Янкито-1 насчитывает 19 обломков керамических сосудов, за единственным исключением (№ 413 – фрагмент стенки от сосуда эпохи палеометалла) все они представляют один очень выдержанный в технологическом и типологическом отношении комплекс.

Вся посуда была изготовлена из глиняного теста с примесью травы. Характерные пустоты фиксируются как на поверхности фрагментов, так и внутри них. Содержание травы было в целом незначительным, на разных

---

* Свою искреннюю признательность выражаю Я.В. Кузьмину, обратившему мое внимание на стоянку Янкито-1 и ее материалы

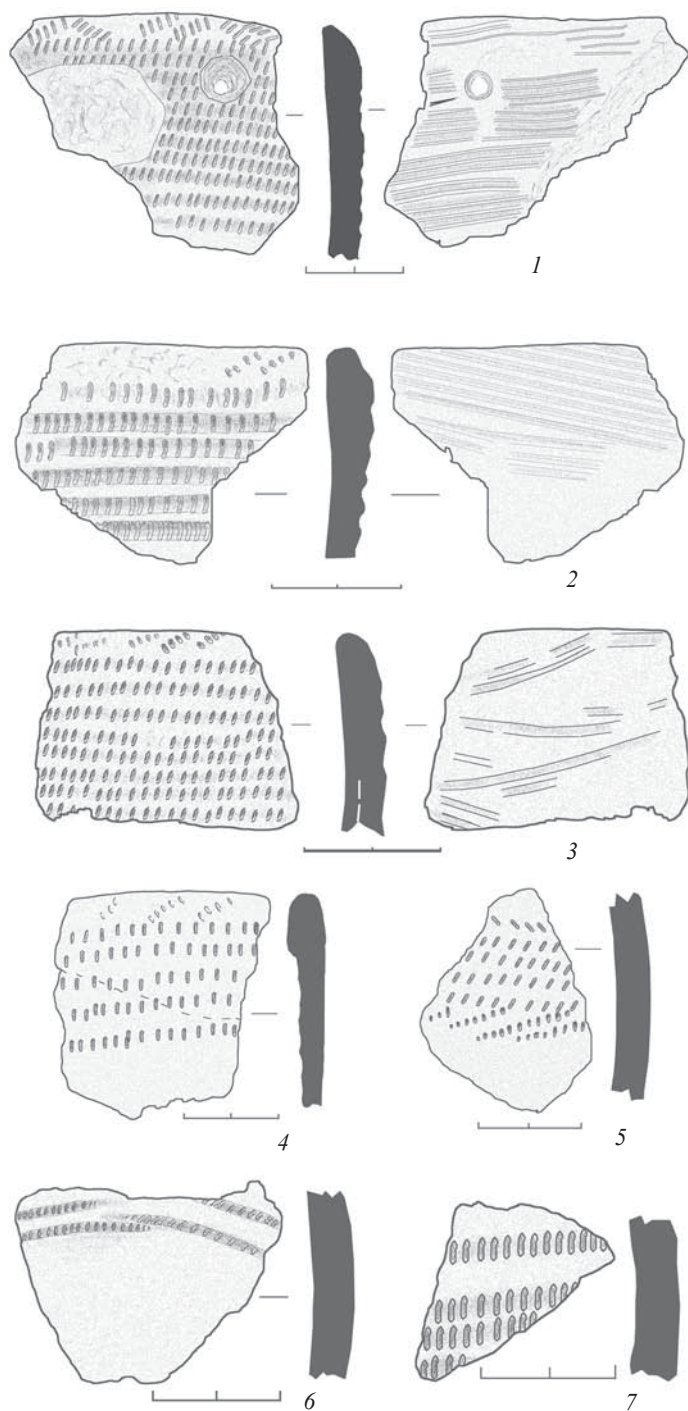

Рис. 1. Неолитическая керамика со ст. Янкито-1
1 – № 427; 2 – № 792; 3 – № 793; 4 – 416; 5 – № 417; 6 – № 419; 7 – № 422.

других терялись полностью (№ 418). Следует отметить, что следы от заглаживания могли располагаться как на внутренней, так и на внешней поверхности сосудов.

Формы сосудов не восстанавливаются. Судя по сохранившимся венчикам, стенки сосудов, очевидно, плавно суживались от устья к дну, не образуя заметных искривлений контура. Венчики сосудов были либо прямыми, либо чуть вогнутыми и имели округлые или чуть уплощенные обрезы. У слегка вогнутых венчиков по внешней стороне было заметно небольшое утолщение. Доньшки в коллекции отсутствуют. Размеры сосудов были небольшие. У двух из них диаметр устья составлял 13–15 см, у третьего – около 20 см.

фрагментах удельный вес травянистых включений мог варьировать в большую или меньшую сторону. Помимо травы в тесте черепков отчетливо заметна мелкозернистая, довольно обильная примесь. Была ли эта примесь искусственно введенной или древние мастера использовали для приготовления керамической посуды естественно запесоченную глину, сказать уверенно без данных петрографии нельзя. Очень любопытно, что в тесте отдельных черепков встречаются включения яркой красновато-оранжевой охры или шамота, в том числе и довольно крупные (№ 417, 419). Цветовая гамма всех черепков темная, коричнево-серая или красновато-коричневая. Окрашены фрагменты равномерно, без каких-либо заметных пятен на поверхностях и в изломах. Толщина стенок у сосудов разная, у одних – около 0,8–1 см, они обычно имели красновато-коричневый цвет, у других – 0,5–0,7 см, они обычно имели коричнево-серый цвет. Поверхности изделий чаще всего получались ровными.

Способы формовки сосудов достоверно не восстанавливаются. Однако в этой связи следует отметить несколько интересных моментов. Во-первых, на сосудах из рассматриваемой коллекции нередко встречаются участки с отслоившейся поверхностью, они имели неровные, но сглаженные очертания, толщина отслоившихся частей – около 2–3 мм. Во-вторых, на венчиках определенно фиксируется их изготовление из двух пластов глины (см. № 416, 421, 793). Есть в коллекции и фрагменты расслоившихся на два пласта стенок (№ 418). В-третьих, одной из особенностей керамической коллекции ст. Янкито-1 следует считать наличие на поверхностях сосудов характерных следов, оставшихся от выравнивания стенок гребенчатым инструментом. Это были субпараллельные, узкие (до 2 мм) и плоские в сечении трасы с гладким ложем. Относительно вертикальной оси сосуда они были ориентированы либо горизонтально, либо под легким наклоном. В коллекции есть фрагменты, на которых такие трасы были расположены под углом друг к другу (№ 418, 428, 795), где на одних участках поверхности они были видны хорошо, а на

Орнамент на сосудах выполнялся путем тиснения. О характере инструмента, к сожалению, сказать что-то определенное нельзя, здесь необходимо проведение экспериментальных работ. По видимому, это были какие-то разновидности зубчатого колесика или веревки. В любом случае узор складывался из рядов слегка наклонных удлиненно-овальных оттисков, очень мелких, ровных, нанесенных через равные интервалы, в ряде случаев такие оттиски заполняли собой узкие гладкие желобки (№ 419, 792)

О композиционных особенностях орнамента можно судить по фрагментам четырех сосудов. У каждого из них узор начинался сразу у обреза узкой – до 1 см – орнаментальной полосой из коротких наклонных линий, у одного – линии были сдвоенными, а наклон чередовался попеременно то в одну, то в другую сторону, образуя «горизонтальный зигзаг» (№ 427), ниже у всех четырех сосудов шел основной узор – сплошное поле горизонтальных линий, еще ниже у одного из сосудов (№ 416, 421) располагался участок стенки без всякого декора, у трех других (№ 427, 792, 793) композиция обрывалась. Из разрозненных фрагментов стенок было орнаментировано только три. У двух из них зафиксированы обрывки композиций из параллельных рядов оттисков (422, 419), у третьего отмечена более сложная композиция (№ 417). Она начиналась одним горизонтальным рядом наклоненных влево оттисков, затем сменялась несколькими горизонтальными рядами таких же оттисков, но наклоненных вправо, а заканчивалась наклонными рядами аналогичных оттисков.

Хотелось бы специально отметить, что декоративный орнамент на сосудах из Янкито-1 никогда не располагался на участках стенок с сохранившимися следами от их выравнивания – на орнаментированных фрагментах такие следы зафиксированы только по внутренней поверхности. Кроме того, интересно, что все сосуды с декоративным орнаментом имели тонкие стенки (0,5–0,7 см) и коричнево-серую цветовую гамму, тогда как сосуды с более толстыми стенками и красновато-коричневым цветом не орнаментировались и на своих поверхностях имели лишь следы от выравнивания стенок.

Как уже отмечалось выше, керамика, собранная на ст. Янкито-1, относится к типу Урахоро и датируется периодом раннего дзедмона (Прокофьев, 2003). Оспаривать подобную интерпретацию пока оснований нет. В тоже время нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что орнаментальная традиция керамической посуды Янкито-1 выбивается из типично дзедмонской, по крайней мере, на ней нет веревочных оттисков, которые, строго говоря, и составляют, хотя и наряду с другими характеристиками, своеобразие керамической традиции дзедмонской культуры. Кроме того, крайне интересным для осмысления представляется и тот факт, что по своим технологическим особенностям керамика Янкито-1 сближается с керамикой памятников осиповского круга (Гася, Хумми, Гончарка-1 и т.п.), о чем свидетельствует состав глиняного теста керамики Янкито-1 и характерные следы от выравнивания стенок сосудов гребенчатым инструментом (см., например, Жушиховская, 2004; Гарковик, 2005 и др.).

Список литературы

- Гарковик А.В.** Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 116–131.
- Жушиховская И.С.** Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток, 2004.
- Зайцев Г.И., Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Прокофьев М.М.** Абсолютная хронология древних поселений Курильских островов // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: Тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р.В. Козыревой. Южно-Сахалинск, 1989. С. 24–28.
- Кнорозов Ю.В.** Усодержатели // Красный маяк. 1990. 29 сентября.
- Кнорозов Ю.В.** Селения айнов на Итурупе // Красный маяк. 1990. 11 октября.
- Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сасаки Т., Матсумото Ш., Ито Ш.** Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1998.
- Кузьмин Я.В.** Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005.
- Прокофьев М.М.** Керамика раннего дзедмона с Южных Курил // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1. С. 89–94.

О.М. Аношко*Институт гуманитарных исследований ТюмГУ, Тюмень*

О НАЛИЧИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У БАРХАТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

Территория распространения памятников бархатовской культуры связана с лесостепными районами Зауралья. Данные природные условия способствовали складыванию у бархатовского населения многоотраслевой системы жизнеобеспечения. При этом одни стороны природной среды использовались для целей хозяйствования в большей степени, а другие – в меньшей. Избирательное отношение к тем или иным ресурсам места обитания определило специализацию и особенности хозяйственной деятельности представителей бархатовской культуры. Анализ палеозоологических материалов и изделий бархатовских памятников позволяет говорить, что основную роль в их экономике играло скотоводство, а вспомогательную – охота и рыболовство.

Однако ландшафтно-географические особенности ареала бархатовской культуры и стационарный характер ее более или менее исследованных поселений также свидетельствуют о благоприятных условиях для земледельческих занятий. Реконструкция характера растительности и климатических условий, формировавших среду обитания бархатовского населения, осуществляется с помощью палинологических материалов, выделенных из почвенных горизонтов селища Щетково 2 и Коловского городища, находящихся соответственно в Заводоуковском и Исетском районах Тюменской области [Рябогина и др., 2001, с. 34; Матвеева и др., 2003, с. 131–132, 139–140]. В целом палинологические данные указывают на то, что на всем протяжении развития бархатовской культуры господствующее положение занимали открытые пространства, занятые разнотравно-злаковой растительностью, и ограниченное распространение имели лесные сообщества, что соответствует современному варианту южной, типичной лесостепи. При этом характеризующие ее климатические условия считаются вполне подходящими для выращивания многих культурных растений. К неблагоприятным явлениям следует отнести возможность заморозков весной вплоть до конца первой декады июня и подверженность иногда к атмосферным засухам [Каретин, 1990, с. 26–28].

При исследовании бархатовских памятников получены прямые доказательства знакомства бархатовского населения с земледелием. В спорово-пыльцевых спектрах из поселения Щетково 2, кроме дикорастущих, обнаружены образцы зерен культурных злаков рода *Avena* (овес) и *Secale* (рожь) [Рябогина и др., 2001, с. 34–35]. Их пыльца сильно минерализована, что исключает возможность случайного засорения пробы современной пылью. В тесте одного из сосудов, найденного на селище Заводоуковское 10, отмечены отпечатки зерен какого-то растения, видовая принадлежность которого точно не определена [Сергеев, 1991, с. 57]. В то же время на одном фрагменте керамики, происходящем с Коловского городища, по определению карпологов, оказались следы культурного злака – семени пшеницы (*Triticum* sp.) [Матвеева и др., 2003, с. 150]. Еще одним свидетельством в пользу существования земледелия у бархатовцев являются остатки пригоревшей пищи на бархатовских сосудах. Ее анализ произведен Л.Л. Гайдученко, методика которого базируется на принципах гистологических и, в меньшей степени, гистохимических исследований [2003, с. 71–7]. Фрагменты зерен ячменя (*Hordeum* sp.) (1 обр.) и проса (*Panicum* sp.) (3 обр.) обнаружены в пригарах на посуде селища Щетково 2 и Красногорского городища. Полученные данные позволяют сделать вывод о преимущественно мясомолочном характере употреблявшейся бархатовцами пищи, тем не менее, доля зерновых в их рационе составляла 23,08 %. В структуру их питания входили каши и похлебки с зерновыми добавками.

Таким образом, представителями бархатовской культуры могли возделываться овес, просо, пшеница, рожь и ячмень. Эти растения теплолюбивы, всходы появляются при 4-5 °С, при этом к наиболее устойчивым к засухам относятся просо и рожь, а требовательным к влаге – овес и пшеница [Жуковский, 1971]. Их вегетаци-

онный период длится 60–120 суток, что соответствует условиям южной лесостепи, так как для нее характерно более 160 дней с температурой выше 5 °С [Каретин, 1990, с. 28].

Вполне обоснованно считать, что земледельческие участки располагались в пойме, где почвы лучше увлажнены и легче поддаются обработке, хотя по имеющемуся инструментальному набору бархатовской культуры трудно судить о масштабах и характере земледелия: было ли оно мотыжным или плужным. В составе орудийных комплексов бархатовских поселений есть изделия, употреблявшиеся, возможно, для рыхления почвы и разбивания комьев. С ними мы связываем своеобразные костяные орудия, напоминающие мотыжки, обнаруженные на Миасском городище, а также роговой клиновидный предмет с Красногорского городища. Для обработки земли могли применяться бронзовые кельты, которые насаживались на деревянную ручку. Единичный экземпляр этого орудия происходит с поселения Ново-Шадрино 7 [Корочкова, 1989, с. 15]. Орудиями уборки урожая могли служить бронзовые однолезвийные ножи с селищ Палатки 2 (1 экз.) и Щетково 2 (2 экз.), а также сильно изогнутый пластинчатый нож с Красногорского городища [Матвеев, 1999а, с. 105; Панина, 2003, с. 97–98]. Не исключено, что на переработку зерен бархатовцами указывают обнаруженные практически на всех исследованных бархатовских памятниках каменные песты и изделия, напоминающие зернотерки. Впрочем, этот инвентарь мог использоваться при собирательстве и в горнометаллургическом производстве для измельчения и растирания руды. В большинстве случаев песты прямоугольно-продолговатой формы, иногда округлой, имеющие стертости и мелкие выбоины на торцах. Зернотерки представлены подтрапещевидной или подпрямоугольной формой и отличаются более стертой центральной частью. Их длина достигает всего 11–23 см, поэтому на них нельзя размолоть большое количество зерна. Для хозяйственных нужд бархатовцы сооружали в постройках ямы разной конфигурации, размеры которых сильно варьируют. Достаточно крупные углубления, которые локализовались около стен или в углу, могли служить хранилищами зерна, хотя для них не характерна глиняная обмазка.

Занятие земледелием не могло не повлиять на идеологические представления бархатовского населения. Во многих земледельческих культурах Евразии имеются разнообразные глиняные скульптурки, связанные с культурами плодородия полей. В довольно большом количестве они происходят из поселенческих комплексов трипольских племен эпохи энеолита, памятников бронзового века Юго-Восточной Европы, Бельского городища скифского времени и представлены в основном фигурками с ярко выраженными женскими половыми признаками, воплощающими, скорее всего, женские божества – покровительниц плодородия [Энеолит СССР, 1982, с. 251; Монгайт, 1974, с. 84; Шрамко, 1999, с. 35–50]. В материалах бархатовской культуры также присутствуют антропоморфные поделки, найденные в одном экземпляре на селище Щетково 2 и в пяти экземплярах на поселении Заводоуковское 10 [Сергеев, 1991, с. 57]. На скульптурках схематично показаны голова, верхние и нижние конечности, иногда грудь. Они сделаны довольно небрежно, поэтому связаны, скорее всего, с какими-то одноразовыми ритуальными действиями. Наиболее близкие аналогии этим предметам нам известны в материалах ирменских и позднеирменских памятников [Молодин, Чемякина, Парцингер и др., 2003, с. 333–340]. На селище Палатки 2 две женские скульптурки представляли собой прямоугольные бруски со скругленными углами и четко обозначенной в верхней части грудью, без головы, рук и ног [Панина, 2003, с. 97]. С нашей точки зрения, традицию изготовления бархатовцами антропоморфных фигурок также можно считать одним из проявлений земледельческих культов плодородия.

О существовании земледелия в лесостепном Зауралье еще в предшествующий бархатовскому период позволяют говорить отпечатки зерен ячменя и пшеницы на керамике поселения Ольховка черкаскульской культуры [Матвеев, 1999б, с. 122–123]. Если учитывать, что формирование бархатовской культуры происходило на черкаскульско-пахомовской основе, то вполне правомерно предположить заимствование бархатовцами навыков к земледелию у черкаскульского общества. На сопредельных территориях также получены прямые свидетельства о занятиях земледелием древним населением в эпоху поздней бронзы. Так, опираясь на карпологические данные, хозяйственные ямы с глиняной обмазкой, исследованные на селище Милованово 3, и ряд категорий инвентаря, Е.А. Сидоров указал на возможность знакомства представителей ирменской культуры с пашенным земледелием и обратил при этом внимание на то, что древнейшие рала изготовлялись целиком из дерева, и поэтому не сохранились [1986, с. 54–67]. Помимо орудий труда, аргументом в пользу наличия земледелия у алексеевско-саргаринских групп является находка обгорелых зерен пшеницы на Алексеевском жертвенном холме [Кривцова-Гракова, 1948, с. 114].

Приведенные выше доводы позволяют утверждать, что наряду со скотоводством, охотой и рыболовством в систему жизнеобеспечения представителей бархатовской культуры входило земледелие, хотя оно, на наш взгляд, имело ограниченный характер и играло подчиненную роль в экономике как бархатовского общества, так и в целом западносибирского населения эпохи поздней бронзы.

Список литературы

- Гайдученко Л.Л.** Новый источник получения массовой информации об особенностях питания населения древности // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск: СПЛИАЦ «Аркаим», ИИА УрО РАН, 2003. С. 71–74.
- Жуковский П.М.** Культурные растения и их сородичи. Л., 1971.
- Корочкова О.Н.** Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино 7 в Упоровском районе Тюменской области в 1989 г. / Архив КА УрГУ, ф. П, д. 469.
- Каретин Л.Н.** Почвы Тюменской области. Новосибирск: Наука, 1990. 270 с.
- Кривцова-Гракова О.А.** Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.
- Матвеев А.В.** Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999а. С. 93–125.
- Матвеев А.В.** Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999б. Вып. 2. С. 121–123.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.** Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование. Вып. 1. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Молодин В.И., Чемякина М.А. и др.** Глиняные скульптурки городища Чича 1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. 1. С. 330–340.
- Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Панина С.Н.** Поселение бархатовской культуры финальной бронзы в горно-лесном Зауралье (по материалам раскопок памятника Палатки 2) // Международное (XIV Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 97–98.
- Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н.** Реконструкция условий обитания населения Нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 2. С. 33–39.
- Сергеев А.С.** Поселение Заводоуковское-10 – новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа: Башк. ун-т, 1991. С. 55–58.
- Сидоров Е.А.** О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–65.
- Шрамко Б.А.** Глиняные скульптурки лесостепной Скифии // РА, 1999. № 3. С. 35–50.
- Энеолит СССР.** Археология СССР. М.: Наука, 1982. 360 с.

М.Ю. Баранов

НПО «Северная археология 1», Нефтеюганск

**КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА Р. БАЛИНСКАЯ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ
И ЕГО КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОСЕЛЕНИЙ БАЛИНСКОЕ 1, 3, 8, 10)**

Научно-исследовательские работы по изучению поселения Балинское 1 проведены в 2005 г. в рамках мероприятий по сохранению и изучению объектов культурного наследия на Приобском месторождении ОАО «Юганскнефтегаз». Памятник выявлен в ходе натурного обследования территории месторождения в 1995 г. группой Плешковой Л.А. и Старкова А.Е. [Плешкова, 1996]. Более полное обследование археологических древностей Балинского Бора выполнено в 2003 г. [Кардаш, 2005].

Поселение Балинское 1 входит в комплекс археологических объектов в урочище «Балинский бор» в нижнем течении р. Балинская, на землях Селяировского сельского совета, в 12,5 км к ССВ от села Селяирово. Комплекс археологических объектов «Балинский бор» весьма значителен, включает на данный момент 45 памятников, размещенных достаточно компактной группой.

В составе комплекса археологических памятников выделяется группа морфологически сходных объектов на поселениях Балинское 1, 3, 8, 10. Объекты представлены крупными подпрямоугольными впадинами размером от 10×8 до 16×13 м. Ряд впадин обладает внушительной обваловкой высотой 0,5–1 м при ширине до 5 м, входы не прослеживаются. Формы объектов значительно оплывшие. В ходе работ 2003 г. проведена шурфовка объектов [Кардаш, 2005], однако датирующего материала не выявлено. Судя по мощному слою подзола, сооружения имеют ранний возраст, но их назначение и время функционирования не выяснено. В 2005 г. изучен раскопками объект поселения Балинское 1.

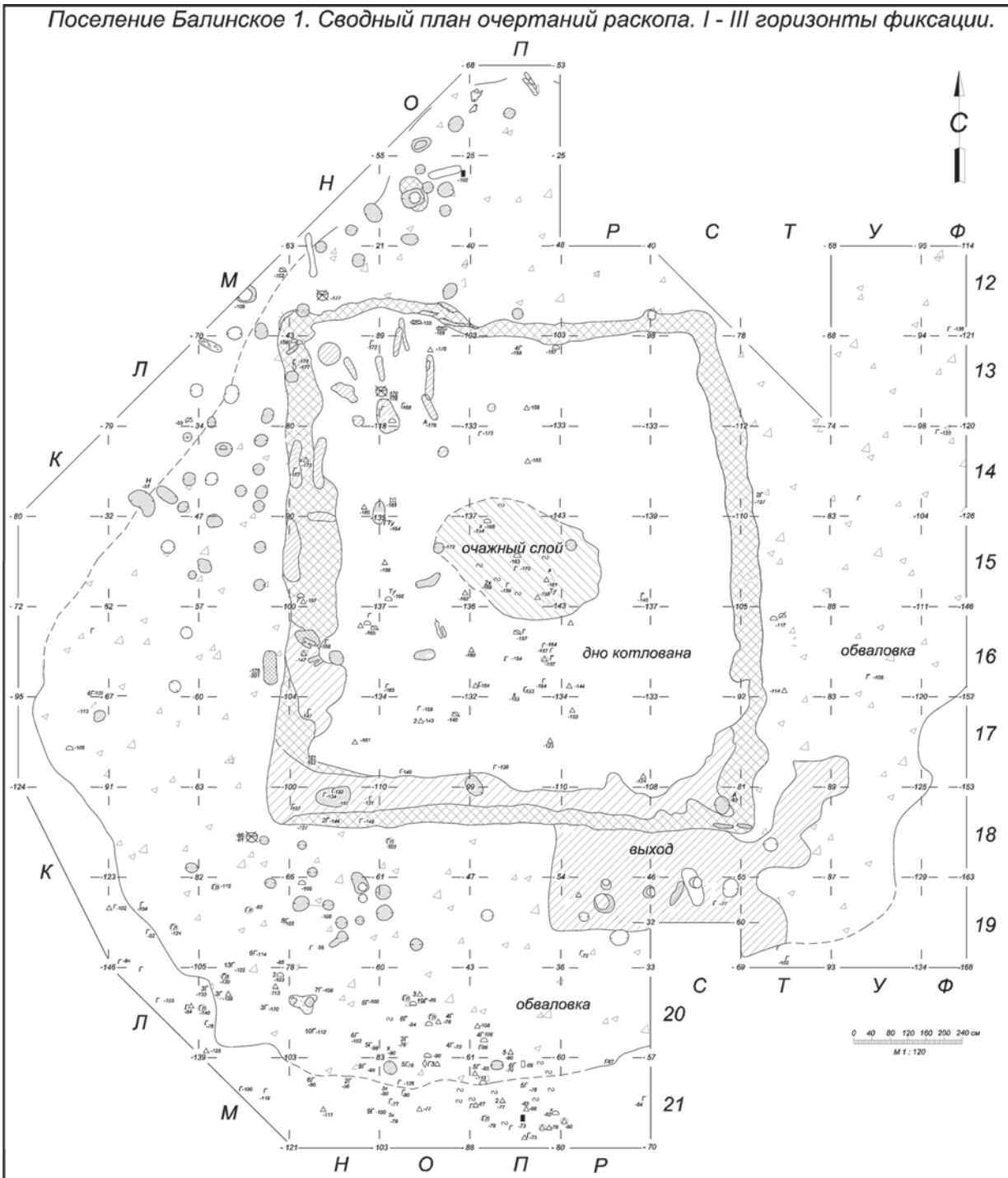
Исследованное сооружение обладает значительными размерами: жилищная впадина размером 10×8 м глубиной 0,8 м сориентирована по оси СЗ-ЮВ, окружена обваловкой высотой 0,4 м и шириной до 5 м. На объекте заложен раскоп площадью 369 кв. м (рис 1).

Остатки сооружения состоят из следующих структурных элементов: под слоем обваловки мощностью до 0,5 м сохранился горизонт с остатками сгоревших конструкций стен. Края котлована глубиной до 0,4 м оконтурены охристым слоем. В котловане, вдоль длинных стен, прослежены крупные столбовые ямы от вертикальных столбов, составлявших основу прямоугольного каркаса сооружения. По внешнему контуру котлована выявлены три ряда столбовых ям, составлявших стены сооружения. Центральный ряд ям наклонен к центру котлована (угол наклона до 15°), внешний и внутренний ряды вертикальны. «Спальные места» располагались внутри котлована вдоль восточной длинной стены. В ЮЗ секторе котлована отмечена овальная яма, заполненная охристым слоем, размером 0,5×0,25 м и глубиной до 0,4 м (детское погребение?). Просеивание заполнения ямы результатов не принесло. На дне котлована зафиксирован открытый очаг, по краям которого отмечены две столбовые ямы на расстоянии 2,8 м (вертикальные конструкции очага?). Основное скопление находок отмечено в южном секторе сооружения, что связано с активной жизнедеятельностью на предвходовой площадке при функционировании жилища.

Представляется, что исследованы остатки подпрямоугольной четырехскатной каркасно-столбовой постройки размером 18×14 м общей площадью до 250 кв. м. Наличие очага позволяет интерпретировать исследованную постройку как жилую. В южной части котлована располагался выход.

Керамический комплекс. По функциональному назначению керамика разделена на бытовую и технологическую. Найдены фрагменты не менее 10 сосудов бытового назначения (рис 2). Посуда баночной формы, уплощенное или круглое дно. В примесях шамот и песок. Керамика толстостенная – 5–10 мм. Снаружи стенки заглажены, на внутренних поверхностях встречаются «расчесы».

Поселение Балинское 1. Сводный план очертаний раскопа. I - III горизонты фиксации.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Г	гребенчатая керамика	△	отщеп	-24	граница слоя с указанием глубины
Х	неорнаментированная керамика	◇	каменная плитка	-77	максимальная глубинная отметка
⊗ -88 -91	развал сосуда с указанием глубины залегания	□	пластина	△ △ △	перестроженный материковый песок, образует обваловку объекта
Гл	фрагменты литевой формы	⊗	нуклеус	▨	углистые прослойки, фрагменты угля
⊗	глиняное грузило	◐	камень	▨	охристый песок, сходен с прокаленным слоем
∞	кальцинированные кости	△	расколотая галька	▨	очажный слой

Рис. 1.

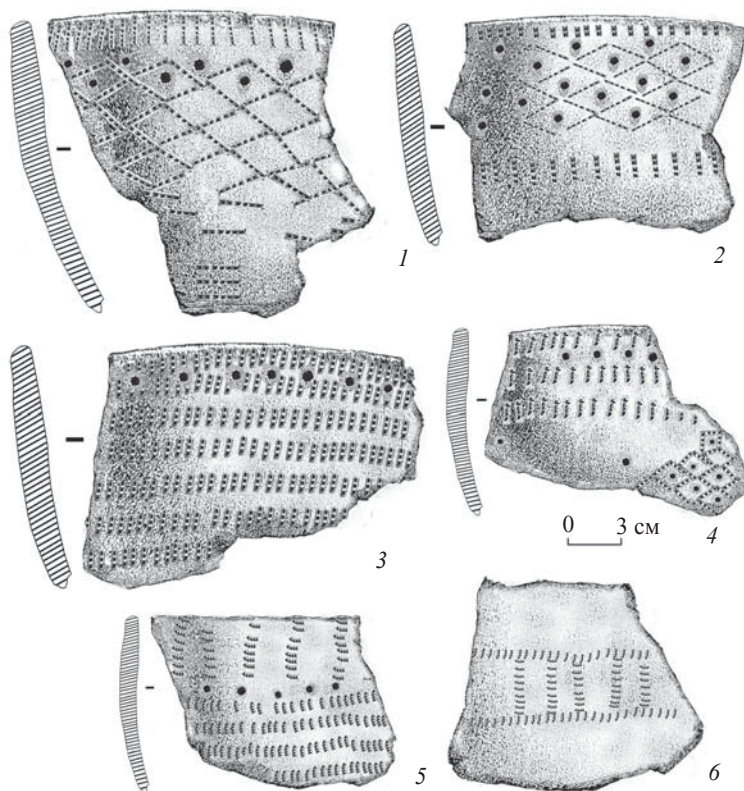

Рис. 2.

Керамика декорирована от венчика до дна и относится к числу гребенчато-ямочных комплексов. Орнамент нанесен гребенчатыми штампами различных видов в печатной технике. Гребенчатые узоры включают ряды ромбов, чередующиеся монотонные пояса вертикальных и наклонных отпечатков штампов, ленты. Процент сотового орнамента невелик. Встречены фрагменты ладьевидной чаши с уплощенным дном.

Декоративно-морфологические признаки сближают керамику с ендырским комплексом на верхней Конде, материалами сартыньинской культуры Нижнего Приобья, тазовской культуры Заполярья, древностями кульгганского облика Сургутского Приобья [Кокшаров, Погодин, 2005].

Помимо комплекса бытовой керамики обнаружены обломки массивной двухсторонней керамической литейной формы для изготовления крупной отливки. В силу фрагментированности формы установить параметры отливки затруднительно.

Каменный инвентарь. В коллекции насчитывается 83 предмета из камня. Сырьевой состав весьма не представительен, что отражает минеральную базу региона. Для изготовления каменного инвентаря использовалось местное галечниковое сырье (белый кварц 70%, гранитоидные породы 20%). Единично представлены черный плитчатый сланец, опока, кварцит. Заготовками орудий служили отщепы первичного и вторичного снятия. Орудия немногочисленны, как правило, это морфологически не выраженные изделия. Большая часть коллекции представлена отходами производства, камни со следами бессистемных сколов.

Остеологическая коллекция. Подавляющее большинство костных останков принадлежит рыбам различных видов (щука, карповые, окунь, единично осетровые рыбы). Млекопитающие представлены останками северного оленя, бобра, зайца, белки, россомахи, лисицы, соболя, горностая. Если первые четыре вида традиционно употреблялись аборигенным населением в пищу, то останки остальных видов свидетельствуют о наличии пушного промысла. Видовой состав фауны позволяет предполагать зимнее время функционирования жилища.

Исследованный памятник относится к кругу гребенчато-ямочных комплексов, существовавших в раннем бронзовом веке на севере Западной Сибири. В определении возраста сходных древностей не сложилось единого мнения. Кульгганские комплексы Ю.П. Чемякин относит к сер. – третьей четверти или второй трети II тыс. до н.э. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 30]. Л.Л. Косинская и В.И. Стефанов на основании радиоуглеродных дат (пос. Чернореченское I, 3760 ± 20 , 3830 ± 40 , 4500 ± 70 л.н. (ЛБ-5333, 5334, 5339) удвевняют

возраст кульёганских комплексов до пер. пол. II тыс. до н.э. [Косинская, 2000, с. 18; Стефанов, 2002, с. 111]. К изложенной позиции присоединяется С.Ф. Кокшаров, синхронизируя кульёганские памятники и комплекс поселения Ендырское VII, относя его к досеминскому времени [Кокшаров, 2005, с. 111]. С поселения Балинское 1 получена радиоуглеродная некалиброванная дата – 3920±70 лет (ЛУ-5133), что дает основания синхронизировать указанные комплексы.

Таким образом, на основании радиоуглеродной даты и морфологического сходства группа крупных объектов поселений Балинское 1,3,8,10 может интерпретироваться как остатки зимних жилых сооружений периода раннего бронзового века.

Список литературы

Кардаш О.В. Отчет о НИР: Археолого-геодезические исследования комплексов археологических объектов: «Селияровский бор», «Микишкин бор», «Балинский бор», правобережная часть Приобского месторождения, Ханты-Мансийский район, ХМАО, осень 2003 г. Архив МУ ЦИКН. Нефтеюганск, 2005.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. – № 2(22). С. 100–113.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Науч. вестн. – Салехард, 2000. – Вып. 3. С. 13–23.

Плешкова Л.А. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1995 г. Архив АВ КОМ. Свердловск, 1996.

Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНЦП, 2002. – С.97–112.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. – Екатеринбург: Тезис, 2002. –С. 7–74.

В.В. Бобров*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

«ЭНЕОЛИТ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (современное состояние знаний и проблемы изучения)

Переходный историко-хронологический период между двух крупнейших эпох древней истории человечества – камня и металла – является самым сложным для познания в современной археологической науке. В качестве примера приведу два тома из серии «Археология СССР». В основу тома «Энеолит СССР» [1982] был положен традиционный подход к энеолиту, который отражают такие «классические» энеолитические культуры, как трипольская (Украина), Анау (Центральная Азия), Шенгавит (Кавказ). Хотя во введении В.М. Массон рассмотрел иные точки зрения на содержание этого исторического периода (кроме существующих в западносибирской археологии). Культуры и типы памятников других территорий не получили в нем достаточного освещения. Том «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» из той же серии [1987] содержит раздел, посвященный переходному времени от эпохи камня к бронзовому веку на территории Западной Сибири. Кстати, за 15 лет после его издания некоторые положения утратили свое значение. В частности, была пересмотрена культурная и хронологическая принадлежность отдельных культур. Сложилась довольно парадоксальная ситуация. Что было на других территориях за пределами ареала классических культур энеолита? Особую остроту приобретает решение этого вопроса в западносибирской археологии. Историко-культурные процессы на территории Западной Сибири разительно отличались от явлений в других регионах Евразии. В значительной степени это было обусловлено физико-географической спецификой и ресурсами сырья для производства орудий.

В археологии Западной Сибири для обозначения этой стадии используют такие понятия, как «энеолит», «квазиэнеолитические культуры», «ранняя бронза», «переходное время от эпохи камня к бронзовому веку», «постэнеолит». Объясняется это различными подходами к содержанию периода. Не исключено, что другой причиной является археологическое изучение исследователем региона со своеобразными физико-географическими условиями, в которых культура переходной стадии могла иметь особенности. Специфическим мог быть сам процесс формирования культуры. Практика научного исследования источников конкретного региона оказывала влияние на теоретическую концепцию исследователя.

В дискуссии нашли отражение два подхода: традиционный, в основе которого лежит технология производства материальной культуры, и исторический. Последний, свойственный российской археологии, предусматривает изменения в экономике, социальной организации и культуре древних обществ, вызванные появлением металла. Представленное выделение подходов достаточно условное, так как многие исследователи их объединяют. Все зависит от того, что является в концепции приоритетным: технология или социально-экономическое состояние общества.

Термин и понятие «энеолит» в последние годы стал более распространенным в западносибирской археологии [В.И. Матющенко, Ю.Ф. Кирюшин, А.Ф. Шорин, В.Т. Ковалева, Е.А. Васильев, Н.М. Чаиркина и др.]. Отличие взглядов исследователей заключается в приведенных выше подходах. Так, В.И. Матющенко и А.Ф. Шорин в понятие «энеолит» вкладывают историческое содержание [Матющенко, 1977; Шорин, 1999]. А.Ф. Шорин «...считает, что эпоха энеолита для лесной зоны Евразии...характеризуется поступательным ходом исторического развития, когда во всех сферах жизнедеятельности населения этой природной зоны (экономической, социальной, духовной) происходят существенные изменения» [1999, с. 17] Он приводит 6 «археологических реалий», в которых отражены эти изменения. Это – переход от пластинчатой технике к изготовлению орудий на отщепах; использование местного и высококачественного привозного каменного сырья; усложнение декоративной композиции на посуде за счет геометрических мотивов; каплевидные и овальные подвески в

погребениях; знакомство на уровне обмена со скотоводческим хозяйством (коневодством); знакомство также через посредников с металлическими орудиями и украшениями [1999, с. 17–18].

Ю.Ф. Кирюшин считает, что накопленные новые археологические материалы позволяют утверждать о существовании энеолита. По его мнению, в это время произошло не только знакомство населения с металлическими изделиями, их использование, но и некоторых районах Сибири стали получать металл. Он высказывает мысль о неравномерности перехода от неолита к бронзовому веку. «На юге Западной Сибири, где были благоприятные природные условия и соседство с племенами энеолитической афанасьевской культурой, этот переход завершился, конечно, раньше, в южнотаежной и таежной зонах несколько позднее» (Кирюшин, 1991, с. 71). Его научная концепция нашла отражение в работах, посвященных энеолитическим культурам Западной Сибири [Кирюшин, 2002, с. 10–45; 2004, с. 7–13]. Точку зрения Ю.Ф. Кирюшина разделяют многие его коллеги и ученики из Алтайского университета (г. Барнаул).

В.Т. Ковалева и Е.А. Васильев, исследуя археологические памятники таежной зоны Западной Сибири, предлагают другое содержание термина «энеолит». На мой взгляд, в их концепции «энеолит» предстает как хронологический период, в который не произошли существенные изменения, как в материальной культуре, так и в общественном развитии [Ковалева, 1995, с. 3-6; Васильев, 1978, с. 3–4]. Эта идея близка точке зрения о постнеолитическом времени или о «квазиэнеолитических культурах», которую предложил С.В. Кузьминых [1993].

Группа специалистов придерживаются другой концепции. По их мнению, на территории, где нет рудного сырья (Западносибирская низменность, Барабинская лесостепь) и расположенной далеко от ранних центров металлопроизводства, неолитическое население познакомилось и перешло на собственное изготовление металлических изделий только с появлением сплавов [Крижевская, 1977; Молодин, 1975; 1977; 1985; Косарев, 1974]. Для переходной стадии они предлагают понятие «ранняя бронза».

Наконец, М.Ф. Косарев в более поздних работах без каких-либо теоретических обоснований предложил новый термин «переходное время от эпохи неолита к бронзовому веку» [Косарев, 1981; 1987]. Из контекста его исследований, посвященных экологическим проблемам в развитии археологических культур и исторических процессов, можно представить его идею. Она призвана объединить многообразие путей перехода к новой эпохе в разных природных зонах [Косарев, 1979]. В.А. Зах придерживается аналогичной теоретической позиции [2006, с. 24–34].

Представленные точки зрения по проблеме смены глобальных археологических эпох, на мой взгляд, отражают неоднозначные тенденции в становлении эпохи металла в различных ландшафтных зонах Западной Сибири. Понятно одно, что этот процесс на данной территории существенно отличался от процессов в других регионах Северной, Центральной Азии и Европе.

В настоящее время на территории Урала и Зауралья, в географических пределах от гор до Оби и Иртыша, выделены следующие археологические культуры и типы памятников: липчинская, шапкульская, аятская, шувакишский, суртандинская, сосновоостровская, байрыкская, андреевская, мысаевский, атымьинский, волгончинский типы, екатерининская. Даже если принять ландшафтную специфику в данном регионе и разные точки зрения о хронологической принадлежности комплексов, то на конкретную территорию приходится 2–3 культуры. В лесостепном Приобье историографически выражена такая же ситуация. Здесь для переходного периода выделены большемысская культура, кипринский или новокусовский этап, ирбинский тип, которые практически занимают общую территорию. В лесостепной зоне Обь-Иртышья данный хронологический период менее изучен. В большей степени к нему относят комплексы с гребенчато-ямочной орнаментацией. Необходимо отметить, что в археологии Урала и Зауралья период ранней бронзы не выделен. Не исключаю, что именно с этим обстоятельством связано разнообразие комплексов в пределах конкретных ландшафтов региона. Соответственно, проблема заключается в археологической дифференциации и хронологической атрибуции памятников. В последние годы наметилось её решение. В Верхнеобском бассейне известны комплексы эпохи ранней бронзы, хотя степень её изученности остается недостаточной. Для этого региона актуальной является та же проблема. Но наряду с ней, не менее актуальной остается проблема теоретического обоснования особенностей переходного периода и разработка процедуры выявления признаков по археологическим данным.

Список литературы

Васильев Е.А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: ТГУ, 1978. – С. 3–11

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 54 с.

Кирюшин Ю.Ф. О хронологии термина «энеолит» и его значении // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: АГУ, 1991. – С. 64–75

- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 2004. – 295 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 2002. – 294 с.
- Ковалева В.Т.** Энеолит Среднего Урала: андреевская культура. – Екатеринбург, 1995.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974. – 166 с.
- Косарев М.Ф.** Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень, 1979.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М., 1981.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
- Крижевская Л.Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л., 1977.
- Кузьминых С.В.** Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993.
- Матюшенко В.И.** О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири // VI Уральское археологическое совещание. – М., 1977.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 20 с.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977. – 172 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
- Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культуругенеза. – Екатеринбург, 1999.
- Энеолит СССР.** – Археология СССР. – М., 1987.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР.** – Археология СССР. – М., 1987.

С.В. Богданов*Институт степи Уральского отделения Российской Академии наук, Оренбург*

ГЕНЕЗИС ПОЗДНЕЯМНЫХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Первооткрывателем памятников ямной культуры в степном Приуралье стал К.Ф. Смирнов [1965]. Материалы этой культуры, накопленные во вт. пол. XX в., анализировались в монографических исследованиях Н.Я. Мерперта [1974], Н.Л. Моргуновой [1994], Е.Н. Черных [1966 и др.] и автора данных материалов [2004]. В ряде работ [Богданов, 1990; Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992, и др.] обосновано подразделение приуральских памятников древнеямной культуры на два последовательных хронологических горизонта: 1) репинский горизонт РБВ I (конец IV – начало III тыс. до н.э.); 2) тамаруткульский горизонт РБВ II (первая половина III тыс. до н.э.) [Богданов, 2004. С. 246–250. Рис. 91]. На протяжении РБВ I и РБВ II процесс культуругенеза развивался гомогенно по типу консолидации, завершившейся складыванием локальной культурной традиции памятников тамаруткульского типа. Первичное ядро формирования связано с Каргалинскими рудниками и их степной периферией. Основной ареал подкурганых захоронений тамаруткульского типа совпадает со степными территориями Приуралья от долины Бузулука на западе до верховьев Тобола и Мугоджар на востоке.

Само понятие позднеямные памятники тамаруткульского типа введено мной в 2004–2005 гг. [Богданов, 2004 и др.]. Название группе дано по эпонимным курганным могильникам в левобережье Илека, раскопанным О.И. Пороховой в 1987 г. Некалиброванные радиоуглеродные даты соответствуют последней трети III тыс. до н.э. Калиброванные значения указывают на первую половину III тыс. до н.э.

Своеобразие данного культурно-исторического типа обусловлено целым рядом культурно-исторических и субкультурных причин, нуждающихся в специальном исследовании. Значительная часть специфических признаков древнеямных памятников Приуральского района, относящихся к тамаруткульскому типу, определена их первооткрывателем К.Ф. Смирновым: преобладание одиночных захоронений под насыпями, абсолютное господство обрядовой позиции скорченно на правом боку или с разворотом на правый бок, устойчивая ориентировка к востоку, необычайно высокий удельный вес «больших» курганов (свыше 2 м в высоту, диаметром от 40 м) и др. [Смирнов, 1965]. Специфические черты ландшафтной организации памятников, архитектоника комплексов, особенности стратиграфии, характеристика обрядовых групп приведены в серии моих работ, опубликованных с конца 80-х годов [Богданов, 2004. С. 136–154]. Исследование вопросов культурной детерминации памятников тамаруткульского типа было бы не возможно без реализации на протяжении 90-х гг. XX в. проекта Е.Н. Черных по изучению Каргалинского древнего горно-металлургического центра, составлявшего экономический базис данного культурно-исторического типа [Черных, 2000, 2002 и др.].

Каргалинская медь стала основным фактором интеграции носителей культурной традиции памятников тамаруткульского типа и ведущим посылом социальной стратификации кочевого населения. Изучение погребального обряда позволило определить внесловный характер его ранжированности. Социальный слой древнеямной культуры был структурирован по кластерному принципу, т.е. основу общественной организации составляли доминирующие семейно-родовые кланы. Определенная потомственная (семейная) специализация населения (плотники, литейщики и т.п.) наблюдалась внутри кланов.

Керамика позднеямных захоронений тамаруткульского типа [Салугина, 1999] представлена несколькими типами округлодонных горшков и банок, изготовленных из шамотного теста. Орнаментации керамики чужды всякие представления о зональности.

Для относительно ранней подгруппы захоронений тамаруткульского типа типичны роговые и костяные булавки с навершиями в форме коротких рожек, производные от рогатых застёжек памятников репинского горизонта, выполненных в виде вильчатого креста-фурки. Параллельно с рожковидными булавками бытовали

экземпляры с навершиями в виде лабриса и лопаточки. В одном из наиболее поздних комплексов тамаруткульского типа встречены биволютные булавки с кручеными стержнями, архаичные типы очковидных подвесок. Эти находки позволяют синхронизовать поздние памятники тамаруткульского типа степного Приуралья с соответствующими комплексами волосовской, среднеднепровской культур, древнейшими звеньями позднеямных памятников Нижнего Дона, поздними куро-аракскими группами.

Металлические орудия представлены несколькими экземплярами проушных топоров колтубанского типа, производных от узких новосвободненских моделей, а также оригинальными комбинированными топорами-молотами. Плоские топоры-тёсла отличаются от новосвободненских экземпляров моделировкой тыльной стороны обуха. Крайне разнообразны типы долот. Среди них есть стереотипные желобчатые формы с четырехгранными насадами, бытовавшие на различных территориях ЦМП на протяжении ранней фазы. Встречаются и крайне редкие, такие как долото из Пятилетки, довольно точно соответствующее образцу из клада на сирийском поселении Телль-Хазна I [Мунчаев, 2005. С. 19. Рис. 4, 4]. Втульчатое долото из Тамаруткульского могильника уникально, оно выковано методом свободнойковки из стержнеобразной заготовки [Дегтярева, 2003]. Наиболее массовым типологическим разрядом погребений тамаруткульского типа являются ножи (14 экз.) с длинными черенками и подтреугольными клинками, характерны плавные переходы от черена к клинку и клинообразная расковка пятки. Четырехгранные шилья и стержни разных типов, а также подвески в полтора оборота из округлого жгута, многовитковые пронизи, обоймы представлены общими типами. Практически весь проанализированный металл [Черных, 1966; Дегтярева, 2003] из погребений тамаруткульского типа степного Приуралья изготовлен из каргалинской меди, лишь состав двух миниатюрных бритв относится к геохимической группе кавказских мышьяковых бронз. На сопредельной территории, в Самарском Заволжье, химизм металла ямных погребений демонстрирует аналогичную картину, но отличается существенной деталью: в Заволжье, начиная с репинского времени, отчетливо фиксируется след серебристой меди Нижнекамского горно-металлургического района волосовско-гаринской общности. Из этой меди изготовлены тесло и шило в знаменитом позднеямном комплексе кургана I Утевского I могильника [Кореневский, 1977].

Тамаруткульская традиция резко пресеклась около сер. III тыс. до н.э. В ряде моих работ выдвинута гипотеза о массовом оттоке населения с территории степного Приуралья на юго-запад, в Нижнее Поволжье и Подонье. Это мнение разделял И.Б. Васильев [2003 и др.]. Ему, как и мне, представлялось, что в основе культурной трансформации СБВ на территории Самарского Заволжья и степного Приуралья лежала массивная миграция позднеямных групп на юго-запад, сопровождавшаяся распространением волго-уральских традиций обряда захоронения в позднеямных комплексах Северного Причерноморья.

Количество информативных памятников СБВ в Приуралье по сравнению с предшествующим периодом РБВ II сокращается примерно в десять раз. Культурно-историческая ситуация в степях Южного Урала характеризуется мозаичным сочетанием памятников трех культур самостоятельного генезиса: уральской абашевской, вольско-лбищенской и небольшой группы захоронений, соответствующей позднекатакомбным комплексам полтавкинского типа волго-донской катакомбной культуры. Общепризнанной версии атрибуции последней из вышеназванных групп пока нет. В работах исследователей она именуется «полтавкинской», «ямно-полтавкинской» и т.п. Тонкостенная плоскодонная керамика с обильной примесью раковины из погребений вышеназванной группы не имеет никакого отношения к позднеямной. Морфологические особенности металлических орудий сочетают признаки балановской, уральской абашевской, катакомбной культур. Весь проанализированный металл, представленный втульчатым копьем, двумя черенковыми ножами, двумя четырехгранными пробойниками, теслообразным орудием из Болдырево I [Орловская, 1994; Дегтярева, 2003] изготовлен не из каргалинского (приуральского) сырья, а из серебристой меди низовьев Камы. Для неё характерна уникальная комбинация микропримесей, заключающаяся в высоком содержании серебра (на уровне десятых процента), превышающем его концентрацию в каргалинском металле ямных памятников Приуралья в десятки раз, в сочетании с практически полным отсутствием висмута, сурьмы, мышьяка и золота. В наиболее поздних комплексах встречается металл абашевского облика группы ТК. Металлообработка на Каргалинских рудниках в данный период (вт. пол. III тыс. до н.э. – нач. II тыс. до н.э.), вероятно, переживала упадок, масштабная добыча и переработка меди возобновились лишь в ПБВ.

Список литературы

1. **Богданов С.В.** Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1990. – С. 48–60.

2. **Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
3. **Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.** Курганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. Ин-та, 1992. – С. 80–91.
4. **Васильев И.Б.** Н.Я. Мерперт и его роль в археологии Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: СНЦ РАН, 2003. – Вып. 3. – С. 3–15.
5. **Дегтярева А.Д.** Металлические изделия ямной культуры Южного Приуралья // Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 359–377.
6. **Корневский С.Н.** О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Изд-во Куйб. гос. ун-та, 1977. – С. 44–65.
7. **Мерперт Н.Я.** Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 175 с.
8. **Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – 153 с.
9. **Мунчаев Р.М.** Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // Российская археология. – 2005. – №4. – С. 13–24.
10. **Орловская Л.Б.** Цветной металл Болдыревского I могильника. Приложение 1. // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – С. 112–115.
11. **Салугина Н.П.** Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ДиМур, 1999. – Вып. III. – С. 20–39.
12. **Смирнов К.Ф.** Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 156–159.
13. **Черных Е.Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.
14. **Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю.** Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – Вып. IV. – С. 63–84.
15. **Черных Е.Н., Исто К. Дж.** Начало эксплуатации Каргалов: радиоуглеродные даты // Российская археология. – 2002. – №2. – С. 44–55.

А.П. Бородовский, А.И. Соловьев

ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

«КОСТЯНЫЕ» ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СИБИРИ*

В эпоху бронзы широкое распространение получает защитное вооружение из органических материалов. Среди этого комплекса предметов особое место занимают «костяные» панцирные пластины. К таким изделиям принято относить пластинчатые изделия из органики с серией отверстий по краям. На территории Сибири и Дальнего Востока в различных археологических комплексах (захоронениях, поселениях, городищах) известны находки отдельных образцов и целых серий этих артефактов. К числу таких памятников в Западной Сибири относятся Ростовка [Матющенко, 1988], Сопка-2 [Соловьев, 2003], Чича-1 [Молодин, Парцигер, Гаркуша, 2004], Абакано-перевоз [Окладников, 1955], Пещера Тугаринова, в Восточной Сибири – Усть-Илгинский могильник [Окладников, 1955], на юге Дальнего Востока Синий Гай-А [Бродянский, 1996]. Общее количество известных к настоящему времени «костяных» панцирных пластин составляет свыше 1 тыс. экземпляров. Более точное количество определить сложно вследствие фрагментарности части изделий.

В отношении некоторых панцирных пластин существуют разные варианты интерпретации. Например, длинные подпрямоугольные роговые пластины Синего Гая-А с растительно-шахматным орнаментом (рис. 2/4) либо с оговорками соотносятся с панцирем [Бродянский, 1982; 1987; 1996], или вообще не включаются в его конструкцию [Штунева, 1996].

По нашему мнению, указанные роговые пластины, скорее всего, относятся к панцирным. Убежденность в этом основана на сходном типе заготовки для изделия (одинарная пластина из ствола рога), подпрямоугольно-вытянутой форме предмета, количестве, диаметре и размещении отверстий, характерных для панцирных пластин из Ростовки, Абакано-Перевоза.

Учитывая особенность использования типологического метода в отечественной археологии, характеризующееся отсутствием всеми признанных разработок о типе предмета и его систематизации [Щапова, 2000], дадим характеристику «костяных» панцирных пластин исходя из их формы, материала, орнаментации и системы крепления.

Форма предметов представлена двумя разновидностями: подпрямоугольными и клиновидными пластинами (рис. 1)

Материаловедческий анализ органических панцирных пластин эпохи бронзы свидетельствует о том, что для их изготовления использовалось все многообразие сырьевой базы древнего косторезного производства [Бородовский, 1997]. Среди этих материалов, трубчатая кость, цельный рог, мамонтовый бивень (рис.1). Большинство панцирных пластин изготовлено не из кости, а из цельного рога. Поэтому обобщенное название их как костяных не совсем корректно. В ряде случаев (Ростовка, Синий Гай-А) атрибуция материала изделий как кость [Бродянский, 1987; 1996; Матющенко, Сеницина, 1988; Штунева, 1996] определена не верно.

Достаточно разнообразна декоративная отделка органических пластин эпохи бронзы. Она включает простые (точечный, линейный), геометрический, шахматный и комбинированный (рис.1). Орнаментальные элементы – лунки, линии, взаимопроникающие зубцы, «шахматные» планки находят многочисленные аналогии в косторезном декоре палеоазиатских народов Сибири и Дальнего Востока [Иванов, 1954]. С технологической точки зрения орнамент в виде длинных параллельных линий, прорезанный металлическим резцом очень близок к процессу получения исходных заготовок панцирных пластин при резцовом расчленении роговой ветви. Линейный и шахматных панцирных пластин из рога заполнялся черной пастой (Ростовка, Синий Гай-А, пластины из сборов Ю.Н. Есина в Минусинской котловине). Для эпохи поздней бронзы этот

* Исследования выполнены по гранту РГНФ № 06-01-00326а

“Костяные” панцирные пластины					
Ф о р м а					
Прямоугольная		Клиновидная			
					
М а т е р и а л					
Кость	Рог	Бивень мамонта			
					
О т д е л к а					
Не орнаментированные		Орнаментированные			
					
		Лунчатый	Линейный	Геометрический	Шахматный

Рис. 1 Разновидности «костяных» панцирных пластин Сибири и Дальнего Востока эпохи бронзы.

прием находит аналогии в инкрустировании резного орнамента пастой, контрастирующей с фоном поверхности керамического сосуда.

Крепление пластин эпохи бронзы осуществлялось при помощи стыковки пластин друг с другом (ламеллярный панцирь) или крепления их к основе (ламинарный панцирь). В зависимости от характера крепления и формы пластин существовали пластинчатые и чешуйчатые доспехи [Соловьев, 2003]. Характер крепления панцирных пластин влиял на величину диаметра отверстий. Малый их диаметр до 1,8 мм. был явно связан с пришиванием пластины к основе. Большой диаметр отверстий до 4 мм. предполагал соединение пластин при помощи связывания. В ряде случаев осуществлялось ярсное соединение рядов пластин [Соловьев, 2004]. При этом другой основы под пластинами, судя по этнографическим образцам [Антропова, 1957; Соловьев, 2004] (эскимосы) могло и не быть.

Определенное сходство панцирные пластины имеют с приспособлениями (бердо) для традиционного горизонтального станка. С одной стороны типологическое сходство этих различных по функциям предметов можно интерпретировать как проявление закона индустриальных случайных совпадений типологического метода В.А. Городцова. С другой стороны, связь панцирных пластин с плетением не случайна, поскольку подразумевает их сложное соединение в целое изделие при помощи целого ряда приемов: закрепления через край, оплетку, пришивание и сплетение через систему отверстий. В рамках закономерностей типологического метода В.А. Городцова, это соответствует закону индустриальных заимствований. Наряду с этим не следует забывать, что, плетеные защитные приспособления из различных органических материалов – кожи, прутьев и их комбинаций, относятся к одним из древнейшим средств защиты, появившихся в эпоху палеометалла [Соловьев, 2003]. Поэтому взаимовлияния между такими предметами вооружения и наборными панцирями исключать нельзя.

На территории Сибири и Дальнего Востока панцирные пластины, декорированные шахматным орнаментом (рис.2/3,4) локализуются в районе озерных экосистем. Чича-1 у одноименного озера в Западной Сибири, Синий Гай-А у оз. Ханка на юге Дальнего Востока. Такую особенность может объяснить существованием этих

предметов в рамках культурных традиций связанных с широким использованием плетеной продукции из приозерных растительных материалов (осоки, камыша).

В целом декорирование «костяных» панцирных пластин характерно для эпохи бронзы. Позднее, в эпоху раннего железного века этот элемент отделки теряет свою распространенность и в основном локализуется на северо-западе Сибири. Возможно, это связано с увеличением практики использования панцирей из металлических пластин и постепенным сокращением широкого применения доспехов из других органических материалов, включая плетеные, тканые, кожаные. Для эпохи бронзы так же типичны наиболее длинные «костяные» пластины, величина которых достигает нескольких десятков сантиметров (Ростовка – 25–28 см, Синий Гай-А – 19 см). В эпоху раннего железного века размер наборных пластин существенно укорачивается, что очевидно связано с требованиями большей подвижности для носителей защищенных «костяными» и металлическими доспехами.

Список литературы

Антропова А.К. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. – М.-Л., 1957. – Т. 35 – С. 99–245.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997, – 224 с.

Бродянский Д.Л. Бронзовый век Приморья (синегайская культура) // Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982. – С. С. 4–10.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 1987. –

Бродянский Д.Л. Оружие дальневосточного палеометалла // Освоение северной Пацифики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1996. – С. 77–99.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – нач. XX //ТИЭ, н.с. М., Л., 1954 – Т. 22. 839 с.

Матюшенко В.И., Сеницина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. 1988. – 133 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.А., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядько П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Вып. 2, Новосибирск, 2004. – 334 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л.: Изд-во АН СССР 1955. – Ч. 3.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2003. – 224 с.

Соловьев А.И. Утраченный образ или обретенная иллюзия? // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3 Парадоксы в археологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та. 2004. – С. 102–112.

Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: Естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М: Изд-во Московского ун-та, 2000, – 143 с.

Штунева Е.Б. Лук и панцирь Синего Гая // // Освоение северной Пацифики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1996. – С. 100–109.

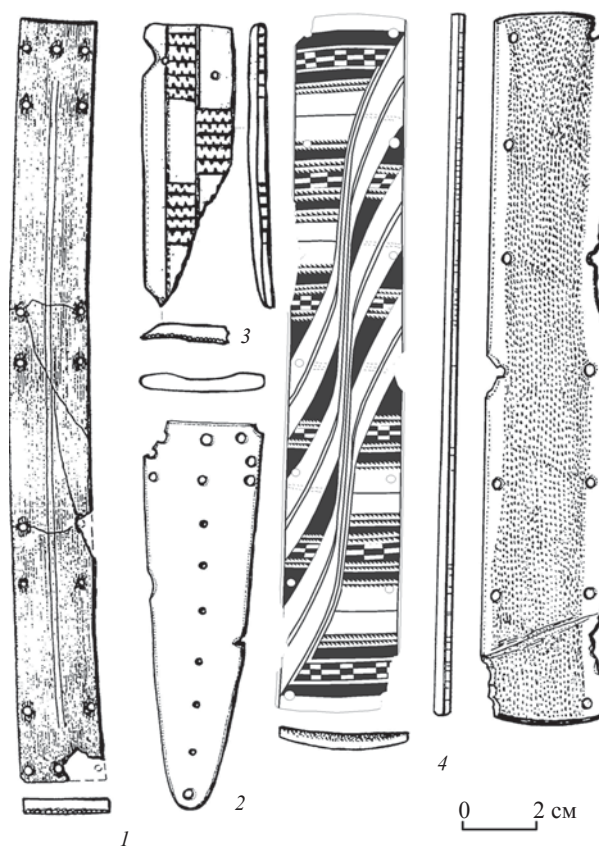

Рис. 2 Орнаментированные «костяные» панцирные пластины эпохи бронзы Сибири и Дальнего Востока

1. – Пещера Тугаринова (по Н.П. Макарову)

2. – Чича-1 (по В.И. Молодину)

3. – Сопка-2 (по В.И. Молодину)

4. – Синий Гай-А (по Д.Л. Бродянскому)

А.В. Варенов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КАРАСУКСКИЕ НОЖИ И КИНЖАЛЫ В ШАНСКОМ КИТАЕ*

Как уже давно признано специалистами, «самые точные из датированных аналогий карасукским бронзовым вещам, в первую очередь ножам, находятся в Китае; в этом направлении работа идет по линии все большего уточнения дат китайских бронз» [Членова Н.Л., 1972, С. 8]. То же самое можно сказать и применительно к кинжалам. В течение последних нескольких лет нами был предпринят целенаправленный сбор китайского материала II тыс. до н.э., связанного с «карасукскими» изделиями.

На стоянке Чжукайгоу (аймак Эцзинь Хоро, Внутренняя Монголия), в погребении М1040 встречено сочетание вещей «карасукского» и шанского облика: «карасукские» бронзовые кинжал с шипами и нож, оба с кольцевыми навершиями, а также шанский прямообушный клевец и четыре броневых бляшки. Клевцы и броневые бляхи из Чжукайгоу находят аналогии в раннешанских памятниках культуры Верхнего слоя Эрлиган, датирующихся XIV–XIII вв. до н.э. [Варенов, 2004д, С. 24–28]. «Карасукский» нож с кольцевым навершием и «кассетной» рукоятью встречен на стоянке Эрлитоу, предшествующей Эрлигану и датирующейся XV–XIV вв. до н.э.

Наиболее известный памятник эпохи бронзы в Китае – Иньское городище в районе г. Аньяна (Иньской), относящееся к эпохе Шан-Инь, или, в абсолютных датах, к XIII–XI вв. до н.э. Крупный «карасукский» нож с козлиноголовым навершием встречен в могиле Фу-хао, одной из жен иньского вана У-дина. Могила Фу-хао (M5) датируется началом II периода существования Иньского городища в Аньяне, т.е. рубежом XIII–XII вв. до н.э. [Могила Фу-хао, 1980, С. 228]. Для нее получена радиоуглеродная дата 1205±140 лет до н.э. «Карасукский» дугообразнообушковый нож с кольцевым навершием с тремя выступами встречен в погребение с концом М164 в секторе С Сяотуня в Аньяне. Погребение М164 датируется рубежом XIII–XII вв. до н.э. – первой половиной XII в. до н.э. [Варенов, 2005б, С. 251].

В погребении М539 могильника Дасыкунцунь из Аньяна обнаружено 72 единицы бронзового оружия и снаряжения. Керамика и бронзовые сосуды из погребения М539 в Дасыкунцуне датируются II периодом существования Иньского городища. II период существования Иньского городища по исправленной хронологии Аньяна соответствует 1238–1140 гг. до н.э., то есть первой половине XII в. до н.э. [Варенов, 2003, С. 292]. В погребении М539, помимо часто встречающихся в Аньяне видов оружия, найдены боевой топор и нож с кольцевым навершием с тремя выступами «карасукского» типа, редкие для Аньяна. Они были привнесены в Аньян из северных районов иньской периферии.

Целые серии «карасукских» кинжалов, ножей и боевых топоров найдены на территории Китая вне Аньяна в комплексах, которые можно надежно датировать. Характерное сочетание оружия – «карасукский» нож с кольцевым навершием с тремя выступами и боевой топор, есть в оружейных складах из Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй, из Янхэ уезда Синчэн провинции Ляонин и из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун провинции Ляонин. По уезду, где была сделана первая находка, этот тип памятников назван нами Цинлунским [Варенов, 1987, С. 39–40; 2005в, С. 162–166].

Нож с кольцевым навершием с тремя выступами, помимо памятников Цинлунского типа, бытуют в Аньяне: в так называемой «могиле слона», в погребениях М539 из Дасыкунцуня [Варенов, 2003, С. 289–293] и М164 из сектора С Сяотуня [Варенов, 2005б, С. 247–252]. Встречены они и в комплексах Хоуланьцзягоу и Эрланпо [Варенов, 2005а, С. 111–115], оба из уезда Шилоу провинции Шаньси, относящихся к иньскому време-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183

ни [Варенов, 2005г, С. 79–90] Такие ножи никогда не попадают в период Западного Чжоу. Например, нож с кольцевым навершием с тремя выступами найден на стоянке Ванхуа, что расположена в городе Фушунь провинции Ляонин [В городе Фушунь, 1981, С. 190]. Для керамики со стоянки Ванхуа в 1980 г. термолюминесцентным методом получена абсолютная дата 3090±100 лет тому назад, т.е. конец XII в. до н.э. [Ван Сюянь, 1983, С. 61].

Чаодаогуо и Янхэ датируются серединой – третьей четвертью XI в. до н.э. [Варенов, 2004а, С.66–81]. И в Чаодаогуо, и в Янхэ обнаружено по три ножа с кольцевым навершием, в том числе по одному ножу с кольцом с тремя выступами, по боевому топору с короткой трубчатой втулкой и по проушному клевцу с длинным обухом. В Чаодаогуо найден также «карасукский» нож с бубенчиковым навершием, нож с навершием в виде головы козерога и кинжал с навершием в виде бараньей головы. В Янхэ к основному набору добавлен большой бронзовый крюк.

Комплекс бронзовых изделий из Фэнцзяцунь относится к эпохе Шан-Инь, т.е. XIII–XI вв. до н.э. [Варенов, 2004в, С. 209, 210]. В состав клада из Фэнцзяцунь входили 48 бронзовых изделий. Они включали 18 «карасукских» ножей, 13 кельтов, 13 проушных клевцов с длинным обухом, 2 боевых топора и 2 изделия с тремя шипами (вероятно, подтоки к боевым топорам). Ножи из Фэнцзяцунь делятся на четыре типа. Один нож со шляпковым навершием, пять ножей с трехкнопочным кольцевым навершием, десять ножей с кольцевым навершием и два ножа с навершиями рукояти в виде кольцевого расширения миндалевидной формы.

Небольшой нож с «хвостатым» выгнутообушковым клинком и с миндалевидным отверстием в рукояти, аналогичный ножам IV типа из Фэнцзяцунь, встречен в кладе бронзовых изделий, найденном в Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района [Варенов, 2004б, С. 160–163]. В комплексе из Хуаюань присутствовали также бронзовый втульчатый листовидный наконечник стрелы и дугообразнообушковый нож с навершием в виде головки козерога, аналогичный козлиноголовому ножу, найденному в Чаодаогуо. Похож он и на нож с козлиноголовым навершием из могилы Фу-хао в Аньяне.

Комплексы с козлиноголовыми ножами обнаружены на территории Китая, помимо Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района и Чаодаогуо уезда Цинлун провинции Хэбэй, в Яньтоуцунь уезда Суйдэ провинции Шэньси [Варенов, Анисимова, 2005а, С. 115–118], в могиле Фу-хао в Аньяне, провинции Хэнань [Могила Фу-хао, 1980, С. 103], в погребении НРКМ 1311 из Хоуцзячжуана, тоже в Аньяне [Ли Ци, 1949, С. 35], на стоянке Ваньлюцзе уезда Факу провинции Ляонин [Варенов, Анисимова, 2005б, С.253-260], и в виде ряда случайных находок.

Комплексы, включающие кинжалы и ножи с бараньеголовыми навершиями, распространены в Китае не так широко. Кинжал с бараньеголовым навершием, как уже упоминалось, встречен в комплексе Чаодаогуо уезда Цинлун провинции Хэбэй. «Карасукский» нож с бараньеголовым навершием обнаружен в погребении М2 могильника Цзинцзецунь, что в уезде Линши провинции Шаньси, в ее центральной части. Погребение М2 в Цзинцзецунь датируется концом III – началом IV периодов существования Иньского городища (1094-1060/1050 гг. до н.э.), т.е. первой половиной XI в. до н.э. [Варенов, 2004г, С.216].

Список литературы

- В городе Фушунь** провинции Ляонин найден иньский бронзовый нож с кольцевым навершием // Каогу. – 1981. – № 2. – С. 190. (на кит. яз.).
- Ван Сюянь.** Памятники двух типов культур эпохи бронзы – раннего и позднего – в районе города Фушунь // Вэнью. – 1983. – № 9. – С. 58–65 (на кит. яз.).
- Варенов А.В.** Древнейшие кинжалы Китая // Известия Сибирского Отделения Академии Наук СССР. – Сер. Истории, филологии и философии. – Вып.2. – 1987. – № 10. – С. 34–41.
- Варенов А.В.** Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX. – Мат-лы Годовой сессии ИАЭ СО РАН. 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. – С. 289–293.
- Варенов А.В.** Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодаогуо и Янхэ с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып.2. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004а. – С. 66–81.
- Варенов А.В.** «Карасукские» ножи и кинжалы из Синьцзяна: основные типы, их датировка и районы распространения // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Сборник научных трудов. – Алматы; Омск: Наука, 2004б. – С. 160–163.
- Варенов А.В.** Комплекс бронзового оружия с «карасукскими» ножами из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун в Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.Х., Ч.1. – Мат-лы Годовой сессии ИАЭ СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004в. – С. 205–210.

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Цзинцзецунь в Северном Китае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004 г. – С. 209–216.

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом и кинжалом из археологического микрорайона Чжукайгоу во Внутренней Монголии // Археологическое микрорайоны Северной Евразии. – Материалы научной конференции. – Омск: ОмГУ, 2004д. – С. 24–28.

Варенов А.В. Эрланпо и Хоуланьцзягоу – комплексы шанских бронз с «карасукскими» ножами в уезде Шилоу провинции Шаньси в Северном Китае // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Сборник научных трудов. – Омск: Наука, 2005а. – С. 111–115.

Варенов А.В. Шанское погребение с конем и «карасукским» ножом на могильнике Сяотунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. – Т.ХІ. – Ч.1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. – С. 247–252.

Варенов А.В. К датировке северокитайских памятников Цинлунского типа с «карасукскими» ножами // Западная и Южная Сибирь в древности. – Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005 в. – С. 162–166.

Варенов А.В. К датировке северокитайских памятников Шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 1. – Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005 г. – С. 79–90.

Варенов А.В., Анисимова А.В. Яньтоуцунь – комплекс шанских бронз с «карасукским» ножом в уезде Суйдэ провинции Шэньси в Северном Китае // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Сборник научных трудов. – Омск: Наука, 2005а. – С. 115–118.

Варенов А.В., Анисимова А.В. «Карасукские» ножи и другие бронзы с шанской стоянки Ваньлюцзе в уезде Факу провинции Ляонин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. – Т.ХІ. – Ч.1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. – С. 253–260.

Ли Ци. О древних бронзовых изделиях, найденных в Сяотуне. – Ч.2. – Лезвийные орудия // Чжунго каогу сюэбао. – Т.4. – 1949. – С.1-69. (на кит. яз.).

Могила Фу-хао на Иньском городище [Иньсюй Фу-хао му]. – Пекин: Вэньу, 1980. – 242 с. (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

С.А. Григорьев*Институт истории и археологии УрО РАН*

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ПРОБЛЕМА АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Основной проблемой андроновской историко-культурной общности остается вопрос о соотношении алакульских и федоровских комплексов, которые одними исследователями рассматриваются в качестве параллельных образований, а другими в качестве генетически связанных. Из конкретного видения этой проблемы вытекают и подходы к культуругенезу иных культур.

На территории Южного Зауралья стратиграфические ситуации, зафиксированные на многослойных поселениях, устойчиво демонстрируют синхронность федоровского и алакульского комплекса. Вместе с тем, есть основания для утверждения о том, что алакульский комплекс появляется раньше, чем федоровский. Однако сама хронологическая позиция алакульской культуры требует переосмысления. Существующий подход к ее формированию на петровской основе через кулевчинский тип [Зданович, 1988. Виноградов, 1984] требует серьезных корректив. Алакульская культура демонстрирует больше сходства с синташтинской, чем с петровской, в связи с чем и была предложена синташтинская основа для ее формирования [Матвеев, 1998; Григорьев, 1999, 2000].

Исследования поселения Мочище в зауральской лесостепи, где в 2004 г. было вскрыто 4000 кв.м., показали следующее. Наиболее ранние слои памятника содержат постсинташтинский, петровский и алакульский материал. Они перекрыты слоями с федоровской и алакульской керамикой. Таким образом, можно утверждать, что федоровской культуре в Зауралье предшествует ранняя алакульская, но не алакульская культура в целом. На возможность хронологической близости появления федоровского населения и конца петровской культуры указывают и результаты раскопок поселения Кипель. Ранняя хронологическая позиция федоровской культуры подтверждается и материалами иных территорий (поселение Павловка).

Таким образом, в основе культуругенеза центральной части Евразии лежал многокомпонентный процесс, который и привел к появлению явления, называемого андроновская культурно-историческая общность. Этот процесс может быть описан как формирование на восточной периферии синташтинской культуры петровского комплекса, затем появлению в западной части ареала алакульских традиций, которые начинают распространяться на восток, ассимилируя родственную петровскую традицию. Однако эти процессы были осложнены встречным продвижением с востока федоровской традиции. Взаимодействие этих традиций вело к трансформации обеих и появлению классических алакульских и федоровских памятников. При таком подходе используемые в настоящее время дефиниции не вполне правомерны. Поэтому авторы, которые стоят на этой позиции [Корочкова, Стефанов, 2001; Ткачев, 2002], описывают этот процесс как продвижение на восток канайской традиции, формирование в Центральном Казахстане нуринской, а в Зауралье федоровской. Под андроновскими в этом случае следует понимать памятники Южной Сибири, или шире федоровские, нуринские, канайские и собственно андроновские, а также комплексы, формирующиеся на этой основе. Однако употребление этого термина к синташтинским, петровским, алакульским и саргаринским древностям абсолютно неприемлемо.

Дальнейший культуругенез в Зауралье вполне очевиден. Здесь формируется две культурные зоны – лесостепная и степная. В лесостепи на базе федоровской культуры формируется черкаскульская. На ряде памятников (Мочище, Ново-Бурино, У Спасского Моста и др.) получены выразительные керамические комплексы, которые можно рассматривать в качестве переходных между федоровской и черкаскульской керамикой. Эти материалы лежат в более позднем слое, чем алакульские и федоровские. Однако существует одна специфика, которая не позволяет рассматривать дальнейший культуругенез в лесостепи как простое формирование на базе черкаскульской культуры межовской. Межовский керамический тип имеет больше соответствий в по-

селенческой федоровской керамике и формируется на ее основе, как и собственно черкаскульский тип. Во многих случаях межовскую керамику трудно отчленить от поселенческой федоровской*. Поселения, содержащие черкаскульскую керамику без межовской примеси, отсутствуют. Таким образом, межовский керамический тип существует уже в рамках черкаскульской культуры. О межовской культуре мы можем говорить лишь со времени, когда исчезает собственно черкаскульский керамический тип.

Менее очевидны иные, местные компоненты, принимавшие участие в культуругенезе лесного и лесостепного Зауралья. Представляется невероятным доживание энеолитических популяций до времени формирования черкаскульской культуры. Памятники, которые можно синхронизировать с синташтинской культурой степной зоны на севере отсутствуют. Не исключено, что их выявлению будет способствовать открытие здесь мегалитических сооружений. Однако проблема эта на сегодняшний день не проработана. Остается неясным и финал межовских древностей в Зауралье. Доживание их до иткульского времени многими декларируется, но строгих оснований под собой не имеет. Кроме того, в Зауралье отсутствует металл, сопоставимый с Кардашихинским горизонтом металлообработки Северного Причерноморья. Поэтому к этому времени можно относить лишь гамаюнские памятники, но в свете возможного удревнения части гамаюнских комплексов гамаюнская проблема требует полного пересмотра.

В степной зоне культуругенез идет по совершенно иной линии. Федоровские памятники здесь отсутствуют, и мы можем говорить о развитии срубно-алакульских традиций. В случаях с отдельными погребальными комплексами мы вправе говорить о собственно срубной традиции, что наиболее выражено в северных ориентировках или меловых подсыпках. Однако расчленить надежно керамические комплексы поселений является довольно сложной задачей. Алакульские комплексы здесь во многом ближе срубным, чем алакульским лесостепной зоны. Собственно, на фоне отсутствия здесь федоровских памятников, подобная картина представляется вполне закономерной. К сожалению, сопоставление алакульских комплексов различных территорий друг с другом пока не производилось.

Очевидно, что в степи алакуль и был той базой, на которой формируется саргаринско-алексеевская культура. Однако следует помнить о том, что в это время валиковая орнаментация распространяется чрезвычайно широко. Следовательно, должен был иметь место какой-то единый процесс, который привел к ее распространению. Присутствие валиков на поселенческой федоровской керамике и распространение этой традиции на запад (сусканско-лебяжинский тип) все же не позволяет связывать валики степной финальной бронзы с этим лесостепным культурным массивом, так как в нем отсутствуют валики в верхней части плечика сосуда и валики с опускающимися вниз усами. В предшествующее время данная традиция известна в Дагестане, на памятниках каякентско-харачоевской культуры. Кроме того, для этой керамики характерна барботинная обработка тулова сосуда, что встречено на керамике городища Большой Лог под Омском и Мочище в Южном Зауралье.

Тем не менее, убедительных работ, указывающих на формирование саргаринско-алексеевских древностей на основе алакульской культуры, произведено не было. Попытки показать их связь с федоровской культурой (Г.Б. Зданович) носили декларативный характер. Последнему противоречит и стратиграфическое соотношение комплексов эпохи бронзы в Зауралье. Саргаринско-алексеевские материалы занимают везде наиболее позднюю позицию, однако на поселении Мочище зафиксировано присутствие алакульских материалов в одних слоях с саргаринскими и даже перекрывание алакульскими материалами саргаринских. Последнее указывает на то, что в течение какого-то короткого периода алакульские и саргаринские древности сосуществовали. Поэтому показать генезис культур от алакульской культуры к федоровской и далее к саргаринской не представляется возможным.

Самый финал эпохи бронзы, начиная с рубежа II/I тыс. до н.э., ознаменовался началом осязаемых импульсов из Южной Сибири и Центральной Азии, когда во многих лесостепных культурах появляются ирменские черты (сузгунская, бархатовская, курман-тау, межовская, маклашеевская). В степной зоне Зауралья, как и во многих иных районах, памятники в этот период, практически, исчезают. Лишь местами появляются комплексы, несущие те же центральноазиатские черты (донгальский тип Центрального Казахстана, нурский Нижнего Поволжья). Новое появление населения в степном Зауралье было связано с приходом новой волны центральноазиатских популяций.

Таким образом, в Южном Зауралье можно выделить две основные традиции, не связанные между собой генетически: степную и лесостепную. К степной традиции относятся синташтинские, петровские, срубные, алакульские и саргаринско-алексеевские комплексы. К лесостепной – федоровские, черкаскульские и межовские. Только к этой последней возможно корректное употребление терминов андроновский или андронидный. Определенная близость алакульской и федоровской культур (но лишь в орнаментальных стилях) обусловлена

* Эту сложность первым оценил В.С. Стоколос, но был не понят коллегами, предпочитавшими более простые схемы.

активными контактами этих популяций. При этом, обе эти традиции не имеют продолжения в комплексах раннего железного века Зауралья.

Список литературы

- Виноградов Н.Б.** Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. С. 136–153.
- Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей, 1999. – 444 с.
- Григорьев С.А.** Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. – Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – С. 241–409.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век урало-казахстанских степей (Основы периодизации). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 184 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.** О федоровских древностях Зауралья // XV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 83–84.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – 417 с.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Список сокращений

СА – Советская археология (Москва)

ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет (Тюмень)

УрГУ – Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

С.П. Грушин

*Алтайский государственный университет, Барнаул***МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НОЖИ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ***

В решении вопросов, связанных с этнокультурной интерпретацией памятников бронзового века Западной Сибири приоритет большинством исследователей отдает особенностям орнаментации керамических комплексов. Керамика, таким образом, выступает как важнейший этнокультурный индикатор. Другие виды источников, прежде всего металлические изделия, в меньшей степени задействованы в решении подобных научных задач, сохраняя большой научный потенциал для изучения древностей бронзового века западносибирского региона.

Основной целью данной работы является общая характеристика металлических ножей раннего этапа (елунинская культура) бронзового века Верхнего Приобья. Не смотря на то обстоятельство, что предметов данной категории в елунических комплексах обнаружено пока не много, а часть из них фрагментарна, что затрудняет характеристику их морфологических особенностей, тем не менее, имеющиеся данные позволяют приступить к разработке классификационной схемы. Бронзовые ножи можно разделить на три группы по особенностям оформления и крепления рукояти. Первую составляют изделия без рукояти, вторую – с черенком, третью – с цельнолитой рукоятью. Тип характеризуется особенностями оформления спинки клинка, выделяются выгнутообушковые, прямообушковые и вогнутообушковые. Вариант отражает наличие или отсутствие ребра жесткости.

Группа ножей без черенка и рукояти. Тип 1. Прямообушковый с «тавровидным» ребром жесткости. Изделие такого типа обнаружено при раскопках поселения Березовая Лука (рис. 1.-1) [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 69.-1]. **Тип 2.** Вогнутообушковый без ребра жесткости. Изделие такого типа обнаружено при раскопках могильника Телеутский Взвоз-1 (рис. 1.-9) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2004, рис. 19.-2]. Изделия 1 и 2 типов, вероятно, следует считать хозяйственными орудиями. Особенностью некоторых из них, является оформление «тавровидной» спинки клинка или ее утолщение, что рассматривается некоторыми исследователями как показательный признак характерный только для центрально-азиатских стереотипов в бронзолитейном производстве и связанный в последующем с карасукской, а еще позднее с тагарской культурами [Черных, Кузьминых, 1989, с. 249]. Важно отметить, что на настоящий момент времени елунические ножи, демонстрирующие такой технологический прием, являются самыми древними и могут рассматриваться как доказательство того, что его изобретателем являлось именно елуническое население.

Вторая группа изделий представлена череновыми ножами. Тип 3. Выгнутообушковый. К настоящему времени известен только один экземпляр из могильника Нижняя Суетка (рис. 1.-15). Изделие отлито в одностворчатой форме [Уманский, 1995, рис. 1.-3]. Данный нож близок по форме к изделиям, найденным в могильниках Елунино-1, Цыганковой Сопки-11 и др. не имеет цельнолитой рукояти может считаться переходной формой между ножами первой и третьей группы.

Третья группа изделий представлена ножами с цельнолитой рукоятью. Тип 4. Прямообушковый. Изделие такого типа происходит из могилы №1, могильника Елунино-1 (рис. 1.-14) [Кирюшин, 2002]. Лезвие практически прямое и закругляется лишь на конце. Нож отлит в двухсторонней литейной форме вместе с рукоятью [Черных, Кузьминых, 1989, с. 121]. Верхняя часть рукояти завершается скульптурным навершием в виде головы лошади. Аналогично оформленная рукоять бронзового ножа обнаружена в окрестностях с. Усть-Мута в Горном Алтае [Киреев, Кудрявцев, 1988, с. 164-166].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 05-01-01183а

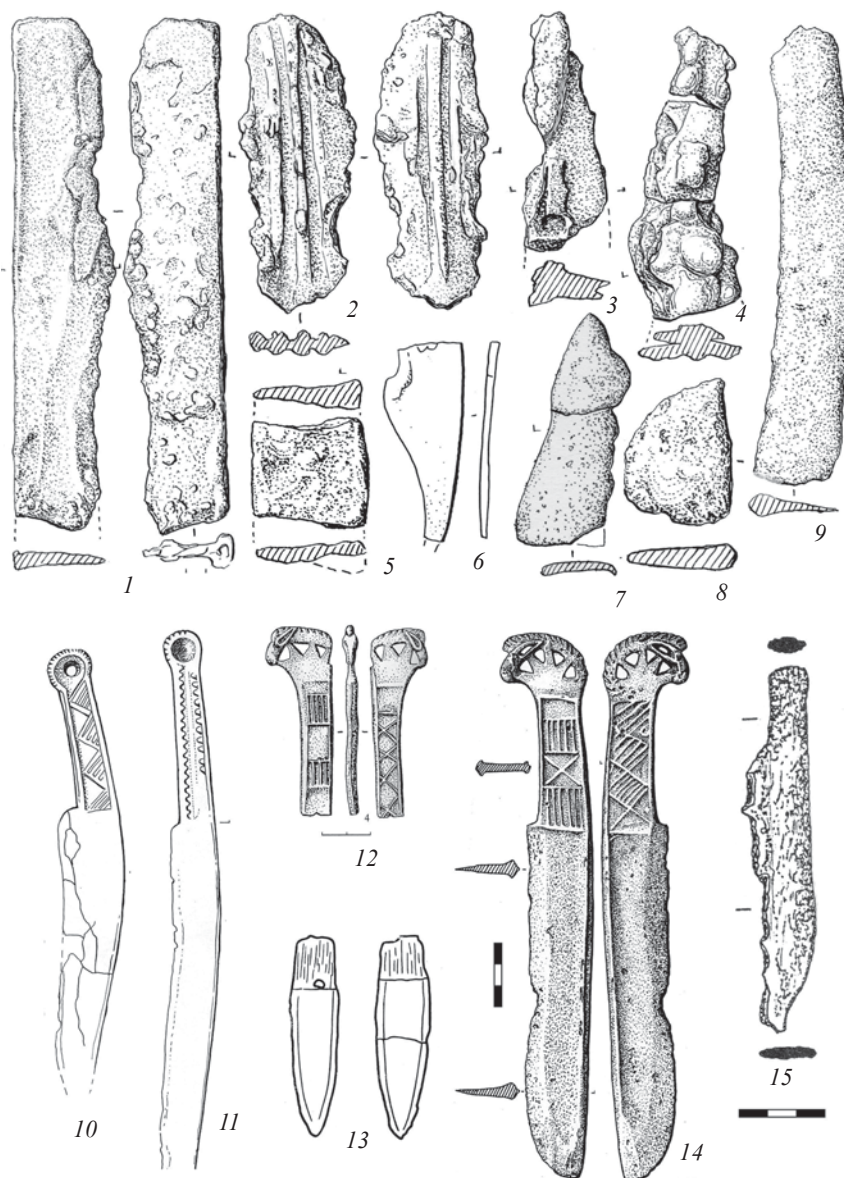

Рис. 1. Металлические ножи елунинской культуры Верхнего Приобья:
 1-5, 8 – Березовая Лука; 6, 10, 11 – Цыганкова Сопка-II; 7, 9 – Телеутский Взвоз-I; 12 – Усть-Муга; 13 – Клепиково;
 14 – Елунино-I; 15 – Нижняя Суетка
 (по Ю.Ф. Кирюшину, А.М. Малолетко, А.А. Тишкину, С.П. Грушину, А.П. Уманскому, Д.Г. Савинову).

Тип 5. Выгнутообушковый. Два бронзовых ножа с кольцевым навершием были найдены на могильнике Цыганкова Сопка-II (рис. 1.-10, 11) [Кирюшин, 2002, рис. 119.-1, 2]. Два подобных предмета происходят из могильника Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988]. Оружие такого типа известны только в восточном ареале распространения сейминско-турбинского металла и, вероятно, их появления связано именно с этим регионом. Отмеченное многими исследователями сходство ножей с кольцевым навершием из сейминско-турбинских комплексов с карасукскими ножами можно рассматривать как дальнейшее развитие данной традиции в эпоху поздней бронзы.

Выгнутообушковыые ножи известны в могильниках Сейма, Турбино, Ростовка. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых относят данную категорию инвентаря к «княжеским» боевым кинжалам, которые могли принадлежать лицам, занимавшие самый высокий социальный статус в иерархии сейминско-турбинских обществ [Черных, Кузьминых, 1989, с. 249].

В лесостепном Алтае известно два пластинчатых «ножа» (рис. 1.-13), которые происходят из разрушенных погребений у д. Клепиково [Савинов, 1975, с. 100]. Подавляющее большинство изделий такого типа про-

исходит с территории Восточной Европы. Кинжалы из Клепиково – самая восточная находка. Несомненно, что подобные типы металлических предметов связаны с Восточноевропейскими комплексами и являются привносимыми на территорию Верхнего Приобья, а связь их с елунинскими комплексами требует дополнительной аргументации.

Еще один своеобразный кинжал был обнаружен при исследовании поселения Березовая Лука (рис. 1.-2). Особенностью данного изделия является наличие на клинке трех ребер жесткости [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 69.-2]. По этому признаку данное изделие имеет сходство с ножами-кинжалами майкопской культуры. И.В. Ковтун отождествляет три ребра на кинжале с «вилчатыми» валиками на сейминско-турбинских наконечниках копий [Ковтун, 2005, табл. 4], что позволяет, по его мнению, рассматривать данное изделие как прототип вилчатых копий.

Сравнительный анализ елунинских металлических ножей с орудиями данной категории других синхронных культур позволяет говорить о его своеобразии. Среди кинжалов и ножей могильника Сопка-II, иллюстрирующим кротовскую культуру, преобладают двулезвийные изделия. По оформлению насада рукояти выделяются бесчеренковые, с коротким прямоугольным черенком, с притупленной пяткой черенка, черенковые с перекрестием и др. [Молодин, 1985, с. 61]. В материалах Сопки-II известно только три ножа с обломанными рукоятями, которые можно соотнести с елунинскими стандартами или шири с – сейминско-турбинскими. В целом, кротовский металлокомплекс связан с андроновским очагом металлообработки, а елунинский – с сейминско-турбинским [Грушин, 2001].

Различия с елунинскими демонстрируют и ножи из окуневских комплексов Минусинской котловины, среди которых преобладают также двулезвийные изделия [Ковалев, 1997, табл. XI.-10, 28]. Сравнивая елунинские ножи с изделиями из сейминско-турбинских комплексов Северной Евразии, можно отметить их особенность – они не вписываются в типы ножей евразийского компонента производства, для которых характерны двулезвийные ножи и кинжалы.

Таким образом, типы елунинских ножей демонстрируют своеобразие среди синхронных комплексов юга Западной Сибири и сопредельных территорий, что позволяет говорить о своеобразии елунинского очага металлургии. Сделанные выводы необходимо проверить на других категориях металлических предметов елунинской культуры, выявить общее, единичное и особенное в елунинском металлокомплексе.

Список литературы

- Грушин С.П.** Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Материалы ХLI РАЭСК. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 217–220.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И.** Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 164–166.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 333 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.
- Ковтун И.В.** Проблема соотношения елунинских и сейминско-турбинских бронз // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – №3(47). – С. 126–131.
- Ковалев А.А.** Могильник Верхний Аскиз 1, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: «Петро-РИФ», 1997. – С. 80–112.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В.** Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 136 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 126 с.
- Савинов Д.Г.** Осинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. С. – 94–100.
- Уманский А.П.** Находка 1961 г. из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 51–55.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Ю.А. Емельянова

Иркутский государственный технический университет, Иркутск

КЕРАМИКА СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА И ЕЕ МЕСТО В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИБАЙКАЛЬЯ

На территории северо-западного побережья оз. Байкал к настоящему времени известно 5 стоянок (Лысая Сопка I, Северобайкальск I, Богучанское XIII, Байкальское VI и Байкальское III) (рис. 1), где в наборе археологического материала была встречена керамика северобайкальского типа. Обилие и своеобразие керамического материала становится определяющим элементом в принадлежности памятника к той или иной культуре. Керамика, впоследствии отнесенная Т.А. Абдуловым и Н.П. Пилипчук к северобайкальской культуре, впервые была обнаружена В.В. Свининым в 1963 г. на стоянке Лысая Сопка (Абдулов, Пилипчук, 1982).

Отличительным признаком керамики отнесенной к северобайкальскому типу является орнамент. Поэтому в основу классификации положена композиция орнамента. Под орнаментом понимается совокупность мотивов, специально нанесенных на поверхность сосуда и следующих определенной композиции. Среди способов нанесения орнамента выделяются: продавливание, прочерчивание и налеп. Продавленный орнамент получается путем давления на внешнюю поверхность сосуда предметом, в результате чего на ней остается негативный отпечаток. Таковыми предметами является штамп и лопаточка. Среди штампов отмечены дисковидные, прямоугольные, овальные, треугольные и ромбовидные формы. Лопаточки, применяющиеся для украшения сосудов, по контуру края разделяются на прямоугольные, остроугольные, Σ -образные и овальные. Прочерченный орнамент получался в результате проведения по поверхности сосуда острым предметом. Налепной орнамент выполнялся путем накладывания на поверхность сосуда, не деформируя ее, треугольных валиков или фигур из глины в виде кольца. Валики, располагавшиеся горизонтальными рядами были рассечены наклонными вдавлениями торцевой частью лопаточки.

По форме, сосуды северобайкальского типа круглодонные с прямым венчиком (рис.2-5). Наиболее устойчивым признаком сосудов является строгое распределение зональности мотивов орнаментации. Внешняя боковая часть венчика украшалась горизонтальным рядом насечек. Ниже следуют от трех до пяти рядов горизонтальных рассеченных валиков расположенных друг над другом. Продолжают композицию горизонтальные ряды вдавлений расположенные в следующем порядке: оттиски отступающей лопаточки, затем оттиски штампа различных геометрических фигур.

Дальнейшие исследования и новые сведения, полученные в результате спасательных работ в 1979 г. позволили исследователям Т.А. Абдулову и Н.П. Пилипчук прийти к выводу, что украшение сосудов геометрическим орнаментом и строгая последовательность распределения мотивов по зонам сближают эту керамику с керамикой андроновской культуры на Енисее и позволяют датировать инвентарный комплекс с керамикой северобайкальского типа II тыс. до н.э. (Абдулов, Пилипчук, 1982). С этими же выводами соглашается О.И. Горюнова, предлагая датировать керамику северобайкальского типа второй половиной II тыс. до н.э., на что по ее мнению, указывает значительное распространение валиковых украшений, оформленных скобчатыми насечками, на керамике ранних стоянок доронинского этапа бронзового века Забайкалья, датируемого второй половиной II – началом I тыс. до н.э. (Горюнова, Лыхин, 1985).

По углю из слоя с керамикой северобайкальского типа на городище Байкальское III были получены радиоуглеродные даты – 3020±40 л.н. (ГИН-7062).

Ареал распространения керамики северобайкальского типа не ограничивается только территорией северо-западного побережья Байкала. На поселении Посольск была обнаружена подобная керамика (сборы Е.А. Хамзиной). На стоянке Шаманский мыс II, расположенной на мысе Бурхан (о. Ольхон) найдена однотипная керамика. По форме сосуды широкогорлые большого размера. У большинства горшков так же выра-

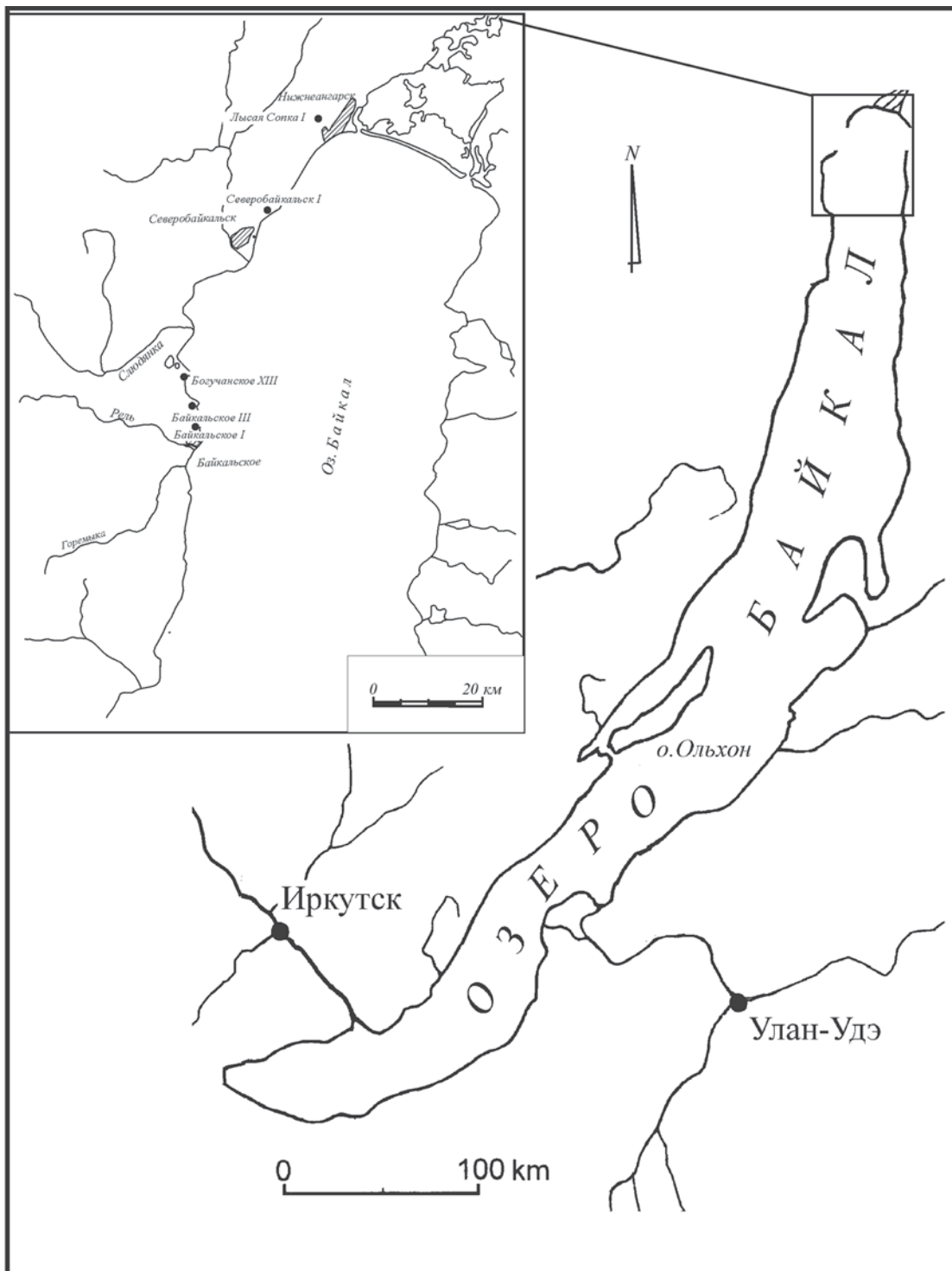

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников

жена зональность орнаментации. По шейки, они украшены горизонтальными рядами треугольных наlepных рассеченных валиков. Помимо валиков сосуды украшены разнообразными штамповыми вдавлениями в виде круглых углублений с радиальным членением внутри и парных ромбов с поперечными вертикальными углублениями внутри, а так же отпечатками гладкого или зубчатого штампа в виде «ласточкиного хвоста». Исследователи относят стоянку Шаманский мыс II к неолиту – позднему железному веку (V тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) (Качалова, Мандельштам, 1992).

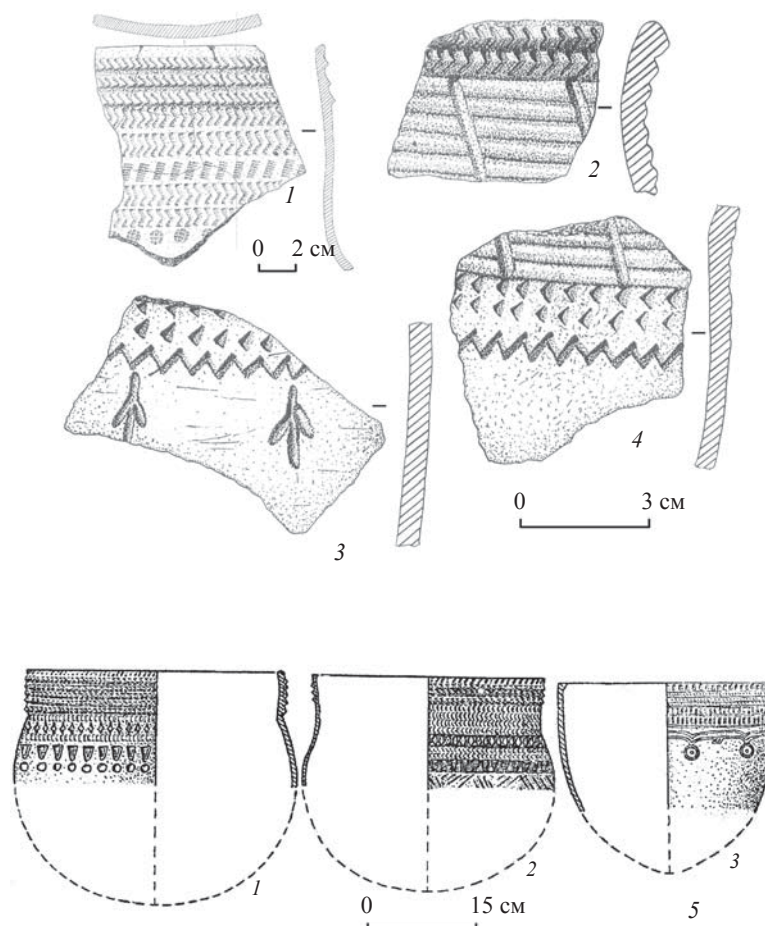

Рис. 2. Керамика северобайкальского типа.

На западном побережье Чивыркуйского залива (восточный берег Байкала) на стоянке Окунева IV во втором культурном горизонте так же обнаружена схожая керамика. Боковая поверхность сосуда украшена наклонными прочерченными линиями. Ниже – три налепных валика, оформленных «скобчатыми» насечками. По тулову – горизонтальные ряды, выполненные овальной «отступающей» лопаточкой. Авторы раскопок относят данную керамику к бронзовому веку, и предлагают датировать ее II тыс. до н.э. (Горюнова, Лыхин, 1985).

Сравнивая керамику северобайкальского типа с керамикой раннего бронзового века Прибайкалья мы остановились на материалах полученных со стояночных комплексов. Так в IV нижнем и IV верхнем культурных горизонтах многослойного поселения Тышкинэ II отнесенных исследователями к эпохе ранней бронзы (II тыс. до н.э.) в составе археологического материала встречена глиняная посуда (Горюнова, Ярославцева, 1982). Преимущественно керамика гладкостенная, но так же отмечены в небольшом количестве фрагменты штриховой керамики. Сосуды простой закрытой формы с округлым дном. Верхняя поверхность венчика украшалась «отступающей лопаточкой». Тулово украшено горизонтальными рядами «отступающей лопаточкой». Встречены сосуды орнаментированные сочетанием горизонтальных и наклонно-вертикальных линий. Аналогичные по форме сосуды украшены пояском «жемчужин» и горизонтальными рядами штамповых вдавлений. Керамика орнаментированная «жемчужинами» и «отступающей лопаточкой» с «воротничками» является характерной для керамики раннего бронзового века и находит широкие аналогии в ряде памятников Прибайкалья и, в частности, I слой Улан-Хады (Хлобыстин, 1964), II слой Горелого Леса (Савельев и др., 1974), I слой Плотбища (Савельев, Горюнова, 1971). Наличие на сосудах «воротничков» позволило определить временные рамки данной керамики периодом XIV–XI вв. до н.э.

Подводя итог нужно еще раз отметить оригинальность и своеобразие орнамента с керамических комплексов Байкальское III, Северобайкальск I, Лысяя Сопка I, Богучанское XIII и Байкальское VI северо-западного побережья Байкала, сильно разнящийся с орнаментом керамики раннебронзовых комплексов Прибайкалья.

Небольшое количество памятников, на которых встречается данный тип керамики, позволяет говорить об ограниченной территории ее применения в древности. Широкие комплексные исследования этой территории позволят в дальнейшем создать локальную культурно-хронологическую схему данной культуры.

Список литературы

Абдулов Т.А., Пилипчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 55–71.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 130–147.

Горюнова О.И., Ярославцева Л.Г. Тышкинэ II – многослойное острова Ольхон (озеро Байкал) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 37–55.

Качалова Н.К., Мандельштам А.М. Поселения и могильника на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон) // Древности Байкала. – Иркутск, 1992. – С. 73–77.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый лес. // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, Вып.1, С. 160–199.

Савельев Н.А., Горюнова О.И. Сосуд с антропоморфным изображением со стоянки Плотбище // Известия ВСОГО. Иркутск, 1971, Т.68, С. 202–204.

Хобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б.Э. Петри). КСИА, М., 1964, Вып. 97, С. 25–32.

В.Н. Жаронкин*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В МЕЖГОРНЫХ КОТЛОВИНАХ И ПРОБЛЕМА «ДОЖИВАЮЩИХ» КУЛЬТУР

Проблема специфики культурогенетических процессов в межгорных котловинах неоднократно поднималась различными исследователями. Микроклимат межгорных котловин обеспечивает неравномерность культурно-исторического развития этих территорий по сравнению с соседними регионами. Следствием этой неравномерности, при отсутствии значительных импульсов извне, чаще всего выступает процесс консервации археологической культуры и ее более длительного существования («доживания») относительно других ареалов.

Природно-климатические условия Кузнецкой котловины середины II – начала I тыс. до н.э. во многом соответствовали современным. Климат степной и лесостепной зон котловины отличается большей мягкостью по сравнению с аналогичными территориями Западно-Сибирской равнины [Климат ..., 1986]. Горы Салаирского кряжа на западе и юго-западе и Кузнецкого Алатау на востоке и северо-востоке обеспечивают защиту от господствующих ветров, одновременно конденсируя на своих северных и северо-западных склонах максимальное количество осадков. В связи с этим в западной части котловины (бассейн среднего течения р. Иня) сформировался особый участок ковыльных степей, характеризующийся аридизацией климата и незначительным осадконакоплением. Для него характерны более высокие среднегодовые температуры, небольшое количество осадков в теплый период года (до 300 мм) и низкий снежный покров (до 20 см) в сравнении с другими участками котловины и соседними территориями.

Начавшийся с наступлением суббореального периода в лесостепной и степной зонах Западной Сибири процесс болотообразования [Тенденции ..., 1988], значительно усиливается в тепло-влажную климатическую фазу конца II тыс. до н.э. Современные исследования циклических климатических колебаний на территории Западной Сибири позволили выделить несколько климатических районов с однотипным ходом температуры и осадков. В один из таких районов объединяются юг Томской области, Кемеровская область и восточная часть Алтайского края. При тепло-влажной климатической фазе происходит понижение среднегодовой температуры относительно тепло-сухой фазы и увеличение количества осадков в весенне-осенний период и высоты снежного покрова [Шполянская, 1975, 1988]. Это приводит к заболачиванию речных пойм, интенсивно использовавшихся скотоводами и земледельцами.

Климат межгорных котловин менее подвержен климатическим колебаниям в связи с особенностями микроциркуляции атмосферы, созданием зоны «дождевой тени» с наветренной стороны гор и т.д. В связи с этим наименее подверженной процессам увлажнения оказалась западная часть Кузнецкой котловины, где сложились наиболее благоприятные условия для занятия земледелием и скотоводством в сравнении с соседними территориями Алтайского края и Новосибирского Приобья.

Во второй половине II тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э. степная зона на западе Кузнецкой котловины являлась самой освоенной в хозяйственном отношении. Именно здесь расположено большинство памятников андроновской и ирменской культур и постандроновского времени, известных на территории Кузнецкой котловины.

Для скотоводческих племен андроновской культуры территория среднего течения р. Иня оказалась наиболее благоприятной для интенсивного ведения хозяйства. Относительная изолированность от основных миграционных путей способствовала довольно длительному сохранению андроновской культуры практически в неизменном виде. Для андроновского комплекса могильника Танай 12 предложена дата конец II – рубеж II–I тыс. до н.э. [Ковтун, Горяев, 2001]. Это не противоречит датировке отдельных андроновских комплексов из более западных районов [Орлова, 1990], где, вероятно, также складывались условия изоляции. В этом случае андроновская культура непосредственно предшествовала ирменской и на каком-то хронологическом отрезке

сосуществовала с населением постандроновского (для всех остальных территорий) времени. Постандроновские погребения могильника Танай 12 также датируются концом II – началом I тыс. до н.э. [Бобров, Горяев, 2000], при этом, за редким исключением, наблюдается локализация андроновских и постандроновских погребений в разных частях могильника.

Длительное существование андроновской культуры на территории Кузнецкой котловины может свидетельствовать о непосредственном участии ее населения в формировании ирменской культуры. Так как погребальный обряд является наиболее консервативной формой материальной и духовной культуры, то в пользу этого предположения может говорить наличие в ирменском могильнике Танай 7 курганов, сакральное пространство которых ограничено каменными оградами, ровиками, ямами [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004]. Аналогии этому обычаю есть в андроновском комплексе расположенного рядом могильника Танай 12. Кроме того, погребальный обряд ранних ирменских могильников Танай 7, Журавлево 4, Титово имеет много общих черт с погребальным обрядом ирменской культуры.

Вполне возможно, что вторым компонентом в формировании ирменской культуры было местное постандроновское население. Можно утверждать о сосуществовании на территории Кузнецкой котловины культуры постандроновского времени и ирменской. В ирменском сооружении на поселении Танай 4а в предгорьях Салаирского кряжа зафиксированы случаи, когда корчажнинская керамика использовалась в качестве бута в столбовых ямах. Так же в некоторых хозяйственных ямах могли находиться одновременно фрагменты ирменских и корчажнинских сосудов. Процесс обратного влияния хорошо заметен по материалам корчажнинского поселения Танай 4 в предгорьях Салаирского кряжа. Известна небольшая серия сосудов, с типично ирменской формой и орнаментальной композицией, выполненной гребенчатым штампом. Встречены случаи использования на тулове сосудов заштрихованных равнобедренных треугольников с углами, отмеченными наколами – типично ирменский мотив. Кроме того, возможно проживание племен постандроновского времени и населения ирменской культуры на территории одного поселения. Так, по материалам памятника Калтышино 5 (Промышленновский район Кемеровской области) четко прослеживается планиграфическая локализация ирменской керамики в северной части поселения и постандроновской – в южной.

Выводы, сделанные по археологическим материалам, не противоречат данным антропологии. Отмечавшаяся европеоидность черепов андроновского населения характерна для могильников остепненных районов по притокам Оби. Сюда относится и бассейн среднего течения р. Иня [Дремов, 1997]. Попадая на эту территорию во время миграции на восток, андроновские племена надолго оседают и сохраняются в относительной изоляции. Большинство признаков индивидуальных данных измерений мужских черепов носителей андроновской культуры из могильника Танай 12 [Чикишева, Поздняков, 2003] не отличаются от признаков средних размеров мужских черепов андроновской культуры из северной лесостепи [Дремов, 1997], куда включены памятники Кузнецкой котловины, более чем на величину стандартного отклонения. Сделанный в последнее время вывод о неоднородности краниологической серии андроновской культуры Кузнецкой котловины [Чикишева, Поздняков, 2003] требует корректировки, так как в приведенных таблицах измерений черепов могильника Танай 12 присутствуют материалы из раннебронзовой и постандроновской серий. Кроме того, могила 1 с поселения Танай 4а предположительно относится к эпохе неолита. Таким образом, из 13 мужских и 13 женских черепов из Кузнецкой котловины только 9 и 11 соответственно принадлежат носителям андроновской культуры. Не исключена возможность того, что население, оставившее могильник Танай 12, относилось ко второй миграционной волне андроновской культуры на восток, давшей происхождение карасукской культуре и обеспечившей сходство культур карасукского круга [Громов, 1995].

Население ирменской культуры по антропологическим данным также имеет в своей основе местный верхнеобский андроновский компонент с монголоидной примесью, ослабевающей с севера на юг [Дремов, 1997]. Это может свидетельствовать о проникновении на территорию лесостепей носителей постандроновской культурной традиции, вступивших в контакты с сохранившимися андроновскими племенами.

Таким образом, межгорные котловины с их изолированностью и специфическим микроклиматом могли являться экологической нишей, обусловившей более длительное существование археологических культур в сравнении с остальным их ареалом и обеспечивавшей нелинейное развитие культурно-генетических процессов.

Список литературы

Бобров В.В., Горяев В.С. Танай 12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 226–230.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 4–34.

Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и происхождение карасукской культуры // Антропология сегодня. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1995. – С. 130–150.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 260 с.

Климат и горные леса Южной Сибири / Поликарпов Н.П., Чебакова Н.М., Назимова Д.И. – Новосибирск: Наука, 1986. – 225 с.

Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай 12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 53–63.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы. Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. – Новосибирск: Наука, 1990. – 125 с.

Тенденции развития болотообразовательного процесса / Лисс О.Л., Трофимов В.Т., Кашперюк П.И., Кудряшов В.Г. // Прогноз изменения природных условий Западной Сибири. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 5–20.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население Западно-Сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

Шполянская Н.А. Прогноз развития вечной мерзлоты Западной Сибири в связи с вековыми колебаниями климата // Природные условия Западной Сибири. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – Вып. 5. – С. 174–204.

Шполянская Н.А. Тенденции изменения при реализации «холодных» моделей климата // Прогноз изменения природных условий Западной Сибири. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 62–74.

В.А. Зах, О.Ю. Зимина*ИПОС СО РАН, Тюмень*

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ*

Термином переходный период принято обозначать временной отрезок, в пределах которого протекают особые культурные процессы, вызывающие или отражающие смену отдельных археологических культур или целых эпох [Манзура, 1982, с. 82]. В качестве основного признака, обуславливающего культурную специфику образований переходного периода, чаще всего выделяют сохранение пережиточных элементов предшествующей эпохи при значительном увеличении объема новых, ранее неизвестных черт.

Переход от бронзового века к железному в Западной Сибири был сложным, многоплановым и относительно продолжительным процессом, который следует рассматривать как особый исторический период [Косарев, 1981, с. 189 и др.]. В начале I тыс. до н.э. в степной зоне Евразии произошел переход к кочевому скотоводству и освоению железа, но эти изменения практически не коснулись лесостепной и лесной полосы [Троицкая, 1981, с. 9]. Тем не менее, период с VIII–VII по IV–III в. до н.э. в западно-сибирской тайге характеризуется ломкой культурных стереотипов, распадом культурных образований эпохи бронзы, что находит отражение в изменении формы и орнаментации посуды, скачке в развитии цветной металлообработки, распространении городищ. Если с технологической точки зрения 2–3-я четверти I тыс. до н.э. должны были бы рассматриваться в рамках бронзового века (изделия из железа не встречаются), то фактически этот период является переходным к железному веку [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 34].

Развитие культурно-исторической ситуации на рубеже бронзового – раннего железного веков во многом было стимулировано начавшимися в конце эпохи бронзы изменениями природной обстановки, связанными с похолоданием и увеличением влажности, с которыми совпадает появление в Западной Сибири своеобразных комплексов с посудой, орнаментированной крестовым либо мелкоструйчатым штампом.

Появление крестовых комплексов на Оби, Иртыше, Ишиме связывалось с миграциями атлымского населения [Васильев, 1982, с. 13; Шамшин, 1989, с. 124], повлекшими значительный этнокультурный сдвиг в лесостепь [Косарев, 1984, с. 42] и сложение гамаюнско-молчановской общности [Косарев, 1981, с. 181]. С точки зрения В.А. Борзунова и А.Я. Труфанова, на рубеже бронзового и железного веков значительного этнокультурного сдвига не было, небольшие группы таежного населения переселялись вдоль водных артерий – по Оби и ее притокам, реже по междуречьям, постоянно осваивая лишь Зауралье (гамаюнская культура насчитывает наибольшее число памятников, с учетом гамаюно-иткульских) Нижнего Притоболья [Борзунов, 1987, с. 23–25; Труфанов, 1994, с. 84–87]. В пределах восточной части ареала гамаюно-молчановской общности (Барнаульско-Бийское и Новосибирское Приобье, Бараба) фиксируются лишь эпизодические проникновения отдельных групп носителей посуды с крестово-струйчатой орнаментацией [Молодин, 1985, с. 175; Шамшин, 1989, с. 123–124; Троицкая, Назарова, 2001, с. 304].

Датировки культур, характеризующихся комплексами посуды с крестовой орнаментацией, различны. Большереченский этап большереченской культуры (по М.П. Грязнову, Т.Н. Троицкой, А.П. Бородовскому, В.И. Молодину, Ю.П. Алехину), или большереченскую культуру (по В.А. Могильникову, А.Б. Шамшину), относят ко второй половине VIII–VI вв. до н.э. [Шамшин, 1989, с. 121–123], гамаюнскую культуру – к X–IV вв. до н.э., в Среднем и Южном Зауралье – к IX–IV вв. до н.э. [Борзунов, 1992, с. 130], молчановскую – к IX–VII или VIII–VII вв. до н.э. [Косарев, 1987, с. 302], красноозерскую – к IX (концу IX)–VII вв. до н.э. [Абрамова, Стефа-

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

нов, 1985, с. 123], завьяловскую – к VII–VI вв. до н.э. [Троицкая, 1981, с. 9–12]), позднеирменскую – к концу VIII–началу VII в. до н.э. [Молодин, 1985, с. 174–175], атлымскую – к XII–VIII вв. до н.э. [Васильев, 1982, с. 12]. Для территории Западной Сибири трудно установить единые хронологические рамки переходного периода в силу различия уровней социально-экономического развития культурных образований, конкретных экологических и исторических условий. Его нижний и верхний пределы фиксируют соответственно начало трансформации культур поздней бронзы и завершение формирования культур раннего железного века с появлением серий изделий из железа [Труфанов, 1990а, с. 6–7].

Несмотря на территориальную близость к восточным склонам Урала, в Нижнем Притоболье известны лишь отдельные поселения переходного времени с небольшим количеством керамики с крестовой орнаментацией (Андреевские 5 и 7 городища и др. [Борзунов, 1992, с. 160–161, рис. 1]), единичные фрагменты гамаюнской посуды происходят с памятников эпохи поздней бронзы (Красногорское городище, поселения Заводоуковское 9, Черемуховый Куст и др.). Это обстоятельство позволило предположить, что гамаюнцы не сыграли значительной роли в формировании культуры раннего железного века в Притоболье, а комплексы бархатовского типа заключительно-го этапа бронзового века непосредственно сменяются комплексами баитовской культуры [Матвеева 1989, с. 98]. Однако изучение нового, представительного круга памятников в Притоболье, отнесенных нами к уже известной иткульской культуре, но имеющих локальные особенности (восточный локальный вариант иткульской культуры) [Зах, Зимица, 2004], показало, что в конце позднего бронзового века население подтаежной и отчасти лесостепной зоны Притоболья несомненно испытало воздействие культур таежного облика.

Традиционно иткульская культура рассматривается в рамках раннего железного века и датируется VII–II вв. до н.э. В настоящее время достаточно хорошо исследован феномен иткульского очага металлургии, функционировавшего на базе одноименной культуры [Бельтикова, 2005]. Меньше внимания уделялось изучению других аспектов иткульской культуры, в частности ее происхождения и керамики.

Присутствие на памятниках Нижнего Притоболья только иткульской керамики II типа и отсутствие посуды I типа явилось одним из оснований для выделения восточного локального варианта. В Притоболье керамика II типа встречена на поселениях (сейчас их известно около 25) с замкнутой кольцевой планировкой, обязательно ограниченных невысоким валом и рвом, с единым для ранних этапов принципом расположения построек – по периметру укреплений. Характерная особенность восточного варианта иткульской культуры – городища из двух смыкающихся или отстоящих друг от друга на незначительном расстоянии площадок. Кроме того, довольно характерным признаком для памятников восточного варианта является тип каркасно-столбовой постройки наземного типа без котлована. Вместе с тем иткульской посуде II типа на памятниках Нижнего Притоболья сопутствует керамика карагай-аульского и вак-куровского типов. По облику она близка баитовской, но более тонкостенная, а отдельные элементы орнаментации (узоры, выполненные волнистым штампом, линии из горизонтальных оттисков гребенки на шейке, ряды сдвоенных неглубоких вдавлений, взаимопроникающие фигуры), правда, уже в значительно переработанном виде, отражают иткульскую и, возможно, более раннюю гамаюнскую традиции.

Происхождение восточного варианта иткульской культуры мы связываем с синтезом бархатовской и гамаюнской культур. Подтверждением подобного взаимодействия служат материалы городища Усть-Утяк 1 в Курганском Притоболье [Кайдалов, Сечко, 2004], в комплексе которого имеются сосуды со смешанными бархатовско-гамаюнскими чертами. Доминирование признаков гамаюнской культуры имело место на раннем, иткульском этапе развития восточного варианта иткульской культуры (некоторые элементы орнаментации иткульской посуды II типа, постройки наземного типа, городища с кольцевой планировкой). На последующих, карагай-аульском и вак-куровском этапах, видимо, происходит высвобождение позднебронзовой основы – при сохранении сооружений наземного типа и городищ с кольцевой планировкой, в облике керамики прослеживаются элементы, восходящие к бархатовской керамической традиции: гладкий штамп, высокий удельный вес «жемчужин» – до 80 %, елочные узоры, вертикальные и горизонтальные зигзаги, скобочки.

В результате изучения опорных однослойных памятников восточного варианта иткульской культуры – городищ Карагай Аул 4, Карагай Аул 1, Вак-Кур 2), расположенных у слияния рек Тобол и Тап (Юртоборовский археологический микрорайон) [Зах, 1995], прослежена его динамика, выделены три этапа развития: иткульский, карагай-аульский и вак-куровский, на основе серии радиоуглеродных дат определена его хронология. На VIII – VII вв. до н.э. указывают даты Карагай Аул 4 (2630±30; 2625±75; 2595±30 л.н.) и Карагай Аул 1 (2695±75; 2635±35; 2625±65 л.н.)*, на VI в. до н.э. – даты Вак-Кур 2 (2510±80; 2505±60; 2460±65; 2575±40; 2420±75;

* Калиброванные значения дают значительный диапазон. Кроме того, были получены и более ранние даты (Карагай Аул 4 – 2785 ± 25 л. н., 2750 ± 45 л. н.; Карагай Аул 1/А – 2840 ± 30 л. н.; Карагай Аул 1/Б – 2830 ± 25 л.н., 2745 ± 30 л.н.; Вак-Кур 2/Б – 2770 ± 75 л.н.), которые пока не укладываются в общую хронологию бархатовской, гамаюнской и иткульской культуры.

2415±30 л.н.) и некоторые предметы инвентаря (бронзовый наконечник стрелы и глиняные жертвенники: один на ножках, другой в виде овального блюда, – сходные по форме с каменными образцами сарматской, сакской, саргатской культуры и глиняными – саргатской).

Таким образом, переходный период от бронзы к железу в Нижнем Приоболье, датируемый IX–VI в. до н.э., характеризуется памятниками типа поселения Усть-Утяк 1 и восточного варианта иткульской культуры – слабоукрепленными городищами с кольцевой планировкой и постройками наземного типа, керамикой иткульско-го II, карагай-аульского и вак-куровского типов с высокой долей гребенчатых штампов, небольшим процентом волнистых и отсутствием крестовых орнаментов. Материалы поселения Усть-Утяк 1 отражают начало переходного периода, восточного варианта иткульской культуры – дальнейшее развитие. Интенсивность и аритмичность культурных процессов, предрасположенность к восприятию внешних импульсов, свойственные переходным периодам [Манзура, 1982, с. 84–86], нашли отражение и в развитии культуры в Нижнем Приоболье. В короткий период (не более трех-четырех веков) на этой территории можно проследить развитие иткульского культурного стереотипа, его постепенную трансформацию и замену баитовским.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.** Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.
- Бельтикова Г.В.** Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 162–186.
- Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 188 с.
- Борзунов В.А.** Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграция в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 23–27.
- Васильев Е.А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. – С. 3–14.
- Зах В.А.** Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Приоболье // Третьи исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. – С. 113–117.
- Зах В.А., Зимица О.Ю.** Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПСО СО РАН, 2004. – Вып. 4. – С. 103–106.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А.** Комплекс поздней бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк 1 (по материалам исследований 2002 – 2003 г.) // Этнические взаимодействия на южном Урале: Мат. II регион. науч.-практ. конф. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004. – С. 73–76.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 244 с.
- Косарев М.Ф.** Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 289–304.
- Манзура И.В.** О понятии «переходный период» // Археологические культуры и культурная трансформация. – Ленинград: ЛОИА АН СССР, 1991. – С. 82–87.
- Матвеева Н.П.** Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. – С. 77–102.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Троицкая Т.Н.** Лесостепное Приобье в раннем железном веке.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 38 с.
- Троицкая Т.Н.** Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1985. – С. 54–69.
- Троицкая Т.Н., Назарова О.Е.** Некоторые аспекты происхождения большереченской культурной общности // Про странство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 303–305.
- Труфанов А.Я.** Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – АКА УрГУ. Ф. III, д. 318.
- Труфанов А.Я.** О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 84–87.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2002. – С. 5–74.
- Шамшин А.Б.** Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в барнаульском Приобье (VIII – VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. – С.116–129.

А.В. Зубова*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск***ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ***

Процессы смены археологических культур и изменения их характеристик (орнаментации керамики, или физического типа населения, например) объясняются как внешними причинами – изменениями климата и т.п., так и внутренними – изменениями в демографической структуре групп населения. Причины такого рода, связанные с особенностями биологического воспроизводства палеопопуляций, на археологических материалах увидеть практически невозможно, но нельзя отвергать их наличие, особенно в тех случаях, когда этнокультурные трансформации происходят не насильственным путем, а путем мирной ассимиляции одного населения другим. Для их выявления необходимо привлекать данные антропологии, которые открывают здесь более широкие перспективы. Они позволяют оценить уровни рождаемости и смертности в группах, а также общий характер демографической обстановки.

Теоретически, каждая биологическая популяция стремится достичь стабильного уровня – т.е. уровня, при котором рождаемость и смертность будут полностью компенсировать друг друга, оставляя численность населения неизменной и [Chamberlen, 2002]. На практике же достичь такого состояния практически невозможно, в силу того, что помимо биологических и географических факторов в дело вступают факторы иного характера, как например некоторое отставание способности группы к миграции от полноты имеющихся ресурсов. Т.е. группа начинает перемещаться не сразу после того, как уровень урожайности начал снижаться, а как только он становится полностью несовместимым с минимальным прожиточным уровнем. Соответственно, численность популяции начинала падать, и процесс достижения стабильного состояния приходилось начинать сначала. По истощении ресурсов, включался механизм естественного сокращения численности коллектива за счет понижения рождаемости, что в сочетании с достигнутой более высокой длительностью жизни приводит ко все более и более высокой нагрузке на трудоспособных членов коллектива и постепенному уменьшению их числа. Соответственно уменьшается количество лиц, потенциально способных к использованию новых ресурсов, и это приводит к тому, что в данном ареале через некоторое время либо появляются новые коллективы, вытесненные из групп, испытывающих демографическую напряженность, либо в составе прежних популяций появляются представители иных групп, часто отличающиеся по антропологическому типу.

Естественно, что для построения демографической схемы, характеризующей все параметры, необходимые для изменения культурного фона, требуется очень большой объем демографических исследований, который на данный момент невозможен, в силу небольшого числа могильников, представляющих собой репрезентативные источники демографических данных. Но получение сведений о демографических процессах в отдельных группах рано или поздно приведет к достижению этой цели.

Нами было сопоставлено три могильника, относящихся к ирменской культуре Кузнецкой котловины. К ним относятся следующие памятники: Журавлево-4 (155 погребенных, антропологический материал исследован Т.А. Чикишевой) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993]; Заречное-1 (53 погребенных, исследован В.А. Дремовым) [Зах, 1997]; Танай-7 (64 погребенных, исследован автором). Все три этих могильника относятся к инскому локальному варианту ирменской культуры и датируются временем существования этой культуры в целом. Журавлево-4 началом I тыс. до н.э.; Танай-7 по результатам радиоуглеродного датирования

* Работа выполнена при поддержке Президиума РАН, проекта № 21. 3 «Особенности морфологического своеобразия населения Барабинской лесостепи в эпоху бронзы по данным остеометрии».

13–9 веками до н.э., хотя эта дата еще не окончательна [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004]; Заречное-1 финалом 11 – концом 9 века до н.э.

Исследование проводилось при помощи составления стандартных таблиц дожития, основанных на показателях распределения смертности по возрастным группам [Uberlaker, 1978]. В качестве основных параметров для сравнения и выявления особенностей демографической ситуации в каждой группе нами были взяты: средний возраст смерти и вид кривых смертности взрослого населения; характер детской смертности; показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении в сравнении со средним возрастом смерти; соотношение репродуктивных и не репродуктивных категорий населения на различных этапах существования популяции.

Основным индикатором уровня жизни, экономического и социального развития общества, биологической и социальной адаптации к среде, а также состояния здоровья населения является средний возраст смерти [Алексеева и др., 1993, с. 41]. В трех могильниках его значения распределяются следующим образом. Самые низкие в могильнике Танай-7: для всего населения, включая детей – 17, 55 года, для взрослых – 27,43 года. В могильнике Журавлево-4 средняя продолжительность жизни для всей популяции – 25,8 года, для взрослой её части – 34, 9 года. В могильнике Заречное-1 для всех возрастных категорий – 26,37 года, для взрослых – 35,6 года.

Кривые смертности взрослого населения для всех трех могильников имеют примерно одинаковую форму. Для мужчин они все имеют один пик на промежутке от 30 до 40 лет в могильниках Заречное-1 и Журавлево-4 и от 20 до 30 лет в могильнике Танай-7, а затем стабильное понижение. У женщин во всех трех популяциях основной пик смертности приходится на период 20–25 лет – начало репродуктивного периода, затем в популяции могильника Журавлево-4 она понижается, вновь возрастая только в районе 40 лет, а в Заречном-1 и Танаяе -7 остается стабильно высокой. При отсутствии внешней агрессии и состояния социальной напряженности в популяции смертность мужского населения наиболее дееспособного возраста обычно бывает вызвана в основном особенностями биологической адаптации организма и в меньшей степени зависит от условий проживания и уровня развития медицины, чем женская. Женская же смертность связана, прежде всего, с необходимостью деторождения и зависит от уровня гигиены и комфортабельности условий проживания в популяции. Первый пик женской смертности приходится в каждой группе на промежуток между 20 и 30 годами, т.е., может быть связан с осложнениями при частых родах в первой половине репродуктивного периода. В последующих возрастных категориях ее уровень несколько различается в группах: у женщин из Журавлево-4 он понижается до интервала 35–40 лет, после чего стабильно возрастает, давая второй пик в 50–55 лет; в Заречном – 1 уровень смертности также понижается до 35–40 лет, после чего остается на стабильном среднем уровне; в Танаяе-7, смертность остается стабильно высокой до 35–40 лет, и резко падает в дальнейшем (из-за практически полного вымирания к этому времени женского населения). Соответственно, можно констатировать различный уровень комфортности общих условий жизни групп, оставивших рассматриваемые могильники. Наиболее стабильны и комфортны они в популяции из Заречного-1, кривая смертности женского населения которого демонстрирует нам наименьший ее размах даже на демографическом пике и дальнейший невысокий уровень. Популяция из Журавлево-4 демонстрирует более высокий уровень женской смертности в течение репродуктивного периода, который несомненно влиял на уровень рождаемости в популяции. Могильник Танай-7 характеризуется экстремально высокой женской смертностью, постоянной на всех возрастных интервалах.

Показатели детской смертности в могильниках существенно различаются. В могильнике Журавлево-4 дети составляют 29 %, в Танаяе-7 – 45,5%, в Заречном-1 – 32,7 % от общего числа погребенных. Для высокого процента детских захоронений в могильниках есть два взаимно противоречащих объяснения: либо он может быть истолкован как свидетельство высокой детской смертности и неблагоприятных условий существования популяции, либо, наоборот, высоким уровнем рождаемости. Для выяснения того, какое объяснение верно в наших случаях, мы использовали показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В могильниках Танай-7 и Заречное-1 она превышает средний возраст смерти, а в популяции Журавлево-4 несколько ниже, чем зафиксированный средний уровень. Соответственно, можно предположить, что несмотря на высокую смертность, первые две группы характеризовались повышенным уровнем рождаемости, который давал возможность стабилизации численности населения в дальнейшем. Популяция из Журавлево-4, видимо, исчерпала ресурсы роста и находилась на стадии снижения численности.

О пониженной репродуктивности журавлевцев по сравнению с другими группами говорит и коэффициент репродуктивности, характеризующий тип воспроизводства популяции [Алексеева и др., 1993]. Для Таная-7 он равен 1,79 ребенка на одну женщину детородного периода, для Заречного-1 – 1,77, для Журавлево-4 – 0,76. Его величина зависит от количества женщин, находящихся в репродуктивном периоде от 20 до 40 лет. Наиболее активным считается время с 20 до 29 лет, затем начинается медленный спад. У журавлевских женщин к 30 годам в живых оставалось только 50% одновременно родившихся женщин [Бобров, Чикишева, Михайлов,

1993], тогда как количество мужчин сокращалось почти в два раза медленнее. Такая ситуация могла приводить к более раннему вступлению женщин следующего поколения в брак, а, соответственно к еще большему повышению женской смертности в начале репродуктивного периода. Вторым последствием могло стать привлечение женщин из других коллективов. В группах из Таная-7 и Заречного-1 к 30 годам оставалось в живых всего на 10 % женщин больше, но их число практически полностью соответствовало количеству мужчин в этих популяциях, соответственно половое равновесие не нарушалось и ситуация оставалась достаточно стабильной.

Кроме ирменской культуры тенденция к снижению числа женщин относительно мужчин к финальному этапу развития культуры была зафиксирована Н.П. Матвеевой. Так соотношение мужчин и женщин на раннем бийском этапе каменной культуры было 1,4 женщины на 1 мужчину, на позднем березовском оно составляет уже 0,76 – т.е. понижается почти в два раза [Матвеева, 2002].

Таким образом, исследованные могильники по демографическим показателям соотносятся следующим образом. Популяция могильника Танай-7 характеризуется высокой рождаемостью и высокой смертностью, что характерно для групп, находящихся на стадии становления. Могильник Заречное-1 максимально приблизился к положению стационарной популяции, когда уровень рождаемости и смертности не такой высокий, но рождаемость немного превышает смертность. Могильник Журавлево-4 демонстрирует нам начинающийся процесс старения популяции.

Список литературы

Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. – М.: Российская Академия наук, 1993. – С. 3–78.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины. // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004, – с. 4–34.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево – 4. Н.: Наука, 1993. – 157 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Н.: Наука, 1997. – 132 с.

Матвеева Н.П. Некоторые палеодемографические характеристики Каменной культуры лесостепного Приобья // Вестник археологии антропологии и этнографии, Тюмень, 2002. – с. 149–161.

Chamberlain A.T. Palaeodemography // Handbook of Archaeological Sciences. Edited by D.R. Brothwell and A.M. Pollard. John Wiley and Sons, Ltd. 2001. – p. 259–268.

Uberlacker D. H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1978. – 116 p.

Л.С. Ильюков*Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону*

КАМЕННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ПОСТСРУБНОГО ПЛАСТА НА НИЖНЕМ ДОНУ

В эпоху поздней бронзы на правом берегу Нижнего Дона появляются погребения, в которых над могильными ямами сооружаются каменные заклады. Обычно над погребениями этого типа не возводились грунтовые насыпи. Погребения с каменными закладами, как правило, располагались у подошвы невысокой насыпи. Плиточный заклад, находившийся у поверхности земли рядом с древней невысокой курганной насыпью, являлся каменной площадкой, по-видимому, предназначавшейся для совершения каких-то поминальных обрядов в честь умерших соплеменников. Такие могилы, не имевшие над собой грунтовых насыпей, являлись бескурганными, т.е. грунтовыми захоронениями, которые находились у подножья древних курганов.

В конце среднего бронзового века, в период распространения бабинской культуры (КМК) уже существовала традиция возведения подобных площадок рядом с могильной ямой. Обычно такие площадки разделялись грунтовыми прослойками. Например, курган у с. Новолакедемоновка (Ильюков Л.С., Казакова Л.М. 1977).

В период распространения срубной культуры появляются «сросшиеся» курганы. В этом случае между двух насыпей с уровня древней дневной поверхности сооружалось погребение, над которым возводилась насыпь. В результате новая насыпь объединяла две более древние соседние, и в результате эти курганные насыпи превращались в один так называемый «длинный курган».

Развитие культуры племен, населявших Нижнее Подонье в эпоху поздней бронзы, сопровождалось восточными инновациями. Так, в степных бескурганых некрополях степного междуречья Дона и Волги появляется федоровская керамика. Это феномен связывается с распространением в степном регионе Нижнего Подонья памятников, которые относятся к постсрубному времени. Но традиции срубной культуры сохраняются. В этот период в евразийских степях широко распространяются памятники культуры, связанной с распространением «валиковой» керамики. Но в могильниках присутствует и посуда, хорошо известная ещё в погребениях срубного времени. В этот же период получают распространение грунтовые могильники.

На правом берегу Нижнего Дона известны специально созданные невысокие курганные холмики, у подножья которых располагается могила с плиточным закладом (могильнике Нижнедонские Частые курганы). У края насыпи оставались баночные сосуды, характерные для эпохи поздней бронзы этого региона.

На правом берегу Дона, в могильнике Нижнедонские Частые курганы, в кургане № 22 был обнаружен остросеребряный горшок с высоким горлом, окольцованным гребнем – едва заметным валиком. Ниже гребня горло было опоясано узкой лентой меандра, нанесенного зубчатым штампом. Еще одна лента такого меандра была расположена на выпуклой части тулова. Подобная керамика относится к федоровскому типу. Ее появление относится к постсрубному времени (Лапшин А.С. 2006, с. 23).

Однако керамический материал из погребений, в целом, мало, чем отличается от находок, которые связаны со срубной культурой. На это уже обращали внимание исследователи (Лапшин А.С. 2006).

Размещение могилы у подошвы возвышения или у подножия древнего кургана, в котором находились останки предков, по-видимому, получило особое значение при переходе от курганных могильников к бескурганам кладбищам. Плиты перекрытия, обычно находившиеся на уровне древнего горизонта, представляли собой площадку для совершения жертвоприношения у могил предков. Сами плиты перекрытия нередко имели обрамление из мелких камней, расположенных либо вплотную к плитам, либо несколько отступив от них. Таким образом, плиточное перекрытие окружалось каменной оградкой. Нередко могилу опоясывали две – три кольцевых оградки разного диаметра. По-видимому, их количество отражало продолжительность ритуальных обрядов, связанных с поминальным циклом. Теперь в могилу в меньшем количестве поступали различные

«заупокойные дары». Эти «дары», вероятно, оставляли на плитах заклада. Они предназначались для перераспределения погребального имущества между родственниками покойного.

Вероятно, этот обычай следует сопоставлять с обрядом, который известен как потlach. Данный обряд прослежен в культуре североамериканских индейцев (Аверкиева Ю.П., 1960, с. 50 и сл.). Имущество усопших перераспределялось среди живых и не использовалось в качестве погребального инвентаря. Поэтому в могилах погребальный инвентарь был относительно «бедным».

Список литературы

Аверкиева Ю.П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (Род и потlach у тлинкитов, хайда и цимшиян) // Американский этнографический сборник. М: Изд-во Академии наук СССР Вып. 1, 1960.– 5–126.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1977. – 160 с.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского регионов (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2006. – 25с.

С.С. Калиева, В.Н. Логвин

Сургутский государственный университет, Сургут

КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ III ТЫС. ДО Н.Э. В СТЕПЯХ ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Пожалуй, наиболее ярким событием культурогенеза в степях Южного Урала и Северного Казахстана в III тыс. до н.э. явилось формирование синташтинско-петровского круга древностей, открывающее в этом регионе алакульскую линию развития. Уже на начальных этапах осознания этого феномена Г.Б. Зданович предположил участие среднеазиатского населения в процессе формирования его [Зданович, 1988, с.137–139]. Позднее К.Ф. Смирновым и Е.Е. Кузьминой была предложена гипотеза решающего значения западного (полтавкинско-абашевского, культуры многоваликовой керамики) импульса в сложении культур новокумакского горизонта, к которому были отнесены и петровские памятники [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51]. В последнее время отдается предпочтение ямно-полтавкинско-катакомбному миру.

Что касается местных досинташтинско-петровских древностей, то в начале о них говорили как об основе формирования синташтинско-петровских древностей, а в последнее время им отводят лишь определенную роль «в сложении культуры среднего бронзового века региона» [Зданович, 2002]. Крайнее выражение эта тенденция получила у С.А. Григорьева, утверждающего что «синташтинская культура является практически полностью пришлой, сформировавшейся в результате стремительной миграции» [Григорьев, 1999, с. 111]. Причем эти точки зрения приводятся как само собой разумеющиеся, без должного анализа опубликованной по доандроновским древностям региона информации [Зайберт, 1993; Калиева, Логвин, 1997; Калиева, 1998; Гайдученко, 1998; Гайдученко, 2000; Anthony, Brown, 1991].

Не выдерживает критики утверждение, что племена южной провинции зауральской общности культур геометрической керамики (ЗОЭЖГК), оставившие памятники сурандинской, терсекской и ботайской культур, находились на неизмеримо более низком уровне развития в сравнении со своими западными соседями ямно-полтавкинско-катакомбной общностей. В частности представляется совершенно неверным утверждение о присущей их обществу присваивающей экономике [Епимахов, 2003, с. 85; Григорьев, 1999, с. 101].

Утверждение о скотоводческом характере ямного населения базируется на следующих фактах:

1. В составе стада ямников безусловно домашним животным считается овца, поскольку дикие предки ее на территории занятой памятниками ямной общности как будто не зафиксированы.
2. Морфологические признаки КРС соответствуют сложившимся у археозоологов представлениям о таковых у домашних животных.
3. Наличие повозок. Лошадь признается домашней лишь на основании сложившихся представлений о скотоводческом характере экономики ямников.

Среди культур южной провинции ЗОЭЖГК наиболее проработана эта проблема применительно к терсекской культуре.

1. Несомненно домашним животным следует признать терсекский КРС. Свидетельством этого является его комолость, и употребление в пищу молока [Гайдученко, 1998, с. 176; Гайдученко, 2000].

2. Есть весомые аргументы считать домашней и терсекскую лошадь:

- В условиях степи признание наличия домашней лошади у ямного населения делает маловероятной отсутствие таковой у их непосредственных соседей населения южной провинции ЗОЭЖГК.

- Наличие домашнего КРС делает маловероятным отказ терсеков от попыток одомашнить лошадь способную питаться подножным кормом в течение всего года.

- Популяция терсекской лошади прерывает направление изменчивости прослеживаемой на территории Казахстана от палеолита к неолиту [Гайдученко, 1998а, с. 243-244].

- Анализ вторых нижних предкоренных зубов лошади ботайской и кожайской коллекций показал наличие образцов имеющих явные следы воздействия удила [Anthony, Brown, 1991; Гайдученко, 1998а, с. 244–245].

- По возрасту забитых животных и соотношению костей разных отделов скелета фиксируется диаметрально противоположное отношение терсекского населения к КРС и лошади, с одной стороны, и к кулану и сайге, с другой [Калиева, Логвин, 1997, с. 107].

Все это убеждает в том, что в терсекском обществе, так же как и в ямном, основой экономики выступало скотоводство.

По типу организации скотоводческого хозяйства эти общества были также тождественны. Часть исследователей называет скотоводство ямников кочевым, а часть подвижным. При этом в понимании сути системы скотоводческого хозяйства ямников у этих групп исследователей разногласий нет [Шилов, 1970, с. 18–25; Мерперт, 1982, с. 326]. В работах В.П. Шилова сформулирована наиболее полная аргументация в пользу кочевого (или подвижного) характера скотоводства и образа жизни ямников, которая состоит из следующих моментов: 1. Особенности географической среды наилучшим образом соответствуют именно такому типу хозяйства. 2. Были освоены водораздельные пространства, что доказывается наличием на них могильников, в которых захоронены не только мужчины, но также женщины и дети. 3. Отсутствуют долговременные оседлые поселения (по крайней мере в восточной части территории расселения) [Шилов, 1975, с. 5–16].

В обоснование нашего вывода о кочевом образе жизни терсекского населения мы можем привести следующее: 1. Природные условия северо-казахстанской степи также наилучшим образом соответствует кочевому типу хозяйства. 2. Круглогодичный выпас скота. В орудийном наборе терсекцев отсутствуют орудия труда, которые сделали бы возможным заготовку корма для содержания столь большого количества скота в зимний период. 3. Посезонная смена жилищ как показатель связанной с необходимостью круглогодичного выпаса скота посезонной смены пастбищ [Калиева, Логвин, 1997, с. 113–121]. Все это говорит о кочевом (в его полукочевом варианте) образе жизни терсекского населения. Следовательно, в экономическом аспекте о сколь-нибудь существенном отставании в развитии терсекцев от ямников говорить не приходится.

На Ботае и Кожае 1 зафиксировано использование металлических орудий при изготовлении костяных поделок [Даниленко, 1985]. На Кожае 1 найден обломок крупной проковки изготовленной из металлургической чистой меди, выплавленной из полиметаллических руд. Идентичное по составу металла изделиям ямной культуры целое штыковидное орудие было обнаружено на терсекской стоянке Ливановка. На Кожае 1 были найдены и куски медистого песчаника [Калиева, Логвин, 1997, с. 67–70]. Эти факты свидетельствуют не только об использовании в производстве медных орудий, но и о существовании металлообработки и металлургии. Следовательно, фатального отставания от ямников не было и в такой важной сфере как металлопроизводство.

Столь высокий уровень развития производства и экономики населения южной провинции ЗОЭКГК исключал возможность простой ассимиляции его творцами «иноземного импульса», предопределяя более сложный характер их взаимодействия. Например, несомненным вкладом последних в экономику будущего общества было распространение овцеводства в степях Зауралья. Возможно они привнесли в Зауралье и повозку. Однако следует признать, что зауральское население к этому моменту уже готово было воспринять их.

Утверждая решающую роль творцов западного импульса в формировании идейной сферы сознания синташтинско-петровского населения, обычно указывают на появление курганов не характерных для зауральских степей доандроновской эпохи. Однако упускается из вида то, что население, оставившее памятники алакульской линии развития, в том числе и синташтинско-петровские, практиковало как курганный, так и бескурганный способ погребения. Истоки бескурганного способа погребения логично видеть в традициях местного доандроновского населения, которое вместе с этим типом погребений передало своим синташтинско-петровским потомкам и часть связанных с ним космогонических представлений. Следовательно, и в этой сфере речь должна идти не об ассимиляции, а о взаимодействии, в процессе которого вклад местного доандроновского населения представляется существенным. В пользу такого вывода можно привести тот факт, что население южной провинции ЗОЭКГК несомненно внесло решающий вклад в формирование синташтинско-петровского орнаментального комплекса, а следовательно и связанных с ним идейных представлений. Высокоразвитая геометрическая орнаментация синташтинских сосудов находит очень мало точек соприкосновения с ямной, тогда как с орнаментацией керамики ЗОЭКГК отмечается тождество как простых, так и сложных узоров [Калиева, 2005, с. 175–177].

Список литературы

Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алматы, М.: Ғылым, 1998. – С. 175–178.

- Гайдученко Л.Л.** Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы: МН – АН РК, Ин-т археологии, 1998а. – С. 234–252.
- Гайдученко Л.Л.** Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Спецприрод.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим», ИИиА УрО РАН, 2000. – С.150–169.
- Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Ю – УО ИИиА УрО РАН, 1999. – 443 с.
- Даниленко Т.А.** Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1985. – С. 34–47.
- Епимахов А.В.** Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // Российская археология. – 2003. – №1. – С. 83–90.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. – 244 с.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1988. – 184 с.
- Зданович Г.Б.** Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: Дис.... в виде научного доклада на соискание ученой степени докт. ист. наук. Ижевск. 2002. 38 с.
- Калиева С.С.** Поселение Кожай 1. – Алматы: МН-АН РК, Ин-т археологии, 1998. – 255 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: МН-АН РК, Ин-т археологии, 1997. – 179 с.
- Калиева С.С.** О роли «местного» компонента в формировании синташтинско-петровских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 173–177.
- Мерперт Н.Я.** Энеолит Юга СССР и евразийские степи // Археология. Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 321–331.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
- Шилов В.П.** Походження кочового скотарства у Східній Європі // Український історичний журнал. – Київ. – 1970. – №7. С. 18–25.
- Шилов В.П.** Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // Советская археология. – 1975. – №1. – С. 5–16.
- Anthony D.W., Brown D.R.** The origins of horse-back riding // Antiquity. – 1991. – V.65. – №246.

И.С. Карнышев*Иркутский государственный технический университет, Иркутск*

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БЕРЕГА БОГУЧАНСКОЙ ГУБЫ

Несмотря на то, что археологические исследования на северо-западном побережье оз. Байкал проводятся с начала XX века, к сожалению, практически все они сводились к подъёмному сбору материала и рекогносцировочным раскопкам небольшими площадями. По этой причине, большинство работ по данному региону носят достаточно поверхностный характер, а хронологические схемы приблизительны.

Одной из основных проблем, стоящей перед исследователями северо-западного побережья озера Байкал является отсутствие культурно-хронологической схемы археологических памятников.

Поэтому первичная задача для археологов, работающих в данном районе, это составление временной шкалы региона, используя для этого на начальных этапах уже имеющиеся хронологические разработки для других, более изученных, районов побережья озера Байкал. Важным при этом является не только добыча и изучение новых материалов, но и анализ уже имеющегося материала и его публикация.

Богучанская губа расположена на северо-западном берегу озера Байкал. С севера она ограничена мысом Тонкий (Нарын-Шулун), а с юга мысом Писаный Камень (Зорок-Шулун). В центре губы, приблизительно в двух километрах от берега, располагается одноименный остров Богучанский. На берегах Богучанской губы исследователями были зафиксированы 13 стоянок.

Впервые исследования в этом районе проводились в 1963 г. Л.П. Хлобыстиным. В западной части Богучанской губы около домов Рыбхоза им собраны черепки горшков раннего железного века. Местонахождение получило название Богучанская IV (Хлобыстин, 1963). В 1964 г. Л.П. Хлобыстиным была открыта стоянка Богучанская III, датированная исследователем глазковским временем. (Хлобыстин, 1964). В 1983 г. обследование Богучанской губы проводилось археологическим отрядом Иркутского университета под руководством Ю.П. Лыхина. Исследователем были выявлены стоянки Богучанская I, II, V, VI, VII, VIII, X, XI, XII, XIII. На стоянке Богучанская XII заложен раскоп площадью 19 м² (Лыхин, 2003).

В 1987 г. Северобайкальским отрядом ИГУ под руководством А.В. Харинского, В.В. Свинина и С.Н. Николаенко произведена инструментальная топосъемка и сбор подъемного материала на памятниках Богучанская XII и Богучанская XIII. На стоянке Богучанская XIII заложен шурф 1 × 1 м (Рыков, 1989). В июле 1989 года археологами ИГУ под руководством А.В. Харинского предприняты раскопки на стоянках Богучанская XII (вскрыто 10 м²) и Богучанская XIII (вскрыто 24 м²) (Рыков, 1991). В 1992 г. отрядом Иркутского университета под руководством А.В. Харинского собран подъемный материал на стоянках Богучанская I–IX, XI (Харинский, 1993).

Целью этой работы является анализ и хронологическая интерпретация керамики полученной в результате раскопок и сбора подъемного материала археологическими отрядами под руководством А.В. Харинского с 1987 по 1992 годы.

Всего в результате раскопочных работ было получено 344 фрагмента керамики, в береговых обнажениях собрано 233 фрагмента. Общее количество рассмотренной керамики составляет 577 фрагментов, из которых 490 не орнаментированы.

Особенности технологии обработки внешней поверхности сосудов позволили разделить найденную керамику на три группы: 1) гладкостенная керамика; 2) керамика с оттисками шнура; 3) керамика с ромбическими (вафельными) оттисками.

Гладкостенная керамика

Всего обнаружено 465 фрагментов гладкостенной керамики, из них 378 фрагментов не орнаментированы.

Основными элементами орнамента встречающиеся на гладкостенных сосудах берега Богучанской губы являются: 1. налепной валик; 2. жемчужины; 3. круглые вдавления или отверстия; 4. оттиски гребенки; 5. вдавления торцевой стороной лопаточки; 6. полукруглые или угловые вдавления отступающей лопаточки, прямоугольный штамп.

Мотивы на гладкостенной керамике Богучанской губы имеют несложную структуру, и состоят в основном из одного, двух, реже трех элементов. Чаще всего встречаемые мотивы, это сочетание горизонтального налепного валика и круглых вдавлений (отверстий) или жемчужин. В большинстве же случаев мотив образуется повторением одного элемента.

Все композиции орнамента на гладкостенной керамике берега Богучанской губы состоят из одного мотива. Исключение составляет верхняя часть сосуда в шурфе №1 на стоянке Богучанская XII. Венчик сосуда прямой симметричной формы. Вплотную к внешнему краю венчика проходит горизонтальный ряд наклонных вдавлений торцевой стороной лопаточки. Под ним венчик сосуда орнаментирован тремя горизонтальными расположенными вплотную друг к другу налепными валиками треугольными в сечении, деформированными вдавлениями лопаточки. Между первым и вторым валиками нанесено круглое отверстие диаметром 4 мм. Под нижним валиком проходит горизонтальный ряд наклонных вдавлений торцевой стороной лопаточки. Ниже сосуд орнаментирован шестью горизонтальными рядами угловых вдавлений отступающей лопаточки. Верхний и нижний ряды одинарные, ряды между ними нанесены попарно. Расстояние между рядами 8 мм. Вплотную к нижнему ряду проходит горизонтальный ряд прямоугольных штампов. Величина ячейки штампа 10×6 мм.

Керамика с оттиском шнура

Было собрано 102 фрагмента керамики с оттиском шнура, из них 98 фрагментов не орнаментированы.

Встречаются только два элемента орнамента на шнуровой керамике обнаруженной на берегах Богучанской губы, это *налепной валик* и *круглые вдавления или отверстия*. Фиксируются от одного до пяти горизонтальных налепных валиков. В большинстве случаев валики деформированы ногтевыми вдавлениями или вдавлениями торцевой стороной лопаточки.

Керамика с ромбическими (вафельными) оттисками

Найдено 8 фрагментов керамики с вафельными оттисками, 3 из которых не орнаментированы.

Оттиски гребёнки. Тулово сосуда орнаментировано наклонными оттисками гребёнки с квадратными зубчиками (Богучанская IX).

Торцевые оттиски рефлённой лопаточки. Венчик сосуда симметричной прямой формы слегка отогнут наружу. По верхнему срезу и внешней стороне венчика идут наклонные торцевые вдавления прямоугольной поперечнорефлённой лопаточки. По контрактуре сосуда расположен ряд идентичных, но расположенных вертикально вдавлений. Под ним находится горизонтальный ряд наклонных вдавлений, расположенных попарно (Богучанская XI).

Как уже было сказано выше, хронология керамических комплексов северного побережья озера Байкал в настоящее время разработана слабо, поэтому обозначить возраст керамики собранной на берегах Богучанской губы можно лишь предварительно. Вся керамику можно разделить на два хронологических пласта. Более ранний пласт, датируемый бронзовым веком, представлен гладкостенной керамикой, орнаментированной жемчужинами, оттисками гребёнки и торцевыми оттисками лопаточки, и керамикой с ромбическими оттисками орнаментированной гребёнкой и торцевыми вдавлениями (Карнышев, 2005). Фрагменты керамики сосуда обнаруженные на стоянке Богучанская XII со сложной композицией орнамента, включающей угловые вдавления отступающей лопаточки и прямоугольный штамп, относятся к северобайкальскому типу керамики дотируемой второй половиной 3-его–2 тыс. до н.э., так же относятся к первому хронологическому пласту (Емельянова, 2005).

Второй пласт относится к позднему бронзовому – железному векам. Он включает керамику с оттиском шнура и гладкостенную керамику украшенную налепными валиками. Керамика с оттиском шнура орнаментированная горизонтальными налепными валиками принадлежит к сеногдинскому типу керамики. Она бытовала на северном побережье Байкала с X-середины IX по II вв. до н.э. (Карнышев, 2006). Сосуды украшенные налепными валиками относятся к керамике елгинского типа, которая встречается на северном побережье Байкала в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Харинский, Карнышев, 2003).

В заключении, необходимо отметить, что все стоянки берега Богучанской губы подвержены постоянному разрушению в результате прибойно-волновой деятельности Байкала. Последний раз археологические работы проводились здесь в 1992 году, и уже тогда не был обнаружен археологический материал на трех из тринадцати известных по архивным данным стоянках. Подобному разрушению подвергаются все археологические объекты, расположенные на северо-западном побережье Байкала. Между тем, значимость обнаруженных здесь археологических памятников как необходимого звена в реконструкции процесса формирования археологических культур Байкальской и Забайкальской культурно исторических областей, вне всякого сомнения. По нашему мнению, во избежание потери большого количества данных о древних культурах данного региона, необходимо срочно провести масштабные раскопочные работы, с привлечением как можно большего числа исследователей.

Список литературы

Емельянова Ю.А. К вопросу об орнаментике керамики северобайкальской культуры // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов. – Иркутск, 2005. – Ч. 1. – С. 91–96.

Карнышев И.С. Керамика сеногдинского типа северного побережья озера Байкал // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2006. – С. 121–123.

Карнышев И.С. Анализ и хронологическая интерпретация керамики собранной на побережье Богучанской губы (Северобайкальский район, Бурятия) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности / Материалы I (XLV) Российской с международным участием конференции студентов и молодых ученых. (РАЭСК-XLV): 12-16 апреля 2005 г., Иркутск. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. – С. 199–200.

Лыхин Ю.П. Археологическое обследование трассы автодороги Тья – Байкальское летом 1983 года // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2003. – Вып. 1. – С. 134–155.

Рыков Г.К. Археологические исследования в бухте Богучанской (Северный Байкал) // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1991. – Т.2. – С. 47–48.

Рыков Г.К. Новые данные о эпохе палеометалла северо-западного побережья оз. Байкал // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 14–15.

Харинский А.В. Отчёт о проведении полевых археологических исследований на западном побережье озера Байкал летом 1992 г. (Ольхонский район Иркутской области и Северобайкальский район Бурятии). – Иркутск, 1993. – Архив ИА АН РФ.

Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск, 2003. – С. 137–142.

Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических работах, проведенных на побережье озера Байкал в 1964 году. – Архив ИА АН СССР. – Р.1, № 3142.

Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году. – Архив ИА АН СССР. – Р.1, № 2748.

А.А. Кильдюшева*Филиал Объединенного института истории филологии и философии СО РАН, Омск*

ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ ЖЕНЩИН БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Половозрастные определения погребенных и изучение их погребального обряда позволяют выделять возрастные группы и анализировать половозрастную структуру древних коллективов. Для этого изучают захоронения мужчин, женщин и детей. Обычно выделяют две возрастные группы: дети и взрослые. Иногда рассматривают три возрастные категории: дети, взрослые (зрелые), старики. Более дробная градация включает 6 возрастных групп: раннее детство (*Infantilis I*); позднее детство (*Infantilis II*); юношеский возраст (*Juvenis*), включая подростковый; возмужалый возраст (*Adultus*); зрелый возраст (*Maturus*); старческий возраст (*Senilis*) [Бочаров В.В., 2001]. При этом считается, что жизненный цикл человека включал четыре основных ступени – детство, юность, зрелость и старость. Число и значение промежуточных стадий определялись в зависимости от традиций и представлений, существовавших в конкретно исторической ситуации.

Половозрастные группы служат основой для построения социальной структуры древнего коллектива. Однако женские возрастные и социальные группы исследователи выделяют редко, и объясняют это следующими причинами. Социальный статус женщины зависел от социального положения мужчины, поэтому заниматься изучением женских погребений необязательно. Социальный статус женщины слабо прослеживается по погребальному обряду или не находит отражения в нём вообще, поэтому говорить о существовании возрастной и социальной градации женских погребений не приходится. Наличие погребального инвентаря (в том числе разная степень обеспеченности инвентарем) в женских погребениях характеризует достаток, «богатство» всего общества в целом, а не является признаком возрастной или социальной дифференциации женщин, поэтому нельзя говорить об их включенности в социальную иерархию общества. Исходя из того, что женские погребения однородны и не отличаются между собой особенностями погребального обряда, то выделить какие-либо группы сложно. Именно поэтому достаточно изучить только мужские захоронения, результаты анализа которых будут являться эталоном для всего общества. Такой подход к исследованию социальных структур древности изначально ограничен и ориентирован на изучение мужской части общества.

В редких случаях исследователи пытались выделить возрастные группы и рассмотреть стадии жизненного цикла женщин по археологически данным. Например, анализ женских погребений андроновских некрополей Казахстана показал зависимость между типом головного убора и возрастом женщины. В результате были выделены три группы: 1. 10/12–15/18 лет девочка-девушка; 2. 15–20 лет девушка-«невеста»; 3. старше 20 лет молодая замужняя женщина. Гипотетическая четвёртая группа включала женщин, вышедших из репродуктивного возраста (тип головного убора не был выделен) [Усманова Э.Р., Ткачёв А.А., 1993]. Изучение 9 андроновских женских погребений могильника Фирсово-ХIV, содержащих детали головных уборов, и выделение их типов, не выявило подобной градации, но показало, что женщины от 20 до 60 лет входили в сферу репродуктивных отношений [Позднякова О.А., 2000; Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1997]. Набор головных украшений женщин ирменской культуры, уровень смертности молодых женщин, количественный анализ предметов сопроводительного инвентаря и его корреляция с возрастом позволили выделить такие группы: 1. 15–25 лет; 2. 25–40 лет; 3. старше 40 лет [Бобров В.В., 1993; Горяев В.С., 1997].

При этом исследователи используют в основном только один признак. Анализ деталей женских головных уборов и реконструкция типов, выделение комплекса головных украшений и способов их ношения соотносят с какой-то возрастной группой и подтверждаются этнографическими примерами. В меньшей степени обращают внимание на данные по погребальным сооружениям, другим предметам сопроводительного инвентаря, локализации украшений на костяке (кроме зоны головы), особенностям положения костяка в

могиле и т.п. Представляется, что эти данные дополнили и скорректировали бы представление о возрастных группах женщин.

Проведённый нами анализ женских погребений могильников развитого и позднего бронзового века юга Западной Сибири – Черноозерье-I, Еловского I (ЕК-I), Еловского II (ЕК-II), Заречное-I позволил выделить возрастные группы. Причём был использован расширенный список признаков: 1) характер захоронения (индивидуальное, парное или коллективное); 2) особенности могильной ямы (размеры, глубина, форма, ориентация, дополнительные сооружения – обкладка и/или перекрытие); 3) половозрастные определения костяков; 4) особенности положения костяка в могиле; 5) особенности сопроводительного инвентаря (украшения, орудия труда, керамика, кости животных; единичные находки, локализация украшений на теле по зонам: голова – грудь – руки – тазовый отдел – ноги). Рассмотрим один из маркеров социовозрастных групп – особенности сопроводительного инвентаря.

По могильнику Черноозерье-I [Генинг В.Ф., 1994] 48 женских костяков были разделены на следующие группы: I. девушки-«невесты»; II. молодые замужние женщины; III. замужние женщины; IV. пожилые женщины, вышедшие из репродуктивного возраста. Стандартным инвентарём девушек-«невест» был такой: 1–2 бронзовых височных кольца, 1–2 бронзовых височных подвески, 1–2 медных или бронзовых блях или бляшек-нашивок. У молодых замужних женщин кроме этого появляются бронзовые бусины, бронзовые браслеты, бронзовая игла. Среди сопроводительного инвентаря женщин было много единичных находок и большое количество некоторых предметов, например, 9 бронзовых плоских колец, 22 резца лося, (м. 90), 6 бронзовых бляшек-нашивок (м. 159). В группе замужних женщин встречены бронзовые височные подвески или бронзовые височные кольца, 1–2 сосуда, бронзовая игла, бронзовый нож. У пожилых женщин инвентарь был найден редко, а украшений не было совсем. В области головы у всех групп женщин располагалось больше всего предметов. Орудия труда и керамические сосуды являлись отличительным признаком захоронений женщин 30–45 лет. Лидирующие позиции в обществе занимали II-я и III-я группы, куда входили женщины 20–45-летнего возраста.

Могильник ЕК-I, андроновский и еловский комплексы могильника ЕК-II [Матюшенко В.И., 2001, 2004] содержали 120 женских костяков, которые составили пять групп: I. девушки; II. девушки-«невесты»; III. молодые замужние женщины; IV. замужние женщины; V. пожилые женщины. Чаще всего инвентарь находился в области головы и рук. В I-й группе часто не было украшений, во II-й группе стабильным становится набор из бронзовых бус и бронзовых височных колец. Женщины III-ей и IV-й группы кроме этого носили самые различные украшения в большом количестве. Причём женщины 20-30 лет имели в своём наборе до 4-8 бронзовых колец, 2-3 бронзовых браслета, бронзовые нашивки и пронизки, а 30-45-летние женщины ещё и различные серьги, бронзовые перстни. В V-й группе уменьшается количество носимых женщиной украшений. Уникальные находки преобладают в IV-й группе: 2 бронзовых височных кольца с золотой обкладкой (м. 47), «змейчатые» и спиральные кольца (м. 84, м. 254). Орудия труда и кости животных чаще всего были встречены у женщин 20-45 лет. Престижными по двум могильникам оказались III-я и IV-я группы. Переход в V-ю группу сопровождался понижением социального статуса женщины и сокращением набора функций в хозяйственной сфере. Но на ЕК-II еловском прослеживается тенденция повышения общего статуса группы и в целом женщин пожилого возраста, у которых, возможно, появлялись какие-то новые роли.

Ирменский комплекс могильника Заречное-I [Зах В.А., 1997] содержал 17 женских костяков, которые входили в две социовозрастные группы: I. девушки; II. замужние женщины. По совокупному количеству предметов, находящихся на каждой из зон, наиболее выдающейся оказалась область головы и рук. В группе девушек инвентарь был встречен редко, за исключением фрагментов керамики у черепа, а украшений не было совсем. Характерным инвентарём замужних женщин были 1-2 бронзовых кольца, 1-2 бронзовые бляшки-пуговицы, сосуд. В двух случаях обнаружены кости животных. В к.5, м. 17 женщина 40-50 лет имела украшения, встреченные единожды на могильнике (2 бронзовых гроздевидных подвески, 2 бронзовых браслета с шишечками на концах и 5 бронзовых колец); а женщина 40–60 лет из к.15, м.4 была погребена с бронзовой нашивной бляшкой и бронзовым колечком. Доминирующие позиции в древнем коллективе занимали женщины 40–50 лет, в целом повышение социального статуса женщины происходило при переходе в группу 30–60-летних.

Итак, социовозрастные группы занимали определённое место в социальной структуре общества и имели «свой» набор сопроводительного инвентаря. Социальный статус женщины зависел от того, в какой группе она находилась и от положения в самой группе, что отражалось на составе её инвентаря, прежде всего, украшений. По мере взросления и перехода женщины из одной социовозрастной группы в другую изменялся качественно и увеличивался количественно набор украшений, которые ей можно было носить. Основные этапы жизненного цикла женщины (инициация, свадьба, рождение ребёнка, окончание репродуктивного периода) символизировали смену её возрастного и социального статуса (девушка – невеста – молодая замужняя женщина – замужняя

женщина – пожилая женщина). Так, женщина в течение своей жизни имела несколько социовозрастных статусов. С одной стороны, в обществе существовало деление на девушек и замужних женщин, а с другой стороны, на девушек-«невест», женщин-матерей и женщин-бабушек. Социальное положение той или иной группы могло изменяться: в андроновском обществе доминирующую роль играли женщины 20–40 лет, в еловском – 30–45 лет, а в ирменском – 40–50 лет.

Список литературы

1. **Бобров В.В.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4 / Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 157 с.
2. **Бочаров В.В.** Антропология возраста. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 196 с.
3. **Генинг В.Ф.** Черноозерье-I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья / Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. – Екатеринбург: УрГУ, 1994. – 68 с.
4. **Горяев В.С.** О начале «брачного периода» у женщин ирменского общества // Четвёртые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 39–41.
5. **Зах В.А.** Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. – 132 с.
6. **Матющенко В.И.** Еловский археологический комплекс. Ч. 1: Еловский I курганный могильник. – Омск: ОмГУ, 2001. – 62 с.
7. **Матющенко В.И.** Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: ОмГУ, 2004. – 468 с.
8. **Позднякова О.А.** Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2000. – Т. III. – С. 47–53.
9. **Усманова Э.Р., Ткачёв А.А.** Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // Вестник древней истории. – 1993. – № 2. – С. 75–83.
10. **Шамшин А.Б., Ченских О.А.** К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1997. – С. 52–56.

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.Б. Шамшин

*Алтайский государственный университет, Барнаул
Институт археологии и этнографии СО РАН*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ*

В последнее время в научный оборот вводится все больше данных по бронзовому веку степной части Обь-Иртышского междуречья, но материалы представлены в основном раскопками поселений саргаринско-алексеевской культуры, а погребальные памятники известны по единичными находкам и сборам [Аридная зона..., 2004]. В связи с этим, важное значение, имеет открытие и исследование сотрудниками Алтайского государственного университета грунтового могильника Рублево VIII, расположенного на юге Кулундинской степи [Папин, 2001а, б].

Всего на могильнике на сегодняшний день вскрыто более 2000 кв. м. Выделено три культурно-хронологических горизонта: период развитой бронзы, эпоха поздней бронзы и раннескифское время. Развитая бронза представлена андроновскими материалами. На прилегающей территории к могильнику они так же найдены на поселении Рублёво VI, где в этот период располагалась стоянка андроновского населения [Папин, Ченских, Шамшин, 2000]. К поздней бронзе относится гораздо меньшее число погребений, но в это время на площади Рублево VI функционировал крупный хозяйственно-культурный центр саргаринско-алексеевской культуры. На связь этих материалов указывают керамические параллели. Раннескифское время представлено одной могилой, прикладом-приношением и отдельными находками на площади некрополя. Эту группу предварительно можно увязать с соседним поселением Рублёво V. Таким образом, грунтовый могильник Рублёво VIII представляется некрополем функционировавшим в период второй половины II тыс. – первой половины I тыс до н.э. и соотносимый с конкретными поселениями Рублевского археологического микрорайона.

К андроновскому времени относится большинство погребений могильника. Можно выделить четыре цепочки погребений, которые состоят как из взрослых, так и из детских захоронений. Эти своеобразные ряды вытянуты по линии ЮЗ-СВ, что обуславливает общую направленность могильника. Могильные ямы, как правило, имеют прямоугольную, подпрямоугольную форму с ориентировкой: ЗЮЗ-ВСВ, ЮЗЗ-СВВ, ЮЗ-СВ, З-В. Фиксируются остатки деревянных конструкций, установленных на дне ям, а так же остатки обкладки, рамы и фрагменты перекрытия в виде тлена [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004.]

Захоронения совершали по обряду ингумации, и реже кремации. Положение тел погребенных устанавливается как скорченное на левом или правом боку (реже). Все погребения одиночные. Довольно, часто фиксируются случаи частичного нарушения анатомического порядка скелета и проникновения в могилу после захоронения умершего. Одним из наиболее ярких примеров таких действий является могила № 1, где череп был помещен между ног умершего, причем правая бронзовая серьга с раструбом осталась на дне могиле, (там, где бы при не нарушенном состоянии должна была лежать голова умершего), а левая так, и осталась на своем месте, на черепе. На наш взгляд, это свидетельствуют о существовании у населения оставившего андроновский комплекс могильника Рублево VIII, какого то ритуала связанного с манипуляциями останками умершего, производимых по прошествии определенного времени, что свидетельствует о довольно сложных представлениях связанных с погребальным обрядом. Подобные погребения, известные и в других андроновских памятниках, часто интерпретируют как разграбленные.

Большинство детских погребений располагается рядом со взрослыми, либо расположены отдельными группами. Выделяются, также, и одиночные захоронения. Могильные ямы имеют прямоугольную, подпрямоугольную, и, в нескольких случаях, овальную форму. Все детские погребения на 0,2–0,4 м углублены в материк.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 06–01–00378а

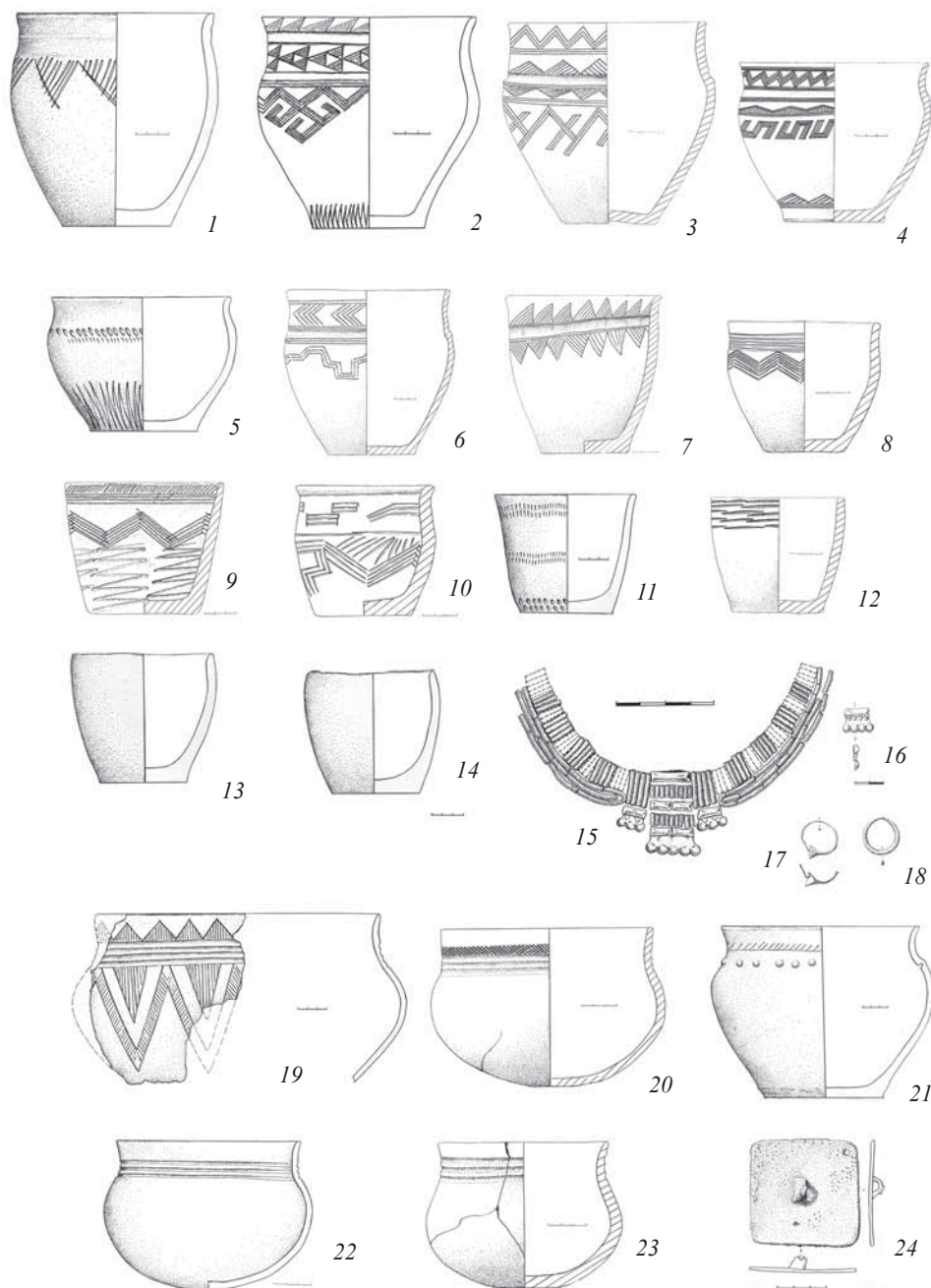

Рис. 1. Материалы грунтового могильника Рублево VIII.

Для них выделяются те же основные виды погребального обряда, что и для взрослых. О кремации, все сожжения совершались на стороне (следов огня в могиле не зафиксировано), как правило, кремированные останки располагаются компактно, среди кальцинированных костей отсутствуют продукты горения. Обнаружено два вида кенотафов, в одном случае в могиле стоял сосуд, но отсутствовали кости погребенного, а в другом могила была так же ориентирована и вписана в ряд могильника, но в ней отсутствовали какие-либо находки. [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004.]

Инвентарь представленный в могилах находит широкие аналогии в синхронных памятниках юга Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана: серьги трубчатые и с раструбом, браслеты, пронизи, желобчатые подвески в полтора оборота, кольца и т.д. Особый интерес вызывает обнаруженное в одной из могил биме-

таллическое нагрудное украшение вместе с головным убором. Нестандартность данного погребения подчеркивается группированием рядом детских погребений, возможно, объединенных одной курганной насыпью.

Говоря о культурной принадлежности андроновского комплекса могильника Рублево-VIII, можно отметить следующее. Среди керамических форм выделяется ряд сосудов, для которых характерна высокая почти прямая шейка и наличие слабовыраженного уступа при переходе от венчика к тулову, в орнаменте в этой зоне расположена специальная неорнаментированная полоса. Подобная керамика находит аналогии в комплексах, которые исследователи включают в ареал памятников смешанного алакульско-федоровского типа [Корочкова, 2002, с 196, рис. 1, 2; Кузьмина, 1994; Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004].

Погребения, датируемые эпохой поздней бронзы, локализовались преимущественно в центральной – наиболее высокой части раскопа. Возможно, это обусловлено тем, что позднебронзовый погребальный комплекс был увязан с какими то сохранившимися к тому времени андроновскими надмогильными сооружениями, хотя отдельно стоящие сосуды встречены практически на всей его площади. В двух случаях зафиксированы факты перекрывания андроновских могил позднебронзовыми. Обращает на себя внимание разреженность в расположении позднебронзовых захоронений, расстояние между которыми варьирует в пределах от 5 до 15 м. Погребения совершены в одиночных могилах и по обряду труположения. Все погребения на 0,2–0,5 м углублены в материк. Форма могильных пятен прямоугольная, либо подовальная, причем последняя более характерна для погребений взрослых. Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии С-Ю, либо ЮЗ-СВ, иногда с отклонениями к югу и северу. Там, где скелеты лежат в анатомическом порядке, положение погребенных устанавливается как скорченное на правом (чаще) или левом боку, головой на юг или юго-запад, в зависимости от ориентировки могильных ям.

Инвентарь в основном представлен керамикой и бронзовыми серьгами. Целый комплекс бронзовых предметов был обнаружен в могиле 55: головные украшения, принадлежности одежды, украшения для рук, зеркало [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004].

Данная группа погребений выделена на основе своеобразной погребальной посуды. Это хорошо профилированные сосуды, с округлым раздутым туловом, коротким, слегка отогнутым наружу прямым венчиком и небольшим, диаметром около 5 см, плоским дном. Обращает на себя внимание высокое качество выделки этой керамики, в частности, тонкие, равномерной толщины стенки сосудов, ровно заглаженная поверхность и высокое качество обжига. На каждом из этих горшков, при переходе от шейки к тулову нанесено два-три ряда каннелюр. В двух случаях над каннелюрами гладким штампом выполнена мелкая косая сетка.

Помимо погребений, посуда этой группы обнаружена в межмогильном пространстве. В западном секторе могильника были найдены два развала слабопрофилированных, без орнамента, плоскодонных сосудов имеющих прямые аналогии среди крупных форм саргаринско – алексеевской керамики в погребальных памятниках Казахстана [Ермолаева, 1987, рис.2–9–13]. Своеобразная посуда была найдена в могиле № 55, где за головой погребенной женщины (?) располагались два сосуда. Их отличает высокое качество исполнения, они хорошо профилированы, имеют раздутое тулово, но при этом, широкое плоское дно. Эти горшки выделяются по более вытянутым, в отличие от основной группы сосудов, пропорциям, за счет чего их прямые, слегка отогнутые наружу горловины выглядят короткими по отношению к общей высоте сосудов. Орнамент на этих горшках выполнен гладким штампом в зоне перехода от горловины к тулову. Один из сосудов украшен неширокими прочерченными линиями и расположенными под ними наклонными насечками, образующими зигзаг. Другой, орнаментирован рядом дугообразных отпечатков, напоминающих горизонтальную «елочку». Ещё одной особенностью данного погребения является наличие рядом с могилой двух развалов сосудов (поминальники?). Это слабопрофилированные, плоскодонные сосуды, в одном случае зона венчика и шейки украшена валиком и рядом жемчужника, в другом несколькими рядами каннелюр и противоположно направленными треугольниками.

Керамика с каннелюрами коррелирует с группой сосудов керамического комплекса поселения Рублёво VI, что указывает на несомненную связь позднебронзовой части могильника Рублёво, с поселением.

Таким образом, грунтовый могильник Рублево VIII является важным памятником демонстрирующим развитие андроновской культурной традиции. Именно с генезисом андроновской культуры тесно связаны дальнейшие пути расо- этногенетической эволюции и культурно-исторического развития региона. Разработка вопросов погребального обряда по материалам рассматриваемого памятника позволит дифференцировать роль и значение групп населения участвовавших в формировании культуры, выделить местный и пришлый компонент, определить роль и характер миграции, что особенно важно для Алтая являющегося трансграничным регионом. Без разработки вопроса о трансформации андроновской культурной традиции нельзя выйти на

решение вопроса о механизме сложения андронидных культур региона (саргаринско-алексеевской, ирменской, корчажкинской).

Список литературы

- Аридная зона юга Западной Сибири** в эпоху бронзы: сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 2000 с.
- Папин Д.В.** Исследования на юге Кулунды // Археологические открытия 2000 года. – М.: «Наука», 2001б. – С. 246–247.
- Папин Д.В.** Исследования в Алтайском Приобье и Кулунде // Археологические открытия 1999 года. – М.: «Наука», 2001а. – С. 274–275.
- Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б.** Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. XI. – С. 152–155.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.** Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы. // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – с. 62–85
- Корочкова О.Н.** Алакульско-федоровские комплексы Зауралья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. – М., 2002. – С. 189–197.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – 464 с.
- Ермолаева А.С.** Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 64–94.

В.Т. Ковалева*Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург*

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ: ТАШКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Начало бронзового века на обширных пространствах степной, лесостепной и частично лесной зонах Северной Евразии совпадает с миграцией населения из южных и юго-западных регионов Восточной Европы. На рубеже III–II тыс. до н.э. глобальный характер принял процесс взаимодействия местных энеолитических культур с преимущественно присваивающими формами хозяйства и мигрантов с более высоким уровнем развития, который нашел свое отражение в развитии производящих форм экономики (скотоводство, металлургия), типах керамики (плоскодонная), домостроительстве (наземные дома), организованной планировке поселений. Результатом таких контактов стало формирование новых культур на гетерогенной основе, при этом субстратные и суперстратные культуры предстают в трансформированном виде, являясь частью новой культуры. В силу этих причин практически не удается установить исходную территорию мигрантов или соотнести их с конкретной археологической культурой. Облик новых культур настолько отличается от их генетических предшественников, что далеко не всегда удается установить их преемственность.

В Волго-Окском междуречье и Марийском Поволжье сформировалась чирковская культура в результате взаимодействия местного поздневолосовского населения и пришлого – фатьяновско-балановского (на раннем этапе). На поздней стадии чирковская культура испытывала воздействие среднеднепровской и, возможно, иванобугорской культур [Ставицкий 2006].

В лесостепном Поволжье выявлена группа памятников – вольско-лбищенская, являющаяся отражением тех же процессов – взаимодействия позднеэнеолитического населения и продвинувшихся на запад популяций среднеднепровской и фатьяновско-балановской культур [Васильев 1999].

Елунинская культура в Барнаульско-Бийском Приобье также сложилась на основе энеолитической большемыской культуры и пришлого населения европеоидного типа, имеющего восточно-средиземноморское происхождение [Киришин 2002]. В орнаментации посуды елунинской культуры исследователи отмечают сочетание двух традиций: отступающе-накольчатой и гребенчатой (шагающая гребенка), свидетельствующих о разноэтничном составе населения [Грушин 2003].

В начале бронзового века территория лесостепного Притобья была занята ташковской культурой, генезис которой связан с миграцией населения, по-видимому, индоевропейской языковой общности и ассимиляцией (колонизацией) им местного энеолитического населения (липчинская, андреевская культуры).

Наиболее ярким признаком ташковской культуры является концентрическая планировка поселений. К настоящему времени полностью раскопаны четыре поселения: Ташково II на р.Исеть, Андреевское озеро XIII (в 20 км от г.Тюмени), Иса III – на правом берегу р.Иски – левого притока Тобола, Заводоковское X на р.Ук – правом притоке Тобола. Кроме того, частично исследованы еще три круглоплановых поселения, а всего к настоящему времени известно 15 поселений ташковской культуры. Площадь поселений от 1000 м² до 3000 м² и более; дома прямоугольные, площадью от 30 до 60 м² с одним очагом в центральной части жилища. Поселения состояли из 10–17 домов, расположенных по кругу (или овалу), так, что центральная площадь оставалась свободной. На двух раскопанных поселениях на внутренней площадке находился центральный дом. В Нижнем Притобье истоки для таких высокоорганизованных архитектурных ансамблей, сочетающих круг (овал) и квадрат отсутствовали. Поселения неукрепленные.

Вопрос о древнейших круглоплановых поселениях Евразии в свое время был поднят Н.Я. Мерпертом, отметивший особую роль анатолийского ареала в возникновении и совершенствовании этой традиции. Н.Я. Мерперт допускал полицентрический характер формирования традиции круглоплановых поселений,

но в пределах Циркумпонтийской зоны, для которой исследователь отметил резкую активизацию при переходе от энеолита к бронзовому веку [Мерперт 1995]. «Анатолийская поселенческая схема» – радиальное расположение домов с «входными воротами» и свободной от фундаментальных построек центральной площадью – характерна для укрепленных поселений синташтинской культуры Южного Зауралья. У населения ташковской культуры не было необходимости в укрепленных поселениях, но концентрическая планировка, скорее всего – дань традиции. Возможно, поселение мыслилось как модель Вселенной с круглой землей и квадратным небом. На поселениях ташковской культуры зафиксированы строительные жертвы, «дома огня» (Иска III); в системе символической классификации сакральными зонами были восточная и северная, а зона смерти соотносилась с югом. Все исследованные поселения ташковской культуры погибли от пожара, по-видимому, сожжение их связано с представлениями о цикличности времени. Пожар должен был обновить мир. Обновляющая и очищающая сила огня рассматривалась в ведической космогонии как первопринцип Вселенной.

При отсутствии антропологических данных в изучении ташковской культуры мы можем, тем не менее, предполагать миграцию из южных регионов Восточной Европы по тем стереотипам культурного воспроизводства, которые соотносятся с индоевропейским или индоиранским миром.

О разноэтничном составе населения свидетельствуют сочетание на всех поселениях ташковской культуры двух основных орнаментальных традиций: накольчатой и гребенчатой. Накольчатая техника орнаментации чаще соотносится с новыми мотивами на сосудах, которые не встречались на неолитической и энеолитической посуде Зауралья. Это – меандры и меандровидные узоры, «елочка», валики, спирали, овалы. Наибольшее сходство керамики ташковской культуры наблюдается с керамикой елунинской культуры.

Население ташковской культуры сочетало присваивающие формы хозяйства с производящими (металлообработкой, скотоводством). Функциональный анализ каменных орудий, произведенный Г.Ф. Коробковой на поселении Ташково II, позволяет говорить о значительной роли плотницкого дела (строительство домов, средств передвижения), плетения и ткачества (изготовление циновок, одежды, корзин), а также гончарства.

Серия абсолютных дат и стратиграфическая позиция ташковских комплексов позволяет датировать культуру в пределах конца III – первой четверти II тыс. до н.э. [Ковалева 2005].

Существует точка зрения о принадлежности ташковской культуры к сейминскому и даже постсейминскому времени [Стефанов, Корочкова 2000]. Металлургия ташковской культуры еще недостаточно изучена. На всех поселениях отсутствуют следы плавки металла из руды, но имеются многочисленные свидетельства расплавки или переплавки медных слитков или металлического лома. Литейных форм, как и изделий, близких сейминско-турбинским, не найдено, хотя раскопаны десятки жилищ и целые поселения. Нет никаких оснований связывать генезис ташковской культуры с миграцией сейминско-турбинских популяций с востока на запад. Судя по уровню развития металлургии (металлообработки), а также малочисленности фактов, свидетельствующих о развитии скотоводства, ташковская культура выглядит более ранним культурным образованием по сравнению с кротовскими и елунинскими древностями.

В.К. Мерц объединяет вишневецкие древности Северного Казахстана с кротовско-елунинскими и ташковскими и относит к периоду ранней бронзы – время между энеолитом и появлением памятников андроновской общности, то есть доандроновское время бронзового века [Мерц 2003]. Этой точки зрения придерживаются и барнаульские археологи во главе с Ю.Ф. Кирюшиным. В.К. Мерц предполагает влияние ташковской культуры на формирование вишневецко-кротовских древностей Среднего Прииртышья.

Судьба большинства культур раннего бронзового века – елунинской, кротовской, ташковской, вишневецкой одинакова: их существование было прервано продвижением андроновских племен, хотя контакты с ними и не прослеживаются.

Список литературы

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Самарский университет, 1999. – С. 66–114.

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – Кн. 1. – С. 49–56.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. – 294 с.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. – С. 105–106.

Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших круглоплановых поселениях Евразии // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Материалы конференции. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 1995. – Кн. 1. – С. 116–119.

Мерц В.К. О новых памятниках ранней бронзы // исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – Кн. 1. – С. 132–141.

Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур бронзового века Волго-Донской лесостепи // Российская археология. – 2006 – № 1. – С. 31–43.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 104 с.

А.В. Колбина, А.В. Логвин, И.В. Шевнина

Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова, Республика Казахстан, Костанай

С.С. Калиева

Сургутский государственный университет, Сургут

ДОАНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА У ПОСЕЛЕНИЯ БЕСТАМАК

Могильник находится в степном Притоболье и расположен у северо-восточной окраины древнего поселения Бестамак (правый берег р. Буруктал, восточный приток р. Убаган, в Аулиекольском (бывший Семиозерный) районе Костанайской области Республики Казахстан, в 8 км к Ю-В от пос. Чили). Поселение раскапывалось в 1981–1983 гг. Полученная коллекция содержит разновременные материалы от неолита до поздней бронзы включительно. В период раскопок поселения поверхность могильника была хорошо задернована. Внешние признаки его не фиксировались. Позднее, в результате перевыпаса почвенный слой стал интенсивно разрушаться. К 1990 г. на месте могильника образовалась котловина размером 250 × 60 м и глубиной до 1 м. В результате спасательных работ в 1991–93 гг. и 1996 г. раскопом площадью 6052 кв. м была охвачена практически вся разрушенная часть могильника.

Большая часть могил была представлена синташтинско-петровскими захоронениями. Расположенные между синташтинско-петровскими более поздние погребения финальной бронзы никогда их не прорезают. Эта часть могильника по всей видимости функционировала практически непрерывно от развитой до финальной бронзы, так что к моменту совершения погребений эпохи финальной бронзы более ранние погребения фиксировались визуально и осознавались как таковые.

В 2002 г. работы на могильнике были возобновлены. Новый участок был прирезан к северной части старого раскопа и вписан в единую с ним сетку квадратов. В 2002–05 гг. было вскрыто еще 1808 кв.м. На этом участке помимо погребений эпохи бронзы были обнаружены единичные погребения раннего железного века и довольно много погребений добронзовой эпохи.

К сожалению сохранились костяки в ранних погребениях существенно хуже, чем даже в синташтинско-петровских. Только в десяти случаях зафиксированы костные останки погребенных. Для этих погребений характерна ориентировка по линиям СВ-ЮЗ, С-Ю и СЗ-ЮВ. Длина могильных ям обычно варьирует от 1,0 м до 1,65 м, а ширина – от 0,4 м до 0,85 м. В этом отношении выделяется погребение в яме №71, имеющее размеры 2,0 × 0,8 м. Захоронения совершались на глубине от 0,1 м до 0,6 м от уровня фиксации материка (1–1,5 м от современной поверхности).

В семи случаях фиксируется погребение в положении вытянуто на спине, в одном – в скорченном положении сидя и в двух случаях поза погребенного не установлена. Головой покойники ориентированы на север (2 погр.), на северо-восток (4 погр.) и на северо-запад (4 погр.). Практически на всех костяках фиксируется посыпка охрой, часто обильная. Возраст смерти в диапазоне от 35 до 60 лет установлен для двух погребенных, трое были захоронены в возрасте 7–8 лет и двое – в возрасте 16–18 лет. По этим признакам (ориентация, положение костяка) рассматриваемые погребения находят широкие аналогии на сопредельных территориях [Виноградов и др., 1986; Шорин, 1999; Кирюшин, 2000; Молодин, 2001; Ткачев, 2001; Зах и др., 2005; Шилов, 2002].

Только в трех погребениях можно уверенно говорить, что найденный в них инвентарь был специально положен с покойником во время погребальной церемонии. Это погребения совершенные в ямах №80, №109, №114. Череп погребенного в яме №80 ребенка 7–8 лет лежал на площадке из отщепов и орудий из них, которые были аккуратно уложены брюшком вверх. У северо-восточной стороны черепа кучкой лежало большое количество отщепов и орудий из них. С северо-западной стороны черепа (почти под ним) обнаружен большой кусок охры. Три каменных наконечника и отщепы были обнаружены в тлене, предположительно в средней части тулова. В целом в погребении найдено 42 каменных находки, в том числе: отщепы без ретуши (22), продольный

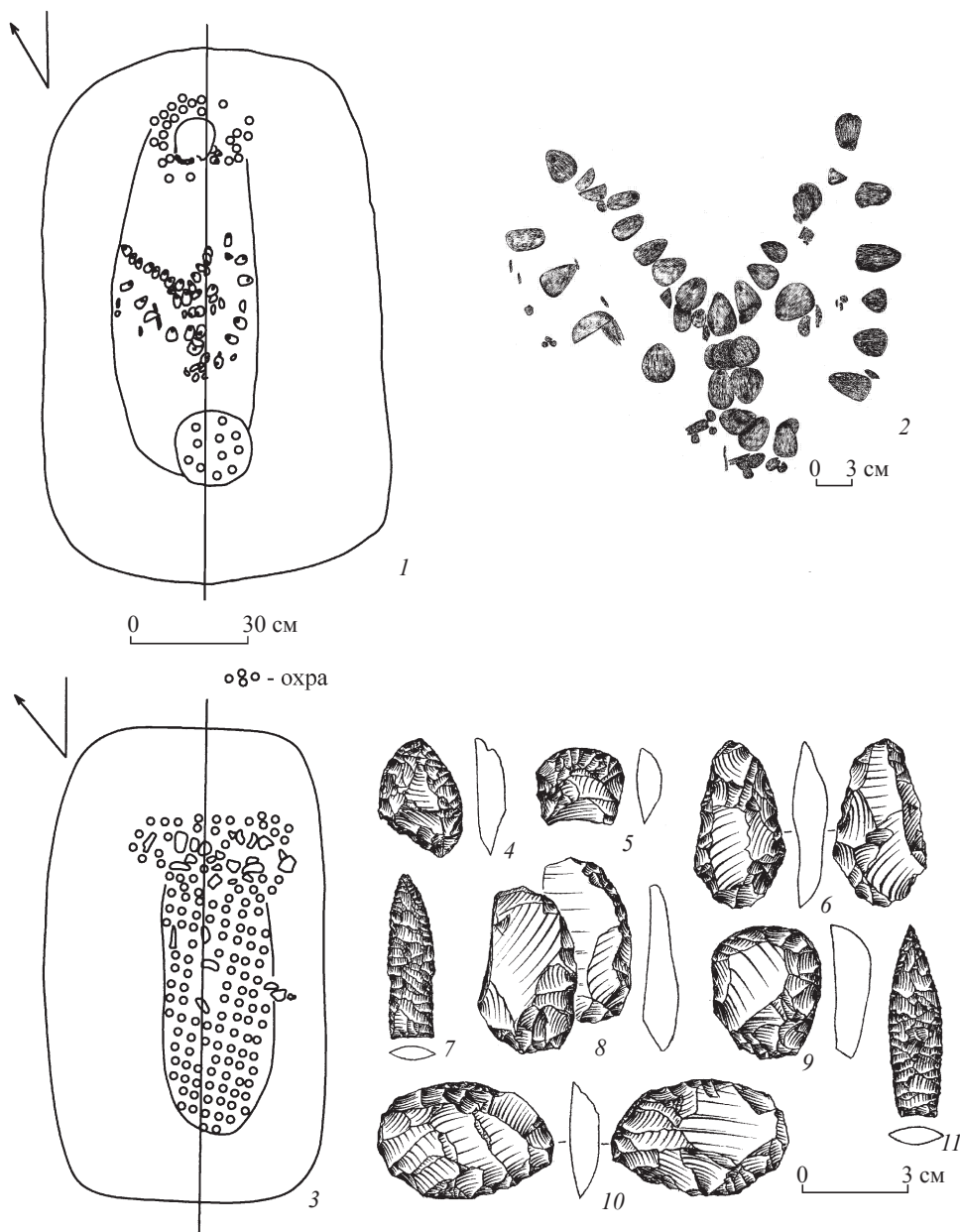

Рис. 1. Могильник у поселения Бестамак. 1, 2 – погребение № 109; 3-11 – погребение № 80.

скол с нуклеуса, и орудия из отщепов (19). Среди последних двусторонне обработанные наконечники (3), ножи (5), в том числе четыре двусторонне обработанных, скребки (9) и отщепы с ретушью (2). Все находки этого погребения типичны для терсекской культуры, материалы которой хорошо представлены на расположенном рядом с могильником поселении.

Терсекскими обитателями поселения оставлено и погребение в яме № 114, где была захоронена женщина 17–18 лет. Женщина была положена на спине в вытянутом положении, головой на север. На плечевой кости были обнаружены компактно уложенные изделия из камня и кости. Среди них отщепы без ретуши (11), пластина с ретушью, проколка, скребок, скребок-нож, двусторонне обработанные нож и наконечники стрел (2), отщеп с ретушью, шлифованный терочник в виде сапожка (или ноги). Изделия из кости плохой сохранности. Среди них есть одна трубочка с нарезками, четырехгранный стержень и два сильно разрушенных изделия из ребер, скорее всего это хорошо известные в терсекской культуре кочедыки.

В яме № 109 от костяка погребенного сохранился лишь череп ребенка семи лет. Место, занимавшееся погребенным, обозначено пятном тлена, мощностью до 0,1 м, длиной 0,85 м. В южной части тлена, предположительно, в ногах погребенного, фиксировалось круглое в плане диаметром 20 см и толщиной 15 см включение охры. Под черепом, в районе затылка были найдены две миндалевидные подвески из раковины и семь обломков костяных подвесок, три колечковидных бусины и две пронизки. Под подбородком находилась одна костяная подвеска. Примерно в центре пятна тлена, предположительно в районе таза, обнаружены два параллельных ряда подвесок. Ряды расположены углом вершиной вниз. Близкая композиция была зафиксирована в погребении №1 могильника Большой Мыс на Алтае, где она была выполнена подвесками из зубов животных [Кирюшин и др., 2000, с.33, 94]. У нас в одном ряду зафиксировано тринадцать целых и двадцать три обломка костяных подвесок, а также три обломка клыков животных. Другой ряд составлен из каменных подвесок (41). Среди подвесок преобладают миндалевидные. Имеются также подвески других форм, в том числе одна напоминает водоплавающую птицу.

В верхней части заполнения могильной ямы были найдены скребок и фрагмент энеолитической керамики с гребенчатым орнаментом, попавшие туда видимо с поверхности во время засыпки могильной ямы. Поскольку подвески присущи погребениям Северной Евразии в широком хронологическом диапазоне, то только этот скребок и фрагмент керамики позволяют с определенной степенью вероятности сузить этот диапазон для погребения № 109 до позднего энеолита.

Для остальных погребений взаимосвязь найденных в них вещей с человеческими костными остатками не столь бесспорна. В силу этого использовать находки для более узкой датировки погребений, чем отнесение их к добронзовой эпохе, не представляется возможным.

Учитывая размеры и ориентацию ям, наличие охры, находки кремневых орудий, помимо отмеченных десяти погребений, с достаточно большой степенью вероятности к доандроновскому времени можно отнести еще не менее восьми погребений, в которых костные остатки не обнаружены. Возможно отсутствие костей погребенных объясняется большей древностью их в сравнении с теми где есть кости. В какой-то мере в пользу этого может свидетельствовать факт прорезания ямой погребения № 80 одного из четырех рвов зафиксированных на рассматриваемом участке. Благодаря обильным включениям охры он фиксировался очень четко. Поскольку принадлежность погребения к терсекской культуре надежно устанавливается по комплексу находок, то существует большая вероятность того, что ров был сооружен значительно раньше. По крайней мере настолько, что в памяти терсекского населения информации о нем не было. Скорее всего физически на местности он уже не фиксировался. Дополнительно можно отметить, что в этот ров было вложено погребение №92. Граница могильной ямы не фиксировалась. Посыпанный охрой костяк плохо сохранился. В пятне тлена у остатков костяка обнаружено 9 кремневых находок, в т.ч. скребок и обломок наконечника стрелы, а также фрагмент стенки сосуда без орнамента. Доандроновский возраст этого погребения не вызывает сомнения. Поскольку погребение №92 не прорезает дно ровика, то это, так же как и в случае с погребением №80, свидетельствует о его существенно более раннем, чем терсекская эпоха, времени сооружения. Как известно, на сопредельных территориях столь ранние рвы отмечены лишь на могильнике Тумек-Кичиджик, основную часть погребений которого А.В. Виноградов склонен датировать IV тыс. до н. э. [Виноградов и др., 1986, с. 74].

Список литературы

- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Амурь. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г.** Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. №6. – С. 24–41.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2000. – 119 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – Т.1. – 128 с.
- Ткачев А.А.** Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 111–115.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.** Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып.24. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С.165–191.
- Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – с. 182.

Г.Ф. Коробкова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЭТАЛОННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ МИХАЙЛОВСКОЕ (функционально-планиграфический подход)

Трасологический анализ орудий труда позволил восстановить их конкретные функции, что весьма важно для реконструкции производственной деятельности населения, оставившего три культурных слоя Михайловского поселка, расположенного в низовьях Днепра. Большие площади раскопок и значительное число разнообразных находок, четко выявленная планиграфия дали возможность раскрыть внутреннюю структуру Михайловки на всех уровнях освоения памятника [Коробкова, Шапошникова 2005]. Впервые такой функционально-планиграфический анализ был применен к изучению материалов раннеолитической джейтунской культуры Туркменистана. Г.Ф. Коробковой удалось установить децентрализованный характер распространения орудий труда и других каменных и костяных изделий на полностью раскопанном на уровне второго строительного горизонта поселении Джейтун [Коробкова 1969]. Аналогичный функционально-планиграфический анализ проведен автором и для материалов эпохи бронзы Алтын-депе [Массон 1985], на территории которого были выделены кузнечные и металлургические мастерские, краскообрабатывающее, кожевенное, камнеобрабатывающее производства, работающие на уровне общинного ремесла [Коробкова 2001].

Результаты комплексного анализа материалов верхнего культурного горизонта Михайловского поселения (Михайловки III) показали высокую насыщенность археологическими находками. Во-первых, резко возросла площадь поселения, достигнув 1,5 га. Во-вторых, сохранившийся культурный слой, содержащий находки, стал значительно мощнее нижерасположенных ранних слоев. В-третьих, заметно увеличилась частота находок в пределах квадратов (в среднем 130 единиц без керамики и костей животных).

Прежде всего, привлекают внимание скопления металлообрабатывающих орудий. Из них наиболее крупным оказалось № 1, где сосредоточено 76 дифференцированных орудий, в том числе 4, связанных с металлургией, включая керамическое сопло (кв. IV).

Представленный набор включает арсенал орудий металлообрабатывающего производства, задействованных в самых разнообразных операциях. Здесь производились растирание рудных материалов и небольшая плавка меди. Можно говорить о наличии на этом участке кузнечной мастерской, с которой были связаны наковальни, молотки, гладилки, абразивы. Здесь же функционировала ювелирная мастерская, на что указывает присутствие подставок-наковаленок, молоточков, гладилок-выпрямителей, с помощью которых изготавливались медные пластины, о чем свидетельствуют небольшие размеры подставок, на которых раскатывался листовой металл, и готовые изделия, выполненные из подобных пластин. Молоточки и подставки-наковаленки могли быть задействованы и в изготовлении мелких медных изделий типа шильев, гвоздей, игл, рыболовных крючков и тому подобных изделий. Свидетельством этому служат находки четырех металлических шильев.

То есть здесь находился основной центр металлургического и металлообрабатывающего производств Михайловки III, в котором трудились разные специалисты – металлурги, кузнецы и ювелиры, работающие на уровне общинного ремесла.

Данные анализа скоплений с концентрацией специализированных изделий позволяют говорить о существовании на Михайловском поселении ряда рабочих площадок, используемых для расщепления кремня.

К ним вплотную примыкали камнеобрабатывающие производства, имеющие с ними общие пограничные территории. Из 16 скоплений с остатками камнеобрабатывающего производства выделяются 6, насчитывающие от 20 до 37 дифференцированных орудий, связанных с разными операциями по раскалыванию и оформлению камня и изготовлению каменных изделий. К их числу относятся специализированные площадки № I, IV, X, III, II и VII.

Функционально-планиграфический анализ кожеобрабатывающих орудий позволил выявить 9 специализированных скоплений с разной концентрацией находок. По количественному показателю последние можно подразделить на три группы. К первой отнесены скопления № I и № VIII, содержащие 70 и 85 дифференцированных орудий. Ко второй – скопления № III, VI и IX со средним содержанием орудийного набора от 35 до 49 изделий. К третьей – скопления № II, IV, V и VII, насчитывающие от 19 до 27 кожевенных инструментов.

Из девяти зафиксированных скоплений три оказались остатками мастерских смешанного типа, совмещающих обработку шкур и шитье из выделанных шкур и кож изделий (№ I, III, IX). Три мастерские работали по выделке шкур и кож (№ V, VI и II). Три служили пошивочными мастерскими из выделанной продукции (№ IV, VII, VIII). Среди последних высоким количественным показателем выделилась мастерская № VIII, в которой было занято 85 дифференцированных орудий, связанных с раскрытием выделанных шкур и кож, подсабливанием плохо обработанных участков и шитьем из подготовленных материалов разнообразных изделий.

От крупной мастерской смешанного типа дошли остатки орудий, представленных в скоплении № I, задействованных в обработке шкур и выделке кож и в шитье из них изделий.

Скопления № V, VI и II демонстрируют остатки скорняжных мастерских, ориентированных только на обработку шкур и выделку кож, то есть на изготовление меховых и кожаных изделий.

Таким образом, на Михайловском поселении в период его освоения группой позднейших племен функционировали две общинно-ремесленные мастерские смешанного и пошивочного профиля, а семь представляли собой производства индивидуального труда. Последние подразделялись по производственному профилю на мастерские смешанного (№ III, IX), только скорняжного (№ V, VI и II) и только пошивочного (№ IV, VII) типов.

Результаты функционально-планиграфического анализа орудий верхнего слоя позволили выявить 15 рабочих площадок, на которых расположились скопления деревообрабатывающих инструментов. По количественному признаку последние можно подразделить на 3 группы: крупные, средние и мелкие. К первым отнесены 4 скопления, насчитывающие свыше 20 дифференцированных орудий. Ко вторым – 6, они представлены коллекциями от 10 до 17 орудий. К третьей – 5, включающие от 5 до 9 изделий. Анализ участков концентрации находок показал их единообразие. Различия прослеживались лишь по количественному показателю и соотношению проушных топоров.

В настоящее время можно говорить лишь о предположительном профиле выделенных на поселении производственных участков, связанных с проведением тех или иных технологических операций. Вместе с тем такие дифференцированные работы как строительное дело, изготовление колес для повозок, лодок, посуды, орудий труда и других, отличающихся своей спецификой, безусловно, относились к разряду мастерских, в которых работали высококвалифицированные специалисты. Однако конкретная функциональная направленность этих мастерских не ясна. Лишь скопления с большим количеством орудий могут служить свидетельством разнообразия видов производимых там работ и значительном объеме выпускаемой продукции. Многоочаговое распространение скоплений тоже может указывать на дифференциацию деревообрабатывающего производства.

Попытка провести функционально-планиграфический анализ других групп орудий не дала результатов. Такая же картина наблюдается с орудиями ткачества, которые изредка образовывали скопления от 6 до 16 единиц. Аналогичная ситуация сложилась вокруг прядильного производства: маховички (напрясла) от веретен встречены в виде отдельных небольших группировок. Таким образом, ткачество и прядение носили децентрализованный характер.

Совершенно неожиданные результаты дал функционально-планиграфический анализ зернообрабатывающих орудий. Картина их распространения в основном традиционна. Зернотерка и пест или несколько пестов к ней обнаружены в разных квадратах центрального холма. Но все рекорды побили два скопления № 1 и 2, представленные 23 и 22 орудиями. Первое включало 10 зернотерок, 2 куранта, 8 пестов, 3 вкладыша серпа. Второе содержало 9 зернотерок, 11 пестов и 2 вкладыша серпа. Такое изобилие зернообрабатывающих орудий, сконцентрированных на двух соседних площадках, вызывает не только интерес, но и требует объяснения. Напомним, что в нижнем и среднем слоях Михайловского поселения зернотерки с пестами обнаружены возле жилищ. В верхнем слое они образуют высокий количественный показатель и локализуются как в разрозненном, так и в концентрированном виде. В этом плане поражают 2 соседних скопления, сосредоточивших больше половины всех зернообрабатывающих орудий поселка. По-видимому, они являлись собственностью общины (а может быть, выделившегося лидера), а разрозненные – индивидуальной. Именно здесь были обнаружены крупные зернотерки длиной 50-60 см, рассчитанные на обработку значительного объема зерна, и двуручные куранты. Скорее всего, этими орудиями пользовались в период особых торжеств, ритуальных действий, когда собирались все члены общины. И в этом случае требовались большие запасы зернообрабатывающей продук-

ции. Такая концентрация специфических находок встречена впервые. Это своего рода ручные примитивные мельничные жернова, которые использовались в особых случаях.

Функционально-планиграфическое исследование материалов трех культурных слоев Михайловского поселения дало исключительно интересную и принципиально важную информацию. Ее результатом явилось восстановление внутренней производственной структуры памятника эпохи неолита, ранней и средней бронзы, что сделано впервые. Четко проявилось отсутствие централизованных производств в нижнемихайловском поселке (Михайловка I), где основная жизнь проходила вне жилищ, вокруг вытянутых в одну линию глинобитных очагов, рядом с которыми остались многочисленные фрагменты керамики и разбитые кости домашних и диких животных. В четырех жилищах найдены повседневные орудия, да и то незначительной выборкой. Этот поселок характеризуют два скопления изделий, связанных с расщеплением кремня: более крупное локализовалось рядом с жилищем I; второе, небольшое – по соседству с жилищем II. Это были рабочие площадки, которыми пользовались члены михайловской общины, получая для себя необходимые заготовки.

В период существования поселения Михайловка II появились некоторые изменения в производственной деятельности и ее организации. Как и в нижнем слое, в среднем продолжают функционировать рабочие площадки по расщеплению кремня и получению заготовок, локализующиеся вокруг жилищ. Они еще не были остатками специализированных мастерских с большим количеством нуклеусов, осколков, отходов техники расщепления, отбойников, в которых работали мастера-профессионалы. Но зато именно в этом слое появились первые свидетельства возникновения металлообработки. И не просто децентрализованной, а выделенной в две специальные небольшие мастерские, работающие уже на общинно-ремесленном уровне. На территории Михайловки II выявились также две кожевенные площадки, демонстрирующие зачатки специализированных мастерских.

Производственная структура верхнего слоя, как это было показано выше, производит впечатление целой разветвленной сети дифференцированных мастерских, носивших многоочаговый характер.

Список литературы

- Коробкова Г.Ф.** Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. – МИА СССР. № 158. – Л.: Наука, 1969. – 216 с.
- Коробкова Г.Ф.** Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. – Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. – СПб.: Европейский дом, 2001. – С. 146–212.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.** Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. – СПб.: Европейский Дом, 2005. – 315 с.
- Массон В.М.** Алтын-депе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Т. XVIII. – Л.: Наука, 1985. 176 с.

О.Н. Корочкова*Уральский государственный университет, Екатеринбург***О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «АНДРОНОВСКОЙ» ИСТОРИОГРАФИИ***

Не секрет, что многие проблемы в археологии, в силу специфики источников и методов исследования, создает иногда не столько изучаемый материал, сколько сами исследователи. Особое значение в этой связи приобретает начальный период осмысления новой темы, изучения выделенной культуры. От характера первых памятников, расстановки акцентов, исследовательской интуиции, авторской интерпретации зависит дальнейшее развитие и понимание изучаемой проблемы. Другой немаловажный фактор, который определяет развитие научной дискуссии, обеспечивается составом ее участников. В науке очень часто именно личность исследователя, обаяние его работ определяют актуальность той или иной темы, а если она собирает целую плеяду ярких исследователей, то ее элитарное положение обеспечено. История изучения андроновских древностей – наглядное тому подтверждение. Оценивая характер и динамику андроновской проблематики, нетрудно выделить работы, которые особенно повлияли на ее развитие.

Первоначально термином «андроновская культура» обозначалась совокупность памятников эпохи бронзы Минусинской котловины с посудой плавной профилировки, украшенной красивым геометрическим орнаментом [Теплоухов, 1927]. И тогда же исследователями была подмечена определенная близость «андроновским» курганов в окрестностях Челябинска [Дурылин, 1927, Руденко, 1929]. Спустя всего два года С.А. Теплоухов [1929] подчеркнул, что Минусинский край являлся лишь восточным краем культуры, территория которой охватывала в первой половине II тыс. до н.э. степные пространства Западной Сибири и Казахстана.

Другое заметное событие связано с раскопками могильников на территории Актюбинского уезда М.П. Грязновым. Именно он обратил внимание на факты совместного нахождения андроновских сосудов плавной профилировки и оригинальных сосудов с уступчатым плечом в западных районах. Таким образом, была зафиксирована определенная связь этих типов посуды и установлен факт отличия западноандроновских комплексов от восточноандроновских [Грязнов, 1927]. Иногда складывается впечатление, что если бы данная связь была выявлена позже или при иных обстоятельствах, то андроноведение развивалось бы в ином направлении. Однако случилось именно так. И с этого момента две, казалось бы, совершенно различные керамические традиции, рассматриваются как, безусловно, связанные в рамках одной культуры или генетически связанных культур. Возникший тандем окончательно закрепила краткая, но имеющая чрезвычайно серьезные последствия для андроноведения работа К.В. Сальникова [1948], посвященная периодизации андроновской культуры Зауралья. Именно после нее западноандроновские комплексы станут называть алакульскими, а восточноандроновские – федоровскими.

Исследователи сразу отреагировали на то, что алакульские памятники неизвестны восточнее Среднего Прииртышья, а федоровские в районах к западу от Урала. Это обстоятельство было подробно проанализировано в работах О.А. Кривцовой-Граковой [1948] и С.В. Киселева [1949]. Ими же были представлены первые варианты обоснования хронологии, периодизации и происхождения андроновской культуры, сохранившие свою актуальность до сегодняшних дней. Однако важное наблюдение о зонах преимущественной локализации памятников западноандроновского и восточноандроновского типов не было должным образом оценено. Гораздо большее влияние в это время на развитие андроновской темы оказали работы К.В. Сальникова [1948]. Логика предложенной им гипотезы об основных этапах развития андроновской культуры и генетической связи

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 01–06–00037а.

федоровских и алакульских комплексов казалась безупречной и нашла немало сторонников среди исследователей других регионов (К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, М.Н. Комарова, А.Г. Максимова, В.С. Сорокин и др.). Хотя надо сказать, что сам исследователь никогда не распространял предложенную им схему за пределы Зауралья. В 50-е годы сформировалось мнение о существовании единой андроновской культуры, а термины «алакульский» и «федоровский» этапы распространились на сопредельные территории (Казахстан, Сибирь). Спустя какое-то время федоровскими станут называть андроновские памятники Минусинской котловины, что особенно показательно.

Однако в это же время выходят работы, в которых исследователи предупреждают, что на такой огромной территории следует ожидать гораздо более сложной и неоднозначной картины, характерной для формирующихся общностей II тыс. до н.э. В пределах таких общностей, скорее всего, будут выделены самостоятельные родственные культуры, имеющие собственные истоки, обладающие местной самобытностью и особенностями развития [Формозов, 1951, Чернецов, 1951]. Наиболее остро эти вопросы прозвучали в работе С.С. Черникова, посвященной памятникам Восточного Казахстана [1960]. Он, по сути, первым отказался от вошедших в широкое употребление зауральских терминов и предложил оригинальную периодизацию, передающую локальные особенности материальной культуры населения бронзового века в Восточном Казахстане. Напомним, им были выделены усть-буконьский, канайский, мало-красноярский и трушниковский этапы андроновской культуры. Он первым обратил внимание на присутствие валиковой посуды в малокрасноярских комплексах близких андроновским на Енисее и федоровским в Зауралье. Впоследствии это замечание подтвердилось на материалах других регионов, а это означает, что андроновский сервиз дополнился еще одним важным аксессуаром. Периодизация С.С. Черникова вызвала у исследователей [Сорокин, 1962] довольно резкую критику, возможно, именно потому, что не укладывалась в рамки устоявшейся к тому времени схемы, ломала сложившиеся стереотипы о непреложной связи федоровских, алакульских и замараевских древностей.

Серьезно повлияли на течение этой дискуссии в начале 60-х годов исследования Э.А. Федоровой-Давыдовой [1960], которая впервые поставила вопрос сначала об удревнении алакульских памятников, а потом о синхронизации алакульских и федоровских древностей. Аргументированный ею вывод перевел в реальную плоскость разговор о существовании в составе андроновской общности различных, имеющих собственный генезис, культур. Уместно вспомнить здесь гипотезу В.Н. Чернецова, который допускал, что в пределах андроновского ареала могут быть выделены самостоятельные разноэтнические культуры, при этом федоровскую культуру он верифицировал как культуру угорского населения, алакульская культура ассоциировалась с иранским миром [Чернецов, 1963]. Эта идея получила развернутое обоснование в работах М.Ф. Косарева, который указал на неопределенность термина «андоновская культура» [Косарев, 1965] и предположил возможность существования на территории, отводимой андроновской культуре, трех больших культурных массивов: алакульского (Северный и Западный Казахстан), федоровского (Зауралье) и восточного (Обь-Иртышье и Минусинская котловина). К тому времени, окончательно исчерпали себя возможности алакульско-федоровской интерпретации казахстанских памятников андроновской общности. Своеобразие местных материалов передают предложенные исследователями обозначения этапов/типов – нуринский, атасуский, бегазы-дандыбаевский. Более сложной и многообразной выглядит ситуация на северной окраине андроновского мира. В Зауралье открыты памятники коптяковского и черкаскульского типов, в Западной Сибири – сузгунские и еловские. Выделение культур так называемого андронидного облика существенно расширило спектр андроновской проблематики.

Таким образом, круг «андоновских» проблем расширялся, а узел противоречий становился все более запутанным. Выделение новых культур, появление новых исследовательских сюжетов отнюдь не сказались на остроте споров, развернувшихся около проблемы соотношения алакульской и федоровской культур. Они по-прежнему сохранили статус «главных» общеандоновских культур, а признание их самостоятельности обернулось еще и необходимостью решать отдельно проблемы их происхождения. В 60–80 гг. выходят яркие работы Г.Б. Здановича, М.Ф. Косарева, Е.Е. Кузьминой, Т.М. Потемкиной, К.В. Сальникова, В.С. Стоколоса, Э.А. Федоровой – Давыдовой, Л.П. Хлобыстина, которые окончательно переносят центр тяжести андроновской дискуссии именно в Зауралье и прилегающие районы Западной Сибири. Обобщающие исследования, посвященные памятникам срединной (К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев), и восточной (В.В. Бобров, В.И. Матющенко, В.И. Молодин, Г.А. Максименков, М.Д. Хлобыстина) зон андроновского ареала, появляются, но их явно недостаточно. И как результат – острые проблемы и своеобразные прорывы в изучении «андрона» ассоциируются именно с зауральскими материалами, а памятники других районов остаются «в тени». Отсюда создается впечатление, что основной узел андроновских проблем находится именно здесь, в Зауралье. Этот же фактор определил и остроту терминологических споров. Огромная совокупность археологических древностей была объединена термином «андоновская» (культура, общность и др.), что подчеркивает специфику, прежде всего, крайних восточных комплексов, а основные культуры, этапы, типы (алакульский, федоровский и др.) выделены

на основе крайних северо-западных пунктов. Налицо предпосылки для возникновения проблемной ситуации. В результате материалы различных районов андроновского ареала привлекаются к дискуссии, не имеющей к ним прямого отношения. Наиболее ярким примером является обсуждаемый уже несколько десятилетий вопрос о соотношении федоровских и алакульских древностей. Хотя очевидно, что постановка его правомерна только для части андроновского мира, что влечет за собой необходимость корректировки самого термина «андроновская общность». Затянувшийся спор о безусловной связи алакульских и федоровских комплексов в рамках единой общности, сдерживает реальную оценку культур и общностей Центральной Евразии II тыс. до н.э. Существенно повлиял на состояние андроновской дискуссии некоторый спад интереса к этой теме в связи с оживленным обсуждением проблем культур предшествующего хронологического горизонта (сейминско-турбинского, синташтинского). Другие факторы – недостаток обобщающих исследований (единственной работой такого рода остается книга Е.Е. Кузьминой, 1994), и работ, посвященных андроновским древностям восточных и центральных районов. Хотя, надо сказать, что изучение «казахстанского андрона» в этом смысле находится в более предпочтительной стадии развития (В.В. Варфоломеев, В.В. Евдокимов, М.К. Кадырбаев, Ж.К. Курманкулов, А.А. Ткачев, Э.Р. Усманова). Вышедшие в последние два десятилетия исследования основаны преимущественно на западных материалах (Т.М. Потемкина, Г.Б. Зданович, М.Ф. Косарев, М.Ф. Обыденнов, А.Ф. Шорин, А.В. Матвеев, В.И. Стефанов, О.Н. Корочкова, С.А. Григорьев) и, таким образом, по-прежнему развивают зауральскую линию андроновской партии как наиболее перспективную и актуальную.

Список литературы

- Грязнов М.** Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. – Л. – 1927. – Вып 2. – С. 172–221.
Дурылин С.Н. Раскопки под Челябинском // Зап. УОЛЕ. – Свердловск, 1927. – Т.40, вып. 2. – С. 105–122.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА. – 1949 – № 9. – 364 с.
Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. – СА. - 1965. – № 2. – С. 242–246.
Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник. // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. 17 – С. 57–172.
Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. М. – 1994. – 464 с.
Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов. – 1948. – С. 21–26.
Сорокин В.С. [Рецензия] // СЭ. -1962. – № 1. Рец на кн.: Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. -1960. – № 88. -272 с.
Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. – Л.: Гос. Рус. музей. 1927 – Т.3, вып. 2., – С. 57–112.
Теплоухов С.А. 1929. Опыт классификации бронзовых металлических культур Минусинского края // МЭ. – Л.: Гос. Рус. музей. 1929 – Т. 4, вып. 2. – С. 41–62.
Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV-XIII в. до н.э.// Тр. ГИМ. – 1960. – т. XXXVII. – С. 56–59.
Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИА. – 1951. – Вып. XXXIX. – С. 3–18.
Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М. – 1951.
Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности // Congressus internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus. Budapest. – 1963.- P. 405–411.
Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.

Список сокращений

- ВАУ** – Вопросы археологии Урала
Зап. УОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ – Материалы по этнографии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
СЭ – Советская этнография
Тр. ГИМ – Труды государственного Исторического музея

В.М. Костомаров*Тюменский государственный университет, Тюмень*

ПАХОМОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЗАУРАЛЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В последние десятилетия источниковый фонд археологии Западной Сибири значительно расширился. Вместе с накоплением новых источников наблюдается тенденция к увеличению подходов и позиций в интерпретации того или иного археологического материала. Начиная с середины 80-х годов ведется бурная дискуссия по проблемам так называемых андронидных, или в более широком смысле постфедоровских археологических культур. А именно тех культур, у которых основной пласт традиций напрямую связан с федоровским андроновским населением. В их число можно отнести, сузгунскую, черкаскульскую, бархатовскую культуры. В 1987 г. О.Н. Корочковой был выделен особый пахомовский тип памятников отличный от уже известных черкаскульских и сузгунских. Сопоставив материал с поселения Ново-Шадрино 7, исследовавшегося в 1983 и 1989 гг., О.Н. Корочкова пришла к выводу, что данная керамика находит аналогии в материалах Приишимья на поселении Пахомовская Пристань 1, в Прииртышье Инберень IV, а так же с керамикой отдельных погребений могильников Черноозерье II и Лихачевским, которые изучались еще в 70-е годы XX в [Генинг, Стефанов, 1991 с.52-59].

Первоначально были отмечены особенности декоративно-морфологического исполнения керамических изделий, ведения хозяйства и домостроительства. Немаловажно, что в основе пахомовских древностей О.Н. Корочкова видит андроновские корни, проявившиеся в большинстве сторон жизни пахомовских племен. На первом этапе было верно отмечено что, данная культура была синхронна на западе черкаскульским населением, на востоке с ордынским, и не исключалась возможность связей с населением, оставившим комплекс памятников бегазы-дандыбаевской культуры на территории Центрального Казахстана [1987, с.14].

Один из ключевых вопросов в изучении пахомовской культуры является соотношение полученных материалов с сузгунскими древностями. Сузгунско-пахомовская проблематика частью имеет начало еще в работах М.Ф. Косарева, где он предлагал различные инвариантные схемы возникновения сузгунской культуры, где он предположил наличие «предсузгунского этапа» [Косарев, 1973, с. 96-101; 1981, с.142; 1983, с.3]. В 1991 г коллективом уральских исследователей поставлены вопросы о существенном сходстве инвентаря пахомовских поселений и ранних культурных горизонтов сузгунских памятников таежного Прииртышья и не являются ли пахомовские древности частью сузгунской культуры, или не образуют ли её предтаежный вариант [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.70-89].

Сторонники постепенного развития сузгунских древностей отказывают в самостоятельности пахомовской культуре, так Л.В. Татаурова, А.В. Полеводов, А.Я. Труфанов говорят о некой генетической преемственности между пахомовским и сузгунскими керамическими комплексами поселения Алексеевка XXI оперируя некоторой схожестью комплексов данных культур на этом поселении [1997, с.162-191]. А.В. Полеводов предлагает считать пахомовскую и сузгунскую культуру не только единым образованием, но и возможно пахомовские древности являются, по мнению автора, локальным вариантом сузгунской культуры [Полеводов 2003, с.6-7; 2002, с. 111-113; 1999, с. 100-102].

Остается неразрешенным вопрос, связанный с происхождением пахомовской культуры, относительно механизма авторы высказывают редкостное согласие, а именно, появление традиций носителей пахомовской культуры связывают с взаимодействием федоровского населения и культур гребенчато-ямочного массива. Однако, в качестве гребенчато-ямочного компонента исследователи называют различные культурные образования. О.Н. Корочкова предложила считать вторым субстратом население ташковской культуры в Притоболье, логиновской в Приишимье, кротовской на Иртыше, подразумевая, таким образом, мультикомпонентность пахомовского населения [1993 с. 95-96].

А.В. Полеводов локализуя первостепенный очаг зарождения в Ишимо-Иртышской лесостепи, склонен видеть в качестве представителя культур гребенчато-ямочного комплекса носителей кротовской культуры, которые участвовали в формировании облика памятников черноозерского типа, на которых в свою очередь, складываются пахомовские, одновременно возрождая автохтонные гребенчато-ямочные традиции на фоне угасания собственно кротовских традиций [2003, с. 19–20].

Если о соотношении и территориальном сосуществовании с отдельными культурами андронидного массива говорилось с самого выделения пахомовской культуры, то такие проблемы как погребальный обряд и соотношение локальных групп пахомовского населения рассматривается только в последние несколько лет. До настоящего времени известно только случайные находки пахомовских погребальных сооружений. Это могильники Черноозерье II и Лихачевский могильник [Генинг, Стефанов, 1991, с.52–59], однако, при раскопках поселений Пахомовская Пристань I в Приишимье, в одной из ям хозяйственного назначения, и в зольнике поселения Ново-Шадрино 7 находящегося в Притоболье, были выявлены остеологические останки людей вне могильных сооружений, приуроченных к объектам хозяйственной деятельности, что может получить в дальнейшем развитие в изучении пахомовских древностей [Евдокимов, Корочкова, 1991, с. 50–63; Корочкова, 1999, с. 57–63].

На данный момент актуальна проблема выделения локальных вариантов пахомовской культуры согласно территориальным границам. Помимо известных в Притоболье памятников пахомовской культуры Ново-Шадрино 7 и Ук III, Ботники Iв, за последние 5 лет открыто множество новых объектов, таким образом, можно сказать, что изучение пахомовской культуры не прекращается, и мало того, интенсивно развивается проблематика, которая напрямую связана с территорией Тоболо-Ишимья, а в большей степени Притоболья.

Именно на материалах Тоболо-Истеского региона сделано не обоснованное предположение о сосуществовании или даже о совместном проживании на одной территории населения носителей пахомовских и черкаскульских традиций, о появлении традиций бархатовской культуры эпохи финальной бронзы вследствие этих контактов [Матвеев, Чикунова, 1999, с. 44–49].

В последние годы открыто и изучено немало памятников пахомовской культуры в междуречье и долинах рр. Тобол и Исеть. Открыто около 10 (группа памятников у д. Яр на левом берегу р. Исеть, группа селищ по берегам оз. Имбиряй и его водной системы) и исследовано 4 новых археологических памятника данной культуры [Волков, Ведерников, 2001, с. 131–132].

В 2003–2004 гг. изучалось селище Большой Имбиряй 10 культурный слой, которого, к сожалению, был разрушен антропогенной деятельностью, но на прибрежной части сохранилась часть памятника связанная с хозяйственной деятельностью обитателей этого места, получен выразительный керамический и вещевой комплекс, зафиксирована стратиграфия, позволившая определить соотношение черкаскульского и пахомовского комплексов этого памятника. В целом в изучении пахомовских древностей намечается направления по дифференциации пахомовского комплекса от материалов других групп населения, решение вопроса происхождения, как в культурологическом, так и в географическом характере. В перспективе стоит решение вопроса об абсолютной хронологии существования носителей пахомовской культуры, а также о соотношении с бархатовскими и сузгунскими комплексами на всей территории Тоболо-Иртышья. Немаловажно и само определение критериев культурной атрибуции пахомовских древностей в целом, а также выделение локальных специфических вариантов.

Список литературы

- Волков Е.Н., Ведерников П.А.** Материалы к археологической карте Ингальской долины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.3. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 2001. – С. 131–132.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Могильники андронидной культурной общности Ишимской Лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во ОмГУ. – 1991. – С. 52–59.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.** Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – 1991. – С. 50–63.
- Корочкова О.Н.** Андронидные культуры Западной Сибири // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – 1993. – С. 95–96.
- Корочкова О.Н.** Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. – Екатеринбург. – 1999. – С. 57–63.
- Корочкова О.Н.** Предтаёжное и Южнотаёжное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 24с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья // ВАУ. – 1991. – №7. – С. 70–89.

- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препринт. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – 1991. – С. 16–38.
- Косарев М.Ф.** Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. – Уфа: Изд-во БашГУ. – 1983. – 160 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука. – 1981. – 212 с.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М: Наука. – 1973. – С. 96–101.
- Л.В. Татаурова, А.В. Полеводов, А.Я. Труфанов** Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ. – 1997. – С. 162–191
- Матвеев А.В., Чикунова И.Ю.** Поселение Ботники 1в на Нижней Исети //Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.2 – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН-1999. – С. 44–49.
- Матвеев А.В., Чикунова И.Ю.** Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 1999. – С. 44–49.
- Полеводов А.В.** О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ. – 2002. – С. 111–113.
- Полеводов А.В.** Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание. – Челябинск. – 1999. – С. 100–102.
- Полеводов А.В.** Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М. – 2003. – 24с.

П.Ф. Кузнецов*Музей археологии Поволжья СГПУ, Самара*

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ КОЛЕСНИЦ ЭПОХИ БРОЗЫ*

Ключевое значение в связи с этой проблемой имеют памятники, в которых найдены детали конской узды, жертвенники коней, вооружение. Есть два основных района концентрации этих комплексов: Волго-Донская лесостепь и степная зона Южного Зауралья. Обряд имеет выраженную символику боевой колесницы: жертвенники коней в виде целых туш животных, или отдельные их частей; детали колесниц, которые включают и отпечатки колес; дисковидные псалии с шипами; богатое вооружение: копья, боевые топоры, колчаные наборы стрел, массивные кинжалы; украшения: широкие желобчатых браслеты и золотые височные подвески. Некоторые захоронения включали погребение взрослого мужчины и подростка, что соответствует представлениям об экипаже колесницы.

Анализ керамического инвентаря позволяет относить наиболее ранние комплексы с колесничной символикой к памятникам синташтинского, потаповского и раннепокровского (власово-филатовского) культурных типов.

Эти памятники соответствуют началу позднего бронзового века. Они стали важнейшей основой для выявления Волго-Уральского очага культурогенеза, в котором зародились культурные особенности новой эпохи, и распространились в северной Евразии [Бочкарев В.С. 1991].

Времени появления колесниц в степной зоне Евразии предшествует длительный период доместикации лошади. Кости лошади и ее первые жертвенники известны в памятниках энеолита Волго-Уралья, начиная с пятого тысячелетия до нашей эры [Кузнецов П.Ф., 1996, с. 56]. Состав костных остатков ранних поселений свидетельствует о включении лошади в пищевую рацион. Вопрос об их использовании в качестве транспортного средства остается остро дискуссионным. Это связано с гипотезой о раннем появлении верховой езды [Ковалевская В.Б., 1977, с. 21, 61]. Историографическая традиция подразумевает такую последовательность одомашнивания коня: охота – приручение – верховая езда – колесничная запряжка. Но для раннего начала верховой езды мы имеем лишь косвенные аргументы. В истории военного дела однозначно выражены два основных этапа использования коня, которые явно противоречат приведенной выше последовательности. Первоначально появились боевые колесницы, затем – кавалерия. Сторонники приоритета верховой езды утверждают, что для нее нет необходимости жесткой системы управления конем, поэтому в памятниках археологии отсутствуют достоверные артефакты. Но, мягкая узда, состоящая только из кожаных ремней, или волосяных нитей, не могла быть эффективной для военного дела, т.к. не давала твердой посадки наезднику и буквально «связывала» ему руки. Как альтернатива, высказана гипотеза о том, что изначально верховая езда была лишь способом организации контроля над стадами животных [Antony D., 1995, p. 561]. Но скотоводы всегда были воинственны. Функции пастуха и воина в предгосударственных скотоводческих обществах неразделимы. Поэтому, появление регулярной верховой езды должно было сопровождаться ее адаптацией к возможностям военного дела.

Таким образом, в изучении ранней истории коневодства существует ряд принципиальных вопросов. Их разрешение зависит от достоверности хронологического определения основных этапов коневодства. Для изучения хронологии активно привлекались орнаменты дисковидных псалиев степей Восточной Европы. Сходство украшения псалиев с микенским циркульным орнаментом давало основу для культурно-хронологи-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05–01–26100 а/В

ческой привязки с комплексами ранних цивилизаций [Лесков А.М., 1964] Но, соответствие орнаментов вступало в противоречие с восточноевропейским происхождением самих изделий. В результате, возникла дискуссия о месте появления самого «микенского» орнамента и времени его распространения. Необходимо отметить, что дискуссия еще далека от своего завершения. Одной из причин для этого стал пересмотр хронологии бронзового века Центральной Европы на основе радиоуглеродных датировок, а затем и дендрохронологии. Важнейший итог исследований – пересмотр всей культурно-хронологической шкалы центральной Европы в сторону удревнения [Бочкарев В.С., 1992, с. 21–23]. Парадоксальное следствие – отсутствие мотивированной хронологической базы для культур позднего бронзового века Восточной Европы.

В данной работе учтено десять погребений воинов колесничих, имеющие радиоуглеродные даты. Датированы погребения трех некрополей: Синташта и Кривое Озеро Южного Зауралья; VI Утевский курганный могильник в Поволжье. Есть радиоуглеродные даты и из других памятников Волго Уралья, например из Потаповких и Грачевских курганов. Но датированы лишь те погребения, в которых инвентарь воинов – колесничих отсутствовал. Нет радиоуглеродных дат для памятников Подонья. Два погребения имеют по две даты: VI Утевский могильник, курган (к.) 6, погребения (п.) 4 и 6. Для одного погребального комплекса были получены 4 даты: могильник Кривое Озеро, к.9, п.1. В итоге, мы имеем пятнадцать радиоуглеродных дат из десяти погребений воинов колесничих.

Для подтверждения особого статуса погребений приводим их список, характеристики особого погребального инвентаря, датировки.

1. Могильник Синташта, п.2. Тройное. Жертвенник из четырех коней. В состав инвентаря входили: два бронзовых ножа; медные скобы у челюстей коней [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 113–115]. Дата: Ki-650 4160±105 BP (материал – дерево из могилы).

2. Могильник Синташта, п.39. Парное. Жертвенник из черепов и конечностей восьми лошадей; бронзовый топор; 2 ножа, 12 кремневых наконечника стрел; 3 дисковидных псаля [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с.228-233]. Дата: Ki-658 4100±170 BP (дерево из могилы).

3. Могильник Синташта, п.22. Одиночное. Жертвенник из черепа и конечностей лошади; наконечник стрелы [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 188–190]. Дата: Ki-653: 4090±480 BP (дерево из могилы).

4. Могильник Утевка VI, к.6, п.4. Парное. Жертвенник из двух лошадей; платформа – основание колесницы; отпечаток колеса; 4 дисковидных псаля; бронзовые: копье, кинжал, тесло; 9 наконечников стрел [Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1992, с. 61]. Даты: AA-12568 3760±100 BP; OxA-4262 3510±80 BP (кости погребенного).

5. Могильник Синташта, п.28. Парное. Разрушено. Жертвенник из костей лошадей; колесница [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 200–203]. Дата: Ki-864 3760±120 BP (дерево из могилы).

6. Могильник Кривое Озеро I, к.9, п.1. Одиночное. Жертвенник из двух лошадей; колесница; отпечатки двух колес со спицами; 4 дисковидных псаля; нож-кинжал, тесло, 4 наконечника стрел [David W. Anthony, Nikolai V. Vinogradov. 1995, p. 39]. Даты: AA-9874b 3740±50 BP (череп лошади 1); AA-9875a 3700±60 BP (череп лошади 2); AA-9874a 35800±50 BP (череп лошади 1); AA-9875b 3525±50 BP (череп лошади 2).

7. Могильник Утевка VI, к.6, п.6. Одиночное. Жертвенник из двух черепов; платформа – основание колесницы; 3 дисковидных псаля; бронзовые: кинжал, тесло, втульчатое тесло; 5 кремневых наконечников стрел [Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1992, с. 63]. Даты: OxA-4264 3585±80 BP; OxA-4263 34700±80 BP (кости погребенного).

8. Могильник Синташта, п.19. Одиночное. Жертвенник из костей четырех лошадей; отпечатки двух колес [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 178–183]. Дата: Ki-864: 3560±180 BP (дерево из могилы).

9. Могильник Синташта, к. VI (CI) п.2. Одиночное. Жертвенник из костей четырех лошадей; бронзовый кинжал [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 256–258]. Дата: Le 1141 3440±60 BP (дерево из могилы).

10. Могильник Синташта, п.5. Тройное. Колесница, отпечатки двух колес со спицами; черепа и конечности восьми лошадей; бронзовые: кинжал, острие; 20 наконечников стрел; 4 дисковидных псаля. [Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 126–132]. Дата: Ki-862 3360±70 BP (дерево).

При отборе мы руководствовались возможностью реализации в погребальном обряде идеи принципа *pars pro toto*: [Кузьмина Е.Е., 1994, с. 166].

Для установления времени всех комплексов была использована программа OxCal. Особенность ее вариантов заключается в наглядности и преобразовании полученных графиков. Калибровка дат бронзового века предлагает широкий интервал, охватывающий несколько веков. В связи с этим, мы калибровали каждое погребение отдельно и объединили все значения на одном графике. Выделяются три пика, которые могут отражать время сооружения погребений. Вершина первого пика создана наиболее ранними датами трех погребений Синташтинского могильника. Второй пик образован уже четырьмя значениями. Важно, что одна дата этого

пика – из погребения 4 кургана 6 Утевского VI могильника. Это погребение имеет вторую, более позднюю датировку. Наиболее значим третий пик калибровок, включающий восемь дат. В этот же интервал вписываются все значения второго пика, а одно значение – первого. В этот пик вошли и все дублирующие анализы. Эти даты имеют самые узкие доверительные интервалы до ± 50 лет. Даты с интервалом более ± 100 лет являются мало достоверными. Они показывают тенденцию к удревнению, статистически отрываясь от корпуса датировок одной культуры. В итоге, третий пик значений является наиболее достоверным для времени анализируемых комплексов. Он соответствует периоду: вторая половина XX вв до н.э. – первая половина XVIII века до н.э. Новые радиоуглеродные даты синташтинских памятников Зауралья данный интервал подтверждают [Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005, с. 100].

Хронология памятников позволяет предполагать, что комплексы с колесницами Волго-Уралья являются древнейшими в Старом Свете.

Список литературы

- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.** Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. СПб. Наука, 1992.
- Бочкарев В.С.** Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб. Наука, 1991.
- Бочкарев В.С.** Новые абсолютные даты для бронзового века Европы // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. Наука, 1992.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта.** Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч.1. Челябинск. Южно-Уральское книжное Изд-во, 1992.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.** Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005 № 4.
- Ковалевская В.Б.** Конь и всадник (пути и судьбы). М. Наука, 1977
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? М. МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994.
- Кузнецов П.Ф.** Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1, СПб. Наука, 1996.
- Лесков А.М.** Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // Советская археология. 1964. №1.
- Antony D.** Horse, Wagon & Chariot: Indo-European Languages and Archeology // Antiquity. Vol. 69. 1995.
- Antony D.** The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BCE // The Bronze Age end Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Vol. 1. 1998.
- David W. Anthony, Nikolai B. Vinogradov.** Birth of the Chariot (Excavations east of the Ural Mountains reveal traces of the two-wheeled, high-performance vehicles) Archaeology, volume 48, #2, March/April 1995.

В.А. Лопатин

Саратовский государственный университет

ПЕСКОВАТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ (к вопросу о «комплексах памятников»)

Понятие о «комплексе памятников» было сформулировано в ходе методологических дискуссий по проблемам категорий археологических культур и их идентификации в конце прошлого столетия [Захарук, 1987; 1990]. Констатировалось, что комплексное изучение поселений и их некрополей позволяло формировать полноценные источники и проводить этносоциокультурные реконструкции. Попытки соотнесения поселений с ближайшими местами погребений – неоднократно предпринимались и ранее [Минаева, 1929; Кривцова-Гракова, 1948], значителен интерес к этой теме и теперь [Стоколос, 2004; Лопатин, Филимонова, 2003]. Наиболее фундаментально, с убедительными реконструкциями, опубликован Большекараганский некрополь Аркаима [Зданович и др., 2002].

Возможность подобного решения задачи реально сложилась в Саратове после завершения полевых исследований поселения и кургана на реке Мокрая Песковатка, раскопки которых проводились в 2004 и 2005 годах. Оба элемента этого типичного комплекта памятников находятся в непосредственной близости друг от друга. Заметно сходны технологические показатели керамических комплексов поселения и могильника, часты прямые совпадения форм и декора некоторых сосудов, например из пп. 3, 4 с корчагой из постройки 2, из п. 9 и хозяйственной ямы 8. Костяная втулка от рукояти плети или скипетра из п. 9 выточена из заготовки, подобной той, что зафиксирована в столбовой ямке 23 из постройки 1. Фрагмент жестяной облатки от деревянной посуды из п. 3 имеет аналог в очажном комплексе постройки 1.

Проще всего было бы считать основным и наиболее ранним п. 9 в яме с продольными ступенями, где присутствует инсигния власти – кальцитовая булава. Погребенный отмечен особым статусом, скорее всего положением руководителя большесемейной общины, но вряд ли его могила была первой. Скорее, эта смерть, повлекшая за собой сегментацию большой семьи и хозяйственной системы, привела к завершению культовых отправлений, что выразилось в сооружении кургана над грунтовым кладбищем. Наиболее ранними представляются пп. 3, 4 (восточная ориентировка, сосуды покровского типа). На поселении жизнь начинается именно в позднепокровское время, а завершается уже на развитом этапе срубной культуры, что подтверждается присутствием в керамическом комплексе компактной группы фрагментов с известными признаками.

Относительно одновременно им п. 2 с северной ориентировкой, глиняным сосудом и костяной ромбической пряжкой. Поясная фурнитура из кости типична для комплексов КМК, принимавшей участие в формировании срубной культуры в пределах восточной периферии «бабинского очага культурогенеза» [Литвиненко, 2004]. Зигзаг с отрезками на сосуде из этого погребения – редкий вариант, его прообразы на катакомбных сосудах связаны со сложной семантикой иконографии змея и половой символикой [Кияшко, 2001]. Отражающие идеи плодородия, эти мотивы фаллических и более древних женских культов представляют в орнаментальных кодах некую динамику идеологических воззрений на фоне становления патриархального общества. Для нас важнее реальная преемственность посткатакомбных элементов в раннесрубном комплексе. Ромбические пряжки отмечены, как наиболее характерные для покровских комплексов Волго-Уралья [Малов, 1992; Кузьмина, 1995]. Планиграфически обособленные в западном ряду могильника пп. 2-4 наиболее ранние, относящиеся к рубежу покровского и классического срубного периодов. Круглая пряжка из п. 9, изготовленная из фоссилизированной раковины, представляет другую линию развития и очевидно самый поздний вариант, выработанный уже в срубное время. Аналоги известны в срубных комплексах развитого времени [Васильев, 1977; Обыденнова, 1985], но в поздних памятниках не отмечены. Булава из п. 9 вряд ли могла быть предметом вооружения, слишком непрочен и хрупок ма-

териал, из которого она изготовлена. Она относится к навершиям 2 типа, варианту «А» («грушевидные с бортиком в основании»), характерным для раннесрубных комплексов и продолжающим развитие образцов эпохи средней бронзы [Малов, 1991]. Костяная втулка интересна с точки зрения своей функциональности. Она могла быть как деталью плети, так и скипетра с каменным навершием. Вторая трактовка вполне вероятна, поскольку втулка лежала на одной линии с булавой, как бы фиксируя нижний конец скипетра и определяя его общую длину размером в 87 см, что близко изображениям в древнеегипетской и ближневосточной иконографии.

Булавы, как инсигнии, маркировали не только воинскую власть [Цимиданов, Евглевский, 1993]. Навершия из кальцита, порфирифта, мела, нефрита принципиально не могли быть оружием в силу низких показателей прочности, они отмечали другие социально выраженные категории, например родовых старейшин, глав больших патриархальных семей. В п. 9 погребён человек, соответствующий именно данной социальной категории. Яркая выраженность, материальная вещественность знака его власти предполагает значимые общественные функции руководителя первичной ячейки позднеродового общества – представительство в собрании племени с правом совещательного голоса, подтверждённое наличием у делегата инсигнии определённого ранга. Конкретные формы булав, их цвет, материал могли соответствовать определённой знаковой символике родов, так же, как украшения или традиционные орнаменты.

Западный ряд погребений (2-4), возник в позднепокровское время жизни на поселении. Позже появились пп. 6, 9-11 восточного ряда, после чего могильник перекрыли земляной насыпью. Керамика из погребений восточного ряда характеризуется чисто срубными показателями (рис. 4, 9, 10). Типичны также бронзовые украшения желобчатого типа (пп. 6, 11) – овальные височные подвески и браслеты. Уже после возведения кургана сюда были впущены пп. 1, 5, 7 с типично срубными сосудами (рис. 4, 7, 8).

Причины ухода людей с этого места могли быть связаны не только с сегментацией коллектива, но и с естественными изменениями в самой экологической нише. Разрушительные антропогенные факторы (истощение пастбищ, сведение древесных видов) совпали во времени с катастрофическим подъёмом уровня грунтовых вод, активно поступавших в штольни домашних колодцев. Этот водный режим наблюдается и в настоящее время. Диапазон развития посёлка и некрополя на Песковатке невелик, его можно поместить в рамки второй половины XVI–XV вв до н.э.

Ошибочно расценивать «комплекты памятников» в качестве исключительного явления, это, скорее, культурно-историческая закономерность. Археологические культуры всегда представлены поселениями и некрополями, за исключением тех вариантов, где погребальный обряд завуалирован особой спецификой идеологии. В любом случае гипотетическая модель первобытного общества не может не отражать идей жизни и смерти. Поселению должен соответствовать некрополь – кладбище, место сожжения или сокрытия в водах, сакрального оставления на земной поверхности или в ветвях деревьев. В срубной культуре эпохи поздней бронзы некрополи поселений могли быть грунтовыми могильниками (Алексеевский, Танавский, Смеловка, Съезжее, Калач, Новопривольное, Генеральское), могильниками, перекрытыми земляными насыпями (Песковатка, Кизильский, Преображенка, Кайбелы), древними курганами, которые рассматривались в качестве предковых. Последних большинство и, чтобы убедиться в этом, достаточно по-новому пересмотреть известные подкурганые материалы.

Список литературы

- Васильев И.Б.** 1977. Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев. С. 43, рис. 20, 10.
- Захарук Ю.Н.** 1987. Проблемная ситуация и научная критика // Проблемная ситуация в археологии. Киев. С. 16–20.
- Захарук Ю.Н.** 1990. Спорное и бесспорное в изучении археологической культуры // КСИА. Вып. 201. М. С. 8.
- Зданович Д.Г.** 2002. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск.
- Княшко А.В.** 2001. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград. С. 25–43.
- Кривцова-Гракова О.А.** 1948. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М.
- Кузьмина О.В.** 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб. С. 44–45, рис. 7, 3, 4.
- Литвиненко Р.А.** 2004. Восточная периферия Бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград. С. 102–108.
- Лопатин В.А., Филимонова С.А.** 2003. Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары. С. 248–253.

- Малов Н.М.** 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов. С. 31–34, рис. 6, 5–7; С. 35–36.
- Малов Н.М.** 1992. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов. С. 44.
- Минаева Т.М.** 1929. Керамика Покровского селища // Труды секции археологии РАНИОН. Т. 4. Саратов. С. 319–321.
- Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. 1985. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа. С. 45, рис. 4, 10.
- Стоколос В.С.**, 2004. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. Челябинск. С. 207–236.
- Стоколос В.С., Стоколос Г.И.** 2004. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. Челябинск. С. 237–256.
- Цимиданов В.В., Евлевский А.В.** 1993. Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. № 2. Донецк. С. 99–112.

П.В. Мандрыка

Красноярский государственный университет, Красноярск

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕНИСЕЙСКОГО ПРИАНГАРЬЯ

Полевые исследования археологических памятников Енисейского Приангарья, на территории южнотаежной зоны нижнего течения р. Ангары и среднего течения р. Енисея, имеют более чем столетнюю историю [Мергарт, 1923; Merhart G., 1926; Окладников, 1939, 1966; Николаев, 1960; Макаров, 1989; Мандрыка, 1998 и др.]. За это время было собрано огромное количество материалов, происходящих, как правило, из случайных сборов или не стратифицированных памятников, что не позволяло разобраться в культурно-хронологическом определении находок.

В последнее десятилетие, в связи с новыми материалами, полученными из закрытых комплексов и многослойных поселений, стало возможным наметить особенности формирования материальной культуры населения Енисейского Приангарья в отдельные периоды эпохи металла. Четкая стратификация многослойных поселений и изучение углубленных жилищ на однослойных селищах, вместе с наличием радиоуглеродных датировок и данных естественнонаучных исследований, позволяют по новому подойти к решению вопросов хронологии и периодизации археологических культур бронзового века на обозначенной территории.

Начало бронзового века в Енисейском Приангарье хронологически совпадает с более южными районами Средней Сибири, то есть с конца III тыс. до н.э. В бронзовом веке здесь развивалось одновременно несколько культурных традиций, которые проявились в распространении разных керамических комплексов.

Комплексы с гладкостенной керамикой и гребенчато-пунктирной орнаментацией (бобровский тип) (рис. 1) обнаружены на многослойных поселениях Бобровка (6 к.с.), Островки-2 (3 к.с.), Шилка-9 (5 к.с.) и Усть-Шилка-2 (2 к.с.). Аналогии керамике отмечаются в Красноярском (Сосны-1) [Мандрыка, Адамович, 2003] и Канском лесостепном районе (в Маслеевской группе памятников) [Генералов, Дзюбас, 1991, с. 217, рис.44-1].

Комплексы включают гладкостенные сосуды закрытой простой и параболоидной формы с округлым дном, которые формовались из глины с примесью песка и дресвы. Орнаментом покрывалась верхняя треть формы. Под прямым краем венчика, обрез которого, как правило, украшался зубчатыми отпечатками, гребенчатые или пунктирные оттиски проходят в один – два ряда и поставлены наклонно. Под ними такой же печатно-накольчатой техникой, а иногда прочерчиванием, нанесены линии аналогичных оттисков, поставленных горизонтально. В нижней части композиция оформляется двумя рядами наклоненных, либо парой зигзагообразных линий, либо ромбовидными фигурами из зубчатых оттисков. Под краем венчика отмечается пояс ямок, в одном случае «жемчужин». В некоторых случаях орнамент состоит из горизонтальных тонких линий гребенчатых оттисков без пояса ямок. Рабочий край орнаментированных сосудов состоял из 3-8 зубцов, каждый из которых имел вид квадрата, ромба или параллелограмма.

Комплексы с керамикой бобровского типа иногда сопровождаются единичными сосудами, стенки которых оформлены неглубокими отпечатками толстого шнура, которые частично заглаживались или, скорее всего, наносились на подсохшую стенку сосудов. Имеется горшок-дымокур с прямоугольными налипшими ушками, украшенный рядами ногтевых наколов под краем венчика.

Возраст этих комплексов в пределах конца III – середины II тыс. до н.э. определяется серией радиоуглеродных дат и наличием бронзовых орудий. Среди них небольшой двулезвийный пластинчатый нож (повторяет форму каменных вкладышей), который находит аналогии в таежных районах Приобья среди материалов начала II тыс. до н.э. из Степановского могильника и городища Шаманский мыс (Кирюшин, 1978, рис.2-7; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 76, рис. 29-6; Косарев, 1974, с. 67).

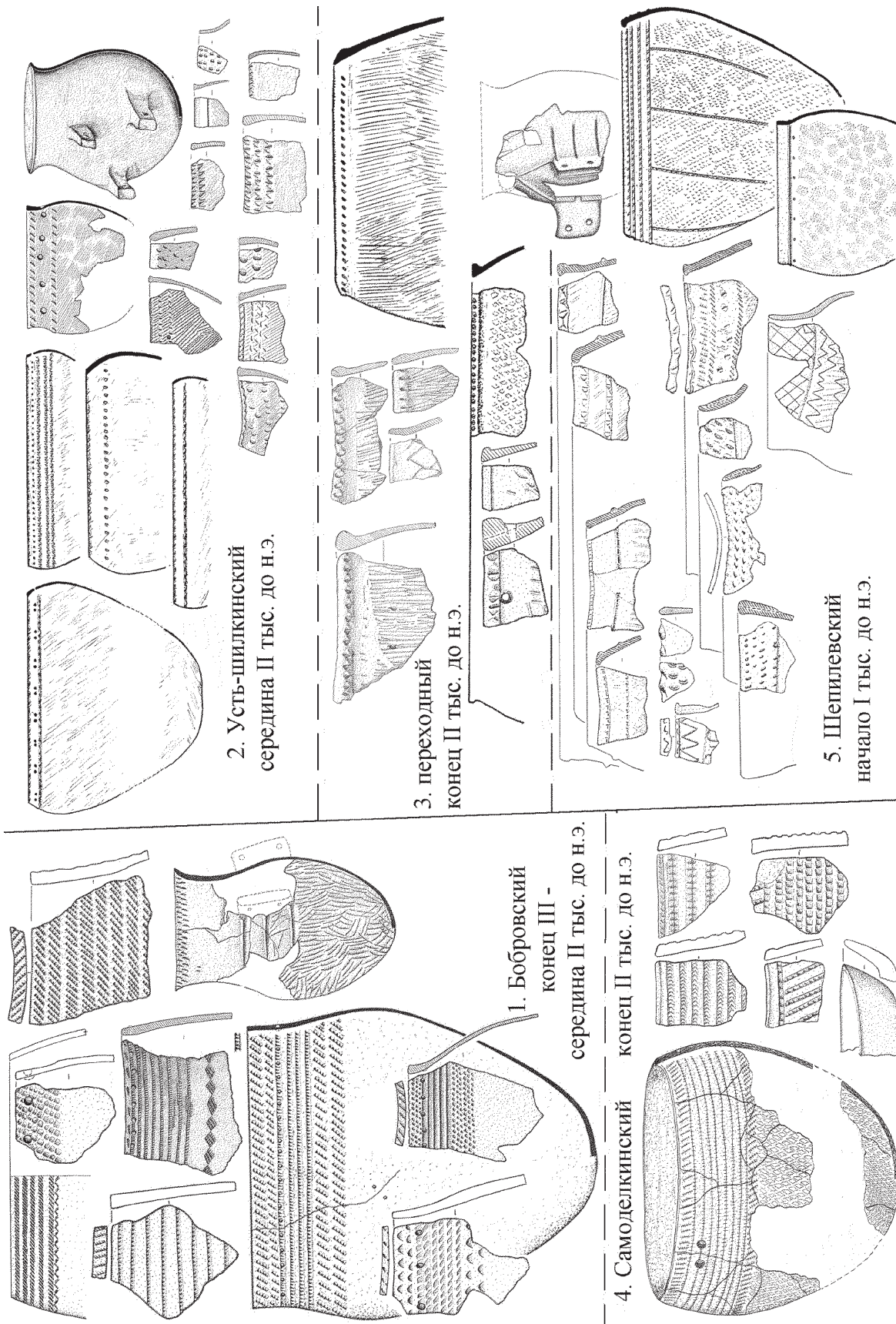

Рис. 1. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья

Комплексы с «тонкошнуровой» керамикой, т.е. с отпечатками тонкого витого шнура (усть-шилкинский тип) (рис. 2) зафиксированы на комплексе Усть-Шилка-2 (2 к.с.), на поселениях Шилка-9 (5 к.с.), Заостровка-2 (2 к.с.), а также на селище Шилка-8 (жилище 1). Аналогичная керамика известна на памятниках таежного Северного Приангарья и Красноярско-Канского лесостепного района.

Определяющим признаком выступают сосуды, поверхность стенок которых покрыта оттисками тонкого витого шнура. Посуда представлена горшками с профилированным венчиком, сосудами простой открытой или закрытой формы с округлым или слегка уплощенным дном. Лепилась ленточным кольцевым или лоскутным способом из формовочной массы с примесью дресвы, слюдянистого песка и, иногда, шмота. Орнамент укрывал зону венчика и наносился только пальцами руки мастера. Сочетание различных элементов орнамента позволяет отметить пять устойчивых вариантов композиций: 1-4 ряда пальцевых зашипов или ногтевых наколов; 1-2 ряда таких же оттисков, дополненных поясом ямок; 1-2 наlepных валика, рассеченных зашипами или оттисками ногтя; 1-3 таких же валика, но с поясом ямок и 1-2 гладких наlepных валика. В комплекс входят и горшки-дымокуры с профилированной формой венчика без орнамента и тремя языковидными прямоугольными наlepными ушками с одним отверстием в каждом.

Несмотря на то, что керамика, изготовленная при помощи колотушки, оставляющей шнуровые отпечатки, известна во многих районах Восточной Сибири с III тыс. до н.э. [Хлобыстин, 1998, с. 75], появление комплексов с «тонкошнуровой» керамикой на территории Енисейского Приангарья определяется с середины II тыс. до н.э. Такая датировка устанавливается серией радиоуглеродных дат, наличием бронзовых пластинчатых наконечников стрел и прямолезвийных однодырчатых ножей, а также стратиграфическим залеганием на многослойных памятниках выше комплексов с керамикой бобровского типа.

Сравнение посуды из закрытых объектов разных памятников позволяет отметить некоторые признаки, изменяющиеся во времени. Для раннего периода, кроме отмеченных вариантов орнамента, характерны наплывы формовочной массы по внешнему и внутреннему краю венчика, образованные оформлением прямого обреза. С развитием культуры, к концу II тыс. до н.э., края венчиков сосудов специально утолщаются. Для этого с наружной стороны наlepлялся валик или на небольшом расстоянии от края венчика пальцем продавливалась неширокая полоса, имитирующая утолщение венчика. Пальцевыми зашипами и ногтевыми наколами теперь оформляется только образовавшийся неширокий валик. Вместе с этим в орнаментации горшков, очевидно, дымокуров, под венчиком наклонными линиями прочерчивается сетка. Меняется и характер технического декора – шнуровые оттиски становятся длиннее и появляются вафельные. Этот переходный комплекс выделен по материалам жилищ на селище Шилка-8 (рис. 3).

С этого времени в Енисейском Приангарье у носителей керамики бобровского и усть-шилкинского типов распространяется мода оформлять поверхность стенок сосудов вафельными отпечатками, что привело к формированию новых комплексов.

Развитие гребенчато-пунктирной (бобровской) традиции приводит к образованию на севере района самоделкинского комплекса. На посуде стоянки Самоделка под г.Енисейском, изготовленной из глины с примесью песка и дресвы путем выколотки «крупно вафельной» колотушкой, «бобровский» орнаментальный мотив наносится накольчато-отступающими оттисками. В качестве орнаментира использовались резец бобра и зубы животных (рис.4). Датировка определяется присутствием льячки и бронзовых всплесков.

Усть-шилкинские традиции участвуют в формировании шепиловского комплекса (рис. 5), представленного гладкостенной, шнуровой и вафельной посудой в равном соотношении. Материалы найдены на поселениях Шепилево (2 к.с.), Шилка-9 (5 к.с.), Шилка-11 (жилище 1), Шилка-12/1 (жилище 1), Бобровка (5 к.с.) и др. Сосуды простой закрытой формы под краем венчика украшались рассеченными и гладкими наlepными валиками. Значительная часть чашек, горшков, банок имеют утолщенный широким наlepом венчик, который часто подчеркивался широкой вдавленной полосой. В орнаментации такой посуды чаще использовали оттиски округлоприостренных и мелкозубчатых орнаментиров и редко – зашипы, пальцевые и ногтевые наколы. На горшках с профилированным венчиком (среди них дымокуры) тонкими линиями прочерчивались сетка, зигзаги и волны. Сосуды дымокуры снабжались прямоугольными и языковидными наlepными ушками.

Таким образом, в разные периоды бронзового века Енисейское Приангарье заселялось носителями гладкостенной гребенчато-пунктирной, «шнуровой» и «вафельной» керамики. В период развитого бронзового века ареал гребенчатой керамики сокращается, очевидно, вместе с наступлением тайги на лесостепные южные участки. Традиция «шнуровой» керамики по этим же причинам расширяется на юг, далеко за пределы южно-таежной подзоны и доходит до южных границ лесостепи. К концу бронзового века в район проникает традиция носителей вафельной керамики, которая к раннему железному веку постепенно становится доминирующей. Структура орнаментальных традиций бронзового века Енисейского Приангарья в основе сходна с той, что формировалась в таежной зоне к северу и востоку от района исследования – в низовьях Енисея, в Приангарье,

Прибайкалье и Якутии, что свидетельствует об общности этнокультурных процессов, протекавших в среде близких по происхождению и историческим судьбам групп населения. В то же время связи между населением левобережных и правобережных от Енисея территорий не ослабевали даже под сильным влиянием культурных традиций с юга, которое испытывало население южной окраины лесостепи.

Список литературы

1. **Merhart G.** Die Bronzezeit am Enissei. Wien, 1926.
2. **Генералов А.Г., Дзюбас С.А.** К вопросу об изучении бронзового века Канской лесостепи // Палеоэкологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 121–126.
3. **Кирюшин Ю.Ф.** Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Томский университет, 1978. – С. 26–32.
4. **Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 181 с.
5. **Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
6. **Макаров Н.П.** К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижности. – Красноярск: Краснояр. ен. Изд-во, 1989. – С. 131–189.
7. **Мандрыка П.В.** Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1998. – 24 с.
8. **Мандрыка П.В., Адамович В.А.** Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 68–73.
9. **Мергарт Г.** Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия КОРГО.- Красноярск, 1923. – Т. III. – Вып.1. – С. 29–36.
10. **Николаев Р.В.** Археологические находки на севере Красноярского края // Советская археология. – 1960. – № 1. С. 254–256.
11. **Окладников А.П.** Неолитические находки в низовьях р.Ангары. К итогам работ 1937 г. // Вестник древней истории. – 1939. – № 4. – С. 181–186.
12. **Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.-Л.: Наука, 1966. – 322 с.
13. **Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – Спб.: «Дмитрий Буланин», 1998. – 342 с.

В.М. Массон*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ФОРМИРОВАНИЕ, РАСЦВЕТ И УПАДОК БЛОКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ЕВРАЗИИ (IV ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫС. Н.Э.)

В последнее время в литературе получил широкое распространение термин «культурное наследие», в частности для объяснений близкой, да и дальней преемственности того или иного народа. Понятие это многоплановое. И в числе прочих материалов зачастую имеется в виду не только конкретные проявления в сфере культуры или иных областей тех или иных черт преемственности и следования традициям, но и зачастую их довольно широкий пласт, охватывающий различные проявления и формы [Массон 2002]. Полагаю, что в данном случае можно даже говорить о своего рода блоке культурогенеза, намечающегося в пути наследования.

В настоящем сообщении мы имеем в виду такой блок культурного наследия, который охватывал ряд форм и особенностей, связанных с определенным типом культурно-хозяйственной деятельности и образом бытия. С течением веков они четко отразились в ряде параметров и стойко сохраняли свою преемственность. Имеется в виду степной образ жизни, столь свойственный обширному ареалу степной зоны Евразии от Молдавии до монгольских пространств. Четкая специфика, выработанная многими веками бытия, переживала через многие рубежи и охватывала многие народы и племена. Вообще при изучении истории народа не малое значение имеют не только язык и антропология, которым, особенно первым, придается первостепенное значение, но и весь блок культурного наследия, плавно переходящий через многие эпохи. Смена языка, как правило, зависит от политической ситуации. В истории Месопотамии многие народы меняли политическую ориентацию, но твердый пласт составлял высокоразвитый блок культурного наследия городского жизни, разную ступень которого, так или иначе, принимали завоеватели.

Это в полной мере касается и степных пространств Евразии, представляющих собой благодатное поле для выпаса различных стад скота. В течение VI–V тыс. до н. э. здесь широкое распространение получил крупный и мелкий рогатый скот, к которому в разной степени присоединились потомки местных животных, прежде всего лошади, а также, видимо, и собаки. Новые виды экономики быстро осваивали различные пространства, охватывая разные народы и племена. В результате в конце IV тыс. до н. э. здесь формируется целый культурный пласт близкого типа, получивший вслед за выделившим его Городцовым, наименование ямного или древнеямного [Шапошникова 1985]. С новыми параметрами получили полное распространение и новые виды погребального обряда – захоронения в курганах. Особо выдающихся личностей хоронили в курганах с огромными насыпями. С этого времени на многие тысячелетия курганный погребальный обряд стал символом степного населения. В крупных курганах погребенные лежали в сопровождении некоторого количества стрел и копий и грубых деревянных повозок. Величина отдельных курганов просто поражает – они достигают шестиметровой высоты при общем диаметре до 53 м и окружены рвом [Моргунова 1992]. Это явно подчеркивало высокий социальный статус усопших лидеров, иногда лишенных оружия, и явно представляло собой образец собой образец огромных затрат человеческого труда. В ряде случаев это, скорее сего, были представители военно-аристократической линии, сложившиеся в древнеямном обществе и возглавлявшие подчиненные группы населения.

Эта территория охватывала уже почти половину всего степного пространства от Молдавии до Приуралья. В литературе нередка дискуссия о способах такого распространения. При этом указывается, что встречающиеся на западе памятники несут многие местные черты [Дергачев 2000]. Видимо, это лишь отражает сложный процесс инфильтрации новых переселенцев [Манзура 2000], сплошь и рядом сливавшихся с аборигенами, образуя в целом смешанный субстрат. В свое время Л.Н. Гумилев выступал с концепцией формирования в среде ряда обществ активной группы пассионариев. Их постоянные поиски новых пастбищ и мест обитания вели

к непрерывному обновлению. Вероятно, наличие таких стимулов во многом определило структуры многих степных племен, устремлявшихся на поиски новых просторов.

Просуществовав первую треть III тыс. до н. э., ямное общество уступает пальму первенства иным объединениям, но достигнутые рубежи в виде погребений под курганами и захоронения вождей в особых гробницах сохраняют свое значение. В этом отношении особенно показательна первая треть II тыс. до н. э., когда в Поволжье и Приуралье сложилась новая культура, известная под названием синташтинской [Бочкарев 2002]. Для нее характерно наличие выраженных гробниц воинственной знати, погребенной с специальными повозками, для которых была выведена особая порода коней. Аналогичные новшества получили широкое распространение в степной зоне.

Решающим рубежом формирования культурного наследия степных племен стала первая треть I тыс. до н. э. Это было время перехода коней на открытый выпас и формирования подлинно конских всадников. Количество пород увеличивается, появляются стройные скакуны, преодолевающие просторы во многие сотни километров, а также тяжелые лошади, использовавшиеся как носители боевых панцирей. Именно такие кони участвовали в одной из наиболее знаменитых побед над римскими легионерами. Широкое распространение получила так называемая скифская триада, состоящая из конского снаряжения, боевого оружия и парадного убора. Оно было широко распространено и термин «скифский» является лишь условным обозначением. В разном виде вырабатываются подвижные жилища типа юрт и плоские столики, необходимые для неоднократных перекочевков.

Сложнее становилась и социальная структура кочевых обществ. Развивалась практика устройства суперпогребений разных типов. Теперь наряду с могилами рядовых воинов широко распространяются гробницы знати, снабженные различными богатыми древностями из ценных образцов, произведенных в далекой Месопотамии и Китае. Особо выделяются огромные гробницы, принадлежащие явно персонам царского круга. Так, например, гробницу Аржан в Туве VIII века до н. э. сопровождали многие десятки коней разных пород, сгруппированных в разных камерах. На западе во главе конных воинов стояли цари, на востоке преобладали сакские племена. Существовало много различных народов, объединенных в ряды, выражающие общий облик культурного наследия. Культурогенез был решающим блоком, объединяющим древние народы в различные параметры и рубежи.

Знаменательными событиями древней истории было образование Парфии и Кушанского царства. По существу, Парфия и особенно Бактрия были сравнительно заурядными эллинистическими государствами вплоть до завоевания их кочевниками их глубин Азии. Но через столетие потомки пассионарных групп, приведшие своих соплеменников далеко на юг, вступили в тесные связи с местной элитой и быстро пришли к созданию крупных держав, лидеры которых получили заслуженный титул царя царей [Массон 2004]. По существу, императорский Рис, Парфия, Кушанское царство и ханьский Китай образовали единую систему на огромном пространстве от Атлантического до Тихого океана.

Затем заметную роль стало играть государство тюркских каганов. Но шло время, менялись исторические перспективы и наступали новые рубежи. Тюркские выходцы поочередно возглавляли государства на юге Центральной Азии, где увеличилось число людей, владеющих новыми языками. Появление ислама приводило к потере кочевниками такого важного элемента культурного наследия, как курганные могилы. Правители Центральной Азии уже помещали могилы в огромные мавзолеи, лишённые кочевой специфики. Постепенно формировались двойные стандарты, объединявшие кочевые традиции и города, вновь образованные в былой степи [Массон 2005]., что особенно характерно для района Волги. По существу главным рубежом стало образование Чингисханом монгольской суперимперии кочевых племен, принесшей многие негативные качества. Начался закат мира степей. Объединения степняков, еще сохраняющие некоторые особенности культурных традиций, продолжали существовать. Но постепенно, особенно с подключением связей, да и прямого вхождения в состав России, а затем и Советского Союза, бывшее единство приходило в упадок. Ныне в условиях всеобщего приоритета новых рубежей лишь некоторые государства евразийских степей в порядке сохранения традиций сохраняют отдельные компоненты былого единства в виде употребления в особых случаях кочевых юрт и приверженности народа к конскому мясу. Некоторые традиции могут быть прослежены в народных обычаях, составляя уже тему так называемого народного ислама.

Список литературы

Бочкарев В.С. Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии // История татар с древнейших времен. Т. I. Казань, 2002. – С. 46–68.

Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции. К проблеме взаимодействия раннескотоводческих и древнеземледельческих обществ энеолита – ранней бронзы Восточной и Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. 2000. – С. 188–236.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами // *Stratum Plus*. – 2000. – № 2. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест.

Массон В.М. Вопросы культурного наследия. – Ашхабат, 2002. – 48 с.

Массон В.М. Формирование тюрко-согдийского синтеза // *Диалог цивилизаций*. – 2004. – № 2. – Бишкек. – С. 16–18.

Массон В.М. Древние общества степей Евразии в системе мировой истории // *Археологические вести*. 2005.– № 13. – С. 173–177.

Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры Приуралья // *Древняя история населения волго-уральских степей*. Межвузовский сборник научных статей. Оренбург, 1992. С. 5–27.

Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность. // *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев. – С. 336–352.

А.В. Матвеев, Е.Н. Волков, Ю.В. Рыжкова

*Институт гуманитарных исследований ТюмГУ, Тюмень
Институт проблем освоения Севера СО РАН*

РУЗУЛЬТАТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАСКОПОК ХРИПУНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Материалы поселений Ук 3, Нижнеингальское 3, Чистолебяжского и Хрипуновского могильников послужили фактическим основанием для изучения алакульской культуры в северной части ее ареала [Могильников, 1984, Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, Матвеев, Матвеева, Зах, Буслова, 1993, Матвеев, 1998, 2000, Матвеева. Волков, Рябогина, 2003]. Одним из наиболее полно исследованных алакульских памятников в При-тоболье стал Хрипуновский могильник. Но, как показало пятилетнее изучение некрополя, он использовался в качестве кладбища и в более позднее время. Хрипуновский могильник находится в 1 км к юго-западу от с. Красногорское в Исетском районе Тюменской области. Он приурочен к краю мысовидного выступа высотой 40 м крутой правобережной террасы р. Исеть.

Исследование памятника началось в 1992 г. Раскопом площадью 216 кв. м изучено 11 погребений, оставленных населением алакульской культуры [Матвеев, Матвеева, Зах, Буслова, 1993]. В 1993 г. исследовано еще 17 погребальных камер эпохи бронзы и одна могила средневекового периода. Было установлено, что алакульские могилы располагались под курганными насыпями, приуроченными к краю западного склона террасы. На современной дневной поверхности они представляли собой небольшие всхолмления высотой 0,6–1 м. В 2000 г. помимо алакульских и средневековой могил исследована серия безынвентарных погребений, ориентировочно датированных поздним средневековьем – новым временем. Таким образом, за четыре полевых сезона вскрыто около 1200 кв. м площади могильника, которой изучено 46 алакульских, восемь средневековых могил, а также серия жертвенных комплексов и ям.

Дальнейшее изучения памятника продиктовано несколькими обстоятельствами. Во-первых, необходимо уточнения особенностей расположения погребений алакульской культуры, детализации представлений об их устройстве. Хрипуновский могильник по-прежнему является одним из немногих объектов, свидетельствующих о проживании в Тоболо-Исетье алакульских групп. Во-вторых, неатрибутированными оставались безынвентарные средневековые захоронения, для определения их хронологической позиции требовался датирующий материал. Одной из задач являлась реконструкция хроностратиграфии памятника, территория которого служила кладбищем на протяжении нескольких периодов.

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов, Общая площадь раскопа составила 890 кв. м. Прирезка 2005 г. захватила курган размерами 18×16 м возвышавшийся над современной дневной поверхностью на 1 м. На ее поверхности отчетливо фиксировались две задернованных грабительских ямы. Одна из них располагалась практически на вершине кургана, другая яма обнаружена на северо-западном участке подножья насыпи. В ходе раскопок изучено 27 разновременных погребений.

В результате изучения культурного слоя памятника выявлено 20 захоронений бронзового века (могилы 47, 48, 49-54, 56-59, 62-66, 68-71). Погребения оказались ограбленными: кости скелета, обломки глиняной посуды и другой инвентарь были беспорядочно разбросаны внутри камеры. Могильные ямы имеют правильные прямоугольные или близкие к ним очертания. Исходя из их длины и ширины, можно выделить группу больших могил, размерами от 2,9×2 до 3,2×3 м. Это могилы 48, 58, 62 – 65. Погребальные камеры, величиной от 1,9×1,2 до 2,7×1,8 м относятся к средним (могилы 47, 56, 57, 59, 66, 68 – 71). Могилы 49-51, 53, 54 размерами 1,77-1×1,03-0,85 м. считаются малыми. Глубина камер варьировала от 0,2-0,3 до 0,5-0,6 м. Практически в каждом алакульском погребении обнаружены остатки деревянных домовин, сложенных из бревен или плах диаметром до 0,25 м (могилы 47-49, 51, 53, 56, 63, 68, 70). В ряде случаев, от деревянных конструкций фиксировался только тлен (могилы 57, 58, 64, 66, 69, 71) В могиле 62 выявлено хорошо сохранившееся перекрытие

домовины, представлявшее собой поперечный накат из плах, диаметром до 0,2 м. Нестандартной являлась деревянная конструкция, остатки которой исследованы в могиле 65. Она представляла собой сооружение из горизонтально лежащих вдоль северной и южной стенок камеры, плах и вертикально стоящих ближе к углам могилы бревен. Последние, скорее всего, служили в качестве опоры для перекрытия могилы или поддерживали какую-то наземную конструкцию, возведенную после погребения покойного. В могилах 47, 48, 49, 63, 65 отмечен факт сожжения бревенчатых домовин. За исключением могилы 50, 51, 53, 59 во всех остальных гробницах зафиксированы кости погребенных. Несмотря на то, что целых костяков обнаружить не удалось, наблюдения за расположением костного материала произведенные в могилах 48, 49, 58, 62, 63, 64, 68, 70, 71 свидетельствуют в пользу западной или юго-западной ориентации погребенных. Вместе с умершими в могильную камеру, как правило в изголовье, помещали глиняные сосуды. Их количество в одном погребении колебалось от одного (могила 53, 59, 66, 71) до пяти-шести (могилы 48, 50, 63, 64, 68). Всего отмечено 53 емкости. Это горшки приземистых пропорций с более или менее выраженными уступчиками на плечиках, плоским дном и округлым венчиком. Почти вся посуда орнаментирована. Декор, выполненный преимущественно гладким реже гребенчатым штампами, нарезкой, представлен рядами заштрихованных треугольников, подчеркнутых несколькими горизонтальными линиями, многорядным ступенчатым зигзагом, ромбами. Среди других категорий сопроводительного инвентаря отметим бронзовое шило, изготовленное из квадратного в сечении прута (могила 71), бронзовую крестовидную подвеску (могила 57), спицу (могила 58), желобчатый браслет из того же материала (могилы 47, 49, 58). Самым распространенной находкой были бронзовые бусины (могилы 47, 58, 63, 64, 65, 68, 70, 71). Пастовые бусины зафиксированы в могилах 58, 68, 71. Изделия из створок раковин и клыков животных с просверленным отверстием обнаружены в погребениях 48, 58 и 70. Рядом с погребениями 47, 49-51, 57, 62, 63 сохранились следы жертвенных комплексов, представленных костями голов и дистальных конечностями крупных животных, скорее всего лошадей. На черепе лошади жертвенника над могилой 62 обнаружен роговой псалий. Остатки жертвоприношений у могилы 50, 51, 57 сопровождался глиняным сосудом. Погребения бронзового века, изученные в 2001, 2005 гг. также сгруппированы в концентрические структуры. могилы 47 и 49 относятся к группе захоронений, изученных Н.П. Матвеевой в 2000 г. Остальные погребения образовывали самостоятельный погребальный комплекс. Его предварительная датировка может быть проведена пока только на основании радиоуглеродных дат, полученных в результате раскопок 1992–1993, 2000 гг. [Матвеев, 1998, Матвеева, Волков, Рябогина, 2003].

В раскопе 2001 г. обнаружено захоронение (могила 52) хронологическая интерпретация которого из-за отсутствия в нем инвентаря затруднительна. Погребенный был помещен в могилу в сидячем положении. Его тело было прислонено к восточной стенке камеры. Кости сильно обожжены. О длительном воздействии огня говорит углистая прослойка мощностью 0,2 м и прокал с включениями углей. Под тазовыми костями и ногами усопшего прослежена подсыпка из красной охры. На ступнях погребенного покоился череп второго индивида, по видимому искусственно отчлененный от тела. Судя по стратиграфическим наблюдениям рассматриваемой погребение старше алакульской могилы 48, поскольку перекрыто выбросом из нее. По конструктивным особенностям данная могила не может быть отнесена к андроновским. Возможно, в ней захоронен иноплеменник. Не исключен и значительно более древний неолитический возраст рассматриваемого погребения.

Помимо могил бронзового века на площади Хрипуновского могильника исследованы более поздние погребальные комплексы. В результате раскопок удалось установить, что фиксировавшаяся в рельефе курганная насыпь, первоначально связывавшаяся с эпохой бронзы, относится к саргатскому времени и связана с погребением в могиле 67. В основании насыпи обнаружены остатки деревянной конструкции, разрушенной грабительским лазом. Саргатская могила имела прямоугольную форму размерами 2,45×1,65. В камере выявлены фрагменты древесины, местами обожженной. Останки погребенного и сопровождавшие его вещи были сильно фрагментированы, и беспорядочно разбросаны по площади могильной ямы. Умерший, судя по расположению костного материала, был уложен в могилу головой на юго-восток. Среди датирующего материала отметим три бронзовых трехлопастных наконечника стрел со сводчатой головкой. Длина предметов 3–3,3 см, ширина – 0,7–0,8 см. Подобные экземпляры были широко распространены на территории юга Западной Сибири в эпоху раннего железа (VI–IV вв. до н.э.) [Смирнов, 1961]. С захоронением связан ров, шириной 0,4–0,5 м. Его глубина от уровня материка варьирует в пределах от 0,2 до 0,5 м. Могила 67, судя по анализу планиграфии, располагается как раз в центре, образованной рвом окружности. Традиция выкапывания рва вокруг погребения характерна для населения саргатской культуры раннего железного века.

Безусловно, интересной находкой является могила 60, в которой обнаружено не разграбленное средневековое погребение. Могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Ее заполнение отличалось от основного заполнения насыпи кургана только плотностью грунта: он был более рыхлым. На основании на-

блюдения за площадью его распространения, можно сделать вывод, что могила имела прямоугольную форму, размерами 2×0,75 м. По всему периметру ямы, на ее дне и на костях скелета отмечены остатки деревянного гроба-колоды. Погребенный человек лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища. От скелета сохранились нижние и верхние конечности, тазовая кость, черепная коробка с целой лицевой частью и раздробленной затылочной. Отсутствовали позвоночник, кости грудной клетки. Все зафиксированные кости скелета располагались в анатомическом порядке. В изголовье с левой стороны от покойного обнаружен неорнаментированный круглодонный глиняный сосуд. Емкость была помещена в берестяной туесок. На участке между черепом и сосудом обнаружены фрагменты бронзового бубенчика округлой формы с щелевидной прорезью. В области поясницы погребенного найдены части поясной гарнитуры: бронзовая пряжка, несколько обломков железных предметов, железная пряжка. У ступни его правой ноги найдены однокольчатые железные удила с роговыми псалиями. У левой руки погребенного расчищен деревянный колчан, покрытый берестой. Эта находка представляет особую ценность, поскольку археологических источников, позволяющих реконструировать внешний вид колчанов крайне мало. Этот атрибут экипировки лучников изготавливался из органического сырья, легко поддающегося разложению в земле. Обычно удается обнаружить колчаные крюки, пластинки, скобы изготовлявшиеся из металла. Длина изделия составляла 0,9 м. Ширина устьевого части – 7–10 см. К низу предмет расширялся до 15 см. На момент погребения в колчане находилось пять стрел с железными наконечниками. Стрелы были положены в колчан наконечниками вверх.

Кроме описанных выше, изучено еще четыре поздних безынвентарных захоронения. В одном из них (могила 55) похоронен взрослый человек с ребенком, другие могилы одиночные. Скелеты в могилах 55 и 61 отличались хорошей сохранностью костного материала, все кости располагались в анатомическом порядке. Погребенные лежали головой на запад с небольшим отклонением к северу. Могила 72 оказалась впущенной в алакульскую камеру 62. Камера сильно пострадала в результате сооружения грабительского лаза, следы которого отчетливо фиксировались на дневной поверхности до начала работ. С целью определения времени совершения погребений отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. Именно на эти данные возлагаются большие надежды, поскольку другие источники для интерпритации захоронений по-прежнему отсутствуют.

Таким образом, исследование Хрипуновского могильника в 2001, 2005 г. позволили установить следующее. Площадь Хрипуновского могильника использовалась в качестве кладбища на протяжении нескольких периодов: в эпоху бронзы населением алакульской культуры (всего с этим временем связано 57 захоронений), в раннем железном веке саргатскими группами (одна могила), в эпоху раннего средневековья (одно захоронение), и позднее средневековье – новое время (семь погребений).

Список литературы

1. **Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препринт. Свердловск, 1991. 72 с.
2. **Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах Е.М., Буслова М.А.** Хрипуновский могильник: новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень, 1994. С. 3–19.
3. **Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998
4. **Матвеев А.В.** Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2000.
5. **Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.** Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
6. **Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. № 101

Н.Л. Моргунова*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ В ПРИУРАЛЬЕ

Трудности в разработках периодизаций, как отдельных вариантов, так и всей Ямной КИО определяют безынвентарностью подавляющего большинства погребальных комплексов. Ставшая классической схема развития Ямной КИО, созданная Н.Я. Мерпертом, сохраняет свое значение и широко используется в исследованиях (Мерперт, 1974). В последние годы все большую актуальность приобретают комплексные методы исследования курганов с использованием радиоуглеродного датирования в определении хронологического места тех или иных памятников.

На территории Оренбуржья с применением комплексной методики изучены могильники Шумаево I, II и ОК; Мустаево V (всего 12 ямных курганов). Для установления очередности сооружения курганов помимо радиоуглеродного датирования каждого погребения по всем возможным материалам (кость, дерево, гумус) проводились палеопочвенные исследования, антропологический, палеозоологический и биоморфный анализы, а также изучение технологии металла и керамики (Моргунова, Гольева и др., 2003; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005).

Полученные к настоящему времени результаты позволяют из числа продатированных комплексов выделить 3 группы (хронологических горизонтов) погребальных сооружений.

Первый горизонт представляют 3 кургана могильника Шумаево I (к. 2, 3, 4), все безынвентарные, но отличающиеся размерами и формами могильных ям, а также положением скелетов. Установлено, что курганы 2 и 4 были сооружены через 50-60 лет позже возведения кургана 3 (палеопочвенные данные О.С. Хохловой и А.А. Гольевой), т.е. в коротком интервале времени. В кургане 3 яма имела сложную конструкцию со ступеньками и с подбоем, в котором в позе скорченно на спине находился скелет мужчины. Хотя калиброванный возраст погребения достаточно широк (3300–2600 ВС), особенности погребенных почв всех трех курганов позволили выделить их в более раннюю группу в сравнении с остальными ямными курганами в Шумаево, которые были сооружены согласно палеопочвенным данным на примерно 400 лет позже, и, таким образом, сузить хронологические рамки данной группы.

К данной хронологической группе близки и два кургана КМ Мустаево V (8/2, 9/2). Оба они были возведены почти одновременно в интервале от 3400 до 3000 лет ВС (Моргунова, Хохлова и др., 2005, с. 96–97).

В первой публикации Шумаевских курганов нами был сделан вывод о том, что курганы данной группы по полученным датам следует соотносить с репинским этапом (Моргунова, Гольева и др., 2003, с. 241). Продолжение исследований в Мустаево заставило усомниться в данном заключении, так как здесь получены аналогичные даты, но для погребений, где наряду с классическим обрядом находился инвентарь, характерный для развитого этапа (сосуд круглодонный, медный нож, костяные «булавки»-амулеты). Вполне вероятно, что данный горизонт ямных погребений Приуралья отражает начальную стадию развитого этапа. В Самарском Поволжье по данным П.Ф. Кузнецова к этим временам возможно соотнесение комплексов Кутулук I 4/1 и Ниж. Орлянка I 1/5, 4/2, возраст которых от 3350 до 2900 лет ВС (Кузнецов, 2003). Погребальный обряд этих курганов характеризуется типичным набором ямных признаков, а в одном из погребений обнаружен уникальный по своей форме и металлоемкости меч-скипетр.

На необходимость выделения ранней стадии развитого этапа и ее датировку в пределах от 3400 до 3200 лет ВС указывают и данные радиоуглеродного датирования в других вариантах Ямной КИО. В достаточно подробной базе данных по радиоуглеродному датированию различных культур бронзового века, составленной Е.Н. Черныхом, наряду с преобладающим количеством ямных комплексов, датированных в интервале

2900–2200 лет ВС, имеется и ряд дат в пределах 3400–2900 лет ВС (Черных и др., 2000; 2004). В Буго-Днестровье С.В. Иванова выделяет группу из 10 наиболее ранних, по ее мнению, – репинского времени, погребений, радиоуглеродный возраст которых находится в пределах 3600–3000 ВС (Иванова и др., 2005, с. 124).

На территории Калмыкии также имеются более ранние радиоуглеродные даты для погребений с ямным погребальным обрядом (Шишлина и др., 2001). Например, к.1 п.15 КМ Зунда-Толга (калиброванный возраст 3494–3137 ВС) по таким признакам как форма ямы, положение и ориентировка скелета, охра, кремневые отщепы вполне сопоставим со стандартным набором ямных признаков. Причем по керамике устанавливается синхронизация древнейших погребений этого кургана с новосвободненскими памятниками (Шишлина, 1997, с. 81–90). Кроме того, ранняя радиоуглеродная дата (3655–3375 ВС) получена для классического ямного погребения КМ Му-Шарет IV 1/4, которое являлось впускным по отношению к ямному комплексу с молоточковидной булавкой. Аналогичный интервал установлен для погребения 1 в кургане 12 (Шишлина, 2002).

Таким образом, по данным радиоуглеродного датирования намечается выделение ранней стадии развитого этапа ямной культуры. Погребальный обряд по данным продатированных комплексов характеризуется значительным разнообразием признаков и различными его вариациями в оформлении тех или иных подкурганых сооружений. При определенном стандарте обряда (курган, одиночные могилы, охра, восточная ориентировка, плетеные циновки и покрывала) наблюдаются отличия комплексов: разные размеры курганов и могил, могилы простые и сложные, положение скелетов скорченно на спине и на правом боку, одиночные и парные (коллективные) погребения, захоронения отдельных черепов. Важно также подчеркнуть, что с данным горизонтом благодаря мустаевским находкам соотносятся такие предметы как круглодонная керамика закрытой формы, медный нож, костяные «булавки» – амулеты с короткими рожками.

Что касается хронологии репинского этапа, который в Приуралье и в Поволжье достаточно представлен рядом курганных памятников, инвентарь из которых отличается значительной архаичностью (Быково II, Екатериновка, Покровка II, Герасимовка II и др.), то этот вопрос пока остается открытым, поскольку нет ни одной ¹⁴C даты для погребений этого типа. Необходимы целенаправленные исследования этой проблемы, которые, возможно, позволят, во-первых, приблизить радиоуглеродные даты раннеямных памятников и энеолитических памятников хвалынской культуры, во-вторых, с более серьезными основаниями обратиться к проблеме синхронизации и связей ямной и майкопской культур.

Ко второму горизонту в Шумаевских и Мустаевских могильниках отнесено 6 курганов. Все они отличаются разнообразием погребальных признаков при несомненном общем для всех ритуальном единстве (ОК Шумаево II, п.2; КМ Шумаево II 6/6, 3/7, 4/2, 5/3; КМ Мустаево V 1/1). Радиоуглеродное датирование данной группы погребений определяет его хронологические рамки в пределах 2900–2500 лет ВС. Данные курганы близки и по характеристике погребенных почв. По калиброванному возрасту к этому горизонту относятся также ямные погребения КМ Першин ¼ (Черных, Орловская, 2004) и КМ Курманаевка 3/1 (Богданов, 1999).

Таким образом, продатированы комплексы, сопоставимые по признакам погребального обряда с развитым этапом ямной культуры. В них находились такие артефакты, как деревянные колеса от повозок, костяная булавка-амулет с круглой головкой, литейная форма для изготовления топоров колтубанского типа. Это позволяет соотнести с данным горизонтом курганы Тамар-Уткульских могильников и курган 1 I Утевского могильника, в которых помимо топоров находились глиняные сосуды и комплекты деревообрабатывающих орудий, а также костяная булавка с короткими рожками вместе с медной бляхой, украшенной пуансонным орнаментом.

В Среднем Поволжье помимо утевского кургана с данным горизонтом по датам соотносятся погребения КМ Ниж. Орлянка I 1/4, КМ Лопатино I 33/1, КМ Красносамарское IV 1/1,3 (Кузнецов, 1996, 2003). Аналогичные хронологические рамки памятников развитого этапа ямной культуры определены для территории Калмыкии (Шишлина и др., 2001), Северного Причерноморья и Поднепровья, в том числе для погребений с повозками и молоточковидными булавами (Иванова и др., 2005; Николова, 2001).

Таким образом, повсеместно пока еще далеко недостаточно проводившееся радиоуглеродное датирование ямных комплексов, тем не менее, позволяет наметить хронологические рамки 2-ой стадии классического развитого этапа развития всей ямной общности – в период ее наиболее стабильного существования. Это интервал от 2900 до 2500 лет ВС.

Не менее дискуссионен вопрос о заключительном этапе развития ямной культуры, особенно для волгоуральского региона. Разные исследователи здесь по-разному понимают культурное содержание хроносреза, который согласно радиоуглеродному датированию определяется в рамках 2500–2000 лет ВС. По нашему мнению, несмотря на некоторые новации, в частности появление новых типов керамики, в это время, в целом, сохраняется ямный стандарт погребального обряда, что позволяет определять культурный статус памятников как позднеямный (Моргунова, 1991). Данный вывод подтверждается многочисленными фактами сосуществования раннекатакомбных и позднеямных памятников в западных областях от правобережного Поволжья до

Поднепровья (Синюк, 1995; Пустовалов, 2003, с. 46–59; Шишлина, 2001). С.В. Иванова отмечает, что катакомбное влияние не прослеживается западнее Буга, где сохраняется ямное господство (Иванова, 2005, с. 131). Аналогичная ситуация постепенного угасания катакомбного влияния наблюдается с запада на северо-восток в волго-уральском междуречье. Как следует из палеопочвенных исследований, данный процесс сопровождался серьезным экологическим кризисом, связанным с аридизацией климата (Моргунова и др., 2003).

Список литературы

- Богданов С.В.** Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. педун-та, 1999. – С. 12–19.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.** Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса: Изд-во КП ОГТ, 2005. – 297 с.
- Кузнецов П.Ф.** Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. – С. 64–66.
- Кузнецов П.Ф.** О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 4. – Оренбург: Изд-во Оренбург. педун-та, 2000. – С. 98–99.
- Кузнецов П.Ф.** Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения реки Самары в бронзовом веке. – Самара: Изд-во Самар. педун-та, 2003. – С. 43–51.
- Мерперт Н.Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 166 с.
- Моргунова Н.Л.** К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // Советская археология. – 1991. – №4. – С. 35–50.
- Шумаевские курганы** / Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлов О.С. – Оренбург: Изд-во Оренбург. педун-та, 2003. – 263 с.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.** Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 7. – Оренбург: Изд-во Оренбург. педун-та. – 2005. – С. 5–49.
- Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Гольева А.А., Зайцева Г.И., Чичагова О.А.** Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 7. – Оренбург: Изд-во Оренбург. педун-та, 2005. – С. 96–104.
- Николова А.В.** Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ¹⁴C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: Изд-во ООО НТЦ, 2001. – С. 104–107.
- Пустовалов С.Ж.** Анализ радиоуглеродных дат из погребений ямной и катакомбной общностей // Vita Antiqua. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 2003. – №№5–6. – С. 45–59.
- Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. педун-та, 1996. – 350 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.** Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: 2000. – 95 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. – 2004. – №1. – С. 84–99.
- Шишлина Н.И.,** 1997. Стратиграфия, хронология и культурная принадлежность кургана 1 могильника Зунда-Толга // Степь и Кавказ. – М.: Тр. ГИМ. – Вып. 97.
- Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Чичагова О.А., Ван дер Плихт Й.** Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО НТЦ, 2001. – С. 117–123.
- Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б.** Археологические исследования могильников Му-Шарет // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. – М.: Изд-во Гос. истор. Музея, 2001. – С. 11–73.
- Шишлина Н.И.,** 2002. Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 5. – Волгоград: Изд-во госун-та.

В.С. Мосин, С.Г. Боталов*Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, Челябинск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (эпоха камня и бронзы)

Археология, как историческая наука, своей конечной целью ставит изучение исторических процессов, проходивших в среде древнего населения. Археологическая культура, как центральная категория исследования в археологии, казалось бы, должна реализовать отражение в археологическом материале исторических реалий. Однако, в конце XX века развитие археологии на Урале и сопредельных территориях Западной Сибири пошло по совсем другому пути – выделения большого количества одновременных археологических культур на одной территории с единым вмещающим ландшафтом и, вероятно, единым населением. Еще большую путаницу создает бесконечное выделение различных «типов памятников», «типов керамики» и т.п., то есть, сугубо классификационных единиц, за которыми в реальности стоит только процедура классификации. Результатом этого является замена исторических исследований манипуляциями многочисленными типами, изложенными на чисто археологическом сленге, никому кроме узкого круга специалистов непонятном. Безусловно, основой археологии являются источниковедческие чисто археологические исследования, но это – лишь первый и, далеко не самостоятельный этап в изучении древней истории.

В качестве одного из примеров, можно привести изучение энеолита Южного и Среднего Урала и Зауралья, где для единого вмещающего ландшафта выделены аятская, кысыкульско-суртандинская, липчинская, сосновоостровская, шапкульская археологические культуры и целый ряд типов керамики. Суть различий между ними составляют детали в системах орнаментации сосудов. При этом керамические комплексы, найденные на одной зачастую однослойной стоянке или даже в одном жилище, разделяют по отдельным культурам, а затем объясняют это процессами влияния одной культуры на другую.

В реальности, исследуемые нами поселения и стоянки являются остатками жизнедеятельности общины, семьи, хозяйственной или целевой группы. Поскольку орнаментация керамики является отражением части мировоззрения, то каждый род, как хранитель традиций и мифологии, должен иметь свою систему орнаментации, частично отличающуюся от представлений соседнего рода. При безусловно действующей экзогамии любая семья и община включает в себя представителей различных родовых объединений, поэтому коллекции подавляющего большинства стоянок и поселений при близком типологическом наборе орудий из камня, в силу единства хозяйственного уклада, должны включать керамическую посуду как минимум двух-трех различных родовых традиций. Во всяком случае, не одного типа или одной системы орнаментации, как часто представляется археологам при выделении археологической культуры. Мозаика сочетаний стоянок с различными типами керамики и будет отражением жизни единого общества в своем вмещающем ландшафте – «сообщинности» уральского энеолитического населения Южного и Среднего Урала. Это и территориально конкретный хозяйственно-культурный тип и историко-этнографическая область, это – население на уровне развития VI–III тыс. до н.э. Именно такую общинность и можно было бы ассоциировать с дефиницией «археологическая культура», но ее жесткие рамки уже давно искусственно ограничивают адекватное отражение исторических процессов.

Цепочка «сообщинностей» на своих «границах», скрепляющаяся брачно-семейными связями, образует археологическую непрерывность энеолитического населения от гор Урала до Иртыша, занимая вмещающий ландшафт от южной кромки тайги до степи. Основным компонентом керамической традиции здесь выступает гребенчатая орнаментация, дополняемая в разных регионах другими родовыми традициями.

Отдельным аспектом обозначенной темы являются т.н. переходные эпохи. На рубеже III и II тыс. до н.э. историческая картина на Южном и Среднем Урале кардинально изменяется. В результате демографическо-

го взрыва, вызванного развитием комплексного производящего хозяйства в степной зоне Восточной Европы, территории степной и, отчасти, лесостепной зон Южного Урала и Предуралья начинают осваиваться индоевропейским (индоиранским) населением. Основной составляющей этого населения являлись, так называемые, поздние катакомники. Расселяясь на границах уральского вмещающего ландшафта – этнической праугорской территории они активно вступают в брачно-семейные отношения с коренным населением, что приводит к формированию обществ со смешанными этническими традициями и новой жизненной парадигмой. С течением времени местное праугорское население финального энеолита сосуществовавшее с пришлым индоиранским населением, неизбежно с ним сливается, принимая новую систему жизнеобеспечения, поскольку переход от стабильного комплексного присваивающего хозяйства к производящему при наличии необходимых условий осуществляется достаточно легко. Этот процесс мы фиксируем в возникновении населения, оставившего памятники, относимые к уральской абашевской и синташтинской археологическим культурам. В характеристиках этих культур, при основной индоевропейской составляющей, выраженной в домостроительстве, хозяйстве и погребальном обряде, ярко проявляются и праугорские орнаментальные традиции в керамике, сочетание в керамическом комплексе посуды с простыми и геометрическими орнаментами и т.п. При полной замене более прогрессивной моделью хозяйства единственной возможностью самоутверждения местного населения являлось сохранение родовых орнаментальных традиций, что имеет параллели в некоторых этнографически известных событиях. Этот процесс не был прямолинейным и простым, о чем свидетельствует возникновение укрепленных поселений на границе холмисто-увалистой лесостепи. В то же время коллективы переселенцев не могли существовать замкнуто. В результате начинают функционировать общества с новой внутренней структурой и родовыми традициями. Археологически это фиксируется как сосуществование абашевских, синташтинских и, вероятно, раннефедоровских общин, затем раннесрубных и синташтинско-алакульских, далее срубно-алакульских степных, федоровско-алакульских и федоровско-черкаскульских лесостепных и т.д. Вполне возможны связи между абашевским и черкаскульским населением. То, что население эпохи бронзы Южного Урала формировалось как этнически смешанное, и говорившее на различных языковых группах считают возможным и лингвисты [Иванов, 2004, с. 63]. Население Южного и Среднего Урала к середине эпохи бронзы опять становится единым, только уже индоевропейско-угорским и на другом историческом витке.

По-особому разворачиваются события этно-культурогенеза в период финальной бронзы. Затяжная фаза аридизации и ксеротерма, которая начинается во второй половине II тыс.лет до н.э. [Демкин, Рысков, 1996; 1996а; Таиров, 2000] на рубеже II и I тысячелетия приводит к первому экстремуму, который особенно ярко отразился на археологическом материале степной зоны, где в начале происходит активное микширование срубно-алакульского населения, а затем складывается целый ряд производных типов и культур финальной бронзы (амангельской, бишкульской, кожумбердинской, сольилицкой, ивановско-алексеевско-саргаринской, донгальской и пр.). Происходит постепенное затухание поселков и селищ, основанных в эпоху средней бронзы. Начинается отток населения из зоны степей в оазисные районы Казахстана (Кепт, Сары-Арка), Восточного Туркестана (Турфанский оазис), Средней Азии (Хорезм, Бактрия) и юга Восточной Европы. Это явилось результатом сложения своеобразного евразийского пласта Культур Валиковой Керамики (КВК). Наиболее адаптированным к новым условиям явилось население урало-сибирской лесостепи, где в данный период наблюдаются глобальные этноинтеграционные процессы, в результате чего на широте лесостепной и южной таежной кромки складывается гигантская общность андронидных культур в пределах вмещающего ландшафта от Камы до Енисея. Вероятнее всего, найденный в синташтинско-раннефедоровское время новый алгоритм угро-иранского сосуществования оказался не только жизненно стойким, но и расширил границы обитания данного населения в столь значительных размерах. Кроме того, основой существования являлся комплексный хозяйственный уклад племен этой общности с преобладанием отгонного скотоводства на юге в лесостепной полосе и значительной доли охотничьего и рыболовного промысла на севере в южно-таежной полосе, на что указывают остеологические материалы. Вероятно, с этого момента мы можем говорить о начале существования единой археолого-этнографической общности в пределах Урало-Сибирского региона. Далее для удобства мы будем называть ее Урало-Сибирской общностью. Возможно столь необъятные границы немало удивят археологическое сообщество наших глубоко уважаемых коллег. В этой связи особо следует оговорить, что речь идет о культурном единстве в традиционном понимании сравнительного тождества. Единство существует в рамках археологической непрерывности, когда черты схожести передаются подобно волновому импульсу. В этом случае первый признак идентичен последующему, но тот в свою очередь менее схож с предыдущим [Корякова, 1991]. Кроме того, единый вмещающий ландшафт от Зауралья до Оби волей-неволей оконтуривается границами макрорегиона Северного Обского Стока. Это не означает, что на всех этапах общность занимала строго эти границы. Интегрирующий вектор, имеющий пульсирующий характер на наиболее благоприятных стадиях развития, иногда временно заходил за основные рубежи, однако все в тех же ландшафтно примыкающих микрорайонах на Запад

через долины Ая, Уфы и Чусовой в Месегутовскую и Прикамскую лесостепь, на восток – в Обское правобережье. При этом в подавляющий период общность лишь стремилась восстановить основные границы своего макроландшафта и завершить крайний предел этно-родовых связей своей большой соплеменности. Данная общность археологически сегодня может быть опредмечена длинным рядом культур и типов (с востока – на запад): еловская, сузгунская, розановский, черкаскульская, межовская, березовский, луговская, маклашеевская, сусканско-лебежинская и др. При этом общая андронидная (в смысле федоровско-черкаскульская) доминанта сохраняется вплоть до финала бронзы, когда вероятно в XI–IX вв. до н.э. с проникновением в Поиртышье, Приобье и на Енисей с юга ирменско-карасукского, а чуть позже в IX–VIII вв. до н.э. с севера в районы Зауралья и Западной Сибири таежного угро-самодийского населения носителей фигурно-штамповой и крестовой керамики (гамаюнская, красноозерская, молчановская). Эти события в первом случае связаны со значительным ухудшением экологических условий в районах Ордоса и Внутренней Монголии, где в конце II тыс. до н.э. наступает фаза холодного и сухого климата, что выразилось в интенсивном отложении эоловой пыли в лессовых областях Китая и опустынивании степных областей [Пань-Джиангли и др., 2003, с. 155, 156; Лю Дуншен и др., 1984, с. 84–85; Таиров, 2003, с. 20–21]. Примерно в это же время наступает аридизация монгольских степей [Таиров, 2003, с. 20; Демкин, Рысков, 1996а, с. 99–100]. Не сумев адаптироваться к новым природным условиям и противостоять натиску земледельческого китайского населения, активно осваивающему долину Хуанхэ, племена палеоиринских скотоводов (культура Ордосских бронз, Чамдань, Наньшангень) устремляются в районы Северной Монголии и далее в Южносибирскую лесостепь вдоль бассейнов Оби и Иртыша. Данная ордосско-карасукская составляющая основательно трансформировала культурный облик лесостепного населения уралосибирской общности. Археологически это отразилось в появлении нового ряда культур и типов с ирменско-карасукоидной составляющей. Вероятно, проникновение новых групп восточно-иранского населения носило не разовый, а постепенный волновой характер. В культурно-историческом смысле это приводит к постепенному вытеснению андронидных черт и замене их традициями общекарасукского облика.

С.Г. Боталов, В.С. Мосин*Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, Челябинск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (эпоха раннего железа)

Трансформация переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу особенно ускоряется во время встречного движения северного таежного угро-самодийского населения вынужденного мигрировать в лесостепные широты в связи с увеличением влажности и поднятием уровня верховых болот в данный период в таежной зоне. Результатом этих инноваций явился повсеместный переход к круглодонной керамике, значительному преобладанию гребенчато-накольчатых традиций в орнаментации, прямолежачей позе и преобладание западных, северо-западных ориентировок в погребальном обряде. При внимательном рассмотрении этих черт можно без труда разглядеть как составляющие ирменско-карасукского и лесного таежного населения, а урало-сибирская общность, пройдя сложный переходный этап, продолжила свое существование на следующем этапе – раннего железа. Двуетнистый алгоритм обрел свою новую ипостась в иных культурных составляющих. Хотя здесь следует заметить, что переходный период продолжается довольно долго, что археологически отразилось в существовании ряда переходных культур и типов раннего железного века (баитовский, воробьевский, насиловский, завьяловская и др.). Это происходило в связи с тем, что южная и главная составляющая этой общности на протяжении длительного последующего периода (до VI вв. до н.э.) постепенно видоизменяла свой культурный облик. Ирменско-карасукоидная на начальном этапе была заменена предскифским и раннесакским воздействием в последующий период. Это отразилось в появлении ананьинских памятников в стратегически важном районе слияния Волги и Камы, материалы которых имеют яркие параллели среди образцов карасукского, раннескифского и сакского облика. Аналогичные скифо-сакские параллели среди памятников VII–VI вв. до н.э. сегодня известны в лесостепных зауральских (баитовских) и поиртышских (предсаргатских) памятниках. Относительная этнокультурная стабилизация и существование нового этапа рассматриваемой общности наступает в саргатский период. Причины данного этапа культурогенеза связаны с созданием в конце VI в. до н.э. и последующим существованием до конца III в. до н.э. в степях Южного Урала большого союза племен скифо-сарматского населения, так называемой Прохоровской культуры. На востоке границы его, вероятно, доходили до Сары-Арки, где параллельно сосуществовало родственное им сакское население тасмолинской культуры. Безусловно, характер инокультурного воздействия со стороны южного степного населения на различные микрорайоны Урало-Сибирской общности бесспорно сказалось на их культурное своеобразие, что археологически отразилось в особенностях Большереченской и Староалейской культур Приобья, испытывающих сильное воздействие со стороны саков Синцзяна и Восточного Казахстана, а иткульско-гороховско-саргатских отражающих разную степень взаимодействия со скифо-сарматским населением Урала и сако-тасмолинскими племенами Казахстана. Однако по нашему убеждению в данный период в пределах очерченной урало-сибирской территории угро-иранское население продолжает существовать в рамках единого соплеменного единства. Интегрирующим фактором этого сообщества является саргатская культура, население которой в результате межродовых брачных связей и череполосного расселения постепенно к IV–III вв. осваивает почти весь вмещающий ландшафт ранее существующей общности. В литературе это явление получило образное название «саргатской вуали», которая на западе легла на месягутовскую лесостепь [Савельев, 2002, с. 24], на востоке на Верхнее Приобье, где образцы саргатской керамики появляются в большереченских и староалейских памятниках [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 48; Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 65] на севере на районы устья Тары и Ишима, где саргатская посуда обнаружена среди богочановских материалов [Данченко, 1991, с. 32–34].

Эта ситуация сохраняется до конца III вв. до н.э. Довольно длительный деструктивный период, начавшийся вслед за этим, был вызван комплексом исторических экологических причин. Резкое ухудшение (ари-

дизации) климата в степях Южного Зауралья и Северного Казахстана в IV в. до н.э., а также благоприятное изменение политической инфраструктуры в степях Восточной Европы приводит к исходу сарматов (Верхних Аорсов) из Южного Зауралья. На смену им приходит новая сармато-юэчжийская волна, вытесненная из территории Хэсийского коридора и Восточного Туркестана хуннами. Подбойно-катакомбные комплексы (лявандакского типа) появляются в конце III–II вв. до н.э. в Среднеазиатских оазисах и Урало-Казахстанских степях [Боталов, 2003, с. 89–99]. Изменилась сакская конъюнктура и в степях восточного и Центрального Казахстана, куда из пределов Юго-Восточного Алтая и Синцзяна проникают новые группы сако-усуньского (предтюркского) населения (кулажуринского и коргантасского типов). Кроме того, в силу геоклиматического детерминизма тяжелой период гуманизации таежной зоны приводит к новой волне миграции таежного угро-самодийского населения Приобья и Тоболо-Иртышья. В первом случае это ознаменовалось приходом кулайских и раннеподчевашских племен в Барабу и Верхнее Приобье в III–II вв. до н.э., во втором – началом проникновения населения носителей кашинско-прыговской керамики сначала в южно-таежную, а затем в лесостепную зоны [Полосьмак, 1987, с. 103; Елагин, Молодин, 1991, с. 103; Данченко, 1991, с. 34; Викторова, Морозов, 1993; Ковригин, Шарاپова, 1998].

Все это существенным образом деструктурирует этнокультурное единство в рамках всего региона. Вероятно ко II–I в. до н.э. саргатская Урало-Сибирская общность продолжает свое существование лишь в рамках Тоболо-Иртышского микрорайона. При этом следует отметить, что с приходом волны сармато-юэчжийского населения (в конце III–II вв. до н.э.), которое по всей видимости, значительно изменило социальную стратификацию саргатского общества и составило его новый вождеский клан. Резко возрастает роль нового клана степной кочевнической элиты, что явилось причиной пресечения жизнедеятельности на иткульских и гороховских городищах и постепенному упадку Саргатских городищ и селищ. Процесс кардинальной деструкции саргатской общности был приостановлен в раннегунский период (II–IV вв. н.э.), когда этнополитическая ситуация в урало-казахстанских степях была относительно стабилизирована с приходом большого союза племен гунно-сарматского населения. На активный контакт пришельцев и местной саргатской среды указывает появление в большом количестве погребений гунно-сарматского облика среди саргатских комплексов [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 15–19, 28, 30–41, 44–46, 69, табл. 3; Матвеева, 1994, с. 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78–79, 82–84, 88, 89, 91, 92, 94, 95]. Хотя справедливости ради следует отметить, что в лесостепном Зауралье эти памятники несут явные следы не саргатского и гунно-сарматского мишкирования, а взаимодействия степняков на угро-самодийское лесное население кашинского и прыговского типов (Малково, Байрамгулово, Калмацкий Брод, Шатрово), последующим результатом которого является сложение раннеломатовского населения харинской культуры в Прикамье. Яркое присутствие таежного кашинского населения и носителей фигурно-штамповой керамики в это время наблюдается и в Тюменском Притоболье и в Барабе [Матвеева, 1994, с. 128–129; Полосьмак, 1987, с. 103].

Таким образом, после IV в. н.э. наблюдается стремительный распад данной общности, по крайней мере, ее угро-иранского облика. Помимо общего кризиса в недрах сохраняющегося до этого периода остатков саргатского сообщества, кардинальные изменения претерпевает на ее восточном и юго-восточном флангах. Дело в том, что приход в горные районы Саяна и Алтая гяньгуйского населения, вытесненного хуннами из Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана во II в. до н.э., который археологически отобразился тесинскими и булан-кобинскими трансформациями. В результате их в минусе формируется Таштынская общность, а в горной Туве и на Алтае возникают многочисленные переходные типы (кокэльский, кокнашский, балактыюльский, раннекатаидинский, берельский и др.) зарождающегося могучего тюрко-телесского сообщества [Боталов, 2003]. Это население уже к III–IV вв. занимает лесостепную широту Алтая и Приобья, оставив, а затем вытеснив и ассимилировав кулайское угро-самодийские племена. С возникновением Верхнеобской культуры (V в.) мы, вероятно, можем констатировать то, что крайняя восточная часть ранее существовавшей урало-сибирской общности становится новым тюрко-угорским анклавом будущего зарождающегося нового этнокультурного единства.

Кроме того, среди указанных памятников лесостепной полосы юго-западной Сибири появляются многочисленные, но весьма, яркие воинские комплексы, маркирующие сложение нового проаварского и проболгарского пласта тюрко-угорских народов. Речь идет о знаменитых одиночных погребениях Тугозвонovo, Сопка, погр. 688, Татарские могильники, Ераска, Троицкий Елбан I, Обские Плесы II и др. Последующее стремительное проникновение этого тюркизированного полукочевого населения, как в прочем и смещение всего массива угро-иранского и угро-самодийского лесостепного населения Зауралья и Западной Сибири в первой половине I тыс. н.э. сегодня не требует особых исторических и археологических подтверждений. В этой связи лишь хотим заострить внимание читателей на известной работе В.Ф. Геннинга [Геннинг, 1972], которая стала своеобразным итогом его практической археологической деятельности на Урале. Еще не вполне осознавая суть

большого урало-сибирского палеоирано-угорского единства, автор, характеризуя этапы Приуральского культурогенеза в эпоху раннесредневекового периода Великого Переселения народов, сознательно отказывается от определения археологических культур, вводя новый и весьма удобный как археологический инструментарий определитель археолого-этнографического типа (АЭТ). Следуя его логике, мы всецело признаем, что в условиях переходных, весьма динамических периодов истории целесообразность этого определения не вызывает никакого сомнения, равно, как для значительных периодов стабилизации и этно-культурной интеграции населения в рамках вмещающих макроландшафтов формируются и существуют в рамках определенных этапов историко-этнографической общности (ИАЭ).

Коротко охарактеризуем заключительный тюркский этап в существовании урало-сибирской (ИЭО), т.е. в основных своих звеньях он повторяет предшествующие. Историко-культурное его своеобразие передают довольно хорошо аргументированные (археологически и исторически) события, которые развивались в его временных пределах: расширение тюрко-телесского историко-культурного комплекса из территории юго-западной Сибири до Среднего Поволжья (раннеболгарские памятники новинкинского типа) [Боталов, 1996]; расширение кимако-кыпчакского ареала (сросткинской культуры) к VIII веку в пределах Урало-Алтайского региона [Савинов, 1979; Боталов, 2000]; последующее вытеснение в Приуралье в начале заурало-сибирского угро-культурного населения, которое легло в основу азелинской, мазунинской, ломоватовской, неволинской и кушнаренковской культур, а в финале (IX в.) смещение на запад угро-мадьярского (памятники караякуповского и большетиганского типов) и на север раннехантымансийского (Сайгатинский могильник) населения.

Формирование к IX-X вв. нового кыпчакско-угорского единства на территории от Приуралье до Верхней Оби [Боталов, 1988]. Как известно, это был последний этап жизнедеятельности урало-сибирской общности, последующие монгольское, золотоордынское, калмыцкое, ногатское и джунгарские нашествия, равно как и русская колонизация Урала и Сибири, в определенной степени нарушили единую тюркокультурную составляющую этой АЭО. Хотя исторической справедливости ради в заключении заметим, возможно этот предшествующий деструктивный период являлся лишь очередным переходным этапом, вслед за которым произойдет новая возможно особая административно-экономическая и социокультурная интеграция урало-сибирского макрорегиона?

А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет, Иркутск

ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИБАЙКАЛЯ

Процесс постепенного накопления фактических материалов, начатый в конце XIX в., шел параллельно с его осмыслением. Особенностью изучения бронзового века Прибайкалья является его неразрывная связь с исследованиями неолита и созданием единых для них схем периодизаций. Практически до 90-х гг. XX в. вопросы бронзового века региона решались попутно с общими проблемами культурно-исторического развития древних культур Прибайкалья. По характеру постановки и способов решения проблем в изучении эпохи бронзы выделяется 3 основных этапа.

Первый этап (конец XIX в. – середина 50-х гг. XX в.). Период становления археологии в Сибири. Характеризуется постепенным накоплением фактических материалов и первыми историческими интерпретациями. Знаменуется дискуссией о самостоятельном существовании бронзового века на территории Прибайкалья.

Первые погребения с медными изделиями на территории Восточной Сибири найдены в 1897 г. М.П. Овчинниковым в Глазковском предместье г. Иркутска [Овчинников, 1904]. На их основании он выделил «иркутскую культуру», которую отнес к началу бронзового века и предположил местное производство металлических изделий. Эту точку зрения поддержали и развили в ряде статей Г.П. Сосновский [1923, 1926] и Г.М. Константинов [1928].

Мнение Б.Э. Петри об отсутствии в Прибайкалье самостоятельной бронзовой культуры отражено в ряде публикаций 20-х гг. XX в. [Петри, 1916, 1921, 1922, 1926]. Единичные находки из меди и бронзы, найденные им в верхних слоях многослойного поселения Улан-Хада на побережье оз. Байкал, рассматривались Б.Э. Петри случайными, имеющими импортное, минусинское происхождение, а само поселение полностью датировалось неолитом. Эту точку зрения поддерживали его ученики [Подгорбунский, 1928 и др.].

В 1927 г. в Большой Советской энциклопедии выходит обобщающая статья В.А. Городцова по изучению бронзового века СССР, где он назвал «иркутский» тип погребений – глазковским и определил его культурой.

Завершением дискуссии о самостоятельном существовании бронзового века на территории Прибайкалья является публикация периодизации неолита и бронзового века, созданной А.П. Окладниковым на основе материалов погребений [1938, 1950, 1955]. В бронзовом веке им выделены: глазковский – энеолитический этап (1700–1300 гг. до н.э.), шиверский – дальнейшее развитие местной металлургии (1300–900 гг. до н.э.) и «бронзовый век» – постепенное вытеснение каменных орудий металлическими (800–300 гг. до н.э.). Глазковские памятники теоретически разделены на две группы (по уровню металлургического производства) – раннюю (сопоставимую с афанасьевскими погребениями) и позднюю (с андроновскими). Малочисленность изделий из металла и отсутствие стратифицированных поселений не позволили А.П. Окладникову на практике подразделить и характеризовать все захоронения по выделенным этапам. Поэтому глазковский этап описан в целом, а шиверский только хронологически намечен. Проводя реконструкции хозяйства, социального устройства и мировоззрения глазковского населения, А.П. Окладников широко использовал этнографические данные. Этот подход прочно утвердился в последующих археологических исследованиях.

Второй этап (2 половина 50-х – конец 80-х гг. XX в.). Характеризуется увеличением археологических исследований, расширением археологической базы, началом внедрения методов естественных наук. Проводятся попытки детализации и изменения периодизации бронзового века Прибайкалья.

О необходимости пересмотра взглядов на датировку глазковского этапа писал М.М. Герасимов, считая, что его финал синхронен существованию карасукской культуры [1955]. Корни глазковского этапа он видел в серовском этапе неолита Прибайкалья. В 1959 г. А.П. Окладников вносит корректировку в свою периодизацию

бронзового века Прибайкалья, синхронизируя шиверский этап с карасукскими памятниками. К нему он отнес все объекты, ранее отнесенные к «бронзовому веку» [Окладников, 1959].

Конец 50-х гг. отмечается крупномасштабными исследованиями, проведенными Иркутской экспедицией ЛО ИА АН СССР (М.П. Грязнов) на побережье оз. Байкал. В результате на поселении Улан-Хада выделены слои бронзового века, вскрыты могильники на побережье Малого моря и продолжены раскопки Фофановского могильника на р. Селенге. Фактический материал этой экспедиции долгие годы не был введен в научный оборот.

В 60-е – начале 70-х гг. отмечается поиск новых возможностей в изучении древней истории и расширении фактологической базы за счет исследования стояночных материалов. Внимание обращается к поселению Улан-Хада [Хлобыстин, 1964; Свинин, 1970, 1971, 1976]. Предложенные в эти годы периодизации охватывали период от каменного до железного веков. Бронзовый век рассматривался попутно с общими построениями. В связи с отсутствием характеристик периодов бронзового века и ограниченным материалом по стратифицированным поселениям (раскопки Б.Э. Петри 1913 г.) Л.П. Хлобыстин и В.В. Свинин одни и те же слои Улан-Хады относили к разным хронологическим периодам. Л.П. Хлобыстин удревил возраст глазковской культуры до конца III тыс. до н.э. и считал, что в ее формировании приняли участие серовская и китойская культуры.

В 70-х гг. появилась серия работ А.П. Окладникова, посвященных публикации материалов погребений, послуживших основой для периодизации 50-х гг. [Окладников, 1974–1976, 1978]. Тем самым значительно расширилась фактологическая база. В эти же годы публикуются материалы Фофановского могильника, раскопанного М.М. Герасимовым в 1959 г. [Герасимов, Черных, 1975]. Авторы статьи, основываясь на стратиграфических наблюдениях и результатах спектрального анализа бронзовых изделий, развивают мысль о более поздней дате глазковского этапа и выделяют III-ю группу погребений, датируемую более поздним (шиверским) временем.

В эти годы в археологические исследования Сибири активно внедряются методы естественных наук. На основе спектрального и металлографического анализов медных и бронзовых изделий юга Восточной Сибири Н.Ф. Сергеева установила, что в Прибайкалье существовал собственный центр обработки металла и использовалась местная рудная база [1974, 1981].

Исследования по изучению краниологических материалов из погребений бронзового века Прибайкалья показали инородность происхождения китойцев по сравнению с серовской и глазковской группами населения и единое происхождение последних [Мамонова, 1973; Алексеев, Мамонова, 1979].

В 70–80-е гг. планомерные полевые изыскания на территории Прибайкалья проводятся по двум направлениям: 1. раскопки могильников; 2. поиск и исследование многослойных стратифицированных поселений. По первому направлению наиболее значимые раскопки: Шумилиха, Усть-Ямный, Обхой, Манзурский могильник, Сарминский Мыс, Улярба и Шаманский Мыс [Конопацкий, 1977, 1982; Зубков, 1978; Бронзовый век Приангарья ..., 1981; Панковская, Смотрова, 1982]. На основе материалов могильника Шумилиха О.И. Горюновой выделена группа погребений с трупомещением сидя, в скорченной позе, датированная по кельту карасукского типа IX–VIII вв. до н.э. [Горюнова, 1975]. Комплексному анализу материалов этого могильника посвящен сборник статей «Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха» [1981]. В эти годы появляются первые даты ^{14}C , полученные по погребениям Шаманского Мыса. В результате А.К. Конопацкий расширил датировку глазковской культуры концом III-началом II тыс. до н.э. – XIV–XIII вв. до н.э. [Конопацкий, 1982]. По второму направлению – поиску и изучению стратифицированных многослойных поселений, следует отметить: Горелый Лес, Плотбище, Улан-Хаду, Тышкинэ II и III [Савельев, Горюнова, 1971; Савельев, Горюнова и др., 1974; Горюнова, Ярославцева, 1982; Горюнова, 1984]. На основе изучения поселений Приольхонья и широкого применения методов естественных наук, О.И. Горюновой была предложена новая периодизация культур от каменного до железного века [1984]. Бронзовый век подразделен на 3 этапа, сопоставляемые с глазковской культурой (XVIII–XIII вв. до н.э.), карасук-шиверским временем (XIII–VIII вв. до н.э.) и тапхарским этапом культуры плиточных могил (VII–VI вв. до н.э.). По поселениям были получены первые даты ^{14}C ; проведена реконструкция палеоклиматов и палеоландшафтов региона [Горюнова, Воробьева, 1986; Воробьева, Горюнова и др., 1992].

Третий этап (конец 80-х гг. XX в. – до настоящего времени). Характеризуется комплексными, тематическими исследованиями объектов бронзового века, масштабными вскрытиями, широким привлечением методов естественных наук. Происходит процесс переосмысления имеющихся материалов; появляются обобщающие исследования по бронзовому веку.

В конце 80-х гг. появилась серия радиоуглеродных дат по погребениям Прибайкалья, в результате которых существенно удревилась датировка глазковской культуры – 4,6 (4,8) – 3,6 (3,4) тыс. л.н. [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Противоречие многих дат вызвало не адекватное к ним отношение.

Обобщению и переосмыслению накопленных данных по бронзовому веку Прибайкалья посвящена серия статей О.И. Горюновой 90-х гг. XX в. На основе материалов многослойных поселений стратиграфически

выделены и характеризованы периоды бронзового века региона. Полученные по поселениям даты ^{14}C , позволили уточнить выделенные рубежи [Горюнова, 1992, 1996; Горюнова, Воробьева, 1993 и др.]. В предложенной периодизации выделены: ранний бронзовый век – раннеглазковская культура (4,1–3,6 тыс. л.н.), развитый – позднее глазково (3,6–3,1 тыс. л.н.) и поздний – сопоставим с карасук-шиверским временем (3,0–2,8 тыс. л.н.). В последнем периоде выделены локальные группы: шиверская, шумилихинская, мухорская, фофановская и северобайкальская. Полученные даты ^{14}C по шумилихинской группе погребений (4,8–4,0 тыс. л.н.) на общем фоне изученности бронзового века Сибири выглядели сильно удревненными.

В сибирской археологии этих лет отмечается определенный кризис старых методов археологических исследований; культурно-исторические периодизации, построенные на чисто археологических методах, вошли в противоречие с датированием радиоуглеродным методом. Вновь развернулась дискуссия о генезисе, хронологии и периодизации бронзового века Прибайкалья [Weber, 1995; Харинский, Сосновская, 2000; Базалийский, Туркин и др., 2001; Вебер, Линк, 2001; Горюнова, 2002; Горюнова, Новиков и др., 2004 и др.]. Авторы пытаются найти новые подходы для уточнения культурно-исторических схем и предлагают свои модели развития культур. Учитывая данные последних лет, следует признать, что устойчивая тенденция ^{14}C дат к удревнению этапов эпохи бронзы оказалась верной.

В последние десятилетия возобновились тематические, комплексные раскопки могильников, в результате которых получены качественные материалы по погребальной практике, материальной и духовной культуре населения: Макрушинский и Усть-Илгинский могильники, Хужир-Нугэ XIV, Курма XI, Усть-Ида и др. [Уваров, Николаев, 1990; Тютрин, Базалийский, 1996; Горюнова, Вебер, 1997, 2000–2003; Горюнова, Новиков и др., 1998; Новиков, 1998; Алтухов, 2001]. Работы базируются на комплексных данных, полученных на основе междисциплинарных исследований. В научный оборот вводятся материалы новых и ранее раскопанных некрополей. Внимание уделяется: реконструкции погребальных обрядов и планиграфии могильников [Древности Байкала, 1992; Горюнова, 2002; Горюнова, Новиков и др., 2004; Новиков, Горюнова и др., 2005]; радиоуглеродному датированию [Вебер, Горюнова и др., 2004]; духовной культуре и хозяйственной деятельности [Горюнова, Вебер, 2003; Ezzo, Weber et al., 2003; Горюнова, 2004; Оводов, Горюнова и др., 2004; Новиков, Горюнова, 2005 и др.]. Серия публикаций посвящена вопросам демографии, рациону питания и подвижности древнего населения [Вебер, Линк, 2001; Weber, Creaser et al., 2003]. Изучаются минералогический состав изделий и сырьевой базы, реконструкции древних технологий и коммуникативные связи населения [Горюнова, Павлова, 2002, 2003; Новиков, Секерин и др., 2005; Горюнова, Секерин и др., 2005].

В целом, накопленный более чем за столетний период материал по бронзовому веку Прибайкалья, современные методические подходы, интеграция с естественными науками – открывают новые перспективы. Дальнейшие исследования нами видятся: в целенаправленном, междисциплинарном изучении новых и ранее раскопанных стратифицированных поселений; в синхронизации комплексов погребений и поселений; в разработке новых стратегий для интерпретации материалов.

А.Г. Новиков¹, О.И. Горюнова², А.В. Вебер³, А.Р. Ливерс⁴

¹*Иркутский государственный университет*

²*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ. СО РАН – ИГУ*

³*Университет Альберты, Эдмонтон (Канада)*

⁴*Университет Корнелл, Итака (США)*

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ДЕМОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ХУЖИР-НУГЭ XIV (оз. БАЙКАЛ)

Могильник Хужир-Нугэ XIV в настоящее время является одним из крупнейших полностью вскрытых некрополей бронзового века на территории Прибайкалья. В результате многолетних (1997–2001 гг.) комплексных исследований, проведенных Российско-Канадской археологической экспедицией, на могильнике вскрыто 78 погребений глазковской культуры, содержащих костные остатки от 86 индивидуумов; получен богатый материал, позволяющий реконструировать планиграфию и динамику развития некрополя, погребальный обряд и демографию населения.

Могильник расположен в 193 км к СВВ от г. Иркутска, в СВ части бухты Хужир-Нугэ Малого моря оз. Байкал, в 2,3 км к ЮЗ от с. Сарма Ольхонского района Иркутской области. Захоронения размещались в межрядовых понижениях южного склона горы, на высоте от 16 до 29 м над уровнем Байкала. Протяженность могильника: с ЮЗ на СВ – 205 м, с СЗ на ЮВ – 40 м. Время формирования могильника (судя по датам ¹⁴C) в пределах 4,2-3,4 тыс.л.н. Наиболее плотно могильное поле заполнено в центре некрополя (44 погребения) и в его СВ конце (20 погребений). В центральной части – большинство погребений организованы в ряды-цепочки, ориентированные по линии С-Ю. Всего отмечено 10 рядов, численностью от 3 до 5 могил. Небольшое количество погребений находилось между рядами или за их пределами; они вполне могли быть основой для образования новых цепочек. Северо-восточная группа погребений (20 могил) расположена выше по склону относительно остальных захоронений. Их надмогильные сооружения отличались более крупными размерами (до 6,0–6,5 м). Практически все они ограблены в древности, вследствие чего их надмогильные кладки имели вид кольцевых конструкций. Особенностью размещения погребений является их кучная группировка (по 3-4 могилы), которые примыкали друг к другу с разных сторон. Возможно, такая пристройка отражала более близкую связь по сравнению с остальными погребенными родственниками. Судя по радиоуглеродным датам, полученным практически по всем захоронениям некрополя (80 дат ¹⁴C), погребения были сооружены одновременно на разных участках могильного поля, пустые пространства которого в последствии дополнялись другими захоронениями. Можно предположить, что зафиксированные ряды могил представляли собой погребения разных семейно-родственных коллективов, принадлежащих членам одного рода, т.е. своеобразные микрокладбища в рамках общего некрополя.

Все захоронения располагались под каменными надмогильными кладками. Их форма – овальная или округлая; конструкция, преимущественно, – сплошная, выложенная из плит породы в несколько слоев (51). В 27 случаях (из 78) надмогильные сооружения имели вид кольцевых или полукольцевых кладок, однако, все они были разрушены в древности и, вероятно, их первоначальная конструкция была так же сплошной. Размеры целых надмогильных кладок: 2,3-4,9 × 1,1-2,4 м; кольцевых сооружений: 5,0-6,5 × 4,0-5,0 м. Кладки над коллективными и двойными захоронениями не отличались своими размерами от остальных могил.

Могильник – грунтовый. Глубина могил от 0,24 до 0,65 м. Практически во всех захоронениях (77) зафиксированы внутримогильные перекрытия (от 1 до 4), состоящие из плит породы. Ориентация всех покойных головой на запад – юго-запад (в зависимости от времени года в момент захоронения). На могильнике отмечено два труположения покойных. Преобладает – вытянутое на спине (64); в 10 случаях – на спине с согнутыми в коленях ногами (все захоронения взрослых). Последнее труположение встречается на всей площади некро-

поля, располагаясь в рядах (4) и между ними (6). Оба труположения отмечены в двойном погребении № 58, что свидетельствует об их одновременном существовании.

По особенностям погребального обряда на могильнике выделяются захоронения с использованием охры – 9 (отмечается различная степень окраса – засыпка или отдельные пятна), «очистительного» огня – 36 (кострища или отдельные угольки) и сочетающие обе особенности – 13. Отмеченные особенности встречаются с различным труположением, размещаясь по всему могильному полю. Обращает внимание, что в его ЮЗ части преобладает использование охры (в 11 из 14 могил), в центральной – «очистительного» огня (в 33 из 44), а в СВ – без дополнительной обработки (11 из 20). Различные особенности ритуала захоронения отмечены во всех рядах в разном сочетании. На могильнике отмечено большое количество вторичных захоронений.

Сопроводительный инвентарь располагался в районе головы, рук, в области пояса и в ногах погребенного. Выделяются погребения, по набору и количеству инвентаря, которые расположены, в основном, в СВ части могильного поля. На древнем некрополе отмечены погребения в которых зафиксированы только украшения (21) и захоронения, не содержащие сопроводительного материала (5). Все они размещались в центральном и в ЮЗ его конце. Набор сопроводительного инвентаря типичен для глазковских погребений бронзового века Прибайкалья.

По количеству погребенных в одной могильной яме выделяются: индивидуальные (67) захоронения (55 – взрослых и юношеского возраста, 12 – детей), 7 двойных, 2 коллективных – тройных (включающих 14 взрослых и юношеских костяков и 6 детских) и 2 полностью разрушенных погребения. Судя по размещению покойных и ненарушенных контуров могильных ям, все совместные захоронения – одномоментные.

По расположению покойных в двойных захоронениях выделяются два варианта: одноплоскостные (4) и ярусные (3). Одноплоскостные погребения по половозрастному составу подразделяются: на совместные захоронения взрослых и детей – 2 (№ 36 – пол взрослого не установлен, № 62 – мужчина); юноши и ребенка – 1 (№ 35); совместное захоронение взрослого мужчины и девушки – 1 (№ 57). Все ярусные погребения принадлежали взрослым (внизу располагались мужчины; пол погребенных верхних ярусов не установлен).

Коллективные погребения – тройные, одноплоскостные – 2 (№ 27, 37). По половозрастному составу относятся: к совместным захоронениям взрослого (мужчина) и 2 детей (№ 27); двух индивидов юношеского возраста (пол не установлен) и новорожденного ребенка – около 2 месяцев (№ 37).

Анализ половозрастного состава могил, расположенных по отдельным рядам, позволяет выделить: однорядные захоронения взрослых и детей (7); захоронения взрослых (3). Мужские погребения отмечены во всех рядах. Отдельных женских и отдельно детских рядов нет. Детей хоронили либо индивидуально (10), либо совместно со взрослыми (в четырех случаях – с мужчинами, в двух – пол не установлен). Женщин хоронили также индивидуально (4) или с мужчиной (1). В ЮЗ и центральной частях могильного поля отмечены погребения всех половозрастных категорий; в СВ конце – только взрослые (исключение – погребения № 71 и 77, содержащие костяки подростков 12–15 лет).

В числе погребенных могильника Хужир-Нугэ XIV взрослые (старше 20 лет) составляют 59 (68,6 % от 86 погребенных), юношеские – 9 (10,5 %) и детские (до 15 лет) – 18 (20,9 %) костяков. Из общего числа юношеских и взрослых костяков (68), определить пол было возможно только у 32 погребенных. Из них число мужчин преобладает над женщинами (достоверно определено 5 женщин). В связи с большим количеством индивидов, пол которых определить не удалось, достоверно проследить динамику соотношения мужских и женских захоронений не представляется возможным.

Обращает внимание, что наибольшее число взрослых захоронений падает на зрелый (35–50 лет) – 28,8 % и возмужалый (20–35 лет) – 22 % возраст, что является обычным явлением для древних погребений [Алексеев, 1972]. Преобладающее значение среди них имеют мужские захоронения (с большим акцентом на зрелый возраст). Старческого возраста достигли 7 человек, трое из которых – мужчины. Высокая продолжительность жизни мужчин позволяет говорить о благоприятном биогенетическом фоне населения.

Число захоронений детей по отношению к общему количеству погребений не велико (20,9 % от общего количества костяков). Среди детских погребений отмечается необычно высокий для древних некрополей процент смертности в период второго детства (пик смертности – 7,5–11,5 лет), а не раннего. Судя по данным о взрослом населении можно утверждать, что, миновав опасности детского возраста, они жили довольно долго. На костях почти нет признаков заболеваний и дефицита питания. Продолжительность жизни населения: взрослых – 43,4 года, с учетом детской и юношеской смертности (т.е. группы в целом) – 33,1 год. Для древних могильников Прибайкалья это довольно высокая величина продолжительности жизни [Алексеев, 1972].

Данные о состоянии здоровья погребенных с могильника Хужир-Нугэ XIV указывают, что население было относительно здоровым, с небольшим физиологическим стрессом и незначительными патологиями (остеоартрит – у 25 из 55 взрослых старше 20 лет; зубная патология и т.д.). Видимо, большинство взрослых умер-

ло в пожилом возрасте естественной смертью. Дети умирали часто, но причины смерти не оставили следов на костях. Вероятно, они умирали от нормальных быстротекущих детских физиологических заболеваний и травм не оставляющих следов на костной ткани. Значительно больше детей, доживших до взрослого состояния, имели репродуктивно успешную жизнь и достигали зрелого возраста. Демографическая структура свидетельствует о положительной динамике численности популяции.

В целом в результате проведенного анализа можно сделать ряд обобщений. На могильнике Хужир-Нугэ XIV отмечается: одновременное его формирование на разных участках могильного поля; расположение большинства погребений рядами-цепочками, которые, вероятно, представляли собой погребения разных семейно-родственных коллективов, принадлежащих членам одного рода; многообразие особенностей погребального обряда (в труположении, наличии вторичных захоронений, дополнительных особенностей обряда – «очистительный» огонь, охра и др.); размещение погребений с различными особенностями обряда по всему могильному полю; наличие двойных (одноплоскостных и ярусных) и коллективных погребений; выделение погребений, по набору и количеству инвентаря, более богатых и могил без инвентаря; набор сопроводительного инвентаря типичен для глазковских погребений бронзового века Прибайкалья. Демографическая структура свидетельствует о положительной динамике численности популяции; продолжительность жизни населения: взрослых – 43,4 года, с учетом детской и юношеской смертности (т.е. группы в целом) – 33,1 год. Высокая продолжительность жизни мужчин позволяет говорить о благоприятном биогенетическом фоне населения. Данные о состоянии здоровья погребенных указывают, что население было относительно здоровым, с небольшим физиологическим стрессом и незначительными патологиями.

Разнообразие элементов погребального обряда, зафиксированное на могильнике, говорит о формировании в эпоху бронзы на территории Приольхонья (и Прибайкалья, в целом) сложных религиозных представлений, свидетельствующих о многокомпонентном характере глазковской культуры.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. – 1972. – № 1. – С. 3–22.

Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков

Башкирский государственный педагогический университет, Уфа

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН МУРАДЫМОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Одним из интереснейших микрорайонов Башкирского Приуралья в археологическом отношении является Демско-Уршакское междуречье, в котором отмечается большая концентрация поселений эпохи бронзы (соответственно в бассейнах р.Демы-75, р.Уршак-26) [Горбунов, 1992]

В последние годы активные археологические изыскания проводились на памятниках среднего течения реки Уршак. Всего в данном микрорайоне на сегодняшний день открыто 17 памятников, среди которых к эпохе бронзы относятся 9. В группе памятников бронзового века выделяются 5 поселений, из которых стационарно исследовано 4, и 4 могильника. [Археологические памятники Башкортостана, 1996].

Такое количество памятников эпохи бронзы здесь объясняется достаточно благоприятными для скотоводческого хозяйства ландшафтными условиями – равниной местностью и остепненностью территории [Сулейманов, 2001, 2003, 2005; Петренко, 2000].

Исследования данного микрорайона были начаты в связи с разработкой научно-исследовательской темы ИИЯЛ Баш ФАН СССР «Археологическая карта Южного Урала» в конце 1960-х годов, целью которой было выявление и изучение археологических памятников, находящихся в центральных и юго-западных районах БАССР. Первые сплошные разведочно-рекогносцировочные исследования были проведены в 1968 г. И.Б. Васильевым, продолжены в 1969 г. А.Х. Пшеничником. В дальнейшем работы в данном районе были приостановлены и возобновлены в 1988–1990 гг. Ю.А. Морозовым, Н.Г. Рутто, А.Х. Пшеничником. С 1995 г. и по настоящее время планомерные стационарные археологические работы проводятся Г.Т. Обыденновой.

Наиболее крупными памятниками микрорайона являются: – Мурадымовское поселение, Казбуруновские I курганы, насчитывающие 24 насыпи, Казбуруновские III курганы – 17 насыпей.

Мурадымовское поселение является одним из немногочисленных памятников, изучение которого осуществляется комплексно с применением естественно-научных методов: палеозоологии, палеоантропологии, палеопочвоведения и др. В настоящее время оно может быть признано реперным поселенческим памятником для территории Башкирского Приуралья.

Мурадымовское поселение расположено в 2,5 км севернее с.Мурадымово Аургазинского района Республики Башкортостан, на второй надпойменной террасе правого берега р.Уршак, в 0,2 км к востоку от ее современного русла. С западной и северной сторон ограничено оврагом. Поселение расположено на возвышенности (высота от подошвы около 1,5–2,0 м) и занимает площадь 6 га. Часть площадки поселения хорошо задернована, и используется для выгона скота, что позволило значительно сократить антропогенные влияния на площадь памятника.

На поверхности поселения зафиксированы 6 впадин площадью – от 260 м² до 300 м², глубиной (0,25–0,4 м, располагающихся в два ряда по линии север-юг. Для сравнения, на соседнем Усмановском I поселении, расположенном в 14 км к северу от Мурадымовского поселения, ниже по течению р.Уршак отмечены четыре жилищные впадины площадью около 180 м², из которых изучены только две. Данные два жилища дали несколько зольных пятен, которые никак не интерпретированы, кроме этого отмечены пять небольших хозяйственных ям, с остатками отходов [Морозов, 2001, с. 437–440].

Жилищные впадины Мурадымовского поселения можно разделить на две группы в зависимости от их местоположения на площадке памятника: I группа – : впадины №№ I, II находятся на западной оконечности

* Работа выполнена при содействии РГНФ (проект № 06–01–84102 а/У)

мыса, 2 группа – впадины №№ III, IV, V, VI – на восточной. Три впадины (I, V, VI) при археологическом исследовании дали жилища двухкамерного типа. Причем наличие двухкамерной постройки удалось зафиксировать топографически только на впадине № I. Она имела овальную форму (25 × 30 м и глубиной 0,3 м.) и была вытянута по линии север-юг. В центре впадины фиксировалась невысокая перемычка – возвышение, разделяющее ее на две примерно равные половины, что при дальнейшем археологическом изучении позволило выявить наличие тамбурной постройки. Такая конструктивная особенность прослежена только на данном памятнике.

Топографические особенности Мурадымовского поселения связаны с наличием вала, опоясывающим площадку поселения с северо-востока на юго-запад, шириной 1,7–3,2 м., высотой 1,4–1,5 м. Эти ландшафтные характеристики четко фиксируются на аэрофотоснимке и выделены при топографической съемке.

Памятник был сформирован на древней лугово-черноземной почве, протекающая р. Уршак придала почве пойменный характер. Верхние культурные слои характеризуются более тяжелым механическим составом, легкие и средние суглинки перемешаны с золой. Возможно, зольные горизонты были преднамеренно засыпаны суглинками для предотвращения развеивания и размыва золы, утепления и закрепления стенок жилища (об этом свидетельствует обсыпка жилищ только с южной стороны, по направлению преобладающих на Южном Урале ветров). Анализ культурного слоя показал повышенное содержание фосфатов, что свидетельствует о характере его формирования. Межжилищное пространство характеризуется тремя слоями, однако, не смотря на практически отсутствующий культурный процесс в образовании горизонтов, в них отмечено повышенное содержанием валового фосфора, что говорит о деятельности человека, хотя менее значительной, чем в жилищах (Сулейманов, 2001, 2003, 2005).

При исследовании построек I (350 м²), II (468 м²) и III (480 м²) были прослежены общие конструктивные особенности. Все постройки были ориентированы по линии север-юг и имели подпрямоугольные очертания. Как правило, каждая постройка имела по два выхода – постройка I имела два выхода: с юго-западной и юго-восточных сторон, последний направлен в сторону постройки II, постройка III – один расположенный в юго-западной части и обрамленный рядом столбовых ямок, второй – в северо-восточной части постройки. Хозяйственные ямы расположены на глубине от 0,67 м. до 0,72 м. от уровня современной поверхности, ориентированы, как правило, по линии запад-восток. Диаметр ям от 0,6 м. до 0,98 м., глубина от 0,18 м. до 0,82 м. В заполнениях хозяйственных ям отмечен гумус, перемешанный с золой и углем, а также фрагменты керамики, костей и камни. Очаги были обнаружены при расчистке пола построек. Глубина залегания от 0,67 м. до 0,72 м. от уровня современной поверхности. Очаги ориентированы по линии север-запад – юго-восток, имеют округлую форму. При выборке очагов было выявлено, что каменная кладка была смешана с углистыми включениями и золой. После снятия каменной кладки, был обнаружен слой угля и золы.

Особый интерес представляют конструктивные особенности Постройки II, которая вплотную примыкает к валу поселения с восточной и южной сторон. В отличие от жилищ, исследованных в Постройках I и III, тамбурное жилище данной постройки не содержало ни очагов, ни крупных хозяйственных ям, вместе с тем Постройка II дала достаточно обширный антропологический материал. В жилище на уровне материка было обнаружено захоронение ребенка, в возрасте 8,5 месяцев (погр. 1). Ребенок захоронен в традиционном для срубной культуры положении, скорченно на левом боку, погребении сопровождалось фрагментами срубной керамики. В хозяйственной части постройки, в культурном слое, были обнаружены фрагменты лицевых костей черепа, а также бедренная кость, принадлежавшие, согласно определению суд.мед.эксперта К.А. Горшкова, женщине возраста 50–59 лет. В валу, примыкавшем к постройке с восточной стороны, было обнаружено захоронение ребенка, возраст 1,2–1,5 года, характеризующееся погребением на правом боку скорченно, сопровождавшейся неорнаментированным срубным сосудом и массовыми фрагментами костей животных (погр. 2). В валу, с южной части постройки, было обнаружено взрослое парное захоронение, мужчина и женщина, ориентировочный возраст 50–59 лет (погр. 3). Захоронение совершено на левом боку скорченно, сопровождалось фрагментами срубной керамики. Предположительно захоронение было совершено поверх насыпи вала.

Самым массовым материалом данного поселенческого памятника явился остеологический материал свыше 28500 ед. костных остатков. Видовой анализ остеологического материала выполнен А.Г. Петренко (1999–2001 гг.), П.А. Косинцевым (2003–2004 гг.). Преобладающим в видовом составе стада был крупный рогатый скот свыше 40 %, затем лошадь – 19–20 %, мелкий рогатый скот – 16–17 %, оставшийся материал представлен костными остатками свиньи, собаки, встречены кости зайца, волка и медведя.

Инвентарь Мурадымовского поселения представлен бронзовыми изделиями, каменным и костяным инвентарем, керамикой. Не смотря на отсутствие находок, свидетельствующих о наличии бронзолитейного производства на поселении, особый интерес вызывает находка одной створки двусторонней литейной формы для изготовления втульчатого копья и черешкового ножа. Инвентарь из бронзы представлен следу-

ющими изделиями: ножами, шильями, скобками, пряжкой, шлаками, единичными, плохой сохранности, фрагментами бронзы.

Изделия из кости (48 ед.) частично проанализированы А.Н. Усачуком, видовое определение было сделано Е.Е. Антипиной. Были выделены следующие группы инвентаря: самую большую группу составили проколки, используемые не только для прокалывания, но и для проталкивания нити сквозь кожу. Пряслица и заготовки пряслица, причем выделяется особая технологическая деталь их изготовления – сверление до резки, сверление применялось как ручное, так и станковое. Костяные стрелы изготовлены из компакты длинной трубчатой кости копытного, затем полировались, на остриях следы абразива. Кроме этого имеются заготовки для изготовления орудий.

Керамический комплекс Мурадымовского поселения (свыше 5170 ед.) представлен преимущественно срубной керамикой, наряду с которой, в одном слое, отмечено нахождение андроновской (около 20%) и абашевской (менее 5%).

На основе сравнительного анализа материалов поселенческих памятников Мурадымовского, Усмановского I и II, погребальных памятников Казбуруновских I курганах, захоронений на самом Мурадымовском поселении можно сделать вывод о культурном и генетическом единстве данных памятников и их сосуществовании в один хронологический период. Предположительно развитого бронзового века, при его переходе в поздний этап, согласно металлургическим особенностям срубных древностей (Кузьминых, 2002, с.19) и принадлежало носителям срубной культурно-исторической общности, население которой занималось придомным пойменным скотоводством и охотой, а также имело контакты к андроновидным населением.

Список литературы

- Горбунов В.С.** Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев, 1989.
- Горбунов В.С.** Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А.** Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа, 1991.
- Археологические памятники Башкортостана // История культуры Башкортостана (комплект научных и учебных материалов).** – Вып.6. – Уфа, 1996.
- Кузьминых С.В.** О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70 – 90-х гг. XX века) // Вопросы Древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002.
- Милюков Ф.Н.** Взаимоотношение леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон на Русской равнине // Известия всероссийского географического общества. Т.84, №5, 1952.
- Морозов Ю.А.** История населения срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф.дисс.канд.ист. наук. – М., 1977.
- Морозов Ю.А.** Усмановский комплекс памятников срубной культуры в Башкирском Приуралье // Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001.
- Обыденнов М.Ф.** Поздний бронзовый век Южного Урала. – Уфа, 1986.
- Обыденнова Г.Т.** Памятники срубной культуры Волго-Бельского междуречья. Дисс. канд.ист.наук. – Уфа, 1984.
- Петренко А.Г.** Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань, 2000.
- Рутто Н.Г., Морозов Ю.А.** О парных погребениях срубно-алакульских племен на Южном Урале // Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001.
- Рутто Н.Г.** Срубно-алакульские связи на Южном Урале. – Уфа, 2003.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Д.В. Папин*Алтайский государственный университет, Барнаул***СТЕПНАЯ ПОЛОСА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ***

Конец бронзового века для юга Западной Сибири ознаменовался появлением памятников нового типа, имеющих плановую застройку городского типа, с выделением жилых зон, производственных участков и сложной системы фортификационных сооружений. Речь в первую очередь идет об современных исследованиях на памятнике Чича I в Барабинской лесостепи [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 160; Molodin, Parzinger, Schneeweib u. a., 2002, с. 236; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 288-289]. Не менее интересными являются синхронные памятники красноозёрской культуры Инберень V–VIII на Иртыше, выделяющиеся своей сложной организацией внутреннего пространства [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 105].

Возникновение столь крупных центров было бы не возможно без относительно высокой концентрации населения, достаточно продуктивной экономики и определённых предпосылок предыдущей эпохи. На территории Верхнего Приобья, и алтайской лесостепи в частности, поселений сопоставимых с выше перечисленными объектами пока не выявлено, вполне возможно, что их просто не существовало, что обусловлено экстенсивным характером хозяйствования. Но на сопредельном степном Алтае (Кулундинская степь) ещё в эпоху поздней бронзы начинают появляться поселки, получившие в литературе название хозяйственно-культурные центры (ХКЦ). В отличие от основной массы поселений главными признаками этих объектов являются: стационарность комплекса, мощность отложения артефактов, указывающая на значительную концентрацию населения и продолжительность времени обитания, выделяются специализированные производственные или культовые участки, фиксируются архитектурно-планировочная организация территории поселков. Всё это демонстрирует более высокий статус по сравнению с окружающими поселениями. [Папин, 2003].

На рассматриваемой территории по сравнению с предыдущим андроновским периодом происходит значительное увеличение населения, в настоящее время в Кулундинской степи известно более 80 памятников и местонахождений, содержащих материалы этой эпохи. Основным местами распространения этих поселений является кромка ленточных боров и степи. А.Б. Шамшиным было отмечено, что в эпоху поздней бронзы появляются археологические микрорайоны, объединяющие памятники одной эпохи [Шамшин, 2004]. Так, например, в Мамонтовском районе Алтайского края зафиксировано восемнадцать памятников эпохи поздней бронзы вдоль ленты бора [Иванов, 2000; Папин, Федорук, 2005]. Позднебронзовые памятники обычно располагаются либо рядом с андроновскими (в основном выше по отношению к воде – Жарково-1, Калиновка-2, Новоильинка), либо перекрывают их (Большой Лог-1, Рублево-VI, Черная Курья-3, Крестьянское-2). В последующий период интересная ситуация зафиксирована в районе озера Рублёво, где поселение раннего железного века Рублёво V, занимает более низкую позицию по отношению к поселению Рублёво VI, находясь на одной гряде дюн.

Основой для функционирования подобных крупных поселений являлась производящая экономика, основанная на придомно-отгонном скотоводстве. Так материалы поселения Рублёво VI свидетельствуют, что роль охоты была невелика, остатки костей диких животных не превышают 2 %, основу домашнего стада составляла лошадь, соотношение м.р.с. и к.р.с. было примерным одинаковым при незначительном увеличении последней группы. О возможности существования земледелия свидетельствуют находки бронзовых серпов сосново-мазинского типа, скорее всего оно было мотыжного типа. На его вспомогательный характер указывают места расположения поселений, где чаще всего отсутствуют участки пригодные для обработки земли. Исключением могут являться памятники бурлинского типа расположенные на пойменных участках [Удодов, 1994].

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ #06–01–00378а

На основе типологического анализа орнаментальных схем керамики выделяет несколько групп, соответствующие по всей видимости определенным культурным традициям: саргаринско-алексеевская, бегазы-дандыбаевская, донгальская, черкаскульская, ирменская и станковая керамика [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990; Федорук, 2006].

Наличие сети реликтовых ленточных боров протянувшихся в юго-западном – северо-восточном направлении от р. Иртыша до р. Оби облегчало продвижение отдельных групп населения. По всей видимости, вдоль этих лесов в древности функционировали караванный путь. На наличие подобных дальней связей указывают факты нахождения на поселениях Рублёво VI и Новоильинка костей верблюдов, а так же распространение керамики выполненной на гончарном круге, находящей аналогии в земледельческих оазисах Средней Азии. Другим важным направлением было юго-восточное, связанное с металлургической базой Рудного Алтая, оно проявляется не только через многочисленные находки (по сравнению с предыдущей эпохой, как впрочем, и последующей) бронзовых изделий, бронзолитейного производства, но и самой руды. Не смотря на довольно значительное расстояние, а оно между памятниками предгорий и степи достигает 500 км. существовал постоянный обмен.

В силу своего географического положения рассматриваемая территория, расположенная в степной части Обь-Иртышского междуречья имела важное значение для древнего населения юга Западной Сибири. Она характеризуется стыком природно-географических областей, наличием двух мощных водных артерий (рр. Обь и Иртыш), открытостью со стороны центральноазиатских степей и непосредственным примыканием к Саяно-Алтайской горной системе – все это способствовало протеканию здесь активных миграционных процессов в древности как в широтном, так и в меридиональном направлении. По сути дела, это контактная зона трех крупных историко-культурных провинций: культур степного круга Восточного Казахстана, населения горного и предгорного Саяно-Алтая и носителей культурных традиций лесной и лесостепной зоны Западной Сибири. Такое особенное положение региона отразилось на ходе историко-культурных процессов, что надежно фиксируется на археологическом материале. Основной культурной составляющей региона являлась саргаринско-алексеевская культура при участии в разной степени бегазы-дандыбаевского и станкового компонента, отмечены так же находки ирменского облика. Такое разнообразие, с одной стороны свидетельствует о мобильности отдельных групп древнего населения, а с другой об устойчивых процессах этнокультурного взаимодействия. Очерченная территория, по всей видимости, отличалась и определённой стабильностью, без которой трудно представить столь устойчивые дальние связи. В условиях развивающейся производящей экономики хозяйственно-культурные центры становились местами притяжения для окружающего населения.

Бронзовый инвентарь для рассматриваемого региона, не позволяет разграничить изделия по их культурной принадлежности, что, скорее всего, говорит о единой основе возникновения и общих условиях развития культур. Эти предметы хороший хронологический индикатор культурного развития постандроновского мира. Имеющиеся аналогии (в основном на основе орнаментальных схем) указывают на тесные контакты, и в целом единое историческое развитие позднебронзового населения степной полосы Западной Сибири и Казахстана. В среде саргаринско-алексеевской культурной традиции появляется так называемый «донгальский тип» керамики. Факт не значительного количества памятников последнего типа со своей основой требует дополнительных объяснений. По всей видимости, именно на основе «донгальского» типа формируются ранние скифские комплексы, керамика, которых орнаментирована жемчужником с валиком. Но данная группа вошла только лишь, компонентом в состав складывающейся новой раннескифской традиции [Фролов, Папин, 2004].

Большинство исследователей отмечают, что именно в период поздней бронзы начинают складываться основные компоненты культуры ранних кочевников [Кузьмина Е.Е., 2005, с. 78–79].

В переходное время от бронзы к железу в степном Алтае происходит резкое уменьшение количества поселений, что, скорее всего, было обусловлено изменившейся экологической ситуацией и проникновением раннесакских групп, а традиция создания крупных поселенческих центров была прекращена, в связи с переходом к классическому типу кочевого скотоводства. По всей видимости, для культур финальной бронзы и переходного времени от бронзы к железу степного и лесостепного Алтая (прежде всего ирменской и саргаринско-алексеевской), появление трехдырчатых роговых псалиев, бронзовых наконечников стрел предскифского облика маркирует возникновение новых тенденций реализованных уже на начальном этапе раннего железного века.

Список литературы

Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweib J., Garkusha J.N., Grishin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Marchenko Z.V., Cemjakina M.A., Mylnikova L.N., Becker H. und Fasbinder J. Cica-eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe // Eurasia Antiqua. – 2002. – Band 8.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 103–130.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). – Барнаул, 2000. – 160 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 104–128.

Кузьмина Е.Е. Памятники эпохи финальной бронзы степей Евразии (в порядке дискуссии) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 73–79

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) // Материалы по археологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Вып. 1. – 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том II. // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск-Берлин: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. - Вып. 4. – 336 с.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определённого уровня развития древнего общества. // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. – С. 34–38

Папин Д.В., Федорук А.С. Памятники эпохи поздней бронзы степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 147–151.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А.С. Степное Обь-Иртышье в эпоху поздней бронзы // Альманах молодых археологов. – Спб: Изд-во СпбГУ, 2006 – Вып. IV. (в печати).

Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения кулундинской равнины в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – с. 31–42

Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004. – С. 101–108.

Л.Ю. Петрова

Археологический научный центр, Челябинск

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СРУБНО-АЛАКУЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Степная зона Урало-Тобольского междуречья представляет собой один из районов распространения алакульской культуры, занимающей обширную территорию к востоку от Уральских гор. На севере условной границей этого района является река Уй. Памятники алакульской культуры на этой территории многочисленны и изучены достаточно хорошо. Этот район определяется исследователями как контактная зона срубных и алакульских племен и говорится о существовании здесь особой срубно-алакульской общности [Стоколос, 1972; Сальников, 1967; Обыденнов, Обыденнова, 1992]. Особенно многочисленные материалы смешанного типа дают поселенческие комплексы, расположенные по притокам Урала и Тобола.

В настоящее время только на территории степных районов Челябинской области известно около 300 поселений эпохи поздней бронзы. Большая их часть изучена только разведками, раскопки проводились не более чем на 10 % памятников. Далеко не все материалы опубликованы. Но даже на основании разведочных данных можно говорить о наличии на большинстве поселенческих памятников алакульских или срубно-алакульских слоев, что в целом подтверждает высказывавшееся наблюдение о большой плотности расселения в эпоху поздней бронзы.

Все поселения располагаются по берегам небольших степных рек и отличаются однообразием топографической позиции. Большинство из них обнаружено на низких надпойменных террасах в непосредственной близости от воды. Такая топография является обычной для поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы и зафиксирована практически во всех культурах этого периода степных и лесостепных территорий.

Поселения располагаются по реке густой и практически непрерывной цепью с интервалами не более 5–6 км. Как правило, в округе расположены погребальные и культовые сооружения, вместе с которыми поселения составляют единый комплекс. Разведочные исследования позволяют предполагать существование в эпоху бронзы двух основных типов поселенческих памятников: «малые» поселения с количеством впадин 3–4 или 5–6, и крупные поселения с количеством впадин 9–10 или 11–13. Более крупные поселения встречаются редко. Наличие достаточно мощного культурного слоя, подтвержденное рекогносцировочными раскопками и шурфами и значительной площадью распространения подъемных сборов, позволяет относить большинство из них к долговременным памятникам.

Наиболее полную характеристику поселенческих памятников можно дать только на основании раскопок. Постройки алакульской или срубно-алакульской культуры обнаружены на поселениях Нижнепасское, Мирный II, Мирный III, Мирный IV, Кулевчи III, Агамановка V, Лебяжье VI, Кизильское. На этих поселениях вскрыто в общей сложности 19 жилых и хозяйственных построек, из них полностью 12. Остальные постройки либо не сохранились, либо были вскрыты частично.

По материалам раскопок можно выделить следующие типы построек:

Тип. Крупные постройки подпрямоугольной формы, большой площади (150–170 кв. м), слабоуглубленные в землю. Глубина котлована в среднем составляет 0,3–0,4 м, центральная часть может быть дополнительно углублена. Конструкция стен каркасно-столбовая. Вход, как правило, находился в угловой части помещения и был оформлен в виде небольшого коридора.

Непременными элементами интерьера жилищ являются очаги – по одному или несколько в жилище, наземные или в небольших углублениях, в виде открытых кострищ или каменных выкладок. Кроме очагов, в жилищах фиксируются хозяйственные ямы и колодцы.

II тип. Отличается от первого лишь небольшими размерами (площадь менее 100 кв. м). Это также слабо-углубленные или наземные постройки, с каркасно-столбовой конструкцией стен, с очагами, хозяйственными ямами (колодцами?) и нишами.

III тип. Постройки подпрямоугольной или аморфной неправильной формы, малой площади (до 50 кв. м). Могут быть как наземными, так и полуземляночными. Конструкция стен также различна: либо каркасно-столбовая, либо бескаркасная. В этих постройках обнаружены хозяйственные ямы, но не зафиксированы очаги.

Наиболее распространенным является *I тип* построек, обнаруженный с небольшими отличиями на всех названных поселениях. В «эталонном» виде неглубокие, крупные по площади постройки представлены на однослойных алакульских поселениях Мирный II и Мирный III [Стефанов, 1996]. Подобные же постройки встречаются в алакульском слое поселения Кулевчи III [Виноградов, 1983], Мирный IV, где котлованы отличаются несколько большей глубиной и многочисленностью столбовых ямок [Чемякин, 1974] и Лебяжье VI [Петрова, 2004]. На поселении Нижнеспасское постройка отличалась большими размерами (площадь около 230 кв. м) [Сальников, 1967]. Постройки такого типа однозначно интерпретируются как жилые.

Видимо, альтернативой крупным жилищам были небольшие наземные и полуземляночные строения (*II тип*). Постройка такого типа была встречена К.В. Сальниковым на поселении Нижнеспасское [Сальников, 1967].

III тип построек представлял собой небольшие хозяйственные помещения, неотапливаемые, видимо преимущественно с легкой каркасно-столбовой конструкцией стен. Три такие постройки были полностью распаны на поселении Мирный IV [Чемякин, 1974] и одна на поселении Лебяжье VI [Петрова, 2004].

Таким образом, можно сказать, что для алакульского (срубно-алакульского) домостроения степной зоны Урало-Тобольского междуречья был характерен в качестве основного тип крупного неглубокого жилища с каркасно-столбовой конструкцией стен (*I тип*). Такой тип жилища был широко распространен в степной и лесостепной зоне в эпоху поздней бронзы (с середины II тыс. до н. э.). Подобные постройки известны в Северном Казахстане, лесостепном Зауралье, степном и лесостепном Притоболье. Алакульское жилище реконструируется в виде большого строения, основу которого составляла каркасная конструкция из рядов столбов, вкопанных вдоль стен котлованов, а также один или два ряда столбов, расположенных параллельно длинным сторонам помещения и разделяющих его на две или три примерно равные части. Кровля могла быть плоской или двускатной [Зданович, 1988; Потемкина, 1985]. Очень близка алакульским жилищам архитектура срубных построек [Обыденнов, Обыденнова, 1992; Седова, 2000].

Рассмотрение поселенческой архитектуры свидетельствует о значительной близости домостроительных традиций двух крупнейших общностей эпохи поздней бронзы степной зоны Волго-Уральского региона.

Список литературы

- Виноградов Н.Б.** Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1982. – Вып. 169. – С. 94–100.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.** Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Самарский университет, 1992. – 176 с.
- Петрова Л.Ю.** Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Серия 1. Исторические науки. – 2004. – №2.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 401 с.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Седова М.С.** Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Издательство Самарского научного центра Российской Академии наук; 2000. – 336 с.
- Стефанов В.И.** Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. – С. 43–63.
- Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Чемякин Ю.П.** Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири – Томск: Издательство Томского университета, 1974. – Вып. 15. – С. 50–55.

А.В. Полеводов, О.С. Шерстобитова

*Дирекция национального археологического и природного парка «Батаково»
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск*

К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНООЗЕРСКОГО ТИПА В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

После закрепления в 1950-х годах понятия андроновской общности, наступил этап наполнения данного термина конкретным археологическим содержанием, сопровождающийся внесением разного рода корректив. Итогом стало выделение внутри андроновской культурно-исторической общности (АКИО) и на ее периферии нескольких локальных вариантов (культур, культурных типов), объединенных по ряду характерных признаков.

Одним из них стал выделенный М.Ф. Косаревым черноозерско-томский вариант, объединивший комплекс памятников близ д. Черноозерье в Среднем Прииртышье (городище, поселение и могильник) с Томским и Еловским II могильниками в Верхнем Приобье [Косарев, 1981]. За прошедшие четверть века существенно расширился круг памятников андроновской эпохи в Прииртышье и Барабе, состоялись публикации материалов базовых могильников [Генинг, Стефанова, 1994; Матющенко, 2004].

В настоящее время, применительно к указанным комплексам Среднего Приртышья, исследователи все чаще употребляют понятие «памятники черноозерского типа» [Генинг, Стефанов, 1993; Полеводов, 2000; Молодин, Парцингер, Гришин, Пицонка, Новикова, Чемякина, Марченко, Гаркуша, Шатов, 2004] и даже «черноозерская культура» [Корочкова, 2004], в связи с чем назрела необходимость уточнить характеристики данного типа памятников.

Следует напомнить, что памятники у д. Черноозерье образуют достаточно неординарный, весьма синкретичный комплекс. Его характерными чертами являются явно выраженный андроновский колорит керамических материалов и вещевого инвентаря, при столь же очевидной доминанте *неандроновских*, по общему определению, автохтонных, кротовских черт в погребальной обрядности: грунтовый характер могильника, расположение погребений длинными плотными рядами, трупоположение вытянуто на спине, отсутствие посуды в подавляющем большинстве захоронений. Аналогичные особенности погребального обряда характеризуют и недавно исследованный могильник Боровянка XVII в Среднем Приртышье [Полеводов, 2000; Погодин, Полеводов, 2003].

В сущности, если не принимать во внимание немногочисленный, но довольно оригинальный керамический комплекс из погребений (в котором действительно можно усмотреть синтез андроновских и кротовских орнаментальных традиций), погребальный обряд основного массива захоронений могильников Черноозерье I и Боровянка XVII в полной мере соответствует материалам позднего – *сопкинского* – этапа кротовской культуры, для которого также характерно наличие оружия и украшений андроновских типов в могилах [Молодин, 1985].

В прииртышских могильниках встречаются погребения со скорченными на правом или левом боку костяками, однако количество их крайне незначительно (в среднем, для обоих памятников – 7,8 %), а отсутствие классических «нарядных» андроновских сосудов не позволяет интерпретировать их как «андроновские». Таким образом, именно погребения с трупоположением на спине являются наиболее характерными для Черноозерья I и Боровянки XVII, а, следовательно, именно они выражают основную специфику *черноозерских* погребальных комплексов. По сути, «черноозерские» памятники Прииртышья представляют собой аналог позднекротовских погребений Барабы, и фиксируют этап довольно тесных (и весьма разнообразных) контактов с андроновским населением, которые, однако, не привели еще к утрате собственно кротовских традиций.

Между тем, новосибирские археологи в своих последних работах, посвященных анализу материалов близких в культурном и хронологическом отношении могильников Обь-Иртышской лесостепи [Молодин, Парцингер, Гришин, Пицонка, Новикова, Чемякина, Марченко, Гаркуша, Шатов, 2004; Молодин, Парцингер,

Гришин, Пищонка, Марченко, Новикова, Гаркуша, Мыльникова, Рыбина, Чемякина, Шатов, 2005], сохраняя (вполне справедливо) за погребениями с вытянутыми на спине покойными определение «позднекротовские», относят к «черноозерским» только могилы со скорченными костяками. На наш взгляд, это несколько противоречит ситуации, характерной для эпонимного прииртышского памятника.

По той же причине трудно безоговорочно согласиться предложением О.Н. Корочкиной [Корочкова, 2004] рассматривать черноозерские памятники в качестве локального варианта АКЮ (наравне с нуринским, федоровским, канайским и т.д.) и, соответственно, обозначать этим термином *все* андроновские памятники в Среднем Прииртышье. Помимо собственно черноозерских, в этом регионе известны могильники, в гораздо большей мере демонстрирующие андроновские традиции, в том числе содержащие основной «транзитный» признак АКЮ – классические «нарядные» сосуды (Сибирское IV, Александровка II, Ирча) [Полеводов, 2000].

Иными словами, по своему облику памятники черноозерского типа не соотносятся ни с каким-либо вариантом АКЮ, ни с упомянутыми погребениями Барабы, поэтому одинаковое употребление наименования «черноозерского типа памятников» для характеристики явно различных комплексов кажется не вполне оправданным. Погребения со скорченными костяками на могильнике Тартас-1 вернее соотносить с аналогичными комплексами могильника Окунево VIII, расположенного на границе лесостепной и лесной зон Среднего Прииртышья. Здесь также обнаружена керамика черноозерского типа, но элементы погребального обряда не соответствуют характеристикам эпонимного памятника, выражая большее андроновское влияние.

Вероятно, в Среднем Прииртышье памятники типа Окунево VIII демонстрируют нам линию развития черноозерских древностей, фиксируя, таким образом, определенную, *позднечерноозерскую* стадию данного процесса. Население же, оставившее могильники Черноозерье I и Боровянка XVII, несмотря на использование некоторого андроновского импорта, оставалось, по сути, кротовским. В связи с этим предлагается за понятием «памятников черноозерского типа» закрепить все обозначенные характеристики прииртышских комплексов, а к могильникам типа Тартас-1 и Окунево VIII применять данное понятие с определенной долей условности, подразумевая лишь сходство в керамическом инвентаре («черноозерский тип керамики»).

Список литературы

- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Поселение Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УИФ «Наука», 1993. – С. 67–111.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К.** Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – 68 с.
- Корочкова О.Н.** К обсуждению термина «андоновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. – С. 202–211.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
- Матющенко В.И.** Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 468 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г.** Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, Ч. I. – С. 358–364.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х., Марченко Ж.В., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Рыбина Е.В., Чемякина М.А., Шатов А.Г.** Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, Ч. I. – С. 412–417.
- Полеводов А.В.** Памятники андроновской культурно-исторической общности в Среднем Прииртышье // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции (Омск, 19-20 октября 2000 г.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 99–101.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В.** «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. – С. 56–60.

А.В. Поляков*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛОВ КАРАСУКСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУР*

Продолжающееся активное изучение материалов культур эпохи поздней бронзы Южной и Западной Сибири приводит к заметному развитию взглядов и представлений о населении их оставивших. Одним из основных результатов этого процесса является формирование более дробных периодизаций, отражающих хронологическое изменение материальной культуры обществ этого времени [Матвеев, 1993; Поляков, 2002]. Подобные изменения закономерно привлекают интерес, к тому, как они соотносятся между собой. Их полноценное сопоставление может заметно укрепить, как сами эти построения, так и заложить основу дальнейших исследований в области межкультурных контактов. В данной статье не ставится столь масштабной задачи, а лишь обозначается направление работ, которые будут проведены в течении ближайшего времени. Пока стоит отметить только одно интересное наблюдение, связанное с выделением А.В. Матвеевым раннего быстровского этапа ирменской культуры.

Новые исследования материалов «классического» этапа карасукской культуры показали его неоднородность [Поляков, 2002]. Изучение серии крупных могильных полей методом горизонтальной стратиграфии, позволило выделить два самостоятельных хронологических горизонта, отражающих процесс развития культуры (I и II этапы). Наиболее наглядно подобное деление просматривается на керамическом материале. I этап маркируется посудой с «уступом», II этап – керамикой орнаментированной по шейке несколькими желобками или линиями, нанесёнными резным способом или зубчатым штампом. Для каждого из этапов сосуды с указанными признаками являются руководящим типом и составляют до 60% материала в серии. К примеру, могильник Белоярск II (раскопки М.Л. Подольского, 1975-76 годы) относящийся ко II этапу представлен серией в 46 сосудов, из которых 31 орнаментирован желобками (~67%). Посуда этого типа представлена и в составе крупных могильников функционировавших на протяжении обоих этапов [Зяблин, 1977, рис. 5–1–9].

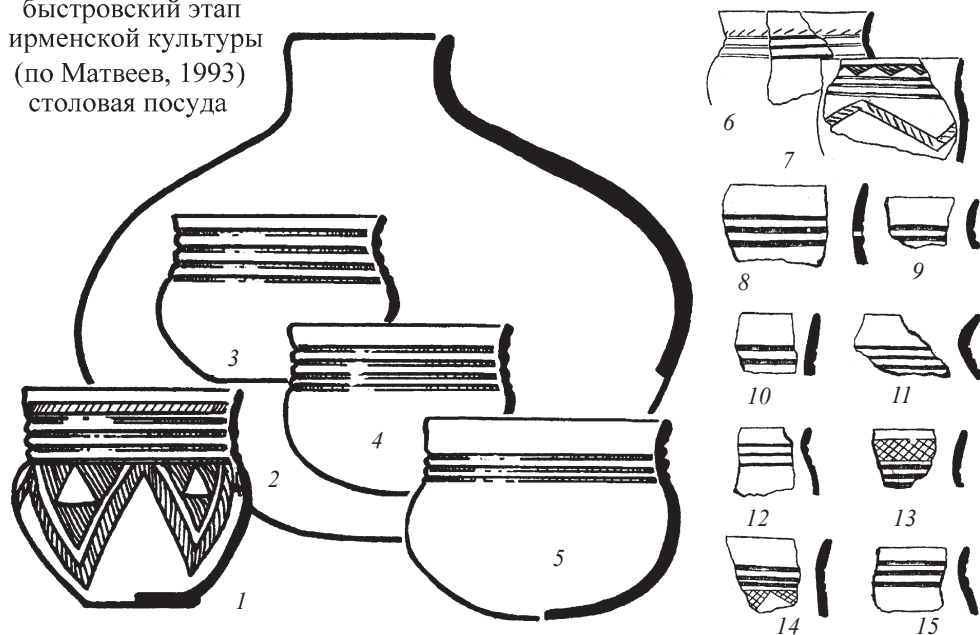
А.В. Матвеевым было отмечено, что существуют определённые параллели в инвентаре этапов двух культур. В частности, быстровский этап ирменской культуры может быть сопоставлен с «классической» частью карасукской, а собственно ирменский этап – с каменноложским [Матвеев, 1993, с. 135–138]. Полностью соглашаясь с этим мнением, можно несколько уточнить приведённые параллели с привлечением более дробной хронологии карасукских памятников.

Быстровский этап по своим материалам может быть синхронизирован со II этапом «классической» части карасукской культуры. В частности, в обоих случаях ведущий тип столовой посуды из погребений имеет практически идентичные признаки: низкий центр тяжести, широкое горло, округлая форма дна, неорнаментированный венчик (рис. 1). Основу орнамента составляют желобки на шейке сосуда, иногда дополненные резным орнаментом в виде заштрихованных лент и треугольников. Эти сосуды обычно хорошо залощены, тщательно выделаны, имеют тонкие стенки и качественный обжиг. Подобная посуда очень широко представлена в карасукских памятниках, но, к сожалению, практически не публиковалась, так как авторы обычно отдавали предпочтение более нарядным горшкам с уступом и богатым геометрическим орнаментом.

Выделение хронологических горизонтов позволило установить, что посуда, орнаментированная желобками, маркирует относительно поздний период развития собственно карасукского этапа. Серия подобной ке-

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экологические аспекты культурогенеза в древности и средневековье»

быстровский этап
ирменской культуры
(по Матвеев, 1993)
столовая посуда

II этап
карасукской
культуры
IV тип керамики
из погребений

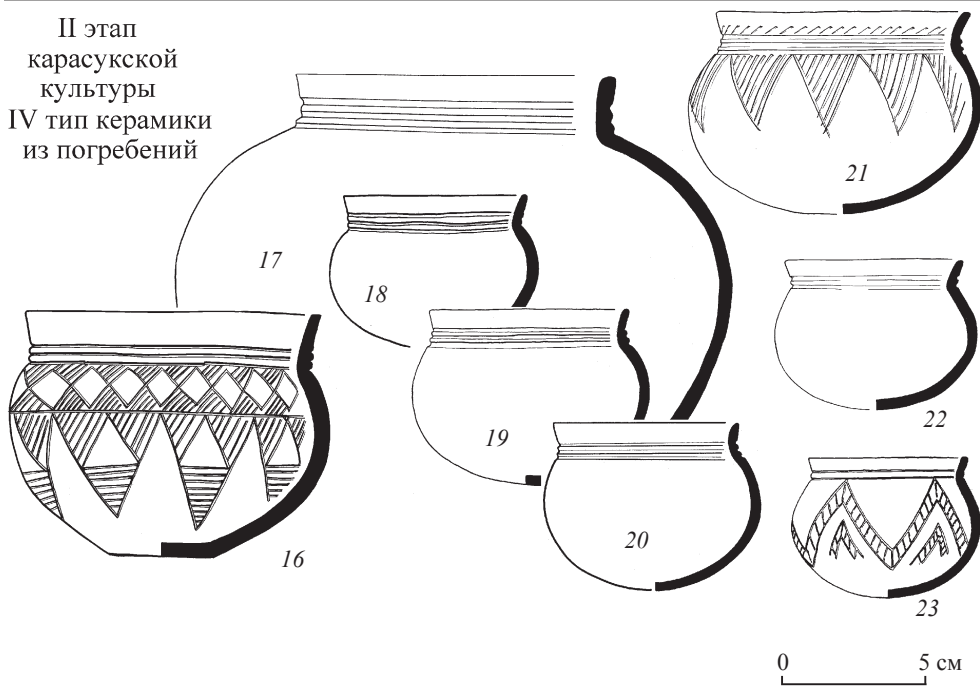

Рис.1. Сопоставление керамики быстровского этапа ирменской культуры (1-15) и посуды II этапа «классической» части карасукской культуры (16-23)

1, 3 – Бурмистрово; 2 – Быстровка IV; 4 – Чингис I; 5 – Усть-Алеус VII; 6-15 – поселение Быстровка IV; 16 – Сухое Озеро II к.122; 17 – Сухое Озеро II к.515 м.1; 18 – Сухое Озеро II к.36 м.1; 19 – Сухое Озеро II к.375 м.1; 20 – Сухое Озеро II к.325 м.2; 21, 22 – Карасук I к.54 м.1; 23 – Малые Копёны III к.40 м.3).

рамики насчитывает свыше 400 горшков, происходящих из погребений с территории Минусинских котловин. По основному набору формообразующих и технологических признаков эта посуда является закономерным развитием более ранних сосудов с уступом. Единственная черта, которая не может быть увязана с керамикой I этапа, это сами желобки. Они появляются только на сосудах II этапа, и связаны с заметной «волной» инноваций, касающихся бронзового инвентаря: появление лапчатых привесок, литых биконических перстней, ножей с шипом, грибовидных и «трёхкнопочных» наверший и некоторых других категорий.

К сожалению, на сегодняшний день нет веских оснований для сопоставления кухонной посуды. Материалы поселений «классического» этапа карасукской культуры практически не исследованы, за исключением единственного комплекса – Торгажак [Савинов, 1996]. В остальных весьма немногочисленных случаях количество полученных данных минимально: Каменка IV (96 м.кв.), Тепсей XII (часть землянки 2 × 2 метра и сборы), Тунчух (одно жилище 9 × 10 метров). Материалы поселения Торгажак, представляющие II этап, не могут быть непосредственно сопоставлены с кухонной посудой быстровского этапа, но их основу составляет валиковая керамика, что косвенно свидетельствует в пользу синхронности.

Не менее интересная ситуация наблюдается в связи типами бронзовых ножей. Как удалось установить, карасукские ножи с кольцевидным навершием и шипом, относятся исключительно ко II этапу и сочетаются в погребениях с керамикой, орнаментированной желобками. Подобные ножи фиксируются среди ирменских материалов и относятся А.В. Матвеевым именно к быстровскому этапу [Матвеев, 1993, табл. 26–3, 15].

Таким образом, выделенный А.В. Матвеевым быстровский этап ирменской культуры может быть сопоставлен на основании столовой посуды и типов бронзовых ножей со II этапом «классической» части карасукской культуры. Причём связь двух этих комплексов заметно более отчётливая, чем это представлялось при сравнении суммарной информации. Не смотря на новые случаи обнаружения столовой посуды быстровского типа в материалах памятников Верхнего Приобья, её количество по-прежнему остаётся небольшим [Шамшин, 2005, с. 98, рис. 2–2, 3]. В то же время в погребениях II этапа «классической» части карасукской культуры доля аналогичной керамики составляет свыше 60 % и по многим признакам подобная посуда является результатом развития местной керамической традиции. Дальнейшее изучение этого вопроса, возможно, позволит уточнить роль карасукской культуры в развитии памятников Западной Сибири эпохи поздней бронзы.

Список литературы

- Зяблин Л.П.** Карасукский могильник Малые Копёны 3. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 181 с.
- Поляков А.В.** Схема периодизации “классического” этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова) – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002, т.1 – с.209–213.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии; Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское Востоковедение”, 1996. – 112 с.
- Шамшин А.Б.** Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казённая Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского Университета, 2005, вып.1, с.91–99.

В.А. Семенов*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург***МНОГОСЛОЙНЫЕ СТОЯНКИ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ ТУВЫ***

В настоящее время для территории Тувы построена хронологическая колонка, базирующаяся на материалах стратифицированных памятников, охватывающая отрезок времени, превышающий 20 тыс. лет. Основой для построения такой уникальной секвенции в условиях горно-степного центральноазиатского региона, каким является Тува, послужили стратиграфические разрезы памятников Тора-Даш и 1-ого Куйлуг-Хемского грота.

Стоянка Тора-Даш расположена на правом берегу Енисея в 5 км ниже устья реки Хемчик (в настоящее время зона водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС). Стратиграфия памятника сложилась в процессе накопления пойменного аллювия, эоловых наносов, делювиальных отложений в виде глинистых натек и щебеночных оползней. В разрезе мощностью до 4 м четко выделяются 39 литологических слоев, в 17 из них обнаружены культурные остатки в виде углистых прослоек, очагов, костей животных, керамики, отходов кремнеобрабатывающего производства, изделий из кремня, предметов из бронзы и железа, ритуальных каменных выкладок, ритуальных захоронений костей и черепов животных. В нижних литологических слоях залежали неолитические материалы, на основании которых была выделена верхнеенисейская неолитическая культура [Семенов 2004, с. 70–87].

Культурные слои верхнеенисейского неолита были разделены стерильным пойменным аллювием. Здесь, по всей видимости, существовали временные летние стойбища. В ряде случаев очажные пятна залегают в стратиграфической последовательности одно над другим, что косвенно свидетельствует о посещении стоянки одной-двумя группами неолитического населения, время от времени останавливающихся на своих обжитых местах. Вокруг очагов концентрируются остеологические остатки, обломки керамических сосудов, отходы каменного производства. Для верхнеенисейского неолита характерна гребенчатая округлодонная керамика, наконечники стрел с выемчатым основанием, двустороннеретушированные вкладыши, боковые и продольные скребла, скребки с округлым и прямым рабочим краем. Сырьем для изготовления орудий служили мелкозернистые породы (кварцит, халцедон), яшма. Настоящий кремль встречается редко. Орудия из кости представлены гарпуном, иглами, шильями, лоцилами и др.

Неолитические слои перекрыты мощным слоем эоловых наносов, что свидетельствует о похолодании и остепнении Центрально-тувинских котловин, что способствовало проникновению в Туву носителей афанасьевской культуры. На Тора-Даше к этому времени относится значительный по отложениям слой, содержащий керамику, безусловно, афанасьевского облика, каменные орудия, кусочки медного колчедана. Возможно поиски медных руд и привели афанасьевцев в глубины Саянского каньона Енисея. Помимо Тора-Даша афанасьевская керамика была обнаружена на стоянке Хадынных I, лежащей в 20 км ниже по Енисею, а могильник этой культуры исследован неподалеку от города Новый Шагонар под горой Хайыракан [Семенов 2000, с. 134–157].

Выше лежащие слои относились к двум этапам Окуневской культуры Тувы. Первый более ранний из них был, по всей видимости, результатом аккультурации местного неолитического населения, второй более связан с культурами андроновского-карасукского круга. Керамика Окуневских слоев Тора-Даша представлена исключительно плоскодонной посудой, как правило, богато декорированной, включая дно. Вместе с тем на втором этапе встречаются неорнаментированные сосуды, напоминающие тагарские банки или керамику алды-бельского времени в Туве. Присутствие носителей Окуневской культуры выявлено также в Тодже (Восточная Тува), на стоянке Хадынных I, погребения на могильном поле Аймырлыг. Бронзовые ножи, найденные в седьмом

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – проект №05–01–01375а.

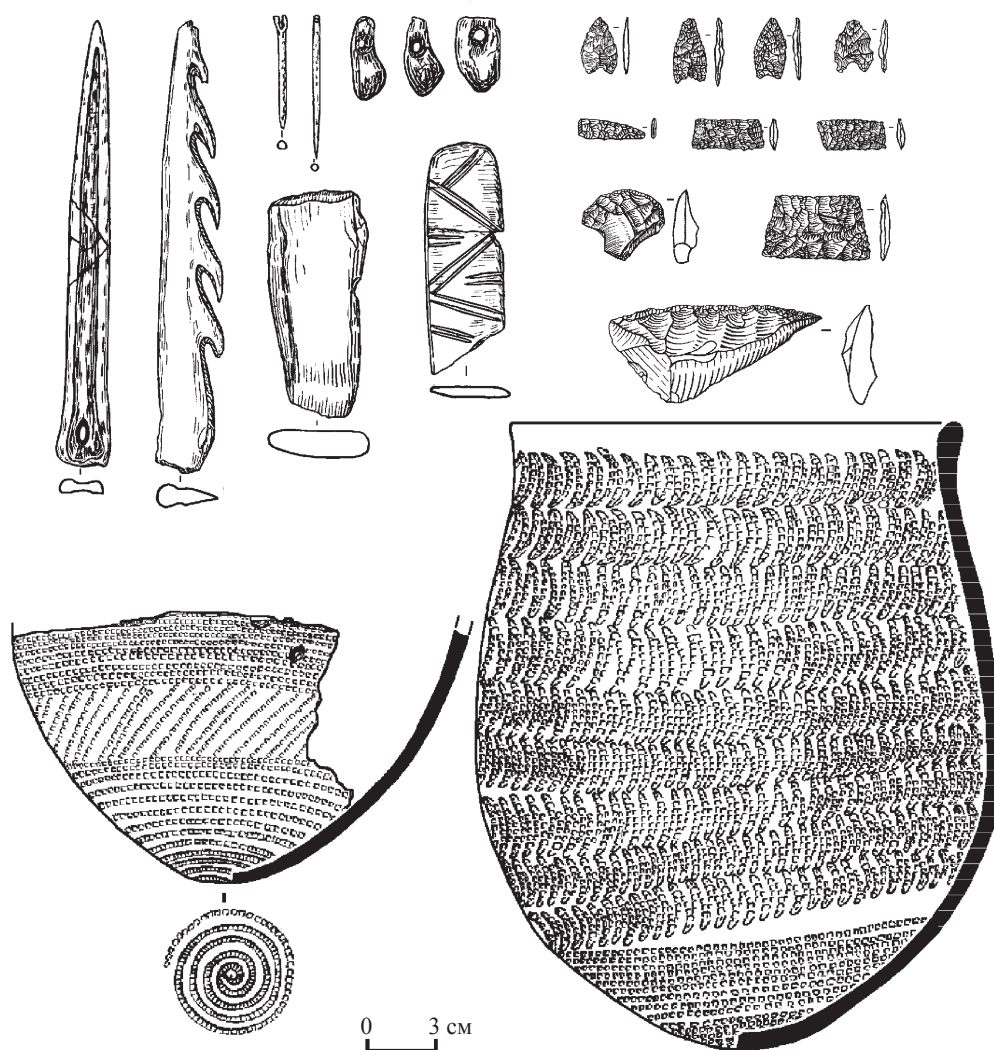

Рис. Верхнеенисейский неолитический комплекс.

культурном слое Тора-Даша (второй этап Окуневской культуры) позволяют синхронизировать его с андроновской и кротовской культурной общностью Западной Сибири [Семенов 1997, с. 152–161].

Выше лежащие слои Тора-Даша были оставлены носителями культуры монгун-тайгинского типа (?), скифского и гунно-сарматского времени. Еще выше представлены кочевые общества средневековья, вплоть до остатков современных тувинских стоянок.

Второй опорный памятник для построения периодизации древних культур Тувы – 1 Куйлуг-Хемский грот исследован пока что на площади в 14 кв.м. Он расположен на правом берегу реки Куйлуг-Хем в 15 км выше ее впадения в Енисей. Грот имеет размеры 5×3,3 м и 2,3 м высотой. Площадка перед гротом достигает 26 м в длину и 8 м в ширину. Максимальная мощность отложений не менее 2 м. Неолитические находки залегают в верхней части отложений и делятся на два отчетливых горизонта, имеющих определения ^{14}C по костям животных, извлеченных из очага. Эти даты 6710 ± 90 Ле 6902 и 3540 ± 75 Ле 6900 имеют очень большой хронологический разрыв. Тем не менее, материалы обоих неолитических горизонтов однородны и полностью соответствуют верхнеенисейскому неолиту, выделенному на стоянке Тора-Даш.

Голоценовые отложения четко отделяются от плейстоценовых прослоем белой тектонической «муки». Для двух палеолитических горизонтов также получены даты ^{14}C – 15500 ± 180 Ле 6901 и 23600 ± 400 Ле 6899. Для самого нижнего 5 культурного горизонта определений ^{14}C пока что не сделано. Из этого горизонта происходит костяная подвеска, украшенная точечным орнаментом с тремя сквозными отверстиями в верхней части [Semenov и др.2005].

Даты, полученные для двух палеолитических горизонтов Куйлуг-Хема кажутся вполне приемлемыми и свидетельствуют о верхнепалеолитическом возрасте исследуемых отложений. Более определенно о характере каменной индустрии этого памятника можно будет сказать после проведения более широких исследований. Для верхнеенисейского неолита получена первая дата, подтверждающая его ранний возраст (6710 ± 90 Ле 6902), тогда как две другие – одна для нижнего слоя Тора-Даша (3740 ± 40 Ле 1529) и вторая для Куйлуг-Хема (3540 ± 75 Ле 6900) представляются омоложенными [Тимофеев и др. 2004, с. 49]. Слои бронзового века стоянки Тора-Даш датируются по аналогии с афанасьевской и окуневской культурами в Минусинской котловине и по типологии изделий из бронзы Западной Сибири.

Список литературы

- Семенов Вл.А.** Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник – СПб., 1997. – С. 152–160.
- Семенов Вл.А.** Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000. – С. 134–157.
- Семенов Вл.А.** К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (Верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии – СПб., 2004. – С. 70–87.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М.** Радиоуглеродная хронология Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 157 с.
- Semenov V.A., Vasil'ev S.A., Zaitseva G.I., Kilunovskaya M.E., Kasparov A.K.** Kuilug-Khem 1: A New Paleolithic Cave Site in Tuva (South Siberia, Russia) // Current Research on Pleistocene. – 2005. – № 22. – P. 9–10.

Е.В. Сидоренко*Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ПАЛЕОМЕТАЛЛА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ***

Начало железного века в восточном и северо-восточном Приморье связывается исследователями с появлением в регионе представителей янковской культуры. По мере продвижения с юга на север вдоль побережья янковцы не только занимали свободные земли, но и вступали в различного рода контакты с аборигенным населением. Формы контактов могли быть различными: вооруженный конфликт, выселение прежних обитателей, полная или частичная ассимиляция, мирное сосуществование этнически разных групп на одной территории, совместное существование и сложение новых этнических групп.

До прихода янковцев на территорию восточного и северо-восточного Приморья здесь обитали носители лидовской археологической культуры. Лидовская археологическая культура, выделенная В.И. Дьяковым, заполнила нишу между неолитом и средневековьем. В 1999 г. им же в лидовской культуре выделены пхусунская, тетюхинская и ахобинская группы памятников. В 2005 г. автором выделена куналейская группа памятников, представляющая собой симбиоз лидовско-янковских традиций. Радиоуглеродное датирование памятников указанных групп показало их временное сосуществование на определенных этапах. Очевидным это становится в 7–6 вв. до н.э. и далее. Именно с этого времени явно усиливается влияние янковской археологической культуры. С появлением носителей янковской культуры здесь не произошло смены населения. Об этом свидетельствуют раскопки городища Мыс Страшный [Дьякова, 2005, с. 86–91]. Лидовское население продолжало не только жить в регионе, но и держать оборону, возводя мысовые городища в 3–2 вв. до н.э. [Дьякова, 2005, с. 86–91]. Более того, в материалах поздних лидовских памятников есть доказательства присутствия янковцев в регионе. Так, на памятнике Благодатное 3 в нижней части инсигного лидовского слоя в заполнении жилища 1 в кв.А/1 совместно с традиционными артефактами обнаружена небольшая чашечка с овальным резервуаром № 653 [Дьяков, 1989, табл. 16(5), с. 82]. Такая форма чаш в Приморье связана с янковской культурой. При раскопках жилищ 1 и 2 в верхней части культурного слоя зафиксированы размытые очажные скопления, впущенные в лидовский слой, но перекрытые черной прослойкой, лежащей в основании «некрасовского» слоя, что исключает их современное происхождение (в 30–40-х годах XX в. на месте памятника существовала деревня Некрасовка). В зольных скоплениях над жилищем 1 найдено только несколько мелких неорнаментированных фрагментов керамики [Дьяков, 1989, с. 74]. В зольниках над жилищем 2 – мелкие фрагменты керамики, кремневые отщепы, ретушированное сверло, обломок керамического предмета, заготовка наконечника стрелы и фрагмент Г-образного венчика [Дьяков, 1989, с. 85]. Над территорией жил.3 также обнаружены фрагменты сосудов с Г-образным венчиком (свыше 10 фр.). Распределение их в слое показало, что один фрагмент происходит из древнего культурного слоя (кв.Х\4), остальные – из почвенного горизонта. Эти наблюдения позволили автору раскопок В.И. Дьякову предложить 2 версии: 1 – очаги относятся ко времени завершения формирования лидовского слоя; 2 – очаги связаны с кратковременным обитанием людей, имевшим место в промежутке между лидовцами и «некрасовцами». И хотя находки в очагах более склоняли В.И. Дьякова к лидовскому варианту, он подчеркивал, что и вторую версию нельзя исключать полностью [Дьяков, 1989, с.85, 97]. Наличие в традиционном лидовском ансамбле единичных инновационных изделий (чаша с овальным дном, фрагменты Г-образных венчиков) может рассматриваться как влияние янковцев на аборигенную культуру при сохранении оригинальности последней. В материалах одного из самых поздних памятников ахобинской группы – го-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 04–0100374а «Этнокультурные контакты населения Дальнего Востока в эпоху средневековья»

родище на мысе Страшном – также фиксируются черты, связанные с янковской археологической культурой: 1) сферическая форма тулова и зауженная придонная часть, 2) инкрустированные налепные валики (помещение валика в специально прочерченный желобок), 3) орнамент в виде налепной шишечки на тулове. Влияние янковской культуры отмечается и в поздних памятниках тетюхинской группы. Так, на поселении Ветроудуй в жилище 2 на полу в кв. Ж/12 обнаружен амфоровидный сосуд (№ 1825) с прямой шейкой и отогнутым наружу венчиком, у которого стык горловины и тулова орнаментирован налепным валиком и двумя прочерченными параллельными бороздками. Эта композиция перекрывается небольшой налепной шишечкой, являющейся, в свою очередь, имитацией налепной ручки. В данном конкретном случае в качестве источника нововведения можно рассматривать лидовско-янковские комплексы Куналейского городища, существующие на поздних этапах одновременно с поселением Ветроудуй и расположенные близко друг от друга (оба памятника находятся в бассейне р. Джигитовки, расстояние между ними не превышает 20 км).

Именно ассимилятивными процессами авторы объясняли своеобразие некоторых янковских памятников восточного и северо-восточного Приморья. Впервые мысль о насаивании янковских элементов на более ранние комплексы высказал А.П. Окладников, анализируя материалы поселения у с. Екатериновки. Наиболее подробно этот вопрос осветил В.И. Дьяков. В 1984 г., рассматривая вопрос о начале железного века на западном побережье Японского моря, он связывает этот процесс с распространением янковской культуры. Основой для такого утверждения послужили материалы памятников у д. Валентиновки, Моряк-Рыболов-II, Заповедное-3, Пьяный Ключ, где выявлены синкретичные комплексы с янковскими элементами. «Генезис описанных выше памятников связан с распространением янковской культуры и неизбежной частичной трансформацией ее под воздействием времени и контактов. Следовательно, эти памятники характеризуют поздний северный этап янковской культуры. С ним мы и связываем начало железного века на восточном побережье Приморья» [Дьяков, 1984, с. 57]. Автор обращает внимание на несколько принципиально важных моментов: 1. Продвижение носителей янковской культуры на север стало возможным после полного формирования всех основных материальных особенностей культуры. 2. Сопровождался этот процесс ассимиляцией поздних носителей лидовской культуры и контактами с представителями кроуновской культуры, что и нашло свое отражение в материалах синкретичных комплексов. 3. Географическая изоляция района предполагает возможность длительного сохранения облика культур. В.И. Дьяковым на основе проведенного анализа, во-первых, выявлены синкретичные комплексы (лидовско-янковские), во-вторых, выделен поздний северный этап янковской культуры; в-третьих, расширены хронологические рамки янковской культуры до I тыс. н.э.; в-четвертых, намечена схема взаимодействия культур в регионе и обоснована возможность наличия помимо лидовско-янковских других синкретичных комплексов (например, янковско-кроуновских).

Если обратиться к материалу синкретичных памятников восточного Приморья, то в них лидовские черты не доминируют, зато отчетливо выражены янковские. Так, на валентиновском поселении лидовское влияние прослежено в орнаментации части керамики, в наличии архаичных на вид скребловидных и рубящих орудий, а особенно шлифованных ножей с выделенной рукоятью и поставленным под углом к ней лезвием. Такие ножи абсолютно не характерны для янковской культуры, в то же время они обычны и широко представлены в комплексах лидовской культуры. Керамика памятника Моряк-Рыболов 2 представлена типично янковскими образцами с характерными светильниками, Г-образными венчиками и ручками-ушками на сосудах, но в то же время сохранившая некоторые принципы декорирования, характерные для лидовской культуры. К ним относятся сетчатый орнамент, состоящий из двух валиков, соединенных между собой через равные промежутки короткими налепными перемычками, и украшение кромки Г-образных венчиков частыми вертикальными насечками или прямоугольными вдавлениями, нанесенными достаточно небрежно. Применительно к памятнику Моряк-Рыболов 2 В.И. Дьяков считает возможным говорить о вероятной полной ассимиляции лидовцев [Дьяков, 1989, с. 221].

Анализ материалов Куналейского городища позволяет считать выявленные комплексы палеометалла синкретичными и определить их культурную принадлежность как лидовско-янковскую. В керамической коллекции памятника отразился процесс трансформации лидовской гончарной традиции под воздействием янковской. Технология изготовления остается по-прежнему лидовской с такими характерными чертами как тонкостенность (0,2–0,5 см), преимущественное выглаживание и замывка поверхностей, тусклое лощение или вообще его отсутствие, применение техники выбивки, характерная амфоровидная форма сосудов, отдельное изготовление шейки и тулова, плавный округлый переход дна в стенки. Но в форме венчиков и декоре, наиболее мобильных частях гончарного производства, проявляется влияние янковской традиции: исчезает орнаментация кромки венчика, столь характерная для лидовцев, сам венчик приобретает Г-образную форму различных модификаций, в декоре встречаются налепные ручки с отверстием и новая орнаментальная композиция (сочетание наклонных и ступенчатых фигур, окаймленных рядами прочерченных линий). Наличие в комплексе

керамики, выполненной по янковским образцам (горшки с Г-образным венчиком, отогнутые под углом 45° прямые округлые венчики, фрагменты сосудов с черненой поверхностью), позволяют ставить вопрос о более глубоком контакте носителей двух культур. На сегодняшний день Куналейское городище является самым северным памятником, связанным с янковской археологической культурой [Сидоренко, 1998, с. 74–77]. Согласно радиоуглеродным датам время существования поселка определяется 5 в. до н.э. – 1 в. н.э. [Сидоренко, 2004, с. 278].

Таким образом, лидовско-янковские контакты, в первую очередь характерны для куналейской группы памятников, датируемой 5 в. до н.э. – 1 в. н.э. Характер контактов представителей данных культур не носил форму полной ассимиляции. Сохранились как самостоятельные лидовские поселения, так и появились памятники со смешанным населением, что проявилось в синкретичности гончарной традиции с преобладанием лидовской основы.

Список литературы

1. **Дьяков В.И.** Железный век на западном побережье Японского моря // Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1984. – С. 50–72.
2. **Дьяков В.И.** Приморье в эпоху бронзы. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1989. – 296 с.
3. **Дьякова О.В.** Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. – 188 с.
4. **Сидоренко Е. В.** Поселок палеометалла Куналейского городища // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.). Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17-18 мая 2004 г.). – Благовещенск: Изд-во БГУ, 2004. – С. 276–280.
5. **Сидоренко Е.В.** О северной границе янковской культуры // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – С. 74–77.

С.М. Ситников*Барнаульский государственный педагогический университет
Лаборатория исторического краеведения, Барнаул*

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

В эпоху финальной бронзы на территории Обь-Иртышского междуречья локализовались три археологические культуры – ирменская, саргаринско-алексеевская и бегазы-дандыбаевская. Основной целью данной публикации является рассмотрение культурно-исторических контактов между саргаринско-алексеевским и ирменским населением исследуемой территории.

В ареале расселения племен саргаринско-алексеевской культуры, занимающей территорию Центрально-го, Северного, Восточного Казахстана и лесостепного и степного Алтая, зафиксированы отдельные изделия ирменской культуры. Прежде всего, к таким находкам следует отнести керамику, являющуюся важным культурным индикатором для памятников эпохи бронзы.

На территории лесостепного и степного Алтая ирменская керамика обнаружена на саргаринско-алексеевских поселениях Рублево-6 [Шамшин, 1999; Шамшин и др., 1999], Чекановский Лог-1 [Демин, Ситников, 1998], Новоильинка [Уманский, Ситников, 1995], Жарково-1 [Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002]. С верховьев р. Алея происходит так же верхняя часть ирменского сосуда, найденная у с. Советский Путь. В ходе раскопок в Центральной Кулунде двух курганов неподалеку от с. Баево в кургане № 2 были обнаружены остатки гвоздевидной серьги ирменского типа [Могильников, Уманский, Шемякина, 1995]. Авторы раскопок данный комплекс датировали рубежом II – началом I тыс. до н.э. [Могильников, Уманский, Шемякина, 1995].

В Восточном Казахстане на поселении Мало-Красноярка встречены фрагменты керамики имеющие явное ирменское происхождение [Черников, 1960]. В окрестностях г. Павлодар исследовано погребение, содержащее захоронение человека, в скорченном положении на правом боку, головою на юг, с небольшим отклонением к западу. Перед лицом погребенного стоял сосуд [Пересветов, 2000]. По мнению Г.Ю. Пересветова, данное погребение относится к ирменской культуре и датируется началом I тысячелетия до н.э. [Пересветов, 2000].

В свою очередь, отдельные саргаринско-алексеевские находки зафиксированы в материалах ирменской культуры. В лесостепном Приобье на поселении Чингиз 1 встречено несколько сосудов, профилировка и орнаментация которых находят аналогии в материалах саргаринско-алексеевской культуры [Матвеев, 1993]. Особенно хотелось бы остановиться на одном из слабопрофилированных горшков, украшенном при переходе от шейки к плечикам рядом жемчужин, а по тулову наклонноидущими оттисками ногтя [Матвеев, 1993] – элементе орнамента характерном для саргаринско-алексеевской керамики. Саргаринско-алексеевская керамика встречена на ирменских поселениях Быстровка-4 [Матвеев, 1993], Заковряшино-1 [Шамшин, Цивцина, 1999], Милованово-3 [Сидоров, 1985], Мереть [Членова, 1994], а также в материалах грунтового могильника Фирсово-14. Помимо этого обнаружены отдельные металлические саргаринско-алексеевские предметы на территории расселения племен ирменской культуры [Членова, 1994; Ситников, Фролов, 1995].

Таким образом, зафиксированы как находки ирменской керамики на памятниках саргаринско-алексеевской культуры, так и саргаринско-алексеевская – на поселениях ирменской культуры. Перечисленные выше примеры далеко не полные, однако они позволяют сделать ряд выводов:

Между племенами саргаринско-алексеевской и ирменской культуры на протяжении эпохи поздней бронзы существовали постоянные контакты [Могильников, 1989], которые возможно были обусловлены близостью двух культур, сосуществующих в один хронологический промежуток на довольно близких территориях.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06–01–60108а/т).

Данные контакты нашли свое отражение в одном из наиболее чувствительных культурных индикаторов – керамике. На саргаринско-алексеевской орнаментальной схеме это проявилось в виде специфических ирменских элементов – косо́й сетки, треугольников по плечу и тулову сосудов, обращенных вершинами вниз, а также, возможно, жемчужнике и воротничках. В свою очередь, на ирменской керамике появляются элементы орнамента, в большей степени характерные для племен саргаринско-алексеевской культуры – пояски из косых крестиков, налепные валики, наклонновисающие оттиски гладкого штампа или наколов.

Постоянные контакты привели к сложению памятников смешенного типа, сочетающих в своих материалах саргаринско-алексеевские и ирменские черты. К таким памятникам можно отнести поселения Черноозерье-VIII [Членова, 1994], Большой Лог [Членова, 1994] и, возможно, Туруновка 4 [Членова, 1994]. На территории лесостепного Алтая к данным комплексам относится поселение Гусиная Ляга-1 [Ситников, Гельмел, 2000], расположенное в Северной Кулунде.

Таким образом, в результате постоянных контактов на территории Обь-Иртышского междуречья формируются комплексы типа Гусиной Ляги-1, Большого Лога и ряда других памятников. Вряд ли эти комплексы сформировались ранее IX в. до н.э. Позднюю дату формирования данных комплексов подтверждает, прежде всего, керамический материал. Обнаруженная здесь посуда имеет позднеирменский облик. В настоящее время позднеирменские памятники датируются VIII – VI вв. до н.э. [Молодин, 1985], саргаринско-алексеевская посуда так же характерна для позднего этапа (донгальского) данной культуры, датируемого – VIII – началом VII вв. до н.э. [Варфоломеев, 1987; Ломан, 1987].

По мнению В.А. Могильникова, в VIII в. до н.э. происходит отток ирменского населения с Верхнего Приобья в Барабинскую и Кулундинскую степи, обусловленный складывающимися неблагоприятными экологическими условиями (увлажнение климата, заболачивание почвы) [Могильников, 1989]. Возможно, импульс движения в западном направлении ирменского населения начался несколько раньше. Эта миграция достигает территории Среднего Прииртышья, где насчитывается ряд памятников ирменского облика [Стефанов, Труфанов, 1988].

Может быть, в формировании большеереченской культуры приняло участие население финальной бронзы с валиковой орнаментацией, о чем свидетельствует декор некоторых глиняных сосудов большеереченской культуры [Могильников, 1989; Могильников, 1995].

Список литературы

1. **Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 56–68.
2. **Демин М.А., Ситников С.М.** Поселение Чекановский Лог-1 – новый памятник эпохи поздней бронзы юго-западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – 1998. – Вып.3. – С. 43–54.
3. **Ломан В.Г.** Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 116–129.
4. **Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 181 с.
5. **Могильников В.А.** Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного века. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1989. – С. 62–77.
6. **Могильников В.А.** Поселение Гилево-1 // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во ГИПП «Алтай», 1995. – Вып.5. – Ч.2. – С. 78–84.
7. **Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С.** Баевские курганы // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во ГИПП «Алтай», 1995. – Вып.5. – Ч.2. – С. 66–74.
8. **Пересветов Г.Ю.** Ирменское погребение из Павлодара // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Изд-во ТОО НПФ «Эко», 2000. – С. 79–80.
9. **Сидоров Е.А.** Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам раскопок поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 63–70.
10. **Ситников С.М., Гельмел Ю.И.** Новые материалы финальной бронзы Северной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 158–161.
11. **Ситников С.М., Фролов Я.В.** Кинжал эпохи поздней бронзы из с. Клепиково // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 76–77.
12. **Стефанов В.И., Труфанов А.Я.** К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во СГУ, 1988. – С. 75–88.
13. **Уманский А.П., Ситников С.М.** Керамические комплексы поселения Новоильинка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – 1995. – Вып.1. – С. 46–53.

14. **Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – № 88. – 276 с.
15. **Членова Н.Л.** Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Изд-во Пущинского научного центра РАН, 1994. – 170 с.
16. **Шамшин А.Б.** Новые исследования поселения Рублево-6 на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Изд-во ТОО НПФ «Эко», 1999. – С. 45–49.
17. **Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А.** Поселение Рублево-6 – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул: Изд-во ООО «Некси», 1999. – С. 29–41.
18. **Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М.** Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2002. – №4. – С. 106–113.
19. **Шамшин А.Б., Цивцина О.А.** Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Изд-во ТОО НПФ «Эко», 1999. – С. 50–52.

А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ*

По устоявшемуся в науке представлению, в Западном Закавказье в эпоху поздней бронзы – раннего железа существовала родственная кобанской колхидская культура. В то же время, неоднократно отмечалось наличие серьезных различий между памятниками различных регионов Колхиды, выделялись «металлургические очаги» [Коридзе, 1965]. Но выделение производственных центров ни в коей мере не означает выделения локальных вариантов, предполагающих единство металлопроизводства, существенно отличного от продукции соседних регионов, специфику керамического комплекса и особенности погребального обряда. На невыделенность и неизученность именно локальных вариантов колхидской культуры уже указывалось некоторыми грузинскими археологами [Раишвили, 1974].

Не менее важен вопрос о сущности понятия «*локальный вариант*» в его отличии от понятия «*археологическая культура*». По нашему мнению, локальные варианты должны выделяться на основании **особенностей** металлургического (в первую очередь, женские украшения, части мужского костюма и предметы воинского снаряжения) и керамического комплексов, а также погребального обряда. Напротив, если три данных параметра по большинству своих характеристик существенно различны и сходство прослеживается лишь по некоторым, пусть и существенным признакам – речь должна идти о самостоятельной археологической культуре. Выделение культур и локальных вариантов должно производиться на основании относительно синхронных памятников. В идеальном случае, если позволяет уровень изученности региона, ни один из трех параметров (керамика, металл, погребальный обряд) не должен, как нам представляется, считаться главным или второстепенным. Значительно менее информативным признаком является домостроительство, характер которого может быть обусловлен целым рядом внешних признаков (расположение поселения в болотистой низине или на холме, наличие или отсутствие выходов камня и т.д.). Признаки, единые для нескольких культур, могут быть отнесены к *надкультурным феноменам*. Напротив, признаки, характерные для определенной культуры, можно считать *культурными маркерами*. Безусловно, необходимо учитывать возможность находок *импортов*, предметов, связанных с определенной культурой и в незначительном количестве найденных на территории иной культуры. В том случае, если на территории какого-либо небольшого региона, при доминировании черт территориально более обширной культуры, количество импортов с территории соседней культуры особенно велико – этот регион может считаться *контактной зоной*. Наконец, абсолютно справедливым и применимым в данном случае нам представляется высказанное по отношению к кобанской культуре предположение о «пульсирующем контуре её ареала», а также о наличии за пределами её границ «своеобразных анклавов с доминантой северокавказских элементов Кобани» [Козенкова, 2004]. Отметим лишь, что *анклавы* могут быть представлены не только комплексами памятников, но и отдельными поселениями и даже погребениями.

Анализ археологических памятников Западного Закавказья и самостоятельные работы в регионе (в 2002–2006 гг.) побуждают нас отказаться от предлагаемого вначале выделения локальных вариантов колхидской культуры [Скаков, 2003] и говорить о выделении самостоятельных археологических культур в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности. На сегодняшний день нами выделяются Бзыбская (Сухумский и Гудаутский районы Республики Абхазия), Ингури-Рионская и Лечхумо-Имеретинская колхидские культуры. В качестве локального варианта Бзыбской культуры мы пока что рассматриваем памятники Гагринского типа (Гагринский могильник и Псоу I). Вероятно, локальным вариантом (и в то же время контактной зоной) явля-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект 05–01–01078а.

ются памятники района г. Сухум. Локальный вариант в рамках Ингури-Рионской культуры представлен Джантухским могильником (г. Ткварчели). В качестве анклавов можно, с одной стороны, рассматривать памятники Баксанского ущелья (являющегося одновременно контактной зоной между Западно-кобанской и Центрально-кобанской культурами) и, возможно, прилегающих районов VII – первой половины VI вв. до н.э. По нашему предположению, сюда с территории Ингури-Рионской культуры на рубеже VIII–VII вв. до н.э. перемещается некоторая группа населения, в последующем утрачивающая свои «колхидские» черты» и сближающаяся с местными кобанскими племенами [Скаков, в печати]. Анклавом другого рода можно считать погребение 14 могильника Лобанова щель (Абрау Дюрсо), принадлежавшее уроженке территории Бзыбской культуры [Дмитриев, Малышев, 1999].

К сожалению, доступный материал отличается неполнотой: практически не опубликованы богатейшие поселения Абхазии (Бамборское, Тамыш и др.), слабо изучены поселения внутренних районов Западной Грузии. Практически, мы на сегодняшний момент можем сравнивать лишь керамику эпохи финала средней бронзы и формирования археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа. В этой связи интересна керамика Абгархукского поселения (Гудаутский район Республики Абхазия), исследовавшегося нами в 2003–2005 гг. и датированного (калиброванные даты) XIII–XII вв. до н.э. Отличия абгархукского керамического комплекса и керамики поселения Центральной Колхиды весьма существенны, в частности, для поселений Абхазии не характерен богатый желобчатый дуговидный орнамент в виде шевронов, относительно редки сосковидные выступы, отсутствуют миниатюрные ушки, декор в целом кажется более бедным, упрощенным и несколько небрежным. Кардинальные различия наблюдаются и в первой половине I тыс. до н.э.

Сложности, хотя и другого порядка, возникают и при анализе погребального обряда. Так, погребальные памятники второй половины II – первой половины I тыс. до н.э. практически неизвестны в большинстве внутренних районов Западного Закавказья (за исключением Рачи). Напротив, там хорошо представлены клады бронзовых изделий, являвшиеся, на наш взгляд, в своем подавляющем большинстве не кладами литейщиков, а ритуальными комплексами. Отсутствие погребальных памятников связано, вероятно, с особенностями погребального обряда (выставление и «уничтожение» тела умершего, когда его экспонация [Смирнов, 1997] не носит временного характера), пережитки которого были засвидетельствованы античными авторами.

Для Бзыбской колхидской культуры IX–VII вв. наиболее характерны индивидуальные погребения с трупоположением вытянутым на спине, с доминирующей западной ориентировкой, или скорченные на боку, также с ориентацией на запад. Встречаются также вторичные погребения в урнах или, реже, в подпрямоугольных ямах. Относительно поздно, только в районе г. Сухум, то есть в контактной зоне с Ингури-Рионской культурой и, вероятно, под её воздействием, появляется кремация на стороне с захоронением праха в округлой яме. Для Ингури-Рионской колхидской культуры были характерны коллективные погребальные ямы (а также, в редких случаях, погребальные рвы) с частичной кремацией при вторичном обряде захоронения. Таким образом, в обеих культурах экспонация тела умершего носила временный характер. Но и здесь остается загадкой отсутствие погребальных памятников второй половины II тыс. до н.э. – X в. до н.э. Возможно, в этот период на территории всего Западного Закавказья существовал погребальный обряд, аналогичный предполагаемому нами для Лечхумо-Имеретинской культуры.

Культурными маркерами Бзыбской культуры можно считать своеобразно орнаментированные топоры, топоры с бронзовыми рукоятями, кинжалы с серповидным навершием на рукояти, наконечники копий с укороченным подтрапещевидным пером, массивные браслеты с заполнением, широкие манжетовидные браслеты с 4 ребрами, конические бляшки с разнообразными зооморфными завершениями или с гвоздеобразной головкой, поясные пряжки с фигурными головками животных, не имеющие, в отличие от кобанских, отверстий для скрепления с поясом, полуовальные и круглые умбоновидные пряжки с инкрустацией, «молоточковидные» навершия, якоревидные подвески, бронзовые биконические и веретенообразные бусы.

В качестве надкультурных феноменов, объединяющих все культуры в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности, хотя и представленных в них в различной степени, выступают некоторые типы бронзовых топоров, пряжек, копий, кинжалов, фибул, браслетов, шейные гривны, пинцеты, нагрудники-«пекторали». К примеру, прямоугольные и бабочковидные пряжки, не характерные (за исключением района г. Сухум) для Бзыбской культуры и Западно-кобанской культуры (за исключением Баксанского ущелья), практически неизвестные (за исключением явного импорта) в Лечхумо-Имеретинской культуре, хорошо представлены в Центрально-кобанской и Ингури-Рионской культурах

Расценивая выделенные группы памятников как самостоятельные культуры мы можем объяснить тот парадоксальный факт, что по отношению к памятникам Бзыбской Абхазии и Ингури-Рионского региона не прослеживается отмеченная В.Б. Ковалевской тенденция к «сближению культуры локальных вариантов на протяжении времени» [Ковалевская, 1995]. Действительно, такого сближения не происходит в IX–VII вв. до н.э.,

а в V–IV вв., после переходного периода и появления инноваций, в Бзыбской Абхазии вновь возникает самостоятельная археологическая культура. По отношению к её погребальному обряду можно говорить о преемственности, отметим лишь более разнообразную ориентацию костяков, уменьшение доли скорченного труположения, и, главное, исчезновение вторичных захоронений. Культурными маркерами Бзыбской позднеколхидской культуры можно считать украшения головного убора – «эгретки», фибулы с ромбическим расширением или с расширением в виде розетки на дужке, булавки с ажурной головкой из радиально расходящихся стержней, соединенных перекладной, пластинчатые орнаментированные браслеты, пластинчатые браслеты, покрытые крупной зернью.

Список литературы

- Дмитриев А.В., Малышев А.А.** Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели. // Историко-археологический альманах. Выпуск 5. – Армавир-Москва: 1999. – С. 17–52.
- Ковалевская В.Б.** Археологическая культура – практика, теория, компьютер. – М.: НПБО «Фонд археологии». 1995. – 192 с.
- Козенкова В.И.** Об уточненных границах кобанской культуры. // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. – М. 2004. – С. 98–100.
- Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. – Тбилиси: «Мецниереба». 1965. – 168 с. На грузинском языке.
- Рамишвили А.Т.** Из истории материальной культуры Колхиды. – Батуми. 1974. – 134 с. На грузинском языке.
- Скаков А.Ю.** Хронология могильников Колхиды раннего железного века. // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга II. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 2003. – С. 142–144.
- Скаков А.Ю.** К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа. // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения. Тезисы конференции. – СПб.: В печати.
- Смирнов Ю.А.** Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. – М.: «Восточная литература». 1997. – 280 с.

Л.А. Соколова
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

МНОГОКОМПОНЕНТНОСТЬ В ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Окуневский феномен связан с Минусинской котловиной как местом непосредственного формирования и развития культурной традиции. Но в период наивысшего расцвета его значение переросло формат локальной археологической культуры и стало играть роль центра, в значительной степени формирующего блок признаков различных археологических культур бронзового века Северной Евразии. Исследователи отмечают окуневское влияние в Туве, на Алтае, в Западной Сибири, в Сынцзяне и в верховьях Инда. Конечно, древний мир не знал административных границ, но, как правило, строго придерживался своей эколого-географической зоны. Причины столь мощного проявления культурной энергетики окуневцев в масштабах Центральной Азии еще предстоит осознать и проанализировать.

Задача исследования заключается в системном подходе к данному феномену, как к культурной традиции, находившейся в процессе динамичного развития: от стадии становления в эпоху энеолита, расцвета в эпоху ранней бронзы и до периода стагнации в эпоху развитой бронзы. В ходе своего развития Окуневская культурная традиция проходит четыре этапа, отличающихся вариантами погребальных сооружений, керамики, инвентаря, изобразительных канонов в мегалитическом искусстве. На каждом из этих этапов окуневский комплекс испытывал инокультурные влияния, продуцирующие многокомпонентную структуру признаков окуневской культурной традиции.

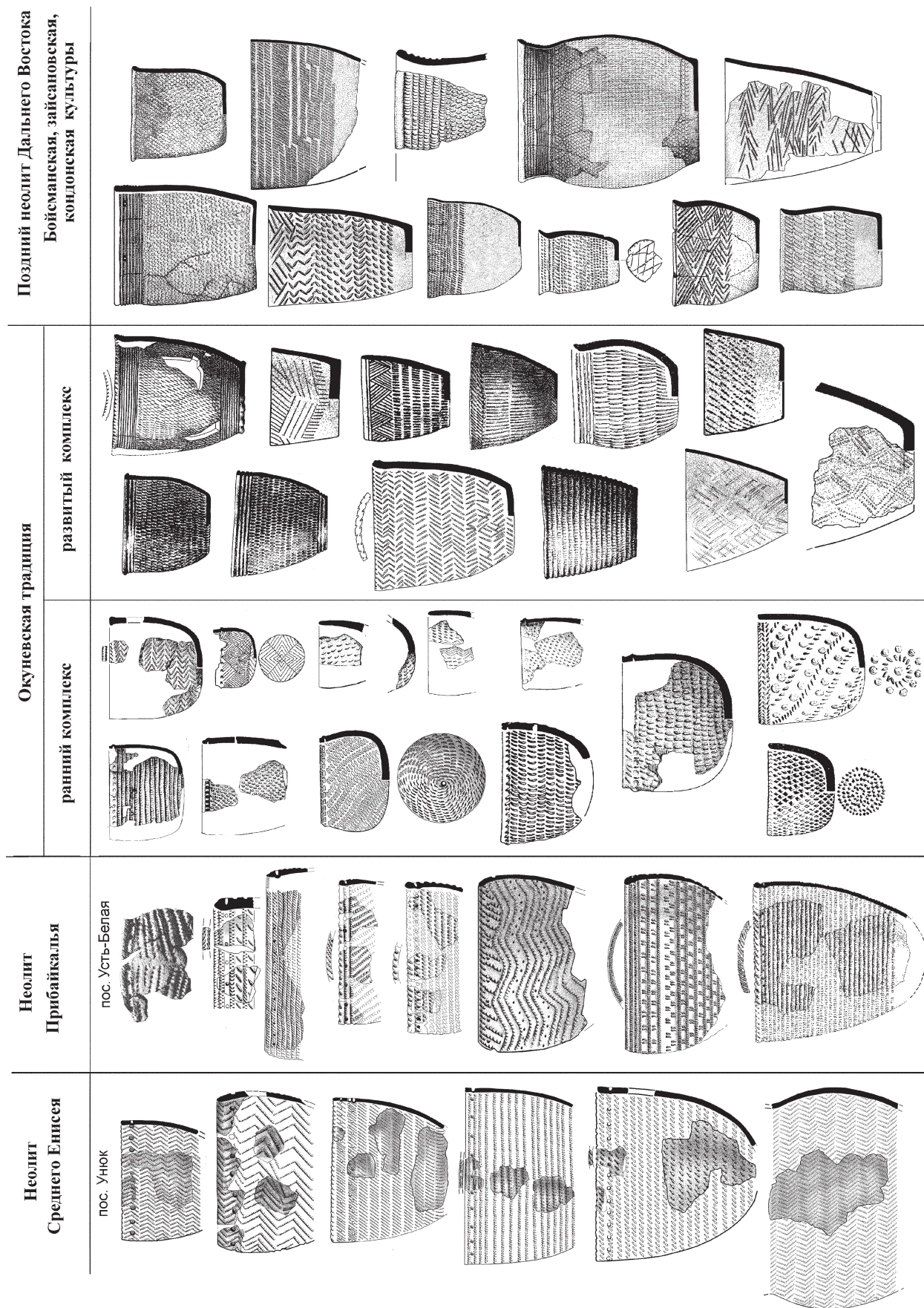
Многокомпонентность археологической культуры выражается в появлении инноваций в керамике, конструкциях жилищ, инвентарном наборе, произведениях искусства. При исследовании компонентного состава археологической культуры инновации должны выстраиваться в строгую иерархию по принципу значимости признака, поскольку далеко не все из них имеют культурно определяющее значение. Значительная часть новых признаков могут быть проявлениями конвергентности и стадийности в развитии культурного образования.

Как неоднократно отмечалось исследователями, инновациями, имеющими определяющее культурологическое значение, являются резкие изменения в технологии и морфологии керамики, в конструкциях жилищ, инвентарном наборе и погребальном обряде. Эти признаки, наряду с языком, костюмом, обрядовой сферой являются выражением коллективного бессознательного каждого этноса, составляют его национальный колорит.

Конвергентное явление в окуневском комплексе это появление особых, социально обусловленных типов захоронений, таких как могилы социальных доминантов, выделяющиеся своими размерами или мегалитическими конструкциями: (могила 4 кургана Тас-хаза, могила 1 кургана Уйбат V-1). Конструктивные особенности могил социально-зависимых членов общества лежат в сфере пониженной ритуальной обрядности с минимумом сопроводительного инвентаря. Такие могилы часто являются впускными и фиксируются на верхних уровнях насыпей курганов или занимают места в западном и северном секторах, в то время как центральный и южный сектор являлись престижными. Появление могил с подбоем в окуневской традиции также является выражением социального положения, так как в основном это могилы детей, сопровождающие определенные захоронения, совершенные по обычному ритуалу.

К конвергентным проявлениям можно отнести общее ухудшение качества керамики, небрежное орнаментирование – такое отступление от технологических и эстетических норм носит социальный характер, когда этнос входит в фазу стагнации, в результате кризисных напряжений. В древности кризисные состояния следовали за неблагоприятными экологическими изменениями, когда общество не могло приспособиться к новым условиям. Порой к общему упадку приводил «комплекс благополучного соседа», когда мощный рост соседнего этнического образования формировал центростремительное притяжение и обеспечивал падение социальной и

экономической активности в менее успешных этносах. Такое воздействие оказывал на степной и лесостепной пояс Евразии, стремительно формирующийся андроновский этнос.

Стадиальным явлением следует считать появление металлических орудий и их новых типов. В отличие от керамики, производство которой было глубоко традиционно, металлургия и металлообработка стремительно впитывали все технологические новшества и новые формы. В раннем окуневском комплексе появляются обоюдоострые ножи, ромбического или листовидного сечения с четко выделенным насадом – такие изделия составляют ранние серии в Средней Азии (Алтын-депе) и в Северной Индии (в Хараппской культуре). Контакт между литейщиками и металлургами приводил к обмену орудиями и технологиями, но других заимствований из южных областей в окуневском комплексе не фиксируется.

Масштаб инокультурных влияний выявляется при сопоставлении с базовым культурным комплексом, который определяет исходные признаки культуры. Для энеолитических культур, к которым относится ранняя окуневская традиция, логично сравнение с предшествующим неолитическим комплексом.

В минусинской котловине было раскопано единственное неолитическое поселение Унюк, которое является западным форпостом Усть-Бельской неолитической общности (Крижевская, 1978: 69–96), входящей в понятие Красноярско-канский неолит. Сходство керамических коллекций этих поселений таково, что как писал автор раскопок Унюка Л.П.Зяблин «если смешать черепки Усть-Белой и Унюка, то затруднительно будет их разделить» (Зяблин, 1973). Это сходство тем более показательно, учитывая сотни километров, разделяющих эти два памятника: Унюк находится на Среднем Енисее, а Усть-Белая на Верхней Ангаре. Видимо реки Ангара, Канн и Енисей являлись тем связующим мостом, по которому осуществлялись контакты родственных племен. Между ними находились и другие поселения этой общности: Няша, Казачка, Горелый лес.

Окуневскую керамику ранней генерации и Усть-Бельский керамический комплекс объединяет сходная параболоидная или митровидная форма, общие принципы организации орнамента по всему тулову, верхнему обрезу венчика, иногда по внутреннему краю венчика и дну. Основным принципом нанесения орнамента является одиночный накол с отступанием, выполненный параллельными, чаще всего горизонтальными рядами, покрывавшими все тулово сосудов. Иногда встречаются композиции вертикальных и диагональных орнаментальных рядов. Зачастую орнамент дна и стенок образует единую композицию, которая начинается на дне в виде раскручивающейся спирали или концентрических кругов и переходит на тулово вплоть до венчика (Соколова Л.А., 1995: 20–24).

Анализ свидетельствует, что неолитический импульс затухал постепенно, уступая позиции новым признакам, и тем не менее, его влияние ощущалось на всем протяжении существования окуневской культурной традиции. Так доля орнаментированных днищ в общем комплексе окуневского гончарства составляла 21,43% – это самый часто встречаемый признак. На втором месте по популярности стоит орнаментальный прием – накол горизонтальными рядами – 16,26%. Третий признак – «жемчужник» под венчиком, который, по сути, является негативом неолитический ямок, так же выполненных в один ряд под венчиком – 12,08%. Следующую позицию занимает вариант горизонтального накола – диагональные ряды, выполненные тем же орнаментиром – 9%. Таким образом, в частота встречаемости неолитических признаков в окуневском гончарстве составляет почти 60%. Это убедительное свидетельство преемственности между неолитическим и окуневским гончарством, выводящее проблему на уровень генетического родства окуневского и неолитического (Усть-бельского) комплексов.

Тем не менее, устойчивость древних признаков не означает полного единства в генезисе культуры. Начиная с неолита на поселениях, повсеместно фиксируется проникновение инокультурного керамического комплекса, главной особенностью которого является плоское дно, прямой профиль близкий к усеченно-коническим образцам, тяга к гребенчатой орнаментации (Соколова Л.А., 2002: 230–236).

По всей видимости, мы имеем дело с явлением инфильтрации мигрирующего населения, которое на первых порах не оказывает большого влияния на аборигенный комплекс, однако со временем новые элементы начинают проявляться активнее, пока не становятся определяющими.

Нуклеарной зоной производства плоскодонной усеченно-конической керамики является Приморье, где эти признаки формировались изначально, со времен керамического мезолита – осиповской культуры (12–10 тыс. лет до н.э.). Позднее эта керамика в Приморье и на Амуре встречается уже в малышевской, бойманской, кондонской, вознесенковской культурах, где она выступает в качестве субстрата.

Отсюда же на Енисей проникают новые образы в искусстве – антропоморфные личины. В неолите в петроглифах Енисея, Ангары, Томи отражался только мир зооморфных образов – знаменитые лоси, быки, олени. В Приморье сформировался иной облик божества – антропоморфный, фантастический, с разделительными полосами и зооморфными элементами – рогами и ушами. Здесь, возможно, был один из центров формирования древнеокеанийского стиля, выделенный Хайне-Гельдерном, являющийся единой подосновой всего океанийс-

кого искусства (Березкин, Семенов, 2002). Этот образ трансформировался на минусинской почве в каноническое изображение, характерное только для окуневской традиции.

Выделение изобразительного стиля Даллес на побережье Северной Америки обозначило проблему сходства североамериканских и окуневских изображений (Окладникова 1995). Проблема, по всей видимости, заключается в существовании в неолите Приморья единой предковой популяции, расселившейся столь широко на двух материках. Это предположение находит отклик в недавних антропологических исследованиях, где также фиксируется генетическое родство окуневцев с американскими индейцами (Козинцев, Громов, Моисеев, 2003).

Самым ярким и бесспорным компонентом, участвовавшим в сложении окуневской традиции, является афанасьевский комплекс. Существует 14 гибридных погребальных комплексов, в которых в той или иной степени присутствуют признаки окуневско-афанасьевского синтеза. В 11 из них в окуневцы со своим инвентарем были захоронены в круглых афанасьевских оградах в статусе основных погребений. В трех окуневских курганах содержалась афанасьевская керамика. В целой серии окуневских и афанасьевских погребений была найдена гибридная керамика, совмещающая признаки обеих культур. Несомненно, что окуневские сосуды на поддонах – курильницы и кубки обязаны своим появлением афанасьевскому гончарству, так как этот тип керамики совершенно не характерен для Минусинского неолита.

Участвовал ли в формировании окуневской традиции западно-сибирский круг культур? С точки зрения формальной логики ближайшие соседи должны, в большей степени, влиять на формирование культурного образования (Семенов, 1997). Однако, на самом деле, доказательная база этого постулата весьма слаба. Если выбрать в качестве доказательства гребенчато-ямочную орнаментацию западно-сибирской керамики, то в окуневском комплексе совершенно отсутствует ямки-разделители орнаментальных зон, которые являются ярким признаком этого комплекса, а сам по себе гребенчатый орнамент существует и в Минусинском неолите, его не надо искать на стороне. Такой признак как волнообразное построение орнамента в окуневском комплексе встречается в 2 случаях: на сосуде из крепости (све) Чебаки и на сосуде из поселения Дубинино. Факт, что такая керамика встречается в поселенческих комплексах, свидетельствует о возможности контактов, но этого совершенно недостаточно, чтобы ставить вопрос о компонентности.

Подводя итоги, проведенному анализу следует признать, что окуневская традиция является сложнейшим культурным образованием, в формировании которого принимали участие разные компоненты, весьма удаленные друг от друга. Не всегда, кажущиеся очевидными связи, находят свое подтверждение в фактическом материале. Размах миграционных потоков пронизывающих просторы Северной Евразии в древности кажется невероятным, но факты говорят сами за себя. По сути, каждая эпоха, с палеолита до современности, порождает свои «великие переселения народов» и это следует учитывать, принимая во внимание опыт исторических миграций.

Список литературы

1. Березкин Ю.Е., Семенов В.А. Антропоморфные наскальные изображения в циркумтихоокеанском регионе. // Проблемы развития зарубежного искусства, СПб, 1997: С. 3–6.
2. Зяблин Л.П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
3. Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Новые данные о сибирских «американоидах». // Археология, этнография и антропология Евразии № 3 (15), 2003: С. 149–154.
4. Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье реки Белой. // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978: С. 69–96.
5. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб, 1995.
6. Семенов В.А., Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология). // Окуневский сборник. СПб, 1997. Heine-Geldern R. Von Cultural Connections between Asia and pre-Columbian America.
7. Соколова Л.А. Проблема сложения окуневской культуры. // Проблемы изучения окуневской культуры. Тезисы докладов конференции. СПб, 1995: С. 20–24.
8. Соколова Л.А. Характеристика и типология окуневского керамического комплекса. // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб, 2002: С. 230–236.

В.В. Ставицкий*Пензенский государственный педуниверситет*

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА И ЮГА В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ

Начало позднего энеолита совпало с суббореальным похолоданием, оказавшим благоприятное воздействие на территорию степной зоны, границы которой расширяются в южном направлении [Спиридонова, Энгватова, 1997, с. 122], и это замедлило процессы проникновения в лесостепь степного населения. В данное время основное внимание южных племен, видимо, было сосредоточено на освоение водораздельных пространств степной зоны, протекавшее на фоне перехода к подвижным формам ведения скотоводческого хозяйства. Начавшись в позднем энеолите, данные процессы нашли свое завершение у населения ямной культуры. К ограничивающим факторам распространения ареала кочевого скотоводства относится глубина снегового покрова, при превышении допустимых величин которой, становится невозможен круглогодичный выпас скота [Мильков, 1977, с. 133, 144]. По-видимому, по данным причинам мы не наблюдаем массового проникновения населения ямной культуры на территории северной и типичной лесостепи.

На территории лесной зоны суббореальное похолодание привело к сокращению площади широколиственных лесов, на смену которым приходят таежные биоценозы, а также – к повышению увлажненности, что обусловило заболачивание ряда территорий [Спиридонова, Энгватова, 1997, с.122]. Данные изменения приводят к палеоэкологическому кризису, и, видимо, обуславливают смещение в восточном направлении ряда приднепровских племен, которое определяет основной вектор взаимодействия культур на территории Рязанского Поочья в период позднего энеолита. Начало данному проникновению положили миграции носителей лапчатой керамики. Их первое появление здесь датируется началом III тыс. до н.э., но массовая миграция осуществляется позже и приходится на поздний этап существования волосовской культуры [Сидоров, 2003, с. 187]. В результате взаимодействия пришельцев и аборигенов происходит сложение дубровичской культуры, население которой осваивает рязанское течение р. Оки. Новые волны миграций из Поднепровья приводят к трансформации восточных памятников дубровичской культуры в древности имеркского типа, носители которых продолжают движение на восток, где вытесняют и ассимилируют примокшанские племена волосовской культуры. Видимо, в это время часть волосовских племен попадает на территорию Самарского Заволжья, где, вероятно, происходит их взаимодействие с местными позднеэнеолитическими племенами токского и турганского типов. Отдельные волосовские памятники в этот период появляются и на Верхней Суре, но ведущую роль в развитии данного региона играют позднестоговские племена.

В северо-западной части лесостепной зоны в это время происходит сложение иванобугорских древностей, которые, по мнению А.Т. Синюка, представляют собой синкретическое паритетное образование, состоящее из потомков степных репинских энеолитических племен и северных неолитических носителей ромбоямочной керамики [Синюк 1996, с. 273]. На наш взгляд, А.Т. Синюк переоценивает роль племен ромбоямочной керамики в формировании иванобугорской культуры. Погребальный обряд, форма сосудов, ряд орнаментальных приемов украшения керамики наследуется данным населением у племен репинской культуры, и только отдельные элементы орнамента находят аналогии в ромбоямочной посуде. К тому же, по наблюдениям этнографов, при контакте двух этносов, находящихся на разных стадиях социально-экономического развития, неизбежно побеждает культура более передового и экономически развитого этноса, которым в данном случае является репинское население.

В раннем бронзовом веке направленность связей предшествующего периода в основном сохраняется, но миграции теперь приобретают более массовый характер и наряду с западным воздействием наблюдается усиление влияния со стороны южных племен. Интенсификация данных процессов была обусловлена как

повышением аридизации климата, так и увеличением численности населения степных и лесостепных культур, представители которых достигли определенных успехов в развитии производящих отраслей экономики. Главными действующими силами в это время выступают племена культур боевых топоров и катакомбное население. Первые начинают продвижение с запада и юго-запада, вторые – с юга, причем и те и другие вовлекают в свое движение население сопредельных районов. В результате расширение ареала среднеднепровской культуры происходит вытеснение на территорию Поочья части носителей среднеднепровской поселенческой керамики, памятники которой включаются исследователями в состав среднеднепровской культуры боевых топоров. Однако их первоначальное появление на Оке вне ассоциации с погребальными среднеднепровскими памятниками, свидетельствует об их независимом культурном статусе. Переселившись на Оку, носители среднеднепровской керамики принимают активное участие в сложении древностей шагарской культуры. Проявление ряда среднеднепровских признаков в керамике, и особенно в металлических изделиях вольско-лбищенских памятников, свидетельствует о том, что носители среднеднепровской поселенческой керамики проникают и восточнее, в районы Приволжской лесостепи, где они также фиксируются вне ассоциации с погребальными среднеднепровскими древностями.

Следующий этап взаимодействия культур севера и юга связан с массовыми миграциями иванобугорского населения на Оку и с началом распространения фатьяновских древностей на территории лесной зоны. Указанные процессы, по классификации Н.Я. Мерперта, можно уже отнести к третьей модели миграций, характерной чертой которых становится быстрые перемещения значительных масс населения, объединенных для ведения военных действий во временные, но достаточно мощные племенные союзы [Мерперт, 1978, с. 12–13]. Данный тезис находит подтверждение в широком распространении у фатьяновских племен сверленных боевых топоров, которые становятся одним из обязательных атрибутов мужских захоронений. Так же как и в появлении на воловских могильниках погребенных с травмами черепа, нанесенных подобными топорами. Парное захоронение катакомбной культуры с характерной зарубкой, совершенной металлическим топором, исследовано автором и в культурном слое поселения Кипец 1. Вероятно, боевыми типами являются катакомбные наконечники стрел с выделенными шипами, которые получают широкое распространение именно в эту эпоху. Военные функции, несомненно, выполняли и первые колесницы, появление которых фиксируется в катакомбных захоронениях [Пустовалов, 1998]. Атрибутами власти родоплеменных вождей, видимо, служили шлифованные булавы, также характерные для катакомбных древностей.

Угрозой военных вторжений объясняется и перенос на высокие, трудно доступные места части поселений иванобугорской, примокшанской и катакомбной культур, появление первых оборонительных сооружений в Поочье [Челяпов, 2000; Каверзнева, Фоломеев, 1998]. На данной территории происходит пересечение двух миграционных потоков: западного (фатьяно-балановского) и юго-западного (иванобугорского), что приводит к взаимодействию населения данных культур, картину которого иллюстрируют материалы 1-го Широмазовского поселения. В результате подобных контактов складывается синкретическая «фатьяноидная» традиция изготовления керамики, которая в уже завершённом виде проявляется в материалах Сахтышских стоянок. Судя по тому, что дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы на сетчатой керамике получают признаки, характерные для иванобугорских (примокшанских) древностей (желобчатые, высокие венчики, сосуды с полуяйцевидной формой тулова и округлым днищем), при практически полной утрате фатьяно-балановских элементов культуры (сосудов бомбовидной формы, сверленных топоров, погребальной обрядности и т.д.), главная роль в сложении «фатьяноидных» древностей принадлежит иванобугорским традициям.

В опосредованной форме иванобугорское влияние достигает восточного ареала распространения балановской культуры. Здесь «фатьяноидная» форма сосудов получает распространение на юринском этапе бытования чирковских древностей, где она сочетается с орнаментацией характерной для вольско-лбищенской посуды. Формирование керамики юринского типа, вероятно, осуществляется в Верхнем Посурье, где имеют место контакты между носителями иванобугорских и вольско-лбищенских традиций, отразившиеся в материалах Екатерининского поселения.

Катакомбное население, хотя и не принимает непосредственного участия в процессах проникновения на территорию лесной зоны, видимо, инициирует данные миграции со стороны иванобугорских и вольско-лбищенских племен. Катакомбные племена плотно занимают пространства южной лесостепи, осуществляют регулярную инфильтрацию на территории типичной лесостепи, а их отдельные группы проникают и в подзону широколиственных лесов. При этом катакомбное население оказывает значительное воздействие на иванобугорскую и вольско-лбищенскую культуры, керамические традиции каждой из которых испытывают катакомбное влияние. Особенно сильно оно проявляется в иванобугорской керамике, что в конечном итоге обуславливает складывание воронежских керамических традиций. Не совсем ясен характер взаимодействия катакомбных племен с населением фатьяновской и балановской культур. Контакты между ними, безусловно, имели место, но не были регулярными, поскольку их ареалы разделяли территории иванобугорских и вольско-лбищенских племен.

Список литературы

- Каверзнева Е.А., Фоломеев Б.А.** Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы Озерной Мещеры // Археологический сборник / Труды ГИМ. – М., 1998. – Вып. 96. – С. 5–19.
- Мерперт Н.Я.** Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА, 1978. – №3 -С. 9–26.
- Мильков Ф.Н.** Природные зоны СССР. – М.: Мысль, 1977. – 294с.
- Пустовалов С.Ж.** О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов всесоюзного семинара. – Запорожье, 1990. – С. 78–81.
- Сидоров В.В.** Керамика стоянки Ибердус 1 (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 179–195.
- Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 1996. – 352с.
- Спиридонова Е.А., Энгватова А.В.** Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с культурами неолита и энеолита по материалам поселения Воймежное 1 // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. – М., 1997. – С. 120–124.
- Челяпов В.П.** Новые материалы с поселения Лебяжий Бор 6 в Рязанском Примокшанье // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 35–37.

Н.Ф. Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул

К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ АФНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Вопросы палеодемографии населения афанасьевской культуры Горного Алтая уже привлекали внимание исследователей [Бобров, Фрибус, 2005]. Однако рассмотрена небольшая выборка, содержащая половозрастные сведения о 56 умерших из 8 могильников афанасьевской, хотя в научный оборот введены материалы более 40 памятников. Использование небольшого числа данных, отразилось на выводах, к которым пришли авторы, например, о низкой детской смертности и о возможности захоронения детей не только в оградах, но и иными способами [Бобров, Фрибус, 2005, с.199]. Поскольку к настоящему времени накоплен значительный материал, а в ближайшие годы существенного его увеличения не ожидается, то возникает необходимость обобщить имеющиеся сведения.

Для афанасьевского населения Горного Алтая характерны одиночные захоронения в отличие от минусинской группы афанасьевцев [Посредников, Цыб, 1992; 1994; Ларин, 2005; Вадецкая, 1986; Грязнов, 1999 и др.]. Известно всего 3 погребения (1,7%), в которых похоронено по три человека. В одном случае (Бертек-33) это были мужчина, женщина и ребенок, в другом (Курота-2) – 2 мужчины и женщина, третьем (Сальдяр-1) – подросток и два ребенка [Савинов, 1994; Киселев, 1951; Дебеч, 1948; Ларин, 2005]. Ограды, в которых было похоронено по 2 человека, составляют около 11%. Из двойных погребений можно выделить: 1) совместное захоронение взрослого и ребенка, 2) захоронение женщины с ребенком – Ело-Баши, Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Бике-1, Урускин Лог-1 и др. [Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1997; Посредников, Цыб, 1992; 1994; Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 2001; Погожева, 2006]. Однако, учитывая небольшое число подобных захоронений, вряд ли можно принимать этот факт, как устойчивую традицию погребального обряда у афанасьевского населения Горного Алтая.

Детей и подростков хоронили, как правило, в индивидуальных могилах по тому же обряду и на тех же памятниках, где похоронены взрослые, но для детей возводили сооружения меньшие по размерам (иногда диаметр оград около 1 м) – могильники Сальдяр-1, Бойтыгем-2, Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Урускин Лог-1 и др. [Ларин, 2005; Абдулганеев, Ларин, 1994; Посредников, Цыб, 1992; 1994; Погожева, 2006]. Ограды с погребениями детей, как правило, пристроены к сооружениям с могилами взрослых или подростков, например, как на могильнике Сальдяр-1, или находятся в общей цепочке, например, как на Нижнем Тюмечине-1 [Ларин, 2005, рис. 3; Посредников, Цыб, 1992, рис. 1].

Обычно детские погребения в большем количестве выявлены на тех памятниках, где исследования производились сплошным раскопом. Хотя есть и исключения, например, на могильнике Первый Межелик-1, где вскрыто 13 объектов и применялась методика сплошного раскопа, выявлено всего 3 захоронения ребенка [Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999]. Наиболее показательны материалы могильника Сальдяр-1, который раскопан почти полностью. Здесь в 37 могилах похоронен 41 человек – 13 взрослых (5 мужчин, 7 женщин, пол и возраст 1 взрослого не определен), 21 ребенок, 5 подростков и, судя по размеру могил, еще 2 подростка или ребенка (табл. 1, 2). Захоронения детей и подростков составляют 63%, что значительно превышает число, полученное по сумме всех данных по афанасьевским захоронениям Горного Алтая, и находится приблизительно в том же соотношении с числом взрослых, что и в сводке В.П. Алексеева по наиболее изученным могильникам эпохи бронзы [Алексеев, 1988, с.306]. Для сравнения можно привести сведения по могильникам Нижний Тюмечин-1 и Кара-Коба-1, где раскопано 15 и 12 объектов. На могильнике Нижний Тюмечин-1 похоронено 19

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эпоха неолита и бронзы Горного Алтая», проект № 04–01–00356а.

Таблица 1. Могильник Сальдьяр-1 (взрослые).

	умерли в возрасте до:										всего	
	20	25	30	35	40	45	50	55	60	старше 60		
мужчины	2			1	1	1						5
женщины	3	1		2	2							7
возраст не определен												1
	5	1		3	3	1						13
	6			7								13

Таблица 2. Могильник Сальдьяр-1 (дети и подростки).

младенец	умерли в возрасте до:										р		подросток точнее возраст не определен	всего
	1	2	3	4	6	7	8-9	13-14	14-15	14-17	7	3		
1	3	1	1	2	2	3	1	1	2	1	7	3	28	

Таблица 3. Сводная по Горному Алтаю (афанасьевская культура).

возраст не определен	умерли в возрасте до:											точнее возраст не определен		всего
	20	25	30	35	40	45	50	55	60	ст 60	молодой	зрелый /немол		
мужчины	14	3	3	4	3	7	5	4	2	2	2	1	1/1	52
	13					16			6					
женщины	12	8	3	2	6	3	3	1	1		1	2	2	42
	19					7			2					
мужчины + женщины	26	11	6	6	9	10	8	5	3	2	3	3	2	94
	32					23			8					

Таблица 4. Сводная по Горному Алтаю (афанасьевская культура).

младенец	умерли в возрасте до:								ребенок	подросток	всего
	1	2	3	5	7	10	10-12	13-16	точнее возраст не определен		
3	4	3	3	4	11	6	2	8	21	13	78

человек, дети и подростки составляют 47 %, на могильнике Кара-Коба-1 – 40 %. На могильнике Ело-Баши, где вскрыто всего 6 объектов, удаленных друг от друга, захоронения детей и подростков составляют 50 %. Из этого можно сделать вывод, что утверждение о низкой детской смертности у афанасьевцев Горного Алтая не соответствует действительности. Впечатление о низкой детской смертности лишь связано с выборочностью раскопок. В настоящее время начато изучение причин детской смертности у афанасьевского населения Горного Алтая [Тур, Рыкун, 2006].

Всего в научный оборот введены материалы 175 погребений афанасьевской культуры из Горного Алтая, содержащих останки людей. В них похоронено 211 человек, в т.ч. 57 детей, 21 подросток, 133 взрослых человека (52 мужчины и 42 женщины, у 39 погребенных, отнесенных к взрослым, пол и возраст не определен). Возраст определен у 107 человек (определения В.П. Алексеева, Г.Ф. Дебеца, В.А. Дремова, А.Р. Кима, Г.В. Рыкушиной, К.Н. Солодовникова, С.С. Тур, Т.А. Чикишевой). Кроме того, известно о захоронении 21 ребенка и 13 подростков, у которых точнее возраст не установлен. Эти определения, как правило, сделаны авторами раскопок. Отличить взрослого от ребенка или подростка не сложно, но определить их возраст точнее не специалисту не всегда возможно. Однако эту информацию вполне можно учитывать при рассмотрении вопросов соотношения количества взрослых и детей с подростками.

Итак, количество детей и подростков по материалам погребений афанасьевской культуры Горного Алтая составляет 37 % от общего числа погребенных. Мужчин – 30 % от числа взрослых, у которых определен пол,

детей и подростков, женщин – 24%. Мужчин – 55,5%, женщин – 44,5% от количества взрослых, у которых определен пол.

Возраст смерти мужчин и женщин различается. Наибольшая смертность мужчин в возрасте от 35 до 40 лет, у женщин – в возрасте до 20 лет (табл. 3) и от 30 до 35 лет. Как мужчины, так и женщины редко доживали до 50 лет и старше, а женщины и до 45 лет. В целом смертность мужчин и женщин наибольшая в возрасте до 20 лет, затем в промежуток от 30 до 45 лет. Средний возраст смерти мужчин 36,2 (35), женщин 30,2 (28).

Интересны наблюдения по детской смертности. Высока она до 10 лет, особенно от 5 до 10 лет и до 1–2 лет (табл. 4). Затем смертность резко возрастает в период от 12–13 до 16 лет. Половая принадлежность в последней группе не определена. К этой же группе по возрасту относятся 3 женщины (от 13 до 15–17 лет) и еще у двух женщин возраст определен до 18 лет. На возрастную группу от 13 до 18 лет приходится наибольшее количество смертей, если рассматривать суммарно подростков, женщин и мужчин.

Полученные результаты отличаются от результатов, полученных ранее для Горного Алтая, особенно по некоторым показателям (процент детской смертности, средний возраст смерти мужчин и женщин и др.), и от результатов по Енисейским афанасьевцам, где отмечается высокая смертность младенцев, а также значительное число стариков, т.е. людей старше 60 лет [Бобров, Фрибус, 2005; Грязнов, 1999, с. 61]. В Горном Алтае даже на могильнике Сальдьяр-1 не зафиксировано такого уровня смертности младенцев (табл. 2), а афанасьевцев старше 50 лет всего 8 человек (7,5 %) (табл. 3). Разница в результатах исследований по Горному Алтаю связана с тем, что использовано разное количество данных, но различия с минусинскими материалами объяснить сложнее, т.к. М.П. Грязновым учтена большая выборка. По-видимому, различия между афанасьевцами Горного Алтая и Енисея вызваны какими-то локальными особенностями и, частично, различиями в методиках исследований. Очевидно, что полученные итоги не связаны с погребальным обрядом и особыми способами захоронения детей, т.к. даже младенцев афанасьевцы Горного Алтая хоронили так же, как и взрослых.

Подводя итог, отметим, что полученные данные по афанасьевскому населению Горного Алтая по многим показателям не выделяются среди палеодемографических наблюдений эпохи бронзы других регионов [Алексеев, 1988, с. 308; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 98]. Детей афанасьевцы Горного Алтая хоронили потому же обряду, что и взрослых, наблюдается высокая детская смертность, это прослеживается на памятниках, где применялась методика сплошного раскопа. Средняя продолжительность жизни мужчин выше, чем женщин. Как мужчины, так и женщины редко доживали до 50 лет и старше, а женщины и до 45 лет. Погребенный мужчин больше чем женщин, хотя о резкой диспропорции говорить преждевременно. В этом отношении можно выделить только могильник Курота-II, где из 11 похороненных – 7 мужчин, 3 женщины и 1 ребенок. Однако, учитывая, что неизвестно сколько на памятнике осталось нераскопанных курганов, а также что на других могильниках такой закономерности не прослежено, этому факту, по-видимому, не следует придавать особого значения. В целом полученные результаты можно считать началом исследований в этой области по афанасьевскому населению Горного Алтая.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В.** Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 24–36.
- Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф.** Афанасьевские могильники на р.Ело // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 69–90.
- Алексеев В.П.** Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М., 1988. – С. 294–344.
- Бобров В.В., Фрибус А.В.** К вопросу о демографической ситуации на территории Горного Алтая в афанасьевское время // Социогенез в Северной Азии. Ч.1. – Иркутск, 2005. – С. 198–202.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлевка-4. – Новосибирск, 1993. – С. 97–100.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 180 с.
- Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф.** Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Вып. 4. – Горно-Алтайск. 1999. – С. 31–41.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. – СПб., 1999. – 136 с.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР // ТИЭ, новая серия. Т.IV. – М.-Л., 1948. – 392 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 С.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю.** Бике I,II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. № 6. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 32–54.
- Ларин О.В.** Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул, 2005. – 208 с.

Погожева А.П. Могильник афанасьевской культуры Урускин Лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – С. 23–43.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. – Барнаул, 1992. – С. 4–10, 156–160.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 26–30, 202–205.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 39–49.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – С. 137–144.

М.А. Турецкий

Самарский государственный педагогический университет, Самара

ПОГРЕБЕНИЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ С «МАСКОЙ» В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ*

В 2005 году при исследовании курганной группы у с. Полудни Кинель-Черкасского района Самарской области было обнаружено погребение с «маской». Череп с фрагментами маски передан в Государственный исторический музей для проведения анализов, реконструкции и последующей его демонстрации в экспозиции музея.

Курганный могильник Полудни II расположен на первой надпойменной террасе левого берега реки Малый Кинель в 2 км к западу от села. В этом месте ширина поймы достигает двух километров. На правом берегу расположены отроги Малокинельских яров. На длинном мысу террасы, далеко выступающем в пойму Малого Кинеля, было зафиксировано четыре курганных насыпи, две из которых исследованы. Географически район интересен тем, что здесь, на берегу Малого Кинеля, в 20-е годы прошлого века у с. Березняки В.В. Гольмстен исследовала первые в Среднем Поволжье ямные курганы. Эта территория является наиболее северной зоной распространения комплексов ямной культуры в лесостепном Волго-Уралье, где смыкаются памятники средне-волжского и приуральского вариантов [Турецкий, 1999. С. 7].

Курган 2, диаметром 24 м и высотой 0,4 м, был сооружен в два приема. Первоначальная насыпь имела размеры 16,0×12,1 м и была сооружена над погребениями ямной культуры №№ 6, 7 и 8, причем первое и последнее располагались в полах кургана. Центральным захоронением кургана являлось погребение №7. Над ним в восточной части был зафиксирован тлен от древесного перекрытия, которое провалилось в заполнение могилы. Остатки перекрытия были обнаружены и на уровне погребенной почвы вокруг могильной ямы. Погребение было ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Размеры могильной ямы на уровне фиксации 2,15×1,45 м, глубина 0,55 м от уровня материка. На дне могилы находились два скелета – взрослого и ребенка. Взрослый мужчина 50–55 лет (определение А.А. Хохлова) лежал на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги сведены в коленях, но не согнуты, а находятся в выпрямленном состоянии. Костяк ребенка лежал вдоль левой руки взрослого также в вытянутом положении, но несколько заваленный на правый бок. Судя по позвонкам верхнего отдела, лежащих на ключицах, голова погребенного мужчины была уложена на подушку из каких-то растений. По мнению антрополога А.А. Хохлова, индивидуум мог быть горбуном. Самой замечательной находкой в этом погребении, где не было обнаружено погребального инвентаря, стала так называемая «маска» (фото 1). Она представляла собою вставки в глаза и носу погребенного, изготовленные из черного смолистого вещества и красной охры (определение Н.П. Салугиной). Другими словами, умершему были смоделированы глаза и нос. Вставки в глаза представляют собой три круглых в сечении полоски, слепленных в один овал. Можно предположить, что верхняя и нижняя части символизировали веки, а центральная – собственно глаз. Вставка в носовую полость, судя по тому, что она состояла из двух частей, была помещена в ноздри умершего, разделенные носовой перегородкой. В результате куски смолистого вещества приобрели конфигурацию внутренней части ноздрей с отпечатками мягких тканей носа. Широкие части вставок у края ноздрей носят следы от пальцев, которыми уплотнялось вещество, заполнявшее носовые отверстия. Такой обычай, как правило, объясняют желанием родственников умершего закрыть все отверстия в голове, чтобы душа не вернулась обратно [Шишлина, 1987. С. 169] или, наоборот, воспрепятствовать духу умершего покинуть тело [Ковалева, 1989. С. 45]. Кроме смолисто-охристых вставок, весь череп погребенного был густо окрашен охрой, особенно его лобная часть, переносица и нижняя челюсть. Охрой были окрашены также грудина, кисти рук, бедренные и берцовые кости и кости стоп погребенного.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №06–01–911–00 а/У

Фото 1. Череп с «маской»
из погребения 7 кургана 2
курганного могильника Полудни II.

Маски и моделировки лица (более 100 случаев) встречаются в погребениях катакомбных культур на территории Украины и относятся к концу III тыс. до н.э. [Отрощенко, Пустовалов, 1987. С. 146–147; Новикова, Шилов, 1989. С. 127–131; Санжаров, 2001. С. 78–79; и др.]. В большинстве случаев голова умершего отделялась от посткраниального скелета и моделирование маски производилось на черепе, освобожденном от мягких тканей [Пустовалов, 1991. С. 45–48]. В более раннюю эпоху ямной культуры маски на территории степной зоны Украины практически не встречались [Марина, 1990. С. 83–84; Евдокимов, 1990. С. 19]. Для восточной части распространения ямной культуры исключением являются находки глиняной маски из погребения 3 кургана 43 могильника Кермен-Толга в Калмыкии [Шишлина, 1989. С. 231–233] и носовых глиняных вставок в черепе из погребения 1 кургана 1 Донгузского II могильника в Оренбургской области [Богданов, 2004. С. 194], относимых исследователями к ямной культуре. Причем надо отметить, что полуденская «маска» не имела вставок в ушную и ротовую полости как у кермен-толгинской маски. В отличие от последней, лицевую часть черепа покрывала не глиняная маска, а густое охристое покрытие.

О неординарном характере полуденского погребения с «маской» говорит редкая для ямной культуры Волго-Уралья поза погребенного – вытянуто на спине. Впрочем, этот признак погребального обряда может свидетельствовать и о ранней дате исследованного погребения в рамках ямной культуры. В отсутствии погребального инвентаря ответ на этот вопрос может дать радиоуглеродное датирование погребения*. Вполне вероятно, что «маска» из погребения №7 кургана 2 могильника Полудни II является одной из самых древних масок подобного типа на территории Восточной Европы.

Несомненно, что такой обычай, зафиксированный впервые в погребении ямной культуры Волго-Уральского междуречья, свидетельствует об особом статусе погребенного, возможно, связанного с его социальным или идеологическим положением (вождя или жреца).

Список литературы

- Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – 2004. – 285 с.
- Евдокимов Г.Л.** К вопросу о черепах-масках из погребений эпохи ранней бронзы степной зоны Украины // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. всесоюзного семинара. – Запорожье. – 1990. – С. 18–20.
- Ковалева И.Ф.** Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ. – 1989. – 88 с.
- Марина З.П.** Погребения ямной культуры с масками // Тез. докл. конф. «Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца». – Луганск. – 1990. – С. 83–84.
- Новикова Л.А., Шилов Ю.А.** Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) // СА. – 1989. – №2. – С. 127–135.
- Пустовалов С.Ж.** Культ черепов и социальная структура катакомбной общности // Древняя история населения Украины. – Киев: МО «КПГИКЗ». – 1991. – С. 45–49.
- Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж.** Моделирование лица по черепу у племен катакомбной культуры // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе». Тез. докл. – М.: ИНИОН АН СССР. – 1987. – С. 146–149.
- Санжаров С.Н.** Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск: Изд-во ВНУ. – 2001. – 172 с.
- Турецкий М.А.** Средневожско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Печатный Дом «Димур». – 1999. – Вып. III. – С. 6–11.

* Образцы костей из погребения №7 переданы в Институт географии РАН для радиоуглеродного датирования, но к моменту выхода статьи результаты еще не были известны.

Шишлина Н.И. Кермен-толгинская маска эпохи бронзы // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе». Тез. докл. М.: ИНИОН АН СССР. – 1987. – С. 167–169.

Шишлина Н.И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // СА. – 1989. – № 3. – С. 231–236.

Условные обозначения:

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ДГУ – Днепропетровский государственный университет

СА – Советская археология. М.

МО «КПГИКЗ» – Музейное объединение «Киево – Печерский государственный историко – культурный заповедник»

ИНИОН АН СССР – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР

ВНУ – Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля. Луганск.

А.В. Фрибус*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

К ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Недавно в печати появился ряд работ, в которых затрагивается одна из наиболее дискуссионных тем в археологии Сибири эпохи палеометалла – происхождение афанасьевской культуры. Публикации алтайских коллег [Кирюшин К.Ю. 2004; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. 2005; Солодовников 2003, 2005] демонстрируют возрождение интереса к данной проблематике и позволяют надеяться на плодотворную дискуссию, которая будет способствовать раскрытию сути этнокультурных процессов, приведших к сложению афанасьевской культуры на территории Саяно-Алтая. В рамках этой небольшой заметки я попытался изложить в более или менее целостном виде собственные взгляды на данную проблему. В общем виде они известны, однако в печати мне чаще приходилось делать акцент на отдельных сюжетах в рамках данной темы [Фрибус 1996а, 2005].

Идея о миграционном происхождении афанасьевской культуры имеет давнюю историю [Фрибус 1996а]. Наиболее перспективным представляется подход, впервые предложенный С.В. Цыбом, и предполагающий поиск узких локально-хронологических соответствий афанасьевским материалам на территории Восточной Европы [Цыб 1980, с. 39].

Для поиска таких соответствий необходимо определиться с набором признаков, которые пригодны для сравнения, являются массовыми и, кроме того, отражают специфику, близкую к этнической основе того, что мы называем археологической культурой. Иными словами, речь идет о категориях, выходящих за рамки стадильного сходства двух культур.

Набор этих признаков может, на мой взгляд, выглядеть следующим образом. Антропологические данные. Погребальная практика, включая как сами погребальные сооружения, так и всю совокупность ритуальных действий с умершим. Формы, орнамент и технологии производства керамики. Отдельные категории сопроводительного инвентаря, которые фиксируются только в двух культурах и являются специфичными. В меньшей степени пригодны для сравнения изделия из металла, поскольку он транскультурен, украшения, если они не объединены в какую-либо систему и некоторые категории каменных орудий.

Истоки афанасьевских погребальных сооружений, как мне уже приходилось отмечать, следует искать в степных районах Северо-Западного Причерноморья, от Нижнего Поднепровья и степного Крыма до Приазовья и Предкавказья [Фрибус 1996б]. Тогда, в противовес восточной периферии ДЯ КИО, я обозначил этот регион как «юго-западные варианты культурно-исторической общности», что привело к определенным недоразумениям, на которые справедливо указал К.Н. Солодовников [Солодовников 2005, с. 132]. Отмечу, что для Нижнего Поволжья или Приуралья традиции использования камня при строительстве надмогильных сооружений не характерны.

Что касается остальных элементов погребального обряда, то весь набор признаков в самом общем виде вернее было бы сопоставить с ранним общеямым стандартом, который являлся интегрирующим элементом на раннем этапе сложения ДЯ КИО. Подвижным элементом является лишь ориентировка погребенных. Таким образом, афанасьевский погребальный обряд демонстрирует сочетание ранних общеямых признаков (получивших своеобразное развитие на юге Сибири) с локальными, характерными для Северного Причерноморья и Предкавказья.

Многие исследователи указывали на сходство афанасьевской и древнеяменной керамики. Это сходство проявляется в морфологических характеристиках сосудов, технике и композиции орнамента, принципиально близких приемах гончарного производства. С афанасьевской посудой в определенной мере сопоставимы сосуды бережновского типа. Характерной чертой этой посуды являются высокие пропорции тулова, яйцевидная

форма и высокий венчик. Серия выделяется не только по морфологическим признакам, но и по характеру орнаментации. Возможно, в основе керамической традиции афанасьевской и древнейшей культур лежат одни и те же прототипы. Однако на юге Сибири эти «изначальные» традиции оказались более стойкими, хотя и подверглись определенному развитию.

Особо необходимо остановиться на специфических керамических формах. Это сосуды «с ушками» и курильницы. В поздних афанасьевских памятниках встречаются сосуды с плоскими ручками, имеющими отверстия. Подобные сосуды найдены в поздних памятниках ямной культуры южной зоны. Афанасьевские курильницы часто соотносили с катакомбными. Среди ямных памятников курильницы известны в Нижнем Поднепровье, на Южном Буге, в памятниках нижнемихайловского типа. Обычно самые ранние экземпляры датируются серединой III тыс. до н.э., они типологически сопоставимы с афанасьевскими. Однако встречаются и более ранние датировки [Даниленко, 1974, с. 44, рис. 15].

Важнейшим аргументом в пользу восточно-европейских корней афанасьевской культуры являются данные антропологии. Работы последних лет не только подтвердили тезис о сходстве антропологического типа ямников и афанасьевцев, но и позволили рассматривать этот вопрос более детально [Чижишева 2000; Солодовников 2003, 2005]. К.Н. Солодовников отмечает что «...всем морфологическим вариантам, которые можно выделить у афанасьевцев, имеются убедительные соответствия в краниологических материалах культурных образований эпох энеолита и ранней бронзы восточно-европейских степей и лесостепей» [Солодовников, 2005, с. 131].

Анализ комплекса признаков позволяет выделить в Восточной Европе регион, где мог сформироваться «протоафанасьевский» комплекс. В самом общем виде этот регион может быть обозначен как Северное Причерноморье, включая Нижнее Поднепровье, степной Крым и Предкавказье. Именно здесь наиболее полно представлены признаки, которые могут быть сопоставлены с афанасьевскими: традиция сооружения кромлехов и каменных закладов, широкое использование камня в погребальном обряде, схожие типы керамики, курильницы, сосуды с ушками, некоторые общие элементы изобразительной традиции и ряд других.

В ряде недавних публикаций алтайских коллег был поднят вопрос об активном участии местного неолитического компонента в сложении афанасьевской культуры [Киришин К.Ю., 2004; Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., 2005]. К этому выводу авторы пришли на основе близости керамики горизонта 4 и 4А поселения Тыткескень-2, которые синхронизируются с памятниками «арагольского типа». Материалы пока не опубликованы, поэтому трудно судить, насколько аргументированы такие выводы. Мне кажется, что убедительно говорить о местных компонентах в афанасьевской культуре можно будет только тогда, когда будут найдены не только поселенческие материалы, но и погребальные комплексы, предшествующие афанасьевским и обладающие набором характеристик, указывающих на генетическую преемственность с последними. Немаловажны здесь и данные антропологии, которые по-прежнему не позволяют говорить о массовом проникновении европеоидов на территории Саяно-Алтая в доафанасьевское время [Солодовников, 2005, с. 127]. Я не исключаю, что афанасьевцы могли иметь контакты с местным населением, что и привело к определенным заимствованиям, в частности, в керамическом комплексе. Афанасьевское и поздненеолитическое население вполне могли сосуществовать, занимая разные экологические ниши и имея разную хозяйственную специализацию. Контактные зоны в таком случае должны тяготеть к районам предгорий, где и находится поселение Тыткескень-2.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что в вопросе о происхождении афанасьевской культуры остается пока еще много «белых пятен». Но главное, на мой взгляд, вполне очевидно: «культурное ядро» южно-сибирских комплексов сформировалось на территории восточно-европейских степей, в районах, тяготеющих к Северному Причерноморью. На этой довольно обширной территории необходимо искать корни «протоафанасьевской культуры». Я не исключаю, что в целом она могла носить синкретичный характер и выделение культурной группы, обладающей всеми археологически фиксируемыми признаками, может оказаться проблематичным [Солодовников, 2005, с. 132]. Однако отдельные элементы, как мне представляется, все же должны быть связаны с теми или иными культурными образованиями на данных территориях, а их «сплав» в единую систему мог произойти уже на Алтае.

Хронологически первые миграционные потоки в восточном направлении относятся ко времени сложения ДЯ КИО. В этом смысле, вероятно, будет более точным сравнивать афанасьевскую культуру не с древнейшей как таковой (особенно в ее классическом, «городцовском» варианте), а с памятниками ранних этапов, возможно даже, доямными памятниками на данных территориях.

В эпоху энеолита в жизни населения степных и горно-степных районов Евразии произошли кардинальные изменения. Развитие производящего скотоводческого хозяйства, металлообработки, близких идеологических представлений послужили основой интеграционных процессов, которые привели к складыванию в степях Евразии единого историко-культурного пространства. Уже с этого времени здесь закладываются основы степной

цивилизации, основанной на подвижных формах скотоводства, близких к кочевым. Неотъемлемой частью этой системы на востоке являлась афанасьевская культура. Специфика горно-степных районов Саяно-Алтая обусловила своеобразный характер ее развития. Общие генетические корни достаточно четко просматриваются в материалах афанасьевской и древнеямной культур. Афанасьевцам удалось для сохранения культурной идентичности, в какой-то степени, «законсервировать», принесенные из восточно-европейских степей элементы, в то время как на западе они получили развитие. Сложные этнокультурные и социально-экономические процессы, привели на западе степного пояса к большому развитию металлургического производства, появлению зачатков ремесленной специализации и развитой системы социальных отношений. Афанасьевские комплексы выглядят на этом фоне гораздо скромнее. Однако, очевидно, что с эпохи энеолита в степной полосе Евразии складывается единое культурно-историческое пространство и происходят контакты изначально родственных групп населения.

Список литературы

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев: Наукова думка, 1974.

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004 – 23с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о роли неолитического компонента в сложении афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия – Красноярск: РИО КГПУ, 2005 – С. 26–28.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1 – Барнаул, Изд-во АГУ, 2005. – Приложение 1. С. 120–154.

Фрибус А.В. Возможные истоки некоторых элементов афанасьевской погребальной практики // Россия и Алтай -250 лет – Горно-Алтайск, 1996 – С. 21–25.

Фрибус А.В. Происхождение афанасьевской культуры Южной Сибири (история проблемы) // Современные проблемы гуманитарных дисциплин – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996 – С. 9–18.

Фрибус А.В. Афанасьевские кромлехи: к вопросу об истоках традиции // Древние кочевники Центральной Азии – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005 – С. 32–34.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая – Барнаул: Изд-во АГУ, 1980 – С. 39–41.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. №1. – С. 139–148.

Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА-РАННЕЙ БРОНЗЫ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ*

Могильник Сопка-2, расположенный в центре Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области), уникален большой численностью и хорошей сохранностью палеоантропологического материала, представляющего население разных этапов развития археологических культур от эпохи неолита до развитого средневековья. Он полностью раскопан под руководством В.И. Молодина в период с 1979 по 1986 гг. Основная доля всех полученных материалов относится к интервалу от эпохи энеолита до доандроновской бронзы. Могильники этого периода ещё малоизвестны в Западной Сибири. Это касается и археологических и антропологических аспектов изучения обеих эпох – энеолита и ранней бронзы.

В.И. Молодин относит погребения данного культурно-хронологического этапа к двум культурам – усть-тартаасской и кротовской. Обе культуры в пространственно-временном отношении соотносятся им с двумя культурно-историческими общностями Западной Сибири: устьтартаасская с игрековской и кротовская с самусьской. Устьтартаасская культура бытовала в лесостепном междуречье Оби и Иртыша в IV – первой половине III тыс. до н.э. На могильном поле Сопка-2 она представлена памятниками Сопка-2/3 и Сопка-2/3А (абсолютные даты для погребений 1-го некрополя 6285 ± 90 , 6470 лет; для погребений 2-го некрополя 6385 ± 90 , 6470 ± 90 лет) (Молодин, 2001). Кротовскую культуру В.И. Молодин локализовал в лесостепных пространствах Верхнего Приобья и Обь-Иртышья, в том числе и в Барабинской лесостепи (Молодин, 1975, 1985). Время существования позднего этапа кротовской культуры ограничивается XII в. до н.э. (Молодин, 1985). Её начальный этап сменяет усть-тартаасскую культуру (Молодин, 2001). Таким образом, время существования непосредственно кротовской культуры определяется второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э.

Изучение палеоантропологического материала, происходящего из памятника Сопка-2, было начато В.А. Дрёмовым, опубликовавшим средние данные краниометрического исследования части коллекции (Дрёмов, 1990). Пересмотр археологами и интерпретация на новом уровне результатов раскопок привели к выделению на могильном поле двух некрополей энеолитического времени (Сопка-2/3 и Сопка-2/3А), давших представительную серию палеоантропологического материала. Погребения кротовской культуры были дифференцированы на четыре группы, отражающие эволюцию культуры. Таким образом, средние данные, опубликованные В.А. Дрёмовым, представляли смешанную серию населения, использовавшего могильное пространство Сопки-2 на протяжении более чем 2 тысячи лет. Возникла необходимость дифференцированной оценки выделенных историко-культурных групп с применением новых методических приёмов и методологических подходов к антропологическому анализу.

Краниологическая коллекция могильника Сопка-2 была вновь изучена нами по классической краниометрической программе. Обсуждение вопросов генезиса морфологических компонентов, на основе которых формировались антропологические особенности групп населения устьтартаасской и кротовской культуры Барабинской лесостепи, проводилось при использовании сравнительных данных (опубликованных и неопубликованных) по спектру историко-культурных групп этого района. Погребения устьтартаасской культуры распределяются на двух могильниках – Сопка-2/3 и Сопка-2/3А. Первый памятник чуть более древний, но В.И. Молодин констатирует единокультурность погребений обоих могильников (Молодин, 2001). Анализ внутргрупповой изменчивости краниометрических признаков серий черепов с обоих памятников демонстрирует их морфологическую однородность. Поэтому они были объединены в одну серию.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-01-00776а

Мужская краниологическая серия устьтартасской культуры характеризуется крупными размерами мозговой коробки, долихо-мезокранной её формой, массивным рельефом надбровья и надпереносья, широкой, слабоизогнутой в сагиттальном сечении, лобной костью, имеющей также наклонный вертикальный профиль. Лицевой отдел имеет среднюю высоту и большую ширину, мезогнатный вертикальный профиль и гомомезопрозрачный горизонтальный. Носовое отверстие характеризуется мезоринной формой. Переносье выступает довольно сильно, но при этом угол носовых костей над общей линией профиля лица является малой величиной. Орбиты широкие, средней высоты, мезоконхные по указателю. Нижняя челюсть имеет высокое массивное тело, большую ширину между углами и мышцелками, прямую и высокую ветвь.

Женская серия черепов является заметно более грацильной. Такой выраженный половой диморфизм по абсолютным размерам черепов сопровождается сходством их основных пропорций и угловых размеров, характеризующих форму мозгового и лицевого отделов. Однако, из закономерностей полового диморфизма следует исключить черепной указатель, заметно более высокий в женской серии, высоту мозговой коробки, значительно меньшую у женщин, и скуловой диаметр, характеризующий женщин как более узколицых. Эти различия, касающиеся немногих, но важных для антропологической типологии, признаков дают определённое основание предполагать, что женская и мужская линии расогенеза населения устьтартасской культуры имели как общие генетические корни, так и субстратные компоненты разного происхождения. Эти компоненты относились к единой антропологической общности, но, скорее всего, к разным её локальным вариантам.

Возможность существования локальных вариантов единого антропологического типа на территории Барабинской лесостепи аргументируется примером из неолитического населения этого района. В настоящее время мы располагаем данными об особенностях морфологии населения, оставивших свои захоронения на трёх неолитических некрополях – Сопка-2/1, Протока и Корчуган, локализованных в непосредственной близости друг от друга (в радиусе около 100 км). Погребённые там люди демонстрируют некую антропологическую пестроту при единстве археологических комплексов. В.И. Молодин рассматривает эти памятники как единокультурные, отмечая, что могильники Сопка-2/1 и Корчуган несколько древнее Протоки. Так, радиоуглеродные даты, полученные для могильника Протока, свидетельствуют о том, что он существовал в конце V тыс. до н.э., а радиоуглеродные даты могильника Сопка-2/1 относят его к VI тыс. до н.э. (Молодин, 2001, с. 26–27). Вариации краниологических особенностей погребённых не обнаруживают эволюционной направленности их различий между памятниками. Эти различия являются результатом локальных антропологических связей в кругу неолитических культур Западной Сибири (Молодин, Новиков, Чикишева, 1999).

Ранний этап развития кротовской культуры представлен двумя краниологическими сериями, происходящими из двух групп погребений (или из двух могильников), имеющих небольшую разницу во времени существования: могильник 1-й несколько старше могильника 2-го. Над погребениями обеих групп не сооружались курганные насыпи. Следующий этап развития культуры представлен краниологической серией, происходящей из группы погребений в целом аналогичных предыдущим, но сопровождающихся курганными насыпями. И, наконец, четвёртая краниологическая серия, происходит из группы погребений финального этапа развития кротовской культуры, спецификой которого является его сосуществование с осваивающими территорию Барабинской лесостепи племенами андроновской (федоровской) культуры.

Анализ внутригрупповой вариативности краниометрических признаков суммарной серии кротовской культуры методом сравнения их внутригрупповых дисперсий со стандартными показал, что женская часть серии гораздо более неоднородна, чем мужская. Достоверно повышенную изменчивость в ней проявляют основные диаметры черепной коробки и их указатели, углы вертикального профиля лба и лица, симметрическая высота и угол выступания носовых косточек. В то же время основные диаметры лицевого отдела и углы его горизонтальной профилировки варьируют незначительно. У мужчин достоверно повышенную изменчивость демонстрирует черепной указатель, наименьшая ширина лба и указатель его продольного изгиба, а также углы вертикального профиля лица.

Мужская серия кротовской культуры в целом и её подразделения характеризуются антропометрическими признаками, складывающимися в абсолютно такой же морфологический комплекс, какой мы выявили для предшествующего населения устьтартасской культуры эпохи энеолита и для ещё более раннего населения неолитической эпохи, обнаруженного в погребениях могильника Сопка-2/1. Таким образом, очевидна биологическая преемственность мужского контингента населения, связанного с сакральным пространством памятника Сопка-2 на протяжении четырёх тысячелетий. Не выявляется даже каких-либо существенных эволюционных трансформаций наблюдаемого нами антропологического типа. Как было показано ранее, антропологический тип неолитического населения барабинского региона складывался на основе морфологического комплекса, имеющего общие генетические корни с населением мезолитической и неолитической эпох северных лесных районов Восточной Европы (Чикишева, 1989).

Констатируя общность антропологического субстрата для барабинских кротовцев в целом, нельзя не отметить также, что в обеих группах раннего этапа кротовской культуры обнаруживаются черты, отличающие их как от генетических предков так и от непосредственных потомков малой высотой мозговой коробки, более выраженной мезогнатностью вертикального профиля лица, большей его горизонтальной уплощенностью и наименьшим углом выступания носа. Перечисленные признаки представляют собой характерные черты североазиатской ветви монголоидного ствола, возможно, обитателей Прибайкальского среднегорья, представленного в рассматриваемую эпоху населением серовской культуры. Во всяком случае, среди всех палеоантропологических материалов, которые введены в настоящее время в научный оборот, только в серовские серии характеризуются комплексом краниометрических признаков, участие которого в генезисе населения раннего этапа кротовской культуры могло привести к наблюдаемому сдвигу антропологического типа в монголоидном направлении. Предположение о серовском импульсе в Обь-Иртышское междуречье, является всего лишь попыткой объяснить наблюдаемую флуктуацию в гомогенной антропологической среде и, безусловно, требует дальнейшей разработки.

Мужскую группу позднего этапа кротовской культуры отличает высокий черепной указатель (фактически суббрахикранный), очень большая ширина лица, более прямая вертикальная профилировка лобной кости. Такой вектор изменчивости указанных признаков мог возникнуть при вовлечении в антропологический состав группы морфологического комплекса носителей андроновских (федоровских) культурных традиций, о сосуществовании с которыми кротовцев свидетельствуют археологические данные. Однако, настораживает тот факт, что предполагаемое влияние очень характерного европеоидного морфологического компонента андроновцев не привело краниологический комплекс кротовцев к сдвигу в европеоидном направлении и не увеличило дисперсию в вариационном ряду важнейших признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные антропологические комплексы.

Пожалуй, в наиболее «чистом» виде субстратный антропологический комплекс присутствует в мужской группе, представляющей развитый этап кротовской культуры, на котором в погребальную обрядовую практику входило сооружение над захоронением курганной насыпи.

Наблюдаемая картина вариаций краниометрических признаков в женском контингенте кротовского населения свидетельствует о том, что в его антропологическом составе, как и у мужчин, преобладают варианты единого антропологического типа, восходящего к населению предшествующих археологических периодов. Возможно, более широкий диапазон варибельности антропологических признаков у женщин является проявлением одной из сторон полового диморфизма. И только на финальном этапе развития кротовской культуры в антропологической среде женского населения обнаруживается влияние нового морфологического комплекса.

Судя по одинаковой у женщин и мужчин направленности изменений в краниологическом комплексе, мы, по-видимому, наблюдаем последствие вовлечения в орбиту брачных связей позднекротовских популяций населения с другим антропологическим комплексом. Его участие обусловило сдвиг черепного указателя в направлении брахикрании, пропорций лица отдела в сторону эуриморфии, и усилило вертикальность как лобного так и лицевого отделов черепа. На фоне опубликованного и, соответственно, доступного для сопоставлений палеоантропологического материала морфологический комплекс позднекротовского населения Сопки-2 ближе всего к комплексу группы, происходящей из могильника Еловка-II и представляющей население андроновского времени Томского Приобья (Дрёмов, 1997). Но вряд ли между этими двумя группами существовали субстратно-суперстратные отношения. Однако, мы можем предполагать либо самусьский генезис компонента, обусловившего сходство обеих групп (к сожалению, мы не располагаем данными по краниологии населения самусьской культуры), либо окуневский. Вопрос этот будет решён с появлением сведений об антропологии населения самусьской культуры.

Список литературы

- Дрёмов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири. // *Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии.* - Вып.2. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1990. - С. 56–61.
- Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – Томск: Изд-во Томского университета, 1997. – 261 с.
- Молодин В.И. Эпоха энеолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 20 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2001. – 128 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре. // *Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири.* – Кемерово: Изд-во Кузбассвуиздат, 1999. – С. 66–98.
- Чикишева Т.А. Краниологический тип неолитического населения Северной Барабы и проблема его происхождения. // *Полосмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы.* – Новосибирск: Изд-во Наука, 1989. – С. 59–81.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Беляев Л.А.	АРХЕОЛОГИЯ МОСКВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	3
Васильев С.А.	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ О ПАЛЕОЛИТЕ	13
Гуляев В.И.	ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ В СКИФСКОЕ ЭПОХУ (V–IV вв. до н.э.)	16
Дервянко А.П.	ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ ЧЕЛОВЕКА ЕВРАЗИИ	25
Кирпичников А.Н.	ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	34
Кузнецов В.Д.	ИССЛЕДОВАНИЯ В ФАНАГОРИИ	40
Макаров Н.А.	ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	43
Молодин В.И., Парцингер Г.	ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ЧИЧА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ)	49
Пряхин А.Д.	ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (РУССКОЙ, СОВЕТСКОЙ, РОССИЙСКОЙ). ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ В СТРАНЕ	56
Савинов Д.Г.	ДИНАМИКА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	64
Шер Я.А.	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ	68
Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А.	ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	76
Янин В.Л., Носов Е.Н.	АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)	91

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

Акимова Е.В.	«СРЕДНЯЯ СТАДИЯ» ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	94
Аникович М.В.	НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТАНОВЛЕНИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	97
Анойкин А.А., Зенин В.Н.	КОМПЛЕКС ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ РУБАС (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН)	100
Астахов С.Н.	ПАЛЕОЛИТ ТУВЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	104
Беляева В.И., Моисеев В.Г.	НАКОНЕЧНИКИ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА. ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	107
Деревянко А.П., Шуньков М.В.	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННИХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ	110
Деревянко А.П., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Нохрина Т.И.	ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА И ПАЛЕОПЕДОГЕНЕЗ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГОБИЙСКОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЛОЖЕНИЙ ПАМЯТНИКА ЧИХЭН)	114
Иващенко С.Н., Толпеко И.В.	ПЕРЕХОД ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ: ПЛАСТИНЧАТАЯ МИКРОИНДУСТРИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ	117
Колобова К.А.	ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИЕМОВ РЕТУШИРОВАНИЯ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	121
Ларичев В.Е.	ЗАПИСЬ СИНОДИЧЕСКОГО ОБОРОТА ЛУНЫ НА КОСТЯНОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ ШТЕЙНРИНА (ЗНАКИ В КУЛЬТУРЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ИХ СЕМАНТИКА)	124
Лбова Л.В.	РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ЧЕЛОВЕКА В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)	128
Маркин С.В.	ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА	131
Питулько В.В.	ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЯНСКАЯ СТОЯНКА	134
Постнов А.В.	К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ «ОДНОРОДНОСТИ» РАЗНОВОЗРОСТНЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ УСТЬ-КАНСКОЙ ПЕЩЕРЫ	137
Рыбин Е.П.	К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИНДУСТРИЙ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ	140
Сериков Ю.Б.	ГАРИНСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА СОСЬВЕ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ) – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ	143
Славинский В.С., Цыбанков А.А.	ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ОРХОН 7 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 1)	146

Слободин С.Б.

- ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ, ХРОНОЛОГИИ
И ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПАЛЕОЛИТЕ..... 149

Ташак В.И.

- ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ
В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ 152

Чубур А.А.

- ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО МИКРОРЕГИОНА БЫКИ:
СРАВНЕНИЕ КОНТЕКСТА НАХОДОК..... 155

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Левковская Г.М., Попов В.В.

- ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ, ПРИРОДНАЯ СРЕДА
И КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
КОСТЕНОК В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ 158

Баштанник С.В.

- РАСТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СИБИРИ 161

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.

- РОЛЬ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК
В ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ
(НА ПРИМЕРЕ ДОЛИНЫ Р. БЕЛОЙ, ПРИБАЙКАЛЬЕ) 164

Беспрозванный Е.М.

- МЕЗОЛИТ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ..... 167

Васильев С.К.

- ТЕРИОФАУНА И ПРИРОДНАЯ СРЕДА
В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ 170

Ветров В.М.

- ПРОБЛЕМЫ СХОДСТВА В ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
И ОРНАМЕНТАЦИИ СОСУДОВ РАННИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ 173

Виноградова Е.А.

- МИКРОСТРАТИГРАФИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ
ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II 177

Вострецов Ю.Е.

- ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПРИМОРЬЕ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ..... 182

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е.

- РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ
ЗАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
В НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА 185

Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г.

- КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ
И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ПРИОЛЬХОНЬЯ 189

Дергачева М.И., Феденева И.Н.

- ПЕДОГЕНЕЗ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ
НА ТЕРРИТОРИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ 192

Дергачев В.А., Зайцева Г.И.

- ЕСТЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА
В ГОЛОЦЕНЕ И АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУР..... 195

Дирксен В.Г., Кулькова М.А., В. van Geel, Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Семенцов А.А., Зайцева Г.И., G. Cook, J.van der Plicht, M. Scott, Лебедева Л.М., Бурова Н.Д.	
ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ГОЛОЦЕНЕ И ДИНАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР	198
Житенёв В.С.	
ЧЕРЕП ПЕЩЕРНОГО МЕДВЕДЯ (URSUS SPELAEUS) С НАРЕЗКАМИ И СЛЕДАМИ ОХРЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ СИКИЯЗ-ТАМАК I (ЮЖНЫЙ УРАЛ)	201
Кузьмин Я.В.	
ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	204
Клементьев А.М.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО ФАУНЕ ГОЛОЦЕНА НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ	207
Лещинский С.В.	
ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИИ МЕГАФАУНЫ И ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В КОНЦЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА	211
Мартьянович Н.В., Оводов Н.Д.	
ПОЗДНЕЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ПТИЦЫ ИЗ ПЕЩЕРНЫХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ. ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ	215
Оводов Н.Д. Мартьянович Н.В.	
ПЕЩЕРЫ, ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЕ	218
Орлова Л.А., Дементьев В.Н., Кузьмин Я.В.	
МЕГАФАУНА И ЧЕЛОВЕК В ПАЛЕОЛИТЕ СИБИРИ	221
Попов В.В.	
ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ НА СТРУКТУРУ ЖИЛИЩ В СРЕДНЕЙ ПОРЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА	225
Разгильдеева И.И., Решетова С.А.	
ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И АДАПТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЁНОГО-2	228
Раков В.А., Горбунов С.В.	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ САХАЛИНА В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ АЙНСКОЙ И НИВХСКОЙ КУЛЬТУР XIII–XIX ВВ.	231
Чаиркина Н.М.	
ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАУРАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	234

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

Асеев И.В.	
КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В БУХТЕ ЭЛЬГЕН НА БАЙКАЛЕ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ	237
Бродянский Д.Л.	
ДВЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В НЕОЛИТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	240
Васильева И.Н.	
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОНЧАРСТВА	243
Василевский А.А.	
К ПОНЯТИЮ «ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРА»	246
Волков П.В.	
ПЛАНИГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ «ОТ ПЕЧКИ» ОСИНООЗЕРСКОГО ЖИЛИЩА	249

Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЛАМУТРОВЫХ «БУСИН» ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТАВДИНСКОГО ГРОТА	253
Ефремов С.А. МЕСТНЫЕ И ПРИВНЕСЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РАННЕМ НЕОЛИТЕ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ)	256
Жамбалгарова Е.Д. КОСМОЛОГИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА (ДУБЛИРОВАНИЕ ЦЕНТРА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА – РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА)	258
Зах В.А. КОМПЛЕКСЫ С ОТСТУПАЮЩЕ-ПРОЧЕРЧЕННОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ ПОСУДЫ В НЕОЛИТЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	261
Зубков В.С. О ДОКЕРАМИЧЕСКОМ И КЕРАМИЧЕСКОМ НЕОЛИТЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ	265
Зырянова С.Ю. НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: БОБОРЫКИНСКАЯ КУЛЬТУРА	268
Комиссаров С.А. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ТИБЕТА (эпохи камня – палеометалла)	271
Ларичев В.Е., Ефремов С.А. СИСТЕМЫ СЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРЕ НЕОЛИТА АЛТАЯ (по материалам пещеры Каминная)	274
Лычагина Е.Л. НЕОЛИТ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)	278
Макаров Н.П. НЕОЛИТ ЕНИСЕЯ	281
Марченко Ж.В. ДРЕВНЕЙШАЯ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНАЯ КЕРАМИКА БАРАБЫ	284
Медведев В.Е. О КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИАМУРЬЕ	288
Мельников И.В. О НОВОЙ ГРУППИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ЮЖНОМ ЗАОНЕЖЬЕ (КАРЕЛИЯ) (К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ – НЕОЛИТЕ БАСЕЙНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА)	292
Нестеров С.П. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ	295
Рыжкова О.В. ГОРБУНОВСКИЙ ТОРФЯНИК: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	299
Попов А.Н. СРЕДНИЙ НЕЛИТ В ПРИМОРЬЕ	302
Раков В.А., Бродянский Д.Л. РАКОВИННЫЕ КУЧИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ОСТАТКИ ДРЕВНЕЙШИХ УСТРИЧНЫХ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ	305
Собольникова Т.Н. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	308
Соловьёва Е.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОГУ	311

Табарев А.В.	
ПЛАСТИНЧАТЫЕ ТРАДИЦИИ В НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ	314
Усачева И.В.	
«УТЮЖКИ» КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ В VII–II ТЫС. ДО Н.Э.	317
Цыденова Н.В.	
КРАСНАЯ ГОРКА: ПАМЯТНИК РАННЕГО НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА (СЕВЕРО-ВОСТОК БУРЯТИИ)	320
Шевкомуд И.Я.	
ДРЕВНЕЙШИЙ НЕОЛИТ ХОККАЙДО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТАЙСО-3)	324
Шмидт А.В.	
НЕОЛИТ ПРИОБСКОГО ПЛАТО	328
Шорин А.Ф.	
О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «ЖЕРТВЕННЫХ ХОЛМОВ» СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА)	331
Юдин А.И.	
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НА РУБЕЖЕ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА	334
Яншина О.В.	
КЕРАМИКА СО СТОЯНКИ ЯНКИТО-1 (О. ИТУРУП)	337

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

Аношко О.М.	
О НАЛИЧИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У БАРХАТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ	340
Баранов М.Ю.	
КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА Р. БАЛИНСКАЯ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ И ЕГО КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ БАЛИНСКОЕ 1, 3, 8, 10)	343
Бобров В.В.	
«ЭНЕОЛИТ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)	347
Богданов С.В.	
ГЕНЕЗИС ПОЗДНЕЯМНЫХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ	350
Бородовский А.П., Соловьев А.И.	
«КОСТЯНЫЕ» ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СИБИРИ	353
Варенов А.В.	
КАРАСУКСКИЕ НОЖИ И КИНЖАЛЫ В ШАНСКОМ КИТАЕ	356
Григорьев С.А.	
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ПРОБЛЕМА АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ	359
Грушин С.П.	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НОЖИ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	362
Емельянова Ю.А.	
КЕРАМИКА СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА И ЕЕ МЕСТО В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИБАЙКАЛЬЯ	365
Жаронкин В.Н.	
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В МЕЖГОРНЫХ КОТЛОВИНАХ И ПРОБЛЕМА «ДОЖИВАЮЩИХ» КУЛЬТУР	369

Зах В.А., Зимина О.Ю.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ
В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ 372

Зубова А.В.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ 375

Ильюков Л.С.

КАМЕННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
И ПРОБЛЕМА ПОСТСРУБНОГО ПЛАСТА НА НИЖНЕМ ДОНУ 378

Калиева С.С., Логвин В.Н.

КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ III ТЫС. ДО Н.Э.
В СТЕПЯХ ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА 380

Карнышев И.С.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БЕРЕГА БОГУЧАНСКОЙ ГУБЫ 383

Кильдюшева А. А.

ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ ЖЕНЩИН
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 386

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
НАСЕЛЕНИЯ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ 389

Ковалева В.Т.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ:
ТАШКОВСКАЯ КУЛЬТУРА 393

Колбина А.В., Логвин А.В., Шевнина И.В., Калиева С.С.

ДОАНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
МОГИЛЬНИКА У ПОСЕЛЕНИЯ БЕСТАМАК 396

Коробкова Г.Ф.

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЭТАЛОННОГО ПОСЕЛЕНИЯ
ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ МИХАЙЛОВСКОЕ
(ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД) 399

Корочкова О.Н.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «АНДРОНОВСКОЙ» ИСТОРИОГРАФИИ 402

Костомаров В.М.

ПАХОМОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЗАУРАЛЬЯ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ 405

Кузнецов П.Ф.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ КОЛЕСНИЦ ЭПОХИ БРОЗЫ 408

Лопатин В.А.

ПЕСКОВАТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
И МОГИЛЬНИК СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
(К ВОПРОСУ О «КОМПЛЕКТАХ ПАМЯТНИКОВ») 411

Мандрыка П.В.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА
ЕНИСЕЙСКОГО ПРИАНГАРЯ 414

Массон В.М.

ФОРМИРОВАНИЕ, РАСЦВЕТ И УПАДОК БЛОКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ЕВРАЗИИ
(IV ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫС. Н.Э.) 418

Матвеев А.В., Волков Е.Н., Рыжкова Ю.В.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАСКОПОК
ХРИПУНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА 421

Моргунова Н.Л.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ
КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ В ПРИУРАЛЬЕ 424

Мосин В.С., Боталов С.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ)	427
Боталов С.Г., Мосин В.С. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)	430
Новиков А.Г. ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИБАЙКАЛЬЯ	433
Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В., Ливерс А.Р. ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ДЕМОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ХУЖИР-НУГЭ XIV (ОЗ. БАЙКАЛ)	436
Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН МУРАДЫМОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ	439
Папин Д.В. СТЕПНАЯ ПОЛОСА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ	442
Петрова Л.Ю. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СРУБНО-АЛАКУЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ	445
Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНООЗЕРСКОГО ТИПА В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ	447
Поляков А.В. О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛОВ КАРАСУКСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУР	449
Семенов В.А. МНОГОСЛОЙНЫЕ СТОЯНКИ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ ТУВЫ	452
Сидоренко Е.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ	455
Ситников С.М. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	458
Скаков А.Ю. ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ	461
Соколова Л.А. МНОГОКОМПОНЕНТНОСТЬ В ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ	464
Ставицкий В.В. ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА И ЮГА В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ	468
Степанова Н.Ф. К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ	471
Турецкий М.А. ПОГРЕБЕНИЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ С «МАСКОЙ» В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ	475
Фрибус А.В. К ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	478
Чикишева Т.А. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА-РАННЕЙ БРОНЗЫ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ	481

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Том I

Материалы Всероссийского археологического съезда

Статьи публикуются в авторской редакции,
иллюстрации и таблицы соответствуют авторским оригиналам

Технический редактор *Е.Н. Усольцева*
Дизайн обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 12.09.06. Бумага офсетная. Формат 60x84/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 57,2. Уч.-изд. л. 57,5.
Тираж 700. Заказ № 131. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.01.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева. 17.